РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ тринадцатый. ІЮЛЬ. 1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Евгенія Петровича Кашкина,** одного изъ сподвижниковъ Екатерины II. Рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1882.

VII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюля 1882 г.

М. Ю. Богдановичъ. Князь Курбскій. Драма. Спб. 1882. 77 стр. въ 8 д. л.

Первый драматическій опытъ нашего маститаго, всѣми уважаемаго военнаго историка, посвятившаго часы досуга воспроизведенію замѣчательной личности русскаго эмигранта XVI вѣка, прославившагося полемикою съ Иваномъ Грознымъ. Недостатки глубокой характеристики дѣйствующихъ лицъ драмы выкупаются гладкимъ стихомъ и весьма старательною попыткою воспроизвести духъ эпохи. Въ отношеніи сценическомъ драма не совсѣмъ удачна по недостатку дѣйствія и по эффектамъ, которыми уже пользовались другіе наши драматурги. Свиданіе Шибанова съ Іоанномъ IV (дѣйствіе 3, сцена 4) уже было представлено на сценѣ въ трагедіи гр. А. К. Толстаго. Между дѣйствіями должно предполагать нѣсколько лѣтъ антрактовъ, но акты годами не означены, что необходимо въ драматической хроникѣ. N.

Духоборцы. Ихъ исторія и вѣроученіе. Соч. Ореста Новицкаго. Изд. 2-е, передѣл. и дополн. Кіевъ, 1882. 282 стр. Ц. 2 р.

Еще въ 1832 г. вышло первое изданіе этого сочиненія, (въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ) и давно сдѣлалось библіографическою рѣдкостію. Съ тѣхъ поръ въ русской и даже въ иностранной литературѣ появилось не мало матеріаловъ, очерковъ и личныхъ наблюденій, касающихся этой важной секты въ исторіи русской религіозной жизни. «Ни одна изъ ересей, говоритъ авторъ, возникшихъ въ лонѣ нашей православной церкви, не уклонилась отъ нея такъ далеко, какъ ересь духоборческая; она коснулась почти всѣхъ догматовъ ея и мало по малу дошла до крайнихъ предѣловъ ихъ отрицанія. А между тѣмъ эта замѣчательная секта еще никѣмъ ни приведена въ извѣстность, никто вполнѣ не изслѣдовалъ историческихъ ея обстоятельствъ, не раскрылъ ея ученія, не обозначилъ ея характера: о ней знаютъ или по одному имени, или по частнымъ разсказамъ, не всегда вѣрнымъ». Между тѣмъ, она давно обращала на себя вниманіе даже иностранцевъ, главнымъ образомъ по нѣкоторымъ, сочувственнымъ имъ, чертамъ. Такъ, сочиненіе О. М. Новицкаго въ его первоначальномъ видѣ было переведено уже на нѣмецкій языкъ для извѣстнаго путешественника по Россіи, Гакстгаузена (стр. 173). Сочиненіе это впервые представляло систематическое изложеніе извѣстныхъ тогда свѣдѣній о происхожденіи и ученія духоборцевъ и потому обратило на себя вниманіе не только ученыхъ, интересующихся этимъ вопросомъ, но и самихъ сектантовъ, которые пріобрѣтали ее по высокой цѣнѣ (говорятъ по 50, даже 500 руб. за экземпляръ). Нѣкоторые считали поэтому самую книгу до извѣстной степени повинною въ распространеніи ихъ ученія и теперь автору приходится опровергать эти неосновательные доводы, повидимому полагающіе, что цензура могла бы предупредить самое распространеніе изучаемыхъ историческимъ путемъ мнѣній (стр. 169—191, 202—212).

Районъ, занятый послѣдователями этой секты, весьма обширенъ. Югъ Россіи особенно благопріятствовалъ распространенію духоборства. Оно быстро возрасло въ губерніяхъ харьковской и екатеринославской, затѣмъ въ тамбовской, а отсюда еще въ концѣ XVIII столѣтія распространилось въ землѣ донскихъ казаковъ, въ губерніяхъ херсонской, таврической, астраханской, курской, воронежской, пензенской, симбирской, саратовской, оренбургской и рязанской, а въ центрѣ Россіи— въ московской и тверской губ. Въ лицѣ ссыльныхъ, оно появилось на югѣ — въ Азовѣ, на западѣ—въ Ригѣ, Финляндіи и на ос. Эзелѣ, на сѣверѣ—въ губ. архангельской и на соловецкихъ островахъ; на дальнемъ сѣверо-востокѣ—въ губерніяхъ пермской, тобольской, иркутской, и на самомъ дальнемъ югѣ—на Кавказѣ. Что же касается ученія духоборцевъ, то авторъ настоящаго изслѣдованія видитъ въ немъ слѣдующіе элементы: 1) квакерскій; 2) мистическій, 3) нѣсколько элементовъ хлыстовскихъ и анабаптистическихъ и 4) практическое закрѣпленіе этихъ послѣднихъ въ духоборческой общинѣ. Послѣ Капустина (въ концѣ XVIII стол.) мы уже не встрѣчаемъ въ средѣ духоборцевъ ни выдающихся пропагандистовъ и дополнителей ихъ ученія, ни замѣчательныхъ организаторовъ ихъ общества, (стр. 31—37).

Въ своемъ изслѣдованіи авторъ представляетъ сводъ историческихъ данныхъ объ этой ереси, изложеніе ея ученія, раз-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XXXV.

1882.

Состав. П. Шереметъ. рис. А. Брожъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1882

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

[ТОМЪ XXXV].

ЕВГЕНІЙ ПЕТРОВИЧЪ КАШКИНЪ,

р. 1737 † 1796 г.

ОДИНЪ ИЗЪ СПОДВИЖНИКОВЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1881 Г.

ЕВГЕНІЙ ПЕТРОВИЧЪ КАШКИНЪ,

одинъ изъ сподвижниковъ Екатерины II.

1737—1796.

Личность преданнаго слуги Екатерины II, пользовавшагося ея довѣренностью за-долго до облеченія властью намѣстника, уже потому одному заслуживаетъ нашего вниманія, что скудные сами по себѣ отзывы о его характерѣ и правилахъ сводятся на совершенное отрицаніе нравственныхъ недостатковъ. Между тѣмъ, сказанія о всѣхъ вообще екатерининскихъ „орлахъ", выставляя ихъ людьми энергическими, указываютъ въ то же время на полный произволъ ихъ распоряженій, произволъ, зачастую, доходившій до самодурства. Отъ такой „энергіи" распоряжателей могло тяжело приходиться ни за что ни про что, и едва ли въ интересахъ дѣла, многимъ вовсе и не думавшимъ чему-либо мѣшать и во что бы то ни было мѣшаться. Тѣмъ не менѣе у екатерининскихъ дѣльцовъ бывали примѣры стиранія съ лица земли скорѣе бѣдняковъ, чѣмъ виноватыхъ. Они уничтожали ихъ просто по нежеланію вникнуть въ дѣло и подумать. Ни откуда ничего подобнаго такому энергическому проведенію мѣръ намъ не приходилось слышать о Кашкинѣ, къ винѣ котораго самые нерасположенные люди относили только не всегда удачный выборъ подчиненныхъ и довѣріе къ нимъ, не замѣчая, что это общее мѣсто и едва ли основательное обвиненіе при тогдашнемъ безлюдьи, на которое жаловались всѣ дѣльцы того времени. Екатерина II, отлично знавшая искусство выбирать людей, годныхъ для выполненія ея предначертаній, высоко цѣнила Кашкина. Она не дала его въ

обиду и своему любимцу Платону Зубову, когда обстоятельства дали возможность набросить на Кашкина нѣкоторую тѣнь и докладчикъ Державинъ прямо высказывался обвинителемъ Кашкина, какъ генералъ-губернатора. Продолженіе послѣ того службы Кашкинымъ, до самой смерти, которою предварилъ онъ великую монархиню лишь полумѣсяцемъ времени, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о значеніи и заслугахъ усерднаго слуги въ понятіи Екатерины II. Умъ въ Кашкинѣ признавали, впрочемъ, всѣ, сколько-нибудь его знавшіе. Примѣняя же умъ къ дѣлу, Кашкинъ достигалъ выгодныхъ результатовъ при выполненіи въ скорѣйшее время порученій, рано обративъ этимъ на себя вниманіе императрицы; это мы не разъ увидимъ, обозрѣвая служебную жизнь его и постепенное его возвышеніе. Оправдывая высочайшее довѣріе, Е. П. Кашкинъ усиливалъ свое значеніе, не вызывая явнымъ своимъ превосходствомъ зависти соперниковъ, вслѣдствіе этого не мѣшавшихъ ему дѣлать свое дѣло. Слѣдуетъ замѣтить еще и то, что онъ былъ, по своему времени, однимъ изъ образованныхъ людей, въ меценатство не пускался, а съ человѣкомъ, занятымъ наукою и литературою, любилъ дѣлить время глазъ на глазъ. какъ разсказываетъ о своихъ съ нимъ сношеніяхъ А. Т. Болотовъ. Въ вѣкъ пировъ, банкетовъ и роскошныхъ угощеній, Кашкинъ былъ только привѣтливый хлѣбосолъ. Другіе, имѣвшіе достатокъ не больше его, засѣвъ на намѣстничество, умѣли вытягивать черезъ своихъ преданныхъ слугъ изъ массы, ими управляемой, средства для роскошныхъ пировъ и праздниковъ. О Кашкинѣ не было слышно ничего подобнаго. Онъ жилъ умѣренно, не превышая своихъ средствъ, не дѣлая долговъ. Съ замѣчательнымъ тактомъ освоивался каждый разъ съ новымъ своимъ положеніемъ. И при дворѣ или на посту генералъ-губернатора, гдѣ необходимо было соблюсти этикетъ, онъ работалъ молча; отъ работъ не отказывался, на нихъ самъ не напрашивался и не кричалъ о содѣянномъ имъ или предпринимаемомъ. Этимъ отчасти объясняется скудость печатныхъ заявленій о немъ, какъ о правителѣ; даже по поводу открытія намѣстничествъ дѣйствія его не расписаны въ обычныхъ восхваленіяхъ журналовъ того времени. Это умалчиванье о себѣ и о своемъ дѣлѣ мы признаемъ характерною чертою Кашкина, отнюдь не случайностью, иначе трудно объяснить себѣ ту умѣренность, особенно по сравненію съ общимъ

потокомъ разглагольствій и восхваленій другихъ дѣятелей вѣка Екатерины.

О скромномъ, довѣренномъ слугѣ Екатерины II мы будемъ говорить безъ всякихъ прикрасъ, сообщая лишь немногіе, подлинные факты. Ограничиваясь точными извѣстіями, мы, однако, должны для основательнаго очертанія личности екатерининскаго генералъ-губернатора указать на родъ его и на положеніе при дворѣ. Этимъ отчасти выяснятся его отношенія къ государынѣ, дававшей порученія Кашкину лично, какъ человѣку близкому, не стѣсняясь родомъ услугъ, которыя отъ него требовались.

Въ первомъ томѣ „Русской Родословной книги“, изданной редакціею „Русской Старины“, на стр. 190—192, помѣщенное родословіе Кашкиныхъ начато съ отца Евгенія Петровича, не названнаго по отчеству, очевидно, по неимѣнію точныхъ свѣдѣній. Фамилія Кашкиныхъ, между тѣмъ, ведетъ свое начало отъ грека Корбуши, пріѣхавшаго съ невѣстою Ивана III княжной Софьею Ѳоминичной Палеологъ (1473 г.). Мы имѣемъ въ рукахъ родословіе, доставленное отцомъ Евгенія Петровича Кашкина, Петромъ Гавриловичемъ, и по этому родословію онъ самъ, родившійся въ 1694 г., значится въ XIII колѣнѣ отъ родоначальника; но 13 колѣнъ въ теченіе 200 лѣтъ допустить едва ли возможно, принимая никакъ не болѣе четырехъ поколѣній во сто лѣтъ. Кондратій Ивановичъ, прапрадѣдъ Петра Гавриловича, служившій при царѣ Михаилѣ, очевидно, родился еще въ XVI вѣкѣ, но отъ него еще восемь колѣнъ въ одномъ вѣкѣ допустить никакъ нельзя, и поэтому начало фамиліи, по крайней мѣрѣ, придется отдалить на вѣкъ назадъ, т. е. ко временамъ Донскаго, а не Ивана III. И родоначальники фамиліи именами своими [Аталыкъ, Армометъ и Корбуша(й)] напоминаютъ не грековъ, а вѣрнѣе выходцевъ восточныхъ, приходившихъ въ Москву служить уже со дней Калиты. Поэтому мы позволимъ себѣ ограничиться замѣткою, что родъ Кашкиныхъ начинается несравненно ранѣе, нежели какъ оно показано въ гербовникѣ; по количеству же колѣнъ отъ родоначальника, онъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Москвѣ, еще княжеской.

Родоначальникъ Кашкиныхъ Корбуша, какъ сказано въ родословіи, имѣлъ сына Ѳедора Кошку, отца Романова и дѣда Никиты Романовича, въ свою очередь имѣвшаго сына Ивана,

1*

отца Андреева и Алексѣева. У Андрея Ивановича Кашкина былъ сынъ Борисъ, внукъ Иванъ и правнуки Кондратій и Өедоръ Ивановичи. Кондратій Ивановичъ, служившій при царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ, имѣлъ сына Тихона, отца виднаго дѣятеля при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: то былъ Василій Тихоновичъ Кашкинъ, воевода въ Кокчайскѣ и на Балахнѣ; Василій Тихоновичъ до воеводства составилъ писцовыя книги: Воронежа, Лебедяни, Василя и Сапожка, состоя въ чинѣ стряпчаго. Царь Өедоръ возвелъ его въ стольники (1677 г.) и пожаловалъ помѣстьемъ въ Углицкомъ уѣздѣ. У Василія Тихоновича былъ бездѣтный сынъ Георгій и, значительно моложе старшаго, Гаврило, еще недоросль въ 1680 году. Гаврило при Петрѣ I былъ стольникомъ; потомъ офицеромъ въ полкахъ; убитъ въ началѣ Сѣверной войны (едва ли не подъ Нарвою въ 1700 г.). Василій Тихоновичъ пережилъ младшаго сына и представилъ на смотръ внука Петра Гавриловича, настолько обученнаго дома, что царь прямо велѣлъ записать его въ морскую академію. По экзамену произведенный въ гардемарины (1716), Петръ Гавриловичъ посланъ былъ заграницу, именно въ Венецію. Здѣсь, поступивъ на галеры въ эскадру храбраго генералъ-капитана Пизани, Петръ Кашкинъ участвовалъ въ дѣйствительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ венеціанскаго флота противъ турокъ. Въ бою 19-го іюля 1717 г. въ Эгейскомъ заливѣ, Кашкинъ отличился даже и раздѣлилъ славу побѣды христіанъ, которымъ покорились затѣмъ крѣпости Вотиза и Превеза. Все это было заявлено въ атестатѣ, данномъ Кашкину въ Корфу проведиторомъ Джорджіо Поскуалага, 18-го февраля 1719 г., когда по приказу царскому русскіе оставляли флотъ венеціанскій, для поступленія волонтерами въ Испанію, на бывшія королевскія парусныя суда. Возвратясь и оттуда съ одобреніемъ отъ учителей теоріи морскаго плаванія, Кашкинъ, съ товарищами, подвергся экзамену въ Петербургѣ, въ присутствіи Петра I, въ адмиралтействъ-коллегіи и удостоился чина подпоручика, въ которомъ прослужилъ съ 1-го іюля 1720 г. по 1729 годъ, хотя онъ у начальства былъ на хорошемъ счету. Это доказывается посылкою его въ Брянскъ строить галеры (съ 1726 по 1728 г.) и потомъ назначеніемъ въ распоряженіе нашего посла при шведскомъ дворѣ, въ Стокгольмѣ, 1731 г. По возвращеніи Кашкинъ былъ назначенъ въ Ревельскую эскадру и пробылъ тамъ до на-

чала войны съ турками, вызвавшей спѣшную стройку галеръ въ Брянскѣ, куда Кашкинъ былъ посланъ вторично на два года (1736—1738 гг.), а по взятіи Минихомъ Очакова, отплылъ съ галерами, сперва въ море, потомъ на стоянку къ острову Хортицѣ, гдѣ и докончилъ кампанію (1740 г.). За эти подвиги произведенный въ капитаны, Петръ Гавриловичъ Кашкинъ женился вскорѣ по производствѣ въ подпоручики и уже въ 1720 г. имѣлъ сына Аристарха. Въ бытность же въ походѣ противъ турокъ получилъ онъ письмо отъ жены, извѣщавшее о рожденіи младшаго сына, Евгенія, 12-го января 1737 г. въ углицкомъ родовомъ помѣстьи.

Въ бытность Кашкина капитаномъ ему выпало на долю идти съ галерами къ Выборгу (1741 г.) при правительствованіи Анны Леопольдовны, а при Елисаветѣ Петровнѣ (1742—1743 гг.) совершить обѣ кампаніи, въ Финскомъ заливѣ. По возвращеніи изъ второй кампаніи въ декабрѣ 1743 года, П. Г. Кашкинъ затѣялъ дѣло о пожалованіи ему дворянскаго герба, тянувшееся 30 лѣтъ. Изъ него нами извлечены всѣ вышеприведенныя подробности о Кашкиныхъ (кн. 20. 1773 г. Дѣла архива департамента герольдіи). Въ это время старшій сынъ Кашкина, Аристархъ Петровичъ, былъ камеръ-пажомъ императрицы, а младшій, Евгеній, только началъ учиться. Аристархъ Кашкинъ составилъ себѣ партію, впослѣдствіи доставившую ему прочную протекцію при дворѣ, безъ чего тогда не обходилось. Благодаря связямъ Аристарха въ кругу ближайшихъ домочадцевъ императрицы, онъ оказалъ поддержку и брату Евгенію, когда тотъ, пройдя блистательно курсъ шляхетнаго корпуса, 17-ти лѣтъ отъ роду, получилъ чинъ сержанта, и готовился вступить въ службу. На превосходное знаніе языковъ и упражненія въ словесности сержанта Кашкина, близкіе люди умѣли кому слѣдуетъ благовременно указать и счастье улыбнулось юношѣ. Степанъ Θедоровичъ Апраксинъ, отправляясь командовать нашими войсками противъ короля прусскаго, взялъ Е. Кашкина въ чинѣ поручика прямо, „для дѣлъ, производящихся на иностранныхъ языкахъ, въ его канцеляріи“ (вмѣстѣ съ Степаномъ Матвѣевичемъ Ржевскимъ, бывшимъ старше Кашкина 5-ю годами). Попасть со школьной скамьи на такой видный постъ (приказъ 17-го сентября 1756 г.) было лестно для 19-ти лѣтняго юноши и его способности вскорѣ были оцѣнены. Послѣ смерти

Апраксина, графъ З. Гр. Чернышевъ взялъ Кашкина къ себѣ и съ того времени до конца жизни питалъ къ нему чувство дружбы. По взятіи Швейдница Чернышевъ послалъ Кашкина съ донесеніемъ къ императрицѣ и такъ лестно аттестовалъ своего посланнаго, что Кашкинъ, въ четыре года уже дослужившійся до чина премьеръ-маіора, получилъ приэтомъ въ награду тысячу рублей (4-го октября 1761 г.), сумму, по тому времени значительную. Это было за два мѣсяца до кончины императрицы Елисаветы Петровны. При Петрѣ III полкъ, въ которомъ служилъ Кашкинъ (Ярославскій), не дошелъ до столицы и при воцареніи Екатерины стоялъ въ Эстляндіи; затѣмъ переведенъ въ Нарву. Что дѣлалъ Кашкинъ въ первые два года новаго царствованія— намъ неизвѣстно, но онъ былъ произведенъ въ подполковники. Въ этомъ чинѣ онъ привозилъ Екатеринѣ II первыя бумаги по слѣдствію о преступленіи Мировича въ Шлиссельбургской крѣпости, въ ночь съ 4-го на 5-е число іюля 1764 года.

Екатерина II изъ Риги писала гр. Н. И. Панину отъ 14-го іюля: „Никита Ивановичъ! Господинъ Кашкинъ повезъ къ вамъ три мои письма... до вашихъ рукъ неотмѣнно дошелъ уже указъ мой Веймарну, которому придайте Кашкина, дабы какое несходство не произошло: никто лучше сего послѣдняго дѣла изъяснить не можетъ“. Столь лестная рекомендація имѣла важное значеніе, свидѣтельствуя, что рекомендуемый извѣстенъ государынѣ съ самой выгодной стороны. Въ другомъ письмѣ 22-го іюля изъ Гостилицъ, Екатерина писала Панину:

„Вчерашнее число получила я, между Нарвою и здѣшнимъ мѣстомъ, вопросы и отвѣты извѣстнаго злодѣя чрезъ подполковника Кашкина; кажется дѣло гладко. Я весьма господину Кашкину рекомендовала, чтобы безъ крайности не прибѣгнуть къ строгости“... (стр. 358—60 кн. сбор. „Восемнадцатый вѣкъ“). Въ манифестѣ 17-го августа говорится, что Панинъ послалъ съ Кашкинымъ „на первый случай такія наставленія (что дѣлать въ Шлиссельбургѣ при ужасномъ происшествіи), которыя могли обнадежить возстановляемую на мѣстѣ тишину и спокойствіе“, стало быть подполковникъ Кашкинъ находился въ ту пору въ Петербургѣ, если еще не состоялъ при лицѣ посылавшаго.

Участіе въ слѣдствіи по дѣлу Мировича, такому способному человѣку, какъ Евгеній Петровичъ Кашкинъ, давало еще не много

простора для его способностей, но оно послужило поводомъ къ повышенію его въ полковники и командиры Ярославскаго полка. Годъ процесса Мировича памятенъ былъ для Евгенія Петровича Кашкина по тяжелой потерѣ: апрѣля 1-го 1764 г. скончался семидесятилѣтній его родитель, до самой смерти исполнявшій обязанности командира галернаго флота въ С.-Петербургѣ, въ чинѣ контръ-адмирала. Онъ еще былъ бодръ и свѣжъ въ семилѣтнюю войну, способствовавшую карьерѣ его младшаго сына. Петръ Гавриловичъ Кашкинъ во время прусской кампаніи перевозилъ войска въ Курляндію и строилъ въ Либавѣ гребныя суда и парусные транспорты для хожденія по Куришгафу. Послѣдняя заслуга доставила ему контръ-адмиральскій чинъ и начальствованіе надъ галерною эскадрою въ С.-Петербургѣ. Евгеній Петровичъ Кашкинъ въ 1765 г., во время большихъ маневровъ, состоялъ со своимъ полкомъ во 2-й дивизіи, подъ командою князя Александра Михайловича Голицына, вниманіе котораго онъ обратилъ на себя, повидимому, до поступленія подъ его начальство въ турецкую войну 1768 года. Эта первая война съ турками въ царствованіе Екатерины застигла насъ почти въ расплохъ, вслѣдствіе безпечности графа Никиты Ивановича Панина, который не придавалъ никакого значенія сообщеніямъ пословъ о готовившихся коалиціяхъ противъ Россіи. Не удивительно, что оплошность подобнаго рода лишила министра прежняго высокаго мнѣнія государыни о его непогрѣшимости и о самыхъ способностяхъ. Замѣтивъ послѣ того перемѣну въ расположеніи къ нему государыни, Панинъ надѣялся воротить прежнее благоволеніе новыми хитрыми происками, враждебно относясь ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ онъ воображалъ своими противниками. Чернышевы, державшіе сторону силы и вліянія, въ лицѣ Орловыхъ, разумѣется, были первыми, противъ которыхъ Панинъ и братъ его, генералъ Петръ Ивановичъ, начали дѣйствовать. Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ былъ сторонникомъ Захара Чернышева и потому на медленность успѣховъ второй арміи въ 1769 г. Панинъ указывалъ съ самой враждебной стороны, чѣмъ и вызвалъ смѣну главнокомандующаго, именно въ то время, когда рядъ блистательныхъ успѣховъ увѣнчалъ труды и усилія завоевателя Хотина. Екатерина сдѣлала, впрочемъ, лучшую замѣну Голицына—Румянцевымъ; князя же Александра Михайловича, про-

тивъ ожиданій завистниковъ его, Паниныхъ, возвела въ фельдмаршалы, нанеся тѣмъ ударъ самолюбію Петра Панина, брата воспитателя наслѣдника.

Въ кампанію 1769 года Кашкинъ, со своимъ Ярославскимъ полкомъ, отличился въ одномъ дѣлѣ. Бывшій начальникъ Кашкина въ Пруссіи, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, управлявшій тогда военною коллегіею, въ письмѣ отъ 22-го сентября 1769 г., очень лестно оцѣнилъ его заслуги, сообщая о повышеніи Кашкина:

„По особливому моему къ вамъ усердію, весьма пріятно мнѣ было слышать здѣсь отдаваемую справедливость заслугамъ вашимъ, которыя вы отличною храбростью, мужествомъ и отмѣннымъ въ военномъ дѣлѣ искусствомъ, предводительствуя порученнымъ вамъ войскомъ, при атакѣ съ 5-го на 6-е число сего мѣсяца непріятельскаго лагеря, и одержаніемъ совершенной надъ непріятелемъ побѣды, оказали. Не съ меньшимъ же удовольствіемъ и порадованіемъ имѣю я теперь честь принести вамъ и поздравленіе съ полученною отъ ея величества милостью, пожалованіемъ васъ въ бригадиры, какъ съ отмѣннымъ опытомъ монаршаго къ вамъ благоволенія“...

Благоволеніе это скоро выразилось очень ясно. Отличившись въ бою, Кашкинъ получилъ тяжелую рану и былъ отвезенъ изъ арміи въ мѣст. Полонное, гдѣ находился большой госпиталь. Попавъ туда и находя мѣстное леченіе небрежнымъ, вновь пожалованный бригадиръ просилъ увольненія по неспособности нести службу до полнаго выздоровленія, казавшагося крайне сомнительнымъ. Съ сожалѣніемъ выразивъ согласіе на увольненіе раненаго, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ (отъ 26-го сентября) въ письмѣ своемъ къ нему, оставилъ на его волю формально писать въ коллегію или къ нему и увольненіе къ концу года состоялось. Когда же бумага поступила на высочайшую конфирмацію, Екатерина сочла возможнымъ согласить доставленіе средствъ къ излеченію раны Кашкина въ столицѣ съ оставленіемъ его на службѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ получилъ 8-го января 1770 г. слѣдующее письмо съ собственноручною подписью государыни:

„Евгеній Петровичъ! Сего января 1-го дня взяла я васъ въ Семеновской полкъ въ премьеръ-маіоры. А какъ я при томъ знаю

и болѣзнь вашу, отъ полученной раны, и домашнее состояніе ваше, то желаю только, чтобы вы скоряе выздоровѣли, а впрочемъ, вы можете надѣяться, что я васъ не оставлю. Екатерина".

Это неоставленіе выразилось спустя семь мѣсяцевъ, когда рана Евгенія Петровича, при тщательномъ уходѣ, совсѣмъ закрылась и онъ получилъ полную возможность употреблять на пользу службы свои способности.

Изъ Царскаго Села, 16-го августа 1770 г., Екатерина II съ собственноручною подписью и въ одномъ мѣстѣ поправкою (слова и прочихъ) послала Е. П. Кашкину имянной указъ, возлагая на него порученіе встрѣтить брата прусскаго короля.

„Если вамъ для встрѣчи ѣдущаго сюда прусскаго принца Генриха что потребно будетъ сверхъ того, что отсюда уже отправлено [1]), то имѣете вытребовать, какъ отъ Эстляндскаго г. генералъ-губернатора, такъ и отъ воинскихъ и прочихъ командировъ, о чемъ первый отъ насъ повелѣніе уже имѣетъ, а послѣднимъ чрезъ сіе требованіе вамъ исполнять повелѣваемъ. Екатерина".

Спустя семь дней, выяснилось, что черезъ Эстляндію принцу Генриху ѣхать не придется, такъ какъ онъ, желая ознакомиться съ сѣверною природою, рѣшился ѣхать изъ Стокгольма, переправиться въ Або, а отсюда доѣхать до Петербурга по сѣверному берегу Финскаго залива. Извѣстясь объ этомъ рѣшеніи принца и о замедленіи самаго выѣзда Генриха, прогостившаго больше въ Швеціи у королевы, сестры своей, Екатерина II сообщила о томъ Кашкину слѣдующимъ письмомъ, изготовленнымъ Елагинымъ, съ собственноручною государыни припискою четырехъ послѣднихъ строкъ, кромѣ подписи и числа (23-го августа 1770 г.):

„Евгеній Петровичъ! вчерашній день я увѣдомилась чрезъ письмо отъ самаго принца Генриха, что онъ намѣренъ сюда ѣхать

---

[1]) Намекъ на распоряженіе, какъ и это письмо, все собственноручно написанное государынею, помѣщенное на стр. 433-й, 10-го тома сборника русскаго историческаго общества:

„1) Послать яхты „Екатерина", „Алексѣй" и „Петергофъ" въ Ревель.

„2) На нихъ посадить, какъ придворную кухню, такъ и погребъ, и нѣсколько служителей и на нихъ поѣдетъ гвардіи маіоръ Кашкинъ на встрѣчу.

„3) Изъ Ревеля они выѣдутъ въ конвоѣ одного военнаго корабля.

„4) Три кареты дворцовыя и три коляски послать отселѣ до Ревеля и по сто лошадей на станціи поставить".

чрезъ Финляндію и для того вы можете возвратиться сюда и отпустить яхту „Екатерину" въ Кронштадтъ, а прочія въ Петербургъ, дабы они явились въ своихъ командахъ. Экипажъ, также и прочее, все прикажите возвратить и лошадей распустить, о чемъ и генералъ-губернатору принцу фонъ-Голштейнъ Бекъ дайте знать; впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

„Принцъ выедитъ изъ Стокголнъ 9-го сентября по старому штилю".

Затѣмъ, еще разъ, отъ 19-го сентября, государыня почтила Кашкина собственноручнымъ письмомъ съ присылкою реляціи о Чесмѣ, которымъ, какъ должно полагать, оставила Кашкина ожидать принца Генриха въ Выборгѣ [1]). Вѣроятно присылкою реляціи о чесменскомъ боѣ Екатерина желала поставить гостя своего, при самомъ въѣздѣ въ ея владѣнія, въ положеніе, далекое отъ видовъ и предположеній берлинской дипломатіи, выбравшей именно это время для посѣщенія Россіи принцемъ съ цѣлью предложить прусское посредничество для заключенія мира съ турками. По словамъ враждебныхъ намъ вѣстовщиковъ, не мы, а турки являлись героями и побѣдителями. Между тѣмъ, письмо державной корреспондентки съ сообщеніемъ побѣдной вѣсти, разстроивало всѣ планы принца Генриха. Оно заставляло его не только измѣнить тонъ, но чуть ли и вовсе не отложить свою дипломатическую кампанію въ формѣ дружескихъ совѣтовъ, подсказываемыхъ дальновиднымъ Фридрихомъ II, ничего не дѣлавшимъ безъ своекорыстныхъ разсчетовъ.

„Евгеній Петровичъ! при семъ прилагаю печатанный переводъ реляціи графа Орлова о морской побѣдѣ, также копію съ письма того же графа къ І. І. Бетскому и желаю вамъ здравствовать. Екатерина".

Можно представить какъ пораженъ былъ дипломатъ при сообщеніи подробностей, уничтожавшихъ увѣренность въ мужество

---

[1]) Бибиковъ былъ посланъ на встрѣчу принцу въ Фридрихсгамъ, гдѣ тоже находилась кухня и погребъ. А если реляція адресована не къ нему, а къ Кашкину, то ясно, что и онъ не былъ исключенъ изъ штата встрѣчи, но не могъ быть въ одномъ мѣстѣ съ Бибиковымъ, иначе опять не было надобности писать къ нему, помимо Бибикова. Предполагая же, что Кашкинъ встрѣтитъ принца ранѣе, на дорогѣ, было весьма основательно и его снабдить реляціею. П. П.

турокъ и неистощимость средствъ султанскаго величества, русскими лишеннаго флота. Не даромъ такъ медленно и ѣхалъ отъ Выборга принцъ Генрихъ, прибывшій въ Петербургъ лишь въ послѣдній день сентября 1770 года. Екатерина помѣстила его въ канцлерскомъ домѣ (нынѣ пажескій корпусъ, бывшій дворецъ канцлера гр. Мих. Ларіоновича Воронцова). Давъ не спѣшившему дипломату еще два дня на размышленіе, императрица назначила ему торжественную аудіенцію 20-го октября. Принца провезли въ придворной каретѣ по Невскому проспекту, въ Зимній дворецъ, между рядами войска, которое наглядно могло убѣдить гостя, что войскъ и въ столицѣ довольно. Шествіе открывали по церемоніалу придворные служители; затѣмъ въ четвертой по порядку каретѣ ѣхалъ съ принцемъ назначенный гофмаршаломъ при немъ, генералъ Александръ Ильичъ Бибиковъ, тогда какъ въ передней каретѣ сидѣли камеръ-юнкеры Ст. Ст. Зиновьевъ и графъ Ал. Кирил. Разумовскій; во второй - посланникъ прусскій, графъ Сольмсъ, съ главными чинами прусской свиты, а въ третьей ѣхала остальная свита принца Генриха. У подъѣзда зимняго дворца поѣздъ встрѣтили гофъ-фурьеры, а въ залѣ кавалеровъ ожидалъ принца графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій, проводившій его высочество въ аудіенцъ-залу, гдѣ Генрихъ былъ принятъ императрицею, при которой находилась оберъ-гофмейстерина, графиня Анна Карловна Воронцова, неразлучная въ то время съ государыней. Послѣ аудіенціи, имѣвшей вполнѣ дружественный характеръ свиданія съ близкою особою, принцъ былъ приглашенъ въ кавалергардскую залу къ столу, накрытому на 26 кувертовъ. Съ государынею, великимъ княземъ и принцемъ обѣдали здѣсь, за однимъ столомъ, трое прусскихъ кавалеровъ (6-мъ сидѣлъ графъ Гордтъ). Принцъ посаженъ былъ съ правой руки государыни, имѣя подлѣ себя графиню Анну Карловну Воронцову, съ лѣвой. На другой день послѣ торжественной встрѣчи (3-го октября, въ воскресенье), принцъ былъ приглашенъ во дворецъ къ обѣднѣ, которую служилъ архіепископъ Гавріилъ и послѣ богослуженія говорилъ рѣчь, обращаясь къ высокому гостю. На слѣдующій день отправлено было при дворѣ торжественное молебствіе о взятіи Бендеръ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. За столомъ императрица предложила принцу первый тостъ за здоровье покорителя грозной ту-

рецкой твердыни. Это принято было гостемъ съ напускнымъ восторгомъ, которымъ, какъ легко можно было замѣтить со стороны, прикрывалась неловкость положенія: необходимо было расточать только похвалы, за неимѣніемъ изъ Берлина новыхъ инструкцій, такъ какъ заранѣе подготовленное пришлось оставить втунѣ.

Екатерина II, довольная тѣмъ, что гость ея былъ озадаченъ, предлагала ему черезъ день—то спектакль, то маскарадъ, лишая возможности заикнуться о политикѣ, въ ролѣ непрошеннаго миротворца. Почти ежедневно принцъ Генрихъ былъ приглашаемъ къ обѣду съ императрицею, которую каждый разъ окружалъ интимный кружокъ другихъ приглашенныхъ. То были лица близкія, пользовавшіяся или давнимъ своимъ высокимъ положеніемъ, или возникающимъ значеніемъ. Изъ послѣднихъ, т. е. дѣятелей близкаго будущаго, съ 14-го октября стали приглашаться на обѣды: генералъ-маіоръ Потемкинъ (будущій свѣтлѣйшій) и Евгеній Петровичъ Кашкинъ, маіоръ лейбъ-гвардіи. Считать его силою дѣйствительною покуда никто еще не думалъ; но привычка встрѣчать его между лицами интимнаго кружка заставляла, однако, смотрѣть на Кашкина многихъ изъ знати, какъ на восходящую звѣзду, которой вѣроятно суждено блистать съ возрастающею силою. Нахожденіе Кашкина въ числѣ состоявшихъ при принцѣ Генрихѣ само по себѣ не могло быть, разумѣется, поводомъ къ допущенію его въ кружокъ 15-ти избранныхъ, обѣдавшихъ съ гостемъ и императрицею.

Принцъ Генрихъ, увеселяемый и угощаемый, велъ, между тѣмъ, дѣятельно корреспонденцію съ Берлиномъ и вѣроятно не по своей волѣ, и не ради пріятности угощенія, провелъ въ этотъ пріѣздъ при русскомъ дворѣ чуть не четыре мѣсяца, оставивъ сѣверную столицу только въ ночь на 20-е января 1771 г. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣды съ принцемъ, кромѣ разговоровъ за столомъ, давали возможность продолжать бесѣды и въ гостиной за кофе. Екатерина II обладала высокимъ искусствомъ узнавать вѣрно человѣка въ бесѣдѣ запросто. Приглашеніе къ обѣду Кашкина всего вѣроятнѣе было дѣлаемо великою монархинею съ цѣлью поглубже вникнуть: каковъ человѣкъ, произведенный ею въ важный чинъ премьеръ-маіора Семеновскаго полка; тамъ надъ нимъ стояли только два подполковника, полные генералы (Вадков-

скій и графъ Брюсъ), самому полковнику, т. е. императрицѣ, люди хорошо извѣстные.

На предварительномъ испытаніи въ разговорахъ, Кашкинъ вѣроятно найденъ былъ окончательно способнымъ на порученія—повѣрять: въ дѣйствительности вѣрны ли представляемыя ея величеству донесенія о неблаговидныхъ дѣяніяхъ, за которыя прямо предавать суду было и неловко, и безцѣльно. Испытаніе на дѣлѣ умѣнья Кашкинымъ вести дѣла щекотливаго свойства не замедлило почти вслѣдъ за отъѣздомъ принца Генриха. Гость уѣхалъ со среды на четвергъ на сплошной недѣлѣ; слѣдующая недѣля передъ масляницею была рядомъ маскарадовъ и спектаклей. Не меньше весело проведена была масляница; на первой недѣлѣ поста государыня отговѣла, а на второй недѣлѣ въ пятницу, 18-го февраля 1771 г., данъ былъ именной указъ Кашкину:

„По принесенной намъ отъ дворянина Евдокима Демидова жалобѣ, въ которой онъ прописываетъ, что оберъ-кригсъ-комисаръ Позняковъ всѣмъ недвижимымъ бездѣтнаго и почти умалишеннаго брата его Алексѣя Демидова имѣніемъ овладѣлъ, заблагоразсудили мы учинить слѣдствіе. Въ семъ намѣреніи, избравъ васъ къ производству онаго, повелѣваемъ вамъ разсмотрѣть сіе дѣло обще нашей лейбъ-гвардіи съ капитаномъ Семичевымъ и поручикомъ Мавринымъ по самой справедливости, невзирая ни на какія зависящія отъ того обстоятельства и представить намъ оное въ точномъ его существѣ“.

„Существо дѣло“ представляло такія обстоятельства, которыя при самомъ приступѣ къ разбору заставляли считать искъ Евдокима Никитича Демидова, по меньшей мѣрѣ, позднимъ. Съ братомъ Алексѣемъ Никитичемъ раздѣлился онъ давно; каждый изъ братьевъ владѣлъ своею частью, не давая, разумѣется, отчета никому. Женился Алексѣй Никитичъ на привлекательной и ловкой особѣ, Пелагеѣ Ивановнѣ N. N., которая, выходя за человѣка состоятельнаго и слабаго во всѣхъ отношеніяхъ, заранѣе составила планъ своихъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью прибрать къ своимъ рукамъ все, что приходилось на часть ея мужа. Опытнымъ руководителемъ Пелагеи Ивановны, по мужѣ Демидовой, оказался давнишній другъ ея, Иванъ Андреяновичъ Позняковъ, съ которымъ связь ея никогда не прекращалась, хотя они оба вели себя умно, не навлекая подозрѣній. На первыхъ порахъ, едва ли еще

не передъ вѣнцомъ, восчувствовавшій къ Пелагеѣ Ивановнѣ сильную страсть, Алексѣй Никитичъ подписалъ передачу ей всего, что ему принадлежало. Условіе это было совершено законнымъ порядкомъ. Дѣйствія слѣдователей поэтому сначала наткнулись на камень преткновенія, разомъ измѣнившій весь ходъ процесса. Въ результатѣ слѣдованія оказалось взятіе отъ Познякова подписки въ томъ, что онъ ни подъ какимъ видомъ мѣшаться въ дѣло Алексѣя Демидова не будетъ; но сущность процесса ничего отъ этого не выиграла. Алексѣй Никитичъ и послѣ 1771 года продолжалъ не видаться съ братомъ Евдокимомъ, переживъ его четырьмя годами. По смерти своего супруга, Пелагея Ивановна сочеталась законнымъ бракомъ съ Иваномъ Андреяновичемъ Позняковымъ, 26-го апрѣля 1786 г., въ церкви Успѣнія въ Казачей, не смотря на запрещеніе вѣнчать эту пару, что было заранѣе предусмотрѣно. Вѣнчавшій Позняковыхъ священникъ былъ подвергнутъ взысканію (или лучше сказать не подвергнутъ: оттоворились незнаніемъ запрета, такъ какъ предписанія почему-то въ церковь не было послано, очень вѣроятно не даромъ). Позняковъ былъ только переведенъ на службу изъ одной столицы въ другую и зажилъ въ Бѣлокаменной въ приходѣ Флора и Лавра, близь Мясницкой, въ собственномъ домѣ. У Демидовыхъ наслѣдство Алексѣя Никитича ускользнуло безслѣдно. По всей вѣроятности слѣдствіе о Позняковѣ и его вліяніе на Алексѣя Никитича Демидова, нами выясненное, занимало Евгенія Петровича Кашкина не долго. Екатерина II дала ему иную дѣятельность поважнѣе и посущественнѣе, гдѣ проигрыша, какъ извѣстно, не послѣдовало. Результаты получились такіе, какіе ожидались и желались при порученіи коммисіи не просто маіору гвардіи, но уже повышенному изъ бригадировъ въ генералъ-маіоры.

Чрезвычайный совѣтъ изъ 9-ти довѣренныхъ сановниковъ, учрежденный въ 1768 г. (4-го ноября) для принятія мѣръ, вызываемыхъ борьбою съ турками и польскими конфедератами, 2-го августа 1771 г. обсуждалъ приведеніе въ исполненіе договора о 1-мъ раздѣлѣ Польши. Для безпрепятственнаго проведенія пограничной черты по новому раздѣленію, отъ второй арміи отдѣленъ былъ корпусъ на польскія границы подъ командою А. И. Бибикова. „На этотъ корпусъ возложено было: занять всѣ присвоиваемыя конвенціею (между 3-мя державами) мѣста“ и не допу-

скать „мятежниковъ польскихъ за семь миль отъ оныхъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ, посланный для обереганія границъ, долженъ былъ „охранять и всѣ оныя земли какъ наши собственныя". На границу „для охраненія ея отъ возмутителей польскихъ", рѣшено было послать Кашкина и Н. И. Панинъ читалъ проектъ инструкцій для него (Архивъ государ. сов. т. I, часть 1, стр. 100—101), которыя изложены въ слѣдующемъ имянномъ указѣ, данномъ ему, за собственноручною подписью Екатерины, 3-го августа:

„По дошедшимъ къ намъ донесеніямъ изъ разныхъ мѣстъ, извѣстно, что изъ польскихъ мятежниковъ разныя, хотя и небольшія партіи составляясь въ Литвѣ оказываются и таскаются не подалеку отъ границъ нашихъ. Для чего и повелѣваемъ вамъ ѣхать отсель и принять въ полное командованіе ваше въ Литвѣ и на границѣ находящіяся войска, которыя въ приложенномъ къ вамъ при семъ росписаніи назначены [1]) и оными стараться вамъ не только границу нашу, къ Литвѣ прилегшую, отъ всѣхъ безпокойствъ и набѣговъ охранить, но и оказавшихся польскихъ мятяжниковъ разогнать и истребить, дабы оные не только близь границы нашей находиться и оной какой вредъ или безпокойства произвесть не были въ состояніи, но стѣснять и истреблять ихъ такъ, чтобы по крайней мѣрѣ ближе 10 миль отъ оной, конечно, быть не могли. Входя и въ польскую область не далѣе предписаннаго отъ границы разстоянія съ войсками команды вашей и посылая деташменты, дѣлая надъ возмутителями поиски, имѣете вы во всякомъ надобномъ обстоятельствѣ увѣдомлять посла нашего при польскомъ дворѣ находящагося, тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Сальдерна и командующаго тамъ генералъ-поручика Бибикова; равно и съ тѣми воинскими командирами сноситься, кои подъ командою послѣдняго въ Литвѣ съ деташментами по разнымъ мѣстамъ находятся и отъ коихъ бы иногда къ истребленію возмутителей съ вашими командами вообще какое движеніе и оборотъ былъ нуженъ. О всѣхъ же вами произведенныхъ надъ возмутителями поискахъ и воинскихъ оборотахъ имѣете вы доносить намъ. Нашей же военной коллегіи повелѣли мы всѣ тѣ

---

[1]) При подлинномъ документѣ, бывшемъ въ ред. „Русской Старины", росписанія не оказалось. П. П.

войска, кои въ приложенномъ при семъ росписаніи назначены, вручить въ командованіе ваше, снабдя васъ всѣмъ потребнымъ для сего намѣренія нужнымъ распоряженіемъ, дабы вы съ успѣхомъ исполнить могли возлагаемое на васъ дѣло. Вы, очистивъ вышеприведеннымъ образомъ границы наши отъ мятежниковъ, и когда ихъ нигдѣ ближе 10 миль отъ границъ находиться не будетъ, имѣете взятыя изъ границъ команды возвратить въ ихъ прежнія мѣста, а сами возвратиться ко двору нашему.

„На дорогу и на экипажъ вашъ, жалуемъ вамъ тысячу рублевъ, да тысячу же рублевъ опредѣляемъ вамъ на чрезвычайныя по коммисіи вашей расходы. Екатерина".

Подробностей о дѣйствіяхъ Кашкина мы не имѣемъ подъ рукою, далѣе донесенія отъ 30-го августа, читаннаго въ совѣтѣ 5-го сентября, о выступленіи изъ Курляндіи къ литовской границѣ. Вѣроятно посылка его состоялась ради предосторожности, а дѣло по границѣ нашей не доходило до употребленія оружія. Поэтому, когда выяснилось, что опасность, казавшаяся вѣроятною, въ дѣйствительности совсѣмъ не существовала и не могла существовать, 8-го ноября того же 1771 г., новымъ имяннымъ указомъ за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ, Кашкинъ былъ отозванъ въ столицу съ изъявленіемъ ему монаршаго удовольствія „за порядочное исправленіе коммисіи", ему поручавшейся.

Въ январѣ 1772 г. Кашкинъ былъ уже въ Петербургѣ. 23-го и 29-го числа того же мѣсяца онъ обѣдалъ у императрицы, вмѣстѣ съ адмираломъ Чарльсомъ Нольсъ (Knowles), англичаниномъ, опредѣленнымъ въ русскую службу въ 1771 г. и тогда же принятымъ въ кружокъ избраннаго общества государыни. Императрица пожаловала дочь его во фрейлины и миссъ Нольсъ часто обѣдала съ ея величествомъ при 15 и 17 персонахъ, интимнаго кружка. По ходу дѣлъ оказалось, что пораженія, понесенныя въ 1770 г. турками отъ нашей арміи и флота, при недоброжелательствѣ европейскихъ державъ, особенно Франціи, еще и въ 1771 г. не привели къ желанному миру. И при явномъ изнеможеніи Порты, онъ нисколько не казался близкимъ. Дабы ускорить заключеніе мира, Екатерина думала нанести Портѣ сильный ударъ и остановилась на мысли двинуть на Константинополь съ Дуная корпусъ, который своимъ появленіемъ произвелъ бы переполохъ.

Страхъ приближенія къ столицѣ могъ привести къ немедленному и выгодному для насъ миру. Въ совѣтѣ, 24-го января 1772 г., генералъ-фельдцейхмейстеръ Орловъ подалъ мысль двинуть корпусъ съ Дуная на Варну, а оттуда войска моремъ подвезти къ Константинополю. Мысль Григорья Григорьевича Орлова, за уничтоженіемъ турецкаго флота, казалась удобоисполнимою, но для ускоренія движенія отъ Варны нужно было имѣть намъ много транспортныхъ судовъ на Дунаѣ. Между тѣмъ, въ наличности ихъ оказывалось очень ограниченное число и необходимо было поспѣшить постройкою новыхъ. Предложеніе Орлова вѣроятно не было вдохновенною импровизаціею: эта мысль шла непосредственно отъ самой государыни. Это было поручено только высказать Орлову, чтобы совѣтъ могъ свободнѣе обсудить предложеніе, безъ всякихъ стѣсненій заявляя о неудобствахъ. При выраженіи самою государынею ея мысли она могла не услышать или услышать лишь вскользь о существующихъ неудобствахъ. Допуская это предположеніе, во всякомъ случаѣ близкое къ истинѣ, мы поймемъ, что приглашеніе къ обѣду Кашкина совмѣстно съ Нольсомъ (съ 23-го января) имѣло значеніе надобности сблизить этихъ людей, которые должны были вмѣстѣ дѣйствовать и помогать другъ другу, какъ выражено было въ именномъ указѣ Кашкину отъ 8-го февраля 1772 г:

„Мы всемилостивѣйше за благо разсудили для пользы службы нашей, знавъ ваше усердіе и неутомленную ревность къ исполненію всего того, что мы вамъ поручали, послать васъ нынѣ съ нашимъ адмираломъ Шарль Нольсомъ, которому мы поручили на Дунаѣ строить, по его усмотрѣнію, нужныя суда для экспедиціи, кою мы намѣрены предпринять для поспѣшенія мира, и для того за нужно почли предписать вамъ слѣдующее: 1) По усмотрѣнію помянутаго адмирала и по опредѣляемомъ имъ строеніи, равно и по другимъ для сей экспедиціи разнымъ для пользы службы надобностямъ, и его требованіямъ и приказаніямъ, вы, будучи при немъ, имѣете стараться всячески, колико возможность въ томъ будетъ, преодолѣвать и облегчать всѣ тѣ трудности, кои сему нашему намѣренію могли бы повстрѣчаться и оному сдѣлать остановку или помѣшательство. Имѣвъ всегда въ виду, однако же, что всѣ части службы равно для оной нужны, и для того размѣряя по сему способы, всегда избирать имѣете тѣ, кои

менѣе другихъ отяготительны будутъ, и скоряе къ окончанію приведутъ ему порученное. Однимъ словомъ, службѣ нашей въ семъ дѣлѣ болѣе нужды въ дѣйствительномъ исполненіи, нежели въ обширной пустой перепискѣ. 2) А дабы вы имѣли людей, коихъ иногда разсылать или къ чему приставить надобно будетъ, по вашему усмотрѣнію, то позволяемъ вамъ взять съ собою двухъ гвардіи офицеровъ, по вашему выбору. 3) Сто тысячъ рублей вы имѣете принять здѣсь отъ нашего тайнаго совѣтника Олсуфьева [1]) и оные не инако употреблять, какъ по повелѣніямъ адмирала Нольса, записывая въ расходъ въ шнуровую книгу. 4) На проѣздъ вамъ собственно жалуемъ мы 2,000 руб. 5) Мы, надѣясь, что все вышепредписанное достаточно будетъ къ вашему въ семъ дѣлѣ руководству, не сомнѣваемся, что вы, по извѣстной намъ ревности вашей и усердію къ службѣ нашей, исполните и сіе поручаемое вамъ дѣло къ совершенному нашему удовольствію. Екатерина".

Одновременно посланы и рескрипты о порученіи Нольсу и Кашкину стройки судовъ фельдмаршалу графу Румянцеву и вице-адмиралу Сенявину: первому дано знать это для извѣстія и соображенія при обдумываніи дальнѣйшихъ операцій, тѣмъ болѣе, что стройка судовъ входила и какъ особая часть въ его управленіе. Сенявину же сообщалась сущность дѣла, возложеннаго на Нольса, и предписывалось открыть дѣйствія Азовской флотиліи немедленно по открытіи навигаціи, съ тѣмъ, чтобы, раздѣливъ суда на двѣ части, одну половину могъ онъ послать къ устью Дуная, съ тѣмъ, чтобы эта часть флотиліи поступила подъ команду Нольса. Съ остальною же частью своей эскадры Сенявинъ обязанъ былъ охранять берега Крыма и проходъ въ Азовское море.

Нольсу же, въ видѣ инструкціи, данъ рескриптъ, гдѣ прежде всего изложено положеніе дѣлъ нашихъ съ Турціею и намѣреніе государыни искать мира съ Портою „въ срединѣ ея областей и побѣдить Диванъ въ самомъ Константинополѣ, а симъ предпріятіемъ и погасить вдругъ военное пламя".

„Но какъ подобное предпріятіе можетъ еще сильнѣе быть, естьли оно будетъ подкрѣплено нѣкоторымъ числомъ судовъ на

---

[1]) Т. е. не изъ общихъ государственныхъ суммъ, а изъ кабинета ея императорскаго величества, управляемаго Адамомъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ.

морѣ [1]), которыхъ число и величину не можемъ мы опредѣлить отселѣ, ибо все сіе долженствуетъ быть опредѣлено на мѣстѣ по возможности строенія оныхъ, по количеству годнаго къ тому въ завоеванныхъ провинціяхъ лѣса, по числу работниковъ и по глубинѣ водъ, въ коихъ дѣйствовать имѣютъ, того для мы за нужно разсудили, зная ваше просвѣщеніе, долголѣтніе опыты, ваше искусство и усердіе, послать васъ туда. Слѣдующіе пункты содержатъ наши намѣренія:

1) Вы имѣете отправиться отсюда какъ скоро можно и ѣхать въ Молдавію [2]).

3) Имѣете вы осмотрѣть всѣ находящіяся на Дунаѣ суда, какъ завоеванныя, такъ и другія, всякаго рода, и которыя вы найдете съ поправкою и перемѣною способными употреблять въ морѣ для означенной экспедиціи, то таковыя въ вѣдомство ваше принять и къ тому въ состояніе ихъ привесть.

4) Всѣ морскіе офицеры и служители, отправляемые отъ адмиралтейства на Дунай будутъ подъ вашими же повелѣніями.

5) Подобнымъ образомъ отъ васъ же единственно зависѣть будутъ и строимыя въ верфяхъ суда, также и находящіяся въ учрежденныхъ уже на счетъ адмиралтейства магазейнахъ лѣса и другіе припасы.

6) Пріѣхавъ въ Молдавію и получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія, имѣете вы опредѣлить число судовъ и ихъ величину, съ тѣмъ, чтобы могли они окончаны быть къ первому іюня.

NB. Назначенной въ сію экспедицію корпусъ будетъ изъ 20,000 человѣкъ, но не рѣшено, однако же, что они всѣ поплывутъ моремъ, ни также, что они всѣ пойдутъ сухимъ путемъ. Все сіе точно опредѣлено будетъ въ скоромъ времени, а между тѣмъ, не должно мѣшкать строеніемъ судовъ.

7) Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ получитъ повелѣніе доставить вамъ 1,000 челов. работниковъ.

8) Строимые въ Азовѣ 2 фрегата имѣютъ по отправляемому

---

[1]) Съ истребленіемъ же флота турецкаго при Чесмѣ турки не могли еще въ военное время построить флота, какъ у насъ предполагали, для отпора и слабыхъ силъ со стороны Чернаго моря.

[2]) 2-й пунктъ о посылкѣ Кашкина повторять не стоитъ, какъ извѣстный всѣмъ и даже лучше, чѣмъ здѣсь, объяснено все выше о Кашкинѣ. П. П.

указу идти въ Черное море и соединиться съ дунайскими судами, гдѣ за нужно признано будетъ.

9) Часть судовъ Азовской флотиліи получитъ такое же повелѣніе, такъ какъ вы то пространнѣе усмотрите изъ посланныхъ наставленій къ вице-адмиралу Сенявину, съ которымъ вы имѣете переписываться о всемъ, что до сего касаться будетъ.

10) Запорожскимъ казакамъ велѣно будетъ отправить Днѣпромъ 2,000 человѣкъ, кои прошедъ между двухъ турецкихъ крѣпостей, Очакова и Кинбурна, придутъ въ Дунай съ ихъ судами, такъ какъ это сдѣлали уже въ прошломъ году.

11) Изъ всего слѣдуетъ, что число плоскодонныхъ судовъ можетъ быть довольно великое и что вамъ остается разсмотрѣть и опредѣлить, какого рода суда признаете вы способнѣе построить для умноженія важности или силы сего вооруженія.

12) И дабы сіе вооруженіе ни въ чемъ не имѣло недостатка отпущено генералъ-маіору Кашкину 100,000 руб., коими вы располагать можете всегда по настоянію надобности.

13) Взятыя у непріятеля и въ самыхъ ближнихъ къ верфямъ мѣстахъ, находящіяся пушки, если годны, могутъ употреблены быть.

14) На исправленіе и проѣздъ получите вы 6,000 руб.

15) Мы дозволяемъ вамъ присылать къ намъ рапорты и представленія свои такъ часто, какъ вы признаете за нужно и для упрежденія всякаго недоразумѣнія писать оныя ежели заблагоразсудите на англійскомъ или другомъ какомъ языкѣ по лучшей въ томъ способности и адресовать ихъ къ намъ въ собственныя руки“.

Нольсъ и, разумѣется, Кашкинъ были въ Молдавіи уже въ мартѣ 1772 г. Въ совѣтѣ, 17 го апрѣля, между прочимъ, читана была реляція графа Румянцева, отъ 30-го марта, о прибытіи адмирала Нольса къ нему и о потопленіи въ устьяхъ Дуная отправленной изъ Еникале отъ Сенявина дубельтъ-шлюпки. А 23-го апрѣля Екатерина II читала написанный ею отвѣтный указъ Нольсу: о судахъ на Дунаѣ, объ отправленіи матеріаловъ въ Азовскія пристани, объ остановленіи назначенной къ посылкѣ на Дунай половины Азовской флотиліи и какимъ образомъ можетъ онъ (Нольсъ) возвратиться сюда [1]). Ясно, что

[1]) Архивъ государ. совѣта т. I, ч. I, стр. 167.

коммисія, возлагавшаяся на адмирала, и порученіе Кашкина кончились и отмѣнились по одной изъ такихъ случайностей, которыя не были въ виду при посылкѣ на Дунай адмирала, въ февралѣ. Вѣрнѣе всего дѣло остановилось за невозможностью, высказанною Румянцевымъ, успѣха посылки корпуса къ Константинополю, при слабости и малочисленности данныхъ ему силъ вообще и по ограниченности размѣровъ войскъ, назначаемыхъ въ Петербургѣ къ столицѣ султана. По крайней мѣрѣ Нольсъ, не зная о томъ, что въ Петербургѣ уже не намѣрены вести дѣло, на него возложенное, находясь въ Измаилѣ, послалъ оттуда донесеніе, читанное въ совѣтѣ 7-го мая, что изъ взятыхъ у турокъ судовъ найдено имъ одно только годнымъ для морскаго плаванія; что лѣсъ трудно доставлять, хотя на территоріи турецкой, занятой нашими войсками, его и много, да мало заготовлено; что турецкія пушки не годятся для вооруженія судовъ, если нужно ихъ строить для морскаго хожденія, а нужно будетъ вылить 800 пушекъ, и чтобы выполнить намѣренное препріятіе нужно имѣть намъ въ своихъ рукахъ большое устье Дуная, по которому могутъ ходить морскія суда. Для овладѣнія этимъ устьемъ, нужно арміи перейти за Дунай. Это донесеніе Нольса принято къ свѣдѣнію только, потому что обсуждалась конвенція о перемиріи и созванъ былъ конгрессъ въ Фокшанахъ. Кашкинъ и Нольсъ, по указу государыни, въ Измаилѣ закрыли свою коммисію и въ іюнѣ уже были въ Кіевѣ, откуда Кашкинъ прислалъ государынѣ письмо, читанное въ совѣтѣ 21-го іюня 1772 г. Вѣроятно изъ Кіева, черезъ мѣсяцъ, Нольсъ съ Кашкинымъ прибыли и въ Петербургъ, а когда въ сентябрѣ 1772 г. разстроился конгрессъ въ Фокшанахъ, то Сенявину велѣно было поскорѣе принять мѣры для охраненія крымскихъ береговъ.

Давались ли какія порученія Кашкину въ наступившее затѣмъ тревожное время—объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Кажется онъ выполнялъ въ 1773—1776 годахъ какія-то обязанности по двору великаго князя цесаревича Павла Петровича и былъ къ нему довольно близокъ, не сдѣлавшись подозрительнымъ у большаго двора и сохранивъ до конца жизни своей дружеское расположеніе великаго князя, оказываемое имъ изъ чиновъ Семеновскаго полка обоимъ подполковникамъ. Тонъ письма наслѣдника

къ Кашкину въ Тобольскъ 1784 г. можетъ только подтвердить наше предположеніе. Писать такимъ тономъ и давать такія порученія лицу, не особенно приближенному, великій князь Павелъ Петровичъ именно въ ту пору не рѣшился бы. Относясь къ преданнѣйшимъ слугамъ государыни—своей родительницы—лишь по дѣламъ службы, непосредственно, холодно и формально,—великій князь отклонялъ всякій поводъ къ сношеніямъ не служебнымъ. Письмо къ Кашкину столь интимнаго характера и свойство самой просьбы таково, что попавъ въ руки лица, знавшаго отношенія монархини къ сыну, но не близкаго къ нему, оно могло быть переслано подъ благовиднымъ предлогомъ къ государынѣ. На самомъ же дѣлѣ спросъ о томъ, какъ поступить, могъ навести ея величество на какое либо замѣчаніе великому князю въ родѣ того, что онъ могъ бы у государыни спросить и она приказала бы поступить такъ или иначе. Нахожденіе письма цесаревича въ собраніи бумагъ Кашкина безъ всякихъ журнальныхъ помѣтъ заставляетъ предположить, что оно могло попасть въ руки генералъ-губернатора отъ самаго лица, которое получило эту рекомендацію наслѣдника, знавшаго, что адрессантъ свято выполнитъ все, что можно, не выдастъ и не донесетъ. Кашкинъ дѣйствительно отличался отвращеніемъ отъ всякихъ дрязгъ вообще, и тѣмъ болѣе въ отношеніяхъ особъ, почитаемыхъ имъ не на словахъ, а искренно. Эта искренность и теплота душевная, которыя, говоря о Кашкинѣ, намѣстникѣ Тульскомъ, и отношеніяхъ его лично къ себѣ, находилъ Болотовъ, могла быть цѣнима и до излишества искреннимъ вел. кн. Павломъ Петровичемъ. Оттого такъ прямо и писалъ онъ къ Кашкину изъ Царскаго Села 27-го августа 1784 г.:

„Евгеній Петровичъ! Встрѣтивши здѣсь нечаянно вручителя сего, Астафья Казакова, который служивши въ Тобольскомъ полку солдатомъ въ Прусскую войну, взятъ былъ подъ Колбергомъ въ полонъ, и находился съ тѣхъ поръ до сего времени въ Прусской службѣ; теперь возвратясь оттуда, будучи отставленъ, идетъ въ свою родину, въ Пермской губерніи въ село Опачовку, отъ города Кунгура въ 25 верстахъ лежащее: прошу васъ призрѣть его и доставить ему какое либо вспоможеніе и притомъ вѣрить, что я есмь вашъ благосклонный Павелъ“.

Прекрасная черта характера цесаревича, входившаго лично въ распросы солдата страдальца! Повторяемъ, въ нашихъ глазахъ, самая форма изложенія даетъ понятіе о прежнихъ близкихъ отношеніяхъ цесаревича къ Кашкину. Подобныя отношенія могли именно установиться у Кашкина въ промежутокъ времени между возвращеніемъ его въ Петербургъ изъ Измаила и назначеніемъ въ Выборгскіе губернаторы (1778 г.). По крайней мѣрѣ въ послѣдніе дни жизни первой супруги в. кн. Павла Петровича, какъ можно заключить изъ писемъ государыни къ Кашкину, послѣдній хорошо зналъ состояніе духа наслѣдника, находясь при принцѣ Генрихѣ, вторично пріѣхавшемъ въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1776 г. Назначеніе Кашкина къ принцу вторично, какъ человѣка, уже знакомаго его королевскому высочеству по первому посѣщенію его сѣверной столицы, нисколько не противорѣчитъ предположенію о близости Кашкина, уже генералъ-поручика (1775), къ великому князю, пожаловавшему Евгенію Петровичу свой голштинскій орденъ св. Анны еще въ 1772 году. Необозначеніе числа пожалованія этого ордена Кашкину въ спискѣ Бантышъ-Каменскаго служитъ только доказательствомъ дачи ордена в. кн. Павломъ, безъ грамоты, какъ близкому человѣку, безъ испрошенія разрѣшенія державной родительницы, повелѣвавшей сенату снабжать граматами лицъ, получавшихъ этотъ орденъ по ея назначенію, или указанію.

Какъ бы ни было, но въ апрѣлѣ 1776 г. мы находимъ Кашкина вновь при Генрихѣ принцѣ Прусскомъ и къ этому времени относится французская записка императрицы, безъ числа, съ порученіемъ передать его королевскому высочеству привѣтствіе ея величества съ сообщеніемъ, что положеніе дѣла нѣсколько улучшилось: „Dites à S. A. R. en lui faisant nos compliments, que cela va un peu mieux“.

Можно догадываться, что дѣло идетъ о невозможности принять принца государыней при тогдашнихъ обстоятельствахъ (неблагополучнаго разрѣшенія отъ бремени вел. княгини Наталіи Алексѣевны). Государыня и великій князь супругъ находились между страхомъ и надеждою четыре дня (10—14 апрѣля 1776 г.), въ теченіе которыхъ могли быть минуты, когда полагали возможнымъ, что дѣло улучшается и исходъ можетъ быть не столь пла-

чевный. По крайней мѣрѣ, во вторникъ, 12 апрѣля, была надежда, что можетъ быть еще все кончится благополучно. Къ этому самому дню, вѣроятно, относится вышеприведенная записка Екатерины II къ Кашкину безъ означенія числа, на французскомъ языкѣ. Зато въ четвергъ (14 апр.) надежда исчезла и въ пять часовъ утра Екатерина II писала къ Кашкину:

„Les apparences sont bien changées; l'enfant est mort et la mère est dans l'état le plus critique, la journée d'hier a été peut être la plus affreuse de ma vie, il est dur pour quiconque a des entrailles d'entendre pendant cinq jours des cris continuels et de voir des souffrances presque sans intervalles, nature pati, et c'est de moi que tout le monde demande et exige a être encouragé, raffermi et soutenu; tout a été employé ce dont on aye pu humainement parler et s'aviser et, j'ose dire, que rien n'a été oublié mais c'est un concours de circonstances malheureuses de l'aveu même des plus habiles, comme il n'a pas d'exemples et il est encore à presumer qu'il y en a dont la cause ne sera connue que lorsqu'il n'y aura plus de remèdes a y porter.

A cinq heures du matin. Jeudi" [1]).

Вѣроятно уже по кончинѣ великой княгини Наталіи Алексѣевны (сильная натура которой выносила страданія шесть дней), но въ пятницу же, 15 апрѣля 1776 г., когда в. кн. Павелъ Петровичъ страдалъ и былъ неутѣшенъ, была написана слѣдующая записка государынею къ Кашкину, безъ числа и безъ всякой подписи, въ 6-ти строкахъ, для передачи принцу Генриху:

„J'ose prier S. A. R. de venir cet après diner chez le Grand Duc, cela le fortifierai dans l'affliction cruelle qu'il souffre; j'avoue que les forces du corps commencent à me manquer, je serais bien aise de me reposer quelques heures" [2]).

[1]) Признаки совсѣмъ измѣнились, дитя мертво, мать въ самомъ опасномъ положеніи. Сегодняшній день можетъ быть самый ужасный въ моей жизни. Тяжело для каждаго, имѣющаго сердце, выслушивать пять дней постоянно крики и видѣть безъ перемежки почти муки страждущей природы. И это я, къ которой всѣ взываютъ и которая принуждена ободрять, укрѣплять и поддерживать всѣхъ. Все употреблено, что только можно было, по человѣчески говоря. предпринять и можно смѣло сказать, ничего не забыто. Но случилось стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ, по отзывамъ самыхъ искусныхъ людей, безпримѣрное. И то еще слѣдуетъ имѣть въ виду, что самая причина (несчастнаго исхода) сдѣлалась извѣстною тогда уже, когда не было средствъ ничѣмъ помочь. Пять часовъ утра, четвергъ.

[2]) Осмѣливаюсь просить его королевское высочество пріидти сегодня по-

Это упоминаніе о необходимости отдыха и потерѣ силъ, повидимому, и указываетъ на то, что записки были написаны тотчасъ по кончинѣ великой княгини. Ясно, принцъ былъ приглашенъ побыть съ великимъ княземъ и не оставлять его во все время, пока государыня родительница не подкрѣпитъ своихъ силъ отдыхомъ.

Принцъ Генрихъ, какъ извѣстно, превосходно выполнялъ роль утѣшителя великаго князя, и во дни скорби его оставался съ нимъ неразлучнымъ, но по всей вѣроятности въ дни, предшествовавшіе погребенію супруги, печаль юнаго вдовца была такъ велика, что ему въ тягость была бесѣда съ самыми близкими людьми, кромѣ матери. Къ одному изъ первыхъ дней болѣзни великой княгини относится записка Екатерины къ Кашкину, для передачи принцу извиненія въ невозможности съ нимъ видѣться:

„Dites à S. A. R. de ma part que je suis bien fâchée de n'avoir pas le plaisir de la voir depuis deux jours, vu l'état de la Gr. Du ; que cet état n'est point dangereux jusqu'ici, que le temps et la patience seule le termineront, mais que cela peut durer encore“ [1]).

Пароксизмы горя, какъ и порывы гнѣва, чѣмъ сильнѣе, тѣмъ не продолжительнѣе; тоже было и съ печалью о потерѣ любимой супруги в. кн. Павла Петровича. Принцу Генриху великій князь цесаревичъ обязанъ былъ разсѣяніемъ своей скорби даже скорѣе, нежели расчитывали, какъ думала и сама Екатерина II. Уже въ іюнѣ 1776 г., т. е. спустя лишь шесть недѣль по кончинѣ в. кн. Натальи Алексѣевны, неутѣшный повидимому вдовецъ изъявилъ свое согласіе на поѣздку въ Берлинъ, куда зазывалъ его утѣшитель съ основательною надеждою составить тамъ новый счастливый союзъ сына Екатерины II также съ принцессою, родственною прусскому дому. Принцъ Генрихъ еще изъ

слѣ обѣда къ великому князю, это его подкрѣпитъ въ жестокомъ горѣ, имъ испытываемомъ; я начинаю терять силы и располагаю отдохнуть нѣсколько часовъ

[1]) Скажите его королевскому высочеству отъ меня, что мнѣ очень грустно не имѣть удовольствія видѣть его два уже дня, при этомъ положеніи великой княгини. Состояніе ея до сихъ поръ не опасно, оно кончится со временемъ и терпѣніемъ, но можетъ еще нѣсколько продолжиться.

Царскаго Села позаботился послать къ герцогинѣ Виртембергской отъ 16-го апрѣля 1776 г. письмо слѣдующаго содержанія [1]:

„Любезная племянница! Смерть великой княгини, послѣдовавшая вчера вечеромъ, доставляетъ мнѣ случай оказать вамъ услугу, любезнѣйшая племянница, и поговорить съ вами о предметѣ крайней важности. Императрица поручила мнѣ попросить васъ пріѣхать въ Берлинъ съ вашими дочерьми. Я былъ принужденъ написать королю объ этомъ, съ полною подробностью и просить его.... Умоляю васъ и супруга вашего, ради счастья нашихъ семействъ, согласиться на всѣ мѣры, которыя предпишетъ вамъ король касательно этого дѣла. Императрица даетъ мнѣ вексель, равный суммѣ, полученной покойною ландграфиней [2]), который она пошлетъ королю для передачи вамъ. Вы знаете, любезная племянница, что православная вѣра есть здѣсь господствующая и что великая княгиня не можетъ быть инаго исповѣданія. Но ручаюсь честнымъ словомъ, что дочь ваша не можетъ выйдти за человѣка болѣе любезнаго и честнаго, нежели великій князь и что она не найдетъ другой нѣжнѣйшей и достойнѣйшей свекрови, кромѣ императрицы".

Усердный сватъ, принцъ Генрихъ, при всемъ своемъ безсердечіи, въ этомъ письмѣ скорѣе всего возвелъ напраслину на великаго князя, еще неутѣшеннаго въ то время, когда онъ самъ началъ хлопотать о новомъ бракѣ царственнаго вдовца. Выраженное въ письмѣ принца Генриха будто бы желаніе Павла Петровича „увидѣть принцессу прежде, чѣмъ просить ея руки", едвали было возможно. Можно ли допускать подобное желаніе въ человѣкѣ, съ которымъ только-что случился обморокъ, когда скончалась любимая жена? Все остальное въ письмѣ Генриха была истина, а не мечта. Имъ, 19-го апрѣля, уже былъ посланъ въ Берлинъ вексель въ 40,000 руб. съ увѣдомленіемъ принца Фердинанда, на котораго возложено было уговорить назначеннаго

---

[1]) Мы приводимъ его въ переводѣ на русскій уже съ печатнаго текста IX тома сборника русскаго историческаго общества, стр. 1.

[2]) Матери вел. кн. Натальи Алексѣевны въ 1773 г., при приглашеніи пріѣхать съ дочерьми въ Петербургъ. П. П.

жениха будущей нашей императрицы Маріи Ѳеодоровны, брата покойной Наталіи Алексѣевны, принца Людвига Дармштадскаго, отказаться отъ невѣсты. Все разумѣется удалось; (мая. 10-го) апрѣля 29-го 1776 г. мать принцессы, избранной въ подруги великаго князя Павла Петровича, отвѣчала Фридриху II, что присылка векселя въ 10,000 талеровъ „даетъ возможность въ наискорѣйшемъ времени предпринять путешествіе, которое, если ваше величество прикажетъ, будетъ назначено къ концу іюля мѣсяца. Мы къ половинѣ іюля можемъ быть уже въ Потсдамѣ“.

Сообразно съ этимъ отвѣтомъ принцъ Генрихъ расположилъ свою поѣздку съ великимъ княземъ въ Берлинъ, гдѣ предположено было показать будущую супругу его и увезти въ Россію. Для сопровожденія принцессы въ Петербургъ послана была въ Мемель супруга фельдмаршала, графиня Екатерина Михайловна Румянцева, супругъ которой поѣхалъ съ наслѣдникомъ въ Берлинъ. Распоряженія относительно удобствъ путешествія невѣсты наслѣдника поручены были Евгенію Петровичу Кашкину, который отправился, кажется, до Риги вмѣстѣ съ наслѣдникомъ же и принцемъ, а въ Ригѣ долженъ былъ ожидать пріѣзда графини Румянцевой, чтобы далѣе ѣхать съ нею уже въ Мемель.

Письмомъ изъ Петергофа отъ 29 іюня 1776 г. государыня поручила Кашкину распорядиться при обратномъ пути добавкою повозокъ и каретъ, въ которыхъ должны были ѣхать назначенные для проводовъ принцессы кавалеры.

Даже о нихъ не забыла, при безчисленныхъ заботахъ своихъ, императрица Екатерина. Отправляя 8-го іюля изъ Петергофа графиню Румянцеву, государыня послала съ нею еще письмо къ Кашкину:

„Господинъ генералъ порутчикъ! Чрезъ графиню Екатерину Михайловну Румянцову Задунайскую, я посылаю на ваши руки письмо мое и шпагу принцу Ви(р)тембергскому [1]), дабы первое, при свиданіи, вы ему вручили, а послѣднюю, какъ будетъ отъѣздъ. А при томъ я желаю чтобъ часто о всемъ томъ доносили вы ко мнѣ, что къ вамъ во увѣдомленіе доходить будетъ и пребываю вамъ благосклонна Екатерина.

---

[1]) Брату невѣсты в. князя.

„Деньги же на дороги отъ Риги до Мемеля возмитѣ у Лифляндского генералъ губернатора".

„Петергофъ, іюля 8-го числа 1776 г." [1]).

Черезъ пять дней послѣдовала новая посылка собственноручнаго письма къ Кашкину (іюля 13-го въ Петергофѣ).

„Господинъ генералъ порутчикъ. Получа отъ 5-го сего мѣсяца ваше письмо, объявляю вамъ мое соизволеніе, чтобы вы въ свое время со всею свитою, въ Ригѣ находящеюся, выѣхали на границу прусскую, и пребываю вамъ благосклонна Екатерина".

Между тѣмъ великій князь Павелъ Петровичъ, съ принцемъ Генрихомъ выѣхавъ въ Прусскія владѣнія еще (25 іюня) 6 іюля 1776 г., слѣдовалъ въ полномъ смыслѣ торжественно среди тріумфальныхъ арокъ и всякаго рода декорацій, встрѣчаемый ликующимъ населеніемъ, принимая букеты и похвальные стихи, слушая рѣчи и благожеланія. Отъ границы до Берлина переѣздъ былъ совершенъ въ тринадцать дней и въѣздъ царственнаго гостя въ столицу великаго Фридриха послѣдовалъ (8) 19 іюля. Черезъ пять дней по прибытіи жениха устроилось свиданіе съ невѣстою и затѣмъ рядъ торжествъ, къ которымъ не привыкъ или, лучше сказать, успѣлъ отвыкнуть Берлинъ при экономномъ королѣ-героѣ, въ теченіи двухъ недѣль пресытилъ и гостей, и зрителей, т. е. столичное населеніе. Іюля 24, выѣхавъ изъ Берлина, въ одномъ экипажѣ съ невѣстою и ея матерью, великій князь пріѣхалъ 28-го іюля въ Потсдамъ, гдѣ послѣдовало разставанье его съ невѣстою, нашей будущей государынею, Маріею Ѳеодоровною. Оттуда великій князь поѣхалъ одинъ впередъ только со своею свитою; 8-го августа онъ былъ въ Ригѣ и 14-го вечеромъ, прибылъ въ Царское Село.

Слѣдованіе невѣсты по Россіи совершалось довольно медленно. Отъ 1-го августа послано было государынею къ распорядителю поѣзда слѣдующее собственноручно написанное письмо.

„Господинъ генералъ порутчикъ Кашкинъ. Вчерашной день получила я письмо ваше отъ 26 іюля съ вложеннымъ маршрутомъ какъ великаго князя, такъ и принцесы Виртембергской, присланные по ештафетѣ къ вамъ изъ Мемеля; а какъ изъ того заключаю, что

---

[1]) Все напечатанное разрядкою приписано собственноручно государынею. Мы удерживаемъ особенности ея письма.

оная принцесса прибудетъ въ Мемель (19) 8 августа, то надѣюсь, что вы съ графинею Румянцовой такъ распорядитѣ свое путешествіе съ Мемеля, что къ пріѣзду Виртембергскаго двора тамъ будетѣ; въ прочемъ пребываю вамъ благосклонна. Екатерина".

„Села Царского 1 ч. авг. 1776 г.".

„Служба кавалеровъ и дамъ, какъ я то уже графинѣ сказывала при прощаніи, начнется съ того дня, какъ вы съ ней въ путь отправитесь".

Отъ 19-го августа послѣдовало новое собственноручное письмо:

„Господинъ генералъ-порутчикъ. По случаю что не домагаетъ принцесса, какъ о томъ донесли вы мнѣ изъ Мемеля, я предоставляю вамъ ѣзду и прибытіе учреждать взирая на соотвѣтствованіе ея здоровья. Еще я продолжаю ожидать васъ въ Царскомъ селѣ, а ежели перемѣню сіе намѣреніе, не оставлю тогда я васъ увѣдомить чрезъ нарочнаго.

„Пребываю вамъ благосклонна. Екатерина".

„Радуюсь, что въ выборѣ не ошиблась".

Послѣднее замѣчаніе, вѣроятно, результатъ сообщеній великаго князя, плѣненнаго невѣстою. Послѣднее собственноручное же письмо Екатерины послано было Кашкину 27 августа:

„Господинъ генералъ поручикъ Кашкинъ. Письмо ваше отъ 24 сего мѣсяца я получила и изъ онаго усмотрѣла съ удовольствіемъ, что вы того дня благополучно пріѣхали въ Ригу и что сюда приедетѣ 1. сентября, я васъ здѣсь ожидать буду; пребываю доброжелательна. Екатерина.

„Изъ Царского Села.

„Графинѣ прошу кланится".

Принцессу невѣсту привезли 31 августа.

Принцъ Генрихъ, письмомъ изъ Реймсберга отъ 16 августа новаго стиля, прислалъ очень лестный отвѣтъ Кашкину на его письмо отъ (20) 31 іюля, прося его быть увѣреннымъ, что онъ сохранитъ на всегда признательность за обязательныя старанія, оказанныя во время пребыванія въ Россіи его королевскаго высочества.

Усердіе въ выполненіи своихъ велѣній Кашкинымъ высоко

цѣнила и Екатерина II. Послѣ свадьбы в. к. Павла Петровича съ Маріею Θеодоровною (26 сентября 1776 г.) Кашкинъ, не получая особаго назначенія до 1778 г., кажется, продолжалъ числиться при цесаревичѣ. Назначеніе его губернаторомъ въ Выборгъ [1]) было, само собою, сопряжено съ удаленіемъ Евгенія Петровича изъ столицы, куда онъ могъ явиться лишь по призыву.

Въ маѣ 1780 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и послѣ того не разъ былъ вызываемъ для объясненій съ государынею. Имъ предшествовало слѣдующее письмо отъ графа А. А. Безбородки, изъ Царскаго села, 7 мая 1780 г.

„Милостивый государь мой Евгеній Петровичъ. Карту, вами требуемую, при семъ доставляю, прося всеприлежно возвратиться прежде нашего прибытія [2]).

„Сегодня угодно было е. и. в. рѣшить жребій вашъ дѣйствительнымъ назначеніемъ вашего превосходительства въ должность Пермскаго и Тобольскаго генералъ-губернатора. Г. Чичеринъ отозванъ съ сохраненіемъ жалованья. Пермскимъ губернаторомъ наименованъ г. Ламбъ, а Тобольскаго въ должность Григорій Михайловичъ Осиповъ, коему велѣно и принять губернію отъ г. Чичерина самолично. Вамъ назначены обыкновенныя столовыя деньги по 500 руб. на мѣсяцъ и жалованье на двухъ адъютантовъ и секретаря, пять тысячъ жалуется на объѣздъ Пермской губерніи и на строенія въ ней 12,000. Государыня тутъ повторила, что она о добрѣ вашемъ и дома вашего не преминетъ мыслить, радуясь, что для сего отдаленнаго края нашла верховнаго правителя, о коего ревности, безкорыстіи и способности она совершенно увѣрена. Дай Богъ, чтобы мѣсто сіе вамъ принесло столько пользы, сколько ожидаютъ отъ васъ блага для ввѣренной вамъ страны всѣ знающіе васъ персонально. Петръ Алексѣевичъ г. Ступишинъ нынѣ же пожалованъ Выборгскимъ губернато-

---

[1]) Службу Кашкина, умершаго 21 октября 1796 г., Павелъ I вспомнилъ, сдѣлавшись государемъ. Указомъ 21 ноября 1796 г. предоставилъ женѣ и дѣтямъ покойнаго Евгенія Петровича пользоваться деревнею въ Финляндіи, данною только ему по смерть при назначеніи Выборгскимъ губернаторомъ.

[2]) Изъ Царскаго села въ Петербургъ, императрицы. Карта, должно быть, взята была изъ кабинета е. и. в. П. П.

ромъ. Ея величество позволяетъ вамъ остаться въ Выборгѣ, да и здѣсь дождаться ея возвращенія, считая, что вы между тѣмъ станете упражняться въ пріимкѣ людей вамъ потребныхъ, зачиная съ вице-губернаторовъ".

Должно полагать впрочемъ, что Кашкинъ недолго оставался въ столицѣ, получивъ назначеніе на генералъ-губернаторство. Уже къ осени онъ объѣздилъ всю предположенную къ открытію Пермскую губернію, пославъ представленіе въ Петербургъ вслѣдствіе сдѣланнаго осмотра и пріѣхалъ въ Тобольскъ 14 октября 1780 г., а въ ноябрѣ (отъ 17 числа) графъ Безбородко уже написалъ ему второе письмо, имѣющее интересъ для характеристики Кашкина, какъ выраженіе взгляда Екатерины на усердіе ея преданнаго вѣрноподданнаго слуги:

„Милостивый государь мой, Евгеній Петровичъ, писалъ Безбородко.

„Изъ прилагаемаго при семъ письма отъ ея императорскаго величества къ вашему превосходительству изволите усмотрѣть монаршее благоволеніе объ учрежденіи при Ягошихинскомъ заводѣ города Перми. Ея величество ваше о томъ представленіе приняла за благо и не предвидя никакой трудности въ пріобрѣтеніи казною всѣхъ частей того завода, считаетъ, что вы совершенно утвердите все правленіе главное въ томъ мѣстѣ. Графы Александръ и Семенъ Романовичи Воронцовы обязаны вамъ наичувствительнѣйше за благодѣяніе ваше, посредствомъ коего они, охотно жертвуя каждый своими частями, надѣются освободиться отъ всѣхъ хлопотъ. Впрочемъ, государыня весьма нетерпѣливо ожидаетъ вашихъ увѣдомленій о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ вашего вояжа и чѣмъ скорѣе вы, милостивый государь мой, прибыть сюда изволите по совершеніи вашихъ осмотровъ, тѣмъ ея величеству пріятнѣе будетъ. На вопросы ея осмѣлился я отвѣчать, что вы можетъ быть къ марту весь объѣздъ окончить успѣете".

„Между прочимъ государыня отзывалась, что ежели дорога большая Сибирская лежитъ близко Ягошихи, то не худо было бы повести ее на сей новый губернскій городъ. И о семъ васъ увѣдомить не упускаю.

„О сервизѣ въ намѣстничество ваше дана уже коммисія еще

лѣтомъ, но я теперь напоминаю Адаму Васильевичу, чтобы старался поранѣе его достать, дабы скорѣе могъ онъ быть на мѣстѣ для открытія".

Въ 1781 г. Евгеній Петровичъ пріѣхалъ въ Петербургъ еще ранѣе марта и взялъ отсюда въ Тобольскъ, гдѣ поселился, гувернантку и учительницу для дѣтей, которыхъ по возрасту уже была пора начать учить. Въ этотъ пріѣздъ въ столицу Кашкинъ получилъ разрѣшеніе открыть Пермскую губернію, образованную изъ двухъ областей бывшей Сибирской губерніи (открыта 2 октября 1781 г.). Что касается Тобольской губерніи, гдѣ общее учрежденіе по мѣстнымъ обстоятельствамъ требовало нѣкоторыхъ измѣненій, представленія его видны изъ разрѣшенія дѣйствовать, даннаго въ слѣдующемъ имянномъ указѣ, за подписаніемъ императрицы, 28-го января 1782 г.

„Господинъ генералъ поручикъ Кашкинъ. Утверждая штатъ для Тобольской губерніи по случаю предлежащаго ея открытія [1]) мы признали нужнымъ учинить въ немъ нѣкоторыя противъ общаго перемѣны, и именно: 1) въ разсужденіи, что въ Тобольской губерніи до сего времени нѣтъ еще дворянскихъ имѣній [2]), не назначены ни уѣздные суды, ни дворянскія опеки, ниже верхній земскій судъ, а какъ напротивъ того, не малое количество людей разнаго званія не подлежащихъ вѣдомству магистратовъ или расправъ всегда въ той губерніи обращается, то и положили мы имѣть въ губернскомъ городѣ для нихъ нижній и верхній надворные суды, по примѣру тому какъ по учрежденіямъ нашимъ, въ коихъ столицы, главами XXX и XXXI оные опредѣлены. 2) Самое сіе обстоятельство убѣдило насъ въ совѣстныхъ судахъ по обѣимъ провинціямъ Тобольской и Томской положить дворянскихъ засѣдателей. 3) Въ нижнихъ земскихъ судахъ, сверхъ исправника и сельскихъ засѣдателей, назначены дворянскіе засѣдатели въ томъ уваженіи, что отдаленность мѣстъ и пространство уѣздовъ требуютъ большаго присмотра. Но притомъ не оставьте наблюдать, чтобы исправники и нижніе земскіе суды относительно испра-

---

[1]) Послѣдовавшаго 30 августа 1782 г.

[2]) Съ правами на владѣніе крестьянами, какъ было у великороссійскихъ дворянъ, разумѣется. П. П.

вленія должностей ихъ обращались въ точныхъ предѣлахъ въ учрежденіяхъ нашихъ преднаписанныхъ“...

Учреждена въ Тобольскѣ должность городничаго, подчиненнаго оберъ-коменданту, также какъ и въ Екатеринбургѣ. Такъ какъ Кашкинъ представлялъ невозможность привлечь медиковъ въ его отдаленный край за малое жалованье, назначенное по штату, то ему разрѣшено назначать и высшіе оклады, обращая на нихъ положенную на медицинскіе чины сумму. Наконецъ ему поручалось войдти въ соглашеніе о границахъ съ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ Якоби и наблюдать, чтобы рядъ укрѣпленій на границѣ со степью шелъ непрерывно. Мы имѣли въ рукахъ предположенія объ укрѣпленіяхъ, проектированныхъ для огражденія южной границы тогдашней Тобольской губерніи (нынѣ Тобольской и Томской губерній), но были-ли укрѣпленія построены, какъ предполагалось въ 1785 г., о томъ извѣстія нѣтъ. Вообще фактическихъ доказательствъ дѣятельнаго управленія Кашкина новымъ краемъ мы собрать не можемъ, за уничтоженіемъ Тобольскихъ архивовъ въ страшный пожаръ, испепелившій чуть ни весь старый городъ Тобольскъ 27 апрѣля 1788 г., когда Евгеній Петровичъ оставилъ уже бывшее свое генералъ-губернаторство, отправясь 1 марта въ Петербургъ. Этотъ пожаръ, бывшій эпилогомъ восьмилѣтняго управленія Кашкина и уничтожившій слѣды его заботъ, сохранившіеся въ дѣловой перепискѣ присутственныхъ мѣстъ—и страшное наводненіе, начавшееся 9 мая 1789 г. и длившееся почти до іюля, единственныя событія, памятныя старожиламъ Тобольскимъ о преемникѣ популярнѣйшаго изъ правителей сибирскихъ странъ, Дениса Ивановича Чичерина. Послѣ этого энергическаго начальника въ Тобольскѣ и его окрестностяхъ, всѣмъ извѣстнаго въ качествѣ представителя грозы и милости, добрый и просвѣщенный Кашкинъ, корпѣвшій за бумагами въ кабинетѣ, дѣлавшій разъѣзды по всему пространству ввѣренной въ его управленіе обширнѣйшей области, казался блѣднымъ призракомъ власти. Мы уже указывали на главныя черты характера этого администратора, дѣйствовавшаго умно, но сдержанно, безъ крутыхъ, принудительныхъ мѣръ. Неудивительно, что Пермь и Тобольскій край не сохранили о немъ воспомина-

ній именно потому, что народъ не могъ его знать, а чиновничество, не любя его, умалчивало о дѣятельности Кашкина.

Послѣ Тобольска, по случаю кончины (2-го іюля 1788 г.) въ Ярославлѣ Алексѣя Петровича Мельгунова, Екатерина II послала Кашкина въ Ярославль, гдѣ онъ пробылъ пять лѣтъ, до осени 1793 г., когда былъ переведенъ въ Тулу. Въ Ярославлѣ и Тулѣ сохранились, по крайней мѣрѣ, замѣтки очевидцевъ, знавшихъ Кашкина, посѣщавшихъ его домъ и садившихся за его столъ въ праздники и торжественные дни. Но живя въ обоихъ городахъ (Тулѣ и Ярославлѣ), Евгеній Петровичъ часто недомогалъ и, наконецъ, пріѣхавъ въ столицу по дѣламъ, осенью 1796 года, внезапно скончался 21 октября, не доживъ и до 60 лѣтъ, но проведя въ служебной дѣятельности $^{2}/_{3}$ своего земнаго поприща.

П. Н. Петровъ.

Примѣчаніе. Подлинные документы, рескрипты Екатерины II и проч. бумаги, на основаніи которыхъ составлена настоящая статья, весьма обязательно сообщены редакціи „Русской Старины" въ ноябрѣ 1876 г. Николаемъ Сергѣевичемъ Кашкинымъ. Ред.

ОБРАДОВАННЫЯ

КАЛУГА

И

ТУЛА.

ПРОЛОГЪ

На случай прибытія Его Высокопревосходительства господина Генералъ-Аншефа, Калужскаго и Тульскаго Генералъ-Губернатора, Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку Приміеръ-Маіора, и разныхъ орденовъ

КАВАЛЕРА,

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВИЧА

КАШКИНА.

1793 года въ декабрѣ.

КАЛУГА.

СЪ УКАЗНАГО ДОЗВОЛЕНІЯ.

1794 года.

3*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НИМФА, рѣки Упы.

ВУЛКАНЪ.

МЕРКУРІЙ.

НАРОДЪ.

Примѣчаніе. Весь прологъ напечатанъ съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника. Брошюра эта сообщена намъ въ январѣ 1882 г., директоромъ Калужской гимназіи г. Бибиковымъ. Ред.

ОБРАДОВАННЫЯ

КАЛУГА и ТУЛА.

ПРОЛОГЪ.

Театръ представляетъ пустыню и мрачность. Нимфа сидитъ въ уныніи оперщись на вазъ, составляющій источникъ рѣки Упы; она озираетъ окрестность мѣста съ видомъ сожалѣнія, и начинаетъ свою арію.

ЯВЛЕНІЕ I.

НИМФА.

„Теки Упа уныбно
„Въ увядшихъ берегахъ,
„Какъ гласомъ безпрерывно
„Тверди во всѣхъ мѣстахъ:
„Осталися вы сиры!
„Уже не слышно Лиры
„Поющей радость намъ,
„Начальника лишились,
„Утѣхи съ нимъ сокрылись;
„Лишь стонъ по симъ мѣстамъ".

ЯВЛЕНІЕ II.

ВУЛКАНЪ и НИМФА.

ВУЛКАНЪ.

Долго ли прекрасная Нимфа, помрачать тебѣ мѣста сіи своимъ сетованіемъ? Нѣкогда звоны голоса твоего, воспѣвавшіе любовь, услаждали тягость

работъ моихъ. Я истинно унываю и безъ того: прежде я ковалъ Перуны для Россійской Паллады; а нынѣ одно слово ея дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ Перуновъ, весь свѣтъ оному покорствуетъ, и работы мои остаются безъ употребленія.

НИМФА.

Тебѣ извѣстна причина моего огорченія: ты видишъ мглу, покрывающую мѣста сіи.

ВУЛКАНЪ.

Но что мѣшаетъ оная? Духъ Великія жены сей не проницаетъ ли мглу сію? Не все ли идетъ столькожъ порядочно, какъ и прежде?

НИМФА.

Такъ! однако страна сія лишилась начальника. Нѣтъ посредника между престоломъ и сердцами жителей страны сея. Кто возвѣститъ Ей, сколько оныя горятъ къ Ней усердіемъ, сколько чувствуютъ цѣну блаженства своего подъ Ея мудрымъ и кроткимъ царствованіемъ? Кто принесетъ фиміамъ благодаренія, курящійся на жертвенникѣ, воздвигнутомъ изъ обязанныхъ сердецъ ихъ?

ВУЛКАНЪ.

Ты говоришъ правду. Однако я пришелъ ободрить тебя: совершается нѣчто, великое счастіе странѣ сей предзнаменующее. Сего утра, когда я принимался за обыкновенные труды мои: молнія возблистала отъ Сѣвера; и звуки стали, какъ бы произносили слова сіи: *Герой идетъ*.

НИМФА *вставъ съ своего мѣста.*

Примѣчанія твои всегда сбывались. Я начинаю вкушать предчувствованіе веселія.... но, что я вижу! какая приближается сюда Процессія?

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЯ и НАРОДЪ.

Нѣкоторые несутъ камни къ воздвигнутію памятника; престарѣлый мужъ предшествуетъ съ Урною, а прочіе съ кипарисными вѣтвями въ рукахъ.

ВУЛКАНЪ.

Это благодарность, хочетъ воздвигнуть памятникъ почившему начальнику.

НИМФА.

Онъ заслужилъ сіе. Я пойду нарвать цвѣтовъ, и соединивъ въ Гирланду, украшу оною сей памятникъ.

ВУЛКАНЪ.

Я съ моей слороны, присоединю къ сему трофеи.

уходятъ оба.

ЯВЛЕНІЕ IV.

НАРОДЪ.

Созидаютъ подножіе, и ставятъ на оное урну. Между тѣмъ поютъ.

ХОРЪ.

„Тебѣ сіе на память вѣчну
„Что жилъ ко счастію другихъ;
„Прими отъ насъ печаль сердечну,
„Твоихъ ужь нѣтъ намъ дней драгихъ.
„Живутъ однакъ благотворенья,
„Которыя ты изливалъ.
„Въ слезахъ сего среди мы пѣнья;
„Съ тобой никто ихъ не видалъ".

ЯВЛЕНІЕ V.

МЕРКУРІЙ *появляется на облакахъ; громъ ударяетъ, и мрачность премѣняется въ свѣтъ. Меркурій сходитъ съ облаковъ.*

МЕРКУРІЙ, *къ народу.*

Престаньте сетовать! я приношу вамъ радостную вѣсть: отрите слезы и торжествуйте. Милосердіе седящее на Россскомъ престолѣ, извѣстно чего вамъ не достаетъ! вы лишились начальника; оное посылаетъ къ вамъ мужа достойнѣйшаго, мужа по сердцу своему, который стократно вознаградитъ вамъ вашу утрату. Ликуйте жители областей Калужскихъ и Тульскихъ! стрѣтайте своего благодѣтеля и покровителя, приносящаго въ особѣ своей новой доводъ МОНАРШАГО о васъ благоволенія и попеченія' торжествуйте добродѣтельные и истинные сыны отечества; онъ мзда ваша. Подъ его правительствомъ заслуги наградятся истинныя, злоба умолкнетъ, притѣснители не воздѣйствуютъ, и пороки вострепещутъ. (*озираетъ урну*) Дѣйствіе ваше заслуживаетъ похвалу, но не мѣсто здѣсь сему памятнику. Естьли почившій заслужилъ ваше признаніе; оное останется въ сердцахъ вашихъ.—Совершимъ! (*касается жезломъ своимъ урны, оная исчезаетъ, а на мѣсто ея появляются сплетенныя буквы Е. П. К.*). Вотъ предметъ вашего счастія! возблагодарите Виновницу онаго, и радостію ознаменуйте день вашего блаженства.

Народъ производитъ рукоплесканія. НИМФА приноситъ Гирланду, а Вулканъ Трофеи; они изумляются перемѣнѣ, но вскорѣ показываютъ удовольствіе.

НИМФА.

Ему надлежитъ мое приношеніе.

обертываетъ вензель Гирландою.

ВУЛКАНЪ.

Трофеи сіи сюда приличны.

Кладетъ оныя у подножія.

НАРОДЪ.

„Прославимъ мы ЕКАТЕРИНУ,
„Прославимъ щедру Россовъ Мать!
„Блаженства нашего причину!
„Льзяль радостнѣе что сказать?
„Она на лаврахъ возлегая,
„Любовь къ намъ, милости являя,
„Для подданныхъ своихъ живетъ.
„Страны какъ солнце освѣщая,
„Мглу скорби нашей разрушая
„Се новый даръ щедротъ къ намъ шлетъ
„О! ты сей даръ что составляешь
„Къ кипящей радости въ крови,
„Способны здѣсь ты обретаешь
„Сердца къ покорности, любви.
„Что намъ дано въ тебѣ, мы знаемъ!
„Утрату нашу забываемъ;
„Удобенъ ты къ сему одинъ.
„Астрею къ намъ съ тобой послали!
„Имѣемъ то, чего желали!
„Живи возлюбленный Кашкинъ".

КОНЕЦЪ.

СПЕРАНСКІЙ И БАЛУГЬЯНСКІЙ

УЧАСТІЕ ИХЪ ВЪ СОСТАВЛЕНІИ СВОДА УЗАКОНЕНІЙ ДЛЯ ПРИБАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЙ.

(Изъ записокъ „Очевидца“ [1]).

Полагаемъ, что не совершимъ нескромности, обнаруживъ анонимъ автора предлагаемыхъ интересныхъ записокъ. „Очевидецъ“ разсказываетъ о себѣ; это онъ былъ предводителемъ эстляндскаго дворянства съ 1830 по 1836 г., а такъ какъ, въ теченіи этого времени эту должность занималъ г. ландратъ Гринвальдъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что только онъ, а не кто иной, могъ быть авторомъ этихъ записокъ. Разсказъ „Очевидца“, не смотря на нѣкоторую тенденціозность и желаніе возвеличить себя и своихъ товарищей-дворянъ насчетъ другихъ членовъ коммисіи, между прочимъ, передаетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ жизни замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей Сперанскаго и Балугьянскаго; вотъ главная причина, побудившая насъ извлечь его изъ малораспространеннаго нѣмецкаго изданія. Но внимательнаго читателя, помимо біографическихъ, могутъ заинтересовать также другія стороны откровенной исповѣди г. Гринвальда. Въ ней, можетъ быть, независимо отъ желанія автора, наглядно обнаруживается и тактика остзейскихъ патріотовъ въ вѣковой борьбѣ за свою самобытность и автономію и тѣ причины, почему остзейцы почти всегда выходили побѣдителями изъ неравной борьбы. Рѣшался, какъ мы видимъ изъ разсказа, государственный вопросъ первостепенной важности - распространять ли русскій сводъ законовъ на Прибалтійскія губерніи или оставляя все in statu quo, узаконить новымъ кодексомъ ихъ исключительное и привиллегированное положеніе въ государствѣ, а въ законодательную коммиссію, которая должна была рѣшить этотъ вопросъ, назначены были только трое русскихъ противъ восьми нѣмецкихъ членовъ. Съ одной стороны талантливые, связанные общими интересами юристы и люди фанатически преданные своей родинѣ, — съ другой: три дряхлыхъ старика, воспитанные на бюрократизмѣ и при концѣ своей служебной карьеры апатично относившіеся къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ. Можно ли было сомнѣваться въ исходѣ борьбы идей государственнаго единенія съ горячо отстаиваемой идеей сепаратизма! Въ настоящее время мы пожинаемъ плоды дальновидной политики уступокъ, сдѣланныхъ нашими государственными людьми 1830-хъ годовъ остзейцамъ.

А. Ч.

---

[1]) Извлеченіе изъ статьи, напечатанной въ Baltische Monatsschrift 1882, B. XXIX, журналѣ, издаваемомъ въ Ревелѣ, подъ редакціей Ф. Бинемана. **А. Ч.**

I.

Вопросъ о составленіи особаго свода мѣстныхъ узаконеній для Прибалтійскихъ губерній находился въ началѣ царствованія императора Николая въ слѣдующемъ положеніи. Въ 1829 г. вызвалъ Сперанскій лифляндскаго ландрата Самсона фонъ Химмельстіерна въ Петербургъ и поручилъ ему составить 2-ую часть свода, «законы о состояніяхъ». Если только подобный трудъ соотвѣтствовалъ силамъ одного лица, говоритъ «Очевидецъ», то конечно онъ могъ быть порученъ ни кому иному какъ г. Самсону. Ему единственно обязана наша нѣмецкая (?) страна тому, что получила отдѣльное самостоятельное законодательство. Какъ увѣряетъ г. Гринвальдъ, Сперанскій долго колебался и первоначально намѣревался распространить общій сводъ законовъ и на остзейскій край, дополнивъ его только мѣстными уклоненіями въ видѣ примѣчаній, точно такъ какъ впослѣдствіи было поступлено съ польскими законами въ западныхъ губерніяхъ.

Вторымъ важнымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ было учрежденіе губернскихъ комитетовъ. Въ каждомъ изъ нихъ предсѣдательствовалъ губернаторъ и членами комитета были представители дворянства, городовъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій. Задачей этихъ комитетовъ былъ разборъ работы Самсона, ея исправленіе и дополненіе. «Очевидецъ» удивляется почему всему этому не предшествовалъ соотвѣтственный манифестъ, въ которомъ бы ясно были выражены намѣренія правительства и который, такимъ образомъ, могъ бы успокоить тѣхъ, кто страшился за неприкосновенность своихъ исконныхъ правъ; однимъ словомъ—обѣщалъ бы остзейцамъ, что все дѣло ограничится лишь сводкою ихъ разсѣянныхъ законовъ. Особенно Эстляндія сильно чувствовала потребность въ сводѣ такого рода; ея законы отличаются разнохарактерностью и примѣненіе ихъ, даже для хорошихъ юристовъ, представляетъ не мало затрудненій. Но въ теченіи всего времени пока я былъ предводителемъ дворянства (1830—1836). говоритъ г. Гринвальдъ, такого успокоительнаго манифеста не появлялось, а потому эстляндское дворянство поручило мнѣ обратиться къ государю со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ я упоминалъ какъ о благополучіи населенія Эстляндіи, управляемой собственными учрежденіями, такъ и объ опасеніи, съ которымъ они смотрятъ на перемѣну оныхъ. Мою петицію закончилъ я просьбою къ Е. И. В-ву—соблаговолить оставить намъ нашъ старинный кодексъ, съ нашими рыцарскими и земскими правами, что однакожъ не помѣшаетъ намъ съ благодарностью принять всякую новую книгу (Buch), если она будетъ имѣть характеръ только учебнаго руководства,—можетъ послужить средствомъ для изученія права. Копію съ прошенія представилъ я при письмѣ Сперанскому. Нѣсколько дней спустя пригласилъ

онъ меня къ себѣ и тутъ-то я впервые увидѣлъ эту замѣчательную личность, съ которой мнѣ было суждено впослѣдствіи ознакомиться ближе. Меня поразила странная форма его совершенно обнаженнаго черепа, узкіе нѣсколько криво прорѣзанные глаза, постоянно полузакрытые, выдающіяся скулы и глухой голосъ. Принялъ меня Сперанскій довольно вѣжливо, но, въ чемъ я уже предупрежденъ былъ Самсономъ, отнесся непріязненно къ моей петиціи. Должно полагать, что ему пришлось выслушать отъ государя по отношенію къ ней кое-что не совсѣмъ пріятное; было очевидно, что государь поручилъ ему успокоить меня и увѣрить, что дѣло идетъ не о какихъ либо нововведеніяхъ, а лишь о вѣрнѣйшемъ сохраненія и укрѣпленія стараго.

Въ февралѣ 1836 г. оставилъ я должность предводителя дворянства, а въ апрѣлѣ новому предводителю Паткулю сообщено было генералъ-губернаторомъ (трехъ Прибалтійскихъ губ.) о томъ, что въ Петербургѣ, по высочайшему повелѣнію, назначена коммисія для разбора мѣстныхъ узаконеній, и что ему, генералъ-губернатору, предписано избрать отъ четырехъ [1]) дворянскихъ корпорацій, отъ городовъ Риги и Ревеля, по одному члену изъ каждаго общества и одного члена отъ всѣхъ курляндскихъ городовъ, и что назначенныя лица должны будутъ, совмѣстно съ гг. редакторами будущаго свода, заняться разборомъ (Revision) законовъ во II отдѣленіи соб. Е. В. канцеляріи. Вслѣдствіи сего баронъ Паленъ предлагалъ дворянскому комитету назначить двухъ кандидатовъ, изъ коихъ онъ, генералъ-губернаторъ, выберетъ одного для присутствія въ ревизіонной коммисіи. Выборъ палъ на меня. Первой моей мыслію было отказаться, такъ какъ я только что освободился отъ нелегкой 6-ти лѣтней службы и составилъ было себѣ совершенно иной планъ жизни. Но главнымъ мотивомъ отказа было сознаніе своей неспособности къ предлежащему дѣлу. Правда, я слушалъ въ Дерптѣ и заграницей юридическія лекціи, былъ три года засѣдателемъ въ ландгерихтѣ, но настоящимъ юристомъ считать себя не могъ. По просьба моя объ увольненіи не была уважена. Генералъ-губернаторъ отвѣтилъ, что о моемъ назначеніи уже дано знать въ Петербургъ и измѣнить тутъ ничего нельзя. Въ утѣшеніе мнѣ прибавилъ онъ, что, можетъ быть, впослѣдствіи, и представится возможность отдѣлаться отъ порученія и онъ, съ своей стороны, поможетъ мнѣ въ этомъ... Теперь, когда я уже пережилъ это время, я долженъ сознаться, что при возложенныхъ на меня занятіяхъ я встрѣтилъ затрудненія гораздо бо́льшія и разнообразнѣйшія, чѣмъ могъ предполагать...

Мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ пріискать себѣ въ помощники дѣльнаго юриста; вскорѣ нашелъ я такого въ лицѣ секретаря оберландге-

---

[1]) Дворянства: Лифляндскаго, Эстляндскаго, Курляндскаго и Эзельскаго.
А. Ч.

рихта Паукерѣ, который послѣ нѣкотораго колебанія и согласился сопровождать меня въ Петербургъ.

Открытіе засѣданій было, послѣ нѣсколькихъ отстрочекъ, назначено въ іюлѣ 1836 г. и я прибылъ въ Петербургъ 12-го числа. На другой же день поспѣшилъ я представиться моему начальству. Сперанскій жилъ на дачѣ въ Царскомъ Селѣ, но тайнаго совѣтника Балугьянскаго я засталъ дома, такъ какъ онъ его почти никогда не оставлялъ и даже рѣдко выходилъ изъ своей комнаты. Это былъ дородный старикъ лѣтъ 70, съ выразительной головой, густо покрытой сѣдыми волосами. Онъ былъ очень крѣпокъ на ухо и бо̀льшую часть дня проводилъ въ халатѣ, не совершенно прикрывавшемъ его, сидя въ креслѣ у стола, на которомъ валялись въ крайнемъ безпорядкѣ книги, газеты и бумаги; въ этомъ креслѣ онъ читалъ, разговаривалъ съ своими чиновниками или спалъ. Вставалъ онъ въ 5 часовъ; отъ 11 до 3, а послѣ обѣда отъ 6 до 9 часовъ отдыхалъ онъ на этомъ самомъ креслѣ и затѣмъ уже бодро работалъ долго за полночь, такъ что для ночнаго сна оставалось у него очень не много времени. Балугьянскій былъ родомъ венгерецъ [1]), прибылъ въ Россію очень молодымъ и состоялъ преподавателемъ императора Николая. Послѣ того былъ онъ профессоромъ въ петербургскомъ университетѣ, служилъ также въ министерствѣ финансовъ и наконецъ назначенъ директоромъ (?) II отдѣленія. Онъ обладалъ массой разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, зналъ почти всѣ европейскіе языки, но хорошо не говорилъ ни на одномъ на нихъ, за исключеніемъ, можетъ быть, венгерскаго (?). Латинскій языкъ пользовался его особой любовью и всѣ его замѣтки, все что онъ записывалъ для себя, было на латинскомъ. Ученость его нерѣдко приводила насъ въ изумленіе. Какой нибудь неважный поводъ, какой-либо мимолетный вопросъ для него, вообще любившаго поучать (dociren), были достаточны, чтобы прочитать намъ экспромтомъ полную лекцію, которая поражала насъ своей ученостью. Бесѣда съ нимъ была поучительна и интересна. Помню я, наприм., его ученую диссертацію о томъ, что должно понимать подъ выраженіемъ status, когда въ одномъ изъ нашихъ засѣданій намъ пришлось опредѣлять понятіе о сословіи. Балугьянскій былъ человѣкъ вполнѣ честный и достойный уваженія; образъ мыслей его былъ консервативный; горячій почитатель императора, онъ ненавидѣлъ французовъ даже до смѣшнаго. Въ его консерватизмѣ ви-

---

[1]) Авторъ ошибается: М. А. Балугьянскій былъ славянскаго происхожденія, карпато-россъ, и былъ вызванъ въ Россію вмѣстѣ съ В. Г. Кукольникомъ, П. Д. Лоди и А. П. Стайковичемъ. Онъ былъ профессоромъ политическихъ наукъ въ Велико-Варадской академіи, въ Венгріи. (См. Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко, изд. Н. Гербеля).

А. Ч.

дѣли мы вѣрное ручательство въ сохраненіи нашихъ правъ, тѣмъ болѣе, что онъ вообще сочувствовалъ германскому праву и строю. Въ его внѣшности встрѣчалась какая-то неуклюжесть и грубоватость, а страстная его натура увлекала его неоднократно къ непослѣдовательности. Его жена и восьмеро [1]) дочерей, которыя натурально не всѣ были безупречны, вредно вліяли на него, и долговременнымъ сохраненіемъ своей должности онъ обязанъ единственно положенію, которое онъ въ прежнее время занималъ при императорѣ. Въ послѣднее время онъ уже не былъ способенъ заняться серьезнымъ дѣломъ: онъ какъ будто терялся посреди массы своихъ знаній и его не безъ основанія прозвали la bibliotheque renversée (опрокинутая библіотека). Мы впослѣдствіи очень сблизились другъ съ другомъ и я никогда не забуду его дружескаго ко мнѣ расположенія. Не таково было наше первое свиданіе. Первоначально меня отталкивала отъ него его грубая неуклюжесть, затѣмъ мы поспорили объ употребленіи римскаго права, какъ вспомогательнаго средства и вообще о его достоинствѣ и, проспоривъ 3½ часа, не пришли къ какому либо удовлетворительному результату. Прежде чѣмъ я ушелъ отъ него, спросилъ онъ меня женатъ ли я, имѣю-ли дѣтей и проч. и сказалъ, чтобы я приготовился на не меньшую какъ 3 мѣсяч. разлуку съ ними. «Я приготовился на три года», былъ мой отвѣтъ. Старикъ посмотрѣлъ на меня большими и недовольными глазами. Когда я, впослѣдствіи, по окончаніи нашихъ трудовъ, напомнилъ ему объ этомъ разговорѣ, онъ, добродушно улыбаясь, извинялъ себя тѣмъ, что онъ во всю жизнь свою былъ плохимъ пророкомъ.

II.

16 іюля посчастливилось мнѣ застать дома Сперанскаго, пріѣхавшаго въ Петербургъ на нѣсколько дней. Онъ принялъ меня крайне вѣжливо, но не показалъ и виду, что мы съ нимъ уже встрѣчались и даже очень не давно. До самой его смерти, я часто бывалъ въ его домѣ, или вѣрнѣе сказать, въ домѣ его дочери. Онъ съ чрезвычайною любезностью, при первомъ же моемъ визитѣ, пригласилъ посѣщать его. У Сперанскаго была только одна нѣжнолюбимая дочь. Она въ 1811 г. послѣдовала за нимъ

[1]) Сколько намъ извѣстно не 8, а 7 дочерей. Одна изъ нихъ г-жа Д., женщина съ необыкновенными способностями, прославилась въ 50-хъ годахъ въ качествѣ начальницы института, своими эксцентрическими выходками. Бывши женою полковаго командира, г-жа Д. управляла полкомъ, а затѣмъ разъѣхавшись съ мужемъ, съ привычками и замашками полковаго командира прежнихъ временъ, принялась, съ свойственною ей ретивостью, за воспитаніе дѣвицъ.

А. Ч.

въ ссылку и никогда не разлучалась съ нимъ. Одаренная прекрасными качествами ума и сердца, она получила превосходное образованіе и была уже взрослою дѣвушкою, когда Сперанскій возвратился изъ Сибири. Онъ снова сталъ пользоваться милостью государя; его умъ, познанія и опытность нашли надлежащую оцѣнку и онъ опять занялъ подобающее ему мѣсто въ обществѣ. Недоставало ему одного: аристократической крови. Поправить этотъ недостатокъ могло лишь знатное замужество дочери. Случай къ тому скоро представился. Сперанскій былъ весьма близокъ къ князю Кочубею, впослѣдствіи предсѣдателю государственнаго совѣта, и его дочь вышла замужъ за родственника послѣдняго Фролова-Багрѣева. Это родство должно было замѣнить собою многое другое. Сперанскій занималъ квартиру, соединявшуюся съ квартирою его дочери; хозяйство у нихъ было общее, въ гостиной и за обѣденнымъ столомъ дочери присутствовалъ всегда и отецъ ея.

Изобразить характеристику этого замѣчательнаго человѣка—задача весьма нелегкая: я никогда не встрѣчалъ личности болѣе осторожной (abgemessen) и скрытной. Онъ рѣдко когда прямо и рѣшительно высказывался и избѣгалъ говорить не только о политикѣ, но и вообще о серьезныхъ вещахъ; трудно было изъ его физіономіи узнать о его искреннемъ мнѣніи. Когда случалось ему докладывать о чемъ либо и отъ него требовался отвѣтъ, то онъ обыкновенно отдѣлывался словами «fort bien». Эти слова однакожъ не означали его одобренія, но, какъ я узналъ опытомъ, служили знакомъ того, что онъ слышалъ, о чемъ была рѣчь.

Его считали противникомъ нашихъ (остзейскихъ) учрежденій и не безъ опасенія смотрѣли на то, что онѣ попали въ его руки. Я съ этимъ не могу согласиться. Онъ безстрастно разсуждалъ о сохраненіи того, что̀ собственно составляетъ наше право и никогда въ моемъ присутствіи не обнаруживалъ мнѣнія, изъ котораго бы можно было заключить о его къ намъ расположеніи или нерасположеніи. Нужно сказать и то, что при его жизни наши дѣла находились въ весьма хаотическомъ положеніи и моментъ окончательнаго рѣшенія еще не наступилъ.

III.

Представивъ характеристику Балугьянскаго и Сперанскаго, «Очевидецъ» знакомитъ насъ съ своими товарищами по занятіямъ въ коммисіи. Это были предводители дворянства лифляндскаго—Лёвисъ,—курляндскаго—Клопманъ,—эзельскаго стат. сов. фонъ Поль, начальникъ отдѣленія департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, впослѣдствіи директоръ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ; депутаты: города Риги—бургомистръ Тиммъ,—Ревеля—ратсгеръ Гонсіоръ и представитель всѣхъ курляндскихъ городовъ городской секретарь Борхерсъ. Достоинства своихъ товарищей-дворянъ г. Гринвальдъ выставляетъ въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ; не столь благосклонно относится онъ къ представителямъ городовъ. Вотъ какъ онъ отзывается о Тиммѣ, тестѣ нашего знаменитаго К. П. Брюллова [1]). Бургомистръ Тиммъ обладалъ многостороннимъ образованіемъ, былъ знатокъ художествъ, манеры его были привлекательны и изысканны, но тенденціи его были загадочны. То онъ стоялъ за русское право и выражалъ желаніе о его полномъ примѣненіи, то отвергалъ его безусловно и отдавалъ предпочтеніе римскому праву или отстаивалъ свое рижское городское право—во всемъ этомъ незамѣтно было строгой послѣдовательности. Главнымъ же недостаткомъ Тимма въ глазахъ «Очевидца», повидимому, было его несочувствіе къ дворянскимъ интересамъ. У Тимма были знакомства и связи въ Петербургѣ и, мало принимая участіе въ частныхъ засѣданіяхъ членовъ, онъ предпочиталъ обдѣлывать свои дѣла на сторонѣ. Вотъ почему г. Гринвальдъ отзывается о немъ, какъ о мало полезномъ членѣ коммисіи.

Еще въ болѣе непривлядномъ свѣтѣ выставлена «Очевидцемъ» личность ревельскаго депутата ратсгера Гонсіора. Онъ не могъ, по словамъ г. Гринвальда, ни придти къ соглашенію съ кѣмъ либо изъ нихъ, ни ужиться. Послѣ такой характеристики не должно удивляться, что остальные члены коммисіи, правительственные чиновники, изображаются авторомъ записокъ въ какомъ-то каррикатурномъ видѣ. «Со стороны министерства юстиціи, повѣствуетъ г. Гринвальдъ, былъ назначенъ д. с. с. Владиславлевъ—какой-то отупѣвшій отъ старости оберъ-прокуроръ. Передъ тѣмъ служилъ онъ въ Ригѣ переводчикомъ въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ и приданъ къ нашей коммисіи, потому что будто бы онъ зналъ нѣмецкій языкъ. Онъ, однако же, коверкалъ на этомъ языкѣ лишь нѣсколько словъ, ни-

---

[1]) Если не ошибаюсь, издатель „Русскаго Художеств. листка“ [1851—1862 гг.] былъ сынъ этого Тимма. А. Ч.

чего не понималъ въ нашихъ разсужденіяхъ, но тѣмъ болѣе ненавидѣлъ насъ и нашъ будущій сводъ узаконеній. По его мнѣнію, этотъ сводъ былъ совершенно лишней затѣей и все, что уклонялось отъ русскихъ законовъ, онъ называлъ «безпорядкомъ». Это существо (Wesen) было привлечено въ комисію по желанію Сперанскаго, въ видѣ сдѣлки съ министерствомъ юстиціи, дабы будущій сводъ можно было непосредственно представить на утвержденіе въ государственный совѣтъ».

«Членами коммисіи считались также три редактора изъ чиновниковъ. Это были петербургскіе нѣмцы, получившіе свое образованіе въ царскосельскомъ лицеѣ [1]). Всѣ трое были статскіе совѣтники и украшены многими орденами, хотя каждому изъ нихъ было не болѣе 30 л. отъ роду. Повидимому, они причислялись къ наиболѣе образованнымъ и потому, по ходатайству Сперанскаго, быстро достигли высокаго чина. О ихъ дѣятельности сообщу ниже, но удивляюсь, какъ еще, при ихъ образованіи, они что нибудь могли сдѣлать. Лучшей головой между ними обладалъ и наиболѣе податливости обнаружилъ X. Онъ съ теченіемъ времени кое-чему научился и сдѣлался пригоденъ къ дѣлу. Но онъ постоянно обижался замѣчаніями своихъ сочленовъ, спорилъ безъ основанія и въ первое время особенно настаивалъ на замѣнѣ нашего права русскимъ. Онъ не могъ переносить даже замѣчаній предсѣдателя и всегда отвѣчалъ на нихъ необычайно гнѣвнымъ выраженіемъ лица».

«Y. обладалъ безспорно большими знаніями, особенно въ литературѣ, но онъ никакъ не могъ осилить своей задачи. Въ противоположность X. онъ не былъ въ состояніи защищать ни одно изъ своихъ положеній, исправлялъ въ нихъ все, что требовали, но несмотря на свои обѣщанія, нерѣдко, если его не принуждали къ тому, въ тотъ же моментъ, забывалъ дѣлать необходимыя поправки. Короче, онъ принималъ все безъ всякой критики, ревновалъ къ X., если работу его находили болѣе годною; отношенія его къ намъ принимали все болѣе и болѣе непріятный характеръ и наконецъ онъ оставилъ коммисію».

«Третій, Z., былъ красивый молодой человѣкъ съ розовыми щеками, съ бѣлокурыми волосами, которому очень шелъ его Владиміръ 3-й степени. Но болѣе о немъ сказать нечего. Это былъ человѣкъ совершенно неспособный и задача его была совершенно не по плечу ему. Вотъ каковы были люди, на которыхъ возлагали составленіе свода законовъ для остзейскихъ губерній и которымъ былъ порученъ и правовый порядокъ, и будущность нашего дорогаго отечества. Убійственно!»

---

[1]) По нашимъ свѣдѣніямъ были это чиновники II отд. собственной Е. В. канцеляріи: Кангеръ, Цеймернъ и Кёлеръ. Если не ошибаемся, Кангеръ, впослѣдствіи сенаторъ, былъ женатъ на дочери Балугьянскаго. А. Ч.

«Они значительно облегчили бы себѣ свою задачу, принявъ за основу работу Самсона. Въ то время она прошла уже нѣсколько разъ черезъ очистительный огонь, была исправлена по замѣчаніямъ губернскихъ комитетовъ и, снова разработанная Самсономъ, представлялась въ законченномъ видѣ. Какъ-бы легка была тогда наша задача! Мы могли поручиться за основательность труда и наши провинціи были бы совершенно довольны, ибо эта работа служила выраженіемъ ихъ желаній».

«Но дѣло приняло иной оборотъ. Не могу положительно сказать, кѣмъ былъ первоначально произнесенъ приговоръ надъ работою Самсона, но приговоръ этотъ былъ провозвѣщенъ Сперанскимъ, а Балугьянскій и редакторы повторили за нимъ, что она никуда не годится и что они, редакторы, намъ предложатъ свой самостоятельный трудъ, основанный на строгой системѣ Свода законовъ. Мы глубоко опечалились. Сводъ законовъ грозилъ поглотить насъ; во всякомъ случаѣ наше положеніе затруднялось уже тѣмъ, что мы должны были сойти съ знакомой намъ почвы».

Вслѣдъ за симъ „Очевидецъ“, приведя начало работы одного изъ редакторовъ, X., главу о судоустройствѣ, какъ образчикъ его неспособности, продолжаетъ: «Этотъ образчикъ свидѣтельствуетъ, что о нашей исторіи права никто ничего не зналъ, или знать не хотѣлъ, (точно также какъ и нашу политическую исторію) и что всѣ цитаты заимствованы были изъ Свода законовъ, а источники нашего права, наши привиллегіи, капитуляціи [1]) или вовсе не были приняты во вниманіе или только насколько это было угодно г-ну X. Въ виду такихъ тягостныхъ для насъ обстоятельствъ, поспѣшилъ я вызвать въ Петербургъ предводителя дворянства Паткуля, дабы онъ могъ совмѣстно съ другими представителями нашихъ провинцій принять соотвѣтствующія положенію дѣлъ мѣры».

---

[1]) Здѣсь кстати упомянуть, что подробныя условія этихъ пресловутыхъ капитуляцій, на которыхъ наши остзейцы основываютъ свою автономію и своеобразность, никогда не подвергались строгому и критическому изслѣдованію нашихъ историковъ. Между прочимъ существуетъ преданіе, что подлинный текстъ этихъ капитуляцій вытребованъ былъ Екатериною II и исчезъ въ петербургскихъ архивахъ, и что имѣющіяся съ него копіи могли въ теченіи времени подвергнуться измѣненіямъ. Несомнѣнно то, что на нѣкоторые изъ „акордныхъ пунктовъ“ этихъ капитуляцій вовсе не воспослѣдовало царской резолюціи и утвержденіе ихъ было отложено до другаго времени. (См. Bunge Chron. Repertorium). А. Ч.

IV.

«Между тѣмъ мы получили приглашеніе на открытіе засѣданій, назначенное на 23 іюля. Засѣданія происходили во II отд. собств. Е. В. канцеляріи, въ домѣ на Литейной, противъ Симеоновскаго переулка». (Описавъ роскошное помѣщеніе и всю обстановку, авторъ продолжаетъ:) «Здѣсь-то собрались тайные совѣтники Сперанскій и Балугьянскій, всѣ депутаты нашихъ провинцій и городовъ, трое редакторовъ и еще двое молодыхъ людей, которые сначало были лишь причислены къ канцеляріи, но впослѣдствіи также играли роль въ этой исторіи,—курляндецъ баронъ Раденъ и графъ Сиверсъ, сынъ сенатора. Когда мы размѣстились по старшинству (?) провинцій, засѣданіе открылось прочтеніемъ историческаго изложенія законодательства Россіи, сперва на русскомъ, а потомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Составителемъ этого интереснаго обзора былъ самъ Сперанскій. Между прочимъ въ этомъ обзорѣ упомянулось, что пять кодификаціонныхъ коммиссій разошлись безъ всякаго результата, наше же настоящее собраніе мотивировалось просьбою Лифляндіи,—вскорѣ послѣ подчиненія ея Россіи,—привести законы страны въ лучшій порядокъ. Въ заключеніе была прочтена наша инструкція, въ которой объявлялось, чтобы мы не безпокоились о системѣ новаго кодекса, а лишь занялись исправленіемъ и пополненіемъ того проекта, который намъ имѣетъ быть представленъ; однимъ словомъ все то же, что рекомендовалось и провинціальнымъ комитетамъ. Но къ этому присоединенъ былъ намекъ на то, что на нашу работу не слѣдуетъ смотрѣть какъ на нѣчто законченное и что сказать въ ней послѣднее слово предоставляетъ себѣ самъ Сперанскій».

«Вообще первое засѣданіе успокоило насъ нѣсколько и я написалъ Паткулю, что онъ своей поѣздкой можетъ повременить. Въ этомъ же засѣданіи подверглись обсужденію нѣкоторыя изъ нашихъ заявленій противъ проекта, и Сперанскій, къ немалому нашему удовлетворенію, соглашался съ основательностію ихъ и находилъ справедливымъ удовлетвореніе нашихъ жалобъ. Онъ даже высказалъ частнымъ образомъ (это намъ передали редакторы), что вмѣсто цитатъ изъ Свода лучше бы приводить буквально текстъ подлежащихъ статей, о чемъ мы и могли-бы условиться съ редакторами. Такія рѣчи не только успокоивали насъ, но и не могли не повліять на редакторовъ, которые начали относиться гораздо мягче къ дѣлу и заявили намъ, что можно будетъ и не подвергать обсужденію въ коммисіи тѣхъ нашихъ возраженій, относительно которыхъ состоится предварительное соглашеніе. При такихъ-то условіяхъ открылось 3 августа наше первое засѣданіе. Здѣсь заговорилъ г. Балугьянскій, а насколько онъ былъ охотникъ до рѣчей,—испытали мы не разъ въ продолженіи нашихъ продолжительныхъ

занятій. Онъ началъ съ общаго обозрѣнія русскаго законодательства и обратился затѣмъ къ любимой своей темѣ, къ составленію Свода, который онъ считалъ своимъ дѣтищемъ и подвергъ всѣ его 15 томовъ самому подробному анализу. И впослѣдствіи онъ неоднократно рекомендовалъ намъ это дѣтище со всѣми его 15 отдѣльными частями и четырьмя прибавленіями. Это дѣтище въ своей сѣрой оболочкѣ, съ желтой спинкой, лежа на столѣ передъ нами, и безъ того мозолило глаза, не возбуждая въ насъ, я увѣренъ, желанія ближайшаго съ нимъ знакомства. У каждаго изъ насъ находилось на попеченіи свое любимое дѣтище и мы опасались, чтобы оно отъ сближенія съ этимъ сѣрокафтанникомъ, не заразилось и не переняло его дурныхъ привычекъ. Засимъ Б. перешелъ къ нашему мѣстному законодательству и въ заключеніе рѣшилъ, что все оно будетъ состоять изъ пяти томовъ, къ которымъ, быть можетъ, еще будетъ присоединенъ шестой: «крестьянское положеніе». Начало перваго тома, заключилъ онъ, находится передъ нами и мы можемъ начать свою работу».

«Авторъ этого тома приступилъ къ чтенію и каждому изъ насъ, по старшинству провинцій и городовъ, предоставлено было высказать свое мнѣніе. Какъ и слѣдовало ожидать, не только каждое слово проекта, но и тенденція его подверглись жестокой критикѣ, указавшей и ложное его основаніе, и непониманіе дѣла, и пробѣлы. Автору дали косвеннымъ образомъ понять, что все его изданіе крайне плохо и никуда не годится».

«Такого оборота дѣла гг. законодатели вовсе не ожидали; они воображали, что «ревизія» есть самое легкое дѣло и кончится къ общему удовольствію не позже, какъ къ Рождеству. Авторъ, конечно, не могъ не защищать свою работу. Онъ принялся за это съ постоянно увеличивающимся неудовольствіемъ и засѣданіе наше окончилось безъ всякаго результата; только постановили собираться два раза въ недѣлю отъ 12 до 4 часовъ».

«Въ слѣдующее за тѣмъ и въ другія засѣданія пошло дѣло не только не лучше, но еще хуже, по мѣрѣ того какъ мы больше и больше расходились въ мнѣніяхъ. Какъ только кончилъ говорить и спорить Лёвисъ, начиналъ я, за мной Клопманъ и т. д.; каждый начиналъ съ начала и приводилъ новые доводы, упущенные его предшественникомъ. Г. Гонсіоръ требовалъ иного начала, формальнаго введенія, точныхъ опредѣленій, развитія тезисовъ. Редакторъ всего этого и знать не хотѣлъ, становился все несговорчивѣе и наконецъ, когда уже всѣ доводы его были исчерпаны, прикрывался будто-бы сообщенными ему инструкціями, мнѣніями и приказаніями Сперанскаго. Недовѣріе возрастало, уступчивость уменьшалась и часто спорили изъ за какого либо слова, какъ это часто бываетъ при разносторонних взглядахъ на вещи. Самымъ спокойнымъ оставался нашъ предсѣдатель, потому что не слышалъ о чемъ идетъ рѣчь. Когда же по его требованію ему сообщали, по возможности громкимъ голосомъ, о предметѣ на-

шихъ споровъ, то онъ не приводилъ насъ къ соглашенію, ибо, или не вслушавшись хорошенько, заводилъ рѣчь о совершенно другомъ, или останавливался на побочныхъ предметахъ столь долго, что забывалъ о главномъ и до того запутывался въ своихъ доказательствахъ, что не приходилъ къ никакимъ окончательнымъ выводамъ; такимъ образомъ дорогое время непростительно растрачивалось. Перебивать свою рѣчь нашъ предсѣдатель не дозволялъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему желали выяснить его недоразумѣніе и всегда сердился на это. Не смотря однакожъ на глухоту, онъ услышалъ ссылку редактора на Сперанскаго и, подумавъ, что тотъ, вѣроятно, предварительно совѣщался съ послѣднимъ, не прощалъ ему этого въ теченіи долгаго времени».

«При такомъ ходѣ дѣла, въ каждомъ засѣданіи мы едва успѣвали кончать одну статью, да и то такъ, что не закончивъ совершенно предъидущую, переходили къ слѣдующей. Польскій комитетъ, вслѣдствіе рѣзкихъ несогласій своихъ членовъ, былъ распущенъ и депутаты его отправились по домамъ. Несмотря на то, что мы между собою жили въ согласіи, и насъ могла постигнуть та же участь, хотя бы только за то, что работа наша не подвигалась впередъ и мы только даромъ тратили и время, и деньги. Каждый изъ членовъ коммисіи получалъ столовыхъ по 500 р. въ мѣсяцъ. Чтобы причину замедленія не приписали намъ, депутатамъ, мы устроили между собой частныя засѣданія предъ каждымъ офиціальнымъ. На нихъ мы всѣ замѣчанія членовъ къ какой либо статьѣ сводили въ одно общее, которое потомъ и докладывалось однимъ изъ насъ безъ вмѣшательства 7 или 8 членовъ. Конечно, это касалось лишь тѣхъ статей, которыя выражали наши общіе интересы, при такъ называемыхъ общихъ опредѣленіяхъ (Bestimmungen). Но если статья касалась исключительно одной изъ нашихъ провинцій, то право дѣлать замѣчаніе предоставлялось исключительно ея представителю, впрочемъ только въ случаѣ, если не оказывалось необходимости соглашенія сословій, наприм., Риги съ Лифляндіей или Ревеля съ Эстляндіей и т. д.».

«Объ этомъ нашемъ уговорѣ сообщили мы предсѣдателю и получили его согласіе. Мы пригласили въ наши засѣданія также редактора и скоро испытали хорошія послѣдствія этой мѣры. Въ тѣ дни, когда не было офиціальныхъ засѣданій, мы собирались на квартирѣ г. Лёвиса. На этихъ частныхъ засѣданіяхъ мы чувствовали себя гораздо свободнѣе, обмѣнивались мнѣніями безъ всякаго стѣсненія; редакторъ же убѣдился, что мы вовсе не слѣпые оппоненты правительства и его чиновниковъ. При этомъ случаѣ онъ могъ изучить наши учрежденія, ихъ узаконенность и цѣлесообразность; при ближайшемъ знакомствѣ, взаимное недовѣріе исчезло, возраженія упрощались и, будучи зрѣло обсуждены, по большей части одобрялись и въ офиціальныхъ засѣданіяхъ. Сперанскій и Балугьянскій ближе познакомились

лично съ нѣкоторыми изъ насъ и «разборъ» съ каждой недѣлей подвигался впередъ. Мы начали питать надежду, что получимъ сносный кодексъ и нѣсколько поуспокоились»...

... «Но вскорѣ мы открыли, что подлежащій разбору проектъ не былъ какъ слѣдовало законченъ и что даже та часть его, которая касалась судоустройства, съ котораго мы начали разборъ, была только начата. Поэтому случалось «разбору» неоднократно опережать проектъ и однажды въ серединѣ сентября мѣсяца произошелъ такой продолжительный антрактъ, что мнѣ представилась возможность уѣхать восвояси на двѣ недѣли».

Потѣшившись надъ однимъ изъ депутатовъ, ратсгеромъ Гонсіоромъ, который въ качествѣ предсѣдателя «городскаго военнаго (!) суда» представилъ объ этомъ странномъ учрежденіи 45 мелкоисписанныхъ листовъ примѣчаній, «Очевидецъ» продолжаетъ:

«Въ теченіи октября дошли мы до 2-го тома, до законовъ о сословіяхъ, изложеніе которыхъ было ввѣрено молодому Z. Такъ какъ дворянскія привиллегіи были лучше извѣстны тогдашнему секретарю дворянства, чѣмъ мнѣ, то я пригласилъ его прибыть ко мнѣ на помощь».

...«Не большаго труда требовалось, чтобы убѣдиться въ совершенной непригодности проектированныхъ узаконеній. Привожу для образчика въ какомъ видѣ редакторомъ были изложены нѣкоторыя корпораціонныя права дворянства: Дворянство имѣетъ право совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ (Oeffentliche Angelegenheiten). Г. Z. подразумѣвалъ права нашего ландтага, но у него вышло такъ, что дворянство пользуется правомъ рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ. Право же облагать дворянъ для общественныхъ нуждъ явилось въ его редакціи какъ право собирать (коллектировать) добровольные взносы и т. д.».

«Во всемъ этомъ было мало отраднаго, но противъ нашего ожиданія дѣла наши пошли лучше, нежели при «разборѣ» перваго тома. Z. былъ прекрасный, миролюбивый молодой человѣкъ и старался избѣгать споровъ. Его редакція статей даже не была предметомъ преній, ибо, будучи хорошо подготовленными, мы были въ состояніи не только указывать ошибки, но и диктовать цѣлыя статьи въ новой ихъ редакціи. Наши исправленія касались не отдѣльныхъ выраженій, но каждый изъ насъ разработывалъ систематически и формулировалъ цѣлые отдѣлы, что Z. принималъ всегда съ благодарностію. Когда онъ находилъ, что мы въ нашихъ корректурахъ переступали извѣстныя границы, то отправлялся къ Сперанскому и возвращался всегда съ обѣщаніями исполненія нашихъ желаній.

V.

«Но мирныя наши отношенія были только предшественниками большаго сраженія, которое и разыгралось, когда мы дошли до права на владѣнія помѣстьями». Развертывая передъ нами исторію этого права, г. Гринвальдъ въ довольно длинномъ изложеніи доказываетъ, что оно принадлежало исключительно мѣстному «иматрикулированному» дворянству. По словамъ автора, опасность дворянскому корпораціонному праву стала угрожать лишь со времени подчиненія Прибалтійскихъ губерній русскому правительству, такъ какъ въ Россіи сверхъ родового существовало еще «14 ногое» (классное) дворянство, противъ наплыва котораго въ Остзейскій край необходимо было принять дѣйствительныя мѣры. Въ Курляндіи, по самому устройству дворянской корпораціи, опасность эта не существовала; въ Лифляндіи, при переходѣ помѣстья въ постороннія руки, права иматрикулированнаго дворянства, благодаря генералъ-губернатору Брауну (въ 1774 г.), были ограждены разными ограниченіями; въ Эстляндіи же на практикѣ происходило нѣкоторое колебаніе въ примѣненіи дворянскаго права исключительнаго владѣнія помѣстьями. Учрежденіе намѣстничествъ съ 1783 по 1796 г. и русская дворянская грамота 1785 года нанесли остзейскимъ привиллегіямъ смертельный ударъ. Хотя Павломъ Петровичемъ въ 1796 г. и были онѣ возстановлены, но уже множество лицъ не дворянскаго сословія или выслужившіеся иностранцы владѣли помѣстьями, отнять которыя отъ нихъ не представлялось возможности; наконецъ одинъ эстляндскій губернаторъ, когда вышло въ 1816 году «Крестьянское положеніе», предоставлявшее крестьянамъ право пріобрѣтать землю, рѣшилъ, на основаніи этого положенія, что правомъ покупать помѣстья могутъ пользоваться лица всѣхъ сословій. «Очевидецъ» жалуется на то, что бóльшая часть его собратій относились довольно равнодушно къ нарушенію ихъ привиллегій и нѣкоторые изъ нихъ даже противились возстановленію оныхъ. «Вступивъ въ должность дворянскаго предводителя, говоритъ г. Гринвальдъ, первой моей заботой было возстановленіе «чести» (Ehre) нашего стариннаго права. Наше дворянство еще въ 1819 г. просило объ измѣненіи § 4 крестьянскаго положенія и чтобы на него былъ распространенъ § 54 Лифляндскаго крестьянскаго положенія, точно опредѣляющій характеръ дворянскаго имѣнія и коимъ владѣніе помѣстьями предоставлялось исключительно дворянамъ. Прошенію этому данъ былъ надлежащій ходъ генералъ-губернаторомъ и, сверхъ ожиданія, состоялось въ государственномъ совѣтѣ 2 августа 1829 г. такое мнѣніе: «Настоящія дворянскія помѣстья въ Эстляндіи, со всѣми соединенными съ симъ владѣніемъ правами и преимуществами, принадлежащія иматрикулированному дворянству, могутъ быть передаваемы въ наслѣдственное владѣніе не

иначе какъ лицамъ того же самаго сословія и т. д.». Это мнѣніе государственнаго совѣта не было, какъ слѣдовало, сообщено эстляндскому оберъландгерихту и это судебное учрежденіе по прежнему продолжало совершать купчія крѣпости, не разбирая дворянскихъ привиллегій». Затѣмъ г. Гривальдъ въ 1834 г., совмѣстно съ лифляндскимъ предводителемъ дворянства, подалъ на высочайшее имя прошеніе, въ коемъ жаловались они на захватъ дворянскихъ владѣній лицами, не имѣвшими на то никакого права, причемъ ссылались на упомянутое мнѣніе государственнаго совѣта.

«Въ такомъ положеніи находился вопросъ о владѣніи помѣстьями, когда, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Балугьянскій пригласилъ къ себѣ всѣхъ дворянскихъ депутатовъ, чтобы встрѣтившіяся сомнѣнія разрѣшить частнымъ образомъ. Возникъ вопросъ: какъ называть дворянство, принадлежащее къ корпораціи—иматрикулированнымъ, какъ оно называлось въ Лифляндіи и Эстляндіи, или—туземнымъ (Indeginatsadel). Балугьянскій при этомъ заставилъ редактора прочитать намъ, въ видѣ опыта, то мѣсто проекта, которое относилось къ этому вопросу. Каково было наше удивленіе, восклицаетъ представитель эстляндскаго дворянства, когда мы услышали, что дворянскія помѣстья въ Курляндіи могутъ быть пріобрѣтаемы индигинатнымъ дворянствомъ, а въ Лифляндіи и Эстляндіи также имперскимъ или классенымъ дворянствомъ. Не знаю, было ли это сказано серьезно или только съ тѣмъ, чтобы убѣдиться въ эфектѣ, который произведетъ на насъ эта фраза. Подобно звѣрю, котораго раздразнили въ его логовищѣ, бросился я горячо отстаивать наше право: называть ли насъ иматрикулированнымъ или индигенатнымъ дворянствомъ—это совершенно безразлично, сказалъ я, здѣсь дѣло идетъ о совершенно иномъ». Г. Гривальдъ настойчиво требовалъ уравненія въ этомъ правѣ эстляндскаго дворянства съ курляндскимъ, а не съ лифляндскимъ, скомпрометтировавшимся въ 1774 г. [1]). Требованіе его было уважено и въ напечатанномъ проектѣ статья явилась въ слѣдующемъ видѣ: «въ Эстляндіи правомъ владѣть помѣстьями пользуется одно только иматрикулированное дворянство».

VI.

Рѣшенный въ такомъ смыслѣ вопросъ о правѣ владѣть помѣстьями, конечно не могъ понравиться помѣщикамъ—недворянамъ и остзейскій край заволновался: выкопаны были изъ архивовъ старыя тяжебныя дѣла и какой-то ротмистръ Іогансонъ, изъ Лифляндіи, пріѣхалъ даже въ Петербургъ съ жалобой въ Сенатъ на противозаконность матрикулъ, названныхъ имъ

---

[1]) Въ Лифляндіи дворянство вошло въ 1774 г. въ сдѣлку съ землевладѣльцами—недворянами, въ силу которой послѣдніе получали право пріобрѣтать помѣстья, если таковыя не будутъ выкуплены дворяниномъ въ теченіи извѣстнаго срока, и если на то послѣдуетъ одобреніе ландтага. А. Ч.

«союзомъ дворянъ, основанномъ на несправедливости». Рига, хотя и секретно, также послала своихъ ходатаевъ къ столичнымъ своимъ доброхотамъ и тамъ даже были собраны денежныя средства для содержанія Іогансона и проч. агентовъ. Изъ Эстляндіи явилась только одна жалоба отъ лица одного почтеннаго семейства «патриціевъ».

«Всѣ подобныя жалобы, вслѣдствіе неясности подлежащихъ узаконеній и устарѣлости споровъ, переданы были на заключеніе II отдѣленія и лежали тамъ, какъ «начиненныя бомбы», готовыя къ взрыву. Этотъ взрывъ подготовлялся не только въ коммисіи, но и въ обществѣ, ибо, съ доброю или дурною цѣлью, но весь воздухъ былъ пропитанъ воспламеняющимися газами. Въ нашихъ нѣмецкихъ газетахъ печатался рядъ статей, направленныхъ противъ исключительнаго права владѣнія». По мнѣнію г. Гринвальда, все это не могло принести добрыхъ плодовъ. «Всѣ эти статьи, говоритъ онъ, были на нѣмецкомъ языкѣ, а такъ какъ наиболѣе вліятельныя лица въ Петербургѣ не знаютъ или не любятъ его, то содержаніе статей едва ли доходило до ихъ свѣдѣнія, если только эти лица не знакомились съ ними при помощи своихъ нѣмецкихъ чиновниковъ, коихъ находилось у каждаго изъ нихъ не менѣе одного».

«Къ остзейскому дворянству, по словамъ «Очевидца», относились враждебно двѣ партіи: вопервыхъ, вся русская аристократія, полагавшая, что такъ какъ остзейскіе дворяне пользуются во всей имперіи правомъ владѣть помѣстьями и крестьянами, то ей, по праву взаимности, слѣдуетъ предоставить право пріобрѣтать, по предъявленіи лишь дворянской грамоты, помѣстья въ Прибалтійскомъ краѣ. Что этимъ разрушалось чуждое ихъ (русскихъ) понятіямъ корпораціонное устройство, что только благодаря этой организаціи дворянство въ состояніи выполнить свое государственное и политическое назначеніе,—все это (русская) аристократія не въ состояніи была обнять своимъ разумомъ».

«Вторая враждебная намъ партія состояла изъ остзейскаго и петербургскаго чиновничества и преимущественно нѣмцевъ, коихъ въ наши провинціи влекли ихъ языкъ, вѣроисповѣданіе и привычки. Особенно ревностно старались пріобрѣсти остзейское дворянство петербургскіе иностранцы».

«Подвигаясь понемногу впередъ съ нашей работой, мы въ декабрѣ 1836 года очутились передъ этой спорной статьей. Предсѣдатель нашъ заболѣлъ. Отсутствіе полезнаго движенія, при большущемъ аппетитѣ и жирномъ столѣ, до того разстроило здоровье старика, что онъ уже стоялъ на краю могилы. Не ожидая улучшенія въ его положеніи, Сперанскій принялъ предсѣдательство на себя. Согласно его желанію, памятныя эти для меня засѣданія происходили по вечерамъ. Пренія открыты были рижскимъ депутатомъ Тиммомъ. Въ качествѣ городскаго представителя, несмотря на пожа-

лованное ему дворянство, онъ горячо стоялъ за права гражданъ. Онъ опровергалъ мысль проекта, которая доказываетъ, что владѣніе помѣстьями есть право исключительно дворянское; и настаивалъ на томъ, чтобы право это было бы распространено также на рижскихъ гражданъ. Шесть мелкоисписанныхъ имъ листовъ свидѣтельствовало о массѣ его историческихъ и юридическихъ познаній, подобранныхъ съ необыкновенною тонкостію и остроуміемъ. Но эти ученые труды не были должнымъ образомъ оцѣнены Сперанскимъ, недостаточно знавшимъ нѣмецкій языкъ, для того, чтобы быть въ состояніи уловить мысли ученой диссертаціи. Мы же, члены коммисіи и редакторы, слушали ее съ напряженнымъ вниманіемъ»... «Всѣ ученые доводы г. Тимма были блистательно опровергнуты представителемъ лифляндскаго дворянства Лёвисомъ». Подобная же задача выпала на долю г. Гринвальда по отношенію къ представителю города Ревеля, Гонсіору, въ послѣднее засѣданіе 1836 года, 15 декабря. Такъ какъ желанія г. Гонсіора были весьма скромныя и доводы его основаны на довольно странной логикѣ, то «Очевидцу», по его словамъ, не предстояло большаго труда ихъ опровергнуть; г. Гонсіоръ просилъ: 1, чтобы не отнимать отъ ревельскихъ гражданъ принадлежащихъ имъ помѣстьевъ, 2,—не дозволять, во всякомъ случаѣ, дворянамъ пріобрѣтать дома въ чертѣ города Ревеля, но такъ какъ нѣкоторые дворяне тамъ уже владѣютъ домами, то 3,—дозволить ревельскимъ гражданамъ вновь пріобрѣтать помѣстья.

«Сперанскій далъ обѣщаніе принять къ свѣдѣнію всѣ наши доводы за и противъ права владѣнія дворянскими помѣстьями, но объявилъ, что окончательное рѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть не отъ коммисіи, а отъ государственнаго совѣта».

Какъ извѣстно, притязанія эстляндскихъ дворянъ на право исключительнаго владѣнія помѣстьями правительствомъ не были уважены и въ настоящее время пользуются этимъ правомъ всѣ сословія безъ различія. Впослѣдствіи, по собственной иниціативѣ, также отказались отъ этого права: курляндское дворянство въ 1863 г., лифляндское въ 1866 г. и эзельское въ 1868 г. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ заключать, чтобы остзейское дворянство не сохранило другія свои преимущественныя права сравнительно съ правами остальныхъ землевладѣльцевъ—дворянъ и не дворянъ.

Этимъ эпизодомъ, къ сожалѣнію, оканчиваются записки «Очевидца» г. Гринвальда. Редакторъ Baltische Monatsschrift, фанатическій приверженецъ отжившихъ порядковъ Прибалтійскихъ губерній, напечатавшій ихъ въ своемъ журналѣ, воспользовался представившимся случаемъ, чтобы сравнить желанія и стремленія настоящаго поколѣнія остзейцевъ—съ прежнимъ и увидалъ въ результатѣ лишь одну опасность для нѣмецкой культуры,—ея упадокъ. «Въ то время, печалится редакція, какъ, озабо-

чиваясь о сохраненіи дворянскаго права владѣть имѣніями, ревниво сторожили дверь отъ всякаго рода напастей, не замѣчали, что широко растворились ворота, на порогѣ которыхъ собиралась по капелькамъ стихійная сила, изъ капелекъ образовался потокъ, разлитіе котораго конечно можетъ оплодотворить почву, но волны его—уже слышенъ ихъ шумъ—угрожаютъ уничтоженіемъ нашей культурѣ». Въ такихъ-то противорѣчащихъ словахъ изливаетъ Baltische Monatsschrift свою грусть въ вичу пробуждающагося самосознанія и національныхъ стремленій кореннаго населенія прибалтійскаго края—эстовъ и латышей.

А. А. Ч—въ.

Г. Ревель.

ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Изъ записокъ русскаго чиновника.

1856—1866.

Мы имѣли въ рукахъ записки русскаго чиновника, не занимавшаго выдающихся должностей, но поставленнаго по службѣ въ положеніе, давшее ему случай быть въ личныхъ сношеніяхъ съ видными дѣятелями эпохи реформъ прошлаго царствованія; знать многое изъ того, что дѣлалось и предполагалось въ это время; присмотрѣться къ ходу подготовительныхъ къ разнымъ реформамъ работъ и къ настроенію правительственныхъ и общественныхъ сферъ во время разработки и осуществленія реформъ этихъ; изучить положеніе дѣлъ въ Петербургѣ и въ особенности на окраинахъ нашихъ въ Западныхъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ; подмѣтить многое интересное для будущаго историка этой эпохи; выработать себѣ личные взгляды на совершавшееся подъ его глазами и сдѣлать изъ всего этого общіе выводы, которые, какъ мнѣніе очевидца и участника, хотя и второстепеннаго, въ дѣлахъ того времени,—не могутъ быть лишены интереса, независимо даже отъ того: можно ли теперь съ этими выводами вполнѣ согласиться. Эти записки не составляютъ ни дневника, ни монографіи автора, который не велъ ихъ изо дня въ день и не написалъ ихъ сразу, въ видѣ мемуаровъ или воспоминаній; а по временамъ, въ промежутки досуга отъ служебныхъ занятій, записывалъ себѣ то, что ему хотѣлось сохранить въ памяти, изъ пережитаго, видѣннаго и слышаннаго имъ, т. е. то, что или имѣло значеніе лично для него и для близкихъ ему людей, или же представляло собою общественный интересъ; что̀ ему самому интересно будетъ перечитать въ старости, или что могутъ прочитать не безъ любопытства и другіе.

Такъ какъ самъ авторъ и многія лица, о коихъ говорится въ запискахъ, еще живы,—то печатаніе записокъ въ полномъ объемѣ и за подписью автора еще невозможно; съ другой стороны многое изъ того, что въ запискахъ ка-

сается частной жизни автора, не представляло бы ничего особенно интереснаго. Но мы рѣшились извлечь изъ этихъ Записокъ нѣкоторыя мѣста, относящіяся къ вопросамъ, не лишеннымъ теперь современнаго интереса; а на первый разъ, ознакомимъ читателей съ тѣми страницами записокъ, гдѣ обрисовывается положеніе дѣлъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, которыя авторъ имѣлъ случай изучить въ періодъ времени съ 1856 по 1866 годъ.

Для этого мы возмемъ, изъ разныхъ мѣстъ записокъ, за весь этотъ періодъ времени, все то, что относится къ этому предмету, за исключеніемъ обстоятельствъ, касающихся лично самаго автора или отдѣльныхъ частныхъ лицъ и могущихъ быть опущенными безъ нарушенія общей связи разсказа и разсужденій автора. Называть поименно мы будемъ только тѣхъ лицъ, дѣятельность коихъ принадлежитъ исторіи и о которыхъ упоминается только какъ о государственныхъ или общественныхъ дѣятеляхъ, не касаясь ихъ частной жизни. Ред.

«Признаюсь вамъ, я почти радуюсь, что временный досугъ навелъ васъ на счастливую мысль привести въ порядокъ и изложить ваши воспоминанія. Они, я думаю, примкнутъ (съ небольшимъ, можетъ быть, промежуткомъ) къ тѣмъ матеріаламъ, которые мнѣ удалось собрать за предшествующее время отъ начала текущаго вѣка до 1850 года».

(Изъ письма къ автору записокъ покойнаго Юрія Ѳедоровича Самарина отъ 15 декабря 1875 г.).

I [1]).

Положеніе дѣлъ въ Остзейскомъ краѣ въ шестидесятыхъ годахъ и историческія причины этого положенія.

Приступая теперь (въ 1875 году) къ приведенію въ порядокъ и изложенію моихъ замѣтокъ и воспоминаній, касающихся того періода моей служебной дѣятельности (1856—1866 годы), когда мнѣ пришлось спеціально ознакомиться съ Прибалтійскимъ краемъ, съ его порядками, особенностями, съ настроеніемъ его мѣстныхъ дѣятелей и со взглядами правительственныхъ лицъ на дѣла и вопросы, касающіеся Остзейскаго края, я не задаюсь мыслью изложить полный очеркъ возбужденныхъ и разрѣшенныхъ за то время законодатель-

[1]) Эта и послѣдующія главы, относящіяся до Прибалтійскихъ губерній, писаны въ 1875 году, но относятся къ событіямъ 1856—1866 гг.

ныхъ и административныхъ вопросовъ, представить полную картину положенія Прибалтійскихъ губерній за то время, въ которое онѣ ближе были мнѣ знакомы. Для этого нужно было бы, кромѣ личныхъ воспоминаній и частныхъ замѣтокъ, располагать достаточнымъ справочнымъ матеріаломъ, въ видѣ печатныхъ изданій, копій съ оффиціальныхъ документовъ и проч.; нужно бы обладать научною подготовкою и талантомъ Юрія Өедоровича Самарина, чтобы рѣшиться продолжать трудъ, предпринятый имъ въ изданныхъ имъ выпускахъ его: «Окраинъ». Я ограничусь изложеніемъ личныхъ воспоминаній, общихъ впечатлѣній моихъ и тѣхъ выводовъ и заключеній по отношенію къ Остзейскимъ дѣламъ и вопросамъ, которые выработались во мнѣ постепенно, послѣ десятилѣтнихъ занятій этими дѣлами. Начну только съ указанія, въ краткихъ чертахъ, общаго, въ 1860-хъ годахъ, положенія Остзейскаго края и его населенія и тѣхъ главныхъ вопросовъ, которые, съ правительственной точки зрѣнія, могли тогда требовать и отчасти требуютъ и теперь (въ 1875 году) разрѣшенія.

Коренное населеніе Прибалтійскихъ губерній — латыши и эсты. Нѣмецкіе рыцари, завоевавъ этотъ край, захватили въ свои руки поземельную собственность, обратили бо́льшую часть туземцевъ въ крѣпостныхъ крестьянъ своихъ, а сами образовали мѣстное дворянство, рядомъ съ коимъ, въ городахъ, устроилось нѣмецкое же бюргерство; феодальное устройство, введенное въ краѣ по образцу средневѣковыхъ германскихъ государствъ, сохранилось тамъ, въ главныхъ чертахъ, при переходѣ края подъ владычество польскаго, шведскаго и русскаго правительствъ и даже сохранилось тамъ въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, т. е. въ западной Европѣ.

Шведское правительство начало, однако, а русское правительство продолжало принимать мѣры къ огражденію большинства населенія отъ гнёта и произвола дворянъ и бюргеровъ, въ рукахъ коихъ было, de facto, все управленіе краемъ. Мѣры эти, прежде всего, касались улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Шведское правительство ввело нормированіе барщинныхъ повинностей крестьянъ, для соразмѣренія ихъ съ доходностью состоящихъ въ ихъ пользованіи земельныхъ участковъ. Но мѣра эта была примѣнена только въ казенныхъ имѣніяхъ. Въ 1804 году, ограниченіе барщины было распространено на помѣщичьи имѣнія и введено въ нихъ нѣкоторое подобіе волостнаго устройства. Эта мѣра, имѣвшая хорошія для крестьянъ послѣдствія и введенная Положеніемъ 19 февраля 1804 года (странное совпаденіе счастливыхъ для крестьянъ дней), — была отмѣнена при

освобожденіи Остзейскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1816, 1817 и 1819 годахъ. Крестьяне были освобождены безъ земли и безъ всякаго права на постоянное, наслѣдственное пользованіе прежними участками, которые помѣщики стали сдавать имъ въ срочную аренду по добровольному соглашенію, т. е. съ правомъ помѣщика возвышать барщину и оброкъ, подъ угрозою согнать крестьянина съ участка и обратить его изъ хозяина (Wirth) въ бездомнаго батрака (Knecht). Это право, впослѣдствіи, было нѣсколько смягчено пальятивными мѣрами, какъ-то: воспрещеніемъ помѣщикамъ обращать въ господскія угодья и обработывать наймомъ ту часть земли (Bauerland), которая была прежде въ пользованіи крестьянъ; нормированіемъ барщины, безъ ограниченія размѣра денежнаго оброка, но съ выдачею единовременнаго вознагражденія крестьянамъ, удаляемымъ изъ участковъ за несогласіе ихъ платить возвышенный оброкъ и съ расширеніемъ права крестьянъ на переселеніе въ другія губерніи и на временныя, за предѣлы губерніи, отлучки для заработковъ. Крестьянамъ дано волостное самоуправленіе, но съ значительнымъ de jure и почти безграничнымъ de facto подчиненіемъ крестьянскихъ учрежденій помѣщикамъ въ видѣ вотчинной полиціи и мѣстнымъ по крестьянскимъ дѣламъ и судебнымъ учрежденіямъ, гдѣ преобладалъ дворянскій элементъ. Въ 1866 году (положеніемъ, изданнымъ тоже 19 февраля) нѣсколько расширена самостоятельность волостныхъ обществъ; но какъ волости не составляютъ болѣе крупныхъ единицъ, образованныхъ изъ соединенія нѣсколькихъ сельскихъ обществъ; а большею частью совпадаютъ, по прежнему, съ предѣлами отдѣльныхъ имѣній,—то въ каждой волости, т. е. въ каждомъ имѣніи, помѣщикъ сохранилъ право вотчинной полиціи и, хотя право это, de jure, теперь ограничено; но de facto еще даетъ ему средство подчинить себѣ волостное управленіе. Въ городахъ царило сословное устройство и хозяйничали нѣмецкіе бюргеры. Вмѣсто земскихъ учрежденій—дѣйствовали дворянскія собранія, называвшіяся дворянско-земскими (Ritter und Landschaft), потому что, рядомъ съ матрикуловыми дворянами, туда, собственно для раскладки земскихъ повинностей, допускались и представители владѣвшихъ помѣстьями городовъ и немногіе владѣльцы имѣній, не принадлежавшіе къ мѣстному дворянству. Объ участіи представителей волостныхъ обществъ въ мѣстныхъ дѣлахъ и рѣчи не было. Въ судахъ, въ администраціи—исключительно преобладали нѣмцы, т. е. тѣ же дворяне, бюргеры и особое сословіе образованныхъ нѣмецкихъ разночинцевъ, именуемыхъ литератами.

Не легко было и положеніе большинства населенія, которое я

обрисую не своими словами, а выпискою изъ статьи, написанной моей женой, помѣщенной ею въ № 13 газеты «Голосъ» за 1872 г. и впослѣдствіи перепечатанной цѣликомъ въ «Окраинахъ» Ю. Ѳ. Самарина.

Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи крестьяне, по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, получили въ постоянное пользованіе землю за извѣстныя, опредѣленныя закономъ, повинности. Въ губерніяхъ Эстолатышскаго края крестьяне получили только личную свободу, за исключеніемъ казенныхъ имѣній, въ которыхъ крестьяне обезпечены правомъ постояннаго, наслѣдственнаго пользованія своими участками, и немногихъ частныхъ имѣній, въ которыхъ крестьяне успѣли выкупить у помѣщиковъ, за дорогую цѣну, арендуемые ими участки. За этими немногими исключеніями, вся земля принадлежитъ помѣщикамъ. Помѣщики Эстолатышскаго края, нѣмцы, отдаютъ ее въ аренду большими участками крестьянамъ арендаторамъ или хозяевамъ. Разумѣется, такихъ участковъ нельзя составить очень много и потому крестьянами-арендаторами или хозяевами могутъ быть, сравнительно, только немногіе изъ общаго числа крестьянъ. Большинство же населенія принадлежитъ къ числу безземельныхъ крестьянъ-батраковъ. Батраки очень часто не имѣютъ даже своего собственнаго крова, а живутъ въ казармахъ, устроиваемыхъ землевладѣльцомъ для помѣщенія въ нихъ нанимаемыхъ имъ для полевой работы батраковъ, или же въ общихъ помѣщеніяхъ крестьянъ-хозяевъ, у которыхъ они нанимаются въ работники. Положеніе батрака болѣе чѣмъ тяжелое: нанимающій его крестьянинъ-хозяинъ или помѣщикъ даетъ ему за трудъ произвольную плату, часто столь низкую, что она едва достаточна для содержанія, особенно если батракъ человѣкъ семейный. Вслѣдствіе такого безземельнаго своего положенія, латыши и эсты огромными массами выселялись и выселяются во внутреннія губерніи Россіи, гдѣ они надѣются получить землю на болѣе умѣренныхъ и прочныхъ условіяхъ, но гдѣ они часто подвергаются новымъ лишеніямъ, особенно въ первое время, пока не успѣютъ обзавестись хозяйствомъ и освоиться съ условіями новой мѣстности и съ русскимъ языкомъ. Положеніе крестьянина-хозяина хотя и лучше, но также ничѣмъ не обезпечено. По окончаніи арендного срока, помѣщикъ воленъ, по своему усмотрѣнію, или возвысить арендную плату за участокъ, или вовсе отказать въ возобновленіи контракта нанимающему его крестьянину-арендатору, который, между тѣмъ, дѣлаетъ иногда довольно значительныя затраты на улучшеніе участка. Въ Эстолатышскомъ краѣ хозяйственныя строенія, бо́льшая часть скота и земледѣльческихъ орудій не принадлежатъ крестьянамъ, а прикрѣплены землѣ, составляя принадлежность самого участка; поэтому, каждый безземельный крестьянинъ можетъ, не обладая даже капиталомъ, достаточнымъ для обзаведенія новымъ хозяйствомъ, сдѣлаться хозяиномъ, если рѣшится предложить за участокъ высшую противъ другихъ плату. Вслѣдствіе этого конкуренція на арендуемые участки увеличивается и крестьянинъ-хозяинъ, по произволу помѣщика, можетъ, по истеченіи арендного срока, быть вынужденнымъ вновь вступить въ разрядъ батраковъ. Само собою разумѣется, помѣщикъ-лютеранинъ, а иныхъ въ краѣ нѣтъ, отдаетъ въ аренду участки своей земли преимущественно и даже почти исключительно латышамъ и эстамъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, а если и бываютъ случаи, что участокъ нанимается православнымъ латышомъ или эстомъ, то онъ скорѣе другого подвер-

гается удаленію по истеченіи срока аренды, уже и потому, что онъ, исповѣдуя православную вѣру, освобожденъ, по закону, отъ исполненія повинностей въ пользу пасторовъ и лютеранскихъ церквей. Вслѣдствіе этого, почти всѣ православные латыши и эсты принадлежатъ къ разряду батраковъ. Правительство хотя и опредѣлило надѣлить православныхъ батраковъ небольшими участками изъ свободныхъ, за надѣломъ казенныхъ крестьянъ, мызныхъ угодій, находящихся въ казенныхъ имѣніяхъ, по близости къ православнымъ церквамъ, но земли этой слишкомъ недостаточно и лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ оказывается возможнымъ надѣлить казенною землей батраковъ помѣщичьихъ имѣній.

Этого мало: старикъ, убогій православный латышъ или эстъ, сирота-православный нигдѣ не находятъ себѣ пріюта, потому что въ пріюты и богадѣльни Эстолатышскаго края допускаются только лица лютеранскаго вѣроисповѣданія.

Въ Россіи народное образованіе находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, съ участіемъ въ немъ всесословнаго земства и приходскаго духовенства. Въ Эстолатышскомъ краѣ народныя школы (за исключеніемъ, конечно, православныхъ), содержимыя на средства крестьянскихъ обществъ, при нѣкоторомъ матеріальномъ содѣйствіи отъ помѣщиковъ, находятся подъ исключительнымъ вліяніемъ и надзоромъ нѣмецкихъ помѣщиковъ и лютеранскихъ пасторовъ. Наставники этихъ школъ приготовляются въ лютеранскихъ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ полнымъ хозяиномъ является тотъ же пасторъ, старающійся, разумѣется, образовать этихъ учителей въ нѣмецкомъ духѣ. Вслѣдствіе этого, въ приходскихъ школахъ, на ряду съ мѣстными нарѣчіями, бо́льшая часть времени посвящается на преподаваніе нѣмецкаго языка, за полнымъ исключеніемъ, по бо́льшей части, языка русскаго, несмотря на желаніе латышей и эстовъ ознакомиться съ этимъ языкомъ. Пасторы, въ свою очередь, сами маленькіе помѣщики. Они обезпечены не тридцатью тремя десятинами земли, какъ православные священники, а цѣлыми пасторатными имѣніями, въ которыхъ крестьяне обязаны отбывать извѣстныя повинности въ пользу пастора или платить ему опредѣленный оброкъ.

Таково положеніе эстовъ и латышей въ Эстолатышскомъ краѣ; положеніе зависимое, пригнетенное въ матерьяльномъ и духовномъ отношеніи. Что же нужно для улучшенія ихъ положенія и кто обязанъ помочь имъ?

Образованіе латышей и эстовъ въ духѣ православія и русской народности лежитъ на обязанности русскаго общества; безъ нашего матерьяльнаго и нравственнаго содѣйствія, предоставленные собственнымъ средствамъ, эсты и латыши получатъ образованіе въ духѣ лютеранства и нѣмецкой народности. Православные священники, хотя во многихъ приходахъ и обучаютъ у себя на дому нѣсколько мальчиковъ, но, по недостатку помѣщенія, должны ограничиваться весьма небольшимъ числомъ учениковъ. Сверхъ того, такъ какъ эти ученики принадлежатъ почти исключительно къ наибѣднѣйшему классу населенія, священнику приходится не только учить этихъ дѣтей, но и кормить ихъ и часто снабжать ихъ одеждой и обувью. При нѣкоторыхъ церквахъ и православныхъ школахъ образовались братства, составленныя изъ мѣстныхъ священниковъ и нѣкоторыхъ зажиточныхъ купцовъ и другихъ русскихъ людей, сочувствующихъ поддержанію русскаго духа въ томъ краѣ. Эти братства поставили себѣ задачей входить въ нужды православныхъ латышей и эстовъ и, по мѣрѣ силъ, облегчать ихъ судьбу. Эти братства, въ большин-

ствѣ случаевъ, ограничены довольно тѣснымъ кругомъ дѣйствій и продолженіе ихъ весьма полезной дѣятельности находится въ совершенной зависимости отъ той степени сочувствія, съ которою отнесется къ этому дѣлу русское общество.

При общей почти бѣдности православныхъ прихожанъ и приходовъ въ Эстолатышскомъ краѣ, возможно ли ожидать, чтобъ они были въ состояніи поддерживать, напримѣръ, благолѣпіе своихъ храмовъ? Конечно, нѣтъ. Во многихъ приходахъ церкви до того обветшали и пришли въ такое положеніе, что совершать въ нихъ богослуженіе оказывается опаснымъ и даже невозможнымъ. Есть и такіе приходы, гдѣ, несмотря на довольно значительное число православныхъ прихожанъ, вовсе нѣтъ церквей, а богослуженіе совершается въ сараяхъ и избахъ, иногда же и подъ открытымъ небомъ, на улицѣ и въ полѣ. Напомнимъ читателямъ тяжелую повѣсть, повѣданную православному міру венденскимъ священникомъ, грубо изгнаннымъ изъ дома помѣщика и совершавшимъ богослуженіе на кладбищѣ, подъ открытымъ небомъ. Правдой, бьющей въ глаза своею очевидностью, звучали слова его проповѣди, сказанной на текстъ священнаго писанія: „даже до нынѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся“.

II.

Отношенія Остзейцевъ къ русскому правительству и причины сохраненія въ силѣ обособленія Прибалтійскаго края.

Вглядѣвшись поближе въ дѣло, я недоумѣвалъ сперва, почему правительство наше не дѣйствуетъ рѣшительнѣе для огражденія большинства населенія Прибалтійскихъ губерній отъ гнета меньшинства? Почему благодѣтельныя реформы царствованія Александра II останавливаются на рубежѣ Остзейскаго края? Отвѣтъ на эти вопросы я нашелъ въ изученіи строя господствующихъ въ Остзейскомъ краѣ сословій; въ умѣніи ихъ пользоваться обстоятельствами, находить себѣ покровителей въ высшихъ сферахъ, дружно отстаивать свои интересы, не ставя вопросы ребромъ, дѣлая, по временамъ, кое-какія уступки, напуская гдѣ нужно туманъ, подчиняясь, для вида, требованіямъ закона, гдѣ это необходимо; но ловко обходя его въ практическомъ примѣненіи и всегда выставляя себя вѣрноподданными слугами престола и охранителями Россіи отъ подрывающихъ основы вредныхъ ученій русскихъ либераловъ.

Въ отношеніи къ Россіи, у нашихъ нѣмцевъ, даже сдѣлавшихся русскими сановниками,—особый кодексъ чувствъ и воззрѣній. Вѣрноподданническія чувства сосредоточиваются на одной личности Государя, не обнимая общихъ интересовъ отечества, т. е. Россіи; а иногда случается, что и личная преданность эта Государю бываетъ какъ-то

условна, поддерживаясь во всей силѣ лишь до тѣхъ поръ, пока Государь блюдетъ мѣстные интересы и уважаетъ мѣстныя остзейскія особенности, отнюдь не жертвуя ими общимъ государственнымъ интересамъ. Мысль же о тѣснѣйшемъ сближеніи и скрѣпленіи Прибалтійскихъ губерній, (гдѣ хотя меньшинство населенія можетъ гордиться высшей нѣмецкой культурой) съ сравнительно варварскою Россіею,—въ ихъ головѣ уложиться не можетъ. Довольно съ насъ и того, что они не заявляютъ прямо желанія политически отъ насъ отдѣлиться и отвалиться къ Пруссіи, — пока наше правительство почти во всемъ ихъ слушается и имъ угождаетъ. Этимъ ограничивается ихъ патріотизмъ и пресловутая ихъ преданность престолу и отечеству,—которыя они, однако, высоко цѣнятъ и ставятъ за образецъ вѣрноподданническихъ чувствъ, недоступныхъ, будто бы, большинству русскихъ, зараженныхъ зловредными либеральными идеями. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія и,—не говоря уже о доблестныхъ и преданныхъ Россіи офицерахъ и генералахъ изъ Остзейцевъ,—на гражданскомъ поприщѣ были и есть еще вполнѣ и безусловно вѣрные Россіи Остзейцы, даже между лютеранами, сохранившими свою нѣмецкую національность. Между прежними генералъ-губернаторами Рижскими, прямѣе и безусловнѣе охранялъ русскіе интересы баронъ Паленъ, чѣмъ князь Суворовъ. Первый, не смотря на мѣстное происхожденіе, менѣе поддавался мѣстнымъ вліяніямъ. Но все же это исключенія, не измѣняющія общаго характера воззрѣній, не только мѣстной интеллигенціи, но и могущественной партіи Остзейцевъ, занимающихъ видныя мѣста при дворѣ и въ администраціи.

Одинъ баронъ, съ которымъ пришлось мнѣ познакомиться въ первые годы моей службы по Остзейскимъ дѣламъ, съ кѣмъ я больше всего работалъ и бесѣдовалъ между дѣломъ, съ кѣмъ я даже сблизился нѣсколько въ частномъ знакомствѣ,—всѣхъ болѣе посвятилъ меня въ тайны Остзейской премудрости. Человѣкъ онъ былъ замѣчательно умный и ловкій и пользовался у себя въ Лифляндіи большимъ вліяніемъ, какъ человѣкъ дѣловой, энергическій, пріятный въ обращеніи своеобразною прямотою и откровенностью, которая не мѣшала ему однако преловко провести начальство, отвести кому нужно глаза, сбить съ толку кого слѣдуетъ; а потомъ, добившись цѣли такъ хитро, что и мнѣ самому казалось, что дѣло рѣшено какъ слѣдовало, а не въ исключительныхъ интересахъ дворянства,—онъ откровенно мнѣ высказывалъ всю суть и подноготную, которыя дотолѣ были тщательно замаскированы и являлъ мнѣ дѣло въ новомъ свѣтѣ. И за это я былъ ему искренно благодаренъ, ибо это мнѣ

служило урокомъ на будущее время и помогало вѣрнѣе понимать Остзейскія дѣла, каковаго пониманія часто недостаетъ у нашихъ государственныхъ людей,—чѣмъ и пользуются защитники мѣстныхъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что въ рѣшеніи дѣлъ и избраніи мѣръ, относящихся къ Остзейскому краю, правительству нужно согласить по возможности два интереса: мѣстный и общій—государственный. Съ одной стороны не слѣдуетъ уничтожать существующіе мѣстные порядки только потому, что они не сходны съ общими русскими порядками, коль скоро мѣстныя узаконенія дѣйствительно обусловливаются мѣстными особенностями, соотвѣтствуютъ мѣстнымъ потребностямъ и упраздненіе ихъ могло бы поколебать экономическое развитіе края или нарушить законныя права какой либо части населенія. Но съ другой стороны нельзя поддерживать, въ угоду меньшинству населенія, особыя мѣстныя учрежденія, носящія на себѣ характеръ произвола съ одной стороны и безправій съ другой; учрежденія, подобія коихъ можно отыскать только въ средне-вѣковой феодальной Европѣ, противныя справедливости, духу времени и общему государственному строю Россіи и другихъ Европейскихъ государствъ. Нельзя останавливать примѣненія общихъ государственныхъ реформъ на рубежѣ Остзейскаго края, потому только, что онѣ не угодны тамъ меньшинству населенія; но при опредѣленіи способа примѣненія тамъ этихъ реформъ, надо принимать въ соображеніе мѣстныя юридическія, историческія и экономическія особенности, дабы не потрясти существующихъ экономическихъ условій и не нарушить обезпеченныхъ закономъ частныхъ правъ и въ особенности права собственности. Наконецъ не слѣдуетъ останавливаться передъ такими особенностями, которыя, не будучи вредны сами по себѣ, не имѣютъ и полезнаго мѣстнаго значенія; но которыя поддерживаются мѣстными вліятельными сословіями только потому, что онѣ способствуютъ обособленію Остзейскихъ губерній отъ остальной Россіи. Въ особенности отнюдь не слѣдуетъ допускать введенія вновь какихъ бы то ни было правилъ или учрежденій, которыя, создавая какія либо новыя отличія для Прибалтійскихъ губерній, не оправдываемыя исключительными экономическими потребностями, клонились бы только къ вящшему обособленію этихъ губерній отъ Россіи. Эти общія основанія отношеній нашего правительства къ Прибалтійскимъ губерніямъ сознаются, отчасти или вполнѣ, нашими государственными людьми; но далеко не всегда примѣняются на практикѣ, ибо, для установленія способа примѣненія ихъ, нужно, прежде всего, при обсужденіи каждаго проекта реформы, при принятіи каж-

дой общей и даже частной административной мѣры, — провести правильную черту, отдѣляющую, въ данномъ случаѣ, дѣйствительные экономическіе интересы края отъ частныхъ, своекорыстныхъ интересовъ меньшинства населенія; законныя права отъ притязаній, основанныхъ на привиллегіяхъ, противныхъ справедливости и не оправдываемыхъ часто даже съ формальной, юридической стороны; историческія и фактическія особенности края—отъ фиктивныхъ, измышленныхъ въ видахъ вящшаго обособленія его отъ Россіи и постепеннаго созданія изъ него чего то въ родѣ полусамостоятельнаго нѣмецкаго герцогства, подъ олигархическою ферулою дворянства и бюргерства. Но чтобы провести эту черту безошибочно, нужно ясно понимать мѣстныя условія, а также права и стремленія каждаго класса населенія; это-то пониманіе и является у нашихъ государственныхъ людей довольно смутнымъ, да и трудно ему быть вполнѣ яснымъ. Свѣдѣнія объ условіяхъ, потребностяхъ и стремленіяхъ мѣстнаго населенія получаются правительствомъ только изъ среды дворянства, а изрѣдка бюргерства; мѣстныя начальства повторяютъ только то, что имъ внушено изъ тѣхъ же источниковъ; большинство населенія безгласно. Если въ литературѣ («Окраины» Ю. Ѳ. Самарина и нѣкоторыя газетныя статьи) появляются свѣдѣнія и доводы, разъясняющіе дѣло съ противоположной стороны,— то эти источники заранѣе выставляются въ глазахъ правительства неблагонамѣренными, односторонними, наконецъ просто клеветой на вѣрноподданныхъ нѣмцевъ. Въ тонѣ газетныхъ статей, а въ особенности заграничныхъ изданій, всегда, къ сожалѣнію, отыщется что нибудь оскорбительное для правительства; въ сообщаемыхъ фактахъ отыщется какая нибудь невѣрная подробность. Этого довольно, чтобы уничтожить значеніе всѣхъ статей этихъ въ глазахъ предубѣжденныхъ правительственныхъ лицъ, не привыкшихъ выслушивать рѣзкое, а иногда и желчное слово правды, и даже односторонними и преувеличенными обвиненіями пользоваться безпристрастно, для извлеченія изъ нихъ того, что̀ можетъ служить полезнымъ указаніемъ. Самыя юридическія права привиллегированныхъ Остзейскихъ сословій являются часто довольно неясными. Основаніемъ ихъ служитъ миръ 1710 года, утвердившій древнія привиллегіи сословій и существовавшія тогда учрежденія—поколику оныя согласуются съ общими Россійскими учрежденіями. Это «поколику» для нѣмцевъ ножъ острый, и они о немъ стараются забыть и заставить забыть правительство. Но гдѣ-же указаны и въ чемъ заключаются эти привиллегіи? Представленныя сословіями грамоты и хартіи были разобраны

во II отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи и вошли въ Сводъ мѣстныхъ узаконеній; при чемъ вліяніе нѣмецкой партіи взяло таки свое и въ сводъ вошли нѣкоторыя преимущества, которыя нельзя оправдать даже древними грамотами. Пусть бы хоть этимъ дѣло кончилось; пусть-бы соблюдалось, по крайней мѣрѣ, помѣщенное въ мѣстномъ сводѣ правило, что «въ тѣхъ случаяхъ, на кои спеціальнаго мѣстнаго закона не указано, вполнѣ примѣняются общіе законы имперіи». А то нѣтъ, при каждомъ новомъ вопросѣ, новомъ притязаніи или сомнительномъ случаѣ,—вытаскиваются изъ средневѣковыхъ архивовъ еще какія-то грамоты и хартіи; дѣлаются ссылки на узаконившіеся обычаи, и все это принимается въ руководство, наперекоръ какъ мѣстному, такъ и общему своду законовъ; на все это пресерьезно ссылаются высшіе представители мѣстной администраціи,—ссылаются не въ вопросахъ частнаго интереса, гдѣ суды, пожалуй, могли бы еще принять во вниманіе древніе источники права и мѣстные обычаи; а въ вопросахъ общихъ, законодательныхъ и административныхъ, когда оспаривается право правительства принять ту или другую мѣру, признанную общеполезною! Какъ не произойти тутъ путаницѣ, сбивчивости и туманности понятій правительства на счетъ мѣстныхъ Остзейскихъ правъ и особенностей? Надо прибавить къ этому, что, въ средѣ высшихъ правительственныхъ учрежденій, есть не мало Остзейцевъ, горячихъ сторонниковъ мѣстныхъ остзейскихъ интересовъ въ ущербъ общимъ государственнымъ; есть поверхностно смотрящіе на вещи, убѣжденные въ превосходствѣ и благонамѣренности (въ монархическомъ и консервативномъ смыслѣ) Остзейцевъ, или нуждающіеся въ поддержкѣ сильной при дворѣ и въ администраціи, правильно организованной и тѣсно сплоченной нѣмецкой партіи,—русскіе люди, безусловно и неразборчиво вторящіе нѣмцамъ. Эти-то двѣ категоріи людей дружно напускаютъ туманъ на всякое дѣло и отводятъ глаза остальнымъ, искренно русскимъ государственнымъ дѣятелямъ, которые, хотя и сознаютъ, что—что̀-то не ладно, что надо что̀-то сдѣлать и чему-то помѣшать въ Остзейскомъ краѣ, вывести что̀-то на чистую воду; но не умѣютъ или не въ силахъ это сдѣлать; а, становясь въ оппозицію нѣмецкимъ притязаніямъ, иногда заявляютъ требованія не совсѣмъ своевременныя и удобоисполнимыя, иногда противодѣйствуютъ тамъ, гдѣ скорѣе можно-бы уступить,—чѣмъ даютъ оружіе противъ себя; а чаще по неволѣ уступаютъ тамъ именно, гдѣ не слѣдовало бы и не замѣчаютъ нѣмецкихъ подходовъ тамъ, гдѣ всего важнѣе было бы ихъ разоблачить и парализовать. Изъ этого выработалось, между

двумя противоположными лагерями, то взаимное неуваженіе и недовѣріе, которое окончательно убѣдило Остзейцевъ въ томъ, что отъ Русскаго правительства,—благодаря недоброжелательству къ нѣмцамъ и своеобразнымъ взглядамъ и предубѣжденіямъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ людей,—ничего прямымъ путемъ не добьешься, а необходимо дѣйствовать хитростью, напускать туману, отводить глаза кому слѣдуетъ отъ дѣйствительныхъ фактовъ; чернить и сдѣлать подозрительною въ глазахъ правительства такъ называемую русскую партію вообще, приписывая ей слѣпую вражду и несправедливость къ нѣмцамъ, изнемогающимъ, будто бы, отъ ея преслѣдованій; а вмѣстѣ съ тѣмъ приписать этой русской партіи ультралиберальныя, демократическія стремленія, вооружившія ее, будто бы, противъ консервативной Остзейской аристократіи, служащей вѣрнѣйшею опорою престолу; въ особенности же чернить и устранять, per fas aut nefas, тѣхъ, даже второстепенныхъ дѣятелей, которые, ближе ознакомившись съ остзейскими дѣлами и не поддавшись при этомъ, подобно большинству, Остзейскому вліянію,—могли бы во время открыть глаза правительству и разсѣять искусно напущенный туманъ.

Всѣ эти понятія и взгляды, выработавшіеся и укрѣпившіеся во мнѣ постепенно, въ теченіе десяти лѣтъ, когда я былъ въ постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ со всѣми чиновными и сословными Остзейскими представителями; когда черезъ мои руки проходили многія бумаги, касавшіяся Остзейскихъ вопросовъ, когда я, искренно желая ознакомиться съ дѣломъ, читалъ все и выслушивалъ всякаго, коль скоро могъ черезъ то дополнить свои познанія о прошедшемъ и о настоящемъ Остзейскаго края,—все это я резюмировалъ выше и частью буду еще излагать ниже, чтобы сохранить память о результатахъ десятилѣтняго изученія этого дѣла и размышленія объ этомъ предметѣ; а кстати и для того, чтобы объяснить почему въ отношеніяхъ Остзейцевъ къ русскому правительству выработалась та традиціонная политика, которая людей отъ природы прямыхъ, честныхъ и откровенныхъ, какъ многіе бароны, дѣлала способными къ разнымъ ухищреніямъ и изворотамъ, весьма близкимъ къ обману.

Но къ чему же, однако, клонятся въ дѣйствительности Остзейскія интриги, какая ихъ конечная цѣль?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ очень простъ до конца пятидесятыхъ годовъ, т. е. до начала реформъ въ Россіи. Тогда дворянство каждой губерніи, привиллегированное бюргерство каждаго города—хотѣли только одного: сохраненія statu quo, т. е. тѣхъ привиллегій, которыя доставляли имъ владычество надъ большинствомъ

мѣстнаго населенія и не малыя матеріальныя выгоды. Когда же обстоятельства и настроеніе правительства и общества настоятельно требовали смягченія и ограниченія произвола и преимуществъ привиллегированныхъ сословій въ интересахъ безправнаго большинства населенія,—сословія эти, съ одной стороны, пускали въ ходъ всѣ свои извороты для поддержанія statu quo; а съ другой, когда видѣли уже неизбѣжность нѣкоторыхъ уступокъ, умѣли сдѣлать ихъ во-время и притомъ такъ, чтобы не ослабить существенно своего авторитета и prestige, выгородить свои матеріальные интересы, даже извлечь иногда выгоду изъ реформъ съ виду либеральныхъ (какъ при безземельномъ освобожденіи крестьянъ, устранившемъ ограниченія въ правѣ помѣщиковъ возвышать крестьянскія повинности) и вмѣстѣ съ тѣмъ дать дѣлу такой видъ, будто уступка дѣлается по непосредственному усмотрѣнію и даже по инициативѣ дворянства, дабы не поколебать своего пресловутаго, но не оправдываемаго никакимъ закономъ и никакою грамотою, — Verfassüngsrecht, т. е. присвоенія дворянствомъ исключительнаго права инициативы въ законодательныхъ преобразованіяхъ,—тогда какъ это право вездѣ принадлежитъ центральной власти и оспоривается у правительства только въ Остзейскомъ краѣ. Конечно были и прежде въ Остзейскомъ краѣ личности, желавшія искренно улучшенія положенія крестьянъ,—каковы Самсонъ фонъ Гиммельштиркъ и Шульцъ фонъ Ашераденъ; но эти отдѣльные голоса увлекали немногихъ и не образовали даже партіи, которая составила бы сколько нибудь значительное меньшинство. Реформы, если и проектировались, то только по необходимости, какъ сказано выше, и на первомъ планѣ оставалось одно стремленіе—охраненіе привиллегій. Защитниками привиллегій являлись заинтересованныя въ нихъ сословія. Правительство наше имѣло дѣло, по одиночкѣ, съ дворянствомъ той или другой губерніи, съ магистратомъ того или другаго города. Но когда Россія стала рѣшительно на путь реформъ, неминуемо долженствовавшихъ, рано или поздно, въ той или другой формѣ, коснуться Прибалтійскихъ губерній; когда между тѣмъ, въ средѣ заграничныхъ нѣмцевъ, усилилось развитіе идеи Германскаго племеннаго единства и превосходства германской расы и нѣмецкой культуры; когда идея эта стала воплощаться въ объединеніи Германіи подъ гегемоніею непомѣрно усилившейся Пруссіи,—тогда возродились и въ средѣ многихъ образованныхъ Остзейцевъ совершенно новыя понятія. Они поняли, что при современныхъ условіяхъ Россіи и всей Европы нельзя уже по прежнему упорно держаться на почвѣ средневѣковыхъ привил-

легій; что если нѣмецкая интеллигенція хочетъ удержать за собою господство въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, то она должна опереться на новыя начала; а именно, на превосходство нѣмецкой культуры; что дворяне и бюргеры могутъ остаться у себя хозяевами, господствуя надъ латышами и эстами и устраняя по возможности русскихъ,—уже не въ силу грамотъ Шведскихъ королей,—а въ качествѣ культуртрегеровъ, образованныхъ нѣмцевъ; что, поэтому, вмѣсто пассивнаго сопротивленія реформамъ и пустыхъ уступокъ, нужно нѣмецкой интеллигенціи взять дѣло въ свои руки, принять смѣло инипіативу въ реформахъ и повести ихъ такъ (пока правительство, по привычкѣ, будетъ слушаться Остзейской партіи, еще всесильной въ Петербургѣ), чтобы реформы эти послужили не къ сближенію Остзейскаго края съ остальною Россіею, — а къ объединенію, въ предѣлахъ этого края, нѣмецкаго элемента и къ доставленію ему тамъ прочнаго господства. Для достиженія этой цѣли нужно было привлечь къ новой идеѣ большинство привиллегированныхъ сословій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, дабы отрѣшить ихъ отъ привязанности къ старымъ привиллегіямъ и объединить ихъ между собою, сливъ съ ними, не пользовавшуюся тѣми же привиллегіями, часть мѣстнаго нѣмецкаго населенія — такъ называемыхъ литератовъ, т. е. образованныхъ разночинцевъ: чиновниковъ, адвокатовъ, докторовъ, учителей и проч.,—въ средѣ коихъ, весьма естественно, новая идея нашла прежде всего горячихъ адептовъ. Въ этихъ видахъ, нужно было опереться на общественное мнѣніе въ Германіи и черезъ него воздѣйствовать на общественное мнѣніе въ Остзейскомъ краѣ. Вотъ что вызвало кампанію остзейскихъ и нѣмецкихъ журналистовъ въ защиту угнетенной, будто бы, въ Остзейскомъ краѣ нѣмецкой національности.

Прежде всего, сколько мнѣ извѣстно, новая идея привилась въ Лифляндской губерніи, гдѣ дворянство раздѣлилось на двѣ партіи: феодально консервативную, вѣрную прежнему взгляду, и либеральную или вѣрнѣе—прогрессивно нѣмецкую, ибо настоящихъ либеральныхъ стремленій,—т. е. желанія поднять большинство населенія до равноправности съ меньшинствомъ,—и у этой партіи не было. Первую партію звали Нолькеновскою, по имени самой феодальной фамиліи въ губерніи; а вторую—Эттингеновскою, по имени главы ея,—человѣка замѣчательно умнаго и энергичнаго, съумѣвшаго выдвинуться на первый планъ, силою своей воли, пониманіемъ дѣлъ и неутомимымъ трудомъ. Свое общественное положеніе и свое личное состояніе онъ создалъ самъ, своими руками. Началъ онъ съ

частной службы,—кажется секретаремъ банка; онъ имѣлъ участіе, съ многими сонаслѣдниками, въ большомъ имѣніи Калькунъ, близъ Динабурга и у узла устроенныхъ теперь желѣзныхъ дорогъ. Съ помощью весьма развитаго въ Лифляндіи земельнаго кредита, онъ скупилъ все это имѣніе, обремененное такимъ образомъ громаднымъ долгомъ,—на погашеніе коего съ процентами шла бо́льшая часть его доходовъ. Имѣніе это много обѣщало въ будущемъ; но сперва требовало большой энергіи и умѣнья со стороны владѣльца, чтобы не запутаться и быть исправнымъ въ платежахъ. Не смотря на эти заботы, Эттингенъ въ то же время дѣятельно занимался общественными дѣлами и успѣлъ пріобрѣсти довѣріе большинства дворянства. Въ качествѣ неимѣющаго чина дворянина, онъ долго былъ самымъ дѣятельнымъ Лифляндскимъ предводителемъ дворянства. Въ то время правительство не разъ находило въ немъ поддержку мѣрамъ, направленнымъ къ огражденію, хоть сколько нибудь, положенія безземельныхъ лифляндскихъ крестьянъ,—хотя онъ, разумѣется, могъ дѣлать уступки лишь въ предѣлахъ, указанныхъ ему дворянствомъ. Но потомъ его вдругъ сдѣлали, изъ неимѣющихъ чина, статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ и лифляндскимъ губернаторомъ. Это была непонятная ошибка. О дѣятельности его, какъ губернатора, мнѣ придется говорить ниже; но не могу здѣсь не удивиться: какъ представителемъ и органомъ русской власти сдѣлали перваго поборника обособленія Прибалтійскихъ губерній во имя нѣмецкой національности? Вначалѣ, какъ предводитель и человѣкъ сравнительно либеральный, резонный, Эттингенъ могъ быть угоденъ правительству. Но потомъ, нельзя было не видѣть, что для будущаго, въ политическомъ отношеніи, тенденціи нѣмецко-національной Остзейской партіи опаснѣе, чѣмъ феодальное упорство. Прежде,—т. е. до начала шестидесятыхъ годовъ, — правительство имѣло дѣло съ разъединенными между собою корпораціями, отстаивавшими отжившіе свой вѣкъ порядки,—неспособные долго еще удерживать за собою общее сочувствіе, даже въ средѣ остзейскихъ дворянъ. Тутъ былъ вопросъ во времени: можно было задержать паденіе старыхъ порядковъ; но оживить и увѣковѣчить ихъ не могла никакая сила. Между тѣмъ, прежде защитники привиллегій, въ самой оппозиціи правительству, могли возлагать свои надежды лишь на благодушіе и слабость того-же правительства, ибо нигдѣ болѣе феодальныя понятія не могли встрѣтить сочувствія. Общественное мнѣніе было противъ нихъ и у насъ, и за границей, исключая развѣ какихъ нибудь мекленбургскихъ юнкеровъ, давно всѣми осмѣянныхъ. Между различными привилле-

гированными сословіями не было единства и полной солидарности; но всѣ они сознавали, что, въ случаѣ присоединенія къ Пруссіи, новое правительство гораздо менѣе будетъ церемониться съ ихъ привиллегіями, чѣмъ русское; а отдѣльное, самостоятельное существованіе Прибалтійскаго края было немыслимо; притомъ же, для поддержки привиллегій, нужны были русскіе штыки и казацкія нагайки, къ коимъ прибѣгали помѣщики, коль скоро страхъ мѣстныхъ розогъ не въ силахъ былъ удерживать выведенныхъ изъ терпѣнія крестьянъ. Съ шестидесятыхъ годовъ положеніе начинаетъ измѣняться. Въ это время мы видимъ уже попытку къ объединенію всего нѣмецкаго населенія трехъ губерній и къ созданію общаго для края нѣмецкаго сейма [1]). Въ этой попыткѣ замѣшаны больше всѣхъ нѣмцы-чиновники, получающіе жалованье отъ русскаго правительства. Идея солидарности и единства остзейскихъ нѣмцевъ съ подданными германской имперіи стала громко пропагандироваться устно и печатно и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и между нѣмцами по всей Россіи, и за границею. Къ чему все это поведетъ, если управленіе краемъ останется всецѣло въ рукахъ нѣмцевъ—дворянъ, бюргеровъ и чиновниковъ; если, вмѣсто всесословнаго земства, съ полнымъ участіемъ латышей и эстовъ, явятся тѣ-же дворянскія собранія, переименованныя въ земскія, по случаю присоединенія къ составу ихъ двухъ-трехъ помѣщиковъ изъ крестьянскаго сословія, удовлетворяющихъ высокому цензу; если мировая юстиція будетъ исключительно помѣщичья-нѣмецкая; а въ общихъ судахъ, въ городскихъ управленій, въ soi-disant земскихъ учрежденіяхъ и въ самыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ будетъ господствовать нѣмецкій языкъ? Тогда большинство населенія, — эсты и латыши, — возлагающіе до сихъ поръ свои надежды на русское правительство и весьма склонные къ изученію русскаго языка, убѣдятся въ томъ, что правительство окончательно отдало ихъ на жертву нѣмецкому элементу; болѣе состоятельная и развитая часть сельскаго населенія (крестьяне-собственники и арендаторы) станутъ склоняться къ усвоенію нѣмецкой національности, подобно горожанамъ; часть батраковъ выселится внутрь Россіи и будетъ замѣнена наемными рабочими изъ Пруссіи. Наконецъ край окончательно онѣмечится, подъ усиліями образованныхъ классовъ и духовенства, которые раскаиваются уже въ томъ пренебреженіи къ эстамъ и латышамъ, которое не дало имъ раньше

---

[1]) Объ этомъ будетъ подробнѣе разсказано ниже.

озаботиться ихъ онѣмеченіемъ. Не сословія уже, дорожившія своими привиллегіями, а масса населенія будетъ проникнута въ Прибалтійскихъ губерніяхъ нѣмецкимъ духомъ и будетъ естественно тяготѣть къ своимъ заграничнымъ братьямъ по вѣрѣ, языку и общему строю культуры. Вотъ къ чему ведутъ дѣло представители нѣмецкой партіи. Но они прямо въ томъ не сознаются, отрицаютъ передъ правительствомъ сепаратизмъ, завѣряютъ въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и обвиняютъ въ клеветѣ и зловредномъ, ультрарусскомъ демократическомъ направленіи своихъ обличителей. Положимъ, что эти господа и не замышляютъ теперь политическаго отдѣленія отъ Россіи; что они довольны русскимъ правительствомъ, пока оно не будетъ мѣшать имъ распоряжаться по своему; что они никогда не рѣшатся поднять знамя вооруженнаго бунта, и что теперь [1]) Пруссія и сама не расположена къ завоеванію Прибалтійскихъ губерній. Но развѣ можно ручаться за будущее? А если когда либо вспыхнетъ война съ Германіей, каково будетъ Россіи имѣть на окраинѣ, близъ столицы, провинціи, готовыя къ радушному пріему непріятеля, вмѣсто оказанія ему патріотическаго отпора? Провинціи, гдѣ всѣ учрежденія, вся администрація готовы будутъ служить новому правительству и гдѣ начальнику окупаціоннаго корпуса останется только смѣнить генералъ-губернатора и двухъ-трехъ русскихъ чиновниковъ. Неужели правительству не слѣдуетъ заблаговременно предусматривать такую случайность и принимать заранѣе соотвѣтствующія мѣры? Не такъ судятъ у насъ многіе мудрые правители, называющіе разсужденія, подобныя нашимъ,—алармистскими бреднями, клеветой и интригой русскихъ демократовъ противъ вѣрноподданныхъ консерваторовъ-нѣмцевъ! Потому-то Эттингена, коновода нѣмецкой партіи, и сдѣлали лифляндскимъ губернаторомъ! Кто устроилъ это назначеніе—я не знаю; но П. А. Валуевъ, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, говорятъ, впослѣдствіи, увѣрялъ, что выборъ этотъ состоялся помимо его.

---

[1]) Это писано въ 1875 году. Ред.

III.

Мѣстные генералъ-губернаторы: князь Суворовъ.—Баронъ Ливенъ.—Графъ Шуваловъ.—Положеніе генералъ-губернаторовъ въ Ригѣ.

Значительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ имѣла личность генералъ-губернаторовъ, — хотя они и связаны были своею обстановкою и настроеніемъ центральнаго правительства. Отмѣчу здѣсь то общее впечатлѣніе, какое оставила во мнѣ дѣятельность тѣхъ Остзейскихъ генералъ-губернаторовъ, съ управленіемъ коихъ мнѣ пришлось близко ознакомиться за время съ 1856 до 1866 года.

Первый изъ бывшихъ при мнѣ генералъ-губернаторовъ князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ,—«гуманный внукъ воинственнаго дѣда», какъ назвалъ его Ѳ. И. Тютчевъ,—былъ человѣкъ красивой и представительной наружности, съ открытымъ лицомъ и неудержимымъ языкомъ, не щадившимъ бранныхъ эпитетовъ даже министрамъ, когда что было ему не понутру. Онъ отличался прямымъ и благороднымъ характеромъ и полнѣйшимъ непониманіемъ своей задачи, какъ представителя русской власти на окраинѣ государства, въ средѣ интеллигенціи, имѣвшей свои, чуждыя Россіи, стремленія и интересы и угнетавшей безгласныхъ, инстинктивно преданныхъ Россіи крестьянъ. Еще у себя въ Ригѣ, онъ иногда выставлялъ себя охранителемъ правительственныхъ интересовъ и даже заступался за крестьянъ, въ случаѣ явной къ нимъ несправедливости; но тамъ, въ Петербургѣ, въ Остзейскомъ комитетѣ, онъ явно уже считалъ и выставлялъ себя представителемъ интересовъ края, т. е. на самомъ дѣлѣ не всего населенія и не большинства его, а исключительно дворянства и при случаѣ бюргерства, когда дѣло касалось городовъ. Затѣмъ онъ ораторствовалъ и горячился на тему, заданную дворянствомъ, подписывалъ и представлялъ то, что писалось у него въ канцеляріи, подъ вліяніемъ того же дворянства; руководствовался личнымъ минутнымъ впечатлѣніемъ, а не серьезнымъ изученіемъ дѣла; при благопріятномъ настроеніи, случайно, удавалось убѣдить его согласиться иногда и на то, противъ чего онъ прежде рѣзко говорилъ; удавалось преданному русскому дѣлу чиновнику дать ему подписать бумагу, не совсѣмъ угодную дворянству. Вообще онъ готовъ былъ часто подписать что угодно, не вникая въ дѣло. Впрочемъ, я увѣренъ, что въ смутныхъ обстоятельствахъ, лицомъ къ лицу съ яв-

ными врагами Россіи, въ немъ проснулась бы искра дѣдовскаго генія. Да и вообще тамъ, гдѣ нужна была не спокойная, выдержанная, систематическая, основанная на серіозномъ пониманіи дальнѣйшихъ цѣлей правительства, дѣятельность, а просто прямое, честное отношеніе къ настоящему,—онъ былъ вполнѣ полезенъ. Въ бытность его въ Петербургѣ генералъ-губернаторомъ, во время студентскихъ исторій,—его доступность, готовность сдѣлать добро каждому; его безхитростная простодушная рѣчь и симпатичный характеръ стяжали ему положительную популярность и общее уваженіе. Несомнѣнно, что при другомъ генералъ-губернаторѣ, студентскія исторіи разрослись бы и хотя конечно всетаки не были бы опасны для государства, но вовлекли бы бòльшее число молодыхъ людей, которые потомъ подверглись бы взысканіямъ, убивающимъ ихъ свѣжія силы и мѣшающимъ имъ обратить, въ свое, время, эти силы на пользу государству [1]). Но въ Ригѣ кн. Суворовъ былъ положительно не на мѣстѣ, служа орудіемъ въ рукахъ коноводовъ мѣстныхъ партій. До какой степени онъ могъ поддаваться настояніямъ даже тѣхъ людей, противъ коихъ онъ былъ предубѣжденъ, до какой степени онъ могъ быть непослѣдователенъ и какъ его впечатлѣнія мѣнялись съ минуты на минуту и заставляли его противорѣчить самому себѣ,—покажетъ слѣдующій, извѣстный мнѣ изъ первыхъ рукъ, случай.

Разъ какъ-то министръ Ланской поручилъ своему чиновнику, носящему нѣмецкую фамилію, съѣздить къ князю Суворову, чтобы лично убѣдить его сдѣлать какое-то распоряженіе. Какъ только чиновникъ ему доложилъ въ чемъ дѣло, онъ прервалъ его словами:

— «Что вы мнѣ говорите о Ланскомъ, онъ тутъ не при чемъ; это все ваши затѣи; вы, происходя изъ нѣмецкой фамиліи, отреклись отъ своего происхожденія и сдѣлались Deutschenfresser. Вы все затѣваете вещи, противныя Остзейскому дворянству», и т. д. въ этомъ духѣ.

Чиновникъ далъ ему выговориться и потомъ сталъ доказывать ему необходимость требуемой мѣры и безобидность ея для дворянства. Князь слушалъ въ половину, не возражалъ ни слова по существу дѣла, а возобновлялъ лишь, но уже мягче, прежніе личные нападки. Наконецъ спросилъ: «чего же вы отъ меня хотите?» Чиновникъ отвѣчалъ: «чтобы ваша свѣтлость написали губернатору то-то и то-то».

---

[1]) См. „Воспоминанія о кн. Суворовѣ, спб. генералъ-губернаторѣ, 1861—1866 гг., профессора И. Е. Андреевскаго въ „Русской Старинѣ", изд. 1882 г. томъ XXXIII, мартъ, стр. 833—838 и томъ XXXIV, май, стр. 525—542

— «Хорошо», сказалъ князь, «я напишу самъ и сейчасъ же; диктуйте».

Чиновникъ продиктовалъ ему письмо. Князь далъ ему его прочесть и тутъ же запечаталъ при немъ, позвалъ жандарма и велѣлъ везти сейчасъ на почту,—чтобы убѣдить чиновника, какъ онъ самъ объяснялъ, что письмо дѣйствительно отправлено и что онъ, князь,—въ немъ ничего не измѣнилъ и не прибавилъ противъ продиктованнаго чиновникомъ. Потомъ онъ спросилъ послѣдняго: «ну, теперь вы довольны»?

Точно также и по желанію другихъ, постороннихъ лицъ, князь Суворовъ дѣлалъ распоряженія частными письмами, о которыхъ не зналъ его правитель канцеляріи и о коихъ слѣда въ его дѣлахъ не оставалось. Могло ли тутъ быть единство въ дѣйствіяхъ? За его время, если и было сдѣлано кое что для облегченія крестьянъ-хозяевъ, посредствомъ установленія выдачи имъ вознагражденія помѣщикамъ, при удаленіи изъ арендуемыхъ участковъ и для облегченія батракамъ возможности получать паспорты для отлучекъ на заработки,—то это было сдѣлано, частью по иниціативѣ самаго дворянства, частью же по настоянію министерства, подъ вліяніемъ духа готовившихся внутри имперіи реформъ, не допускавшаго полной инерціи даже и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Преемникомъ Суворова былъ баронъ Вильгельмъ Карловичъ Ливенъ, добрѣйшій и честнѣйшій, лично, человѣкъ, но еще болѣе безличный и безполезный генералъ-губернаторъ. Его вели куда хотѣли всѣ, кому это было желательно. Это было до того легко, что сами предводители дворянства, пользуясь имъ, какъ своимъ орудіемъ, отзывались о немъ съ пренебреженіемъ. Суворовъ, по крайней мѣрѣ, возмущался слишкомъ несправедливымъ поступкомъ съ крестьяниномъ, слишкомъ наглымъ неисполненіемъ закона или пренебреженіемъ къ его власти и достоинству. Тогда онъ, бывало, вспылитъ и настоитъ на своемъ. Въ виду этихъ вспышекъ,—il fallait garder avic lui certains ménagements. При Ливенѣ перестали церемониться съ нимъ и его управленіе служило только флагомъ для прикрытія контрабанды мѣстныхъ партій. Для примѣра приведу исторію съ судебной реформой.

При составленіи новыхъ судебныхъ уставовъ, спросили заключенія генералъ-губернатора барона Ливена о способѣ примѣненія общихъ началъ сихъ уставовъ къ Прибалтійскимъ губерніямъ. Въ Ригѣ его надоумили составить для обсужденія этого вопроса особую коммисію изъ юристовъ и представителей дворянства и городовъ. Такимъ образомъ, присутствіе этихъ представителей измѣ-

няло и расширяло значеніе коммисіи, какую генералъ-губернаторъ могъ бы образовать, своею властью, при своей канцеляріи, для обстоятельнаго изученія вопроса, по коему правительство спрашивало только его личнаго заключенія. Добро бы Ливенъ отъ себя пригласилъ лично, въ видѣ экспертовъ, предводителей дворянства и бургомистровъ помочь ему въ изученіи сложнаго вопроса, а то нѣтъ: дѣло поведено было гласно и торжественно. Представители дворянства были выбраны на экстренныхъ собраніяхъ, на коихъ вопросъ обсуждался по существу и делегатамъ дали отъ дворянства инструкціи. Также было и съ городскими депутатами. Вышла не простая административная коммисія изъ чиновниковъ съ экспертами, а какое-то законодательное, если не всесословное (крестьяне были, какъ всегда, обойдены), то двухъ-сословное собраніе для всѣхъ трехъ губерній, объединяющее между собою и выдѣляющее изъ общаго состава имперіи мѣстное представительство, тогда какъ дотолѣ представительство дворянства каждой губерніи и бюргерства каждаго города были сами по себѣ, не имѣли между собою ничего общаго и не было ни рѣчи, ни мысли о какомъ либо общемъ представительствѣ Остзейскаго края. Добро бы гг. остзейцы, совершивъ втихомолку такую попытку соорудить, подъ видомъ коммисіи, образецъ мѣстнаго двухъ-сословнаго парламента ad hoc, молчали бы до времени, приберегая указаніе на этотъ прецедентъ впослѣдствіи, когда бы эта попытка удалась бы и сошла бы съ рукъ благополучно. Но нѣтъ, въ Rigasche Zeitung тутъ же явилась статья, начинавшаяся чѣмъ то въ родѣ того, что: «и такъ, наконецъ, въ первый разъ собирается у насъ сеймъ, общій для всѣхъ Прибалтійскихъ губерній». Эта статья была, говорятъ, написана въ канцеляріи генералъ-губернатора!! Это было уже черезъ чуръ сильно. Въ Россіи общественное мнѣніе всполошилось; «Московскія Вѣдомости» подняли трезвонъ о сепаратизмѣ; судебное вѣдомство (не бывшее еще подъ опекою нѣмцевъ въ лицѣ гр. К. И. Палена) настояло на назначеніи генералъ-губернатору краткаго срока на доставленіе заключенія, чтобы не дать расходиться коммисіи. Нѣмцы потомъ добивались отмѣны этого срока и, не надѣясь тогда повернуть дѣло по своему и навязать правительству свой особый, нѣмецкій судебный уставъ, выработанный мѣстнымъ законодательнымъ сеймомъ,—рѣшились затянуть дѣло. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ и неизвѣстно еще когда судебная реформа коснется Остзейскаго края и въ какомъ видѣ тамъ перерядится; а между тѣмъ въ Гапсалѣ производятся (1875 г.)

пытки въ силу древнихъ нѣмецкихъ феодальныхъ порядковъ! Можно ли вообразить себѣ что либо противнѣе интересамъ и видамъ правительства и наконецъ прямымъ обязанностямъ, опредѣленнымъ закономъ,—той роли, которую разыграло въ этомъ дѣлѣ управленіе генералъ-губернатора, которое подчинилось внушеніямъ даже не большинства дворянства, а той партіи, которая возмечтала тогда о созданіи особаго Остзейскаго герцогства, съ особою конституціею на подобіе Финляндіи,—тогда какъ большинство самихъ нѣмцевъ сознавало неудобоисполнимость этой затѣи и неосторожность раздражать общественное мнѣніе въ Россіи неудачной попыткой.

Послѣднимъ при мнѣ генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ былъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ. Помню первое извѣстіе о его назначеніи. Зная дѣятельность графа Шувалова, какъ директора департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, я, услышавъ о его назначеніи, сообщилъ женѣ новость и прибавилъ, что убѣжденъ, что Шуваловъ будетъ посамостоятельнѣе своихъ предмѣстниковъ, кое что сдѣлаетъ для крестьянъ и для поддержанія въ краѣ значенія русской власти, но не очень много и не потому, чтобы не съумѣлъ. Своей инипіативой въ нѣкоторыхъ полезныхъ реформахъ въ краѣ, онъ рѣшится раззадорить нѣмцевъ лишь ровно на столько, чтобы они сперва, изъ угожденія, поддались нѣсколько его требованіямъ и тѣмъ немножко удовлетворили ожиданія нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ и общественнаго мнѣнія въ Россіи и выставили бы графа Шувалова въ лучшемъ свѣтѣ въ глазахъ русскихъ людей, противъ его предмѣстниковъ; а потомъ пожелали бы спустить его съ почетомъ—to kick hime upstairs,—какъ человѣка, который, сблизившись съ ними въ Ригѣ, можетъ быть имъ полезенъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ; но который, еслибы еще засидѣлся въ Ригѣ, повелъ бы ихъ, пожалуй, дальше, чѣмъ они того желали и не далъ бы себя водить за носъ.

Сколько я могу судить по всему, что мнѣ извѣстно, предсказаніе, сдѣланное мною въ тотъ самый день, когда я узналъ о назначеніи графа П. А. Шувалова въ Ригу, сбылось вполнѣ. Да ничего другаго и ожидать было нельзя.

Пріѣзжаетъ генералъ-губернаторъ въ Ригу какъ въ нѣмецкое царство: кругомъ порядки, законы, обычаи и люди все новые, особые. Окружаютъ его представители мѣстной интеллигенціи и со всякою любезностью и лестью, но внушительно даютъ понять, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, что надо сообразоваться съ писанными и неписанными ихъ привиллегіями и обычаями, спра-

шивая ихъ же самихъ: въ чемъ привиллегіи эти заключаются; что если генералъ-губернаторъ будетъ жить съ ними ладно, то все пойдетъ какъ по маслу; его будутъ превозносить и въ Ригѣ, и въ Петербургѣ, благодаря ихъ благопріятелямъ; что въ противномъ случаѣ, если генералъ-губернаторъ станетъ мудрить и пойдетъ имъ наперекоръ, — онъ на каждомъ шагу будетъ путаться, попадетъ въ просакъ, подвергнется сплетнямъ, газетной клеветѣ здѣсь и заграницей, интригамъ въ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ, пока не сломятъ ему шеи. Не говорится это en toutes lettres, но генералъ-губернаторъ чувствуетъ это изъ разныхъ намековъ и изъ сотни мелкихъ обстоятельствъ въ текущихъ дѣлахъ, въ ежедневной жизни, и сознаетъ, что это правда, тѣмъ болѣе, что при отправленіи изъ Петербурга ему могло быть внушено: «дѣлай, какъ хочешь, но чтобы тамъ были довольны». Что же остается дѣлать новому генералъ-губернатору? Видитъ онъ, что многое не совсѣмъ ладно, за многое надо бы приняться серьезно; но къ кому обратиться? кругомъ его, отъ правителя его канцеляріи до послѣдняго чиновника, все одни нѣмцы, между коими затесался развѣ кое гдѣ русскій чиновникъ, да и то часто русскій, вполнѣ угодный мѣстной интеллигенціи—ибо чисто-русскаго туда рѣдко допустятъ, а, если явится, — ославятъ мошенникомъ или краснымъ и скоро спровадятъ. Что же сдѣлать генералъ-губернатору одному, безъ помощниковъ, безъ вѣрныхъ исполнителей, безъ поддержки сверху, безъ твердой правительственной програмы и инструкцій, кромѣ обязанности уконтентовать во что бы то ни стало дворянство? Будь онъ о семи пядей во лбу, — будь онъ готовъ жертвовать собою на благо отечества, все таки многаго не подѣлаешь; а охотниковъ даромъ ломать себѣ шею—немного. Гораздо удобнѣе сдѣлать кое что, — выманивъ, а не вытребовавъ это кое что у нѣмцевъ, которые знаютъ когда нужно имъ чуть-чуть уступить, чтобы начальство не раздразнить и за это кое что получить спасибо отовсюду и потомъ поддержку, во всякомъ нужномъ случаѣ, со стороны сильной въ Петербургѣ нѣмецкой партіи.

IV.

Остзейскій комитетъ, его значеніе и дѣятельность.

Разсмотрѣніе законодательныхъ проектовъ по части устройства крестьянъ, а иногда и по другимъ вопросамъ, касающимся Прибалтійскихъ губерній, — возложено было на учрежденный, кажется еще въ сороковыхъ годахъ, комитетъ остзейскихъ дѣлъ или, какъ его короче называютъ, Остзейскій комитетъ, проводящій не только законодательныя мѣры по крестьянскимъ дѣламъ, но и такія мѣры, которыя прямо подлежали бы, по закону, разсмотрѣнію государственнаго совѣта или комитета министровъ.

Предсѣдателемъ комитета состоялъ всегда заслуженный генералъ изъ остзейцевъ; постоянными членами были: министры внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и остзейскій генералъ-губернаторъ; къ нимъ присоединялись, иногда, другіе министры и правительственныя лица и депутаты отъ мѣстнаго дворянства. Канцелярія комитета состояла изъ дѣлопроизводителя, получавшаго содержаніе изъ дворянскихъ суммъ; а исполнительная переписка велась, отъ лица министра внутреннихъ дѣлъ, въ департаментѣ общихъ дѣлъ.

При тѣхъ условіяхъ, въ какія поставленъ остзейскій комитетъ, онъ не можетъ принести большой пользы, ибо почти не имѣетъ иниціативы въ возбужденіи законодательныхъ мѣръ и, получая сложные готовые проекты, составленные самимъ дворянствомъ, можетъ только исправить нѣкоторыя частности, не улучшая почти общаго характера проекта. Лучшее и благодѣтельнѣйшее для лифляндскихъ крестьянъ положеніе 19-го февраля 1804 года, закрѣпившее за ними послѣдовательное пользованіе участками и ограничившее размѣръ ихъ повинностей (чего крестьяне лишились потомъ при безземельномъ освобожденіи въ 1819 году) было составлено не самимъ дворянствомъ и не въ Ригѣ, а въ Петербургѣ особымъ комитетомъ изъ правительственныхъ чиновъ, съ участіемъ только депутатовъ дворянства. Когда же вся иниціатива и самая обработка какъ общихъ основаній, такъ и подробностей положеній и правилъ о крестьянахъ отданы въ руки одной изъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ—дворянству, въ силу мнимаго Verfassungsrecht'а,—трудно ожидать чего нибудь существенно полезнаго для крестьянъ. Съ другой стороны, внесеніе законодательныхъ мѣръ этимъ путемъ въ остзейскій комитетъ и поднесеніе ихъ, по разсмотрѣніи въ комитетѣ, непосредственно на высочайшее утвержденіе, въ видѣ временныхъ будто бы правилъ (срокъ дѣйствія коихъ

потомъ продлится тѣмъ же путемъ) дало возможность обходить вовсе государственный совѣтъ, и черезъ это избѣжать исправленій, какія могли бы быть сдѣланы государственнымъ совѣтомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ обособить еще Остзейскій край даже въ порядкѣ утвержденія законодательныхъ мѣръ и косвенно укрѣпить за нимъ, на дѣлѣ, Verfasungsrecht, противорѣчащій общему строю законодательства и отдающій меньшинству населенія въ руки судьбы большинства, безъ подлежащаго даже руководящаго участія высшей правительственной власти. Въ этомъ отношеніи, Остзейскій комитетъ положительно вреденъ. Не спорю, что для спеціальнаго разсмотрѣнія и согласованія между собою особыхъ мѣръ, вызванныхъ исключительными условіями какой либо мѣстности и для постояннаго направленія мѣръ этихъ къ одной цѣли, — особый комитетъ можетъ быть полезенъ. Но мнѣ кажется, что въ этихъ видахъ лучше бы учредить одинъ комитетъ для высшаго наблюденія за направленіемъ административныхъ мѣръ и для предварительной выработки основаній законодательныхъ мѣръ, касающихся всѣхъ западныхъ окраинъ—т. е. 9 западныхъ, всѣхъ привислянскихъ и 3-хъ Прибалтійскихъ губерній. Комитетъ этотъ и его канцелярія были бы поставлены выше и самостоятельнѣе; личныя вліянія Остзейцевъ были бы менѣе сильны; а между тѣмъ выработалась бы и сохранилась бы раціональная общая система управленія окраинами и ассимиляціи ихъ съ центромъ, съ допущеніемъ мѣстныхъ изъятій лишь тамъ, гдѣ они дѣйствительно оправдываются мѣстными условіями и безопасны, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, для единства и цѣлости государства. Но и этотъ комитетъ не долженъ бы обходить государственный совѣтъ при утвержденіи законодательныхъ проектовъ и могъ бы принимать заявленія заинтересованныхъ въ дѣлѣ сословій лишь къ соображенію, а не отдавать имъ въ руки иниціативу въ законодательныхъ мѣрахъ и выработку подробныхъ проектовъ, особенно тамъ, гдѣ обсужденіе мѣръ мѣстнаго интереса не можетъ быть ввѣрено всесословному земству. Такой комитетъ замѣнилъ бы съ пользою и генералъ-губернаторовъ.

Предсѣдателемъ Остзейскаго комитета былъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ, еще довольно бодрый для своихъ преклонныхъ лѣтъ старикъ, бывшій славнымъ кавалерійскимъ генераломъ въ 1812 году, посломъ въ Парижѣ при дворѣ Людовика Филиппа и вспоминавшій, какъ онъ ѣзжалъ на перекладной въ прошломъ столѣтіи, когда, бывши уже офицеромъ и адъютантомъ Рижскаго губернатора, онъ везъ императрицѣ Екатеринѣ II актъ о присоединеніи Курляндіи къ Россіи. Не смотря на старость, нельзя сказать, чтобы графъ

Паленъ былъ безучастенъ къ дѣламъ; я слышалъ, напримѣръ, что онъ хорошо ознакомился съ вопросомъ о шведскихъ крестьянахъ [1]), самъ резюмировалъ его вѣрно и отчетливо въ засѣданіи и направилъ дѣло къ справедливому разрѣшенію. Онъ былъ благородный нѣмецъ и, хотя конечно сочувствовалъ дворянскимъ остзейскимъ понятіямъ, но не уступалъ и дворянскимъ притязаніямъ, когда считалъ ихъ несправедливыми, какъ, напримѣръ, насчетъ обремененія крестьянъ барщиною.

Преемникомъ его былъ Родіонъ Егоровичъ Гринвальдъ, управляющій коннозаводствомъ, тоже старикъ добрый, прямой и честный, но гораздо менѣе Палена оказывавшій вліяніе на дѣло, хотя былъ гораздо моложе и бодрѣе его.

Постояннымъ членомъ комитета, по должности, былъ, кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ, министръ государственныхъ имуществъ, должность коего, въ пятидесятыхъ годахъ, занималъ графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, котораго личность оставила во всѣхъ его видѣвшихъ очень пріятное впечатлѣніе. Какъ теперь помню его открытое, прямодушное, благородное лице; какъ онъ разъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ въ кабинетѣ и, объясняя причину своего разногласія въ Остзейскомъ комитетѣ, гдѣ онъ защищалъ крестьянъ,—говорилъ:

— Вы не думайте, чтобы я вообще любилъ спорить; но тутъ я могу уступить лишь съ величайшею осторожностью: вѣдь остзейскіе крестьяне—это овцы; если я не заступлюсь за нихъ, то кто же за нихъ заступится!

Послѣ Киселева Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ сталъ вникать серіозно въ Остзейскія дѣла и отстаивать свое мнѣніе и вошелъ окончательно въ свою преемственную роль защитника крестьянъ (или, какъ выразился Ю. Ѳ. Самаринъ, депутата отъ Россіи) въ средѣ Остзейскаго комитета, хотя Муравьевъ, въ то же время, при пособіи потомъ своего директора, П. А. Валуева, служилъ, въ главномъ комитетѣ, представителемъ партіи, враждебной освобожденію крестьянъ съ землею на началахъ, выработанныхъ редакціонными коммисіями. Не стану здѣсь говорить о личности и общей дѣятельности Муравьева. Онъ представлялъ собою, въ различныя эпохи

---

[1]) Вопросъ заключался въ нарушеніи помѣщикомъ привилегій, дарованныхъ шведскимъ правительствомъ крестьянамъ. Тутъ интересъ помѣщичій шелъ въ разрѣзъ съ привилегіями и приходилось отстаивать: или помѣщичье полноправіе,—или право крестьянъ, основанное на привилегіяхъ. Послѣднее право одержало верхъ, изъ уваженія къ принципу неприкосновенности привилегій.

своей дѣятельности, двѣ столь различныя личности, что надо бы ближе меня его знать и постоянно слѣдить за его дѣятельностью, чтобы вѣрно опредѣлить и объяснить это превращеніе. Одно въ немъ поражало, что̀ было въ немъ неизмѣнно до конца его жизни, это усидчивость въ работѣ. Онъ не вставалъ съ своего кресла, развѣ для обѣда, на короткое время, или чтобы ѣхать въ государственный совѣтъ и проч., или чтобы пройтись, съ трудомъ и сутуловато держась, до пріемной: принять просителей или проводить почетнаго гостя. Когда къ нему ни пріѣдешь: съ утра съ 10 часовъ и до перваго часу ночи,—его все застаешь въ томъ же креслѣ, а въ пріемной нѣсколько человѣкъ, ожидающихъ съ докладами. Я удивлялся какъ человѣческій организмъ можетъ выносить такое непрерывное умственное напряженіе и такое отсутствіе моціона.

О послѣднемъ бывшемъ до 1872 года членомъ Остзейскаго комитета министрѣ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленомъ можно сказать, что въ комитетѣ онъ былъ всегда горячимъ защитникомъ крестьянъ и депутатомъ отъ Россіи, хотя не всегда умѣлъ отстоять свои мнѣнія.

Главнымъ правительственнымъ органомъ по завѣдыванію дѣлами Остзейскихъ губерній въ центральномъ управленіи являлось министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ дѣлопроизводство по дѣламъ этимъ сосредоточивалось, какъ сказано выше, въ департаментѣ общихъ дѣлъ. Директоры департамента общихъ дѣлъ могли, однако, касаться переписки по Остзейскимъ дѣламъ лишь пока дѣло велось по департаменту, т. е. когда велась предварительная, до внесенія дѣла въ Остзейскій комитетъ, переписка, или исполнялись журналы комитета, или обсуждались вопросы, разрѣшаемые по соглашенію министра съ генералъ-губернаторомъ и не требовавшіе законодательныхъ мѣръ. Законодательные же вопросы вносились, большею частью, прямо въ Остзейскій комитетъ. По болѣе же сложнымъ проектамъ, составлялись предварительныя коммисіи изъ чиновниковъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и отъ генералъ-губернатора и изъ вызванныхъ ad hoc депутатовъ дворянства и затѣмъ дѣло вносилось въ комитетъ съ заключеніемъ коммисіи или съ исправленнымъ коммисіею проектомъ.

V.

Pia desideria по Остзейскому вопросу.

Изложу здѣсь всѣ тѣ мнѣнія по Остзейскому вопросу, которыя постепенно сложились и укоренились во мнѣ въ теченіе десятилѣтнихъ занятій моихъ по Остзейскимъ дѣламъ и которыя, въ моемъ умѣ, составляютъ плодъ и окончательный результатъ этихъ занятій. Я старался при этомъ, какъ и всегда, быть безпристрастнымъ и избѣгать крайностей и увлеченій.

Политическая программа наша должна бы, мнѣ кажется, резюмироваться въ томъ: а) чтобы, не касаясь тѣхъ мѣстныхъ порядковъ и обычаевъ, которые имѣютъ практически полезное для края и для всего населенія значеніе,—постепенно устранить тѣ исключительныя правила, которыя вредны для большинства мѣстнаго населенія или которыя, не имѣя прямаго полезнаго значенія, напрасно клонятся къ обособленію прибалтійскихъ губерній отъ прочихъ частей имперіи; а въ особенности не допускать новыхъ различій между общими и мѣстными узаконеніями, кромѣ частныхъ изъятій, какія, по мѣстнымъ условіямъ, окажутся дѣйствительно необходимыми, при примѣненіи къ Остзейскому краю новыхъ судебныхъ уставовъ, земскихъ учрежденій и другихъ реформъ; б), чтобы, не стѣсняя изученія и употребленія въ краѣ нѣмецкаго языка, отвести, въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, подобающее мѣсто, какъ нарѣчіямъ большинства мѣстнаго населенія (эстскому и латышскому), такъ въ особенности государственному русскому языку; в), чтобы, не нарушая правилъ вѣротерпимости, поддержать значеніе, достоинство и матеріальное благосостояніе православной церкви; г) чтобы, не оскорбляя мѣстной интеллигенціи преждевременными подозрѣніями, не дразня нѣмцевъ такими распоряженіями, которыя, безъ существенной въ нихъ необходимости, могутъ быть поняты въ смыслѣ придирокъ къ преимуществамъ высшаго сословія, къ городскому самоуправленію, къ нѣмецкому языку или къ самостоятельности лютеранской церкви,—зорко слѣдить за дѣйствіями и происками нѣмецкой партіи; не поддаваться ей, когда дѣло клонится къ уступкѣ, со стороны правительства, въ тѣхъ требованіяхъ, какія оно признаетъ, на указанномъ выше основаніи, необходимымъ; строго и неуклонно держаться закона, допуская, изъ общаго закона, лишь тѣ изъятія, какія установлены въ утвержденныхъ нашимъ правительствомъ, изданныхъ имъ и не отмѣненныхъ позднѣйшими постановленіями мѣстныхъ узаконеніяхъ; но, не

допуская, со стороны мѣстной администраціи, никакихъ отступленій отъ общихъ и мѣстныхъ обнародованныхъ узаконеній, въ силу какихъ то отысканныхъ въ архивахъ грамотъ и привиллегій или обычаевъ, произвольно установленныхъ, вопреки закону, мѣстными судами и общественными учрежденіями. Для постояннаго за этимъ наблюденія, для поддержанія въ краѣ авторитета и достоинства власти русскаго правительства, для того, наконецъ, чтобы имѣть всегда, о положеніи дѣлъ въ краѣ, точныя и вѣрныя, а не односторонніе, внушенныя нѣмецкою партіею свѣдѣнія и мнѣнія,—держать на вліятельныхъ въ краѣ должностяхъ (губернаторовъ, правителей ихъ канцелярій, вице-губернаторовъ, управляющихъ отдѣльными частями другихъ вѣдомствъ) исключительно людей разумныхъ, искренно преданныхъ интересамъ Россіи и неспособныхъ поддаться черезъ чуръ мѣстному нѣмецкому вліянію,—тогда какъ до сихъ поръ большинство правительственныхъ агентовъ въ прибалтійскомъ краѣ, принадлежа къ мѣстному дворянству, бюргерству или къ разряду нѣмцевъ-литератовъ, считаетъ своимъ отечествомъ собственно Остзейскій край и служитъ въ видѣ агентовъ нѣмецкой партіи передъ правительствомъ, заботясь только о прикрытіи неурядицъ сословнаго нѣмецкаго самоуправленія и о преслѣдованіи всякаго обличенія этихъ неурядицъ.

Если эти общія основанія примѣнить, въ частности, къ главнѣйшимъ questions pendantes Остзейскаго края,—то мнѣ остается сказать слѣдующее:

1) По крестьянскому вопросу, я раздѣляю вполнѣ взглядъ, высказанный въ статьѣ о Лифляндскихъ крестьянахъ, напечатанной въ 1863 году въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ; я видѣлъ въ нѣмецкой остзейской газетѣ [1]) отзывъ объ этой статьѣ, гдѣ отдавалась полная справедливость ея безпристрастію; но въ русской печати о ней я долго не встрѣчалъ ни слова и лишь спустя почти годъ послѣ ея появленія [2]) явилась о ней весьма лестная статья въ газетѣ «День», И. С. Аксакова, гдѣ приведены были цѣликомъ главные выводы и взгляды автора. Если статья сперва не обратила на себя вниманія, а потомъ заслужила хорошіе отзывы въ умѣренныхъ органахъ двухъ противоположныхъ лагерей, то это самое доказываетъ ея безпристрастіе, ибо горячія, одностороннія статьи сразу вызываютъ одобренія сторонниковъ и порицанія противниковъ. Перечитавъ теперь, въ 1875 году, то, съ чѣмъ я вполнѣ соглашался

---

[1]) Rigasche Zeitung 24 december 1863, № 30.

[2]) Въ маѣ 1864 года.

въ 1863 году, я остаюсь, въ главныхъ чертахъ, при прежнемъ мнѣніи. Осуждая, въ принципѣ, безземельное освобожденіе и считая, что освобожденіе Лифляндскихъ крестьянъ, въ 1819 году, безъ земли, съ лишеніемъ ихъ закрѣпленнаго за ними положеніемъ 1804 года права наслѣдственнаго пользованія участками земли за опредѣленныя вакенбухами повинности, было несчастіемъ для крестьянъ, выгодною аферою для помѣщиковъ и большою ошибкою со стороны правительства,—я сознаю, однако, что ошибка эта не можетъ уже теперь быть исправлена; что крестьяне потеряли юридическую и бытовую связь съ землею, которая, въ теченіе 50 лѣтъ, переходила изъ рукъ въ руки по срочнымъ арендным контрактамъ. Нельзя уже теперь эти добровольно и на законномъ основаніи заключенные на опредѣленный срокъ контракты обратить почеркомъ пера въ вѣчные, закрѣпивъ участки навсегда за наличными ихъ арендаторами (изъ коихъ многіе вчера еще были батраками)—и лишить черезъ то наличныхъ батраковъ шанса сдѣлаться опять хозяевами. Можно только косвенно содѣйствовать переходу участковъ въ собственность крестьянъ и положить предѣлы непомѣрному возвышенію арендной платы, выдачею ссудъ при выкупѣ участковъ и постановленіемъ правилъ о вознагражденіи хозяевъ, удаленныхъ изъ участковъ по истеченіи сроковъ арендныхъ контрактовъ, дабы удаляемый арендаторъ воспользовался частью выгодъ отъ возвышенія доходности земли, обусловленнаго его же трудами по лучшей обработкѣ оной; а помѣщикъ имѣлъ бы побужденіе,—вмѣсто того, чтобы прогнать прежняго арендатора, съ выдачею ему единовременно денежной суммы и съ отдачею участка другому за высокую плату,—оставить его прежнему арендатору за болѣе умѣренный оброкъ или продать участокъ въ собственность прежнему хозяину. Все это отчасти сдѣлано и начинаетъ приносить нѣкоторые плоды, ибо выкупъ участковъ идетъ, сколько мнѣ извѣстно, быстрѣе. Жаль только, что, какъ слышно, не мало участковъ продано приписавшимся къ волостямъ нѣмцамъ-бюргерамъ, вмѣсто коренныхъ крестьянъ-латышей и эстовъ. Конечно постановленія о вознагражденіи арендаторовъ и о выкупѣ участковъ могли бы быть еще нѣсколько расширены, изложены болѣе опредѣлительно, ясно и однообразно для трехъ губерній; но главное дѣло въ обезпеченіи правильнаго, безобиднаго для крестьянъ исполненія изданныхъ для нихъ постановленій и въ устраненіи того безправія, какое царило въ прибалтійскомъ краѣ, когда вотчинная полиція помѣщика подавляла всякую самостоятельность крестьянскаго общественнаго управленія и когда (чему я видѣлъ въ дѣлахъ рѣзкіе примѣры) самыя законныя домогательства крестьянъ отклоня-

лись мѣстными по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями во всѣхъ инстанціяхъ, не исключая, иногда, и генералъ-губернатора, съ которымъ министерствамъ приходилось вести полемику по частнымъ жалобамъ обиженныхъ крестьянъ. Это,—т. е. устраненіе безправія крестьянъ, отчасти, сдѣлано въ отношеніи приданія большей самостоятельности крестьянскому общественному управленію. Положеніемъ 19 февраля 1866 года сохранившимъ, однако, за вотчинною полиціею гораздо болѣе вліянія, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Для ограниченія этого вліянія и возвышенія значенія волостнаго управленія, не мѣшало бы увеличить раіоны волостей, не придерживаясь границъ отдѣльныхъ помѣстій, что устраняло бы прежній порядокъ, когда помѣщикъ былъ царькомъ въ границахъ своего имѣнія и дало бы возможность усилить средства содержанія волостныхъ должностныхъ лицъ. Для огражденія же крестьянъ въ области суда, нужно бы замѣнить сословные суды—общими, безпристрастными и чуждыми сословнаго вліянія мировыми судьями. Но не легко придумать вѣрный способъ къ пріисканію такихъ судей въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

2) Вопросъ о мировыхъ судьяхъ находится въ связи съ общей судебной реформой въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, ибо только при правильной, чуждой сословнаго вліянія, организаціи высшихъ и среднихъ судебныхъ инстанцій и прокурорскаго надзора,—можно надѣяться на удовлетворительное устройство мироваго института. Желательно, разумѣется, возможно полное примѣненіе, къ Прибалтійскимъ губерніямъ, общихъ началъ судебныхъ уставовъ 1864 года; желательно, при этомъ, назначеніе судей не исключительно и даже не преимущественно изъ прежняго состава мѣстныхъ юристовъ, дабы сразу обезпечить искреннее стремленіе судовъ къ справедливости и равноправности; желательно, наконецъ, при сохраненіи права нѣмцевъ объясняться по нѣмецки, дать русскимъ право говорить на судѣ и подавать прошенія по русски и выслушивать рѣшенія суда на русскомъ языкѣ. Вѣроятно, что нѣмцамъ не удастся таки повернуть судебную реформу по своему,—иначе она давно была бы введена. Видно протекція графа К. И. Палена пригодилась только къ тому, чтобы затянуть дѣло и отдалить осуществленіе непріятной реформы.

3) Вопросъ о преобразованіи городскаго управленія, кажется, приближается къ разрѣшенію [1]). Остается желать, чтобы скорѣе рушилось владычество средневѣковыхъ нѣмецкихъ магистратовъ, состав-

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ это было написано (въ 1875 году), въ прибалтійскихъ губерніяхъ усиліями А. Е. Тимашева введено городовое положеніе.
Ред.

ленныхъ изъ представителей привилегированныхъ бюргеровъ и чтобы русскіе купцы и домовладѣльцы имѣли голосъ въ новыхъ думахъ, съ правомъ говорить тамъ и на русскомъ языкѣ и

4) Наконецъ необходимо ввести въ прибалтійскомъ краѣ, на подобіе прочихъ губерній, земскія учрежденія, допустивъ къ участію въ нихъ не однихъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ (т. е. 90% нѣмецкихъ дворянъ, съ примѣсью 10% русскихъ помѣщиковъ, нѣмецкихъ бюргеровъ и крестьянъ-собственниковъ, купившихъ уже не участки крестьянскіе, а цѣлыя маленькія помѣстья, удовлетворяющія высокому цензу), а на ряду съ ними представителей отъ городовъ и отъ волостныхъ обществъ крестьянъ, хотя бы не выкупившихъ еще въ собственность арендуемыхъ земель. Между тѣмъ нѣмецкой партіи этого именно не хочется и дворянство, допустивъ въ свои собранія, для участія въ раскладкѣ земскихъ повинностей, нѣсколькихъ русскихъ помѣщиковъ. нѣмецкихъ бюргеровъ и трехъ-четырехъ помѣщиковъ, вышедшихъ изъ крестьянскаго сословія,— называетъ свои собранія дворянско-земскими (Ritter-und Landschaft) и хотѣло бы увѣрить правительство, что этимъ удовлетворительно замѣняются земскія наши учрежденія.

Вотъ мои pia desideria относительно Остзейскаго края. Гдѣ же тутъ нѣмцофобія? Бо̀льшая часть того, что я желалъ 14 лѣтъ тому назадъ, теперь уже сдѣлано или формально проектировано самимъ правительствомъ, при такомъ составѣ министровъ (гр. К. И. Паленъ, П. А. Валуевъ и проч.), которые очень расположены къ нѣмцамъ. Введеніе же земскихъ учрежденій можно оспаривать развѣ только съ точки зрѣнія привилегій, но онѣ дѣйствительны, въ этомъ случаѣ, лишь поколику онѣ сообразны съ общими государственными постановленіями. Dixi.

1875 г.

РУССКІЕ ВЪ ВЕНГРІИ ВЪ 1849 ГОДУ.

(Изъ походныхъ замѣтокъ).

7-го августа, г. Токай.

Мы пришли вчера и днюемъ здѣсь.

Токай хорошенькій городъ, вытянутый какъ бы въ одну линію подъ обрывомъ, поросшаго виноградниками, возвышеннаго горнаго кряжа, идущаго по берегу р. Тейсы, за которою растилается необозримая равнина. Городъ каменный. Много двухъэтажныхъ зданій, перемежающихся съ приземистыми, но каменными домиками, крытыми черепицей. По множеству лавокъ, впрочемъ, теперь по преимуществу закрытыхъ, можно судить о развитіи въ немъ торговли, главную отрасль которой составляетъ оптовая торговля виномъ.

Достопримѣчательностей — никакихъ, кромѣ интереснаго собственно для насъ, русскихъ, квартала, подъ самой горой, называемаго **русскимъ**. Такое близкое нашему сердцу названіе сохранилось потому, что въ царствованіе Анны Іоанновны, эта мѣстность была пріобрѣтена покупкою для проживавшаго здѣсь русскаго коммисара, имѣвшаго обязанностью закупать, заготовлять и доставлять къ нашему двору токайское вино и управлять, снятыми на 15 лѣтъ въ аренду, виноградниками и садами.

Токай отъ настоящей войны пострадалъ чуть ли не больше какого-либо другаго венгерскаго города. Одни дома—носятъ слѣды ядеръ и гранатъ, брошенныхъ инсургентами, съ того берега Тейсы, при нашемъ первомъ занятіи этого города,—другіе—стоятъ безъ

оконъ и дверей, разбитые и разграбленные нашими, при вступленіи въ городъ.

Разсказываютъ, что когда, 16-го іюня, 4-й корпусъ, имѣя своимъ авангардомъ походнаго атамана генерала Кузнецова, съ донскими казаками, двумя колоннами подходилъ къ Токаю, то вышедшіе на встрѣчу жители заявили, что въ Токаѣ нѣтъ непріятеля; но когда казаки втянулись въ улицы города и венгерцы изъ-за Тейсы начали дѣйствовать противъ нихъ артиллеріей, то изъ оконъ и дверей домовъ, будто бы, какъ оказалось впослѣдствіи, частію баррикадированныхъ, мимо которыхъ проходили казаки, посыпались на нихъ ружейные выстрѣлы. Когда же наша подоспѣвшая артиллерія сбила двѣ венгерскія пушченки, дѣйствовавшія по Токаю, и наши войска вступили въ городъ, то солдаты бросились въ дома, изъ которыхъ стрѣляли венгерцы, перебили многихъ изъ нихъ и разграбили самые дома, переломавъ и перебивъ все, чего не могли захватить съ собою. Большихъ усилій стоило начальству прекратить этотъ грабежъ!

Богъ знаетъ существовалъ ли въ дѣйствительности тотъ поводъ, на который указываютъ наши, какъ на справедливое оправданіе произведеннаго ими неистоваго возмездія, или онъ только вымышленъ, какъ предлогъ для буйной потѣхи дорвавшихся до непріятельскаго города солдатъ? Что касается до насъ, то мы склонны думать, что объясненнаго повода въ дѣйствительности не было. Вотъ на чемъ основано наше убѣжденіе.

Съ одной стороны мирное настроеніе токайскихъ жителей очевидно; его доказываетъ встрѣча значительнымъ ихъ числомъ нашихъ наступающихъ войскъ, далеко не доходя города, съ увѣреніемъ, что непріятеля въ городѣ нѣтъ. Видѣть въ этомъ дѣйствіи умышленный обманъ со стороны токайцевъ, надѣявшихся только завлечь нашихъ въ городъ безъ воинскихъ предосторожностей, чтобы учинить тамъ надъ нами кровавую расправу—абсурдъ. Жители видѣли какія массы нашихъ войскъ надвигаются на ихъ городъ. Что могли сдѣлать противъ этихъ массъ нѣсколько, хотя бы десятковъ, вооруженныхъ защитниковъ города, положимъ, желавшихъ нашей гибели и дошедшихъ въ этомъ желаніи до фанатизма, не щадя своего живота, такъ какъ этимъ абрекамъ, очевидно, спасенія не было: ихъ отъ венгерскихъ войскъ отдѣляла Тейса, за которую имъ переправиться ни въ какомъ случаѣ не

удалось бы, по совершенному отсутствію перевозочныхъ средствъ. Съ другой стороны: почему такіе отчаянные абреки могли найтись въ Токаѣ, населенномъ купцами, слѣдовательно, людьми менѣе чѣмъ кто-либо ищущими боевыхъ столкновеній, тѣмъ болѣе съ непріятелемъ, по одной численности своей, очевидно, неодолимымъ, тогда какъ всюду доселѣ, въ нашихъ скитаньяхъ по Венгріи, такого предательскаго покушенія не встрѣчалось?

Дѣйствительно: по Венгріи, доселѣ, не только шли наши различные транспорты по разнымъ горнымъ, лѣсистымъ трущобамъ, почти безъ всякаго конвоя, но всюду скитались отсталые люди, различные посыльные, казаки, деньщики и нигдѣ не было кровавыхъ съ ними расправъ, если не считать двухъ, трехъ дракъ съ народомъ, происшедшихъ во все время кампаніи и вызванныхъ всегда нашими же молодцами, конечно, въ пьяномъ видѣ.

Затѣмъ, на какіе результаты могли разсчитывать токайскіе жители, лишенные всякой возможности получить помощь отъ своихъ войскъ, отъ такого предательскаго дѣйствія своего, кромѣ полнѣйшаго неуспѣха и самыхъ несчастныхъ для себя послѣдствій? Остановить наше вступленіе въ городъ—токайцы и думать не могли; убить двухъ-трехъ человѣкъ своими выстрѣлами изъ оконъ? Но какая цѣль? Другое бы еще дѣло, еслибы все населеніе вздумало защищаться; все бы вооружилось; устроили бы баррикады на извѣстныхъ пунктахъ и рѣшились бы умереть подъ развалинами своего города, съ очевидной перспективой неуспѣха своего предпріятія, но съ единственной геройской мыслью дорого продать свою независимость, погубивъ возможно бо́льшее число своихъ враговъ. Между тѣмъ, ничего подобнаго не было. Не оказалось ни баррикадъ въ городѣ, ни оружія у жителей, кромѣ какого-нибудь десятка, другаго охотничьихъ ружей, да кремневыхъ пистолетовъ и старыхъ сабель—оружія, имѣвшагося у каждаго венгерскаго хозяина.

Будто въ оправданіе свое, наши распустили слухъ, что взятые къ допросу жители, доказывая свою невинность въ произведенной изъ домовъ пальбѣ по нашимъ казакамъ (впрочемъ, пальбѣ никому изъ казаковъ не причинившей вреда), утверждали, что стрѣляли по войскамъ не жители Токая, а искатели приключеній, принадлежавшіе къ венгерской арміи. Куда же дѣвались эти авантюристы? Ни одного изъ нихъ не поймали, а бѣжать къ сво-

нимъ, за Тейсу, они не могли, потому что наши тотчасъ заняли городъ и весь ея берегъ. Однимъ словомъ, надо думать, что пальба токайскихъ жителей по нашимъ войскамъ, при вступленіи ихъ въ городъ, ни что иное какъ измышленіе жаждавшихъ его пограбить.

Что поползновеніе къ грабежу у нашихъ войскъ, въ особенности у безчисленныхъ одинокихъ командъ, т. е. ходившихъ безъ офицеровъ, у маленькихъ казачьихъ партій, фуражировъ, деньщиковъ, отправлявшихся на поиски въ каждое селеніе, представлявшееся ихъ взору, во время движеній по Венгріи, было—это несомнѣнно. Помню одинъ такой случай.

Съ двумя казаками я догонялъ свой отрядъ на одномъ изъ переходовъ. Верстахъ въ полутора, въ двухъ отъ шоссе, по которому я ѣхалъ, вижу прехорошенькую господскую усадьбу, всю въ садахъ, съ высокою кровлею, выглядывавшею изъ густой листвы. Любуясь этою живописною картиною и всматриваясь въ ея подробности, вижу, съ противуположной стороны, какъ бы мелькнули двѣ казачьи пики, скрывшіяся за деревьями сада, окружавшаго усадьбу.

— Ребята, спрашиваю своихъ казаковъ, никакъ это наши пробираются въ усадьбу?

— Точно такъ, говорятъ.

— А зачѣмъ они туда? Вѣдь они тамъ грабежъ учинятъ!

— Кто ихъ знаетъ!

— Ну, этого нельзя. Гайда—туда.

Свернувъ съ дороги, мы цѣликомъ, по полю, пустились на мызу. Пріѣзжаемъ: бѣготня, суматоха, видимый переполохъ, усилившійся съ нашимъ пріѣздомъ, и у крыльца дома, трепещущій, совершенно блѣдный батракъ держитъ двѣ казачьи лошади. Бросивъ поводья одному изъ казаковъ, я, съ другимъ, быстро вошелъ въ комнаты. Слышу громкіе голоса, крикъ,—иду на нихъ и вижу: въ отлично меблированной гостиной, на диванѣ, обитомъ бархатомъ, возсѣдаетъ казакъ, передъ нимъ на столѣ бутылка вина, стаканы; двѣ изящныя молодыя дѣвицы, блѣдныя какъ смерть, почтенная дама, приличный господинъ что-то жестикулируютъ, объясняютъ, другой казакъ стоитъ съ пистолетомъ въ рукѣ, курокъ взведенъ, тоже что-то кричитъ, конечно, никто не понимаетъ словъ другаго. Мое появленіе, или правильнѣе, появ-

леніе моихъ офицерскихъ эполетъ произвело общую сенсацію; казакъ вскочилъ съ дивана,—другой поспѣшилъ спрятать пистолетъ,—пожилая дама бросилась ко мнѣ, протянувъ руки, умоляя, на чистомъ французскомъ языкѣ, пощадить ея семейство и клянясь, что всѣ наши требованія немедленно будутъ исполнены, лишь бы только мы не предавали пламени ихъ гнѣзда, какъ сейчасъ грозилъ этотъ казакъ и не увозили ея мужа, больнаго человѣка. Разумѣется, я тотчасъ успокоилъ испуганную даму, увѣривъ ее, что никакихъ у насъ требованій отъ нихъ нѣтъ и что угрозы казака, если таковыя и были—одно недоразумѣніе. Спросивъ мародеровъ: зачѣмъ они тутъ, по чьему приказанію? и получивъ въ отвѣтъ, что они заѣхали только коней покормить, я записалъ ихъ фамиліи и объявилъ имъ, что они арестованы и поѣдутъ со мною; затѣмъ началъ прощаться съ хозяевами, но меня не пустили. Оказались люди вполнѣ гостепріимные: не только меня накормили и напоили до отвалу, но угостили и всѣхъ казаковъ, грабителей и спасителей—безразлично; накормили нашихъ лошадей, да еще на дорогу дали казакамъ по доброй торбѣ ячменя и по бутылкѣ вина. Черезъ часъ мы выѣхали изъ усадьбы уже въ пятеромъ. Кончилась эта исторія на этотъ разъ тѣмъ, что по присоединеніи къ отряду, казаковъ-мародеровъ я отправилъ къ ихъ начальству, которое, по приказанію начальника отряда, отсчитало имъ приличное количество нагаекъ; но могла эта исторія кончиться и иначе: не заверни я въ усадьбу и—или казаки ограбили бы помѣщика, или, кто знаетъ? Можетъ быть, пользуясь изолированнымъ положеніемъ своей усадьбы, достаточнымъ числомъ народа, въ ней находившагося, и склонностью казаковъ къ горячимъ напиткамъ, хозяинъ мызы не дался бы въ обиду, напоилъ бы казаковъ и покончилъ бы съ ними, схоронивъ концы. Вотъ такія случайности, конечно, быть могли, но и объ нихъ мало говорили, не смотря на обычное свойство молвы преувеличивать и уподобляться катящемуся съ горы снѣжному кому.

Однимъ словомъ, мы думаемъ, что стрѣльба изъ оконъ въ Токаѣ жителями по вступавшимъ въ городъ войскамъ еще болѣе грубая выдумка [1]), чѣмъ таковая же пальба, будто бы произве-

---

[1]) Замѣчательно, что „Описаніе военныхъ дѣйствій россійскихъ войскъ противъ венгерскихъ мятежниковъ, въ 1849 году“ (Спб. 1851), почтеннаго

денная жителями города Вайцена въ отступавшихъ по городу нашихъ казаковъ и уланъ, опрокинутыхъ венгерцами и умерщвленіе жителями тѣхъ изъ нашихъ, которые при этомъ отступленіи попались имъ въ руки. Но послѣдній случай, если и былъ въ дѣйствительности, то хотя чѣмъ-нибудь объясняется: самозабвеніемъ ожесточенныхъ жителей, опьяненныхъ успѣхомъ своихъ войскъ; желаніемъ помочь имъ доконать недруга... а случай въ Токаѣ ни чѣмъ, никакимъ, сколько-нибудь понятнымъ, побужденіемъ жителей объясненъ быть не можетъ [1]) и всего скорѣе

П. К. Менькова, которое есть ни что иное какъ обширный докладъ фельдмаршала Паскевича покойному императору Николаю о венгерской кампаніи, ни слова не говоритъ объ этой пальбѣ, произведенной жителями Токая и о грабежѣ, учиненномъ въ возмездіе за нее нашими войсками. Что же касается до И. И. Ореуса, то онъ въ „Описаніи венгерской войны" (стр. 156—158) подробно говоритъ объ этомъ событіи, повторяя разсказъ о немъ очевидца его, М. Д. Лихутина, офицера генеральнаго штаба, состоявшаго при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ. („Записки о походѣ въ Венгрію въ 1849 году". Москва, 1875). По словамъ И. И. Ореуса, сотня казаковъ, посланная со стороны Керештура, при въѣздѣ была встрѣчена выстрѣлами изъ домовъ, чѣмъ принуждена была воротиться. Потомъ, когда городъ занимали пѣхотой и артиллеріей, то во время слѣдованія войскъ, изъ оконъ нѣкоторыхъ домовъ, опять начали по немъ стрѣлять. Тутъ разыгралась одна изъ тѣхъ ужасныхъ драмъ, которыя, къ несчастію, неразлучны съ каждой в йной. „Эти выстрѣлы, произведенные нѣкоторыми фанатическими революціонерами, наканунѣ прибывшими въ городъ", отозвались жестокимъ образомъ на мирныхъ жителяхъ Токая, которыхъ заподозрили въ покушеніи убивать русскихъ. Раздраженные солдаты, при первыхъ же выстрѣлахъ изъ оконъ, ворвались въ дома, откуда эти выстрѣлы послѣдовали, и перекололи всѣхъ захваченныхъ съ оружіемъ. Мщеніе, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ бываетъ, пало не на однихъ только людей, но и на имущество ихъ. Весь западный конецъ Токая, занятый нашими войсками, во время артиллерійской перестрѣлки съ венгерцами, былъ раззоренъ и разграбленъ. Къ счастію, дѣйствія на берегу, отвлекавшія вниманіе высшихъ начальниковъ (гдѣ же были ближайшіе?—спросимъ мы), скоро были окончены. Войска, занимавшія Токай, были выведены оттуда".

П. А.

[1]) Вообще, чтобы представить какое-нибудь дѣло или случай въ томъ свѣтѣ, какой считаетъ необходимымъ придать ему въ своихъ интересахъ наше начальство, а тѣмъ болѣе офицеры генеральнаго штаба, обыкновенно орудующіе составленіемъ реляцій, за словомъ въ карманъ никогда не лазятъ!

Такъ, другой случай, происшедшій при занятіи Токая нашими войсками, представленъ въ реляціяхъ далеко не такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Начальство донесло кому слѣдуетъ, что съ открытіемъ артиллерійскаго

является необходимымъ мотивомъ, приведеннымъ нашими второстепенными военноначальниками для оправданія возмутительнаго грабежа, произведеннаго войсками.

8-го августа, с. Нередьгозъ.

Сегодня мы пришли въ огромное селеніе Нередьгозъ, имѣющее болѣе 2,000 домовъ.

Съ переходомъ Тейсы мы вступили совершенно въ новый міръ. Предъ нами точно наша Херсонская степь съ ея необъятностью, маревами, повсюду разбросанными курганами, безчисленными тропинками и проселочными дорожками, вьющимися во всевозможныхъ направленіяхъ, пересѣкая другъ друга. Только производительныя силы природы этой тейской долины, очевидно, громаднѣе, чѣмъ херсонскихъ степей. Какія здѣсь травы! какіе хлѣба, вообще! виноградники у малѣйшей деревушки; какая здѣсь кукуруза! На рослом коне въѣдешь въ кукурузу, привстанешь на стременахъ и едва можешь достать рукою до ея верхушки! Глядя на эту тучную почву степи, на густыя, высокія травы, покрывающія не разработанныя пространства, понимаешь возможность тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, до какихъ достигаетъ скотоводство въ этой долинѣ. Но степь, лежащая предъ нами, мертвенна. Не только громадныя стада, здѣсь обыкновенно скитающіяся,

---

огня противъ непріятельской за-тейской батареи (я говорилъ уже: двѣ ничтожныя пушченки), генералъ Кузнецовъ послалъ два казачьихъ полка, донскіе № 41 и № 51, черезъ городъ, чтобы ниже его перейти р. Тейсу и взять во флангъ венгерцевъ, на томъ берегу рѣки. Перевозочныхъ средствъ на нашемъ берегу Тейсы не оказалось; брода не найдено... тогда 6-я сотня № 51 полка, маіора Губкина, раздѣлась до-нага и съ одними шашками на голо, имѣя впереди своего сотеннаго командира, бросилась вплавь черезъ быструю и глубокую Тейсу, имѣющую болѣе 100 саженъ ширины въ этомъ мѣстѣ. (Описаніе воен. дѣйств. и пр. Менькова, стр. 93—99). Видя такой лихой натискъ, венгерцы подхватили свою артиллерію и бѣжали. Побѣда была за нами. „И такъ, говоритъ „Описаніе", переправою завладѣли съ боя молодечествомъ нашихъ лихихъ донцевъ, которое могло бы показаться сказкою (да оно, въ настоящемъ случаѣ, сказка и есть!), еслибы подвигъ сей не былъ совершенъ въ глазахъ цѣлаго отряда и въ виду мятежниковъ (которыхъ уже у того берега не было!), приведенныхъ въ смятеніе отважностью казаковъ".

Кажется, Губкинъ получилъ крестъ за этотъ подвигъ; также утверждаютъ, что присланный въ главную квартиру профессоръ баталической жи-

угнаны отсюда, съ тракта прохожденія войскъ враждующихъ сторонъ, но даже птицы, кажется, улетѣли отсюда, можетъ быть испуганныя нашими, чуждыми ихъ слуху, пѣснями?... Тишь по всюду и гладь...

12-го августа, г. Дебречинъ.

9-го августа мы достигли с. Гадгаазъ.

Сёла въ долинѣ Тейсы во всѣхъ отношеніяхъ отличаются отъ таковыхъ же пройденныхъ нами въ горныхъ комитатахъ. По деревенскимъ постройкамъ въ Тейской долинѣ сейчасъ заключаешь о недостаткѣ въ лѣсѣ. Крестьянскіе дома и хозяйственныя при нихъ постройки преимущественно изъ кирпича-сырца, конечно, необожженнаго, выдѣланнаго изъ глины или изъ земли, смѣшанной съ рубленою соломою или съ половою. Маленькіе, но чистенькіе домики крестьянъ глядятъ, двумя красными окошками своими, черезъ палисадникъ съ цвѣтами, на улицу. Домики, обыкновенно, чисто выбѣлены, покрыты прекрасно уложеннымъ камы-

---

вописи Виллевальдъ, спеціально для увѣковѣченія замѣчательныхъ подвиговъ нашихъ войскъ, увѣковѣчилъ и это событіе, очень эффектно изобразивъ его на большой картинѣ, поднесенной государю императору.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности разсказанное дѣло было гораздо проще. Очевидцы, наши офицеры, мнѣ сказывали, что когда противъ двухъ венгерскихъ орудій (должно быть очень небольшаго калибра, если, по словамъ жителей, венгерцы отступая увезли ихъ вскачь, положивъ каждое орудіе на обыкновенную подводу!) начали дѣйствовать изъ Токая: батарея конно-легкая № 7 и два орудія донской артиллеріи, всего 10 орудій, то венгерскія орудія оказались безсильными состязаться съ ними и поспѣшили уйти, гороздо прежде, чѣмъ казаки приступили къ переправѣ на тотъ берегъ. Переправу эту намѣрена была произвесть вплавь сотня маіора Губкина, но за вязкостью береговъ, на такое путешествіе казаки цѣлой массой рѣшиться не могли, а трое или четверо изъ нихъ дѣйствительно успѣли добраться до рѣки, раздѣлись и съ шашками на-голо, переплыли рѣку, отнюдь не съ тѣмъ, чтобы брать во флангъ дѣйствовавшихъ по Токаю венгерцевъ, а чтобы захватить находившійся на томъ берегу, ни кѣмъ не защищаемый, плотъ отъ разведеннаго моста, и точно: плотъ этотъ казаки захватили, доставили на нашъ берегъ и потомъ, на немъ и на найденныхъ на томъ берегу лодкахъ, произвели переправу казаковъ на тотъ берегъ Тейсы, на который въ тотъ же день и устроили мостъ. Однимъ словомъ, когда эта переправа четырехъ казаковъ совершилась, на томъ берегу не было уже ни одного венгерца, слѣдовательно, переправа совершилась отнюдь не подъ огнемъ непріятельскимъ;

шемъ и, большею частію, оплетены, и по стѣнамъ, и по крышѣ— виноградомъ. Что же касается амбаровъ и погребовъ, имѣющихся при каждомъ домѣ, то всѣ они, кажется, безъ исключенія, совершенно оплетены тыквами, превосходные экземпляры которыхъ красиво свѣшиваются съ карнизовъ этихъ миніатюрныхъ построекъ, спокойно разростаясь до огромныхъ размѣровъ.

10-го августа мы, наконецъ, увидѣли въ степи, покрытой хлѣбными посѣвами, большую группу деревьевъ, изъ которыхъ, надъ пирамидальными тополями, высоко подымались шпили и кресты нѣсколькихъ храмовъ. То былъ Дебречинъ, — ядро чисто мадьярскаго населенія края, городъ весьма чтимый во всей странѣ, въ каѳедральномъ храмѣ котораго было провозглашено временнымъ венгерскимъ правительствомъ низложеніе габсбургско-лотарингской династіи на вѣчныя времена!

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ до городскихъ зданій мы шли тѣнистыми садами и огородами.

Проходя по городу на назначенное намъ мѣсто, мы успѣли убѣдиться, что онъ очень населенъ (до 40,000); что лавки и трактиры всѣ отворены и торгуютъ; что въ городѣ много хорошихъ, но почти исключительно одноэтажныхъ домовъ, перемѣшанныхъ съ лачужками, какъ на окраинахъ нашей Москвы;—что изъ каждаго дома торчитъ бѣлый флагъ, вывѣшенный при занятіи нашими войсками и что жители Дебречина народъ сумрачный какой-то, неоживленный. Это впечатлѣніе еще усиливалось темными одеждами жителей.

На весьма большой площади — грандіозный храмъ, строгой архитектуры. Внутри, стѣны бѣлыя и никакихъ украшеній. Это каѳедральный соборъ преобладающихъ въ здѣшнемъ населеніи кальвинистовъ.

Въ Дебречинѣ насъ встрѣтила вѣсть, поразившая своею неожиданностью: 1-го августа Гергей, съ главными силами, положилъ оружіе на поляхъ Виллагоша! Главная квартира наша ушла

къ тому же Тейса, въ мѣстѣ переправы, имѣетъ только 70 саженъ, а не болѣе ста, какъ сказано въ „Описаніи“.

Къ сожалѣнію, въ исторіи любой войны нашей (да и не всякой ли?), найдутся разсказы о подвигахъ, столь же достовѣрныхъ, какъ и разсмотрѣнный. П. А.

по направленію къ Гроссъ-Вардейну. По всей вѣроятности война съ Венгріей окончена, такъ какъ, за пораженіемъ Бема въ Трансильваніи и Дембинскаго подъ Темешваромъ, съ нами драться больше не кому.

Два мѣсяца и война кончена! Развѣ такую будущность рисовало намъ воображеніе, когда мы, преисполненные самыхъ обольстительныхъ надеждъ, переступали границу Австріи?!

Война окончилась, а намъ ни въ одномъ не удалось побывать дѣлѣ! Нѣтъ, того не передать словомъ, что сказалось въ душѣ!

14-го августа, с. Дорогъ, близь Дебречина.

Трое сутокъ находясь въ Дебречинѣ, мы почти безвыходно провели въ обширномъ трактирѣ города, биткомъ набитомъ все это время офицерами всѣхъ родовъ оружія, русскими, венгерскими и австрійскими, изъ которыхъ послѣдніе обыкновенно сидѣли гдѣ-нибудь въ углу, своей компаніей, особнякомъ.

Да и весело же въ этомъ трактирѣ! Съ утра гремитъ музыка венгерскихъ, не то жидовъ, не то—цыганъ, бурная, какая-то вызывающая; золото лежитъ грудами на карточныхъ столахъ и толпы гнущихъ, „Богъ ихъ прости, съ пятидесяти—на сто!“ Венгерское льется рѣкой и вдругъ закипитъ бѣшеная, въ высшей степени оживленная, національная пляска „чардашъ“, обыкновенно начинаемая венгерскими офицерами, иногда съ участіемъ весьма хорошенькихъ дамъ,—дамъ меньше чѣмъ полусвѣта, въ значительномъ числѣ сопровождавшихъ офицеровъ арміи Гергея и теперь не покидавшихъ ихъ въ несчастіи. Бывало разгулъ дойдетъ до того, что и наши подкутившіе офицеры принимаютъ участіе въ этой пляскѣ [1]). Что же касается до австрійцевъ, то они всегда,

---

[1]) Забубеннѣйшая голова, кутила изъ кутилъ, дивизіонный квартермистръ нашей 11-й пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба подполковникъ Рыльцевъ, однажды, разумѣется, воодушевленный венгерскимъ, до того увлекся этою пляскою, что вскочилъ на столъ и доканчивалъ танецъ между бутылокъ и пугаровъ! Не смотря на забулдыжничество, Рыльцевъ слылъ храбрымъ и способнымъ офицеромъ. Боевая извѣстность Рыльцева составилась на Кавказѣ. Между многими подвигами, тамъ имъ совершенными, особенно на себя обращаетъ вниманіе его мужество и распорядительность въ извѣстной своимъ не-

когда наши подкутятъ, стараются убраться по добру по здорову, къ домамъ, пока еще кутежъ не принялъ слишкомъ широкихъ размѣровъ. Такая уклончивость австрійскихъ офицеровъ имѣетъ полное основаніе. На всякомъ шагу они убѣждались въ очевидной взаимной симпатіи нашей съ венгерцами и въ общей явной нашей антипатіи къ нимъ. Множество уже было случаевъ мелкихъ, неуловимыхъ оскорбленій, наносимыхъ русскими австрійскимъ офицерамъ: къ нимъ придирались за всякую ничтожную случайность, за всякіе пустяки; наши старались предъ ними выказать превосходство своихъ войскъ; попрекнуть ихъ пораженіями, ими понесенными, и напомнить имъ, что они безъ нашей помощи давно бы уже погибли; наши, съ удовольствіемъ разсказывали все, что хоть сколько-нибудь могло ихъ унизить; отбивали у нихъ женщинъ и тому подобное. Гдѣ-то, въ одномъ трактирѣ столкновеніе съ австрійскими офицерами дошло до того, что нѣсколькихъ изъ нихъ наши выбросили въ окно, за то, что одинъ изъ нихъ будто бы сказалъ, что русскіе нарочно затягиваютъ войну; что это имъ выгодно, какъ выгодно наемщикамъ тянуть порученную имъ работу! Въ другомъ мѣстѣ одного австрійца, за какое-то неосторожное слово, просто нагайками отваляли. Въ главной квартирѣ произошла дуель между гусарскимъ офицеромъ поручикомъ княземъ Горчаковымъ и австрійскимъ офицеромъ Марокези, кончившаяся смертью послѣдняго, хотя была вызвана причинами совершенно ничтожными. Разсказываютъ при этомъ будто главнокомандующій приказалъ показать этого офицера умершимъ отъ холеры.

Въ австрійскихъ офицерахъ дѣйствительно много самохвальства, чванства, напыщенности какой-то, качества, которыя наши равнодушно выносить не могутъ, тѣмъ болѣе что таковыя особенно идутъ въ разрѣзъ съ тѣми печальными случайностями, которыя постигли ихъ армію въ послѣднее время, хотя они не только не признаютъ пораженій, ими понесенныхъ, вопреки оче-

---

счастнымъ исходомъ экспедиціи генерала Граббе, въ Ичкерію, въ 1842 году, гдѣ Рыльцевъ, будучи штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, принялъ въ командованіе 2-й батальонъ Кабардинскаго полка, послѣ тяжело раненнаго командира батальона, и 1-го іюня, у урочища Башилъ-Ирзау, и 2-го іюня, при отступленіи отряда въ Кажелыкскій оврагъ, находясь въ аріергардѣ, совершилъ съ этимъ батальономъ чудеса мужества и храбрости. П. А.

видности фактовъ, по напротивъ всякую битву, ими выдержанную, превращаютъ въ побѣдный для себя ореолъ. Даже смѣшно бываетъ слышать ихъ разсказы про ихъ подвиги. У нихъ что ни офицеръ—то рыцарь безъ страха и упрека,—что ни солдатъ—то герой! Не было у нихъ ничтожной стычки, которой бы они не придали эпическаго характера; не было, кажется, ни одного столкновенія съ непріятелемъ, гдѣ бы они, если не всей массой, то въ лицѣ кого либо изъ своихъ товарищей не проявили чудесъ мужества и храбрости или не совершили бы какого геройскаго поступка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ [1]).

Отъ офицеровъ антипатія къ австрійцамъ перешла къ нашимъ солдатамъ и въ то же время установилось доброе расположеніе къ венгерцамъ, съ которыми наши солдаты охотно братались, ходили обнявшись и вмѣстѣ тянули вино и водку въ кабакахъ. Разумѣется, таковыя побужденія нашихъ солдатиковъ были, преимущественно, инстинктивныя, но все таки онѣ сказывались довольно оригинально.

Помню, на какомъ-то ночлегѣ, мы сошлись съ очень симпатичнымъ австрійскимъ офицеромъ, хорошо понимавшимъ и кое какъ объяснявшимся по русски. Пошли бродить по окрестности

---

[1]) До чего можно договориться, при извѣстной степени увлеченія, показываетъ разсказъ, помѣщенный однимъ изъ прославителей австрійскихъ подвиговъ во время Венгерской войны, Al. Balledier въ сочиненіи его: „Histoire de la guerre de Hongrie en 1848—49“ (Paris. 1853, стр. 64—65). По словамъ этого писателя, въ ночь 25-го января (н. с.), генералы Оттингеръ и Граммонъ атаковали инсургентовъ при отступленіи отъ Альбани. Австрійцы въ этомъ дѣлѣ поддержали честь своихъ знаменъ. Конно-артиллеристъ Фердинандъ Шедеръ отличился подвигомъ, напоминающимъ дѣла средневѣковыхъ рыцарей. Въ началѣ битвы орудіе Шедера было послано на чрезвычайно опасную позицію. Когда Шедеръ подъ градомъ картечи выѣзжалъ на указанный ему пунктъ, ему ядромъ оторвало лѣвую ногу, выше колѣна, но онъ продолжалъ путь; осколкомъ разорвавшейся бомбы ему раздробляетъ бедро,—онъ остается непоколебимъ! другимъ ядромъ отрываетъ голову его товарищу: „вотъ этотъ несчастнѣе меня!“ восклицаетъ Шедеръ и, покрытый кровью, одинъ вывозитъ свое орудіе на позицію. Тутъ товарищи хотѣли взять его на перевязочный пунктъ, но онъ погрозилъ посадить пулю въ лобъ тому, кто его тронетъ и только тогда позволилъ снять себя съ лошади, когда кончилось дѣло, сказавъ: „ну, вѣроятно, больше стрѣлять не будемъ!“ Этотъ герой умеръ, когда ему дѣлали операцію. П. А.

и забрели на бивакъ. Вниманіе австрійца остановило какъ бы грустное настроеніе солдатъ: на бивакѣ не слышно было ни пѣсень, ни громкаго, раскатистаго смѣха, ни обычнаго шумнаго говора. Солдаты, по всей вѣроятности, просто притомились походомъ, сильно устали.

— Что они у васъ такіе мрачные, скучные? спрашиваетъ.

— Устали, вѣрно, походомъ въ такую жару,—говорю.

— Нѣтъ, быть не можетъ.

— Такъ спросите ихъ сами.

— Пожалуй.

Подходитъ къ кучкѣ солдатъ, одинъ успѣлъ вскочить и вытянуться,—бравый такой,—другимъ не приказали вставать: лежите, молъ, отдыхайте.

— Нравится тебѣ здѣсь, молодецъ? спрашиваетъ солдата австріецъ.

— Ништо, ваше б—іе.

— Чтоже ты такой скучный?

— Ничего-съ.

— Нездоровъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— По родинѣ, можетъ, скучно?

— Никакъ нѣтъ-съ, все единственно. Со своимъ полкомъ нигдѣ не скучно.

— Походъ измучилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: мы привычны.

— О чемъ же ты задумался, я видѣлъ, когда сидѣлъ?

— Такъ-съ.

— О войнѣ думалъ? О томъ, что будетъ?

— Никакъ нѣтъ-съ; что Богъ дастъ, то и будетъ.

— Не думаешь ли: зачѣмъ вы пришли сюда?

— Никакъ нѣтъ-съ. Про то начальству звѣстно.

— А ты знаешь?

— Знаю.

— Зачѣмъ же?

— Нѣмцевъ, за уши, изъ грязи вытаскивать!

— Ну ужь извините, говорю,—договорились!?

Но мой австріецъ не обидѣлся; напротивъ, былъ очень дово-

ленъ этою солдатскою откровенностью, или только показалъ, что очень доволенъ и подарилъ собесѣднику своему червонецъ на водку.

Навѣрно можно сказать, что если бы этого счастливца тутъ же спросили: знаетъ ли онъ за что ему дали золотой? Онъ также отвѣтилъ-бы: „Никакъ нѣтъ-съ. Не могу знать".

Напротивъ, съ венгерскими офицерами наши сблизились, несмотря на секретное предписаніе фельдмаршала, объявленное всѣмъ офицерамъ, воспрещавшее таковое сближеніе [1]. Но на это предписаніе смотрѣли какъ на вызванное опасеніемъ, что мы заразимся тѣми же революціонными идеями, которыя породили подавляемую нами смуту и продолжали брататься съ недавними врагами, подкупившими насъ и своимъ молодечествомъ, при живописныхъ мундирахъ, ими еще сохраненныхъ, и разгульною веселостью, и своимъ видимо дружескимъ къ намъ расположеніемъ, въ противуположность той ненависти, какую они явно выказывали австрійцамъ. И вотъ, на всякой пирушкѣ, если участвуютъ венгерцы, только и слышишь что тосты за здоровье нашего государя,—за венгерскій народъ, за союзъ Венгріи съ Россіей! А подвыпьютъ больше—и зазвучатъ возгласы: „на погибель Австріи!" [2] Это нашей-то союзницы, за которую мы пришли —

---

[1] „Весьма замѣчательно то сочувствіе, которое повсюду возникаетъ между нашими военными людьми и венгерцами, и, напротивъ того, невольная антипатія, которая испытывается къ австрійцамъ". Дневникъ барона Николаи, веденный имъ во время венгерской кампаніи 1849 года, стр. 399. „Русская Старина". Ноябрь. 1877 г. П. А.

[2] Товарищъ мой, Маевскій, разсказывалъ мнѣ одинъ такой случай столкновенія съ австрійскими офицерами поручика Азовскаго пѣхотнаго полка Дмитрія Ѳедоровича Кроковича.

Послѣ нашего выступленія изъ Кашау, генералъ Колзаковъ, оставаясь комендантомъ города, назначилъ поручика Кроковича, только что выписавшагося изъ госпиталя, плацъ-адъютантомъ города; но Кроковичъ, у котораго разболѣлась рана, вскорѣ опять легъ въ госпиталь, гдѣ его увидѣлъ проѣзжавшій по окончаніи кампаніи чрезъ Кашау, фельдмаршалъ Паскевичъ, надѣлившій деньгами лежавшихъ въ госпиталѣ офицеровъ, въ томъ числѣ давшій и Кроковичу 25 полуимперіаловъ. На другой же день Кроковичъ опять выписался изъ госпиталя и пригласилъ товарищей вспрыснуть полученный подарокъ. Сошлись приглашенные въ излюбленную нами гостинницу, на бульварѣ, и усѣлись за большимъ столомъ, въ одномъ углу большаго зала, тогда

кровь проливать!! Конечно, это были пьяные крики разгулявшейся молодежи, не больше; но они были и потому мы не можемъ не занести ихъ въ свои „Записки", какъ характеризующіе настроеніе офицерскаго общества того времени. Разумѣется, такое настроеніе не имѣло никакой подготовки съ нашей, по крайней

какъ въ другомъ его углу, также за столомъ, сидѣла толпа австрійскихъ офицеровъ, а на эстрадѣ находился небольшой оркестръ музыкантовъ, игравшій для австрійцевъ.

Наши, разумѣется, начали съ сливовицы и приличной закуски и затѣмъ перешли къ обѣду, съ венгерскимъ. Но этимъ не удовольствовались. Извѣстно, что безъ „громогласныхъ шампанскаго оттычекъ", у русскаго офицера, если только у него шевелится какой нибудь золотой въ карманѣ,—пиръ не въ пиръ! Когда подали шампанское, Кроковичъ провозгласилъ тостъ во здравіе государя императора и, бросивъ музыкантамъ полуимперіалъ, приказалъ играть тушъ. Музыканты послушались, оркестръ загремѣлъ тушъ, наши выслушали его стоя и гаркнули: „ура!" Австрійцы не обратили никакого вниманія ни на провозглашенный тостъ, ни на возгласы нашихъ. Тогда Кроковичъ поднялъ бокалъ въ честь фельдмаршала Паскевича—побѣдителя венгровъ. Опять проиграли тушъ и закричали „ура!", но австрійцы оставались по прежнему равнодушны. Это взорвало Кроковича и онъ провозгласилъ тостъ: „за благоденствіе Венгріи и на погибель Австріи". Раздался тушъ, опять гаркнуло „ура!", но австрійцы и эту выходку оставили какъ бы безъ вниманія, только одинъ изъ нихъ всталъ и ушелъ. Въ это время вышелъ въ другую комнату и Кроковичъ для какихъ-то распоряженій, поставивъ свою каску на ближайшій стулъ. Воротясь черезъ нѣсколько минутъ, Кроковичъ не нашелъ своего стула и увидѣлъ свою каску стоящею на полу. Оказалось, что взялъ стулъ и поставилъ каску на полъ только что вошедшій австрійскій штабъ-офицеръ, присоединившійся къ товарищамъ.

— По какому праву, крикнулъ по русски Кроковичъ, обращаясь къ австрійскому штабъ-офицеру, вы взяли мой стулъ, на которомъ стояла моя каска?

Австріецъ отвѣчалъ, что онъ по-русски не понимаетъ.

— А! не понимаешь! закричалъ Кроковичъ,—такъ спроси его, обратился онъ къ одному изъ своихъ товарищей, корнету Туманскому, говорившему по-нѣмецки,—этого с.... а сына, да такъ и назови его, смотри: какъ онъ смѣлъ гербъ всероссійскій на полъ бросить?

Туманскій исполнилъ желаніе Кроковича буквально. Австрійцы вскочили и закричали: это нашъ маіоръ!

— Маіоръ, отвѣчалъ Кроковичъ,—я не зналъ; я думалъ—фельдшеръ, у насъ фельдшера такъ одѣты. Если онъ маіоръ, то я требую удовлетворенія и вызываю его на дуэль.

Маіоръ сталъ что-то говорить въ свое извиненіе и заключилъ словомъ:—pardon!

— А если pardon, крикнулъ Кроковичъ,—то пусть руку у меня поцѣлуетъ!

мѣрѣ, стороны; не имѣло и политической подкладки. Главнѣйшую роль въ этомъ сближеніи нашемъ съ венгерцами играли: первое—новизна положенія, въ каковомъ мы очутились, сойдясь, въ пріятельскомъ кружку, лицемъ къ лицу, съ своими недавними врагами, и второе—сообщительность венгерцевъ, качество, въ насъ

и протянулъ для поцѣлуя руку, подступивъ къ недоумѣвающему маіору... но, въ эту минуту растворились двери и вошелъ въ сопровожденіи генерала Фролова и нѣсколькихъ офицеровъ—генералъ графъ Ридигеръ, проѣзжавшій въ этотъ день черезъ Кашау и извѣщенный о тостахъ Кроковича австрійскимъ офицеромъ, какъ сказано, вышедшимъ изъ зала.

— Кто здѣсь поручикъ Кроковичъ?—обратился графъ Ридигеръ къ нашимъ офицерамъ

— Я, выступилъ Кроковичъ.

— Вы бунтовщикъ; я васъ велю судить въ 24 часа и разстрѣлять! Знаете вы: кто я?

— Знаю—графъ Ридигеръ.

— Да, но я, за отъѣздомъ фельдмаршала, командую арміею.

— Знаю, ваше сіятельство, но знаю и то, что я вѣрный подданный его императорскаго величества.

— Вы вѣрный подданный государя, говорите—а сейчасъ пили за венгерцевъ и на гибель союзниковъ вашего государя!?

— Пилъ, потому что венгерцы намъ покорились и теперь наши друзья.

— Ваше превосходительство, обратился Ридигеръ къ генералу Фролову, распорядитесь тотчасъ назначить надъ поручикомъ судную коммиссію, отъ Камчатскаго полка.—Фроловъ поклонился

— Ваше сіятельство, заговорилъ Кроковичъ. Не мало уже я пожилъ на свѣтѣ, будучи поручикомъ 23 года. Видывалъ—и какъ часто оправдываются судомъ виновные и обвиняются невинные. Не боюсь я за свое будущее; дѣлайте со мною что угодно, позвольте мнѣ только, здѣсь, на прощанье, выпить послѣдній бокалъ за здоровье моихъ товарищей.

— Вы сумасшедшій! закричалъ Ридигеръ,—убирайтесь сейчасъ вонъ, чтобы я васъ больше не видалъ.

— Сейчасъ, только расплачусь.

— Убирайтесь къ чорту, я за васъ заплачу!

Этимъ исторія кончилась, но венгерцы, узнавъ ее, чуть было не запоили и не закормили Кроковича, все время угощая его, пока онъ не выѣхалъ изъ Кашау.

Умѣстнымъ считаю сказать здѣсь нѣсколько словъ объ оригинальномъ героѣ приведеннаго нами случая.

Поручикъ Кроковичъ, личность со многими прекрасными качествами души и сердца, съ убѣжденіями безусловно честными, соединявшая въ себѣ полнѣйшую безшабашность и какую-то необузданность, исказившую всю его жизнь. Не лишенный природныхъ способностей и, казалось бы, здраваго

самихъ преобладающее, и наконецъ, какое-то безотчетное чувство, присущее сердцу русскаго человѣка — дружить тому, съ кѣмъ только что велъ открытую, честную борьбу.

Отовсюду слышимъ сѣтованія, что не дозволилъ нашъ государь поднести корону св. Стефана великому князю Константину

смысла, Кроковичъ ухитрялся иногда дѣйствовать такимъ образомъ, и притомъ совершенно въ трезвомъ видѣ, что его дѣйствительно можно было заподозрить въ психическомъ разстройствѣ.

За отличія въ дѣлахъ съ персіянами, въ 1826 году, Кроковичъ произведенъ въ поручики и получилъ, рѣдкую въ то время, особенно для армейскаго оберъ-офицера, награду: золотую полусаблю съ надписью „за храбрость", и былъ назначенъ въ какую-то должность по гражданскому управленію Эриванской провинціей, причемъ на него была возложена раздача продовольствія мѣстнымъ жителямъ, армянамъ, лишеннымъ войною средствъ существованія. Исполняя свои обязанности, Кроковичъ успѣлъ заслужить такую любовь армянъ, что они, не зная какъ бы лучше отблагодарить его, придумали: поминать его на эктеніи, во время своей литургіи, вслѣдъ за поминовеніемъ нашего государя!

Такой оригинальный способъ выраженія народной благодарности русскому офицеру чуть было не навлекъ бѣдъ Кроковичу. Пріѣхалъ какой-то важный генералъ ревизовать дѣятельность нашихъ властей въ Эриванской провинціи,—посѣтилъ, изъ любопытства, армянскую церковь и вдругъ слышитъ, при окончаніи литургіи, усиленный звонъ колокольчиковъ и громогласный возгласъ священника: „Теро юрлія Аевосъ Христосъ поручикъ Дмитрій Кроковичъ!"—„Что это значитъ?" спрашиваетъ генералъ. Ему объяснили. Разумѣется—сцена Кроковичу, воспрещеніе поминать его на ектеніи, и т. д.

Въ концѣ 1820-хъ годовъ, Кроковичъ, уже причисленный ко второму разряду раненыхъ, по ходатайству комитета о раненыхъ, назначенъ городничимъ въ Николаевъ, Херсонской губерніи; но тутъ онъ пробылъ не долго, совершивъ дѣяніе невѣроятное и для того времени. Въ Николаевѣ происходили частые пожары, по всѣмъ признакамъ—отъ поджоговъ. На одномъ такомъ поджогѣ поймали какого-то еврея. Кроковичъ, не долго думая, самъ произвелъ слѣдствіе и судъ надъ поджигателемъ и—повѣсилъ его! Конечно, Кроковича предали суду, но по ходатайству комитета о раненыхъ, признали, что Кроковичемъ произведено такое преступное превышеніе власти въ состояніи невмѣняемости, подъ вліяніемъ страданій, происходящихъ отъ понесенной имъ головной раны, и ограничились увольненіемъ его въ отставку, съ полнымъ пенсіономъ.

Въ 1849 году Кроковичъ былъ вновь принятъ на службу въ Азовскій пѣхотный полкъ и кончилъ свою карьеру несчастнымъ образомъ въ 1851 году.

Когда готовились къ царскому смотру въ лагерѣ подъ Луцкомъ, нашъ корпусный командиръ баронъ Остенъ-Сакенъ ежедневно производилъ войскамъ ученье и всевозможные смотры, общіе и частные, доходившіе до изумительныхъ мелочей. Объ этихъ смотрахъ болѣе подробно будетъ разсказано въ своемъ

Николаевичу [1]). „Какъ процвѣли бы тогда, въ братскомъ союзѣ, два великіе народа, говорятъ венгерцы, и какъ безвозвратно рухнулъ бы престолъ Габсбурговъ!"....

мѣстѣ, здѣсь же только замѣтимъ о томъ смотрѣ, который, совершенно неожиданно, рѣшилъ судьбу Кроковича. Баронъ Остенъ-Сакенъ потребовалъ къ себѣ на смотръ: всѣхъ баталіонныхъ командировъ, младшихъ штабъ офицеровъ, ротныхъ и взводныхъ командировъ, желая видѣть: какъ кто маршируетъ и салютуетъ, на ходу. Чтобы смотръ корпуснаго командира удался, полковые командиры начали дѣлать ежедневныя репетиціи смотра, каждый въ своемъ полку. На такой-то репетиціи въ Азовскомъ полку, командиръ полка, баронъ Криднеръ пропускалъ мимо себя, сначала — оберъ, потомъ штабъофицеровъ. Поручикъ Кроковичъ никогда не отличавшійся особенно искусной шагистикой, при томъ человѣкъ далеко уже не молодой и въ долговременной отставкѣ много утратившій военной выправки, подходя къ полковому командиру, сконфузился и, что называется,—затянулъ шагъ. За полковымъ командиромъ стоялъ маіоръ Гоцъ, старый пріятель и товарищъ Кроковича, по Кавказской службѣ. Видя неудачу Кроковича и думая дать ему возможность поправиться, Гоцъ ударилъ тактъ, въ ладоши, крикнувъ: „поручикъ Кроковичъ: разъ-два, разъ-два, разъ два!", какъ это обыкновенно дѣлается на ученьяхъ. Конечно, этотъ пріемъ не только не помогъ дѣлу, такъ какъ Кроковичъ прошелъ все-таки скверно, но обидѣлъ Кроковича, который, будучи въ этотъ день дежурнымъ по полку, сталъ за полковымъ командиромъ. Стали проходить и салютовать полковому командиру штабъ-офицеры. Надо же было случиться, что маіоръ Гоцъ, подходя къ полковому командиру, совершенно сбился съ ноги! Тогда поручикъ Кроковичъ, желая отмстить Гоцу насмѣшкой за насмѣшку, также какъ и онъ, ударилъ тактъ въ ладоши, крикнувъ: „маіоръ Гоцъ: разъ-два, разъ-два, разъ-два!"

Такой выходкой Кроковича обидѣлись всѣ штабъ-офицеры полка и больше всѣхъ полковникъ Мосальскій. Баронъ Кридинеръ распекъ Кроковича и посадилъ его на сутки подъ арестъ на гауптвахтѣ. Но полковникъ Мосальскій не удовольствовался такимъ взысканіемъ и написалъ объ этомъ случаѣ, какъ о вопіющемъ нарушеніи дисциплины, корпусному командиру и Кроковича предали суду.

Четыре года судился Кроковичъ за свой ребяческій порывъ,—не былъ взятъ съ полкомъ въ походъ за Дунай, въ 1853 году, и умеръ, подъ судомъ, съ тоски и горя, въ 1855 году.

Товарищи очень любили Кроковича и искренно горевали о его кончинѣ, а Гоцъ плакалъ какъ ребенокъ, считая себя, хотя и невольною, но все таки причиною гибели хорошаго товарища.

[1]) Извѣстно также, что когда Гайнау двинулся на Темешваръ и Паскевичъ перешелъ Тейсу и когда даже Кошутъ убѣдился, что дѣло венгерцевъ проиграно, то желая спасти свое отечество, онъ рѣшился предложить венгерскій престолъ герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому и поэтому отправилъ министровъ Шемере и Казиміра Батіани въ Ньиръ-Адони, къ Гергею, чтобы войти съ нимъ въ соглашеніе по этому предмету. П. А.

Изъ Дебречина мы перешли на соединеніе съ остальными частями своего полка, уже расквартированными въ с. Дорогъ, имѣющемъ 900 дворовъ. Здѣсь солдаты должны были довольствоваться отъ жителей; но если бы таковаго продовольствія не оказалось, то полкъ долженъ былъ довольствоваться своими средствами и, во всякомъ случаѣ, оставить въ Дебречинѣ особыя команды для принятія ржи и перемола ея, на имѣющихся въ городѣ мельницахъ. Не правда ли, какъ удобно войскамъ заниматься самимъ такою операціей?

Полку предоставлялось, кромѣ с. Дорогъ, занять ближайшія къ нему деревни; но при квартированіи строжайше предписывалось наблюдать, чтобы жители не терпѣли никакихъ притѣсненій, въ удостовѣреніе чего брать отъ нихъ квитанціи въ благополучномъ квартированіи и представлять таковыя по командѣ, какъ это дѣлается въ Россіи.

Пошли мирные порядки! Прощай военное время, счастливое отсутствіемъ столькихъ, такъ опостылѣвшихъ намъ формальностей! Впрочемъ, нашъ корпусный командиръ генералъ Чеодаевъ и въ самый разгаръ войны удосуживался снабжать насъ приказами, часто только возмущавшими наши души и конечно не достигавшими цѣли. Таковъ, напримѣръ, приказъ генерала Чеодаева, отъ 9-го августа, въ Дебречинѣ.

„У многихъ жителей здѣшняго края все достояніе заключается въ однихъ только виноградныхъ садахъ.

Дошло до моего свѣдѣнія, что многіе нижніе чины, безъ позволенія владѣльцевъ, входя въ эти сады, не только самовольно рвутъ незрѣлый виноградъ, но ломаютъ деревья, заборы и вообще портятъ виноградники.

Посему предписываю всѣмъ начальникамъ частей, строго внушить нижнимъ чинамъ, дабы они отнюдь не смѣли не только портить виноградные сады, но не смѣли бы безъ позволенія хозяевъ входить въ сады; при чемъ объявить нижнимъ чинамъ, что и съ позволенія хозяевъ они не должны вовсе употреблять незрѣлые плоды, какъ для здоровья ихъ вредные, и даже зрѣлые плоды употребляли бы умѣренно.

Частнымъ начальникамъ имѣть за этимъ наблюденіе, подъ личною ихъ отвѣтственностію, а за порчу виноградниковъ предписываю строго наказывать нижнихъ чиновъ“.

Не курьезъ ли? Солдату, въ непріятельской землѣ, безъ позволенія хозяина не смѣть войти въ виноградникъ! Вотъ нашли-то армію красныхъ дѣвушекъ! Да и какая порча можетъ произойти

винограднику, если сорвутъ нѣсколько десятковъ гроздій винограда? и много ли его могутъ сорвать, когда онъ еще недозрѣлый?

Солдаты ломаютъ деревья, заборы. Но заборы у виноградниковъ, въ Венгріи, обыкновенно каменные; зачѣмъ солдаты ихъ станутъ портить. Что же касается до деревьевъ, надо полагать фруктовыхъ, то никакими приказами не остановишь ихъ рубку, если солдату, ставшему бивакомъ, не будетъ отпущено потребнаго количества топлива для варки пищи, а въ холодное время и для бивачныхъ костровъ, или если не укажутъ ему лѣсъ, въ которомъ онъ могъ бы нарубить себѣ дровъ [1]).

Вообще, мы чрезмѣрно любимъ щеголять своимъ великодушіемъ, своимъ кроткимъ обращеніемъ съ непріятелемъ, своею гуманностью. Часто у насъ до противной приторности доходятъ всѣ эти сладости!

Квартира нашему полковому командиру въ с. Дорогъ была отведена у весьма зажиточнаго мѣстнаго землевладѣльца, милое и радушное семейство котораго, состоявшее изъ его жены-хозяйки и двухъ дочерей невѣстъ, окружало нашего барона Фитингофа всевозможнымъ вниманіемъ и предупредительностью, между прочимъ, угощая его, чуть ли ни цѣлый день, отличнымъ венгерскимъ. Добрый и, порою, веселый баронъ Фитингофъ сблизился съ семействомъ своихъ хозяевъ, часто развлекалъ ихъ полковою музыкою и пѣсенниками и до того заслужилъ ихъ довѣренность, что однажды они показали ему, подъ величайшимъ секретомъ, прибитое къ большому древку, значительныхъ размѣровъ, шелковое знамя съ богато вышитыми на немъ шелками, золотомъ и серебромъ, самими хозяйками-хвастуньями и ихъ подругами, гербомъ Венгріи и различными надписями. Разумѣется это знамя было изготовлено на случай возстанія въ Дорогѣ. Каково же

[1]) Не забудемъ: французы и англичане - куда цивилизованнѣе насъ, и никто ихъ никогда ворами не обзывалъ, но и тѣ подъ Севастополемъ, на мѣстѣ своей стоянки, да и въ ближайшихъ окрестностяхъ, не только всѣ фруктовые сады наши извели на топливо, не только съ тою же цѣлью вырубили виноградныя лозы, но даже корни винограда выкопали на топливо. А нашимъ солдатамъ запрещаютъ рвать виноградъ! Чудесно! П. А.

было изумленіе хозяекъ барона Фитингофа, когда онъ, безъ всякихъ церемоній, заявилъ имъ, что этого революціоннаго знамени онъ у нихъ оставить не можетъ и, тотчасъ взявъ его, отдалъ подъ караулъ часовому, стоявшему у полковыхъ знаменъ.

По какому это сдѣлано праву, теперь, когда война уже кончена? чѣмъ, кромѣ простаго хищенія, объяснить этотъ поступокъ? На чемъ, кромѣ произвола, онъ былъ основанъ?—оставалось покрытымъ мракомъ неизвѣстности! Бѣдныя, обманутыя венгерки поплакали порядкомъ по этому случаю и конечно тотчасъ измѣнили свое обращеніе, какъ съ полковникомъ, такъ и съ нами, его ежедневными посѣтителями [1]).

16-го августа полкъ собрался на площади с. Дорогъ, чтобы отслужить благодарственный молебенъ, по случаю окончанія войны съ Венгріей, при чемъ тутъ же прочитанъ слѣдующій приказъ фельдмаршала, отъ 13-го августа, въ Гроссъ-Вардейнѣ:

„Воины! Походъ въ Венгрію оконченъ; онъ продолжался два мѣсяца. Въ это короткое время ваше мужество въ сраженіяхъ и неутомимость въ трудахъ успѣли заслужить похвалы государя императора. Доблести ваши возобновили въ Европѣ воспоминаніе о тѣхъ достославныхъ подвигахъ, которыми всегда гремѣло русское имя; доблести эти внушили и самому непріятелю такое уваженіе, что войска его положили предъ вами оружіе, а крѣпости отворили ворота.

---

[1]) Курьезнѣе всего вышло то, что баронъ Фитингофъ приказалъ это знамя нести вмѣстѣ со знаменемъ, не помню, котораго-то изъ нашихъ баталіоновъ. Такъ шли мы до самой русской границы, имѣя въ полку вмѣсто четырехъ знаменъ пять. Но какъ-то догналъ нашъ полкъ начальникъ нашей дивизіи Бѣлогужевъ, какъ я уже замѣтилъ выше, не благоволившій къ Фитингофу. Генералъ тотчасъ замѣтилъ приращеніе знаменъ въ нашемъ полку и потребовалъ, у полковаго командира, объясненія этого явленія. Конечно, тѣми странными объясненіями, какія могъ по этому случаю дать баронъ Фитингофъ, не удовольствовался Бѣлогужевъ,—распекъ Фитингофа: какъ онъ позволилъ себѣ отдавать одинакую честь мятежническому знамени со знаменемъ своего государя? и приказалъ тотчасъ убрать венгерское знамя. Разумѣется, его немедленно убрали въ обозъ. По приходѣ нашемъ въ Кременецъ, знамя это красовалось во всемъ блескѣ, въ кабинетѣ барона Фитингофа, и увезено имъ съ собою, по выходѣ его въ отставку. П. А.

„Съ чувствомъ живѣйшей признательности благодарю васъ, сотрудники мои! Вы помогли мнѣ исполнить великодушное желаніе государя императора, возвратить Венгрію къ повиновенію своему законному монарху.

„Генералъ-фельдмаршалъ, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ Эриванскій".

Громкое „ура", раздавшееся въ нашихъ рядахъ послѣ прочтенія этого, довольно сухаго „приказа", было послѣднимъ, вырвавшимся у насъ на равнинахъ Венгріи! Благодарственный молебенъ, нами отслуженный за окончаніе войны, правду надо сказать, такъ горько обманувшей наши надежды и ожиданія, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и напутственнымъ нашимъ молебномъ. По окончаніи церемоніи, мы тронулись въ походъ,—домой, въ Россію!...

П. В. Алабинъ.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИНТЕНДАНТСТВА

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ВОЕННОМЪ ОКРУГѢ

1865—1866.

VI [1].

Въ теченіе лѣта 1865 г., я нѣсколько разъ видѣлся съ Д. А. Милютинымъ; самая продолжительная бесѣда была во время большихъ маневровъ, въ началѣ августа; я былъ при устройствѣ саперами переправы черезъ Неву по плотовому мосту, недалеко Усть-Ижоры; тамъ и государь со всей свитой провелъ почти цѣлый день. Г. Милютинъ имѣлъ свободное время для бесѣды со мной; шпіоны Устрялова могли бы донести ему, что и тутъ не я лезъ къ г. Милютину, а Д. А. Милютинъ самъ обращался ко мнѣ. Между постороннимъ разговоромъ, говорилось и объ интендантскихъ дѣлахъ; я передавалъ предположенія свои какъ формировать полевое интендантство и какъ подготовлять для того интендантскихъ чиновъ—это было одобрено; говорилъ о предположеніи своемъ, чтобы на будущее время интендантство формировалось исключительно изъ однихъ военныхъ офицеровъ—и это въ принципѣ одобрено; говорилъ, что для уменьшенія провіантскихъ заготовокъ, полезно привлечь земство къ военнымъ поставкамъ, чтобы войска получали мѣстный хлѣбъ, по возможности изъ первыхъ рукъ, прямо отъ производителей, что послѣ част-

[1] См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXIV, май, стр. 499—524, іюнь, стр. 715—738.

наго сношенія съ земствомъ по этому предмету, я нынѣ вхожу съ офиціальнымъ предположеніемъ, конечно, только въ своемъ округѣ—это вполнѣ одобрено; говорилъ, что продовольствіе арміи еще не устроено, что администрація теперь не касается до экономическаго быта крестьянъ, а земство не согласится кормить войска безплатно,—это примется за тяжелый налогъ; Д. А. Милютинъ отвѣтилъ, что это дѣйствительно очень серьезное дѣло, имъ слѣдуетъ немедленно заняться; наконецъ, говорилъ, что слѣдуетъ тотчасъ же положить прочное основаніе интендантской статистикѣ и немедленно издать статистическія карты, покуда одного округа, а потомъ и всей Россіи,—и этимъ разрѣшено заняться немедленно.

Въ доказательство того, что еще въ 1865 г. я имѣлъ въ виду уничтожить монополистовъ въ казенныхъ поставкахъ, привожу копіи съ отзывовъ своихъ во всѣ уѣздныя земскія управы и всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства; они были напечатаны, съ пробѣлами для прописки именъ и цифръ. Земскія управы и предводители дворянства тогда живо мнѣ сочувствовали.

Въ такую-то земскую управу.

„Съ давнихъ временъ и до сихъ поръ поставка провіанта и фуража для войскъ, расположенныхъ въ С.-Петербургѣ, въ ближайшихъ окрестностяхъ и вообще въ Петербургскомъ военномъ округѣ, производилась съ подрядовъ. Подряды большею частью оставались за богатыми купцами-монополистами.

„Желая предоставить участіе въ поставкѣ для войскъ провіанта и фуража возможно бòльшему числу промышленниковъ, въ особенности мѣстнымъ жителямъ или землевладѣльцамъ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ расположены войска, и при томъ желая предоставить эту поставку прямо въ войска, помимо смотрителей провіантскихъ магазиновъ, чтобы со временемъ можно было закрыть самые магазины, причемъ ясными и опредѣлительными условіями, по возможности, устранить недоумѣнія и споры между сдатчиками и пріемщиками продуктовъ, имѣю честь покорнѣйше просить управу почтить меня увѣдомленіемъ: 1) въ какой мѣрѣ можно разсчитывать на осуществленіе этого предположенія въ . . . . уѣздѣ; 2) можно ли надѣяться, что управа поможетъ въ этомъ дѣлѣ интендантству на томъ основаніи, что предпріятіе это клонится къ прямой пользѣ обѣихъ сторонъ и 3) можетъ ли управа теперь же указать тѣхъ землевладѣльцевъ или промышленниковъ, или тѣ сельскія общества, съ которыми интендантство можетъ войти въ непосредственныя сношенія и какъ, по мнѣнію управы, удобнѣе дѣлать эти сношенія, непосредственно ли съ указанными лицами и обществами, или черезъ посредство самой управы.

„Если не измѣнится число войскъ, расположенныхъ въ уѣздѣ, чего въ близкомъ будущемъ не предвидится, то годовая потребность продуктовъ составитъ столько-то муки ржаной, крупы гречневой, овса, сѣна и соломы. Продукты эти должны быть доставляемы прямо въ войска, мѣсячными пропорціями“.

Предводителю дворянства.

„Изъ прилагаемой копіи съ отзыва моего въ уѣздную земскую управу, вы изволите усмотрѣть о предположеніяхъ интендантства измѣнить нынѣшнюю систему поставки въ войска провіанта и фуража.

„Какъ бы ни было велико сочувствіе къ этому дѣлу со стороны уѣздной управы, содѣйствіе ваше можетъ оказать большую пользу дѣлу Вамъ хорошо извѣстно то, что требуется заподряжать, и вы болѣе или менѣе ознакомились съ тѣмъ, чего можно ожидать отъ мѣстныхъ средствъ, а потому всепокорнѣйше прошу васъ, во 1-хъ, сообщить мнѣ мнѣніе ваше по сему предмету, а во 2-хъ, указать, если возможно, тѣхъ лицъ, съ которыми интендантство можетъ войти въ непосредственное сношеніе по поставкѣ провіанта и фуража".

13-го сентября 1865 г. получилъ я предписаніе министра о назначеніи меня предсѣдателемъ коммисіи для составленія правилъ объ изданіи статистическихъ картъ Россія въ интендантскомъ отношеніи. Членами коммисіи назначены были генеральнаго штаба полковники: Обручевъ, Лаврентьевъ, Беренсъ и Аничковъ, завѣдывавшіе статистическою частью въ главномъ интендантскомъ управленіи капитаны Барковскій и Лерхе и состоявшіе при окружномъ интендантствѣ, академисты: подполковникъ Китаевъ и штабсъ-капитанъ Пигуловичъ. Въ четыре засѣданія коммисіи правила были составлены, въ декабрѣ были утверждены министромъ и въ началѣ 1866 г. все было напечатано и карты округа изданы.

Около 22-го сентября, уже послѣ приказа объ открытіи кавказскаго, оренбургскаго и двухъ сибирскихъ военныхъ округовъ, Д. А. Милютинъ пригласилъ меня къ себѣ и сказалъ, что къ новому году, или въ концѣ настоящаго 1865 года, я буду назначенъ генералъ-интендантомъ и почти безъ перерыва продолжалъ, что въ данную минуту, въ виду настоятельной необходимости скорѣе рѣшить вопросъ о продовольствіи арміи, онъ проситъ меня принять званіе предсѣдателя провіантскаго комитета, комитетъ долженъ пересмотрѣть всѣ существующія законоположенія по подрядамъ, поставкамъ и заготовленіямъ продовольственныхъ предметовъ для арміи въ мирное и военное время; объ устройствѣ провіантскихъ магазиновъ; о пріемѣ, храненіи и расходованіи продовольственныхъ запасовъ въ войскахъ и интендантствѣ; пересмотрѣть предположенія по этому предмету комитета Лауница, гвардейскаго комитета и всѣ частныя мнѣнія и предположенія, поступившія въ разное время въ военное министерство. Занятія комитета начать съ рѣшенія вопроса о довольствіи арміи приварочными деньгами. Все это необходимо кончить

къ апрѣлю, чтобы къ 1-му мая 1866 г. внести въ военный совѣтъ. Г. Милютинъ просилъ, чтобы все, вырабатываемое комитетомъ, по частямъ, я лично доставлялъ ему, помимо Устрялова, и показалъ мнѣ списокъ кого онъ предполагаетъ назначить членами комитета, а если я пожелаю назначить еще кого-нибудь, то чтобы доставилъ записку и они будутъ включены.

Новую отсрочку въ назначеніи меня генералъ-интендантомъ, я объяснялъ тѣмъ, что г. Милютинъ и Устряловъ желали дождаться донесеній изъ Оренбурга, Тифлиса, Омска и Иркутска о благополучномъ водвореніи тамъ интендантствъ, и хорошо понималъ, что Устрялову легко продлить срокъ полученія ожидаемыхъ донесеній по меньшей мѣрѣ на 1/2 года. Отъ предсѣдательства въ провіантскомъ комитетѣ мнѣ неудобно было отказаться, но по отвѣту моему о принятіи этого порученія, г. Милютинъ могъ бы догадаться, что оно было для меня очень тягостно. Отъ напряженныхъ занятій новымъ для меня интендантскимъ дѣломъ, я дѣйствительно усталъ и физически и нравственно; глаза мои ослабѣли до того, что я долженъ былъ надѣть очки; при томъ семейныя дѣла мои были очень горестны, старшая дочь моя, дѣвица 17 лѣтъ, умирала отъ чахотки.

Отъ 28-го сентября получилъ я предписаніе по комитету, въ которомъ прописано было все то, что Д. А. Милютинъ лично говорилъ мнѣ.

Членами комитета были назначены: по избранію самаго г. Милютина, или по представленію Устрялова: 1) Вице-директоръ главн. инт. упр. ген. м. Петръ Петр. Клауди. 2) Бывшій виленскій интендантъ во времена Муравьева ст. совѣтн. Владим. Петр. Польманъ. 3) Состоящій при воен. министрѣ ген. шт. пол. Викт. Михайл. Аничковъ. 4) Бывшій минскій оберъ-провіантмейстеръ кол. сов. Никол. Иванов. Зубковичъ. 5) Состоявшій при главн. инт. управл. ст. сов. Васил. Михайл. Карловъ. 6) Бывшій чиновникъ особыхъ порученій при оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ кол. совѣтн. Василій Львовичъ Долинскій, впослѣдствіи редакторъ и издатель газеты „Дѣятельность“. Это былъ одинъ изъ самыхъ полезнѣйшихъ членовъ комитета. 7) Бывшій одесскій интендантъ ст. сов. Левковичъ. 8) Состоявшій при гл. инт. упр., бывшій членъ военно-окружнаго совѣта харьковскаго округа, со стороны военнаго министерства, полк. Никол. Серг. Мусинъ-Пушкинъ; онъ очень удачно въ карикатурахъ изображалъ засѣданія комитета. 9) Бывшій тифлисскій оберъ-провіантмейстеръ полк. Егоръ Иван. Быковъ. По моему избранію: 10) Правитель дѣлъ спеціальнаго комитета по устройству и образованію войскъ полк. Георгій Георг. Яковлевъ. 11) Генер. шт. полк. Александръ Ив. Беренсъ. 12) Помощникъ мой полк. Пав. Фадѣев. Комаровскій. 13) Начальникъ отдѣленія у меня въ интендантствѣ подполк. Андрей Игнатьев. Лепарскій.

14) Состоящій при главн. инт. упр. капитанъ Никол. Никол. Леонтьевъ. 15) Бухгалтеръ у меня въ инт. капит. Эд. Густ. Фридериксъ и 16) лейбъ-гв. Моск. п. Капитонъ Антон. Павловъ. Кромѣ того, по сношенію съ начальниками войскъ, приглашались въ комитетъ компетентныя лица по содержанію лошадей: собственнаго его величества конвоя, персидскій принцъ Риза-Кули-Мирза, того же конвоя поручикъ Зарѣцкій, л.-гв. коннаго полка полк. Эттеръ, л.-гв. гусар. п. флиг.-адъют. ротмистръ Игнатьевъ, л.-гв. конной артиллеріи капитанъ Шепелевъ, л.-гв. казачьяго полка полк. Рубакинъ, генер. шт. капитанъ Красновъ; приглашался начальникъ отдѣленія въ управленія иррегулярныхъ войскъ кол. сов. Лосевъ и лекарь 8-го флотскаго экипажа Вас. Лукьяновичъ Раковичъ для опредѣленія качества муки помощію хлороформа. Въ должности дѣлопроизводителя состоялъ штабсъ-капитанъ В. И. Бунинъ.

Съ начала октября комитетъ усердно принялся за дѣло, но по первымъ недѣлямъ занятій обнаружилось, что данная задача слишкомъ сложна, что къ апрѣлю она не могла быть рѣшена. Комитетомъ выработано было положеніе о довольствіи людей провіантомъ и приваркомъ и положеніе о фуражномъ довольствіи лошадей. Все это было напечатано и при письмахъ Д. А. Милютина разослано на разсмотрѣніе начальниковъ войскъ; отзывы, изъ арміи полученные, уже не застали меня предсѣдателемъ комитета.

Всѣ члены комитета просили моего ходатайства о назначеніи имъ суточныхъ денегъ; я два раза передавалъ эту просьбу г. Милютину и г. Милютинъ два раза обѣщалъ назначить суточныя деньги, но обѣщаніе не было исполнено. И мнѣ лично прибавка къ содержанію была не лишнею, мое содержаніе составляло всего 3,700 р.; сначала давали еще квартирныхъ 814 р., но квартирныя скоро были отняты, а между тѣмъ комитетъ собирался у меня разъ и два раза въ недѣлю и для каждаго засѣданія чай, освѣщеніе и наемный лакей стоили мнѣ 8—9 рублей.

Въ началѣ же октября директоръ военнаго министерства генералъ-маіоръ Мордвиновъ сообщилъ мнѣ желаніе военнаго министра, чтобы я принялъ участіе въ занятіяхъ особой коммисіи по составленію новыхъ положеній и штатовъ для главныхъ управленій военнаго министерства и прислалъ мнѣ разныя предположенія по сему предмету. Я отвѣчалъ Мордвинову, что интендантство и провіантскій комитетъ поглощаютъ все мое время, что лично въ коммисію явиться не могу и возвратилъ ему всѣ проекты положеній и штатовъ главныхъ управленій, съ замѣчаніями своими на нѣкоторыя статьи положеній. Замѣчанія мои касались преиму-

щественно порядка сношеній главныхъ управленій съ начальниками войскъ и съ начальниками отдѣловъ въ округахъ; я говорилъ, что начальники войскъ всегда были и всегда будутъ очень щепетильны къ тому, какъ имъ пишутъ изъ центральныхъ управленій и кто подписываетъ бумагу.

Отъ 16-го октября 1865 г. я получилъ собственноручную записку Милютина слѣдующаго содержанія:

„Секретно. Получивъ отъ тайнаго совѣтника Устрялова составленный имъ проектъ новаго штата главнаго интендантскаго управленія, я желалъ бы узнать мнѣніе в. п—ства по этому предмету; а потому, прилагая при семъ означенный проектъ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, по разсмотрѣніи его, сказать мнѣ личное ваше мнѣніе. При этомъ я желалъ бы, чтобы в. п. никому не показывали этого проекта, и чтобы дѣло это пока оставалось между нами. Ваше превосходительство застанете меня дома во вторникъ, въ 10 ч. утра. Д. Милютинъ".

Записка эта произвела на меня дурное впечатлѣніе, во первыхъ, тонъ ея—прибавивъ №, выйдетъ предписаніе, зачѣмъ же слова „имѣю честь", которыхъ въ предыдущихъ запискахъ Милютина никогда не было; во вторыхъ, 16-е октября было въ субботу, записка получена вечеромъ, и чтобы приготовить отвѣтъ ко вторнику, я долженъ былъ посвятить на это все воскресеніе и, слѣдовательно, измѣнить установившіяся тогда мои воскресныя занятія.....

Воскресенія я проводилъ такъ: съ ранняго утра до обѣдни занимался частною перепиской; въ теченіе недѣли я получалъ отъ 8 до 15 частныхъ писемъ, бо̀льшею частью касавшихся интендантства, на нихъ отвѣчалъ только по воскресеньямъ; затѣмъ, въ продолженіи цѣлаго дня читалъ нѣкоторыя статейки, замѣченныя въ газетахъ и журналахъ, особенно касавшіяся интендантства, военнаго вѣдомства вообще, также подрядовъ, поставокъ, повышенія и пониженія цѣнъ на предметы военнаго потребленія и проч. Статьи эти замѣчались двумя чиновниками, которымъ, какъ бы въ служебную обязанность, вмѣнено было перечитывать газеты и журналы, получаемые интендантствомъ.

въ третьихъ, самое главное, зачѣмъ было дѣлать изъ этого секретъ,—это, по меньшей мѣрѣ, не по военному. По интендантской части, отъ министра, на первой ступени стоятъ генералъ-интендантъ, на второй — окружной интендантъ; такъ въ саперной службѣ, отъ бригаднаго командира на первой ступени батальонный командиръ, на второй—ротный командиръ, но я никогда не

позволилъ бы себѣ сноситься секретно, служебнымъ тономъ, съ ротнымъ командиромъ, касательно его батальоннаго командира; тамъ дѣла иныя, ступени ниже, но отношенія между людьми однѣ и тѣ же. Записку же Д. А. Милютина нельзя было принять и за дружеское довѣріе ко мнѣ,—тонъ ея начальническій.

Въ параллель со штатомъ Устрялова, я составилъ свой штатъ главному интендантскому управленію. Устряловъ назначилъ 126 чиновниковъ и 180 писарей, я ограничился на первое только время 83 чиновниками и 90 писарями, съ оговоркою, чтобы предоставлено было право дѣлать дальнѣйшія сокращенія въ составѣ управленія. Въ числѣ 83 чиновниковъ, я, согласно съ мнѣніемъ Устрялова, оставилъ 7 генераловъ и 28 штабъ-офицеровъ, всего 35 человѣкъ, по особымъ порученіямъ при генералъ-интендантѣ, но съ тѣмъ, чтобы въ числѣ ихъ были и всѣ 17 предсѣдателей пріемныхъ коммисій, чего Устряловъ не допускалъ, такъ что по моему проекту въ главномъ интендантскомъ управленіи должно состоять всѣхъ чиновниковъ 83—17, а по устряловскому проекту 126+17. При томъ для состоящихъ по особымъ порученіямъ я полагалъ назначить опредѣленное содержаніе: генераламъ по 2,500 руб., штабъ-офицерамъ по 1,750 р., Устряловъ же полагалъ назначить въ распоряженіе генералъ-интенданта 32,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы эту сумму генералъ-интендантъ, по своему усмотрѣнію, распредѣлялъ между лицами, состоящими при немъ по особымъ порученіямъ. Я возражалъ, я писалъ, что на тѣ должности, гдѣ чиновники, относительно содержанія, ставятся въ рабскую зависимость отъ начальника, пойдутъ только лица съ лакейскими замашками, или такія, которыхъ крайность заставитъ просить какъ бы милостыни у генералъ-интенданта, или, наконецъ, такія лица, которыя ни интендантствомъ, ни содержаніемъ не дорожатъ, для которыхъ нужно только числиться на службѣ и жить въ Петербургѣ. Я писалъ, что если не заботиться о сокращеніи расходовъ казны, то ужъ выгоднѣе будетъ меньшему числу чиновъ низначить бо̀льшее содержаніе, чѣмъ на оборотъ.

При личномъ докладѣ, въ назначенный часъ вторника, 19-го октября, Д. А. Милютинъ былъ противъ мнѣнія моего о сокращеніи числа чиновъ; напрасно я доказывалъ, что оставляемыхъ мною 66 чиновниковъ болѣе чѣмъ достаточно, что если главное интендантское управленіе не будетъ вмѣшиваться въ дѣла окруж-

ныхъ интендантствъ, или захватывать въ свои руки того, чѣмъ должны вѣдать окружныя интендантства, то дѣлъ въ главномъ управленіи будетъ менѣе, чѣмъ въ окружномъ управленіи, а въ окружномъ управленіи 45 чиновниковъ, слѣдовательно, по моему проекту, въ главное интендантское управленіе назначено скорѣе излишнее, чѣмъ недостаточное число чиновъ. Г. Милютинъ возражалъ; онъ говорилъ, что сокращеніе чиновъ вредно уже и тѣмъ, что множество лицъ останется за штатомъ; я отвѣчалъ, что за штатомъ и безъ того должны остаться нѣсколько человѣкъ, потому что въ главное интендантское управленіе необходимо ввести нѣсколько свѣжихъ лицъ. Г. Милютинъ, какъ бы горячо, отвѣчалъ:

— Этого-то я и боюсь, и безъ того было много толковъ и ропота, когда въ 1864 г. вводилась окружная система, до васъ (т. е. до меня) они ближе всего касались, а теперь, если при преобразованіи главныхъ управленій опять много лицъ останется за штатомъ, то ропотъ возобновится; нѣтъ, я этого допустить не могу.

Я отвѣчалъ, что при всякомъ преобразованіи управленія, въ смыслѣ его улучшенія, оставленіе нѣсколькихъ лицъ за штатомъ неизбѣжно: преобразованіе управленія собственно и должно заключаться въ сокращеніи числа чиновъ,—но г. Милютинъ остался при своемъ, и въ 1867 году были утверждены устряловскіе штаты.

Лѣтомъ 1865 г., какъ уже говорилъ, я часто сходился съ Устряловымъ на петергофскихъ пароходахъ; разговоръ нашъ былъ исключительно о постороннихъ предметахъ и казался дружелюбнымъ. Надобно отдать справедливость Устрялову: въ частной бесѣдѣ онъ былъ очень интересенъ, онъ былъ начитанъ, много видѣлъ и о многомъ слышалъ на своемъ вѣку; онъ говорилъ не много, но разсказы его были интересны; онъ кстати острилъ, кстати приводилъ силогизмы, софизмы, говорилъ обдуманно, какъ бы дорожа каждымъ словомъ своимъ. Но интриги противъ меня Устрялова или главнаго интендантскаго управленія не прекращались. Осенью того года онѣ поддѣли меня въ слѣдующемъ:

Торги на поставку сѣна назначаются обыкновенно около половины сентября. Въ іюнѣ или въ началѣ іюля главное интендантское управленіе требовало, чтобы я какъ можно поспѣшнѣе доставилъ цѣны на фуражъ, для составленія секретныхъ цѣнъ

военнаго совѣта. Я отвѣчалъ, что какъ только выяснится урожай травъ и уборка сѣна, то не замедлю представить цѣны, и въ половинѣ августа представилъ очень низкія цѣны. Главное интендантское управленіе настолько замедлило представленіемъ цѣнъ на утвержденіе военнаго совѣта, что торги на поставку сѣна могли состояться только въ октябрѣ и торги не состоялись, потому что всѣ предлагаемыя поставщиками цѣны были выше цѣнъ военнаго совѣта, мною доставленныхъ. Мнѣ оставалось назначить вторые торги, но какъ на повторенныхъ, особенно позднихъ торгахъ, цѣны никогда не падаютъ, то мнѣ приходилось просить о повышеніи цѣнъ, т. е. сознаться, что я опрометчиво назначилъ ихъ слишкомъ низкими. Но мнѣ извѣстно было, что въ то время подошло къ Петербургу множество барокъ съ сѣномъ и хозяева этого сѣна были не тѣ, которые являлись на торги; я и предложилъ имъ цѣну на 1 или на ½ коп. ниже секретныхъ цѣнъ, обѣщая тотчасъ взять все ихъ сѣно и рѣшительный отвѣтъ дать черезъ три недѣли. Они согласились на предложенную цѣну, но съ условіемъ, чтобы рѣшительный отвѣтъ данъ былъ не позже, какъ черезъ 5 дней. Я спросилъ мнѣнія вліятельныхъ лицъ окружнаго совѣта, т. е. члена отъ министерства Саломе и правителя дѣлъ Кастена, утвердитъ ли окружной совѣтъ такую поставку безъ торговъ? Они отвѣтили, что окружной совѣтъ одобритъ ее, но собственною властью утвердить не можетъ и представитъ въ военный совѣтъ, постановленіе же военнаго совѣта не могло послѣдовать ранѣе, какъ черезъ 10 дней, и я рѣшился на личную отвѣтственность взять сѣно по выгодной цѣнѣ, заключить контрактъ и все представить на утвержденіе окружного совѣта. Окружной совѣтъ одобрилъ мое рѣшеніе и представилъ въ военный совѣтъ и тамъ утвердили мой контрактъ, но постановили, чтобы мнѣ объявленъ былъ выговоръ за превышеніе власти.

Мнѣ разсказывали, что по поводу этого выговора, въ военномъ совѣтѣ было много смѣха: когда постановленіе объ объявленіи мнѣ выговора было подписано, то спохватились, черезъ кого же объявить выговоръ и прямо обратились къ Устрялову, такъ какъ черезъ главное интендантское управленіе шла переписка, но Устряловъ рѣшительно отказался; онъ говорилъ, что Кренке въ дисциплинарномъ отношеніи ему не подчиненъ и если объявить ему выговоръ, то онъ черезъ великаго князя подниметъ такую кутюрьму, что и не раздѣлаешься. Тогда полагали просить объ этомъ великаго князя; на это нѣкоторые возражали: а что будетъ, если отъ великаго князя послѣдуетъ контръ мнѣніе, что Кренке слѣдуетъ объявить не выговоръ, а благодарность

за распорядительность, и рѣшили, чтобы собственно выговоръ не объявлять, а въ бумагѣ, объ утвержденіи моего контракта, сообщить постановленіе военнаго совѣта. Д. С. Мордвиновъ, вѣроятно, помнитъ этотъ эпизодъ.

VII.

Прошло 1-е января 1866 года, третій срокъ неисполненнаго обѣщанія Д. А. Милютина о назначеніи меня генералъ-интендантомъ.

Я сознавалъ необходимость самому подумать о себѣ. Случай облегчилъ и успокоилъ меня.

3-го января, въ понедѣльникъ, около 9 часовъ утра, я пріѣхалъ къ великому князю съ особымъ докладомъ; у подъѣзда сошелся съ начальникомъ штаба округа генералъ-адъютантомъ Альбединскимъ; мы вдвоемъ съ $^1/_4$ часа ожидали выхода великаго князя; воспользовавшись этимъ, я говорю Альбединскому: „оставаться долѣе окружнымъ интендантомъ не могу, надо мной какъ бы посмѣялись, хочу просить отчисленія во фронтъ, чтобы командовать дивизіей". Альбединскій отвѣчаетъ: „что-жъ, это легко устроить, великій князь самъ заботится объ этомъ; еще недавно былъ разговоръ о васъ и великій князь сказалъ, что охотно дастъ вамъ дивизію у себя въ округѣ; мы только ждали заявленія отъ васъ; я васъ ту же минуту увѣдомлю, какъ только узнаю, что можетъ открыться вакансія".

Докладъ свой великому князю передаю буквально въ тѣхъ словахъ, какъ говорилъ:

29-го ноября 1865 года назначены были торги въ военно-окружномъ совѣтѣ на поставку годовой пропорціи провіанта и овса для петербургскаго, финляндскаго и частію рижскаго округовъ, всего на сумму до 3 милліоновъ рублей. Торги не состоялись потому, что запрашиваемыя цѣны были выше секретныхъ цѣнъ военнаго совѣта. Я не присутствовалъ на торгахъ, по случаю смерти дочери; я рапортовался больнымъ и 7 дней не являлся къ должности, и можетъ быть помощникъ мой полковникъ Комаровскій недостаточно энергично дѣйствовалъ, чтобы вторые торги, по закону, назначены были опять въ окружномъ совѣтѣ, или прямо въ военномъ совѣтѣ, только Устряловъ воспользовался этимъ и вторые торги, на 20-е декабря, назначилъ въ главномъ

интендантскомъ управленіи. Вторые торги не состоялись по той же причинѣ, какъ и первые въ окружномъ совѣтѣ, тогда Устряловъ вошелъ съ представленіемъ въ военный совѣтъ, чтобы вся заготовка провіанта и овса, на 3 милліона, отдана была чиновнику главнаго интендантскаго управленія Огареву, родственнику генералъ-адъютанта Огарева, на коммерческомъ правѣ, съ выдачей ему впередъ 900,000 рублей. Все это дѣлалось незаконно, помимо меня и даже помимо окружнаго совѣта. Тутъ надо замѣтить, что по существующимъ постановленіямъ, чиновникъ, заготовляющій провіантъ на коммерческомъ правѣ, не отвѣчаетъ за то, если провіантъ будетъ подмоченъ во время пути, поэтому въ случаѣ брака такого провіанта, казна можетъ много потерять при продажѣ забракованнаго провіанта, или, что еще хуже, придется возвратиться къ прежней провіантской системѣ и выдавать въ войска дурную, бракованную муку вторымъ или третьимъ кулемъ. Мое мнѣніе, что лучше заплатить дороже, но отдать поставку съ подряда, подъ залогъ; можно уменьшить количество заготовленія, употребивъ въ расходъ часть запаса, а запасъ пополнить въ то время, когда провіантъ и овесъ будутъ дешевле. Военный совѣтъ, не отказывая Устрялову, указалъ ему, однако, сдѣлать попытку: предложить поставку по частнымъ вызовамъ извѣстнымъ хлѣбопромышленникамъ, съ тѣмъ, чтобы къ 4-му января былъ внесенъ окончательный докладъ по сему предмету. И 31-го декабря, вечеромъ, я получилъ отъ Устрялова частное письмо, въ которомъ онъ просилъ моего содѣйствія въ этомъ дѣлѣ и просилъ, чтобы я побывалъ у него. Мнѣ обидна была самая просьба о содѣйствіи, когда по закону вся операція принадлежала моему вѣдѣнію и главное интендантское управленіе не должно было и вмѣшиваться въ это дѣло, и потому отвѣчалъ Устрялову, что по болѣзни не могу быть у него.

Великій князь, выслушавъ меня, сказалъ:

— Продѣлки Устрялова не позволительны, это такъ, но дѣло въ томъ, что твой разсказъ, не зная близко дѣла, трудно передать въ той же послѣдовательности.

Я отвѣчалъ, что у меня приготовлена собственноручная записка, гдѣ все это изложено нѣсколько короче, и подалъ ее.

Великій князь, прочитавъ записку, сказалъ: „Завтра, во вторникъ, около 10 часовъ утра, я увижу военнаго министра въ

большомъ дворцѣ и переговорю съ нимъ. Записка твоя останется у меня, а отвѣтъ тебѣ сообщу".

Дѣйствительно на другой день, 4-го января, около 12 часовъ дня, пріѣхалъ ко мнѣ въ интендантство адъютантъ великаго князя и передалъ, что по дѣлу моему все прежнее рѣшеніе отмѣнено и мнѣ предоставлено начать его вновь, какъ признàю лучшимъ. Черезъ какіе-нибудь ½ часа по отъѣздѣ адъютанта, чиновники мои узнали, что главное интендантское управленіе переполошилось,—что получено было приказаніе военнаго министра, чтобы Огареву въ поставкѣ отказать, устройство всей операціи предоставляется мнѣ одному, безъ всякаго участія главнаго интендантскаго управленія. А въ 3-мъ часу изъ военнаго совѣта дали мнѣ знать, что туда явился купецъ Овсянниковъ съ залогами и предложеніемъ такихъ цѣнъ, по которымъ военный совѣтъ утвердилъ за нимъ всю поставку. Такимъ образомъ дѣло очень скоро кончилось въ мою пользу, безъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ съ моей стороны.

Чиновникъ Огаревъ, неудавшуюся попытку въ поставкѣ провіанта, хотѣлъ наверстать въ наблюденіи за поставкою. Генералъ-адъютантъ Огаревъ два раза пріѣзжалъ ко мнѣ съ просьбою, чтобы это дѣло я поручилъ родственнику его, но я на отрѣзъ отказалъ.

Въ началѣ же января 1866 года государственный контролеръ жаловался на меня военному министру, что я, превысивъ свои права, самовольно распорядился свыше 300 тысячами руб. Дѣло было вотъ въ чемъ: съ 1-го января 1866 года во всей Россіи вводились новые кассовые порядки, по единству кассы, и въ октябрѣ или ноябрѣ 1865 г. былъ объявленъ приказъ, чтобы войска и управленія, всѣ имѣющіяся у нихъ казенныя деньги, подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, не израсходованныя по 31-е декабря, въ тотъ же день, т. е. 31-го декабря, непремѣнно сдали бы въ ближайшія казначейства. Но какъ въ началѣ декабря государственная роспись расходовъ на 1866 годъ еще не была утверждена, то я, разсчитывая, что отъ дня утвержденія росписи до того дня, когда войска могутъ получить деньги по новымъ правиламъ, пройдетъ по крайней мѣрѣ 6 недѣль, т. е. покуда составятся расписанія или распредѣленія по всѣмъ расходнымъ кассамъ, — боялся, что войска, оставшись безъ денегъ,

въ январѣ будутъ поставлены въ крайнее затрудненіе по продовольствію людей и лошадей, и имѣя въ виду законъ, по которому приварочныя и фуражирныя деньги выдаются впередъ на указанный періодъ,—тогда, кажется, былъ двухмѣсячный періодъ,—распорядился такъ: въ дополненіе того приказа, циркулярно отъ себя передалъ во всѣ войска и управленія, чтобы до особаго приказанія оставшіяся деньги къ 31-му декабря не сдавали бы въ казначейство, а только сообщили бы мнѣ, по возможности къ 1-му января, сколько денегъ подлежитъ въ сдачу. Въ интендантскомъ казначействѣ и въ войскахъ, и управленіяхъ такихъ денегъ, въ общей сложности, оказалось свыше 300 тысячъ. Къ 1-му января объ утвержденіи государственной росписи мнѣ еще не было сообщено, и я послалъ въ войска и управленія отзывы, чтобы деньги, подлежащія въ сдачу въ казначейства, оставить у себя, записавъ на приходъ, на январь, столько-то на приварочное и столько-то на фуражное довольствіе, а затѣмъ будетъ сообщено по какимъ §§ и статьямъ записать ихъ по новымъ правиламъ.

Военный министръ предписалъ, чтобы я надписью на отзывѣ государственнаго контролера далъ объясненіе. Я отвѣчалъ, что дѣйствовалъ по ст. 127 положенія объ окружномъ интендантствѣ, гдѣ сказано, что важнѣйшая обязанность интенданта состоитъ въ удовлетвореніи войскъ и военныхъ учрежденій, въ положенные сроки, жалованьемъ и другими денежными окладами, вещами и продовольственными припасами; затѣмъ прописалъ, что выше говорилъ по этому предмету и въ заключеніе сказалъ, что и по сегодня, кажется, 10-го января, государственная роспись расходовъ еще не получена, а слѣдовательно, войска, по новымъ правиламъ, не могутъ получить деньги ранѣе половины или конца февраля. Военный министръ объясненіе мое передалъ на заключеніе военнаго совѣта и военный совѣтъ на этотъ разъ призналъ, что я поступилъ правильно.

Въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ 1866 года, по дѣламъ провіантскаго комитета я былъ у военнаго министра раза четыре, предварительно спрашивая, когда могу явиться къ нему. Записки, въ запечатанномъ конвертѣ, посылалъ безъ всякаго титула: „испрашиваю указанія дня и часа, когда могу явиться съ докладомъ. Генералъ-маіоръ Кренке“. Милютинъ на той же записочкѣ

прописывалъ день и часъ. Онъ былъ постоянно вѣжливъ, но сухъ, раза три спрашивалъ какъ идутъ дѣла по окружному интендантству, но ни слова не говорилъ, ни о предстоящемъ назначеніи, ни по поводу трехъ случаевъ со мной, т. е. выговоръ военнаго совѣта, Устряловская продѣлка съ провіантскою поставкою и послѣдняя жалоба государственнаго контролера, не смотря на то, что я явно намекалъ на эти случаи. Въ одномъ изъ своихъ провіантскихъ докладовъ, я говорилъ, что комитетъ приступилъ къ пересмотру законоположеній о подрядахъ и поставкахъ и почти цѣлое засѣданіе у насъ прошло въ преніяхъ вотъ по какому предмету: законъ, ограждая интересы казны, долженъ ограждать и дѣйствующихъ лицъ; ловкій плутъ въ крупномъ мошенничествѣ никогда не обойдетъ законъ, а честный человѣкъ легко можетъ попасться въ нарушеніи закона, напримѣръ, законъ, интересъ казны и потребность войскъ могутъ быть поставлены въ условія прямо противуположныя; дѣйствуя по закону, можно вовлечь казну въ лишніе расходы, или замедлить довольствіе войскъ, а соблюдая интересъ казны, можно подвергнуться отвѣтственности за нарушеніе закона. Д. А. Милютинъ отклонился отъ объясненій. сказавъ, что интересно будетъ прочесть, какъ комитетъ рѣшитъ эти вопросы.

2-го марта 1866 г. я получилъ такую записку отъ Д. А. Милютина:

„Встрѣчая надобность переговорить съ вашимъ превосходительствомъ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ пожаловать ко мнѣ или завтра, въ четвергъ, около 3½ часовъ, или въ пятницу, въ такое же время, какъ для васъ будетъ удобнѣе. Д. Милютинъ“.

3-го марта, въ назначенный часъ, я явился. Д. А. Милютинъ заговорилъ о дѣлахъ провіантскаго комитета, но очевидно, что это былъ только предлогъ, потому что онъ тотчасъ же сдѣлалъ крутой оборотъ въ разговорѣ и говоритъ:

— Ахъ, кстати, мнѣ говорилъ Устряловъ, что онъ никакъ не можетъ видѣть васъ, что вы, не смотря на его приглашеніе, не бываете у него.

Я отвѣчалъ: „къ Устрялову я не пойду, а генералъ-интендантъ меня не требовалъ къ себѣ; по требованію его, я ту же минуту явился бы къ нему, да и Устряловъ разъ только звалъ

меня, вскорѣ послѣ несчастной потери мною дочери, когда я рѣшительно не могъ быть у него".

Министръ говоритъ: „но вѣдь такія отношенія могутъ имѣть вредное вліяніе на службу".

Я отвѣчалъ: „съ моей стороны этого не можетъ быть, я такъ долго служилъ во фронтѣ, что очень хорошо знаю порядокъ подчиненности".

Министръ, какъ бы понизивъ голосъ, говоритъ: „да и отъ чего вы такъ предубѣждены противъ Устрялова? меня это удивляетъ, я полагаю, что это происходитъ отъ того, что у васъ и у него есть недоброжелатели, которые ссорятъ васъ и поддерживаютъ между вами вражду".

Я отвѣчалъ: „кромѣ внѣшнихъ причинъ, есть и внутреннія побужденія, о которыхъ лучше умолчать".

Тогда г. Милютинъ говоритъ: „но какъ хорошо идутъ дѣла подъ управленіемъ Ѳедора Герасимовича: я отовсюду получаю отзывы, что въ окружной системѣ лучше всего привилось интендантское дѣло, что вездѣ и всѣ довольны интендантствомъ и интендантствомъ преимущественно предъ всѣми другими отдѣлами округовъ".

— „Это очень утѣшительно", отвѣчалъ я,—„дай Богъ, чтобы вы всегда получали такіе отзывы", и откланялся.

Разговоръ 3-го марта меня нисколько не огорчилъ, потому что я уже съ новаго года серьозно подумывалъ о томъ, что́ надобно совсѣмъ убраться изъ интендантства.

Никому, рѣшительно никому, я не говорилъ ни о разговорѣ своемъ съ Д. А. Милютинымъ 3-го марта, ни о разговорѣ съ Альбединскимъ 3-го января, но уже пронеслась молва, что меня назначаютъ начальникомъ дивизіи; молва эта однако скоро замолкла и я не возмутимо продолжалъ занятія и въ интендантствѣ, и по провіантскому комитету.

По провіантскому комитету чаще другихъ бывалъ у меня Аничковъ; какъ редакторъ трудовъ комитета, онъ, произведенный уже въ генералы, заходилъ ко мнѣ по воскресеньямъ и въ другіе праздничные дни, утромъ, часу въ 11-мъ. Вскорѣ послѣ разговора съ Д. А. Милютинымъ 3-го марта, примѣрно черезъ воскресеніе, Аничковъ явился ко мнѣ, въ полной формѣ, просителемъ. Аничковъ писалъ лучше, чѣмъ говорилъ, рѣчь его была

томительна, она представлялась не живымъ выраженіемъ души, а искуственнымъ подборомъ словъ и выраженій, притомъ же онъ распространялся даже и въ мелочахъ, а потому, не на полномъ досугѣ, такого разсказчика нельзя было назвать пріятнымъ. Аничковъ разсказывалъ, что онъ давно знакомъ съ почтеннымъ Ѳ. Г. Устряловымъ, а въ послѣднее время какъ бы сдружился съ нимъ, что при образованіи округовъ Устряловъ не зналъ о желаніи Аничкова получить интендантское мѣсто, но теперь, при предстоящей ваканціи въ одномъ изъ большихъ округовъ, Устряловъ предложилъ ему интендантскій постъ, но съ тѣмъ, чтобы Аничковъ, какъ состоящій при военномъ министрѣ, самъ испросилъ бы соизволеніе министра, и вотъ, только вчера, Аничковъ улучшилъ минуту просить объ этомъ министра, но министръ положительно отвѣчалъ такими словами:

— „Теперь назначенія по интендантству зависятъ не отъ меня (министра) и не отъ Ѳ. Г. Устрялова, а отъ одного В. Д. Кренке“, и вотъ поэтому-то, говоритъ Аничковъ, я и осмѣлился представиться вашему превосходительству.

На это я отвѣчалъ ему, что онъ самъ понимаетъ, что я при настоящемъ своемъ положеніи, не могу дать ему никакого отвѣта. Затѣмъ Аничковъ говорилъ, что Устряловъ восхищенъ тѣмъ, что ему удалось выхлопотать себѣ командировку въ Москву на торги холста, что онъ боялся помѣхи со стороны постояннаго своего антагониста, подразумѣвая конечно меня, но какой-то кунстикъ со стороны Устрялова, кажется, удался.

По уходѣ Аничкова, мнѣ живо представлялось и жалкое положеніе Аничкова, и ловкость Устрялова. Устряловъ, не теряя расположенія Аничкова и не желая предоставить ему постъ интендантскій, удачно направилъ его на министра, а тотъ отклонился ссылкою на меня, если только слова министра были вѣрно переданы Аничковымъ.

Нѣсколько позже, въ маѣ, въ моемъ присутствіи, Устряловъ представлялся министру по возвращеніи изъ Москвы. Устряловъ обратился къ министру со словами: „имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство“. Г. Милютинъ быстро спрашиваетъ: съ чѣмъ?—„Съ удачными торгами въ Москвѣ, казна получила выгоды 280,000 руб.“, отвѣчалъ Устряловъ.

Надобно было видѣть улыбающагося Дмитрія Алексѣевича

Милютина, съ открытымъ, честнымъ взглядомъ и передъ нимъ согбеннаго Устрялова съ опущенными глазами, какъ бы боявшагося открыть глаза, чтобы они не обнаружили чего нибудь. Устряловъ передъ Д. А. Милютинымъ былъ, какъ демонъ передъ ангеломъ. Наглость Устрялова была велика: во первыхъ, генералъ-интендантъ не долженъ былъ вмѣшиваться въ торги, производившіеся въ московскомъ интендантствѣ, или въ московскомъ окружномъ совѣтѣ,—это было явнымъ нарушеніемъ и положеній, и принциповъ окружной системы; во вторыхъ, выгода казны въ 280,000, за что Устряловъ получилъ въ награду 6,000 р., чисто фиктивная: министръ долженъ былъ знать, что секретная цѣна въ военномъ совѣтѣ назначается по представленію генералъ-интенданта и при заподрядѣ свыше 20 милліоновъ аршинъ холста, поднявъ секретную цѣну одного аршина на 1½ коп., торговую цѣну можно сдѣлать ниже секретной на 360,000; не говорю уже о томъ, что передъ торгами въ Москвѣ, купцы и фабриканты поодиночкѣ являлись къ Устрялову; зная секретныя цѣны, Устряловъ могъ предупредить каждаго, до какого предѣла можно держаться въ цѣнѣ на торгахъ, какъ это дѣлалось въ бывшемъ коммисаріатѣ, и конечно подобныя любезности дѣлались не даромъ. Я имѣлъ рѣшительное намѣреніе настаивать, чтобы Д. А. Милютинъ не допустилъ Устрялова до этой поѣздки, и непремѣнно настоялъ бы, еслибы разговоръ военнаго министра со мной, 3-го марта, не предупредилъ меня, такъ что Аничковъ вѣрно передалъ мнѣ, что кунстикъ Устрялова удался.

VIII.

Злодѣйское покушеніе 4-го апрѣля 1866 г., первое небывалое покушеніе въ Россіи, до того поразило всѣхъ и каждаго, что личные, частные интересы были забыты; всѣ интересовались сперва подробностями самаго событія и Комисаровымъ, потомъ Муравьевскимъ слѣдствіемъ, упраздненіемъ должности с.-петербургскаго генералъ-губернатора, назначеніемъ Ѳ. Трепова, смѣною шефа жандармовъ и проч.

Тогда по распоряженію военнаго министра производилась ре-

визія окружныхъ управленій петербургскаго военнаго округа. Ревизію производилъ членъ военнаго совѣта, генералъ-адъютантъ Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій; интендантство ревизовалось однимъ изъ послѣднихъ учрежденій въ округѣ; передъ интендантствомъ Непокойчицкій, обревизовавъ дѣла окружнаго совѣта, какъ самъ говорилъ мнѣ, хорошо ознакомился съ важнѣйшими дѣлами интендантства и собственно на ревизію интендантства употребилъ два или три дня. Въ интендантствѣ Непокойчицкому не понравились два предмета, по крайней мѣрѣ, мнѣ онъ говорилъ только о двухъ, именно: а) своеобразное распредѣленіе занятій между чиновниками; на это я отвѣчалъ, что законъ предоставилъ лично мнѣ распредѣленіе занятій между чиновниками и я нашелъ это распредѣленіе лучшимъ, вполнѣ удовлетворявшимъ той цѣли, для которой оно сдѣлано, т. е. для облегченія формированія полеваго интендантства свѣдущими чиновниками; и б) Непокойчицкій призналъ незаконнымъ, что я, при неудавшихся торгахъ на сухопутную перевозку провіанта изъ петербургскихъ въ загородные магазины, вмѣсто повторенія торговъ, отдалъ перевозку, по частному вызову, нѣсколькимъ содержателямъ извощичьихъ лошадей и какъ бы безъ залоговъ. Я отвѣчалъ, что это сдѣлано съ утвержденія окружнаго совѣта, что этимъ сдѣлано сбереженіе на 10 т. руб., въ сравненіи съ самою дешевою подрядною перевозкою за послѣднія 5 лѣтъ. Непокойчицкій возражалъ: „законность дѣйствій важнѣе сбереженій, а что окружной совѣтъ утвердилъ ваше представленіе, то это неудивительно: онъ утвердитъ все, что вы только представите; вотъ и въ настоящее время перевозка производится, а залоговъ у васъ нѣтъ“. Залоги были даны на первое время, отвѣчаю я, покуда подрядчики не перевезли первые три тысячи кулей и тогда деньги, слѣдуемыя имъ за перевозку этихъ трехъ тысячъ кулей, остались въ интендантствѣ вмѣсто залога, а залоги имъ возвращены и это сдѣлано съ утвержденія окружнаго совѣта и этимъ: законъ не нарушенъ, интендантство обезпечено, казна соблюла большія выгоды и данъ заработокъ бѣднымъ людямъ, чего же кажется лучше. Но Непокойчицкій все таки представилъ это дѣло г. Милютину въ невыгодномъ свѣтѣ. Д. А. Милютинъ подробностей не помнилъ, но говорилъ

мнѣ, что Непокойчицкій чѣмъ то былъ недоволенъ мною по интендантству.

1-го мая, въ воскресенье, Аничковъ опять явился ко мнѣ съ портфелемъ и съ предупрежденіемъ, что онъ пришелъ не по дѣламъ комитета, а по особому дѣлу и разсказывалъ: что въ петербургскомъ округѣ заготовленіе провіанта есть самое большое изъ всѣхъ округовъ и по цѣнѣ, и по количеству продуктовъ; что недостатки настоящей системы заготовленія провіанта хорошо извѣстны всѣмъ, а мнѣ въ особенности; что недостатки эти хорошо выяснились и въ нашемъ комитетѣ; что объ исправленіи недостатковъ въ этой поставкѣ думало и заботилось много компетентныхъ людей; что наконецъ удалось выработать такой проектъ, которымъ устраняются всѣ, безусловно всѣ, недостатки; что и казна, и войска будутъ вполнѣ удовлетворены и обезпечены; что не только онъ, Аничковъ, безусловно одобряетъ новый проектъ, но и такіе великіе знатоки дѣла, какъ Китарры и Устряловъ, вполнѣ и безусловно одобряютъ новый проектъ и теперь успѣхъ этого дѣла зависитъ единственно отъ меня.

— Какой же это проектъ? спрашиваю я.

Медленно раскрывая портфель, Аничковъ дѣлаетъ мнѣ запросъ, знаю ли я купца Фегина (можетъ быть Аничковъ сказалъ почетнаго гражданина, комерціи совѣтника, или другой титулъ,—не помню).

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, не знаю, слышалъ только мелькомъ о какомъ-то Фегинѣ, прожектерѣ.

— Ну нѣтъ, говоритъ Аничковъ, этотъ Фегинъ, котораго проектъ я представляю, такая симпатичная личность, что достаточно только взглянуть на нее, чтобы имѣть полное довѣріе къ ней; но лучше всего, прочтите этотъ проектъ,—и подаетъ мнѣ на превосходной бумагѣ, написанный превосходною писарскою рукою, тотъ извѣстный Фегинскій проектъ, который впослѣдствіи увѣнчался пожаромъ мельницы и знаменитымъ Овсянниковскимъ процессомъ.

Аничкову хотѣлось, чтобы я при немъ прочиталъ этотъ проектъ, чтобы быть свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое произведетъ на меня этотъ проектъ, но я отозвался, что въ данную минуту очень занятъ и возвращу ему проектъ со своимъ мнѣніемъ сегодня же вечеромъ, или завтра рано утромъ.

Проектъ Фегина я прочиталъ и прочиталъ съ большимъ вниманіемъ, но не дѣлалъ изъ него выписокъ и потому теперь помню только основныя положенія: отдать ему поставку провіанта и овса на 7 лѣтъ, по постоянной цѣнѣ; цѣну эту, на 7 лѣтъ, установить при заключеніи контракта; всякій годъ выдавать ему значительные авансы; онъ будетъ доставлять въ Петербургъ не муку, а рожь; рожь будетъ молоть на устроенной имъ паровой мельницѣ; мельница будетъ представлять одно изъ чудесъ свѣта, но она должна строиться на казенныя деньги, выданныя подъ залоги; о провіантскихъ магазинахъ и смотрителяхъ ихъ хорошо не помню,—смотрителя ставились въ какое-то среднее положеніе между своимъ начальствомъ и Фегинымъ.

Я, добивавшійся объ уничтоженіи монополистовъ при подрядахъ на одинъ годъ, былъ возмущенъ появленіемъ монополиста на 7 лѣтъ, и потому, вмѣсто мнѣнія своего о проектѣ, написалъ чернилами, на первой его страницѣ, въ видѣ резолюціи: „покуда я состою въ интендантствѣ, этотъ проектъ не будетъ осуществленъ. Г. М. Кренке“.

Думаю, что эта резолюція моя послужила къ тому, что тріумвираторы, Устряловъ, Китарры и Аничковъ, дружно, соединенными силами, подѣйствовали на Д. А. Милютина противъ меня.

Дня черезъ три послѣ того, какъ я возвратилъ фегиновскій проектъ Аничкову, получилъ безъименное письмо такого содержанія: „Напрасно вы лишили себя большой субсидіи; Китарры и Аничкову назначено было по 3,000 въ годъ, а Устрялову 6,000. Вы получили бы то же, что назначено Устрялову, а теперь, кромѣ утраты субсидіи, можете утратить кое-что другое“.

Это письмо, какъ и множество другихъ безъименныхъ писемъ, мною было уничтожено; но представивъ это письмо Д. А. Милютину, можно было бы начать преслѣдованіе: мнѣ казалось, что оно, хотя и скорописью, но было писано тою же рукою, которая писала проектъ Фегина, переданный мнѣ Аничковымъ.

Пріѣхавшій въ Петербургъ виленскій генералъ-губернаторъ К. П. Кауфманъ, 12-го мая, вечеромъ, зашелъ ко мнѣ, пилъ чай, сидѣлъ часа два и сказалъ, что на его совѣсти лежитъ настоящее мое положеніе, что онъ помогъ вызвать меня изъ Кіева

не для настоящей должности, но военный министръ, какъ онъ могъ замѣтить изъ сегодняшняго разговора съ нимъ, уклоняется отъ прямаго отвѣта на то, буду ли я назначенъ генералъ-интендантомъ; что, напротивъ, по словамъ министра, скорѣе можно было придти къ противоположному заключенію; что если вмѣсто Устрялова назначенъ будетъ кто нибудь другой, то назначеніе новаго генералъ-интенданта никакъ не должно застать меня на этомъ мѣстѣ и что удаленіе мое отъ должности окружнаго интенданта должно предшествовать назначенію новаго генералъ-интенданта и лучше всего мнѣ взять дивизію.

Кауфманъ говорилъ такимъ тономъ, что мнѣ неудобно было сдѣлать вопросъ, дѣйствительно ли все это онъ говорилъ отъ себя, или по порученію г. Милютина. Я съ семьею тогда жилъ на Невскомъ, въ домѣ Калугина, рядомъ съ бывшимъ домомъ Бенардаки, но въ 5 этажѣ. Когда отъ интендантства отняли квартирныя деньги, то я долженъ былъ переѣхать на сравнительно дешевую квартиру, за 50 рублей въ мѣсяцъ съ дровами. К а у ф м а н ъ поднявшись къ намъ, очень запыхался и не скоро оправился Черезъ 9 мѣсяцевъ, когла Кауфманъ, по увольненіи отъ должности Виленскаго генералъ, губернатора, поселился въ Петербургѣ, на набережной Невы, также чрезвычайно высоко, я пріѣхалъ изъ Гродны въ Петербургъ, зашелъ къ нему вечеромъ; Кауфманъ, радушно встрѣтивъ меня и видя, что я очень запыхался, говоритъ: „мы поквитались, помните ли какъ я запыхался, когда поднимался къ вамъ“.

Мнѣніе Кауфмана совершенно согласовалось съ моимъ мнѣніемъ и я отвѣчалъ ему, что еще въ январѣ заручился согласіемъ Великаго Князя дать мнѣ первую вакантную дивизію въ Петербургскомъ округѣ; на это Кауфманъ замѣтилъ, что у него въ округѣ, на дняхъ, 26-я дивизія будетъ вакантная, и если я желаю, то онъ будетъ просить о назначеніи меня начальникомъ 26-й дивизіи. Я съ благодарностью принялъ это предложеніе и только сдѣлалъ оговорку, что въ концѣ мая, по окончаніи экзаменовъ въ 6 гимназіи, гдѣ мой сынъ, долженъ ѣхать съ семьею въ деревню, въ Тихвинскій уѣздъ; семью оставлю тамъ, а самъ возвращусь въ Петербургъ около 20-го іюня, испросивъ отпускъ всего на 3 недѣли. Кауфманъ отвѣтилъ, что это очень кстати: не ранѣе того времени и генералъ-лейтенантъ Ковалевскій можетъ быть отчисленъ отъ командованія 26-ю дивизіей.

28-го мая, при представленіи передъ отъѣздомъ въ отпускъ, Д. А. Милютинъ не намекнулъ даже о разговорѣ съ Кауфманомъ

и, какъ будто бы не предстояло никакой перемѣны со мной, вошелъ въ продолжительную бесѣду по поводу представленной комитетомъ статьи, относительно того, гдѣ и въ какомъ количествѣ должны храниться неприкосновенные продовольственные запасы для арміи.

Въ самыхъ первыхъ числахъ іюля К. П. Кауфманъ опять пріѣхалъ въ Петербургъ и сообщилъ мнѣ, что военный министръ согласенъ на назначеніе меня начальникомъ 26-й пѣхотной дивизіи, но только проситъ, чтобы я самъ испросилъ соизволеніе на то Его Высочества.

Великому Князю, въ Красномъ Селѣ, я явился рано утромъ.

Его Высочество говоритъ: „раннее твое появленіе вѣрно не даромъ“, и когда я объяснилъ зачѣмъ пріѣхалъ, то Великій Князь, какъ бы дружески, сказалъ: „скажу тебѣ прямо, мнѣ и всѣмъ въ округѣ жаль разстаться съ тобой, тебя уже всѣ поняли, но если тебѣ не хотятъ дать высшее назначеніе, то ты не можешь, не долженъ оставаться на настоящемъ мѣстѣ“.

Въ ночь съ 8-го на 9-е іюля я получилъ записку отъ Кауфмана, въ которой онъ проситъ побывать у него рано утромъ 9-го числа. Обстоятельства такъ сложились, что К. П. Кауфманъ былъ какъ бы естественнымъ посредникомъ между Д. А. Милютинымъ и мною, и при зачисленіи въ интендантство и при отчисленіи меня оттуда.

Кауфманъ сказалъ мнѣ, что онъ вскорѣ долженъ идти къ г. Милютину, что и вчерашній вечеръ онъ провелъ у г. Милютина и г. Милютинъ показалъ ему заготовленный докладъ о назначеніи меня помощникомъ командующаго войсками оренбургскаго военнаго округа; что этимъ сюрпризомъ Д. А. Милютинъ, какъ самъ выразился, хотѣлъ предоставить мнѣ мѣсто выше начальника дивизіи, но что онъ, Кауфманъ, просилъ Д. А. Милютина не докладывать Государю, покуда не переговоритъ со мной. Я отвѣчалъ Кауфману, что назначить могутъ и въ Оренбургъ и я долженъ буду повиноваться, но назначеніе это не приму за повышеніе; я лучше желаю быть первымъ въ дивизіи, чѣмъ вторымъ въ округѣ; при томъ, для воспитанія дѣтей, да и по климату, Гродно предпочитаю Оренбургу и прибавилъ, что назначеніе въ Оренбургъ вѣроятно затѣяно нѣсколько ранѣе, потому что въ бытность мою въ отпуску,

ко мнѣ заѣзжалъ Крыжановскій. На такое заявленіе мое, Кауфманъ прислалъ мнѣ записку, что Д. А. Милютинъ проситъ меня побывать у него во вторникъ, 12-го іюля, въ 10 часовъ утра.

12-го іюля я былъ у г. Милютина въ послѣдній разъ какъ интендантъ. Г. Милютинъ мнѣ сказалъ, что въ виду разныхъ нововведеній по интендантству, онъ признаетъ необходимымъ оставить Устрялова на его мѣстѣ еще неопредѣленное время, но, зная хорошо мои отношенія къ Устрялову, очень радъ услужить мнѣ предоставленіемъ новаго мѣста служенія; онъ говорилъ такъ:

— Константинъ Петровичъ передалъ мнѣ, что вы предпочитаете быть лучше начальникомъ 26-й дивизіи, нежели помощникомъ командующаго войсками въ оренбургскомъ округѣ; я не уговариваю васъ ѣхать въ Оренбургъ, не хочу брать на свою совѣсть, если тамъ не понравится вамъ, или поѣздка туда разстроитъ ваши семейныя дѣла, но долженъ сказать, что то мѣсто выше, и тамъ нуженъ такой человѣкъ, какъ вы, тѣмъ болѣе, что ген.-адъют. Крыжановскій просилъ назначить къ нему именно васъ; онъ говорилъ, что самъ нарочно заѣзжалъ къ вамъ, когда вы были въ деревнѣ, но онъ не могъ дожидать возвращенія вашего изъ деревни.

Я поблагодарилъ Д. А. Милютина за его вниманіе и остался при своемъ рѣшеніи ѣхать въ Гродно, къ дивизіи.

Затѣмъ Д. А. Милютинъ говоритъ: „графъ Гейденъ рекомендовалъ мнѣ на ваше мѣсто полковника Штольценвальда, но вы вѣрно имѣли кандидата на свое мѣсто, скажите, пожалуйста, кого вы думали назначить на свое мѣсто“?

Я отвѣчалъ, что еслибы я назначался генералъ-интендантомъ, то въ то же время просилъ бы о назначеніи вмѣсто себя помощника Альбединскаго, генералъ-маіора Скворцова; я знаю Скворцова, какъ человѣка; его хорошо знаютъ и Великій Князь, и вся гвардія; на него не будутъ смотрѣть, какъ на чужаго; онъ знаетъ отношенія между всѣми высшими и средними чинами въ округѣ, а въ этомъ округѣ отношенія между людьми могутъ играть такую же роль, какъ и самое дѣло; Скворцовъ въ штабѣ постоянно завѣдывалъ хозяйственною частью войскъ, думаю, что Скворцовъ нѣсколько подготовлялся и къ интендантству, потому что годъ назадъ, я предупреждалъ его, что онъ вѣроятно смѣнитъ

меня; наконецъ, докладывая Великому Князю о себѣ, я сказалъ, что полагаю рекомендовать на свое мѣсто Скворцова и Великій Князь отвѣтилъ: „Ну что жъ. противъ Скворцова я ничего не имѣю".

— „Такъ на Скворцовѣ и остановимся", произнесъ г. Милютинъ и, какъ бы спохватившись, прибавилъ: „а если бы назначеніе Скворвова не состоялось бы почему либо, кого вы имѣли въ виду вторымъ кандидатомъ?"

Я указалъ на своего помощника полковника Комаровскаго, а о полковникѣ Штольценвальдѣ, рекомендованномъ графомъ Гейденомъ, отозвался, что вовсе его не знаю.

Потомъ г. Милютинъ сказалъ: „а вотъ по продовольственному комитету не могу придумать, кого назначить предсѣдателемъ вмѣсто васъ". Когда на запросъ его—кто старшіе члены въ комитетѣ, я назвалъ генералъ-маіоровъ Клауди и Аничкова, г. Милютинъ замѣтилъ, что ни тотъ, ни другой не могутъ вести этого дѣла. На прощаніе, Д. А. Милютинъ сказалъ: „я по прежнему буду обращаться къ вамъ во всѣхъ случаяхъ, требующихъ предварительнаго обсужденія; пожалуйста, и вы сами, если что нибудь придумаете, пишите прямо ко мнѣ".

Но слишкомъ 13 лѣтъ, до конца 1879 года, ни съ той, ни съ другой стороны не было никакого заявленія.

Высочайшимъ приказомъ въ 21-й день іюля 1866 года я назначенъ командующимъ 26-ю пѣхотною дивизіею, съ оставленіемъ по инженерному корпусу.

Простительно будетъ сказать, что по прочтеніи приказа, у меня какъ будто гора свалилась съ плечъ; я жалѣлъ, что семья была въ деревнѣ, что я былъ одинъ, что не съ кѣмъ было подѣлиться радостью. Приказъ я прочиталъ въ „Русскомъ Инвалидѣ", 22-го числа, въ 11-ть часовъ утра, и какъ день былъ неприсутственный, то я, какъ прапорщикъ, ту же минуту самъ повезъ къ портному всѣ интендантскіе мундиры и сюртуки, передѣлывать на инженерные и армейскіе, и шелъ медленно домой въ надеждѣ, не встрѣчу ли кого нибудь изъ знакомыхъ, чтобы подѣлиться своею радостью.

IX.

Вмѣсто заключенія.

Это представитъ не что нибудь цѣлое, а совершенно отдѣльныя замѣтки:

I. Можетъ быть я во многомъ ошибался изъ того, что здѣсь говорилъ, но говорилъ правду въ томъ видѣ, какъ она мнѣ представлялась. Менѣе всего я желалъ оскорбить графа Д. А. Милютина, напротивъ, всегда былъ и на всегда останусь самымъ усерднымъ его почитателемъ, да и можно ли не уважать такую свѣтлую личность. Графъ Милютинъ идеально честенъ, до того честенъ, что не имѣлъ понятія о безчестныхъ людяхъ; онъ, судя по себѣ, всѣхъ людей считалъ честными и потому не умѣлъ отличать дѣйствительно честныхъ людей отъ тонкихъ, даже наглыхъ мошенниковъ. Графъ Милютинъ, до занятія высокаго поста, никогда отвѣтственно не командовалъ отдѣльною частію, почти не служилъ во фронтѣ, не былъ исполнителемъ чужихъ распоряженій, а только сначала передавалъ чужія распоряженія, а потомъ самъ распоряжался, и отъ того: Милютинъ за-частую не различалъ объявленіе приказа отъ дѣйствительнаго исполненія его на практикѣ; бумагу не рѣдко ставилъ выше дѣла, и нельзя не признать, что въ военномъ вѣдомствѣ за его управленіе развелась бюрократія, которая преобладала иногда надъ самымъ дѣломъ. Офицеры генеральнаго штаба и бывалые адъютанты, всѣ обратились въ чиновниковъ. . . . .

Графъ Милютинъ принадлежитъ исторіи; все полезное, содѣланное имъ, хорошо извѣстно, но и самая личность его должна быть всесторонне охарактеризована, а потому каждый, имѣвшій случай быть въ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ, долженъ высказываться, а доживающій седьмой десятокъ долженъ торопиться этимъ, иначе можетъ опоздать. При всемъ томъ, оставляя въ сторонѣ недостатки этой личности, должно желать, чтобы и исторія сказала то же, что говорятъ современники: „дай Богъ, чтобы въ Россіи было побольше Милютиныхъ".

II. При оставленіи мною петербургскаго окружнаго интен-

дантства, въ немъ состояло: собственно въ интендантскомъ управленіи штатныхъ чиновъ 44, чиновниковъ для усиленія штата — 20; въ интендантскомъ складѣ—21; смотрителей провіантскихъ магазиновъ—33, всего 118, и кандидатовъ для поступленія въ интендантство—86. Бывшіе сослуживцы мои по интендантству почтили меня поднесеніемъ своихъ портретовъ, въ общемъ альбомѣ. Альбомъ полученъ мною уже по совершенномъ оставленіи интендантства, въ Гроднѣ, въ сентябрѣ 1866 года. Это второй альбомъ, полученный мною на службѣ; первый альбомъ я получилъ въ С.-Петербургѣ, въ 1864 году, отъ дорогой мнѣ саперной бригады, также по оставленіи мною саперной службы. Альбомы эти считаю лучшею наградою для себя; они вторятъ мнѣ, они доказываютъ, что и сослуживцы мои были привязаны ко мнѣ также, какъ я былъ привязанъ къ нимъ, что между нами существовала нравственная связь. Альбомы эти подтверждаютъ мнѣніе мое, вынесенное изъ опыта, что не тѣ сослуживцы впослѣдствіи могутъ быть полезны и отрадны, которые слишкомъ быстро опередили товарищей, но тѣ, которые, трудясь и много трудясь, остаются все-таки позади.

III. Въ Гроднѣ, въ концѣ 1866 или въ началѣ 1867 г., случайно встрѣтился я съ княземъ Анат. Ив. Барятинскимъ, роднымъ братомъ фельдмаршала. Съ этимъ княземъ Барятинскимъ мы одновременно командовали баталіонами, онъ—гвардейскимъ стрѣлковымъ, а я—учебнымъ сапернымъ, потомъ онъ командовалъ преображенскимъ полкомъ, а я—саперною бригадою, и мы встрѣчались какъ сослуживцы; впослѣдствіи, 30-го августа 1867 года, оба, однимъ приказомъ, произведены въ генералъ-лейтенанты. Князь Барятинскій говорилъ мнѣ, что братъ его фельдмаршалъ въ бытность его въ Петербургѣ, весною 1866 года, возмущался дошедшими до него слухами объ интригахъ противъ меня; фельдмаршалъ говорилъ, что г. Милютинъ съумѣлъ пригласить въ интендантство честнаго человѣка, но не умѣетъ, или не хочетъ поддерживать его, и что если бы онъ, фельдмаршалъ, зналъ подробности, то раскрылъ бы все Государю, и что я очень угодилъ бы фельдмаршалу, если бы доставилъ свѣдѣнія по этому предмету. На замѣчаніе мое, что фельдмаршалъ меня вовсе не знаетъ, князь Барятинскій отвѣчалъ: „да, лично не знаетъ, но слышалъ

про васъ"; я же, зная, что въ то время между г. Милютинымъ и фельдмаршаломъ была распря, отвѣчалъ Барятинскому, что въ короткой запискѣ не возможно объяснить дѣло, а длинную записку мнѣ некогда составлять, да она и утомитъ фельдмаршала.

IV. Въ 1867 или 1868 году фельдмаршалъ Бергъ, проѣздомъ изъ Варшавы, ночевалъ въ Гроднѣ и долго бесѣдовалъ со мной; онъ всегда скоро говорилъ и въ разговорѣ любилъ перебрасываться съ одного предмета на другой. Рѣчь зашла о томъ, что самое счастливое время въ его жизни была война 1828—1829 годовъ и производство его въ генералы; его особенно восхищало то, что онъ обогналъ К. А. Шильдера, и вдругъ говоритъ:

— „Вы знали Шильдера, не правда ли, что Шилвдеръ былъ умный человѣкъ, а вѣдь сколько надѣлалъ онъ глупостей! не даромъ же говорятъ, что глупость создана для умныхъ людей; вотъ и г. Милютинъ, кто же отниметъ умъ отъ Милютина, а Милютинъ не умѣлъ же оцѣнить васъ! Устрялова предпочелъ; вѣдь мнѣ же нѣтъ надобности льстить вамъ, я говорю это, какъ правду". Во время разговора мы прохаживались въ губернаторскомъ саду; Бергъ останавливался въ губернаторскомъ домѣ.

V. Участіе стороннихъ людей всегда утѣшительно, а тѣмъ болѣе участіе людей бывалыхъ, видавшихъ виды. Я все-таки былъ удаленъ отъ той должности, на которую предназначался, былъ забракованъ и это должно было оскорблять меня; но участіе со всѣхъ сторонъ далеко превышало чувствуемое мною оскорбленіе. По оставленіи интендантства или вѣрнѣе по назначеніи командующимъ дивизіей, я представлялся государю 8-го августа, въ Красномъ Селѣ, въ день большаго красносельскаго парада; купе вагона, въ которомъ я сидѣлъ, было занято исключительно одними генералами, ѣхавшими на парадъ, и надобно было слышать, какъ они возмущались продѣлками со мной, а тутъ было два такихъ, съ которыми лично я познакомился только въ вагонѣ.

VI. Когда Скворцовъ въ первый разъ представлялся военному министру, какъ окружной интендантъ, Д. А. Милютинъ сказалъ ему въ назиданіе: „отношенія Кренке къ генералъ-интенданту Устрялову сдѣлались до того натянутыми, что они вмѣстѣ не могли оставаться на своихъ мѣстахъ, безъ явнаго вреда для службы, и какъ нѣтъ причины смѣнить Устрялова, то я долженъ былъ по-

жертвовать интендантомъ, поэтому Кренке и назначенъ начальникомъ дивизіи". Слова эти совершенно справедливы, какъ слова начальника, радѣющаго о пользѣ службы; но желалъ бы знать, сказалъ ли Д. А. Милютину, въ ту минуту, его собственный внутренній голосъ, что Кренке, вызванный изъ Кіева въ 1864 году, честно заявилъ, что не можетъ сойтиться съ Устряловымъ, да и Устряловъ заявлялъ, что не можетъ сойтись съ Кренке.

VII. Мнѣ могутъ замѣтить, что не рано ли издается эта статья, если она не запоздала быть составленною, то никогда бы не запоздала быть изданною. На это отвѣчу: если бы статья эта была посмертнымъ изданіемъ, то критика и возраженія на нее встрѣтились бы съ молчаніемъ мертвеца, а не съ возможнымъ отвѣтомъ старца.

В. Д. Кренке.

РОССІЯ И ПОЛЬША ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I

ГЕНЕРАЛЪ КОСТЮШКО КНЯЗЮ АДАМУ ЧАРТОРИЖСКОМУ [1]).

Вѣна. 1815 г.

(Переводъ съ польскаго). Мой любезный князь. Я очень цѣню твою дружбу, потому что твой образъ мыслей во многомъ сходенъ съ моимъ. Ты, безъ сомнѣнія, убѣжденъ, что моя первая забота состоитъ въ дѣльномъ служеніи отечеству. Неполученіе отвѣта императора, на мое послѣднее письмо изъ Вѣны, препятствуетъ мнѣ быть полезнымъ отечеству. Я не намѣренъ дѣйствовать, оставаясь въ неизвѣстности относительно страны и руководствуясь только надеждами. Интересъ отечества я соединялъ съ царскимъ; отдѣлять его въ моей душѣ я признаю невозможнымъ. Я посвятилъ жизнь большей части отечества, если невозможно служить всей странѣ, но не самой малой части, которую высокопарно назвали Царствомъ Польскимъ.

Воздадимъ благодарность и сохранимъ вѣчную признательность императору за воскресеніе уже потеряннаго польскаго имени; однако не одно имя составляетъ народъ, но территорія съ народонаселеніемъ. Обѣщаніе, данное императоромъ мнѣ и многимъ другимъ относительно возвращенія нашего отечества по Двину и Днѣпръ, — давнихъ границъ Польскаго королевства, не представляетъ другой гарантіи кромѣ нашихъ желаній. Дѣйствительное исполненіе этого обѣщанія доставило бы намъ большее уваженіе, равно какъ и значеніе и постоянную дружбу съ русскими, а пользуясь либеральной и совершенно отдѣльной конституціею, какъ мы о томъ часто бесѣдовали между собою, поляки были бы счастливы находиться съ русскими подъ скипетромъ такого великаго монарха.

---

[1]) Печатаемое здѣсь письмо польскаго генерала Костюшко служитъ заключительнымъ словомъ къ изданной уже нами его перепискѣ съ императоромъ Александромъ I. См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXIV, апрѣль, стр. 242—250. Ред.

Судя по ходу дѣлъ, съ самаго начала, русскіе занимаютъ совмѣстно съ нами первыя государственныя должности; не подлежитъ сомнѣнію, что это не можетъ возбудить среди поляковъ большаго довѣрія; напротивъ того каждый со страхомъ придетъ къ тому заключенію, что со временемъ польское имя подвергнется презрѣнію и что русскіе будутъ обращаться съ нами какъ съ покореннымъ народомъ, потому что такая незначительная горсть народонаселенія никогда не въ состояніи защитить себя отъ перевѣса и насилія русскихъ интригъ.

Слѣдуетъ ли намъ молчать объ остальныхъ нашихъ братьяхъ, находящихся подъ русскою властію. Сердце наше трепещетъ и печалится, что они не соединены съ прочими. Гдѣ же находятся тѣ 11 или 10 милліоновъ людей, которые, согласно священнымъ словамъ самаго императора, должны составлять Царство Польское, и которое, подобно Венгерскому королевству, при отдѣльной конституціи и съ собственными законами, должны были соединиться съ имперіею подъ однимъ скипетромъ.

Я отдѣляю чувствительное сердце, полное человѣколюбія, и душу, преисполненную великодушія, готовую на добро,—ни съ кѣмъ не сравнимаго великаго Александра, отъ исполнительнаго кабинета. Я лично буду ему по гробъ благодаренъ за воскресеніе польскаго имени. Полякамъ будетъ оказано добро, хотя и въ стѣсненныхъ границахъ. Пусть провидѣніе направляетъ васъ, я же ѣду въ Швейцарію, не имѣя возможности съ успѣхомъ служить моему отечеству. Ты знаешь, что душею и сердцемъ я желалъ содѣйствовать общему благу.

Обнимаю тебя, дорогой князь, съ искреннею дружбою и неизмѣнною привязанностью. Костюшко.

Всеподданнѣйшая записка Н. Н. Новосильцева Александру I.

Варшава, 20-го декабря 1819 г. (1-го января 1820 г.).

Во время Высочайшаго В. И. В. пребыванія въ Варшавѣ, я имѣлъ счастіе представлять переводъ съ латинскаго языка двумъ государственнымъ актамъ 1413 и 1501 годовъ о присоединеніи Великаго Княжества Литовскаго къ королевству Польскому. Переводъ сей, удостоившись обратить на себя вниманіе Ваше, я долгомъ поставилъ, приказавъ его переписать чистою рукою, повергнуть при семъ сей списокъ къ стопамъ В. И. В. Новосильцовъ.

Обозрѣніе содержанія. Король Польскій Владиславъ, уступивъ брату своему Александру великое княжество Литовское, съ

предоставленіемъ однако же себѣ верховной надъ онымъ власти, издалъ въ 1413 году грамоту, силою которой присоединяетъ Литву навсегда къ королевству Польскому. Въ сей грамотѣ постановляетъ король по согласіи съ братомъ своимъ Витольдомъ или Александромъ, по совѣту съ духовенствомъ и чинами государствъ Польскаго и Литовскаго:

1) Литва соединяется навсегда и неразрывно съ королевствомъ Польскимъ.

2) Исповѣданіе Римско-Католической церкви объявляется главнымъ. Не католики и иновѣрцы не могутъ участвовать въ правахъ дворянства и избираться на должности.

3) Дворянамъ подтверждаются ихъ права и привилегіи, право собственности и права родительскія, наравнѣ съ Польскими.

4) Дворяне обязаны служить въ походахъ и отправлять земскія повинности наравнѣ съ дворянами Польскими.

5) Дворянамъ Литовскимъ запрещается выбирать, по смерти великаго князя, другаго, безъ согласія и вѣдома королевскаго.

6) Установляются должности и чины воеводскіе, кастелянскіе и проч., на томъ же основаніи какъ въ Польшѣ.

7) Некатолики, раскольники и иновѣрцы исключаются отъ должностей, ибо разность вѣры производитъ различіе въ мнѣніяхъ и что должно хранить въ тайнѣ, то разглашается.

8) Дворянскими правами пользоваться только тѣмъ, кои получили дворянскіе гербы и ихъ потомкамъ; всѣ сіи дворянскіе роды въ концѣ грамоты исчисляются.

9) Назначается гдѣ и когда быть дворянскимъ сеймамъ или съѣздамъ.

Въ окончаніи слѣдуютъ подписи духовныхъ особъ и свѣтскихъ чиновъ, бывшихъ свидѣтелями заключенія сего трактата между двумя царствующими братьями.

Сіе присоединеніе Литвы къ Польскому королевству подтверждено было вторичнымъ актомъ въ царствованіе короля Александра 1501 года. Онымъ установляется:

1) Соединеніе Литвы съ Польшею подтверждается на вѣчныя времена.

2) Король Польскій, будучи вмѣстѣ великимъ княземъ Литовскимъ, избирается чинами обоихъ государствъ на основаніи одинаковыхъ правъ.

3) Въ обоихъ государствахъ имѣетъ быть одна и та же монета.

4) Всѣ чины и сословія великаго княжества Литовскаго, присягая великому князю, присягають въ то же время и королю Польскому.

5) Король Польскій, утверждая при вѣнчаніи своемъ на престолѣ права Польскихъ государственныхъ чиновъ, долженъ утверждать тою же присягою и права государственныхъ чиновъ великаго княжества Литовскаго.

Прочія статьи содержать повтореніе предъидущихъ въ вящшее оныхъ утвержденіе.

Любопытны первыя слова акта 1413 г.:

«Въ вѣчную память дѣла, мы находимъ долгомъ нашимъ дать испить душеспасительную чашу подданнымъ нашимъ, о мірскихъ пользахъ которыхъ мы пещись имѣемъ и удѣляя имъ то, въ чемъ плоть ихъ нуждается, доставить и душѣ ихъ спасеніе»...... «Подлежитъ изслѣдовать и уважить съ должнымъ вниманіемъ, на какомъ основаніи доставивъ людямъ благодѣянія плоти, надлежитъ снискать имъ и небесную пищу, и надѣливъ ихъ тлѣннымъ богатствомъ, наставить и на путь вѣчнаго блаженства, дабы они познали не токмо опыты щедротъ нашихъ, но и шествовали по направленію нашему стезею къ вѣчной славѣ во имя Спасителево. Въ семъ разсужденіи мы, Владиславъ...... и Александръ... объявляемъ.... что мы желаемъ устроить счастіе и благоденствіе земель Литовскихъ...» и пр.

Письмо вел. кн. Николая Павловича.—Александру I.

(Безъ означенія числа).

[Переводъ съ французскаго]. Не имѣвъ возможности поговорить съ вами, любезный братъ, передъ вашимъ отъѣздомъ съ глазу на глазъ, я осмѣливаюсь передать вамъ письменно нижеслѣдующее:

Прошлою весною я имѣлъ честь говорить съ вами о томъ крайне стѣсненномъ положеніи, въ какомъ находится генералъ Головинъ; положеніе это таково, что когда онъ не имѣлъ еще чести быть назначеннымъ на постъ, занимаемый имъ нынѣ, то онъ выжидалъ лишь удобнаго случая, чтобы просить отставки и намѣревался поселиться въ своемъ имѣньи, чтобы поправить свои дѣла. Избранный противъ всякаго ожиданія съ его стороны на лестную должность, занимаемую имъ нынѣ, онъ, не колеблясь ни минуты, отправился туда, куда его призывалъ долгъ службы, и вынужденный покинуть жену и дѣтей, онъ тратилъ послѣднія свои средства на содержаніе семьи въ Тулѣ и на свою жизнь въ Вильнѣ; съ тѣхъ поръ ему пришлось не

разъ разъѣзжать по службѣ и по своимъ частнымъ дѣламъ и, наконецъ, бросивъ всю обстановку, ему пришлось перевезти семейство сюда. Въ настоящее время онъ терпитъ крайнюю нужду и полагаетъ свои надежды единственно на вашу неисчерпаемую доброту; я вполнѣ понимаю, что теперь нѣсколько преждевременно просить для него какихъ нибудь милостей, такъ какъ онъ слишкомъ мало служилъ при васъ; но съ другой стороны, онъ старый, тяжело раненый служака и я надѣюсь, что онъ вполнѣ окажетъ себя достойнымъ той милости, какой я испрашиваю для него. Соблаговолите разрѣшить ему выдачу ссуды въ размѣрѣ пятнадцати тысячъ рублей, съ выплатою безъ процентовъ въ пятилѣтній срокъ. Я забылъ сказать, что онъ былъ бригаднымъ генераломъ и лишился связаннаго съ этимъ званіемъ оклада, получивъ командованіе полкомъ.

Вторая просьба моя касается стараго служаки-усача, гренадера, на котораго вы сами обратили свое благосклонное вниманіе; его несчастная участь заслуживаетъ сожалѣнія и вы одни можете облегчить ее. Я осмѣливаюсь просить объ этомъ какъ объ особой милости для меня; я говорю о гренадерѣ, раненомъ въ лобъ. Послѣдняя моя просьба касается Лайтона; его усердіе и постоянное попеченіе его о моей женѣ побуждаютъ меня просить васъ исполнить его просьбу: замѣнить деньги, выдаваемыя ему на экипажъ, экипажемъ натурою, такъ какъ служба его требуетъ постоянныхъ разъѣздовъ; г. Ремонъ также пользуется этимъ преимуществомъ, хотя онъ и не служитъ при дворѣ.

N'ayant pas possibilité de avant votre départ vous parler en particulier, cher frère, je crois oser vous exposer par écrit ce qui suit:

J'eus l'honneur de vous parler le printemps passé de l'état de dénument presque complet dans lequel se trouve le général Golovin; il est tel qu'avant d'avoir eu le bonheur d'être choisi pour le poste où il est actuellement, il n'attendait que l'epoque légale pour demander sa démission et comptait se retirer dans ses terres pour y remettre ses affaires. Choisi contre toute attente de sa part pour le poste flatteur où il se trouve, il n'a pas balancé un seul moment à se rendre où son devoir l'appelait, et devant abandonner femme et enfants, il a joui de son reste pour s'entretenir lui à Wilna et sa famille à Toula; il a du faire plusieurs voyages depuis taut pour son service que pour lui même et enfin amener sa famille ici, en abondonnant son établissement. Il est actuellement dans un dénument complet; tout son espoir est dans votre inépuisable bonté; je conçois parfaitement qu'il est un peu tôt de demander quelques marques de bonté pour lui, ayant si peu servi sous vos yeux; mais d'un autre côté c'est un ancien officier, grièvement blessé et je crois pouvoir ajouter que tout fait espérer qu'il justifiera la bonté que j'implore pour lui. Daignez lui accorder un prêt de quinze mille roubles, payables dans cinq ans, sans intérêt. J'oubliai de dire qu'il avait éte Général de brigade, émoluments qu'il a perdu devenant commandeur de régiment.

Ma seconde supplique est en faveur d'un vieux serviteur à moustaches d'un grenadier, que vous daignez distinguer vous même; son malheureux sort mérite compassion et ce n'est que vous qui puissiez l'adoucir. J'ose la demander comme une grace particulière pour moi;—c'est le grenadier qui a eu une balle dans le front.

Ma dernière supplique concerne Lighton; son zèle et les soins assidus, qu'il donne à ma femme, me donne sa résolution de vous demander à acquiescer à la demande qu'il ose faire de lui changer l'argent d'équipage qu'il reçoit, en équipage en nature, son service exigeant des courses continuelles;—M-r Rèmon jouit de cet avantage, quoi qu'il ne serve pas la cour.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ ВЪ РОССІИ

СЪ 19-го НОЯБРЯ ПО 14-е ДЕКАБРЯ

1825 года.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Въ приложеніяхъ къ извѣстному труду барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа: „Восшествіе на престолъ императора Николая Павловича"— помѣщены матеріалы къ исторіи междуцарствія въ Россіи—съ 19 ноября по 14 декабря 1825 г.

Въ настоящемъ сборникѣ, составленномъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изъ сообщеній разныхъ лицъ, интересующихся Отечественной Исторіей,— читатель найдетъ рядъ документовъ, восполняющихъ трудъ графа М. А. Корфа и ярко освѣщающихъ событія и лица того времени.

При этомъ, по внутренней связи документовъ, мы помѣщаемъ не только тѣ, которые писаны въ дни съ 19 ноября по 14 декабря 1825 г., но и нѣсколько ранѣе, и нѣсколько позже. Такимъ образомъ нашъ сборникъ начинается съ весьма важнаго заявленія генерала Витта объ открытіи заговора въ августѣ 1825 г. и кончается іюлемъ 1826 г., когда виновные въ смутѣ понесли казнь.

Ред.

I.

Письмо графа Витта — Александру I.

От 13-го августа 1825 года.

По округу втораго Бугскаго полка.

[Переводъ съ франц.]. Государь! Такъ какъ въ Ришельевскій лицей, въ Одессу, были присланы изъ Петербурга два виленскіе профессора, замѣшанные въ дѣлѣ, случившемся на Литвѣ, то я счелъ долгомъ поручить строгій надзоръ за ними тайнымъ агентамъ. Нѣсколько времени спустя послѣ ихъ пріѣзда, министръ народнаго просвѣщенія предписалъ мнѣ объявить имъ, что они не могутъ оставаться въ Одессѣ, но что имъ разрѣшается взять мѣсто внутри Россіи; въ ожиданіи отвѣтовъ, которые должны были получиться, въ Одессѣ собралось множество жителей польскихъ губерній, что вынудило меня слѣдить за ними съ особенною строгостью, но здѣсь поведеніе ихъ оказалось вполнѣ безупречнымъ. Стараясь открыть причину недовольства тамъ, гдѣ оно могло скрываться, мои агенты, по счастливой случайности, напали на слѣдъ гораздо болѣе важнаго и серьезнаго дѣла, могущаго имѣть самыя печальныя послѣдствія, такъ какъ тутъ дѣло идетъ, государь, о спокойствіи в. и. в.

Въ письмѣ, написанномъ мною генералу Дибичу въ Варшаву, я коснулся слегка одного дѣла, по поводу котораго онъ желалъ имѣть отъ меня нѣкоторыя свѣдѣнія, но въ то время я самъ былъ еще на пути къ открытію истины, теперь же я имѣю всѣ свѣдѣнія, знаю также цѣль, какую желаютъ достигнуть и поэтому осмѣливаюсь просить у в. в. аудіенціи, такъ какъ дѣло касается вещей, которыя не могутъ быть переданы письменно и которыя возможно сообщить лишь в. и. в.—Вы будете, государь, на пути къ разъясненію многихъ событій.

Чтобы нельзя было заподозрить цѣль моей поѣздки въ Петербургъ

и чтобы она была извѣстна лишь в. в., я думалъ отпроситься въ отпускъ на 28 дней, но такъ какъ здѣсь говорятъ, что в. и. в. намѣреваетесь отправиться на нѣсколько дней въ Таганрогъ, то быть можетъ, государь, вы соблаговолите разрѣшить мнѣ представиться тамъ в. в., въ одной губерніи съ колоніями. Осмѣливаюсь увѣрить в. в., что я отнюдь не стараюсь воспользоваться этимъ случаемъ какъ средствомъ оправдаться отъ клеветъ и устранить зло, которое люди стараются причинить мнѣ; совѣсть моя слишкомъ чиста, а моя честь и усердіе къ службѣ в. в. стоятъ внѣ всякаго упрека. Впрочемъ, государь, я далекъ мысленно отъ всякихъ личныхъ заботъ и думаю лишь объ особѣ в. в. и о спокойствіи вашемъ; теперь болѣе, чѣмъ когда либо, вы увидите, государь, во мнѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ моихъ одно усердіе, преданность и благоговѣніе къ в. и. в. и проч. Виттъ.

II.

Ночлеги по маршруту, утвержденному императоромъ Александромъ I-мъ 8-го августа 1825 г., передъ путешествіемъ въ Таганрогъ.

1. Романшино
2. Боровичи
3. Прискуха
4. Велижъ
5. Дорогобужъ
6. Рославль
7. Стародубъ
8. Сѣвскъ
9. Богатой
10. Чугуевъ
11. Славянскъ
12. Ивановское
13. Таганрогъ.

III.

Князь П. М. Волконскій — императору Александру I.

Мелехово. 7-го сентября 1825 г.

[Переводъ съ франц.]. Государь, благодаря Бога, императрица отлично переноситъ путешествіе и здоровье ея отнюдь не пострадало. Ея величество теперь повидимому менѣе утомлена, нежели въ первый день. До сихъ поръ погода благопріятствовала намъ, но сегодня она измѣнилась и пошелъ сильный дождь.

Не смотря на всѣ принимаемыя мною предосторожности и на данное мною приказаніе не спѣшить, въ Лугѣ случилось однако несчастье съ однимъ почталіономъ, какъ в. в. усмотрите изъ прилагаемой при семъ записки. Хотя событіе это случилось во второмъ отрядѣ (section) за долго послѣ нашего отъѣзда, однако я чрезвычайно встревоженъ имъ, тѣмъ болѣе, что при такой тихой ѣздѣ не должно бы случиться подобнаго несчастія.

Докторъ Штофрегенъ умолялъ меня не говорить объ этомъ императрицѣ, чтобы не нарушать покой, коимъ е. в. пользуется во время поѣздки, что могло бы вредно отразиться на ея здоровьи. Я буду ожидать приказаній в. в. относительно предполагаемаго государыней посѣщенія княгини Барятинской. Такъ какъ дорога по ту и другую сторону Рыльска нѣсколько утомительна, то и не согласитесь ли вы, государь, на то, чтобы изъ Новгорода-Сѣверскаго мы отправились на ночлегъ въ Ивановское, а оттуда въ Суйду, отстоящую въ разстояніи 74 верстъ, затѣмъ изъ Суйды въ Богатенъ.... 63 версты; это затянуло бы наше путешествіе на день, но не утомило бы императрицу.

Имѣю честь быть, всемилостивѣйшій государь, в. и. в. всепокорнѣйшій и всенижайшій вѣрноподданный князь П. Волконскій.

IV.

Князь П. М. Волконскій—императору Александру I.

Бѣлгородъ. 18-го сентября 1825 г.

[Переводъ съ франц.]. Государь, соблаговолите принять мою нижайшую благодарность за письмо, которымъ в. и. в. угодно было удостоить меня и которое я получилъ вчера поутру черезъ поручика Петровскаго за минуту до нашего отъѣзда въ Ивановское.

Здоровье императрицы, благодаря Бога, хорошо. Отдыхъ, доставляемый е. в. каждый вечеръ и спокойствіе, окружающее ее, возстановляютъ ея силы, изнуренныя путешествіемъ. Мы останавливались въ Ивановскомъ на два часа и, позавтракавъ плотно, отправились на ночлегъ въ Суйду. Хотя сегодняшняя поѣздка была весьма утомительна, однако императрица вынесла ее прекрасно и, прибывъ въ Суйду, отправилась въ соборъ, гдѣ е. в. была принята архіереемъ и всѣмъ духовенствомъ; послѣ молебствія архіерей поднесъ ей, по обычаю, образъ. Въ соборѣ мы застали старушку графиню Анну Родіоновну Чернышеву, которая подошла къ государынѣ, поцѣловавъ у нея руку. Императрица приказала ей придти завтра утромъ

передъ ея отъѣздомъ. Завтра мы будемъ ночевать въ Чугуевѣ, а затѣмъ будемъ останавливаться на станціяхъ, указанныхъ въ послѣднемъ маршрутѣ, полученномъ мною отъ генерала Дибича, и съ Божьей помощью я надѣюсь имѣть счастье доставить е. в. въ Таганрогъ 23-го числа и повергнуться къ стопамъ в. и. в. въ благодарность за довѣріе, которое в. в. соблаговолили оказать мнѣ, назначивъ меня сопровождать императрицу. Имѣю честь быть, всемилостивѣйшій государь, и проч. князь Волконскій.

V.

Цесаревичъ Константинъ—ген.-адъют. барону Дибичу.

Дрезденъ. 20-го октября (1-го ноября [1]).

[Переводъ съ франц.). Любезный генералъ, вчерашній день я получилъ письмо, которое вы соблаговолили написать мнѣ изъ Таганрога отъ 16-го сентября по старому стилю. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я извѣстія, касающіяся ихъ и. и в. в.; также весьма интересны для меня извѣстія о таганрогскомъ гарнизонѣ и осмотрѣ 1-й бригады и 2-й кирассирской дивизіи, произведенномъ государемъ въ Бѣлгородѣ. Считаю долгомъ принести вамъ по этому поводу мою искреннюю признательность. Я былъ бы чрезвычайно обязанъ вамъ, любезный генералъ, если бы, при удобномъ случаѣ, повергли къ стопамъ е. в. августѣйшаго монарха нашего увѣренія въ совершенномъ моемъ почтеніи и въ безграничной моей преданности.

Не скрою отъ васъ, что меня весьма огорчило извѣстіе о томъ крайне неудовлетворительномъ состояніи, въ какомъ вышеупомянутая бригада представилась е. и. в., вызвавъ его неудовольствіе. Однако меня утѣшаетъ увѣренность, что она впредь будетъ стараться и не упуститъ ничего, что могло бы заслужить высочайшее одобреніе е. в.

Я приписываю подробности, сообщаемыя въ вашемъ письмѣ, особенному вниманію вашему ко мнѣ и прошу васъ быть увѣреннымъ, что я весьма тронутъ этимъ; боясь злоупотребить вашей любезностью, я рискую однако обратиться къ вамъ съ просьбою посвятить мнѣ, если позволятъ ваши занятія, нѣсколько свободныхъ минутъ, извѣщая меня обо всемъ касающемся пребыванія ихъ в. на югѣ Россіи и прошу васъ сообщать мнѣ всѣ извѣстія, которыя вамъ удастся собрать; онѣ будутъ для меня безъ сомнѣнія также интересны какъ и все сообщаемое вами.

Примите, любезный генералъ, еще разъ увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и искренней дружбѣ моей къ вамъ. Константинъ.

---

[1]) Рукою Дибича написано: „пол. 19-го ноября“.

VI.

Генер.-адъют. баронъ Дибичъ—генералу Курутѣ.

Таганрогъ. 12-го ноября 1825 г.

[Переводъ съ франц.]. Получивъ съ эстафетой, прибывшей сегодня утромъ, извѣстіе о благополучномъ прибытіи е. и. в. въ Варшаву, я считаю долгомъ, любезный генералъ, написать вамъ. чтобы слухи, дошедшіе стороною, не возбудили со стороны е. и. в. великаго князя Константина болѣе серьезнаго безпокойства относительно здоровья августѣйшаго монарха нашего. Е. в. чувствовалъ себя отлично во все время поѣздки его по Крыму, но послѣдніе дни проявилась легкая лихорадка, составляющая къ сожалѣнію неизбѣжное послѣдствіе климата здѣшнихъ мѣстъ.

По прибытіи въ Таганрогъ приступы лихорадки повидимому ослабли, но послѣдніе два дня они вновь усилились, вслѣдствіи чего е. в. вынужденъ не выходить изъ своей комнаты.

По мнѣнію врачей это лихорадочное состояніе перешло повидимому въ перемежающуюся лихорадку, но они надѣятся, что съ помощью Всевышняго здоровый климатъ Таганрога и надлежащія лекарства предупредятъ послѣдствія этого недуга и подѣйствуютъ благотворно на теченіе болѣзни е. в., которая приняла сегодня, по моему мнѣнію, менѣе острый характеръ. Лишь только болѣзнь е. в. окончательно приметъ благопріятный оборотъ, на что мы всѣ расчитываемъ, зная крѣпкую натуру нашего августѣйшаго монарха и надѣясь на милосердіе Божіе, я немедленно сообщу вамъ о томъ, любезный генералъ, съ особенной эстафетой, равно какъ и въ томъ случаѣ, если бы въ болѣзни обнаружились болѣе опасные симптомы, чего до сихъ поръ нѣтъ никакого основанія предполагать. Если же, напротивъ того, характеръ болѣзни будетъ все также неопредѣленъ, то я все таки буду имѣть честь извѣстить васъ объ этомъ по прошествіи недѣли.

Прошу васъ, любезный генералъ, высказать е. и. в. великому князю Константину увѣреніе въ совершеннѣйшей моей преданности и принять также увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и дружбѣ, съ какою честь имѣю быть вашъ всепокорнѣйшій и всенижайшій слуга И. Дибичъ.

Taganrog. Ce 12 Novembre 1825.

Mon général. Ayant reçu par l'estafette arrivée ce matin la nouvelle de l'heureuse arrivée de S. A. I. à Varsovie, je compte de mon devoir, cher général, de vous écrire pour que des bruits qui peuvent vous arriver par d'autres voies ne puissent pas inquieter plus gravement S. A. I. Mgr le grand duc sur l'état de santé de l'Empereur notre auguste maître. S. M. s'étant porté parfaitement bien pendant tout son voyage en Crimeé, a senti les derniers jours quelques petits accès fiévreux, suites malheureusement trop communes du climat de ces contrées.

Etant arrivé à Taganrog ces accès paraissaient diminuer, mais ils sont revenus les deux derniers jours et forcent S. M. de garder sa chambre.

D'après les avis des médecins ces accès fievreux paraisesnt s'être formés en fièvre remittente, mais ils espérent qu'avec l'aide du Tout Puissant le climat sanitaire de Taganrog et les remédes convenables préviendront les suites et agiront avantageusement sur la durée de la maladie de S. M. qui me parait avoir pris aujourd'hui un caractère d'amélioration. Dès que la santé de S. M. aura pris une amélioration décisive, ce que nous espérons tous de la bonne constitution de notre auguste Maître et de la grâce du Ciel, je ne manquerai pas de vous en donner des nouvelles, général, par une estafette extraordinaire, ainsi que dans le cas que jusqu'à présent on n'a encore aucune raison à craindre, si la maladie prendrait des symptômes plus inquiétants. Si au contraire la maladie garde encore ce caractére indécisif j'aurai l'honneur néanmoins de vous en avertir à la fin d'une semaine.

Je vous prie, cher général, de bien vouloir présenter à S. A. Mgr le grand duc les respectueux hommages de mon entier dévouement et je vous prie d'agréer l'assurance des sentiments sincères d'estime et d'amitié avec lesquels j'ai l'honneur d'être votre très humble et très devoué serviteur J. Diebitsch.

Таганрогъ. 14-го ноября 1825 г.

[Переводъ съ франц.] Вслѣдъ за письмомъ, написанномъ мною вамъ 11 числа [1]) сего мѣсяца, я считаю долгомъ сообщить вамъ, любезный генералъ, что надежды наши на скорое выздоровленіе е. и. в., къ сожалѣнію, не оправдались и что желчная

[1]) Ошибка, должно быть 12-го ноября. На черновомъ спискѣ дѣйствительно помѣтка 11 ноября.

лихорадка, которой онъ страдаетъ, еще болѣе усилилась послѣ отсылки моего письма. Врачи не убѣждены еще въ неминуемой опасности, но не ручаются болѣе за дѣйствительность ихъ леченія, а е. в. чрезвычайно ослабъ вслѣдствіе сильныхъ пароксизмовъ [1]) лихорадки. Мы всѣ надѣемся, что Всевышній услышитъ наши мольбы о выздоровленіи августѣйшаго монарха нашего, но въ то же время мы чрезвычайно встревожены столь упорной болѣзнію, которая до сихъ поръ не подаетъ ни малѣйшей надежды на улучшеніе, а постоянно усиливается.

Если Господь услышитъ наши молитвы, я не премину немедленно извѣстить васъ объ этомъ. Преданный вамъ И. Дибичъ.

Taganrog, ce 14 novembre 1825.

Mon général. En suite de la lettre que je vous ai écrite le 11 de ce mois [2]), je crois de mon devoir de vous dire, cher général, que malheureusement nos espérances d'une prompte guérison de S. M. l'Empereur ne se sont pas remplies et que la fiévre bileuse dont il souffre a gagné de force depuis l'envoi de ma lettre. Les médecins ne sont pas encore persuadés d'un danger éminent, mais ne savent pas non plus répondre de l'effet de leurs efforts et S. M. se trouve sensiblement affaiblie par des exacerbations [3]), violents de sa maladie. Nous espérons tous que le Tout-Puissant exaucera nos prières pour le rétablissement de notre auguste maître, mais il nous est impossible en même temps de ne pas éprouver les plus vives inquiétudes sur un mal aussi opiniâtre et qui jusqu'à présent ne donne pas d'espoir pour le mieux et ne fait qu'augmenter.

Si Dieu exauce nos prières, je ne manquerai pas de vous en avertir de suite. Votre tout dévoué J. Diebitsch.

Таганрогъ. 15-го ноября 1825 г. 6 часовъ вечера.

[Переводъ съ франц.] Любезный генералъ, мы провели ужасныя минуты послѣ отправленія моего вчерашняго письма. Еще съ вечера лихорадка съ каждою минутою стала усиливаться и состояніе е. в все болѣе и болѣе внушало опасеніе. Мы сочли долгомъ посовѣты-

---

[1]) Въ черновомъ написано: „par des paroxismes violents" и съ боку: „exacerbations".

[2]) Ошибка, должно быть 12-го ноября На черновомъ спискѣ дѣйствительно помѣтка 11 ноября (№ 976).

[3]) Въ черновомъ написано: „par des paroxismes violents" и съ боку: „exacerbations".

вать е. в. пріобщиться сегодня въ шестомъ часу утра и это таинство было совершено е. в. со свойственнымъ ему спокойствіемъ и покорностью волѣ Божьей. Вскорѣ послѣ причастія наступилъ сильный кризисъ, повергшій насъ въ величайшее отчаяніе. Піявки, приставленныя съ цѣлью оттянуть отъ головы жаръ и другія успокоивающія средства до сихъ поръ нѣсколько облегчили состояніе е. в. и доктора не теряютъ надежды, не скрывая однако другъ отъ друга существующей до сихъ поръ несомнѣнной опасности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, генералъ, вашъ всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга. И. Дибичъ.

Taganrog. Ce 15 novembre 1825 à 6 heures du soir.

Mon cher général. Nous avons passé d'horribles moments après le départ de ma lettre d'hier. Déjà le soir la fièvre augmentant du moment à moment l'état de S. M. l'empereur est devenue de plus en plus inquiétant. On a cru devoir conseiller à S. M. de faire sa confession ce matin entre 5 et 6 heures et cet acte auguste a été rempli par S. M. avec ce calme et cette résignation qui lui appartiennent. Il a été bientôt suivi d'une crise extrêmement forte qui nous a mis tous dans le plus grand désespoir. L'emploi de sangsues pour ôter la chaleur de la tête et d'autres moyens calments ont rendu l'état de S. M. jusqu'à présent un peu plus tranquille et les médecins ne perdent pas l'éspérance, ne se cachant pourtant nullement le danger éminent qui existe encore. C'est avec la plus profonde estime que j'ai l'honneur d'être, mon général, votre très humble et très obéissant serviteur. J. Diebitsch.

Таганрогъ. 17-го ноября 1825 г. 7 часовъ вечера.

[Перев. съ франц.] Считаю долгомъ извѣстить васъ съ этимъ нарочнымъ, что послѣ вчерашняго дня, проведеннаго въ самомъ ужасномъ ожиданіи, такъ какъ мы неоднократно боялись лишиться нашего августѣйшаго и обожаемаго монарха, сегодня передъ нами блеснулъ вновь лучъ надежды. Вчера по утру лихорадка перешла въ самый злокачественный тифъ и е. в. впалъ въ то же время въ какое то совершенно безчувственное состояніе, продолжавшееся весь день и всю ночь, вслѣдствіе чего жизнь его неоднократно была въ опасности. Съ Божьей помощью сегодня утромъ, благодаря горчичникамъ и нарывнымъ пластырямъ, здоровье государя подаетъ вновь нѣкоторую надежду и хотя состояніе его все еще возбуждаетъ опа-

сенія, но болѣзнь не только не усилилась, но до настоящей минуты даже нѣсколько ослабла. Примите увѣреніе съ совершеннымъ почтеніи и преданности, съ какими имѣю честь быть, генералъ, вашъ всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга И. Дибичъ.

P. S. считаю долгомъ сообщить вамъ, что я видѣлъ на столѣ въ кабинетѣ е. в. послѣднее письмо его императорскаго высочества и что оно показалось мнѣ нераспечатаннымъ, вѣроятно вслѣдствіе болѣзни его величества.

Taganrog, ce 17 novembre 1825, le soir à 7 heures.

Mon général, j'ai le devoir de vous avertir par cet expres qu'après que toute la journée d'hier s'est passée dans la plus horrible attente qui nous a fait craindre à plusieurs reprises de perdre notre auguste et adoré souverain, la journée d'aujourd'hui a relevé une lueur d'espoir. Hier dès le matin la fièvre s'étant convertie en typhus des plus malignes, S. M. était tombé en même temps dans une espèce d'insensibilité parfaite qui a continué pendant toute la journée et la nuit et l'a mis plusieurs fois dans l'état le plus désespérant. Grâce à Dieu dès ce matin par l'emploi des synapismes et de vexicatoires un peu d'espoir nous est revenu et quoique S. M. reste toujours encore dans l'état le plus inquiétant, mais la force de la maladie n'a non seulement pas augmenté, mais même un peu diminuée jusqu'à cette heure.

Recevez l'assurance du profond respect et du parfait dévouement avec lesquels j'ai l'honneur d'être, mon général, votre très humble et très obéissant serviteur J. Diebitsch.

P. S. Je crois de mon devoir de vous dire que j'ai vu dans le cabinet de S. M. la dernière lettre de son Altesse Impériale sur la table et qu'elle m'a paru non décachetée, apparement déjà par la maladie de S. M. l'empereur.

Таганрогъ, 18-го ноября 1825 г., 6 часовъ вечера.

Состояніе здоровья императора не улучшилось со вчерашняго дня; изъ числа многихъ дурныхъ симптомовъ, происходящихъ отъ прилива крови къ мозгу, которымъ страдаетъ е. в., врачей наиболѣе затрудняетъ потеря способности глотать пищу; вслѣдствіе этого обстоятельства, они вынуждены теперь ограничиваться почти исключительно наружными средствами и промывательными съ цѣлью уничтожить причину болѣзни, ея послѣдствія и въ то же время чтобы поддержать силы его императорскаго величества.

Примите, генералъ, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности вашего всенижайшаго и всепокорнѣйшаго слуги Дибича.

Taganrog, ce 18 novembre à 6 heures du soir.

Mon général, l'état de la santé de S. M. l'empereur ne s'est pas amélioré depuis hier; du nombre de bien mauvaises symptomes qui proviennent de la congestion cérébrale dont S. M. souffre, l'abolition de la faculté d'avalir fatigue le plus les médecins; par cette circonstance ils sont reduits à cette heure presque uniquement à l'emploi des moyens externes et aux lavement à la fois pour calever (?) la cause de la maladie, ses effets et en même temps pour soutenir les forces de S. M. Impériale. Recevez, général, les sentiments de haute estime et du sincère dévouement de votre très humble et très obéssant serviteur J. Diebitsch.

VII.

Всеподданнѣйшія письма ген.-ад. Дибича—императору Константину.

Его Императорскому Величеству.
Начальника Главнаго Штаба
Рапортъ.

Таганрогъ, ноября 19-го дня 1825 года. № 1 [1]).

Съ сердечнымъ прискорбіемъ имѣю долгъ донести В. И. В., что Всевышнему угодно было прекратить дни всеавгустѣйшаго нашего Государя Императора Александра Павловича, сего ноября 19-го дня въ 10 часовъ и 50 минутъ по полуночи здѣсь въ г. Таганрогѣ.

Имѣю счастіе представить при семъ актъ за подписаніемъ находившихся при семъ бѣдственномъ случаѣ генералъ-адъютантовъ и лейбъ-медиковъ.

Генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ.

Дибичу цесаревичъ отвѣчалъ 27-го ноября.

Таганрогъ, 19-го ноября 1825 г. № 2 [2]).

[Перев. съ франц.]. Всемилостивѣйшій Государь, долгъ предписываетъ мнѣ довести до свѣдѣнія в. и. в. самое горестное извѣстіе.

Болѣзнь е. и. в. августѣйшаго монарха нашего, объ ужасномъ

---

[1]) Получено въ Варшавѣ: 25-го ноября 1825 г. въ 7 часовъ вечера.

[2]) Получено въ Варшавѣ 26-го ноября 1825 г отвѣтствовано 27-го ноября 1825 года.

ходѣ которой в. в. могли убѣдиться изъ моихъ писемъ къ генералу Курутѣ, похитила у в. и. в. нѣжнаго и горячо любимаго брата, а у всѣхъ насъ обожаемаго монарха, бывшаго нашей отрадой и нашей славой. Вслѣдъ за отправленіемъ послѣдняго письма, написаннаго мною вчера генералу Курутѣ, состояніе августѣйшаго больнаго, не подававшее уже надежды, ухудшилось еще болѣе, въ особенности послѣ полуночи, и въ 10 часовъ 50 минутъ утра Всевышній отозвалъ его къ лучшей жизни, въ которой онъ найдетъ достойную награду за благоденствіе стольких миллiоновъ подданныхъ.

Е. в. императрица Елизавета имѣла утѣшеніе самымъ трогательнымъ образомъ посвятить себя уходу за августѣйшимъ ея супругомъ и была вознаграждена за то глубочайшей признательностью со стороны е. в., который высказывалъ ей свою благодарность даже въ тѣ минуты, когда приближающаяся смерть лишила его языка и ему лишь изрѣдка удавалось открыть глаза.

Здоровье ея величества до сихъ поръ не было потрясено этимъ ужаснымъ испытаніемъ и она присутствовала уже на двухъ панихидахъ.

Памятью моего обожаемаго монарха, благодѣтеля всей моей жизни, которому я обязанъ всѣмъ моимъ настоящимъ, клянусь въ вѣрности в. и. в. Смѣю надѣяться, что мои личныя чувства извѣстны вамъ, государь; вы знаете мою преданность и мою признательность къ вамъ; дай Богъ, чтобы нынѣ при моихъ новыхъ обязанностяхъ я могъ доказать вамъ эти чувства, а равно и мою преданность и совершенную покорность, съ какими имѣю счастье быть, Всемилостивѣйшій государь, в. и. в. всенижайшимъ и всепреданнѣйшимъ подданнымъ, баронъ ф. Дибичъ.

Taganrog. Ce 19 novembre 1825. № 2.

Sire. Mon devoir m'ordonne d'annoncer à V. M. I. la plus déchirante nouvelle.

La maladie de S. M. l'Empereur notre auguste maître, dont V. M. aura vu les horribles progrés dans mes lettres au Général Kourouta vient de ravir a V. M. I. un frère aussi tendre que chéri, et à nous tous ce souverain adoré qui faisait notre bonheur et notre gloire. Après la dernière lettre que j'ai envoyé hier au Général Kourouta, l'état de l'Auguste malade qui déja était désespérant s'est aggravé d'une manière horrible surtout depuis minuit et à 10 heures 50 minutes du matin le Tout-Puissant l'a appellé dans une meilleure vie où il trouvera la récompense du bonheur de tant de millions.

S. M. l'Impératrice Elisabeth a eu la consolation de se vouer de la manière la plus tonchante aux soins les plus assidus près de son

auguste époux et en était payée par la plus tendre reconnaissance de S. M. qui n'a cessé de la lui témoigner même dans les moments où déjà les approches de la mort lui avaient ôté l'usage de la parole et qu'il ne parvenait que par de longs intervalles à pouvoir ouvrir ses yeux.

La santé de S. M. l'Impératrice a résisté jusqu'à présent à ces horribles épreuves, et elle a assisté déjà à deux reprises au service funèbre.

C'est sur la memoire d'un maître adoré qui fut le bienfaiteur de toute mon existance et auquel je dois tout ce que je suis que je porte mon serment de fidélité à V. M. I. J'ose espérer que mes sentiments personels vous sont connus, Sire, Vous connaissez le dévouement et la reconnaissance que je vous porte, puissé-je à présent où de nouveaux devoirs m'obligent pouvoir vous en donner des preuves ainsi que de la fidélité et de l'entière soumission, avec lesquelles j'ai le bonheur d'être,

Sire, de V. M. I. le très humble et très fidèle sujet J. baron de Diebitsch.

Таганрогъ, 19-го ноября 1825 г. № 3 [1]).

Всемилостивѣйшій Государь, не имѣя никакой инструкціи на случай несчастія, подобнаго тому, о которомъ я сообщилъ уже в. и. в. и не имѣя въ прошедшемъ примѣра кончины государя внѣ столицы, но видя въ то же время необходимость принять какое нибудь рѣшеніе относительно оффиціальнаго донесенія, которое я обязанъ сдѣлать в. и. в., посовѣтывавшись съ княземъ Волконскимъ, мы сочли за лучшее въ виду столь важной обязанности, составить форменный актъ о кончинѣ государя на русскомъ и французскомъ языкѣ, сохранивъ во французскомъ текстѣ титулъ короля Польскаго, употребляемый во всѣхъ дипломатическихъ актахъ; къ моему донесенію я прилагаю по одному экземпляру на каждомъ языкѣ, сохраняя дубликаты здѣсь до полученія новаго приказанія отъ в. и. в.

Въ то же время я отправилъ письмо къ е. и. в. вдовствующей государынѣ, копію съ котораго имѣю честь при семъ представить; письмо это я поручилъ передать е. и. в. съ должной осторожностью дежурному генералу Потапову. Въ отсутствіе в в. изъ Петербурга я не осмѣлился сообщить кому бы то ни было это извѣстіе, но когда болѣзнь е. в. приняла дурной оборотъ, то я написалъ предсѣдателю государственнаго совѣта князю Лопухину, с.-петербургскому и московскому генералъ-губернаторамъ и генералу Воинову, чтобы извѣстіе объ этомъ событіи не было для нихъ неожиданностью: точно

[1]) Получено въ Варшавѣ 25-го ноября 1825 г. въ 7 часовъ вечера.

также я послалъ графамъ Витгенштейну и Сакену, первому черезъ генерала Киселева, частныя секретныя письма о болѣзни е. в. государя императора, въ то время какъ болѣзнь его была еще не столь серьезна.

Мы запечатали съ княземъ Волконскимъ бумаги, находившіяся въ кабинетѣ е. и. в. и онѣ будутъ храниться подъ печатью до полученія приказаній отъ в. и. в., безъ коихъ я не осмѣливаюсь также дѣлать распоряженія о движеніи войскъ и о назначеніи генераловъ и штабъ и оберъ-офицеровъ, которыхъ у насъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ для обычнаго церемоніала.

Наконецъ я счелъ долгомъ послать съ этой депешей поручика корпуса фельдъегерей Петровскаго, офицера испытанной преданности, въ надеждѣ, что она будетъ доставлена такимъ образомъ быстрѣе. Я пошлю вслѣдъ за нимъ другаго фельдъегеря, у котораго не будетъ иныхъ депешъ, но онъ будетъ на готовѣ принять депеши Петровскаго, если бы съ послѣднимъ случилось по пути какое нибудь несчастіе; ему будетъ данъ дубликатъ съ моего донесенія и копія съ русскаго и французскаго акта, на тотъ, довольно невѣроятный случай, если бы в. и. в. находились въ путешествіи и поручикъ Петровскій разъѣхался бы съ вами.

Такимъ образомъ я буду ежедневно отправлять къ в. в. фельдъегерей одинъ за другимъ, но буду оставлять здѣсь бумаги, получаемыя изъ Петербурга, до полученія приказаній отъ в. в., не зная останетесь ли вы въ Варшавѣ.

Я осмѣливаюсь расчитывать на великодушное извиненіе со стороны в. и. в., если все изложенное здѣсь не вполнѣ согласуется. Всемилостивѣйшій государь, съ вашими намѣреніями, но въ настоящемъ прискорбномъ и небываломъ случаѣ мнѣ пришлось дѣйствовать по моему личному усмотрѣнію, придерживаясь существующаго закона, и я считалъ для себя за честь слѣдовать во всемъ совѣтамъ князя Волконскаго.

Соблаговолите, Всемилостивѣйшій государь, принять снисходительно это письмо, равно какъ и чувства совершенной покорности и преданности, съ коими имѣю счастье быть в. и. в. всенижайшимъ и всепокорнѣйшимъ вѣрноподданнымъ Дибичъ.

Taganrog, ce 19 Novembre 1825. № 3.

Sire. N'ayant eu aucune instruction par le cas d'un malheur pareil à celui que je viens d'annoncer à V. M. I. et aucuns antécédents d'un tel décès hors de la capitale, m'ayant pourtant trouvé forcé de prendre une résolution sur le formel rapport que j'ai le devoir de faire à V. M. I.

nous nous sommes consultés avec le Prince Wolkonsky et avons cru bien faire de dresser pour un office d'une telle importance, un acte formel de décès fait en double en russe et en français, ayant gardé dans le dernier le titre de Roi de Pologne employé dans les actes diplomatiques et je viens de joindre à mon rapport un exemplaire de chaque langue gardant les doubles ici jusqu'à nouvel ordre de V. M. I.

J'ai envoyé en même temps à S. M. l'Impératrice Mère une lettre que j'ai l'honneur de présenter ici en copie et j'ai chargé le Général de service Patapoff de la remettre avec les précautions nécessaires à S. M. I. Dans l'absence de V. M. de Petersbourg, je n'ai osé annoncer à personne d'autre une telle nouvelle, mais quand la maladie de S. M. commençait à devenir dangereuse, j'ai écrit au Prince Lopouchine président du conseil, aux gouverneurs Généraux de St. Petersbourg et de Moscou et au Général Woynoff pour qu'une pareille catastrophe ne leur soit pas annoncée d'une manière inattendue. J'ai écrit de même aux comtes Wittgenstein et Sacken, au premier par le Général Kisseleff, sur la maladie de S. M. L'Empereur quand elle n'était pas encore à un aussi haut degrès, par des lettres particulières secrètes.

Nous avons cacheté avec le Prince Wolkonsky les papiers qui se trouvaient dans le cabinet de S. M. l'Empereur; ils seront gardés tels jusqu'aux ordres de V. M. I., sans lesquels je n'ose pas non plus faire aucune disposition pour la marche des troupes et la destination des généraux et officiers supérieurs et subalternes dont nous manquons complétement ici pour faire le service selon le cérémonial usité.

J'ai cru enfin devoir envoyer avec cette dépèche le Lieutenant Petroffsky du corps des feldjägers, officier d'une fidélité éprouvée, espérant qu'elle arrivera de cette manière le plutôt possible. Je le ferais suivre d'un second feldjäger qui n'aura pas d'autres dépêches, mais sera prêt de prendre celles de Petroffsky s'il lui arrivait quelque accident en route et aura un double de mon rapport et une copie de l'acte russe et français pour le cas peu vraisemblable qu'en cas d'un voyage de V. M. I., le Lieutenant Petroffsky se soit croisé avec votre route.

Je continuerai de même d'envoyer un jour après l'autres des Feldjägers à V. M. mais je garderai ici les papiers qui arriveront ici de Petersbourg, ne sachant pas si V. M. ne quittera pas Varsovie, autant que je n'aurai pas reçu vos ordres.

J'ose compter sur un généreux pardon de V. M. I., si en tout ce que je viens de vous soumettre, sire, je n'ai pas peut-être répondu à vos intentions, mais dans un cas aussi douloureux que nouveau, j'ai du agir après mon meilleur entendement, me tenant à la loi existante

et m'ayant fait un honneur de prendre en tout les conseils du Prince Wolkonsky.

Daignez, sire, recevoir cette lettre avec indulgence ainsi que les sentiments d'une fidélité pure et d'un entier et soumis dévouement avec lequel j'ai le bonheur d'être de V. M. I. le très humble et très fidèle sujet J. Diebitsch.

Приложеніе къ всеподданнѣйшему письму ген.-ад. бар. Дивича (№ 3) императору Константину Павловичу.

От 19-го ноября, 1825 года.

Нижеподписавшіеся, находясь Екатеринославской губерніи въ г. Таганрогѣ при Высочайшей особѣ е. и. в., съ глубочайшею вѣрноподданническою скорбію свидѣтельствуемъ, что благочестивѣйшій государь императоръ Александръ Павловичъ, самодержецъ всероссійскій и пр. и пр. и пр., на возвратномъ пути изъ Крыма 3-го и въ особенности 4-го числа ноября почувствовалъ первоначальные лихорадочные припадки, кои скоро по прибытіи е. в. въ Таганрогъ 5-го числа оказались послабляющею желчною лихорадкою, изъ коей образовалась впослѣдствіи воспалительная жестокая горячка съ прилитіемъ крови въ голову. Сія болѣзнь увеличивалась съ быстротою и продолжалась съ такимъ упорствомъ, что всѣ непрестанно употребляемыя къ прекращенію ея врачебныя средства оставались тщетными. 15-го числа г. и. изволилъ пріобщиться святыхъ таинъ. 17-го по утру въ положеніи е. в. примѣчена была нѣкоторая перемѣна, возбудившая слабый лучъ надежды къ облегченію страждущаго вѣнценосца; но въ продолженіи того и послѣдующаго дней, при совершенномъ истощеніи послѣднихъ силъ е. в-ва, горячка усиливалась съ сугубою жестокостію, 19-го же числа по полуночи въ 10 часовъ и 50 минутъ г. и. отшелъ изъ сей жизни въ вѣчную. Все сіе, къ неописанной горести вѣрныхъ сыновъ Россіи, совершилось въ присутствіи е. и. в. г. и-цы Елизаветы Алексѣевны, которая во всю болѣзнь августѣйшаго ея супруга изволила быть при немъ неотлучно, причемъ и мы нижеподписавшіеся непрерывно находились. Настоящее свидѣтельство утверждаемъ подписаніемъ нашимъ въ двухъ экземплярахъ. Писано и подписано Екатеринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ. Ноября въ 19-й день 1825 года.

Членъ государственнаго совѣта генералъ отъ инфантеріи генералъ-адъютантъ князь Петръ Волконской.

Членъ государственнаго совѣта начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ.

Генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ Чернышевъ.

Le Baronet Wylie, conseiller privé et Médecin de corps.

VIII.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава, 19-го ноября (1 декабря) 1825 г.

[Перев. съ франц.]. Сегодня вечеромъ, любезный генералъ, я получилъ ваше письмо отъ 12-го числа сего мѣсяца, адресованное на имя моего стараго друга Куруты, въ которомъ вы съ особенной любезностью извѣщаете меня о болѣзни нашего дорогаго и почтеннаго императора. Не смотря на всѣ утѣшенія, высказанныя въ вашемъ письмѣ, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ. Говорю вамъ откровенно, что, повинуясь лишь внушенію моего сердца, я немедленно отправился бы къ вамъ. Но къ сожалѣнію мои обязанности и мое общественное положеніе заставляютъ подавить эти чувства. Да внемлетъ Господь моей мольбѣ и да сохранитъ Онъ жизнь нашего дорогаго и прекраснаго императора; я молю его объ этомъ изъ глубины моего удрученнаго сердца и успокоюсь, лишь узнавъ, что всякая опасность миновала и что императоръ совершенно здоровъ. Ваше обѣщаніе, любезный генералъ, сообщать мнѣ о ходѣ болѣзни служитъ мнѣ знакомъ вашего вниманія, которое я вполнѣ цѣню и за которое прошу васъ принять мою благодарность. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ расчитываю на эти извѣстія, любезный генералъ. Мой братъ Михаилъ, находящійся у меня, и жена моя не знаютъ о вашемъ письмѣ; я скрылъ отъ нихъ и содержаніе его, считая это за лучшее: Богъ дастъ они узнаютъ одновременно о болѣзни и о выздоровленіи. Прошу васъ, любезный генералъ, если найдете удобную минуту, повергнуть къ стопамъ любезнаго императора нашего мои искреннія чувства, а равно прошу васъ передать ему отъ меня, что я написалъ бы ему прямо, если бы не боялся обезпокоить его; да сохранитъ Господь императора! Признаюсь вамъ, любезный генералъ, что мнѣ стоитъ страшныхъ усилій скрывать мою тревогу. Я расчитываю на ваше обѣщаніе, любезный генералъ, и прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и дружбѣ, съ какою буду всегда преданный вамъ Константинъ.

Varsovie, le 19 Novembre (1 Decembre) 1825.

C'est dans la soirée d'aujourd'hui, mon cher Général, que j'ai reçu votre lettre à l'adresse de mon vieil ami Kourouta, en date du 12 de ce mois et par laquelle vous avez l'attention de me prévenir de l'indisposition de notre cher et respectable Empereur. Malgré tout ce que vous voulez bien me dire de consolant dans votre lettre, il m'a été impossible de m'empêcher du sentiment pénible qu'elle a fait naître en moi. Je vous l'avoue franchement que si je n'eu suivi que l'inspiration de mon coeur vous m'eussiez vu arriver auprès de vous. Mais malheureusement mes devoirs, la position publique dans laquelle je me trouve.... me faire aux sentiments de la nature. Que le bon Dieu qui m'entend daigne conserver les jours de notre cher et excellent Empereur, je Lui en fais la prière du fond de mon coeur qui est plein et qui ne pourra être tranquille que lorsqu'il saura tout danger parti et l'Empereur en parfaite santé. La promesse que vous me donnez, cher Général, de me tenir au courant de la maladie est une attention de votre part que je sais reconnaître et vous prie d'en agréer tous mes remerciments. J'y compte, cher Général, avec la plus vive impatience. Mon frère Michel qui est chez moi ainsi que ma femme ignorent votre lettre et son contenu, je leur ai caché et crois avoir bien fait et s'il plait à Dieu leur opprendre à la foi maladie et guérison. Si vous trouvez un moment opportun pour me mettre aux pieds de notre cher Empereur, faites le, cher Général, et dites lui de ma part que je lui aurai ecrit directement si je n'eussiez pas crains de l'importuner et incommoder, que le bon Dieu daigne nous conserver l'Empereur! Je vous avoue, cher Général, qu'il faut que je réunisse toutes mes forces pour cacher tant que je pourrai toutes mes inquiétudes. Je compte sur votre promesse, cher Général, je vous prie d'agréer les assurances des sentiments d'estime et d'amitié que je vous porte et avec lesquels je ne cesserai d'être votre très sincèrement dévoué. Constantin.

IX.

Ген.-ад. баронъ Дибичъ—императору Константину.

Таганрогъ, 20-го ноября 1825 г. № 4 [1]).

[Переводъ съ франц.]. Всемилостивѣйшій государь, согласно съ тѣмъ, что я имѣлъ честь изложить в. и. в., я отправляю сегодня фельдъегеря Петрова съ дубликатомъ моего вчерашняго донесенія № 2 къ в. и. в. и съ копіей актовъ, заключавшихся въ немъ, на случай, еслибы поручикъ Петровскій по какой нибудь непредвидѣнной случайности разъѣхался съ вами, государь.

Считаю долгомъ присовокупить, что курьеръ, пріѣхавшій вчера изъ Петербурга, не привезъ мнѣ никакихъ важныхъ извѣстій по воен-

[1]) Получено въ Варшавѣ 1-го декабря 1825 г. Отвѣтствовано письмомъ 1-го декабря 1825 г.

ной части. Я имѣлъ счастье получить письмо, которое в. и. в. соблаговолили написать мнѣ изъ Дрездена.

Соблаговолите, государь, принять мою живѣйшую благодарность за высказанныя мнѣ въ немъ милостивыя слова. Прошу Господа даровать мнѣ силы, чтобы выказать вамъ эту благодарность моимъ усердіемъ къ службѣ вашей и тѣмъ оправдать довѣріе и милости ко мнѣ усопшаго августѣйшаго благодѣтеля моего.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть в. и. в. всенижайшій и всеподданнѣйшій слуга ген.-ад. баронъ Дибичъ.

Taganrog Ce 20 Novembre 1825 № 4.

Sire. D'après ce que j'ai eu l'honneur de présenter à V. M. I. j'expédie aujourd'hui le Feldjäger Petroff avec le double de mon rapport d'hier № 2 à V. M. I., et la copie des actes qu'il contenait, pour le cas si par quelque hasard imprévu le Lieutenant Potroffsky vous aurait manqué en route, Sire.

Je compte de mon devoir d'y ajouter que le courrier arrivé hier de S.-Petersbourg ne m'a rien apporté d' important pour ce qui regarde la partie militaire. J'ai eu le bonheur de recevoir la lettre que V. M. I. a bien voulu m'adresser de Dresde.

Daignez, Sire, agréer les sentiments de la plus vive reconnaissance pour tout ce qu'elle contient de gracieux pour moi. Puisse le Ciel me donner des forces pour vous le prouver par mon zéle dans votre service et me rendre digne par cela de la confiance et des bontés de mon Auguste bienfaiteur défunt. J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect de V. M. I. le très fidèle et très soumis sujet J. B. Diebitsch.

X.

Ген.-ад. Чернышевъ—императору Константину.

Таганрогъ, 20-го ноября 1825 г. [1])

(Переводъ съ франц.). Всемилостивѣйшій Государь, повергаюсь къ стопамъ в. и. в. съ тѣмъ, чтобы высказать вамъ горе, превосходящее всякое воображеніе, горе, которое ваше собственное сердце, столь преданное августѣйшему брату вашему, испытываетъ сильнѣе всякаго другаго.

Осыпанный благодѣяніями и неоцѣнимыми знаками довѣрія покойнаго императора, во время тѣхъ 17 лѣтъ, какія я имѣлъ счастіе служить при его особѣ, я смѣю надѣяться, что безупречное и ревностное усердіе и постоянная вѣрность моя монарху докажутъ в. и. в., что я былъ достоинъ этихъ отличій.

---

[1]) Получено 27-го ноября 1825 г. въ Варшавѣ.

Глубоко проникнутый этими чувствами, которыя я вмѣню себѣ за честь питать, до послѣдняго издыханія, къ особѣ в. в. и къ службѣ вашей, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, всемилостивѣйшій государь, в. и. в. вѣрноподданный А. Чернышевъ.

Taganrog. Ce 20 Novembre 1825.

Sire. Je me jette aux pieds de V. M. I., pour y exprimer une douleur qui dépasse toute imagination et que son coeur, si tendrement dévoué à son Auguste Frère, éprouve plus profondément que tout autre.

Comblé de bienfaits et d'inappréciables preuves de confiance de feu l'Empereur, durant les 17 ans, que j'ai eu le bonheur d'être attaché à sa personne, j'ose espérer qu'un zèle pur et ardent et une fidélité religieuse pour mon Souverain, prouveront à V. M. I. que je n'en ai pas été indigne.

C'est profondément pénétré de ces sentiments que je me ferai gloire de professer pour le service et la personne de V. M., jusqu'à mon dernier soupir, que je suis avec le plus profond respect, sire, de V. M. I. se sujet le plus dévoué A. Czernicheff.

XI.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 21-го ноября (3-го декабря) 1825 г. 11 часовъ вечера.

(Переводъ съ франц.). Второе письмо ваше, отъ 14-го числа сего мѣсяца, получено мною, любезный генералъ, сегодня вечеромъ. Вы конечно не сомнѣваетесь въ томъ горестномъ чувствѣ, какое было вызвано имъ. Признаюсь, мысли съ трудомъ вяжутся въ моей головѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходится скрывать здѣсь отъ всѣхъ то, что я чувствую, чтобы не встревожить окружающихъ, начиная съ моего брата и жены. Всѣ мои мысли и всѣ мои молитвы обращены къ Богу съ просьбою сохранить нашего любимаго и обожаемаго монарха. Признаюсь откровенно, любезный генералъ, что я не могу освоиться съ мыслію о существованіи неминуемой опасности и постоянно льщу себя надеждою, что слѣдующее ваше письмо выведетъ меня изъ того тревожнаго состоянія, въ которое повергли меня предъидущія ваши два письма. Можете сами судить въ какомъ состояніи я нахожусь, будучи такъ далеко отъ васъ. Только вы, любезный генералъ, могли вспомнить обо

[1]) Собственноручное письмо цесаревича.

мнѣ при этомъ грустномъ и тягостномъ положеніи: будьте увѣрены, что я вѣчно буду благодаренъ вамъ за это. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ извѣстій и прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и дружбѣ, съ коими буду всегда неизмѣнный Константинъ.

P. S. Прошу васъ повергнуть мои искреннія чувства къ стопамъ нашего достойнаго и прекраснаго императора.

Varsovie. Ce 21 novembre (3 décembre) 1825 à 11 heures du soir.

Votre seconde lettre en date du 14 de ce mois vient d'arriver, cher général, dans la soirée. Vous ne devez pas douter j'espére du sentiment douloureux qu'elle m'a fait éprouver. Je vous avoue qu'il m'est difficile de réunir deux idées ensemble et de plus étant obligé de cacher au public entier d'ici ce qui se passe au fond de mon coeur pour ne pas l'allarmer et commence par en faire autant auprès de mon frére et de ma femme. Toutes mes pensées et toutes mes priéres sont tournées vers le bon Dieu afin qu'il daigne nous conserver un maître chéri et vénéré. Je vous avoue franchement, cher général, que je ne puis me faire à l'idée d'un danger iminent et je me flatte constament de l'espoir que votre première lettre me fera sortir de l'anxieté que les deux précédentes ont fait naître. Jugez par vous même l'état dans lequel je dois me trouver dans mon éloignement. Il faut être vous, cher général, d'avoir songé encore à moi dans cette triste et douloureuse situation et croyez que je vous en conserverai une obligation constante. J'attends avec la plus vive impatience de vos nouvelles et vous prie d'agréer les assurances de l'estime et de l'amitié sincère que je vous porte et porterai toujours. Constantin.

P. S. Veuillez me mettre aux pieds de notre respectable et excellent empereur.

XII.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 22-го ноября (4-го декабря) 1825 г. 6 часовъ утра [1].

Курьеръ прибылъ въ 11 часовъ вечера.

(Переводъ съ франц.). Въ ту минуту какъ я отправлялъ вамъ второе письмо, любезный генералъ, сюда прибылъ фельдъегерь Федоровъ, котораго я задержалъ лишь съ цѣлью дать ему отдыхъ; пріѣздъ фельдъегеря привелъ меня въ такое состояніе, которое невозможно выразить, но которое вы легко поймете. Я подумалъ, что онъ привезъ роковое извѣстіе, но, благодаря Бога, ошибся въ этомъ случаѣ. Съ величайшимъ прискорбіемъ прочелъ я всѣ сообщаемыя вами подробности о ходѣ болѣзни возлюбленнаго и прекраснаго императора и монарха нашего. Великое таинство произвело по-

---

[1]) Собственноручное письмо Цесаревича.

видимому такое впечатлѣніе, какого и слѣдовало ожидать, зная сердце нашего императора. Кризисъ, говорите вы, былъ сильный и послѣ него вашъ курьеръ уѣхалъ; это оставляетъ мнѣ нѣкоторую надежду, да услышитъ Господь мою мольбу и да возвратитъ онъ любящимъ и преданнымъ подданнымъ наиболѣе любимаго изо всѣхъ земныхъ монарховъ. Прошу васъ, любезный генералъ, повергнуть къ его стопамъ мои искреннія чувства и не оставлять меня извѣстіями. Примите мою благодарность за вашу любезность и будьте увѣрены во всегдашнемъ моемъ уваженіи и искренней дружбѣ. Константинъ.

Varsovie. le 22 novembre (4 decembre) 1825 à 6 heures du matin.

Le courrier est avrivé dans la nuit à 11 heures.

C'est dans le moment même que je vous expédiai ma seconde lettre, cher général, que le feldjäger Feodorow est arrivé; je ne l'ai retenu que pour le laisser un peu reposer; l'apparition du Feldjäger m'a mis dans un état qui ne peut s'expliquer et vous devez bien vous le représenter. J'ai cru qu'il apportait la nouvelle fatale, mais grâce à Dieu j'ai été trompé. J'ai lu avec la plus vive douleur tous les details que vous voulez bien me donner sur l'historique de la maladie de notre cher et excellent Empereur et Maître. Il semble que l'acte auguste a fait son effet comme il le fera toujours sur une âme comme celle de l'Empereur. La crise, dites vous, a été violente et votre courrier est parti.... une lueur d'espérance, que le bon Dieu exauce ma prière et nous rende à notre amour et affection le Maitre le plus chéri qu'il y ait sur la terre. Mettez moi à ses pieds, cher general, et ne me laissez pas manquer de ses nouvelles. Tous mes remerciments pour votre obligeance, ainsi que les assurances de l'estime et de l'amitié sincère que je vous porte à tout jamais Constantin.

XIII.

Ген.-ад. бар. Дибичъ—императору Константину.

Таганрогъ. 23-го ноября 1825 г. № 5 [1]).

(Переводъ съ франц.). Всемилостивѣйшій Государь, такъ какъ экстра-почта изъ Петербурга не прибыла вчера вечеромъ, то, въ ожиданіи ея, я задержалъ курьера на нѣсколько часовъ; она прибыла довольно поздно, но съ ней не было получено ничего особенно

[1]) Получено въ Варшавѣ 1-го декабря 1825 г. Отвѣтствовано 1-го декабря.

важнаго, тѣмъ не менѣе я отправляю фельдъегеря Кузьмина, такъ какъ о посылкѣ его я извѣстилъ в. и. в. въ предъидущихъ депешахъ, но если не будетъ получено важныхъ бумагъ и вообще не случится ничего особеннаго, то въ теченіи этой недѣли я не буду болѣе посылать фельдъегерей, не получивъ на то особеннаго приказанія отъ в. и. в.

Здоровье е. в. императрицы Елизаветы, не смотря на ея тяжкое горе, до сихъ поръ повидимому не особенно пострадало; въ ней замѣтна только большая слабость, весьма естественное послѣдствіе ея безсонныхъ ночей.

Считаю долгомъ извѣстить в. и. в., что е. в. покойный императоръ, получивъ извѣстіе о существованіи тайнаго общества, замышляющаго снова начать свои происки, приказалъ не задолго до своей кончины полковнику гвардейскаго казачьяго полка Николаеву, пользовавшемуся его особеннымъ довѣріемъ, отправиться въ Харьковъ съ цѣлью собрать свѣдѣнія и перехватить ихъ корреспонденцію. Судя по донесеніямъ, полученнымъ мною отъ него въ настоящее время, онъ не успѣлъ еще вполнѣ исполнить эти приказанія, но изъ писемъ прапорщика Нѣжинскаго полка Вадковскаго, того самаго, который былъ исключенъ изъ кавалергардскаго полка за преступныя рѣчи, оказывается, что онъ принадлежитъ къ этому обществу и старается распространить его и что общество это имѣетъ самые преступные виды даже противъ вашего, государь, августѣйшаго семейства.

Я вновь предписалъ полковнику Николаеву прослѣдить это дѣло и далъ ему полномочіе арестовать Вадковскаго и забрать его бумаги, если обстоятельства подаютъ надежду раскрыть нить заговора.

Въ числѣ членовъ, сильно подозрѣваемыхъ въ участіи въ этомъ преступномъ обществѣ, однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ называютъ полковника Пестеля, командира вятскаго полка, стоящаго въ Ленэи (Lenzy) близь Стесина, между Липовцомъ и Уманью. Если я узнаю что либо болѣе положительное, то я немедленно сообщу объ этомъ в. и. в. съ особеннымъ фельдъегеремъ.

Примите, и проч. баронъ И. Дибичъ.

Taganrog. Ce 23 Novembre 1825 № 5.

Sire. L'extraposte de St. Petersbourg n'étant pas arrivé hier soir, j'ai arrêté le courrier de quelques heures pour l'attendre; elle vient d'arriver assez tard et n'a rien apporté d'important; j'expédie cependant le Feldjegher Kousmin ayant annoncé cet envoi dans mes dépèches précédentes a V. M. I, mais s'il n'arrive point de papiers importants

ou aucun autre accident je n'enverrai plus de Feldjegher dans le cours de cette semaine à moins de ne pas recevoir des ordres de V. M. I.

La santé de S. M. l'Impératrice Elisabeth malgré sa profonde douleur parait ne jusqu'à présent en souffrir sensiblement, excepté une grande faiblesse, suite naturelle de ses veilles continuelles.

Je crois de mon devoir d'annoncer à V. M. I. que S. M. l'Empereur défunt ayant reçu quelques indices sur une association secrète qui doit recommencer ses menées sourdes, avait ordonné peu avant sa mort au colonel Nikolaeff des cosaques de la garde, honoré de sa confiance particulière, d'aller à Charkoff pour suivre ces données et entrecouper leur correspondance. D'après les rapports que j'ai reçu de lui actuellement, il n'a pas encore exécuté en entier ces ordres, mais il parait par les lettres ecrites par l'enseigne Wadkoffsky, du régiment de Neshin, le même qui a été renvoyé du régiment des chevaliers gardes pour avoir tenu des propos criminels, qu'il appartient à cette secte et cherche à la propager, et qu' elle doit avoir les vues les plus criminelles même contre Votre auguste famille, Sire.

J'ai donné au Colonel Nikolaeff des nouvelles ordres de suivre davantage cette découverte, et des pleins pouvoirs pour prendre Wadkoffsky et ses papiers si les circonstances promettent de se saisir du fil de la chose.

Entre les membres qu'on soupçonne fort d'être de cette societé criminelle on compte un des plus assidus le Colonel Pestel, chef du régiment de Wiatka, cantonné à Lenzy près de Staisin, entre Lepowetz et Ouman. Si je recevrai quelque chose de plus certain je ne manquerai pas de le soumettre à V. M. I. par un Feldjegher extraordinaire. Daignez Sire etc. J. Diebitsch.

XIV.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ ген.-ад. бар. Дибичу.

Варшава. 23-го ноября (5-го декабря) 1825 г. [1]).

(Перев. съ франц.). Ваше четвертое письмо, любезный генералъ, я получилъ лишь сегодня вечеромъ въ восемь часовъ, по пріѣздѣ фельдъегеря Велька и спѣшу искренно поблагодарить васъ за него. Подробности, сообщаемыя вами о ходѣ болѣзни нашего возлюбленнаго и прекраснаго монарха, служатъ мнѣ новымъ доказательствомъ вашего вниманія ко мнѣ, за которое я прошу васъ принять мою благодарность. Благо-

[1]) Собственноручное письмо Цесаревича

даря Бога и судя по тому, что вы сообщаете мнѣ въ своемъ письмѣ, во мнѣ вновь пробуждается надежда, такъ какъ вы положительно извѣщаете меня, что 17-го ноября вечеромъ въ болѣзни была замѣтна перемѣна къ лучшему. Не говорю вамъ о себѣ и о томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь; ибо вамъ слишкомъ хорошо извѣстна моя преданность и мое искреннее расположеніе къ лучшему изъ братьевъ и монарховъ. Мое и безъ того тягостное положеніе ухудшается еще тѣмъ, что о болѣзни императора кромѣ меня знаютъ только мой старый другъ Курута и мой врачъ [1]); вѣсть объ этомъ еще не дошла сюда, такъ что въ обществѣ мнѣ приходится казаться спокойнымъ, хотя въ душѣ у меня далеко нѣтъ такого спокойствія. Моя жена и братъ ничего не подозрѣваютъ, такъ что мнѣ пришлось выдумать объясненіе по поводу прибытія вашего перваго фельдъегеря; точно также придется поступить сегодня. Если бы я повиновался одному внушенію моего сердца, то разумѣется давно уже былъ бы у васъ; но вы конечно сами поймете, что препятствуетъ мнѣ къ этому. Прошу васъ, любезный генералъ, сообщать мнѣ о ходѣ болѣзни нашего прекраснаго монарха. Да услышитъ Господь мою молитву и да возстановитъ онъ скорѣе здоровье государя. Я надѣюсь, что слѣдующее письмо ваше принесетъ мнѣ извѣстіе о значительной перемѣнѣ къ лучшему и поддержитъ во мнѣ надежду, возбужденную послѣднимъ письмомъ. Прошу васъ, любезный генералъ, повергнуть мои чувства къ стопамъ императора; передайте ему отъ меня, что я бы летѣлъ къ нему, если бы меня не удерживалъ здѣсь долгъ службы; это величайшая жертва съ моей стороны, которую я въ состояніи принести лишь вслѣдствіи моей преданности къ его особѣ и моего усердія къ его службѣ. Примите, любезный генералъ, увѣреніе въ моемъ всегдашнемъ уваженіи и дружбѣ, съ какою пребываю всегда преданный вамъ Константинъ.

P. S. 11 часовъ вечера. Курьеръ выѣзжаетъ завтра въ 5 часовъ утра. Я далъ ему нѣсколько часовъ отдыха.

Varsovie, le 23 Novembre (5 Décembre) 1825.

Votre quatrième lettre m'a été seulement remise, mon cher Général, par le Feldjäger Velch à son arrivée ici ce soir à huit heures et je m'empresse de vous en remercier bien sincèrement. Les détails que vous voulez bien me donner sur le cours de la maladie de notre cher et excellent Empereur est une nouvelle preuve de vos attentions pour

[1]) Д. с. с. Кучковскій, генералъ штабъ-докторъ.

moi et pour lesquelles je vous prie d'agréer toute ma reconnaissance. Grâce à Dieu et d'après ce que vous voulez bien me marquer dans votre lettre, mes espérances renaissent puisque vous me dites positivement qu'il y a eu le 17 Novembre au soir de l'amélioration. Je ne vous parle pas de moi et de l'état dans lequel je suis, vous connaissez depuis trop longtemps mon dévouement et attachement sincère pour le meilleur des maitres et des frères pour en douter. Ce qui augmente à la pénible situation dans laquelle je me trouve ici, c'est qu'outre mon vieil ami Kourouta, mon médecin et moi, tout le monde ignore la maladie de l'Empereur et rien encore n'a transpiré sur son sujet, et par conséquent je dois affecter une sérénité et une tranquillité devant le public qui est loin de se trouver en moi. Ma femme et mon frère ne se doutent de rien et j'ai été obligé de faire un conte sur le compte de l'arrivée de votre premier feldjäger et j'en ferai de même sur le celui d'aujourd'hui. Si je n'en consulté que l'impulsion de mon coeur il y eut bon temps que vous m'auriez vu arriver. Mais vous devez bien juger vous même tout ce qui s'y oppose. Daignez, cher Général, me tenir au courant de l'état de la maladie de notre excellent maitre. Que le bon Dieu exauce ma prière et lui rende promptement la santé. J'ai un ...... de l'espoir que votre première lettre m'apprendra déjà un mieux réel et viendre apuyer l'espoir que la dernière m'a donnée. Mettez moi aux pieds de l'Empereur, cher général, et dites lui bien de ma part que si ce n'était son service qui me retenait ici, j'aurai volé auprès de lui, c'est le plus grand effort que je puis faire sur moi et qui ne part que du dévouement sacré que je porte à sa personne et à son service. Recevez, cher général, les assurances de mon estime et amitié sincère que je vous porte à tout jamais et avec laquelle je ne cesserai d'être votre tout dévoué Constantin.

P. S. A 11 heures du soir. Le courrier part demain matin à 5 heures. Je l'ai laissé respirer un couple d'heures.

XV.

Генералъ отъ кавалеріи князь Голицынъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Москва. 23-го ноября 1825 года.

(Перев. съ франц.) Извѣстіе, которое я имѣлъ честь получить отъ в. пр-ва отъ 13-го ноября, поразило меня и повергло въ глубочайшую печаль. Надѣюсь на милосердіе Божіе, что Онъ не отниметъ отъ насъ императора; безъ сомнѣнія искренни и горячи будутъ молитвы всѣхъ подданныхъ, которые узнаютъ объ угрожающемъ имъ

несчастія. Будьте такъ добры, любезный генералъ, извѣстить меня или поручить кому нибудь сообщить мнѣ подробности болѣзни е. в. и его выздоровленія, ибо только этотъ исходъ представляется мнѣ возможнымъ. Въ обществѣ до сихъ поръ ничего не знаютъ объ этомъ, кромѣ того, что императоръ пріѣхалъ съ дороги не совсѣмъ здоровый, но безъ сомнѣнія черезъ нѣсколько дней всѣ узнаютъ о болѣзни государя и, какъ всегда бываетъ, молва увеличится, переходя изъ устъ въ уста.

Повторяя еще разъ мою просьбу, прошу васъ принять увѣреніе и проч. кн. Д. Голицынъ.

XVI.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 24-го ноября (6 декабря) 1825 г. [1]).

(Перев. съ франц.). Фельдъегерь Поповъ прибылъ сегодня вечеромъ въ 7 часовъ съ вашимъ письмомъ отъ 18 числа сего мѣсяца, за которое, любезный генералъ, прошу васъ принять мою искреннюю благодарность. Хотя подробности, сообщаемыя вами, любезный генералъ, о ходѣ болѣзни нашего возлюбленнаго императора далеко не....., однако меня не покидаетъ надежда, основанная на собственномъ вашемъ письмѣ, которое, какъ мнѣ кажется, написано въ болѣе спокойномъ состояніи духа, нежели предъидущія. Дай Богъ, чтобы надежды мои были основательны; безъ сомнѣнія, никто такъ искренно и горячо не желаетъ выздоровленія императора какъ я; льщу себя надеждою, что Господь по своему милосердію услышитъ меня и исполнитъ мою молитву. Отъ глубины души благодарю васъ за ваше любезное вниманіе. Потрудитесь, любезный генералъ, сообщить мнѣ всѣ подробности; пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить вамъ мое глубочайшее уваженіе и мое искреннее расположеніе, съ какимъ всегда пребываю преданный вамъ Константинъ.

P. S. Я желалъ бы, любезный генералъ, повергнуть мои чувства къ стопамъ нашего августѣйшаго и возлюбленнаго монарха.

Varsovie, le 24 Novembre (6 Decembre) 1825 [2]).

Le feldjäger Popow vient d'arriver ce soir à 7 heures porteur de votre lettre en date du 18 de ce mois, cher Grl, et pour laquelle je

[1]) (Приписка на полѣ): 10 часовъ вечера. Курьеръ уѣдетъ завтра въ 5 часовъ утра. Никто не знаетъ еще здѣсь о болѣзни императора, не исключая моей жены и брата.

[2]) Собственноручное письмо цесаревича.

vous prie d'agréer tous mes plus sincères remerciments. Malgré que les détails que vous voulez bien me donner, cher Grl, sur le cours de la maladie de notre cher Empereur et Maître ne soyent que......, je ne puis cependant me refuser à une lueur d'espérence basée sur votre propre lettre, qui me semble être ecrite avec plus de calme et moins d'agitation que les précédentes. Dieu veuille que mes espérances soyent fondées, personne certainement au monde ne fait des voeux plus sincères et plus ardents pour le rétablissement de l'Empereur que je ne les fait et j'ose me flatter de l'espoir que le bon Dien daignera dans sa toute clémence m'entendre et les exaucer. Tous mes plus sincères remerciments vous sont offert du fond de mon coeur pour votre obligeante attention. Veuillez, cher général, continuer à ne me laisser rien ignorer et me tenir au courant. Je saisi cette occasion pour vous réitérer les assurances de ma profonde estime et de la sincère amitié que je vous porte et avec laquelle je ne cesserai jamais d'être votre tout devoué Constantin.

P. S. Je voudrai, cher général, me mettre aux pieds de notre auguste et cher Maître.

(Приписка на полѣ): à 10 heures du soir. Le courrier partira demain matin à 5 heures.

Tout le monde ignore encore ici la maladie de l'Fmpereur, ainsi que ma femme et mon frère.

XVII.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 25-го ноября 1825 г.

Баронъ И. И.! Не можетъ быть печальнѣе извѣстія какъ потеря обожаемаго г. и., милостивца и благодѣтеля нашего. Нѣтъ мѣры моего сокрушенія—я погруженъ въ неутѣшную скорбь, для изъясненія которой не могу найти словъ. Въ отвѣтъ же на письмо ваше, которымъ испрашиваете моего разрѣшенія о распоряженіяхъ, какія принять надлежитъ, спѣшу васъ увѣдомить, что я остаюсь при теперешнемъ моемъ мѣстѣ товарищемъ вашимъ и посему ни въ какія распоряженія не могу войти, а получите вы ихъ изъ С.-Петербурга отъ кого слѣдуетъ, о чемъ я вмѣстѣ съ симъ пишу и къ князю Петру Михаиловичу Волконскому. Впрочемъ, ежели угодно будетъ вамъ при семъ случаѣ принять мой дружескій совѣтъ, я полагаю, что о всякихъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высочайшей власти требующихъ, должно

вамъ относиться въ С.-Петербургъ, а ко мнѣ подобныхъ представленій не присылать.

Затѣмъ прошу в. пр-во принять увѣреніе во всегдашнемъ моемъ къ вамъ особенномъ уваженіи. Константинъ.

XVIII.

Генералъ отъ кав. Воиновъ—ген.-ад. барону Дибичу.

С.-Петербургъ. 26-го Ноября 1825 г.

М. Г. баронъ Иванъ Ивановичъ! Богъ единое упованіе наше въ удрученныхъ горестію сердцахъ нашихъ, милосердіе его безмѣрно, неужели погрузятся милліоны въ бездну скорбей? Съ завтра прольются къ престолу Создателя теплѣйшія моленія о спасеніи и долгоденствіи обожаемаго августѣйшаго больнаго; Боже единый, Творецъ премилосердый, услыши моленія наши, спаси намъ возлюбленнаго императора нашего, и продли жизнь его драгоцѣнную на безконечныя лѣта.

Увѣдомляйте, прошу васъ; Премилосердый, даруй, чтобы къ утѣшенію насъ сердцемъ и душою приверженныхъ. В. превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга, Александръ Воиновъ.

XIX.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 27-го ноября 1825 г.

Баронъ И. И. Я получилъ вчерашняго числа съ фельдъегеремъ Петровымъ дубликатъ в. пр-ва отъ 19-го числа сего ноября, и потому ничего болѣе не остается мнѣ какъ сослаться на письмо мое къ вамъ вчерашняго числа отправленное; что всѣ распоряженія вамъ должно ожидать изъ С.-Петербурга или оттоль испросить, затѣмъ обращаясь къ изъясненію вашихъ ко мнѣ чувствъ, я пріятною обязанностію поставляю вновь и при семъ случаѣ повторить вамъ, что не токмо никогда въ нихъ не сомнѣвался, но напротивъ зная васъ съ самаго порутчичьяго чина всегда былъ въ оныхъ удостовѣренъ и взаимно прошу васъ быть увѣреннымъ въ таковыхъ же и съ моей стороны, равно какъ и въ особенномъ моемъ къ вамъ уваженіи и дружбѣ. Константинъ.

XX.

Журналъ чрезвычайнаго собранія государственнаго совѣта отъ 27-го ноября 1825 г. [1]).

Подписали:

Князь Петръ Лопухинъ, Князь Алексѣй Куракинъ, Николай Мордвиновъ, Вилимъ фонъ Дезинъ, Графъ Аркадій Морковъ. Князь Дмитрій Лобановъ Ростовскій, Графъ Литта, Князь Яковъ Лобановъ Ростовскій, В. Ланской, Василій Пашковъ, Иванъ Тутолминъ. Петръ Карцовъ, А. Сукинъ, Татищевъ, Васильчиковъ, Князь Александръ Голицынъ, Графъ К. Нессельроде, Александръ Шишковъ, Егоръ Канкринъ, Кн. Сергій Салтыковъ, Алексѣй Болтниковъ, М. Сперанскій.

Итого: 22 члена.

XXI.

Бибиковъ [2])—ген.-ад. барону Дибичу.

С.-Петербургъ. 27-го ноября 1825 г.

[Переводъ съ франц.] Какое извѣстіе, генералъ, поразило насъ сегодня! какая утрата для Россіи, для Европы, для всего міра! горе сразило всѣхъ. Не думаю, чтобы настоящее письмо мое застало васъ въ Таганрогѣ. Мы присягнули императору Константину, такъ какъ великій князь Николай Павловичъ отказался отъ престола, оставленнаго ему по завѣщанію. Это поступокъ великій, полный великодушія и достойный великой души. Военный министръ приказалъ дежурному генералу прекратить посылку бумагъ къ в. пр-ву до полученія новаго приказа отъ императора Константина Павловича, къ которому онъ посылаетъ курьера; великій князь Николай Павловичъ также посылаетъ къ нему нарочнаго, поздравляя его съ восшествіемъ на престолъ. Могу себѣ представить, генералъ, ваше горе и ваше отчаяніе, вы любили его какъ человѣка, этого ангела доброты и

[1]) Не приводится здѣсь, такъ какъ документъ этотъ былъ уже своевременно напечатанъ въ книгѣ барона Корфа, но безъ указанія лицъ, подписавшихъ журналъ. Ред.

[2]) Директоръ канцеляріи начальника главнаго штаба.

великодушія, этого единственнаго въ мірѣ монарха. Извините меня, генералъ, за мое маранье, взявъ во вниманіе горе, которымъ я удрученъ. О Боже! если бы я могъ десять разъ умереть за него. Примите и проч. Бибиковъ.

XXII.

Бюллетень о здоровьи Маріи Өеодоровны.

С.-Петербургъ. Ноября 28-го 1825 г.

Е. и. в. государыня императрица Марія Өеодоровна, благодаря Всевышняго, переноситъ несчастіе, всѣхъ насъ постигшее, съ примѣрною твердостію; государыня укрѣпляется истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ; здоровье ея величества хотя разстроено—но болѣзненныхъ припадковъ не терпитъ. Лейбъ-медикъ Рюль.

XXIII.

Вел. кн. Николай Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

(Собственноручно) [1].

С.-Петербургъ. 28-го ноября 1825 г. Суббота.

Послѣ постигшаго насъ бѣдствія однимъ могли мы заплатить послѣдній долгъ тому, кто наше счастіе чинилъ, покуда онъ былъ въ живыхъ. Его именемъ, видя, чувствуя какъ бы предъ его лицемъ, я принесъ присягу моему законному государю императору Константину Павловичу. Теперь моя совѣсть спокойна и предъ тѣмъ, котораго всю жизнь оплакивать будемъ и предъ законнымъ моимъ государемъ—а потомъ да будетъ воля Твоя!—

Съ искреннимъ душевнымъ удовольствіемъ долженъ я вамъ донести, что все послѣдовало моему примѣру; гвардія, городъ, все присягнуло; я самъ привелъ совѣтъ къ присягѣ при себѣ. Все спокойно и тихо, одни мы несчастные безутѣшные остались сироты!

Матушка, дражайшая матушка намъ примѣръ подаетъ твердаго христіанскаго смиренія; да хранитъ ее Богъ!

Если увидите государыню, если возможно напомните ей объ томъ, который въ глубинѣ души чувствуетъ за нее!

Если братъ у васъ, то вы вѣрно уже чрезъ него обо всемъ

---

[1]) На конвертѣ собственноручно: Его превосходительству барону Ивану Ивановичу Дибичу. Отъ Николая Павловича.

извѣстны, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его пріѣзда. Если его при васъ нѣтъ, то увѣдомляю васъ, что уже вчера, сейчасъ послѣ гибельнаго извѣстія, прямо отъ присяги послалъ я ему адъютанта своего съ моей присягой.

Поцѣлуйте за несчастнаго брата гробъ его благодѣтеля, помолитесь у него, чтобъ онъ меня не оставилъ; я имъ дышу, имъ дѣйствую; пусть онъ мнѣ предводительствуетъ!—вамъ искренный Н.

Петру Михайловичу всю мою дружбу!

XXIV.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 1-го декабря 1825 г.

Баронъ И. И.—Я получилъ письмо в.-пр—ва отъ 23-го ноября съ фельдъегеремъ Кузьминымъ; благодарю васъ за увѣдомленіе о теченіи дѣлъ и весьма обрадованъ былъ, видя изъ письма вашего, что не смотря на глубочайшую горесть, постигшую е. и. в. вдовствующую г. и. Елизавету Алексѣевну, здоровье ея поддерживается; я прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ е. и. в.

При семъ случаѣ примите в. пр-во увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія и дружбы Константинъ.

XXV.

Секретно.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. бар. Дибичу.

Варшава. 1-го декабря 1825 г.

Баронъ И. И. Я получилъ письмо в. п—ва отъ 23-го минувшаго ноября съ фельдъегеремъ Кузьминымъ. Принося вамъ благодарность за довѣренность ко мнѣ вашу извѣщеніемъ объ открывающемся злонамѣренномъ тайномъ обществѣ, я полагаю, если угодно будетъ вамъ принять въ семъ случаѣ мой совѣтъ, что не токмо къ открытію сего зла, но и къ совершенному онаго искорененію необходимо слѣдуетъ не останавливаясь употребить со всею дѣятельностію рѣшительныя мѣры. Тѣ же самыя мѣры, по мнѣнію моему, надлежитъ принять и въ разсужденіи полковника Пестеля, на котораго падаетъ подозрѣніе въ участіи по сему обстоятельству, и в. пр—во, какъ начальникъ Главнаго Штаба е. и. в., по высочайше предоставленной сему званію власти, можетъ дѣйствовать со всею требуемою въ такихъ слу-

чаяхъ рѣшительностію и принимать соотвѣтственныя важности обстоятельствъ мѣры, заставляя каждаго, отъ кого зависѣть будетъ, исполнить все то, что требуетъ долгъ всякаго, по возложенной на него обязанности.

Сіи мысли излагаю вамъ единственно по тому уваженію, что в. пр—во извѣстили меня о такомъ предметѣ, на который по важности дѣла надлежитъ обратить особенное вниманіе, а также по преданности моей къ покойному г. им—ру, ибо поставлялъ всегда священною обязанностію изъяснять е. и. в. благодѣтелю моему со всею искренностію мысли мои во всякихъ подобныхъ случаяхъ.

Затѣмъ прошу васъ быть увѣреннымъ во всегдашнемъ моемъ къ вамъ уваженіи и дружбѣ. Константинъ.

XXVI.

Ген.-ад. Нейдгардъ—ген.-ад. барону Дибичу.

С.-Петербургъ. 1-го декабря 1825 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго]. Великодушное отреченіе великаго князя Николая Павловича и неизвѣстность рѣшенія, которое приметъ е. в. государь императоръ, вотъ вопросы, занимающіе всякаго и каждаго въ эту роковую минуту; обсужденіе ихъ не оставляетъ мѣста иной мысли, иному разговору. Великая скорбь о незабвенномъ покойномъ монархѣ, и первые два дня всѣ буквально плакали. Такимъ образомъ, волнуемые скорбью, ожиданіемъ и безпокойствомъ дни тянулись долго, слишкомъ долго, а служебныя обязанности исполняются съ обычной точностью и порядкомъ. Всюду царствуетъ тишина и чувствуется покорность неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія; всякое личное честолюбіе прикрылось покровомъ печали, чтобы не быть узнаннымъ и разгаданнымъ. Вотъ по моему мнѣнію вѣрная картина современнаго Петербурга.

Состояніе здоровья ихъ величествъ государынь императрицъ возбуждаетъ также всеобщій интересъ. Дворъ, весь городъ и народъ жаждутъ малѣйшаго извѣстія, поэтому я осмѣлился предложить графу Милорадовичу печатать о томъ бюлетени въ газетахъ, что я полагаю будетъ исполнено послѣ запроса, сдѣланнаго въ зимнемъ дворцѣ. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы также обнародовать оффиціальное извѣстіе о болѣзни и кончинѣ обожаемаго монарха нашего.

XXVII.

Дежурный генералъ Алексѣй Николаевичъ Потаповъ—Дибичу.

С.-Петербургъ. 3-го декабря 1825 г.

М. Г. баронъ Иванъ Ивановичъ. Сего числа въ пять часовъ по полуночи прибылъ сюда изъ Варшавы е. и. в. Михаилъ Павловичъ, онъ выѣхалъ 26-го ноября — несчастнѣйшее извѣстіе получено въ Варшавѣ въ ночь съ 25 го на 26-е. До отъѣзда е. в—ва войска и городъ ничего не знали. Е. в—во здѣсь, ни съ кѣмъ не говоритъ о томъ, что болѣе всего теперь интересуетъ—кажется нѣчто скрываетъ! При дворѣ и въ публикѣ возникаютъ нѣкоторыя соображенія и сомнѣнія на счетъ будущаго!

Сего вечера въ 10-ть часовъ отправленъ въ Варшаву подпоручикъ Бѣлоусовъ съ депешами отъ императрицы и е. в. Николая Павловича, въ 12-ть часовъ туда же отправился д. с. с. Опочининъ, по волѣ е. в. Николая Павловича, съ чѣмъ—не извѣстно!

Сего дня получено извѣстіе и донесеніе отъ московскаго военнаго генералъ-губернатора — что сенатъ, синодъ, войска и вся Москва присягнули на вѣрность и подданство его величеству государю императору Константину Павловичу.

По распоряженію графа Милорадовича и кажется съ согласія министра просвѣщенія, сегодня высланъ отсюда въ Казань господинъ Магницкій—фельдъегерь проводилъ его до первой станціи.

Впрочемъ здѣсь царствуетъ тишина и спокойствіе. Съ особеннымъ уваженіемъ и пр. Алексѣй Потаповъ.

XXVIII.

Ген.-ад. бар. Дибичъ—цесаревичу Константину.

Таганрогъ. 4-го декабря 1825 г. [1]

(Переводъ съ франц.). Ваше высочество, я имѣлъ честь получить письма, которыя в. и. в. соблаговолили написать мнѣ отъ 26 и 27 ноября и видѣлъ также письма ваши къ князю Волконскому отъ тѣхъ же чиселъ.

Соблаговолите, ваше высочество, принять мою глубочайшую бла-

[1]) Получено въ Варшавѣ 11-го декабря 1825 г. Отвѣтствовано 11 го дек.

годарность за высказанные въ нихъ вновь знаки вашего благоволенія и за довѣріе, которое вамъ угодно оказать намъ.

Молю Господа доставить мнѣ случай доказать вамъ, что я достоинъ этого довѣрія, и убѣдить васъ въ тѣхъ чувствахъ глубочайшей признательности, которыя я питаю къ вамъ столько лѣтъ и той совершенной и искренней преданности, съ какою имѣю счастье быть в. и. в. всенижайшій слуга. И. Дибичъ.

Taganrog. Ce 4 décembre 1825.

Monseigneur. J'ai eu l'honneur de recevoir les lettres que V. A. I. a daigné m'adresser en date du 26 et 27 novembre et j'ai vu celles adressées au Prince Wolkonsky du même date.

Veuillez, Monseigneur, agréer ma profonde reconnaissance pour les nouvelles marques de votre bienveillance qu'elle contient ainsi que pour la confiance dont Vous avez daigné nous honorer.

Puisse le Ciel me donner l'occasion de prouver que je n'en suis pas indigne ainsi que les sentiments de la profonde reconnaissance que je Vous voue depuis tant d'années et du dévouement entier et sincère avec lesquels j'ai le bonheur d'être, Monseigneur, de V. A. I. le très humble et très obéissant serviteur J. Diebitsch.

XXIX.

Е. И. Величеству начальника Главнаго Штаба рапортъ.

Таганрогъ. 4-го декабря 1825 г.

Покойный государь императоръ Александръ Павловичъ во время болѣзни своей соизволилъ вручить мнѣ прилагаемую при семъ открытую бумагу отъ главноуправляющаго почтовымъ департаментомъ д. т. с. князя Голицына, съ тѣмъ, чтобы я представилъ оную е. в. при первомъ докладѣ. Но не имѣвъ сего счастія за усилившеюся болѣзнею и наконецъ за послѣдовавшею кончиною е. в., я имѣю долгъ бумагу сію представить при семъ на усмотрѣніе в. и. в.— Равномѣрно имѣю счастіе представить при семъ в. в. и другую запечатанную бумагу отъ него же, князя Голицына, которую доставилъ ко мнѣ таганрогскій почтмейстеръ уже по кончинѣ императора Александра Павловича, объявляя, что оная прислана къ нему отъ спб. почтъ-директора, какъ весьма важная бумага.

XXX.

Рапортъ дежурнаго генерала на имя ген.-л. Куруты.

С.-Петербургъ. 5-го декабря 1825 г. [1]).

Съ разрѣшенія е. и. в. великаго князя Николая Павловича отправляя къ г. и. полученные здѣсь на высочайшее е. и. в. имя конверты, я долгомъ считаю препроводить оные при семъ къ в. пр. для представленія его величеству. При семъ имѣю честь донести, что всѣ пакеты на высочайшее имя г. и., какіе получены мною по 3-е число сего мѣсяца, отправлены въ Таганрогъ къ ген.-ад. барону Дибичу. Дежурный генералъ Потаповъ.

XXXI.

Ген.-ад. Потаповъ—ген.-ад. бар. Дибичу.

С.-Петербургъ. 8-го декабря 1825 г.

М. г. бар. И. И. 5-го декабря въ шесть часовъ по полудни е. в. Михаилъ Павловичъ изволилъ отправиться обратно въ Варшаву— взявъ съ собою трехъ фельдъегерей.

6-го къ вечеру императрица изволила получить по эстафету отъ императора письмо, вслѣдствіе котораго того дня бюллетень прилагается.

7-го возвратился изъ Варшавы фельдъегерь, посланный 27-го ноября отъ военнаго министра къ ген.-лейт. Курутѣ съ отношеніемъ и сенатскимъ указомъ—о приведеніи къ присягѣ литовскаго корпуса и прочихъ россійскихъ войскъ; Курута доноситъ рапортомъ [2])—«что по повелѣнію его высочества цесаревича, отношеніе и при ономъ приложенные два печатные листа (сенатскій указъ и присяжный листъ) возвращаются, и что по онымъ, по войскамъ Литовскаго корпуса никакого исполненія не сдѣлано!»—кажется, что наша участь еще не рѣшена!

Сего числа въ 3 часа по полуночи е. в. Николай Павловичъ отправилъ въ Варшаву съ нарочнымъ фельдъегеремъ два письма на имя е. в. Михаила Павловича.

Вчера я отправилъ къ в. пр—ву срочнаго фельдъегеря, потому

---

[1]) Получено въ Варшавѣ 14-го декабря 1825 г. Отвѣтствовано 15-го декабря.

[2]) Отъ 3-го декабря.

что императрица изволила поручить письма полковнику Герману. Рапорты военнаго генералъ-губернатора и пр. на имя государя бумаги е. в. Николай Павловичъ приказалъ отправлять въ Варшаву. Не прикажите ли пріостановиться отправлять къ вамъ доклады и приказы.

По сію минуту здѣсь все тихо, покойно и съ нетерпѣніемъ ждутъ государя—дай Богъ, чтобы все кончилось къ лучшему!

Е. в. Николай Павловичъ приказалъ воен. ген.-губ., чтобы фельдъегеря изъ Варшавы пріѣзжихъ отъ заставы провожали прямо къ нему съ казакомъ!

Графъ Аракчеевъ пріѣхалъ въ столицу изъ Новгорода въ ночь съ 6 на 7 число, остановился въ своемъ домѣ, нездоровъ и никого не принимаетъ.

Въ ожиданіи имѣть наиріятнѣйшее удовольствіе васъ скорѣе видѣть, съ особеннымъ уваженіемъ и пр. Потаповъ.

XXXII.

Дежурный генералъ Алексѣй Никол. Потаповъ—г.-лейт. Курутъ.

С.-Петербургъ. 8-го декабря 1825 г.

Почтеннѣйшій благодѣтель Дмитрій Дмитріевичъ. Не ужель—государь оставитъ насъ!—Онъ вѣрно не изволитъ знать—что Россія боготворитъ его и ожидаетъ какъ ангела хранителя своего! Почтеннѣйшій Д. Д., доложите государю—молите его за всѣхъ насъ! Спасите Россію! Онъ отецъ Россіи—онъ не можетъ отказаться отъ нее, и если мы осиротѣвшіе будемъ несчастны—онъ Богу отвѣчать будетъ.

Умоляющій васъ, и преданный вамъ Алексѣй Потаповъ.

Помѣта: Получено въ Варшавѣ 12-го декабря 1825 г. Отвѣтствовано 12-го декабря.

XXXIII.

Ген.-ад. баронъ Дибичъ—ген.-л. Курутъ.

Таганрогъ. 8-го декабря 1825 г. [1]).

[Переводъ съ франц.] Вы легко можете себѣ представить, любезный генералъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи я нахожусь. Получивъ рескриптъ отъ 26-го ноября, я спокойно ожидалъ извѣстій изъ Петербурга. Но получивъ собственноручное пись-

---

[1]) Получено въ Варшавѣ 15-го декабря 1825 г.

мо е. и. в. великаго князя Николая Павловича и другія донесенія его высочества, зная, что государственный совѣтъ, сенатъ и гвардія, а равно и обѣ столицы присягнули е. и. в императору Константину Павловичу и что присяга эта приносится во всей имперіи согласно указамъ, посланнымъ сенатомъ и военнымъ министромъ, и получивъ изъ Петербурга пакеты на имя е. в. отъ синода, отъ графа Грабовскаго и другихъ, я не смѣю задержать ихъ, предполагая, что въ нихъ заключаются, можетъ быть, дѣла, не терпящія отлагательства, и отправляю къ е. в. съ этими бумагами фельдъогеря Гусева.

Зная расположеніе къ вамъ нашего монарха, любезный генералъ, и надѣясь на его благосклонность ко мнѣ, прошу васъ высказать все это е. в.; я съ своей стороны излагаю все это государю въ моемъ письмѣ подъ № 6, въ которомъ я сообщаю также весьма важныя подробности о томъ дѣлѣ, по поводу котораго я писалъ и получилъ съ фельдъегеремъ Кузьминымъ отвѣтъ отъ 1-го числа сего мѣсяца. И такъ прошу васъ, любезный генералъ, передать это письмо е. в. въ собственныя руки, разъяснивъ ему то, о чемъ я сейчасъ говорилъ.

Князь Волконскій, съ которымъ я продолжаю совѣтоваться во всемъ, не совсѣмъ здоровъ, впрочемъ въ болѣзни его нѣтъ ничего серьезнаго. Онъ жалуется на разстройство желудка, принимаетъ лекарство и не выходитъ изъ своей комнаты. Я страдаю почти тѣмъ же, но могу выходить и заниматься дѣлами; Волконскій также не оставляетъ дѣлъ. Я полагаю, что этотъ недугъ составляетъ лишь послѣдствіе всего случившагося и продолжающагося до сихъ поръ тревожнаго состоянія.

Повторяю вамъ, мы оба въ состояніи заниматься дѣлами и сдѣлать все, что намъ прикажутъ.

Прощайте, любезный генералъ. Будьте увѣрены въ искренней дружбѣ преданнаго вамъ И. Дибича.

Taganrog. Ce 8 Décembre 1825.

Mon cher Général. Vous pouvez bien vous imaginer, cher Général, dans quelle situation difficile je me trouve. Après avoir reçu le rescript du 26 Novembre je restai dans l'attente tranquille de ce que nous arriverait de S.-Petersbourg. Mais ayant reçu une lettre autographe de S. A. I. le Grand Duc Nicolas, et d'autres rapports que Son Altesse, le conseil et le Senat et la Garde, ainsi que les deux résidences ont prété serment de fidelité à S. M. I. l'Empereur Constantin et que ce serment se prête dans tout l'Empire d'après les ordres envoyés par le Senat et le Ministre de la Guerre, de plus j'ai reçu des paquets de St. Petersbourg pour Sa Majesté du Synode, du comte Graboffsky et autres, je n'ose pas les retenir, ne sachant pas s'il n'y a pas des affaires qui ne demandent aucun retard, et j'envoie donc le feldjegher Gousseff avec tous ces papiers à S. M.

Sachant les sentiments que notre maitre vous porte, cher Général, et me flattant de ses bontés pour moi, je vous prie de vouloir bien soumettre tout cela à S. M. auquel je m'explique de même dans ma lettre № 6, qui contient en même temps des détails importants sur l'affaire sur laquelle j'ai ecrit et reçu réponse par le feldjegher Kousmine, la réponse datée du 1-r de ce mois. Je vous prie donc de vouloir bien la mettre en mains propres de S. M. en lui expliquant ce que je viens de vous ecrire, cher Général.

Le Prince Wolkonsky avec lequel je continue de concerter sur tout ne se porte pas très bien, ce n'est pourtant rien de conséquent. Il se plaint d'un estomac faible et garde sa chambre, prenant quelque médecine. Je me trouve à peu près aussi dans le même état, mais je puis pourtant sortir et faire toutes mes affaires, ce que fait aussi Wolkonsky. Je crois que cette espèce d'indisposition n'est qu'une suite de tout ce qui s'est passé et se passe.

Je vous répète que nous sommes tous les deux tout à fait à même et prêt à faire tout ce qu'on nous ordonnera.

Adieu, cher Général. Soyez sûr de l'amitié sincère de votre tout dévoué J. Diebitsch.

Помѣта: Получено въ Варшавѣ 15-го декабря 1825 г.

XXXIV.

Ген.-ад. баронъ Дибичъ—императору Константину [1]).

Таганрогъ. 8-го декабря 1825 г. № 6.

[Переводъ съ франц.]. Всемилостивѣйшій государь, если при настоящихъ, болѣе чѣмъ необыкновенныхъ событіяхъ, преисполненный горя при видѣ земныхъ останковъ обожаемаго монарха, я дѣлаю ошибку, посылая вамъ донесеніе послѣ рескрипта, коимъ вы удостоили меня отъ 26-го ноября, то я прошу у васъ, государь, великодушно простить меня и смѣю расчитывать на это прощеніе въ въ виду всѣхъ милостей, коими в. в. всегда удостоивали меня.

Я долженъ присовокупить здѣсь, государь, что е. в. императрица Елисавета весьма тронута участіемъ в. в. и переноситъ до сихъ поръ свое несчастіе съ удивительнымъ мужествомъ.

Что касается дѣла Вадковскаго и Пестеля, то я не имѣю еще извѣстій отъ полковника Николаева, посланнаго съ цѣлью перехватить корреспонденцію перваго изъ нихъ и арестовать самаго виновнаго, если обстоятельства потребуютъ того; я послалъ также генерала Чернышева арестовать Пестеля, захвативъ и его бумаги, и поручилъ ему посовѣтоваться съ графомъ Витгенштейномъ о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, если онъ откроетъ еще виновныхъ. Въ то же

[1]) Получено въ Варшавѣ 15-го декабря 1825 г. Отвѣтствовано 15-го декабря.

время я увѣдомилъ секретнымъ образомъ графа Сакена и согласно приказанію в. в., данному мнѣ 26 ноября, я послалъ донесеніе въ Петербургъ со слѣдующей надписью: «Его Императорскому Величеству отъ начальника главнаго штаба всеподданнѣйшій докладъ, въ собственныя руки». Докладъ этотъ я послалъ съ полковникомъ, барономъ Фредериксомъ, исполняющимъ здѣсь должность коменданта, не сказавъ ему ничего о содержаніи этого донесенія, но приказавъ ему, въ случаѣ отсутствія Государя изъ Петербурга, передать этотъ докладъ его высочеству, великому князю Николаю Павловичу съ просьбою распечатать его.

Имѣю честь представить В. В. этотъ докладъ въ черновомъ спискѣ, который одинъ остался у меня и такъ какъ я не имѣю времени на переписку его, то я прошу у в. в. извиненія за отправку его, и убѣдительно прошу в. в. прислать мнѣ его обратно, если вамъ не угодно будетъ дать мнѣ новыхъ приказаній по этому поводу [1]).

Осмѣливаюсь въ то же время высказать в. и. в. мое мнѣніе о томъ, что это общество не имѣетъ еще повидимому никакого вліянія на войско, которое во всѣхъ случаяхъ выказываетъ самое лучшее настроеніе, но что повидимому цѣль этого общества именно клонится къ тому, чтобы совратить тайнымъ образомъ этотъ духъ и увеличить число недовольныхъ, чѣмъ оно могло бы воспользоваться; поэтому я нахожу, что слѣдуетъ положить конецъ этому ужасному заговору.

Я полагаю, что прежде нежели это письмо дойдетъ по назначенію, я уже получу дальнѣйшія и положительныя приказанія. Каковы бы они ни были, я приму ихъ и исполню съ совершенной покорностью и съ величайшей точностью и при всякомъ случаѣ усерднымъ исполненіемъ моихъ обязанностей постараюсь доказать мою совершенную преданность и глубочайшую признательность, съ какою имѣю счастіе быть, в. и. в., всенижайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный баронъ И. Дибичъ.

Taganrog. Ce 8 Décembre 1825. № 6.

Sire, si dans les circonstances plus qu'extraordinaires dans lesquelles nous nous trouvons, le coeur plein de douleur près des restes terrestres d'un maitre adoré, je fais une faute en vous envoyant mon rapport après le rescript dont vous m'avez daigné honorer, du 26 novembre, je vous demande un généreux pardon, sire, et j'ose en être persuadé par toutes les marques de grace dont v. m. a toujours daigné m'honorer.

---

[1]) На полѣ рукою цесаревича написано карандашемъ: «отослано».

Je dois ajouter, sire, que s. m. l'impératrice Elisabeth bien sinsible à l'interêt que v. m. lui porte, continue de soutenir son malheur avec la force d'âme la plus étonnante.

Pour ce qui regarde l'affaire de Wadkoffsky et Pestel, je n'ai pas encore des nouvelles du Colonel Nicolaeff envoyé pour chercher à intercepter la correspondance du premier et le coupable lui même, si les circonstances le demandaient, et j'ai envoyé le général Czernicheff pour prendre Pestel et ses papiers et concerter avec le comte Wittgenstein sur les moyens à prendre s'il découvre d'autres coupables. J'ai averti en même temps sous secret le Comte Sacken, et suivant les ordres que V. M. m'avait donné du 26 novembre, j'ai fait mon rapport à Petersbourg sous l'adrese: его императорскому величеству отъ начальника главнаго штаба всеподданнѣйшій докладъ въ собственныя руки, et je l'ai envoyé par le Colonel Baron Frederiks faisant ici les fonctions de commandant, sans lui rien dire du contenu, mais en lui ordonnant qu'en cas d'absence du souverain de St. Petersbourg il remette ce rapport à son Altesse le grand Duc Nicolas avec la prière de bien vouloir le décacheter.

J'ai l'honneur de présenter à V. M. ce докладъ en brouillon qui me restant seul et n'osant pas perdre un temps concidérable pour le recopier, j'ose en demander pardon à V. M. de cet envoi et la supplier de bien vouloir me le renvoyer si Vous ne me donnerez pas d'autres ordres sur cet objet, sire [1]).

J'ose en même temps soumettre à V. M. I. mon humble opinion que toute cette secte parait encore sans aucune influence sur la troupe même qui partout et à toutes les occasions fait preuve du meilleur esprit, mais que leur but affreux parait justement de chercher à gâter sourdement cet esprit et à augmenter le nombre des mécontents pour en profiter, que je crois donc qu'il faut couper court à ces abominables trames.

Je présume qu'avant que cette lettre puisse atteindre sa destination, j'aurai déjà des ordres ultérieurs et décisifs. Tels qu'elles soient je les recevrai et exécuterai avec la soumission la plus profonde et la plus grande exactitude et je chercherai—dans toutes les situations où je me pourrai trouver de prouver par le zéle que je mettrai à remplir mes devoirs, les sentiments de la plus profonde soumission et de la reconnaissance la plus sincère, avec lesquelles j'ai l'honneur d'être, Sire, de V. M. I. le très fidèle et très soumis sujet J. Br. de Dibitsch.

---

[1]) Рукою цесаревича написано карандашемъ: «l'a été».

XXXV.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—г.-а. барону Дибичу.

Варшава. 11-го декабря 1825 г.

Баронъ И. И. Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 4-го сего декабря. Весьма благодарю васъ за содержаніе онаго, будучи всегда увѣреннымъ въ вашихъ ко мнѣ чувствахъ; при семъ случаѣ мнѣ весьма пріятно сказать в. пр—ву, что мы трое, т. е. князь Петръ Михаиловичъ, вы и я, какъ были при жизни вѣчно достойной памяти покойнаго г. им—ра благодѣтеля нашего, усердные, преданные и вѣрные его слуги, такъ и по кончинѣ его ни мало не перемѣнились, а остались таковыми же, исполняя свято и ненарушимо священную его волю; что дѣлается въ С.-Петербургѣ, я не вмѣшиваюсь въ оное, но только скажу вамъ, что я по сей день остаюсь по милости всемогущаго Творца непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи и въ исполненіи воли покойнаго г. им—ра.

Примите, в. пр—во, увѣреніе особеннаго моего къ вамъ всегдашняго уваженія. Константинъ.

XXXVI.

Ген.-ад. баронъ Дибичъ—императору Константину [1]).

Таганрогъ. 11-го декабря 1825 г.

(Переводъ съ франц.). Всемилостивѣйшій государь, считаю долгомъ немедленно сообщить вамъ продолженіе донесеній полковника гвардейскаго казачьяго полка Николаева.

В. И. В. увидите отчетъ о его дѣйствіяхъ изъ прилагаемой при семъ выписки, писанной рукою самаго полковника Николаева.

Преступленіе прапорщика Вадковскаго, доказанное его собственнымъ письмомъ къ полковнику Пестелю, вынуждаетъ по моему мнѣнію принять немедленное рѣшеніе, поэтому я послалъ вчера полковника Николаева въ Курскъ съ тѣмъ, чтобы немедленно арестовать Вадковскаго, захватить его бумаги и отправить его съ надежнымъ фельдъегеремъ въ Шлиссельбургъ; бумаги же его, которыя мы надѣемся отыскать въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ прячетъ, доставить мнѣ. Я принялъ мѣры предосторожности къ тому, чтобы въ обществѣ

[1]) Получено въ Варшавѣ 17-го декабря 1825 г. Отвѣтствовано 18 го декабря.

думали, что Вадковскаго арестуютъ лишь за неосторожныя рѣчи и что его отправляютъ въ Архангельскъ.

Такъ какъ мѣры, принятыя противъ полковника Пестеля, не могутъ долго оставаться тайною, то я не смѣлъ откладывать арестъ Вадковскаго тѣмъ болѣе, что въ его письмѣ находится довольно данныхъ для того, чтобы энергично прослѣдить нить этого заговора и я надѣюсь, что бумаги Вадковскаго доставятъ намъ еще новыя свѣдѣнія.

Съ этимъ же фельдъегеремъ я сообщаю эти извѣстія и генералу Чернышеву, чтобы онъ могъ воспользоваться ими въ дѣлѣ Пестеля; въ то же время я скажу ему, чтобы онъ донесъ в. в. въ томъ случаѣ, если онъ узнаетъ что нибудь важное, но тѣмъ не менѣе продолжалъ бы, въ силу рескрипта, даннаго 26-го ноября, посылать свои доклады на высочайшее имя въ собственныя руки въ Петербургъ; тоже самое сдѣлаю я и съ своей стороны, пославъ сегодня же оффиціальное донесеніе.

Соблаговолите, Всемилостивѣйшій государь, принять изъявленіе въ совершенной преданности и покорности, съ коими имѣю счастье быть, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный баронъ И. Дибичъ.

Taganrog. Ce 11 Décembre 1825.

Sire. Mon devoir m'ordonne de ne pas retarder à vous soumettre la suite de l'envoi du Colonel Nikolaeff des cosaques de la Garde.

V. M. I. en verra l'exposé dans un extrait ci joint ecrit de la main du Colenel Nikolaeff.

Le crime de l'enseigne Wadkoffsky prouvé par sa propre lettre au Colonel Pestel m'a paru mériter une prompte résolution, j'ai donc renvoyé hier le Colonel Nikolaeff à Koursk pour arrêter incessament Wadkoffsky et ses papiers, l'envoyer lui à Schlusselbourg avec un Feldjegher sûr et m'apporter les papiers, que nous espérons trouver dans l'endroit où il les cache. J'ai pris des mesures pour que l'on croie qu'on arrête Wadkoffsky seulement pour des propos indiscrets et qu'on l'envoie à Archangel.

Comme les mesures qui ont été prises contre le Colonel Pestel ne pourront pas rester longtemps en secret, je n'ai pas osé différer l'arrestation de Wadkoffsky, d'autant plus qu'il y a assez de données dans sa lettre pour suivre cette trâme avec vigueur et que j'espère que les papiers de Wadkoffsky en fourniront encore.

Je communique avec le même Feldjegher ces nouvelles au Général Czernicheff pour s'en servir contre Pestel; je lui dirai en même temps

de rapporter à V. M. s'il a découvert quelque chose d'important, mais de continuer en même temps d'après les ordres donnés, en vertu du rescript du 26 Novembre, d'envoyer ses rapports sous l'adresse auguste en main propre à St. Petersbourg, ce que je ferai de même par un rapport officiel encore dans la journée d'aujourd'hui.

Daignez, Sire, agréer la soumission fidèle et l'entier dévouement avec lesquels j'ai le bonheur d'être Sire de V. M. I. le très humble et très fidèle sujet J. B. Diebitsch.

XXXVII.

Г.-ад. б. Дибичъ—императору Константину [1]).

Таганрогъ. 11-го декабря 1825 г.

[Переводъ съ франц.] Всемилостивѣйшій Государь, изъ оффиціальнаго донесенія, представляемаго мною в. и. в., вы усмотрите, что получивъ отъ градоначальника указъ сената, повелѣвающій присягнуть в. и. в., долгъ этотъ былъ исполненъ вчера въ двѣнадцать часовъ дня. Преданный вамъ, государь, по долгу и по личному чувству, я съ покорностью ожидаю вашихъ приказаній и каковы бы онѣ ни были, я съумѣю въ точности исполнить ихъ.

Сегодня въ десятомъ часу утра мы проводили тѣло августѣйшаго монарха и благодѣтеля нашего въ здѣшній греческій монастырь; перемѣщеніе это было необходимо, чтобы его августѣйшія останки не оставались слишкомъ долго въ обитаемомъ жилищѣ; я приказалъ еще прибыть сюда 6-му эскадрону гвардейскихъ казаковъ, только что вернувшихся на Донъ, а равно Гетманскому полку и полуротѣ казачьей артиллеріи, которые успѣли прибыть сюда во время.

Въ здоровьи е. в. императрицы Елизаветы Петровны нѣтъ замѣтной перемѣны, она все еще очень слаба и чрезвычайно грустить. Е. В. соблаговолила возложить на меня порученіе выразить в. в., что она весьма тронута памятью о ней в. в.

Соблаговолите, и проч., В. И. В. всенижайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный. Баронъ И. Дибичъ.

Taganrog, Ce 11 Décembre 1825.

Sire. V. M. I. verra par le rapport officiel que j'ai l'honneur de lui présenter qu'ayant reçu par la voie du chef de la ville l'oukaze

[1]) Получено въ Варшавѣ 17 декабря 1825 г. Отвѣтствовано 18 декабря.

du Sénat qui publie l'ordre de prêter serment à V. M. I., ce devoir a été rempli hier à midi. Fidèle par devoir et de coeur j'attends avec soumission vos volontés, Sire, telles qu'elles puissent être, je saurai les remplir fidèlement.

Aujourd'hui entre 9 et 10 heures du matin nous avons suivi le corps de notre auguste maître et bienfaiteur au couvent grec de cette ville, comme ce changement devenait indispensable pour ne pas laisser ses augustes restes trop longtemps dans une demeure habitée; j'ai fait venir ici encore le 6 escadron de cosaques de la Garde qui venait de retourner au Don, le régiment du Hetman et une demi compagnie d'artillerie des cosaques qui ont pu arriver à temps.

La santé de S. M. l'Impératrice Elisabeth se soutient sans changement remarquable dans un état de faiblesse et de profonde douleur. S. M. a daigné me charger de vous répéter, Sire, combien elle est sensible à votre souvenir.

Veuillez, Sire, agréer les sentiments du plus profond respect et du dévouement fidèle et sincère, avec lesquels j'ai l'honneur d'être, Sire, de V. M. I. le très humble et très fidèle sujet J. B. Diebitsch.

XXXVIII.

Графъ Виттъ—г.-ад. бар. Дибичу.

Елисаветградъ. 11-го декабря 1825 г.

Едва оправившись отъ опасной и необыкновенной болѣзни, я узналъ или, лучше сказать, по необъяснимому предчувствію предугадалъ страшное несчастіе, повергшее всѣхъ насъ въ печаль. Несчастіе это, которое невозможно было скрыть отъ меня, привело меня въ такое ужасное состояніе, что теперь всего 4-й день какъ я начинаю оправляться отъ него. Пользуюсь первой минутой выздоровленія, чтобы поблагодарить васъ, генералъ, за участіе, выказанное вами ко мнѣ во время моей болѣзни; я чрезвычайно благодаренъ вамъ за это и не пытаюсь даже выразить в. пр-ву все то, что я перечувствовалъ, видя ваше вниманіе и вашу память обо мнѣ.

5-го числа мы получили манифестъ сената и я присягнулъ только что поднявшись съ постели; войско присягнуло спокойно и въ полномъ повиновеніи и я остался вполнѣ доволенъ скорбью, выказанною имъ по поводу утраты монарха, котораго мы продолжаемъ оплакивать, а равно и тѣми чувствами, какія были выражены имъ по отношенію къ новому государю.

Прошу в. пр-во извинить меня, что я пишу вамъ не своею ру-

кою, я еще слишкомъ слабъ, чтобы писать, но мнѣ было бы тяжело еще далѣе отложить случай высказать вамъ мою благодарность за ваше вниманіе, а равно и мое искреннее желаніе сохранить дружбу, которой вы удостоили меня и тѣ добрыя отношенія, существовавшія между нами, коими я всегда буду дорожить, ибо онѣ свидѣтельствуютъ объ уваженіи вашемъ ко мнѣ, которое я буду цѣнить всю жизнь.

Примите, баронъ, увѣреніе и проч. графъ Виттъ.

XXXIX.

Собственноручное письмо вел. кн. Николая Павловича ген.-ад. барону Дибичу.

С.-Петербургъ, 12-го декабря 1825.

Полковникъ Фредериксъ пріѣхалъ сегодня поутру въ 7 часовъ и вручилъ мнѣ три пакета отъ васъ, любезный Иванъ Ивановичъ, къ государю императору адресованные. Изъ перваго письма моего къ вамъ вы извѣстились уже, что не сговорясь съ вами, мы оба, и я могу прибавить, за мною всѣ, исполнили долгъ нашъ предъ нашимъ государемъ. Но воля его святая, и присягнувъ ему, я долженъ свято исполнить все, что мнѣ не повелитъ, какъ оно ни тяжело для меня, и какъ ни ужасно и ни затруднительно мое положеніе. Я еще не государь вашъ, но долженъ поступать уже какъ оный, ожидая каждую минуту разрѣшенія Константина Павловича на вступленіе мое на его мѣсто. Какъ и почему, здѣсь не мѣсто сказывать; скоро все опишется ясно и докажетъ, что я напередъ всего былъ честнымъ человѣкомъ, а потому и передъ Богомъ, и передъ государемъ, и передъ отечествомъ чистъ совѣстію и дѣлами.

Я открылъ пакеты и въ вашемъ докладѣ видѣлъ дѣло ужасное, но которое меня не страшитъ, ибо я на все готовъ. Но обязанность моя взять на себя, не теряя ни минуты, приступить къ дѣлу, до общаго благоденствія касающемуся; а потому и приступлю къ назначенію мѣръ, мною принятыхъ. Въ секретѣ г. Милорадовичъ, какъ военный генералъ-губернаторъ и который все здѣсь дѣлаетъ; кн. Голицынъ, потому что онъ завѣдываетъ почтами и былъ довѣренный покойнаго государя, г. Бенкендорфъ, какъ человѣкъ надежный и посредникъ по дѣламъ военнымъ съ гражданскими, бывъ военнымъ губернаторомъ и командуя полками, въ коихъ, полагать должно, можетъ быть зараза.

Третьяго дня видѣвъ въ первый разъ г. Аракчеева, онъ мнѣ

въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ дѣлѣ, не зная на чемъ оно остановилось и говоря мнѣ про оное, потому что онъ полагаетъ его весьма важнымъ.

Я тогда же сообщилъ объ этомъ г. Милорадовичу, который хотѣлъ видѣться съ г. Аракчеевымъ; но такъ какъ графъ принялъ за правило никого у себя и нигдѣ не видѣть, даже и по службѣ, то и не пустилъ къ себѣ Милорадовича, не смотря, что онъ велѣлъ сказать, что отъ меня посланъ къ графу. Это было вчера. Получивъ отъ васъ сіи бумаги, я тотчасъ увѣдомилъ г. Милорадовича, и съ нимъ и съ Голицынымъ условились на счетъ лицъ, здѣсь находящихся, обратить непримѣтно особое бдительное вниманіе. Выслать на встрѣчу Булгарину и г. Чернышеву фельдъегерей, для взятія ихъ подъ арестъ за городомъ и сюда доставить въ крѣпость. Г. Милорадовича адъютантъ г. Мантейфель поѣдетъ сегодня же на Житоміръ въ село Болобановку, Липовецкаго повѣта, для доставленія сюда капитана Майбороды. Такъ какъ шт.-кап. Муравьевъ уже уѣхалъ, въ отпускъ въ Орелъ на четыре мѣсяца, то посылается фельдъегерь къ кн. Голицыну въ Москву для арестованія его на дорогѣ. гдѣ встрѣтится.

Но притомъ долгомъ считаю въ честь нашей гвардіи сказать, что я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія здѣсь весьма мало, если и вовсе нѣтъ; тому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ примѣрный, единственный порядокъ, соблюдаемый здѣсь по всѣмъ частямъ, съ самаго ужаснаго 27 числа; даже слуху, ни подозрѣнія, нѣтъ чего подобнаго; напротивъ можно скорѣе сказать, что почти никогда такого порядку при жизни государя здѣсь не бывало; я бы грѣшилъ предъ Богомъ и предъ самимъ собой, еслибъ говорилъ противное. Но на Бога надѣйся, а самъ не плошай,—было и будетъ нашимъ правиломъ и до конца, и мы не зѣваемъ.

Теперь нужнымъ считаю ждать извѣстій: 1) отъ Чернышева и 2) отъ васъ, ибо Фредериксъ говорилъ мнѣ, что знаетъ, что П. Николаевъ ѣхалъ къ вамъ обратно.—Это одно опредѣлить можетъ дальнѣйшія мѣры. Если Шервудъ сюда будетъ, мы возьмемъ мѣры его спрятать. Если Николаевъ не одинъ къ вамъ воротится, то нѣтъ сомнѣнія, чтобы вся шайка не догадалась, что все или часть заговора открыта, а потому тогда уже нечего медлить всѣхъ ихъ забрать. Тѣ, которые здѣсь, т. е. Борисовъ и Свистуновъ оба дураки; но ce peuvent être des instruments. За ними будутъ смотрѣть. Про Корниловича я еще ничего не узналъ.

Такъ какъ по всему дѣлу нѣтъ сомнѣнія, что въ Одессѣ быть должно гнѣздо, ибо здѣсь въ инспекторскомъ департаментѣ извѣстно,

что г. Чернышевъ отпущенъ на 28 дней въ Курскъ и Одессу, то я считаю необходимымъ, чтобъ вы переговорили на сей счетъ съ г. Воронцовымъ, дабы и тамъ принять нужныя мѣры; во всякомъ случаѣ не оставьте меня въ неизвѣстности объ вашемъ, на сей счетъ, распоряженіи. Сейчасъ слышу, что Шишковъ, адъютантъ Рудзевича, здѣсь, подъ предлогомъ просьбы въ отставку; я за нимъ также присмотрю.

Я считаю нужнымъ, любезный Иванъ Ивановичъ, чтобы вы, принявъ приказанія государыни Елисаветы Алексѣевны, дозволитъ ли она открыть кабинетъ Е. И. В., забрали, какъ можно скорѣе, всѣ бумаги, въ немъ хранящіяся и доставили ко мнѣ какъ наискорѣе съ надежнымъ человѣкомъ. Сами же, если присутствіе ваше не необходимо, пріѣхали бъ сюда, гдѣ вы весьма мнѣ нужны. И тогда нужно будетъ вамъ ѣхать на Могилевъ на Днѣпрѣ, чтобъ съ г. Сакеномъ условиться обо многомъ до сего и до будущихъ обстоятельствъ, en un mot pour m'orienter; я считаю, что вы тамъ, а можетъ и прежде получите извѣстія, что все здѣсь въ порядкѣ кончено или иначе я живъ не останусь. Да поможетъ намъ Богъ, къ чести отечества и нашей совѣсти, все хорошо привести къ заключенію.

Кн. Петру Михайловичу писалъ я, что вы отъ него уже вѣрно слышали на счетъ распоряженій, касающихся до тѣла нашего Ангела. Я не могъ иному и инако писать, ибо тогда не имѣлъ на то права; теперь я вамъ объ томъ подтверждаю, какъ лице полуоффиціальное, но еще не вашъ государь, а вашъ искренній другъ Николай.

Въ вечеръ въ 9 часовъ.

Рѣшительный курьеръ воротился; послѣ завтра по утру я или государь или безъ дыханія, я жертвую собой для воли брата; счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи! Что будетъ въ арміи! Г. Толь здѣсь и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ г. Сакену и ищу довѣреннаго для того же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову;—словомъ надѣюсь быть достойнымъ своего званія не боязнію или недовѣрчивостію, но съ надеждою, что такъ какъ я долгъ исполнилъ, такъ что и всѣ оный нынѣ предо мной выполнятъ. Но если гдѣ либо что заварится и вы объ томъ узнаете, вамъ поручаю сейчасъ туда ѣхать, гдѣ присутствіе ваше нужно будетъ; на васъ полагаюсь совершенно и впередъ разрѣшаю всѣ вами принимаемыя мѣры.

Я вамъ послѣ завтра, если живъ буду, пришлю самъ еще не знаю кого, съ увѣдомленіемъ, какъ все сошло; вы также не оставьте меня увѣдомить обо всемъ, что у васъ или вокругъ васъ происхо-

дить будетъ, особливо у Ермолова. Къ нему надо будетъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, и отъ васъ кого выслать, напр. Германа или такого разбора; я, виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю. Опять повторяю здѣсь, у насъ о сю пору непостижимо тихо; mais le calme précède souvent l'orage.

Довольно объ томъ. Que la volonté de Dieu se fasse! Во мнѣ видѣть должно намѣстника и исполнителя покойнаго государя воли; а потому я на все готовъ. Къ вамъ же навсегда буду искренно доброжелательнымъ Николай.

До вашего пріѣзда дѣла будутъ идти подъ именемъ Татищева чрезъ Потапова, который ко мнѣ съ докладомъ ходить будетъ.

XL.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—г.-а. бар. Дибичу.

Варшава, 14 (26) декабря 1825 г. вечеромъ.

Пакетъ Грабовскаго остался у меня.

[Переводъ съ франц.]. Любезный генералъ, вашъ фельдъегерь привезъ мнѣ всѣ ваши письма, которыя я отсылаю вамъ нераспечатанными въ виду принятаго мною рѣшенія и въ силу повелѣнія покойнаго монарха нашего, хранящагося въ совѣтѣ, въ сенатѣ, синодѣ и пр., которому однако не послѣдовали. Не мнѣ судить о томъ, что сдѣлано, но я долженъ буквально исполнить предписанія покойнаго императора. Да будетъ такъ и да поддержитъ и направитъ меня Господь. Что же касается вашего письма подъ № 6, то я распечаталъ его, такъ какъ содержаніе его мнѣ было извѣстно изъ предъидущаго письма вашего, и я также посылаю его обратно. Не могу по этому поводу сказать вамъ ничего положительнаго, но я полагаю, что все это дѣло ничто иное какъ самая гнусная интрига генерала Витта, лгуна и негодяя, въ полномъ смыслѣ этого слова; все остальное однѣ прикрасы. Кап. Майборода напугалъ ген. Ротта, который видитъ все въ черномъ цвѣтѣ и всѣ въ этомъ дѣлѣ, начиная съ унтеръ-офицера, становятся орудіемъ гнусныхъ происковъ ген. Витта. Не оспариваю того, что Вадковскій скверная личность, остальныхъ я не знаю. Повторяю вамъ еще разъ, любезный генералъ, что ген. Виттъ такой негодяй, какихъ свѣтъ не производилъ; религія, законы, честность для него не существуютъ, словомъ это человѣкъ, какъ выражаются французы, достойный висѣлицы, (gibier de potence). Дѣйствуйте осторожно, любезный генералъ, не спѣша, поступайте

осмотрительно, вотъ мой дружескій совѣтъ. Возвращаю вамъ прилагаемую при семъ бумагу вашу.

Засвидѣтельствуйте мое глубочайшее почтеніе е. в. государынѣ императрицѣ. Мой дружескій привѣтъ князю Волконскому, вы же будьте увѣрены, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка, который болѣе цѣнилъ бы васъ и болѣе уважалъ, какъ преданный вамъ Константинъ.

Все это дѣло ни что иное какъ месть Витта и желаніе выставиться. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ этомъ мнѣніи. Будьте осторожны, любезный генералъ.

Varsovie, le 14 (26) décembre 1825, soir.

Le paquet de Grabowski est resté chez moi.

Mon cher Général. Votre feldjäger m'a apporté toutes vos lettres que je vous renvois non décachetées vu mes résolutions et vu les ordres de feu notre Maître déposés au Conseil, Senat, Synode etc. et que l'on n'a pas suivi. Ce n'est pas à moi à juger de ce que l'on a fait, mais c'est à moi à suivre ponctuellement ce que l'Empereur défunt avait prescrit. Ainsi soit-il et que Dieu me guide et me soutienne. Quant à votre paquet № 6 je l'ai décacheté puisque que j'en savais le contenu par votre précédente et je vous le renvois. Je ne puis vous en rien dire de positif, mais je suppose que le tout est une intrigue des plus noires du général Witt, menteur et mauvais sujet dans la force du terme, le reste n'est que broderie. Le C. Maiboroda a effrayé le g-rl Rott qui voit tout en noir et tout le monde devient dans cette affaire à commencer par le sous-officier les instruments de la vilenie du G. Witt.

Je ne conteste pas que Wadkowski c'est un détestable sujet, les autres je ne connais pas. Je vous le répète encore, cher Général, que le G-rl Witt est une canaille dont le monde-ci ne produit peut-être pas un autre, sans foi ni loix ni probité et ce que l'on appelle en français un gibier de potence. Soyez sur vos gardes, cher G-rl, ne précipitez rien, marchez avec discernement, c'est un conseil d'ami que je vous donne. Je vous restitue votre papier ci-joint.

Présentez mes hommages trés humbles à S. M. l'Impératrice. Mes amitiés sincères au Prince Wolkonsky et pour vous dites vous que vous n'avez au monde d'être qui sache plus vous apprécier et vous rendre justice et vous estime que ne le fait votre tout dévoué Constantin.

Toute l'affaire n'est que vengeance de Witt et envie de se faire valoir. Plus j'y pense et plus je ne puis changer d'avis. De la prudence, cher Général.

XLI.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—г.-а. барону Дибичу.

Рукою Великаго Князя: „для васъ однихъ. Секретно“.

Варшава, 15-го (27) декабря 1825 г.

Баронъ И. И.! Отправленный отъ в. пр-ва фельдъегерь Гусевъ доставилъ ко мнѣ пакеты, которые я, не распечатывая, обратно къ вамъ препровождаю, какъ по титулу на оныхъ надписанному до меня не принадлежащихъ, и повторяю тоже, что я уже вамъ писалъ отъ 11-го сего декабря, что я не вмѣшиваюсь, что въ С.-Петербургѣ дѣлаютъ, гдѣ не смотря на то, что открыли въ государственномъ совѣтѣ пакетъ и хранится таковой же въ сенатѣ, въ которомъ явственно означена воля покойнаго г. имп-ра, что по добровольному моему отреченію назначенъ наслѣдникомъ престола Е. И. В. в. к. Николай Павловичъ, но сего не привели въ исполненіе, я же напротивъ, исполняя свято и ненарушимо его священную волю, остаюсь непоколебимымъ въ исполненіи оной и въ своемъ рѣшеніи, и единственно для вашего свѣдѣнія препровождаю при семъ копіи съ моихъ писемъ е. и. в. вдовст. гос. и-цѣ Маріи Феодоровнѣ и е. и. величеству Николаю Павловичу, отправленныхъ 26-го ноября, съ отношенія ко мнѣ предсѣдателя государственнаго совѣта князя Лопухина отъ 27-го ноября и съ отвѣта моего на оное, къ нему посланнаго 3-го сего декабря; изъ всѣхъ сихъ бумагъ вы ясно усмотрите всѣ обстоятельства.

Изъ вышеозначенныхъ присланныхъ отъ васъ пакетовъ, я оставилъ у себя министра царства польскаго графа Грабовскаго, на который буду ему отвѣчать, и распечаталъ отъ васъ съ надписью: нужное, въ собственныя руки, подъ № 6-мъ, догадываясь изъ прежняго вашего увѣдомленія объ чемъ идетъ дѣло, и возвращая къ вамъ обратно вашу бумагу, скажу на оную свое мнѣніе, что офицеръ Вадковскій, котораго я знаю, есть дрянь, и всѣ прочіе, объ которыхъ поминается, и которыхъ хотя не знаю, но тоже дрянь, унтеръ-офицеръ же 3-го бугскаго уланскаго полка Шервудъ долженъ быть большой плутъ и за нимъ нужно весьма крѣпко и близко поглядѣть, также капитанъ Майборода, который явился къ г. л. Роту съ доносомъ, долженъ быть такой же плутъ, да какъ я понимаю и генерала Рота, онъ человѣкъ затѣйливый, хитрый и не весьма прямой, какъ бы слѣдовало; а мнѣ кажется, что главная всему этому есть пружина г.-л. графъ

Виттъ, который чтобы подслужиться покойному государю императору и сдѣлаться нужнымъ, нарочно надѣлалъ безпокойства и подвелъ свои хитрыя пружины; тутъ можетъ быть явятся еще какія письма, которыя будутъ перехватывать, но мнѣ кажется, что это все плутни и по моему графъ Виттъ есть такого рода человѣкъ, который не только чего другаго, но недостоенъ даже, чтобы быть терпиму въ службѣ и мое мнѣніе есть, что за нимъ надобно имѣть весьма большое и крѣпкое наблюденіе.

Изложивъ в. пр-ву отъ искренности моей къ вамъ по сему дѣлу мои мысли, прошу принять увѣреніе моего къ вамъ особеннаго всегдашняго уваженія. Константинъ.

Собственноручная приписка цесаревича:

«Прошу мои бумаги подъ самымъ секретомъ показать кн. П. М. Волконскому и меня о полученіи оныхъ почтить вашимъ увѣдомленіемъ».—

XLII.

Ген.-ад. баронъ Дибичъ—г. Курутъ.

Таганрогъ. 17-го декабря 1825 г.

М. Г. Дмитрій Дмитріевичъ. Князь Петръ Михайловичъ Волконскій представляетъ съ симъ вмѣстѣ его величеству распоряженія о препровожденіи тѣла представшагося всемилостивѣйшаго г. и. Александра Павловича чрезъ Москву въ С.-Петербургъ.

Войска для караула и конвоя назначены тѣ, кои расположены не слишкомъ далеко отъ дороги, судя по времени прибытія шествія. На счетъ Москвы испрашиваетъ князь Петръ Михайловичъ распоряженій прямо изъ С.-Петербурга. Не получивъ съ моей стороны никакого повелѣнія на счетъ бумагъ отъ разныхъ министерствъ и мѣстъ, здѣсь находящихся, ни собственно на счетъ свой, рѣшаюсь по учиненіи всѣхъ распоряженій, до парада войска касающихся, ожидать здѣсь только возвращенія гвардіи полковника Николаева и ген.-ад. Чернышева или увѣдомленія отъ сего послѣдняго, ибо я долженъ полагать, что содержаніе ихъ донесеній можетъ потребовать непремѣнныхъ и рѣшительныхъ мѣръ, наиболѣе въ столицѣ, а здѣсь въ Таганрогѣ можно распорядиться съ удобностью только касающимися до арміи; а если до того времени не получу ни отъ его величества, ниже изъ С.-Петербурга другаго повелѣнія, то по обстоятельствамъ выше объясненнымъ нахожу себя въ обязанности отправиться со

всѣми бумагами немедленно въ С.-Петербургъ. Полагая прибытіе полковника Николаева и ген.-ад. Чернышева сего числа или завтра, считаю, что могу отправиться 19-го или 20-го сего мѣсяца, о чемъ тогда же васъ увѣдомлю и донесу его величеству, и теперь прошу в. пр. покорнѣйше довести до высочайшаго свѣдѣнія, когда найдете удобнымъ и его в-во изволитъ еще находиться въ Варшавѣ, не осмѣливаясь безпокоить донесеніемъ о одномъ только предварительномъ извѣщеніи.

Я надѣюсь, что въ семъ случаѣ дѣйствовать по смыслу всемилостивѣйшаго рескрипта отъ 1-го декабря и прошу васъ покорнѣйше подвергать меня всемилостивѣйшему снисхожденію, если по недоразумѣнію сдѣлаю какую либо ошибку.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребывать в. пр-ва покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дибичъ.

Получено въ Варшавѣ 26-го декабря 1825 г.

XLIII.

Цесаревичъ Константинъ—г.-а. барону Дибичу.

Варшава. 18-го (30) декабря 1825 г.

Баронъ И. И. Я получилъ ваши письма отъ 11-го сего декабря съ фельдъегеремъ Махотинымъ, и хотя онѣ надписаны были съ не принадлежащимъ мнѣ титуломъ, но я рѣшился распечатать ихъ; вы съ своей стороны поступаете какъ знаете, а я съ своей то же дѣлаю какъ знаю и какъ мой долгъ есть; и какъ бы вы ко мнѣ писали я изъ личнаго моего къ вамъ уваженія всегда приму вашу переписку.

Присланную отъ васъ записку по дѣлу открытіевъ полковникомъ Николаевымъ, я оставилъ у себя въ секретѣ, для собственнаго моего соображенія, ежели же вамъ нужно я оную къ вамъ возвращу.— Впрочемъ нахожу, что вы по сему приняли всѣ надлежащія мѣры и съ моей стороны, ежели угодно принять совѣтъ, то оной состоитъ токмо въ томъ, чтобы продолжать начатыя вами распоряженія.

При семъ случаѣ прошу в. пр-во принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ уваженія Константинъ.

XLIV.

Г.-ад. Нейдгардъ—г.-а. барону Дибичу.

28-го декабря 1825 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго]. Ваше превосходительство! Въ минуту столь роковую, когда Россія, а съ нею вмѣстѣ и весь міръ оплакиваютъ потерю незабвеннаго монарха, никто не имѣетъ права говорить о своемъ личномъ горѣ, и я умалчиваю о своемъ.

25-го числа вечеромъ мы получили отъ васъ первое извѣстіе объ ужасномъ несчастіи; опомнившись отъ перваго удара, Воиновъ и Милорадовичъ, въ присутствіи моемъ и Потапова, рѣшили держать это извѣстіе въ тайнѣ, посовѣтывавшись объ этомъ еще съ Лопухинымъ. 26-го числа, получивъ извѣстіе объ облегченіи августѣйшаго больнаго, мы объявили объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, а на 27 число было назначено благодарственное молебствіе при дворѣ и въ Невской Лаврѣ. Молебствіе было отслужено, но его не успѣли окончить какъ была получена вѣсть о кончинѣ императора; я былъ въ ту минуту при дворѣ; отчаяніе, проникшее во всѣ сердца, отразилось на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ, а великій князь Николай Павловичъ немедленно присягнулъ императору Константину. Этому примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе и караулъ. Еще до этого великій князь приказалъ мнѣ передать отъ его имени генералу Воинову, бывшему съ прочими въ Невской Лаврѣ, чтобы привели къ присягѣ гвардію. Я поспѣшилъ туда и возвѣстилъ это извѣстіе въ церковь въ ту самую минуту и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ годъ тому назадъ, въ этотъ же часъ, незабвенный Александръ бросилъ горсть земли на могилу своего вѣрнаго Уварова. Точно громомъ поразило всѣхъ это извѣстіе. Мы собрались тотчасъ въ гвардейскомъ штабѣ, гдѣ всѣ генералы и полковые командиры принесли присягу, а затѣмъ отправились къ своимъ частямъ и въ 5 часовъ вечера гвардія поклялась уже положить свою жизнь за новаго императора. Я присутствовалъ при присягѣ пяти полковъ. Старые гренадеры плакали какъ дѣти, офицеры рыдали, но всѣ исполнили свой долгъ, соблюдая величайшій порядокъ и тишину. Это будетъ всегда считаться одною изъ лучшихъ доблестей нашей гвардіи и лучшимъ знакомъ признательности къ нашему незабвенному благодѣтелю. Пишите скорѣе вѣчно преданному вамъ слугѣ Нейдгардту.

XLV.

Князь Волконскій—цесаревичу Константину Павловичу.

Таганрогъ. 30-го декабря 1825 г.

В. и. в., приношу в. и. в. мою всепокорнѣйшую благодарность за рескриптъ в. и. в. отъ (18) 30 декабря, и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу всемилостивѣйшаго вашего прощенія въ неумышленной совсѣмъ ошибкѣ моей на счетъ титула вашего.

В. и. в. извѣстна нелицемѣрная и истинная преданность къ особѣ вашей, могъ ли бы я осмѣлиться, даже подумать, въ чемъ либо проступиться предъ вами! войдите милостиво въ мое ужаснѣйшее положеніе. Лишась отца и благодѣтеля въ покойномъ г. имп—рѣ, не имѣвъ въ виду существовавшаго манифеста и акта, я не могъ иначе поступить, какъ отнестись къ в. и. в. яко законному наслѣднику.

Получивъ же рескриптъ вашъ, въ которомъ изволите увѣдомлять, что вы не поколебались въ намѣреніи вашемъ, и остаетесь въ прежнемъ мѣстѣ, послѣ чего и писалъ в. в. прежнимъ титуломъ; но вскорѣ послѣ того получили здѣсь изъ правительствующаго сената указъ и клятвенное обѣщаніе, могъ ли я одинъ остаться безъ исполненія сего долга, тогда какъ всѣ гражданскіе чиновники, войско Донское и гарнизонъ учинили присягу в. и. в., что подтверждаютъ и рескрипты ко мнѣ е. и. в. государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, и государя императора Николая Павловича. Теперь же, получивъ манифестъ, по которому вновь всѣ учинили присягу г. и. Николаю Павловичу, видимъ, что в. и. высочество явно изволили объявить о сохраненіи прежняго титула; до тѣхъ поръ, какъ могли мы поступить иначе? Я весьма почелъ бы себя несчастливымъ подпасть невинно подъ гнѣвъ в. и. в., но всемилостивѣйшій рескриптъ вашъ на французскомъ языкѣ, коимъ угодно было вамъ меня удостоить, удостовѣряетъ милостивыми изрѣченіями, что в. и. в. изволите сохранить мнѣ прежнюю милость вашу; успокоясь симъ всячески стараться буду заслуживать сіе.

Вчерашній день былъ для насъ ужаснѣйшимъ, ибо на вѣки разстались съ отцомъ нашимъ въ Бозѣ почивающимъ покойнымъ г. и. Не могу описать в. и. в. той минуты, въ которую приносили послѣднее поклоненіе праху его, и чувствъ горести и скорьби, всѣми ощущаемыхъ. Въ 10 часовъ утра послѣ литургіи и панихиды кортежъ выступилъ отсюда съ тою же церемоніею, какая была при переносѣ тѣла изъ дворца въ монастырь. Народъ сопровождалъ по всей дорогѣ до самаго ночлега и даже изъ стороннихъ деревень.

Вдовствующая г. и. Елисавета Алексѣевна изволила присутствовать при послѣдней панихидѣ, и прощалась съ тѣломъ любезнѣйшаго ея супруга, съ коимъ вѣчная разлука не могла не подѣйствовать на весьма ослабленное уже отъ скорби и прежней болѣзни ея здоровье; сегодня однако изволитъ чувствовать себя лучше.

Порученіе в. и. в. я исполнилъ и ея величество изволила поручить мнѣ васъ благодарить. Позвольте в. и. в. при семъ случаѣ принести вамъ мое всеискреннѣйшее поздравленіе съ новымъ годомъ, равно и ея свѣтлости княгинѣ Ловической; прошу Бога о сохраненіи драгоцѣннаго здравья вашего на многія лѣта, и поручая себя въ продолженіе всемилостивѣйшаго вашего благорасположенія, съ нелицемѣрною преданностію и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ остаюсь в. и. в. всепреданнѣйшій слуга кн. Петръ Волконской.

Письмо это было получено въ Варшавѣ 22-го января 1826 г.

XLVI.

Всепод. письмо ген.-ад. Васильчикова.

Москва. 30-го декабря 1825 г.

Всм. государь, имѣю счастіе донести в. и. в., что я прибылъ въ Москву вечеромъ 28-го сего декабря и вручилъ всемилостивѣйше пожалованныя вами московскому военному генералъ-губернатору и командиру 5-го пѣхотнаго корпуса ордена св. Андрея Первозваннаго, равно бриліантовый крестъ на клобукъ преосвященному Филарету. Всѣ трое приняли сію высокомонаршую милость вашу съ чувствами живѣйшей вѣрноподданнической благодарности.

Въ проѣздъ мой до Москвы и въ самой столицѣ, я имѣлъ неоцѣненное счастіе замѣтить повсюду совершенную тишину, и на счетъ послѣдней вы можете, государь, быть въ полной мѣрѣ спокойны, въ чемъ еще болѣе можетъ удостовѣрить в. в. московскій воен. ген.-губ. Завтрашній день я отправлюсь въ дальнѣйшій путь.

Вс. г-рь в. и. в. вѣрноподданнѣйшій Иларіонъ Васильчиковъ.

XLVII.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 4-го января 1826 г.

Любезный баронъ И. И. Я имѣлъ удовольствіе получить ваши письма отъ 22-го и 29-го декабря по эстафетѣ чрезъ г.-л. Куруту; весьма благодарю васъ за изъясненныя въ оныхъ чувства ваши ко мнѣ, въ которыхъ я никогда не сомнѣвался и не сомнѣваюсь, имѣя многіе на то опыты. Очень меня обрадовало увѣдомленіе ваше, что

общій духъ въ публикѣ, какъ вы замѣтили въ разныхъ мѣстахъ, хорошъ и что вездѣ все въ порядкѣ, кромѣ замѣшанныхъ въ злодѣйскомъ умыслѣ—замѣчаніе ваше весьма справедливо, что открываются многіе злоумышленники, служившіе въ прежнемъ составѣ л.-гв. Семеновскаго полка; я всегда былъ того мнѣнія, что несчастная предпринята была мѣра, что эту заразу Семеновскаго полка распустили по всей почти арміи, а если бы оставить тогда оный полкъ въ массѣ гдѣ нибудь, такъ сказать подъ штрафомъ и строгимъ наблюденіемъ, то можетъ быть не было бы такихъ послѣдствій. Что далѣе будетъ открываться по сему ужасному заговору, прошу васъ не оставить меня увѣдомлять, я буду за оное вамъ весьма обязанъ, и затѣмъ примите удостовѣреніе всегдашняго и истиннаго къ вамъ особеннаго уваженія Константинъ.

XLVIII.

Императоръ Николай—графу Сакену, главнокомандующему первою арміею.

Le 6 Janvier 1826.

C'est hier soir à minuit que j'ai reçu, mon cher Général, la nouvelle de la révolte de Mourawieff, ainsi que des mesures que votre prudence vous a dicté pour reprimer, s'il est encore possible, le mal dans sa source.

J'avoue que je ne puis me dissimuler de croire que la chose n'a pu arriver que par la maladresse du pauvre Colonel Guébel, car il parait que c'est au moment de l'arrestation de Mourawieff que la chose a éclaté.

Je blame aussi beaucoup la manière du pr. Tscherbatoff, qui peut-être cause de biens graves inconvénients.

A tout considérer et surtout vu l'emploi que l'on fait du nom de mon frère pour revolter les troupes, j'ai cru devoir me décider à charger mon frère lui-même à reprimer la rebellion au cas qu'elle devienne plus grave, en mettant tout le 3 corps sous ses ordres momentanés. Comme je fais tout connaitre au public, je compte publier aussi cet évènement et dire pour montrer ma confiance pleine et entière dans mon frère, que c'est lui auquel j'ai confié de terminer ce scandale, cela ne peut que faire le meilleur effet.

J'attendrais avec impatience de vos nouvelles et de celles du G-l Rott. Je ne suis pas sans crainte à son égard, car je sais positivement, qu'il est détesté dans son corps, or cela ne peut gagner la confiance de la troupe et une fois le branle donné, il serait possible que l'on s'en défasse de lui.

Je vous envois porteur de la présente le G-l Demidow, que j'envois à Житомиръ. S'il arrivait que Rott fut mis hors de combat, c'est lui qui prendra le commandement du corps. Si, ce que Dieu veuille nous accorder, tout finit bien, je le charge de voir par lui même l'état des esprits du pays et des troupes, dont les coquins ont troublé les têtes; il poussera, pour le même objet vers Kiew, où il restera aussi longtemps, qu'il le supposera nécessaire pour me mettre au fait des esprits de la canaille qui s'y trouve.

Tout me parait tranquille ici, et avec l'aide de Dieu, je ne vois pas de raison pour une nouvelle secousse. Nos enquêtes vont bien et deviennent de plus en plus curieuses. Je compte en finir avec deux des principaux assassins dans trois jours d'après les loix du учрежденіе о большой дѣйствующей арміи. Cet exemple, tout affreux qu'il est, est indispensable.

Enfin, mon cher général, arrive ce qui doit, nous ferons nos devoirs en honnêtes gens! C'est ce que j'espère en Dieu de faire. Et quant à vous, soyez sûr de toute mon estime et de ma confiance, comme je compte sur votre zèle et votre amitié votre affectionné N.

Ne négligez pas de me donner le plus souvent possible de vos nouvelles.

XLIX.

На всепод. докладной запискѣ ген.-ад. бар. Дибича, отъ 6 января 1826 г., о разрѣшеніи объявить комитету въ засѣданіи того дня о полученномъ изъ Кіева извѣстіи (о возникшемъ возмущеніи въ Черниговскомъ полку подъ предводительствомъ Муравьева), послѣдовала Выс. резолюція:

«Да и прибавить, что я считаю нужнымъ объявить въ приказѣ, что я Константину Павловичу самому поручилъ всѣ распоряженія по укрощенію начала сего возмущенія. Этимъ каждый увидитъ, что хотя бунтовщики дѣйствуютъ его именемъ, я ему самому предоставляю всѣ мѣры противъ сихъ злодѣевъ».

L.

Ген.-ад. Васильчиковъ—императору Николаю.

Таганрогъ. 11-го января 1826 г.

(Переводъ съ франц.). Всемилостивѣйшій государь, спѣшу увѣдомить в. и. в., что я прибылъ въ Таганрогъ 7-го числа сего мѣсяца, послѣ полудня; вынужденный останавливаться въ губерн-

скихъ городахъ, чтобы переговорить съ губернаторами и начальниками войскъ, я не имѣлъ возможности ускорить мое путешествіе. Я имѣлъ неоцѣненное счастье представляться е. и. в. императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ; самое зачерствѣлое сердце облилось бы кровью при видѣ ея; но ея покорность волѣ Божьей также велика, какъ ея горе, такъ что посѣтивъ ее невольно проникаешься къ ней удивленіемъ, слезы, которыми я орошаю эти строки, государь, вотъ все, что я могу прибавить къ этой печальной картинѣ. Здоровье е. и. в. лучше нежели можно было ожидать. Вилліе, пріѣхавшій въ Петербургъ, вѣроятно успокоилъ в. в. по этому поводу.

Императрица соблаговолила говорить со мною о ея намѣреніи оставить Таганрогъ, лишь только погода будетъ благопріятствовать этому, присовокупивъ, что она не можетъ поселиться въ Петербургѣ или въ окрестностяхъ его, что это было бы сверхъ силъ ея и что расчитывая на благосклонность вашу и вдовствующей государыни, которую вы не однократно доказали ей, она надѣется, что ей будетъ разрѣшено избрать такое мѣсто пребываніе, гдѣ бы она могла окончить свое горестное существованіе такъ, какъ того требуютъ ея чувства; однако питая искреннее расположеніе къ императорской фамиліи, е. в. прежде всего желаетъ какъ можно скорѣе увидѣться со всѣми и исполнить передъ вдовствующей государыней свой священный и дорогой для нея долгъ.

Не бывъ, государь, на то уполномоченъ, я счелъ однако долгомъ сообщить в. и. в. желанія императрицы, которыя ей угодно было повѣрить мнѣ, ибо я убѣжденъ, что рѣшеніе ея измѣнить невозможно и что развѣ время въ состояніи перемѣнить ея намѣренія.

5-го числа сего мѣсяца я встрѣтилъ въ городѣ Изюмѣ похоронную процессію, съ останками е. и. в. блаженной памяти императора Александра; процессія движется въ величайшемъ порядкѣ, и хотя ежедневно проходятъ довольно большое пространство, но маршрутъ распредѣленъ такимъ образомъ, что они являются на мѣсто ночлега довольно рано. Проѣзжая черезъ Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ, я видѣлся съ губернаторами и съ начальниками войскъ; всѣ они сообщили мнѣ вполнѣ успокоительныя извѣстія о настроеніи войскъ и мѣстныхъ жителей. Всѣ, по большей части, возмущены противъ зачинщиковъ трагическаго событія 14-го декабря и всѣ высказываютъ искреннее желаніе, чтобы Господь помогъ вамъ, государь, раскрыть нить заговора. Проѣзжая черезъ Харьковъ, я слышалъ весьма неутѣшительные отзывы о тамошнемъ университетѣ. Всѣ лица, съ которыми я говорилъ объ этомъ заведеніи, напуганы господствующимъ въ немъ духомъ. По этому случаю я считаю долгомъ обратить вни-

маніе в. и. в. на воспитаніе нашего юношества. Все современное поколѣніе развращено; нужно спѣшить исправить это зло, дѣйствіе котораго становится уже такъ ощутительно. Вниманіе правительства должно быть обращено не на одинъ только Харьковскій университетъ, не лучше того и Казанскій, а домашнее воспитаніе составляетъ также язву, которую слѣдуетъ всѣми силами искоренить. В. и. в. конечно найдете средства, которыя слѣдуетъ употребить въ данномъ случаѣ, что же касается меня, то я думаю, государь, что было бы необходимо организовать въ губернскихъ городахъ кадетскіе корпуса, гдѣ образованіе, необходимое для нашего вѣка, соединялось бы съ военной дисциплиной и которые находились бы подъ начальствомъ генераловъ, кои своими заслугами и нравственными принципами представляли бы къ тому всевозможныя гарантіи; однимъ словомъ намъ необходимо чисто монархическое, а не воспитаніе съ разрушительнымъ направленіемъ, иначе спокойствію имперіи можетъ грозить опасность.

Я не могу уѣхать отсюда, государь, не получивъ приказаній е. в. императрицы Елисаветы Алексѣевны, которая до отъѣзда моего желала бы имѣть изъ Петербурга отвѣтъ по поводу того, что она писала о графѣ Орловѣ Денисовѣ.

Имѣю счастіе быть, вс. г—рь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный И. Васильчиковъ.

Taganrog, 11 Janvier 1826.

Sire! Je m'empresse d'informer V. M. I. que je suis arrivé à Taganrok le 7 de ce mois dans l'après midi; ayant été obligé de m'arrêter dans les villes de gouvernements pour m'aboucher avec les gouverneurs et les chefs militaires, il m'a été impossible de mettre plus de célérité dans mon voyage. J'ai eu l'inapréciable bonheur de me présenter à S. M. I. l'Impératrice Elisabeth; le coeur le plus dur saignerait en la voyant; mais sa résignation égale son malheur, et l'admiration et le sentiment que l'on emporte en la quittant; les larmes dont j'inonde ces lignes, sire, sont tout ce que je puis ajouter à ce pénible tableau. La santé de S. M. I. est meilleure qu'on ne pouvait l'espérer. Wylie qui est à Pétersbourg a du tranquilliser V. M. à ce sujet.

L'Impératrice a daigné me faire part de son intention de quitter Taganrok dès que la saison le permettrait, en ajoutant qu'il lui était impossible de se fixer à Pétersbourg ou dans les environs, que c'est un effort dont elle ne se sentait pas capable, et qu' elle espérait de votre bonté et de celle de l'Impératrice mère pour elle, dont vous lui avez déjà donné tant de preuves, qu'il lui sera permis de se choisir un séjour où elle pourrait achever sa douloureuse existence d'une manière

analogue aux sensations qu'elle éprouve; toutefois tenant de coeur à la famille impériale, son désir le plus vif est de la revoir et de remplir auprès de S. M. l'Impératrice mère un devoir aussi sacré que cher à son coeur.

Sans être autorisé, Sire, j'ai cru devoir faire part à V. M. I. des désirs que l'Impératrice a daigné me communiquer, étant convaincu qu'il serait impossible de lui faire changer de résolutions et que le temps seul pourrait peut être modifier ses intentions.

J'ai rencontré le 5 de ce mois dans la ville d'Izum le convoi funèbre qui accompagne la dépouille mortelle de S. M. I. l'Empereur Alexandre de glorieuse et éternelle mémoire; le cortège marche dans le plus grand ordre, et quoique les journées soient assez fortes, par les arrangements que l'on a pris, il arrive sur place de bonne heure.

En traversant les villes de Toula, Orel, Koursk et Charkoff, j'ai vu les gouverneurs ainsi que les chefs militaires; tous m'ont donné les détails les plus satisfaisants sur l'esprit des troupes et des habitants. On est généralement indigné contre les moteurs de la scène tragique du 14, et tous font les voeux les plus ardents pour que le Ciel vous permette, Sire, de connaître à fond la trâme.

A mon passage par Charkoff, j'ai eu des renseignements bien peu satisfaisants sur l' université de cette ville. Les personnes à qui j'ai parlé paraissent effrayé des principes qui y règnent. Je crois devoir à cette occasion appeler l'attention de V. M. I. sur l'éducation de notre jeunesse. La génération actuelle est toute gangrenée, et l'on ne saurait assez tôt porter remède à un mal, dont les effets se font déjà si vivement sentir. Ce n'est pas l'université de Charkoff seule qui doit attirer l'attention du gouvernement; celle de Kazan ne vaut pas mieux et les éducations domestiques sont surtout une peste qu'il faut chercher à extirper. V. M. I. jugera des moyens à employer; quant à moi, je pense, Sire, qu'il serait urgent d'organiser dans les villes de gouvernement des corps de cadets, où l'on réunirait toute l'instruction qu'exige notre siècle à une discipline militaire, sous la surveillance d'officiers généraux, dont les services, les moeurs et les principes donneraient toutes les garanties possibles; en un mot il nous faut une éducation essentiellement monarchique et non subversive; autrement la tranquillité de l'empire est compromise.

J'attends, Sire, pour quitter cette ville les ordres de S. M. l'Impératrice, qui avant de m'expédier désirerait avoir une réponse de St.-Pétersbourg à ce qu'elle a ecrit au sujet du comte Orloff-Denisoff.

Je suis, Sire, de V. M. I. le très humble et très soumis sujet L. Wassiltchikoff.

LI.

Г.-А. баронъ Дибичъ—цесаревичу Константину Павловичу.

С.-Петербургъ. 20-го января 1826 г.

(Пер. съ франц.). Ваше высочество, честь имѣю представить в. и. в. первыя показанія подпоручика Бестужева; надобно думать, что вопросы, которые будутъ предложены ему въ самомъ комитетѣ, разъяснять болѣе подробно происки этихъ злодѣевъ и ихъ сообщниковъ въ польскихъ губерніяхъ. Первые вопросы, заданные генераломъ Левашевымъ тотчасъ по прибытіи преступника, служатъ затѣмъ основаніемъ цѣлаго ряда вопросовъ, предлагаемыхъ имъ. Къ несчастію число виновныхъ все увеличивается; но за то сообщники повидимому не имѣли еще особеннаго вліянія на войско.

Е. в. государь императоръ намѣренъ завтрашняго дня отправить фельдъегеря къ в. и. в. и поэтому е. в. не посылаетъ своего письма съ этой обыкновенной эстафетой.

Соблаговолите, ваше высочество, принять и проч. И. Дибичъ.

St.-Pétersbourg. Le 20 Janvier 1826.

Monseigneur. J'ai l'honneur de présenter à V. A. I. les premières révélations du sous-lieutenant Bestouscheff; il faut espérer que les questions qu'on lui fera dans le Comité même jetteront plus de lumières sur les afiliations que ces traîtres paraissent avoir eu aussi dans les provinces polonaises. Les premières demandes faites par le Général Lewacheff tout de suite après l'arrivée du criminel, servent après de base dans la suite des questions qu'on leur fait. Malheureusement le nombre des coupables augmente; mais en revanche les complices ne paraissent pas encore avoir eu aucune influence réelle sur la troupe.

S. M. l'Empereur a l'intention d'envoyer demain un feldjegher à V. A. I. et par cette raison S. M. n'envoie pas sa lettre par cette estafette ordinaire.

Daignez, Monseigneur, agréer les sentiments de la plus profonde estime et de l'entier dévouement avec lesquels j'ai le bonheur d'être M-gr de V. A. I. le très humble et très obéissant serviteur J. Diebitsch.

LII.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—ген.-ад. барону Дибичу.

Варшава. 28-го января (2-го февраля) 1826 г.

(Пер. съ франц.). Любезный баронъ. Фельдъегерь Блинковъ, прибывъ сюда, въ точности передалъ мнѣ всѣ пакеты, которые были даны ему на мое имя. Въ одномъ изъ пакетовъ, полученныхъ мною отъ васъ, находятся двѣ бумаги по поводу вознагражденія моего стараго вѣрнаго и прекраснаго Данилова, которому е. в. благоволитъ пожаловать чинъ 4-го класса или сдѣлать ему подарокъ, предоставляя на мой выборъ рѣшить что я найду болѣе подходящимъ къ его честной службѣ. Прошу васъ повергнуть къ стопамъ императора мою благодарность за этотъ знакъ его благоволенія ко мнѣ и за вниманіе, которымъ ему угодно было удостоить ветерана, посвятившаго всю свою жизнь на службу самаго любимаго и обожаемаго монарха. Передайте также ему, что мнѣ никогда не измѣнить преданность къ престолу, доказанная цѣлой жизнью и 30-ти лѣтней службою, въ продолженіи которой я старался быть достойнымъ этого счастья; она будетъ ему гарантіей того усердія и преданности, съ какою я постараюсь служить ему. Поэтому я съ величайшей благодарностью избралъ чинъ и считаю себя вамъ обязаннымъ за эту услугу, точно также какъ и за подарокъ.

Не лишайте меня, любезный товарищъ, вашей довѣренности, и сообщайте мнѣ всѣ новости дня и все то, что вамъ удастся открыть. Говоря откровенно, обнаруженный заговоръ ужасенъ, къ тому же весьма нелѣпо, что всѣ главнѣйшіе дѣятели его по большой части бывшіе офицеры Семеновскаго полка, и не въ обиду имъ будь сказано, я убѣжденъ, что одно связано съ другимъ и что если бы они могли тогда же произвести волненіе, то не преминули бы сдѣлать это, а какъ тогда имъ это не удалось, то они воспользовались настоящею минутою, какъ наиболѣе удобною. У насъ до сихъ поръ все спокойно и мы употребляемъ всѣ усилія къ тому, чтобы слѣдить за всѣмъ какъ можно строже. Впрочемъ, здѣсь все идетъ какъ въ царствованіе покойнаго благодѣтеля нашего, какъ будто онъ еще живъ среди насъ.

Не оставляйте меня своей дружбою, любезный генералъ, и всегда

расчитывайте на мое расположеніе, на которое вы давно имѣете полное право. Не забывайте меня и будьте увѣрены, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который болѣе уважалъ бы и цѣнилъ васъ, нежели искренно преданный вамъ Константинъ.

Varsovie. le 28 Janvier (2 Février) 1826.

Mon cher Baron. Le feldjäger Blinkow m'a exactement remis à son arrivée ici tous les paquets dont il était chargé pour moi. Entre ceux qui me venait de votre part il y en avait un qui contenait deux de vos offices au sujet de la récompense de mon vieux fidèle et excellent Danilow, auquel S. M. daignait accorder ou bien le grade la 4 classe ou bien un cadeau me laissant à mon choix de faire... de celui que je croyai le plus aproprié à ses loyaux services. Mettez moi aux pieds de l'Empereur pour cette preuve de ses bontés pour moi et des égards qu'Il daigne avoir aux présentations du vétéran qui a passé et consacré toute sa vie au service du plus adoré et du plus chéri des maîtres. Assurez le de plus que la fidélité d'une vie entière et de 30 ans passés et consacrés à servir et à mériter d'avoir ce bonheur ne se démentiront jamais et lui sont garant du zèle et du dévouement que je mettrai à le servir de mon mieux. C'est donc avec la plus vive reconnaîssance que j'ai choisi le grade et je vous restitue ci près l'autre office ainsi que le cadeau.

Continuez moi encore, mon cher camarade, votre confiance et veuillez me tenir au courant des évènements du jour et des découvertes que vous serez dans le cas de faire. jl faut être vrai que la trâme qui se découvre est horrible et atroce. Il est si absurde en outre que les auteurs les plus remarquables sortent la plupart de l'ancien régiment de Semenowski et n'en déplaise à leur dire je sai quant à moi que l'une tient à l'autre et que s'ils avaient pu produire alors quelque effet ils l'auraient fait et ne l'ayant pas pu ils ont choisi ce moment comme le plus opportun. Jusqu'à ce moment tout est parfaitement tranqullie chez nous et nous ferons tout notre possible pour avoir la plus grande surveillance sur tout. Au reste tout marche ici comme au temps de feu notre bienfaiteur commun et à croire l'illusion de son existance.

Conservez moi votre amitié, cher Général, et comptez toujours sur la mienne qui vous est.... à si juste titre et depuis si longtemps. Ne m'oubliez pas et persuadez vous que vous n'avez au monde d'être qui sache plus vous estimer et vous rendre justice que ne le fais votre tout dévoué Constantin.

LIII.

Цесаревичъ Константинъ—ген.-ад. бар. Дибичу.

Варшава. 29-го января 1826 г.

Баронъ И. И.! я имѣлъ удовольствіе получить письмо в. пр—ва отъ 20-го сего января; весьма благодарю васъ за увѣдомленіе и при томъ скажу, что сіе письмо, по обыкновенной эстафетѣ отправленное, дошло ко мнѣ уже послѣ пріѣзда сюда фельдъегеря Блинкова.

При семъ случаѣ прошу в. пр—во принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ особеннаго уваженія «и дружбы» [1]) Константинъ.

LIV.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—г.-а. барону Дибичу.

Варшава. 5-го февраля 1826 г.

Баронъ И. И.! В. пр-во между прочимъ въ письмѣ своемъ отъ 28-го января, извѣщаете меня, что е. и. в. повелѣть вамъ соизволилъ увѣдомить меня, что коль скоро позволитъ время по теперешнимъ экстреннымъ дѣламъ, то г. и. изволитъ приказать открыть кабинетъ покойнаго г. и. въ присутствіи е. и. в. в. к. Михаила Павловича, д. т. с. князя Голицына и в. пр-ва.

Я прошу васъ доложить е. и. в., что я полагаю, что нужно открыть оный кабинетъ сколь можно безъ отлагательства времени, ибо безъ сомнѣнія найдутся тамъ бумаги, которыя весьма могутъ быть нужны по нынѣшнимъ обстоятельствамъ къ способствованію въ раскрытіи зловредныхъ тайныхъ обществъ.

При семъ случаѣ прошу в. пр-во принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ особеннаго уваженія и дружбы Константинъ.

---

[1]) Собственноручная приписка цесаревича.

LV.

Всеподданнѣйшее письмо графа Витгенштейна.

Тульчинъ. 9-го февраля 1826 г.

Вс. г-рь. В-у и-у в-у благоугодно было высочайшимъ приказомъ 28-го минувшаго января назначить меня шефомъ маріупольскаго гусарскаго полка и повелѣть оному называться гусарскимъ полкомъ моего имени.

Сей лестный знакъ высокомонаршаго благоволѣнія, оказаннаго мнѣ въ то время, какъ нашлись здѣсь преступнѣйшіе злоумышленники, долгое время скрывавшіеся отъ наблюденія, и когда я опасаясь за сіе справедливаго негодованія в. и. в., пріемлю я съ чувствами душевной благодарности и глубочайшаго благоговѣнія.

Вс. г-рь! осмѣливаюсь повторить сія чувства приверженности моей къ священной особѣ вашей, съ коими до конца моей жизни неизмѣнно пребуду в. и. в. вѣрноподданнѣйшій графъ Витгенштейнъ.

LVI.

Записка лейбъ-медика Вилліе, отъ 26-го февраля 1826 г., объ осмотрѣ въ Бабинѣ тѣла императора Александра Павловича.

(Переводъ съ франц.). Сего 26-го февраля въ 7 часовъ по полудни, въ Бабинѣ, я производилъ осмотръ тѣла блаженной памяти императора Александра; раскрывъ его до мундира, я не нашелъ ни малѣйшаго признака химическаго разложенія, обнаруживающагося обыкновенно выдѣленіемъ сѣрнисто-водороднаго газа, обладающаго весьма ѣдкимъ запахомъ; мускулы крѣпки и тверды и сохраняютъ свою первоначальную форму и объемъ. Поэтому я смѣло утверждаю, что тѣло находится въ совершенной сохранности, и мы обязаны этимъ удовлетворительнымъ результатомъ точному соблюденію во время пути необходимыхъ мѣръ предосторожности. Поэтому я не буду принимать никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ до прибытія въ Царское Село. Джемсъ Вилліе.

Сего 26-го февраля 1826 г. въ 10 часовъ вечера.

Ce 26 Fevrier dans l'après diner à Babino à 7 heures j'ai fait l'inspection du corps de l'Empereur de glorieuse mémoire; l'ayant mis à découvert jusqu'à l'uniforme, je n'ai trouvé le moindre indice de décomposition chimique, qui se manifeste ordinairement par un dégagement du gaze hydrosulphurique d'un très forte odeur: les chairs sont fermes et raides et ne s'éloignent nullement de leurs forme et de leurs volume naturel. Je n'hésite pas donc de dire que le corps est dans une conservation complète, et que c'est à la scrupuleuse exactitude des précautions et des moyens indispensables à cet effet chemin faisant, que nous devons ce résultat satisfaisant. C'est ainsi que je me suis abstenu de toute autre démarche ultérieure jusqu'à l'arrivée à Sarskoe Selo. James Wylie.

Le 26 Fevrier 1826, à 10 heures du soir.

LVII.

Къ исторіи казни декабристовъ 1826 года.

Записка императора Николая г.-а. барону Дибичу.

11-го іюля 1826 г.

Я полагаю назначить часъ вамъ вмѣстѣ Кутузовымъ; я считаю въ 4 часа утра, такъ чтобы отъ 3 до 4 часовъ могла кончиться обѣдня, и ихъ можно-бъ было причастить.

Резолюція императора Николая по дѣлу о 14-ти оберъ-офицерахъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, участвовавшихъ въ политическомъ возмущеніи, произведенномъ подполковникомъ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ.

«Барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ г. Васильковѣ, при собраніи командъ изъ полковъ 9-й пѣхотной дивизіи, подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипиллы и Муравьева Апостола, какъ измѣнниковъ, по выключкѣ ихъ изъ списковъ. О Быстрицкомъ и прочихъ, равно

и касательно взысканія денегъ за растраченныя амуничныя вещи, быть по мнѣнію Аудиторіатскаго департамента. Николай» [1]).

Іюля 12 дня 1826 г.

Всеподданнѣйшее донесеніе г.-а. барона Дибича—императору Николаю, отъ 13-го іюля 1826 года, объ окончаніи исполненія приговора верховнаго уголовнаго суда надъ государственными преступниками, виновными въ заговорѣ 14-го декабря 1825 г.

[Переводъ съ франц.] Ваше величество, фельдъегерь Чаусовъ доставитъ вамъ донесеніе генерала Кутузова объ окончаніи исполненія приговора надъ злодѣяніями, а вслѣдъ за нимъ прибудетъ генералъ Чернышевъ, который донесетъ вамъ объ этомъ словесно, откланиваясь въ то же время у в. в.

Войско держало себя съ достоинствомъ, а злодѣи держали себя также подло, какъ и въ началѣ. И. Дибичъ.

Sire. Le feldjegher Tchaussoff vous portera le rapport du Général Koutouzoff de la fin de l'éxécution des scélerats et le Général Czernicheff va le suivre de près pour vous en faire le rapport verbal en prenant congé.

La troupe s'est conduit avec dignité, les criminels avec cette bassesse que nous avons vu depuis le commencement J. Diebitsch.

Ce 13 Juillet 1826.

Императоръ Николай—г.-а. бар. Дибичу.

13-го іюля 1826 г.

(Переводъ съ франц.). Благодарю Бога, что все окончилось благополучно; я вполнѣ былъ увѣренъ, что герои 14-го декабря не выкажутъ въ этомъ случаѣ болѣе храбрости, нежели нужно. Прошу васъ, любезный другъ, быть сегодня какъ можно осторожнѣе и прошу передать Бенкендорфу, чтобы онъ удвоилъ свою бдительность и вниманіе; тотъ же приказъ слѣдуетъ отдать по войскамъ. Я хочу уѣхать отсюда такимъ образомъ, чтобы быть въ 3 часа въ моемъ дворцѣ въ городѣ.

13 Juillet 1826.

Je bénis Dieu de ce que tout soit fini heureusement; j'ai bien cru que les héros du 14 n'auraient pas dans l'occasion plus de courage qu'il ne faut. Je vous recommande, mon cher, pour aujourd'hui la plus grande prudence et dites bien à Benkendorf de redoubler d'activité et d'attention; même consigne à la troupe. Je veux partir d'ici de façon à être à 3 heures à ma maison en ville.

---

[1]) Шт.-к. баронъ Соловьевъ, поручикъ Сухиновъ и прапорщикъ Мозалевскій, какъ главные сообщники подп. Мур. Апостола, были приговорены къ смертной казни. Ред.

Императоръ Николай—ген.-ад. бар. Дибичу.

Елагинъ островъ. 14-го іюля 1826 г.

Баронъ Иванъ Ивановичъ. Вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ благодарить васъ за неутомимые труды ваши и за благоразумныя распоряженія, коими предупредили вы замыслы части злѣйшихъ измѣнниковъ, готовившихся во второй арміи поднять знамя бунта.

Среди заслугъ отечеству, вами оказанныхъ, справедливое потомство всегда вмѣнитъ вамъ въ одну изъ важнѣйшихъ—рѣшимость принятыхъ вами мѣръ тогда, когда поражены были постигшимъ всеобщимъ нашимъ несчастіемъ, и дѣйствовали сами собой.

Примите черезъ меня отъ лица отечества совершенную признательность. Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ Николай.

На конвертѣ рукою государя императора:
„Начальнику главнаго штаба моего барону Дибичу".

ЗАМѢТКА

по поводу статьи Дмитрія Иринарховича Завалишина.

Въ январской книгѣ «Русской Старины» изд. 1882 г. Дмитрій Иринархович не совсѣмъ справедливо запятналъ насъ съ покойнымъ братомъ моимъ—предателями, его погубившими, тогда какъ изъ моихъ воспоминаній видно ясно, какъ несчастный Дивовъ, потерявшись въ казематѣ и пришедшій въ отчаяніе, потребовалъ бумаги и, вѣроятно, надѣясь измѣнить свое положеніе своимъ доносомъ, описалъ подробно всѣ наши разговоры съ Арбузовымъ и Завалишинымъ, а также и мнѣнія всѣхъ насъ. Онъ обыкновенно занимался въ своей комнатѣ, но все слышалъ и все передалъ въ комитетъ. Когда же изъ вопросныхъ пунктовъ я увидѣлъ, что всѣ разговоры наши переданы въ точности и не допуская, чтобъ то былъ мой братъ, я невольно долженъ былъ заключить, что это сдѣлано или Арбузовымъ, или Завалишиннымъ, такъ какъ никто кромѣ насъ четверыхъ никогда не участвовалъ въ нашихъ революціонныхъ бесѣдахъ, а о Дивовѣ мнѣ даже и на мысль не приходило—вотъ сущая истина и слѣдовательно невольнымъ предателемъ всѣхъ нашихъ мнѣній, Арбузова, Завалишина и нашихъ, былъ несчастный Дивовъ, а не мы съ братомъ, какъ заявляетъ Д. И. Завалишинъ. Правда, я не отвергнулъ справедливости показаній Дивова, но это потому, что я не хотѣлъ долѣе лгать и робко притворяться, что держался вѣрноподданнической присяги, какъ показалъ въ комитетѣ. Сначала мы сидѣли въ четверомъ въ одномъ большомъ казематѣ на лабораторномъ дворѣ, а когда насъ развезли по разнымъ казематамъ, мы рѣшили впредь при допросѣ держаться присяги, если же какимъ-нибудь образомъ откроется настоящая наша цѣль, то каждый могъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Все это изложено въ моихъ Воспоминаніяхъ, гдѣ я не скрылъ своего низкаго малодушія, показавъ, что республиканскія идеи заимствовалъ отъ Д. И. Завалишина, краснѣя и теперь еще при мысли объ этомъ. Впрочемъ я показалъ, что только республиканскія идеи заимствовалъ отъ него, но идеи сво-

боды и желанія переворота я уже имѣлъ задолго до возобновленія нашихъ товарищескихъ съ нимъ сношеній.

Относительно «Ордена возстановленія» онъ сообщилъ намъ только, что цѣль его было возстановленіе угнетеннаго человѣчества и что онъ распространенъ по всей Европѣ. Изъ показаній его въ слѣдственной коммисіи, докладъ которой (1826 г.) я до сихъ поръ не читалъ, видно, что уставъ, переданный Завалишинымъ императору Александру Павловичу, былъ потомъ имъ измѣненъ въ республиканскомъ духѣ, изъ чего надо заключить, что и тотъ уставъ, который онъ намъ читалъ, и орденъ, въ который насъ принялъ, былъ его произведеніемъ.

О «Сѣверномъ обществѣ», онъ говорилъ намъ, что онъ зналъ о его существованіи, но что онъ не считалъ его настолько важнымъ, чтобъ къ нему присоединиться, отдавая преимущество ордену, котораго достигались цѣли хотя медленнѣе, но вѣрнѣе и плодотворнѣе. Только теперь, изъ его статьи я узналъ, что онъ даже исполнялъ порученія общества, значитъ присоединился къ нему, чего мы не знали; а зная, что онъ не принадлежалъ къ обществу и зная, что онъ не участвовалъ въ возмущеніи 14-го декабря, я могъ думать, что онъ за одни разговоры подвергнется какой-нибудь временной карѣ, и никакъ не думалъ, что за разговоры безъ дѣйствія онъ будетъ осужденъ на вѣчную каторгу. Доносомъ Дивова наше положеніе было много опаснѣе его, такъ какъ наши революціонныя мнѣнія подтвердились участіемъ въ военномъ возмущеніи.

Дмитрій Иринарховичъ заявляетъ, что онъ намѣренъ разобрать мои записки критически. Думаю, что это будетъ лишній и напрасный трудъ, потому что писавши мои воспоминанія, я не придавалъ имъ строго историческаго значенія, но я строго держался правды и только правды, и если въ чемъ ошибся, то отнюдь не сознательно. Писалъ я ихъ съ записанныхъ прежде отрывковъ,—въ продолженіи многихъ лѣтъ, многое могъ позабыть или ошибиться какъ въ хронологіи, такъ и въ мѣстностяхъ и фамиліяхъ и самъ же просилъ исправить ошибки тѣхъ, которые знали лучше меня о разсказываемомъ мною. Такъ въ «Русской же Старинѣ» была уже напечатана подобная поправка въ ошибочно искаженной мною фамиліи молодаго мичмана, потомъ умерщвленнаго въ Японіи.

Обратившись всѣмъ сердцемъ къ чистому и единому истинному Источнику ученія нашей святой апостольской церкви, я счелъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать гласно о моемъ заблужденіи искать свободы путемъ кровопролитія, заблужденіи, которое могло увлечь и можетъ быть увлекло многіе незрѣлые умы на этотъ ложный и гибельный путь. Поэтому мои Воспоминанія представляютъ одну про-

стую и правдивую исповѣдь и описаніе видѣннаго и испытаннаго мною. Если же я въ этой исповѣди включилъ и Д. И. Завалишина въ число насъ, увлекавшихся воздушными зàмками, тогда какъ изъ описанія его жизни и дѣятельности я увидѣлъ, что онъ и въ тѣ наши юные и мечтательные годы дѣйствовалъ серьезно и съ полнымъ сознаніемъ всей важности и великости принятаго имъ на себя подвига, не считая его выше своихъ силъ, то я прошу его простить мнѣ это мое заблужденіе. Хотя я и тогда признавалъ его дѣйствительно рѣдкія способности и даже увлекался имъ, но все, же до появленія нынѣ его статьи и описанія его жизни въ «Русской Старинѣ», я не зналъ его такимъ, какимъ увидѣлъ его теперь изъ описаннаго имъ своего портрета.

Въ майской и іюньской книгахъ «Русской Старины» товарищъ нашъ по заключенію Александръ Филиповичъ Фроловъ напечаталъ свое опроверженіе статей Д. И. Завалишина, въ которыхъ онъ позоритъ генералъ-губернатора Муравьева, коменданта Лепарскаго, а также не признаетъ той руководящей роли, которую Завалишинъ печатно усвояетъ себѣ въ читинскомъ и петровскомъ казематѣ. Дмитрій Иринарховичъ дѣйствительно своими статьями возбудилъ негодованіе какъ въ сыновьяхъ, родственникахъ и друзьяхъ декабристовъ, такъ и во всѣхъ остающихся въ живыхъ товарищахъ его по заключенію, и нельзя не признать, что негодованіе это имѣло основаніе, такъ какъ всѣмъ имъ дорога память людей, истинно благородныхъ, добродѣтельныхъ, самоотверженныхъ, хотя и имѣвшихъ свои слабости, недостатки и заблужденія, но кто же чистъ изъ всѣхъ насъ человѣковъ предъ святостью Божіею, хотя бы одинъ часъ житія нашего былъ на землѣ?

Желательно бы было и отрадно, чтобы статья А. Ф. Фролова и моя замѣтка были послѣднимъ словомъ въ этомъ непріятномъ, грустномъ и уже надоѣвшемъ пререканіи между людьми, столько пострадавшими въ жизни, въ сущности добрыми, съ прекрасными правилами и благими стремленіями, и когда же?—когда каждому изъ насъ уже около 80 лѣтъ! Пора уже хоть передъ смертнымъ часомъ прекратить эту вражду, начатую статьей о ссыльныхъ г. Максимова и раздуваемую теперь въ пламя Дм. Иринар. Завалишинымъ. Если мы дѣйствительно христіане по вѣрѣ и убѣжденію, къ каковымъ принадлежитъ и онъ, по его свидѣтельству, то вспомнимъ слова нашего Спасителя: Аще братъ твой (даже не ты) имѣетъ нѣчто на тя, то оставь и даръ твой предъ алтаремъ и поди прежде примирись съ братомъ твоимъ,—что̀ я и дѣлаю.

А. П. Бѣляевъ.

Москва. Февраля 20-го 1882 года.

Къ біографическому очерку Н. К. Рутцена.

Въ книгѣ III-ей журнала «Русская Старина», за 1882-й годъ, помѣщенъ біографическій очеркъ одного изъ заслуженныхъ и полезныхъ русскихъ земскихъ дѣятелей, Н. К. Рутцена, составленный А. Р—нъ. Выставляя передъ читателемъ сочувственное отношеніе г. Рутцена къ дѣлу освобожденія крестьянъ и указывая на его искреннее желаніе, даже—стремленіе, попасть въ число общественныхъ дѣятелей (по Орловской губерніи) въ этомъ вопросѣ, при самомъ его возрожденіи, авторъ статьи, по поводу испытанной Н. К. Рутценомъ въ 1858 году неудачи попасть въ число выбранныхъ отъ дворянства членовъ губернскаго по крестьянскому дѣлу комитета, ссылается на существованіе въ уѣздѣ (вѣроятно—въ уѣздахъ) опредѣленныхъ на этотъ предметъ взглядовъ, сформированныхъ партій и готовыхъ напередъ кандидатовъ; при этомъ авторомъ приведенъ разсказъ г. Рутцена о смѣшномъ эпизодѣ по случаю этихъ выборовъ въ Мезенскомъ уѣздѣ, гдѣ предводитель дворянства М. В. Мимаковъ созвалъ дворянъ къ себѣ въ домъ и предложилъ передъ баллотировкой въ собраніи подписать здѣсь листъ на выборъ двухъ кандидатовъ: Шеншина и Крашенинникова. Подобный пріемъ выбора возмутилъ г. Рутцена и онъ протестовалъ противъ подписки, потому что, во 1-хъ, самъ желалъ баллотироваться, а во 2-хъ даже не зналъ одного изъ кандидатовъ, именно Крашенинникова, въ каковомъ мнѣніи былъ поддержанъ г. Телепневымъ, тоже не знавшимъ г. Крашенинникова (стр-цы 609 и 610).

Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ личности г. Рутцена, къ его просвѣщеннымъ и гуманнымъ взглядамъ на многіе существенные въ дѣлѣ развитія и преуспѣянія нашей дорогой родины общественные вопросы, наконецъ къ его практической дѣятельности при осуществленіи нѣкоторыхъ изъ наиболѣе капитальныхъ реформъ минувшаго царствованія—освобожденія и устройства быта крестьянъ и введенія земскихъ учрежденій, считаемъ не безъинтереснымъ нѣсколько подробнѣе коснуться факта неудачи г. Рутцена при выборѣ первыхъ общественныхъ дѣятелей въ Орловской губерніи по крестьянскому дѣлу, для представленія этого факта въ настоящемъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что приводимый въ біографическомъ очеркѣ Н. К. Рутцена разсказъ его, относительно порядка выбора членовъ отъ Мценскаго

уѣзда [1]) въ Орловскій губернскій по крестьянскому дѣлу комитетъ, хотя и не лишенъ нѣкоторой доли юмора, однако не вполнѣ согласуется съ истиною.

Присвоенное какому либо обществу, или сословію, право имѣть выборныхъ представителей для замѣщенія извѣстнаго рода должностей, или для участія въ разработкѣ и рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, естественнымъ образомъ, влечетъ къ образованію въ таковомъ обществѣ, или сословіи, партій, съ заранѣе намѣченными кандидатами для занятія упомянутыхъ должностей, или для участія въ обсужденіи того или другаго общественнаго вопроса.

Не касаясь нисколько законности факта заблаговременной подготовки кандидатуры лицъ для общественной дѣятельности, замѣтимъ только, что подобное явленіе существовало, существуетъ и вѣроятно всегда будетъ существовать во всѣхъ обществахъ, сословіяхъ, даже — государствахъ, пользующихся правомъ представительства при веденіи общественныхъ дѣлъ; слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, намекъ автора біографіи Н. К. Рутцена на существованіе въ уѣздахъ Орловской губерніи партій, съ готовыми напередъ кандидатами въ члены губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу, какъ на причину, якобы помѣшавшую исполненію страстнаго желанія г. Рутцена попасть въ названный комитетъ, по нашему убѣжденію, лишенъ всякаго основанія. Далѣе, не вдаваясь отнюдь въ оцѣнку вопроса, на сколько, въ большинствѣ случаевъ, выборъ кандидатовъ въ общественные дѣятели бывалъ и бываетъ удовлетворителенъ для пользы самого дѣла, укажемъ лишь на то обстоятельство, что при выборномъ началѣ, большею частію, въ кандидаты на общественныя должности попадаютъ лица, пользующіяся до нѣкоторой степени вліяніемъ, авторитетомъ, извѣстностью въ средѣ той партіи, общества или сословія, которымъ предстоитъ сдѣлать выборъ; въ виду сего, легко могло случиться, что въ то время, когда дворянское сословіе впервые было привлечено къ обсужденію вопроса объ освобожденіи крестьянъ, г. Рутценъ не успѣлъ еще настолько авторитетно заявить о себѣ въ средѣ дворянъ Мценскаго, или другихъ уѣздовъ Орловской губерніи, чтобы имѣть шансъ попасть въ члены губернскаго по крестьянскому дѣлу комитета; протестуя противъ порядка выбора сихъ членовъ отъ

[1]) Въ орловской губерніи Мезенскаго уѣзда нѣтъ, а есть Мценскій уѣздъ и вѣроятно предположеніе наше, что разсказъ г. Рутцена относится именно до Мценскаго уѣзда, справедливо на томъ основаніи, что въ дѣйствительности членами Орловскаго губернскаго по крестьянскому дѣлу комитета, отъ Мценскаго уѣзда, были Шеншинъ и Крашенинниковъ. Н. Ш.

Мценскаго уѣзда, г. Рутценъ одною изъ причинъ своего протеста выставлялъ полное незнакомство съ однимъ изъ предложенныхъ предводителемъ дворянства кандидатовъ, именно г. Крашенинниковымъ, въ чемъ и былъ поддержанъ единственно г. Телепневымъ, но въ свою очередь, г. Крашенинниковъ, а быть можетъ, и многіе другіе дворяне Мценскаго уѣзда вовсе не знали г. Рутцена, слѣдовательно благопріятный результатъ его страстнаго желанія быть избраннымъ въ губернскій комитетъ подлежалъ тоже сильному сомнѣнію.

Выше мы позволили себѣ усумниться въ правдоподобности разсказа г. Рутцена о порядкѣ выбора членовъ отъ Мценскаго уѣзда въ Орловскій губернскій по крестьянскому дѣлу комитетъ [1]) и вотъ въ силу какихъ обстоятельствъ. Въ 1858 году и притомъ не первый уже годъ, мценскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства былъ В. А. Шеншинъ, а не М В. Мимаковъ, какъ со словъ г. Рутцена передаетъ авторъ его біографіи, и къ этому слѣдуетъ присовокупить, что, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ за десять до появленія перваго манифеста объ освобожденіи крестьянъ и по настоящее время, въ мценскомъ уѣздѣ предводителя дворянства, по фамиліи—Мимаковъ, не было. Что же касается до личности В. А. Шеншина, то мы смѣло можемъ сказать, что всѣ лично его знавшіе единогласно подтвердятъ, что онъ былъ человѣкъ безукоризненно честный во всѣхъ отношеніяхъ и строго относившійся къ должному исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, поэтому при выборѣ членовъ отъ дворянства Мценскаго уѣзда въ губернскій комитетъ по крестьянскому дѣлу, какъ предсѣдатель уѣзднаго собранія никогда бы не допустилъ въ немъ какихъ либо противузаконныхъ дѣйствій, въ родѣ—отказа въ баллотировкѣ лицу, заявившему объ этомъ желаніе и имѣвшему право быть баллотированнымъ.

Въ настоящей замѣткѣ мы отнюдь не имѣемъ въ виду представить біографическій очеркъ В. А. Шеншина, но такъ какъ намъ пришлось уже коснуться его оффиціальнаго положенія, то быть можетъ не лишеннымъ интереса будетъ краткое указаніе и на его общественную дѣятельность, принадлежавшую къ наиболѣе замѣчательному періоду минувшаго славнаго царствованія; полагаемъ, что на подобное указаніе мы имѣемъ нравственное право, потому что, какъ въ предисловіи къ біографическому очерку Н. К. Рутцена совершенно вѣрно сказано,—мы, русскіе, не привыкли придавать серьезное значеніе и дѣлать какую нибудь оцѣнку честнымъ дѣятелямъ нашей

[1]) Здѣсь же будетъ кстати замѣтить, что число членовъ въ губернскій комитетъ по крестьянскому дѣлу было по два отъ каждаго уѣзда, а не одинъ, какъ сказано въ біографіи г. Рутцена.

собственной общественной жизни; очень рѣдко намъ приходитъ въ голову, что всѣ хорошія дѣла непремѣнно дѣлаются какими нибудь хорошими людьми и что въ осуществленіи такихъ вопросовъ, какъ напр. освобожденіе крестьянъ, кромѣ руководящихъ личностей, дѣятелей государственныхъ, въ родѣ Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина, князя В. А. Черкасскаго, Я. А. Соловьева, бываютъ еще серьезные и полезные дѣятели мѣстные, непосредственными усиліями которыхъ законодательныя реформы становятся явленіями живой жизни. Не отвлекаясь затѣмъ болѣе отъ поставленной себѣ цѣли, постараемся въ нѣсколькихъ словахъ передать, въ чемъ выразилась общественная дѣятельность бывшаго мценскаго уѣзднаго предводителя дворянства, В. А. Шеншина.

Пробывъ въ этой должности слишкомъ четыре трехлѣтія, В. А., вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ выбранъ въ члены Орловскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу, слѣдовательно участвовалъ во всѣхъ подготовительныхъ мѣстныхъ работахъ по освобожденію и устройству быта крестьянъ; впослѣдствіи же, со введеніемъ земскихъ учрежденій и судебной реформы, до конца своей службы онъ состоялъ: губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ, предсѣдателемъ уѣздной земской управы, почетнымъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей Мценскаго уѣзда. Полагаемъ, что приведеннаго перечня обязанностей, лежавшихъ на В. А., и, какъ нами выше уже упомянуто, исполнявшихся имъ съ строго добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, вполнѣ достаточно для доказательства, что мы имѣемъ полное основаніе причислить В. А. Шеншина къ тѣмъ честнымъ и полезнымъ мѣстнымъ дѣятелямъ, о которыхъ Евгеній Марковъ говоритъ въ своемъ предисловіи къ біографіи Н. К. Рутцена, и что В. А. не безъ причины пользовался довѣріемъ своихъ избирателей. Въ заключеніе,—для характеристики того направленія, котораго постоянно держался В. А. въ своей дѣятельности,—укажемъ еще на тотъ фактъ, что во время неоднократныхъ и притомъ довольно продолжительныхъ отлучекъ бывшаго Орловскаго губернскаго предводителя дворянства, В. В. Апраксина, по его личному желанію, равно съ согласія предсѣдателя губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, бывшаго Орловскаго губернатора, графа Н. В. Левашева, В. А. Шеншинъ былъ постоянно привлекаемъ къ занятіямъ въ означенномъ присутствіи, вмѣсто отсутствовавшаго губернскаго предводителя дворянства, какъ человѣкъ усердно и по убѣжденію стремившійся къ цѣли, поставленной правительствомъ.

Н. Шеншинъ.

9-го апрѣля 1882 года.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

1840 г.

Въ концѣ октября 1880 г., будучи въ Бреславлѣ, я посѣтилъ извѣстнаго историка, проф. Репелля (Roeppell). Зашла рѣчь о нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, и г. Реппель сталъ вспоминать о тѣхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Между прочимъ, онъ освѣдомился у меня о Измаилѣ Ивановичѣ Срезневскомъ. Извѣстіе о смерти И. И. было новостью для г. Репелля. На мой вопросъ, гдѣ онъ познакомился съ И. И., г. Репелль разсказалъ мнѣ объ ихъ встрѣчѣ слѣдующее:

Въ 1840 году пріѣхалъ покойный Срезневскій въ Галле, гдѣ находился Репелль, бывшій въ то время приватъ-доцентомъ. Тутъ-то они познакомились и, повидимому, подружились. Съ тѣхъ поръ, однако, они болѣе не встрѣчались. Не смотря на то, что со времени этого знакомства протекло такъ много времени, г. Репелль живо помнитъ И. И., произведшаго на него сильное впечатлѣніе своимъ умомъ, энергіею и живостью характера. Уѣзжая изъ Галле, И. И. оставилъ на память г. Репеллю, на клочкѣ сѣрой бумаги, трехстишіе, которое онъ сохраняетъ до сихъ поръ. Вотъ это трехстишіе:

Ой пінтовъ козакъ межъ чужін люди,
Чи не лучше на чужини якъ межъ своими буде.
Ой що буде, то и буде, козакъ добра не забуде.

Н. Срезневскій.

1840. Февраля 10.

Сообщилъ Н. Любовичъ.

Къ воспоминаніямъ А. П. Бѣляева.

Поправки.

Вотъ нѣсколько незначительныхъ поправокъ къ интереснымъ „Воспоминаніямъ“ А. П. Бѣляева, собственно къ кавказскому ихъ отдѣлу: 1) На 40-й стр. сент. книги 1881 г. напечат. „Годгоры“; слѣдуетъ читать „Гуд-Горы“. 2) Напеч. „Фортанго“ (стр. 216-я окт. кн.) и, по смыслу разсказа, надо заключить, что эта рѣка отнесена къ большой Чечнѣ; слѣдуетъ читать „Фортанга“; течетъ рѣка по малой Чечнѣ. 3) Напеч. „Суликъ“ у „Мятмескаго аула“ (ст. 278); слѣд. чит. „Сулакъ“ у „Міатлинскаго аула“ Сулакъ—значительнѣйшая изъ рѣкъ Дагестана, а Міатлы—одна изъ важнѣйшихъ переправъ черезъ нее. 4) Аулъ, въ которомъ убитъ былъ имамъ Кази-Мулла (стр. 279) наз. „Гимры“. 5) Шамиль дѣлалъ набѣгъ въ большую Кабарду не въ 1845 г. (стр. 692, декабр. книга), а въ 1846 г. 6) Передался Шамилю (693) генералъ-маіоръ Даніэль-Султанъ Элисуйскій, а не Инисуйскій. Впослѣдствіи изъ Элису было образовано особое приставство. 7) Ген.-лейтен. баронъ Ипполитъ Алекс. Вревскій былъ убитъ не въ 1859 г. (стр. 6 сент. кн. и 700 декабр. кн.), а лѣтомъ 1858 г. при штурмѣ аула Китури, въ землѣ дидайцевъ, близъ Лезгинской кордонной линіи. Въ „Русск. Стар“ (стр. 6 окт. кн.) опечатка: нап. „Вревскій же палъ въ Мзгинскихъ горахъ“; слѣд. читать „въ Лезгинскихъ“.

1882 г.
М. Телеханы.

А. В. Дурново.

ПАМЯТИ МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА СКОБЕЛЕВА.

† 25-го іюня 1882 г.

Не легко живется на Руси ея великимъ сынамъ. Надъ ними тяготѣетъ какой-то злосчастный рокъ. Смерть съ особенною любовью поражаетъ этихъ избранныхъ жертвъ, либо въ предательской дуэлѣ, либо на полѣ брани, а не то союзникомъ является лютая болѣзнь.

Генералъ Скобелевъ принадлежитъ къ свѣтлымъ личностямъ прошлаго царствованія; несомнѣнно, что онъ обладалъ не только дарованіями великаго полководца, но и умомъ государственнаго дѣятеля. Человѣкъ всесторонне образованный, начитанный, продолжавшій постоянно слѣдить за ходомъ европейской мысли, во всѣхъ ея проявленіяхъ, онъ своимъ орлинымъ взоромъ обнималъ прошедшія и грядущія судьбы своего отечества, чтобы вывести наставленія для настоящаго и обрѣсти утѣшеніе въ печаляхъ дня. Всякому которому выпало въ своей жизни счастіе хоть одной бесѣды съ незабвеннымъ Михаиломъ Дмитріевичемъ, сохранитъ о немъ въ своей памяти благодарное воспоминаніе и не забудетъ геніальнаго собесѣдника.

Съ давнихъ поръ Михаилъ Дмитріевичъ восхищался однимъ стихотвореніемъ Шиллера [1]), имѣвшимъ для него, какъ онъ лично выражался пишущему эти строки, значеніе цѣлаго откровенія.

Оно кончается словами:

Du musst glauben du musst wagen,
. . . .
Nur ein Wunder kann dich tragen,
In das schöne Wunderland.

Всю кратковременную жизнь свою Скобелевъ провелъ въ поискахъ за таинственнымъ «Wunderland» и воображенію его рисовалась конечно другая картина, чѣмъ «безболѣзненная кончина». Будущему біографу Скобелева нельзя упустить изъ вида приведенный нами фактъ, весьма важный для объясненія его внутренняго міросозерцанія и внѣшнихъ проявленій его дѣятельности словомъ и дѣломъ.

---

[1]) Sehnsucht.

Имя Скобелева, дѣянія его обратились отнынѣ въ достояніе исторіи и нелицепріятнаго суда ея. Послѣ восхваленій, разливающихся нынѣ неудержимымъ потокомъ, въ русской печати, найдутся также и доморощенные Ланфре, Юнги и т. п., которые постараются вновь подтвердить истину, что тамъ гдѣ много свѣта, нѣтъ недостатка и въ тѣни. Но въ ожиданіи этихъ повѣствованій, не слѣдуетъ забывать, что начальныя страницы книги бытія всѣхъ великихъ людей, не обходятся безъ фактовъ, могущихъ возбудить самую страстную и жестокую полемику. Но не въ этомъ дѣло; много ли выиграла исторія отъ кропотливыхъ разоблаченій г. Юнга относительно юношескихъ годовъ и первыхъ шаговъ службы корсиканскаго героя?! Несравненно плодотворнѣе для исторіи тщательныя изслѣдованія дѣйствій великаго человѣка, когда онъ уже стоитъ на прямомъ пути, слѣдуя къ предначертанной Провидѣніемъ цѣли. Хотя Скобелевъ и не успѣлъ вознестись на полную степень славы и не успѣлъ еще развернуть въ политической сферѣ всего присущаго ему творчества, но и сдѣланнаго уже достаточно, чтобы отвѣтить будущимъ порицателямъ словами Наполеона I-го: „qui osera attaquer ma mémoire mordera sur du granit".

Со временемъ вѣроятно появится въ печати обширная переписка знаменитаго генерала, его боевые приказы, инструкціи и разнообразныя записки по многимъ животрепещущимъ вопросамъ волнующимъ современное общество, между которыми роковой Восточный вопросъ, въ самомъ обширномъ его значеніи, занимаетъ конечно первенствующее мѣсто. Дай Богъ, чтобы все это не пропало безслѣдно и сохранилось въ сокровищницѣ русской мысли и науки! Несомнѣнно что это будетъ лучшій нерукотворный памятникъ воздвигнутый его славной памяти.

Помѣщаемая ниже записка написана М. Д. Скобелевымъ въ исходѣ декабря достопамятнаго 1878 года, во время стоянія русской арміи въ Адріанополѣ, въ ожиданіи окончательнаго мира съ Оттоманской Портой. Не входя въ разборъ вопроса о томъ на сколько въ ту эпоху оказалось бы цѣлесообразнымъ возобновленіе борьбы съ Турціею, записка эта тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ вниманіе во многихъ отношеніяхъ. Скобелевъ, между прочимъ, выказалъ себя въ ней дальновиднымъ политикомъ, усмотрѣвъ приближающееся паденіе министерства Лорда Биконсфильда, въ то время когда событіе это казалось еще и присяжнымъ дипломатамъ недосягаемымъ счастіемъ далекаго будущаго.

При воспоминаніи о великой утратѣ 25-го іюня 1882 г., невольно воскресаютъ въ памяти слова сказанныя императрицею Екатериною II въ 1788 г., при вѣсти о кончинѣ одного изъ доблестнѣйшихъ ея сподвижниковъ (адм. Грейга): „эта великая потеря, государственная потеря"!

Н. Ш.

Записка ген.-ад. М. Д. Скобелева.

27-го декабря 1878 г. г. Адріанополь.

Впечатлѣніе, произведенное на меня послѣднею поѣздкою въ Константинополь, привело меня къ сознанію, что остановка войскъ дѣйствующей арміи впереди Адріанополя осязательно привела насъ, уже теперь, къ результатамъ характера крайне положительнаго, въ смыслѣ нашихъ интересовъ и, въ особенности, въ смыслѣ интересовъ создаваемой нами Болгаріи.

I.

Постоянное напряженіе со стороны турецкихъ войскъ, глубоко потрясенныхъ неудачами послѣдней войны, вызвало въ рядахъ ея крайнее утомленіе, которое усиливается необходимостью бивуакировать въ суровое время года, въ мѣстностяхъ хорошо намъ извѣстныхъ по гигіеническимъ своимъ условіяхъ (болотистое теченіе Карасу у Чаталджи) и это, при отсутствіи средствъ къ порядочному содержанію войскъ и отсутствію заботливости въ начальникахъ.

Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе вліяетъ на нравственное состояніе войскъ, сосредоточенныхъ впереди Константинополя, что a) главное управленіе этими войсками поручено иностранцамъ Беккеру-пашѣ и его штаву, которымъ мнѣніе солдатъ, и приписываетъ большею частью своихъ страданій.

b) близость столицы полной соблазновъ, затрудняетъ надсмотръ за офицерами.

Даже тѣ таборы, которые выставлены на показъ по станціямъ желѣзной дороги, находятся въ самомъ печальномъ состояніи:

a) обмундированіе безусловно недостаточное; b) сапогъ вовсе нѣтъ; c) теплой одежды нѣтъ; d) расположеніе на позиціяхъ въ палаткахъ, которыя промакаютъ; e) топливо поставляется подрядчиками, но признаки таковаго, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, можно найти развѣ въ карманѣ начальниковъ частей; f) общей варки изъ котла не производятъ и выдаютъ натурой мясо и рисъ въ ограниченномъ количествѣ. Раздача приварка также даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ; g) вьючныя лошади и вообще обозныя животныя въ негодномъ, для боевой службы, состояніи.

Какъ послѣдствіе вышесказаннаго является и распущенность въ средѣ офицеровъ, и плохое содержаніе оружія, и повсемѣстный ропотъ и неудовольствіе.

Упорство англичанъ поставить Константинополь, тотчасъ же по позднему уходу нашему, въ невозможность быть атакованнымъ открытою силою дало результаты совершенно противоположные. Тяжелыя земляныя работы въ осеннюю распутицу лишили войска возможности своевременно озаботиться устройствомъ собственныхъ зимнихъ помѣщеній, окончательно ихъ изнурили и, главное, нравственно пошатнули. Немного выиграли англійскіе генералы и офицеры распорядители отъ этой несвоевременной, недостаточной нервной торопливости.

Въ фортификаціонномъ отношеніи, стремленіе измѣнить времен-

ныя профили укрѣпленій въ долговременныя, нарушили на нѣсколько мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ, существовавшую у нихъ прежде силу сопротивленія.

Желаніе опять таки возможно поспѣшно вооружить Чатальджинскую линію артиллеріею, побудило сераскеріатъ фактически нарушить военное значеніе той линіи, которая существовала впереди нашихъ позицій у Санъ-Стефано.

Впрочемъ, знакомство мое съ мѣстными грунтовыми условіями оборонительныхъ линій турецкой арміи даетъ мнѣ смѣлость придти къ заключенію, что вооружить укрѣпленія въ теченіи зимы артиллеріей, подвести къ нимъ необходимыя тяжести потребовали бы много средствъ и времени. Относительно артиллеріи скажу даже, что это врядъ ли возможно. Въ прошломъ году турки принуждены были, въ слѣдствіе этого, покинуть какъ въ Адріанополѣ, такъ въ Чатальджинскихъ линіяхъ, часть своей артиллеріи.

Мнѣніе мое, впрочемъ, подтверждается тѣмъ фактомъ, что вооруженіе линій 300 орудіями, только что прибывшими изъ Англіи, отложено до окончанія постройки желѣзной дороги отъ Хадымкіоя къ Деркосу или по крайней мѣрѣ до поздней весны.

Смѣю думать, что въ настоящую минуту между нами и Константинополемъ нѣтъ серьезныхъ преградъ. Это сознаютъ наши враги. Дѣйствующая армія въ Адріанополѣ какъ Дамокловъ мечь виситъ надъ ними.

Заключаю: относительно рѣшеній Порты, при большей энергіи со стороны нашего посла, господствующее вліяніе должно, по силѣ вѣщей, принадлежать Россіи и весьма прискорбно, что столь могучій факторъ, какъ присутствіе въ Адреанополѣ дѣйствующей арміи и возможность, во всякій данный моментъ, и теперь еще занять съ бою столицу Турціи, по всему, что я могъ замѣтить, слишкомъ мало принимается въ разсчетъ нашею дипломатіею.

Относительно Турціи вообще, но въ особенности ея арміи, мнѣ болѣе знакомой, мы переживаемъ весьма интересное время. Конвенція 4-го іюня нагло навязавшая Оттаманской портѣ англійскій протекторатъ официально, въ практическомъ своемъ примѣненіи, все болѣе раздражаетъ природныхъ турокъ и мусульманскій элементъ вообще.

Люди вліятельные и свѣдующіе мнѣ говорили, что, напримѣръ воинственныя племена долины Тигра и Ефрата не могутъ говорить безъ скрежета зубовъ объ уступкѣ ихъ Султаномъ во власть невѣрныхъ и это безъ боя, вопреки краеугольному постановленію Корана, повелѣвающему, при всякихъ обстоятельствахъ, непремѣнно, хоть одинъ разъ сразиться съ непріятелемъ не мусульманской вѣры [1]).

Лично я могъ замѣтить, что всѣ высшіе чины, съ которыми я говорилъ, оскорблены за живое усиливающимся значеніемъ должностныхъ лицъ британскаго происхожденія и вообще открыто выражаютъ сомнѣніе въ пригодности ихъ вести въ бой турецкихъ солдатъ, въ

[1]) Этимъ было и можно объяснить рѣшительность нѣкоторыхъ средне-азіатскихъ хановъ вступить въ борьбу съ нашими войсками часто безъ всякихъ шансовъ на успѣхъ. «Мы исполнили повелѣнія пророка—дрались съ вами—теперь воля Аллаха—дѣлайте что хотите». М. Д. С.

особенности теперь, когда почти всѣ нравственныя причины, которыми держится боевая сила арміи, надломлена, и неудачами, и переносимыми теперь еще страданіями.

Нельзя съ этимъ не согласиться. Исторія насъ учитъ, что самосознаніемъ, проявленіемъ народной инициативы, поклоненіемъ народному прошлому, народной славѣ; въ особенности же усиленнымъ уваженіемъ, воскресеніемъ въ массѣ народа вѣры отцовъ, во всей ея чистотѣ и неприкосновенности—можно воспламенять угаспее народное чувство, вновь сосдать силу въ распадающемся государствѣ.

Все это для англичанъ невозможно. Конвенція 4-го іюня (1878 г.) преслѣдуетъ двѣ цѣли противоположныя по существу: 1) воскресить Турцію 2) утвердить свое включительное всемогущее въ ней вліяніе. Должно случиться или одно или другое. Кризисъ по всѣмъ признакамъ начинаетъ уже развиваться... неужели мы не воспользуемся столь выгодно сложившимся для насъ обстоятельствами и допустимъ созданіе англійской колоніи [1]) на развалинахъ Турецкой имперіи.

II.

Въ Англійскомъ обществѣ я не былъ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Я былъ пораженъ нѣкоторыми перемѣнами въ воззрѣніяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по существу.

Стояніе дѣйствующей арміи подъ Адріанополемъ, смѣю сказать. имѣетъ рѣшающее значеніе въ этой перемене. Англійская дипломатія смотритъ на это стояніе какъ на доказательство политической мудрости нашего правительства.

Присутствіе сильной, грозной, готовой къ бою русской арміи (какъ они хорошо знаютъ) могущей, со всѣми данными на успѣхъ, перейдти въ наступленіе, отчасти уже уничтожили плоды уступокъ вырванныхъ настойчивыхъ умѣніемъ (the Skill) англійскаго премiера и продолжаетъ каждый день все болѣе и болѣе затруднять роль англійскаго правительства.

Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ они, въ чемъ собственно для Европейской Турціи суть уступокъ Россіи въ Берлинѣ. Военное занятіе линіи Балканъ и прочное утвержденіе въ В. Румеліи, подъ эгидою власти султана, западнаго Европейскаго, т. е. англійскаго вліянія, которое помощью капитала и увлекательной прелести богатыхъ промышленныхъ операцій, задушили бы въ зародышѣ неуспѣвшее еще окрѣпнуть болгарское самосознаніе. Что такъ возможно дѣйствовать, не разъ указываетъ намъ исторія: такъ поступили французы въ Эльзасѣ, пруссаки въ Позваніи и даже это временно удавалось Австріи въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ.

Продолжительность окупаціи Адріанополя нашею арміею, способною дѣйствовать во всякую минуту, въ корнѣ нарушаютъ воз-

[1]) Когда около года тому назадъ мы пришли къ Константинополю англичане немогли разсчитывать на столь широкую уступчивость, тогда всѣ безъ исключенія сожалѣли, что тотчасъ послѣ Крымской войны они не приступили къ созданію въ Турціи такой же обширной „Англійской Колоніи“ какую удалось имъ подчинить себѣ въ Индостанѣ. М. Д. С.

можность исполненія вышеизложеннаго: Военное занятіе линіи Балканъ исполнимо лишь, если Румелія можетъ быть разсматриваема, какъ прочный операціойный базисъ. Между тѣмъ, грозное стояніе наше здѣсь, на столько дастъ развитіе народному самосознанію въ южной Болгаріи, что задача лишить ея своей національности, даже какою бы ни было дорогою денежною цѣною, съ каждымъ днемъ затрудняется все болѣе и болѣе.

Фактъ присутствія здѣсь русскаго главнокомандующаго, по мнѣнію нашихъ непріятелей, на столько важенъ, что вооруженіе нами Болгаръ, обученіе ихъ владѣть оружіемъ и другія мѣры, которыми мы свидѣтельствуемъ о присутствіи здѣсь русской силы, имъ кажутся второстепенными.

Слѣдовательно, заключаютъ они, возможность защитить Турцію неприступностью прочно укрѣпленныхъ Балканъ, увы, на дѣлѣ уже теперь представляется чуть-ли не мифическое. Между тѣмъ, эта-та уступка Россіи главнымъ образомъ и ставилась въ заслугу Лорду Биконсфильду, она была причиною его торжества и того безконтрольнаго довѣрія націи, которыми до сихъ поръ пользовался англійскій премьеръ и которое ставитъ его въ уровень лишь съ одною историческою личностью В. Питтомъ.—«Eh voilà, завершаютъ они, par une inertie de génie sont mis de plus en plus en lambeaux tous les jours, les inspirations du plus auda cieux des talents«.

Весьма многознаменательно, что между турецкими генералами, съ которыми я имѣлъ случай говорить, существуетъ, по тѣмъ же причинамъ, крайнее предубѣжденіе противъ цѣлеобразности занятія турецкими арміями линіи Балканъ.

Не касаясь собственно военной ея характеристики, они полагаютъ, что постановленія Берлинскаго конгресса, если ихъ исполнять, исключаютъ эту возможность. Это ловушка въ которую насъ хочетъ втянуть Россія, говорятъ они. Чтобы идти туда, надо прочно утвердится въ Румеліи, слѣдуетъ это сдѣлать чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, а если поздно то лучше никогда.

Все это, какъ кажется, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ какихъ результатовъ въ мнѣніи достигли мы упорнымъ стояніемъ вблизи Константинополя.

III.

Все сказанное, смѣю это думать, однако еще не вполнѣ исчерпало политическое значеніе нашего хотя и терпѣливаго, но все же угрожающаго бездѣйствія.

Уже нѣсколько лѣтъ, служа на той границѣ отечества, которой суждено какъ думаю, столкнуться, въ наиболѣе рѣшительной формѣ, съ Британскою силою, я старался выяснять себѣ, какимъ образомъ. въ общественномъ мнѣніи этой великой націи, въ различные періоды ея народной жизни, происходятъ перевороты, заставляющіе англичанъ относиться въ данное время, къ тѣмъ же вопросамъ совершенно различно.

Кому не памятенъ, напримѣръ, припадокъ нервной русофобіи въ 1840-хъ годахъ, вызванный талантливою дѣятельностію нашего посла въ Тегеранѣ графа Симонича, миссіею въ Кабулъ Виковича,

движеніемъ персидской арміи къ Герату, осадой Герата и побѣдоносною обороною этого города волонтеромъ, поручикомъ, Эдуардомъ Потингеромъ, случайно бывшемъ тогда въ Гератѣ, и со свойственною этой великой націи инициативой, взявшій на себя честь быть предводителемъ, въ этотъ моментъ, всѣхъ страстей своего отечества.

Несчастная экспедиція графа Перовскаго на Хиву, какъ несчастная экспедиція генерала Столѣтова въ Кабулъ, переполнило чашу.... Англійская армія генерала Эльдхенсуона вторгается въ Авганистанъ, штурмуетъ Гузни, занимаетъ Кабулъ и Кандагаръ и уже мечтаетъ идти къ Самарканду [1].... Это было въ 40-хъ годахъ; съ этого времени наступаетъ врдугъ переломъ въ мнѣніяхъ англійскаго народа относительно значенія нашего вліянія въ Средней Азіи.

Наступаетъ періодъ русофильства, которое не нарушается до настоящаго года никакими успѣхами нашими въ Средней Азіи, ни даже фактическимъ приближеніемъ русскихъ силъ къ границамъ Индостана. Опасность была мифическая, когда Англичане били тревогу въ 40-хъ годахъ; они ея не били въ 1865—когда слѣдовало.

Таковъ характеръ проявленій общественнаго мнѣнія въ Англіи въ главнѣйшія эпохи ея исторической жизни. Главная причина заключается въ свойствѣ отношеній двухъ, попеременно господствующихъ, партій—виговъ и торіевъ. Здѣсь не мѣсто болѣе объ этомъ распространяться, но, во всякомъ случаѣ, внимательное изученіе симптомовъ, указывающихъ на приближеніе того или другаго настроенія британской націи—болѣе чѣмъ первостепенно важно при рѣшеніи какъ дѣйствовать съ Англіей въ данный моментъ.

Теперешняя моя поѣздка въ Константинополь даетъ нѣкоторыя указанія предполагать, что консервативная партія своими увлеченіями, какъ будто бы, начинаетъ быть въ тягость общественному мнѣнію страны. Недавняя рѣчь Л. Биконсфильда на банкетѣ Лорда Мэра, впервые крайне сдержана по отношенію къ Россіи.

Политическая характеристика талантливаго премьера заключается, главнымъ образомъ, въ отсутствіи твердыхъ принциповъ; онъ въ высшей степени человѣкъ случая, всегда умѣющій, за четверть часа впередъ, предвидѣть какое наступаетъ настроеніе въ мнѣніи большинства англійскаго общества и, любя прежде всего власть, онъ, въ теченіи всей своей многолѣтней политической карьеры, всегда былъ готовъ на всякія крайніе компромисы.

По мнѣнію англичанъ, которыхъ я видѣлъ, лордъ Биконсфильдъ нынѣ испробовавъ всѣ средства втянуть свою страну въ войну съ Россіей, окончательно убѣдился, что большинство страны войны не желаетъ. Какъ человѣкъ цѣльный, онъ, разъ принявши рѣшеніе, честно примиряется со всѣми его послѣдстіями. Между тѣмъ, турецкое безсиліе выяснившееся во время отступленія 4-го корпуса отъ С.-Стефано, въ особенности же патріотическія демонстраціи вызванныя въ южной Болгаріи присутствіемъ здѣсь дѣйствующей арміи

---

[1]) Передовой отрядъ полковника Гарлея съ батарейными орудіями успѣли перевалить черезъ Гиндукушъ и занять Баміанъ, какъ вдругъ вспыхнувшее въ тылу возстаніе остановило всѣ предпріятія! М. Д. С.

и возможныя лишь пока она здѣсь, нанесли престижу консервативной партіи значительный ударъ [1]).

Начинаетъ прозрѣвать убѣжденіе, что соединеніе двухъ Болгарій неизбѣжно, что лучшее средство до крайности умалить значеніе русскихъ интригъ, это самой Англіи способствовать удовлетворенію стремленій болгарской народности въ такихъ размѣрахъ, чтобы болгарамъ нечего было бы въ будущемъ ждать отъ Россіи [2]).

Поспѣшность съ которою общественное мнѣніе въ Англіи въ данную минуту, повидимому начинаетъ вступать на этотъ путь, разумѣется не безкорыстная. Англичане желаютъ во что бы то ни стало поспѣшнаго удаленія нашихъ войскъ изъ окрестностей Босфора, за обладаніе которымъ, въ Европейской Турціи, только они готовы рискнуть войною съ нами.

Но полагаю, присутствіе нашихъ силъ здѣсь подъ Андріанополемъ, является самымъ могучимъ средствомъ къ окончательному утвержденію въ средѣ общественнаго мнѣнія въ Англіи, убѣжденія въ необходимости чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше собственноручно нарушить, во имя интересовъ Великобританіи, пресловутыя постановленія Берлинскаго трактата—лишь бы удалить русскихъ отъ Босфора.

Какъ бы подтвержденіе мною высказаннаго, я слышалъ, что вліятельнѣйшій органъ столь многочисленной либеральной партіи въ Англіи «Daily News» хочетъ, съ новаго (1879) года, перейдти Рубиконъ и именовать Восточную Румелію не иначе какъ Южною Болгаріею.

Было бы слишкомъ для насъ грустно, опять упустить, какъ выражается князь Бисмаркъ, психологическій моментъ—и слишкомъ поспѣшнымъ отступленіемъ (по обстоятельствамъ, во всякомъ случаѣ далеко не выяснившимся), самимъ лишить себя тѣхъ результатовъ, которые куплены дорогою цѣною русской безропотной усидчивости и русскихъ трудовыхъ грошей.

Невольная потребность заключить словами Когена (l'Empire Allémand 1879, стр. 149).

«Quand on s'engage daus les oeuvres [3]) de la guerre ne pas oser tout ce qu'on peut, c'est plus qu'une faute—c'est un grand danger».

Михаилъ Скобелевъ.

27-го декабря 1878 г.
Андріанополь.

---

[1]) Можно смѣло предполагать, что не будь печальныхъ для нашего достоинства событій въ Авганистанѣ, партія англійскихъ консерваторовъ была бы значительно болѣе дескредитована въ мнѣніи страны.

[2]) Утвержденію этого мнѣнія, думаю не безъ основанія, способствуетъ примѣръ Румыніи. М. Д. С.

[3]) Въ приведенной М. Д. Скобелевымъ выписки изъ сочиненія Cohen вкралась маленькая неточность; авторъ говоритъ „les oeuvres sinistres de la guerre". Скобелевъ не могъ вынести подобнаго прилагательнаго въ примѣненіи къ столь любимому имъ военному дѣлу, и, какъ самъ мнѣ потомъ признался, послѣ долгихъ колебаній рѣшился его выпустить не поставивъ даже точекъ. Н. Ш.

боръ мнѣній и свѣдѣній, существующихъ въ литературѣ, и внутренній бытъ духоборческихъ общинъ, а въ заключеніе прилагаетъ нѣсколько духовныхъ псалмовъ, распространенныхъ между духоборцами, отчасти догматическаго, отчасти молитвеннаго содержанія. Къ сожалѣнію только авторъ не приложилъ къ своей книгѣ ни подробнаго оглавленія, ни указателя множества именъ, встрѣчающихся на страницахъ его изслѣдованія.

Пожелаемъ, чтобы это интересное изслѣдованіе, значительно переработанное спустя 50 лѣтъ послѣ своего перваго появленія въ свѣтъ, обратило на себя вполнѣ заслуженное вниманіе со стороны любителей отечественной исторіи.

Исторія русской церкви. Макарія, митроп. москов. и коломенскаго. Т. XI. Спб. 1882. 628. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящій томъ распадается на два, почти равные, отдѣла. Въ первомъ изложена исторія московской церкви въ патріаршество Филарета, Іоасафа I и Іосифа, при чемъ авторъ касается и первыхъ лѣтъ дѣятельности Никона, до его вступленія въ санъ патріарха. Этотъ отдѣлъ заканчивается общимъ обзоромъ состоянія русской церкви въ тотъ же періодъ, до измѣненій, произведенныхъ уложеніемъ ц. Алексѣя Михайловича въ церковномъ управленіи и судѣ. Второй отдѣлъ книги пр. Макарія посвященъ исторіи западно-русской митрополіи въ борьбѣ съ уніею подъ управленіемъ православныхъ митрополитовъ, а именно возстановленію западно-русской іерархіи іерусал. патріархомъ Ѳеофаномъ, и дѣятельности митр. Іова Борецкаго, Исаія Копинскаго и Петра Могилы. Въ заключеніе этого отдѣла также помѣщенъ очеркъ состоянія западно-русской церкви въ разсматриваемый періодъ, какъ православной, такъ и уніатской. Такимъ образомъ въ многотомномъ трудѣ пр. Макарія западно-русской церкви отведено подобающее мѣсто; событія ея исторіи изложены съ одинаковою обстоятельностію. По прежнему въ его трудѣ постоянно встрѣчаются новыя свѣдѣнія, иногда извлеченныя изъ рукописныхъ источниковъ.

Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. Ч. I. Казань. 1881. XIV+755+XLVII. Ц. 3.

Знаменитая въ свое время (съ XV вѣка) Соловецкая библіотека поступила въ Казанскую Духов. Академію въ 1855 г., въ количествѣ до 1600 №, частію старопечатныхъ книгъ, но главнымъ образомъ рукописей (прежде въ ней насчитывали до 4000 экз. книгъ). Благодаря этому обстоятельству, она сдѣлалась вскорѣ послѣ того достояніемъ науки. Такъ, постепенно появились въ свѣтъ весьма важные памятники древне-русской литературы, какъ сочиненія Іосифа Волоцкаго, Максима Грека, Зиновія Отенскаго и множество другихъ менѣе обширныхъ памятниковъ древней письменности, помѣщавшихся на страницахъ возникшаго одновременно съ тѣмъ «Православнаго Собесѣдника». Благодаря тому же обстоятельству, появился теперь въ отдѣльномъ изданіи (оно печаталось и въ «Прав. Собесѣд.») первый томъ «Описанія рукописей Синодальной библіотеки». Сколько извѣстно, оно ведется подъ ред. проф. Порфирьева, автора, между прочимъ, исторіи рус. словесности.

Въ числѣ рукописей Соловецкой библіотеки есть нѣсколько пергаменныхъ; въ числѣ бумажныхъ рукописей есть рукописи, списанныя съ древнихъ, но бо́льшая часть ихъ принадлежитъ къ XVI—XVIII столѣтіямъ. Что же касается содержанія этихъ рукописей, то въ этомъ собраніи мы находимъ почти всѣ важныя сочиненія славянской письменности, какъ переводныя, такъ и оригинальныя, начиная съ первыхъ временъ ея въ Болгаріи и Сербіи и оканчивая позднѣйшимъ временемъ. Особенно много между ними такъ называемыхъ Сборниковъ (135). Въ первомъ томѣ настоящаго описанія разсмотрѣны пока слѣдующіе отдѣлы рукописей: a) священное писаніе; b) творенія отцовъ и учителей церкви; c) богословіе (сочиненія догматическія и полемическія, сочиненія нравоучительнаго и смѣшаннаго содержанія).

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о библіотекѣ Соловецкаго монастыря можно найти въ «Православн. Собесѣдникѣ» 1859 г., томы I и II (статьи А. Н. Лилова).

В. И.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ тринадцатый. АВГУСТЪ. 1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Выѣздъ императрицы Екатерины Алексѣевны изъ Петергофа, 28-го іюня 1762 г. Гравюра съ современной картины, исполнилъ академикъ граверъ Л. А. Сѣряковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1882.

VIII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го августа 1882 г.

О Святѣйшемъ Синодѣ и установленіяхъ при немъ въ царствов. Петра I (1721—25). Историко-юридическое изслѣдованіе Владиміра Попова. Спб. 1881. стр. 92. Ц. 1 р.

Въ своемъ очеркѣ авторъ разсматриваетъ состояніе церковнаго правительства отъ смерти послѣдняго патріарха до учрежденія синода, представляющее постепенное ограниченіе власти представителя рус. церкви; затѣмъ дѣятельность синода, какъ государственнаго учрежденія въ ряду другихъ коллегій; отношенія его къ сенату и государю; личный составъ синода; власть оберъ-прокурора; административную дѣятельность синода; дѣлопроизводство въ синодѣ; наконецъ различныя установленія, подвѣдомственныя синоду: приказы (духовный, церк. дѣлъ, казенный, дворцовый, монастырскій), конторы розыскныхъ и раскольническихъ дѣлъ, синодальная), институтъ инквизиторовъ.

Главными источниками автору служили: полное собраніе законовъ, описаніе документовъ, хранящихся въ синодальномъ архивѣ и полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православн. духовенства. Изъ другихъ пособій онъ пользовался соч. Чистовича (Ѳеоѳ. Прокоповичъ), Розанова (ист. моск. епарх.), Архангельскаго (ист. спб. епарх.), Горчакова (монастырскій приказъ и о земельн. влад. духовенства), Барсова (о свѣтскихъ фискалахъ и духовныхъ инквизиторахъ), Востокова и Образцова (статьи о синодѣ при Петрѣ В. въ Ж. Мин. Н. Просв. 1868 и 1875 гг.). Такимъ образомъ изъ перечня этихъ трудовъ видно, что литература по исторіи учрежденія, разсматриваемаго авторомъ, далеко не исчерпана; но, въ противномъ случаѣ, автору пришлось бы, пожалуй, выйти уже за предѣлы намѣченной имъ задачи: историко-юридическаго изслѣдованія.

Древнѣйшія русскія монеты вел. княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ. Графа Ив. Ив. Толстаго. Съ 19 таблиц. рисунковъ. Спб. 272 стр. in folio. 1882. Ц. 25 р. (всего 100 экземпл.).

Обращаемъ вниманіе читателей «Русской Старины» — на этотъ замѣчательный, какъ по мысли, такъ и по исполненію, трудъ почтеннаго русскаго нумизмата. «Поводомъ къ настоящему труду, говоритъ авторъ, послужило пріобрѣтеніе нами въ 1877 г. нумизматической коллекціи русскихъ монетъ М. В. Юзефовича. Между монетами этой коллекціи особеннаго вниманія заслуживали 43 экземпляра изъ числа монетъ, найденныхъ въ 1852 г. въ землѣ близь Нѣжина». Часть монетъ этого клада была уже описана г. Волошинскимъ—это монеты, находящіяся въ коллекціи университета Св. Владиміра. Подобно ему, авторъ думалъ издать сначала описаніе своихъ монетъ въ видѣ каталога, но неудовлетворительность классификаціи нѣжинскаго клада и разнообразіе мнѣній по этому вопросу побудили его заняться имъ всесторонне и привели къ изданію настоящаго труда. Вотъ въ какомъ видѣ представлялся вопросъ объ этихъ монетахъ до этого времени: одни утверждали, что это монеты первыхъ русскихъ князей, другіе отрицали ихъ русское происхожденіе, считая ихъ болгарскими или сербскими; одни считали ихъ ходячею монетою, другіе медалями. Такое разногласіе существовало относительно изображеній на монетахъ, надписей и другихъ частностей. Но чтобы придти къ положительному результату нельзя было уже ограничиться только собственною коллекціею автора — и вотъ онъ обращается къ необходимому матеріалу въ извѣстныхъ общественныхъ нумизматическихъ собраніяхъ (императорскій эрмитажъ, академія наукъ, румянцовскій музей, москов. университетъ, моск. археологич. общ., университетъ св. Владиміра и кіев. дух. академія) и въ частныхъ коллекціяхъ. Дѣйствительно, розысканія автора увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Ему удалось каталогизировать свыше 170 монетъ, большею частію еще нигдѣ неизданныхъ и принадлежащихъ къ отдаленной эпохѣ русской исторіи.

Изслѣдованія, какъ литературы вопроса, такъ и самаго матеріала, бывшаго въ распоряженіи автора, привели его къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что описанныя монеты суть несомнѣнно русскія; 2) что онѣ относятся ко времени княженія Владиміра Святаго, Святополка I и Ярослава I; 3) что онѣ имѣли значеніе денежныхъ знаковъ и 4) что на нихъ замѣтно непосредственное вліяніе византійскаго искусства, хотя

ОТЪѢЗДЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ИЗЪ ПЕТЕРГОФА

28-го іюня 1762 г.

[Приложеніе къ «Русской Старинѣ» 1876 г., томъ XV]

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II

въ письмахъ князей Д. А. и А. М. Голицыныхъ.

1765—1775 гг.

Изучая крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II, т. е. мнѣнія, присланныя въ вольное экономическое общество въ отвѣтъ на задачу о правѣ собственности крестьянъ, пренія въ законодательной коммисіи, проэкты, поданные въ отдѣльныя коммисіи и выработанные въ нихъ, записки по крестьянскому вопросу, составленныя разными частными лицами, наконецъ взгляды, высказавшіеся въ современной литературѣ, мы замѣчаемъ два рѣзко противоположныхъ направленія: либеральное, создавшееся подъ вліяніемъ западныхъ идей, и строго консервативное. И то, и другое было необходимо, и то, и другое принесло свою долю пользы: представители перваго направленія много содѣйствовали распространенію мысли о необходимости уничтоженія рабства, а консерваторы своими возраженіями указывали на слабыя стороны освободительныхъ проэктовъ, на вредъ, какой можетъ произойдти для народа отъ поверхностнаго либеральничанья въ такомъ важномъ вопросѣ, на пагубность для крестьянъ беззоемельнаго освобожденія, точно также какъ и на вредныя стороны личнаго землевладѣнія и разрушенія общины, которую совсѣмъ игнорировали наши аболюціонисты. Указывая на заслуги консерваторовъ, мы имѣемъ въ виду, разумѣется, не такія дикія мнѣнія, какъ напр. высказанныя извѣстнымъ поэтомъ Сумароковымъ, который просто не могъ представить себѣ русскаго барина безъ крѣпостной прислуги, или одного лифляндца, который въ мнѣніи, присланномъ въ вольное экономическое общество, доказывалъ, что рабство не противорѣчитъ ни свободѣ и равенству людей, ни даже основнымъ началамъ христіанства, и говорилъ, что «свободные и при томъ не воспитанные крестьяне—

это дикія лошади, которыя, чувствуя свою силу, мало слушаются всадниковъ». Подобныя мнѣнія, конечно, не могли приносить пользы; но строгая критика, которой подвергали консерваторы, хорошо знавшіе народный бытъ, мнѣнія людей, увлекавшихся мыслію объ измѣненіи быта крестьянъ, но предлагавшихъ мѣры, мало соотвѣтствовавшія нашей жизни, такая критика могла быть только полезна.

Изъ мнѣній, написанныхъ на иностранныхъ языкахъ и присланныхъ въ вольное экономическое общество, французскія рѣзко отличаются отъ нѣмецкихъ. Писателямъ французамъ желательно видѣть крестьянина собственникомъ земли. Авторъ самаго замѣчательнаго изъ французскихъ отвѣтовъ, Граcленъ, утверждаетъ даже, что для общаго блага необходимо, «чтобы земля была собственностію единственно и исключительно тѣхъ, кто ее обработываетъ»; другіе, какъ Беарде де Лабей (предоставляющій самимъ помѣщикамъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса), полагаютъ, что даже послѣ долгихъ подготовительныхъ мѣръ слѣдуетъ дать крестьянину надѣлъ, не вполнѣ обезпечивающій существованіе его семьи, такъ чтобы онъ принужденъ былъ арендовать земли у помѣщика; наконецъ третьи, какъ Вольтеръ, желаютъ только личнаго освобожденія крестьянъ. Авторы нѣмецкихъ отвѣтовъ рекомендуютъ предоставленіе крестьянамъ земли не въ собственность, а въ наслѣдственное пользованіе за опредѣленныя повинности, но вмѣстѣ съ тѣмъ они обыкновенно совѣтуютъ уничтоженіе общиннаго землевладѣнія, насильственное составленіе дворовъ изъ крестьянъ и батраковъ и установленіе вотчинной юрисдикціи; по большей части эти проэкты были проникнуты духомъ крайней регламентаціи.

Изъ русскихъ людей, задумывавшихся надъ вопросомъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, одни болѣе увлекались нѣмецкими образцами, другіе французскими взглядами. Къ числу первыхъ принадлежалъ И. П. Елагинъ, требовавшій насильственнаго разрушенія общиннаго землевладѣнія, искуственнаго устройства дворовъ одинаковой величины (по 4 работника въ каждомъ), хотя бы при этомъ приходилось соединять въ одно семейство и совершенно посторонних людей, перехода по наслѣдству двора и причисленной къ нему земли, безъ раздѣла, къ старшему въ домѣ, хотя бы онъ и не былъ въ родствѣ съ умершимъ хозяиномъ, безпрекословнаго повиновенія хозяину всѣхъ остальныхъ работниковъ и т. п. Преимущественно нѣмецкое вліяніе, впрочемъ въ болѣе симпатичной формѣ, сказывается и въ извѣстномъ мнѣніи Полѣнова, хотя и одобренномъ вольнымъ экономическимъ обществомъ, но не дозволенномъ къ печати. Полѣновъ требовалъ, чтобы крестьянину было предоставлено

довольно земли для хлѣбопашества и скотоводства и чтобы она находилась въ его наслѣдственномъ пользованіи: помѣщикъ не долженъ имѣть права отнять ее до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ будетъ исправно отбывать повинности; въ противномъ случаѣ онъ можетъ передать ее другому, но не иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла въ судѣ. Полѣновъ желаетъ, вопреки нашимъ народнымъ обычаямъ, чтобы участокъ земли переходилъ въ нераздѣльное владѣніе одного изъ сыновей. Западное вліяніе сказывается и въ предложеніи наивныхъ средствъ для поощренія браковъ, въ родѣ того, чтобы «женатымъ имѣть предсѣданіе предъ холостыми». По примѣру запада онъ совѣтуетъ также начать реформу съ дворцовыхъ имѣній.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что мнѣніе о необходимости предоставленія земли въ наслѣдственное пользованіе крестьянъ, которое мы встрѣтили у Полѣнова, высказывалось также людьми, относительно которыхъ мы не можемъ доказать иностраннаго вліянія. Такъ депутатъ шляхетства екатеринославской провинціи, Яковъ Козельскій, требовалъ предоставленія земли крестьянамъ въ наслѣдственное пользованіе безъ права только ея отчужденія; для этого онъ находилъ нужнымъ, чтобы крестьянскія земли были совершенно отдѣлены и отмежеваны отъ помѣщичьихъ. Что касается повинностей за землю, то онъ предлагалъ установить тотъ размѣръ барщины, какой существовалъ въ Малороссіи, т. е. по 2 дня въ недѣлю, но въ то же время разрѣшить, въ случаѣ желанія крестьянъ, замѣнять ее опредѣленнымъ оброкомъ.

Русскіе вельможи, воспитанные на французскихъ книжкахъ, склонялись къ безземельному освобожденію крестьянъ: любопытнымъ представителемъ этой фракціи послужитъ нашъ посланникъ въ Парижѣ, кн. Д. А. Голицынъ, обзоръ мнѣній котораго по крестьянскому вопросу составитъ предметъ настоящей статьи. Въ проэктѣ правъ благородныхъ, составленномъ въ частной коммисіи о государственныхъ родахъ, предлагалось также дать помѣщикамъ право освобождать крестьянъ безъ земли [1]). Вліяніе этихъ идей промелькнуло и въ неосуществленномъ проэктѣ закона, по которому всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденныя послѣ 1785 г., должны были сдѣлаться свободными, при чемъ безъ сомнѣнія предполагалось дарованіе только личной свободы, безъ земли.

---

[1]) Проэктъ подписанъ депутатомъ отъ синода, Гавріиломъ, епископомъ Тверскимъ, гр. Захар. Чернышевымъ, гр. Ив. Орловымъ, Дм. Волковымъ и Николаемъ Муравьевымъ.

Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ мы чувствуемъ одновременное вліяніе и французскихъ, и нѣмецкихъ взглядовъ. Депутатъ въ законодательной коммиссіи Коробьинъ требовалъ: опредѣленія закономъ повинностей крестьянъ и дарованія имъ права собственности на имѣніе; такъ какъ о земельномъ надѣлѣ изъ владѣній помѣщика онъ ничего не упоминалъ, то нужно полагать, что онъ имѣлъ въ виду дарованіе права собственности на движимое имущество, а также дозволеніе покупать землю въ полную собственность.

Наиболѣе замѣчательный планъ крестьянской реформы принадлежалъ знаменитому Радищеву, который, не смотря на то, что получилъ образованіе за границей, съумѣлъ стать гораздо выше средняго уровня требованій какъ французскихъ, такъ и нѣмецкихъ мнѣній по крестьянскому вопросу. Изъ французскихъ мнѣній, присланныхъ въ Россію, только Грасленъ могъ соперничать съ нимъ въ основательности и широтѣ взгляда, но его мнѣніе было слишкомъ теоретично, отвлеченно. Радищевъ считалъ, что земля должна принадлежать тому, кто ее обработываетъ. «Кто же въ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?» говоритъ онъ. А между тѣмъ, насколько «удалилися мы отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія. У насъ тотъ, кто естественно имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, работая ниву чужую, зритъ пропитаніе свое, зависящее отъ власти другаго!» Но полагая, что правительство не настолько сильно, чтобы заставить помѣщиковъ сразу освободить крестьянъ съ землею, Радищевъ предлагаетъ сдѣлать это постепенно въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего слѣдуетъ уничтожить рабство, оставивъ только крѣпостное право, т. е. не дозволять помѣщикамъ превращать крестьянъ въ дворовыхъ, въ случаѣ же нарушенія этого правила такой дворовый дѣлается свободнымъ; дозволить крестьянамъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика и запретить брать выводныя деньги. Вслѣдъ затѣмъ крестьяне должны получить въ собственность землю, которую они обработываютъ, такъ какъ они сами платятъ подушную подать. Имъ предоставляется право быть судимыми равными себѣ, т. е. въ расправахъ, членовъ которыхъ слѣдуетъ выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Нужно дозволить крестьянамъ покупать землю, выкупаться на волю за опредѣленную сумму, нужно запретить произвольно наказывать ихъ безъ суда. Затѣмъ настаетъ совершенное уничтоженіе крѣпостнаго права.

Таковы были мнѣнія выдающихся представителей мысли о необходимости измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Что касается консерваторовъ, то въ «Голосахъ» многихъ депутатовъ въ коммисіи

уложенія можно найдти указанія на опасность предоставленія крестьянамъ земли въ полную собственность съ правомъ ея отчужденія, на возможность обезземеленія многихъ при такомъ порядкѣ. Самое обстоятельное и наиболѣе логичное изъ всѣхъ консервативныхъ мнѣній было составлено въ 1785 г. подъ заглавіемъ: «Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и служителямъ, или сдѣлать собственность имѣній». Не останавливаясь на замѣчательномъ разборѣ въ этомъ мнѣніи вопроса, полезно ли дать крестьянамъ землю въ собственность съ правомъ для каждаго отчуждать свой участокъ, мы упомянемъ только, что авторъ совершенно справедливо считаетъ въ высшей степени вреднымъ личное, безземельное освобожденіе. Дозволить крестьянамъ только переходить съ мѣста на мѣсто, при чемъ имъ пришлось бы пользоваться чужою землею за извѣстную плату, значило бы, по словамъ автора, превратить нашихъ крестьянъ въ кочующихъ цыганъ: при такомъ порядкѣ вещей они «всю тягость нищеты и несчастія рода человѣческаго будутъ претерпѣвать».

Эти возраженія очень мѣтко разятъ тѣхъ изъ либеральныхъ баръ екатерининскаго времени, которые рекомендовали безземельное освобожденіе крестьянъ. Въ числѣ ихъ весьма видное мѣсто занимаетъ нашъ посланникъ въ Парижѣ, а затѣмъ въ нидерландскихъ штатахъ, кн. Д. А. Голицынъ, съ мнѣніями котораго по крестьянскому вопросу мы познакомимъ читателей.

Кн. Д. А. Голицынъ еще въ половинѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда ему было всего двадцать лѣтъ, поселился въ Парижѣ, а съ 1762 по 1768 г. онъ былъ нашимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ. Холостякъ, веселый по характеру, онъ сдѣлался другомъ и товарищемъ многихъ литераторовъ и художниковъ; въ ихъ обществѣ онъ образовалъ свой вкусъ. Дидро писалъ о немъ извѣстному скульптору Фальконету: «Нашъ общій другъ, князь, дѣлаетъ неимовѣрные успѣхи какъ знатокъ изящныхъ искуствъ; вы бы сами удивились, какъ онъ видитъ, чувствуетъ и судитъ». Въ 1767 г., какъ мы знаемъ изъ той же переписки, онъ занимался переводомъ на русскій языкъ жизнеописаній итальянскихъ, фламандскихъ и французскихъ живописцевъ, при чемъ встрѣтилъ большія затрудненія по причинѣ невыработанности русскаго языка. Но очевидно переводъ былъ труденъ для кн. Голицына и потому, что, по свидѣтельству имп. Екатерины, онъ не зналъ, «какъ и большинство нашихъ вельможъ, своего роднаго языка, не имѣющаго, какъ я думаю», прибавляетъ императрица, «равнаго себѣ по богатству».

Да это и понятно, въ виду почти исключительнаго пребыванія кн. Голицына за границей [1]).

Основаніемъ для характеристики мнѣній кн. Д. А. Голицына по крестьянскому вопросу, которыя сложились преимущественно подъ вліяніемъ идей физіократовъ, послужитъ, какъ мы уже сказали, переписка съ его дальнимъ родственникомъ, вицеканцлеромъ кн. Алек. Мих. Голицынымъ. Интересъ этой переписки еще болѣе увеличивается тѣмъ, что письма кн. Дмитрія Алексѣевича представлялись на усмотрѣніе имп. Екатерины, которая дѣлала тутъ же свои замѣчанія и возраженія, и отвѣтъ вицеканцлера обыкновенно состоялъ лишь въ повтореніи этихъ замѣчаній.

Такихъ писемъ кн. Голицыныхъ, въ которыхъ затрогивается крестьянскій вопросъ,—всего 27 (въ томъ числѣ и отвѣты кн. А. М. Г., сохранившіеся въ черновыхъ отпускахъ); всѣ они на французскомъ языкѣ. Письма эти хранятся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; изъ нихъ было напечатано администраціею архива только 5 [2]). Познакомившись съ полною коллекціею этой переписки, благодаря любезности г. директора архива бар. Ѳ. А. Бюлера, мы имѣемъ возможность вполнѣ характеризовать взгляды на крестьянскій вопросъ одного изъ образованнѣйшихъ государственныхъ людей того времени, а также со всею подробностію опредѣлить участіе, хотя и не непосредственное, принимаемое императрицею въ этомъ обмѣнѣ мыслей между двумя нашими вельможами.

I.

Мѣры для улучшенія быта крестьянъ въ Даніи возбуждаютъ переписку кн. Голицыныхъ по этому предмету.—Предложенія кн. Д. А. Голицына.—Замѣчанія императрицы.—Проэктъ Елагина.—Дарованіе крестьянамъ права собственности необходимо, по мнѣнію кн. Д. А. Голицына, для образованія третьяго сословія.

Кн. Д. А. Голицынъ очень хорошо зналъ, что его письма сообщаются императрицѣ; это видно изъ перваго же его письма, гдѣ онъ

---

[1]) „Сб. Ист. Общ." т. XVII; „Рус. Арх." 1877 г. т. II, стр. 412.

[2]) Первоначально въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1876 г. № 2 (г. Рачинскимъ) и въ „Сбор. истор. общ." т. XV; затѣмъ перепечатано во 2-мъ выпускѣ „Сборника московскаго главн. арх. мин. иностр. дѣлъ" (М. 1881 г.). Предположеніе г. Рачинскаго, что замѣчанія на письмахъ кн. Д. А. Г. сдѣланы рукою не одной императрицы, а также и гр. Н. И. Панина и кн. А. М. Голицына, неосновательно. В. С.

затрогиваетъ крестьянскій вопросъ. Упомянувъ о благодарности вице-канцлера за сообщеніе литературныхъ новостей, онъ продолжаетъ: «Употребленіе, которое вы изъ нихъ дѣлаете, обязываетъ меня съ величайшимъ удовольствіемъ продолжать ихъ сообщеніе. Я конечно буду очень счастливъ, если я могу занять нѣсколько минутъ досуга нашей августѣйшей государыни».

Литературныя новости и привели къ обсужденію крестьянскаго вопроса. Въ только что упомянутомъ письмѣ [1]) кн. Д. А. Голицынъ сообщаетъ о выходѣ въ свѣтъ втораго тома сочиненія Рожера «Письма о Даніи», оконченнаго за смертію автора Ревердилемъ. Излагая его содержаніе, нашъ парижскій посланникъ съ особеннымъ стараніемъ обращаетъ вниманіе на то, что въ Даніи начинаютъ принимать мѣры на пользу крестьянъ. «Нѣсколько землевладѣльцевъ до нѣкоторой степени освободили своихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія», пишетъ кн. Голицынъ, «и получили очень хорошіе результаты. Королева мать подала примѣръ одновременно и въ политикѣ, и въ человѣколюбіи, предоставивъ крестьянамъ своего домена право собственности на обработываемыя ими земли и требуя съ нихъ лишь очень умѣренный ежегодный оброкъ, двѣ опредѣленныхъ барщины (deux corvées fixes) для своихъ путешествій и барщинныя работы, необходимыя для общины. Съ этого времени крестьянинъ, сдѣлавшись болѣе зажиточнымъ, безъ труда платитъ свои повинности и заботится о своемъ имуществѣ, такъ какъ онъ можетъ передать его по наслѣдству своимъ дѣтямъ».

Кстати упомянемъ, что и въ запискѣ о положеніи датскихъ крестьянъ, присланной въ частную коммисію о разборѣ государственныхъ родовъ, выбранную большою законодательною коммисіею, весьма сочувственно говорилось о мѣрахъ вдовствующей королевы Софіи-Магдалины на пользу крестьянъ. Этотъ планъ былъ предложенъ ея оберъ-маршаломъ, гр. Штольбергомъ, и приведенъ въ исполненіе въ имѣніи Гиршгольмъ, которымъ она пожизненно пользовалась. Прежде крестьяне были всегда неисправны въ уплатѣ податей, имъ вѣчно приходилось оказывать помощь и это поглощало значительную часть доходовъ. Королева простила имъ недоимки, объявила ихъ собственниками, уничтожила барщину (какъ мы видѣли не совсѣмъ). «Результаты превзошли ожиданія: тамъ, гдѣ прежде господствовало нерадѣніе, возродился промышленный духъ. Земля, лучше обработываемая, приноситъ богатую жатву, полученіе доходовъ стало болѣе вѣрнымъ

---

[1]) 6 сентября 1765 г. Не издано.

и они возросли на цѣлую треть; теперь 300 семействъ счастливы и будутъ вѣчно прославлять свою благодѣтельницу» [1]).

Это мѣсто изъ записки, присланной въ одну изъ частныхъ законодательныхъ коммисій, показываетъ, какъ энергично прославлялись сторонниками освобожденія мѣры, принимаемыя на западѣ на пользу крестьянъ. Понятно, что и кн. Д. А. Голицынъ, проникшійся въ Парижѣ либеральными взглядами, съ умысломъ не только выписалъ вышеприведенное мѣсто изъ книги Рожера и Ревердиля (подчеркнувъ его), но и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ въ защиту свободы. «Позвольте мнѣ, князь», говоритъ онъ, «обратить ваше вниманіе на то, какое удивительное дѣйствіе неизмѣнно производитъ право собственности (la propriété des biens); на него должно смотрѣть, какъ на истинное основаніе, какъ на прочный фундаментъ благосостоянія государства; безъ него никогда не будутъ процвѣтать искуства и науки». Эту мысль онъ подтверждаетъ примѣрами изъ исторіи Франціи, Англіи и Италіи и цитатою изъ сочиненія Юма.

Вицеканцлеръ, содержаніе отвѣта котораго извѣстно намъ только изъ слѣдующаго посланія по крестьянскому вопросу кн. Д А. Голицына, вообще одобрилъ разсужденія посланника, прибавивъ, что право собственности составляетъ также средство для внушенія любви къ отечеству, и что солдатъ будетъ храбрѣе сражаться, если будетъ тѣснѣе къ нему привязанъ. Но въ то же время вицеканцлеръ замѣтилъ, что всеобщее и внезапное введеніе новаго порядка вещей въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, можетъ оказаться неудобнымъ, и потому не слѣдуетъ ли предпочесть постепенное измѣненіе.

Кн. Д. А. Голицынъ соглашается съ этимъ въ своемъ новомъ письмѣ [2]); онъ прибавляетъ, что дѣло будетъ прочно лишь въ томъ случаѣ, если оно будетъ принято добровольно, и высказываетъ мысль, очевидно навѣянную мѣрами датской королевы, что было бы всего лучше, если бы первый примѣръ подала сама государыня. «Ея земли находятся въ ея распоряженіи, какъ и все государство»; пусть тамъ она даруетъ право собственности своимъ крестьянамъ, не упоминая о помѣщичьихъ. Многіе послѣдуютъ за нею: одни потому, что понимаютъ свои интересы и одарены патріотическимъ сердцемъ, другіе изъ желанія сдѣлать пріятное государынѣ, третьи

---

[1]) Арх. бывш. II отдѣленія собств. Его Вел. канц. Срав. Allen. Histoire de Danemark, II, 183—184.

[2]) 30 октября 1765; см. „Русск. Вѣстн." 1876 г. № 2; перепечатано въ „Сборн. моск. глав. арх. мин. ин. дѣлъ", вып. II, стр. 100—101.

просто изъ подражанія остальнымъ. Д. А. Г. указываетъ на то, что оброчныя деревни всегда богаче барщинныхъ и, избавленныя отъ прикащиковъ, во сто разъ счастливѣе управляемыхъ ими. Онъ считаетъ чрезвычайно важнымъ и необходимымъ уничтожить обычай полученія помѣщиками припасовъ натурою и доставки ихъ «обозами»; лучше было бы все перевести на деньги. Это полезно уже тѣмъ, что уменьшитъ громадную дворню, которою переполнены барскіе дома. Чтобы гарантировать право собственности крестьянъ, необходимо ежегодно посылать въ каждую провинцію по два странствующихъ судьи на подобіе существующихъ въ Англіи и называемыхъ тамъ ассизами; они должны будутъ разбирать споры между крестьянами и ихъ жалобы на помѣщиковъ, воеводъ [1]) и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, познакомившись съ состояніемъ провинціи, они представятъ письменное донесеніе въ сенатъ съ указаніемъ на всѣ необходимыя улучшенія. Кромѣ того, такъ какъ право собственности можетъ быть только воображаемымъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ власти, защищающей крестьянина противъ тираніи помѣщика, то необходимо было бы въ главномъ городѣ каждой провинціи устроить трибуналъ, на подобіе того, что называлось у римлянъ quindecim viri; эти 15 человѣкъ отводили земли ветеранамъ, опредѣляли размѣръ причитающейся за нихъ подати, разбирали всѣ поземельные споры, обезпечивали каждому пользованіе своей земельной собственностью. Въ заключеніе кн. Дм. Алекс. упоминаетъ, что изложенныя имъ мысли о правѣ собственности составляютъ результатъ его бесѣдъ съ г. Санше (Sanchès) [2]), который составилъ даже по этому предмету особую записку.

Это письмо кн. Д. А. Голицына, какъ и другія, было представлено государынѣ и вызвало съ ея стороны слѣдующія замѣчанія. Указанія на чрезмѣрное изобиліе дворни и на то, что право собственности будетъ воображаемымъ, пока нѣтъ власти, защищающей крестьянина, она нашла совершенно справедливымъ. По поводу замѣчанія, что оброчныя деревни всегда богаче барщинныхъ, она прибавила: «не знаю, можетъ ли это долго продлиться» [3]). Но мечты кн. Голицына о томъ, что на нашихъ помѣщиковъ можно дѣйствовать примѣромъ, совершенно справедливо показались ей весьма неосновательными. «Еще сомнительно», написала она, «чтобы примѣръ

---

[1]) Вмѣсто слова „les vaevodes", находящагося въ подлинникѣ, въ сборн. арх. мин ин. дѣлъ II, 102, ошибочно напечатано „les acorder".

[2]) Извѣстный медикъ, прежде служившій при нашемъ дворѣ.

[3]) „Je ne sais, si cela pourrait être à la longue". Это замѣчаніе императрицы пропущено въ изданіи архива (Сборн. главн. арх. мн. и. д., II, 101).

вразумилъ и увлекъ нашихъ соотечественниковъ; это мало вѣроятно. Къ тому же подобная мѣра» (въ доменахъ) «могла бы нарушить безопасность помѣщиковъ». «Немногіе захотятъ пожертвовать большими выгодами прекраснымъ чувствованіямъ патріотическаго сердца».— «Искренняго человѣколюбія, усердія и доброй воли еще не достаточно для осуществленія большихъ проэктовъ. Кн. Голицыну и ему подобнымъ легко и дешево великодушничать; имъ ничего не стоитъ даровать право собственности на земли своимъ крестьянамъ; но богатые землевладѣльцы, у которыхъ крестьянъ многія тысячи, будутъ думать и заговорятъ иное». Скептицизмъ этотъ имѣлъ полнѣйшее основаніе; впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, оказалось, что даже и у самого Голицына великодушія оказалось весьма не много.

Отвѣтъ кн. А. М. Голицына на это письмо сохранился въ черновыхъ отпускахъ въ двухъ редакціяхъ: первая написана рукою, вѣроятно, секретаря, вторая самимъ вицеканцлеромъ [1]). Въ первой редакціи (съ надписью: «извлеченіе изъ письма вицеканцлера кн. Голицыну») кн. Александръ Михаиловичъ признаетъ полезность дарованія права собственности, но указываетъ на трудность этой мѣры, необходимость постепенности, на то, что эта мѣра требуетъ новыхъ соотвѣтственныхъ законовъ, гарантирующихъ безопасность помѣщиковъ, судей и администраторовъ, «которые въ этомъ случаѣ должны гораздо болѣе бояться, чѣмъ прежде».—«Вы и я», замѣчаетъ вицеканцлеръ, «не будемъ послѣдними въ дарованіи свободы нашимъ крѣпостнымъ,» но онъ указываетъ на крупныхъ землевладѣльцевъ, почти буквально повторяя замѣчаніе императрицы.—Мы полагаемъ, что этотъ проэктъ отвѣта былъ представленъ на усмотрѣніе императрицы и измѣненъ по ея указаніямъ. Во второй редакціи, написанной вицеканцлеромъ собственноручно, мы не находимъ уже совершенно не нужныхъ замѣчаній о необходимости постепенности въ подобномъ дѣлѣ, не нужныхъ потому, что кн. Дм. Алексѣевичъ этому не противорѣчилъ. «Я согласенъ съ вами», сказано во второй редакціи, «что подобная мѣра можетъ быть введена по частямъ и что даже она будетъ имѣть всѣ добрые результаты, отъ нея ожидаемые, но»...: и затѣмъ слѣдуетъ указаніе на крупныхъ землевладѣльцевъ, выраженное еще ближе къ замѣчаніямъ императрицы на поляхъ письма кн. Дмит. Алексѣевича. «Вы, я и всѣ, которыхъ скромныя владѣнія исключаютъ изъ числа крупныхъ собственниковъ», сказано далѣе, «мы конечно охотно примемъ эту систему, но я не знаю, вразумитъ-ли,

[1]) 18 ноября 1765 г.; обѣ не изданы.

нашъ примѣръ другихъ и побудитъ ли ему послѣдовать». Указаніе на то, что новая мѣра сдѣлаетъ не безопаснымъ положеніе помѣщиковъ, выражено также почти буквально словами императрицы. Письмо оканчивается благодарностію за сообщенныя соображенія и заявленіемъ, что онъ, вицеканцлеръ, не преминетъ представить ихъ императрицѣ. Очевидно государыня желала, чтобы переписка по этому предмету продолжалась; занимаясь въ то время составленіемъ Наказа, гдѣ она затрогивала и крестьянскій вопросъ, она желала выслушать всевозможныя мнѣнія объ измѣненіи быта крестьянъ. При посредствѣ князей Голицыныхъ она какъ бы сама полемизировала съ тѣми либеральными французскими кружками, въ которыхъ вращался кн. Дм. Алексѣев. и гдѣ нерѣдко должны были высказываться предложенія, мало пригодныя для Россіи. Нельзя не признать, что многія возраженія императрицы въ этой полемикѣ были весьма мѣтки и остроумны.

Замѣчанія, присланныя изъ Петербурга, произвели на кн. Дм. Алексѣев. чрезвычайно сильное вліяніе; очевидно онъ догадывался, откуда онѣ идутъ. «Ваши размышленія,» такъ начинаетъ онъ новое письмо [1]), «о невозможности даровать нашимъ крестьянамъ правсобственности вполнѣ справедливы, и я совершенно присоединяюсь къ вашему мнѣнію. Ваши возраженія заставили меня вновь обдумать все, что я сообщилъ вамъ по этому предмету, и сила вашихъ доводовъ заставила меня сдаться, такъ какъ по моему мнѣнію въ дѣлѣ управленія нѣтъ ничего опаснѣе и даже гибельнѣе, какъ перейти отъ одной крайности въ другую». Наши крестьяне, до сихъ поръ крѣпостные и рабы своихъ господъ, получивъ свободу и право собственности, «сознàютъ ли всю цѣну ея и не злоупотребятъ ли ею? Конечно да. Можно биться объ закладъ, что, перейдя такъ быстро отъ рабства къ свободѣ, они не воспользуются ею для упроченія своего благосостоянія и бòльшая часть изъ нихъ предастся праздности, такъ какъ вы знаете, князь, что нашъ крестьянинъ не чувствуетъ глубокой любви къ труду. Я хорошо знаю, что лѣность неразлучна съ рабскимъ состояніемъ и есть его результатъ; продолжительное рабство, въ которомъ коснѣютъ наши крестьяне, образовали ихъ истинный характеръ, и въ настоящее время очень немногіе изъ нихъ сознательно стремятся къ тому роду труда или промышленности, который можетъ ихъ обогатить. Но, какъ бы то ни было, лучшее, наиболѣе вѣрное средство состоитъ въ томъ, чтобы постепенно вывести ихъ изъ подобнаго состоянія и теперь же начать подготовлять ихъ къ этому».

---

[1]) 12 янв. 1766 г., не издано.

Послѣ приведеннаго вступленія, въ которомъ кн. Д. А. Голицынъ обнаружилъ совершенное незнаніе русскаго народнаго характера, онъ вновь возвращается къ мысли, что только императрица своимъ примѣромъ можетъ произвести необходимое измѣненіе въ бытѣ крестьянъ. Пусть вмѣсто того, чтобы даровать крестьянамъ право собственности (la propriété des biens) въ своихъ доменахъ, она дастъ имъ только право собственности на движимое имущество (la propriété du mobiler). Тогда можно было бы составить кодексъ законовъ, основанный на этомъ правѣ собственности на движимое имущество съ правомъ завѣщанія, но которое относилось бы только къ крестьянамъ въ доменахъ императрицы».—Въ предложеніи этомъ еще менѣе знанія русской жизни, чѣмъ въ предшествующихъ разсужденіяхъ о характерѣ нашихъ крестьянъ. Тутъ еще не ясно, что разумѣетъ кн. Голицынъ подъ названіемъ «les domaines de sa Majesté Impériale»: крестьянъ дворцовыхъ или собственно государевыхъ, Но такъ какъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ предполагаетъ, что домены императрицы разсѣяны въ 16 губерніяхъ, то, очевидно, онъ говоритъ объ обширной группѣ дворцовыхъ вотчинъ. У дворцовыхъ крестьянъ, которыхъ было 390 тысячъ душъ м. п., барщинная повинность въ то время повсемѣстно смѣнилась оброкомъ, равнымъ съ тѣмъ, что платили совершенно свободные государственные крестьяне; они пользовались весьма значительными земельными надѣлами (одной пахотной земли въ разныхъ губерніяхъ у нихъ приходилось во время генеральнаго межеванія отъ 2 до 6 дес. на ревизскую душу), и ихъ движимое имущество безпрепятственно переходило къ наслѣдникамъ, а землею они пользовались на общинномъ правѣ. Слѣдовательно они вовсе не нуждались въ мѣрахъ, предложенныхъ нашимъ парижскимъ посланникомъ.

За дарованіемъ права собственности на движимое имущество въ доменахъ, по плану кн. Голицына, должны слѣдовать учрежденіе трибунала 15-ти и назначеніе странствующихъ судей, хотя обѣ эти мѣры мало связаны съ первою. «Обязанности трибунала будутъ состоять единственно въ томъ, чтобы защищать крестьянина отъ тиранніи помѣщика. Крестьянинъ, котораго оскорбляютъ, съ которымъ дурно обращаются, котораго угнетаютъ, грабятъ, истязуютъ помѣщикъ или прикащикъ, обратится къ этому трибуналу; помѣщикъ сдѣлаетъ тоже относительно провинившихся крестьянъ. Тогда можно также учредить и странствующихъ судей для каждой провинціи... которые должны будутъ разбирать гражданскія и уголовныя дѣла въ городахъ и значительныхъ деревняхъ, даже тамъ, гдѣ находятся воеводы и губернаторы». Имъ будетъ дана инструкція, которой они должны будутъ

слѣдовать буквально, назначено жалованье и нѣкоторое вспомоществованіе на путевыя издержки». Противъ этого мѣста рукою императрицы написано: «это одно поглотитъ доходъ съ доменовъ» [1],— единственное замѣчаніе, сдѣланное ею на этомъ письмѣ.

Въ отвѣтѣ вицеканцлера [2]) прежде всего буквально воспроизведено замѣчаніе императрицы. «Учрежденіе странствующихъ судей, о которыхъ вы говорили», пишетъ онъ, «было бы болѣе обременительно, чѣмъ полезно для государства. Въ этомъ случаѣ нужно было бы истратить весь доходъ съ доменовъ на жалованье и на вѣчные разъѣзды этихъ людей, и сколько глазъ нужно было бы для наблюденія другъ за другомъ, чтобы народъ не подвергся новымъ притѣсненіямъ». Далѣе вицеканцлеръ сообщаетъ, что недавно былъ представленъ императрицѣ проэктъ относительно права собственности дворцовыхъ крестьянъ, подобный проэкту кн. Дмитрія Алексѣевича. Въ немъ, «кромѣ права собственности, рекомендовалась также раздача всѣхъ дворцовыхъ земель въ аренду дворянамъ подъ извѣстными условіями... Авторъ проэкта мудро предвидитъ всѣ неудобства», которыя указывалъ вицеканцлеръ въ своемъ письмѣ отъ 18-го ноября, «и поэтому можно предполагать, что дарованіе собственности дворцовымъ крестьянамъ можетъ быть выполнимо». Тутъ вицеканцлеръ очевидно упоминаетъ о проэктѣ И. П. Елагина, поданномъ императрицѣ именно въ январѣ 1766 г. и касающемся преимущественно дворцовыхъ крестьянъ, или, по выраженію автора, «казенныхъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ состоящихъ деревень и земледѣльцевъ». Не останавливаясь долго на этомъ проэктѣ, подробно разобранномъ нами въ другомъ мѣстѣ [3]), мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты въ дополненіе къ тому, что было уже сказано во введеніи къ настоящему очерку. Для успѣшнаго развитія земледѣлія и скотоводства Елагинъ считаетъ необходимымъ два условія: чтобы у крестьянъ было собственное недвижимое имѣніе и чтобы за ними надзирали власти, которыхъ они почитали какъ бы своими помѣщиками. Важность перваго условія поняли многія «благоуправляемыя государства» и потому «давно уже съ пользою преобратили коронныя свои земли въ крестьянскія, учинивъ ихъ вѣчными и потомственными оныхъ обладателями». И у насъ нужно надѣлить крестьянъ «потомственною землею» и точно

---

[1]) „Cela seul emportera seul (sic) le produit des domains". Замѣчанія императрицы приводимъ буквально.

[2]) 27 янв. 1766 г.; не издано.

[3]) Въ статьѣ: „Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII вѣкѣ", „Вѣстн Европы" 1873 г. № 5, стр. 44—52.

опредѣлить ихъ повинности. Такая реформа необходима и для крѣпостныхъ крестьянъ, но она встрѣтитъ отпоръ среди дворянства; поэтому авторъ предлагаетъ, какъ и кн. Д. А. Голицынъ, начать опытъ съ дворцовыхъ имѣній и ссылается при этомъ на примѣръ Пруссіи, Даніи, Голштиніи и Мекленбурга, гдѣ вскорѣ послѣ того, какъ правительство роздало крестьянамъ земли въ наслѣдственное владѣніе, и помѣщики нашли для себя выгоднымъ послѣдовать этому примѣру. Мѣры, предложенныя Елагинымъ для измѣненія положенія дворцовыхъ крестьянъ, шли въ разрѣзъ съ основными условіями русскаго народнаго быта и крайне вредно отразились бы на немъ, если бы могли быть исполнены [1]); главная же цѣль проэкта Елагина состояла въ томъ, чтобы устроенныя по его плану дворцовыя деревни раздать въ аренду дворянамъ.

Кн. Д. А. Голицынъ отвѣчалъ на письмо вицеканцлера обширнымъ посланіемъ на нѣсколькихъ листахъ, гдѣ подкрѣпляетъ свои мнѣнія рядомъ историческихъ фактовъ, цитуетъ сочиненія д'Аржансона («Considerations sur l'histoire de France»), абб. Мабли («Observation sur le gouvernement de France»); Юма «Исторію Плантагенетовъ». Императрица также съ большимъ вниманіемъ отнеслась къ этому письму и сдѣлала на немъ много замѣчаній, такъ что оно представляетъ для насъ весьма большой интересъ [2]). Кн. Дм. Алексѣев. начинаетъ свое разсужденіе указаніемъ на то, что право собственности составляетъ необходимое условіе процвѣтанія наукъ и искуствъ, такъ какъ основаніемъ этого процвѣтанія должно служить земледѣліе и внутренняя торговля, а земледѣліе не можетъ развиваться, пока плоды труда не составляютъ собственности крестьянина. «Такъ какъ онъ принужденъ отдавать бо̀льшую часть времени господамъ жестокимъ, несправедливымъ и всегда неблагодарнымъ, то лѣность, небрежность и даже обманъ дѣлаются естественными спутниками такого труда. Такъ, въ Россіи хлѣба, собираемаго съ полей, едва хватаетъ для пропитанія крестьянъ въ продолженіе цѣлаго года и для уплаты ихъ повинностей, и рѣдко остается для продажи, а это при недостаткѣ большихъ дорогъ и водяныхъ сообщеній и воспрещеніи вывоза хлѣба за границу совершенно препятствуетъ развитію внутренней торговли, а слѣдовательно и обращенію денегъ». Слова, набранныя разрядкою, были подчеркнуты императрицею, которая на поляхъ написала: «Это не правда, такъ какъ

---

[1]) Попытка, сдѣланная въ этомъ направленіи въ новгородской государевой вотчинѣ, возбудила сильное неудовольствіе и волненіе среди крестьянъ.

[2]) Письмо 16-го марта 1766 г.; не издано.

они, или лучше сказать ихъ господа, гонятъ водку, снабжаютъ всѣ магазины; они будутъ вывозить и хлѣбъ, когда вывозъ будетъ дозволенъ, а это должно сдѣлаться постепенно, а не вдругъ. Мы никогда не купили за границею ни одного четверика; нѣтъ страны, кромѣ Китая, гдѣ было бы столько водяныхъ сообщеній, какъ въ Россіи» [1]).

«Право собственности», продолжаетъ кн. Д. А. Голицынъ, «необходимо для образованія третьяго сословія (le tiers-état), безъ котораго искуства и науки никогда не могутъ процвѣтать, такъ какъ нельзя же сказать, что онѣ процвѣтаютъ тамъ, гдѣ, съ помощію денегъ и покровительства государя, академіи или университеты подготовятъ нѣсколько артистовъ или ученыхъ, и гдѣ лучшіе артисты—иностранцы («тоже и во Франціи» [2]), замѣтила по поводу послѣднихъ словъ императрица). Предположимъ, что при усиліяхъ и бдительности правительства всѣ ученики нашей петербургской академіи и московскаго университета сдѣлаютъ большіе успѣхи. Что будетъ съ ними? Дворъ не можетъ содержать ихъ всѣхъ на свой счетъ («тѣмъ лучше», [3]) замѣтила Екатерина): ихъ будетъ слишкомъ много, а при дворѣ нуждаются лишь въ нѣсколькихъ живописцахъ, нѣсколькихъ скульпторахъ и проч. Остальные будутъ людьми свободными на основаніи устава этой академіи. Это справедливо, даже превосходно, но на какія средства они будутъ существовать? Имъ придется работать для отечества («безъ сомнѣнія» [4]), замѣтила императрица) или покинуть его. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ ихъ судьба не можетъ быть завидною. Немного нужно вниманія, чтобы замѣтить, что у насъ очень мало людей, которые въ состояніи пользоваться ихъ услугами («очень много, очень много» [5]), возразила Екатерина), и еще менѣе успѣха они будутъ имѣть за границей, куда нужно явиться съ репутаціею знаменитости («не всегда» [6]), замѣтила императрица) и превзойти заслугами мѣстныхъ художниковъ. Къ тому же выгодно ли для Россіи дозволять выселеніе этого рода людей, потративъ столько труда на ихъ

[1]) „Cela n'est pas vrai, car ils brulent ou plûtot leur maitres du brande vin, ils fournissent tout les magasins; ils en exporteront dès que l'exportation sera libre, et celle ci doit le devenir a peu et non par torent, et nous n'avons jamais acheté de l'etranger un boisseau, il n'y a pas de pays où il y aye plus de comunication par eau qu'en Russie exepté la Chine".

[2]) „En France les meilleurs le sont".

[3]) „Tant mieux".

[4]) „Sans doute".

[5]) „Tout plein, tout plein".

[6]) „Pas toujours".

воспитаніе, когда и безъ того въ ней чувствуется недостатокъ населенія». («Гдѣ хлѣбъ, тутъ и людей» (sic), замѣтила Екатерина на этотъ разъ по русски). «И такъ», продолжаетъ кн. Д. А., «пока земледѣліе и внутренняя торговля находятся въ Россіи въ такомъ положеніи, какъ теперь, нельзя льстить себя надеждою видѣть въ ней процвѣтаніе искуствъ и наукъ». Затѣмъ кн. Голицынъ фактами изъ исторіи Франціи доказываетъ, что освобожденіе и пріобрѣтеніе права собственности имѣли тамъ самое благотворное вліяніе. Послѣ этого онъ опять возвращается къ Россіи, утверждая, что и въ ней безъ права собственности не могутъ процвѣтать науки и искуства. «Я не хочу этимъ сказать», продолжаетъ онъ, «что нужно даровать теперь это право... Даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ законы свободнаго управленія утвердятся лишь съ крайнею трудностью. Не достаточно приказать народу быть счастливымъ, что бы онъ имъ сдѣлался, не достаточно издать законы; нужно, чтобы граждане стали иначе смотрѣть, чувствовать и думать, а не то ихъ старинные предразсудки восторжествуютъ надъ мудростью законодателя». — «Для настоящаго времени», опять повторяетъ кн. Голицынъ свою прежнюю мысль, «будетъ достаточно, если е. и. в-во установитъ право собственности на движимое имущество въ дворцовыхъ вотчинахъ. Я увѣренъ, что многіе помѣщики не замедлятъ послѣдовать ея примѣру, а остальное устроится само собою подъ вліяніемъ тѣхъ выгодъ и добрыхъ результатовъ, которые каждый отъ этого почувствуетъ».

Затѣмъ кн. Дм. Алексѣев. начинаетъ доказывать, какъ полезны будутъ для Россіи предложенные имъ «странствующіе судьи» и какъ не дорого будетъ стоить ихъ содержаніе. Онъ указываетъ, во первыхъ, аналогичныя учрежденія въ Персіи, Спартѣ, Афинахъ, Англіи, имперіи Карла В., Португаліи и даже въ Китаѣ. Чтобы устранить указанное вице-канцлеромъ неудобство, что эти странствующіе судьи могутъ сами притѣснять крестьянъ, кн. Голицынъ предлагаетъ посылать ихъ ежегодно въ разныя провинціи и даже устроивать такъ, чтобы послѣдовательный выборъ падалъ на людей, находящихся между собою не въ ладахъ и которые по этой причинѣ подвергали бы строгому разсмотрѣнію дѣйствія другъ друга. На это императрица замѣтила: «Слѣдовательно нужно было бы освѣдомляться о частныхъ ссорахъ. Гдѣ же найти для этого время? И всѣ эти постоянныя освѣдомленія противорѣчили бы чистосердечію, которое каждое правительство должно вносить въ свое управленіе» [1]).

---

[1]) «Il faudroit donc s'informer des tracasseries particulières, et où en trouver le tems, et toutes ses informations les unes après les autres repugneroit a la candeur que tout gouvernement doit mettre dans sa direction".

«Что касается жалованья и путевыхъ издержекъ странствующихъ судей», продолжаетъ кн. Голицынъ, «то я не могу вообразить, чтобы это имѣло какое-нибудь значеніе для императрицы» («Русская имперія такъ мала!» [1]) замѣчаетъ Екатерина). Россія раздѣлена на 16 губерній. Предположимъ, что домены императрицы» (дворцовыя вотчины), «расположены въ этихъ 16 губерніяхъ, слѣдовательно нужно будетъ 16 судей и столько же секретарей. («И каждый сдѣлаетъ по 5000 верстъ» [2]), возражаетъ императрица). Каждый изъ судей будетъ получать свое двойное жалованье, т. е. если онъ камергеръ, то сверхъ жалованья, выдаваемаго отъ двора, онъ получитъ еще столько же за исполненіе обязанности странствующаго судьи. Если онъ гвардейскій офицеръ, ему также выдадутъ двойное жалованье». («Тутъ нѣтъ никакой соразмѣрности» [3]), замѣтила Екатерина). На путевыя издержки кн. Голицынъ предлагаетъ назначить по 400 р., а кромѣ того каждому судьѣ дано будетъ право брать извѣстное число лошадей («сколько лошадей, столько разоренныхъ работниковъ» [4]), возразила императрица). По разсчету кн. Голицына на жалованье никакъ не потребуется болѣе 30,000 р., которые и можно разложить на крестьянъ въ дворцовыхъ вотчинахъ, освободивъ ихъ отъ прикащиковъ и управителей, «этихъ истинныхъ піявицъ и мучителей нашихъ крестьянъ». Подушные и другіе сборы въ пользу императрицы будутъ собирать старосты и выборные, а странствующіе судьи всегда защитятъ ихъ отъ притѣсненій воеводъ и сосѣднихъ помѣщиковъ. («А кто вамъ сказалъ, что они не будутъ притѣснять ихъ сами» [5]), замѣтила Екатерина). Упомянемъ, что въ 1774 г. эта мысль кн. Д. А. Голицына была осуществлена въ дворцовыхъ вотчинахъ: управители были уничтожены и крестьянами стали завѣдывать старосты и выборные.

«Относительно земледѣлія и внутренней торговли», продолжаетъ кн. Голицынъ, «Россія находится въ такомъ же состояніи, въ какомъ другія страны Европы были во времена феодализма. Вилланы были исключительно заняты обработываніемъ земель своихъ господъ и уплачивали имъ оброкъ хлѣбомъ, стадами и другими сельскими произведеніями или личною службою въ домѣ барона и на фермахъ, имъ самимъ содержимыхъ. По мѣрѣ усовершенствованія земледѣлія

---

1) „L' Empire de Russie est si petit".
2) „Et chaqu'un fera 5000 mille werstes".
3) „Il n'y a ni proportion ni combinaison".
4) „Autant de laboureur de ruiné que de chevaux".
5) „Et qui vous dit qu'ils ne vexeront eux meme".

и увеличенія количества денегъ, замѣтили, что эти службы или барщина, хотя очень обременительныя вилланамъ, были мало выгодны для господина. Разсчитали также, что доходъ съ земли будетъ гораздо болѣе значителенъ, если она будетъ находиться въ рукахъ самаго земледѣльца, чѣмъ въ распоряженіи сеньера или его управляющаго. Тогда барщину или личныя службы замѣнили оброкомъ и прежнія натуральныя повинности переложили на деньги. Такъ какъ затѣмъ увидѣли, что фермы лучше обработывались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьянину было гарантировано право владѣнія, то начало входить въ обычай отдавать ему землю въ аренду. (Курсивъ подлинника). Вилланы постепенно исчезли въ болѣе цивилизованныхъ странахъ Европы».... И такъ для развитія земледѣлія и торговли во Франціи и Англіи оказалось нужнымъ дать вилланамъ право собственности. «Отсюда слѣдуетъ», продолжаетъ кн. Голицынъ, «что, идя тѣмъ же путемъ, е. и. в—во будетъ дѣйствовать съ увѣренностію въ успѣхѣ и можетъ ожидать удивительныхъ результатовъ такого установленія.... Если теперь же право собственности не будетъ даровано крестьянамъ, то лишь изъ боязни, чтобы они не злоупотребили имъ («не этого нужно бояться», [1]) замѣтила Екатерина) и потому, что императрица, по добротѣ души, ея достойной, не пожелаетъ возбудить неудовольствіе помѣщиковъ» (противъ этого Екатерина не возражала!), «ибо люди никогда не измѣняютъ своихъ понятій въ одинъ день, и чѣмъ страннѣе и нелѣпѣе наши предразсудки, тѣмъ болѣе они имѣютъ власти надъ нашимъ разсудкомъ. Дѣло идетъ еще не о томъ, чтобы дать имъ законы, сами по себѣ совершенные, но лучшіе, какіе можно выполнить. Если пожелаютъ внезапно уничтожить старые привычки и предразсудки, то вмѣсто того, чтобы просвѣтить людей, ихъ только возмутятъ. И такъ право собственности на движимое имущество—вотъ что необходимо въ настоящее время; ея в—во хорошо пойметъ, когда настанетъ время для дарованія имъ полнаго права собственности».—Противъ всего этого мѣста, начиная со словъ «если пожелаютъ», императрица написала: «разсуждать объ Россіи во Франціи сообразно со взглядами этой страны не значитъ представить математическое доказательство» [2]).

Познакомившись съ замѣчаніями имп. Екатерины на послѣднее письмо кн. А. Д. Голицына, мы вмѣстѣ съ тѣмъ узнали и содержаніе отвѣта на него вице-канцлера, такъ какъ этотъ отвѣтъ пред-

---

[1]) „Ce n'est pas cela qui est a craindre“.

[2]) „Raisonner en France selon les idées de ce pays sur la Russie ne saurait former une demonstration matematique“.

ставляетъ или буквальное повтореніе, или только развитіе замѣчаній императрицы, и онъ наглядно подтверждаетъ мысль, что на переписку вицеканцлера съ нашимъ посланникомъ въ Парижѣ можно смотрѣть какъ на полемику съ этимъ послѣднимъ самой государыни. Отвѣтъ вицеканцлера [1]) начинается извѣщеніемъ, что письмо кн. Дм. Алексѣев. было представлено императрицѣ; затѣмъ слѣдуютъ возраженія въ томъ порядкѣ, какъ онѣ были сдѣланы Екатериною и очень часто буквально ея словами. Черновой отпускъ этого письма убѣждаетъ насъ также, что отвѣты вицеканцлера представлялись ранѣе отправки на усмотрѣніе императрицы: во 1-хъ, кромѣ подлинника отвѣта, тутъ же сохранилась и копія, а во 2-хъ, вмѣсто прежней благодарности за письмо въ концѣ отвѣта на поляхъ другими чернилами написано: «я очень радъ, что могу въ то же время увѣрить васъ, что е. и. в—во убѣдилась изъ вашего письма въ томъ усердіи и прилежаніи, съ которымъ вы относитесь къ своей службѣ». Такимъ образомъ переписка кн. Д. А. Голицына являлась почти исполненіемъ служебнаго долга.

Не получивъ еще этого отвѣта, кн. Д. А. поспѣшилъ сообщить предложеніе, пришедшее ему въ голову; мы встрѣчаемъ его и въ проэктѣ Елагина [2]). «Какихъ бы добрыхъ результатовъ ни ожидали мы отъ дарованія крестьянамъ доменовъ императрицы права собственности на движимое имущество, прогрессъ во всякомъ случаѣ можетъ быть въ началѣ только очень медленнымъ, и нужно бояться, чтобы эта медленность въ проявленіи благихъ результатовъ не отбила бы охоты съ самаго начала. Поэтому было бы желательно, чтобы е. и. в. приказала выбрать одинъ округъ [3]), одну вотчину изъ своихъ доменовъ и для опыта даровала бы тамъ полное право собственности съ дозволеніемъ выбирать самимъ меровъ и старшинъ, т. е. по нашему старостъ и выборныхъ, съ тѣмъ, чтобы полицейскій надзоръ былъ установленъ и исполняемъ ими самими. Пусть странствующіе судьи дѣлаютъ тамъ свои объѣзды, какъ и въ другихъ частяхъ доменовъ императрицы, и имъ предпишутъ только сдѣлать тамъ наблюденія и замѣчанія, если возможно, еще болѣе точныя, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, чтобы ея в—во, не имѣя возможности видѣть этотъ округъ лично, могла бы по ихъ донесеніямъ судить объ тамошнихъ успѣхахъ въ земледѣліи и торговлѣ и объ увеличеніи народонаселе-

---

[1]) 4-го апрѣля 1766 г., не изданъ.

[2]) Письмо 23-го марта 1766 г., не издано.

[3]) Дворцовыя вотчины раздѣлялись на управительства, которыхъ въ 1765 г. было 62.

нія. Нужно только при выборѣ округа обратить вниманіе на то, чтобы онъ находился близь какой нибудь большой рѣки, для того чтобы былъ легкій сбытъ земледѣльческихъ произведеній и удобныя сношенія съ сосѣдними округами или какимъ нибудь большимъ городомъ. (Желательно также, чтобы выбранный округъ находился близь Москвы или Петербурга). При соблюденіи этого условія, необходимаго для развитія соревнованія, а слѣдовательно и промышленности, этотъ округъ сдѣлаетъ быстрые успѣхи, и въ 2—3 года императрица будетъ имѣть возможность убѣдиться въ добромъ вліяніи принятыхъ мѣръ».

Письмо это, какъ видно изъ краткаго отвѣта вицеканцлера [1]), было милостиво принято императрицею, что видно и изъ отсутствія на немъ ея замѣчаній. Вицеканцлеръ пишетъ, что въ новомъ предложеніи кн. Дм. Алексѣев. много осмотрительности; большія предпріятія должны быть подготовляемы подобными мѣрами; «это первый эскизъ картины, который будетъ усовершенствованъ не скоро, лишь послѣ многихъ размышленій».

Между тѣмъ кн. Д. А. Голицынъ нашелъ необходимымъ отвѣтить на возраженія, сдѣланныя ему въ письмѣ отъ 4-го апрѣля. Онъ замѣтилъ [2]) во первыхъ, что хотя земледѣліе въ Россіи и не находится въ такомъ печальномъ положеніи, какъ думаютъ за границею, но все-таки, въ виду обширности страны и плодородія почвы слѣдовало бы ожидать болѣе значительныхъ сборовъ хлѣба. Внутренняя торговля не будетъ процвѣтать до тѣхъ поръ, пока постепенно не дарують крестьянамъ права собственности на движимое имущество. Третье сословіе (le tiers-état) необходимо для процвѣтанія искуствъ и наукъ, а образованію зажиточнаго третьяго сословія препятствуетъ масса крѣпостныхъ работниковъ, которыми переполнены дома русскихъ дворянъ. Странствующіе судьи должны не замедлять судопроизводство, какъ это считаетъ возможнымъ вицеканцлеръ, а напротивъ ускорять его; контроль надъ своими предшественниками будетъ для нихъ дѣломъ второстепеннымъ, а не то можно и совсѣмъ освободить ихъ отъ этой обязанности. Предлагая назначить 16 судей, онъ имѣлъ въ виду только дворцовыхъ крестьянъ, для всей же Россіи ихъ конечно нужно больше. Подводная повинность для ихъ путешествій будетъ все легче крестьянамъ, по мѣрѣ того, какъ съ развитіемъ земледѣлія и

---

[1]) 7-го апрѣля 1766 г., не напечатанъ.

[2]) 26-го мая 1766 г., напечатано Рачинскимъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1876 г., № 2; перепечатано въ Сборн. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, вып. II, стр. 104—112.

внутренней торговли и увеличеніемъ народонаселенія, вездѣ въ Россіи устроятся большія дороги и почты, какъ во Франціи. (Вся Франція, замѣтила императрица, «не составляетъ и половины Новгородской губерніи», въ составъ которой входили въ то время провинціи Новгородская, Тверская, Псковская, Бѣлозерская и Великолуцкая).

II.

Конкурсъ въ Швейцаріи на тему о законодательствѣ, благопріятствующемъ земледѣлію.—Кн. Д. А. Голицынъ интересуется задачею вольнаго экономическаго общества.—Новыя мѣры по крестьянскому вопросу въ Даніи.—Знакомство съ Беарде де Лабеемъ.

Письма кн. Д. А. Голицына отъ 12, 19 и 26 іюня 1766 г. представляютъ уже не изложеніе его собственныхъ мыслей, а чрезвычайно подробное и обширное извлеченіе изъ отвѣтовъ, присланныхъ въ швейцарское экономическое общество въ городѣ Бернѣ въ отвѣтъ на тему, заданную гр. Минишкомъ: «о томъ, каковъ долженъ быть духъ законодательства, чтобы оно благопріятствовало земледѣлію» [1]). Изъ 25 отвѣтовъ, присланныхъ въ общество, въ рукахъ кн. Д. А. было 15, въ томъ числѣ трудъ, получившій премію, и тѣ три, которымъ было присуждено такъ называемое accessit, т. е. которые были признаны лучшими послѣ премированнаго сочиненія. Премію получилъ Жанъ Бертранъ, который, послѣ путешествія въ Голландію, сдѣлался пасторомъ въ Орбѣ (въ Швейцаріи) и съ жаромъ предался агрономическимъ занятіямъ. Его трудъ, увѣнчанный преміею въ 1766 г., носитъ заглавіе: «Essai sur l'esprit de la législation favorable à l'agriculture, à la population, au commerce, aux arts et aux métiers»; онъ былъ тогда же напечатанъ въ Бернѣ и затѣмъ переведенъ на италіянскій и нѣмецкій языки. Позднѣе онъ написалъ еще нѣсколько агрономическихъ трудовъ, изъ которыхъ два были также увѣнчаны бернскимъ экономическимъ обществомъ, гдѣ онъ былъ членомъ и секретаремъ [2]). Труды, получившіе accessit, были написаны Бенжаменомъ Каррарομъ, Корревономъ и абб. Паганомъ и, сколько намъ извѣстно, напечатаны не были. Мы не будемъ останавливаться отдѣльно на каждомъ изъ этихъ сочиненій, тѣмъ болѣе, что и самъ кн. Голицынъ указываетъ на сходство ихъ общихъ выводовъ, а от-

[1]) Всѣ эти письма не напечатаны.
[2]) Hoeffer. Nouvelle Biographie, ed. Didot. 1855, vol. V, 762.

мѣтимъ лишь немногія мысли, которыя могли имѣть болѣе значенія для русскихъ, интересующихся крестьянскимъ вопросомъ.

Бенжаменъ Карраръ въ своемъ мемуарѣ между прочимъ говоритъ: «чтобы предохранить земледѣльцевъ отъ нужды, нужно обезопасить ихъ отъ угнетеній со стороны другихъ сословій. Какъ печально и ужасно положеніе работника въ странѣ, гдѣ его считаютъ за ничто или гдѣ, подобно илотамъ у спартанцевъ, его могутъ безнаказанно оскорблять и мучить люди благороднаго происхожденія [1]). Какую печальную судьбу подготовляютъ себѣ націи, допустившія такое негуманное отношеніе къ тому, кому мы должны быть обязаны нѣжною признательностію за добываніе пропитанія для остальныхъ гражданъ. Развѣ въ государствахъ, руководящихся подобными принципами, мы не встрѣчаемъ обширныхъ мѣстностей пустыхъ и необработанныхъ? Развѣ мы не видимъ, что тамъ крестьянинъ, оскорбляемый всевозможнымъ образомъ и подавленный самымъ дурнымъ обращеніемъ, лишается бодрости духа, дѣлается совершенно неспособнымъ къ промышленности и даже доходитъ до оцѣпененія, близкаго къ тупости». Подчеркивая все это мѣсто, кн. Голицынъ какъ будто восклицалъ, обращаясь къ Россіи: «De te fabula narratur». Тотъ же авторъ объяснялъ, какъ вредно отражается на земледѣліи обязанность крестьянъ отвозить съѣстные припасы въ города, безплатно ставить подводы и проч. Корревонъ указывалъ въ своемъ мемуарѣ на необходимость ограниченія закономъ крестьянскихъ повинностей. Неизвѣстный авторъ одного мемуара полагалъ, что нужно начать съ уничтоженія остатковъ феодальнаго правленія. «Въ Европѣ мало странъ», говоритъ онъ, «которыя не были бы заражены этимъ варварствомъ». Сеньёры не должны прогонять крестьянъ ранѣе окончанія жатвы; ни за какой долгъ не слѣдуетъ дозволять отбирать скотъ или рабочіе инструменты. Авторъ осуждаетъ также сборъ десятины въ пользу монаховъ и сеньеріальныя права. Онъ требуетъ полной свободы для торговли хлѣбомъ. Жанъ Бертранъ настаиваетъ на необходимости дарованія крестьянамъ личной свободы и съ одобреніемъ указываетъ на мудрость правительства бернскаго кантона, которое еще въ XVII вѣкѣ приказало всѣмъ сеньерамъ освободить ихъ вассаловъ «мертвой руки» (меинмортаблей) [2]). Рабы, какими являются крестьяне въ Польшѣ, Богеміи,

[1]) Все, набранное разрядкой, подчеркнуто кн. Д. А. Голицынымъ.

[2]) Въ Бернскомъ кантонѣ освобожденіе крѣпостныхъ началось еще въ XV стол. и уже къ началу XVI в. большинство ихъ было людьми свободными; въ XVIII в. крестьяне Бернскаго кантона славились своею зажиточностію. Sugenheim. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft, 50—532. В. С

Россіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, не будутъ бодро и разумно обработывать свои земли подъ тяжестію подавляющихъ ихъ цѣпей. Мнѣ кажется даже непонятнымъ, какъ государство съ рабскимъ населеніемъ можетъ сохранить свою независимость и свободу. Но одной личной свободы для развитія земледѣлія еще не достаточно; нужно еще нѣкоторое обезпеченіе крестьянина участкомъ земли. «Когда земли какого либо государства», говоритъ Бенжаменъ Карраръ, «раздѣлены на обширныя помѣстья, онѣ обработываются по большей части наемными рабочими, которые вовсе не заинтересованы въ улучшеніи участка, не составляющаго ихъ собственности. Эти обширныя пространства земли были бы, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе производительны, если бы сеньёры раздѣлили ихъ и роздали въ долгосрочную аренду своимъ крестьянамъ [1]). Земледѣлецъ никогда не бываетъ такимъ старательнымъ, какъ обработывая свой собственный участокъ... Слѣдовательно нужно, чтобы крестьяне были собственниками и вообще владѣли бы землями, которыя они обработываютъ. Небольшое пространство ихъ владѣній будетъ служить для нихъ постояннымъ побужденіемъ къ труду. Необходимость добывать пропитаніе для своего семейства заставитъ ихъ увеличивать плодородіе своей земли. Только одно право собственности въ силахъ удержать дома крестьянъ. Оно одно заставитъ ихъ ревностно заботиться о сохраненіи государства и побудитъ солдатъ храбро защищать его». (Какъ мы знаемъ, подобная мысль была высказана и вице-канцлеромъ Голицынымъ). Встрѣчаемъ еще указанія на то, что для развитія земледѣлія не слѣдуетъ брать въ солдаты дѣтей и прислугу земледѣльцевъ, и что постояннымъ источникомъ для милиціи и наборовъ должны служить лакеи и толпы прислуги, населяющей города; нерѣдко повторяется также мысль о необходимости награды и отличій для старательныхъ земледѣльцевъ (мысль, которую мы находимъ и въ извѣстномъ сочиненіи Беарде де Лабея, присланномъ въ отвѣтъ на задачу нашего вольнаго экономическаго общества о собственности крестьянъ), а однажды встрѣчаемъ даже указаніе на необходимость порицаній и наказаній для нерадивыхъ крестьянъ.

Хотя названныя мѣры были подсказаны желаніемъ добра для крестьянъ, но большинство изъ нихъ совершенно не подходило къ

[1]) На нежелательность краткосрочныхъ арендъ указывалось и въ другихъ мемуарахъ. Корревонъ хотѣлъ, чтобы закономъ было запрещено отдавать землю въ аренду на сроки короче 15—18 лѣтъ. В. С.

русскимъ условіямъ, а одно предложеніе, повторяющееся въ очень многихъ изъ мнѣній, излагаемыхъ кн. Голицынымъ, было бы весьма вредно для благосостоянія нашихъ крестьянъ, если бы оно нашло сочувствіе въ нашемъ правительствѣ и если бы начались попытки его осуществленія: мы разумѣемъ совѣтъ произвести раздѣлъ общинныхъ земель, въ подтвержденіе чего указывались и нѣкоторые примѣры изъ швейцарской практики. Авторы отвѣтовъ настаивали также на уничтоженіи пастьбы скота, принадлежащаго крестьянамъ, на поляхъ (послѣ снятія хлѣба), такъ какъ это дѣлаетъ обязательною однообразную систему земледѣлія.

Кн. Д. А. Голицынъ, чрезвычайно подробно передавая содержаніе отвѣтовъ на задачу бернскаго экономическаго общества, за что его благодарилъ вицеканцлеръ [1]), не дѣлалъ отъ себя почти никакихъ замѣчаній. Онъ только возвращается нѣсколько разъ къ своей излюбленной мысли о странствующихъ судьяхъ, да однажды, вопреки своему либерализму, высказывается противъ неограниченнаго распространенія грамотности въ народѣ, сходясь въ этомъ отношеніи съ нашимъ агрономомъ Рычковымъ, не тронутымъ послѣдними выводами парижской образованности. Ж. Бертранъ оспариваетъ въ своемъ трудѣ мнѣніе, что чѣмъ невѣжественнѣе крестьяне, тѣмъ они послушнѣе, и говоритъ, что «работникъ тѣмъ легче и точнѣе исполняетъ свое дѣло, чѣмъ болѣе онъ развитъ. Невѣжество ни на что негодно». По этому поводу кн. Д. А. Голицынъ замѣчаетъ: «это правило требуетъ ограниченія. Если бы всѣ крестьяне умѣли читать и писать, я убѣжденъ, что было бы очень трудно удержать ихъ въ деревнѣ и привязать къ землѣ, такъ какъ обработка земли—дѣло трудное, а каждый человѣкъ любитъ удобства. Что касается религіи и обязанностей христіанина, то я думаю, что крестьянинъ, хорошо знающій «вѣрую» и «отче нашъ», при 10 или 12 часахъ труда въ день, скорѣе спасется, чѣмъ монахъ въ своемъ монастырѣ».

Въ концѣ 1766 г. вольное экономическое общество, по негласному почину императрицы, приславшей 1000 червонцевъ, объявило конкурсъ на премію въ 100 и медаль въ 25 червонцевъ за лучшее рѣшеніе вопроса: «что полезнѣе для общества: чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственность земли или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?» Еще въ январѣ 1766 г. Екатерина обращалась съ вопросомъ по крестьянскому дѣлу въ вольное экономическое общество, но это послѣднее,

[1]) Письмо 4 іюля 1766 г., не издано.

не зная, кѣмъ написано письмо, оставило его безъ отвѣта. Теперь вѣроятно примѣръ Швейцаріи навелъ императрицу на мысль прислать деньги въ общество для обнародованія конкурса. Объявленія о немъ появились во многихъ заграничныхъ газетахъ, и вотъ, прочтя одно изъ нихъ, кн. Д. А. въ письмѣ къ вицеканцлеру [1]) спрашиваетъ, какой срокъ назначенъ для присылки отвѣтовъ, на какомъ языкѣ они должны быть написаны и будутъ ли допущены къ конкурсу иностранцы. Вицеканцлеръ отвѣчалъ [2]), что иностранцы могутъ писать на конкурсъ и при томъ на своемъ родномъ языкѣ; если же самъ кн. Д. А. Голицынъ пожелалъ бы участвовать въ конкурсѣ, то вицеканцлеръ совѣтовалъ ему тщательно скрыть свое имя и послать отвѣтъ прямо въ вольное экономическое общество.

Послѣ того переписка между двумя нашими государственными людьми по крестьянскому вопросу на нѣкоторое время прерывается. Получивъ отъ вицеканцлера извѣстіе объ открытіи засѣданій коммисіи для составленія новаго уложенія, кн. Дм. Алексѣев. [3]) выражаетъ живѣйшее желаніе имѣть свѣдѣнія о ходѣ ея занятій и разсыпается по этому поводу въ похвалахъ Екатеринѣ. Императрица, прочтя это письмо, надписала на немъ: «Прилагаемая книга для вашего двоюроднаго брата, написавшаго это письмо». Какъ видно изъ отвѣта кн. Дм. Ал. [4]), книга, присланная ему императрицею, былъ Наказъ коммисіи уложенія. Кн. Д. А. Голицынъ, разумѣется, пришелъ отъ него въ восторгъ: онъ отвѣчалъ, что ни одну книгу не пожиралъ съ такою жадностію, ни одна не производила на него такого впечатлѣнія, что онъ знаетъ это произведеніе наизустъ. Сколько параграфовъ ея должно бы быть начертано золотыми буквами; можетъ ли быть что нибудь возвышеннѣе, величественнѣе, человѣчнѣе § 520 [5]). Восторгъ могъ быть, разумѣется, и совершенно искреннимъ, но все таки нужно помнить, что кн. Д. А. Голицыну было извѣстно доставленіе его писемъ императрицѣ. Другое письмо нашего посланника, написанное въ тотъ же день [6]), вызвано просьбою вицеканцлера

---

[1]) 8 янв. 1767 г.; напечатано первоначально въ Сборн. истор. общ. т. XV, стр. 627; перепечатано въ Сбор. моск. арх. иностр. дѣлъ, вып. II, страница 82, 84.

[2]) Письмо 7 февр. 1767 г., не издано.

[3]) Въ неизданномъ письмѣ 3 сентября 1767 г.

[4]) 12 ноября 1767 г., не изданъ.

[5]) „Все сіе не можетъ понравиться льстецамъ, которые по вся дни земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако жъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа“...

[6]) Оно также не издано.

доставить свѣдѣнія о правахъ и преимуществахъ французскаго дворянства. Мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что свѣдѣнія эти понадобились для частной коммисіи о разборѣ государственныхъ родовъ, открывшей свои засѣданія въ сентябрѣ 1767 г. и начавшей свою дѣятельность съ собранія матеріаловъ о дворянствѣ, крестьянахъ и проч. [1]). Кн. Д. А. обѣщаетъ прислать подробныя свѣдѣнія о французскомъ дворянствѣ, а пока сообщаетъ краткую записку по этому предмету, которая не сохранилась при письмѣ, но содержаніе которой въ немъ изложено. Тутъ кн. Д. Голицынъ между прочимъ указываетъ, что французское дворянство освобождено отъ постойной повинности, между тѣмъ какъ у насъ ей подлежатъ всѣ, не исключая фельдмаршаловъ. Далѣе нашъ посланникъ обѣщаетъ собрать свѣдѣнія и объ англійскомъ дворянствѣ, и говоритъ, что просилъ уже объ этомъ абб. Галіани, очень скоро отправляющагося въ Лондонъ.

Извѣстія о мѣрахъ на пользу крестьянъ въ Даніи подали поводъ для начала переписки между кн. Д. А. Голицынымъ и вицеканцлеромъ о крестьянскомъ вопросѣ; подобныя же извѣстія заставили нашего парижскаго посланника вновь возвратиться къ этому предмету. Онъ прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что «недавно учрежденная датскимъ королемъ коммисія имѣетъ главною цѣлію уничтоженіе крѣпостнаго права, существующаго еще въ большинствѣ провинцій королевства, и дарованіе имъ полной личной свободы и права собственности на земли». По этому поводу кн. Д. А. выражаетъ желаніе [2]), чтобы императрица приказала доставить себѣ точный отчетъ о положеніи датскихъ крестьянъ предъ реформою, о подготовленіи къ ней, о томъ, какъ преодолѣли встрѣтившіяся препятствія, объ ожидаемыхъ результатахъ и проч. «Можетъ быть», продолжаетъ кн. Голицынъ, «что современное положеніе Россіи еще не благопріятно такому нововведенію... Но уже великій шагъ сдѣлаетъ государыня и тѣмъ, если рѣшитъ въ принципѣ, что подобная перемѣна необходима для блага государства и приметъ рядъ мѣръ для ея осуществленія въ будущемъ». Вицеканцлеръ отвѣчалъ кн. Д. А. Голицыну [3]), что императрица прочла его письмо и что мѣры датскаго правительства ей уже извѣстны, такъ какъ эти уставы присланы ей копенгагенскимъ дворомъ.

---

[1]) Матеріалы о дворянахъ и крестьянахъ въ западной Европѣ хранятся въ архивѣ быв. II отдѣленія.

[2]) Въ письмѣ 10 декаб. 1767 г., напечатано первоначально въ Сб. ист. об. т. XV, 630—633, перепечат. въ Сбор. моск. арх. II, 86—89.

[3]) Письмо 7 янв. 1768 г., не издано.

Свѣдѣнія эти сохранились въ дѣлахъ коммисіи для составленія новаго уложенія; изъ записки, которую мы уже цитовали, мы узнаемъ слѣдующее о мѣрахъ Христіана VII, тогда только что взошедшаго на престолъ (въ 1766 г.). «Чтобы произвести общее измѣненіе въ положеніи крестьянъ, онъ началъ съ лучшаго способа, а именно съ примѣра: онъ отдалъ въ собственность земли всѣмъ крестьянамъ копенгагенскаго округа» (подробности этой уступки описаны въ отдѣльной сохранившейся запискѣ); «особое учрежденіе заботится объ точномъ опредѣленіи ихъ барщины, повинностей и ихъ правъ, которыя должны быть ненарушимыми. Затѣмъ тоже будетъ сдѣлано въ остальной Зеландіи и на Лаландѣ. Задуманныя королемъ великія предпріятія осуществятся по его возвращеніи изъ путешествія въ нѣмецкія провинціи государства. Многіе землевладѣльцы уже слѣдуютъ примѣру государя». (При этомъ приложена грамота, выданная однимъ изъ нихъ своимъ крестьянамъ) [1]).

Вотъ что говоритъ датскій историкъ о мѣрахъ, принятыхъ въ то время въ Даніи относительно крестьянъ. «Въ началѣ своего царствованія Христіанъ VII обнаружилъ желаніе заняться улучшеніемъ судьбы угнетенныхъ крестьянъ. Въ первые же годы онъ освободилъ отъ барщины крестьянъ копенгагенскаго округа и уступилъ имъ въ собственность ихъ фермы; немного спустя онъ объявилъ, что намѣренъ освободить всѣхъ крестьянъ; этимъ прекраснымъ рѣшеніемъ онъ обязанъ вліянію своего секретаря, благороднаго Ревердиля [2]). Тогда была учреждена коммисія о крестьянахъ, въ которой засѣдали Ревердиль и Штампе; ея усилія были направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы уничтожить барщину и прикрѣпленіе къ землѣ и вездѣ распространить право собственности. Но Ревердиль скоро впалъ въ немилость и былъ высланъ изъ Даніи..., а послѣ того какъ коммисія была преобразована въ коллегію сельской экономіи, дѣло приняло другой оборотъ: тутъ уже старались не столько регулировать закономъ личное положеніе крестьянъ, сколько улучшить земледѣліе». Появились указы о раздѣленіи общинныхъ земель (29 іюля 1769 г.), «но эта мѣра встрѣтила много препятствій и не было сдѣлано ничего важнаго. Старались обратить неопредѣленную барщину въ опредѣленную, но забота объ ея регулированіи была предоставлена

[1]) Арх. II Отд. Нужно однако замѣтить, что при этомъ правительство стремилось уничтожить общинныя угодья. Allen. Histore de Danemark, II, 183.

[2]) Быть можетъ тотъ самый, который окончилъ сочиненіе Рожера „Письма о Даніи“, II томъ котораго появился въ 1765 г. и подалъ поводъ для начала переписки кн. Голицыныхъ о крестьянскомъ вопросѣ. В. С.

самимъ землевладѣльцамъ! Въ то время было написано сочиненіе Oeder'а: «Размышленія о дарованіи датскимъ крестьянамъ свободы и права собственности», но оно не было одобрено людьми, власть имѣющими. Когда же во главѣ правительства сталъ Струэнзе, видѣвшій гибельное вліяніе узъ, тяготѣющихъ надъ крестьянами, то были приняты болѣе дѣйствительныя мѣры. Коллегія сельской экономіи снова превратилась въ коммиссію, къ участію въ которой былъ приглашенъ Oeder, и 20 февр. 1771 г. появился столь благопріятный для крестьянъ указъ, которымъ барщина была регулирована такимъ же образомъ, какъ и другія крестьянскія повинности, т. е. по гарткорнамъ [1]) и были сдѣланы многія распоряженія, чтобы обезопасить крестьянъ отъ несправедливости». Обѣщаны были изъ королевской казны ссуды фермерамъ, которые сдѣлаются собственниками. «Затѣмъ коммисія представила проэктъ, какъ уничтожить прикрѣпленіе къ землѣ; но между тѣмъ Струэнзе былъ низвергнутъ, а лица, ставшія въ главѣ управленія, имѣли другія мнѣнія о сельскомъ хозяйствѣ» [2]).

Въ Россіи въ это время шло теоретическое обсужденіе вопроса сначала въ вольномъ экономическомъ обществѣ, а затѣмъ въ коммисіи для составленія новаго уложенія; одна изъ частныхъ коммиссій, выбранная большимъ собраніемъ, составила даже проэктъ крестьянскихъ правъ, въ которомъ не предлагалось впрочемъ никакихъ важныхъ мѣропріятій. Въ вольномъ экономическомъ обществѣ премію, какъ извѣстно, получилъ Беарде de Лабей. По напечатаніи его сочиненія, вицеканцлеръ препроводилъ его къ кн. Дм. Алексѣевичу. Послѣдній отвѣчалъ изъ Ахена [3]), что онъ только что познакомился съ авторомъ этого сочиненія, въ которомъ впрочемъ нѣтъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что говорилъ онъ, кн. Голицынъ, еще два года тому назадъ; «его идеи совершенно сходны съ моими, не исключая даже странствующихъ судей.—И такъ вы видите», продолжалъ нашъ посланникъ, «что, съ какой стороны ни взглянуть на дѣло, все придешь къ выводу, что право собственности есть единственное средство для развитія благосостоянія и обогащенія страны и что безъ него нѣтъ спасенія. Въ книгѣ члена берлинской академіи Борелли, вышедшей въ 1768 г. («Système de legislation ou moyens que la politique peut employer pour former à l'Etat des sujets utiles et

---

[1]) Въ гарткорнѣ было 24000 квадратныхъ локтей, если земля была лучшаго качества, и до 124000—безплодной земли. (Арх. II отд.)

[2]) Allen. Histoire de Danemark. P. 1879, II, 197—198.

[3]) Письмо 30 іюля 1768 г., не издано.

vertueux) кн. Д. А. Голицынъ опять нашелъ подтвержденіе своей мысли о необходимости странствующихъ судей: «чтобы ни говорили», писалъ онъ кн. Алекс. Михайловичу, «люблю моихъ странствующихъ судей» [1]).

III.

Кн. Д. А. Голицынъ желаетъ безземельнаго освобожденія крестьянъ.— Условія, которыя онъ ставитъ для произведенія реформы въ своемъ имѣніи.— Предложеніе кн. Гагарина о разрѣшеніи крѣпостнымъ выкупаться на свободу.—Сочувствіе этой мѣрѣ со стороны кн. Д. А. Голицына.—Общая характеристика взглядовъ кн. Д. Голицына на крестьянскій вопросъ.

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1767 г. кн. Д. А. Голицынъ съ великимъ прискорбіемъ узналъ, что ему придется покинуть Францію. Обжившись въ Парижѣ, общество котораго ему такъ нравилось, и считая дальнѣйшее пребываніе тамъ полезнымъ для своего образованія, онъ обратился къ посредничеству Фальконета, находившагося въ то время въ Петербургѣ, съ просьбою замолвить за него слово предъ императрицей. На письмо объ этомъ Фальконета императрица отвѣчала изъ Москвы: «Желаніе князя остаться за границею и для того, чтобы учиться, и потому, что тамошняя жизнь ему нравится, обманываетъ его на счетъ его положенія. Онъ долженъ оставить Парижъ, его средства не позволяютъ ему путешествовать; не знаю при томъ, таковы ли виды его семейства, дѣла котораго онъ могъ бы легко разстроить, потому что онъ не богатъ; съ другой стороны не думаю, чтобы коллегія иностранныхъ дѣлъ была столь любезна, что стала тратить свои суммы на художественныя и ученыя путешествія. Въ итогѣ я думаю, что онъ найдетъ случай употребить съ пользою въ отечествѣ своемъ таланты, данные ему Богомъ». Но Голицынъ окончательно покинулъ Парижъ лишь во второй половинѣ 1768 г., послѣ того какъ женился въ Ахенѣ на графинѣ Амаліи Шметтау, пріобрѣвшей впослѣдствіи большую извѣстность своими сношеніями съ германскими философами и писателями. Причина отозванія нашего посланника изъ Парижа и замѣна его простымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ заключалась во враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи министерства герцога Шуазёля, который не только возбудилъ Турцію къ войнѣ съ Россіей и старался разорвать нашъ союзъ съ Пруссіей, но хотѣлъ даже умалить титулъ русской государыни, называя ее въ грамотахъ къ русскому правительству просто «величествомъ», а не

---

[1]) Письмо изъ Брюсселя 15 ноября 1768 г., не издано.

«императорскимъ величествомъ». Возвратившись въ Петербургъ, кн. Д. А. Голицынъ провелъ тамъ около года, послѣ чего былъ назначенъ посланникомъ въ Нидерландскихъ штатахъ [1]). Въ этомъ новомъ періодѣ своей жизни ему снова пришлось вернуться къ обсужденію вопроса объ измѣненіи быта крѣпостныхъ.

Во всей предшествующей перепискѣ кн. Д. А. Голицынъ высказалъ очень много либеральныхъ мыслей по крестьянскому вопросу, но все таки оставалось неяснымъ, какого освобожденія желаетъ онъ для крестьянъ: личнаго ли только или съ земельнымъ надѣломъ. Онъ предлагалъ начать съ дарованія крестьянамъ въ дворцовыхъ вотчинахъ права собственности на движимое имущество, но этого не достаточно; это только первый шагъ, — и онъ противопоставляетъ ему полное право собственности. Какимъ же образомъ должно оно образоваться, долженъ ли крестьянинъ получить земельный надѣлъ? Это тотчасъ же выяснилось, какъ только былъ задѣтъ личный интересъ кн. Дм. Алексѣев., и онъ оказался самымъ зауряднымъ, шаблоннымъ либераломъ, полное осуществленіе идей котораго могло бы принести огромный вредъ нашимъ крестьянамъ.

На окончательное выясненіе своихъ взглядовъ по этому предмету кн. Дм. Ал. Голицынъ, бывшій уже тогда посланникомъ при Нидерландскихъ штатахъ, былъ вызванъ письмомъ кн. А. М. Голицына (отъ 1-го сентября 1770 г.), который, высказывая сомнѣніе, чтобы въ Россіи могла значительно развиться торговля до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено крѣпостное право, предложилъ кн. Дм. Алексѣевичу сдѣлать опытъ на своихъ собственныхъ земляхъ: это дозволено каждому русскому дворянину, а между тѣмъ до сихъ поръ никто не желаетъ попробовать. Письмо это задѣло за живое кн. Дм. Алексѣевича; вопросъ былъ поставленъ ребромъ; теперь нельзя уже было ограничиваться однѣми фразами: шестилѣтнее либеральничанье по крестьянскому вопросу къ чему нибудь да обязывало же. Посмотримъ, какой выходъ нашелъ онъ изъ подобнаго положенія.

«Увѣряю васъ, князь», отвѣчалъ онъ [2]), «что я съ величайшимъ усердіемъ ищу для этого благопріятнаго случая и невыразимо буду вамъ обязанъ, если вы будете такъ добры, исходатайствовать мнѣ соизволеніе на то е. и. в—ва». Но «освобожденіе крестьянъ вовсе не должно быть дѣломъ одного частнаго человѣка»; для того, чтобы

---

[1]) Сбор. Ист. Общ. т. XVII, Рус. Арх. 1872 г. т. I, стр. 775—776; Соловьевъ т. XXVII, стр. 316.

[2]) Письмо 30 сент. 1770 г. изъ Гаги, первоначально напечатано въ Сб. ист. об. т. XV, 634—639, перепечатано въ Сб. арх. мин. ин. дѣлъ, II, 92—98.

каждый дворянинъ, рѣшившійся даровать свободу своимъ крестьянамъ, могъ сдѣлать это безъ собственнаго разоренія, нужно согласіе государыни на три условія, и если императрица на нихъ соизволитъ, то онъ согласенъ освободить своихъ крестьянъ. Вотъ эти три условія: 1) освобожденіе отъ взысканія за бѣглыхъ, 2) освобожденіе отъ поставки рекрутъ и 3) неограниченная свобода въ торговлѣ произведеніями своей земли. Необходимость перваго условія кн. Д. А. Голицынъ объясняетъ такимъ образомъ: «Даруя свободу моимъ крѣпостнымъ, я сразу значительно улучшаю ихъ положеніе сравнительно съ другими крестьянами, которые поэтому устремятся ко мнѣ. Вслѣдствіе того ихъ владѣльцы начнутъ противъ меня иски и тѣмъ разорятъ меня. Но напрасно эти господа будутъ подозрѣвать меня въ желаніи переманивать ихъ крѣпостныхъ. Мнѣ они не нужны. Я переношу всю цѣнность моего состоянія на доходъ отъ моихъ земель; слѣдовательно лишь бы только всѣ мои земли были взяты въ аренду, всѣ обработаны,—больше мнѣ ничего не нужно; излишекъ крестьянъ меня не обогатитъ, ибо самое существенное въ моемъ хозяйствѣ,—чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ участокъ земли, достаточный не только для прокормленія, но и для обогащенія; ибо чѣмъ богаче онъ будетъ, тѣмъ болѣе высокую аренду будетъ платить за мою землю. Значитъ, населеніе въ моихъ деревняхъ должно быть точно сообразовано съ пространствомъ моихъ земель, и разъ установится эта пропорціональность, я не могу принять болѣе крестьянъ, такъ какъ у меня не будетъ земли для раздачи имъ». Кн. Голицынъ умалчиваетъ здѣсь только объ одномъ, что въ большинствѣ мѣстностей Россіи помѣщичьи имѣнія могли вмѣстить значительно болѣе крестьянъ, чѣмъ онѣ тогда вмѣщали, слѣдовательно, до достиженія имъ указываемой пропорціональности количества земли съ численностію населенія притокъ крестьянъ изъ чужихъ вотчинъ былъ бы очень для него желателенъ, и будь ему дозволено принимать бѣглыхъ, онъ могъ бы привлечь ихъ назначеніемъ первоначально очень льготныхъ повинностей, которыя потомъ могъ бы произвольно возвысить: вѣдь онъ прямо и разсчитываетъ на уплату современемъ крестьянами болѣе высокой аренды, назначеніе размѣровъ которой онъ всецѣло предоставляетъ помѣщику.

«Быть можетъ», продолжаетъ кн. Д. А. Голицынъ, «вамъ будетъ труднѣе получить согласіе на второе изъ моихъ условій, но вы согласитесь, что оно представляетъ естественное и необходимое послѣдствіе вводимаго мною порядка. Освобождая крестьянъ, я уже не въ правѣ сдавать того или другаго изъ нихъ въ рекруты, такъ какъ иначе дарованная имъ свобода была бы только призракомъ». (Кн.

Голицыну не приходитъ въ голову очень простая мысль, что раскладка рекрутской повинности могла бы быть предоставлена самимъ крестьянамъ). Впрочемъ онъ находитъ выходъ изъ этого затрудненія въ переложеніи этой натуральной повинности на деньги, принявъ количество крестьянъ при введеніи реформы за величину постоянную. Понятна также необходимость неограниченной свободы торговли произведеніями земли. Недостатокъ хорошихъ путей сообщенія внутри Россіи дѣлаетъ невозможнымъ вывозъ хлѣба за границу и это должно было бы побудить дворянъ заниматься винокуреніемъ, вареніемъ пива и проч., но правительство покупаетъ у нихъ вино по опредѣленной цѣнѣ, а само продаетъ гораздо дороже, заключая при томъ договоръ на поставку опредѣленнаго числа ведеръ не менѣе какъ на три года, поэтому въ случаѣ неурожая помѣщики терпятъ большіе убытки.

Хотя объясненія по поводу перваго условія уже достаточно показывали, что князь отнюдь не желаетъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, но послѣ того, какъ дѣло было поставлено на практическую почву, кн. Д. А. Голицынъ сталъ очень бояться всякаго недоразумѣнія въ этомъ, столь существенномъ вопросѣ. «Быть можетъ меня невѣрно поняли», говоритъ онъ, «когда я такъ настаивалъ на дарованіи права собственности крестьянамъ. Изъ моихъ словъ быть можетъ заключили, что я желалъ уступки имъ тѣхъ земель, которыя они теперь обработываютъ; мнѣ никогда не приходила въ голову подобная нелѣпость (!). Земли принадлежатъ намъ; было бы вопіющею несправедливостію отнять ихъ у насъ. Подъ дарованіемъ крестьянамъ собственности я разумѣю: 1) Освобожденіе, т. е. право собственности на свою личность, безъ которой не мыслимы всѣ другіе виды собственности, 2) право собственности на движимое имущество, т. е. пожитки и проч., 3) дозволеніе тѣмъ, кто имѣетъ средства, покупать земли на свое собственное имя и владѣть ими, какъ господа, что современемъ и составило бы ихъ поземельную собственность». Чтобы доказать искренность своего желанія, кн. Д. А. Голицынъ изъявляетъ готовность пріостановить продажу одного небольшаго подмосковнаго имѣнія, принадлежащаго ему вмѣстѣ съ братомъ, въ надеждѣ, что государыня согласится на его просьбу.

Такимъ образомъ кн. Дм. Алексѣев. побѣдоносно вышелъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое поставило его либеральниченье по крестьянскому вопросу. Онъ очень хорошо понималъ, что предъявилъ совершенно невозможныя условія (какъ напр. изъятіе отъ взысканія за бѣглыхъ, поселяющихся на его земляхъ); если же паче чаянія, условія его были бы приняты, то онъ нашелъ бы очень выгоднымъ для себя безземельное освобожденіе крестьянъ: не даромъ же

онъ долго жилъ за границей и хорошо усвоилъ себѣ западныя экономическія идеи. Въ случаѣ согласія государыни, писалъ онъ, земля, находящаяся въ столь близкомъ разстояніи отъ большаго города, дѣлается для меня драгоцѣннымъ достояніемъ. Вмѣсто того, чтобы ее продать, я напротивъ постараюсь скупить всѣ части моихъ братьевъ, если только они не согласятся освободить крестьянъ вмѣстѣ со мною, къ чему я буду ихъ склонять всѣми зависящими отъ меня мѣрами».

Вицеканцлеръ отвѣчалъ кн. Дм. Алексѣевичу [1]), что онъ не рѣшается даже представить императрицѣ его послѣднее письмо «вслѣдствіе трехъ условій, которыя никакъ не могутъ быть приняты». Допущеніе перваго и третьяго условія произвело бы величайшій безпорядокъ въ самыхъ важныхъ частяхъ государственнаго управленія; второе условіе не выгодно для государства, такъ какъ рекрутскіе наборы доставляютъ гораздо лучшихъ солдатъ, чѣмъ вербовки. Да и вообще вицеканцлеръ не считалъ доказаннымъ, что крѣпостное право дѣлаетъ нашихъ крестьянъ несчастными.

Само собою разумѣется, князь Дм. Алексѣев. выразилъ глубочайшее сожалѣніе [2]), что его предложеніе не принято. «Предѣлы письма не дозволяютъ мнѣ сдѣлать всѣ возраженія, какія я могъ бы представить, тѣмъ болѣе, что, какъ я вижу, онѣ были бы безполезны: мнѣ кажется, что окончательно принято рѣшеніе оставить нашихъ крестьянъ въ крѣпостномъ состояніи. Но если е. и. в—во пожелаетъ имѣть записку по этому предмету, то я надѣюсь доказать, что и она, и каждый изъ насъ въ частности очень выиграетъ отъ этого измѣненія, и что напротивъ, пока существуетъ крѣпостное право, русская имперія и наше дворянство, предназначенныя къ тому, чтобы быть богатѣйшими въ Европѣ, останутся бѣдными. Къ тому же, какъ мы иначе образуемъ третье сословіе, безъ котораго нельзя льстить себя надеждою создать искусства, науку, торговлю и проч.».

Послѣ того обсужденіе кн. Голицыными крестьянскаго вопроса опять прекратилось болѣе, чѣмъ на полгода. Оно возобновилось письмомъ кн. Александра Михайловича [3]), въ которомъ тотъ сообщаетъ, какую мѣру на пользу крѣпостныхъ крестьянъ предлагаетъ кн. Гагаринъ [4]), дядя кн. Дмитрія Алексѣевича, мѣру, по мнѣнію вице-

[1]) Письмо неизвѣстнаго числа октября мѣсяца 1770 г., не издано.

[2]) 13-го ноября 1770 г., письмо не издано.

[3]) Письмо 14-го іюня 1771 г., не издано.

[4]) Какъ видно изъ замѣтки на поляхъ одного письма кн. Дм. Алексѣев., это былъ кн. Сергѣй Васильевичъ, которому былъ порученъ надзоръ за собственными имѣніями императрицы, (см. записки Болотова т. III.). Замѣтка эта вѣроятно была сдѣлана для императрицы и заставляетъ думать, что ей представлялись его послѣдующія письма. В. С.

канцлера, довольно близкую къ проэкту нашего нидерландскаго посланника. Онъ желаетъ, чтобы императрица позволила помѣщичьимъ крестьянамъ выкупаться на свободу за плату въ 200 р. ихъ господамъ и 50 р. казнѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣ того они были навсегда избавлены отъ подушной подати, рекрутской повинности и всякихъ другихъ сборовъ въ пользу казны и помѣщиковъ, съ дозволеніемъ поселиться въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, если они не захотятъ остаться на землѣ помѣщика на извѣстныхъ условіяхъ... Онъ полагаетъ, что не только такое освобожденіе крестьянъ будетъ безконечно полезнѣе для государя и помѣщиковъ, но что при такомъ постепенномъ введеніи свободы не будетъ слишкомъ быстраго и замѣтнаго измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Признаюсь однако, продолжаетъ вицеканцлеръ, «что этотъ проэктъ встрѣтилъ бы очень большія затрудненія и что исполненіе его естественно должно было бы современемъ измѣнить государственное устройство. Удобный способъ получать рекрутъ былъ бы измѣненъ или эта повинность была бы несоразмѣрно распредѣлена на остальныхъ подданныхъ. Слѣдовало бы еще узнать [1]), дѣйствительно ли несчастно положеніе нашихъ крестьянъ, улучшится ли при этой перемѣнѣ земледѣліе въ виду склонности нашего народа къ торговлѣ и не сдѣлаютъ ли крестьяне, выкупившіеся на свободу и взявшіе земли въ аренду, болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде, положеніе ихъ прежнихъ собратьевъ. Я уже не говорю о замѣшательствѣ и о множествѣ процессовъ, которые безъ сомнѣнія за тѣмъ послѣдуютъ, такъ какъ въ нашихъ законахъ нѣтъ ничего объ установленіи и правахъ такого рода третьяго сословія».

Кн. Гагаринъ въ своемъ проэктѣ гораздо откровеннѣе высказывалъ мысль о необходимости освобожденія крестьянъ безъ всякаго земельнаго надѣла: тутъ уже не приходилось опасаться недоразумѣнія и разъяснять, что земли должны остаться собственностію помѣщиковъ. Понятно, что этотъ проэктъ очень понравился кн. Д. А. Голицыну. «Мысль моего дяди превосходна», писалъ онъ [2]). «Дозволеніе выкупаться на свободу, данное нашимъ крестьянамъ, могло бы произвести только хорошіе результаты, но нужно, чтобы это дозволеніе не было лишь молчаливымъ признаніемъ обычая. Напротивъ, я

[1]) Все набранное разрядкой написано вмѣсто слѣдующей зачеркнутой фразы: „я не могу одобрить его мнѣнія, какъ и всего того, что до сихъ поръ предлагалось къ этому предмету, до тѣхъ поръ, пока мнѣ докажутъ"....

[2]) 19-го (іюня) 1771 г., письмо не издано.

посовѣтовалъ бы обнародовать его торжественно, какъ законъ, и вмѣстѣ позволить пріобрѣтать земли и владѣть ими. Для подобнаго закона необходима какъ можно большая гласность; нужно, чтобы крестьянинъ хорошо зналъ благо, которое ему даетъ императрица.... Проэктъ моего дяди тѣмъ и хорошъ, что онъ нечувствительно произведетъ измѣненіе въ государственномъ устройствѣ... Онъ превосходенъ еще и въ томъ отношеніи, что исполненіе его не принесетъ никакого ущерба помѣщикамъ, такъ упорно отстаивающимъ крестьянское право. «Теперь крестьяне платятъ помѣщикамъ среднимъ числомъ по 2 р. съ души; между тѣмъ, получивъ 200 р. выкупа, господинъ будетъ имѣть дохода, считая по 5%—10 р., а кромѣ того у него останется еще земля»!.. «Посмотрите, какія огромныя выгоды съ самаго начала принесетъ такое устройство», прибавляетъ либеральный баринъ, совершенно забывая объ интересахъ крестьянъ. «Оно выгодно и для казны, которая будетъ получать 2½ р. вмѣсто 75 к.». Кн. Д. А. Голицынъ предлагаетъ устроить особый департаментъ по дѣлу освобожденія крестьянъ. «Всякій мужикъ, явившійся туда съ 250 р. въ рукахъ, будетъ немедленно освобожденъ». Перспектива получать со своихъ крестьянъ по 200 р. съ души (плата, слишкомъ высокая для того времени) показалась нашему либералу столь заманчивою, что онъ обѣщаетъ подарить 10% съ полученнаго капитала тому, кто убѣдитъ его крѣпостныхъ получить свободу такимъ способомъ. Между тѣмъ какъ прежде онъ требовалъ для своихъ крестьянъ, въ случаѣ дарованія имъ свободы, освобожденія отъ рекрутской повинности, теперь онъ не соглашается на подобное предложеніе Гагарина и думаетъ, что увольненіе ихъ отъ этой повинности увеличило бы бремя остальныхъ, число которыхъ день ото дня все уменьшалось бы; можно было бы только дозволить имъ, вмѣсто поставки рекрутъ натурою, вносить деньги. Затѣмъ кн. Дм. Алек. опровергаетъ возраженія вицеканцлера. 1) «Вообще положеніе нашихъ крестьянъ не очень печально, но есть особенные случаи, гдѣ дѣйствительно нужно оплакивать ихъ судьбу». Кромѣ помѣщика, крестьянину приходится еще бояться прикащика, воеводы, наборщика рекрутъ. «Для чего крестьянину работать, если плоды труда достанутся другому? Если онъ разбогатѣетъ, его будутъ только болѣе мучить». 2) Если крестьянинъ болѣе склоненъ къ торговлѣ, то это обусловливается печальнымъ состояніемъ земледѣлія, которое въ свою очередь объясняется, кромѣ существованія крѣпостнаго права, затруднительностію сбыта хлѣба вслѣдствіе отсутствія каналовъ, большихъ дорогъ, запрещенія вывоза за границу, стѣсненія винокуренія. 3) Крестьяне, освободившіеся и арендующіе земли, не могутъ сдѣлать тяжелѣе поло-

женіе своихъ прежнихъ собратьевъ, такъ какъ тѣ вольны работать или не работать у нихъ; если они дурно обращаются со своими работниками, тѣ могутъ пойдти къ другимъ. Наконецъ, въ этомъ отношеніи можетъ быть полезно учрежденіе трибунала на подобіе quindecim viri или, еще лучше, странствующихъ судей. «Я тѣмъ болѣе настаиваю на этой мысли и возвращаюсь къ ней теперь, что нахожу почти ту же мысль у Петра Великаго. Взгляните только на его журналъ, недавно напечатанный (ч. I, стр. 329) [1]. 4) Если бы возникли какіе либо процессы вслѣдствіе новаго порядка вещей, то опять этому горю помогутъ трибуналъ и странствующіе судьи.

Послѣ этого письма прошло около полутора мѣсяца, а кн. Д. Голицынъ все еще не могъ придти въ себя отъ восторга, возбужденнаго въ немъ столь пріятнымъ для помѣщичьяго, хотя бы и либеральнаго, сердца проэктомъ кн. Гагарина и надеждою получить со своихъ крестьянъ по 200 р. Въ слѣдующемъ письмѣ [2], нетерпѣливо ожидая отвѣта, онъ проситъ поскорѣе сообщить ему замѣчанія, какія могъ сдѣлать кн. Гагаринъ по поводу его письма. «Что касается меня», продолжаетъ онъ, «то чѣмъ болѣе я размышляю о его проэктѣ, тѣмъ болѣе нахожу его прекраснымъ. Ничто не возбудитъ въ такой степени соревнованія нашихъ крестьянъ, какъ надежда увидѣть себя однажды свободными и счастливыми». На основаніи того, что кн. Дм. Алексѣевичу пришлось слышать во время своего послѣдняго пріѣзда въ Петербургъ (гдѣ слѣдовательно шли дѣятельные споры по этому предмету), онъ предвидитъ возраженія. «Мнѣ скажутъ, что нашъ крестьянинъ не размышляетъ, онъ дѣлаетъ все машинально, онъ никогда не пойметъ, что должно составить его счастіе». Кн. Д. Голицынъ побѣдоносно объясняетъ, что это зависитъ отъ условій его жизни. На это письмо вицеканцлеръ отвѣтилъ [3], что онъ сообщитъ копію, вмѣстѣ съ переводомъ [4], кн. Гагарину и точно передастъ его замѣчанія, если онъ ихъ сдѣлаетъ. Что касается вреднаго вліянія крѣпостнаго права на состояніе духа нашего народа, то кн. Александръ Михайловичъ холодно замѣтилъ, что «съ тѣхъ поръ какъ

---

[1]) „Указалъ учинить во всемъ государствѣ фискаловъ и надъ всѣми ими оберъ-фискала, которымъ указано тайно и явно провѣдывать и надсматривать о неправомъ судѣ и о прочихъ вредительныхъ государству дѣлахъ, и о томъ доносить сенату".

[2]) 3 сентября 1771 г. изъ Гаги, не издано.

[3]) 13 сентября 1771 г., не издано.

[4]) Письмо кн. Д. А. Голицына отъ 19 іюля 1771 сохранилось также, кромѣ французскаго подлинника, и въ переводѣ Страхова, сдѣланномъ очевидно для кн. Гагарина.

императрица заботится о развитіи искуствъ, свобода мудро введена въ учрежденія, основанныя ея величествомъ». Тутъ, очевидно, разумѣются постановленія, по которымъ всѣ питомцы воспитательныхъ домовъ получали свободу, и если бы имъ случилось вступить въ бракъ съ крѣпостною, то лицо, прежде не свободное, дѣлалось вольнымъ. Послѣднее право было распространено и на воспитанниковъ академіи художествъ. Воспитанницы мѣщанскаго училища сообщали свободу своимъ крѣпостнымъ мужьямъ.

После того переписка по крестьянскому вопросу между кн. Голицыными совершенно обрывается. Видя, что императрица оставила мысль объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, кн. Александръ Михайловичъ не находилъ нужнымъ безпокоить себя размышленіями объ этомъ предметѣ, очевидно не легкими для него и прежде. Въ это время, послѣ перваго раздѣла Польши, преимущественно думали не объ уничтоженіи крѣпостнаго права, а о томъ, какъ бы получить отъ правительства населенное имѣніе во вновь присоединенныхъ земляхъ. Умолкаетъ и кн. Дмитрій Алексѣевичъ, къ прискорбію убѣдившійся, что ему не получать со своихъ крестьянъ по 200 р. съ души. Только однажды, по поводу возвращенія кн. Александра Михайловича изъ имѣнія, пожалованнаго въ Бѣлоруссіи, онъ пишетъ [1]: «Я знаю, что земли въ Польшѣ не доходны, но если бы тамъ установить свободу совѣсти и особенно право собственности (крестьянъ), «то онѣ приносили бы большой доходъ, особенно лежащія по близости къ Вислѣ или какой либо другой судоходной рѣкѣ». Что касается кн. Александра Михайловича, то въ то время его взгляды, всегда довольно не выясненные и повидимому склонявшіеся къ тому, что лучше оставить все по старому, не шли далѣе идеала помѣщика, заботящагося о благѣ своихъ крестьянъ. Упрекая своего двоюроднаго брата, фельдмаршала, также носившаго имя Александра Михайловича, за то, что тотъ никогда не бываетъ въ своихъ деревняхъ, онъ писалъ ему [2]: «Если я не ошибаюсь, то должны мы помѣщики за своихъ людей Богу отвѣтъ дать, что мы объ нихъ не стараемся, а единственно имѣемъ въ виду, какъ больше съ нихъ оброку взять». Даже и эта элементарная мысль являлась у бывшаго

[1] Письмо 20 октяб. 1775 г., не издано. Въ 1775 г. вицеканцлеру было пожаловано „за долговременную и усердную службу“ имѣніе въ рогачевской провинціи могилевской губерніи, въ которомъ было 4024 душъ м. п., въ томъ числѣ 258 евреевъ. (Архивъ сената, именные указы 1775 г. и Вѣдомости о дворянахъ въ библ. акад. наукъ).

[2] Письмо изъ Москвы, 1 марта 1778 г., не издано.

вицеканцлера не безъ оговорокъ, какъ и все, что онъ высказывалъ по вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ.

Познакомившись подробно съ содержаніемъ переписки кн. Голицыныхъ, по скольку она относится къ крестьянскому вопросу, сгруппируемъ теперь взгляды на этотъ предметъ кн. Дмитрія Алексѣевича. Вредное вліяніе крѣпостнаго права онъ прежде всего видитъ въ томъ, что несвободный трудъ гораздо менѣе производителенъ, такъ какъ «его естественными спутниками являются лѣность, небрежность и даже обманъ». Крестьянинъ, подвергающійся оскорбленіямъ и мученіямъ со стороны господина, лишается бодрости духа и предпріимчивости, обширныя мѣстности въ государствѣ остаются не обработанными, народъ дѣлается совершенно неспособнымъ къ промышленности. Крѣпостное право вредно и тѣмъ, что уничтожаетъ потребность въ свободномъ трудѣ, такъ какъ обширная дворня даетъ помѣщику возможность удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ съ помощію домашняго производства; понятно, что не развиваются промышленность и торговля, не можетъ образоваться и среднее сословіе, о созданіи котораго въ Россіи такъ хлопотали въ екатерининскую эпоху, считая существованіе его необходимымъ условіемъ для развитія наукъ и искуствъ. Даже вицеканцлеръ, хотя и съ нѣкоторыми сомнѣніями, высказывалъ, что едва ли въ Россіи можетъ развиться торговля, пока существуетъ крѣпостное право.

Какимъ же образомъ слѣдуетъ его уничтожить? Тутъ прежде всего кн. Дм. Ал. Голицынъ вооружается противъ всякихъ насильственныхъ мѣръ со стороны государства: все это дѣло должно быть предоставлено частной иниціативѣ дворянъ, а примѣръ должна подать имъ императрица въ дворцовыхъ вотчинахъ. Въ этомъ отношеніи кн. Голицынъ оказывается солидарнымъ съ главою тогдашнихъ французскихъ писателей, Вольтеромъ, который въ мнѣніи, присланномъ въ наше вольное экономическое общество (не вполнѣ изданномъ), говоритъ: «Что касается сеньеровъ... то, кажется, нельзя, не сдѣлавъ несправедливости, принудить ихъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Они должны имѣть право освободить своихъ сервовъ по собственному усмотрѣнію. Это ужъ ихъ дѣло, послѣдовать ли примѣру государя... Они должны быть приглашены къ этому, а не обязаны». Мечты кн. Дм. Алексѣевича ограничиваются тѣмъ, чтобы крестьянамъ было дано право собственности, но не на землю, которую онъ въ теченіи многихъ поколѣній облилъ своимъ потомъ и кровью, а только на движимое имущество. Дѣло идетъ исключительно о личномъ освобожденіи, о дарованіи личной свободы. Вся земля остается въ рукахъ помѣщика; крестьянинъ дѣлается беззе-

мельнымъ арендаторомъ. Мысль о надѣленіи крестьянина землею изъ владѣній помѣщика кажется нашему знатному барину просто нелѣпостію. Предполагается, что чудодѣйственное право собственности на одно движимое имущество дастъ ему возможность скопить средства, необходимыя для пріобрѣтенія собственнаго клочка земли, а государство должно только уничтожить законъ, запрещавшій крестьянамъ покупать землю [1]). Прежде кн. Д. А. Голицынъ увѣрялъ, что стоитъ только императрицѣ подать примѣръ, и очень многіе ему послѣдуютъ; онъ предлагалъ даже сдѣлать опытъ въ одномъ округѣ дворцовыхъ имѣній. Но когда ему самому было предложено произвести подобный же опытъ, то оказалось, что одного примѣра государыни было бы недостаточно и что нашъ либералъ поставилъ правительству совершенно невозможныя условія. За то онъ съ большою радостію ухватился за предложеніе кн. Гагарина дозволить крестьянамъ выкупаться за опредѣленную сумму и не только не возражалъ противъ слишкомъ большаго размѣра выкупной суммы (250 р. съ души), но даже захлебывался отъ удовольствія при мысли, какъ выгоденъ будетъ такой способъ освобожденія для него самаго и для другихъ помѣщиковъ. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ, также настаивавшій на дозволеніи крестьянамъ выкупаться и на опредѣленіи размѣра выкупа, предлагалъ, чтобы крѣпостной съ семьею въ 2—3 души муж. пола, могъ получить свободу за 500 р. О вопросѣ этомъ много спорили при дворѣ; предлагались нормы, даже еще болѣе невыгодныя для крестьянъ, чѣмъ въ проэктѣ кн. Гагарина, а именно отъ 300 до 500 р. за взрослаго мужчину и половину за женщину, но, по свидѣтельству Сиверса, Екатерина не осмѣлилась вовсе принять этой мѣры, не смотря на то, что полезность ея она сама признавала, какъ видно изъ неизданной редакціи Наказа. Кн. Д. Голицынъ прекрасно понималъ, какъ выгодно было бы для помѣщиковъ безземельное освобожденіе крестьянъ; онъ прямо даже строилъ на немъ разсчеты увеличенія доходности своего имѣнія, а потому мы не можемъ считать его человѣкомъ, искренно желавшимъ блага народу. Либераламъ подобнаго типа мы предпочитаемъ консерваторовъ, хорошо понимавшихъ, что крѣпостное право, при которомъ крестьянинъ пользуется значительнымъ земельнымъ надѣломъ, гораздо вы-

---

[1]) Дарованія крестьянамъ права собственности на движимое имущество требовали и имп. Екатерина въ своемъ Наказѣ, и авторы многихъ отвѣтовъ на задачу вольнаго экономическаго общества, и извѣстный депутатъ законодательной коммисіи Коробьинъ. В. С.

годнѣе для него, чѣмъ такое освобожденіе, какое предлагали кн. Голицынъ и ему подобные.

Кромѣ дарованія права собственности крестьянамъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понималъ, кн. Голицынъ додумался еще только до мысли о дарованіи имъ права жаловаться на помѣщиковъ, для чего и предполагалось учрежденіе странствующихъ судей или трибуналовъ въ городахъ. Но и эта мѣра должна быть принята съ величайшею постепенностію: нужно испробовать ее сначала въ одномъ округѣ дворцовыхъ имѣній, и лишь послѣ испытанія ея тамъ ей можетъ быть дано бо́льшее распространеніе. Излюбленною мыслію многихъ противниковъ рѣшительныхъ мѣръ относительно освобожденія крестьянъ было то, что нужно подготовить ихъ души къ освобожденію распространеніемъ просвѣщенія. Поэтому нельзя не считать со стороны кн. Д. А. Голицына не малою непослѣдовательностію, что онъ не былъ безусловнымъ поклонникомъ распространенія грамотности въ народѣ.

Императрица Екатерина въ замѣчаніяхъ на письма кн. Д. А. Голицына не высказала своихъ положительныхъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ. Изъ печатной редакціи Наказа намъ извѣстно, что она желала опредѣленія повинностей крестьянъ особымъ закономъ, наказанія помѣщиковъ, мучающихъ своихъ крестьянъ, огражденія ихъ правъ на имущество и предоставленія имъ свободы жениться на комъ они хотятъ. Въ тѣхъ параграфахъ Наказа, которые не попали въ печать, она высказывала еще желанія объ учрежденіи сельскаго суда изъ крестьянъ, освобожденія изъ рабства семейства изнасилованной женщины и наконецъ опредѣленіи размѣра выкупа. Если бы всѣ эти пожеланія были выполнены (а извѣстно, что изъ нихъ не осуществилось ни одно, если не считать отдѣльныхъ случаевъ наказанія помѣщиковъ, истязавшихъ своихъ крестьянъ) и при томъ была принята норма повинностей, посильная для крестьянъ, то несомнѣнно ихъ существованіе при такомъ ограниченномъ закономъ крѣпостномъ правѣ было бы неизмѣримо счастливѣе, чѣмъ при осуществленіи идей кн. Д. А. Голицына. Въ своихъ замѣткахъ на письма нашего посланника императрица ограничилась однѣми возраженіями, иной разъ весьма справедливыми, какъ напр., что примѣръ государыни не подѣйствуетъ и что нельзя судить о Россіи съ французской точки зрѣнія. Послѣднее было особенно вѣрно и било не въ бровь, а въ глазъ нашему французоману.

Что касается вицеканцлера А. М. Голицына, то онъ ничѣмъ не обнаружилъ желанія измѣнить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ не считалъ ихъ положенія несчастнымъ. И дѣйствительно: онъ самъ довольно внимательно относился къ нуждамъ своихъ крестьянъ

и не обременялъ ихъ чрезмѣрными повинностями, не колеблясь впрочемъ энергически пользоваться помѣщичьею властію тамъ, гдѣ считалъ это необходимымъ, какъ напр. относительно крестьянскихъ браковъ [1]).

Какъ мы уже упомянули въ началѣ статьи, взгляды кн. Д. А. Голицына на крестьянскій вопросъ сложились подъ вліяніемъ идей физіократовъ; ихъ ученію онъ остался вѣренъ и до конца своей жизни. Въ 1796 г. онъ издалъ на французскомъ языкѣ въ Брауншвейгѣ сочиненіе, въ которомъ оправдывалъ физіократовъ отъ обвиненія, будто распространеніе ихъ идей повело къ французской революціи; здѣсь онъ хвалитъ ихъ ученіе, называя при этомъ имена Кенэ, Мирабо-отца и Ла-Ривьера [2]), и между прочимъ въ главѣ «о рабствѣ», повторяя свою мысль объ его экономической невыгодности сравнительно со свободнымъ трудомъ, стоитъ однако по прежнему за безземельное освобожденіе. При рѣшеніи крестьянскаго вопроса, по его мнѣнію, «слѣдуетъ дѣйствовать съ благоразуміемъ и умѣренностію и не терять изъ виду, что ошибочное мнѣніе о выгодности рабочихъ собственниковъ можетъ повести къ поспѣшнымъ и вреднымъ мѣрамъ въ государствѣ, гдѣ начинаютъ освобождать крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, а именно къ тому, что имъ слишкомъ легко предоставить въ собственность, за извѣстный оброкъ (redevance), поля, которыя они прежде обработывали въ пользу другихъ. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, имѣютъ ли крестьяне средства, чтобы сдѣлать затраты, необходимыя для правильнаго веденія хозяйства. Гораздо выгоднѣе для общества и для самихъ крестьянъ, чтобъ сеньеры сохранили землю въ собственность, но чтобы посредствомъ своихъ движимыхъ богатствъ они дали своимъ сервамъ возможность сдѣлаться фермерами. Не принять этой предосторожности значитъ сдѣлать такую же ошибку, какъ пославъ бѣдныхъ, не имѣющихъ никакихъ средствъ, колонистовъ для населенія пустыни. Крестьянинъ, получившій свободу, но лишенный средствъ, чтобы сдѣлать не-

---

[1]) Онъ назначилъ для вступленія въ бракъ, какъ парнямъ, такъ и дѣвушкамъ, 15-лѣтній возрастъ. Если дѣвушка до 15 лѣтъ не выйдетъ замужъ, то съ этого времени, до тѣхъ поръ, пока ей минетъ 35 лѣтъ, велѣно ежегодно брать 3-хъ рублевый штрафъ. Замѣтивъ, что и это не дѣйствуетъ, онъ грозилъ выдавать замужъ по жребію, и тогда крестьяне спѣшили устраивать браки цѣлыми сотнями. См. нашъ трудъ „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“, 1881 г. т. I.

[2]) Извѣстно, что кн. Голицынъ былъ однимъ ихъ виновниковъ неудачнаго приглашенія Мерсье де-ла-Ривьера въ Россію. В. С.

обходимыя затраты, очутится въ печальномъ положеніи, поневолѣ пренебрежетъ своею новою собственностью и сдѣлается еще несчастнѣе, чѣмъ былъ въ рабскомъ состояніи». Но протестуя противъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, кн. Д. А. Голицынъ, какъ и въ своей перепискѣ, требовалъ дарованія имъ личной свободы, а также дозволенія покупать землю въ собственность. «Есть государства, говоритъ онъ, и Россія въ томъ числѣ, въ которыхъ если немедленно позволить крестьянамъ на свой счетъ покупать землю въ собственность, то освобожденіе совершится мало по малу, такъ какъ нужно еще много времени, чтобы всѣ крестьяне могли тамъ ее купить» [1]. Такимъ образомъ кн. Дмитрій Алексѣевичъ, которому въ то время было уже 62 года, ничего не забылъ изъ своихъ прежнихъ идей, но ничему и не научился.

В. И. Семевскій.

---

[1]) „De l'esprit des économistes ou des économistes justifiés d'avoir posé par leurs principes les bases de la révolution françoise par le prince D... de G.., membre honoraire des academies des sciences et des arts de Petersbourg, de l'academie des curieux de la nature et de celle de Bruxelles, de Stockholm, de Berlin etc. A Brunsvick. 1796, p. 217—219.

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ И АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ

въ 1822—1825 гг. [1])

I. [2])

4 Декабря. (1823 г.). С. Петербургъ.

Высокопреподобный отецъ Фотій. Давно я къ вамъ не писалъ отъ недосуговъ и приготовленія къ міропомазанію принцесы Шарлоты Виртембергской, невѣсты великаго князя Михаила Павловича, которое совершится завтра, а на другой день обрученіе,—давно я не писалъ къ вамъ и сіе всегда даетъ мнѣ пустоту, ибо писать къ вамъ есть пріятнѣйшее сердцу моему сообщеніе и даетъ надежду получить и отъ васъ отвѣта, который всегда бываетъ пищею вкусною и питательною для алчущей души моей назиданія во Христѣ Господѣ нашемъ, который всегда посреди насъ ощущается въ сихъ сообщеніяхъ любовно обильнаго сердца вашего. Я обѣщалъ вамъ крестъ, присланный мнѣ изъ Афонскія горы, въ которомъ вдѣланы части животворящаго древа креста Спасителя нашего. Можетъ сей крестъ получите вы наканунѣ или въ день моего рожденія, которое будетъ 8-го декабря и надѣюсь, что вы помянете меня предъ престоломъ Господа, хотя и въ кельи вашей, ибо сей день как суббота можетъ вы служить не будете литургію, но духъ вашъ да помолится о мнѣ и повергнетъ меня предъ милосердіемъ Тріипостаснаго и испроситъ мнѣ благословенія для новолѣтія моего. Мнѣ 50 лѣтъ минетъ, ежели доживу до будущей субботы, ежели-же умру, то помяните душу мою, въ чемъ я надѣюсь на васъ и увѣренъ. Помолитесь о мнѣ да чисто сердце Господь созиждетъ во

---

[1]) См. „Русск. Стар." изд. 1882 г., т. XXXIII, мартъ, стр. 765—780; т. XXXIV, апрѣль, стр. 205—222; май, стр. 427—442; іюнь, 683—700.

[2]) Въ 1-й рук. № 44.

мнѣ и духъ правый обновитъ во утробѣ моей и да воля Его святая да творится во мнѣ и со мной для славы имени Его пресвятаго. Аминь. Вы писали мнѣ, чтобъ дать вамъ архіерея добраго и такого какъ сердце ваше желаетъ имѣть; но вы знаете, что синоду предоставлены таковые выборы по три кандидата. (Я говорилъ митрополиту, чтобъ онъ самъ выбиралъ для себя помощника, онъ знать долженъ болѣе способность архимандритовъ и онъ представилъ троихъ, кои синодомъ и были приняты: Никанора, Московскаго высокопетровскаго, Поликарпа, С. Петербургской семинаріи ректора и Моисея, Кіевской академіи ректора. Митрополитъ хвалитъ Никанора и Поликарпа,—они должны быть и вамъ извѣстны, а Моисея лично я не знаю, какъ первыхъ двухъ). Впрочемъ видно Господь милостивъ къ Новуграду—какую кончину послалъ бывшему вашему викарію. Молитесь и Господь дастъ вамъ и новаго пастыря по сердцу вашему. Онъ единъ можетъ нову тварь творить, аще захощетъ всякаго святымъ можетъ сдѣлать. О, да услышитъ Господь молитву нашу, чтобъ побольше архіереевъ и архимандритовъ Святыхъ у насъ было:—жатвы много, а дѣлателей мало,—удивительно, какъ возбужденныхъ много, только ждутъ дѣлателей. Я надѣюсь, что Господь всё устроитъ къ лучшему, по премудрости и человѣколюбію своему, а себя поручая молитвамъ вашимъ и прося благословенія пребуду на всегда во Господѣ Іисусѣ совершенно преданнымъ князь Александръ Голицынъ.

LI.

Высокопреподобный отецъ Фотій. Благодарю за откровенное писаніе ваше, которое по желанію вашему и сжегъ. Ваши письма я люблю сохранять и у меня ихъ много, но только тѣ и буду жечь, о которыхъ вы напишете.

Въ семъ письмѣ вы говорите, что имѣете мнѣ много сказать дѣла и слова Божія. Желаю, чтобъ Господь сподобилъ меня оное услышать, и надѣюсь, что во время благополучно все будетъ. Молюсь и прошу Его, да сдѣлаетъ меня способнымъ къ исполненію Святой Его воли. Я ничего такъ не страшусь, какъ того отвѣта, который долженъ дать во всякомъ на меня возложенномъ дѣлѣ, которое я творю не такъ какъ Господу угодно. Молюсь и прошу, чтобъ Онъ часъ отъ часу болѣе меня сдѣлалъ способнымъ познавать Его Святую волю, и чтобъ Его единаго любить и Ему повиноваться: сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Надѣюсь на ваши молитвы и любезной моей сестры о Господѣ; все, что вы мнѣ писали о ней, истинно есть чудо въ нынѣшнія времена и въ томъ положеніи, въ которомъ она въ мірѣ поставлена. Свиданію ея съ Государемъ я порадовался, дай Богъ, чтобъ онъ только и знался съ людьми Божьими.

Онъ отецъ всѣхъ и попечитель, а другомъ да будетъ друзей Божіихъ [1]), сообщеніе въ любви Христовой съ людьми Бога любящими и подкрѣпляетъ и услаждаетъ жизнь въ юдоли сей плачевной. Хочу вамъ сообщить, что я заказалъ написать себѣ образъ, списавъ его въ Никольскомъ Морскомъ соборѣ еще прошедшею зимою, представляющій Спасителя въ темницѣ, ручки Его связанныя и въ терновомъ вѣнцѣ. Живописецъ мнѣ его еще не приносилъ, какъ вдругъ въ началѣ сентября получаю по почтѣ безъ письма два образа, на холстѣ писанныхъ, Спасителя въ темницѣ въ страждущемъ положеніи прикованна и связанна, съ надписями на одномъ: «воззри на образъ Мой, и въ язвахъ Мя познай, воззри, о, человѣкъ! и слезъ не проливай о томъ, что стражду, я измученъ, презрѣнъ; но паче плачь о семъ, что міромъ ты прельщенъ, грѣху работаешь, спасенья убѣгаешь, и сердце тѣмъ Мое лютѣе ты терзаешь». На другомъ образѣ слѣдующая надпись: «Не столь мучительны Мнѣ язвы и страданье, въ которыхъ зришь Меня, сколь больно то терзанье, что ты, о человѣкъ, презрѣвъ Мою любовь, спасенья залогъ изъ язвъ текущу кровь, плѣнился тлѣнностью, а вѣчность презираешь къ погибели стремясь, спасенья убѣгаешь, но обратись ко Мнѣ заблудшій человѣкъ, блаженну жизнь во Мнѣ обрящеши во вѣкъ». Получа сіи образа отъ неизвѣстнаго и въ столь страдательномъ положеніи Спасителя, я огорчился, не отъ меня ли Онъ столько страдаетъ, или принять сіе за емблему для всего міра, однимъ словомъ, я очень печаленъ былъ. Митрополиту я сказывалъ и онъ думаетъ, что это одинъ Лыкошинъ, у коего свой живописецъ сіе пишетъ, и что онъ подобныя прислалъ къ князю Мещерскому и кажется и къ митрополиту. Но лицо для меня все равно, а присылка сія и вскорѣ послѣ живописецъ, коему я заказывалъ прошлаго года, принесъ третій образъ спасителя въ темницѣ, заставило меня подумать. Помолитесь и скажите мнѣ, что вы о семъ думаете и нѣтъ ли какой мнѣ чрезъ то намеки, и долженъ ли я всѣ сіи образа сохранить присланные, или могу я отдать кому Богъ благословитъ.

---

[1]) Не лишне, можетъ быть, здѣсь замѣтить, что „люди Божіи“—названіе, которое терминалогически усвояютъ себѣ хлысты; друзья Божіи—такое же названіе квакеровъ. Затѣмъ встрѣчающіяся не однократно въ настоящихъ письмахъ выраженія въ родѣ: „Духъ святой мною завладѣлъ“ суть терминологическія выраженія хлыстовскихъ религіозныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ многія составлены были членами того мистическаго кружка, въ которомъ вращался Голицынъ—Кошелевымъ, Лабзинымъ и др. Сравни сборникъ хлыстовскихъ религіозныхъ пѣсенъ, изданный нами въ IV томѣ Записокъ Императ. Русск. Географическаго Общ. по отдѣленію этнографіи, стр. 1—154.

Н. В.

LII.

25 Декабря.

Сегодня день Рождества Спасителя нашего Господа Іисуса Христа. Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!

Въ сей день имѣю нужду сообщиться съ вами, высокопреподобный отецъ Фотій, въ духѣ, дабы вмѣстѣ возрадоваться о семъ Божественномъ рожденіи для нашего спасенія, и въ надеждѣ, что Онъ и во мнѣ грѣшномъ по возможности откроетъ сіе рожденіе молитвами вашими. Да возрадуется душа ваша о Господѣ и возвеселится во вѣки. Сегодня у престола конечно не буду забытъ я по обѣщанію вашему никогда меня не забывать; а я грѣшный за васъ молился въ ночь ровно въ двѣнадцать часовъ, мнѣ хотѣлось сейчасъ въ тишинѣ моей кельи воспѣть Христосъ рождается и радость ощутилъ большую,—благодареніе Господу, потомъ легъ успокоиться.

О Павловѣ, которымъ вы интересуетесь, поспѣшаю васъ увѣдомить, что государь согласился опредѣлить его за оберъ-прокурорскій столъ въ синодѣ,—но указъ еще не подписанъ.

Рождество Спасителя 25 декабря 1823 года.

LIII.

Высокопреподобный отче Фотіе. Давно къ вамъ не писалъ отъ недосуговъ, отъ поѣздки въ Гатчино и отъ простуды въ сырую погоду, отъ сей поѣздки мнѣ приключившейся. Я званъ былъ императрицею къ 12 октября, ибо въ сей день я былъ и прошлаго года на освященіи церкви въ богоугодныхъ Гатчинскихъ заведеніяхъ, Павломъ 1-мъ устроенныхъ. Ей угодно было, чтобъ и нынѣшній годъ мы слушали въ семъ заведеніи Божественную литургію съ пѣніемъ, по окончаніи оной, вѣчной памяти покойному государю,—къ сему дню я и отправился; но такъ какъ прочіе дни до 14 октября, дня рожденія императрицы, должны были тамъ быть театры, то я рѣшился въ нынѣшній пріѣздъ не идти въ оные и оставаться въ своей комнатѣ. Истинно я чувствую не только отвращеніе отъ подобныхъ сонмищъ, но и даже чувство столь болѣзненное, въ послѣдній разъ, какъ я былъ въ Гатчинѣ, въ подобномъ случаѣ, что я считаю уже какъ явнымъ Божіимъ для меня запрещеніемъ участвовать въ театральныхъ зрѣлищахъ. Наконецъ отправился въ путь въ мысляхъ какъ мнѣ благоприличнѣе сдѣлать по моему намѣренію, но пріѣхавъ по дорогѣ въ Царское Село, гдѣ я обѣдалъ у императрицы Елизаветы Алексѣевны, послѣ обѣда, когда надобно уже было ѣхать ночевать въ Гатчино, я имѣлъ какое-то предчувствіе, которое я моему камердинеру сказалъ, что кажется мнѣ не нужно много будетъ хлопотать, чтобъ не идти въ театръ, что какъ-то Богъ устроитъ и

что мнѣ совсѣмъ думать о семъ не должно. Такъ пріѣхалъ я въ Гатчино, остался вечеромъ въ моей комнатѣ, и мнѣ сказывали, что повторяютъ роли и приготовляется театръ, но въ ночь императрица прислала мнѣ своего секретаря разбудить меня, и что великая княгиня родила преждевременно младенца мертваго. Онъ уже былъ 7 мѣсяцевъ и мужскаго пола. Пожалѣлъ я о великой княгинѣ и о душѣ младенца, умершаго прежде крещенія своего; но такъ какъ все въ волѣ Божіей, то помолясь о нихъ и о всемъ домѣ императорскомъ, я тотчасъ написалъ къ митрополиту Серафиму о случившемся, и о томъ чтобъ схоронить мертвое тѣло подлѣ таковаго же несчастнаго младенца женскаго пола, котораго родила года два назадъ Александра Ѳедоровна.

Предчувствіе мое сбылось, и актеровъ погнали въ Петербургъ; я на утро пошелъ къ императрицѣ, которая была очень огорчена и расположена была прибѣгнуть къ Отцу небесному, который любя насъ посылаетъ подобные призывы, чтобы разбудить, привлечь и спасти. Я пошелъ къ обѣдни въ домъ призрѣнія, Павломъ устроенный, и потомъ провелъ въ тишинѣ дни до рожденія ея величества, въ сей день отслушавъ Божественную литургію, поздравивъ императрицу, отправился восвояси. Началъ я въ Гатчинѣ списывать и посланія ваши о царствіи Божіемъ, которыя мнѣ очень пришли по сердцу; мнѣ казалось, что я слышалъ вашу бесѣду, когда вы имѣя книгу Златоуста, на одномъ словѣ остановясь,—о человѣколюбіи Божіемъ,—говорили 4 или 5 часовъ времени. Въ письмѣ вашемъ, отъ 27-го сентября примѣчательно о единствѣ въ духѣ Христовомъ. Какъ сіе нужно! Я давно въ сердцѣ своемъ ношу сіе и всегда сожалѣю, видя раздѣленіе и раздираніе ризы Христовой. Врагъ куда радуется, когда видитъ сіи раздѣленія; не только исповѣданіи христіанскія раздѣляются и стараются врагами быть другъ другу, но и въ каждой церкви опять раздѣленія; я уже не говорю о расколахъ, кои столь умножаются, что страшно подумать, но и прочія оттого, что оттѣнки какіе-то встрѣчая въ братѣ отъ него чуждается, и всякій, думая о себѣ, что онъ лучше вѣруетъ, осуждаетъ брата, себя превозноситъ и мѣшаетъ своему собственному спасенію. Я единаго молю отъ Господа, чтобъ онъ избавилъ меня отъ сего искушенія и чтобъ я видѣлъ только свой грѣхъ предо мною, и просилъ Его сердце мое да чисто созиждетъ и исполнитъ Его хваленія и молитвы въ смиреніи и сокрушеніи сердечномъ; да дастъ мнѣ любовь къ братьямъ моимъ во Іисусѣ Христѣ. Надѣюсь на молитвы праведныхъ, о мнѣ грѣшномъ молящихся. Путь смиренія и любви простъ и безопасенъ, сего желаетъ мое сердце и надѣется, что и вы мнѣ сего желаете и просите у Престола Господня. При семъ напомянуть вамъ хочу о образѣ, хотя у меня есть вашего благословенія образъ нерукотворенный, и который всегда въ моемъ кабинетѣ, а лѣтомъ перевожу и на Каменный Островъ; но такъ какъ вы сами вызвались прислать образъ,

освятивъ его сами по случаю письма моего объ образахъ Спасителя въ темницѣ, то я и прошу объ ономъ вспомнить; а Спасителевы темничные образа отданы въ бѣдныя церкви, писанный же мною отданъ той дѣвицѣ, которая была исцѣлена. Не имѣю я давно отъ сестры моей о Господѣ писемъ и не смѣю къ ней писать, такъ какъ она занята въ Ростовѣ, а потому не знаю въ какомъ положеніи отецъ Амфилохій. Долженъ однако же живъ еще быть, ибо не слышно о его смерти.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и надѣясь на Христа Спасителя, который есть и будетъ всегда посреди насъ, пребуду на всегда вамъ преданный слуга [1]).

LIV.

Высокопреподобный отче Фотіе! моли Бога о мнѣ.

Благодарю Господа, что Онъ соединилъ насъ съ вами любовію, которая меня питаетъ и напояетъ во всякое время: писаніе ваше съ присланными восьмью посланіями о царствіи Божіи мнѣ были по сердцу. Сердце мое хотя и очень не чисто, но по благости Божіей желаетъ очиститься, и вкусъ имѣетъ къ открытію царствія Божія внутри меня. Читалъ я посланія ваши къ чаду вашему духовному, чистѣйшей дѣвицѣ Аннѣ, любезной сестрѣ моей о Господѣ, которой сердце по чистотѣ ея сдѣлалось сосудомъ удобнѣе моего принимать чистѣйшія всякія благодати,—читалъ я и въ какое время сіе пишу вамъ. Позванъ былъ я императрицею Маріею Θеодоровною въ Гатчино для пріѣзда невѣсты великаго князя Михаила Павловича принцесы Виртембергской; множество изъ первѣйшихъ чиновъ было туда звано, мнѣ не прилично было отказаться, поѣхалъ и я туда многогрѣшный, взявъ съ собою ваши посланія, подумалъ, что исканіе царствія Божія есть внутрь насъ, то указанія о исканіи его расположитъ меня еще болѣе оглубиться внутрь меня посреди шума дворскаго и мірскаго круженія. Пришедъ въ комнату мою въ Гатчинѣ отведенную (Гатчина есть дворецъ императрицы за Царскимъ Селомъ 20 верстъ) увидѣлъ я на стѣнѣ картину, представляющую женщину нагую во весь ростъ; сіе было вечеромъ, и такъ свѣтъ небольшой былъ, то я могъ только разглядѣть, что то была нагая женщина, а въ какомъ она положеніи и что вокругъ ея не могъ я видѣть. Странно мнѣ показалось, что въ комнатѣ моей поставлено неприличное такое изображеніе; вѣроятно умысла не было отъ тѣхъ, кои начальствуютъ въ семъ замкѣ, но не безъ умысла отъ врага. Я тотчасъ сѣлъ читать ваши посланія, которыя мнѣ, по милости Божіей, очень вкусны показались, и

[1]) Изъ содержанія письма видно, что оно писано послѣ сентября 1823 г.
Н. В.

когда я дошелъ до описанія житія святыхъ, какъ они были воздержны и имѣли силу противъ похоти бороться, какъ-то Моисей Угринъ и прочіе, я подумалъ о себѣ, хотя я и не такой храбрый воинъ Христовъ, какъ сіи подвижники, но могу помолиться тому же Христу, Который всякаго просящаго помощи Его не отвергаетъ, чтобъ Онъ спасъ меня отъ всякихъ мыслей и вліянія похоти, кой сладострастное сіе изображеніе, поставленное предъ глазами моими, когда я въ постель свою долженъ лечь. И подлинно, не только дѣйствіе какое произвести, но истинно я сію картину не видалъ, и въ два дни, что я проводилъ въ сей комнатѣ, ни разу на нее не глядѣлъ; днемъ сидѣлъ къ ней задомъ, а ночью ложась не глядѣлъ и завѣсъ задергивалъ. Теперь обращусь опять къ вашимъ посланіямъ: вы пишете во 2-мъ посланіи о царствіи небесномъ: покайтеся, глаголетъ Господь, приближися бо царствіе небесное; покайтеся же есть отвратиться отъ грѣховъ, стало обратиться къ творенію воли Божіей, и сравненіе ваше съ садомъ очень выразительно и ясно, что можетъ приближиться къ саду своему, но покуда я буду стоять къ нему задомъ, то его не увидишь какъ бы близко къ нему ни стоялъ; надобно перестать глядѣть на міръ, тогда увидишь противоположное міру: царствіе Божіе внутри насъ. Чтеніе сіе посреди міра было для меня полезно. Истинно вамъ говорю, что Господь такъ милостивъ ко мнѣ, что зрѣніе на міръ меня не веселитъ, но все я на него гляжу и задомъ къ саду. Пора мнѣ обратиться къ саду, въ него войти съ помощію Господа и молитвъ святыхъ Его и изъ саду глядѣть на міръ; и ежели воля Его будетъ и дѣйствовать на него изъ сада сего, въ которомъ жить и поклоняться, славословить, благодарить, любить, питаться и упиваться источникомъ живота Господиномъ сада сего. Вы говорите сколькими скорбями, мученіями Святые восхищали царствіе Божіе. Нынѣ кажется мнѣ, что царствіе Божіе готово бы даться скорѣе чѣмъ прежде, такъ Богъ близокъ ко всѣмъ становится, но мы менѣе способны стали сихъ великихъ подвижниковъ: и глухи и слѣпы. Господу трудно сообщаться намъ, все у насъ уты и утолстѣ, матеріальны стали, а Богъ есть духъ. Подходить подъ правленіе Духа Божія стали менѣе способны, а Господь всячески намъ Себя проповѣдываетъ,—Господи, чисто сердце созижди во мнѣ и духъ правъ обнови во утробѣ моей.

4-ое посланіе также очень мнѣ понравилось, гдѣ вы говорите: не ищи царствія Божія ни въ богатствѣ, ни въ мудрованіи и прочее, но моли Господа, дабы Богъ послалъ тебѣ Ангела хранителя, который открылъ бы въ чемъ и какъ, и гдѣ оно есть; моли Господа, дабы Онъ перстомъ Духа Своего тебѣ указалъ: оно внутри тебя и когда отверзутся твоя очи душевныя и проч. Я только главныя черты вамъ описываю, но всѣ посланія очень мнѣ полезны были для облегченія моего и наученія. Стыдно, грустно, что такъ неключимо дѣйствую, и зная сколько Богу угодно обращеніе грѣшника и

хожденіе предъ Господомъ въ чистотѣ сердца, все коснѣю и боюсь не быть готовымъ во время благопотребно. Въ письмѣ вашемъ ко мнѣ вы пишете важныя для меня истины о соединеніи въ Господѣ, какая сила и благодать могла бы быть, когда двое или трое такъ едины были какъ Господь хощетъ и какъ Онъ молился. Нынѣ же то время, гдѣ сатана болѣе всего боится сего соединенія, всѣхъ желаетъ раздѣлить, чтобъ удобнѣе творить дѣла тьмы. Но да не будетъ тако, а да воцарится Господь нашъ Іисусъ Христосъ во всѣхъ сердцахъ, да пріидетъ Его царствіе, сего желаю и прошу, и надѣюсь, что и вы мнѣ сего просите отъ Царя нашего и Бога и будете просить.

Радуюсь, что Юрьевъ процвѣтаетъ, надѣюсь что и я его, когда Богу угодно будетъ, увижу. По моимъ занятіямъ нельзя мнѣ отлучаться отсюда, но говорятъ, что государь въ будущемъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ поѣдетъ въ Москву съ императрицами, можетъ и министрамъ велятъ туда быть, то не премину и къ вамъ заѣхать, до того же времени надѣюсь, что Богъ велитъ и васъ здѣсь видѣть. Да будетъ Его воля святая во всемъ.

P. S. Сегодня письма не перечиталъ, спѣшу въ комитетъ и прошу меня извинить, ежели что не такъ написалъ.

P. S. Посланія готовъ списывать, но какъ у меня времени немного, то не такъ скоро оное будетъ.

LV.

Воскресенье.

Благодарю за писаніе ваше, отче Фотіе! О семъ поговоримъ при свиданіи. Я жду съ нетерпѣніемъ завтрашняго дня, но вы пишете, что въ первомъ часу, а вы со мною условились въ одинадцать часовъ утра; то ежели сія перемѣна послѣдовала по волѣ графини, то вы меня съ симъ посланнымъ увѣдомьте, хотя двумя строчками. Вы пишете, что имѣете со мной говорить много, но что у меня время мало,—это правда; но для васъ я всегда съ Божіею помощію его найду, и только бы мнѣ не безпокоить графиню, а то я могу пробыть завтра съ одинадцати часовъ столько, сколько вамъ угодно; приду пѣшкомъ и также уйду, слѣдовательно и у меня не будутъ знать, гдѣ я былъ. Я получилъ письмо ваше въ Царскомъ Селѣ, и сейчасъ пріѣхалъ ночевать на Каменный Островъ, а завтра надѣюсь принять отъ васъ лично благословеніе и поцѣлуй въ мою главу, который мнѣ очень любезенъ.

LVI [1]).

1 Генваря 1824 г.

Воздавъ благодареніе Господу нашему Іисусу Христу за всѣ его милости въ теченіи прошедшаго года, обращаюсь къ вамъ, высокопреподобный отче Фотіе! для испрошенія благословенія вашего, а чрезъ васъ отъ царя нашего и Господа Спасителя премилосердаго при вступленіи въ сіе новое лѣто 1824 года высокосное. Милости Его благодати всегда и во всякомъ году непремѣнно, но каковъ-то я буду въ семъ году,—не буду ли лѣнивъ или невѣренъ или хладенъ, или каменно-сердеченъ. Надѣюсь на молитвы Богу угодныхъ людей за меня грѣшнаго, надѣюсь, что и наша связь о Господѣ съ вами завяжетъ еще новый узелъ любви. Теперь я обращусь къ письму вашему отъ 30-го декабря: вы пишете, чтобъ я не сѣтовалъ, что мало ко мнѣ пишете, нѣтъ, я уже не сѣтую съ тѣхъ поръ, какъ я увѣрился въ любви вашей и что вы мнѣ сказали, что бываютъ времена, въ которыя надобно вамъ предстоять предъ Богомъ. О! я уважаю очень сіе состояніе ваше и очень чувствую, что должно быть такое безмолвіе, которое васъ отвлекая отъ всего тлѣннаго, приводитъ въ присутствіе Того, въ Комъ слову неизглаголанному причащаетесь послѣ служенія ежедневнаго литургіи и совершенія таинствъ.

Мы все пеняли вамъ, что мало кушаете,—вотъ и нашли вы пищу: хлѣбъ животный, на какой богатой трапезѣ! и въ какомъ сообществѣ! Всей торжествующей и воинствующей церкви христовой благодарю за молитвы ваши при таковыхъ священнодѣйствіяхъ, да услышитъ ихъ Господь и да очиститъ сердце мое, чтобъ я могъ принять въ него отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы сей.

Благодарю и за молитвы о царѣ нашемъ; мнѣ хочется васъ благодарить, ибо люблю царя, хотя вы моей благодарности и не требуете, ибо любите его сердечно,—и охотно ради и крестъ его подъяти и на утренней стражѣ быть.

Митрополитъ нашъ мнѣ сказалъ первый, что вы вседневно служите литургію, да положитъ вамъ Господь силъ.

Вы меня поздравляя съ новымъ годомъ и съ новымъ чиномъ пожелали мнѣ того, чего единаго желаю и всѣ чины свои и все охотно промѣняю: быть новою тварью. Сего единаго прошу и пламенно желаю.

Вы желаете знать для чада вашего [2]) о времени брака, увѣдомьте ее, что вѣрно никто не знаетъ, но что предполагаютъ между 15 и 20 генваря.

---

[1]) Въ 1-й рук. № 45.

[2]) Т. е. графини Орловой. Н. В.

Прошу благословенія пребывая навсегда вамъ преданный всѣмъ сердцемъ во Господѣ слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Въ первый разъ, что будете ко мнѣ писать, увѣдомьте въ который часъ начинаете вы литургію и какъ она оканчивается, я бы хотѣлъ въ сіи же часы соединяясь съ вами духомъ во Господѣ пребывать въ молитвѣ.

LVII [1]).

15 генваря. С. Петербургъ.

Высокопреподобный отецъ Фотій. Вы молитесь за царя вседневно, но я нужнымъ считаю васъ увѣдомить, что любимый нами царь нездоровъ. Болѣзнь его невелика, но все болѣзнь,—то и прошу васъ помолиться о его облегченіи отъ оной. Наканунѣ рожденія императрицы Елизаветы Алексѣевны государь былъ въ Царскомъ Селѣ и отъ сильной простуды сдѣлалась рожа на ногѣ съ лихорадкою; и такъ онъ вечеромъ 12 числа пріѣхалъ больнымъ довольно сильно, но 13-го поутру уже было лучше, я его видѣлъ, но рожа мѣшаетъ ходить.

За него много молитвенниковъ и Господь къ нему милостивъ, болѣзни же посылаются отъ любви Его къ очищенію тѣлесъ нашихъ и для другихъ причинъ, кои не всегда намъ извѣстны,—но предающимся въ волю Господню все благо отъ руки Его. Онъ наказуетъ какъ отецъ и любитъ насъ безмѣрно, то и надежда наша должна быть несомнѣнна.

Я нѣсколько воздерживаюсь къ вамъ писать, зная изъ писемъ вашихъ, что вы предъ Господомъ предстоите, но болѣзнь дражайшаго намъ государя да будетъ мнѣ извиненіемъ, что я къ вамъ воззвалъ.

Повѣренность, которую вы мнѣ сдѣлали о вседневномъ вашемъ причащеніи, возрадовала духъ мой. Общеніе таковое сладостно и нужно и мнѣ что то чувство отмѣнно пріятное было знать, что любезный и любимый мной сердечно во Господѣ отецъ Фотій вседневно въ таковомъ общеніи съ Главою церкви, сверхъ того, что Господь духовно съ нимъ общается въ теченіи дня. Нѣтъ блаженства какъ на сей земли еще жить въ Богѣ и давать жить Богу въ насъ;—да пріидетъ царствіе Твое и во мнѣ грѣшномъ, худшемъ въ братіи, но что устоитъ противъ благодати Твоей? Никакая моя нечистота противъ Твоей чистоты!—никакая моя тѣснота противъ Твоея неизмѣримыя великости. Вниди только подъ кровъ мой и расшири сердце мое до неизмѣримости!—Иногда прошу я Господа, не презрѣвшаго родиться въ ясляхъ между скотами,—но въ моемъ сердцѣ хорошо бы было, ежели бы только волы да ослы были, но въ немъ и пресмыкающіеся и всякія ядовитыя змѣи еще водятся и которыхъ можетъ и не знаю я, какъ они въ

[1]) Въ 1-й рук. № 46.

изгибахъ сердца моего гнѣздятся и скрываются. Но надѣюсь, что молитвами другихъ, а не моими духъ Господень посѣтитъ и все уничтожитъ, только бы дохнулъ—то что̀ постоитъ противъ него?

Сердце чисто созижди во мнѣ и духъ правъ обнови во утробѣ моей, Боже мой и Господи Іисусе Христе!

Поручая себя всегдашнему вашему о мнѣ грѣшномъ моленію и прося благословенія, пребуду навсегда вамъ преданный князь Александръ Голицынъ.

LVIII.

6 февраля.

Высокопреподобный отецъ Фотій въ С. Петербургѣ третій день и ни слова не пишетъ къ тому, который съ нетерпѣніемъ желаетъ его видѣть и получить его благословеніе.

Сегодня митрополитъ, бывъ у меня, сказалъ мнѣ сіе извѣстіе, и ежелибъ сегодня я могъ, то конечно-бы къ вамъ пріѣхалъ, но завтра надѣюсь по утру у васъ быть.

Васъ искреннолюбящій князь Александръ Голицынъ.

LIX.

6 апрѣля.

Христосъ Воскресе!

Сейчасъ проснулся я и пріятно мнѣ перваго васъ, высокопреподобный отецъ Фотій, поздравить съ свѣтлымъ Христовымъ воскресеніемъ.

Помолитесь да воскреснетъ Онъ во мнѣ грѣшномъ.

P. S. Позвольте мнѣ по обычаю вамъ дать яйцо съ изображеніемъ Спасителя, которое есть и будетъ посреди насъ.

LX.

25 генв. 1825 г. С. Петербургъ.

О Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ радоватися вамъ желаю высокопреподобный отецъ Фотій! По полученіи письма вашего я сказывалъ государю, что я просилъ молитвъ вашихъ за исцѣленіе отъ болѣзни его, ибо о лицѣ государя всегда вы молитесь, и что вы мнѣ пишете, что болѣзнь сія будетъ во спасеніе и во славу Божію. Царь велѣлъ васъ благодарить, ему есть лучше: лихорадка его оставила, рожа на ногѣ бывшая прошла, но раны, показавшіяся отъ рожи на ногѣ еще существуютъ и изъ нихъ истекаетъ мокрота; но сіи ранки не въ дурномъ состояніи и потребно время на излѣченіе. До тѣхъ поръ не можетъ онъ ходить, я его видѣлъ вчера;

онъ спокоенъ и принимаетъ сіе посѣщеніе отъ руки Господней со смиреніемъ, да будетъ сія болѣзнь по слову вашему во спасеніе ему. Перечиталъ я и письмо ваше, которое 30-го декабря было писано. Въ ономъ подлинно много о царѣ вы пишете, о крестѣ его; но я не понялъ, и о нѣкоей вещи, которая отъ насъ утаена, а вы за то обязаны, яко страхъ предстоять предъ Богомъ.

Читалъ я по совѣту вашему и житіе Афанасія Александрійскаго, гоненія ужаснѣйшія ему были, но не знаю для сравненія ли съ кѣмъ въ нынѣшнее время или чувство у васъ на предбудущее. Обѣщаніе ваше пріѣхать въ столицу обрадовало меня несказанно; но я вамъ откровенно скажу свои мысли, а вы располагайтесь по вашему внутреннему чувству и времени, когда вамъ можно и должно сюда ѣхать. Для меня всегда радостно мнѣ будетъ васъ увидѣть, но время для меня самое удобное съ конца мая во все лѣто, ибо дворъ за городомъ и я половину недѣли живу въ городѣ, а ежели графиня Орлова вѣроятно лѣто здѣсь проживетъ, то у нее бесѣды наши назидательныя были бы для меня очень удобны. Съ государемъ вы также могли бы видѣться лѣтомъ, какъ и зимою, ибо онъ лѣтомъ пріѣзжаетъ всякую недѣлю въ городъ.

Вотъ мои планы; но ежели вамъ удобнѣе пріѣхать ранѣе, я всегда радъ буду, и хотя не столько свободенъ, но время найду, чтобъ съ вами видѣться.

И такъ сами уже располагайте, какъ воля Божія будетъ, ибо сіе всего вѣрнѣе, а Господь укажетъ.

LXI.

8 февраля въ 7 часовъ утра [1]).

Высокопреподобный отецъ Фотій! По полученной отъ васъ запискѣ, я исполнилъ такъ: разсказывая государю, что я у васъ былъ, передалъ ему и слова, которыя надобно было ему сказать отъ васъ.

Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за оныя.

Ежели мое письмо придетъ къ вамъ прежде литургіи, помолитесь во время, о которомъ вчера говорили, о сегодняшнемъ бракосочетаніи, дабы Господь благословилъ оное, что-то ходъ сей четы былъ необыкновенный. Прося благословенія пребуду вамъ истинно преданнымъ князь Александръ Голицынъ.

---

[1]) Годъ письма въ рукописи не обозначенъ, но кажется это 1825 годъ. Если такъ, то это письмо было послѣднимъ въ перепискѣ кн. А. Н. Голицына съ Фотіемъ. Н. В.

Письма архимандр. Фотія къ Алексію Александровичу Павлову [1]).

I.

1823 г.

Возлюблене брате Алексіе!

Съ А. Н. Голицынымъ дѣло вѣрно имѣй. Есть ли бы у тебя было сто родныхъ,—но истинный христіанинъ можетъ быть тебѣ вѣрнѣе всѣхъ родныхъ. Чаю, что въ свѣтѣ лучше не нужно, какъ служить князю: онъ другу не измѣнитъ, и врага не обидитъ; а сего въ мірѣ нынѣ вовсе нигдѣ нѣтъ. Я люблю его по сердцу и о Христѣ; мнѣ люди равны, и я его люблю Бога ради единаго. Какъ ты ему можешь служить Бога ради съ пользою, такъ и онъ можетъ надъ тобою быть начальникомъ Бога ради съ пользою. Благъ онъ человѣкъ! Еще я ему и тѣни не писалъ о царствіи, но и того ради описанія, Христосъ посредѣ насъ съ нимъ. На все отвѣтствовать нѣтъ времени; прости; лицемъ къ лицу когда узримъ другъ друга, тогда вся рцемъ.

Спасайся. Убогій Фотій.

P. S. Во градѣ святаго Петра—есть многа вода:

1) Едина рѣка Нева; и какъ въ ней добра и чиста вода! у ней три рукава главные, не бѣда естли есть и прибавка истоковъ ея.

2) Есть и канава, три или четыре, или болѣе, невѣдаю. Но что въ ней за вода? Вода, но канавная. Какова?—всякъ знаетъ про то.

3) Что рѣка Нева, то катихизисъ Петра Могилы,—яко въ трехъ рукавахъ, въ трехъ частяхъ своихъ—о вѣрѣ, надеждѣ и любви. А что канавная вода,—то присланный тобою катихизисъ [2]): пьютъ и канавную люди воду.

---

[1]) А. А. Павловъ сначала служилъ въ л.-г. уланскомъ полку, затѣмъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ; въ 1824 г. перешелъ на службу въ синодъ (чиновникомъ за оберъ-прокурорскій столъ); съ 11-го декабря 1824 г. былъ сдѣланъ членомъ коммисіи духовныхъ училищъ; въ 1827 г. 3 іюля уволенъ отъ службы по прошенію за болѣзнію, съ пенсіей въ 1.500 р. Въ письмахъ своихъ Фотій называетъ его «славнымъ воиномъ 1824 года», „исповѣдникомъ благочестія“ и т. п. Это указываетъ на то, что Павловъ игралъ немаловажную роль въ церковныхъ дѣлахъ того времени.

[2]) Рѣчь идетъ о катихизисѣ митрополита Филарета. Н. В.

II.

1823 г. Іюня 7.

Возлюбленный о Христѣ брате мой! Миръ тебѣ, спасайся: пожди, Бога ради, мало и азъ напишу тебѣ вся: слышу вопль твоея души, ищущія Господа, но не могу по недосугамъ отвѣтъ ей дать: авось либо завтра или въ слѣдующій разъ, тебѣ реку слово и дѣло. Ко князю дерзай, яко же по сердцу тебѣ будетъ указано: онъ любитъ тебя, и жалѣетъ, что не видалъ еще: Христосъ съ тобою. Миръ вамъ. Радуюся о тебѣ по духу. Спасайся съ Богомъ! О Господѣ тебя любящій, рабъ твой, худый и убогій Фотій.

III.

22 Декабря 1824 г.

Любезный Алексій Александровичъ! Пожалуйста приди ко мнѣ на нѣсколько минутъ. Есть дѣльцо до тебя нужное. Миръ тебѣ. Спасайся. Фотій, твой слушка.

IV.

Отъ 5 д. [1]) получилъ твое милое письмо: прочиталъ, и пыль неудовольствія во мнѣ исчезла: умоляю тебя, сиди въ тишинѣ, пока Господь вся устроитъ. Ангелъ Божій во плоти, благословенный Александръ улетѣлъ на небеса. Кто сохранитъ, пока Господь пошлетъ иного, и Его перстъ укажетъ намъ. Будемъ ждать съ небесъ росы Господней,—вѣрую, что низведетъ росу своей благодати на ниву словесную. Тѣмъ ты меня усладилъ, что одинъ еще и первый зовешь дѣвицу Христову, а слѣдовательно и меня. Значитъ, что ты печешься о дѣлѣ Божіемъ [2]). Произшествіе нынѣ въ день сожженія Госнера, ты знаешь: и чѣмъ я не жертвовалъ—и тѣломъ и душею, и всѣмъ животомъ. Я знаю—совершенно, яко же предъ Богомъ, и ждать долженъ мзды. Кто послѣ жертвы моей мнѣ не пожертвуетъ всѣмъ? то я судъ Божій и правосудіе вѣдаю. У меня есть защитникъ: Богъ мой, Богъ отецъ нашихъ, имъ же прейду стѣну. Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса—единъ! съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! На Него уповаю. Вѣси ты, что при всѣхъ невозможностяхъ я сладость

[1]) Письмо не датировано въ рукописи, изъ которой мы его заимствуемъ. Поэтому помѣщаемъ его непосредственно за письмомъ отъ 22 дек. 1824 г., за которымъ оно слѣдуетъ въ рукописи. Конца 1825 или 1826 г.?

[2]) Рѣчь идетъ о сочиненіи Госнера. Н. В.

утѣшенія старался влить при смертной горести. Ты мнѣ вѣришь несомнѣнно, что я людей знаю: вѣренъ другъ видѣнъ въ несчастіи, и который Духа святаго въ себѣ имѣетъ, тотъ не усумнится ни въ чемъ, и не соблазнится во мнѣ: вотъ пробный камень, на коемъ я пытаю тысящекратно, а не единожды, кто есть другъ злато, сребро,—или мѣдь ржавая; олово и сѣно, и хврастіе.

Въ выборѣ людей ты знаешь, что я не ошибался. Но долго я пытаю всегда.

Покойный Благословенный Александръ меня такъ любилъ, какъ и отецъ и мать меня не могли любить. Вѣчная ему память! Человѣкъ былъ нѣжнаго святаго чувства: немощами не соблазнялся никогда, бывъ и самъ искушенъ!

3-го дек. въ Орелъ уѣхала [1])... Благодарю и за то, вѣрный другъ, что жена твоя и Марья Ардикинъ (?) схимнику Вассіану о мнѣ благая говорила: схимникъ меня благословлялъ всячески. О семъ мнѣ Добровольскій сказалъ; а я было въ семъ погрѣшилъ мысленно: не вѣрилъ сперва. Аще Господь благословитъ и сохранитъ, то 12 дек. хотѣла изъ О. въ М. возвратиться, а потомъ въ Р. и прямо изъ Р. къ намъ. Дай Господи сему совершиться благословенно о силѣ Божіей!

Спасайся, брате, миръ тебѣ: Господь съ тобою: да благословитъ Господь Богъ Своею благодатію.

V.

1825 г. Апрѣля 7.

Возлюбленный о Христѣ братъ, Алексій А.!

Миръ тебѣ, спасайся. Слава Богу, сосѣдъ [2]) погостилъ въ мирѣ, тишинѣ и совершенномъ спокойствіи. Много я говорилъ съ нимъ и объ тебѣ говорилъ кое что; вл. Сер. [3]) онъ такъ любитъ, какъ болѣе не можетъ никого любить: вотъ тебѣ секретъ: (что Сер. сосѣду объ тебѣ скажетъ, или представитъ, то и будетъ: все Сер. можетъ сдѣлать тебѣ во всякое время), другой стезы я тебѣ не указую, да и нѣтъ. Я радъ сему: читалъ я письмо пребольшое отъ царя (Алекс. I) къ сосѣду (Аракчееву), чудесное и необыкновенное. Теперь-то я знаю, какъ царь любитъ сосѣда, и стоитъ того.

Я говорилъ, что съ тобою ѣхать хощу: и г. курьера мнѣ и подорожную къ 10-му числу обѣщалъ прислать: но я получивъ твое письмо ска-

---

[1]) Вѣроятно, разумѣется графиня Орлова.

[2]) Т. е. графъ Аракчеевъ, жившій въ Грузинѣ близь Новгорода.

[3]) Т. е. владыку Серафима, митрополита С. Петербургскаго. Н. В.

залъ, что частное извѣстіе получилъ, акибъ владыка не рѣшился меня уволить въ М. [1]), а потому и курьера я просилъ прислать мнѣ когда напишу Г. [2]), что я уволенъ. Г. кажется будетъ въ С. П. Б. Онъ все имѣетъ у себя въ рукахъ: помни: я читалъ собственной руки царевы письмо къ Г.

Ежели можно, то упроси А. Сем. Ш. [3]), любезнѣйшаго старца, дабы онъ къ Г. написалъ утѣшеніе [4]) въ письмѣ.

Г. какъ Ангелъ Божій былъ, и всѣмъ утѣшался и любовался: обо всемъ у владыки Сер. узнаешь, что можно, и онъ найдетъ нужнымъ тебѣ сказать. Немедленно письмо вручи.

Касательно просьбы твоей, хотя я и могъ бы, и есть изъ чего половину дать: но самъ ты посуди, какъ я могу сокрыть отъ дщери? Какими глазами я на нее воззрю?—Я согрѣшу, ежели безъ приказанія ея дамъ и утаю отъ нее все. Совѣсть меня замучитъ, что я буду таить: значитъ, что я неоткровененъ уже к ей, матери моей родной, а давши сказать, я знаю какъ мнѣ бывало тяжело: двукратно испыталъ. Какъ бы ты зналъ, въ какое положеніе ты ставишь меня, ты-бы самъ поплакалъ о мнѣ: могу дать, но не смѣю: боюсь, стыдно,—и у насъ съ чадомъ нѣтъ тайны: у насъ единъ духъ и едино сердце о Христѣ: что я прикажу, она хранитъ, и что она прикажетъ, я храню. Да посуди милый мой А. А.!—ты меня знаешь, знаешь, что я люблю тебя: но трепещетъ сердце дѣло тайное сдѣлать отъ чада,—я ея боюсь приказанія нарушить. Ежели я думаю давно, значитъ, что я причину подалъ къ сомнѣнію о мнѣ ей, и невѣрности. Ежели и никто не скажетъ, то Богъ возвѣститъ: и я буду долженъ въ ногахъ валяться у нее послѣ, со слезами прося прощенія, и она уже не будетъ мнѣ вѣрить: а сіе хуже всего, и я уже пропадать начну.

Помилуй Бога ради, брате мой, Ангелъ Божій во плоти такъ сказать, я не могу обманывать и боюсь: и сердце я чистое имѣлъ къ ней матери и имѣю, и въ чемъ погрѣшу тотчасъ объявляю, согрѣшилъ: и нѣтъ тайны, коея бъ она не знала во мнѣ. Прости меня и люби: слово сохраню, данное дщери.

Я упоминалъ объ своихъ Г. къ коимъ писалъ А.—письма, и о большомъ худо говорилъ сосѣдъ.

Все приказывай мнѣ дѣлать и писать, кромѣ того, что нарушить слово, данное дщери и утаить сдѣланное—боюсь. Поѣдемъ въ Москву и авось либо не устроитъ ли Богъ тамъ лучше: я духомъ почувствовалъ, что ты былъ для нужды,—и немедля пришли прошеніе, естли владыко уволитъ, дабы

[1]) Въ Москву.
[2]) Голицынъ.
[3]) Шишковъ, Александръ Семеновичъ.
[4]) По поводу отставки Голицына. Н. В.

мнѣ списаться съ графиней, ибо онъ мнѣ приказалъ рѣшительно, дабы я не оскорбилъ, а взялъ курьера и подорожную. Прости, любезнѣйшій мой, люблю и цѣлую тебя о Христѣ. Сколько бъ ты не былъ печаленъ, но вѣрно мнѣ посовѣтуешь слово данное дщери сохранить. Сію малость сдѣлать и утаить отъ дщери, есть тяжесть преступленія великая; то что же сказать о другомъ? Я вѣренъ по Бозѣ всякому до пролитія крови, какъ особенно тебѣ. Вѣренъ Богу и царю, церкви и отечеству. Радуйся! Христосъ посредѣ насъ. Ф.

P. S. Перехвати на время.

P. S. До крайности [1]) не допустимъ любезнаго А. А. Пав. Это видитъ Богъ. Ибо за его услуги я переговорю обо всемъ съ дщерію на будущее время и дабы она воззрѣла милостивно: она Ангелъ Божій. Безъ доклада ей ни пяди не шагну. Люблю о Бозѣ свято и крѣпко.

VI.

29 Марта 1826 г.

Побѣждая, побѣждай о Господѣ. Каково-то, братъ, теперь съ человѣками и духами злобы поднебесныя? Я сижу въ мирѣ и радости. Сижу яко въ пресладкомъ раи Божіемъ. Такъ-то, возлюбленный братъ и сотрудникъ о Христѣ, сливный воинъ 1824 года. Такъ-то все въ мірѣ коловратно и у всѣхъ все не вѣчно, все скоротечно. Имаши ты разумъ, самъ и суди вся. Неводъ цѣлъ былъ рыбы и на берегу изъ рукъ велѣно бросить отъ рыбаря Апостола Андрея. Что дѣлать: воля въ томъ Андрея, апостолъ бо есть, а мы работники въ дому Божіемъ. Съ нами Богъ, Господь силъ съ нами! Помоги, Господи, поборнику православія, царю нашему на вся сопротивныя силы, видимыя и невидимыя.

Еще одинъ Ангелъ во плоти, Ангелъ дѣвства и цѣломудрія, съ елеемъ веліемъ веліяго милосердія, Богомъ мнѣ данный видимо и истинно на вѣки. При мнѣ какъ была, такъ и есть и будетъ.

Тецы, трудися, спасайся и радуйся о Господѣ. Отъ Него же тебѣ испрашиваю свыше благословенія и благодать.

Труждаюся о Господѣ, чернецъ Фотій.

---

[1]) О какой крайности Павлова говорится здѣсь, мы не знаемъ. Вѣроятно отставка Голицына отъ должности министра духовныхъ дѣлъ немедленно же неблагопріятно отозвалась на его служебномъ положеніи въ св. Синодѣ, такъ какъ своимъ поступленіемъ въ Синодъ онъ былъ обязанъ Голицыну.

Н. В.

VII [1]).

Возмогай о Господѣ, братъ возлюбленный. Что ты скорбишь, что ты унываешь? Съ нами Богъ, Господь силъ съ нами. Аще Бога ради, то ничто въ свѣтѣ не должно насъ смущать. Скажи нашему Златоусту [2]), что Господь связалъ враговъ златою цѣпью. А есть рѣчь: «хорошо птичкѣ въ золотой клѣткѣ». Хороша и дорога цѣпь и сіяетъ, да выйти изъ нея нельзя.

Не вздремлетъ, ниже уснетъ, храняй Израиля. Богомъ моимъ прейду стѣну. Обышедше, обыдоша мя и именемъ Господнимъ противляхся имъ. Съ нами Богъ! Я кромѣ Бога не хощу ничего ни видѣть изъ толковъ, ни слышать. Аще Богъ за насъ, кто противъ насъ? Видѣша вси концы спасеніе Бога нашего.

А безъ искушенія какъ можно быть на семъ свѣтѣ рабу Божію?

Чадо, аще приступаеши Господеви работати, уготови душу твою во искушеніе, глаголетъ писаніе. Хожду предъ Богомъ. Предзрѣхъ Господа предо мною, яко одесную мене есть. Все на свѣтѣ мечта. Господь сокрушитъ и сломитъ оружіе и щитъ враговъ сожжетъ огнемъ.

Господи, силою Твоею возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зело. Мы во имя Господа востанемъ и исправимся: †. Симъ побѣдиши. Аминь.

VIII.

11 Апрѣля 1826 г.

Крѣпися и мужайся, воинъ Христовъ и исповѣдникъ! Хотя какъ нибудь, но лучше Бога ради трудиться, нежели взявшись за рало и не токмо зрѣть вспять, но, бросивъ рало, совсѣмъ бѣжать вспять и уподобиться женѣ Лота: угонзай, угонзай въ Сигоръ. Трудися и узриши славу Божію. Знаю, что ты скоръ на языкъ, но Богъ да устроитъ вся. Не мнишь ли ты, яко зрю, вспять, взявшись за рало Христово? Нѣтъ, бѣгу непрестанно за раломъ и орю на нивѣ Христовой. Не даждь, Господи, мнѣ видѣть той бѣды, чтобы когда либо въ глубинѣ сердца унылъ въ дѣлѣ и словѣ Твоемъ. Пещь ли Вавилонская, ровъ ли левскъ, гноище ли Іовлево, Давыдово ли бѣганіе мнѣ на пути Господь устроилъ, Исаіино ли или Іеремiино иго, Фотіево ли страданіе: Твоя воля Господи. Ибо Твое дѣло и Твое слово. За имя Твое,

---

[1]) Письмо это не имѣетъ даты.

[2]) Кого такъ титулуетъ Фотій—трудно догадаться. Филарета? Н. В.

ревнуя, ревную, Боже Израилевъ и Господь нашъ. Ты Богъ мой, а я рабъ Твой. Богомъ моимъ прейду стѣну; обышедше мя обыдоша и именемъ Господнимъ противлялся имъ. Мнѣ жизнь и смерть на землѣ едино есть, лишь бы все было Бога ради. Лучше не жить, если я не хощу по христіански жить. Лучше погибнуть, нежели стократно клявшись Христу и всѣмъ святымъ до послѣдняго издыханія трудиться и въ началѣ теченія съ пути сбиться. Стопы мои направи по словеси Твоему и да не обладаетъ мною всякое беззаконіе. Господь съ нами, явимъ вѣру нашу дѣлами любви, дѣлами такими, какіе святые намъ явили по разнымъ обстоятельствамъ, дѣлами различными и до насъ надлежащими. Мы въ свое время свои дѣла должны дѣлать. Нынѣ ли нечего подѣлать? Ужели нынѣ на нивѣ Христовой и дѣлать нечего стало? Нынѣ ли не жатва? Многи суть звани, мало же избранныхъ.

Подвизайся. Господь съ тобою. Чернецъ убогій Фотій.

IX.

5 Мая 1826 г.

Сражайся, подвизайся, храбрый воинъ Христовъ, по дѣйствію св. Духа въ тебѣ. Ты же имѣешь Духа силу отъ Бога даннаго и ничто же тебя можетъ прельстить въ дому Божіемъ. Я это знаю. Поражай враги церковные,— съ нами Богъ, Господь силъ съ нами. Не явно ли сила Божія въ немощахъ совершается? Аще Богъ за ны, кто на ны? Господь силъ съ нами. Господи, спаси церковь Твою, царя и вся люди Твоя. Крѣпись и мужайся, добрый воинъ! Испрашиваю свыше на тебя Божіе Благословеніе.

Христосъ воскресе!

Твой чернецъ, убогій Фотій.

X.

18 Іюля 1826 г.

Возлюбленный о Христѣ братъ! Миръ тебѣ, спасайся и радуйся! Господь съ тобою. Хотя и всего тебѣ желаю, но не все могу дѣлать и силенъ, ибо во всемъ есть мнѣ предѣлъ. Дщерь духовную, можно сказать, на нѣсколько минутъ видѣлъ, успѣлъ сказать обо всемъ. Но она занята заботою, дорогою и царицею, то можетъ ли она и вспомнитъ ли удовольствіе тебѣ сдѣлать по желанію твоему. Въ 7-мъ часу улетѣла царица изъ Новгорода, такъ что я ѣхалъ и не успѣлъ видѣть на пути графини. Я ѣхалъ, а онѣ уже улетѣли. Такъ какъ у меня дорожный экипажъ мой ненадеженъ и уже ветхъ, то я не могу прислать тебѣ коляски, которая до С. Петербурга въ одинъ конецъ требуетъ починки. И у меня токмо и есть одна для нужды;

а посылаю тебѣ бездѣлицу, я отъ себя, ты можешь имѣть оную за бездѣлицу мою. Я при отъѣздѣ изъ С. Петербурга говорилъ гр., дабы тебѣ пересказала, что нельзя будетъ тебѣ дать: вѣрно она забыла. Ты долженъ бы былъ дѣлать все самъ въ С. Петербургѣ, а уже въ пути поздно. Я самъ не успѣлъ видѣть Орла, такъ скоро улетѣлъ въ свое гнѣздышко. Съ радостію желая тебя видѣть въ М. и ожидая, посылаю тебѣ Божіе благословеніе, и миръ и утѣшеніе. Радуйся о Господѣ. Любящій тебя, убогій Фотій.

XI.

10 декабря 1826 г.

Спасайся, спасайся, спасайся брате, возмогая о Господѣ. Получивъ твое письмо, и при немъ все читалъ. Великая корысть, что медомъ по усамъ мажетъ. Тяжелъ корабль, трудно оный спехнуть: то подмазываютъ саломъ, дабы легче спустить на воду, гдѣ корабля бываетъ хожденіе и умерщвленіе. Дабы не скрипѣлъ корабль, то сала мірского—плотяного подпустили. Ты меня разумѣешь: такъ-то я все считаю за счетъ, что бываетъ пріемлемо отъ земныхъ насъ въ счетъ.

Не дивися же и сему, что старый сталъ, какъ малый былъ; дважды человѣкъ бываетъ глупъ: въ младости и старости. Внемли же сему, что все не безъ смотрѣнія Божія бываетъ. Нечисты наши руки бываютъ и недостойны, чтобы Господь чрезъ оныя дѣла устроилъ, то будетъ чрезъ другіе. Вѣка доказали, что и отъ каменія чада Аврааму Богъ рождалъ. Помяни слова всѣ мои и ты узришь, что сіе предречено нами. Но послѣдня горше будутъ первыхъ, и тогда воскреснетъ Господь. Возмогай въ немощахъ сый. А великому воеводѣ силъ царевыхъ [1]) все еще нѣтъ ничего, какъ нѣтъ.

Ходи къ дѣламъ по долгу, ибо ты грѣшишь, что не ходишь.

Миръ тебѣ, спасайся и радуйся.

Господь съ тобою. Чернецъ убогій Фотій.

P. S. Скажи же ты любезному нашему Петру I земной мой поклонъ. Чувствую, что глупость извѣстная ему несносна была.

XII.

24 Декабря 1826 г.

Что ты, братъ, паки и паки изнемогаешь? Право, Алеша, у тебя нѣтъ здравія и на два гроша. Спасайся, радуйся.—Господь все устроитъ во благое.

К. Шахматова и всѣхъ моихъ знакомыхъ поздравь съ праздникомъ отъ меня.

Любящій тебя чернецъ Фотій.

---

[1]) Аракчеевъ? Н. В.

XIII.

29 декабря 1826 г.

Ревнитель по вѣрѣ православной Христовой, возлюбленный о Христѣ братъ! Радуйся, Господь съ тобою! Что ты пишешь, все предусмотрѣно прежде. Не лучшаго и чаять должно было за всѣ труды. Знай, любимиче мой, что, аще мы недостойные есмы орудія рукъ Божіихъ и храмлемъ на обѣ плеснѣ и глезнѣ и Бога искушаемъ, то Богъ себѣ своихъ знаетъ, производитъ и не отъ своихъ, вѣрую.

Въ сіи времена я не буду во градъ св. Петра, зане мое пепелище отъ меня восхищено на всегда, а я изъ него изгнанъ былъ. Я люблю на одномъ мѣстѣ и жить и быть. Мнѣ нужды нѣтъ быть въ С. Петербургѣ, когда я не нуженъ. И проситься во вѣки не буду: да будетъ во всемъ воля Господня. Аминь.

Я хощу и тщуся съ простотою идти предъ Богомъ, а не съ разумомъ. И вѣруй, брате, что наше съ тобою хожденіе не тщетно. Ты вельми возрадуешися, какъ дѣла Божія самъ будетъ устроять чудно и славно. Знаетъ Господь своихъ дѣлателей кто суть; и вѣдаетъ въ кое время изводитъ на дѣланіе.

Дважды былъ въ Юрьевѣ и кушалъ Филаретъ Р. [1]). Добрый и кроткій пастырь; совѣстью и дѣломъ монахъ святый. Истинно святъ, не сомнѣвайся. Ты по долгу своему вскорѣ потщися быть у него. Ты самъ узришь Божію славу въ свое время. Радуйся!

Мы дѣлали дѣла Божіи человѣки суще; а можетъ быть теперь Господь послетъ дѣлать дѣла своихъ святыхъ Ангеловъ.

Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Радуйся! Подвизайся! Миръ тебѣ со всѣми.

Чернецъ Фотій.

P. S. Хозяевамъ и всѣмъ твоимъ и супругѣ Б. благословеніе буди.

XIV.

12 марта 1827 г.

Любящимъ Бога вся споспѣшествуетъ во благое; и аще благая отъ руки Господней пріяхомъ въ чіемъ либо лицѣ, злыхъ ли не стерпимъ? Терпѣніе есть конецъ совершенства. Неизрѣченную милость владыко явилъ къ обители и мнѣ; поручая и приписавъ, увѣковѣчилъ имя свое онъ. Теперь ты попекись объ общежитіи Бога ради и умоли владыку, да явитъ милость

---

[1]) Рѣчь идетъ о Филаретѣ Амфитеатровѣ, впослѣдствіи митрополитѣ Кіевскомъ, въ 1826 г. бывшемъ епископомъ Рязанскимъ. Н. В.

свою велію ко мнѣ и объ общежитіи дѣло довершить. Я на тебя возлагаю какъ на дядьку. Ты же буди по Христѣ, опасно ходя и свое спасеніе устроевая. Да научися отъ Христа и святыхъ Его Божіихъ человѣкъ, что и доброе недобрѣ содѣянное, нѣсть добро и полезно.

Видѣвъ въ газетахъ тебя уже камергеромъ у царя земнаго, желаю тебѣ и при дворѣ небесномъ быть тѣмъ же. Господь устроитъ вся во благо. Твой вѣрный Фотій.

XV.

1 Апрѣля 1827 г.

Незабвенный другъ и братъ! Ты поразилъ и утѣшилъ меня твоимъ писаніемъ; чтобы ни сдѣлалось съ богатырской головой, все Господь устроитъ во славу и во спасеніе. Не скорби, а паче радуйся: ему нужно сіе для его славы и пользы. Благодари Бога за все; смотри не на сущая, а на грядущая. Я дивное объ немъ видѣлъ и прежде за сутки до извѣстія объ немъ было открыто. Я рыдалъ объ немъ сперва, а теперь радуюсь,—съ нимъ Богъ Самъ. Благодѣтельница тебя любитъ и не броситъ. Я къ тебѣ вѣренъ крѣпко. Вспомяни колико ходовъ и исходовъ и всего худого и добраго мнѣ повстрѣчалось.

Подвизайся и мужайся. Твой вѣрный о Христѣ Ф.

P. S. Въ Москвѣ по твоему желанію исполнитъ. И она велѣла сіе тебѣ написать.

Сообщ. Н. И. Барсовъ.

ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

1842—1875.

Глава вторая [1]).

Поэмы.

Изъ поэмъ Лермонтова переведены: «Ангелъ смерти», «Хаджи Абрекъ», «Демонъ» и «Мцыри»; «Измаилъ бея» лишь небольшой отрывокъ; бо́льшая часть переводовъ сдѣлана стихами и весьма недурно, т. е. опять насколько позволяетъ французскій языкъ. Сначала вышли два перевода стихами «Демона» въ 1858 и 1860 гг.; затѣмъ прозой «Хаджи Абрекъ» и прозой же два перевода «Мцыри», 1862 и 1864 годовъ; потомъ явился въ 1866 г. сборникъ, г. Пелана изъ Анжера, съ переводами стихами: «Ангелъ смерти», «Хаджи Абрекъ», «Мцыри» и вторымъ, нѣсколько исправленнымъ, изданіемъ «Демона» и, наконецъ, вышло еще два перевода «Демона», одинъ въ стихахъ, одна первая часть, 1875 г., другой прозой—1877 г. Есть еще переводъ «Демона» стихами, но онъ остался въ рукописи.

Въ предисловіи къ своему сборнику, г. Пеланъ изъ Анжера, на стр. XVIII, заявилъ о намѣреніи своемъ приступить къ переводу: «Измаилъ-бея», «Пѣсни про царя Ивана Васильевича», «Валерика» и проч., но не привелъ своего намѣренія въ исполненіе.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXIV, апрѣль, стр. 221—240; май, стр. 483—498.

1) «Ангелъ смерти» (1831 г., т. II, стр. 227—244) одинъ переводъ, стихами, въ книгѣ г. Пелана изъ Анжера: Chefs-d'oeuvre poétiques de Lermontoff, le poéte du Caucase, стр. 139—166.

Г. Пеланъ въ предисловіи заявляетъ, что онъ встрѣтилъ особенныя трудности при переводѣ этой поэмы; дѣйствительно это былъ трудъ не легкій и г. Пеланъ вышелъ изъ него, насколько могъ, съ честью; держась по возможности подлинника, онъ передаетъ всѣ мысли поэта, но довольно часто встрѣчаются неточности, небольшія сокращенія и пропуски, мѣстами же г. Пеланъ прибавляетъ и своего, но очень немного и только тамъ, гдѣ это почти необходимо для пополненія стиха,—вообще это самый слабый изъ сдѣланныхъ имъ переводовъ. Въ одномъ нельзя его не упрекнуть, зачѣмъ онъ измѣнилъ порядокъ раздѣленія поэмы на строфы? У Лермонтова 24, у г. Пелана только 19 строфъ; оно бы еще ничего, если бы онъ ограничился тѣмъ, что слилъ бы двѣ-три строфы въ одну, но онъ сдѣлалъ новыя, между тѣмъ поэтъ, безъ сомнѣнія, съ извѣстною ему цѣлью, раздѣлилъ поэму на строфы такъ, а не иначе. Посвященіе А. М В—й не переведено. Первыя три строфы, служащія введеніемъ къ поэмѣ, не отдѣлены чертой. Для примѣра приведемъ три небольшія отрывка, причемъ отмѣтимъ попадающіяся неточности. Начало первой строфы:

Le riche Orient d o r t, ce merveilleux séjour
Que la volupté b e r c e au souffle de l'amour,
Où d'un splendide éclat p a r t o u t brille la rose,
Cette fille des cieux, s o u s l e u r s b a i s e r s é c l o s e;
Pays où tout abonde, excepté le bonheur; (стр. 141).

* * *

Златой востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза—дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья, (стр. 227).

Переводъ вѣренъ, а все подчеркнутое прибавлено для составленія французскихъ стиховъ.

Конецъ седьмой строфы:

Seule, Ada possédait sa suprême tendresse:
Et cet amour profond, c e t t e i n c e s s a n t e i v r e s s e
Dominait tout en lui,—pensée et sentiment
E l l e r e p o s a i t l à, f r o i d e e t s a n s m o u v e m e n t,
S o n A d a d o n t l a m o r t a d é v o r é l e s c h a r m e s...
Et cependant ses yeux ne versaient point de larmes;
Mais on pouvait juger à sa morne pâleur
Qu'il a vaincu la mort à force de douleur.... (стр. 150).

* * *

Одна была лишь имъ любима;
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
И онъ не плакалъ... Но понятно
По цвѣту блѣдному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно (стр. 233).

Подчеркнутое—въ переводѣ прибавлено, а въ подлинникѣ не переведено; эти стихи не были окончательно отдѣланы Лермонтовымъ, (изд. 1880 г., стр. 233, т. II), а потому они нѣсколько темны, а г. Пеланъ, вѣроятно, желая темное разъяснить, написалъ очень плохо.

Конецъ восьмой строфы:

Et tous les sentiments que rien n'use ou n'altère,
Sentiments éternels comme l'éternité,
Se fondent en un seul dans son coeur agité.
Et comme si la mort n'eût jamais dans son âme
Etouffé de l'amour la dévorante flamme,
Elle sacrifia ses goûts et ses plaisirs
Aux voeux de son amant, à ses moindres désirs, (стр. 151, 152).

* * *

И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.
Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои—
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердце жаръ любви!... (стр. 234).

Мы выбрали слабые отрывки изъ перевода, но и въ нихъ даже г. Пеланъ довольно вѣрно передаетъ мысли поэта, хотя въ то же время много прибавляетъ своего (все подчеркнутое) и переводъ этотъ далекъ отъ той точности, которою отличались переводы мелкихъ стихотвореній Лермонтова; г. Пеланъ лучше бы сдѣлалъ, если бы не переводилъ этой окончательно не отдѣланной поэмы.

2) «Измаилъ бей» (1832 г., т. I, стр. 2—74). Одинъ небольшой отрывокъ въ Revue des deux mondes 1855 г. февраля 1, стр. 506, и въ книгѣ Allemagne et Russie (стр. 276, 277) par Saint-René Taillandier, въ статьѣ: Poètes et romanciers de la Russie: Le poète du Caucase Michel Lermontoff; этотъ отрывокъ переведенъ прозой (т. I, стр. 2 и 3), первая строфа: Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!—до шестаго стиха, второй строфы: Какъ стражи откликаются ночные; положительно странно, что почти ни одинъ французъ не можетъ переводить чужихъ стиховъ, даже прозой, не прибавляя своего; г. Тал-

ландье не отступилъ отъ этого общаго правила и дополнилъ Лермонтова, въ этомъ незначительномъ отрывкѣ, напр.:

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы.

переведено:

Combien j'aimais, ô Caucase, et tes belles filles sauvages, et les moeurs guerrières de tes fils.

Лермонтовъ въ этомъ мѣстѣ поэмы и не упоминаетъ о красныхъ дѣвушкахъ, а г. Талландье пополнилъ это упущеніе, прибавивъ: и твоихъ прекрасныхъ дикихъ дѣвъ, пропустивъ въ то же время слово величавый — качество, приданное поэтомъ Кавказу. Г. Талландье, при составленіи своей статьи, особенно пользовался Боденштедтомъ, но и въ переводѣ Боденштедта «Измаилъ бея» ни слова не упомянуто о belles filles sauvages.

3) «Хаджи Абрекъ» (1833 г., т. II, стр. 406—420). Два перевода, одинъ прозой, другой стихами.

a) Bibliothèque universelle et revue Suisse, 67-ème année, nouvelle période, tome XIII, Genève 1862, на стр. 52—81, статья Henri Richard: Michel Lermontoff.

«Hadgi-Abrek» (стр. 55—64) переведенъ прозой довольно вѣрно, но съ частыми пропусками или сокращеніями, по одному и по два стиха, и съ нѣкоторыми неточностями; напр.

Стихъ: Нѣтъ—только жалость и досада, переведенъ стр. 55: Non, la pitié et la tristesse—досада не означаетъ tristesse—a dépit.

Толпа раздвинулась кругомъ, переведено стр. 57: Et la foule silencieuse se presse autour de lui, переведено на оборотъ: Молчаливая толпа стѣсняется около него.

И нѣги сладостная власть
Плечо исторгнула изъ плѣна;

первый стихъ въ переводѣ пропущенъ, а второй переданъ не вѣрно, стр. 58: tes épaules sont négligemment découvertes, т. е. твои плечи небрежно открыты.

Твой часъ пробилъ еще вчера, переведено стр. 61: Ce soir même ton heure est venue, т. е. Въ вечеръ этотъ самый, твой часъ насталъ.

Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа какъ адомъ вся зажглась.

Переведено (стр. 61): Quand, pour la première fois, j'ai vu aujourd'-

lui ton charmant visage, en proie à une douleur amère j'éprouvai les tourments de l'enfer. Переводчикъ не понялъ смысла этихъ стиховъ, такъ какъ стихъ: Тоскою горькой и мятежной, вовсе не относится къ образу Леилы, и т. д. много въ этомъ родѣ.

б) Въ сборникѣ г. Пеланъ изъ Анжера, стихами: «Hadji-Abrek», стр. 73—97. Переводъ вѣренъ, и г. Пеланъ, слово за словомъ, стихъ за стихомъ, идетъ за подлинникомъ, но какъ и въ переводѣ «Ангела смерти», для пополненія стиховъ, онъ добавляетъ свои слова; иногда эти прибавленія совсѣмъ не кстати, напр.

Въ одномъ узнали Бей-Булата;
Никто другаго не узналъ;

переведено, стр. 97:

L'un d'eux était le traitre
Boulat-Bey.—Quand à l'autre, on n'a pu le connaitre.

Здѣсь почему-то Бей-Булатъ названъ traitre — измѣнникъ, и затѣмъ смыслъ втораго стиха тотъ, что странники какъ будто бы старались узнать, чей былъ второй трупъ и такъ и не узнали.

Въ другомъ мѣстѣ, на стр. 82: Une vierge est assise à l'ombre, près du seuil:—C'est une Lesguienne; это переводъ стиховъ:

Въ тѣни прохладной, у порога
Лезгинка юная сидитъ.

Une vierge, названіе не совсѣмъ умѣстное для Леилы, живущей въ домѣ Бей-Булата.

Или стихи:

И нѣги сладостная власть
Плечо исторгнула изъ плѣна,

переведено, стр. 82:

Sous un charme puissant glissent ces noeuds fragiles
Qui voilaient ton épaule au doux rayon du ciel;

тутъ ужъ поэтическая мысль поэта совершенно извращена. Бей-Булатъ переводится то Bey-Boulat, то Boulat-Bey, смотря по требованію ударенія въ стихѣ. Подобныхъ вышеприведеннымъ неточностей найдется много, если прослѣдить весь переводъ поэмы, — но вообще чтеніе «Хаджи-Абрека» оставляетъ болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ переводъ «Ангела смерти», надъ которымъ чувствуется, что переводчикъ слишкомъ трудился. Точно также какъ и въ «Ангелѣ смерти», г. Пеланъ не держался порядка раздѣленія поэмы на строфы.

4) «Демонъ» (1838 г. т. I, стр. 110—146). Въ стихахъ, два полныхъ перевода, одна первая часть и ненапечатанный переводъ въ рукописи; прозой одинъ переводъ.

a) Le Démon, poëme par Lermontoff, traduit en vers Français, par P. Pelan d'Angers, Paris 1858, Dentu, въ 12 д. л., стр. V и 96. «Демонъ», поэма Лермонтова, переведенная французскими стихами г. Пеланъ изъ Анжера и проч.

Предисловіе къ переводу «Демона» на трехъ страницахъ, нѣсколько словъ о Лермонтовѣ и о переводѣ поэмы, и между прочимъ г. Пеланъ говоритъ: «уже нѣсколько добросовѣстныхъ и талантливыхъ писателей: Делаво, Віардо, Дуэръ, Моро (Moreau) и проч. старались ознакомить Францію съ красотами русской литературы, столь богатой образцовыми произведеніями, такъ мало извѣстными въ нашемъ отечествѣ, но получилъ ли ихъ трудъ должное возмездіе? Сомнѣваюсь! предлагаю переводъ поэмы «Демонъ»; между произведеніями Лермонтова «Демонъ» стоитъ на первомъ ряду, и всякій сколько нибудь образованный русскій знаетъ его наизусть». Къ этому можемъ только прибавить, что въ настоящее время брошюра г. Пеланъ—библіографическая рѣдкость и даже въ Парижѣ ее трудно найти, и слѣдовательно публика приняла его первый переводъ хорошо. Въ томъ же предисловіи, очень вѣрный переводъ въ прозѣ: Посвященіе къ поэмѣ «Демонъ» (т. II, стр. 255, 256): Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣніе...

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г. т. 121, отд. III: Новости наукъ, исскуствъ и литературы, стр. 11—22, помѣщенъ разборъ перевода поэмы «Демонъ» г. Пеланъ изъ Анжера, подписанный П. Б—нъ. На первыхъ трехъ страницахъ говорится о поэмѣ вообще и о главныхъ дѣйствующихъ въ ней лицахъ, въ особенности о Демонѣ и о Тамарѣ. Переходя затѣмъ къ переводу, рецензентъ отъ души благодаритъ г. Пелана за то, что онъ взялся ознакомить Европу съ однимъ изъ лучшихъ произведеній прогрессивнаго движенія въ нашемъ отечествѣ. Далѣе г. П. Б—нъ приводитъ тѣ строфы, которыя, по его крайнему убѣжденію, въ переводѣ оказываются достойными своего подлинника, прилагая для наглядности эти строфы и по русски. Приведенныя мѣста, говоритъ г. П. Б—нъ свидѣтельствуютъ о большомъ дарованіи, но къ сожалѣнію не весь «Демонъ» переведенъ такими стихами, и засимъ обращаетъ вниманіе на тѣ мѣста перевода, въ которыхъ онъ измѣняетъ характеру подлинника, и это не въ укоръ переводчику, а лишь изъ уваженія къ его таланту. Недостатки разбираемаго нами перевода, продолжаетъ рецензентъ, состоятъ въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, противурѣчащихъ отчасти

характеру дѣйствующихъ въ поэмѣ лицъ, отчасти характеру переводимаго поэта; иногда г. Пеланъ придаетъ Демону и Тамарѣ такія черты, которыхъ не думалъ придавать имъ Лермонтовъ; иногда же облекаетъ мысль, дѣйствительно принадлежащую Лермонтову, въ такую форму, которая была бы можетъ быть хороша для какого нибудь Ламартина, но не пристала нашему Лермонтову, и затѣмъ приводятся слѣдующіе примѣры: часть I, строфа VI, стр. 11, отъ стиха: Tout à coup Tamara saisit son tambourin, до конца строфы; г. Б—нъ говоритъ, что переводчикъ совершенно не понялъ Тамары и представилъ ее какою-то упоенной вакханкой, неистово пляшущей подъ вліяніемъ нечистыхъ побужденій, чтобы возбуждать въ другихъ такія же вожделѣнія; онъ отнялъ у картины всю ея граціозность и наложилъ на нее печать грубой, отталкивающей чувственности. Также искаженъ образъ умершей Тамары.

Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея лица,

переведено:

De son front alangui la pâleur vaporeuse
Comme un voile léger, diaphane, s'étend (стр. 79).

т. е. потная блѣдность ея осунувшагося лба стелется легкимъ, прозрачнымъ покрываломъ. Не понравился также г. Б—нъ, переводъ конца XV строфы первой части: L'aurore me verra—De songes radieux enivrant Tamara!... (стр. 30). Сны—дѣло ночи, и духъ тьмы свѣта не любитъ, замѣчаетъ рецензентъ; слова Демона изъ VIII строфы второй части переведены совсѣмъ не вѣрно:

На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;

переведено:

J'ai courbé mon orgueil pour ramper sous sa loi! (стр. 51).

Но самый важный недостатокъ въ переводѣ г. Пеланъ, по мнѣнію г. Б—нъ, тотъ, что онъ не вникъ въ стиль своего оригинала и не замѣтилъ его отличительнаго характера; взамѣнъ самыхъ простыхъ словъ и выраженій, являются изысканныя фразы, напр.:

Цвѣтными вышито шелками
Его сѣдло;

переведено:

Sur sa selle la soie a versé les trésors
De merveilleux dessins; (стр. 19).

т. е. шелкъ разсыпалъ по его сѣдлу сокровища дивныхъ узоровъ; Казбекъ (ч. II, строфа IV) названъ: Кавказа царь могучій; переведено: le Kasbek, monarque tout puissant (стр. 42), т. е. Казбекъ монархъ всемогущій; у Лермонтова Тамара просто лежитъ въ гробу, у Пелана: Sur la couche où jamais ne descend le reveil (стр. 79), т. е. ложе, куда не сходитъ пробужденіе.

У Лермонтова Демонъ смотритъ злобнымъ взглядомъ на ангела, несущаго къ небесамъ душу Тамары, у Пелана: De sa fauve prunelle les sinistres éclairs rougissent l'horizon... (стр. 83), т. е. злосчастныя молніи его хищной зѣницы окрашиваютъ горизонтъ.

Въ заключеніе г. П. Б—нъ говоритъ о простотѣ и естественности выраженій въ стихахъ Лермонтова, не схваченныхъ переводчикомъ, и для сравненія желаетъ привести цѣлую строфу клятвы Демона — Тамарѣ, (но строфа эта въ «Отечественныхъ Запискахъ» не помѣщена), и надѣется, что при второмъ изданіи перевода поэмы, всѣ указанные недостатки могутъ быть легко исправлены, такъ какъ онъ ожидаетъ этого изданія, судя по пріему, сдѣланному заграничной публикой книгѣ г. Пелана.

Дѣйствительно г. Пеланъ вновь издалъ свой переводъ «Демона», черезъ восемь лѣтъ, но не отдѣльно, а въ своемъ сборникѣ: Chefs-d'oeuvre poétiques de Lermontoff (стр. 1—71). При сличеніи стараго и новаго изданія, оказывается, что г. Пеланъ, въ новомъ изданіи, сдѣлалъ самыя незначительныя исправленія, около десяти, заключающіяся лишь въ замѣнѣ одного слова другимъ, но одно замѣчаніе г. П. Б—нъ онъ принялъ къ свѣдѣнію и исполненію и вмѣсто:

L'aurore me verra
De songes radieux enivrant Tamara (стр. 30).
L'aube me surprendra
De songes radieux enivrant Tamara (стр. 23).

Переводъ дѣйствительно очень не дуренъ, но нельзя не согласиться со многими замѣчаніями г. П. Б—нъ; очень жаль, что г. Пеланъ ими не воспользовался при перепечаткѣ своего перевода, который только бы отъ того выигралъ — но это было бы почти равносильно взяться за работу снова. Нельзя не сдѣлать при томъ замѣчанія, что рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ» не былъ силенъ въ переводѣ съ французскаго языка.

Есть другая рецензія на тотъ же переводъ «Демона», или скорѣе рецензія на рецензію г. П. Б—нъ, въ «Московскомъ Обозрѣніи» 1859 г. книга I, въ отдѣлѣ современной литературы, стр. 85—89. Сначала переводъ краткаго разбора о книгѣ г. Пелана, изъ брюссельской газеты «Le Nord» 15 августа 1858 т., № 227; затѣмъ «Мо-

сковское Обозрѣніе» объясняетъ, что русскіе не могутъ удовлетворяться переводами своихъ поэтовъ, большею частью плохихъ, и французской метрикой силлабическаго размѣра, но признаетъ однако, что переводъ г. Пелана одинъ изъ лучшихъ, и что въ немъ даже есть мѣста, переданныя удачно, и приводитъ тому примѣры. Послѣ того «Московское Обозрѣніе» начинаетъ разбирать вышеприведенную рецензію «Отечественныхъ Записокъ», и удивляется какимъ образомъ можно браться за это дѣло, когда не знаешь французскаго языка и въ доказательство справедливости этого замѣчанія указываетъ на слѣдующее: когда Тамара лежитъ въ гробу у Лермонтова сказано:

Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.

переведено:

De son front alangui la pâleur vaporeuse
Comme un voile léger, diaphane, s'étend (стр. 79).

т. е., переводитъ г. П. Б — нъ: Потная блѣдность ея осунувшагося лба стелется легкимъ туманомъ (стр. 19).

Очень забавно, восклицаетъ «Московское обозрѣніе», какъ рецензентъ, вѣроятно своимъ умомъ, отъ слова vaporeux дошелъ до потнаго; vapeur т. е. паръ, а затѣмъ до потнаго близко. Также другой переводъ не дуренъ; у Лермонтова: Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,—у г. Пелана переведено: De sa fauve prunelle, les sinistres éclairs rougissent l'horizon, (стр. 88); въ «Отечественныхъ Запискахъ» стр. 21, переведено: злосчастныя молніи его хищной зенницы окрашиваютъ горизонтъ. Изъ этого перевода слѣдуетъ, что sinistre значитъ злосчастный, a fauve prunelle—хищная зенница. Изъ этихъ двухъ примѣровъ, замѣчаетъ «Московское Обозрѣніе», нельзя не заключить, что рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ» плохъ былъ по части французскаго языка. Наконецъ, «Московское Обозрѣніе» сильно напало на г. П. Б-нъ, за то что онъ на стр. 18 позволилъ себѣ выраженіе: «для какого нибудь Ламартина», которое, конечно, извинительно только по незнанію французскаго языка.

Есть и французская рецензія на переводъ «Демона» г. Пеланъ изъ Анжера: въ L'année littèraire et dramatique, première année 1858, par G. Vapereau; Литературное и драматическое обозрѣніе, годъ первый 1858, г. Вапро, на стран. 38—42. Сдѣлавъ бѣглый обзоръ французской поэтической литературы, говоритъ г. Вапро, бросимъ взглядъ на нѣсколько произведеній иностранной литературы, дошедшихъ до насъ помощью переводовъ. Самыя замѣчательныя пришли

къ намъ изъ страны, съ которой мы до сего времени, къ сожалѣнію для нашей же пользы, не входили въ сношенія, въ видѣ международнаго обмѣна—изъ Россіи. Произведеніе самое замѣчательное это поэма «Демонъ», переведенная французскими стихами г. Пеланъ изъ Анжера; «Демонъ» признанъ образцовымъ твореніемъ знаменитаго русскаго поэта и содержаніе поэмы полно простоты и величія; затѣмъ г. Вапро излагаетъ краткій пересказъ поэмы, и какъ образцы приводитъ два отрывка изъ перевода: 1) И Демонъ видѣлъ... на мгновенье, и 2) Изчезни мрачный духъ сомнѣнья; при этомъ г. Вапро заявляетъ, что эти два отрывка познакомятъ, если не съ манерою русскаго поэта, то по крайней мѣрѣ его переводчика. Общіе отзывы критики о переводѣ г. Пеланъ удовлетворительны, продолжаетъ г. Вапро, и приведенные два отрывка доказываютъ, что онъ не безъ достоинствъ; говорятъ, что онъ вѣренъ, мы объ этомъ судить не беремся (г. Вапро русскаго языка не знаетъ), но одно только ясно, что въ немъ ничего нѣтъ общаго, по слогу, съ тѣми передѣлками (paraphrases), съ условно щеголеватой отдѣлкой, которую извѣстная школа ввела когда то въ моду, подъ предлогомъ такъ называемыхъ поэтическихъ переводовъ; здѣсь же чувствуется, при трезвости (sobriété) слога, нѣкоторая часть силы самаго оригинала. Г. Вапро это чувствуетъ и по наитію совершенно правъ,—далѣе онъ говоритъ о переводахъ вообще и о томъ какъ трудно хорошо переводить стихи, о томъ какъ многіе переводчики грѣшили, напр. Делиль, который бросилъ въ одну и ту же форму: Потерянный рай и Георгики, т. е. приравнялъ по слогу Мильтона и Виргилія, и наконецъ заключаетъ тѣмъ, что онъ отдаетъ предпочтеніе переводамъ стиховъ—прозой. Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ нельзя вполнѣ согласиться, все зависитъ отъ того, кто взялся переводить стихи: талантъ или плохая посредственность,—Жуковскій или графъ Евгеній де Порри.—Кстати о г. де Порри; послѣ разбора Демона, въ обозрѣніи г. Вапро, идетъ разборъ четырехъ брошюръ, содержащихъ переводы поэмъ А. С. Пушкина, сдѣланныхъ г. де Порри (см. нашу статью, въ изд. «Древняя и Новая Россія» 1880 г.: Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей) и вотъ какими словами г. Вапро начинаетъ этотъ разборъ: мы сомнѣваемся, чтобы всѣ вышеприведенныя условія передачи поэтовъ, такъ трудно согласуемыхъ, могли бы соединиться въ четырехъ переводахъ, которые г. Евгеній де Порри далъ намъ съ великаго русскаго поэта Пушкина.

Какъ мы уже упоминали, г. Вапро не знаетъ русскаго языка, въ чемъ самъ и сознается, но онъ, такъ сказать, по чутью отдѣлилъ плевелы отъ здороваго зерна; отбрасывая вопросъ о французскомъ

слогѣ и стихосложеніи, онъ заявляетъ, что г Пеланъ,—хоть частью передалъ могучую силу оригинала. и сомнѣвается въ томъ, нашелъ ли Пушкинъ въ г. де-Порри вѣрнаго своего переводчика? А для таковой оцѣнки и не надо сравнивать переводы съ подлинниками.

Вмѣсто двухъ частей, какъ у Лермонтова, г. Пеланъ раздѣлилъ поэму на три пѣсни (chants): первая оканчивается какъ у Лермонтова; вторая—до XIII строфы, второй части: Какъ Пери спящая мила; третья пѣснь начинается XIII строфой до конца, включая эпилогъ; въ первой части, какъ у Лермонтова, шестьнадцать строфъ; во второй одиннадцать строфъ; въ третьей восемь строфъ, такъ какъ эпилогъ раздѣленъ г. Пеланъ на три строфы.—Во второй пѣсни восьмая и девятая строфа слиты въ одну. Само собою разумѣется, г. Пеланъ переводилъ съ вѣрнаго рукописнаго списка, почти тождественнаго съ текстомъ, помѣщеннымъ въ изданіи 1860 г., т. е. почти безъ цензурныхъ пропусковъ; такимъ образомъ поэма «Демонъ» въ полномъ видѣ явилась впервые въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ въ переводѣ Боденштедта, въ 1852 г., а по французски въ 1858 году, а между тѣмъ въ 1856 г. вышло 4-е Глазуновское изданіе, со всѣми пропусками перваго изданія 1847 г.

Принимая во вниманіе, что при разборѣ трехъ переводовъ стихами поэмы «Демонъ», невозможно приводить образцами значительныхъ отрывковъ, и что для сравненія необходимо приводить одни и тѣ же отрывки, мы приводимъ VIII и IX строфы первой части поэмы, и именно первой части, потому что третій переводчикъ г. Бріавуанъ де-Легей перевелъ одну только первую часть.—IX строфа, такъ сказать, лучшая изъ лучшихъ въ первой части, а VIII находится съ нею въ весьма тѣсной связи—вотъ почему мы остановились на этомъ выборѣ.

VIII. Une [1]) dernière fois Tamara danse encore..—
D'une esclave demain, hélas! le triste sort,
Des parents inconnus, une terre étrangère,
Du vieux prince Goudal attendaient l'héritière...
Pour la joyeuse enfant adieu la liberté!
De noirs pressentiments dans son coeur agité
Se pressaient bien souvent, et sur ses traits limpides
Comme une ombre glissaient ténébreux et rapides;—
Mais tous ses mouvements, accords harmonieux,
Si simples, ondulaient, expressifs, gracieux,
Que si dans ce moment l'ange aux sombres colères

---

[1]) Во второмъ изданіи исправлено: Pour la и т. д.

L'eût vue,—au souvenir des chérubins,—ses frères
Dans les jours d'autrefois,—il aurait admiré ..
Et, détournant la tête, il aurait soupiré!!!

* * *

IX. Et le Démon a vu...—Soudain, inexprimable,
Un transport frémissant parcourt l'ange coupable...
Dans son coeur de maudit,—aride et froid désert,—
Une joyeuse voix résonne en doux concert,
De la beauté, du bien la pure et sainte flamme,
Comprise de nouveau, rayonne dans son âme...
Longtemps il contempla, muet et gémissant,
D'un regard enivré ce tableau ravissant;—
Et ses jours de bonheur, de calme et d'innocence
Se déroulent alors comme une chaîne immense;
Comme l'astre suit l'astre, ils passent radieux...
Le superbe ennemi de la terre et des cieux,
Vaincu, dompté, courbé sous la force invincible
Qui l'entraîne et l'étreint incessante, invisible,
Prête une oreille amie au langage enchanteur
Qu'un sentiment nouveau réveille dans son coeur.

б) Le Démon, légende orientale, par Lermontow, traduction de T. Anossow, Paris 1860, J. Claye въ 8 д. л. 79 стр.—Демонъ, восточная легенда, переводъ Т. Аносовой, Парижъ 1860 г. и т. д.

Своему переводу г-жа Аносова предпосылаетъ небольшое предисловіе на четырехъ страницахъ, въ которомъ излагаетъ свой взглядъ на Лермонтова, дѣлаетъ ему характеристику, объясняетъ значеніе поэмы Демонъ, а въ концѣ обѣщаетъ, что въ случаѣ успѣха перваго ея перевода, тогда предприметъ переводъ еще нѣсколькихъ твореній того же поэта... но обѣщаніе это также не было исполнено.

Имѣлъ ли переводъ г-жи Аносовой успѣхъ, въ этомъ мы сомнѣваемся, во первыхъ потому, что изданіе г-жи Аносовой постигла печальная участь, оно должно быть частью залежалось въ кладовой покойнаго книгопродавца Исакова, такъ какъ въ послѣднее время оно явилось въ предложеніи, за весьма умѣренную цѣну, у торговцевъ газетами возлѣ пассажа; во вторыхъ, мы не нашли ни одной критики или разбора во французской періодической печати, а въ русской журналистикѣ лишь одну рецензію, которая появилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 года, 24 іюня № 138, написанную г. Рагозинымъ.

Рецензентъ, признавая переводъ хорошимъ, и что г-жа Аносова обладаетъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, удивляется, что мѣстами является по нѣсколько страницъ, которыхъ нѣтъ ни въ послѣднемъ Глазуновскомъ изданіи, ни въ Шнейдеровскомъ изданіи

(Берлинъ 1856 г.); точно также рецензентъ, имѣя въ рукахъ въ разное время нѣсколько рукописей Демона, не нашелъ этихъ мѣстъ, а потому проситъ переводчицу сообщить откуда она взяла эти страницы. Авторъ вездѣ, продолжаетъ г. Рагозинъ, прячетъ свою личность, а тутъ на одиннадцати страницахъ говоритъ отъ себя; заподозрить г-жу Аносову въ прибавленіи собственныхъ сочиненій онъ не можетъ,—тѣмъ болѣе, что прибавленныя страницы и строфы проникнуты духомъ всей поэмы и встрѣчаются чудные стихи; затѣмъ г. Рагозинъ перечисляетъ всѣ эти вставки, а равно внесенныя въ текстъ варіанты перевода, приведенные въ выноскахъ въ Глазуновскомъ изданіи. Такимъ образомъ прибавлено въ переводѣ г-жи Аносовой слѣдующее: въ первой части, во второй строфѣ: послѣдній стихъ на 6-й стр. и первые пять стиховъ на 7 стр.; съ 8 стр. до 12 стр. т. е. съ III до VII строфы; во второй части вся VIII строфа, стр. 40, 41; строфа IX значительно дополнена, стр. 42, 43, 44; прибавлено начало XI строфы, стр. 45; въ той же строфѣ, послѣ стиха: Temple vaste sans déité, прибавлено на стр. 48 и 49; строфа XIV, также, на стр. 62, 63, 64. Переводу повредили также вставленные рядомъ съ тѣми мѣстами, которыхъ они замѣняютъ, варіанты; напр. варіантъ XIII строфы II части поэмы вставленъ въ переводъ отдѣльной строфой XVI, стр. 66, 67; XIV строфа соединена въ переводѣ съ варіантомъ XVII строфы, стр. 67, 68, 69. Все это г. Рагозинъ вывелъ изъ сличенія перевода г-жи Аносовой съ имѣющимися у него рукописями и послѣднимъ изданіемъ 1856 года, хотя въ то время, когда онъ писалъ свою рецензію (1861 г.), вышло уже изданіе 1860 г. редакціи С. С. Дудышкина.

Дѣйствительно, г-жа Аносова переводила «Демона» съ любопытнаго рукописнаго сборника; составитель его собралъ воедино все ему извѣстное изъ поэмы «Демонъ», и такимъ образомъ въ него вошли: поэма въ окончательной отдѣлкѣ, четвертый очеркъ «Демона» и очень много варіантовъ,—приклеенныхъ, по собственнымъ соображеніямъ, тамъ, гдѣ казалось приличнѣе. Этого г. Рагозинъ не могъ знать, такъ какъ четвертый очеркъ въ то время не былъ еще напечатанъ. Вслѣдствіе выше приведеннаго, въ переводѣ г-жи Аносовой, въ первой части поэмы двадцать строфъ, вмѣсто шестнадцати; во второй восемнадцать, вмѣсто шестнадцати строфъ; въ концѣ эпилогъ, и затѣмъ переводъ, въ стихахъ же, посвященія: Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣніе.

Вотъ отзывъ г. Рагозина о переводѣ вообще: что касается самаго перевода г-жи Аносовой,—онъ подстрочный и мѣстами доходитъ до изящества; особенно хорошо переведена вторая часть поэмы, а разговоръ Демона съ Тамарой безукоризненъ: та же грація, та же гармо-

нія, таже сила, съ сохраненіемъ малѣйшихъ оттѣнковъ идеи автора. Особенно граціозно передана сцена нашептыванія Демона въ первой части. Не удовлетворили г. Рагозина окончательныя стихи нѣкоторыхъ начальныхъ строфъ первой части, такъ какъ эти стихи всего болѣе обрисовываютъ личность Демона, а потому требуютъ тщательнаго перевода, и т. д.

Съ отзывомъ г. Рагозина согласиться нельзя—подстрочности въ переводѣ нѣтъ, такъ какъ весьма часты пропуски по одному и по два стиха, безъ всякой видимой нужды, а просто вѣроятно по трудности перевода; точно также попадается очень много перестановокъ стиховъ, не вызываемыхъ требованіями французскаго языка, и переводъ г. Пелана изъ Анжера, относительно подстрочной вѣрности, далеко превосходитъ переводъ г-жи Аносовой; во многихъ мѣстахъ проскакиваетъ не вполнѣ вѣрное знаніе французскаго языка и очень часто не совсѣмъ точное пониманіе мысли проводимой поэтомъ; что же касается до граціи, гармоніи, силы съ сохраненіемъ малѣйшихъ оттѣнковъ идеи поэта, то этого конечно ни требовать, ни ожидать нельзя, особенно на французскомъ языкѣ, а потому объ этомъ долѣе распространяться нечего, тѣмъ болѣе, что манера перевода г-жи Аносовой ясно обрисуется изъ приводимыхъ двухъ строфъ первой части поэмы:

XII (VIII). Elle dansait... Mais son partage,
Dès l'aurore du lendemain,
Devait être un esclavage
Porté dans un pays lointain;
Elle y viendrait en étrangère,
Elle, d'un prince l'héritière,
Thamara, libre et vive enfant!
Et voici qu'un doute pénible
Assombrissait l'air triomphant
De ses beaux traits, et indicible
Etait son moindre mouvement,
Si simple et doux, qu'en ce moment,
Si le banni du ciel terrible
L'eût vu... lors soupirant enfin,
Et voilant son front d'un nuage,
Il eût cru voir passer l'image
D'un frère, chaste séraphin.

* * *

XIII (IX). Il la vit... Vers son âme éteinte
Sembla monter l'émotion
D'une pure émanation;
Et il comprit la beauté sainte

Son alliance avec l'amour;
Et son passé vint jour à jour
Se dérouler comme une chaîne
D'étoiles que la nuit amène,
Et captivé, comme autrefois
Il entendit vibrer la voix
Jadis connue... Est-ce évidence
D'un signe régénérateur?...
Mais nul espoir consolateur
Ne vint alors à sa mémoire,
L'oubli? Oh! mais le Dieu de gloire
N'en donne pas la faculté,
Et lui ne l'eût pas accepté!...

* * *

в) Oeuvres de Lermontoff, traduction nouvelle, par L. Briavoine de Lehaye.—Le Démon.—Première partie.—Livraison 1.—St.-Petersbourg, imprimerie Trenké et Fusnot, 1876, въ 8 д. л. 17 стр., т. е. Творенія Лермонтова, новый переводъ Л. Бріавуанъ де Легей. «Демонъ». Первая часть. Выпускъ первый и т. д. Посвящена переводчикомъ дѣвицѣ А. Малиновской. Переведена только первая часть, 16 строфъ, но, судя по пышному заглавію, слѣдовало ожидать продолженія; до сего времени его не было, ну и жалѣть о томъ нечего. Распространяться объ этомъ убогомъ переводѣ незачѣмъ, достаточно было бы привести только для сравненія VIII и IX строфы, но трудно устоять противъ соблазна привести два-три курьоза, показывающіе во очію, какъ г. Бріавуанъ понялъ принятый имъ на себя не по силамъ трудъ:

III строфа:

Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица,

переведено:

Semblables le Dorjal jetait ses cascatelles,
Et le noir Téria, qui parmi les torrents (стр. 6).

V строфа:

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ, послушнымъ съ давнихъ поръ;

переведено:

Au prix d'un long travail et de larmes amères,
Goudal, le viellard, s'était fait élever
Un splendide palais, des salles princières.

Des claves, esque déjà l'aube faisaient lever,
Menaient vers les sommets ses immenses troupeaux (стр. 8).

т. е. цѣною продолжительнаго труда и горькихъ слезъ, Гудалъ, старикъ, себѣ построилъ великолѣпный дворецъ, княжескія залы. Рабы, которыхъ утренняя заря уже подымала, водили къ вершинамъ его громадныя стада. Всего этого у Лермонтова ни одного слова.

X строфа:

Питомецъ рѣзвый Карабаха,

переведено:

Le fier palefroi, que dressa le fameux
Karaback (стр. 12).

т. е. какъ будто Карабахъ берейторъ или татерсалъ, и т. д. и т. д. много въ этомъ родѣ. Демонъ почти вездѣ названъ почему-то Lucifer.

VIII. Hélas! elle dansait sa dernière danse!
Quel sort, le lendemain, l'attendait au réveil?
La fille de Goudal, au lever du Soleil,
Devait, de son bonheur, passer à la souffrance,
Perdre sa liberté, vivre en esclavage,
Sur la terre étrangère, exposée a l'outrage!
Souvent un doute horrible obscurcissait la face
Rayonnante autrefois comme l'astre d'en haut.
Le charme si naïf, la si touchante grâce
De tous ses mouvements eût surpris le méchant,
S'il l'avait regardée alors que bien haut
Il suivait son vol: un souvenir délirant,
Lui représentant les légions impeccables
De ses frères perdus, eût tourné ses coupables
Regards vers lui même et l'eût fait soupirer.

* * *

IX. Le Démon contemplait; se sentant pénétrer
Pour un moment, un seul, de quelque inexplicable
Emotion, son coeur sec par ce spectacle aimable
Fut touché jusqu'au fond: comprenant de nouveau
Le pouvoir de l'amour, du bien, et du beau,
Longtemps il admira ces merveilleuses
Visions de vertus, revoyant les nombreuses
Illusions du passé, dans une longue chaîne,
Comme un astre après l'autre en la nuit sereine
Longtemps se déroulant, l'esprit connut, horrible
Et nouvelle passion, le retour d'une ardeur
Longtemps éteinte dans son triste et morne coeur:

Le sentiment parlait sa langue de jadis.
Etait-ce un pronostic d'un terme enfin permis,
Où finit la torture, où renaît l'espérance?
Signe étrange et frappant de vive passion:
Les mots lui manquaient pour la séduction!
Oublier? Il n'est pas d'oubli, pas de clémence
Pour l'esprit de vengeance et d'orgueil indomptable.

И это называется переводить Лермонтова! брошюра не была пущена въ продажу, отпечатано вѣроятно небольшое число экземпляровъ для автора, но въ импер. публичной библіотекѣ имѣется одинъ экземпляръ, что дало возможность ознакомиться намъ съ этими виршами, достойными знаменитаго автора Телемахиды.

г) Существуетъ еще переводъ «Демона», но нигдѣ ненапечатанный. До нашего свѣдѣнія дошло, что въ зиму 1880 года, въ Ниццѣ было нѣсколько музыкально-литературныхъ вечеровъ, на которыхъ читались отрывки изъ поэмы «Демонъ», французскими стихами. Мы полюбопытствовали узнать, что это за переводъ, и тотчасъ снеслись съ однимъ знакомымъ, проживавшимъ въ Ниццѣ зимы 1880 и 1881 гг. и отъ него узнали слѣдующее: на дняхъ видѣлся съ дамой, которая въ прошломъ году декламировала «Демонъ» на французскомъ языкѣ— и вотъ что она мнѣ сообщила: она читала, по переводу, сдѣланному Vicomte de Mongenet (Виконтъ де Монжене), живущимъ въ Россіи въ Симферополѣ; переводъ этотъ есть у ней въ рукописи и нигдѣ не напечатанъ. Чтенія изъ поэмы «Демонъ» очень понравились посѣтителямъ музыкально-литературныхъ вечеровъ; можетъ быть переводъ дѣйствительно хорошъ, и лучше, чѣмъ до сего времени напечатанные, а можетъ быть и посѣтители музыкально-литературныхъ вечеровъ въ Ниццѣ были снисходительны.

д) Revue Slave 1878 г., première année, Novembre, Varsovie, на стр. 146—163: Tamara, poëme de Lermontoff, traduit du Russe. Это переводъ Демона прозой, подъ другимъ названіемъ: Тамара, въ «Славянскомъ Обозрѣніи» 1878, въ ноябрьской книжкѣ.

Редакція въ выноскѣ объясняетъ: Сообщаемый здѣсь переводъ сдѣланъ гг. Наркіевичемъ и Гильеменъ. Первый изъ нихъ офицеръ столь же уважаемый, какъ и любимый; продолжительное изученіе французскаго языка дозволило ему познать и схватить точный смыслъ каждаго русскаго выраженія; но нужна была искусная рука, которая съумѣла бы придать этому переводу тотъ поэтическій характеръ, который очень трудно передать прозой, въ особенности для того, который не имѣетъ къ тому навыка, и вотъ при помощи таланта г. Гильеменъ, профессора французскаго языка въ Варшавѣ, лекціи

котораго слушаются съ интересомъ и пользою многими поляками и русскими, дѣло было уже не трудное. Мы помѣстили эту поэму, вполнѣ увѣренные, что наши читатели по достоинству оцѣнятъ этотъ милый (jolie) переводъ.

Переводъ этотъ вышелъ и отдѣльной брошюрой подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Tamara, poëme de Lermontoff, traduction de M. M. A. Narkiewicz et Guillemin (extrait de la revue Slave, № Novembre, 1878), Varsovie, imprimerie de Jean Noskowski, 1878, въ 8 д. л. 22 стр.

Переводъ сдѣланъ съ изданія 1873 г., изд. подъ редакціей П. А. Ефремова; въ первой части 16 строфъ, во второй 15; не переведенъ эпилогъ, т. е. то, что за чертой послѣ послѣдней XV строфы. Въ выноскѣ у послѣдней строфы перевода объяснено, что существуютъ двѣ редакціи этого эпилога (?) и переводчики избрали тотъ, который имъ болѣе понравился, т. е. это вышелъ настоящій, а не тотъ, который приведенъ какъ варіантъ, въ выноскѣ въ изданіи 1873 г. Но въ другомъ мѣстѣ, на стр. 21, переводчикамъ понравился и варіантъ, помѣщенный въ выноскѣ въ изданіи 1873 г., и не объясняя того въ примѣчаніи, и уже не дѣлая выбора, просто приклеили варіантъ къ тексту строфы; послѣ перевода послѣдняго стиха XIII строфы: «Какъ бы прощаются съ землею», прибавленъ варіантъ; изъ него сначала пропущено 8 стиховъ, потомъ переведено три,

И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ
Въ пылу страстей и упоенья,

затѣмъ опять пропущено пять стиховъ, и наконецъ все остальное переведено до послѣдняго стиха: «Съ своей вершины ледяной!»... Странно, что переводчики такъ поступили; переводя съ изданія 1873 г., они должны были оставить варіантъ въ выноскѣ, какъ сдѣлано въ подлинникѣ; два пропуска стиховъ сдѣлано ими, такъ какъ эти стихи находятся и въ текстѣ XIII строфы изданія 1873 г.

Переводъ сдѣланъ не дурно, но не смотря на продолжительныя занятія французскимъ языкомъ—одного, и талантъ другаго переводчика, попадаются довольно грубыя ошибки, непростительныя при переводѣ прозой, напр.

Ч. I. стр. XI:

Вдругъ, впереди мелькнули двое,
И больше...

переведено:

Soudain, deux hommes paraissent devant lui pas davantage и т. д. (стр. 9) [1]).

---

[1]) Нумерація страницъ изъ брошюры.

т. е. Вдругъ два человѣка появились передъ нимъ, не болѣ...

стр. XIII.

Но злая пуля осетина
Его во мракѣ догнала.

переведено:

Mais la troupe perfide d'Osetin l'a atteint dans les ténèbres, (стр. 10).

т. е. но шайка вѣроломныхъ осетинъ его поразила во мракѣ.

Стр. XVI.

Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!

переведено:

Il ressemble au soir ces épusculaire (курсивъ въ переводѣ), ni le jour, ni la nuit, ni la clarté, ni les ténèbres (стр. 11).

Къ чему эти: ces épusculaire, которыхъ нѣтъ у Лермонтова и зачѣмъ перестановка мрака и свѣта; вѣроятно для симметріи, у Лермонтова свѣтъ поставленъ послѣднимъ.

Часть II, стр. IV:

Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой

переведено:

Le Kasbek, ce roi puissant du Caucase, avec son turban et son caftan de brocard (стр. 13).

Зачѣмъ тутъ кафтанъ, когда первый лексиконъ, ну хоть Рейфа, покажетъ, что риза chasuble.

Стр. X. Тамара:

Онѣ, увы! прекрасны тоже;
Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
Не смято смертнаго рукой!..

переведено:

Hélas, elles sont plus belles! Ces lis, fleurs virginales, ne sont pas violés comme içi-bas par des mains mortelles (стр. 18).

Здѣсь ужъ нѣтъ ни одного слова Лермонтова.

Стр. XV. И слѣдъ проступка и страданья, переведено: les traces de son crime et de ses douleurs (стр. 22); тутъ все невѣрно: слѣдъ, въ единственномъ числѣ—la trace; crime — преступленье, а проступокъ – faute, большая разница; douleur — скорьбь, печаль; а страданіе—souffrance, и т. д. и не мало такихъ недосмотровъ и ошибокъ. Клятва Демона (стр. X, второй части) значительно сокращена.

5) «Мцыри» (1839, т. I, стр. 157—180). Три перевода, два въ прозѣ одинъ въ стихахъ.

а) Bibliothèque universelle et revue Suisse, 1862 г. (см. выше Хаджи Абрекъ) въ статьѣ г. Ришаръ, стр. 64—81, переводъ прозой, XXV строфъ.

б) Revue moderne, т. 34, 1-го іюля 1864 г. на стран. 31—43, помѣщенъ переводъ въ прозѣ le Novice (Мцыри), подписанный I. Tourguéneff—И. Тургеневъ; въ оглавленіи книжки, на оберткѣ, обозначено, что переводъ: I. Tourguéneff et P. Mérimée. Это послѣднее обстоятельство объясняется въ маленькомъ предисловіи, въ 18 строкъ, предпосланномъ переводу; въ немъ И. С. Тургеневъ излагаетъ краткія біографическія свѣдѣнія о Лермонтовѣ, нѣсколько словъ о поэмѣ Мцыри и объясненіе, что г. Мериме принялъ на себя пересмотръ (la révision) перевода. Слѣдовательно г. Мериме взялся только исправить французскій языкъ, а вѣрность и точность перевода всецѣло остались на И. С. Тургеневѣ, но, къ сожалѣнію, приходится заявить, что переводъ хотя вообще не дуренъ, но не вездѣ вѣренъ, и во многихъ мѣстахъ не точенъ, даже переводъ г. Ришаръ въ этомъ отношеніи чуть ли не выше.

Оба перевода вышли вскорѣ одинъ за другимъ, черезъ два года, оба прозой и вѣроятно переведены съ одного и того же изданія сочиненій Лермонтова (надо думать 1860 г.), что можно заключить по пропускамъ въ обоихъ переводахъ (цензурнымъ), вслѣдствіе чего мы рѣшились, не пускаясь въ какія либо сужденія, сравнить ихъ между собою, и показать отдѣльно оказавшіяся неточности въ каждомъ изъ нихъ.

Въ первомъ переводѣ сдѣланы слѣдующіе пропуски: 1) Эпиграфъ изъ книги царствъ. 2) Въ XXV строфѣ, 6-й стихъ: И онъ прожогъ свою тюрьму. Во второмъ,—эпиграфъ переведенъ по латынѣ, и выпущена вся XXII строфа. Два пропуска въ VIII и XXV строфахъ, не означенные въ русскихъ изданіяхъ точками, тоже не вошли и въ переводы. Въ обоихъ переводахъ по XXV строфъ вмѣсто XXVI; въ первомъ переводѣ вслѣдствіе слитія XXIII и XXIV строфъ въ одну (стр 79, 80); а во второмъ по случаю совершеннаго пропуска XXII строфы. Вотъ главныя неточности обоихъ переводовъ:

Стр. I:

Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой—

1) balaie la poussière qui couvre les dalles des tombeaux, dont les inscriptions parlent de la gloire des temps passés.

2) balaye la poussière des dalles funéraires, et d é c o u v r e l'inscription

qui parle d'une gloire passée, т. е. сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ, и открываетъ надпись одной прошедшей славы.

Первый переводъ подстрочно вѣренъ, кромѣ конца,—точнѣе было бы: de la gloire passée, а во второмъ мысль поэта передана невѣрно: сметая пыль надписи сами открываются, и Лермонтовъ объ открытіи ихъ не упоминаетъ; о славѣ онъ говоритъ неопредѣленно, не говоря объ одной славѣ.

Строфа II:

Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь, иль голодъ испыталъ.

1) Il était excessivement pâle, amaigri et faible, comme s'il avait supporté de grandes fatigues, souffert de la maladie ou de la faim.

2) Il était pâle à faire peur, amaigri, exténué par un long travail, par la maladie ou la faim, т. е. Онъ былъ блѣденъ, такъ что страшно было на него глядѣть, худъ, изнуренъ отъ долгаго труда, отъ болѣзни или голода.

Первый переводъ подстрочно вѣренъ, а во второмъ опять мысль поэта не понята; à faire peur, французское выраженіе, вовсе не передающее, что онъ страшно блѣденъ былъ; у Лермонтова сказано: какъ будто, это главное и оно пропущено въ переводѣ и выходитъ, что блѣдность, худоба и слабость произошли прямо отъ долгаго труда, болѣзни или голода. Слово exténué не выражаетъ слабость (faiblesse), а изнуреніе.

Стр. III:

Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Не много пользы вамъ узнать,—
А душу можно-ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы если бъ могъ.

1) Toutefois, comme je n'ai fait de mal à personne, le récit de mes actions ne te sera d'aucune utilité. Peut-on raconter son âme? J'ai peu vécu, et j'ai vécu dans la captivité. J'aurais volontiers échangé deux vies semblables contre une existence pleine d'alarmes.

2) Moi, je n'ai fait de mal à personne. A quoi bon veux-tu savoir mes actions? Mon âme? puis-je la raconter? J'ai peu vécu, et j'ai vécu captif. Toute cette vie je l'aurais échangée volontiers pour peu de jours, mais actifs et remplis.

Первый переводъ гораздо вѣрнѣе, только слова: еслибъ могъ (si je le pouvais) переданы volontiers, т. е. охотно. Во второмъ переводѣ

слово но переведено moi, (мнѣ); стихъ: Но душу можно-ль разсказать? переведено: Мою душу? могу ли ее разсказать? Совершенно ненужная перестановка; послѣдніе же три стиха совсѣмъ передѣланы: Всю эту жизнь, я бы охотно ее промѣнялъ на немного дней, но дѣятельныхъ и наполненныхъ; такимъ образомъ вѣрно переведенъ только пятый стихъ, но и тутъ слово captif не означаетъ буквально въ плѣну, точнѣе captivité какъ въ первомъ переводѣ; второй и третій стихъ сокращены, а всѣ остальные извращены.

Строфа IV:

Старикъ! Я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ.

1) Vieillard! j'aj souvent entendu dire, que tu m'avais sauvé de la mort— подстрочно вѣрно.

2) Vieillard, j'ai appris que tu m'as plusieurs fois sauvé de la mort.

т. е. старикъ, я узналъ, что ты меня много разъ отъ смерти спасъ. Совершенно не вѣрно, слова: много разъ, относящіяся къ слышанному, перенесены И. С. Тургеневымъ къ спасенію отъ смерти.

Въ той же строфѣ:

Хотя на мигъ когда нибудь

1) Ne fût-ce que pour un instant,

2) N'importe en quel temps, ni pour combien de temps, т. е. что нужды въ какое время и насколько времени.

Въ первомъ переводѣ начало стиха вѣрно, а слова когда-нибудь пропущены; во второмъ—мысль поэта извращена. Подстрочный переводъ этого стиха: Quand même pour un instant, un jour, или точнѣе une fois.

Строфа VII:

Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ.

1) J'entendais les bruits du soir produits par la rentrée des haras.

2) Près de la maison, des troupeaux de chevaux errants, т. е. возлѣ дома табуны скитающихся лошадей.

Первый переводъ вѣренъ, кромѣ слова haras, означающаго конскій заводъ; табунъ можно по французски передать troupeau de chevaux; только это послѣднее слово вѣрно передано во второмъ переводѣ, а все остальное собственное измышленіе переводчика.

Строфа VIII:

О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!

1) Oh! que je fus heureux de serrer dans mes bras l'orage comme un frère, т. е. О! какъ я былъ счастливъ прижать въ объятіяхъ бурю, подобно брату.

2) Oh! moi j'étais heureux de sentir l'embrassement fraternel de la tempête, т. е. О! я былъ счастливъ чувствовать братскія обниманія бури.

Оба перевода не вѣрны, въ первомъ основная мысль поэта сохранена, а во второмъ извращена.

Строфа XV:

И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста.

1) L'obscurité de la nuit m'apparaissait comme des millions d'yeux noirs à travers les branches des buissons, — т. е. ночная темнота являлась мнѣ какъ милліоны черныхъ глазъ сквозь вѣтви кустовъ.

2) Et à travers les branches de chaque buisson, un million d'yeux noirs regardaient l'obscurité de la nuit, т. е. сквозь вѣтви каждаго куста милліоны черныхъ глазъ смотрѣли на ночную темноту.

Оба перевода не точны—первый ближе.

XI строфа очень слабо переведена г. Ришаромъ, и съ пропускомъ стиха: И всѣ природы голоса; затѣмъ въ XIII строфѣ, стихъ: Изгибы длинные чадры,—имъ переведенъ: Elle rejetait en arrière ses longues tresses, т. е. Она откидывала назадъ свои длинныя косы.

Строфа XVIII:

Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.

1) Il se précipita sur moi, mais je réussis à lui enfoncer dans la gorge mon arme, que je retournai deux fois. Il hurla, rassembla ses dernières forces, puis tout deux entrelacés ainsi que des serpents, nous nous étreignîmes et tombâmes à terre, où le combat continua.

2) Il s'élança sur ma poitrine; mais j'eus le temps de lui enfoncer mon arme dans la gorge, et de l'y retourner deux fois. Il se rua sur elle de toutes ses forces, et tout deux, nous étant embrassés plus étroitement que deux amis, enlacés comme une paire de serpents, nous tombâmes, nous roulâmes ensemble. Et la lutte continua dans les ténèbres.

Оба перевода не совсѣмъ точны: въ первомъ, вмѣсто: на грудь переведено sur moi, т. е. на меня; потомъ пропущены слова: Крѣпче двухъ друзей,—и далѣе: во мглѣ. Во второмъ, первые $3^1/_2$ стиха

переведены вѣрно, а въ остальныхъ хотя отчасти изображена картина боя согласно съ мыслію Лермонтова, но переводъ не совсѣмъ точенъ: Il se rua sur elle de toutes ses. forces, т. е. Онъ ринулся на нее изо всѣхъ своихъ силъ,—на кого же барсъ ринулся, кто это нее, должно быть arme, т. е. оружіе, но не то у Лермонтова: слова—онъ завылъ, пропущены; слова: nous roulâmes, т. е. мы покатились, прибавлены; послѣдній стихъ: бой продолжался на землѣ, передѣланъ: бой продолжался во мракѣ.

По весьма понятной причинѣ, мы остановились подолѣе на переводѣ поэмы «Мцыри», сдѣланномъ И. С. Тургеневымъ, и кстати сравнили его съ переводомъ той же поэмы француза или швейцарца г. Генриха Ришара; изъ приведенныхъ примѣровъ ясно видно, что къ сожалѣнію, второй переводъ уступаетъ въ точности первому, хотя переводъ сдѣланъ прозой; само собою разумѣется мы не могли привести всѣхъ неточностей и отступленій отъ подлинника, это заняло бы слишкомъ много мѣста, а ограничились выборкою нѣкоторыхъ, бросающихся болѣе въ глаза. Переводъ г. Ришара тоже далекъ отъ совершенства. Намъ тѣмъ болѣе непонятны эти неточности и отступленія, что при отличномъ знаніи русскаго и французскаго языка, онѣ непростительны, и особенно еще потому, что поэма «Мцыри» полна картинъ и описаній, безо всякихъ особенностей или не переводимыхъ выраженій, и будто создана для отличнаго перевода, конечно прозой, на французскій языкъ.

в) Въ сборникѣ г. Пелана изъ Анжера, «Le Novice», стр. 99—138, XXVI строфъ; пропущены эпиграфъ, и выпущенные въ русскомъ изданіи стихи въ VIII и XXV строфахъ. Переводъ положительно хорошъ и вѣренъ—но не подстрочно; въ иныхъ мѣстахъ есть не большіе пропуски, въ другихъ такія же вставки переводчика, но не цѣлыхъ стиховъ; но почти вездѣ мысль поэта проведена и ясна; изъ поэмъ это лучшій переводъ г. Пелана. Всего лучше въ доказательство вѣрности такого взгляда и для сравненія привести именно тѣ же отрывки изъ поэмы, которые такъ неудачно переданы въ переводѣ И. С. Тургенева, а въ концѣ всю XVIII строфу, содержащую часть описанія боя съ барсомъ:

I строфа:

Il balaye à présent la poudre des tombeaux
Où l'oeil retrouve encor,—funéraires tableaux,—
Fidélement inscrits sur les dalles usée,
D'antiques souvenirs de gloires eclipsée.

* * *

II строфа:

Sur son front s'étendait une paleur horrible;

Il semblait fatigué d'une course pénible,
Brisé par la souffrance, épuisé par la faim...

* * *

III строфа:

Je n'ai point fait de mal,—je n'ai point su haïr;
C'est pourquoi de mes jours racontant le mystère,
Mes aveux t'offriront peu d'intérêt, mon père.
Et son âme, dis-moi, peut-on la raconter?...
Bien courte fut ma vie, et j'ai dû végéter,
Pauvre moine captif, dans l'ombre et le silence.
Oh! que j'aurais donné cette morne existence
Pour quelques jours d'orage et d'agitation!

* * *

IV строфа:

On me l'a dit souvent—c'est grâce à ton amour,
A tes soins paternels que j'ai revu le jour...

* * *

VII строфа:

La brise m'apportait, à l'heure du retour,
Les pas de nos chevaux hennissant dans la plaine

* * *

VIII строфа:

J'aurais voulu, mon père,
Dans ma joie, embrasser l'orage comme un frère!..

* * *

XV строфа:

Avec un million d'yeux la nuit me regardait
A travers les buissons semés sur mon passage;

* * *

XVIII строфа:

Elle revint sur moi d'un bond impétueux;
Mais par deux fois je pus dans sa gorge béante
Enfoncer, retourner mon arme déchirante...
Elle rugit et puis sur moi bondit encor,
Usant toute sa force en un suprême effort;
Et comme deux serpents, comme frère avec frère,
Embrassés, enlacés nous roulâmes à terre,
Luttant, luttant toujours dans l'épais fourré noir.
J'étais en ce moment épouvantable à voir;
Ainsi que la panthère,—et féroce,—et sauvage,—
Frémissant, enflammé, je hurlais avec rage,
Comme si j'étais né sous le rideau des bois
D'une panthère ou bien d'une louve autrefois.
Rien d'humain ne sortait du creux de ma poitrine.
Et ces rauques accents d'une rage férine
S'exhalaient sans effort; on aurait dit qu'enfant
Je les avais déja répétés bien souvent.
Enfin elle faiblit.—Respirant avec peine,

Je la sentis se tordre et d'une étreinte vaine
Me serrer,—pantelante,—une dernière fois,
Et, menaçant encor, ses yeux fixes et froids
Se clorent doucement.—Mais sa farouche audace,
Comme un brave le doit, reçut la mort en face.

* * *

Мы не выбирали ни лучшаго, ни худшаго въ переводѣ, но вездѣ переводъ вѣренъ; послѣ Лермонтовскаго воздушнаго стиха, конечно, не легко читаются тяжелые силлабическіе французскіе стихи. У г. Пелана тоже попадаются, не смотря на все его явное стараніе переводить хорошо, такія выраженія, какъ напр. въ XVIII строфѣ: arme déchirante т. е. разрывающее оружіе, объясняемое только тѣмъ, что нужна была, во что бы то ни стало, рифма. Такъ какъ намъ уже не придется возвращаться къ переводамъ г. Пеланъ, въ заключеніе, считаемъ долгомъ выразить, что его сборникъ: Chefs-d'oeuvre poétiques de Lermontoff, не смотря на нѣкоторые недостатки, представляется свѣтлымъ явленіемъ во французской переводной литературѣ.

Всѣхъ поэмъ Лермонтова переведено четыре и небольшой отрывокъ изъ «Измаилъ-Бея»,—а всѣхъ переводовъ поэмъ: одиннадцать, изъ нихъ семь стихами и четыре прозой.

Поэмы.	стихами.	прозой.
Ангелъ смерти.	1.	—
Демонъ.	4.	1.
Хаджи Абрекъ.	1.	1.
Мцыри.	1.	2.
	7.	4.

Въ числѣ переводовъ Демона, одна первая часть и неизданная рукопись, и затѣмъ Демонъ въ переводѣ г. Пеланъ изъ Анжера имѣлъ два изданія.

Переводчики: Т. Аносова—1, Бріавуанъ-Делегей—1, Виконтъ де-Монжене (рукопись)—1, Наркіевичъ и Гильеменъ—1, Пеланъ изъ Анжера — 4, Ришаръ—2, Отрывокъ изъ Измаила Бея, Сенъ-Рене Таландье—1, И. Тургеневъ—1. Всего 11 и отрывокъ.

В. К. Шульцъ.

1882 г. Спб.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

XXV [1]).

«У губернаторовъ была одна забота, чтобы, сохрани Господи, не было сдѣлано отступленій отъ мѣръ, предначертанныхъ правительствомъ. Предводители дворянства боялись, чтобы, послѣ недавняго погрома (!) дворянъ, не отобрали и послѣднихъ крохъ (!!) въ пользу духовенства (должно быть, что покойный государь, Царь-Освободитель, манифестъ 19 февраля 1861 г. не посылалъ на просмотръ цензора г. Елагина). Какъ дворяне, такъ и всѣ прочія сословія охраняли свои личные интересы. Закрытіе церквей въ видахъ сокращенія причтовъ, при этихъ условіяхъ, представлялось почти единственнымъ соглашеніемъ всѣхъ интересовъ».

Говоря о закрытіи церквей и сокращеніи штатовъ, г. Елагинъ, точно также, какъ и въ рѣчи объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства, накидывается на всѣхъ, кто только прямо или косвенно принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ и приписываетъ имъ такія мысли и дѣла, о чемъ они не думали и не могли думать и, въ своей запальчивости, онъ, чрезъ какія нибудь пять минутъ, забываетъ то, что сказалъ сейчасъ. Все это вмѣстѣ выходитъ и очень комично, и совсѣмъ не къ лицу человѣку, уже не молодому.

«Въ главномъ присутствіи по дѣламъ духовенства засѣдаютъ члены св. Синода и высшіе государственные сановники; забота объ улучшеніи быта духовенства пересилила въ нихъ заботу о спасеніи многихъ милліоновъ христіанъ и русская церковь передѣлана на протестантскій ладъ». Что за-вздоръ! Неужто можно допустить, что-

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1882 г., томъ XXXIII, февраль, стр. 365—401; мартъ, стр. 691—716; томъ XXXIV, апрѣль, стр. 71—104.

бы представители нашей церкви и блюстители православія изъ-за такого пустаго дѣла пожертвовали всѣмъ священнымъ для пастыря церкви? Нѣтъ, не только членовъ св. Синода, но даже и гражданскихъ сановниковъ мы не имѣемъ основанія укорять въ этомъ. Говорить это можетъ одна лишь только злоба. «Въ губернскихъ «присутствіяхъ по обезпеченію духовенства» засѣдали архіереи, губернаторы и представители всѣхъ сословій,—и всѣ они старались отстоять свои личные интересы»,—никто изъ нихъ не хотѣлъ поступиться въ пользу духовенства своею собственностью? Что же, скажемъ мы, дѣло совершенно естественное: всякому, какъ говорится, своя рубашка къ тѣлу ближе. Соглашенія и уступокъ въ пользу духовенства своей собственности и быть не могло. Мы дозволимъ себѣ здѣсь сдѣлать небольшое отступленіе: изъ этого факта люди, ратующіе за каноническій способъ содержанія духовенства, т. е. толкующіе о добровольныхъ пожертвованіяхъ, могутъ сдѣлать заключеніе: можетъ ли духовенство содержаться добровольными пожертвованіями,—много ли ихъ быть можетъ? Нѣтъ, еслибъ не употреблялись понудительныя мѣры, то рѣдкій далъ бы самую ничтожную малость. Разсказанный самимъ г. Елагинымъ примѣръ членовъ «присутствія» служитъ тому доказательствомъ. Возвращаемся къ г. Елагину.

Надъ губернаторами онъ даже подсмѣивается: «а у губернаторовъ, говоритъ онъ, была одна забота, чтобы, сохрани Господи, не было сдѣлано отступленія отъ мѣръ, предначертанныхъ правительствомъ»! Губернаторамъ онъ ставитъ въ вину даже исполненіе ими существенныхъ ихъ обязанностей,—охрану закона. Каждый изъ представителей охранялъ свое,—и такимъ образомъ улучшеніе матеріальнаго положенія духовенства не состоялось.

Г. Елагинъ, разбирая теперь дѣйствія губернскихъ присутствій, и забылъ уже о своихъ «протестантскихъ идеяхъ», которыми онъ такъ глубоко возмущался и въ которыхъ укорялъ членовъ св. Синода и высшихъ сановниковъ. Теперь онъ видитъ не протестантскія уже идеи, а простые, незатѣйливые экономическіе расчеты, безо всякихъ басурманскихъ идей. Дѣйствительно, эти простые экономическіе расчеты и привели правительство къ сокращенію штатовъ и закрытію церквей.

Но какими бы идеями, по убѣжденію г. Елагина, ни руководились высшія, духовныя и гражданскія, лица; какіе бы расчеты ни удерживали членовъ губернскихъ присутствій; какъ бы губернаторы ни блюли предначертанія правительства; какъ бы предводители дворянства ни слѣдили за тѣмъ, чтобы у дворянъ не отобрали и послѣднихъ крохъ (особенно, мы думаемъ, дрожали за свои «послѣднія

крохи» тѣ, кои усадили бывшихъ крестьянъ своихъ на «дарственную»),—все-таки дѣло улучшенія быта духовенства могло устроиться, какъ нельзя лучше. Не смотря ни на какія препятствія со всѣхъ сторонъ, духовенство получило бы все, что ему нужно, если бы только правительство не сдѣлало важной, непоправимой, ошибки,—еслибъ оно сдѣлало такъ, какъ утверждаетъ г. Елагинъ, именно: «еслибы во всѣ губернскія присутствія были введены всѣ члены консисторій»! Но такъ какъ однажды навсегда порѣшено, что консисторіи, по выраженію г. Елагина, способны только грабить, и не ввели ихъ,—то, «понятное дѣло, какое направленіе должны были получить дѣла въ присутствіяхъ»! Въ присутствіяхъ не было самыхъ нужныхъ людей,—людей, которые одни только и могли устроить это дѣло, и—«кто въ лѣсъ, кто по дрова»: «архіереи тянули» туда, губернаторы сюда, дворяне свое,—всѣ врозь. Соглашенія не состоялось, и «послѣдствія были ужасныя»,—многія церкви были закрыты и штаты сокращены.

Но, спрашивается, при такомъ рѣшительномъ отстаиваньи членами присутствій своихъ личныхъ интересовъ, что могли сдѣлать члены консисторій? Быть тамъ, гдѣ засѣдаютъ начальники губерній, предводители дворянъ, воротилы—городскіе головы и под.—это не то, что сидѣть за консисторскимъ столомъ и повелѣвать безгласнымъ причтомъ,—тутъ не скажешь: консисторія приказали? «Имъ, отвѣчаетъ г. Елагинъ, болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, извѣстно положеніе церквей и приходскихъ причтовъ». Такъ. Далѣе же что? Да ничего. Болѣе того, что члены консисторій знаютъ духовенство болѣе другихъ членовъ присутствій, имъ ни чего не приписываетъ и самъ г. Елагинъ. Онъ только и говоритъ, что они *знали духовенство больше* другихъ членовъ. Но вѣдь одного *знанія* мало для того, чтобы градской голова отдѣлилъ часть городскихъ доходовъ, или чтобы дворянинъ далъ, хоть полпроцента, съ своихъ «послѣднихъ крохъ» на содержаніе причтовъ? Конечно. Это хорошо знаетъ и самъ г. Елагинъ; никакого дѣятельнаго участія онъ и не приписываетъ имъ; онъ хорошо знаетъ, что они и не могли принести никакой пользы; но онъ положилъ себѣ отстаивать авторитетъ консисторій, во чтобы то ни стало,—и отстаиваетъ.

XXVI.

Казалось бы, что г. Елагинъ разрѣшилъ вопросъ,—выяснилъ причины закрытія храмовъ и сокращенія штатовъ; но онъ никогда не прощаетъ кажущейся ему нанесенной обиды. У него есть воображаемый имъ недоброжелатель, профессоръ Д. И. *Ростиславовъ*,—и

онъ теперь всю вину кладетъ на него. «На горизонтѣ русской церкви, говоритъ онъ, появилось великое свѣтило Ростиславовъ, съ изданными имъ за границею книгами о духовно-учебныхъ заведеніяхъ и о духовенствѣ въ Россіи. Повѣрили Ростиславову и принятая раньше того политика (?) церкви по дѣламъ духовенства не только не измѣнилась, но укрѣпилась, расширилась и стала проявляться въ различныхъ реформахъ съ неслыханною дотолѣ самоувѣренностью».

Сначала г. Елагинъ говорилъ, что закрытіе церквей и сокращеніе штатовъ произошло отъ того, что члены св. Синода и высшіе государственные сановники приняли въ руководство протестантскія идеи; потомъ, забывши это, онъ говорилъ, что не состоялось соглашенія между представителями сословій въ губернскихъ присутствіяхъ,— что никто не хотѣлъ уступить своего, и что члены пришли къ единственному заключенію для улучшенія быта духовенства—сократить ихъ число, а для этого необходимо было сократить и число церквей. Далѣе говоритъ: церкви закрыли и штаты сократили потому, что въ «присутствія» не были введены люди, знающіе духовенство. Наконецъ забывши все, что говорилъ прежде, онъ утверждаетъ: Д. Ростиславовъ всему причиной, его послушали!.. Извольте понимать г. Елагина, послѣ этого.

Дѣло закрытія церквей и сокращенія штатовъ, намъ кажется, объясняется просто,—безъ всякихъ каверзъ: церквей у насъ, по мѣстамъ, было, дѣйствительно, слишкомъ много: были приходы въ 200 и даже 150 д. м. п. и съ четырьмя членами причта. Не мало было и такихъ случаевъ, что приходы въ 700—800 д. имѣли двоихъ священниковъ, діакона и четырехъ причетниковъ. Каждому помѣщику, всякой деревнѣ дозволялось строить церкви и открывать особые приходы, не взявши съ строителей обязательствъ ни въ поддержкѣ церкви и ни въ обезпеченіи содержаніемъ причта. Случалось, что церкви строились, по городамъ, только въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей одна отъ другой. Случалось, что церкви строились не по усердію и нуждѣ, а просто, по прихоти, наперекоръ передъ сосѣдями и, даже, изъ пустаго чванства,—и потомъ бросались и причты, и самые храмы на волю Божію. Оттого нуждались въ ремонтировкѣ храмы, терпѣли горе причты и обременялись содержаніемъ прихожане. Не рѣдки бывали случаи, что храмъ обветшалъ, требуетъ значительной ремонтировки, прихожане ремонтировать не въ силахъ,—и храмъ закрываютъ (печатаютъ, какъ говорится), а духовенству предписываютъ отправлять, для прихожанъ своихъ, службу въ сосѣднемъ, ближайшемъ, селеніи. Такъ практиковалась, какъ понудительная мѣра къ ремонтировкѣ. Само собою ясно, что такое положеніе дѣла должно

быть измѣнено. Поддерживать въ должномъ благолѣпіи храмы и улучшить матеріальное положеніе духовенства правительство не могло, прихожане же, въ «присутствіяхъ и комитетахъ» отказались. Правительство и прибѣгло къ обыкновенной мѣрѣ, практикуемой въ гражданскомъ вѣдомствѣ: къ закрытію лишнихъ мѣстъ службы и къ сокращенію штатовъ. Но гражданская мѣра, перенесенная на церковь, оказалась здѣсь неудобною. Дѣло тутъ, однакожъ, не въ томъ, что̀ посолили, а въ томъ, что̀ пересолили.—Приняты были мѣры крутыя, дѣло повелось, почти, безъ разбору и съ крайней поспѣшностью. Поэтому нѣкоторыя изъ церквей закрыты такія, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны бы быть закрытыми. Вмѣсто того, чтобы закрывать только тѣ, которыя пожелаютъ закрыть сами прихожане по соглашенію съ причтами, и находящіяся въ близкомъ сосѣдствѣ съ другими и болѣе имѣющими средствъ къ своему существованію,—закрыты, не спросивши чьего-бы-то ни было на то согласія, по своему «произволу», многолюдныя и отстоящія отъ другихъ церквей на далекое разстояніе и такимъ образомъ многіе прихожане лишены возможности бывать при богослуженіи. Вотъ тутъ-то весь и пересолъ,—тутъ то все и зло! На этотъ разъ предоставимъ слово достоуважаемому автору книгу «Въ защиту бѣлаго духовенства», г. Старову. «Мы воочію видѣли, говоритъ достоуважаемый г. Старовъ, что̀ творилось и пишемъ не по наслышкѣ. Новые штаты вводили съ поспѣшностью, достойною лучшаго дѣла. Часто, противъ желанія, «безъ разсужденій» переводимы были священники изъ «худшихъ» приписныхъ на лучшіе «самостоятельные» приходы. Всѣ приходы «уравнивались», малые и бѣдные закрывались. Бывали случаи, что къ иному самостоятельному приходу, для образованія нормальнаго по штату количества душъ, прикладывались разомъ три «приписныхъ», оставляя одного священника, совершавшаго богослуженіе въ каждой церкви по очередно чрезъ три воскресенья въ четвертое. При такихъ порядкахъ дошло до того, что (какъ говоритъ авторъ брошюры) многіе соблазнились; взаимная любовь въ приходахъ и причтахъ охладѣли. Да и нельзя было не охладѣть. Каждый поставленъ былъ отстаивать свои интересы. Даже самостоятельныя церкви въ существѣ дѣла не пріобрѣли себѣ почти ничего, исключая развѣ названія. И вотъ «посыпались на имя архіереевъ и въ присутствія массами прошенія, жалобы, заявленія, ходатайства, представленія, обязательства и т. д. Повсюду зародилось недовольство и раздраженіе. Боялись усиленія раскола, ослабленія самой вѣры. Многіе желчно высказывали: какъ же такъ, повсюду открываютъ кабаки, а церкви закрываютъ? Губернскія присутствія ничѣмъ не трогались. На всѣ заявленія и вопли

у нихъ былъ одинъ отвѣтъ: внесите денежные вклады въ пользу причтовъ, если хотите имѣть право пользоваться таинствами церкви незатруднительно. Кто давалъ мало, тому говорили: дополни»...

Увы, все это было, все это было и не въ одной даже, а во многихъ епархіяхъ. Повинуясь властной волѣ учредителей реформы, не знавшихъ уклоненій отъ своихъ предначертаній, производили безпощадную и жестокую ломку. Истинная цѣль была забыта. Средства обращены были въ цѣль. Г. Елагинъ говоритъ: тысячи приходовъ закрыты, тысячи храмовъ Божіихъ, созданныхъ нашими предками, стоятъ теперь безъ пѣнія и службъ церковныхъ, какъ оставленныя кущи въ пустынѣ, какъ сторожки въ запустѣлыхъ виноградникахъ. Тысячи достойныхъ священно и церковно-служителей унижены предъ своими товарищами, опозорены предъ прихожанами, поставлены между небомъ и землей, безъ опоры въ настоящемъ, безъ видовъ на будущее. Расколъ торжествуетъ, кабаки умножаются, церковная проповѣдь дремлетъ, религіозно-нравственное образованіе дѣтей падаетъ, невѣріе распространяется. Повсюду въ міряяахъ и духовенствѣ уныніе, недовольство, раздраженіе».

Въ послѣднихъ словахъ г. Елагина есть преувеличенія, но много и горькой истины.

И знаетъ ли г. Елагинъ кто главный виновникъ въ этомъ «ужасномъ» дѣлѣ? Г. Старовъ говоритъ (85): «коммисіи справили свое дѣло и переслали въ консисторію. Тутъ-то и началась работа и своеобразная передѣлка добытыхъ коммисіями матеріаловъ. По селамъ и захолустьямъ понеслись слухи о неожиданно приписанныхъ церквахъ, о случайно попавшихъ въ сверхъ-штатъ священникахъ, поднялся вопросъ о настоятеляхъ и ихъ помощникахъ. Потянулись «въ губернію», на поклонъ консисторіи, церковные старосты и причты, начались хлопоты, просьбы, ходатайства. Думаемъ, многимъ памятно это тревожное время. Центромъ всѣхъ чаяній и надеждъ, источникомъ радости и разочарованій были тогда консисторіи, и не автору бы говорить о недовѣріи начальства къ консисторіямъ, о недостаточности полномочій, данныхъ имъ въ важномъ дѣлѣ сокращенія приходовъ». Мы совершенно согласны съ г. Старовымъ, что много-много надѣлали зла и духовенству, и прихожанамъ, и самымъ храмамъ наши высокочтимыя г. Елагинымъ консисторіи, много легло грѣха на ихъ души. Секретарь консисторіи вызываетъ, напр., какого нибудь извѣстнаго ему священника, частно, письмомъ, самъ или чрезъ столоначальника, и соболѣзнуетъ ему, что церковь его должна быть закрыта, приходъ причисленъ къ сосѣдней церкви и что онъ самъ долженъ остаться за штатомъ; что единственное-де дѣло теперь подать въ

консисторію заявленіе, что у него не три деревни, какъ ошибочно означено по клировымъ вѣдомостямъ, а восемь, и что сосѣдняя церковь не въ 5 верстахъ, а въ 15-ти. По многочисленности деревень и отдаленности сосѣдней церкви можно-де будетъ оставить и вашу церковь самостоятельною и васъ самихъ настоятелемъ. Напуганный священникъ подаетъ, чрезъ того же секретаря, въ консисторію заявленіе. Благодѣтель, разумѣется, не остается безъ благодарности. Между тѣмъ церковь и безъ того имѣла всѣ права на самостоятельность, и осталась бы безъ всякихъ заявленій. И самое заявленіе-то дальше секретарскихъ рукъ не ушло. Вызываютъ, чрезъ писца, старика-священника изъ двухштатнаго прихода и соболѣзнуютъ ему, что онъ долженъ остаться за штатомъ и, слѣдовательно, безъ куска хлѣба, что молодой священникъ, товарищъ его, останется одинъ и настоятелемъ церкви, и что если онъ попроситъ всѣхъ членовъ и секретаря, то его не только что оставятъ на мѣстѣ, но даже сдѣлаютъ настоятелемъ. Растерявшійся старичекъ обходитъ всѣхъ, — и остается настоятелемъ. Между тѣмъ при церкви, и безъ того, должно остаться два священника, а старичокъ, за долговременную и безпорочную службу, долженъ быть настоятелемъ; настоятелемъ онъ и остался бы, еслибъ и не ходилъ ни къ кому. Подобныхъ штукъ продѣлывалось много. «Знаніе» консисторіями духовенства помогло имъ... Но все это школьничество, все это пустяки,—но жаль крайне, что много церквей закрыто безо всякой нужды! Въ нашей губерніи дѣло это совершилось, можно сказать, очень тихо. Населеніе у насъ рѣдкое, малолюдныхъ и скученныхъ приходовъ очень мало и потому церквей присоединено къ другимъ, тоже, очень мало,— разумѣется, сравнительно со внутренними губерніями.

Вспоминая событіе закрытія церквей, мы совершенно соглашаемся съ г. Старовымъ, что несправедливъ г. Елагинъ, говоря, будто правительство не довѣряло въ этомъ дѣлѣ консисторіямъ; нѣтъ, оно довѣряло, и довѣряло даже слишкомъ много. Счастье еще, что дѣло это прошло много рукъ прежде, чѣмъ попало оно консисторіямъ, такъ что имъ пришлось, по необходимости, придерживаться извѣстной нормы.

Всю вину закрытія церквей онъ относитъ къ вліянію на правительство проф. Д. И. Ростиславова: «и этому человѣку, говоритъ онъ, повѣрили, на него полагались, по его указаніямъ рѣшились преобразовать русскую церковь!» Но, сказавши это, г. Елагинъ тотчасъ же, — за этими словами, — говоритъ: «Миѳическая личность г. Ростиславова доселѣ остается мало извѣстною публикѣ. Всѣ его главныя сочиненія изданы были за границей, безъ означенія имени

автора» (30). Какимъ же образомъ, спрашивается, на него «полагались», если никто и не зналъ его?

«При закрытіи церквей и сокращеніи штатовъ духовенство и прихожане, говоритъ г. Елагинъ, пришли въ неописанный восторгъ». Неправда. Вотъ и доказательство: задолго прежде, чѣмъ написалъ объ этомъ г. Елагинъ и прежде, чѣмъ прошолъ газетный слухъ, что св. синодъ намѣренъ снова открыть закрытыя церкви, въ «Русской Старинѣ» мы писали уже объ этомъ, — мы писали, что «изъ-за какой нибудь сотни рублей въ пользу одного, жертвовать религіозно-нравственнымъ состояніемъ многихъ сотенъ людей—несправедливо». Печатное наше заявленіе должно служить неоспоримымъ доказательствомъ тому, что мы скорбимъ о закрытіи храмовъ, — и что мы совсѣмъ не настолько корыстолюбивы, чтобы изъ-за корысти жертвовать спасеніемъ людей. Нашъ личный голосъ отнюдь не есть голосъ единичный; вѣрнѣе: это есть откликъ всего духовенства, среди котораго живемъ мы. Надѣемся, что никто не будетъ оспаривать у насъ то, что намъ извѣстно сельское духовенство болѣе, чѣмъ кому бы то ни было въ столицѣ. Къ прежнимъ «Запискамъ» нашимъ о современномъ состояніи духовенства мы встрѣтили сердечное сочувствіе всего сельскаго духовенства, а это означаетъ, что нами выражено общее его чувство. Поэтому говоримъ: спросите любаго священника, любаго причетника, — и вы услышите тотъ же скорбный отвѣтъ.

XVII.

Всякому свойственно желать себѣ лучшаго, такъ и духовенство: при нѣсколькихъ свободныхъ мѣстахъ выбираетъ лучшее по доходности. Надѣемся, что въ корыстолюбіи никто упрекать его не имѣетъ и права, такъ какъ всякій, при подобномъ случаѣ, сдѣлалъ бы тоже самое. Приходы малолюдные, бѣдные и зараженные расколомъ или подолгу остаются совсѣмъ безъ священника, или идутъ туда такіе, которымъ, по ихъ дурному поведенію, не даютъ хорошихъ мѣстъ и которые рады всякому, лишь бы существовать. Въ такихъ приходахъ подобные люди и сами терпятъ страшную нужду, и для православныхъ прихожанъ служатъ тяжелымъ бременемъ, для раскольниковъ же бываютъ большимъ соблазномъ. Чтобы привлечь въ такіе приходы, лучшія силы, облегчить прихожанъ въ содержаніи ихъ и имѣть ревностныхъ и опытныхъ собесѣдниковъ съ раскольниками, духовенство нашей епархіи, все безъ исключенія, сдѣлало единовременныя пожертвованія и подписками обязалось дѣлать опредѣленныя пожертво-

ванія пожизненно на вспомоществованіе причтамъ въ бѣдныхъ приходахъ. Такимъ образомъ обезпечено духовенство и облегчены приходы. Всѣ бѣдные приходы у насъ, слѣдовательно, не только не будутъ оставаться совсѣмъ безъ священниковъ, но будутъ имѣть ихъ постоянно и имѣть, при этомъ, хорошихъ. Надобно сказать, что, въ настоящее время, свободныхъ священническихъ мѣстъ у насъ очень много, между которыми выборъ дѣлать можно; но пособіе бѣднымъ сдѣлано именно съ тою цѣлію, чтобы заброшенные приходы предпочитаемы были всѣмъ остальнымъ. Ни мало не гордясь и не хвалясь своихъ добрымъ дѣломъ, мы спросимъ г. Елагина: было ли что нибудь подобное въ духовенствѣ въ восхваляемые до-шестидесятые годы? Нѣтъ. Онъ зоветъ насъ людьми корыстными; но люди корыстные подобныхъ,—честныхъ и чисто-христіанскихъ,—дѣлъ не дѣлаютъ. Точно такъ и дѣло о закрытіи церквей: еслибъ оно всецѣло было отдано на обсужденіе намъ съ прихожанами, то не было бы закрыто ни одной церкви, за самыми развѣ немногими исключеніями, — гдѣ дѣйствительно уже была надобность настоятельная.

Я не говорю того, чтобы увеличеніе содержанія, вслѣдствіе присоединенія нѣсколькихъ деревень или цѣлаго даже прихода, совсѣмъ уже не имѣло никакого вліянія на нравственную сторону духовенства; нѣтъ, пріятно это было, но пріятно точно также, какъ открывшееся мѣсто службы послѣ смерти родственника или друга. Умеръ другъ, мы скорбимъ о немъ всею душою, мы желали бы, чтобъ онъ не умиралъ, — и, въ тоже время, занимаемъ его мѣсто, и радуемся увеличенію средствъ къ своему содержанію. Достоинъ осужденія и даже презрѣнія тотъ, кто ссадилъ бы друга съ мѣста и занялъ его самъ, но если мѣсто сдѣлалось свободнымъ помимо нашей воли и даже противъ нашего желанія и мы заняли его, то мы тутъ ровно неповинны ни въ чемъ. Точно такъ и въ закрытіи приходовъ и сокращеніи штатовъ мы виновны столько же, какъ и въ смерти нашихъ друзей или родственниковъ.

«Прихожане пришли въ неописанный восторгъ». Чтобы прихожане тѣхъ приходовъ, къ коимъ присоединены другіе, пришли «въ неописанный восторгъ»,—сказано уже слишкомъ вздорно: никакихъ восторговъ не было. Дѣйствительно, прихожане многихъ приходовъ полагали, что, съ присоединеніемъ къ нимъ другихъ приходовъ, плата за требоисправленія уменьшится. Не мало было случаевъ, что священникамъ попрекали тѣмъ, что они берутъ прежнюю плату; но мало было и ссоръ, и жалобъ; но большинство знало, что присоединенія дѣлаются въ видахъ увеличенія доходовъ причтовъ,—и покорно принимало это. Но согласимся, и даже совершенно, съ г. Елаги-

нымъ, что прихожане «пришли въ неописанный восторгъ», что же заключить слѣдуетъ изъ этого? То, что г. Елагинъ становится на нашу сторону, поддерживаетъ наши слова и защищаетъ насъ, не вѣдая, конечно, того и самъ, — именно, что мы лежимъ тяжелымъ бременемъ на нашихъ прихожанахъ, что плата за требоисправленія и, вообще, содержаніе насъ тяготитъ ихъ до того, что они «приходятъ въ неописанный восторгъ» при одномъ даже только слухѣ, что плата уменьшится и что имъ будетъ легче. Можетъ ли, послѣ этого, елагинскій канонический способъ содержанія духовенства назваться естественнымъ, незамѣнимымъ, когда прихожане при одномъ только слухѣ объ уменьшеніи платы приходятъ «въ неописанный восторгъ?» Можно представить себѣ теперь: каковы были бы безусловно-добровольныя приношенія прихожанъ, еслибъ духовенство довольствовалось исключительно только тѣмъ, что дадутъ ему. Тогда, скажемъ мы, рѣдкій-рѣдкій кто нибудь далъ бы какую нибудь малость. Вотъ тогда, — на эти каноническіе способы содержанія, и усадилъ бы всѣхъ ревнителей каноновъ. Изъ этихъ «восторговъ» заключеніе прямое, что положеніе наше крайне ненормальное, что непріятныя столкновенія пастырей съ пасомыми неизбѣжны.

«Плакали только дьячки, пономари и діаконы, говоритъ г. Елагинъ,—обреченные на явную гибель, поставленные между небомъ и землей, безъ опоры въ настоящемъ, безъ видовъ въ будущемъ». Неурядицы въ это время, дѣйствительно, было много, но отнюдь не въ такой мѣрѣ, какъ описываетъ онъ. Всѣмъ, во-первыхъ, оставленнымъ за штатомъ, предоставлено было право оставаться на своихъ мѣстахъ сколько имъ угодно и переводить ихъ въ другіе приходы, безъ ихъ на то согласія, епархіальная власть не имѣла права. Второе: они считались первыми кандидатами на открывавшіяся мѣста и, при подачѣ прошеній, имъ всегда давалось преимущество предъ всѣми просителями мѣстъ. Они пользовались усадьбою, доходами и землею. До сихъ поръ есть еще люди, живущіе на нештатныхъ мѣстахъ по собственной ихъ волѣ, и пользуются всѣми доходами на равнѣ со штатными. При четырехъ членахъ причта потерпѣли нѣсколько діаконы: третья часть доходовъ ихъ переходила къ нештатнымъ причетникамъ; нештатные поэтому еще выиграли; но когда нештатные размѣстились, діаконы заняли мѣста псаломщиковъ и стали получать по прежнему свою діаконскую часть. Такимъ образомъ священникъ сталъ получать прежнюю свою и части бывшихъ причетниковъ, а псаломщикъ то, что получалъ прежде діаконъ, или: священникъ сталъ получать не двѣ, какъ прежде, а три части, псаломщикъ же четвертую.

Закрытіемъ приходовъ воспользовались нѣкоторые преосвященные: при помощи начальниковъ губерній они заставили прихожанъ купить дома для духовенства, стали разрѣшать это и церквамъ, имѣющимъ средства. Такимъ образомъ закрытіе приходовъ духовенству службу сослужило.

Желательно было бы слышать отъ г. Елагина: что имѣлъ онъ въ виду, говоря о духовенствѣ, говорить о закрытіи церквей и сокращеніи штатовъ, — о дѣлѣ совершенно постороннемъ, и говорить съ такимъ жаромъ, что написалъ цѣлыхъ 8 страницъ? Мы понимаемъ это такъ: чтобы втоптать насъ въ грязь, — что вотъ-де изъ-за васъ какія беззаконья!... Но насколько нашей здѣсь вины, мы уже сказали, теперь же прибавимъ, что въ этомъ дѣлѣ самъ г. Елагинъ виноватъ несравненно болѣе, чѣмъ мы. Гдѣ онъ былъ тогда съ своею ревностью по православію и съ своимъ обличительнымъ словомъ, когда закрывались храмы? Какъ «болѣе проницательный», онъ все видѣлъ,—и сиднемъ сидѣлъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, какъ Илья Муромецъ, и только «сѣтовалъ?» И только уже тогда, когда мы, — сельскіе, — которыхъ позоритъ онъ, будто мы пришли въ неописанный восторгъ отъ закрытія церквей, печатно заявили всѣмъ о горькихъ послѣдствіяхъ закрытія и тѣмъ желали довести до свѣдѣнія тѣхъ, кто живетъ далеко отъ народа, не имѣетъ и возможности знать его во всей подробности, — поднялся на ноги, приподнялъ богатырскую свою дубину,—и насъ же началъ колотить.

XXVIII.

Затѣмъ г. Елагинъ посвящаетъ цѣлую главу, 22 страницы, памяти профессора Д. И. Ростиславова. Лично онъ не зналъ его, но съ особеннымъ стараніемъ, какъ видно, собиралъ о немъ свѣдѣнія отъ постороннихъ, и представилъ въ біографіи его одно только, исключительно, дурное. Изъ всего, что сказано о Ростиславовѣ, мы возьмемъ только отзывъ его о немъ по случаю изданія Д. И. Ростиславовымъ книгъ о духовенствѣ и монастыряхъ. «Надо быть, говоритъ онъ, московской салопницей, надо помѣшаться на сплетняхъ, чтобы написать четыре громадныхъ книги, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ сплетенъ. И какая могла быть цѣль всего сплетничанья? Что Ростиславовъ хотѣлъ доказать этимъ? Возьмите любое министерство, любое вѣдомство, — вездѣ вы найдете дурныхъ людей, и всякіе безпорядки. Но развѣ кому нибудь, кромѣ Ростиславова, приходитъ въ голову копаться по этимъ вѣдомствамъ въ грязи и выносить всякую

мерзость на показъ публикѣ (48)»? Такимъ образомъ, мы, живущіе далеко-далеко отъ столицы, по милости г. Елагина, узнаемъ, что въ министерствахъ есть люди дурные, тамъ грязь, мерзость и всякіе безпорядки. И мы не имѣемъ права не вѣрить ему, такъ какъ столицу отдѣляютъ отъ насъ цѣлыя тысячи верстъ, онъ же, г. Елагинъ, живетъ тамъ и, слѣдовательно, все это видитъ онъ своими глазами, все слышитъ и, притомъ, говоритъ «по совѣсти», какъ истину.

Говоря объ описаніи Ростиславовымъ монастырей, онъ задаетъ себѣ вопросъ: «какая могла быть цѣль всего этого сплетничанья? Что хотѣлъ онъ доказать этимъ»? Но мы обращаемся съ тѣмъ же вопросомъ къ самому г. Елагину: какая могла быть цѣль и что хотѣлъ доказать онъ, говоря о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ? «Надо быть, говоритъ онъ, московской салопницей, чтобъ говорить такъ о монастыряхъ, какъ говоритъ Ростиславовъ; но говоритѣ такъ о правительственныхъ высшихъ учрежденіяхъ, какъ говоритъ г. Елагинъ, нужно быть, вѣроятно, салопницей петербургской? Притомъ: называя Ростиславова сплетникомъ, не то горько ему, что тотъ дурно отозвался о монастыряхъ, а то, что соръ этотъ выкинутъ за порогъ,— «на показъ публикѣ». Значитъ, по его убѣжденію, дѣлай въ монастыряхъ все, что угодно, лишь бы никто этого не видѣлъ. Хорошъ же онъ и какъ христіанинъ, хорошъ и какъ защитникъ! Вообще адвокатъ онъ самый ненадежный: кого ни возьмется защищать, непремѣнно самъ первый мазнетъ,—да такъ, что любо, что не выпачкаетъ такъ и недругъ. Нежеланіемъ, чтобы соръ выносился на показъ публикѣ, онъ подтвердилъ все, что говорилъ Ростиславовъ.

XXIX.

Цѣлая глава удѣлена г. Елагинымъ разбору духовно-учебныхъ заведеній. Здѣсь та же неясность, недомолвки, общія фразы, неясность и противорѣчія самому себѣ, какъ и въ другихъ главахъ его книги; общій же выводъ: недовольство ими, какъ и недовольство современнымъ духовенствомъ.

Учебныя заведенія не входятъ въ кругъ нашего разбора, поэтому мы и не будемъ входить во всѣ подробности сужденій его, отмѣтимъ лишь только мѣста, болѣе другихъ выдающіяся своими особенностями.

Такъ г. Елагинъ говоритъ: «съ реформою духовныхъ училищъ, вначалѣ нынѣшняго столѣтія, духовное образованіе пошло по широко расчищенной дорогѣ и стало давать блестящихъ дѣятелей на

всѣхъ поприщахъ государственной и церковной службы». Теперь же онъ забылъ то, что сказалъ прежде, и говоритъ: наши духовныя учебныя заведенія безспорно требовали весьма существенныхъ и важныхъ преобразованій. Изъ подобныхъ противорѣчій самому себѣ ясно, что онъ и недоволенъ прежними школами и, въ тоже время, не хотѣлось бы разставаться съ тѣми порядками, какіе были въ нихъ.

«Для составленія устава учебныхъ заведеній составленъ былъ комитетъ; но комитетъ этотъ не имѣлъ никакой опредѣленной идеи. Онъ старался только исполнить возложенное на него порученіе, какъ можно скорѣе. Ни въ какія глубокія изслѣдованія не входилъ, тогда какъ прежде, чѣмъ взяться за это дѣло, нужно было хорошо обдумать его. Въ этомъ случаѣ слѣдовало бы, говоритъ онъ, взять въ примѣръ іезуитовъ. Основной уставъ этого общества: ratio et institutio studiorum societatis Jesu составлялся 11 лѣтъ (1588—1599). Ничего подобнаго этой осмотрительности мы не видимъ въ дѣйствіяхъ нашего комитета, составившаго нынѣшніе наши духовно-учебные уставы».

Укоръ совершенно неоснователенъ и еще болѣе нейдетъ къ дѣлу примѣръ іезуитовъ. Учрежденіе ордена съ тою исключительною цѣлію, съ которою онъ устроился, учрежденіе было новое, небывалое, и потому, само оно требовало глубокой и всесторонней обдуманности. Извѣстно, однако же, что, не смотря на это, самъ Игнатій Лойоло, и еще болѣе ближайшіе послѣдователи его, отбросили прежде принятыя ими средства къ достиженію ихъ цѣли и приняли другія, совершенно противоположныя: принятыя вначалѣ нищенство и покорность измѣнили въ богатство и власть. Вначалѣ своего появленія орденъ самъ не опредѣлилъ своей собственной дороги. Когда же средства къ выполненію идеи опредѣлились ясно, то нужно было подумать и о школахъ. И подумать, дѣйствительно, было о чемъ. Составленъ былъ и уставъ, и составленъ такъ, что если употреблено на него 11 лѣтъ, то нужно еще удивляться ихъ уму, что на такой, вполнѣ соотвѣтствующій ихъ цѣли уставъ употреблено такъ мало времени. «Въ 1814 году, продолжаетъ г. Елагинъ, приступили было къ его пересмотру, вели это дѣло до 1832 года, и кончили тѣмъ, что сдѣлали въ уставѣ лишь нѣкоторыя, не очень важныя измѣненія». Продолжительное, болѣе чѣмъ двухлѣтнее существованіе устава показываетъ, что онъ и вначалѣ составленъ былъ хорошо,—совершенно соотвѣтственно ихъ цѣли. Если въ послѣднее время онъ пересматривался 18 лѣтъ, то надобно припомнить и то, что въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія и въ первой настоящаго іезуиты изгоняемы были изъ всей Европы. Имъ, по всей вѣроятности, не было и вре-

мени заняться имъ. Не смотря однакоже на то, что уставъ іезуитовъ составлялся, въ общей сложности, 40 лѣтъ, и сколько о. іезуиты не хитрили, уставъ оказался годнымъ только для нихъ, но не для общества: объ іезуитскихъ школахъ теперь нигдѣ нѣтъ и помину; а во Франціи не только что закрыты онѣ, но выгнаны оттуда и сами іезуиты.

Въ характерѣ служенія и организаціи нашего духовенства іезуитскаго ничего нѣтъ, а потому и хитрить съ уставомъ было не зачѣмъ. Это первое. Второе: учебныя заведенія наши не новыя учрежденія, а существовавшія многіе уже десятки лѣтъ; всѣ хорошія и дурныя стороны опредѣлились давно, и давно уже были извѣстны всѣмъ. Каждый членъ комитета прежде, чѣмъ сдѣлался онъ членомъ, хорошо уже былъ знакомъ съ ними; большинство изъ нихъ само прошло чрезъ нихъ и на себѣ испытало все хорошее и дурное ихъ. Слѣдовательно комитетъ, не теряя попусту времени, могъ тотчасъ приняться за возложенное на него дѣло. Онъ говоритъ, что комитетъ руководился бурсацкими очерками больнаго Помяловскаго и росказнями Ростиславова. Не зная какъ и чѣмъ выразить зло членамъ, онъ хочетъ отмстить имъ Помяловскимъ—что они, не имѣя собственнаго смыслу, руководились его смысломъ. Не говоря ужео личныхъ достоинствахъ членовъ и наивности г. Елагина, надобно помнить, что уставъ проходилъ чрезъ руки такого лица, которое не сворачивало съ дороги предъ людьми и покрупнѣе Помяловскаго и не увлекалось никакими росказнями, — его читалъ и одобрилъ Филаретъ. Ни Помяловскаго и никого подобнаго не къ чему и вмѣшивать тутъ: никто изъ нихъ не писалъ ничего такого, чего не знали бы всѣ. Вся и вина ихъ въ томъ только, что они написали. «Комитету, говоритъ г. Елагинъ, надлежало, прежде чѣмъ составлять уставы, уяснить основные законы церкви, которыми опредѣляется характеръ пастырскаго служенія. Надлежало отдѣлить измѣняемое въ законахъ отъ неизмѣняемаго, божественное отъ человѣческаго, церковное начало отъ элементовъ гражданскихъ». Стараясь вездѣ выставлять себя поборникомъ православія, онъ, по всей вѣроятности, воображаетъ, что онъ въ своихъ высокопарныхъ фразахъ, высказалъ такія высокія истины, до которыхъ никто и не додумывался. Объ уясненіи основныхъ законовъ церкви и объ опредѣленіи характера пастырскаго служенія онъ говоритъ не въ первый уже разъ (9). Это показываетъ, что онъ слишкомъ мало знакомъ съ тѣмъ дѣломъ, за которое берется онъ. И дѣйствительно: вся его книга есть полное, абсолютное незнаніе характера пастырскаго служенія. Идеалъ пастырей его, какъ мы говорили уже: священники—рабы-негры, архи-

пастыри—деспоты, плантаторы съ кнутомъ въ рукахъ. О взаимной любви, при общемъ великомъ святомъ дѣлѣ служенія, онъ не можетъ составить себѣ и понятія, о словѣ любви не заикнулся ни однимъ словечкомъ. Понимать-то онъ конечно понимаетъ, и характера пастырскаго служенія не знать ему нельзя,—и онъ знаетъ его, знаетъ (по крайней мѣрѣ, долженъ бы былъ знать), но страсть властолюбія затмѣваетъ его разсудокъ, — и онъ какъ бы забываетъ, какъ бы не знаетъ его совсѣмъ, потому что не видитъ опредѣленія такого, какіе нужно ему и котораго онъ домогается. Не можетъ не знать онъ, что церковь, существующая двѣ почти тысячи лѣтъ, не могла не уяснить себѣ основныхъ своихъ законовъ. Никакъ не можетъ полагать онъ, что пастыри первыхъ вѣковъ христіанства и времени настоящаго не знали и не знаютъ своихъ обязанностей. Не можетъ не быть увѣреннымъ, что Платонъ и Филаретъ, которыхъ самъ онъ называетъ свѣтилами первой величины, вполнѣ уясняли себѣ характеръ пастырскаго служенія. Не имѣетъ онъ ни права, ни основанія думать, что члены комитета настолько были невѣжды, что не имѣли и понятія объ обязанностяхъ пастырскаго служенія. Нѣтъ, все это и онъ, вѣроятно, сознаетъ, но ему нужно, чтобъ выраженъ былъ характеръ деспотическій, котораго тамъ нѣтъ, за что онъ и негодуетъ.

Онъ укоряетъ комитетъ въ томъ, что имъ не принятъ въ руководство проектированный «уставъ духовныхъ семинарій» преосвящ. Димитрія. Съ уставомъ пр. Димитрія мы нѣсколько знакомы. Мы не беремъ на себя дерзости быть судіями его, но и не можемъ не сказать, что онъ пригоденъ болѣе для готовящихся къ иночеству, нежели для имѣющихъ быть приходскими священниками.

«Преобразованныя духовныя академіи, семинаріи и училища, подсмѣивается г. Елагинъ, доселѣ составляютъ предметъ гордости въ духовномъ вѣдомствѣ». И въ учебномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ онѣ, дѣйствительно, стали несравненно лучше, чѣмъ были прежде; но штаты и непомѣрная строгость такъ много сгубили юношества, что многимъ родителямъ и дѣтямъ приходится сожалѣть о прежнихъ порядкахъ. А потому, чтобы гордиться ими,—до этого еще далеко.

Выражая недовольство методомъ преподаванія въ переустроенныхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ недоволенъ и тѣмъ, что улучшилось содержаніе воспитанниковъ: «духовные воспитанники нынѣшняго времени, говоритъ онъ, лучше одѣты и накормлены, живутъ въ просторныхъ, хорошо провѣтриваемыхъ, комнатахъ, распиваютъ каждодневно по два раза чаи, на содержаніе ихъ тратятся громадныя суммы. Прекрасно. Но что изъ этого? Вѣдь все это не

имѣетъ отношенія къ самому существу духовнаго ученія и воспитанія. Прежнія духовныя школы были безконечно дурны по внѣшней своей обстановкѣ, но изъ нихъ выходили Сперанскіе, Платоны, Филареты». Разсуждая, какъ г. Елагинъ, мы должны бы были бросить всѣ изобрѣтенія и всѣ улучшенія настоящаго времени и обратиться къ временамъ древнимъ. Зачѣмъ, напр., намъ различныя учебныя заведенія, для чего усовершенствуется оружіе? Безъ всякихъ затѣй вооружить войска мечами-кладенцами, стрѣлами, таранами и пр.—и больше ничего. Правда, что оружіе это «безконечно дурно», но съ нимъ Александры Македонскіе, Цезари и пр. побѣждали весь свѣтъ. Зачѣмъ намъ не только улучшенныя, но и вообще школы? Самые недавніе предки наши жили совсѣмъ безъ школъ. Правда, что безъ школъ было бы «безконечно дурно», но безъ нихъ у насъ были Петры, Алексѣи и Филиппы, Филареты, Никоны и пр. и пр. Много на свѣтѣ было великихъ людей, которые или совсѣмъ не обучались ни въ какихъ школахъ, или, если и обучались, то въ самыхъ жалкихъ, и это не мѣшало имъ сдѣлаться великими. Изъ «безконечно дурныхъ» школъ выходили Сперанскіе, Платоны и пр., но всѣ ли бывшіе въ этихъ школахъ выходили Сперанскими, Платонами и под.? Много ли было такихъ? Выдававшіеся изъ массы люди были и безъ школъ, но, нѣтъ сомнѣнія, что они были бы по уму своему еще выше, еслибы проходили школы усовершенствованныя. Но г. Елагинъ выражается такъ, какъ будто Сперанскій и другіе были великими людьми именно потому, что обучались въ дурныхъ школахъ, что будь школы наши лучше, не было бъ ни Платоновъ, ни Сперанскихъ,—никого, или, по крайней мѣрѣ, дурныя школы не помѣшали имъ быть великими людьми, а слѣдовательно и нынѣшнія школы улучшать не было никакой разумной причины.

Какъ ни восхваляй г. Елагинъ прежнія школы, но сами Сперанскіе и Филареты были недовольны ими. Извѣстно, что какъ только Анастасій Астраханскій указалъ Сперанскому на свѣчной доходъ, тотъ тотчасъ же воспользовался имъ, и улучшилъ школы; настоящій же уставъ, какъ мы уже сказали, одобренъ Филаретомъ. Ни тотъ и ни другой не захотѣли, чтобы другіе терпѣли то же, что вытерпѣли они.

Непонятно: почему г. Елагинъ грязь предпочитаетъ опрятности? Вѣдь не то, чтобы людей, но даже и животныхъ такихъ не много, которыя бы чистому лугу предпочитали болото и нечистоты, а ему именно хочется грязи...

XXX.

Затѣмъ у г. Елагина идетъ нѣсколько страницъ его критическаго разбора нынѣшнихъ учебныхъ заведеній, въ учебномъ отношеніи, и сравненій съ прежними. Въ сравненіяхъ этихъ встрѣчается множество курьезовъ такого рода: «изъ (прежнихъ) семинарій выходили люди зрѣлаго ума и твердаго богословскаго знанія. Не много они знали, но были способны самодѣятельно развивать себя въ званіи священника». Выходитъ, что воспитанники семинарій и мало знали и, въ то же время, имѣли знанія основательныя! Всѣ они были зрѣлаго ума, а между тѣмъ даже профессора с.-петербургской академіи, прошедшаго тѣ же семинаріи, гдѣ выработывался «зрѣлый умъ», Ростиславова, называетъ «скудоумнымъ». Какъ же согласить это? Изъ прежнихъ семинарій выходили люди зрѣлаго ума,—Сперанскіе, Платоны и пр. Такъ говоритъ онъ на 67 страницѣ своей книги; но на той же стр. говоритъ: «теперь нѣтъ въ семинаріяхъ такихъ лѣнтяевъ и тупицъ, какіе нерѣдко проходили чрезъ всѣ классы прежнихъ семинарій. Общій уровень семинарскаго образованія нынѣ поднялся». Судите по словамъ г. Елагина, которая изъ семинарій лучше,—старая или новая? Сами мы отказываемся дать свой отзывъ, по той простой причинѣ, что никакъ не могли добраться смыслу.

Объ академіяхъ г. Елагинъ отзывается такъ: «православіе въ академіяхъ разобрано (?) по частямъ, и каждая часть объясняется особымъ профессоромъ. Преподаваніе каждой отдѣльно взятой науки, при дробленіи, по всей вѣроятности, поднялось, но воспитанники не пріобрѣтаютъ даже самаго понятія о православіи. Подъ именемъ церкви православной, разумѣется въ академіяхъ какой-то безжизненный трупъ, предложенный профессорами для аналитическихъ изслѣдованій (58). Намъ приводилось, говоритъ онъ, не разъ бесѣдовать съ молодыми людьми, окончившими курсъ академіи, о разныхъ предметахъ вѣроученія и православія. По необходимости мы иногда замѣчали, что сужденія ихъ не согласны съ православіемъ. Молодые люди обыкновенно отвѣчаютъ: да вѣдь что такое православіе (59)? Новыя академіи не приблизились къ церкви, а отдалились отъ нея (61)».

Что же такое, послѣ этого, невольно спроситъ всякій православный христіанинъ, наши высшія учебныя заведенія, наши разсадники духовнаго просвѣщенія, если воспитанники ихъ, по удостовѣренію г. Елагина, не имѣютъ и понятія о православіи? Ему грозитъ прямая гибель? Если такъ идетъ дѣло, то, дѣйствительно, «можетъ слу-

читься, какъ говоритъ г. Елагинъ, что въ одно прекрасное утро всѣ мы проснемся родными братьями протестантовъ (63)».

Православіе въ отечествѣ нашемъ гибнетъ. Бѣдствіе для православнаго христіанина, кажется, таково, что бо̀льшаго и быть уже не можетъ. Что̀ можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, ужаснѣе того, если воспитанники академіи, — будущіе наставники семинарій и академій, будущіе архипастыри,—не имѣютъ и понятія о православіи? Но, на самомъ дѣлѣ, все это ничто, въ сравненіи съ бѣдствіемъ другимъ, несравненно бо̀льшимъ—«все это, говоритъ г. Елагинъ, только цвѣты а ягоды впереди»!.. Ни съ чѣмъ несравнимое, — изъ золъ зло,—въ учебныхъ заведеніяхъ и, въ томъ числѣ, въ академіяхъ заключается въ томъ, что къ завѣдыванію учебными заведеніями допущены лица изъ бѣлаго духовенства и отъ лицъ монашествующихъ взято исключительное право начальствованія. Вотъ гдѣ изъ золъ зло для православія! Да, дѣйствительно, г. Елагинъ, то, что отъ людей, удалившихся и уединившихся отъ суеты міра, взято исключительное право власти въ мірѣ, есть такое зло для Христовой церкви, предъ которымъ всякая ересь и даже нигилизмъ есть ничто—«только цвѣты»!.. Для г. Елагина: пусть воспитанники академіи не имѣютъ и понятія о православіи, пусть гибнетъ все, лишь бы власть оставалась въ моихъ рукахъ. Какъ жалокъ онъ, съ своей болѣзнью, idée fixe! Какъ все это грустно!

«Привлеките, говоритъ онъ, къ завѣдыванію семинаріями наставниковъ и бѣлое духовенство, постарайтесь высвободить, а если будетъ возможно, то и совсѣмъ изъять семинаріи изъ подъ вѣдѣнія архіереевъ: тогда и учебная, и нравственная, и всякая другая (?) часть въ семинаріяхъ поднимутся сами собой. Вотъ основная мысль по которой преобразованы духовныя семинаріи». На это замѣтимъ прежде всего, что г. Елагинъ опять противорѣчитъ самъ себѣ. Сначала (53) онъ сказалъ, что комитетъ не имѣлъ ничего яснаго и опредѣленнаго при составленіи устава, теперь же (72) говоритъ онъ, основную мысль имѣлъ, и эта мысль есть устраненіе исключительнаго вліянія на учебныя заведенія лицъ монашествующихъ. Только къ тому, будто, и направлены были всѣ его силы. Но комитетъ и не думалъ, конечно, отстранять лицъ монашествующихъ и, тѣмъ болѣе, вліяніе преосвященныхъ. Онъ далъ только право преподавателямъ и членамъ правленія отъ духовенства избирать въ начальники заведеній или изъ среды самихъ себя, или изъ извѣстныхъ имъ заслуженныхъ протоіереевъ, не лишая, при этомъ, права на таковое же избраніе и лицъ монашествующихъ. И мы хорошо знаемъ,

что изъ ректоровъ есть и теперь лица монашествующія. Это доказываетъ, что уставъ не лишилъ ихъ этого права.

Въ недавнее время «однимъ изъ лучшихъ способовъ приготовленія достойныхъ служителей церкви считалось воспитаніе способныхъ для этого лицъ въ монастыряхъ (73)»,—что лица монашествующія были не только начальствующими, но и единственными наставниками; комитетъ же «увлекся росказнями Ростиславова и нашелъ, что семинаріи были дурны, главнымъ образомъ, отъ того, что находились подъ управленіемъ монаховъ». Да, было время, скажемъ мы, и не такъ давно, когда была у насъ поголовная безграмотность. Не говоря уже о давнихъ временахъ какого нибудь Гедеона, безграмотность, почти поголовная, была даже вначалѣ нынѣшняго столѣтія. Мы имѣли уже случай говорить разъ, какъ, въ двадцатыхъ годахъ,Ириней, епископъ пензенскій, обозрѣвши небольшую только часть своей епархіи, набралъ до полусотни священниковъ совершенно безграмотныхъ и церковную службу заучившихъ наизусть, хотя, въ это время, семинаріи уже были. Но въ то время, когда школы были у насъ только въ Кіевѣ и Москвѣ, монастыри наши были единственными разсадниками просвѣщенія. И церкви, и государству они сослужили свою великую службу. Но время измѣнилось: теперь образованіе стоитъ несравненно выше въ духовенствѣ бѣломъ, чѣмъ въ монашествующемъ. Въ семидесятыхъ годахъ намъ указывали въ Петербургѣ на двоихъ только священниковъ съ семинарскимъ образованіемъ, прочіе же всѣ съ образованіемъ академическимъ. Намъ указывали на одного діакона и одного псаломщика, окончившихъ курсъ академіи. Въ провинціальныхъ городахъ нашихъ и селахъ всѣ священники съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ, за немногими только исключеніями, гдѣ старички доживаютъ свой вѣкъ. По городамъ, хотя и не много, но есть съ образованіемъ и академическимъ. Наставники нашихъ академій и семинарій, всѣ смотрителя училищъ непремѣнно съ академическимъ образованіемъ, съ академическимъ же образованіемъ много преподавателей даже въ училищахъ. Взгляните же теперь въ древніе наши разсадники просвѣщенія: Кіевъ, Москву и другіе города, славящіеся древностью монастырей, много ли въ нихъ людей, способныхъ быть наставниками въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ? Мы ни мало не думаемъ и не желаемъ унижать этимъ достоинства нашихъ святынь; достоинство подвижнической жизни лицъ монашествующихъ осталось при нихъ; но научное образованіе въ бѣломъ духовенствѣ стоитъ выше, чѣмъ тамъ. Изъ бѣлаго духовенства всегда можно найти достойныхъ и вполнѣ способныхъ быть и преподавателями, и начальствующими въ

нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, точно также какъ изъ наставниковъ, не поступившихъ въ духовное званіе, всегда найдутся лица, вполнѣ достойныя быть блюстителями нравственности. При исключительномъ же правѣ монашествующихъ быть начальниками учебныхъ заведеній, въ послѣднее время, дошло до того, что приходилось опредѣлять въ ректора семинаріи такихъ лицъ, которые совершенно не способны были къ этой должности. Такъ, наприм., въ одной изъ извѣстныхъ намъ семинарій былъ ректоромъ нѣкто Евтихій. Однажды приходитъ онъ на классъ математики и обращается къ наставнику: «получено предписаніе, чтобы усиленнѣй заниматься математикой. У насъ математика не проходится, у насъ есть только алгебра и геометрія, но надобно предписаніе начальства исполнять; такъ вы-пожалуйста, займитесь, займитесь. Надо дѣлать, что велятъ»! Однажды, на экзаменѣ по математикѣ, вызываютъ одного шустраго мальчугана; тотъ, не зная ничего, и начинаетъ бойко писать на доскѣ буквы, цифры и объяснять во всю мочь,—что на умъ попало. Наставникъ молчитъ, со вниманіемъ смотритъ и ректоръ Евтихій. Наконецъ мальчуганъ заврался совсѣмъ и, второпяхъ, сказалъ: $2 \times 2 = 6$. Ректоръ: «постой! Какъ $2 \times 2 = 6$? $2 \times 2 = 4$»!—Нѣтъ, ваше высокопреподобіе! Это по ариѳметикѣ $2 \times 2 = 4$, а по математикѣ $2 \times 2 = 6$. «А! Ну, продолжай»! И боецъ получилъ лучшій баллъ. Въ другой разъ наставникъ физики говоритъ ему, что у электрической машины лопнуло колесо.—«Ну что жъ? Отошлите къ каретнику починить, или пусть сдѣлаетъ новое!» Нѣтъ сомнѣнія, что комитетъ, давая право учебнымъ заведеніямъ нашимъ избирать въ начальники изъ среды наставниковъ, не принявшихъ священническаго сана, и изъ бѣлаго духовенства, имѣлъ въ виду Евтихіевъ. При стремленіи комитета къ расширенію просвѣщенія теперь ни одинъ уже, конечно, Евтихій въ ректора семинаріи не попадетъ. Слѣдовательно комитетъ имѣлъ въ виду удаленіе изъ учебныхъ заведеній не монаховъ, а Евтихіевъ между ними. Умнымъ же людямъ дорога не загорожена и нынѣ.

Г. Елагинъ утверждаетъ, что монашествующіе въ учебныхъ заведеніяхъ необходимы потому, что и самихъ ихъ нравственность выше, чѣмъ въ бѣломъ духовенствѣ, и воспитанники изъ-подъ ихъ воспитанія выходили религіозно-нравственнѣе и покорнѣе власти? О томъ, чья нравственность выше,—бѣлаго духовенства или монашествующаго,—предоставимъ суду общаго Судіи нашего,—Господа; а что воспитанники прежнихъ семинарій были хуже въ тысяча разъ противъ нынѣшнихъ, — для доказательства этого нужно взять только книгу г. Елагина. Цѣлой книгой онъ самъ доказываетъ это. Мы спро-

симъ его: кто были ректорами и инспекторами въ семинаріяхъ и академіяхъ въ то время, когда обучались тамъ и получали направленіе на всю жизнь хулители «церкви»: М. Я. Морошкинъ, Д. И. Ростиславовъ, Помяловскій, И. С. Беллюстинъ и под.,—монашествующіе или изъ бѣлаго духовенства? Духовенство, прослышавши объ улучшеніи своего положенія, «стало собираться въ кружки, писать статьи возмутительнаго, противъ духовной власти, содержанія и готовое теперь къ бунту»,—вышло изъ тѣхъ же хваленыхъ семинарій; члены консисторій, гдѣ «господствуетъ произволъ»,—изъ тѣхъ же семинарій; пьяницы, негодяи и пр.—изъ тѣхъ же семинарій. Мы не высказываемъ своего мнѣнія, но самъ г. Елагинъ, цѣлой книгой, доказываетъ, что начальствующіе прежняго времени и въ нравственномъ отношеніи принесли немного пользы. Что они заботились о нравственности,—этого мы не только не отвергаемъ, но даже могли бы представить множество фактовъ дѣйствительной заботливости; но было, между ними, не мало и курьезовъ. Однажды, напр., ректоръ Евтихій видитъ у ученика 1 класса въ задачкѣ по русскому языку: «весна въ деревнѣ», написано: «мальчики и дѣвочки возвращаются изъ лѣсу и поютъ пѣсни». — «Какъ можно допускать это, обращается онъ къ наставнику, это безнравственно, безнравственно! Мальчики и дѣвочки ходили вмѣстѣ въ лѣсъ!...» — Да вѣдь такъ и бываетъ, в. в—біе, отвѣчаетъ наставникъ, что дѣти вездѣ играютъ вмѣстѣ.—«Это безнравственно, безнравственно! Поправьте: мальчики шли изъ одного лѣсу, а дѣвочки изъ другаго. Это что опять: пѣли пѣсни! Поправьте: пѣли молитвы».—«Гдѣ же вы услышите, чтобы деревенскіе дѣти играли и пѣли молитвы»? — «Это безнравственно, безнравственно! Мало ли кто что дѣлаетъ, а нашъ ученикъ и долженъ описывать это? Нѣтъ, онъ долженъ писать то, какъ христіане вести себя должны, а не то, какъ они ведутъ себя. Старайтесь, чтобы ученику и на умъ не приходила безнравственность».

XXXI.

«Комитетъ, говоритъ онъ, старался высвободить, а если будетъ возможно, то и совсѣмъ изъять семинаріи изъ-подъ вѣдѣнія архіереевъ (71)». Затѣмъ онъ, со всею силою, доказываетъ,—и словомъ Божіимъ, и исторіею, и канонами,—значеніе епископа и необходимость полнаго вліянія его на духовныя школы. Но все это выходитъ крайне забавно: онъ доказываетъ то, въ чемъ никто не сомнѣвался, и опровергаетъ то, чего никто не говорилъ. Онъ борется съ собственнымъ воображеніемъ, сражается, просто, «съ вѣтрянными мельницами». Что одну изъ существеннѣйшихъ обязанностей епи-

скопа составляетъ наблюдать за приготовленіемъ его помощниковъ,—служителей церкви въ школахъ,—это вполнѣ признаетъ каждый и спорить противъ этого никто и не думаетъ. И комитетъ оставилъ права̀ преосвященныхъ въ той же силѣ, какъ были онѣ до преобразованія школъ.

Но, послѣ жаркихъ упрековъ комитету за воображаемое имъ самимъ ограниченіе власти, г. Елагинъ стихаетъ и говоритъ: «существующія нынѣ отношенія между семинарскими правленіями и архіереями, по которымъ никакое рѣшеніе, никакая мѣра не могутъ быть приведены въ исполненіе безъ утвержденія архіерея»... (78). Изъ-за чего же, спрашивается, была вся эта война? Если правленія никакихъ своихъ постановленій приводить въ исполненіе, безъ утвержденія преосвященныхъ, не могутъ, то гдѣ же уменьшеніе ихъ власти,—ихъ вліянія на школы? Теперь-то такъ, отвѣчаетъ запуганный г. Елагинъ, но «можно думать, что все это на время»! Но почему же, мы спрашиваемъ его, не «можно думать», что все это навсегда такъ и останется? Страхъ, просто, ребяческій! Но пусть онъ успокоится: вліяніе это должно быть,—и останется.

О дальнѣйшихъ разсужденіяхъ г. Елагина объ отношеніяхъ преосвященныхъ къ дух. учебнымъ заведеніямъ мы опустимъ, какъ нейдущее къ нашей цѣли, и упомянемъ только о сужденіяхъ его о ревизорахъ и членахъ консисторій.

«Члены-ревизоры подобны блуждающимъ звѣздамъ или кометамъ, говоритъ г. Елагинъ. Они свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ; приходятъ въ семинаріи изъ отдаленныхъ пространствъ въ извѣстные періодическіе сроки; своимъ появленіемъ на горизонтѣ той или другой епархіи наводятъ на ректоровъ и наставниковъ семинарій суевѣрный страхъ, предвѣщая имъ выгоры, порицанія, отставки и другія подобныя бѣдствія; остаются видимыми на горизонтѣ недѣли двѣ или три, затѣмъ, совершая свои пути по весьма удлиненнымъ параболамъ, опять уходятъ въ отдаленныя пространства, и только длинные хвосты ихъ, представляющіеся въ видѣ громадныхъ отчетовъ, служатъ еще нѣкоторое время предметомъ изумленія и любопытства для наставниковъ семинарій. О кометахъ извѣстно, что онѣ, при своемъ громадномъ объемѣ, обладаютъ ничтожною плотностью, такъ что разрѣженный до послѣдней степени воздухъ все еще остается плотнѣе кометныхъ массъ. Земля, при встрѣчѣ съ кометою, пролетѣла бы чрезъ нее подобно птицѣ, разсѣкающей своими краями воздухъ, не ощутивъ въ себѣ ни малѣйшихъ измѣненій. Они проходятъ и уходятъ, не производя никакихъ существенныхъ измѣненій въ порядкѣ семинарскаго ученія и воспитанія. И послѣ нихъ все остается въ семинаріяхъ по старому: лѣнивые лѣнятся, прилежные трудятся и т. д.».

Какъ ни старается онъ выставить безполезность ревизоровъ, но самъ же говоритъ, что они наводятъ и на ректоровъ, и на наставниковъ страхъ, что ревизіи сопряжены съ выговорами для служащихъ, порицаніями и даже отставками. Это уже далеко не то, что разрѣженный воздухъ, это не «кометная ничтожная плотность»,— комета, значитъ, такая «плотная», что кого зацѣпитъ она «своимъ хвостомъ», такъ и своихъ не узнаетъ: удаленіе отъ должности никто не считаетъ дѣломъ «неощутительнымъ». Оно всегда и всѣмъ ощутительно, и даже очень. Страхъ, стало быть, несуевѣрный. Если онъ считаетъ одно только ограниченіе власти, и при этомъ, имъ самимъ только лишь воображаемое, невыносимымъ для себя ударомъ, то совершенное удаленіе отъ должности нельзя считать и вовсе дѣломъ неощутимымъ. Слѣдовательно, ревизоры для семинарій имѣютъ большое значеніе.

«Послѣ ревизоровъ все оставалось въ семинаріяхъ по старому: лѣнивые лѣнились, прилежные трудились. Но что въ нынѣшнихъ семинаріяхъ лѣнтяевъ и тупицъ такихъ нѣтъ, какіе были безъ ревизоровъ, въ дореформенное состояніе, то объ этомъ говорилъ онъ самъ же, забывши, конечно, это: «нѣтъ теперь въ семинаріяхъ, говорилъ онъ до этого, такихъ лѣнтяевъ и тупицъ, какіе нерѣдко проходили всѣ классы въ прежнихъ семинаріяхъ». Слѣдовательно, хотя въ семинаріяхъ есть и теперь лѣнтяи, но все-таки «нѣтъ такихъ, какіе были прежде», а слѣдовательно теперь въ семинаріяхъ лучше, чѣмъ было прежде. А поэтому онъ самъ, какъ и всегда, противорѣчитъ себѣ. Мало этого: онъ самъ признаетъ ревизоровъ представителями высшей духовной власти,— Св. Синода. Онъ говоритъ: «члены-ревизоры состоятъ при духовно-учебномъ комитетѣ, комитетъ состоитъ при Св. Синодѣ, и Св. Синодъ имѣетъ законное право оказывать вліяніе на дух. семинаріи и самъ непосредственно, и чрезъ довѣренныхъ отъ него лицъ, хотя бы и свѣтскаго званія. Чрезъ кого бы то ни было, онъ дѣйствуетъ въ законномъ порядкѣ (75, 76)». А если ревизоры есть представители Св. Синода, то и говорить нечего; и смотрѣть на нихъ нужно, какъ на представителей Св. Синода.

Правда, говоритъ онъ, ревизоры приносятъ пользу учебнымъ заведеніямъ, — «они просматриваютъ журналы, протоколы и отчеты семинарскихъ правленій, но все это дѣлаютъ они «время отъ времени», по меньшей мѣрѣ, чрезъ годъ послѣ того, какъ состоятся самыя рѣшенія. Послѣдствія подобныхъ просмотровъ извѣстны: сдѣлаютъ внушенія, замѣчанія, выговоры, погрозятъ удаленіемъ отъ должности, наконецъ удалять—и только (!!!), а сдѣланнаго дурно уже не поправишь, дурныя мѣры успѣли уже надѣлать много вреда».

Такъ. Но кто же главный виновникъ въ допущеніи этихъ дурныхъ мѣръ, вреда для заведеній и несчастія удаляемыхъ отъ должности? Онъ самъ же говорилъ, что никакая мѣра и никакое рѣшеніе не могутъ быть приведены въ семинаріяхъ безъ утвержденія архіерея». А такъ какъ онъ не допускаетъ въ преосвященныхъ обыкновеннаго человѣческаго утомленія отъ дѣлъ, недосмотра и ошибокъ, то, слѣдовательно, тò, что дѣлаютъ семинарскія правленія по ошибкѣ, преосвященный утверждаетъ это сознательно,—съ полнымъ убѣжденіемъ въ безошибочности. Слѣдовательно виною всѣхъ, бывающихъ въ семинаріяхъ, недостатковъ бываютъ преосвященные. Плохой адвокатъ г. Елагинъ! Кого ни возьмется защищать, непремѣнно самъ первый хватитъ. И изъ-за чего съ такимъ жаромъ все это говорено было о кометахъ, хвостахъ и пр.? Изъ-за воображаемаго уменьшенія вліянія преосвященныхъ на учебныя заведенія. По нашему мнѣнію гораздо было бы разумнѣе небылицъ не воображать и не безпокоить ни себя и ни другихъ.

Характерична еще одна мысль г. Елагина. «Урѣзывая власть архіереевъ, говоритъ онъ, можно дойти наконецъ до того, что архіереи останутся совсѣмъ безъ занятій (79)». Такъ говорить можетъ только именно г. Елагинъ, или человѣкъ, совершенно незнающій апостольскихъ обязанностей преосвященныхъ. У каждаго изъ нихъ, мы скажемъ ему, по нѣскольку сотъ тысячъ пасомыхъ ими, и за каждую погибшую душу онъ отвѣчаетъ передъ Богомъ. Ясно, что тутъ «занятій» столько, что намъ, пасомымъ, остается только молиться, чтобы Господь помогалъ имъ въ ихъ страшно великихъ трудахъ. Забота о спасеніи многихъ сотенъ тысячъ христіанъ поглотитъ всякіе мелочные расчеты. Напрасно, поэтому, г. Елагинъ и ратуетъ за то, о чемъ ни одному изъ нихъ некогда и подумать, о чемъ никто изъ нихъ и не думаетъ. Не до ребячества епископу, когда видитъ онъ кругомъ: небрежность о спасеніи, расколъ, ересь, невѣріе, ненависть, гордость, обманъ, грабежъ и пр. Онъ радъ всякому, ктобъ ни помогъ ему, особенно если эта помощь отъ Св. Синода.

«Наставники семинарій нерѣдко даже намѣренно возбуждаютъ и поддерживаютъ въ своихъ воспитанникахъ враждебныя отношенія къ епархіальному вѣдомству, разсказывая, напр. пасквильныя анекдоты о консисторіяхъ, о благочинныхъ и о священникахъ». Чтобы говорилось это дѣйствительно,—дѣло сомнительное; но если и говорили нѣкоторые изъ нихъ, хотя бы то даже и многіе, то, навѣрное, и всѣ они вмѣстѣ не сказали и десятой доли того «пасквиля» и въ такомъ обиліи, и съ такимъ усердіемъ, какъ говоритъ самъ г. Елагинъ. Указывая на сучекъ въ глазу другаго, нужно было бы посмотрѣть и на бревно свое. Если наставники и говорили, то говорили что ни-

будь мелочное, копѣечное,—пустяки; но пасквиль Елагина не копѣечная, а «рублевая» и въ С.-Петербургѣ въ книжн. магазинѣ Тузова и въ Москвѣ у Ферапонтова цѣлые ея склады... Ни ему укорять другихъ въ пасквили на духовенство!

Наставники своими разсказами пасквилей о духовенствѣ довели семинаристовъ до того, что «всякій (?) изъ нихъ, поэтому, говоритъ г. Елагинъ, смотритъ нѣсколько свысока на всѣхъ служащихъ по епархіальному вѣдомству и, по этой причинѣ, многіе ихъ нихъ не поступаютъ и въ духовное званіе». Крайне жаль, если все это правда. Но какая цѣль пасквиля г. Елагина, спросимъ мы его самаго? Что бы привлечь воспитанниковъ семинаріи къ поступленію въ духовное званіе, внушить уваженіе къ консисторіямъ, благочиннымъ и священникамъ? Расположить прихожанъ къ церкви и служителямъ ея? Привлечь къ служенію церкви лицъ изъ другихъ сословій? Расположить къ церкви иновѣрцевъ, раскольниковъ, атеистовъ? Показать свѣтской литературѣ, что православное русское духовенство наше не настолько тупо, глупо и безнравственно, какъ она отзывается о немъ? Ужъ не ему бы говорить, и не намъ бы слушать! Защищай онъ кого знаетъ другихъ, а мы въ такихъ защитникахъ не нуждаемся.

XXXII.

«Примѣръ неуваженію къ консисторіямъ подается самимъ духовно-учебнымъ комитетомъ». А такъ какъ комитетъ состоитъ при св. Синодѣ, то, слѣдовательно, этотъ «примѣръ» поданъ самимъ св. синодомъ. Еще болѣе жаль, но только такъ ли? Униженіе консисторіямъ и поводъ къ насмѣшкамъ надъ ними, г. Елагинъ видитъ въ устраненіи членовъ ея отъ участія въ съѣздахъ духовенства. Въ отвѣтъ на это мы скажемъ ему, что комитетъ былъ много поумнѣе и поблагороднѣе насъ съ г. Елагинымъ. Онъ хорошо предусмотрѣлъ могущее произойти зло для духовенства отъ участія членовъ и, радѣя о духовенствѣ, устранилъ ихъ; вотъ факты, за которые мы ручаемся чѣмъ угодно и можемъ доказать это, еслибъ это понадобилось доказывать. Въ одной изъ извѣстныхъ намъ губерній, нѣкогда собрано было духовенство для распредѣленія по церквамъ суммы взноса въ пособіе семинаріямъ. Собраніе было въ присутствіи консисторіи. Тутъ были всѣ члены консисторіи, всѣ протоіереи уѣздныхъ городовъ, почти всѣ благочинные и уполномоченные отъ благочиннических округовъ изъ рядовыхъ священниковъ. Въ первый день предсѣдательствовалъ самъ преосвященный. Много хорошаго и полезнаго сказалъ онъ тутъ

духовенству и, между прочимъ, говорилъ, чтобы духовенство жалѣло бѣднѣйшія церкви и, въ случаѣ непосильнаго для нихъ взноса, переносили его на церкви состоятельныя. На другой день самовольно взялъ на себя предсѣдательство одинъ изъ членовъ консисторіи и сталъ дѣлать раскладку взносовъ. Онъ раскладывалъ, складывалъ и накладывалъ, какъ было угодно ему,—чисто по произволу. Благочинный, которому свои церкви извѣстны, конечно, въ тысячи разъ лучше, чѣмъ какому-бы то ни было члену, сколько ни дѣлалъ, иногда, представленій о состоятельности или несостоятельности церкви,—членъ не обращалъ и вниманія. Въ это время, между прочимъ, на церковь села В., очень состоятельную, наложено было 50 р. Священникъ этой церкви былъ тутъ же, и молчалъ; но какъ только кончилось засѣданіе, онъ, тотчасъ, отправился къ члену и далъ ему 25 р., чтобы сбавить взносу. И тотъ изъ 50 р. сдѣлалъ 25. Такимъ образомъ и членъ, и священникъ разстались оба довольные другъ другомъ. Провѣрить раскладку духовенству не дали; ее переписали, велѣли подписаться,—и уѣхать по домамъ. Мы знаемъ объ одномъ только случаѣ такой сдѣлки, но былъ поводъ предполагать, что разсказанный нами случай былъ не единственный.

Въ первый годъ, по преобразованіи училищъ, на наши окружные училищные съѣзды являлся всегда членъ консисторіи Дмитрій Акимовичъ Крыловъ, съ другимъ городскимъ священникомъ N. N., въ качествѣ уполномоченныхъ отъ городскаго духовенства. Дмитрій Акимовичъ являлся и, начальническимъ тономъ, говорилъ чтò и какъ мы должны дѣлать. Возраженій не принималось никакихъ. N. N. былъ благопокорнымъ выразителемъ мыслей Крылова. Крыловъ днемъ говорилъ, мы слушали, N. N. ночью переписывалъ и поутру заставляли насъ подписывать протоколы. Въ этомъ и состояли наши совѣщанія.

На епархіальныхъ съѣздахъ Крыловъ орудовалъ также. Но, года чрезъ два, духовенство рѣшилось баллотировать предсѣдателя. Услышалъ про баллотировку Крыловъ, нахмурился, поставилъ камилавку свою на окно и сталъ ходить по комнатѣ собранія. Первымъ баллотировали меня и выбрали, кажется, единогласно. Крыловъ молча взялъ камилавку, ушолъ,—и болѣе не являлся ни на одно засѣданіе и, потомъ, ни на одинъ съѣздъ.

Въ одной изъ извѣстныхъ намъ епархій, имѣющей свѣчной заводъ, заводомъ завѣдывалъ членъ консисторіи [1]). Однажды, при

---

[1]) Объ этомъ заводѣ намъ присланы очень подробныя свѣдѣнія и мы, когда найдемъ это удобнымъ, сообщимъ ихъ. Свѣдѣнія и крайне интересны, и поучительны, особенно для тѣхъ епархій, гдѣ нѣтъ еще свѣчныхъ заводовъ.

Сельскій Священникъ.

съѣздѣ, духовенство попросило его дать отчетъ по заводу. Членъ сообщилъ кое-какія свѣдѣнія, но въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ другой разъ духовенство потребовало настоятельно представить книги завода. Но членъ заявилъ съѣзду, что книги всѣ пропали. Побились—побились батюшки, да такъ ревизію и бросили. Завелись новыя книги, съѣздъ назначилъ ревизіонную коммиссію. По первой ревизіи оказался недостатокъ воска въ нѣсколько десятковъ пудовъ; но членъ объяснилъ на это, что воскъ, вѣроятно, растасканъ на ногахъ. Тѣмъ и покончили, только одинъ изъ уполномоченныхъ попросилъ положить коврики при всѣхъ дверяхъ для очистки ногъ, при выходѣ изъ завода.

Меня могутъ заподозрить въ пристрастріи, въ нерасположеніи къ членамъ консисторій. Но это было бы несправедливо. Лично мнѣ консисторіи не сдѣлали ровно никакого зла и быть пристрастнымъ мнѣ нѣтъ причины. Случись обстоятельство, — и я скажу объ ихъ хорошихъ дѣйствіяхъ точно также хладнокровно и точно также совершенную правду, какъ говорю ее теперь. Многое, очень многое мы могли бы сказать и хорошаго, и дурнаго о консисторіяхъ, но цѣль наша не та, чтобы хвалить или хулить. Наша цѣль доказать, что учебный комитетъ сдѣлалъ большое благодѣяніе духовенству, удаливши членовъ консисторіи отъ засѣданія на съѣздахъ.

Несправедливость учебнаго комитета къ членамъ консисторіи, что они устранены имъ отъ участія въ засѣданіяхъ духовенства, доказываетъ онъ тѣмъ, что они болѣе всего духовенства епархіи заботятся объ учебныхъ заведеніяхъ. «Нынѣшнія семинаріи, говоритъ онъ хорошимъ содержаніемъ своимъ обязаны оберъ-прокурору св. синода, министру финансовъ, хозяйственному управленію при св. синодѣ и едва ли не больше всего епархіальнымъ управленіямъ, собирающимъ отъ церквей деньги на нужды духовнаго образованія. Пусть епархіальныя управленія отвратятъ на время лице свое отъ духовно-учебныхъ заведеній, пусть онѣ дадутъ по епархіямъ хоть слабый сигналъ не въ пользу поборовъ отъ церквей на пользу училищъ: поборы эти немедленно сократятся и горделивое чванство духовно-учебныхъ заведеній своею роскошною (!) обстановкою должно будетъ уменьшиться, по крайней мѣрѣ, на половину. Члены консисторій болѣе всѣхъ работаютъ (!) по сбору денегъ на духовно-учебныя заведенія,—и ихъ устранили отъ всякаго участія въ дѣлахъ съѣздовъ (57, 83)».

Разсматривая книгу г. Елагина, можно изучать вполнѣ его самаго.—Какъ только зарапортуется онъ, то можно напередъ уже знать, что онъ непремѣнно скажетъ и опроверженіе себѣ. Стоитъ только порыться въ его книгѣ,—и отвѣтъ ему готовъ. Такъ точно и въ этомъ

случаѣ. Но эта похвала заботливости членовъ консисторій отличается даже тѣмъ, что здѣсь не приходится и рыться въ его книгѣ: здѣсь онъ сей же часъ,—за этими словами,—говоритъ совсѣмъ другое. Прежде сказалъ онъ: дай епархіальныя управленія хоть слабый сигналъ не въ пользу поборовъ,—и сборы уменьшатся на половину, и тутъ же продолжаетъ: «епархіальный съѣздъ можетъ обратить всѣ церковныя деньги на содержаніе своихъ дѣтей въ училищахъ,—и консисторіи, обязанныя по уставу (!) заботиться по удовлетвореніи церковныхъ нуждъ, должны безусловно, т. е. поневолѣ, подчиняться такому рѣшенію». Извольте рѣшить теперь, на основаніи словъ его, о чемъ стараются консисторіи,—объ училищахъ или о церквахъ? Но человѣку постороннему рѣшить этого нельзя. Рѣшить это можетъ только самъ г. Елагинъ,—и онъ рѣшаетъ: «отъ устраненія членовъ консисторій духъ церковности ослабѣлъ». Такъ вотъ гдѣ она, суть-то! Выходитъ, что члены не заботятся и ни о школахъ, и ни о церквахъ; имъ хотѣлось бы присутствовать въ собраніяхъ священниковъ затѣмъ только, чтобы не ослабѣлъ духъ церковности,—чтобы и на съѣздахъ говорить: консисторія приказали! Крыловъ такъ намъ и приказывалъ, этого теперь домогается членъ самарской консисторіи о. протоіерей Халколивановъ (Ц.-Об. В. 1881 г. № 22, 23).

Хотя въ устраненіи членовъ консисторій отъ присутствованія въ нашихъ собраніяхъ мы неповинны ни мало, но онъ страшно мститъ намъ за это: «нѣтъ въ собраніяхъ духовенства членовъ, — и духъ церковности ослабѣлъ; духовенство недовольно существующимъ порядкомъ въ государствѣ, недовольно властію и рвется освободиться отъ нея, хотя бы это было соединено съ потрясеніемъ церковныхъ и государственныхъ началъ (экъ хватилъ!). Не даромъ радѣтели наши заграницей, кричавшіе недавно «въ народъ», стали уже кричать: «въ духовенство»!... Въ истерическихъ припадкахъ своей злобы онъ самъ не понимаетъ, что говоритъ онъ. Пустая безсмысленная рѣчь мѣтко выражается на малороссійскомъ нарѣчіи. Такую рѣчь называютъ «брехня». Мы употребимъ на этотъ разъ малороссійское слово и скажемъ: нѣтъ надобности опровергать такую брехню. Любовь и преданность наша церкви, престолу и отечеству хорошо извѣстны всѣмъ. Не смотря на всю брехню, допустимъ однако же, что онъ говоритъ правду. Подумалъ ли онъ при этомъ о томъ, что если заграничные радѣтели, бросивши народъ, кричатъ теперь: «въ духовенство»,—дѣлаетъ этимъ намъ честь?... Онъ, по обыкновенію, не вникъ въ то, что говоритъ про насъ и нигилистовъ. Пусть же онъ видитъ: «радѣтели» наши,—и писарями, и слесарями, и всякой всячиной,—разбрелись по нашему отечеству. Часть ихъ бросилась «въ народъ».

Но «народъ», могучій и безъ того своею собственною силою, находится подъ вліяніемъ и водительствомъ другой могучей силы, — духовенства,—любитъ Государя и отечество, и тѣ изъ нихъ, т. е. радѣтелей, которые выказались «народу» своей болтовней, поплатились своими боками. Радѣтели увидѣли, что съ «народомъ» ничего не подѣлаешь, что нужно прежде сломить вліяющую на него и руководящую имъ силу, — духовенство,—и закричали: «въ духовенство, въ духовенство»! И что же? За дворомъ, — «за границей», — побрехали-побрехали, во дворъ сунуться побоялись, — да и отстали. Мы впрочемъ не знаемъ, чтобы нигилисты кричали: «въ духовенство». Это почему-то знаетъ одинъ только г. Елагинъ.

XXXIII.

Въ главѣ объ учебныхъ духовныхъ заведеніяхъ у г. Елагина особенно ясно и опредѣленно выражено понятіе его о церкви, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ его книги. Такъ онъ, сказавши, что члены семинарскаго правленія могутъ свободно выражать свои мнѣнія, продолжаетъ: «семинарія является нынѣ какимъ-то государствомъ въ государствѣ, т. е. обществомъ, съ своими законами при общихъ законахъ,—властію при другой власти, мѣстная же церковь для семинаріи, — совершенно постороннее дѣло», т. е. мѣстнаго епископа, мѣстную власть она не хочетъ и знать. Точно также и студенты академій не имѣютъ и понятія, что живое воплощеніе православія есть святая православная церковь.

Такимъ образомъ г. Елагинъ ясно доказалъ принадлежность свою къ компаніи нѣкоторыхъ членовъ древнихъ нашихъ дворянскихъ фамилій, перешедшихъ въ католицизмъ: гр. Шуваловыхъ, князей и княгинь Долгорукихъ, Голицыныхъ, Гагариныхъ и, хотя не изъ такого рода людей, Цитовича. Г. Елагинымъ, хотя онъ и не признаетъ себя открыто, шагъ къ римско-католицизму уже сдѣланъ. Другой кто нибудь въ родѣ екатеринославскаго крестоваго іеромонаха Митрофана, сдѣлаетъ другой шагъ и такимъ образомъ мало-по-малу римско-католическія тенденціи проникнутъ и въ печать, и въ общество.

Іеромонахъ Митрофанъ написалъ самую наглую пасквиль на бѣлое духовенство (Церковно-Общ. Вѣстн. 1882 г. № 8). Онъ очернилъ бѣлое духовенство еще хуже, чѣмъ самъ Н. В. Елагинъ, монашествующее же, разумѣется, выставилъ чуть ни безплотными небожителями, и говоритъ: «бѣлое брачное духовенство положительно негодно никуда во всѣхъ отношеніяхъ и поэтому необходимо замѣнить его

безбрачнымъ, монашествующимъ». Мы не находимъ для себя нужнымъ подробно разбирать эту пасквиль, позорящую ея автора, и выскажемъ только свое мнѣніе: почему бы могла явиться у монаха такая недостойная его мысль? Мы думаемъ: сгрустнулось «Митрофану» жить въ кельѣ архіерейскаго дома подъ безпрестаннымъ строгимъ окомъ преосвященнаго, зарвалось его сердечушко поразмыкать свою кручинушку по бѣлу свѣту, на всей своей вольной-волюшкѣ, вознаградить себя за всѣ посты и подначаліе,—онъ и ну метаться во всѣ углы своей тѣсной кельи и застоналъ: «Распустите насъ по бѣлу свѣту, чтобы мы жили всѣ межъ мірянами! Попы жадны всѣ и назойливы: лишь о деньгахъ всѣ и заботятся; прихожанъ тѣснятъ, не жалѣя ихъ. То ли дѣло мы: безкорыстные! Одиноки мы, безсемейные. Ничего, какъ есть, намъ не надобно. Прихожанъ тѣснить мы не стали бы; мы учили бы ихъ уму-разуму; дѣтей бѣдныхъ всѣхъ обывателей содержали бъ мы на свои средства; на свои средства и учили бъ ихъ; мы всѣ жили бы какъ одна семья: у насъ были бы миръ-согласіе. Мы изгнали бы суевѣрія; порѣшили бы и раскольниковъ. Укрѣпили бъ мы власть епископовъ»!...

Грустное явленіе г. Елагинъ, хотя къ людямъ такого сорта мы уже привыкли, но Митрофана даже жаль. Предоставляемъ его ближайшему начальству вразумить его въ его заблужденіи и успокоить возбужденную его душу. Внушить ему, что если нѣкогда и одинъ изъ близъ стоявшихъ предъ Богомъ (какъ и онъ, Митрофанъ, близъ преосвященнаго) ангеловъ, вообразивши въ себѣ слишкомъ много силы, палъ; то тѣмъ скорѣе можетъ пасть онъ, «Митрофанъ». Самые св. апостолы видѣли въ себѣ однѣ только немощи, а онъ видитъ себѣ одну только силу. Стоглавый еще соборъ запретилъ бродячую жизнь монаховъ и опредѣлилъ имъ жить неотлучно въ монастыряхъ (Ист. Макарія т. VIII, л. 192). Въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія монашествующимъ запрещено отлучаться изъ монастырей даже на короткіе сроки и по самой крайней нуждѣ,— для сборовъ на пропитаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что причины къ такимъ распоряженіямъ были самыя основательныя. Указать ему, что римско-католическіе ксендзы выходятъ изъ своихъ учебныхъ заведеній не глупѣе насъ и не безнравственнѣе; но многіе изъ нихъ на приходахъ живутъ крайне дурно. Мы же, съ своей стороны, посовѣтывали бы ему читать каждый день,—неопустительно, житія святыхъ. Изъ ихъ примѣровъ онъ научился бы смиренію, полюбилъ бы самимъ имъ избранную, отшельническую жизнь; утишать возбужденное свое состояніе постомъ и молитвою; научился бы уважать достоинство ближняго и увидѣлъ бы, что съ подобнымъ о себѣ мнѣніемъ, какъ воз-

мечталъ онъ, падали и великіе подвижники. Скажемъ ему, наконецъ, что преосвященные наши не римскіе папы среднихъ вѣковъ,—и ни въ какихъ Лойолахъ не нуждаются.

XXXIV.

Г. Елагину проф. Д. И. Ростиславовъ какъ кость въ горлѣ: чтобъ гдѣ ни сдѣлалось,—вездѣ онъ, Ростиславовъ. Поднять «несчастный» вопросъ объ улучшеніи быта духовенства—по мысли Ростиславова; комитетъ по преобразованію духовныхъ учебныхъ заведеній шолъ по указаніямъ Ростиславова и причиною всего въ нихъ зла—онъ, Ростиславовъ; сокращены штаты служащаго духовенства и закрыто много храмовъ, — по его же указанію. Вездѣ онъ, Ростиславовъ. Не будь его,—и все шло бы по церковнымъ канонамъ. Много зла сдѣлано по его указанію; но все это ничто предъ тѣмъ зломъ, на которое рѣшилось было правительство по указанію того же Ростиславова: по его указанію предполагалось совершить такое дѣло, предъ которымъ всѣ прежде бывшія нападенія на церковь оказались бы простыми ребяческими шалостями. По указаніямъ его «въ высшихъ руководящихъ сферахъ задумано было коренное преобразованіе церкви, съ цѣлію приблизить ее къ протестантскимъ обществамъ, ввести въ ней пресбитеріанство. Предположено было даже поколебать въ Россіи основы православной церкви: предполагалось сокрушить архіерейскую власть. Одна мысль объ этомъ, — проектъ, — ошеломила всѣхъ. Всѣ благочестивые и преданные церкви люди пришли отъ нея въ ужасъ. Но члены комитета, составленнаго для этого дѣла, не смотрѣли ни на что: у нихъ была одна мысль: «надобно сокрушить до основанія нынѣшній духовный судъ и на его развалинахъ построить новые суды, по образу и подобію свѣтскихъ судовъ. Въ умахъ членовъ царила одна мысль: сокрушать, сокрушать,—и они пошли на проломъ. Одни изъ нападаемыхъ пали, другіе пошли на уступки и сдались врагу, но обладающіе сильнымъ характеромъ, люди твердые, остались при прежнемъ способѣ дѣйствій: проектъ, не сломивъ ихъ воли, не поколебалъ ихъ убѣжденій (85, 89, 91)».

Что за картину рисуетъ намъ г. Елагинъ? Читая это, такъ и видишь, что передъ тобой стоитъ Тамерланъ, Атилла, Чингисъ-ханъ или Титъ предъ Іерусалимомъ и даетъ приказанія войскамъ своимъ: «бей, жги, сокрушай все! Размечи жилища ихъ до основанія, не оставляй и камня на камнѣ; распаши землю, на которой стоитъ этотъ нечестивый городъ, сóлью посыпь мѣсто его; раскидай остатки

жителей его по всему свѣту!»... Картина страшная! Но когда вспомнишь о чемъ все это говорится, то понять не можешь: къ чему все это!... Когда вспомнишь, что все это говорится о церкви Христа Спасителя, то предъ глазами представляется Самъ Онъ, кротко говорящій ученикамъ Своимъ: если вы не сдѣлаетесь незлобивыми, какъ дѣти, не войдете и въ царство небесное! Представляется послѣдняя вечеря Его, преисполненная любви даже къ Іудѣ, умовеніе ногъ, молитва на крестѣ за распявшихъ Его. Представляется наперсникъ Его Іоаннъ, съ словомъ любви; пастыри первыхъ вѣковъ восточные и наши отечественные: Петръ, Алексѣй, Филиппъ, Гермогенъ и др. Вспоминаются архипастыри настоящаго времени, которыхъ мы знали и знаемъ лично,—и во всѣхъ нихъ видимъ, за исключеніемъ самыхъ немногихъ, правду, миръ, любовь. Съ чувствомъ глубокаго удовольствія видишь, что во всѣхъ нихъ милость и истина срѣтостѣся, правда и миръ облобызаетѣся. Отрадно, покойно становится на душѣ, какъ въ тихую, весеннюю, свою деревенскую ночь... И вдругъ слышишь, кричатъ одни: «бей, жги, сокрушай!» Другіе: «не дадимъ, нѣтъ, это наше,—наше дѣтище, нами созданное и лелеянное столько вѣковъ! Умремъ, но не дадимъ»! Сразу вдругъ не поймешь, что значитъ все это? Думаешь, что, ну, пришли башибузуки,—и рѣжутъ все; но осмотришься и узнаешь, что нѣтъ ровно ничего: не было никакого погрома и никакой защиты. Дѣло было очень просто: правительство выразило желаніе улучшить судное дѣло духовенства. Для обсужденія его составленъ былъ комитетъ. Проектъ его былъ посланъ на обсужденіе тѣхъ, кого нашли нужнымъ спросить. Многіе изъ спрошенныхъ нашли его неудобнымъ, — и проектъ, и все дѣло поэтому оставлены. И только. Кого же изъ нашихъ архипастырей рисуетъ г. Елагинъ въ своей картинѣ? Ничего подобнаго у насъ не было, нѣтъ и быть не могло. Кто нарушалъ ихъ тихую, святую жизнь? Опять ничего подобнаго и быть не могло. Вся картина есть плодъ досужаго, его собственнаго, воображенія.

Проектъ и отзывы на него онъ выставляетъ страшною борьбою двухъ крѣпкихъ силъ, бьющихся на смерть. И понятно, почему это. Въ немъ онъ видитъ посягательство на власть; а такъ какъ власть для него дороже всего на свѣтѣ, дороже самаго православія (71, 85), то онъ и рисуетъ такую картину. Епископа онъ и представить себѣ не можетъ иначе, какъ въ величіи и власти папъ среднихъ вѣковъ и забываетъ при этомъ, что такое могущество и такое величіе, какое онъ желалъ бы дать нашимъ преосвященнымъ, привело къ упадку религіозно-нравственнаго состоянія не только клира и народа, но и самихъ папъ; къ раздѣленію церквей и образованію безчисленнаго

множества ересей и сектъ, такъ что никакія инквизиціи и никакіе Лойолы не могли уже поправить дѣла.

О членахъ комитета онъ говоритъ: «высокоученые (!) члены комитета приступили къ дѣлу, не составивъ себѣ никакихъ руководящихъ началъ, никакого научнымъ образомъ выработаннаго плана. Они просто взяли основныя положенія новыхъ судебныхъ уставовъ и по нимъ вышивали свои узоры, руководствуясь при этомъ исключительно книгою Ростиславова и газетными статьями объ архіереяхъ и консисторіяхъ. Онъ постарался выставить нынѣшніе суды въ самомъ позорномъ видѣ. Въ судахъ этихъ, по мнѣнію комитета, нѣтъ и не можетъ быть правосудія; въ нихъ господствуетъ невѣжество, дикость, произволъ, корыстолюбіе и т. д. Онъ не пощадилъ церковныхъ правилъ, положенныхъ въ основаніе суда: объяснилъ ихъ съ извращеніемъ ихъ смысла; извратилъ основные законы судебныхъ уставовъ, которые самъ же взялъ себѣ въ основаніе; съ полнымъ безстрашіемъ извратилъ даже Слово Божіе. Проектъ комитета не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что хотятъ поколебать основы церкви и приблизить къ протестантству (89)».

Если повѣрить г. Елагину, то поневолѣ думается, что комитетъ состоялъ изъ какихъ-то головорѣзовъ, для которыхъ священнаго нѣтъ ничего, которые и могутъ только «сокрушать», но когда узнаешь, что предсѣдательствовалъ тамъ высокопреосвященный Московскій митрополитъ Макарій, членами были: докторъ богословія протоіерей М. И. Богословскій, членъ Кіевской духовной консисторіи, каѳедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, членъ той-же консисторіи и ординарный профессоръ университета св. Владиміра, докторъ богословія, протоіерей Н. А. Ѳаворовъ; членъ Московской духовной консисторіи, протоіерей Н. І. Рождественскій; членъ С.-Петербургской духовной консисторіи, протоіерей Н. П. Содальскій и цѣлый рядъ самыхъ выдающихся ученыхъ и юристовъ,—то становится легко на душѣ: невольно припоминаются слова Спасителя: «аще въ суровѣ древѣ сія творятъ, въ сусѣ что будетъ!» Ежели онъ такъ отзывается о такихъ досточтимыхъ людяхъ, которымъ онъ не годится и въ подметки, то ужь намъ захолустнымъ деревенскимъ попамъ и Богъ велѣлъ выслушивать всякую его пасквиль!... Если онъ не скупился для членовъ комитета, то намъ и вовсе не жалѣетъ своего добренькаго словечка. Такихъ вѣроятно повѣствователей и имѣлъ въ виду пророкъ, когда говорилъ: пишущіе лукавство пишутъ. Лукавѣй этого и не выдумать.

И все это «лукавство» изъ-за воображаемаго «сокрушенія» власти. Власть и власть безграничная, безконтрольная и подозрѣнія въ стѣ-

сненіи этой власти замучили его. Въ бреду своей страсти и страха онъ, какъ Іоаннъ Грозный, готовъ сварить всѣхъ въ котлахъ. И какъ Іоаннъ Грозный, въ послѣдній періодъ своей жизни, казнилъ самыхъ преданныхъ ему и отечеству бояръ, подозрѣвая ихъ въ стѣсненіи его власти, такъ и г. Елагинъ чуть ни варитъ тоже въ котлахъ, — громитъ еретиками такихъ лицъ, которымъ онъ самъ, какъ говорится, и въ подметки не годится,—которые православіе свое доказали такъ, какъ ему и во снѣ не приснится. Грозный, казнями преданныхъ ему и государству людей, разстроилъ государство и далъ возможность врагамъ сдѣлать захваты; книга г. Елагина, по своему ничтожеству, хотя не можетъ произвести вліянія на враговъ православія, но, какъ произведеніе лица православнаго, даетъ имъ поводъ къ порицаніямъ и потому служитъ позоромъ для православія. Правда, онъ говоритъ, что власть и безпощадныя наказанія необходимы для возстановленія и поддержанія религіозно-нравственнаго состоянія клира и народа; но, опуская слова св. Писанія и исторію, доказывающія противное, напомнимъ ему объ одномъ изъ поучительнѣйшихъ событій: великій пророкъ Илія истреблялъ порокъ и идолопоклонство огнемъ, мечомъ и голодомъ, безъ всякихъ конечно видовъ властолюбія,—съ пламенною ревностью по Богѣ; но Господь указалъ ему другіе пути Своего промысла. Заклавши жрецовъ вааловыхъ и гонимый Іезавелью, пророкъ Илія ушолъ въ пустыню, — и тамъ услышалъ голосъ Божій: «что ты здѣсь Илія»?—Ревнуя, поревновалъ я о Господѣ, отвѣчалъ онъ, и вотъ теперь ищутъ души моей.—Господь сказалъ: «выдь завтра утромъ и стань на горѣ предъ Господомъ, и Господь пройдетъ мимо». И се духъ великъ и крѣпокъ, разоряя горы и сокрушая каменія въ горѣ... Но не въ дусѣ (бурѣ) Господь. И по дусѣ трусь (землетрясеніе)... И не въ трусѣ Господь. И по трусѣ огнь... Но и не во огни Господь. И по огни гласъ хлада тонка (чувствуемо было тихое, пріятное дуновеніе). И тамо Господь... Такъ явленіями природы Господь указалъ Своему великому пророку, что не огнь, мечь и смерть пути Его промысла, но любовь и миръ, какъ въ знойный день, тихо вѣющій прохладный вѣтерокъ, дающій намъ отраду.

Событіе это, указующее намъ пути промысла Господня, воспоминается у насъ въ каждую литургію. Въ каждую литургію, во время пѣнія символа вѣры, епископъ преклоняетъ свою голову къ престолу,—и надъ нею тихо вѣютъ однимъ изъ покрововъ сосудовъ. Когда же совершаетъ служеніе священникъ, то онъ беретъ одинъ изъ покрововъ и тихо вѣетъ имъ надъ готовящимися къ освященію дарами. Этимъ выражается, что мы вѣруемъ, что Богъ, творецъ всего видимаго и невидимаго, есть любовь; что твореніе міра и промышленіе

о Немъ есть выраженіе Его любви; что та же любовь ниспошлетъ намъ благодать св. духа и на предлежащіе дары, освятитъ ихъ и претворитъ хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Господню; освятитъ и насъ самихъ и согрѣетъ сердце наше, охлажденное суетою жизни, любовію ко Творцу и ближнимъ. Вѣяніе покрова, изображающее «гласъ хлада тонка», показываетъ намъ, что пути промысла Божія о насъ не буря, громъ и смерть,—не гнѣвъ, страхъ и наказанія, но любовь,—даже до смерти на крестѣ. Таковая любовь Божія должна возбуждать въ насъ надежду на Его къ намъ милосердіе и побуждать насъ къ взаимной братской любви: сильные изъ насъ должны носить немощи немощныхъ и исправлять ихъ духомъ кротости; немощные—слѣдовать указаніямъ ихъ, и не изъ страха, но за совѣсть. «По взаимной вашей любви и будутъ узнавать васъ, что вы мои ученики», сказалъ Господь апостоламъ. Не имѣя братской любви, мы не имѣемъ права называться, слѣдовательно, христіанами. Смотря на дѣйствія священника, каждый, присутствующій въ храмѣ, долженъ сказать себѣ: «вѣрую, Господи, въ Твое милосердіе, отпусти мнѣ мои согрѣшенія, какъ и я отпущаю согрѣшенія брата моего»!

Но не тѣмъ духомъ проникнуто ученіе г. Елагина. Въ его ученіи слышится: «на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой! Взыду выше облака, буду подобенъ Вышнему»!.. Съ грустію и болѣзнью сердца мы находимъ умѣстнымъ напомнить ему слова Господни, сказанныя Имъ ученикамъ Его Іакову и Іоанну, просившимъ позволенія низвести огнь на самарянъ, не принявшихъ Господа: «не вѣсте, коего духи есте!» Непомѣрное властолюбіе епископа и доведенное до скотскаго состоянія приходское духовенство,—это Римъ, и Римъ давно минувшихъ, среднихъ вѣковъ. Да, не съ востока дуетъ елагинскій вѣтеръ,—вѣтеръ этотъ западный.

XXXV.

«Переустроивать церковный судъ нашъ, говоритъ г. Елагинъ, не было никакой надобности. Онъ отнюдь не нуждается въ коренномъ, радикальномъ, преобразованіи и отнюдь не заслуживаетъ того пренебреженія и презрѣнія, какимъ награждаютъ его во многихъ кругахъ нашего общества». Но о полномъ несовершенствѣ нашихъ судовъ мы не разъ говорить имѣли уже случаи въ прежнихъ нашихъ «запискахъ». Мы представили даже нѣсколько фактовъ, бывшихъ на глазахъ у насъ, гдѣ, или судъ полагалъ свое рѣшеніе совершенно не согласно съ имѣвшимися у него въ рукахъ фактами, или самые факты были представляемы на обсужденіе искаженными и, наконецъ, рѣшенія полагались такія, изъ коихъ только и можно сдѣлать то,

что консисторія имѣетъ возможность «гнуть духовенство въ бараній рогъ», какъ ей угодно,—безконтрольно, и надѣемся, что мы доказали вполнѣ его несостоятельность. Слѣдовательно Елагинъ говоритъ неправду. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не разъ, также, имѣли уже случаи замѣтить, что опроверженіе всякой его лжи можно найти у него же самаго,—что всякій разъ, какъ только скажетъ онъ ложь, онъ тотчасъ же побиваетъ себя самъ, такъ что для опроверженія его приходится повторить только его собственныя слова. Такъ и здѣсь. Не далѣе, какъ только рядомъ съ защитою суда, онъ говоритъ: «духовный судъ нашъ имѣетъ весьма важные недостатки, и никто не будетъ оспаривать этой мысли. Недостатки эти сложились подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ условій въ теченіи многихъ вѣковъ. Они коренятся въ самомъ устройствѣ суда и во внѣшнихъ его отношеніяхъ къ государству и обществу. Въ рукахъ консисторій имѣется особо для нихъ написанный уставъ. Но въ сущности этотъ уставъ почти ничего не указываетъ и ничего не опредѣляетъ. По многимъ дѣламъ, и какъ на зло, въ особенности по дѣламъ наибольшей важности, онъ самъ рекомендуетъ обращаться за указаніями къ Слову Божію, къ церковнымъ канонамъ, къ духовному регламенту и послѣдовавшимъ за нимъ высочайшимъ указамъ и опредѣленіямъ св. Синода и, наконецъ, къ уставамъ и законамъ гражданскимъ. При такой обширной свободѣ извлекать подходящіе законы откуда хочешь, понятное дѣло, возможенъ въ консисторскихъ рѣшеніяхъ всякій произволъ и всякія недоразумѣнія. Поэтому, за одинъ и тотъ же проступокъ можно одного священника наказать однимъ замѣчаніемъ, а другаго приговорить къ лишенію сана. И оба рѣшенія будутъ законны. Вотъ на какомъ основаніи мы думаемъ, что необходимо пересмотрѣть внимательнѣйшимъ образомъ церковные законы. Недостатки суда коренятся въ самомъ устройствѣ суда, и вовсе не въ людяхъ, отправляющихъ духовное правосудіе. Лица тутъ не причемъ» (11). Послѣ такихъ отзывовъ его о церковномъ нашемъ судѣ, намъ приходится спросить: которому же изъ нихъ мы должны вѣрить? Но послѣ втораго,—такого обстоятельнаго отзыва его,—мы можемъ считать вопросъ о полной неудовлетворительности церковнаго суда рѣшеннымъ. Если же такъ, то почему же онъ, г. Елагинъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы онъ не былъ измѣненъ къ лучшему? Хотя онъ и говоритъ, что измѣненіемъ суда подрывались основы церкви, но мы имѣемъ полное основаніе не вѣрить ему, по той именно причинѣ, что у него не только что неточность, но самая беззастѣнчивая ложь есть главное его оружіе. Введеніемъ въ судъ правды не могутъ быть подорваны основы церкви. Церковь сама есть столпъ и утвержденіе

истины. Отъ нея можетъ исходить судъ только справедливый; справедливымъ же судомъ не только не могутъ подрываться основы церкви, но, напротивъ, внушалось бы къ ней еще бо̀льшее благоговѣніе. Такъ и должно быть дѣйствительно. Но у него здѣсь опять каверза; подъ словомъ: «церковь», онъ разумѣетъ епископа,—что, съ измѣненіемъ суда, отъ епископовъ бралось, будто бы, исключительное право суда. Но если проектомъ, на который такъ нападаетъ г. Елагинъ, дѣйствительно, подрывалось каноническое право епископовъ, то, по нашему мнѣнію, слѣдовало дать комитету другую опредѣленную программу, по которой и сохранилось бы право епископовъ и установленъ былъ такой судъ, гдѣ «произволу» не было бы мѣста, – судъ «правый», котораго не лишенъ у насъ и послѣдній каторжникъ. Не справедливо и даже безчеловѣчно поступаетъ съ нами г. Елагинъ, усиливаясь, въ благоустроенномъ государствѣ, оставить завѣдомо десятки тысячъ служителей церкви въ жертву «произвола» на вѣчныя времена.

Но мы не вѣримъ г. Елагину; мы не можемъ допустить, чтобы именно удержаніе права суда за преосвященными за проступки, и даже лицъ не духовныхъ, было причиною остановки дѣла. Повторяемъ, что мы не вѣримъ ему. Чтеніе всевозможныхъ кляузъ и хитросплетеній доморощенныхъ «аблокатовъ» необходимо должно отнимать у нихъ бо̀льшую часть времени и отвлекать ихъ отъ существенныхъ, апостольскихъ ихъ обязанностей. А бракоразводныя дѣла, на которыя особенно указываетъ г. Елагинъ, со всѣми ихъ мерзостями, оскорбляютъ совѣсть, и мы увѣрены, что каждый преосвященный съ радостью отказался бы отъ разбора ихъ прежде всего.

Какъ ни усиливается г. Елагинъ отстоять существующій нынѣ судъ, но заботы правительства о всѣхъ классахъ государства служатъ намъ порукою, что не далеко то время, когда дойдетъ очередь и до насъ, и голосъ г. Елагина притихнетъ.

Какія бы ни были причины остановки реформы суда, но реформа не состоялась. Поэтому и о самомъ проектѣ теперь можно было бы уже забыть; но г. Елагинъ не забываетъ его. По его «убѣжденію» одно только то, что проектъ былъ, – одно имя его, одно это только слово: «проектъ»,—произвело страшный переворотъ во всемъ нашемъ отечествѣ. Проектамъ онъ, вообще, даетъ громадное значеніе. Но стоитъ ли такъ серьезно обращать на всѣхъ ихъ вниманіе; мало ли у насъ является проектовъ по каждому вопросу! Составлялась же, однажды, коммиссія и писался проектъ о сокращеніи въ простомъ народѣ праздниковъ людьми, не имѣющими и понятія о будничныхъ дняхъ? Ну, и прошелъ безслѣдно, какъ и слѣдовало ожидать. Прошелъ безслѣдно проектъ о судебной духовной реформѣ. Но не такъ

думаетъ г. Елагинъ. «Прежде всего интеллигенція, говоритъ онъ, сверху до низу, приняла этотъ проектъ съ неистовымъ (!) восторгомъ. Она и прежде не очень стѣснялась въ своей жизни церковными правилами, но все же чувствовала на себѣ узду въ видѣ возможности подпасть подъ церковный судъ за открытое кощунство, невѣріе, распутство и т. д. Съ появленіемъ же проекта церковносудебной реформы для нея открылась пріятная перспектива полной безнаказанности лицъ, совершающихъ нравственныя безобразія» (89).

Забавно: г. Елагинъ говоритъ о нашей Руси, какъ о какой нибудь небесной имперіи, которую мы знаемъ лишь на половину. Но мы попросили бы его спросить «интеллигенцію сверху до низу»: многіе ли изъ нея не только «чувствовали на себѣ узду въ видѣ возможности подпасть подъ церковный судъ», но многіе ли имѣли даже и понятіе о существованіи какихъ бы то ни было церковныхъ каноновъ и о правѣ церкви наказывать за чтобы-то ни было, тѣмъ болѣе многіе ли боялись ихъ и воздерживались отъ пороковъ? И такъ совершенный вздоръ, что интеллигенція пришла «въ неистовые восторги» при появленіи проекта духовносудебной реформы. Безчисленные историческіе памятники вполнѣ доказываютъ, что общество наше, вообще. прошлаго столѣтія и до временъ крестьянской реформы нынѣшняго,— именно до ненавистныхъ г. Елагинымъ шестидесятыхъ годовъ,—слишкомъ даже мало чувствовало на себѣ «узду» духовнаго суда. Дѣйствительно, было время, что церковь (не въ Елагинскомъ смыслѣ) налагала свои наказанія за неправославныя мнѣнія, и наказанія церкви выполнялись; но, въ то же время, нравственныя безобразія были во всей силѣ. Такъ, напр., нѣкто Висковатый, за протестантскія мнѣнія, въ чемъ онъ, потомъ, принесъ даже «покаяніе», былъ подвергнутъ церковному суду: одинъ годъ онъ долженъ былъ стоять за церковными дверями и исповѣдывать свои согрѣшенія всѣмъ, входившимъ въ церковь; другой годъ—стоять въ церкви, но только для слушанія Слова Божія (до литургіи вѣрныхъ); третій,—стоять въ церкви съ вѣрными, но безъ причащенія св. таинъ и уже, по истеченіи трехъ лѣтъ, имѣлъ быть удостоенъ св. причастія. Но все это было очень давно. Приговоръ надъ Висковатымъ состоялся 14 янв. 1554 года. И Висковатый былъ не мужикъ, а дьякъ, и мнѣніе свое выразилъ въ то время, когда находился на соборѣ, гдѣ присутствовали царь и митрополитъ, слѣдовательно лицо почетное. Сдѣлаетъ ли церковь нынѣ подобное опредѣленіе на людей съ реформатскими мнѣніями объ иконахъ, какъ Висковатый, и исполнитъ ли такое постановленіе церкви лицо, имѣющее званіе, соотвѣтствующее званію древняго дьяка, нынѣ?

Сельскій Священникъ.

Черногорія и ея отношенія къ Россіи въ царствованіе императора Павла.

1797—1801 гг.

Къ прежде сообщеннымъ мною актамъ о сношеніяхъ Россіи съ Черногоріей въ царствованіе императора Павла I, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“ за февраль мѣсяцъ 1882 года, имѣю возможность вновь сообщить еще нѣкоторые акты по тому же вопросу. Акты эти переписаны мною изъ бумагъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ связки 5 дѣлъ по сношеніямъ Россіи съ Черногоріей.

Ж. П. Драговичъ.

I.

Поздравительное письмо митрополита Черногорскаго Петра I Петровича Нѣгоша императору всероссійскому Павлу I по случаю его восшествія на всероссійскій престолъ.

3-го сентября 1797 г. изъ Черныя Горы.

Ваше императорское священнѣйшее величество, благочестивѣйшій государь императоръ!

Торжественно празднуя всерадостнѣйшее на всероссійскій прародительскій Императорскій престолъ вашего императорскаго священнѣйшаго величества возшествіе, мы вообще первымъ почитаемъ долгомъ принесть жертву благодаренія верховнѣйшему правителю Богу, владѣющему царствами человѣческими, что промыслъ Его предъопредѣлилъ воздвигнуть благословенный плодъ сѣмене христу своему Петру Великому, первому императору всероссійскому, и посадить его на престолѣ великолѣпія прославленныя монархіи. Мы съ достодолжнымъ благоговѣніемъ приступаемъ къ освященной особѣ вашего императорскаго величества, и все общество Черногорскаго народа единодушно симъ приноситъ всеусерднѣйшее вашему императорскому величеству поздравленіе.

А по силѣ высочайшихъ блаженнопочившихъ предковъ вашего императорскаго величества, еще отъ временъ прародителя вашего величества Петра

Перваго народу Черногорскому, за подъемлемые имъ труды ополчающись противъ Отоманской Порты за честь всероссійскаго скиптра безпрерывно ратоборственнымъ оружія дѣйствіемъ, жалованныхъ грамотъ, копии свидѣтельствуютъ высокомонаршее благоволеніе и неотъемлемую приверженность, покровительство и милость, смѣемъ надѣяться, что въ этомъ и отъ вашего священнѣйшаго императорскаго величества намъ отказано не будетъ, и что милость вашего императорскаго величества отъ насъ неотъемлема будетъ.

Нынѣ же будучи сила австрійскаго оружья распростершись покрыла мѣста владѣнія бывшей Венеціанской республики даже и до самыхъ предѣловъ Черныя Горы, то я, наблюдая всеобщую обоюдную пользу, въ томъ вашему императорскому величеству на высочайшее благоусмотрѣніе симъ представляю.

Мы же да проліемъ теплія и священныя молитвы предъ престоломъ величества славы Божія о долгоденственномъ въ царствованіи пребываніи вашего императорскаго величества и всего праведнѣйшаго августѣйшаго всероссійскаго дома, и о благопоспѣшеніи и укрѣпленіи христолюбиваго воинства, и да покоритъ Господь Богъ вся враги ваша въ подножіе освященныхъ стопъ вашихъ.

Всеавгустѣйшій государь вашего императорскаго величества всепокорнѣйшій слуга и молитвенникъ, митрополитъ Черногорскій Петръ Петровичъ Нѣгошъ.

II.

Письмо митрополита Черногорскаго Петра Петровича Нѣгоша къ ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ Александру Павловичу, Константину Павловичу, Николаю Павловичу.

19 мая 1798 года изъ Черныя Горы.

Ваши императорскія высочества благочестивѣйшіе государи цесаревичи наслѣдники и великіе князья.

Когда Всевышняго промыслъ, предъопредѣленіемъ своимъ, возблаговолилъ торжественно прославить покровенную древле мракомъ презрѣнія Россію, то внезапу возставилъ благочестивѣйшаго и премудраго оной монарха, вселюбезнѣйшаго прародителя вашихъ императорскихъ высочествъ, императора Петра Великаго, который трудами, ревностію и попеченіемъ своимъ возвелъ ее изъ тьмы въ чудной познанія свѣтъ, утверждая оную на непоколебимомъ закона основаніи; и тогда аки нѣкое водрузы кормило завѣта по немъ хотящимъ быть, что, съ совершеннымъ преспѣяніемъ и пречуднымъ руководствомъ правительницъ того священнаго царскаго кормила, предъ лицемъ вселенныя, во удивленіе и трепетъ противникамъ вѣры показано есть.

Когда же онная богонасажденная сада вѣтвь приближалась къ конечному изъувяденію, абіе воздвиглъ премудрый оный Творецъ, на Россійскомъ тронѣ, дражайшаго родителя вашего императора Павла Перваго, отъ котораго вы благословенныя отрасли. Я при семъ радостотворномъ восторгѣ, благословляя промыслъ Верховнѣйшаго правителя, произношу слѣдующій торжественный гласъ: Да дастъ вамъ Господь по сердцу вашему, и весь совѣтъ вашъ онъ да исполнитъ.

Поднося сіе, во изъявленіе вашимъ императорскимъ высочествамъ моихъ доброножеланій, представляю еще, что общество Черногорскаго народа сердечными созерцаетъ васъ очами, и припомпная въ памяти своей излiянныя на нихъ таланты милостей предковъ вашихъ, всеусерднѣйше просятъ васъ призрѣть на стенанія здѣшнихъ обытателей, и возможными мѣрами вашими представить его императорскому величеству, благополучно нынѣ царствующему монарху, вселюбезнѣйшему родителю вашихъ императорскихъ высочествъ, дабы благоволено было подкрѣпить изнемогшія наши силы отеческимъ его покровительствомъ и милостію, поелику превратность сего непостояннаго времени стремится претительно, со угнетеніемъ отвергнуть насъ отъ участія и единенія съ Россійской имперіей [1]).

Усугубляя же при семъ сіе глубочайшее къ вашимъ императорскимъ высочествамъ свое усердіе, въ знакъ преданности и залога вѣрности, изъ числа побѣдоноснаго плѣннаго оружія, пріобрѣтеннаго неустрашимою храбростію сихъ народовъ, подвизавшихся двукратно 1796 года противъ славнаго Махмута визыря албанскаго, чрезъ священно-архимандрита Стефана Вукотича въ даръ вашимъ императорскимъ высочествамъ посылаю, и покорнѣйше прошу принять въ милостивѣйшее благопризрѣніе.

Вашихъ императорскихъ высочествъ всепокорнѣйшій и всенижайшій слуга и богомолецъ Петръ Петровичъ Нѣгошъ, митрополитъ Черногорскій.

III.

Послѣ славной побѣды, одержанной Черногорцами надъ албанскимъ визыремъ Махмутъ пашой, 1796 года, митрополитъ Петръ I отправилъ въ Петербургъ своего архимандрита Стефана Вукотича съ извѣстіемъ о славной побѣдѣ Черногорской, и еще съ нѣкоторыми инструкціями. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ архимандритъ Вукотичъ такъ извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ князя Безбородко: Ж. Д.

Августа 2 1798 года.

„Свѣтлѣйшій князь, милостивѣйшій государь и благодѣтель!

„Вашей свѣтлости уже извѣстно, что я по волѣ моего архипастыря преосвященнѣйшаго митрополита Черногорскаго и Скендерійскаго Петра Петровича и всего народа Черногорскаго и Бердскаго отправленъ сюда ко двору его императорскаго величества и къ особѣ вашей свѣтлости съ порученнымъ мнѣ дѣломъ, исполненіе котораго преосвященнѣйшій мой митрополитъ и все общество рекомендуетъ, съ полною во всемъ надеждою, на великую милость и доброе благоволеніе къ нашему народу вашей свѣтлости. Кромѣ же того всепокорнѣйше прошу дабы подносимыя при семъ копіи съ грамотъ представлены были высокому монарху. А дабы я по просьбѣ нашей удостоенъ былъ

---

[1]) Здѣсь митрополитъ Петръ подразумѣваетъ интриги Австрійцевъ и др., которые всегда старались отвратить Черногорцевъ отъ союза и пріятельства ихъ съ Россіей. Ж. Д.

вящшаго призрѣнія и покровительства—въ томъ особо дерзаю препоручить себя милостивой вашей свѣтлости благосклонности. И пребуду всегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ добродѣтелей вашихъ и съ искреннею преданностію усердный и вѣчный богомолецъ архимандритъ Стефанъ Вукотичъ".

IV.

Выписка о требованіяхъ преосвященнаго митрополита Нѣгоша и Черногорско-Бердскаго народа.

Преосвященный митрополитъ Черногорскій и Бердскій Петръ Петровичъ Нѣгошъ, присланнымъ къ его императорскому величеству изъ Черныя Горы отъ 19 мая сего года, чрезъ архимандрита Степана Вукотича, письмомъ своимъ и прошеніемъ какъ отъ имени своего, такъ и отъ имени всего Черногорско-Бердскаго общества представляетъ, что они еще въ 1715 году удостоены отъ его величества императора Петра перваго, за поднятіе ими, въ 1711 году, на собственномъ своемъ иждивеніи противъ Турокъ, въ оборону Россійской имперіи, оружія высочайшею грамотою, коею и присвоены они въ неотъторженное владѣніе, и что они какъ его величеству, такъ и его высочайшимъ наслѣдникамъ и преемникамъ подтвердили вѣрность своею присягою; что въ 1744, 1754, 1758 и 1759 годахъ, отъ ея величества покойной государыни императрицы Елизаветы Петровны удостоены они за усердные и ревностные подвиги высочайшими грамотами; что въ 1766 и 1769 годахъ, за подписаніемъ канцлеровъ и сенаторовъ, а въ 1788 отъ 14 марта отъ ея величества покойной государыни, за собственноручнымъ ея подписаніемъ, удостоены также грамотъ за усердіе и вѣрность ихъ къ Россійской имперіи.

Что будучи они обязаны примѣру прежде бывшихъ тамъ архіереевъ, и избѣгая, чтобы по нынѣшнимъ обстоятельствамъ не нарушить учиненнаго предками ихъ обѣта, просятъ, для подкрѣпленія своего, конечнаго и основательнаго покровительства и совершенной защиты отъ иновѣрныхъ владѣній.

Что общество Черногорское и часть присовокупленной къ ней (т. е. къ Черногоріи), въ послѣднюю Россіи съ Портою войны, Скендеріи намѣрены опредѣлить себя подъ высочайшую его императорскаго величества протекцію.

Что, хотя Черная Гора и присоединенная къ ней часть Скендеріи какъ отъ Порты Отоманской, такъ и отъ Австріи не зависятъ, но что прошлаго года, въ августѣ мѣсяцѣ, Австрійскія войска заняли венеціанскія владѣнія до самыхъ предѣловъ той Черной Горы, на что митрополитъ Нѣгошъ обращаетъ вниманіе его величества, и проситъ о присоединеніи Черной Горы и Бердъ подъ высочайшую его императорскаго величества державу; также о дачѣ имъ правъ и правилъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ; о заведеніи тамъ училищъ и о сдѣланіи распоряженія касательно таможенныхъ сборовъ и отысканія металовъ, а равно и о присылкѣ туда для обозрѣнія кого, благоугодно будетъ.

Сверхъ того оный же митрополитъ, въ данной помянутому архимандриту Вукотичу инструкціи, которую онъ въ сію коллегію представилъ, поручилъ испросить: въ 8-мъ пунктѣ, что бы въ защиту ихъ написать къ Римско-императорскому двору и къ Портѣ отоманской; а о пріемѣ и отправленіи пи-

семъ ихъ написать къ Россійскимъ министрамъ Константинопольскому, Вѣнскому и Неаполитанскому, а паче консулу въ Рагузѣ. Въ 9-мъ пунктѣ просятъ портретовъ какъ его императорскаго величества и всей высочайшей фамиліи его, такъ и прежде бывшихъ отъ императора Петра Великаго Всероссійскихъ государей и государынь. Въ 10-мъ пунктѣ просятъ опредѣленной, по грамотѣ отъ 8 іюля 1715 года, на Цетинскую обитель ихъ милостини какъ за прошедшее время, такъ и впредъ на шесть лѣтъ; также святаго мура, нѣсколько служебниковъ и хитонъ архіерейскій, а также чтобы и жалованные ихъ народу грамоты, буде возможно, напечатать церковными и гражданскими литерами съ императорскими портретами нѣсколько экземпляровъ, и что бы переплетены были.

V.

Всепресвѣтлѣйшему и державнѣйшему великому государю императору и самодержцу Всероссійскому, отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ всеподданнѣйшій докладъ.

Въ присланныхъ на высочайшее имя вашего императорскаго величества отъ преосвященнѣйшаго митрополита Черногорскаго и Бердскаго Нѣгоша и отъ тамошняго общества, чрезъ архимандрита Вукотича, прошеніяхъ, а равно и въ данной ему отъ онаго митрополита инструкціи, которую онъ въ сію коллегію представилъ, между прочимъ просили о конечномъ и совершенномъ принятіи ихъ подъ высочайшее вашего величества покровительство и защиту отъ иновѣрныхъ державъ; о пріемѣ и отправленіи здѣшними министрами Константинопольскимъ, Вѣнскимъ и Неаполитанскимъ, а также и консуломъ Рагузскимъ писемъ ихъ, и о пожалованіи имъ портрета вашего императорскаго величества; о выдачѣ имъ впередъ за шесть лѣтъ, пожалованной грамотою, отъ 9 іюля 1715 года, на Цетинскую обитель ихъ милостини, также о пожалованіи священнаго мура, нѣсколько служебниковъ и хитонъ архіерейскій.

По разсмотрѣніи помянутыхъ прошеній коллегія иностранныхъ дѣлъ долгомъ своимъ поставляетъ вашему императорскому величеству представить не благоугодно ли будетъ:

1) Всемилостивѣйше пожаловать Черногорско-Бердскому народу живописный портретъ вашего величества. (По повелѣнію его имп. величества написано тако: Послать).

2) Повелѣть святѣйшему Синоду дабы онъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи суммъ, выдалъ помянутому архимандриту Вукотичу, для доставленія къ митрополиту своему, впредъ на шесть лѣтъ милостинные деньги, кои грамотою отъ 9 іюля 1715 года на цетинскую обитель ихъ пожалованы, а равно отпустилъ ему часть священнаго мура, по своему благоусмотрѣнію, собраніе разныхъ церковныхъ книгъ, кои только для просвѣщенія народнаго въ религіи потребны, и разной церковной утвари по цѣнѣ на двѣ тысячи рублей. (Написано: выдать).

3) Предписать вашего величества послу въ Вѣнѣ, также и министрамъ въ Константинополѣ и въ Неаполѣ, и генеральному консулу въ Рагузѣ, дабы они съ своей стороны оказывали имъ , по ихъ просьбамъ, въ пріемѣ и пересылкѣ сюда писемъ ихъ потребное пособіе. (Написано: писать).

4) Заготовить высочайшую вашего императорскаго величества грамоту къ помянутому митрополиту съ подтвержденіемъ всѣхъ послѣдовавшихъ отъ высокославныхъ предковъ вашего величества къ Черногорскому народу грамотъ, а ровно и того благоволенія вашего величества, которое въ отправленной предъ симъ къ нимъ вашего величества грамотѣ всемилостивѣйше имъ объявлено, и съ обнадеживаніемъ, что со стороны Австріи и Порты конечно никакихъ притѣсненій въ законныхъ ихъ правахъ сдѣлано имъ не будетъ, объявя при томъ, что касательно до прочихъ народовъ смежныхъ съ ними, то храбрость воинства черногорскаго и единомысліе ихъ, укрѣпленное пастыремъ столь почтеннымъ, конечно ихъ обуздаетъ, и что впрочемъ народъ Черногорскій, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, никакой опасности ожидать не можетъ; потому что флотъ Россійскій, обрѣтался нынѣ въ Средиземномъ морѣ для преграждения замысловъ націи, поправшей у себя и вѣру и законы, и вездѣ оныя истребить желающей, не оставитъ всякую дать помощь народу Черногорскому. (Написано: послать грамоту въ требуемомъ смыслѣ).

5) Предписать находящемуся въ Средиземномъ морѣ вице-адмиралу Ушакову дабы онъ отправилъ отъ себя въ Черную Гору одного изъ находящихся подъ командой его штабъ-офицеровъ, съ личнымъ изъявленіемъ митрополиту и народу Черногорскому монаршаго вашего величества къ нимъ благоволенія. (Написано: предписать).

6) Неугодно ли также будетъ вашему императорскому величеству повелѣть ежегодно производить имъ отъ монаршихъ щедротъ по тысячу червонныхъ подъ названіемъ пенсіи, или пособія, для случающихся общенародныхъ ихъ надобностей. (Написано: отправлять)

7) А архимандриту Вукотичу, сверхъ пожалованныхъ ему отъ щедротъ вашего величества подарковъ, дать золотой крестъ съ такою же цѣпочкою на шею, въ знакъ высокомонаршаго благоволенія. (Написано: дать крестъ).

Государь императоръ докладъ сей изволилъ утвердить, и приказалъ приступить къ исполненію по оному. Повелѣніе къ вице-адмиралу Ушакову отправить штабъ-офицера въ Черногорію посылается къ нему прямо.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Ростопчинъ.

VI.

Письмо митрополита Черногорскаго Петра Петровича къ князю Безбородко.

Изъ Черныя Горы на Станевиче 18 іюля 1799 года.

Предѣлъ естества человѣческаго безпредѣльнымъ установилъ рокомъ, что жребіи вообще человѣческія жизни ничто иное есть, какъ только долгъ безъотвѣтной заплати судбинѣ, и ничто такъ не увеличиваетъ по смерти громкаго имени какъ добродѣтель, сіяющая въ душѣ сановитаго мужа; она разсыпаетъ только храмъ тѣлеснаго зданія, но таланты душевные превосходятъ всѣ мѣры чувствъ онаго; вашъ дядя князь Александръ Андреевичъ Безбородко, хотя маніемъ и преселился отъ селѣ тѣлеснѣ въ вѣчныя обители, но по себѣ васъ оставилъ на высотѣ великолѣпныя славы и вы изображаете въ себѣ всѣ виды добродѣтелей; я его жребіемъ счастіе имѣлъ неоднократно воспользо-

ваться, и для того беру участіе раздѣлить съ вами то прискорбное сѣтованіе, которое конечно васъ ожидаетъ. Печатлѣя въ душѣ моей прежнюю вашу благосклонность, смѣю паки при семъ случаѣ изыскивать вашего благорасположенія и благотворительства.

Въ 1798 году мая отъ 16 числа отправленъ отъ всего національнаго публичнаго собранія Черногорскаго, къ его императорскому величеству въ Петербургъ, съ полномочнымъ наставленіемъ, для снисканія высочайшаго сему народу покровительства, священноархимандритъ Стефанъ Вукотичъ. Будучи доселѣ не имѣю отъ него никакихъ извѣстій, то обращаюсь къ вамъ съ прошеніемъ и надеждою, сколько возможно, по мѣрѣ силъ вашихъ, къ совершенію онаго дѣла, оказать помощь и благопризрѣніе, а также удостоить меня благосклоннымъ вашего сіятельства увѣдомленіемъ о семъ дѣлѣ. Петръ Петровичъ Нѣгошъ.

VII.

Указъ его императорскаго величества императора Павла I къ господину дѣйствительному тайному совѣтнику графу Разумовскому.

Митрополитъ Черногорскій Нѣгошъ, отъ имени всего тамошняго общества по единовѣрію своему съ нами, изъявляя нѣкоторое безпокойство по случаю пріобрѣтенія Римскимъ императоромъ областей венеціанскихъ, къ Черной Горѣ прилегающихъ, просилъ нашего въ случаяхъ въ пользу его и всего общества заступленія у вѣнскаго двора. Мы не упустили отвѣчать ему, что безпокойство со стороны сего не можетъ имѣть ни малѣйшаго основанія и что его величество императоръ Римскій конечно не допуститъ, чтобы какія притѣсненія имъ чинены были [1]). Сообщая вамъ о семъ поручаемъ: Въ случаѣ какихъ либо отношеній къ вамъ отъ упомянутаго митрополита, или другихъ обстоятельствъ, употреблять дружеское ваше ходатайство, основывая оное на единовѣріи нашемъ съ тѣмъ народомъ. Равнымъ образомъ предписываемъ вамъ письма, кои митрополитъ Нѣгошъ присылать будетъ на имя наше или министерства нашего сюда доставлять.

Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

11 января 1799 года. С.-Петербургъ.

---

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ Австрія завладѣла бывшими Венеціанскими областями, находящимися около границъ Черногорскихъ, она никогда не переставала притѣснять Черногорію самыми безчеловѣчными способами. Какъ безсовѣстно вела себя Австрія относительно Черногоріи, въ послѣднее время, и какъ теперь ведетъ—это уже всему міру извѣстно. Ж. Д.

VIII.

Грамота, дарованная императоромъ Павломъ I Черногорскому народу.

Божіею поспѣшествующею милостію мы Павелъ Первый императоръ и самодержецъ Всероссійскій и пр. пр. пр.

Преосвященному господину митрополиту и благороднымъ и почтеннымъ господамъ губернаторамъ, воеводамъ, князьямъ и сердаремъ и инымъ духовнымъ и мірскимъ чиноначальникамъ, такожъ и всему народу Черногорской и Бердской Славяно-Сербскихъ областей наша императорская милость и благоволеніе. Снисходя на прошенія ваши, присланныя къ намъ отъ 19 мая прошлаго года чрезъ архимандрита Вукотича, всемилостивѣйше соизволяемъ подтвердить, какъ прежде послѣдовавшія отъ высокославныхъ предковъ нашихъ грамоты къ Черногорскому народу, такъ и изъявленное нами благоволеніе наше оному въ отправленной предъ симъ нашей грамотѣ. Не полагаемъ мы, чтобъ со стороны Римскаго императора и Порты отоманской могли бы чинимы быть вамъ какія либо притѣсненія въ законныхъ правахъ вашихъ; о чемъ мы тщася о благосостояніи вашемъ, повелѣли посланнику нашему въ Вѣнѣ и министру въ Константинополѣ, къ упомянутымъ державамъ отозваться. Касательно же необузданности смежныхъ народовъ, не сомнѣваемся мы, чтобъ воинство Черногорское по храбрости и единомыслію своему, укрѣпленное управленіемъ вашимъ не было въ состояніи съ успѣхомъ отвращать оныя. Впрочемъ тѣмъ менѣе можете вы теперь подвержены быть какой либо опасности и потому еще, что флотъ нашъ, обитающій нынѣ въ Средиземномъ морѣ, для дѣйствія противъ народа, покушающагося вездѣ истреблять законныя правленія, и что еще больше, ищущаго вредить вѣрѣ христіанской, не примпнетъ въ нуждѣ всякую дать вамъ помощь. Въ изъявленіе же сугубаго монаршаго нашего благоволенія къ народу Черногорскому, мы всемилостивѣйше повелѣли изъ казны нашей производить вамъ, съ 1-го генваря сего 1799 года, впредъ по истеченіи каждаго года по тысячѣ червонныхъ, предполагая, что оныя обращаемы будутъ на общенародныя надобности, и наипаче на всякія полезныя заведенія, кои утверждая въ народѣ христіанскія добродѣтели и доставляя оному просвѣщеніе, споспѣшествовать будутъ неминуемо благосостоянію земли. Въ разсужденіи же изъявленнаго нами, на прочія прошенія ваши, всемилостивѣйшаго благоволенія нашего, мы повелѣли нашему вице-канцлеру дѣйствительному тайному совѣтнику Кочубею объ ономъ васъ увѣдомить. Во увѣреніи чего мы сію грамоту собственноручно подписавъ, государственною печатью утвердить повелѣли.

Дано въ С.-Петербургѣ лѣта отъ Рождества Христова 1799, генваря 11 дня, а государствованія нашего въ третіе [1]. Павелъ

[Мѣсто печати]. Скрѣпилъ вице-канцлеръ Викторъ Кочубей.

---

[1]) Грамота эта напечатана въ исторіи Черногоріи Медаковича, стр. 107, 108. Ж. Д

Нѣсколько разъ, въ вышеприведенныхъ актахъ и документахъ, упоминалось о славной побѣдѣ, одержанной Черногорцами надъ Махмутъ-пашей визиремъ Албанскимъ. Здѣсь приведу еще нѣкоторые акты, поясняющіе это славное, въ исторіи черногорской, событіе.

Махмутъ-паша, визирь Албанскій, задавшись цѣлію освободить Албанію изъ-подъ владычества отоманской порты, и сдѣлаться самостоятельнымъ правителемъ Албаніи, Эпира и Ѳесаліи, задался цѣлью покорить и Черногорію, которая очень мѣшала его честолюбивымъ планамъ. Въ то время, когда Махмутъ-паша началъ мечтать о такихъ предпріятіяхъ, французы дѣлали значительные успѣхи въ своихъ завоеваніяхъ. Генералъ Наполеонъ Бонапарте уже находился въ Италіи. Французы всегда старались употребить въ свою пользу всякій благопріятный случай, также точно и въ настоящее время они желали воспользоваться услугами Албанскаго визиря. Вслѣдствіе этого французы сдѣлали договоръ съ Махмутъ-пашей въ томъ, какимъ образомъ они могутъ совмѣстно предпринять нападеніе на Черную Гору и приморье. Объ этомъ договорѣ Махмутъ-паши съ французами митрополитъ Черногорскій Петръ Петровичъ извѣстилъ императрицу Екатерину II слѣдующимъ письмомъ:

IX.

Изъ Черныя Горы 30 октября 1796 года.

„Всемилостивѣйшая государыня, ваше императорское величество! Симъ представляю, что сего 1796 года, съ первыхъ чиселъ минувшаго мая мѣсяца, присланы были къ Махмутъ-пашѣ визиру альбанскому въ Скадаръ (Скутары), гдѣ онъ жительство имѣетъ, отъ французскихъ войскъ, находящихся въ Италіи, отъ генерала прозваніемъ Бонапарте, семь искусныхъ человѣкъ. Эти люди посланы для осматриванія здѣшныхъ мѣстъ, и учрежденія войскъ и правильнаго военнаго дѣйствія, понеже визирь альбанскій, какъ и умершій его отецъ, отъ Отоманской Порты отступилъ со всею Албаніею, и противъ своего законнаго государя учинился бунтовщикомъ.

„Но когда приблизилась въ показанномъ мѣсяцѣ іюлѣ первая война между Черною Горою и визиремъ альбанскимъ, то, за двѣ недѣли передъ оною войною, присланы были французскихъ семь галеръ въ Адріатическое море, гдѣ прикосновеніе имѣютъ старыя границы Черныя Горы, которыя нынѣ неправильно находятся подъ владѣніемъ Венеціанской республики. Къ берегамъ оныхъ границъ приступили эти французскіе галеры, наполненные провіантомъ и принадлежащими къ войнѣ орудіями и снарядами. Это сдѣлано съ тѣмъ, что бы, по разореніи Черныя Горы, приморья и республики Рагузинской, соединить свои силы во едино, и чрезъ Герцеговину и Боснію къ Дунаю отправиться. Между тѣмъ сила войскъ французскихъ сухопутныхъ, находящаяся въ Италіи, намѣрена продолжать путь свой чрезъ Тріестъ, Славонію и Сріемъ къ Дунаю; откуда совокупно намѣреваются предпріять шествіе къ Молдавіи и далѣе, даже къ прежде бывшимъ польскимъ границамъ и предѣламъ Россійской Имперіи.

„Я, будучи этимъ возбужденъ и чувствуя высокомонаршія предковъ вашего императорскаго величества къ народу Черногорскому милости и благотво-

ренія, а паче ревнуя примѣру предковъ и истинѣ, и наблюдая общую обоюдную пользу, вашему императорскому величеству о таковомъ ихъ злоумышленіи въ точности симъ представляю.

„При всемъ же томъ, взирая на предопредѣленную судьбу, возлагаемъ надежды на всеблагаго дародателя, всемогущаго въ троицѣ всѣхъ славимаго Бога, и на вашу материнскую милость, и просимъ помощи и защиты вашей.

„Смиренный митрополитъ Черногорскій, Скендерискій и Приморскій Петръ Петровичъ Нѣгошъ“.

Съ этимъ извѣстіемъ послано было еще и описаніе вторичнаго военнаго дѣйствія между Черною Горою и Махмутъ-пашей визиремъ Албанскимъ, которое сраженіе происходило 1796 года съ 8 по 24 число сентября. Считаю не лишнимъ привести здѣсь это описаніе дословно:

„1. Первая Турецкая армія положеніе лагеря своего имѣла между Подгорицею и Спужемъ, по правую сторону рѣки Морачи, подъ предводительствомъ Махмута визиря Альбанскаго и брата его Ибрагимъ паши, племянника его Мегметъ паши, Инскаго паши Махмута Беговича и прочихъ беговъ, алайбеговъ и агъ; войско ихъ по исчисленію простиралось болѣе нежели до 23,000 человѣкъ пѣхоты и конницы и еще разнаго сорта людей.

2. Черногорскіе два корпуса положеніе лагеря своего имѣли: первый подъ предводительствомъ господина митрополита Петра Петровича, одѣтаго во все воинское оружіе, съ прочими господами сердарями, воеводами и князьями Черногорскими, по правую сторону рѣки Матицы въ урочище Волчій Студенецъ. Войска считалось до 3,590 человѣкъ. Второй корпусъ положеніе свое имѣлъ подъ горою Бусовникъ у селенія Крусе, по правую сторону рѣчки Матицы, подъ предводительствомъ господина губернатора Черныя Горы Ивана Радонича и прочихъ господъ Черногорскихъ; войска считалось также до 3,000 человѣкъ. У обоихъ по большей части изъ пѣхоты. Расположеніемъ одинъ отъ другого отстояли на 3½ версты.

3. Турецкая армія, состоявшаяся изъ разнаго сорта людей, первоначально приступъ баталіи учинила. Она, тронувшись съ своего мѣста, раздѣлилась на три колоны и пройдя въ бродъ рѣчку Матицу, еще учинила четвертую колону съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы удобнѣе было окружить оба Черногорскіе корпуса, но въ расположеніи своемъ остались безъ собственнаго удовольствія.

4. Черногорскіе оба корпуса, вѣдая и видя Турецкія предпріятія, сообразуясь правильно положенію того мѣста, паче ободряемы и возбуждаемы вождями и командующими ко вящшему сопротивленію и неустрашимости, лаская притомъ надеждою будущаго за вѣру воздаянія и чести, со всякою возможною предосторожностію раздѣлились на разные по пути партіи, понеже мѣсто не вездѣ способно къ маршированію Турецкихъ войскъ въ разсужденіи каменистыхъ и лѣсныхъ плоскостныхъ мѣстъ и тѣсныхъ проходовъ.

5. Сего 1796 года сентября 22 числа, какъ выше объявлено, по полуночи въ 8½ часовъ, Турецкое войско, состоящее изъ 4-хъ колонъ, двинулось. Когда оба войска въ виду уже между собою были, но подъ выстрѣлами еще не сошлись, то турки сперва учинили необычный и страшный крикъ, напротивъ чего и отъ нашихъ войскъ равномѣрно отвѣтствовано было, который

крикъ былъ также чиненъ не смотря на наше малолюдство, ибо по причинѣ высокихъ горъ, кустами покрытыхъ, съ пріумноженіемъ голосъ отдавался. Это привело турокъ въ великое сумнительство. Вскорѣ потомъ они со всѣхъ сторонъ начальное учинили нападеніе чрезвычайно жестоко и сильно, такъ что нѣкоторые Черногорскія партіи со своихъ мѣстъ принуждены были отступить; но потомъ спустя 1/4 часа паки онные предпріяли свои мѣста, гдѣ, совокупясь, сопротивлялись съ такою храбростію и неустрашимостію, что войска между собою во едино переплетались съ обнаженными мечами. Тогда уже произошло страшное, продолжавшееся четыре часа, кровопролитіе, и войско до тѣхъ поръ на одномъ мѣстѣ стояло, пока побѣдители мѣсто и путь себѣ очистили. На этомъ мѣстѣ было паденіе людей, разрушенію зданія подобное. Но верхъ благополучія нашей побѣды и совершенное наше торжество составляетъ то, что съ такою поспѣшностію обратилось въ бѣгство противное турецкое войско, на которомъ таковъ страхъ напалъ, что то, что раньше къ оборонѣ имъ служило, того самого они теперь боялись. Тогда уже оба наши корпуса, одержавъ совершенную побѣду, погнались за бѣгущими, даже и чрезъ самое ихъ лагерное мѣсто, и далѣе сколько возможно было въ такомъ случаѣ побѣдителямъ за бѣгущими успѣвать.

6. Судьба, которая принудила Махмута визыря Албанскаго нагло и вѣроломно, съ согласіемъ французовъ всеобщихъ возмутителей, вторично воздвигнуть противъ насъ свое оружіе, есть счастливый жребій для нашего предпріятія и чести. Смятенное гнѣвомъ Божіемъ ихъ войско такой предалось робости, что спасшіеся отъ смерти, оставя оружіе свое и одежды, превратились въ иступленный разумъ и смыслъ. При семъ самомъ случаѣ. по справедливой судьбѣ, окончилъ жизнь главный Махмутъ визырь Албанскій со всѣми своими тѣлохранителями, вождями и командующими, храбро сопротивляясь, но безъ успѣха и тщетно, оставя свои предпріятія безъ собственнаго удовольствія. Глава его въ станъ нашъ принесена всему воинству на зрѣлище. Сверхъ того самыхъ агъ и алай-беговъ и знатныхъ беговъ обезглавленными, считается 74. Братъ его Ибрагимъ паша унесенъ раненъ въ Подгорицу на плеча однимъ священникомъ отъ стороны ихъ войска. Воинства же мертвыхъ на мѣстѣ пораженія оказалось болѣе 3.400 человѣкъ кромѣ раненныхъ, между которыми и одинъ турецкій шейхъ, который представлялъ на себя, по ихъ мнѣнію, родъ класса архіерейскаго. Въ добычу побѣдителямъ досталось 15 знаменъ, разнаго оружія въ серебрянной и позолоченной оправѣ, одеждъ и другихъ воинскихъ снарядовъ и припасовъ премногое множество. Оставшіяся же ихъ войска принуждены были тонуть въ водѣ во время побѣга при переправѣ на ладяхъ чрезъ великозетское озеро, предваряя одинъ другого и дѣлая этимъ препятствіе, а сколько раненныхъ и утопувшихъ о томъ извѣстія нѣтъ; но только извѣстно то, когда были обнажены мертвыя ихъ тѣла, въ томъ числѣ найдены четыре мертвыхъ француза съ длинными европейскими волосами въ турецкомъ одѣяніи.

Отъ Черногорскаго же воинства мертвыхъ 132, да раненныхъ 237, туркамъ въ добычу отъ военныхъ Черногорскихъ знаковъ ничего не досталось.

Публичный въѣздъ его высокопреосвященства господина митрополита Петра Петровича, и прочихъ господъ старшинъ военнокомандующихъ въ Свято-Троицкой каѳедральной монастырь случился октября 8 по полудни въ 4 мъ часу.

По совершенномъ же одержаніи нами столь славныя, Богомъ данныя, побѣды, вступили войска наши въ границы своихъ мѣстъ того же сентября 28 числа. Но по справкѣ нашей оказалось, что, на мѣсто убитаго Махмута визыря Албанскаго, принялъ правленіе братъ его Ибрагимъ самозванный паша, и что онъ паки стремится мстительно, трекратнымъ опытомъ, съ пособіемъ французовъ всеобщихъ супостатъ, воздвигнуть свое противу насъ оружіе".

X.

„Росписаніе сколько во время втораго происходящаго военнаго дѣйствія между Черною Горою и Махмутомъ визыремъ Албанскимъ съ обѣихъ сторонъ было войска, и на какихъ мѣстахъ, начениш отъ границъ турецкаго города Бара (Антибари) и отъ горы Суторнана, даже до Герцеговинскихъ, къ сѣверу, городовъ Никшича, Коренича, Столца, Клобука.

1. У горы Суторнана, гдѣ начало отъ юга границы Черная Гора, республика Венеціянская и держава турецкая имѣютъ, у Черногорской нахіи, или провинціи Цермницы турецкаго войска было 4.000, а противъ того отъ нашей стороны было 978.

2. На Пипецъ, между Черногорскою Цермничкою и Турецкою Шестанскою нахіями Турецкаго войска было 760 человѣкъ, и напротивъ нихъ Черногорцевъ 315.

3. Отъ турецкаго города Спужа, между Пиперской и Бѣлопавлицкой нахіями, терецкаго войска было 3.700 человѣкъ, а противъ нихъ Черногорцевъ 1.600. Здѣсь былъ турецкимъ предводителемъ Мурто-бегъ, дядя визыря Албанскаго.

4. На Сливно, между турецкимъ городомъ Оногоштемъ (Никшичемъ) и Пѣшивацкой черногорской нахіей, турецкаго войска было 2.000, а противъ нихъ Черногорцевъ 400.

5. На Лопату, между турецкимъ городомъ Колашиномъ и черногорскими селеніями верхней и нижней Морачи, турецкаго войска было 3.000, а противъ нихъ Черногорцевъ 685.

6. Отъ Герцеговины и турецкихъ городовъ Корѣнича, Клобука, Столца и Требиня, и отъ Бѣлой Горы въ Рудинахъ противу Черногорской Катунской нахіи турецкаго войска было 4.000.

Означенныхъ же четыре тысячи войска, во время войны, намъ не были извѣстны, понеже разставлены были по пути у гористыхъ плоскосныхъ мѣстахъ.

Итого отъ обѣихъ сторонъ подставнаго пограничнаго войска, которое не было употреблено въ дѣйствіе, было со стороны Турокъ 17.460 человѣкъ, а со стороны Черногорцевъ 3.978. Въ дѣйствіи съ обѣихъ сторонъ было: турецкаго войска 23 000, а Черногорскаго 6.540 человѣкъ. Всего войска, отъ обѣихъ сторонъ, было: Турецкаго 40.460, а Черногорскаго 10.568 человѣкъ.

У производства правленія письменныхъ тайныхъ дѣлъ отъ Россійской Имперіи Діаконъ Алексѣй».

Подписавшійся здѣсь діаконъ Алексѣй былъ очевидцемъ этого славнаго

сраженія Черногорцевъ съ войскомъ Албанскаго визиря, вслѣдствіе чего онъ и могъ такъ подробно описать это сраженіе.

За эту славную побѣду митрополитъ Петръ Петровичъ получилъ отъ императора Павла I орденъ св. великаго князя Александра Невскаго, съ слѣдующею при немъ грамотою:

XI.

Преосвященнѣйшій митрополитъ! Вѣдая усердіе ваше къ Имперіи всероссійской, по единовѣрію отъ праотцевъ вашихъ наслѣдованное, и во всякомъ случаѣ непоколебанное, восхотѣли мы подать вамъ доводъ особливаго нашего къ вамъ благоволенія, пожаловавъ васъ кавалеромъ ордена нашего святаго великаго князя Александра Невскаго, богоугодными дѣлами и храброю защитою отечества прославленнаго предка нашего. Вслѣдствіе того возложите на себя знаки онаго кавалерскаго ордена прилагаемые, и будьте увѣрены, что мы вамъ и всему народу вашему пребудемъ навсегда благосклонны [1]). Павелъ

Павловскъ, мая 1 года 1798.

Сообщ. Живко П. Драговичъ.

---

[1]) Эта грамота напечатана въ Исторіи Черногоріи Медаковича стр. 105.
Ж. Д.

ЧЕРНАЯ ГОРА И СЕРБІЯ

ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1854 Г.

Въ одинъ изъ февральскихъ вечеровъ 1874 года небольшой кружокъ офицеровъ, служащихъ и отставныхъ, собрался въ квартирѣ моего стараго сослуживца, по Александрійскому гусарскому полку. Большинство изъ собравшихся было изъ людей среднихъ лѣтъ, начавшихъ службу въ 1840-хъ годахъ или въ началѣ пятидесятыхъ. Старше другихъ, и лѣтами и службою, былъ отставной генералъ-лейтенантъ Иванъ Егоровичъ Салосъ [1]). Большая часть вечера прошла въ воспоминаніяхъ о прежней службѣ и жизни. Многія изъ этихъ воспоминаній были интересны, но болѣе прочихъ произвели на меня впечатлѣнія разсказы Салоса о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ нашей войны съ турками въ 1854 году. Весною этого года, когда въ нашей главной квартирѣ еще не была оставлена мысль о наступательныхъ дѣйствіяхъ, генералъ Салосъ, котораго (кажется, впрочемъ, безъ достаточнаго основанія) считали знатокомъ народностей Балканскаго полуострова, былъ посланъ въ Сербію и Черногорію, съ секретнымъ порученіемъ узнать: насколько мы могли надѣяться на содѣйствіе балканскихъ славянъ, въ случаѣ движенія нашихъ войскъ къ Балканамъ. Въ Бѣлградѣ тогдашній сербскій митрополитъ говорилъ Салосу, съ увѣренностію, что знаетъ духъ народа и что сербы единодушно двинутся на турокъ, при первомъ сигналѣ изъ русской главной квартиры. Тогда можно было раздѣлить эту увѣренность; но черезъ двадцать два года, во время сербско-турецкой войны (1876 г.), выяснилось: какою иллюзіею была мысль о воинственности этихъ пахарей и пастуховъ...

Не знаю, какъ Салосъ пробрался въ Черногорію: черезъ Герцеговину или черезъ Далмацію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, ему, конечно, нелегко было остаться незамѣченнымъ агентами турецкой или австрійской полиціи.

Дальнѣйшій разсказъ о поѣздкѣ Салоса передаю собственными его словами.

«Пріѣхавъ въ Цетинье поздно вечеромъ, я немедленно былъ принятъ княземъ Даніиломъ, и сообщилъ ему о цѣли моего пріѣзда. Князь подумалъ немного и сказалъ:

— Теперь уже поздно, генералъ; вы, безъ сомнѣнія, очень устали, послѣ такой трудной дороги. Отдохните, а завтра утромъ погозоримъ о дѣлѣ, которое привело васъ въ Цетинье.

---

[1]) Салосъ былъ, происхожденіемъ, грекъ; родители его, кажется, жили въ турецкихъ владѣніяхъ, гдѣ Иванъ Егоровичъ провелъ свое дѣтство и первую молодость. Перебравшись потомъ въ Россію, онъ вступилъ въ военную службу, гдѣ ему повезло, такъ что впослѣдствіи онъ командовалъ однимъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ (л. гв. гренадерскимъ). А. В.

«Затѣмъ, меня проводили въ отведенное для меня помѣщеніе.

«На другой день, рано утромъ, ко мнѣ пришелъ одинъ изъ ординарцевъ или тѣлохранителей князя и передалъ мнѣ его предложеніе сопутствовать ему въ его обычной утренней прогулкѣ. Я поспѣшилъ выйти на крыльцо дома, или дворца, гдѣ поджидалъ меня князь Даніилъ. Освѣдомившись, хорошо ли я провелъ ночь, онъ сошелъ съ крыльца, и мы пошли рядомъ по довольно пустыннымъ улицамъ. Дорогою князь меня распрашивалъ о Россіи и о дѣйствовавшей на Дунаѣ нашей арміи, иногда самъ мнѣ говорилъ о предметахъ, мимо которыхъ мы проходили; но ни одна фраза, въ нашихъ разговорахъ, не имѣла какого либо отношенія къ цѣли моего пріѣзда въ Черногорію. Наконецъ, проходя мимо одного довольно большаго дома, князь указалъ мнѣ на него и сказалъ: „Это наше главное цетинское училище. Мнѣ хотѣлось бы зайти въ него. Хотите, генералъ, вмѣстѣ со мною, взглянуть на школу?“ Мнѣ показалось страннымъ, что кн. Даніилъ, вмѣсто обсужденія дѣла, имѣвшаго такую важность, предлагаетъ мнѣ присутствовать при провѣркѣ успѣховъ учениковъ; но мнѣ оставалось только высказать готовность быть ассистентомъ, при предстоявшемъ испытаніи. Мы вошли въ довольно обширную комнату, въ которой былъ учитель, смахивавшій на гайдука, и болѣе сорока мальчиковъ, тринадцати и четырнадцатилѣтняго возраста. На боковыхъ стѣнахъ висѣли портреты Петра Великаго и Екатерины II; на средней—портретъ императора Николая. Ученики и учитель, при входѣ нашемъ, встали.

— Позвольте просить васъ, генералъ, обратился ко мнѣ князь, вызвать котораго нибудь изъ учениковъ.

«Видя неизбѣжность превращенія моей дипломатической миссіи въ народно-образовательную, я вызвалъ одного изъ мальчугановъ.

— Скажи, молодецъ, обратился къ нему князь, какъ тебя всегда учили: кому ты долженъ во всемъ повиноваться и чьимъ быть вѣрнымъ слугою до конца твоей жизни?

— Я долженъ служить—неторопливо и отчетливо отвѣчалъ мальчикъ—Всероссійскому императору Николаю Павловичу, не щадя для него послѣдней капли моей крови, и быть ему вѣрнымъ слугою до моего послѣдняго издыханія.

— Вотъ, генералъ, сказалъ мнѣ князь Даніилъ, отвѣтъ всей Черногоріи. Передайте его тѣмъ, которые васъ послали въ нашу страну.

«Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Цетинья, полный мыслями о славянскомъ движеніи, готовомъ охватить всю сѣверную половину Балканскаго полуострова. Но уже въ Бѣлградѣ я офиціально узналъ о рѣшеніи перевести наши войска обратно на лѣвый берегъ Дуная, съ тѣмъ, чтобы потомъ отступить за Прутъ. Когда я сообщилъ сербскому митрополиту, что, по политическимъ соображеніямъ, мы, можетъ быть, на время очистимъ Валахію и Молдавію, то онъ отвѣчалъ, что очень хорошо понимаетъ это «на время», и провожалъ меня проклятіемъ.

„Разсказывать, какъ выслушанъ былъ отчетъ о моей поѣздкѣ въ главной квартирѣ нашей арміи, я не стану. Пріѣхавъ въ Петербургъ [1]), я былъ при-

[1]) И. Е. Салосъ, сколько я помню, не сказалъ: непосредственно ли, послѣ возвращенія своего изъ Сербіи, онъ долженъ былъ съѣздить въ Петербургъ, или потомъ, послѣ обратнаго перехода нашихъ войскъ черезъ Прутъ.

А. В.

пять императоромъ Николаемъ, которому доложилъ объ обстоятельствахъ моей поѣздки, умолчавъ лишь о моемъ послѣднемъ свиданіи съ сербскимъ митрополитомъ.

— А каково настроеніе балканскихъ славянъ теперь, послѣ отступленія нашихъ войскъ? спросилъ меня императоръ.

„Поставленный между нежеланіемъ говорить неправду и нежеланіемъ сказать то, что государю было бы непріятно услышать, я нѣсколько замялся.

— Говори, говори вполнѣ откровенно, сказалъ, замѣтивъ мою нерѣшительность, императоръ.

— Ваше величество,—отвѣчалъ я,—славяне относятся съ недовѣріемъ къ нашему могуществу. Обаяніе, которое имѣла на нихъ Россія, утрачено надолго.

«Государь круто повернулся ко мнѣ спиною, быстро вышелъ въ сосѣднюю комнату и остановился, въ двухъ-трехъ шагахъ отъ двери. Я видѣлъ, что онъ стоялъ нѣсколько минутъ, закрывъ лицо рукою. Потомъ, проведши этой рукою по лицу, онъ обернулся ко мнѣ, подошелъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Ну, что же дѣлать—Божья воля. Авось Господь когда либо поможетъ поправить то, что теперь испорчено».

Богъ не судилъ ни императору Николаю, ни Салосу дожить до осуществленія этой надежды. Да и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые, вмѣстѣ со мною, слушали этотъ разсказъ Салоса, не увидѣли освобожденія Болгаріи и провозглашенія полной независимости Сербіи.

С. Макѣево. 4 марта 1882 г.

А. А. Вязмитиновъ.

КЪ ИСТОРІИ ИЗДАНІЯ НАРОДНЫХЪ КНИГЪ.

[1862—1882.]

Письмо И. С. Ремезова къ М. И. Семевскому.

М. г. Михаилъ Ивановичъ! Въ 1882 году исполнилось двадцать лѣтъ со времени выхода перваго выпуска моихъ изданій для народнаго чтенія и съ тѣхъ поръ вышло еще семь такихъ чтеній, изъ которыхъ нѣкоторыя выдержали по три изданія: въ виду этого вы пожелали получить для «Русской Старины» статистическія данныя о ходѣ моего предпріятія, въ видѣ матеріала для будущей исторіи нашего книжнаго дѣла вообще и народныхъ изданій въ частности.

Исполняя съ удовольствіемъ ваше желаніе, насколько позволяютъ сохранившіяся у меня данныя, нахожу не лишнимъ прежде всего коснуться общаго плана моихъ изданій, оставшагося, втеченіи двадцати лѣтъ, въ основныхъ чертахъ, неизмѣннымъ.

Приступая къ изданію чтеній для народа [1]), я остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ. Недостаточно обучить простолюдина грамотѣ; нужно еще пріохотить его къ чтенію; а для этого необходимы такія книги, которыя возбуждали бы его любопытство, отвѣчали на занимающіе его вопросы и въ то же время сообщали бы ему болѣе или менѣе значительный запасъ полезныхъ свѣдѣній. Русскаго же

---

[1]) Критическіе отзывы объ изданіяхъ И. С. Ремезова были напечатаны въ слѣдующихъ журналахъ:

Иллюстрированная газета, 1864, № 10.

Народная школа, 1877 г. № 3 и 12.

Голосъ, 1877 г. № 1, 1879 г. № 147 и 328, 1880 г. № 188, 1881 г. № 149 и 1882 г. № 55.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы, изданный комитетомъ грамотности. 1878.

простолюдина, при его настоящемъ положеніи и развитіи, наиболѣе интересуютъ, въ числѣ другихъ предметовъ, божественное и его собственный бытъ.

Руководствуясь этими мыслями, я предпринялъ изданіе, для народнаго чтенія, сказаній о подвигахъ русскихъ святыхъ и жизнеописаній замѣчательныхъ русскихъ простолюдиновъ. Изъ св. угодниковъ, прославленныхъ русскою церковью, я избиралъ исключительно тѣхъ, которые были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и историческими дѣятелями, какъ напр. св. Ольга, св. Владиміръ Равноапостольный, св. Александръ Невскій. Читая сказанія о подвигахъ этихъ святыхъ, простолюдинъ, въ то же время, знакомится съ важнѣйшими эпизодами русской исторіи, тѣмъ болѣе, что каждому сказанію предпосылается сжатый обзоръ предшествовавшихъ событій. Для разсказовъ же о простолюдинахъ избирались мною преимущественно жизнеописанія самоучекъ, сдѣлавшихся извѣстными на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, какъ напр. механикъ Кулибинъ, стихотворецъ Слѣпушкинъ, астрономъ Семеновъ, иконописецъ Ступинъ и т. п. Въ этихъ разсказахъ, съ одной стороны, указывается на тѣ препятствія, которыя обыкновенно встрѣчаетъ простолюдинъ, желая выйти на избранный имъ путь, а съ другой стороны, описывается та настойчивость и то трудолюбіе, которыми отличается бо̀льшая часть самоучекъ. Кромѣ того, каждое жизнеописаніе снабжается необходимыми примѣчаніями, сообщающими научныя свѣдѣнія изъ того круга дѣятельности, къ которому принадлежитъ самоучка; такъ напр. въ біографіи Кулибина описаны разные приборы, инструменты и машины; въ жизнеописаніи Слѣпушкина говорится о старообрядствѣ и расколѣ; въ разсказѣ о Семеновѣ даны общія понятія о небесныхъ тѣлахъ; въ повѣствованіи о Ступинѣ предпосланы разсужденія объ искусствѣ вообще и о русской иконописи въ частности и т. д.

Таково содержаніе изданныхъ мною сказаній и жизнеописаній; что же касается ихъ внѣшности, то, въ этомъ отношеніи, я преслѣдовалъ преимущественно простоту, возможное изящество и крайнюю дешевизну. Такимъ образомъ, каждое изъ изданныхъ мною чтеній представляетъ небольшую брошюру отъ $1^1/_4$ до 3 листовъ, въ 16 долю, т. е. отъ 40 до 96 страницъ, безъ особой обертки (для сокращенія расходовъ по изданію) и притомъ обрѣзанную съ трехъ сторонъ (для устраненія необходимости въ рѣзалкѣ, еще не употребляемой простолюдиномъ). На заглавномъ листѣ каждаго чтенія помѣщено: или изображеніе св. угодника, или портретъ простолюдина, о которомъ идетъ рѣчь, или рисунокъ какого нибудь замѣчательнаго памятника; при этомъ, какъ тѣ, такъ и другіе сняты съ извѣстныхъ

оригиналовъ; такъ напр. изображеніе св. Владиміра—съ памятника его, находящагося въ Кіевѣ, св. Александра Невскаго—съ иконы въ С.-Петербургскомъ Исаакіевскомъ соборѣ, а св. Ольги—съ рисунка академика В. В. Васильева; портреты же: Кулибина—съ оригинала, находящагося въ нижегородской городской думѣ; Слѣпушкина—съ семейнаго портрета, писаннаго масляными красками и едва ли не самимъ Слѣпушкинымъ; Семенова—съ литографіи, помѣщенной въ Географическихъ Извѣстіяхъ императорскаго русскаго географическаго общества за 1850 годъ; Ступина—съ политипажа, помѣщеннаго въ «Иллюстраціи» за 1862 годъ; къ описанію подвига Сусанина приложенъ рисунокъ памятника, воздвигнутаго знаменитому гражданину въ Костромѣ. Изъ всѣхъ этихъ политипажей, шесть рѣзаны на деревѣ извѣстнымъ художникомъ Даугелемъ, а послѣдніе два (Ступинъ и св. Ольга)—русскою ксилографкою А. В. Мартыновою. Цѣна всѣмъ чтеніямъ, не смотря на ихъ различный объемъ, назначена, для однообразія, одинаковая—по 10 коп.

Къ этому общему плану я присоединилъ въ послѣднее время еще одну задачу: чтобы въ изданіяхъ для русскаго народа участвовали только русскіе люди, чего и достигъ вполнѣ въ послѣдне-изданномъ чтеніи о св. Ольгѣ (бумага съ фабрики Варгунина, типографія Н. А. Лебедева, политипажъ, по рисунку В. В. Васильева, рѣзанъ А. В. Мартыновою, брошюровка въ переплетной Н. К. Ермолина).

Отъ плана перехожу къ статистическимъ даннымъ. Втеченіи двадцатилѣтняго періода, моя издательская дѣятельность выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

						р.	к.
Кулибинъ . .	1-е изданіе,	1862 г.,	56 стр.	2,000 экз.,	обошлось въ	69	—
	2-е „	1864 „	48 „	10,000 „	„ „	176	70
	3-е „	1879 „	64 „	3,000 „	„ „	114	45
Св. Александръ Невскій . .	1-е изданіе,	1862 „	64 „	3,000 „	„ „	102	49
	2-е „	1869 „	64 „	3,000 „	„ „	94	96
	3-е „	1874 „	64 „	5,000 „	„ „	161	56
Св. Владиміръ.	1-е изданіе,	1863 „	80 „	10,000 „	„ „	300	96
	2-е „	1881 „	96 „	3000 „	„ „	163	10
Слѣпушкинъ. .	1-е изданіе,	1866 „	40 „	3000 „	„ „	89	05
	2-е „	1872 „	40 „	5000 „	„ „	110	70
Сусанинъ . .	1-е изданіе,	1868 „	56 „	3000 „	„ „	115	36
	2-е „	1872 „	56 „	5000 „	„ „	147	75
	3-е „	1882 „	64 „	3000 „	„ „	106	40
Семеновъ . .	„ „	1876 „	64 „	3000 „	„ „	128	—
Ступинъ. . .	„ „	1880 „	44 „	3000 „	„ „	104	26
Св. Ольга . .	„ „	1880 „	64 „	3000 „	„ „	129	—
	Всего			67,000	. . . . . .	2,113	74

Прежде чѣмъ разсмотрѣть значеніе общихъ итоговъ, считаю нужнымъ дать нѣкоторыя объясненія о частныхъ суммахъ. Въ приведенной таблицѣ обращаетъ на себя вниманіе разница: въ страницахъ изданій однѣхъ и тѣхъ же чтеній, въ числѣ экземпляровъ и въ суммѣ расходовъ.

Такъ какъ всѣ мои чтенія (кромѣ перваго изданія Кулибина) печатаны однимъ и тѣмъ же убористымъ шрифтомъ (плотный цицеро— для сокращенія расходовъ на бумагу), то увеличеніе числа страницъ послѣдующихъ изданій произошло единственно отъ тѣхъ прибавленій, которыя я находилъ нужнымъ дѣлать при пересмотрѣ прежнихъ изданій. Такъ напр. новыя изданія сказаній о св. угодникахъ я дополнилъ историческими примѣчаніями, а къ жизнеописаніямъ самоучекъ присоединилъ библіографическіе списки статей объ этихъ автодидактахъ.

Что касается разницы въ числѣ выпущенныхъ экземпляровъ, то она произошла не отъ какихъ либо общихъ соображеній, а, по большей части, отъ случайныхъ обстоятельствъ. Нужно замѣтить, что я приступалъ къ изданію чтеній для народа, говоря языкомъ политико-экономовъ, съ однимъ только трудомъ, безъ всякаго капитала. Такимъ образомъ, помѣстивъ въ первыхъ двухъ книжкахъ «Русскаго Ремесленника» 1862 года очеркъ жизни Кулибина, я рѣшился издать его отдѣльно, такъ какъ полученною платою за статью покрывались расходы на политипажъ, бумагу, переверстку и печатаніе 2000 экземпляровъ, которые и были пущены въ продажу съ уступкою книгопродавцамъ обычныхъ 20%. Затѣмъ, точно такимъ же обстоятельствамъ обязанъ своимъ происхожденіемъ и вышедшій въ томъ же 1862 году второй выпускъ моихъ изданій, заключающій сказаніе объ Александрѣ Невскомъ, которое первоначально было помѣщено въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ». Этотъ второй выпускъ я осмѣлился отпечатать уже въ 3000 экземплярахъ. На вырученныя отъ продажи Кулибина и Александра Невскаго деньги и на полученный отъ «Русскаго Художественнаго Листка» гонораръ, за помѣщенную въ этомъ журналѣ статью о св. Владимірѣ Равноапостольномъ, я рискнулъ выпустить въ 1863 году эту послѣднюю статью уже въ 10,000 экземплярахъ, которые сталъ продавать съ уступкою 40%, лишь бы только брали. Когда къ концу 1863 года разошлось все первое изданіе Кулибина, то, ободренный первымъ успѣхомъ, я позволилъ себѣ и Кулибина выпустить вторымъ изданіемъ, въ числѣ 10,000 экземпляровъ, тѣмъ болѣе, что политипажъ былъ уже готовъ. Однако я былъ такъ стѣсненъ расходами двухъ послѣднихъ изданій, что даже брошюровалъ не всѣ отпечатанные экземпляры за разъ, а по частямъ, по

мѣрѣ распродажи. Впрочемъ, я скоро убѣдился, что десятки тысячъ экземпляровъ народныхъ изданій, выпущенныхъ въ свѣтъ совсѣмъ на другихъ основаніяхъ, чѣмъ Еруcланы и Бовы королевичи, расходятся не такъ-то быстро и прибыли не такъ-то скоро покрываютъ расходы по изданію. Тѣмъ не менѣе, помѣстивъ въ 1866 году въ «Русскомъ Ремесленникѣ» біографію Слѣпушкина, я присоединилъ къ полученному за нее гонорару накопленное отъ продажи первыхъ трехъ брошюръ и выпустилъ Слѣпушкина уже въ количествѣ только 3000 экземпляровъ. Съ выходомъ въ свѣтъ этого послѣдняго изданія, въ моей издательской кассѣ не оказалось ни гроша. Весь мой капиталъ заключался только въ нѣсколькихъ тысячахъ непроданныхъ экземпляровъ, которые, съ перемѣною лицъ въ управленіи одобряющемъ книги для школъ (въ учебномъ комитетѣ) и проч., расходились все туже и туже, потому что мало по малу прекращались требованія на мои изданія со стороны земскихъ учрежденій. Несмотря однако на эти неблагопріятныя обстоятельства, я упорно преслѣдовалъ мою цѣль какъ можно болѣе распространять чтенія для народа, и въ этихъ видахъ выпустилъ, въ 1868 году, Сусанина въ 3000 экземплярахъ, на изданіе которыхъ, конечно, не хватило вырученныхъ отъ продажи первыхъ четырехъ выпусковъ денегъ, тѣмъ болѣе, что я не хотѣлъ выжидать случая предварительно пристроить это новое произведеніе въ какомъ нибудь журналѣ. Точно также не легко мнѣ было выпустить въ 1869 году второе изданіе Александра Невскаго въ прежнемъ числѣ экземпляровъ. Но для того, чтобы мои изданія охотнѣе разбирались книгопродавцами, я сталъ щедро раздавать свои брошюры на коммиссію, уступая уже до 50% и не требуя денегъ за проданные экземпляры по цѣлымъ годамъ. Болѣе другихъ забиралъ у меня «Книжный магазинъ для иногородныхъ», на которомъ, такимъ образомъ, накопилась въ долгу порядочная сумма. Въ уплату ея владѣлецъ магазина М. П. Надѣинъ предложилъ мнѣ издавать на его счетъ тѣ изъ моихъ чтеній, которыя выходили изъ продажи. Такимъ образомъ «магазиномъ для иногородныхъ» были выпущены въ 1872 году вторыя изданія Слѣпушкина и Сусанина, а въ 1874 году—третье изданіе Александра Невскаго, по 5000 экземпляровъ каждое. Въ 1876 году, я помѣстилъ, въ видѣ особаго приложенія къ журналу «Семья и Школа», біографію Семенова, при чемъ выговорилъ у редактировавшаго тогда этимъ журналомъ Ю. И. Симашко получить, вмѣсто гонорара, 3000 оттисковъ моей статьи, обязавшись доставить для изданія свой политипажъ. Такимъ образомъ, этотъ выпускъ мнѣ обошелся, не считая труда, всего въ 25 руб., которые я заплатилъ за рисунокъ и рѣзьбу портрета Семенова. Не могу при этомъ не

вспомнить, что отпечатанные для меня оттиски я, втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не могъ добыть отъ переплетчика, который задерживалъ ихъ изъ-за неокончанія съ нимъ разсчета редакціи «Семьи и Школы». Слѣдующія два изданія (Кулибинъ—3-е изданіе и Ступинъ) напечатаны. Товариществомъ Общественная Польза, въ книжномъ магазинѣ котораго находились на коммисіи мои брошюры, а потому Товарищество, вмѣсто уплаты денегъ за проданные экземпляры, взялось напечатать эти двѣ брошюры, при чемъ на бумагу и политипажъ къ Ступину былъ обращенъ и гонораръ, полученный мною изъ журнала «Народная Школа», гдѣ была помѣщена біографія Ступина. Наконецъ св. Ольга, третье изданіе св. Владиміра и третье же изданіе Сусанина напечатаны мною на наличныя деньги, собранныя отъ книгопродавцевъ за проданныя мои брошюры, при чемъ сказаніе о св. Ольгѣ также нигдѣ не было предварительно помѣщено.

Обстоятельства изданія того или другаго изъ моихъ чтеній и число напечатанныхъ экземпляровъ достаточно объясняютъ сумму расходовъ по каждому изданію. Къ этому остается только присовокупить, что, несмотря на готовые политипажи (стоющіе отъ 15 р. до 25 р.), послѣдующія изданія обходились не дешевле первыхъ, вслѣдствіе поднявшихся на все цѣнъ. Такимъ образомъ, въ 1862 г., я платилъ за бумагу, поставленную для меня типографіею, по 2 р. 50 к. за стопу, за наборъ по 9 руб. съ листа, за печать по 2 руб. съ тысячи и за брошюровку по 4 р. съ тысячи; а въ 1882 году я платилъ за такую же бумагу, купленную мною самимъ на наличныя деньги, по 3 руб. 30 коп. за стопу, за наборъ тѣмъ же шрифтомъ по 16 руб. съ листа, за печать по 3 руб. съ тысячи и за брошюровку по 5 руб. съ тысячи. Кстати о брошюровкѣ. Послѣдне-выпущенное мною изданіе (Сусанинъ) сшито не нитками, а проволокою, по американскому способу. Опытъ, конечно, покажетъ, насколько это прочно и не рветъ ли проволока бумаги.

Затѣмъ, переходя къ общимъ итогамъ моей издательской дѣятельности, можно, конечно, вывести два заключенія: во 1) что 67,000 экземпляровъ для 20-ти лѣтъ и для 80-ти милліоновъ населенія— ничтожная крупица; и во 2) что при расходѣ на изданіе въ 2113 руб. я долженъ былъ получить чистой прибыли около 5000 рублей, т. е. сумму, хотя и ничтожную для 20 лѣтъ, но составляющую достаточное вознагражденіе за трудъ.

Первое заключеніе совершенно вѣрно; но незначительное количество выпущенныхъ мною экземпляровъ зависило отъ двухъ причинъ. Во первыхъ, живя въ С.-Петербургѣ, я не имѣлъ случая войти въ сношеніе съ тѣми московскими тузами книжнаго дѣла, чрезъ кото-

рыхъ мои чтенія могли бы перейти въ короба ходебщиковъ и офеней; притомъ петербургскіе книгопродавцы увѣряли меня, что мои брошюры и не могутъ попасть въ эти короба, потому что я печатаю на обверткахъ цѣну моихъ изданій, чего офени сильно недолюбливаютъ. Соглашаясь вполнѣ съ этими доводами, я всетаки до сихъ поръ не рѣшаюсь отказаться отъ печатанія цѣны, такъ какъ не хочется служить средствомъ безсовѣстнаго обиранія довѣрчиваго простолюдина. Во вторыхъ, для моихъ изданій закрыты двери народной школы, вслѣдствіе распоряженія, чтобы въ училища допускались книги, только одобренныя особымъ отдѣломъ учебнаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; а я до сихъ поръ не представилъ ни одного моего чтенія на одобреніе этого комитета. Слышалъ я, что въ каталогъ книгъ, допущенныхъ въ народныя школы, попалъ мой Александръ Невскій, при чемъ цѣна ему показана (вмѣсто 10 коп.) въ 20 коп.; но какъ это случилось—не знаю. Точно также не знаю, чему или кому я обязанъ, что мой Кулибинъ попалъ расклееннымъ на картонѣ на рѣшетки городскихъ скверовъ; по крайней мѣрѣ, моего разрѣшенія на это никто у меня не спрашивалъ.

Что же касается заключенія о размѣрѣ полученныхъ мною прибылей, то слѣдующія данныя о распродажѣ моихъ изданій нѣсколько измѣняютъ положеніе дѣла.

Кулибинъ, изданія 1-е, 2-е и 3-е. Св. Александръ Невскій, изд. 1-е, 2-е и 3-е. Св. Владиміръ, изд. 1-е и 2-е. Слѣпушкинъ, изд. 1-е и 2-е. Сусанинъ, изд. 1-е, 2-е и 3-е. Семеновъ. Ступинъ. Св. Ольга. Поступило въ продажу, всего: въ 1862 г.—1635 экз., 1863 г.—3189, 1864 г.—1295, 1865 г.—1187, 1866 г.—344, 1867 г.—1439, 1868 г.—2659, 1869 г.—622, 1870 г.—2097, 1871 г.—2823, 1872 г.—7018, 1873 г.—5405, 1874 г.—3683, 1875 г.—2800, 1876 г.—5437, 1877 г.—1222, 1878 г.—1356, 1879 г.—3624, 1880 г.—5016, 1881 г.—1303. Итого поступило въ продажу: 54,154, осталось: 12,846, а всего:—67,000 экз.

Такимъ образомъ, если изъ общаго числа отпечатанныхъ экземпляровъ (67,000) вычесть остающіеся еще у меня на рукахъ (12,846), то окажется, что поступило въ продажу только 54,154. Но и это послѣднее количество уменьшится отъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

Въ 1866 году редакція Кіевскаго народнаго календаря обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ открыть при ней складъ моихъ изданій, при чемъ въ полученномъ мною, по этому поводу, письмѣ, редакція выразила мнѣ искреннюю благодарность «за принятое мною на себя изданіе русскихъ книгъ по дешевымъ цѣнамъ, такъ какъ распространеніе такихъ книгъ въ югозападномъ краѣ составляетъ

настоятельную потребность и служитъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ орудій обрусѣнія этого края». Тронутый этою благодарностью, я переслалъ въ редакцію, въ три пріема, 1450 экземпляровъ моихъ изданій, съ уступкою 50%, т. е. по 5 коп. за экземпляръ. Когда же я узналъ изъ напечатанныхъ редакціею объявленій о продажѣ ею народныхъ книгъ, что она продаетъ мои изданія выше номинальной цѣны и чуть ли не по 20 коп. за экземпляръ, то наши сношенія, разумѣется, прекратились. Любопытно также, что редакція «Кіевскаго Народнаго календаря,» получая мои изданія съ уступкою 50%, при высылкѣ денегъ еще вычитала изъ нихъ почтовые расходы.

Въ 1868 году явился ко мнѣ прибывшій изъ Костромы Павелъ Ивановичъ Андрониковъ съ предложеніемъ дать ему на коммисію мои изданія, такъ какъ онъ устраиваетъ у себя складъ народныхъ книгъ. Принявъ во вниманіе, что г. Андрониковъ явился ко мнѣ съ рекомендаціею одного изъ знакомыхъ мнѣ журналистовъ и что онъ проживаетъ, судя по данному имъ адресу, въ г. Костромѣ, въ собственномъ домѣ, близь пристани Самолетъ, я не затруднился отпустить ему 400 экземпляровъ моихъ изданій, въ чемъ и получилъ росписку съ обязательствомъ высылать деньги по третямъ года. Когда съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько третей года, а отъ г. Андроникова не было ни вѣсти, ни повѣсти, то я позволилъ себѣ попросить моего коммисіонера, или выслать мнѣ деньги, или возвратить книги. Въ отвѣтъ на эту просьбу, неизвѣстный мнѣ г. Шафрановъ возвратилъ мнѣ въ 1870 году 278 экземпляровъ моихъ брошюръ (изъ которыхъ бо̀льшая часть, за выходомъ новыхъ изданій, уже не могла быть пущена мною въ продажу); а деньги за недосланные экземпляры, вѣроятно за истеченіемъ земской давности, до сихъ поръ находятся близь пристани Самолетъ, въ собственномъ домѣ Павла Ивановича Андроникова.

Въ 1871 году, «Московское Общество распространенія полезныхъ книгъ» просило меня высылать ему на коммисію мои изданія. Вслѣдствіе этого я и началъ высылать ему мои чтенія, съ уступкою, въ виду благой цѣли общества, 50%. Сначала деньги высылались безъ особенной задержки, а потому мною выслано было, по требованіямъ Общества, въ разное время 3075 экземпляровъ; но съ 1874 года высылка денегъ стала все болѣе и болѣе затягиваться, а съ 1875 года на всѣ мои многократныя письменныя просьбы о высылкѣ денегъ управленіе Общества не удостоило меня, втеченіи трехъ лѣтъ, ни отвѣтомъ, ни привѣтомъ; тогда я попросилъ одного моего знакомаго, проживающаго въ Москвѣ, освѣдомиться успѣшно ли распространяются Обществомъ мои изданія. Вслѣдствіе этого онъ выслалъ мнѣ,

конечно на мой счетъ, вытребованные имъ отъ Общества деньги и 750 непроданныхъ экземпляровъ моихъ брошюръ, которыя я, точно также, за выходомъ новыхъ изданій, уже не могъ пустить въ продажу и потому отправилъ въ лазаретный складъ Общества Краснаго Креста.

Наконецъ, въ 1876 году, ко мнѣ пожаловалъ Николай Александровичъ Соковнинъ (авторъ сочиненій по сельскому хозяйству и, если не ошибаюсь, изобрѣтатель жучколовокъ) и, предъявивъ экземпляръ высочайше утвержденнаго 2 іюля 1876 года устава учреждаемаго имъ русскаго товарищества «Сотрудникъ школъ», спросилъ меня не желаю ли я сдѣлаться пайщикомъ возникающаго товарищества. На это я отвѣчалъ, что мои денежныя средства не позволяютъ мнѣ принимать участія ни въ какихъ комерческихъ предпріятіяхъ. Тогда Н. А. Соковнинъ объявилъ, что онъ никогда и не помышлялъ посягать на мои денежныя средства, столь необходимыя для такого полезнаго дѣла, какъ мои изданія; но что я могу сдѣлаться пайщикомъ, выславъ въ книжный магазинъ учреждающагося товарищества мои народныя чтенія на сумму, равную стоимости пая (250 р.), конечно съ извѣстною уступкою, чѣмъ я даже окажу услугу товариществу, снабдивъ его народными изданіями, безъ затраты на это, съ его стороны, капитала. Не разсчитывая, конечно, ни на какіе барыши, но единственно изъ желанія оказать содѣйствіе такому доброму дѣлу, какъ снабженіе бѣдныхъ школъ учебными пособіями, я принялъ предложеніе и выслалъ въ Москву, въ книжный магазинъ товарищества «Сотрудникъ школъ» (Воздвиженка, домъ Армандъ) 5000 экземпляровъ моихъ изданій, взамѣнъ которыхъ дѣйствительно получилъ пай за № 1196. Черезъ три года узнаю, что товарищество лопнуло и что всѣ дѣла его приняла на себя торговая фирма А. К. Залѣсскій и К°. Навожу справки. Оказывается, что въ книжномъ магазинѣ новой фирмы нѣтъ ни одного экземпляра моихъ изданій и что преемники провалившагося товарищества обязались уплатить за каждый пай по 40 руб., втеченіе пяти лѣтъ и съ высылкою причитающихся 8 руб. въ годъ на счетъ пайщика же. Такъ кончилось мое содѣйствіе доброму дѣлу снабженія бѣдныхъ школъ учебными пособіями.

Послѣ описанія этихъ главнѣйшихъ эпизодовъ моей издательской дѣятельности (а о другихъ—умалчиваю) представляется возможность подвести ей болѣе точные итоги:

Изъ общаго числа поступившихъ въ продажу экземпляровъ, т. е. 54,154, слѣдуетъ еще вычесть:

Находящіеся на коммисіи у книгопродавцевъ . . .	2,963
Пропавшіе за разными лицами и учрежденіями. . . .	7,232
Всего . . .	10,195

Такимъ образомъ оказывается, что изъ общаго числа изданныхъ экземпляровъ (67,000) продано всего только 43,959. Хотя въ самомъ началѣ я и продавалъ экземпляръ моихъ изданій по 8 коп., но такъ какъ, съ одной стороны, я уступаю 50% уже около 15 лѣтъ, а съ другой стороны мною не приняты во вниманіе разные мелочные расходы по упаковкѣ, пересылкѣ, отвѣтнымъ письмамъ и т. п., то на экземпляръ придется никакъ не болѣе 5 коп. Слѣдовательно я продалъ моихъ изданій всего только на 2,198 рублей; если изъ этой суммы вычесть расходы по изданію (2,113 р.), то мой барышъ, втеченіи 20 лѣтъ, будетъ—85 рублей, а въ годъ—4 р. 25 коп., составляющіе вознагражденіе за трудъ съ 1862 по 1882 г.

И. С. Ремезовъ.

Примѣчаніе. Каждый изъ читателей „Русской Старины" — конечно вполнѣ пойметъ ту цѣль, съ которой мы пригласили Ивана Сократовича Ремезова ознакомить насъ съ ходомъ его 20-ти лѣтней дѣятельности на поприщѣ изданія народныхъ книгъ.—Дѣятельность эта—благая, безкорыстная, дорога намъ—какъ живое свидѣтельство того,—какъ много можетъ сдѣлать человѣкъ при одномъ лишь трудѣ, безъ всякаго капитала, если только онъ одушевленъ искреннимъ желаніемъ принести пользу своимъ согражданамъ, принимается за дѣло осмотрительно и умѣло, и отнюдь не смущается тѣми терніями, которыми неизмѣнно усѣянъ путь каждаго честнаго труженика не только на Руси, гдѣ еще, увы, такъ много невѣжества, равнодушія и лжи, но и повсюду, за иноземнымъ рубежемъ.

Пожелаемъ-же И. С. Ремезову продолжать его трудъ на пользу русскаго народа, но пожелаемъ, чтобы кромѣ нравственной награды—въ чувствахъ къ нему признательности и уваженія,—онъ нашелъ наконецъ и матеріальное вознагражденіе, которое потому уже важно, что дастъ ему возможность — еще болѣе развернуть свою дѣятельность на излюбленномъ имъ поприщѣ.

Пріятно вспомнить, что въ нашемъ Отечествѣ примѣры, подобные явленію И. С. Ремезова, не единичны: то что дѣлаютъ за рубежемъ цѣлыя общества, правительственныя или общественныя учрежденія—у насъ иногда совершается энергіею одного и притомъ частнаго лица. Вспомнимъ — Новикова, В. И. Даля (Толковый словарь великор. живаго языка) и цѣлый рядъ нашихъ „самородковъ. .."

8-го іюля 1882 г. Спб. Ред.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Неизданныя стихотворенія.

Въ 1882 г. удалось мнѣ разсмотрѣть альбомы покойной г-жи Гюгель, рожденной Верещагиной, описанной въ запискахъ г-жи Хвостовой подъ именемъ «Саши Верещагиной». Альбомы эти хранятъ рисунки и стихотворенія поэта въ періодѣ времени отъ 1830 до 1832 года. Частью это отлично выполненные головки, то акварелью, то тушью, частью перомъ или карандашомъ. Это портреты, эскизы, каррикатуры. Стихотворенія большею частью тѣ же, которыя г-жа Хвостова приводитъ, какъ бы писанными для нея. Должно быть Лермонтовъ вписывалъ ихъ многимъ барышнямъ въ альбомы, до коихъ тогда всѣ онѣ были охотницы. Между прочимъ въ одномъ изъ альбомовъ нашелся переписанный начисто варіантъ стихотворенія «Отворите мнѣ темницу», извѣстнаго уже въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Приводимый здѣсь варіантъ очень любопытенъ по первой строфѣ своей. Стихотвореніе «Гость»—должно быть весьма раннее—хранитъ очевидно вліяніе нѣмецкаго поэта Бюргера и навѣяно балладою его «Леонора», переведенною Жуковскимъ въ первый разъ подъ именемъ «Людмиллы».

Что Лермонтовъ находился подъ вліяніемъ нѣмецкихъ поэтовъ я доказывалъ въ III главѣ біографіи поэта («Русск. Мысль» декабрь 1881 г.), гдѣ приводится даже стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ, очевидно принадлежащее ему. Любопытно, что стихотвореніе «Гость» Лермонтовъ называетъ «Былью». Есть намеки на то, что въ воинственномъ азартѣ молодой поэтъ рвался поступить въ полкъ, чтобы принять участіе въ открывшейся въ 1831 году «польской кампаніи». Къ этому побуждала его несчастная страсть.—Вообще было въ модѣ проситься въ дѣйствующую армію или на Кавказъ, увеличивая въ обществѣ романическій интересъ разсказами о несчастной любви, побуждающей

юнаго воина искать смерти. Въ описаніи жизни молодого Печорина въ «Княжнѣ Лиговской» (недавно найденномъ романѣ Лермонтова и напеч. въ янв. кн. «Русск. Вѣстн.») разсказывается, что Жоржъ (Печоринъ) «почти на колѣняхъ выпросилъ у матери позволеніе вступить въ Н.... гусарскій полкъ». Какъ, отправляясь въ походъ, онъ прощается съ любимой дѣвушкою и она даетъ ему клятву, что никогда не будетъ принадлежать другому (стр. 152). Вѣрочка не выполняетъ обѣщанія и выходитъ черезъ полтора года за Лиговскаго. Всѣ лица романа взяты изъ жизни—весь онъ автобіографическаго значенія. Вѣра—это дѣйствительная глубокая страсть поэта и онъ никогда не могъ забыть, что она вышла не за него. Ей, между многими другими произведеніями, посвящена и «Любовь мертвеца», «Пускай холодною землею засыпанъ я...». «Гость» является такимъ образомъ какъ бы первымъ наброскомъ знаменитаго стихотворенія. Къ той же личности написано и французское стихотвореніе, тоже впервые нынѣ печатающееся.

Пав. Висковатый.

I.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Я пущусь по дикой степи
И надменно сброшу я
Образованности цѣпи
И вериги бытія.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой;
Я пущуся въ сине море
Въ даль отъ сонныхъ береговъ,
Разгуляюсь на просторѣ
И натѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ злобной прихотью валовъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ его тѣни широкой
Билъ жемчужной водопадъ;
Передъ звучными струями
Я лѣниво растянусь
И надъ прежними мечтами
Засыпая посмѣюсь.

II.

ГОСТЬ. (Быль).

(Посвящается .....).

Клариса юноша любилъ,
Давно тому назадъ;
Онъ сердце дѣвы получилъ...
А сердце—лучшій кладъ.
Ужъ громкій колоколъ гудётъ
И въ церквѣ попъ съ вѣнцами ждетъ.

И вдругъ раздался крикъ войны,
Подъяты знамена:
Спѣшатъ отечества сыны—
И ноги въ стремена!
Идетъ Калмаръ, томимъ тоской,
Проститься съ дѣвой молодой.

„Клянись, что вѣчно“, молвилъ онъ,
„Мнѣ не измѣнишь ты!—
„Пускай холодной смерти сонъ,
„О дѣва красоты,
„Насъ осѣняетъ подъ землёй.
„Коль не вѣнцы любви святой!“

Кларнса клятву говоритъ,
Дрожитъ слеза въ очахъ,
Разлуки поцѣлуй горитъ
На розовыхъ устахъ!
„Вотъ поцѣлуй послѣдній мой—
„Съ тобою въ храмъ и въ гробъ съ тобой!

— И такъ прости! жалѣй меня!
Печаленъ мой удѣлъ! —
Калмаръ садится на коня,
И вихремъ полетѣлъ....
Дни мчатся.... снѣгъ въ поляхъ лежитъ...
Все дѣва плачетъ да грустить.

Вотъ и весна явилась вновь,
И въ солнцѣ прежній жаръ.
Проходитъ женская любовь.
Забытъ, забытъ Калмаръ!
И долженъ получить другой
Ее красу съ ее рукой.—

Съ невѣстой подъ руку женихъ,
Пируетъ за столомъ.
Гостей обходитъ и родныхъ

Стаканъ шипя виномъ.
Пиръ брачный весело шумитъ
Лишь молча гость одинъ сидитъ.

На немъ шеломъ избитъ въ бояхъ,
Подъ хладной сталью ликъ,
И плащъ изорванъ на плечахъ,
И ржавый мечъ великъ.
Сидитъ онъ прямъ и недвижимъ
И рѣчь начать боятся съ нимъ...

„Что гость любезной нашъ не пьетъ—
—Клариса вдругъ къ нему—
„И что онъ нити не перерветъ
„Молчанью своему.
„Кто онъ? откуда въ нашу дверь?
„Могу ли я узнать теперь?"

Не стонъ, не вздохъ онъ испустилъ—
Какой то страшный звукъ,
Невольнымъ страхомъ поразилъ
Онъ слухъ невѣсты вдругъ.
Всѣ гости ахъ!—открылъ пришлецъ
Лице свое:—то былъ мертвецъ.

Трепещутъ всѣ, спасенья нѣтъ,
Женихъ забылъ свой мечъ.
„Ты помнишь ли, сказалъ скелетъ,
„Свою прощальну рѣчь:
„Калмаръ забытъ не будетъ мной;
„Съ тобою въ храмъ и въ гробъ съ тобой!"

„Калмаръ твой палъ на битвѣ—тамъ
„Въ отчаянной борьбѣ.
„Вѣнецъ дѣвица въ гробѣ намъ:
„Я вѣренъ былъ тебѣ!"...
Онъ обхватилъ ее рукой
И оба скрылись подъ землей.

Въ томъ домѣ каждый круглый годъ
Двѣ тѣни, говорятъ,
(Когда межъ звѣздъ луна бредетъ
И всѣ живые спятъ)
Являются, какъ легкій дымъ,
Бродя по комнатамъ пустымъ!...

М. Лерма.

III.

Non, si j'en crois mon espérance,
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Près de vous par le souvenir.—
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,—
Rappelez moi je reviendrai.

M. Lerma.

«Школьная Заря»

1834 г.

Это рукописный журналъ издававшійся воспитанниками школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ бытность Лермонтова въ школѣ и при его участіи. Подлинная тетрадь журнала сохранилась у князя В. С. Вяземскаго (одинъ изъ однокашниковъ поэта по школѣ) вмѣстѣ съ карриватурами, мастерски исполненными перомъ Лермонтова. Благодаря посредству В. Н. Поливанова, мы имѣли случай познакомиться съ этимъ журналомъ въ 1879 г. Въ „Школьной Зарѣ" Лермонтову принадлежатъ:—извѣстная шутка стихотвореніе „Уланьша": подписанное псевдонимомъ „Гр. Діарбекиръ"; „Пограничныя извѣстія": перепопія (въ прозѣ) подписано „Степановъ", это шутка, въ героѣ которой выведенъ Лермонтовымъ его товарищъ кн. Шаховской; затѣмъ: „Ода....

О ты, в...... храмъ, невѣдомой богини!
Къ тебѣ мой гласъ... къ тебѣ взываю изъ пустыни,
Гдѣ шумная толпа тѣснится столько дней
И гдѣ такъ мало я нашелъ еще людей!
Прими мой ѳиміамъ летучій и свободный,
Незрѣлой, слабой цвѣтъ поэзіи народной!
Ты покровитель нашъ, въ святыхъ стѣнахъ твоихъ,
Я не боюсь враговъ завистливыхъ и злыхъ,
Подъ сѣнію твоей не причинятъ мнѣ страха
Ни взоръ Михайлова, ни голосъ Шлипенбаха.

Едва отъ трапезы возстанутъ юнкера,
Хватаютъ чубуки—бѣгутъ, кричатъ: пора!
Народъ заботливо толпится за дверями.....
Вотъ искры отъ кремня посыпались звѣздами,
Изъ рукава чубукъ ужъ выползъ какъ змѣя
Гостепріимная отдушина твоя.....
Открылась бережно ... огонь табакъ объемлетъ,
Пріемная труба завѣтный дымъ пріемлетъ!

Когдажъ Ласковскаго приходитъ грозный классъ
От поисковъ его ты вновь скрываешь насъ,
. . . .
Является въ тебѣ отважно безъ покрова! и проч. и проч.

Далѣе „посланіе къ Тизенгаузену“ (въ стихахъ), и наконецъ „Гошпиталь въ Петергофѣ—разсказъ“ (въ стихахъ), героями каковаго разсказа, между прочими кн. А. И. Барятинскій (впослѣдствіи фельдмаршалъ), и Н. И. Поливановъ—тотъ и другой товарищи по Школѣ Лермонтова. Этотъ послѣдній разсказъ состоитъ изъ 162 стиховъ и подписанъ „Гр. Діарбекиръ“.

Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этого разсказа:

Друзья! вы помните конечно
Нашъ Петергофскій Гошпиталь,
И многимъ, знаю я, сердечно
Съ нимъ разставаться было жаль.
Тамъ антресоли занимая,
Старушка дряхлая, слѣпая
Жила съ усатымъ ямщикомъ....
Но дѣло вовсе не о томъ!
Ея служанка молодая
Не скромной бойкостью словъ
Огнемъ очей своихъ лазурныхъ
Плѣнила нашихъ грозныхъ, бурныхъ,
Бурныхъ, неумолимыхъ юнкеровъ.
И то сказать; на эти очи,
На эту ножку, станъ и грудь
Однажды стоило взглянуть
Чтобъ въ продолженьи цѣлой ночи
Не закрывать горящихъ глазъ
. . . .

и т. д. слѣдуетъ живой, бойко рифмованный разсказъ, въ которомъ герой повѣствованія кн. А. И. Барятинскій въ темнотѣ, по ошибкѣ, обнимаетъ вмѣсто красавицы слѣпую дряхлую старуху, та кричитъ,—вбѣгаетъ служитель, со свѣчей и озаряетъ картину; стражъ бросается на князя, поражаетъ его, но на помощь является „лихой уланъ“—Н. Поливановъ, онъ же и плѣнитель дѣвы-красавицы, стражъ пораженъ и кн. Барятинскій выручень изъ бѣды. Шампанское на утро съ друзьями заливаетъ непріятное для него воспоминаніе о прошедшей ночи.

Стихи зачастую довольно звучные, по содержаніе—по своей скабрезности—едва ли ни превосходитъ произведенія пресловутаго Баркова. При видѣ этого рукописнаго журнала дивишься той мощи генія Лермонтова, который могъ развернуться въ немъ даже еще въ этомъ именно учебномъ заведеніи, среди обстановки крайне неблагопріятной, какую представляла среда и жизнь въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ!

N. N.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ ІЮНѢ И ІЮЛѢ 1762 ГОДА.

Предлагаемый здѣсь разсказъ о событіяхъ первыхъ дней царствованія Екатерины былъ составленъ и подготовленъ къ печати въ 1867 г.; онъ составляетъ отрывокъ изъ нашей обширной монографіи: „Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи: царствованіе Петра III", первыя главы каковаго труда были напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1867 г. кн. VII, VIII и IX. Съ тѣхъ поръ событія 28 іюня—6 іюля 1762 г. разсказаны историкомъ Соловьевымъ въ XXV-мъ томѣ его монументальнаго труда, „Исторія Россіи", и затѣмъ дали богатый сюжетъ нашимъ романистамъ: графу Сальясу и друг., которые и воспользовались имъ съ бóльшимъ или меньшимъ талантомъ для произведеній ихъ фантазіи. Помѣщаемъ настоящій очеркъ только потому, что въ немъ читатель быть можетъ встрѣтитъ еще, хотя уже не многія, новыя черты для знакомства съ первыми днями царствованія Екатерины II. Настоящій очеркъ вновь пересмотрѣнъ и дополненъ въ 1876 году. Ред.

... Въ свѣтлый іюньскій вечеръ, 27-го іюня, когда заря стоитъ на петербургскомъ небѣ во всю ночь, сильный ударъ въ наружную дверь заставилъ вздрогнуть и безъ того уже взволнованную восемнадцатилѣтнюю княгиню Екатерину Романовну Дашкову. Несмотря на свое тревожное состояніе, она должна была лечь въ постель, чтобы не возбудить любопытства въ своихъ слугахъ и не заставить ихъ подозрѣвать таинственныхъ подготовленій.

Въ эту ночь рѣшалась участь императрицы Екатерины.

Наканунѣ Дашкова узнала объ арестѣ Пассека; у ней сидѣлъ ея дядя, Никита Ивановичъ Панинъ, когда вошелъ отыскивавшій его артиллерійскій капитанъ Григорій Орловъ и сообщилъ о неожиданномъ арестѣ одного изъ главныхъ заговорщиковъ [1]). Панинъ, съ своей обычной флегмой и хладнокровіемъ, принялся разсуждать, что Пассекъ, вѣроятно, посаженъ подъ арестъ за какой-нибудь безпорядокъ по службѣ. Дашкова горячилась и доказывала, что арестъ его долженъ служить сигналомъ для начала ихъ дѣйствій. Убѣдить Панина она не могла и просила Орлова поѣхать развѣдать обстоятельнѣе о причинахъ ареста, и если окажется, что Пассекъ посаженъ какъ государственный преступникъ, то немедленно увѣдомить объ этомъ ее и Панина. Лишь только ушелъ Орловъ, Дашкова, горя юношескимъ нетёрпѣніемъ, выпроводила отъ себя стѣснявшаго ее Панина, накинула мужской плащъ и направилась къ дому Рославлева [2]). На дорогѣ увидѣла она всадника, быстро мчавшагося ей на встрѣчу. Мысль, что это одинъ изъ братьевъ Орловыхъ, изъ которыхъ она знала въ лицо только одного Григорія, мгновенно промелькнула въ ея головѣ. Она громко окликнула скакавшаго. Тотъ остановился. Дѣйствительно, это былъ Алексѣй Орловъ. Дашкова назвала себя и стала его распрашивать. Оказалось, что Пассекъ арестованъ за государственное преступленіе: четверо часовыхъ стоятъ у дверей и по двое у каждаго окна. Григорій Орловъ поѣхалъ съ этимъ извѣстіемъ къ Панину, а Алексѣй—къ Рославлеву. Дашкова распорядилась тутъ же на улицѣ. Она велѣла (какъ потомъ разсказывала) передать Рославлеву и Ласунскому [3]), чтобы они тотчасъ отправлялись въ свой Измайловскій полкъ и дожидались тамъ приказа встрѣтить императрицу при въѣздѣ ея въ городъ. Орловымъ велѣла мчаться въ Петергофъ, уговорить императрицу сѣсть въ приготовленную ею, Дашковой, карету и везти ее въ Измайловскій полкъ, который уже подготовленъ провозгласить ее императрицей и будетъ ей конвоировать при въѣздѣ въ Петербургъ.

---

[1]) Заговорщики были раздѣлены на четыре группы, съ отдѣльными начальниками въ каждой. Капитанъ Преображенскаго полка Петръ Богдановичъ Пассекъ былъ однимъ изъ такихъ начальниковъ.

[2]) Генералъ-маіоръ, служившій преміеръ-маіоромъ въ Измайловскомъ полку.

[3]) Ласунскій, Измайловскаго полка офицеръ, имѣлъ большое вліяніе на своего полковаго командира Кириллу Разумовскаго.

Воображая, что она стоитъ во главѣ всего заговора, ея приказанія безпрекословно исполнятся и она руководитъ всѣмъ, Дашкова готова была сама ѣхать встрѣчать императрицу, но портной не принесъ заказанный ею мужской костюмъ, вслѣдствіе чего она должна была оставаться дома и лежать въ постели въ мучительномъ ожиданіи, когда сильный стукъ въ наружную дверь заставилъ ее вскочить съ постели. Въ страшной тревогѣ она выбѣжала въ сосѣднюю комнату и велѣла отворить, кто бы тамъ ни стучалъ.

Вошелъ незнакомый молодой человѣкъ, отрекомендовался Ѳедоромъ Орловымъ, и объявилъ, что пришелъ спросить: не будетъ-ли, съ ихъ стороны, слишкомъ поспѣшнымъ ѣхать за императрицей? Не потревожить-ли ее по пустому преждевременный призывъ въ Петербургъ?

Дашкова вышла изъ себя. Не считая нужнымъ себя сдерживать, она, съ свойственной ей надменностью, рѣзко и не стѣсняясь въ выраженіяхъ, высказала свое неудовольствіе на Орловыхъ, не послушавшихся ея распоряженій.

— Вы потеряли самое дорогое время,—продолжала она запальчиво.—Что тутъ думать о безпокойствѣ императрицы! Лучше привезти ее въ обморокѣ въ Петербургъ, чѣмъ подвергнуть на всю жизнь заключенію или эшафоту вмѣстѣ со всѣми нами!

Орловъ ушелъ, успокоивъ Дашкову, что братъ его тотчасъ отправится въ Петергофъ за императрицей.

Неизвѣстно, точно-ли Орловы не рѣшались еще тогда ѣхать за императрицей или прикрылись только видомъ нерѣшительности, чтобы развѣдать, въ какомъ настроеніи находится сестра любимицы императора [1]), не колеблется-ли она между долгомъ родства и преданностью къ личности Екатерины.

Но Дашкова не колебалась. Желаніе ея видѣть Екатерину на престолѣ было въ эти минуты сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Волненіе ея достигло высочайшей степени нервнаго состоянія. Часы ожиданія тянулись безконечно. Возбужденное ея воображеніе рисовало картину за картиной, то въ яркомъ колоритѣ блестящаго

---

[1]) Родная сестра Дашковой, графиня Елисавета Романовна Воронцова, была любима Петромъ III; онъ хотѣлъ развестись съ Екатериной и жениться на Воронцовой.

успѣха, то въ мрачныхъ краскахъ неудачи. По временамъ ей живо представлялось, будто она присутствуетъ при торжествѣ императрицы и видитъ всѣ счастливыя для Россіи послѣдствія этого переворота, то вдругъ видѣлась ей Екатерина, блѣдная, обезображенная, умирающая вслѣдствіе ихъ неосторожности [1].

Молодая Дашкова не успѣла еще справиться съ своимъ расходившимся воображеніемъ, какъ Алексѣй Орловъ, быстро промчавшись 28 верстъ, отдѣляющихъ Петергофъ отъ Петербурга, входилъ въ небольшой садикъ Монплезира [2]. Было шесть часовъ утра; полная тишина господствовала въ прямыхъ аллеяхъ нижняго петергофскаго парка, распланированнаго Петромъ Великимъ. Все покоится въ бывшемъ его домикѣ, въ которомъ помѣщается Екатерина.

Орловъ проходитъ черезъ палисадникъ прямо къ домику, входитъ въ компату императрицы и говоритъ совершенно покойнымъ голосомъ:

— Все готово для вашего провозглашенія.

— Какъ? что?—спрашиваетъ императрица.

— Пассекъ арестованъ.

Екатерина больше не распрашиваетъ. По уходѣ Орлова, она торопливо одѣвается въ траурное платье, свой обычный ежедневный костюмъ, и въ сопровожденіи своей камерфрау Екатерины Ивановны Шаргородской [3]) направляется черезъ цвѣтникъ Мон-

---

[1]) Memoirs of the princess Daschkow. London, 1840. Vol. I, page 74.

[2]) Монплезиромъ называется небольшая часть нижняго Петергофскаго парка, выходящая на Финскій заливъ. Вокругъ домика Петра Великаго, построеннаго въ голландскомъ вкусѣ и называвшагося въ его время Попутнымъ дворцомъ, раскинутъ цвѣтникъ, оттѣненный дубками и кедрами, посаженными Петромъ Великимъ. По срединѣ цвѣтника бьетъ фонтанъ временъ Анны Іоанновны. При Елисаветѣ Петровнѣ пристроена къ домику Петра кухня на голландскій манеръ и галлерея, соединяющая домикъ съ набережнымъ флигелемъ. Мраморная терраса, построенная Екатериной въ 1785 году, возвышается надъ моремъ; склонъ отъ нея вымощенъ камнями, о которые съ неумолчнымъ шумомъ, плещутъ морскія волны. Въ описываемое нами время терраса эта была деревянная и на ней часто сиживала Екатерина.

[3]) Она оказала весьма важную услугу Екатеринѣ въ 1759 году. Екатерина была тогда еще великой княгиней и претерпѣвала разныя притѣсненія и непріятности. Екатерина Ивановна Шаргородская упросила своего дядю, духовника императрицы Елисаветы, устроить тайное свиданіе Екатерины съ императрицей. Свиданіе это, какъ извѣстно, имѣло важныя послѣдствія. (XVIII вѣкъ, сборникъ, томъ II, стр. 637).

плезира къ выходу въ паркъ. Она такъ ловко проскользнула, что ее лишь мелькомъ замѣтилъ одинъ часовой.

На встрѣчу попадаются ей двое мужчинъ, императрица быстро поворачиваетъ отъ нихъ влѣво и выходитъ въ боковую калитку. Алексѣй Орловъ садится на козлы той кареты, въ которой пріѣхалъ. Другъ его, инженерный капитанъ-поручикъ Василій Ильичъ Бибиковъ, готовится верхомъ сопровождать императрицу. Екатерина, съ своей камерфрау, садится въ карету, преданный ей камердинеръ Шкуринъ становится на запятки, и карета мчится [1]).

Прилагаемая картина—точный снимокъ съ акварели, писанной К. Кэстнеромъ (J. C. Kaestner) въ первые годы по воцареніи Екатерины II, писанной для нея, а потому, безъ сомнѣнія, чуждой невѣрностей,—представляетъ моментъ отъѣзда императрицы Екатерины изъ Петергофа. Карета запряжена шестерикомъ; государыню ведетъ къ каретѣ, вѣроятно, Алексѣй Орловъ, вблизи стоитъ Шкуринъ, въ воротахъ—Шаргородская, верхомъ—Бибиковъ; группа чернорабочихъ, вѣроятно, не узнала императрицу, а потому шапки у нихъ на головахъ [2]).

Рубиконъ перейденъ. Впереди ожидаетъ великую княгиню или жизнь, полная полезной дѣятельности, славы, блеска, или монастырь, вѣчное заточеніе, можетъ быть, смерть... Что бы ни ожидало, Екатерина выше какой-либо нерѣшительности. Понимая всю важность дѣлаемаго ею шага, она не выказываетъ никакого смущенія: не видно ни слезъ, ни колебаній, ни малодушныхъ отговорокъ. Она вполнѣ владѣетъ собой. Давно все ужъ ею передумано, рѣшено; а извѣстно, на что она разъ рѣшилась, къ тому шла всегда твердо, покойно, безъ слабодушныхъ колебаній.

По дорогѣ присоединяется къ нимъ еще одинъ изъ ея сто-

---

[1]) XVIII вѣкъ, томъ III, стр. 347.—Deux lettres inédites de Catherine II à Stanisl. Poniatowsky. Paris, 1873, page 5.

[2]) Подлинникъ этой картинки (вышиною 3 ½ вершка, шириною 4 вершка) находится во дворцѣ, въ Александріи, близъ Петергофа, и былъ на выставкѣ портретовъ въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1870 г. См. каталогъ выставки, № 373, изд. первое. Гравюра, приложенная къ этой книгѣ «Русской Старины», есть точный снимокъ съ помянутой картинки и такъ какъ она исполнена прекраснымъ рѣзцомъ академика Л. А. Сѣрякова, то и была уже помѣщена нами въ альбомѣ его гравюръ, изданномъ нами въ 1881 г. и уже сполна, до послѣдняго экземпляра, разошедшемся. Ред.

ронниковъ. Нѣтъ точныхъ свѣдѣній, кто былъ это? двое современниковъ указываютъ, едва-ли справедливо, на Кирилла Разумовскаго [1]). Въ пяти верстахъ отъ Петербурга, встрѣчаетъ императрицу, въ каретѣ, Григорій Орловъ съ младшимъ княземъ Барятинскимъ. Одинъ изъ современниковъ, Шумахеръ, разсказываетъ, что Григорій Орловъ не могъ выѣхать раньше, боясь возбудить подозрѣніе въ флигель-адъютантѣ Перфильевѣ, и долженъ былъ проиграть съ Перфильевымъ до утра въ карты [2]).

Лошади, везшія Екатерину изъ Петергофа, проскакавъ почти безъ отдыха около 50 верстъ, совершенно выбились изъ силъ. Ей уступаетъ свое мѣсто князь Барятинскій и она, пересѣвъ въ карету къ Григорію Орлову, мчится далѣе.

Между тѣмъ къ измайловскимъ свѣтлицамъ (такъ называли тогда казармы) собралась на разсвѣтѣ небольшая группа главнѣйшихъ сторонниковъ Екатерины, главнѣйшихъ не по чинамъ, а по горячему сочувствію къ предпринимаемому дѣлу. Для Екатерины, равно какъ и для всѣхъ участвовавшихъ, какъ тогда говорилось, „въ секретѣ“, было чрезвычайно удобно положеніе измайловскихъ казармъ. Онѣ находились въ предмѣстьи тогдашняго Петербурга, недалеко отъ петергофско-ораніенбаумской дороги, такъ что, при въѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Екатерина могла расчитывать на возможность тотчасъ же опереться на военную силу.

Было около восьми часовъ утра, когда къ одной изъ ротъ Измайловскаго полка подкатилъ запыленный экипажъ. У казармъ ждало только 12 человѣкъ и барабанщикъ. Ударили тревогу. Вмигъ сбѣжалось нѣсколько десятковъ солдатъ, знавшихъ, болѣе или менѣе, въ чемъ дѣло. Три роты, осторожно подготовленныя своими офицерами, окружаютъ пріѣхавшую императрицу. Она обращается къ нимъ съ трогательной рѣчью, которая заканчивается словами: „только на васъ, моихъ вѣрныхъ подданныхъ, возлагаю надежду на спасеніе“. Солдаты отвѣчаютъ ей дружнымъ крикомъ: „ура! да здравствуетъ матушка Екатерина Алексѣевна!“

Екатерина проходитъ по нѣкоторымъ свѣтлицамъ, прося защиты у измайловцевъ, и вездѣ слышитъ тотъ же отвѣтъ:

---

[1]) «Русск. Стар.»: Записки Позье, 218.—XVIII вѣкъ, томъ II, стр. 631.

[2]) Schumacher: Geschichte der Thronentsetzung und des Todes Peter des Dritten. (Hamburg, 1858, Blatt 27).

— „Рады сложить свои головы за матушку государыню!“

Двое солдатъ приводятъ подъ руки полковаго священника, въ ризѣ, съ крестомъ. Подъ открытымъ лѣтнимъ небомъ начинается присяга. Утро прекрасное и служитъ хорошимъ предзнаменованіемъ. Только что началась присяга, къ казармамъ подъѣхали извощичьи дрожки [1]) и съ нихъ слѣзаетъ въ своемъ блестящемъ мундирѣ, шефъ Измайловскаго полка Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, заявляетъ Екатеринѣ свои вѣрноподданническія чувства и тутъ же принимаетъ присягу. Примѣръ всѣми любимаго начальника сильно дѣйствуетъ на солдатъ и офицеровъ; тѣ, которые еще колебались, идутъ охотно присягать. Не прошло и получасу, какъ весь полкъ былъ на сторонѣ государыни.

Вслѣдъ за Разумовскимъ являются, одинъ за другимъ, генералъ-поручикъ конной гвардіи кн. Михаилъ Никитичъ Волконскій [2]), графъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, начальникъ Семеновскаго полка графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ и многіе другіе именитые сановники, принадлежавшіе къ „секрету“.

Окруженная вельможами, конными и пѣшими офицерами и солдатами, Екатерина садится въ тотъ же экипажъ, въ которомъ пріѣхала, и торжественно, медленно двиѓается къ казармамъ Семеновскаго полка. Въ срединѣ шествія идетъ священникъ съ крестомъ, за нимъ слѣдуетъ Разумовскій, на конѣ, съ обнаженной шпагой.

Проѣзжая мимо полковой канцеляріи, Екатерина вспоминаетъ о томящемся тутъ подъ арестомъ поручикѣ Пассекѣ и приказываетъ его освободить.

Солдаты предлагали помочь уйти Пассеку, но онъ не согласился, боясь поднять тревогу раньше прибытія Екатерины въ Петербургъ, и просидѣлъ 12 часовъ подъ арестомъ въ страшномъ томленіи, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ его схватятъ, увезутъ въ Ораніенбаумъ и станутъ пытать [3]). Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ присоединился онъ къ свитѣ, окружавшей торжествующую императрицу.

[1]) Herrmann, 287.

[2]) Родной племянникъ Бестужева-Рюмина, сосланнаго Елисаветой за приверженность его къ Екатеринѣ.

[3]) Deux lettres de Catherine, p. 14.

Лишь только подъѣхала Екатерина къ семеновскимъ свѣтлицамъ, ее встрѣчаютъ громкими криками „ура!" Семеновцы на ея сторонѣ, такъ какъ ихъ начальникъ, преміеръ-маіоръ графъ Брюсъ, явно заявилъ свои вѣрноподданническія чувства, поспѣшивъ къ ней на встрѣчу съ привѣтствіемъ [1]). Солдаты не вполнѣ понимаютъ въ чемъ дѣло, но, не желая отстать отъ своего начальника и измайловцевъ, привѣтствуютъ Екатерину громкими криками и присоединяются къ ея шествію.

Тріумфальный кортежъ, окруженный двумя полками гвардейцевъ, медленно, шагъ за шагомъ, двигается по нескончаемому Загородному проспекту (который дѣйствительно тянулся тогда по окраинѣ города и затѣмъ вмѣщалъ въ себя нынѣшнюю Владимірскую улицу) и заворачиваетъ на Невскую першпективу, нисколько не похожую на нынѣшній Невскій. Это былъ бульваръ, съ деревянными мостками вмѣсто тротуаровъ. Тѣнистыя липовыя аллеи, окаймлявшія першпективу, кое-гдѣ перемежались зелеными лужками. Пустыри окружали деревянные дома, которые носили еще на себѣ характеръ петровской эпохи. Вотъ и Аничкинъ мостъ, перекинутый черезъ Фонтанку, тогда еще не скованную гранитной набережной. Вотъ и чертоги графа Разумовскаго—великолѣпное зданіе талантливаго архитектора—художника Растрелли. За этимъ дворцомъ тянется тѣнистый садъ, занимавшій все то мѣсто, гдѣ нынѣ Александринскій театръ и Публичная библіотека. А тутъ же, противъ палатъ любимца императрицы Елисаветы—графа Алексѣя Разумовскаго, площадь, покрытая дровами и бревнами [2]).

Поѣздъ все двигается, толпа растетъ. Говоръ, крики оглашаютъ свѣжій утренній воздухъ. Быстрѣе молніи, пробѣгаютъ по этимъ толпамъ странные слухи, Богъ знаетъ кѣмъ распространяемые: „императора нѣтъ на свѣтѣ, онъ упалъ вчерашняго дня съ лошади и всею грудью ударился объ острый камень!"—„Онъ, послѣ шумной пирушки, упалъ съ палубы корабля въ море и потонулъ".—„Государь былъ на охотѣ и его нечаянно застрѣлили". Вотъ странные слухи, которые довѣрчиво принимаются толпами въ минуты всеобщаго недоумѣнія и переполоха. Громадная масса войска и народа, ничего не подозрѣвавшаго о заговорѣ, съ удив-

---

[1]) Herrmann: Geschichte des Russischen Staats, Bl. 287.

[2]) Планы и виды Петербурга 1757 г.

леніемъ присутствуетъ при торжественномъ въѣздѣ Екатерины въ столицу и объясняетъ себѣ этотъ въѣздъ внезапной кончиной государя. Никто не знаетъ, ѣдетъ-ли она въ соборъ провозгласить себя государыней или сына своего возвести на престолъ. Одно ясно: она ѣдетъ начать новое правленіе—значитъ, Петръ III не существуетъ болѣе [1]).

Въ промежутокъ времени, когда еще поѣздъ не доѣхалъ до нынѣшняго Казанскаго собора, на Невскомъ появилось новое значительное лицо, генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа. Трудно сказать утвердительно, не зналъ-ли онъ, кто участвуетъ въ заговорѣ и ѣхалъ въ артиллерійскія казармы, чтобы выдвинуть пушки противъ нарушителей порядка, или, находясь „въ секретѣ“ [2])—спѣшилъ присоединиться къ нимъ. Но вотъ онъ встрѣчается съ кортежомъ, видитъ Екатерину, останавливается... Государыня успѣла его замѣтить, подзываетъ къ себѣ, протягиваетъ ему руку, говоритъ нѣсколько словъ съ тѣмъ умомъ и тактомъ, которыми она вообще всегда отличалась; на мольбы Вильбуа: „подумать о послѣдствіяхъ ея дѣйствій“, отвѣчаетъ рѣшительными и твердыми приказаніями. Вильбуа не въ состояніи ослушаться, говоритъ „повинуюсь“, и скачетъ выдвинуть артиллерію не за Петра, а за Екатерину [3]). Быстрый переходъ этотъ нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что Вильбуа былъ лично оскорбленъ Петромъ III незадолго до описываемыхъ происшествій [4]).

Между тѣмъ, на Литейной, въ Преображенскихъ казармахъ, поднялась тревога. Въ восьмомъ часу утра прискакалъ въ 3-ю роту рейтаръ конной гвардіи, крича, чтобы всѣ шли къ „матушкѣ“ въ зимній каменный дворецъ.

Солдаты, давно прислушивавшіеся къ барабанному бою, который раздавался вдали со стороны измайловцевъ, и необычайному движенію въ городѣ, выбѣжали на плацъ. Собрались туда и офицеры, но приказаній и распоряженій никакихъ не отдаютъ. Солдаты сами собой идутъ къ полковому двору, на бѣгу заряжая

---

[1]) Записки Болотова, томъ II, стр. 275.—Позье, „Русская Старина“ 1870 г., томъ I, стр. 219.

[2]) La cour de Russie il y a cent ans, page 208.

[3]) XVIII вѣкъ, томъ III, стр. 350.

[4]) Schumacher, 18.

ружья. На дорогѣ встрѣчаютъ они штабсъ-капитана Нилова, онъ ихъ останавливаетъ, но его не слушаютъ и входятъ на полковой дворъ; но и тамъ нѣтъ никакихъ распоряженій со стороны начальства. 3-я рота въ недоумѣніи пріостанавливается и видитъ, что по литейной, въ направленіи къ невскому, быстро двигается гренадерская рота, несмотря на всѣ старанія маіора Воейкова остановить ее. Взбѣшенный Воейковъ принимается рубить гренадеровъ шпагою по ружьямъ и шапкамъ. Гренадеры, съ крикомъ, устремивъ впередъ штыки, бросаются на Воейкова, тотъ скачетъ отъ нихъ во всю прыть лошади и, боясь, чтобъ они его не захватили на Симіоновскомъ мосту, сворачиваетъ вправо и въѣзжаетъ въ Фонтанку по грудь лошади. Пріостановившаяся-было 3-я рота бѣжитъ вслѣдъ за другими преображенцами ко дворцу [1]).

Конная гвардія, въ полномъ строевомъ порядкѣ, предводительствуемая подполковникомъ Бергеромъ [2]) и офицерами, выдвигается на Невскій. Число сторонниковъ Екатерины увеличивается болѣе чѣмъ на тысячу человѣкъ [3]). Все это происходитъ между садомъ Аничковскаго дворца и церковью Рождества пресвятой Богородицы (нынѣ Казанскій соборъ). Къ неумолкаемымъ крикамъ „ура!“ присоединяется звонъ колоколовъ: духовенство, недовольное Петромъ III, явно принимаетъ участіе въ переворотѣ.

Архіепископъ Дмитрій Сѣченовъ, окруженный второстепенными лицами духовенства, стоитъ въ полномъ облаченіи на паперти собора Рождества Богородицы—небольшаго деревяннаго зданія, на мѣстѣ котораго построенъ нынѣ Казанскій соборъ. Онъ готовится встрѣтить государыню. Ближайшія къ собору куранты пробили 9 часовъ. Екатерина, торжественно встрѣченная духовенствомъ, входитъ въ храмъ. Начинается молебствіе. Архіепископъ, вознося моленія Всевышнему о здравіи государыни и благодаренія за успѣхъ ея предпріятія, еще недоумѣваетъ, какъ провозгласить ее: государыней или только правительницей, за малолѣтствомъ сына ея Павла Петровича, какъ вдругъ доле-

---

[1]) Записки Державина, стр. 20.

[2]) Бергеръ извѣстенъ читателямъ „Русской Старины“ какъ доносчикъ на статсъ-даму Лопухину, см. „Русскую Старину“ изд. 1874 г., томъ XI.

[3]) Исторія лейбъ-гвардіи коннаго полка, стр. 112.—Deux lettres de Catherine, p. 6.—La cour de Russie, 206.

таютъ до него съ площади крики: „Да здравствуетъ императрица Екатерина Алексѣевна! Да здравствуетъ государыня самодержавная императрица Екатерина Алексѣевна!“ Возгласъ этотъ подхваченъ и повторенъ тысячами голосовъ народа и войскъ, собравшихся вокругъ собора; Орловы и ихъ сторонники дѣйствуютъ энергично. Провозгласивъ самодержавіе Екатерины, они разомъ уничтожили замыселъ Никиты Панина и всѣхъ, кто желалъ видѣть Екатерину только правительницей до совершеннолѣтія Павла Петровича [1]).

Архіепископъ и духовенство, поддавшись общему настроенію, провозглашаютъ на эктеніяхъ Екатерину самодержавной государыней, а сына ея—государемъ наслѣдникомъ [2]).

Ставши сразу въ опредѣленное отношеніе къ народу и войску, Екатерина направляется въ нынѣшній Зимній дворецъ, тогда только что оконченный и не весь оштукатуренный, и велитъ привезти къ себѣ туда восьмилѣтняго своего сына Павла Петровича. Измайловскій и Семеновскій полки, принявшіе уже присягу, окружаютъ дворецъ и ставятъ свои караулы охранять всѣ его выходы. Преображенцевъ размѣщаютъ внутри дворца. Митрополитъ Дмитрій выходитъ къ преображенцамъ съ крестомъ—приводитъ ихъ къ присягѣ.

Офицеры весьма энергично заботятся окружить дворецъ заряженными пушками, поставить при нихъ артиллеристовъ съ зажженными фитилями и вездѣ,—на перекресткахъ улицъ, у мостовъ, въ особенности на дорогѣ, ведущей въ Петергофъ и Ораніенбаумъ—поставить свои караулы [3]).

При разводѣ этихъ карауловъ и патрулей, о благообразіи солдатъ нѣтъ и помину: саксонскій резидентъ Праге лично видѣлъ въ тотъ день дворцовый караулъ въ самыхъ разнообразныхъ и оборванныхъ костюмахъ: старые мундиры, рубахи и даже полушубки пестрѣли на гвардейцахъ, еще наканунѣ блиставшихъ щеголеватостью своихъ нѣмецкихъ мундировъ.

При въѣздѣ во дворецъ императрицы, преображенцы громко заявляютъ ей свое усердіе.

[1]) Herrmann, 287—288.
[2]) Соловьевъ, томъ XXV, стр. 113.
[3]) Herrmann, 288.

— „Виноваты, матушка, что запоздали приходомъ! кричатъ они. Офицеры насъ не пускали, мы привели четырехъ изъ нихъ въ доказательство нашего усердія. Мы хотимъ того же, чего наши братья хотятъ!“

Восторгъ конногвардейцевъ также невообразимъ. Они внѣ себя отъ радости избавиться отъ нѣмецкой выправки. При видѣ этихъ шумныхъ заявленій, Екатерина вспоминаетъ, какую ненависть они питаютъ къ своему начальнику принцу Георгу Голштинскому, и, боясь, чтобы они не оскорбили его, отправляетъ къ нему отрядъ пѣшей гвардіи, прося его не выходить изъ дома во избѣжаніе всякихъ непріятностей. Мѣра эта оказывается позднею: толпа конногвардейцевъ успѣла побывать у „Жоржа“, прибила его и разграбила домъ.

Вступивъ во дворецъ, Екатерина находитъ тамъ въ сборѣ сенатъ и синодъ. Приступаютъ тотчасъ же къ составленію манифеста и формы присяги. При этомъ должность секретаря исполняетъ Григорій Никитичъ Тепловъ [1]), ученикъ того самаго Ѳеофана Прокоповича, который провозгласилъ, вмѣстѣ съ кн. Меншиковымъ, Екатерину I—преемницей Петра, наставникъ и другъ Кирилла Разумовскаго, не мало содѣйствовавшій тому, чтобы гетманъ принялъ сторону Екатерины. Первый манифестъ пишется на скорую руку: некогда долго обсуждать и исправлять его, много другихъ дѣлъ, точно также не терпящихъ отлагательства. Мѣстомъ для обсужденія этихъ дѣлъ Екатерина выбираетъ старый зимній деревянный дворецъ, въ которомъ обыкновенно жила и скончалась императрица Елисавета. Дворецъ этотъ стоялъ на берегу Мойки, у Полицейскаго моста, гдѣ нынѣ домъ Елисѣева и гдѣ помѣщается благородное собраніе. Растрелли построилъ его въ одно лѣто, но тѣмъ не менѣе онъ, какъ и всѣ постройки Растрелли, отличался оригинальной красотою, не смотря на свои неправильные флигеля и немного низкій фасадъ. Пространство между старымъ и новымъ дворцами не было застроено. Громадный лугъ тянулся въ ширину почти до самой Мойки, въ длину—до Исакіевскаго собора, стоявшаго тогда на берегу Невы. Обшир-

---

[1]) Семейство Разумовскихъ, изслѣдованіе А. А. Васильчикова. XVIII в., т. II, стр. 401, 517.

ный лугъ этотъ, называвшійся Дворцовымъ, вмѣщалъ въ себѣ все пространство, занимаемое нынѣ Адмиралтейской и Дворцовой площадями, съ громадными зданіями, къ нимъ прилегающими. Онъ былъ обнесенъ невысокой деревянной рѣшеткой, выѣздъ находился подлѣ самаго адмиралтейства [1]). Утверждаютъ, будто Екатерина рѣшила переѣхать въ старый дворецъ не ради однѣхъ только воспоминаній о покойной императрицѣ, а имѣя въ виду, что старый дворецъ легче защитить въ случаѣ обороны, такъ какъ съ одной стороны онъ примыкалъ къ Мойкѣ, съ другой— къ обширному лугу.

Какъ бы тамъ ни было, Екатерина, въ первомъ часу пополудни [2]), оставляетъ нынѣшній Зимній дворецъ, выходитъ къ войскамъ, расположеннымъ на лугу, обходитъ ихъ пѣшкомъ, при громкихъ радостныхъ кликахъ солдатъ, ее привѣтствующихъ, садится въ тотъ же экипажъ, въ которомъ въѣхала въ Петербургъ и направляется въ старый деревянный дворецъ.

Обширные покои этого дворца были совершенно въ то время заброшены. Петръ III велѣлъ перевезти лучшую мебель, картины и утварь въ нынѣшній Зимній дворецъ. Опустѣлыя палаты стараго дворца оживляются, лишь только вступаетъ въ нихъ Екатерина. Залы наполняются множествомъ сановниковъ духовнаго, военнаго, гражданскаго вѣдомствъ и придворными обоего пола. Весь цвѣтъ аристократіи и даже такіе люди, которыхъ императоръ считалъ вполнѣ ему преданными, переходятъ на сторону императрицы [3]). Вся эта масса различныхъ личностей, не успѣвъ дать себѣ вполнѣ отчетъ, какъ завязалась драма, разыгравшаяся передъ ними, тѣснится къ Екатеринѣ, кто съ искренними, а кто съ льстивыми поздравленіями и увѣреніями въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ.

Сюда же является молодая княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Мы ее оставили въ своемъ тяжеломъ раздумьи, но всѣ ея мрачныя мечты разлетѣлись при извѣстіи о благополучномъ въѣздѣ Екатерины въ Петербургъ. Намъ неизвѣстна причина, по которой она не поспѣшила въ Казанскій соборъ и не участво-

---

[1]) Болотовъ, 159.

[2]) Болотовъ, 191 — Schumacher, 31.

[3]) Записки Позье. „Русская Старина" 1870 г., томъ I, стр. 219.

вала въ торжественномъ шествіи императрицы. По ея собственнымъ словамъ, она увидалась съ Екатериной только въ старомъ зимнемъ дворцѣ. Пробралась она туда не безъ затрудненій. Подъѣхать ко дворцу не было никакой возможности, за массой войска, окружавшаго его. Дашковой пришлось выйти изъ кареты и пробираться въ своемъ нарядномъ придворномъ платьѣ, сквозь эту сплошную массу солдатъ. По ея словамъ, ей помогли измайловцы. Увидавъ, съ какимъ трудомъ она пробирается, нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ подняли ее и, передавая изъ рукъ въ руки, доставили до крыльца. Съ кружащейся головой, разорванными кружевами, въ измятомъ платьѣ, предстала она предъ императрицей. Обѣ онѣ бросились въ объятія другъ друга и только могли выговорить: „Слава Богу!“

Замѣтивъ, что на Екатеринѣ нѣтъ Андреевской ленты, которую ей, какъ царствующей особѣ, слѣдовало надѣть, Дашкова подбѣжала къ дядѣ своему, Никитѣ Ивановичу Панину, сняла съ него голубую Андреевскую ленту и надѣла ее на плечо государыни, а Екатерининскій орденъ, который былъ надѣтъ на Екатеринѣ, спрятала, по желанію императрицы, къ себѣ въ карманъ [1]). Далѣе Дашкова увѣряетъ, что въ томъ же дворцѣ онѣ съ императрицей разсказали другъ другу о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на нихъ событіями послѣднихъ сутокъ, но мы думаемъ, что императрицѣ было не до интимныхъ разговоровъ. По словамъ очевидца Позье [2]), государынѣ некогда было поѣсть, до того стеченіе пріѣзжавшихъ и представлявшихся ей было громадно. Кромѣ того, ей тотчасъ же пришлось дѣлать важныя распоряженія и разослать по всѣмъ вѣдомствамъ указы и рескрипты. Необходимо было немедленно упрочить за собой главнѣйшія сѣверо-западныя крѣпости, чтобы предупредить распоряженія Петра III и не дать ему возможности уѣхать за границу и стать во главѣ нашего войска, находившагося въ то время въ Пруссіи. Немедля посланъ указъ генералъ-поручику Петру Ивановичу Панину взять на себя начальство надъ нашими войсками, находившимися за границей, такъ какъ командовавшій ими графъ П. А. Румянцевъ считался приверженцемъ Петра III.

---

1) Memoirs of the princess Daschkow, p. 80, 81. Vol. I.

2) Записки его, „Русская Старина“ 1870 г., стр. 221.

Захару Григорьевичу Чернышеву предписано было: „Нашего императорскаго величества именемъ, повелѣваемъ: его величеству (королю прусскому) объявить торжественно, что мы оный миръ (заключенный Петромъ III) продолжать будемъ свято и ненарушимо, доколѣ его величество къ разрыву онаго, а особливо при теперешнихъ обстоятельствахъ, явныхъ къ тому поводовъ не подастъ". Въ Кронштадтъ былъ посланъ съ обширными полномочіями адмиралъ Талызинъ [1]) распорядиться упрочить за Екатериной эту крѣпость. Рижскій губернаторъ Броунъ былъ предупрежденъ, „не взирая ни на чье достоинство и ни отъ кого, кромѣ что за нашимъ подписаніемъ, никакихъ повелѣній не принимать" [2]).

Принимая мѣры къ своей безопасности, Екатерина не забывала пострадавшихъ нѣкогда за нее и тутъ же отдала слѣдующій приказъ подпоручику Преображенскаго полка Николаю Калышкину: „При благополучномъ нашемъ на всероссійскій престолъ вступленіи, повелѣваемъ: графа Бестужева-Рюмина возвратить немедленно ко двору нашему и для того ѣхать вамъ въ его деревни въ самой скорости и, объявя ему нашу императорскую милость, препроводить его сюда немедленно". Калышкинъ прискакалъ въ Москву 1-го іюля и былъ первымъ тамъ вѣстникомъ восшествія на престолъ Екатерины [3]).

Пока дѣлались на-скоро всѣ эти распоряженія, передъ дворцомъ происходили слѣдующія сцены: гвардейцы отовсюду сносили мундиры и разныя принадлежности, устроенныя по прусскимъ образцамъ и по вкусу Петра III. Форма эта была имъ ненавистна и они публично выражали свою къ ней ненависть: рвали въ клочья и ломали всѣ принадлежности вновь данной имъ Петромъ формы и тутъ же, на улицѣ, переодѣвались въ прежніе мундиры временъ Елисаветы.

Гвардейцы тѣмъ съ бòльшимъ удовольствіемъ занимались этой потѣхой, что имъ тогда-же было объявлено отъ государыни, что

---

[1]) Иванъ Ларіоновичъ Талызинъ приходился двоюроднымъ братомъ сосланному Елисаветой великому канцлеру Бестужеву-Рюмину. Мать послѣдняго была родная сестра Талызина.

[2]) Соловьевъ, томъ XXV, стр. 115.

[3]) Противники Фридриха Великаго. Статья наша въ „Военномъ Сборникѣ" 1862 г, книга IX, стр. 151. Ред.

все въ ихъ военномъ бытѣ возстановится по старому, какъ было при Елисаветѣ, и что похода въ Данію не будетъ [1]). И вотъ гренадерскія шапки топчутся ногами, прокалываются штыками, бросаются въ грязь или высоко подымаются на штыкахъ ради потѣхи окружающихъ. Да изъ всѣхъ военныхъ головныхъ уборовъ, голштинская кичка, нынѣ мирно украшающая бравыя головы солдатъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, была наименѣе популярна въ день 28-го іюня 1762 года.

Впрочемъ, не всѣ солдаты глумились и уничтожали ненавистную имъ форму; болѣе расчетливые тотчасъ же обратили всѣ принадлежности своего туалета голштинскаго образца въ продажу, съ цѣлью пріобрѣсть кое-что на выпивку по случаю радостнаго дня [2]).

Но неужели мелкая формалистика Петра III и предпочтеніе, явно имъ оказываемое нѣмцамъ, до того возбудили противъ него начальниковъ гвардіи, что въ рядахъ ихъ не осталось никого, кто бы сочувствовалъ несчастью, постигшему императора?—Такихъ личностей оказалось весьма немного... Изъ нихъ извѣстны: дядя императора — принцъ Георгій, флигель-адъютантъ Рейхеръ, генералъ-маіоръ Измайловъ, полковникъ Будбергъ, капитаны: Петръ Измайловъ и Л. Пушкинъ, маіоры: Воейковъ и Шепелевъ. Всѣ они, будучи въ Петербургѣ, энергично защищали интересы Петра III. Остальные приверженцы императора находились вмѣстѣ съ нимъ въ Ораніенбаумѣ.

Принцъ Георгій Голштейнъ-Готторпскій пріѣхалъ въ Петербургъ для разныхъ приготовленій въ виду предполагаемаго отъѣзда своего въ Данію. Онъ еще ничего не зналъ о случившемся, когда явились къ нему въ домъ конно-гвардейцы съ требованіями своихъ штандартовъ. Не понимая, въ чемъ дѣло, встревоженный герцогъ мчится къ генералъ-полиціймейстеру барону Корфу, прося его совѣта, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ. Былъ-ли Корфъ „въ секретѣ“, или просто не желалъ высказаться предъ герцогомъ, только причину волненій конно-гвардейцевъ онъ приписываетъ неудовольствію ихъ на герцога, вслѣдствіе чрезмѣрной строгости

---

[1]) Донесеніе саксонскаго резидента Праге. Herrmann, 291.

[2]) Schumacher, bl. 31.

того къ нимъ, и совѣтуетъ ему быть снисходительнѣе къ солдатамъ.

Пока они бесѣдуютъ, въ домъ генералъ-полицiймейстера является офицеръ съ отрядомъ гвардейцевъ и объявляетъ обоихъ собесѣдниковъ арестованными отъ имени императрицы. Баронъ Корфъ сопротивляется. Его бьютъ прикладами и уводятъ во дворецъ. Корфъ оказывается арестованнымъ по недоразумѣнію. Императрица, узнавъ объ его арестѣ, дѣлаетъ строгій выговоръ его конвою, и собственноручно надѣваетъ на Корфа сорванный съ него орденъ.

Между тѣмъ тяжолое положеніе принца Жоржа продолжается. Лишъ только Корфъ былъ уведенъ, врывается въ его домъ ватага конно-гвардейцевъ и нападаетъ на находившагося еще тамъ герцога. Тотъ не хочетъ добровольно отдать имъ своей шпаги, его толкаютъ, бьютъ, рвутъ на немъ мундиръ, припомпная, что, за нѣсколько дней предъ этимъ, онъ публично хвастался, что исколотитъ красные мундиры вплоть до синихъ камзоловъ на тѣлѣ. Шиллингъ, адъютантъ герцога, хочетъ защитить своего начальника, его ранятъ, а герцога выводятъ во дворъ, сажаютъ въ открытый экипажъ и везутъ во дворецъ. Узнавъ о желаніи императрицы, чтобы герцогъ не выходилъ изъ дому, его не выпускаютъ у дворца изъ экипажа и везутъ прямо въ домъ Бестужева-Рюмина, въ которомъ жилъ герцогъ. Домъ этотъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго сенатскаго зданія. Встрѣчающіеся по дорогѣ конно-гвардейцы, въ ненависти своей къ принцу Жоржу, поносятъ его бранными словами, нѣкоторые замахиваются на него палашами. Солдатъ, стоящій на запяткахъ экипажа, отражаетъ эти удары ружьемъ. Одинъ изъ солдатъ цѣлится въ принца; случившійся тутъ священникъ спасаетъ его [1]). По пріѣздѣ домой, принцъ пораженъ новымъ горемъ: имущество его разграблено и перепорчено, богатѣйшія зеркала разбиты, мебель переломана, ковры разорваны, до 35-ти тысячъ наличныхъ денегъ расхищено. Прислуга, старавшаяся защитить добро своего господина, изувѣчена и заперта въ подвалы. Опьяненные самоуправствомъ, солдаты не пощадили даже супруги герцога и малолѣтнихъ его сыновей. Съ юношей

[1]) Schumacher, 31.

сорвали они часы, ордена, мундиры. У принцессы чуть не отрубили пальцевъ, стаскивая съ нихъ кольца. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не подоспѣлъ на помощь къ нимъ одинъ изъ офицеровъ, прекратившій буйство солдатъ [1]).

Изъ другихъ сторонниковъ Петра, флигель-адъютантъ его Рейхеръ пробовалъ прорубить себѣ дорогу саблей, но былъ схваченъ. Генералъ-маіоръ фонъ-Толь, какъ увѣряютъ, дѣлалъ попытку поднять армейскій полкъ противъ гвардіи. Генералъ-маіоръ Иванъ Михайловичъ Измайловъ, шефъ Невскаго кирасирскаго полка, не дозволялъ своимъ подчиненнымъ принять сторону Екатерины. Полковникъ Будбергъ привелъ свой полкъ въ столицу для защиты интересовъ Петра. Четыре офицера Преображенскаго полка, которые останавливали своихъ солдатъ стать за Екатерину, были: извѣстный уже намъ маіоръ Воейковъ, маіоръ Шепелевъ, капитанъ Петръ Ивановичъ Измайловъ, родной дядя извѣстнаго впослѣдствіи писателя Владиміра Васильевича Измайлова, и капитанъ Левъ Пушкинъ, дѣдъ знаменитаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина [2]), про котораго тотъ писалъ:

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Особѣ Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой—въ крѣпость, въ карантинъ..

„Нѣтъ сомнѣнія,—замѣчаетъ Гельбигъ,—что было и больше людей, дѣятельно защищавшихъ Петра III, но такъ какъ попытка ихъ не имѣла въ общемъ ни малѣйшаго значенія, то фамиліи ихъ остались неизвѣстны“. Мы можемъ, однако, еще указать на одно частное лицо, которое, находясь въ столицѣ, заявило свою преданность императору: это былъ директоръ фабрики гобеленовъ, статскій совѣтникъ Брессанъ, занимавшій нѣкогда должность камердинера при Петрѣ III. При первой вѣсти о волненіяхъ въ столицѣ, онъ призвалъ къ себѣ вѣрнаго своего слугу и вручилъ ему записку къ императору [3]). Записка была на французскомъ языкѣ приблизительно слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Записки Болотова, 276—277.—Позье, 220.—Schumacher, 32.
[2]) XVIII вѣкъ, томъ III, стр. 354.
[3]) Hermann, 296.

„Императрица во главѣ возмутившейся гвардіи. Теперь 9 часовъ, она входитъ въ Казанскій соборъ; народъ, повидимому, слѣдуетъ за этимъ движеніемъ, а вѣрноподданные вашего величества не показываются“. Посланному съ этой запиской Брессанъ строго приказалъ, какъ можно скорѣе, доставить ее въ Ораніенбаумъ и отдать лично императору. Разсказываютъ, что посланный этотъ переодѣлся крестьяниномъ, сѣлъ въ простую телѣгу, запряженную въ одну лошадь, и только благодаря этой обстановкѣ могъ свободно выѣхать за городъ, такъ какъ въ то время разставляли уже гвардейскіе караулы по улицамъ и мостамъ, ведшимъ къ петергофской дорогѣ. Дорога эта была такъ тщательно охраняема, что по словамъ англійскаго посланника Кейта, никто по ней не проѣхалъ, кромѣ двухъ лицъ: Льва Александровича Нарышкина и Романа Ларіоновича Воронцова. Вскорѣ по этой петергофской дорогѣ показался кирасирскій полкъ. Онъ состоялъ изъ 3-хъ тысячъ отборныхъ солдатъ. Офицеръ, командовавшій кирасирами, не зналъ чьей стороны держаться. Онъ получилъ приказаніе отъ императрицы вступить въ Петербургъ и шелъ съ полкомъ, ничего не зная о случившемся. „Я самъ видѣлъ,—пишетъ Позье,—какъ онъ чуть не подрался съ карауломъ конно-гвардейцевъ, не хотѣвшимъ пропустить его чрезъ мостъ у дворца, пока онъ не крикнетъ: „да здравствуетъ императрица Екатерина!“

Удивленный этимъ требованіемъ, офицеръ спрашиваетъ:

— Какъ это, развѣ императоръ умеръ?

При этомъ вопросѣ одинъ изъ часовыхъ посылаетъ своего товарища вызвать караулъ. Триста гвардейцевъ бросаются съ ружьями на перевѣсъ, воспрепятствовать полку перейти мостъ. Нѣсколько офицеровъ останавливаютъ излишнюю ревность солдатъ, говорятъ нѣсколько словъ на ухо кирасирскому офицеру и тотъ смиряется. Близь дворца его замѣнили другимъ офицеромъ, полкъ выстроился и безъ труда былъ приведенъ къ присягѣ императрицѣ.

Несмотря на быстроту совершеннаго переворота, никакихъ крупныхъ безпорядковъ въ городѣ (за исключеніемъ избіенія принца Жоржа) не произошло. „Не было пролито ни одной капли крови,—пишетъ англійскій посланникъ Кейтъ, — не видно было никакого насилія. Въ частяхъ города, отдаленныхъ отъ дворца,

особенно въ улицѣ, въ которой я жилъ, было все такъ покойно, какъ-будто ничего особеннаго не произошло".

Въ центрѣ города все кончилось тѣмъ, что были разбиты нѣкоторые кабаки. Перепившіеся бурлили, шумѣли, грозились перебить всѣхъ иностранцевъ, но вскорѣ и тутъ порядокъ былъ водворенъ.

Представители нѣкоторыхъ иноземныхъ дворовъ поспѣшили выразить свое сочувствіе дѣйствіямъ Екатерины. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, посланники австрійскій и французскій, велѣли купить своимъ слугамъ нѣсколько бочекъ водки, выставить ихъ передъ подъѣздами своихъ домовъ и угощать проходившихъ солдатъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

I.

Императоръ Павелъ и Игнатій Маньковскій.

1797 г.

Въ 1839 г. цесаревичъ Александръ Николаевичъ обозрѣвалъ свое будущее обширное царство. Въ этомъ путешествіи сопровождали его высочество: генералъ-адъютанты Кавелинъ и Юрьевичъ, адъютантъ князь А. И. Барятинскій и лейбъ-медикъ Енохинъ Къ августу того же года цесаревичъ прибылъ въ Бородино, гдѣ собирались войска къ высочайшему смотру и на маневры, на которыхъ предполагалось представить знаменитый бой 1812 года. По окончаніи же маневровъ, наслѣдникъ имѣлъ намѣреніе продолжать свое путешествіе по Россіи; но прибывъ въ губернскій городъ Могилевъ, на Днѣпрѣ, заболѣлъ. Бывшій въ то время Витебскій, Смоленскій и Могилевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ, Петръ Николаевичъ Дьяковъ, получивъ о томъ извѣстіе вслѣдъ по возвращеніи своемъ изъ подъ Бородина въ Витебскъ, поспѣшилъ со мною, своимъ адъютантомъ, въ Могилевъ, гдѣ мы и застали свиту его высочества крайне озабоченною. Кавелинъ и Юрьевичъ предлагали Енохину созвать консиліумъ, а Дьяковъ совѣтовалъ послать за проживающимъ между Оршею и Смоленскомъ, въ своемъ имѣніи, и уже почти не занимавшимся практикою, извѣстнымъ докторомъ Цекертомъ. Такъ и было сдѣлано: я поскакалъ на почтовыхъ и на другой день утромъ привезъ Цекерта. Хотя онъ отказывался, трусилъ, боялся отвѣтственности, но все-таки я его притащилъ почти насильно. Впослѣдствіи онъ не раскаивался, потому, что его ли, или нѣтъ, совѣты помогли наслѣднику, а онъ получилъ орденъ св.

Анны 3-й степени, давшій ему дворянство, котораго онъ не имѣлъ, будучи иностранцемъ. Между тѣмъ телеграфировали къ государю въ Петербургъ, и въ ожиданіи прибытія лейбъ-медика Арендта, старались чѣмъ могли развлекать выздоравливавшаго цесаревича, показывая его высочеству различныя произведенія края, даже мѣха черныхъ зайцевъ, попадающихся единственно въ Копысскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, и стихотворенія на бѣлорусскомъ языкѣ. При этомъ случаѣ я доложилъ моему генералу, что мы могли бы показать наслѣднику-цесаревичу нѣчто гораздо любопытнѣе, относящееся къ нашей Бѣлорусіи, а именно два подлинные рескрипта царственнаго дѣда его высочества, императора Павла Петровича, удостоившаго своимъ сватовствомъ одного молодаго человѣка на дочери тогдашняго вельможи этого края, имѣвшаго въ Могилевской губерніи значительныя имѣнія, бывшаго камергера короля польскаго, дѣйств. ст. совѣтника Маковецкаго,—у одного изъ наслѣдниковъ котораго, Николая Маковецкаго, хранились эти рескрипты; но послѣдній къ несчастію не имѣлъ ихъ при себѣ и доставилъ ихъ мнѣ изъ своей деревни слишкомъ поздно, послѣ уже выѣзда цесаревича, почему я ихъ показывалъ только П. Н. Дьякову, а себѣ оставилъ копіи.

Молодой человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь,—былъ мой родной дядя, впослѣдствіи Витебскій вице-губернаторъ, статскій совѣтникъ Игнатій Антоновичъ Маньковскій [1]). Отецъ его, а мой дѣдъ, живя въ своей деревушкѣ, въ Витебской губерніи, и имѣя, кажется, въ виду покупку другаго имѣнія, весь собранный имъ съ этою цѣлью капиталъ, какъ говорили, цѣлковыми рублями и другою монетою, закопалъ, по древнему обычаю, въ лѣсу, подъ деревомъ, и часто ходилъ на это мѣсто подъ предлогомъ прогулки, щупая каждый разъ желѣзной палочкой—цѣло ли его сокровище; но увы, въ одно прекрасное утро, подойдя къ завѣтному дереву, онъ увидѣлъ подъ нимъ пустую яму! Кладъ изчезъ! Оказалось, что ночью, передъ этимъ печальнымъ для него днемъ, бѣжалъ его казакъ (конюхъ), подмѣтившій его прогулки. Съ тѣхъ поръ старикъ всегда говаривалъ, что онъ погубилъ своихъ дѣтей и кончилъ жизнь въ монастырѣ, въ который добровольно себя заточилъ. Поэтому сыновья его, оставшись безъ состоянія, служили въ разныхъ вѣдомствахъ,—и влюбленный въ дочь богатаго вельможи дядя мой не могъ и думать о ея рукѣ; но надежда не оставила любившую его дѣвушку, Рахель Мако-

---

[1]) Это тотъ самый И. А. Маньковскій, о которомъ упоминаетъ Добрынинъ въ своихъ превосходныхъ Запискахъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г., см. томъ IV, (октябрь), стр. 336.

К. М.

вецкую: она написала письмо къ императору Павлу Петровичу. Къ сожалѣнію, содержаніе этого письма неизвѣстно—и потому трудно разъяснить смыслъ перваго рескрипта, отъ 17 февраля 1797 года. Съ этимъ письмомъ дядя мой поскакалъ въ Петербургъ. Онъ имѣлъ при дворѣ знакомыхъ, которые обѣщали дать ему знать, когда будетъ удобнѣе подать письмо государю,—и онъ, въ ожиданіи этой минуты, ежедневно подходилъ ко дворцу. Наконецъ, однажды утромъ, когда государь вышелъ къ разводу и былъ очень веселъ, ему подали съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый знакъ. Дядя мой сталъ на колѣни, на пути слѣдованія государя, и письмо положилъ себѣ на открытую голову. Павелъ Петровичъ его замѣтилъ, подошелъ къ нему, разспросилъ въ чемъ дѣло, тутъ же распечаталъ и прочелъ письмо, засмѣялся—и возвратясь во дворецъ, представилъ молодаго человѣка и письмо императрицѣ. Пока, возвратясь на плацъ, государь былъ у развода, императрица Марія Θеодоровна разговаривала съ ободреннымъ ласковымъ пріемомъ дядею, а по возвращеніи императора засвидѣтельствовала, что за такого умнаго и любезнаго молодаго человѣка, конечно, дочь выдать можно.

Въ тотъ же самый, или на другой день, дядя несся стремглавъ, на перекладныхъ, изъ Петербурга въ Могилевъ, съ письмомъ государя къ Маковецкому. Это былъ первый рескриптъ. Вотъ онъ:

Въ С.-Петербургѣ, февраля 17-го 1797 года.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Маковецкій. Я получилъ письмо отъ дочери вашей; но что оно писано нечистосердечно [1]), въ томъ имѣю многія доказательства, увѣрившія меня о страсти ея къ совѣтнику Маньковскому и о желаніи быть его женою. Согласіе ваше на увѣнчаніе таковой взаимной ихъ любви, можетъ составить ихъ щастіе и я надѣюсь, что вы, по чадолюбію, не воспротивитесь тому. Съ моей же стороны, для поспѣшества оному, пожаловалъ я жениху чинъ, мѣсто и деревню. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный. Павелъ“.

Маковецкій поторопился съиграть свадьбу; объ этомъ свидѣтельствуетъ второй высочайшій рескриптъ:

[1]) Вѣроятно это описка переписчика, сообщившаго намъ копію съ документовъ: по общему смыслу письма надо читать: „чистосердечно“.

Ред.

Новгородъ, 11 марта 1797 года.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Маковецкій. Извѣщаясь чрезъ письмо ваше, что бракъ дочери вашей съ надворнымъ совѣтникомъ Маньковскимъ, основанный на взаимной любви ихъ, уже совершился, я желаю, чтобы онъ былъ для нихъ источникомъ всякаго благополучія. Скажите имъ о семъ моемъ желаніи и увѣрьте ихъ о моемъ къ нимъ благоволеніи, съ каковымъ и къ вамъ пребываю; вамъ благосклонный. Павелъ".

Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ указъ: о производствѣ коллежскаго ассесора Маньковскаго въ надворные совѣтники, о назначеніи его Каменецъ-Подольскимъ губернскимъ прокуроромъ и о пожалованіи ему въ Витебской губерніи Буевскаго имѣнія, (въ 12-ти верстахъ отъ Витебска) въ пожизненное владѣніе. Это послѣднее обстоятельство поставило въ тупикъ моего дядю: въ высочайшемъ рескриптѣ сказано было о пожалованіи имѣнія, а указъ гласилъ, что имѣніе дается въ пожизненное владѣніе—и онъ видѣлъ въ томъ громадную разницу, льстя себя однако надеждою, что когда у него родится сынъ и онъ будетъ просить государя быть его воспріемникомъ, то навѣрное послѣдуетъ при этомъ новая царская милость и пожизненное владѣніе превратится въ вотчинное. Но, къ несчастію, сынъ родился у него уже послѣ кончины его благодѣтеля.

Рядомъ съ Буевскимъ имѣніемъ находилась маленькая деревушка, Мазолово, въ чрезвычайно живописномъ мѣстоположеніи: небольшая рѣчка протекала между двухъ невысокихъ горъ, покрытыхъ одна сосновымъ, а другая березовымъ лѣсомъ; между ними и вдоль этой рѣчки, разстилалась долина, а посреди ея небольшая возвышенность—прекрасное мѣсто для дома—съ которой видны были поля, холмы, курганы и окрестные лѣса. Объ этой мѣстности разсказывали слѣдующее: Польскому королю, вѣроятно послѣднему, во время бытности его въ Витебскѣ, представлены были мѣстные чиновники, между которыми король замѣтилъ необыкновенной толщины личность. Спросивъ кто этотъ чиновникъ, гдѣ и какъ служитъ, и получивъ засвидѣтельствованіе главнаго мѣстнаго начальника о примѣрномъ его усердіи и необыкновенной дѣятельности, не смотря на его чрезмѣрную тучность, приказалъ дать ему за таковую его службу столько земли, сколько обойдетъ ея пространства въ день. Фамилія его была Талькэ. На основаніи этого королевскаго повелѣнія, назначены были чиновники, которые, съ восхожденіемъ солнца, привезли Талькэ, по его просьбѣ, на вышеупомянутую мѣстность, извѣстную ему по ея

красотѣ—и онъ началъ ходить. Ходилъ онъ какимъ только могъ скорымъ шагомъ,—и все что обошелъ, конечно не безъ отдыховъ, до солнечнаго заката, было ему подарено. Эту-то самую землю, населенную уже небольшимъ числомъ крестьянъ, купилъ у Талькэ мой дядя; на приданное, полученное за женою, построилъ каменный двухъ этажный домъ на описанной выше возвышенности, близь рѣчки, между горами, покрытыми лѣсомъ; позади дома выстроилъ хозяйственныя принадлежности, далъ этой новой усадьбѣ названіе „Милой"—и тамъ, выйдя въ отставку, овдовѣвъ два раза и потерявъ дочь и сына, проживалъ до конца жизни.

Обширные покои его дома меблированы были очень просто—и только на стѣнѣ гостинной, надъ софою, занималъ почетное мѣсто, въ вызолоченной рамѣ, портретъ императора Павла I-го.

На другой стѣнѣ, въ рамѣ гораздо проще, висѣлъ портретъ, во весь ростъ, его первой жены, Рахели, урожденной Маковецкой, съ сыномъ въ пажескомъ мундирѣ.

Прошли годы. Послѣ смерти дяди Буевское имѣніе отошло обратно въ казну, а «Милую» пришлось продать и она теперь перешла въ другія руки; за нашимъ же родомъ остался одинъ только холмъ, исключенный изъ продажи. Онъ поросъ высокими деревьями, а подъ ними покоится прахъ дяди, двухъ женъ его, дочери и сына, да стоитъ скромный, одинъ только для цѣлаго семейства, памятникъ: на каменной колоннѣ гранитная урна съ надписью: Tu es mortel, respecte donc les tombeaux des morts.

К. А. Маньковскій.

С. Устье, Ольгополь, Подольск. губ.
7-го апрѣля 1871 года.

II.

Рескриптъ Павла I—прапорщику Краузе.

Господинъ прапорщикъ де-Краузе. Женившись вы безъ моего позволенія, поступили противу устава, за что и подвергли себя наказанію, но я вамъ то прощаю; а впрочемъ до браку вашего и до тяжбы по случаю онаго, мнѣ дѣла нѣтъ. Павелъ.

Въ городѣ Павловскѣ,
Марта 7-го 1797 года.

На конвертѣ: Орловскаго пѣхотнаго полку, господину прапорщику Краузе. Въ Уманѣ.

Примѣч. Списано съ подлинника. Де-Краузе былъ уроженцемъ и помѣщикомъ Литинскаго уѣзда, Подольской губерніи.

Сообщ. 15 апр. 1877 г. кн. Н. Н. Голицынъ.

III.

О выключкѣ изъ службы стряпчаго.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ прокуроръ князь Куракинъ. Надворнаго совѣтника и бывшаго Могилевскаго верхняго земскаго суда стряпчаго Стикорскаго, который приносилъ намъ жалобу на бѣлорусскаго вицегубернатора, что онъ назначилъ его комисаромъ въ Рогозевскій уѣздъ, и что онъ униженіемъ мѣста огорчается, повелѣваемъ за таковыя прихотливыя желанія выключить изъ службы—пребываемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Въ Гроднѣ.
Маія 14 дня 1797 года.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

IV.

Изъ военныхъ приказовъ 1798 г.

10 генваря. Какъ генералъ маіоръ графъ Сиверсъ вывихнулъ руку и службы продолжать не можетъ, то для того и отставляется отъ оной.

17 генваря. Всѣмъ гг. штабъ офицерамъ кавалерійскихъ полковъ повелѣвается во время ихъ командованія разводомъ конной гвардіи прилежно смотрѣть за ошибками оберъ офицеровъ находящихся при фронтѣ, и не дѣлать имъ изъ вѣжливости ни малѣйшаго упущенія въ оныхъ.

28 генваря. Отставленной ошибкою вмѣсто брата изъ Нашебургскаго мушкетерскаго полку маіоръ Цагель опредѣляется паки въ службу.

25 февраля. За сдѣланную неблагопристойность въ Ревелѣ, въ публичномъ мѣстѣ, флота капитаномъ 1-го ранга Ломаномъ и дворяниномъ Швенгелемъ, арестуются оба на однѣ сутки.

8 марта. Псковскаго драгунскаго полку подполковникъ Копьевъ, по неспособности къ службѣ, отставляется отъ оной, коему и жить въ своихъ деревняхъ.

— Выключенный изъ службы за неприбытіе къ полку капитанъ князь Шаховской отставляется отъ службы по причинѣ переломленія ноги.

15 марта. Е. и. вел—во рекомендуетъ гг. офицерамъ санктпетербургскаго гарнизона во время разводнаго ученія на дворѣ стоять смирно, не бѣгать и не шумѣть.

Сообщ. въ 1871 г. Г. И. Студенкинъ.

V.

Письмо императора Павла—Вас. Өед. Шепелеву.

[Собственноручное. Напечатано буквально].

Гачина. Сентября 14. 1798.

Поручаю вамъ Василiй Федоровичъ (надѣяся на вашу вѣрность и усердiе) прилѣжно смотрѣть и наблюдать не произходитъ ли что въ Смоленскѣ или кругъ васъ по поводу или похожаго на дѣло, котораго конца вы были свидѣтелемъ. Какже скоро что узнаете или свѣдаете то тотже часъ пишите прямо ко мнѣ, Я имѣю сомнѣнiе на Смоленскъ и въ немъ на Зыбина съ товарищи. Надѣяся на бдительность вашу во всякомъ случаѣ, есмь вашимъ благосклоннымъ Павелъ.

Примѣчанiе: Письмо это писано Павломъ I-мъ къ генералъ-лейтенанту Василiю Федоровичу Шепелеву. Найдено оно въ бумагахъ покойнаго Василiя Николаевича Шепелева, моего дяди по матери и родного племянника Василiя Федоровича Шепелева. В. Н. Шепелевъ умеръ 1874 года въ своемъ родовомъ имѣнiи въ селѣ Анисовѣ-Городищѣ, Троицкомъ тожъ, Жиздринскаго уѣзда, Калужской губ. Это имѣнiе, какъ видно изъ подлинной купчей, найденной тоже въ бумагахъ В. Н. Шепелева, прiобрѣтено въ 1731 году сентября 2-го отъ Преображенскаго полку капитанъ-поручика Ивана Ивановича Поснякова генералъ-лейтенантомъ, гофмаршаломъ Дмитрiемъ Андреевичемъ Шепелевымъ. Отъ сего послѣдняго Анисово-Городище перешло по наслѣдству къ родному племяннику его капитану Федору Михаиловичу Шепелеву, отцу Василiя Федоровича Шепелева.

В. Ф. Шепелевъ былъ генералъ-губернаторъ въ Могилевѣ и приведенное выше письмо, какъ надо полагать, писано было къ Вас. Федоровичу какъ къ генералъ-губернатору. Старый домъ въ Анисовѣ-Городищѣ къ несчастью сгорѣлъ со всѣмъ въ немъ находящимся. По разсказамъ моей матери, урожденной Шепелевой, и старыхъ дворовыхъ, въ томъ домѣ много было стараго оружiя и утвари. Послѣ Вас. Николаевича Шепелева осталось много старыхъ бумагъ, но исключительно псковаго характера. Между этими бумагами найдено помѣщенное выше письмо, а также письмо императора Александра I къ В. Ф. Шепелеву отъ 1 окт. 1819 г. съ повелѣнiемъ выступить въ походъ въ 24 часа и родословная Шепелевыхъ.

Изъ родословной видно, что родоначальникъ Шепелевыхъ Шель пришелъ въ Россiю изъ Свейской земли; потомки его стали впослѣдствiи называться, даже сынъ его, Шепель. Шель пришелъ въ Россiю при Дмитрiи Донскомъ и награжденъ былъ отъ великаго князя многими землями. Мѣстоположенiе Анисова-Городища гористое и очень живописное; по преданiю здѣсь былъ притонъ разбойниковъ. При усадьбѣ есть старый липовый садъ во вкусѣ XVIII ст. (во французскомъ); садъ этотъ разведенъ женою Федора Мих. Шепелева, рожденною Ушаковою, бывшею фрейлиною двора ея величества.

г. Жиздра, Калужской губернiи.
6 iюня 1875 г. Сообщ. Н. Г. Дмоховскiй.

VI.

Павелъ I командиру сводного гренадерскаго баталіона полковнику Григорью Гавриловичу Ломоносову.

1.

Господинъ полковникъ Ломоносовъ. Не устрашимая храбрость оказанная вами при пораженіи непріятеля побѣдоноснымъ нашимъ войскомъ у мѣстечка Лекко, гдѣ вы были главнымъ помощникомъ генералъ-маіору князю Багратіону въ одержанной имъ побѣдѣ надъ непріятелемъ, пріобрѣтаетъ вамъ монаршее наше благоволѣніе, воизъявленіе котораго жалую васъ кавалеромъ ордена нашего святыя Анны втораго класса, коего знаки при семъ доставляя повелѣваемъ вамъ возложить на себя. Удостоверены мы въ протчемъ, что вы получа сіе состороны нашей ободреніе потщитеся продолженіемъ службы вашей вящше удостоится монаршаго нашего благоволѣнія. Пребываемъ вамъ благосклонный. Павелъ.

Въ Павловскѣ.
Маия 14 дня 1799 года.

2.

Господинъ полковникъ Ломоносовъ. Храбрость оказанная вами при пораженіяхъ французовъ у реки Тиданѣ и Требіо, гдѣ вы будучи командированы съ баталіономъ первой день сраженія на лѣвой флангъ скорымъ прибытіемъ и быстрою атакой споспешествовали побѣдѣ. Второй день съ баталіономъ кинулись атаковать непріятеля штыками, опрокинули его и въ третій день сего жестокаго сраженія служили примеромъ неустрашимости и расторопности подчиненнымъ своимъ, пріобретаетъ вамъ монаршее наше благоволеніе, воизъявленіе котораго жалую вамъ знакъ ордена нашего святы Анны 2-го класса украшенной алмазами, которой при семъ доставляя повелѣваемъ вамъ возложить на себя, удостоверены мы, впрочемъ, что вы получа сіе со стороны нашей ободреніе потщитеся продолженіемъ службы вашей вяще удостоится монаршаго нашего благоволенія пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Въ Петергофѣ.
Іюля 13 дня 1799 года.

3.

Божіею милостію мы Павелъ Первый императоръ и самодержецъ всероссійскій и прочая и прочая и прочая, великій магистръ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и прочая и прочая и прочая.

Намъ любезновѣрному полковнику Ломоносову. Храбрость и подвиги ваши противъ французовъ, обратили на васъ вниманіе наше. Въ изъявленіе особеннаго благоволенія нашего всемилостивѣйше пожаловавъ васъ командоромъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго съ командорствомъ по тысячѣ рублей ежегоднаго дохода, повелѣваемъ вамъ возложить на себя командорскій крестъ у сего прилагаемый, поручая впрочемъ васъ Божію храненію. Данъ въ Павловскѣ іюня 6 дня 1799 года, царствованія же нашего въ третіе лѣто а великаго магистерства въ первое. Павелъ. Великій канцлеръ графъ Ростопчинъ.

4.

Господинъ полковникъ Ломоносовъ. Усердная служба ваша, храбрость и отличныя подвиги обратили на васъ вниманіе наше. Въ изъявленіе благоволенія нашего всемилостивѣйше жалуемъ вамъ украшенный бриліантами знакъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, который при семъ препровождается. Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Гатчино.
Сентября 20 дня 1799 года.

5.

Господинъ полковникъ Ломоносовъ. Получа письмо ваше изъ Вѣны, приказалъ немедлѣнно перевесть къ вамъ три тысячи рублей серебромъ. Возстановите здоровье ваше и возвратите мнѣ и службѣ отличнаго подвигами офицера. Относитесь въ нуждахъ вашихъ ко мнѣ прямо и уповайте на благосклоннаго вамъ Павелъ.

Гатчино.
Октября 19 дня 1799 г.

Примѣчаніе: Подлинники сообщенныхъ выше рескриптовъ подписаны собственноручно императоромъ Павломъ. Любопытенъ одинъ изъ нихъ по формѣ своей [1]), въ видѣ манифеста, о пожалованіи Мальтійскаго командорства. Всѣ эти рескрипты были написаны дѣду моему, отцу моего отца, во время итальянскаго похода. По окончаніи похода дѣдъ мой былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1809 году вышелъ въ отставку.

Григорій Григ. Ломоносовъ.

г. Сычевка, Смоленской губ.
24 фев. 1875 г.

VII.

Григорій Кушелевъ 1 и І. М. де-Рибасъ.

1.

Павловское. Августа 9 дня 1798 года.

Милостивый государь Іосифъ Михайловичъ! Увѣдомясь, что вы тотъ домъ, которой нанималъ у васъ графъ Орловъ, продаете, и какъ его императорскому величеству благоугодно оной у васъ купить, и притомъ надѣется, что вы незадорожась скажите соразмѣрную оному цѣну, почему и прошу покорно ваше превосходительство, въ разсужденіи цѣны, увѣдомить меня въ самоскорѣйшемъ времени для донесенія. Впрочемъ, со всегдашнимъ почитаніемъ пребываю в. п-ства покорный слуга Григорій Кушелевъ.

2.

Вице-адмиралъ Іосифъ Михайловичъ де-Рибасъ—къ вице же адмиралу Григорію Григорьевичу Кушелеву 1.

14-го августа 1798 г. Рыбинскъ.

На письмо в. п. отъ 9-го числа сего мѣсяца, достигшее меня въ Рыбинскѣ сейчасъ, имѣю честь отвѣтствовать: за великое счастіе поставляю когда благоугодно будетъ е. и. в—ву, взять въ казну домъ мой, въ коемъ живетъ графъ Орловъ. Предоволенъ буду потому

---

[1]) Это обыкновенная форма такъ называемыхъ буллъ (bulles), которыя выдавались изъ капитула ордена св. Іоанна Іерус. при пожалованіи Мальтійскими крестами. Г. Л.

особенно, что имѣющіяся на мнѣ долги меня много безпокоятъ. Сей домъ въ хорошемъ состояніи, въ немъ 130 покоевъ, картинъ и мебелей не мало, церковь, двѣ ранжереи, садъ и хорошія службы. Что же касается до цѣны, то хотя онъ, какъ по оставшимъ послѣ покойнаго Ивана Ивановича Бецкаго запискамъ извѣстно, стоитъ больше 130,000 рублей, но если бы мнѣ за него пожаловано было 110,000 рублей, то я бы весьма доволенъ былъ особливо въ разсужденіи долговъ. Но впротчемъ какая бъ цѣна мнѣ ни была пожалована, я почту себя счастливымъ, что могу тѣмъ, къ великой радости моей, исполнить волю или желаніе всемилостивѣйшаго государя моего. Словомъ, домъ сей предоставляю его высочайшему благоизволенію и васъ, м. г., осмѣливаюсь дружески на то уполномочить. Ежели надобно будетъ совершить крѣпость, то имѣю честь извѣстить в. п. что вѣрющее письмо, законнымъ порядкомъ засвидѣтельствованное, оставилъ я въ Петербургѣ у жены моей Настасіи Ивановны.

Сообщ. 23 іюня 1871 г. кн. А. Б. **Лобановъ-Ростовскій.**

VIII.

Изъ рескриптовъ Павла I въ 1799 году.

1.

1799 года сентября 13 дня. Гатчино.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Бенкендорфъ! Въ полученномъ мною отъ васъ рапортѣ о проѣзжающихъ чрезъ Ригу, усмотрѣно мною, что высланному за границу по моему повелѣнію италіянцу Половичины дали вы отъ себя пашпортъ для свободнаго выѣзду за границу, то удивляяся таковому вашему дурачеству чрезъ которое въ чужихъ краяхъ предъявляя вашъ пашпортъ, можетъ по оному имѣть разныя пособія отъ находящихся тамъ моихъ министровъ, дѣлаю вамъ за сіе выговоръ. Павелъ.

2.

Декабря 19 дня 1799 года. С.-Петербургъ.

Господинъ генералъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й. Получилъ я донесеніе ваше о отправленіи въ С.-Петербургъ бывшихъ бригадъ-маіоровъ при ввѣренномъ вамъ корпусѣ, съ удивленіемъ

усмотрѣлъ изъ онаго, что полковникъ графъ Сантіи не былъ выключенъ изъ ввѣреннаго вамъ полка, хотя въ приказѣ и отдано было чтобы всѣхъ бригадъ-маіоровъ считать по арміи, то заключаю изъ сего, что вы не читаете отдаваемыхъ мною приказовъ. Павелъ.

3.

[Собственноручно, писано карандашемъ].

Получивъ извѣстіе что аглечанѣ назначили ескадру адмирала Трагнея съ войскомъ на какую-то тайную въ Средиземномъ морѣ експедицію предостерегаемъ васъ дабы взяли вы свои мѣры есть-ли бы сіе назначено на Черное морѣ.

Примѣчаніе: Послѣдніе три документа, въ подлинникахъ, сообщены въ 1871 г. княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, распоряженія правительства. объявленія

1798 г.[1]).

Мая 6-го. Продаются недавно изданныя двѣ книги: 1-ая, Любовь; книжка золотая. Въ сей книгѣ кромѣ другихъ предметовъ, кои всѣ забавнаго и пріятнаго содержанія, находятся любопытныя астрологическія примѣчанія о свойствахъ дѣтей рождаемыхъ, въ которомъ либо мѣсяцѣ; также домашнія средства отъ разныхъ непріятностей въ любви и бракѣ, какъ то: отъ скуки, противу ревности, въ случаѣ уменьшенія любви и опасныхъ утомленій, противу непомѣрной суетности женщинъ; произвесть гармонію сердецъ; воздержать жену отъ заповѣднаго плода; воспятить (sic) входъ ворамъ во святилище брака; налагать узду Ксантипамъ; прогонять привидѣнія; отъ чрезвычайнаго любовнаго мученія; когда случатся въ бракѣ опечатки, то что тогда дѣлать, дабы избѣжать непріятныхъ попрековъ, и проч. Цѣна сей книжки безъ пер. 1 р. 30 к., въ бум. 1 р. 40 к., въ голубомъ пер. съ золотымъ титломъ 1 р. 50 коп. 2-ая, Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ при бракосочетаніяхъ разныхъ чужеземныхъ и въ Россіи обитающихъ народовъ. Названіе сей книги совершенно соотвѣтствуетъ содержанію ея: ибо она представляетъ свадебныя разныхъ народовъ проказы и что токмо было и нынѣ есть страннѣйшаго и пресмѣшнѣйшаго на свадьбахъ въ Россіи и внѣ оной, то все здѣсь описано. Цѣна сей книги на простой бум. безъ пер. 1 р. 20 коп., въ бум. пер. 1 р. 30 к., во фр. 1 р. 50 к., на бѣл. во фр. 1 р. 70 к. (№ 36).

— Въ домѣ Франца Морелли, у Поцѣлуева моста, продаются у г. Краузе лучшія живописныя картины за умѣренную цѣну. Между прочимъ изъ Рима присланная копія, снятая извѣстнымъ Баттони, съ Рафаелевой работы, подлинникъ которой ни за какія деньги достать не возможно; цѣна оной прекрасной картинѣ 1000 р. Также можно у него видѣть славную картину Корреджіо, о совершенствѣ которой есть ли сомнѣваться будутъ, то г. Краузе отдаетъ ее на три года покупщику; въ теченіи сего времени можетъ онъ ее отправить въ самый даже Римъ для окритикованія. Цѣна оной безподобной картинѣ 10 тысячъ рублей. Онъ соглашается также брать драгоцѣнные каменья, золото, серебро или векселя на обмѣнъ вмѣсто наличныхъ денегъ.

---

[1]) См. начало этихъ выписокъ изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1796—1798 гг. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томъ XI, стр. 187—190; 589—590; 754—788; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 231—236; 451—452; 663—664; 830—832; томъ XIII, стр. 457—458.

— Въ почтамтѣ, въ газетной экспедиціи принимается подписка на французскій журналъ le Spectateur du nord etc. Онъ будетъ выходить въ Гамбургѣ при концѣ каждаго мѣсяца тетрадями, каждая изъ 160 страницъ, въ осьмушку; за весь годъ платятъ по 30 р.

— Отъѣзжающіе за границу: графъ Михаилъ Мнишекъ, дѣйств. тайн. сов. Е. И. В. и кавалеръ ордена св. Апостола Андрея первозваннаго и св. Александра Невскаго; графиня Мнишекъ, урожденная графиня Замойская и ордена св. Екатерины большаго креста кавалеръ.... Графиня Замойская, урожденная княжна Понятовская съ 2 малолѣтними внуками графинями Мнишекъ.

Мая 7-го. Генералъ-адъютантъ Неплюевъ всемилостивѣйше пожалованъ въ тайные совѣтники (№ 37).

— Московскаго гренадерскаго полку полковникъ Зыбинъ всемилостивѣйше прощенъ и, и съ возвращеніемъ ему прежнихъ чиновъ и дворянства, отставленъ отъ службы.

— Отставному ротмистру Барберу, просившему о принятіи паки въ службу выключеннаго изъ оной сына его за просрочку, по высочайшему повелѣнію отказывается, потому что никакая медленность въ военной службѣ не простительна.

— Псковскому аптекарю Эндершу, просившему прежде о снабдѣніи его 6 тысячами рублями, а потомъ о какомъ либо вспомоществованіи, отказывается потому, что подобныя милости государь императоръ предоставляетъ себѣ оказывать достойно оныя заслужившимъ.

— Генералъ-маіору Зандбергу изъ Воронежа, просившему отъ имени всѣхъ тамо лютеранскихъ прихожанъ, о покупкѣ дома для отправленія божіей службы, отказывается, потому что устроеніе молитвенныхъ домовъ должно оставаться на попеченіи прихожанъ.

— Хаудрингу, исключенному изъ военной службы, просящему объ опредѣленіи его въ днѣпровской мушкетерной полкъ, по высочайшему повелѣнію отказывается, потому что исключенные какъ въ службу не принимаются, а менѣе того дозволяется имъ назначать мѣсто, гдѣ служить желаютъ.

— Исключенному изъ службы полковнику графу Сираковскому, просившему объ абшидѣ, отказывается, потому что пострадала бы служба, если бъ провинившіеся увольнялись отъ службы на равнѣ съ служившими добропорядочно.

— Дѣвицѣ Подлятской, просившей о избавленіи ея отъ явки къ суду и о присылкѣ къ ней въ домъ солдатъ для разсчета съ ними, по высочайшему повелѣнію, отказывается по нелѣпости просьбы.

— Въ Малой Коломнѣ у Качалова кабака подъ № 66 продается хорошей лакей 21 года, знающей грамотѣ и поведенія весьма хорошаго, да 16 лѣтъ дѣвка, которая умѣетъ дѣлать бахромки и кисти, также шить бѣлье и мыть, а о цѣнѣ спросить въ томъ домѣ у хозяина.

— Пожилыхъ лѣтъ дѣвка, умѣющая шить, мыть, гладить и кушанье готовить, продается за излишествомъ у Владимірской, въ улицѣ большихъ Пеньковъ, ведущей отъ Чернышева переулка къ мясному ряду въ Ямскую, на правой рукѣ въ каменномъ угловомъ подъ № 326 домѣ, у живущаго въ нижнемъ этажѣ близь воротъ; тамъ же есть продажныя легкія подержанныя дрожки.

— Отъѣзжающіе за границу... Епископъ Ренне г. Жиракъ съ камердинеромъ Яковомъ Поарье.

11-го мая. Титулярному совѣтнику Вернеру, въ прошеніи его о награжденіи чиномъ за препровожденіе въ Москву и обратно театральной труппы, отказано, поелику порученіе имъ исправленное не такой важности, чтобъ заслуживало просимаго имъ награжденія (№ 38).

— Продаются четыре тарелки славнаго и извѣстнаго въ свѣтѣ Рафаеля; продавецъ можетъ сдѣлать покупщику на честномъ положеніи кредитъ. Желающіе оныя видѣть и о цѣнѣ узнать близъ старой полиціи въ домѣ генер.-лейт. Леццано, могутъ спросить Нотку Хаймовича.

14-го мая. На Петербургской сторонѣ, прошедъ инженерный корпусъ въ домѣ Голицыной у капитана Бухмейера, продается дѣвка 25 лѣтъ, да человѣкъ 20 лѣтъ, хорошаго поведенія и рукодѣльный (№ 39).

— Отъѣзжающіе за границу.... герцогъ де Лаваль Монтморенси, сынъ его графъ Монтморенси съ камердинеромъ Францомъ Людовикомъ Гизе; живетъ въ домѣ, гдѣ жительствуетъ принцъ Конде.

18-го мая. Нашебургскаго мушкетерскаго полку князь Бабичевъ за долговременною болѣзнію отставленъ отъ службы (№ 40).

21-го мая. Е. И. Вел-во объявилъ свое благоволеніе шефу ростовскаго драгунскаго полку генералъ-лейтенанту Бенниксену и всему полку за хорошій порядокъ, усмотрѣнной Е. В-мъ во время марша сего полку изъ Торжка въ Москву (№ 41).

— Продаются книги: Сатирическій вѣстникъ удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и проч. 9 ч. 5 р. Полезные примѣры добродѣтели для дѣвицъ, или приключеніе Лиліи, сдѣлавшейся изъ простой крестьянки знатною госпожею 3 части въ пер. 4 р.

— Сего мая 27-го числа дѣвица Кирхгеснеръ предъ отъѣздомъ своимъ даетъ въ Кушелевомъ домѣ большой концертъ и превосходныя піесы играть будетъ на гармоникѣ.

— Императорская академія наукъ получила отъ королевско-испанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. кавалера д'Ониса нѣсколько программъ, печатанныхъ на испанскомъ и латинскомъ языкахъ, коими приглашаются всѣ математики къ рѣшенію одной аналитической, до интегральнаго счисленія касающейся задачи, сочиненной г. Августиномъ-Педройесомъ въ Мадритѣ. Сей сочинитель увѣряетъ, что онъ дѣйствительно уже рѣшилъ оную, но не желаетъ обнародовать своего рѣшенія прежде нежели другіе математики не испытаютъ своихъ силъ при ономъ. По сему его католич. вел-во король испанскій благоволилъ назначить за таковое рѣшеніе 50 луи, кои при здѣшнемъ россійско-императорскомъ дворѣ акредитованный его министръ выдастъ тому, кто считая со дня его объявленія въ теченіи одного года пришлетъ въ санктпетербургскую императорскую академію наукъ удовлетворительное рѣшеніе предлагаемой задачи. И для того всѣ, кои имѣютъ желаніе заняться онымъ трудомъ, могутъ выше сказанную программу получать безденежно отъ непремѣннаго конференцъ-секретаря здѣшней им. акад. наукъ, кол. сов. и кав. Эйлера.

25-го мая. Е. И. Вел-во объявилъ свое благоволеніе всей кавалеріи и пѣхотѣ во всѣхъ частяхъ и пожаловалъ по фунту говядины на человѣка (№ 42, приказъ 13-го мая въ Москвѣ).

— Е. И. В. изъявилъ свое совершенное удовольствіе бывшимъ того дня (14-го мая) въ строю какъ генералитету, штабъ и оберъ офицерамъ, такъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ и объявилъ, что онъ за честь себѣ поставляетъ быть образователемъ и начальникомъ такого войска.

— Е. И. В. изволилъ пожаловать ряжскому мушкетерскому полку гренадерской походъ за оказанную имъ услугу при началѣ царствованія Е. И. В-ва.

— Шлиссельбургскаго мушкетерскаго полку прапорщикъ Страховъ за расторопность произведенъ въ подпоручики.

— Лишенный чиновъ корнетъ Каспаровичъ принятъ по прежнему въ службу въ гусарской Линдерева полкъ.

— Ради нѣкоторыхъ обстоятельствъ концертъ дѣвицы Кирхгеснеръ, назначенный на—17 число мая, отложенъ.

28-го мая. Въ домѣ г. камергера Никол. Никит. Демидова подъ № 122 продается портретъ Е. И. В. государя императора Павла Петровича, гравированный г. Сал. Карделли—граверомъ Е. Вел-ва. (№ 43).

— Въ 3 адм. части въ рыбномъ ряду подъ № 1 продается лутчая просольная рыба осетрина 20 коп. фун., бѣлужина 18 к., севрюга малосольная 16 к., бѣлая рыбица провѣсная 25 к., икра зернистая уральская 30 к., паесная мѣшковая 35 к., бекетовская 25 к.

— Во 2 адмир. части въ 3 кварт. подъ № 137 отдается въ наемъ половина каменнаго дому съ мебелями и со всѣми службами; въ томъ же домѣ продаются 2 человѣка—кузнецъ съ женою, да сапожникъ.

1-го іюня. Нѣкоторая барыня, шедши 7 числа сего мѣсяца по Фонтанкѣ къ Симіоновскому мосту, обронила карманъ съ разными записками; если кто нашедъ принесетъ его въ Боурской корпусъ вдовѣ Зиминой, тому дано будетъ 5 руб. (№ 44).

— Продается за излишествомъ 16 лѣтъ дѣвка, поведенія хорошаго въ москов. части въ 1-мъ кварт., въ Грязной улицѣ подъ № 55 въ деревянной половинѣ; она шьетъ бѣлье, въ тамбуръ, дѣлаетъ кисти и бахраму, моетъ, гладитъ и способна къ комнатнымъ услугамъ; цѣну объявитъ квартальный офицеръ, живущій въ тѣхъ же покояхъ.

— Отъѣзжающіе за границу.... тайн. сов. и кав. графъ фонъ Нессельродтъ съ своимъ камердинеромъ Христофоромъ Краупманомъ и служителемъ Христіаномъ Гоппе, жив. въ Исакіев. ул. у Гугета.

— При импер. акад. наукъ преподаваться будутъ сего лѣта публичныя на россійскомъ языкѣ наставленія въ слѣдующихъ наукахъ: г. кол. сов. и кав. Озерецковскій будетъ преподавать по вторникамъ и четвергамъ въ 11 часовъ до полудня ентомологію или естественную исторію насѣкомыхъ, и начнетъ 8-го іюня; г. академикъ Севергинъ по середамъ въ 10 часовъ до полудня, а по пятницамъ послѣ полудня въ 4 часа ориктогнозію или систематическую минералогію, и начнетъ 9-го іюня; г. акад. Захаровъ по вторникамъ и четвергамъ въ 4 часа по полудни ѳеоретическую химію по Лавоазьевой системѣ и потомъ о металахъ, и начнетъ 8-го іюня; г. акад. Гурьевъ по середамъ послѣ полудни въ 4 часа, а по субботамъ прежде полудня въ 11 часовъ физикомаѳиматику, и начнетъ 9-го іюня. Наставленія сіи будутъ преподаваемы въ большомъ академическомъ домѣ въ верхнемъ этажѣ подлѣ зала ученаго собранія; входъ со двора. Желающіе оными воспользоваться, чрезъ сіе приглашаются.

4-го іюня. Произведенъ Гербелъ артиллерійскаго баталіона изъ фуражмейстеровъ въ обозные Поспѣловъ въ баталіонъ Абразанцова (№ 45).

8-го іюня. Е. И. В. объявилъ свое благоволеніе всему войску, бывшему того числа (26-го мая) при специальномъ смотрѣ за исправность (№ 46, приказъ въ Казани).

— Исключенному изъ 8 егерскаго полка за лѣность подпоручику Жукову, просившему о принятіи его паки въ службу, отказывается по ненадежности, чтобъ онъ въ порокѣ, за который былъ выключенъ, исправился.

— Отставному прапорщику Соколовскому, бывшему въ красносельской таможнѣ надзирателемъ и просящемуся въ военную службу, отказывается, поелику не уповательно, чтобъ онъ весьма былъ способенъ къ оной, ибо въ молодыя свои лѣта предпочелъ ей другую, совсѣмъ съ нею несходную.

— Подносимой купцомъ Ретшихомъ проэктъ о учрежденіи привилегированной адресъ-канторы, поелику въ ней нѣтъ надобности, оставляется безъ уваженія.

— Исключенному изъ службы поручику Теплову объявляется, что по не имѣніи въ немъ особой надобности государь императоръ на принятіе его паки въ военную службу не соизволяетъ.

— Просьба исключеннаго изъ службы прапорщика Андрея Тресоголова, жалующагося на несправедливое яко бы донесеніе маіора Мантейфеля о нетрезвомъ состояніи его, оставляется безъ уваженія, поелику онъ и самъ пишетъ, что *упражнялся въ томъ временно* [1].

— „Что нибудь отъ бездѣлья и на досугѣ", еженедѣльное изданіе частію историческаго, а частію моральнаго, критическаго и шутливаго содержанія, взятаго изъ лучшихъ иностранныхъ періодическихъ писателей, но больше состоящаго изъ самыхъ новѣйшихъ коротких россійскихъ сочиненій, такъ что ни одна матерія съ одного листа на другой перенесена не будетъ. Издатель, имѣвшій уже честь пріобрѣсть отъ публики одобреніе своими сочиненіями и переводами, ласкаетъ себя надеждою, что читатели найдутъ для себя въ сихъ листочкахъ нескучное препровожденіе времени каждый по своей породѣ, должности, званію, чину, состоянію и образу мыслей. Изданіе сей книги начнется съ 3 числа іюля и выдаваться будетъ безпрерывно до истеченія сего года по одному печатному листу въ большую осмушку каждую субботу.

— На сихъ дняхъ издана книга подъ названіемъ: Любовники и супруги, или мужчины и женщины (нѣкоторые); и то и сё; читай, смѣкай и можетъ быть слюбится. Сія книга представляетъ не одну пару любовниковъ и супруговъ, а многія, и не однѣ только потѣшныя о нихъ повѣстцы, а и то и сё, всякую всячину, въ прямомъ и иносказательномъ смыслѣ, какъ то, кромѣ другихъ премногихъ предметовъ, кои всѣ забавнаго и пріятнаго содержанія, находится въ сей книгѣ слѣдующее: разговоръ купидона съ дурачествомъ, или торжество дурачества надъ любовію; нѣчто на счетъ гордыхъ красавцевъ, которые пренебрегая всякую женскаго пола красоту, только въ самихъ себя влюбляются; забавныя грамотки къ красавицамъ, и въ томъ числѣ одна грамотка, писанная отъ раскольника, скупца, вдовца, который уже по лѣтамъ былъ бы душка, къ молодой богатой щеголихѣ дѣвицѣ, что она ему люба и не постыла, и чтобъ съ нимъ въ законное супружество вступить благово-

[1]) Подчеркнутое напечатано курсивомъ.

лила. Прекрасное изображеніе мужчинъ и женщинъ вообще, т. е. о немощи, жеманствѣ, хитростяхъ, властолюбіи и первой любви женщинъ, также о силѣ, властительствѣ, буйствѣ и начальномъ распутствѣ мужчинъ. Впрочемъ надобно все читать, смѣкать и можетъ быть слюбится.

— Въ среду 9-го іюня представлена будетъ членами театральнаго общества, въ пользу бѣдныхъ, трагедія Эмилія Галотти, соч. г. Леснига. За ложу платятъ по 10 р., за кресла 1 р. 50 к., въ партерѣ и во 2-мъ ярусѣ по 1 р. Начало будетъ въ 6 часовъ. Билеты получать можно у эконома того общества.

— Ежели кто для расхода при высоч. дворѣ Е. И. Вел-ва какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и въ высочайшемъ въ загородныхъ мѣстахъ присутствіи разстояніемъ отъ С.-Петербурга въ 60 верстахъ октября съ 1-го числа нынѣшняго 1798 г. ставить желаетъ: уксусъ новгородской—красной, хрѣнъ коренчатой, масло орѣховое, маковое, конопляное, грибы бѣлые, черные, ниточные и сморчки сухіе, малину сухую, макъ черной, грузди, рыжики красные—вологодскіе, волнухи и грибы бѣлые—соленые,—тѣ люди съ узаконенными о залогахъ свидѣтельствами и одобреніями отъ присутственныхъ мѣстъ или съ поручительствомъ для торговъ и договоровъ могутъ являться во всякіе дни кромѣ праздничныхъ въ придворную канцелярію, а кто безъ свидѣтельства или поручительства явится, тотъ и къ торгу допущенъ не будетъ.

11-го іюня. Генералъ-маіоръ и полоцкаго мушкетерскаго полку шефъ графъ Каменской, за непрестанные переводы какъ ротныхъ командировъ и прочихъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, чѣмъ напрасно задерживалъ сдающаго ему полкъ ген.-лейт. князя Дашкова, доносившаго о семъ государю въ оправданіе промедленія своего въ ономъ мѣстѣ, отставленъ отъ службы (№ 47).

— Продается книга: Неслыханный чудодѣй, 2 ч. 2 р. 30 коп. въ пер.

— Ея пр-ву Марьѣ Степановнѣ Енишевой привезено письмо и присылка; почему благоволила бы она приказать о семъ спросить при биржѣ полуярославской артели вязниковскаго купца Николая Вас. Красильникова.

18-го іюня. Павловской комендантъ генералъ-маіоръ Адамовичъ отпускается на однѣ сутки въ Петербургъ (№ 49).

— Желающіе купить за сходную цѣну искуснаго музыкантской капелы фаготиста, могутъ онаго видѣть и о цѣнѣ узнать 1 адмир. части 4 кварт. по Галерн. ул. въ д. подъ № 218.

— Изобрѣтенный въ Вѣнѣ г. Реллигомъ инструментъ, офрикою называемый, на коемъ игралъ г. Стимеръ, удостоенъ былъ благоволенія всей публики, а по сему инструментальный мастеръ Іоганъ-Фридрихъ Енишъ въ Ревелѣ, вознамѣрился дѣлать для охотниковъ подобные же инструменты. Размышляя о произведеніи въ дѣйство своего намѣренія, попалъ онъ на одну выдумку, которая, по сужденію знатоковъ, придаетъ сему инструменту весьма ощутительное совершенство, ибо тонъ почти вдвое будетъ громче, а пріятности ни мало не потеряетъ: самая игра облегчится и инструментъ будетъ не столь тяжелъ. Охотники могутъ такую по его изобрѣтенію исправленную офрику видѣть у него въ Ревелѣ въ домѣ часоваго мастера Нестлера, и заказывать оныя; онъ же обѣщаетъ брать за оныя весьма сходную цѣну.

— У токаря Ивана Валстера, во 2-ой Мѣщанской въ д. подъ № 142 продаются апробованныя медицинскою коллегіею новаго рода машины для вспомоществованія утопающимъ по 15 р. За оное изобрѣтеніе по высочайшему

Е. И. Вел-ва именному указу мастеръ удостоенъ награжденія. По дешевизнѣ сихъ машинъ, изъ коихъ заморскія продаются не менѣе какъ за 80 и за 100 р., онѣ отмѣнно удобны, а особливо для деревень при большихъ рѣкахъ лежащихъ. Оной мастеръ дѣлаетъ такія машины по заказу разной величины и изъ разнаго дерева.

22-го іюня. Отставлены отъ службы, кои были больны во время ревю въ Москвѣ: кирасирскаго полка графа Салтыкова 2 подпоручикъ Вемберхъ, корнеты Бугайской и Козаковъ (№ 50).

25-го іюня. При кунсткамерѣ академіи наукъ у г. Бѣляева продается вновь вышедшая книга подъ заглавіемъ: Духъ Петра Великаго им-ра всероссійскаго и соперника его Карла XII короля шведскаго, въ которой содержатся чувствованія преславныхъ сихъ героевъ, собранныя изъ разныхъ бытописателей и представленныя исторически, дабы любители отечественныхъ дѣеписаній удобнѣе могли видѣть различіе харектеровъ между двумя великими и страшными соперниками.

29-го іюня. Сего іюня 26-го дня Е. И. В. благочестивѣйшій великій государь им-ръ Павелъ Петровичъ, самодержецъ всероссійскій, ихъ им-кіе выс-ва наслѣдникъ всероссійскій, благовѣрный государь цесаревичъ и великій князь Александръ Павловичъ, благовѣрная государыня великая княгиня Елизавета Алексѣевна, благовѣрный государь великій князь Константинъ Павловичъ, благовѣрная гос-ня вел. кн-ня Анна Феодоровна и бл-ныя гос-ны вел. княжны Александра Паловна, Елена Павловна, Марія Павловна, Екатерина Павловна и Анна Павловна, въ городѣ Павловскѣ въ придворной церкви соизволили пріобщиться святыхъ Христовыхъ тайнъ (№ 52) [1].

— Е. И. В. генералъ ад-тъ Котлубицкой всемилостивѣйше пожалованъ въ генералъ-лейтенанты и опредѣленъ въ свиту Е. И. Вел-ва.

— Е. И. В. флигель-адъютанту Ливену отправлять должность генералъ-адъютанта.

2-го іюля. Лейбъ-казачьяго полку полковникъ Грузиновъ 1-й опредѣленъ въ свиту Е. И. Вел-ва (№ 53, приказъ 29 іюня въ Павловскѣ).

— Бывшій лейбъ-казачьяго полку подполковникъ Грузиновъ 2-й всемилостивѣйше прощается, такъ какъ и бывшій войска донскаго подполковникъ же Грековъ.

— Продается антикъ, или четыре тарелки живописныя мастерства извѣстнаго славнаго живописца Рафаеля, и посему стоющія не малой цѣны; желающія купить оныя, благоволятъ о цѣнѣ узнать отъ тит. сов. Перамидова, имѣющаго ихъ у себя по коммисіи, на Мойкѣ въ д. ген.-лейт. Леццано подъ № 9; по утрамъ и около вечера.

16-го іюля. Продается книга: Мартына Задека сто шестилѣтняго славнаго швейцарскаго старика, любопытное, примѣчанія достойное и многихъ весьма важныхъ въ Европѣ происшествій событіемъ оправданное предсказаніе, которое онъ 1769 г. друзьямъ своимъ при кончинѣ своей открылъ. Цѣна 20 к. въ бум. (№ 57).

---

[1]) Это было во второй разъ въ теченіи 1798 г.; третій разъ—14-го августа въ Петербургѣ; четвертый—19-го декабря въ Петербургѣ же.

Г. С.

20-го іюля. Изъ Петергофа отъ 18-го іюля. Въ прошедшую пятницу, 16-го числа сего іюля мѣсяца по полудни въ 7 часовъ, весьма при сильномъ вѣтрѣ, жестокой бурѣ и громѣ, продолжавшемся около 2-хъ часовъ, молнія два раза пала въ Кронштадтѣ на магазейны пороховые, которые въ мгновеніе были взорваны. Въ несчастномъ семъ приключеніи убито 5 человѣкъ, да ранено 12, которые однакожъ скоро оправиться могутъ. Въ обоихъ помянутыхъ погребахъ было пороху 7452 пуда; по окончаніи же бури все осталось въ Кронштадтѣ по прежнему спокойно (№ 58).

— Продается: куріозная музыкальная штучка, состоящая изъ одного менуета, которой на клависинѣ, скрыпкѣ и басу играть можно разнымъ образомъ, цѣна 1 р.

23-го іюля. Полковнику султану Менгли-Гирею, просившему о прибавкѣ жалованья, по высочайшему повелѣнію объявляется, чтобъ онъ довольствовался получаемымъ, размѣряя расходы свои по приходу (№ 59).

— Иностранцу Мейеру, просившему отъ щедротъ монаршихъ помощи на содержаніе вѣтряной и водяной мельницъ, строимыхъ имъ по высочайшему дозволенію въ Преображенскомъ селѣ, отказывается съ замѣчаніемъ, что онъ, не имѣя достатка къ построенію и содержанію тѣхъ мельницъ, не долженъ былъ испрашивать и позволенія.

— Выборгскаго пѣхотнаго полку солдату Абрамову въ дерзновенной его просьбѣ объ отставкѣ—отказано.

— Желающіе принять въ деревню иностранца, который умѣетъ класть пѣтуховъ, и излечивать отъ болѣзней рогатой скотъ и свиней, могутъ о немъ спросить у Полицейскаго моста въ д. подъ № 35.

30-го іюля. Генералъ-лейтенанту и инспектору украинской дивизіи маркизу Дотишампу быть шефомъ ямбургскаго кирасирскаго полку, и стараться привесть оной въ должной порядокъ (№ 61).

— Отправляющій должность генералъ-адъютанта подполковникъ Ливенъ произведенъ въ генералъ-адъютанты.

6-го августа. Выключенному изъ службы за ссору порутчику Масленикову, просившему объ опредѣленія въ полкъ полковника Марковскаго, отказывается за тѣмъ, что безпокойные люди въ службѣ никогда терпимы быть не могутъ (№ 63).

— Исключенному изъ службы графу де Вобанъ, просившему о изслѣдованія яко бы несправедливаго о немъ донесенія, отказано.

— Маркизу де Кастельно-Шалонъ, просившему о высочайшемъ дозволеніи въѣхать ему въ Россію, отказано.

10-го августа. Е. И. В. объявляетъ свою благодарность полкамъ Днѣстровской и Украинской дивизій за исправность и готовность, въ которой они себя содержатъ къ немедленному выступленію (№ 64).

— Өеатръ чрезвычайныхъ происшествій истекающаго вѣка открытъ и представленъ очамъ свѣта въ слѣдующихъ содержаніяхъ: проказы езуитовъ и французскихъ монахинь, странное приключеніе маркиза при цѣлованіи папскаго туфля, ужасная кончина англичанина, злость священника, невинно повѣшанный—получившій жизнь, посрамленное легковѣріе ученыхъ, развратъ учителя француза. Цѣна 1 р. 30 к. въ пер.

Сообщ. Г. И. С.

ОСНОВАНІЕ ТЕАТРА ВЪ ХАРЬКОВѢ

въ 1780 г.

Насколько извѣстно, мы обладаемъ такимъ незначительнымъ числомъ матеріаловъ къ изученію исторіи русскаго театра, что всякая мало-мальски характеристическая черта, могущая служить для будущаго составителя исторіи его руководящею нитью, не должна пропасть безслѣдно, почему я, собравъ не безъинтересныя свѣдѣнія объ основаніи харьковскаго театра, помѣщаю ихъ въ печать и надѣюсь, что интересующіеся театромъ не перебросятъ не разрѣзанными тѣ страницы, на которыхъ помѣщена эта небольшая исторія основанія одного изъ лучшихъ провинціальныхъ театровъ.

Съ открытіемъ въ 1780 году намѣстничества, въ Харьковъ прибыло много чиновниковъ для занятія всевозможныхъ должностей въ новыхъ учрежденіяхъ, почему и жизнь въ Харьковѣ сдѣлалась значительно оживленнѣе. Переселившіеся по службѣ дворяне и прибывшіе изъ разныхъ мѣстъ чиновники составили между собою довольно тѣсный кружокъ, который, между другими увеселеніями, устроилъ, исключительно для себя, и театръ. Кто были актеры, какія давались піесы, при всѣхъ стараніяхъ не удалось узнать, но передавали за вѣрное, что даже даваемы были балеты, устроенные отставнымъ танцоромъ С.-Петербургскаго театра Иваницкимъ. Слѣдуетъ предполагать, что балеты эти были просто характерные танцы, исполняемые во время представленій. Вся труппа состояла изъ двѣнадцати или пятнадцати человѣкъ и все изъ Харьковцевъ; между актерами были и женщины, такъ какъ преданіе гласитъ, что особенно восхищались одной изъ танцовщицъ, маляривной (дочерью маляра), плѣнявшей всѣхъ посѣтителей ловкостію и легкостію танцевъ, а еще болѣе привлекательною наружностію. Гдѣ, въ какомъ домѣ и какъ устроена была сцена, а равно когда и почему все это разстроилось— неизвѣстно; впослѣдствіи-же очень часто слышалось въ обществѣ сожалѣніе, что нѣтъ театра и вотъ нѣкоторые изъ чиновниковъ придумывали какъ бы пособить горю и устраивали по временамъ спек-

такли, но все это послѣ перваго же представленія разрушалось—не было мѣста, гдѣ бы можно было хотя кое-какъ устроить сцену, а также представлялось не мало затрудненій собрать актеровъ.

Въ 1789 году опредѣленъ былъ въ Харьковъ губернаторомъ или, какъ тогда называли, правителемъ губерніи бригадиръ Ѳедоръ Ивановичъ Каменскій, служившій до того времени въ штатѣ свѣтлѣйшаго Потемкина. Съ пріѣздомъ новаго начальника все воодушевилось. Предсѣдатели, совѣтники, прокуроры, стряпчіе разныхъ присутственныхъ мѣстъ, бо́льшая часть коихъ нынѣ уже и забыта по названіямъ, съ своими семействами составили многолюдное общество. Супруга и двѣ дочери правителя губерніи поддерживали единодушіе всего общества—были съ каждымъ ласковы, ко всѣмъ привѣтливы, обращались искренно, по русски—безъ гордости и чванства; всѣ сдружились и полюбили ихъ, безпрестанно посѣщали или угощали ихъ у себя. Начались балы, маскарады, благородныя собранія или клубы; къ умноженію увеселеній Каменскій предложилъ основать театръ. Предложеніе это было принято всѣми съ восторгомъ и тутъ-же, для первоначальнаго обзаведенія, внесена значительная сумма[1]) – сто рублей серебр.! и этой суммы было весьма достаточно. Не прошло и мѣсяца, какъ театръ съ ложами и другими принадлежностями былъ открытъ; вотъ это какъ было:

Въ 1787 году, по случаю проѣзда черезъ Харьковъ государыни императрицы Екатерины II, къ такъ называвшемуся, выстроенному съ открытія намѣстничества, дворцу пристроена была внутри двора изъ досокъ временная, обширная зала, кругомъ съ хорами въ два яруса, внутри росписанная. Въ этой залѣ дворянство намѣстничества и чиновники удостоены были счастія быть на балѣ, данномъ ея величествомъ. Послѣ того зала эта не была никѣмъ занимаема и въ ней-то устроенъ былъ театръ. Немного требовалось, чтобы въ готовой залѣ поставить сцену съ кулисами и росписать ихъ; мастеровые взяты были изъ губернской роты и по приказу все сработали. Двѣ декораціи—комнату и лѣсъ росписалъ и поставилъ губернскій механикъ Лука Семеновичъ Захаржевскій; онъ же умудрился такъ устроить, что занавѣсъ поднимался и даже свободно опускался надъ плошками, изображавшими изъ себя рампу. Надъ послѣдними была навѣшана доска, которая, въ случаѣ надобности, дѣлала на сценѣ ночь.

Захаржевскій имѣлъ много природныхъ способностей, но какъ не учился нигдѣ обстоятельно, то и не могъ произвести или устроить

---

[1]) По тогдашнему времени.

что нибудь дѣльное. Всегда услужливый и никому ни въ чемъ не отказывавшій, онъ и черепаховое колечко выточитъ, и заготовитъ фейерверкъ къ семейному празднику, починитъ вѣеръ, устроитъ китайскія тѣни, даже какъ-то сдѣлалъ лодку на колесахъ и катался въ ней. При открытіи намѣстничества онъ былъ наименованъ губернскимъ механикомъ.

Сей-то великій искусникъ на маленькія дѣла устроилъ театральную сцену, по тогдашнему времени довольно порядочную; затѣвалъ было онъ сдѣлать машину, чтобы по свистку перемѣнялись декораціи, но сколько ни мудрилъ, сколько ни дѣлалъ приступовъ къ тому, не доказалъ своего искусства и отложилъ затѣи въ сторону.

Сцена готова, вмѣстѣ съ тѣмъ и репертуарная часть устраивалась быстро. Убѣжденіемъ правителя губерніи Каменскаго, молодые люди, служившіе въ канцеляріяхъ, въ чертежной, не окончившіе еще наукъ въ тогдашнихъ училищахъ, объявили желаніе играть на театрѣ безъ всякаго вознагражденія, а единственно для удовольствія публики, а такъ какъ не нашлось охотницъ вступить въ актрисы, то и женскія роли пришлось исполнять тѣмъ изъ актеровъ любителей, которые къ тому были признаны способными.

«Боже меня сохрани быть актершею», говорила каждая, кому по обстоятельствамъ и предполагаемой способности предлагали вступить на театръ: «съ нуждою буду вырабатывать кусокъ хлѣба, а на безславіе не пойду».

Вотъ театръ и готовъ къ открытію. Двѣнадцать ложъ абонированы первыми чиновниками, на цѣлый годъ, по 50 рубл. серебр.; въ каждой ложѣ могло помѣститься до двѣнадцати человѣкъ. Цѣны установлены были слѣдующія: кресло—1 рубл. (годовыя 25 рубл.), партеръ—50 коп., галлерея—25 коп. мѣдью.

Тогда въ Харьковѣ существовало училище подъ непосредственнымъ распоряженіемъ правителя губерніи, неимѣвшее другаго наименованія, какъ только классы [1]). При классахъ изъ воспитанниковъ составленъ былъ полный оркестръ музыки и хоръ пѣвчихъ — все подъ управленіемъ учителя Максима Прохоровича Концевича. Духовные концерты и другія пѣнія, сочиненныя имъ, въ свое время славились и далѣе Харькова. Во время проѣзда Екатерины II, на упомянутомъ выше придворномъ балѣ, онъ дирижировалъ оркестромъ и удостоился получить богатый перстень; онъ же сочинилъ музыку

---

[1]) При преобразованіи училищъ, оно наименовано гимназіей, безъ всякой прибавки въ предметахъ.

для хора, пѣтаго при вступленіи ея величества въ приготовленный для высочайшаго пребыванія дворецъ.

Вотъ начало пѣтыхъ стиховъ, сочиненныхъ по тому-же случаю тоже въ Харьковѣ:

Гремящу арфу взявъ въ десницу,
Сниди съ Олимпа Аполлонъ!
Играй, встрѣчай императрицу,
Грядущую въ Геликонъ!

Классическій оркестръ, по приказанію правителя губерніи, обязанъ былъ играть въ каждомъ представленіи безплатно. Для представленій назначены были вторникъ и пятница, если не случались въ тѣ дни праздники; въ праздничные и воскресные дни представленій не было. Зимою и лѣтомъ представленія начинались непремѣнно въ 6 часовъ вечера. Директоромъ театра былъ избираемъ на годъ одинъ изъ губернскихъ чиновниковъ. Типографіи не было, а потому писанная афиша, прибитая къ фонарному столбу у воротъ дворца, извѣщала любопытствующихъ какая піеса въ тотъ день будетъ представлена.

Театръ открытъ былъ во время Успенской ярмарки комедіею Княжнина: «Безъ обѣду, домой ѣду». Зрители наполнили весь театръ и рукоплесканіямъ не было конца. Кромѣ абонимента первый спектакль принесъ 120 рублей; собранная сумма, съ небольшимъ остаткомъ отъ прежде внесенныхъ ста рубл., и поступившая за абонементъ, составила уже театральный капиталъ, изъ чего любители этого увеселенія съ удовольствіемъ замѣтили, что театръ въ Харьковѣ можетъ существовать самъ по себѣ. Вслѣдъ за симъ пошли представленія постоянно.

Въ первые дни послѣ открытія театра явился къ директору настоящій актеръ. Не распрашивали: кто онъ и откуда? довольно, что онъ актеръ, вызвавшійся поставить нѣсколько превосходныхъ комедій и даже оперъ. Его приняли съ радостію, не заботясь знать о немъ ничего болѣе, кромѣ того, что онъ актеръ Москвичевъ. Для перваго дебюта его приготовлена была опера: «Князь трубочистъ, трубочистъ князь», и за неимѣніемъ партитуры передѣланная въ комедію. Началось представленіе. Москвичевъ, въ видѣ трубочиста, выпадаетъ изъ камина на сцену, упалъ, приподнялся... и остолбенѣлъ! не можетъ выговорить и слова, готовъ былъ бѣжать со сцены... Отчего-же?—Проѣзжавшій правитель Орловскаго намѣстничества былъ приглашенъ въ театръ и сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ. Актеръ Москвичевъ былъ въ орловской губернской ротѣ сержантомъ и въ нѣкоторые именитые дни, составя изъ любителей какой нибудь спек-

такль, потѣшалъ тамошнюю публику, поэтому правитель намѣстничества зналъ его лично. Москвичевъ, услышавъ, что въ Харьковѣ устраивается театръ и почувствовавъ въ себѣ призваніе къ нему, тайно оставилъ знамена орловскаго губернскаго Марса и предложилъ свои услуги харьковской Таліи. Явясь на сцену и тотчасъ замѣтивъ своего начальника, Москвичевъ сразу постигнулъ послѣдствія за самовольную отлучку и перемѣну службы—потерялся совсѣмъ и едва было не бѣжалъ со сцены, но начальникъ его сжалился надъ нимъ и, чтобы не лишить публики удовольствія, закричалъ ему: «Не робѣй Дмитрій, не робѣй! продолжай, не бойся ничего!» И Дмитрій, оправившись, ко всеобщему удоволствію, съигралъ свою роль превосходно. Въ тотъ-же вечеръ оба правителя намѣстничествъ покончили на бумагахъ, что сержантъ Дмитрій Москвичевъ переведенъ на службу изъ орловской губернской роты въ Харьковскую.

Москвичевъ ожилъ и приступилъ къ постановкѣ уже настоящей оперы Мельникъ. Актеры пѣли по слуху, т. е. за скрипкою дирижора, а на роль Анюты былъ выбранъ мальчикъ изъ классической пѣвческой. Механикъ Захаржевскій устроилъ мельницу съ вертящимися колесомъ, лошадь съ движущимися ногами—вообще было что посмотрѣть! Но когда, во время представленія, изъ-за зеленой горы выдвинутъ былъ большой красный шаръ и дѣйствующіе сказали, «что это, мѣсяцъ взошелъ?» рукоплесканія шумно потрясли воздухъ.

Самовольныя вставки и урѣзки піесъ и тогда были въ модѣ, но кромѣ того были еще допускаемы на сценѣ подобнаго рода вольности: Москвичевъ, представляя Мельника, а въ этой роли онъ всегда былъ очень хорошъ, запѣлъ:

„Я вамъ дѣтушки помога,
„У Сабурова денегъ много [1]).

Рукоплесканія огласили воздухъ. Сабуровъ захохоталъ... и больше ничего; Москвичевъ, чтобы поправить свою неудачу, въ другой разъ запѣлъ:

„Я вамъ дѣтушки помога,
„У Карпова денегъ много [2]).

Карповъ покраснѣлъ, утерся... и больше ничего; рукоплесканія подтвердили, что актеръ пѣлъ правду; но Москвичеву во что бы то ни стало надобно было добиться своего и онъ опять запѣлъ:

„Я вамъ дѣтушки помога,
„У Манухина денегъ много [3]).

---

[1]) Сабуровъ былъ изъ числа первыхъ чиновниковъ и славился богатствомъ.

[2]) Карповъ—богатый купецъ.

[3]) Манухинъ тоже купецъ, не такъ богатъ какъ Карповъ, но за то тороватый.

Вслѣдъ за этой остротой полетѣлъ на сцену кошелекъ, туго набитый рублевиками; мельникъ, поднявъ его, манерно выступилъ впередъ, съ должнымъ шарканьемъ сдѣлалъ три поклона и, одобренный успѣхомъ, далѣе продолжалъ свою роль. Никто за это не винилъ актера, всѣ смѣялись находчивости его; потомъ часто повторялись подобныя сцены и также безвзыскательно.

Представленія продолжались постоянно. Комедіи даваемы были бо̀льшею частію Сумарокова; «Вздорщица» славилась остротами. Гардеробъ былъ изъ стамёда и мишуры; костюмъ Скупаго былъ необыкновенно куріозный. Къ Недорослю приступили съ бо̀льшимъ обдумываніемъ и соображеніями; едва ли не цѣлый мѣсяцъ продолжались репетиціи. Изъ оперъ были: «Мельникъ», сборами умножившій значительно театральную кассу; затѣмъ «Два охотника» и «Говорящая картина», а оперы: «Добрые солдаты» и «Сбитенщикъ», какъ требовавшія большихъ приготовленій и декорацій, поставлены были во второй годъ существованія театра. Когда выписанный изъ Москвы живописецъ писалъ декорацію улицы, то знатоки съѣзжались въ свободные отъ представленій вечера въ театръ, освѣщали ее, судили картину, дѣлали свои замѣчанія, требовали поправокъ и наконецъ одобряли.

Приготовленіе новой піесы, хотя бы и не оперы, а обыкновенной комедіи, было извѣстно заблаговременно и ее давали въ урочные дни; въ прочее же время довольствовались прежними піесами, уже наизустъ извѣстными публикѣ.

Проходило время, а все еще не было ни одной актрисы. Но вотъ актеръ Москвичевъ женился на дочери одного изъ цыганъ, постоянно жившихъ въ Харьковѣ. Лизавета Гавриловна, такъ звали жену Москвичева, была молодая, хорошенькая, ловкая и нравилась положительно всѣмъ, видѣвшимъ ее. Скоро послѣ женитьбы Москвичевъ объявилъ, что жена его будетъ играть роль Анюты въ оперѣ «Мельникъ». За нѣсколько дней предъ такимъ необыкновеннымъ событіемъ только и рѣчей было, что о настоящей актрисѣ, а кто зналъ Лизку [1]), тотъ предъугадывалъ, чего должно ожидать отъ появленія ея на сценѣ. Въ день спектакля, вечеромъ, театръ ломился отъ множества зрителей; всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ появленія актрисы, но вотъ занавѣсъ взвился кверху и вышла Анюта... О Аполлонъ, чего тамъ не было! Единственная женщина на сценѣ и женщина молодая, хорошенькая, съ черными живыми глазами, хорошо играющая, прелестно поющая, быстрымъ взоромъ озирающая сидящихъ въ крес-

---

[1]) Общепринятое названіе Лизаветы Гавриловны Москвичевой.

лахъ—все было въ изступленіи. Рукоплесканія, фора не умолкали; кошельки съ червончиками и рублевиками полетѣли на сцену то справа, то слѣва. Тогда еще не были извѣстны вызовы, такъ много льстящіе нынѣшнимъ актерамъ и актрисамъ.

Съ появленіемъ актрисы, умножился и репертуаръ; явились оперы: «Добрые солдаты», «Сбитеньщикъ», «Скупой», «Любовная ссора», «Аркасъ и Ирисса» и много другихъ. Во всѣхъ операхъ и комедіяхъ всегда отличалась Лизка. Понабралось и актеровъ, «кто съ борка, кто съ сосенки». Представленія пошли чаще; пріѣзжавшіе изъ столицы начали увѣрять, что тамъ даютъ представленія и по праздникамъ, и въ воскресные дни; вотъ харьковцы завели этотъ порядокъ и у себя.

И какъ было хорошо въ это безъэтикетное, искреннее и патріархальное время! Каждое воскресеніе, каждый праздничный и торжественный день—утромъ, всѣ служащіе чиновники, всѣ почему либо прибывшіе дворяне съѣзжаются къ правителю губерніи; вмѣстѣ съ нимъ отправляются въ соборъ, а оттуда обратно къ нему, и какъ тогда не было обычая приглашать къ обѣду, а каждый считалъ должною вѣжливостью явиться на обѣдъ къ начальнику, то почти всѣ оставались у него обѣдать. Въ высокоторжественные дни этикетный обѣдъ самъ по себѣ; въ прочіе же прозднечные и воскресные дни обѣдъ начинался въ часъ. При столѣ всегда играла музыка, пѣли пѣвчіе... въ каждое торжество при провозглашеніи тоста производилась пальба изъ городскихъ пушекъ отъ 21-го и даже до 101-го выстрѣла, смотря по торжеству. Послѣ обѣда рѣдко кто уѣзжалъ; всѣмъ вмѣстѣ всегда было пріятно: ласковость хозяекъ, привѣтливость, равная ко всѣмъ... что лучше этого? Начальникъ уходилъ отдыхать и не возвращался, а приходилъ радушный, занимающій всѣхъ хозяинъ. Дамы и дѣвицы въ своихъ кругахъ; около нихъ увиваются кавалеры съ распудренными, въ пучекъ связанными косами, въ полосатыхъ фракахъ, вышитыхъ жилетахъ, въ чулкахъ, башмакахъ съ огромными пряжками или въ сапогахъ со скрипомъ, съ большими отворотами и длинными ушами изъ бѣлой кожи, въ петлицѣ фрака букетъ цвѣтовъ. Тѣ изъ мужчинъ, что по серіознѣе, расположась особыми группами, трактовали—кто о дѣлахъ, кто о театрѣ, объ охотѣ... Хозяинъ, какъ бы въ своемъ семействѣ, принималъ участіе въ разговорахъ, сужденіяхъ, возражалъ и снисходительно выслушивалъ противорѣчія. Едва когда нибудь, и то для почтенныхъ старичковъ, одинъ карточный столъ — въ рокамболь или ломберъ. Такъ проходило все послѣобѣденное время вплоть до 5 час. Въ пять часовъ передъ окнами начальничьяго дома стройно маршируетъ взводъ «клас-

сическихъ кадетъ», въ красныхъ мундирчикахъ съ легкою аммуницiею [1]). Взводъ этотъ велъ офицеръ изъ нихъ же, и часто моложе ихъ лѣтами, но за успѣхи въ наукахъ удостоенный отъ начальства повелѣвать товарищами. Прійдя къ театру, офицеръ разставлялъ по два кадета съ ружьями у каждаго входа и особо для отбиранія билетовъ. Съ пяти часовъ начинаютъ съѣзжаться, все же къ правителю губерніи, прочіе живущіе въ городѣ чиновники и дворяне съ семействами; тутъ же являются проѣзжающіе черезъ Харьковъ изъ столицъ и другихъ намѣстничествъ—знакомятся съ губернаторомъ и съ другими мѣстными чиновниками. Въ 6 часовъ является директоръ театра и докладываетъ, что пора идти въ театръ. По удобно устроенной лѣстницѣ, всѣ сходятъ и направляются къ своимъ мѣстамъ; съ появленіемъ правителя губерніи въ своей ложѣ, оркестръ загремитъ симфонію и непосредственно за нею начинается представленіе. Послѣ спектакля всѣ опять отправлялись къ правителю губерніи; тутъ музыка, пѣвчіе, начинаются танцы для молодыхъ, продолжаются бесѣды солидныхъ, а картъ вовсе не было. Къ 12-ти часамъ подавался легкій ужинъ—и всѣ по домамъ; такихъ дней—два, три въ недѣлю. Въ высокоторжественные дни обѣдъ и балъ у правителя губерніи по билетамъ; въ такіе дни для всѣхъ свободный входъ въ театръ и тогда изъ высшаго общества въ театрѣ никого не бывало. Послѣ театра блестящій фейерверкъ.

Имянины правителя губерніи праздновались съ особымъ торжествомъ. Всѣ присутственныя мѣста по случаю тезоименитства его превосходительства, и проч. проч. закрывались. Всеобщій съѣздъ у тезоименита съ поздравленіями; являлись начальства «классовъ и коллегіума» съ отборными учениками—они тезоимениту говорили поздравительныя рѣчи, стихи, діалоги... на всѣхъ преподаваемыхъ въ ихъ училищахъ языкахъ.

Многія строфы изъ этихъ стиховъ до сихъ поръ сохранены преданіемъ, вотъ нѣкоторыя:

Послѣ полнаго титула, именованія чина, должности, орденовъ, имени, отчества и причины праздника, слѣдовали наконецъ стихи:

„Для совершенія предметовъ благостройныхъ,
„Даютъ цари градамъ правителей достойныхъ“...

[1]) Классическихъ кадетъ была цѣлая рота, на всемъ положеніи какъ въ корпусахъ. Лѣтомъ они выходили за городъ въ лагерь, дѣлали укрѣпленія, штурмовали, у нихъ даже были свои пушки. Ѳ. К.

или:

„Градъ Харьковъ, распростри внимательныя очи,
„Пройди черезъ цѣлый годъ, пройди всѣ дни, всѣ ночи,
„Монаршихъ милостей познай число и вѣсъ,
„Начальникъ данъ тебѣ"...

Въ такіе дни входъ въ театръ былъ также безплатный; опера: «Два охотника» была непремѣнною піесою и, кромѣ того, въ заключеніе медвѣдь потѣшалъ ликующую публику.

Ѳ. А. Каменный.

Письмо И. Ѳ. Паскевича къ ген.-ад. Дибичу

9 февраля 1827 г.

Привожу съ буквальной точностью письмо И. Ѳ. Паскевича, бросающее весьма яркій и характерный свѣтъ на личность знаменитаго покорителя Эривани, Ахалцыха, Карса, Эрзерума и Варшавы. Прибавить отъ себя что-либо въ родѣ комментарій къ этому перлу—я не считаю себя въ правѣ.....
Вотъ оно: Кн. В. Долгорукій.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ.

Я имѣлъ честь получить письмо отъ Вашего Высоко Превосходительства, отъ 25 генваря; я не могу ни чего на оное отвѣчать; покуда не получу отвѣта на письма мои отъ 22 и дупликата отъ 26 генваря. Въ оныхъ двухъ письмахъ я сдѣлалъ ответъ на письмо Вашего Высокопревосходительства отъ 6 Генваря въ немъ изъяснены причины, почему я не могу остаться съ Генераломъ Ермоловымъ.

Изъ журнала вы увидите что князь Мадатовъ, ничего не доставилъ въ Казну изъ отбитаго скота, на порцію людямъ, а верблюдовъ навозку провіанта; хотя изъ рапорта его видно, что онъ отогналъ до 2,000 верблюдовъ до 10,000 рогатаго скота 60,000 овецъ.— Гдѣ ето дѣлось неизвѣстно.—и Генералъ Ермоловъ, вмѣсто того чтобы взыскать съ него и отдать подъ слѣдствіе всю сію Экспедицію.— Ездитъ къ нему здѣсь въ Тифлисе, чтобы показать болѣе уваженіе къ нему: и радость, что мои представленія противу ихъ не удались и что они торжествуютъ.—

Въ журнале также ваше Высокопревосходительство увидите, ропортъ мой на щетъ 3 старшихъ полковниковъ отданныхъ подъ команду младшему: и ответъ Генерала Ермолова, въ которомъ онъ сіе нарушеніе всехъ правилъ службы, находитъ возможнымъ,—и хотя и говоритъ, что онѣ скоро оттуда будутъ взяты; но етого до

компаніи въ виду нѣту.—О генералъ-маіорахъ; которыхъ я представлялъ дабы, послать туды онъ въ бумаге своей ничего не отвѣчаетъ.—словомъ на всякомъ шагу я нахожу здѣсь отъ Главнаго начальника не исполненіе существующихъ положеній.—съ истиннымъ почтеніемъ и съ таковою преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства Милостивый Государь покорнѣйшій слуга Иванъ Паскевичъ.

1827 года февраля 9 дня
Г. Тифлисъ.

PS. Сей часъ я узналъ, что Генералъ Ермоловъ домогался иметь отъ всего Грузинскаго дворянства, прошеніе Государю Императору дабы его здѣсь какъ хорошаго начальника здѣсь оставить: онѣ въ Собранію отказали: но онъ не удовольствовавшись Симъ отказомъ ихъ, велѣлъ своимъ приближеннымъ носить по домамъ подписку: надеясь что обществомъ хотя вмѣстѣ и отказали: но по Единочно сего не осмѣлються здѣлать; ибо всякой изъ нихъ будетъ ему извѣстенъ: но не смотря на все сіе ему еще отказали. Негодованіе противу его Велико.!!!—

Съ подлиннымъ буквально вѣрно князь В. П. Долгорукій.

ВЪ РЯДАХЪ НИЖЕГОРОДСКАГО ДРАГУНСКАГО ПОЛКА.

1826—1830 гг.

I.

Николай Николаевичъ Раевскій.

Окончательное выясненіе какого либо спорнаго пункта никогда не лишено извѣстнаго интереса, и всегда приноситъ нѣкоторую долю пользы.....

До нынѣ продолжаютъ появляться въ «Русской Старинѣ» разныя свѣдѣнія о декабристахъ, вотъ почему я нашелъ возможнымъ и еще своевременнымъ, сообщить новыя данныя по вопросу, вызвавшему, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, довольно рѣзкій протестъ Софьи Николаевны Раевской, по поводу вкравшейся, по ея мнѣнію,—неточности въ запискахъ М. А. Бестужева, относительно командира драгунскаго Нижегородскаго полка, Николая Николаевича Раевскаго.

Въ 1870 году, въ «Русской Старинѣ», (изд. 1870 г. т. I стр. 257) въ запискахъ Бестужева, было упомянуто о томъ, что Раевскій навлекъ на себя гнѣвъ Государя Императора, товарищескимъ обращеніемъ съ разжалованными декабристами, вслѣдствіе чего долженъ былъ оставить Кавказъ и былъ отрѣшенъ отъ командованія полкомъ; этотъ разсказъ вызвалъ со стороны С. Н. Раевской категорическое опроверженіе («Рус. Стар.» 1873 г. т. VII, стр. 122), въ которомъ она не только отрицала существованіе чего-либо общаго между Н. Н. Раевскимъ и декабристами, но и ссылалась на архивъ Нижегородскаго полка, въ которомъ, якобы, хранятся документы, опровергающіе разсказъ Бестужева относительно причинъ удаленія Н. Н. Раевскаго съ Кавказа. Вслѣдъ за протестомъ С. Н. Раевской появилась замѣтка барона А. Е. Ровена (Рус. Стар. 1873 г. т. VII), въ которой онъ, подтверждая все сказанное Бестужевымъ,—жалѣлъ, что Н. Н. Раевскаго нѣтъ болѣе въ живыхъ, чтобъ самому засвидѣтельствовать истину словъ М. А. Бестужева.

Занимаясь собираніемъ матеріаловъ для составленія исторіи Нижегородскаго полка, я надѣюсь, что мнѣ повѣрятъ на слово, если я скажу, что военноисторическаго архива полкъ не только не имѣетъ, но не имѣлъ никогда;—куда дѣвались бумаги полка никому неизвѣстно, и я долженъ былъ посвятить три года на собираніе, по разнымъ

архивамъ, нужныхъ мнѣ свѣдѣній. И такъ, ссылка на архивъ 16-го драгунксаго нижегородскаго полка совершенно неосновательна; дѣло же о генералъ-маiорѣ Н. Н. Раевскомъ найдено мною въ Тифлисскомъ архивѣ окружнаго штаба, по секретной описи подъ № 16-мъ; оно озаглавлено такъ:

«О слѣдствiи, произведенномъ надъ генералъ-маiоромъ Раевскимъ 3-мъ, бывшемъ командиромъ нижегородскаго полка, за проѣздъ его въ Тифлисъ въ обществѣ государственныхъ преступниковъ: Чернышева [1]), Ворцеля, Картвицкаго, Пашкова, [2]) и другихъ, изъ отряда бывшаго въ Байбуртѣ въ 1829-мъ году».

Изъ обстоятельствъ этого дѣла видно, что Н. Н. Раевскiй, больной, утомленный безпрерывными походами, и предвидя скорое окончанiе военныхъ дѣйствiй, сталъ хлопотать, въ концѣ iюля 1829 года, объ отпускѣ въ Тифлисъ, каковой и былъ ему разрѣшенъ Паскевичемъ причемъ дозволено Раевскому взять въ конвой 40 человѣкъ изъ своего полка.—25-го или 27-го августа, генералъ Раевскiй, сдавъ сводную кавалерiйскую бригаду генералъ-маiору кн. Голицыну, выѣхалъ изъ отряда въ Тифлисъ, взявъ съ собою не 40 человѣкъ конвоя, а 47, въ числѣ которыхъ находились: графъ З. Г. Чернышевъ, Ворцель, Картвицкiй, Довгеръ и Квартано, кромѣ того съ генераломъ Раевскимъ ѣхалъ капитанъ нижегородскаго драгунскаго полка Семичевъ 2-ой. Какая-то гаденькая личность нашла нужнымъ донести чуть-ли ни прямо государю императору, что Н. Н. Раевскiй держитъ себя съ разжалованными и сосланными подъ строгiй надзоръ на товарищеской ногѣ,—что онъ проводитъ съ ними время, обѣдаетъ въ одной палаткѣ и говоритъ съ разжалованными на иностранныхъ языкахъ. На этотъ доносъ было обращено вниманiе, и наряжено, по приказанiю императора, тайное слѣдствiе надъ генералъ-маiоромъ Раевскимъ.— Въ объясненiи своемъ генералъ Раевскiй пояснилъ относительно капитана Семичева 2-го, что онъ взялъ его изъ полка по дѣламъ службы, расчитывая довѣрить ему, какъ извѣстному прекрасному кавалерiйскому офицеру, только что приведенный въ Караагачъ [3]) ремонтъ въ количествѣ 340 лошадей,—относительно же своихъ отношенiй къ разжалованнымъ, Николай Николаевичъ, понятно, не думалъ скрывать ихъ, и вполнѣ подтвердилъ взводимыя на него обвиненiя.

---

[1]) Графъ Захарiй Григорьевичъ Чернышевъ.

[2]) Пашковъ оказался простымъ сдаточнымъ однодворцемъ, виновнымъ лишь въ томъ, что носилъ громкое имя.

[3]) Караагачъ—штабъ-квартира полка. Кн. В. П. Д.

По окончаніи слѣдствія, отъ графа Паскевича послѣдовало заключеніе: въ виду того, что генералъ-маіоръ Раевскій не можетъ болѣе оставаться на Кавказѣ, перевесть его въ Россію и дать бригаду.

По докладѣ государю императору обстоятельствъ этого дѣла, его императорское величество повелѣть соизволилъ: «за то что онъ (генералъ Раевскій) въ семъ случаѣ, совершенно забылъ долгъ свой и порядокъ службы, объявить генералъ-маіору Раевскому, отъ имени его императорскаго величества, строжайшій выговоръ и арестовать генералъ-маіора Раевскаго домашнимъ арестомъ, при часовомъ, на восемь сутокъ» (главный штабъ, управленіе главн. шт. е. и. в. № 739 отъ 10 декабря 1829 года). Высочайшій выговоръ былъ объявленъ Раевскому графомъ Паскевичемъ, а приведеніе въ исполненіе ареста поручено кн. Чавчевадзе, но князь отписался больнымъ и мнѣ совершенно неизвѣстно какъ былъ арестованъ Н. Н. Раевскій.

И такъ изъ всего сказаннаго очевидно, что протестъ С. Н. Раевской былъ вполнѣ неоснователенъ.

Что касается памяти, оставленной Н. Н. Раевскимъ въ 16-мъ драгунскомъ нижегородскомъ полку, скажу, что полкъ всегда высоко будетъ чтить имя и память своего знаменитаго командира, подъ геройскимъ предводительствомъ котораго нижегородцы, послѣ цѣлаго ряда блистательныхъ дѣлъ, заслужили свои первые георгіевскіе штандарты, — но и помимо этой боевой святыни, имя Н. Н. Раевскаго до нынѣ живо сохранилось въ полку, и неразлучно соединяется съ понятіями о блестящей и безграничной храбрости, высокой рыцарской честности и неотразимой симпатичности.

II.

Полагаю, что читателямъ «Русской Старины» любопытно будетъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ разжалованныхъ за разные проступки, служившихъ въ нижегородскомъ драгунскомъ полку въ концѣ 1820-хъ годовъ.

Якубовичъ—капитанъ.

Въ 1817 году былъ переведенъ изъ корнетовъ л. г. уланскаго полка тѣмъ же чиномъ за проступокъ, о которомъ нигдѣ и ничего подробно не говорится.—Якубовичъ былъ раненъ на Кавказской линіи въ голову, что побудило его взять продолжительный отпускъ въ Петербургъ для излеченія.

Ал. Петр. Ермоловъ высоко цѣнилъ храбрость и личность Якубовича и не разъ входилъ съ представленіями объ обратномъ переводѣ его въ гвардію.—Остальное мнѣ неизвѣстно.

Семичевъ 2-ой.

Изъ ротмистровъ ахтырскаго гусарскаго полка, за знаніе существованія тайнаго общества, былъ выдержанъ 6 мѣсяцевъ подъ арестомъ, и затѣмъ зачисленъ капитаномъ въ драгунскій нижегородскій полкъ съ нѣкоторыми ограниченіями по службѣ. Переводъ Семичева состоялся 7 іюля 1826 года, такъ что онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1827, 1828 и 1829 гг.—10-го января 1828 года полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій 3-й сталъ хлопотать о разрѣшеніи назначить Семичева эскадроннымъ командиромъ, для чего обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ генералъ-адъютанту Паскевичу, только что пожалованному графомъ Эриванскимъ: «M-r le Comte, le baron de Rozen a adressé a Votre Excellence une lettre en faveur du capitaine Semitchof.—A titre de chef de Régiment je prends la liberté d'y joindre mon intercession.—Je suis persuadé, M-r le comte, que cet appel a votre bonté ne demeura pas sans effet, et que votre Excellence laissera dans mon régiment une nouvelle preuve de sa bienveillance.

Je crois ce moment le plus favorable pour une présentation de ce genre.

Veuillez, mon général, malgré vos graves occupations, donner un instant a cette affaire.

J'ai l'honneur etc. etc. N. Raievsky.

Депрерадовичъ.

Изъ корнетовъ л.-г. кавалергардскаго полка переведенъ въ нижегородскій полкъ прапорщикомъ 27 марта 1826 г.—Принималъ блистательное участіе въ сраженіи подъ Елизаветполемъ (13-го сентября 1826 г.), за что награжденъ чиномъ поручика. 15-го іюля 1827 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 4 ст., и 1828 г., 15-го апрѣля, высочайшимъ приказомъ переведенъ въ С.-Петербургскій уланскій полкъ.

Оржитскій.

Изъ отставныхъ штабъ-ротмистровъ ахтырскаго гусарскаго полка, за знаніе цѣлей тайнаго общества, лишенъ чиновъ и дворянства, и опредѣленъ рядовымъ въ кизлярскій гарнизонный баталіонъ, 17-го сентября 1826 года.—13-го января 1827 г. переведенъ А. П. Ермоловымъ въ драгунскій нижегородскій полкъ.

Чернышевъ (графъ Захарій Григорьевичъ).

Ротмистръ л. г. кавалергардскаго полка, за принадлежность къ сѣверному обществу, лишенъ чиновъ и дворянства, и сосланъ на два года въ каторжную работу въ Сибирь съ тѣмъ, чтобъ по отбытіи сего срока, быть обращеннымъ въ вѣчное поселеніе въ Сибирь.—22-го августа 1826 года послѣдовалъ высочайшій указъ сократить на половину срокъ каторжныхъ работъ. 27-го декабря 1828 г. за № 740-мъ, товарищъ начальника главнаго штаба, графъ Чернышевъ, сообщилъ графу Паскевичу, что государь императоръ повелѣть соизволилъ: государственнаго преступника Захара Чернышева, поселеннаго въ Якутскѣ, опредѣлить на службу рядовымъ въ нижегородскій или уланскій полкъ. Въ Якутскъ за гр. З. Г. Чернышевымъ былъ посланъ изъ Петербурга фельдъегерь Григорьевъ, который и привезъ его въ Тифлисъ 3-го апрѣля 1829 г.—Чернышевъ былъ опредѣленъ къ Раевскому въ полкъ и зачисленъ въ 1-й дивизіонъ. Командиръ нижегородскаго драгунскаго полка въ рапортѣ своемъ отъ 31-го августа 1829 г. за № 155 на имя отряднаго командира генер.-адъют. Потемкина писалъ: «разжалованный за причастіе къ умышленному тайному обществу по сентенціи верховнаго суда, и опредѣленный во ввѣренный мнѣ полкъ рядовымъ изъ поселенія—Чернышевъ, въ сраженіяхъ 27 и 28 числъ іюля при селеніяхъ Хартъ и Балахоръ—отличилъ себя особенною храбростью, бросаясь впереди всѣхъ на непріятельскія толпы, и одушевлялъ симъ товарищей своихъ. Вслѣдствіе чего покорнѣйше прошу ваше превосходительство исходатайствовать ему всемилостивѣйшее прощеніе и имѣю честь доложить, что рядовой Чернышевъ отличнымъ поведеніемъ, ревностною службою, кротостію, глубокимъ раскаяніемъ и набожностію пріобрѣлъ любовь и уваженіе нижнихъ чиновъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія».

Барковскій (Францъ Казиміровичъ) и
Яневичъ (Андрей Казиміровичъ).

Оба изъ бѣлостокскихъ учениковъ, за принадлежность къ обществу «Согласныхъ братьевъ» и къ «Обществу зарянъ», опредѣлены рядовыми въ 1828 г. 16 марта въ драгунскій нижегородскій полкъ во 2-ой дивизіонъ.

Захъ, Тржасковскій и Лисовскій.

Студенты виленскаго университета, за принадлежность къ тайному обществу «Сарматское племя», по резолюціи его императорскаго высочества государя цесаревича, послѣ наказанія розгами первыхъ

двухъ 50-тью, а послѣдняго 25-тью ударами, отосланы на Кавказъ съ зачисленіемъ въ рядовые съ тѣмъ, чтобъ ранѣе пяти лѣтъ не производить ихъ въ унтеръ-офицерское званіе.—Графъ Паскевичъ приказалъ зачислить ихъ въ драгунскій нижегородскій полкъ.

Догверъ.

Изъ корнетовъ ольвіопольскаго гусарскаго полка разжалованъ въ рядовые за дуэль съ маіоромъ Шамшевымъ, на которой сей послѣдній убитъ.

Обресковъ (Михаилъ Михаиловичъ).

За кражу изъ дома воронежскаго гражданскаго губернатора жемчужнаго ожерелья съ изумруднымъ фермуаромъ, и золотой табакерки, оцѣненныхъ въ 5000 руб.—лишенъ дворянства и чиновъ и опредѣленъ въ переяславскій конно-егерскій полкъ рядовымъ, а 27-го февраля 1829 г. переведенъ въ драгунскій нижегородскій полкъ.

Дуровъ (Павелъ Ивановичъ).

Изъ юнкеровъ разжалованъ въ рядовые за побѣгъ изъ подъ ареста, кражу двухъ подорожныхъ бланокъ, и присвоеніи себѣ чина корнета и кавалера.

Квартано (Николай Николаевичъ).

Уволенный отъ службы изъ подпоручиковъ неизвѣстно за что,— по собственному желанію опредѣленъ рядовымъ въ нижегородскій полкъ.

Макаровъ (Дмитрій Тимофѣевичъ).

Изъ отставныхъ прапорщиковъ разжалованъ въ рядовые за переходъ за границу безъ разрѣшенія правительства.

Ветчинкинъ.

Изъ зауряд-есауловъ за дурное поведеніе отставленъ отъ службы, и, по собственному желанію, поступилъ на службу рядовымъ.

Романовъ (Михаилъ).

Изъ подлиннаго представленія ген.-маіора Раевскаго объ отличившихся въ ночномъ дѣлѣ подъ Карсомъ (1828 г.) видно, что Романовъ, не бывъ въ военной службѣ,—надѣлъ мундиръ лейбъ-кирасир-

скаго его величества полка, за что, по высочайшему повелѣнію, въ 19-й день іюля 1827 г., опредѣленъ въ серпуховскій уланскій полкъ рядовымъ безъ лишенія дворянства;—16-го ноября 1828 года былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а за дѣла 19-го и 20 іюля, при разбитіи сераксира эрзерумскаго и Гачки-паши представленъ въ офицеры, на что не послѣдовало высочайшаго соизволенія.

Мать этого юноши обращалась къ гр. Паскевичу съ письмомъ, въ которомъ, изложивъ всѣ обстоятельства этого дѣла, просила помилованія своему сыну.

Приводимъ это интересное письмо, которое Паскевичемъ было оставлено безъ отвѣта:

«М. г. графъ Иванъ Федоровичъ!

Съ знаменитымъ именемъ полководца, въ особѣ вашего сіятельства, соединяется блистательнѣйшее титло полководца великодушнаго и добродѣтельнаго: награждать и миловать есть свойство возвышенныхъ чувствованій вашихъ; съ таковою увѣренностію прибѣгаетъ къ покровительству вашему, сіятельнѣйшій графъ, мать одного изъ подчиненныхъ вашего сіятельства.

Сынъ мой Михаилъ Ивановичъ Романовъ, унтеръ-офицеръ нижегородскаго полка, воспитанный съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ въ чужихъ краяхъ, возвратился въ отечество свое въ такомъ возрастѣ, въ которомъ раскрываются всѣ сильныя чувствованія. Для юноши съ пламеннымъ воображеніемъ, страстно любящаго свою родину, возвращеніе въ нѣдра семейства было высочайшимъ счастіемъ.

Два брата его уже находились въ военной службѣ,—въ немъ также возгорѣлось желаніе служить обожаемому монарху. Когда увидѣлъ онъ августѣйшаго повелителя побѣдоносныхъ войскъ, въ особенности его поразилъ великолѣпный смотръ кавалеріи. Съ того времени онъ неотступно умолялъ отца своего о позволеніи вступить въ военную службу, гдѣ надѣялся найти свое счастіе. Тогда начинались приготовленія къ турецкой войнѣ, — отечество,—слава,—потрясали юное сердце и представляли воображенію и побѣды и отличія.

Вотъ положеніе, въ какомъ находился юноша, о которомъ осмѣливаюсь предстательствовать предъ вашимъ сіятельствомъ.

Столь сильныя чувствованія преодолѣваются не силою, а кротостію.

Къ несчастію молодаго человѣка, матери его при немъ не было, отецъ-же рѣшительно отказалъ ему въ просьбѣ,—и записалъ его въ гражданскую службу.

Суровыя препятствія ожесточаютъ еще болѣе пламенное сердце: юноша, приготовленный ко всему прекрасному и высокому, противъ

воли отца, котораго онъ не могъ умолить, подаетъ просьбу С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору о принятіи его въ военную службу; отецъ узнаетъ о таковомъ самовольствѣ сына, останавливаетъ просьбу,—и несчастный молодой человѣкъ приходитъ въ совершенное отчаяніе,—въ немъ даже обнаружились признаки помѣшательства.

Въ семъ состояніи отчаянія, онъ носилъ кавалерійскій мундиръ, ночевалъ въ немъ и всюду являлся. Это обстоятельство доведено было до свѣдѣнія его императорскаго величества, вслѣдствіе чего онъ высочайше опредѣленъ въ серпуховскій уланскій полкъ, послѣ же переведенъ въ нижегородскій драгунскій полкъ.

Такимъ образомъ на лучшемъ изъ сыновей осталось пятно неповиновенія отцовской власти.

Сіятельнѣйшій графъ! Юноша, за котораго мать умилостивляетъ васъ, и только по неопытности, и въ разлукѣ съ матерью, сдѣлался жертвою сильныхъ своихъ чувствованій; онъ не повиновался волѣ отца своего, но одаренный душею пламенной, повиновался гласу сердца своего, которое неумолкало напоминать ему объ отечествѣ,—о славѣ. Въ поступкѣ его видно легкомысліе, но въ немъ нѣтъ ничего преступнаго, уничтожительнаго. Усердная служба и сѣтующая мать примиряютъ его съ отцомъ,—остается вашему сіятельству обратить на него милостивое вниманіе, и повышеніемъ оживить его, и даровать ему новое существованіе.

Не смѣю болѣе утруждать ваше сіятельство,—вы сами отецъ; чувства родительскія знакомы и побѣдителямъ народовъ. Отъ вашего великодушія, сіятельнѣйшій графъ, ожидаю, какъ мать, счастіе сыну и себѣ отрады.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь просить вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшая къ услугамъ Анна Романова урожденная Копычева».

Москва.
Мая 20-го 1830 года.

Сообщилъ кн. В. П. Долгорукій.

Самойло Ивановичъ Гальбергъ

(1787—1839)

профессоръ скульптуры.

Изъ всѣхъ нашихъ ваятелей Гальбергъ можетъ быть одинъ пользовался наименѣе тѣмъ, что называется извѣстностью, хотя безспорно имѣлъ самыя дѣйствительныя права на громкую славу.

Одаренный необыкновенною стройностью и соотвѣтственностію способностей ума и дарованія, съ рѣдкими качествами души и сердца, признакомъ присутствія генія, онъ подъ скромной наружностью таилъ теплое чувство, благородныя стремленія, страстную любовь къ искусству, живое творческое воображеніе и рѣдкую образованность. Всѣ эти качества, знаемыя только небольшимъ кругомъ людей, бывшихъ ему близкими по сердцу и по общей любви къ искусству, были постояннымъ основаніемъ всѣхъ его произведеній.

Работы его вообще не отличаются ни тѣми крайностями, ни тѣмъ характеромъ, который способенъ плѣнять большинство; онѣ глубоко вѣрны ихъ мысли, всегда исполнены просто, умно, благородно, выразительно: не болѣе; но эта простота въ немъ возвышалась до простоты созданія генія грековъ; благородство создавалось изъ сліянія величія древнихъ съ нѣжностью твореній безсмертнаго Кановы: умъ изобличался яснымъ философскимъ воззрѣніемъ на идею предмета; выраженіе говорило въ видимыхъ формахъ, чертахъ и линіяхъ о незримыхъ тайнахъ чувства и мысли. Что касается до художественнаго выполненія и механическихъ пріемовъ, то познанія Гальберга въ рисункѣ, его очаровательная лѣпка и сильный рѣзецъ едва-ли имѣли въ нашемъ отечествѣ хотя одного соперника, и даже въ самой Европѣ были только два человѣка, съ которыми Гальбергъ могъ съ благородною гордостью, какъ достойный ученикъ, раздѣлить пальму первенства: это Канова и Торвальдсенъ.

Гальбергъ не имѣлъ возможности и случая производить такихъ работъ, которыя, по предмету своему, наиболѣе обращаютъ общественное вниманіе. Скажемъ болѣе, многимъ-ли извѣстны его: «Начало музыки», «Ангелы брани и мира»? многими-ли цѣнятся его работы бюстовъ? Но надѣемся, что потомство и время отнесутся съ должнымъ вниманіемъ къ имени Гальберга.

Все вышеприведенное заимствовано нами отъ современника Галь-

берга, напечатавшаго о немъ настоящій отзывъ въ описаніи именъ произведеній, находящихся въ императорской академіи художествъ (Памятникъ искусствъ, изд. II, 1852 г.).

Гальбергъ—уроженецъ Эстляндіи, обучался въ академіи художествъ и принадлежитъ къ тѣмъ четыремъ счастливцамъ изъ тридцати пансіонеровъ, получившихъ первыя золотыя медали, которыхъ президентъ Оленинъ отправилъ за границу.

Къ числу первыхъ произведеній Гальберга, какъ художника, относится великолѣпный памятникъ изъ бронзы, поставленный гр. Аракчеевымъ въ селѣ Грузинѣ передъ соборомъ Александру I; на немъ изображены: вѣра, надежда и милосердіе, вѣнчающіе бюстъ монарха, а по сторонамъ подножія освобожденная Европа и земледѣлецъ въ видѣ воина въ крестьянской рубахѣ, сидящій на опрокинутой мортирѣ. Надпись съ лицевой стороны памятника: «царю благодѣтелю по кончинѣ его», а съ другой оборотной стороны: «отъ подданнаго въ 1833 г. Царствовалъ 25 лѣтъ». На щитѣ воина изображенъ гербъ гр. Аракчеева, который очень хлопоталъ, чтобы воинъ походилъ на него и даже помѣстилъ это въ условіе.

Князь Г. И. Гагаринъ, къ которому обращался Аракчеевъ съ просьбою указать на лицъ, могущихъ исполнить его желаніе, писалъ изъ Рима: «здѣсь находятся два русскіе скульптора весьма большаго достоинства; я предпочелъ обратиться къ тому, который по лѣтамъ своимъ, долгому въ Римѣ пребыванію и большой опытности, также по совѣту посланника нашего А. Я. Шталинскаго, болѣе подавалъ увѣренія въ удовлетворительномъ исполненіи безподобнаго предпріятія вашего». Это былъ Гальбергъ (другой скульпторъ, о которомъ говоритъ Гагаринъ, былъ Крыловъ, посланный одновременно съ Гальбергомъ за границу).

Изъ письма Гальберга (12-го) 24-го апрѣля 1828 г., напечатаннаго въ № 49 «Пчелы» за 1877 г., видно, что проэктъ былъ утвержденъ и дѣло съ Гальбергомъ было улажено.

Отливка памятника была произведена академикомъ Екимовымъ, а гранитный пьедесталъ былъ сдѣланъ мѣщаниномъ Сухановымъ. Памятникъ обошелся графу 58,000 руб. ассигнаціями, изъ нихъ Гальбергу было уплочено 27,000 р., Екимову 22,000 р. и Суханову 9,000 р.

По пріѣздѣ Гальберга въ академію, онъ былъ назначенъ преподавателемъ скульптуры и занялся проэктомъ статуи императрицы Екатерины II, о которой Григоровичъ, извѣстный художественный критикъ того времени, въ одной изъ своихъ рецензій говоритъ: «уклоняясь отъ всякихъ похвалъ, которыя были бы повтореніемъ общаго голоса знатоковъ, любителей и вообще всѣхъ образованныхъ людей, мы ска-

жемъ только въ утѣшеніе почитателей сего произведенія, что государь Николай Павловичъ изъявилъ свою волю, чтобы статуя произведена была изъ мрамора и поставлена въ круглой залѣ академіи художествъ на вѣчныя времена». Гальбергу за произведеніе малой и большой статуй Екатерины II было пожаловано 6,000 руб.

На выставкѣ 1836 г. было поставлено нѣсколько бюстовъ работы Гальберга, въ томъ числѣ бюстъ князя Д. В. Голицына, по поводу котораго Кукольникъ въ своей художественной газетѣ писалъ: «бюсты Гальберга дышатъ, едва не говорятъ; тѣло въ нихъ тѣло; при совершенствѣ сходства Самойло Ивановичъ умѣетъ уловить характерный, лучшій для лица, моментъ. Талантъ С. И. Гальберга такого рода, которому невѣдома измѣна. Правда, Россія не много можетъ насчитать произведеній сего художника, но за то каждымъ можетъ и должна гордиться».

Въ 1836 г. 27-го сентября, Гальбергъ былъ признанъ профессоромъ, а въ академическомъ отчетѣ за 1836 и 1837 гг. сказано, что Гальбергъ вылѣпилъ для академической церкви двухъ колѣнопреклоненныхъ ангеловъ и, по особымъ заказамъ, бюсты: А. С. Пушкина и графини Ферзенъ, урожденной Строгоновой; сверхъ того произведено, по его эскизамъ, нѣсколько барельефовъ для академической церкви, частію имъ самимъ, а частію другими художниками подъ его смотрѣніемъ и руководствомъ и поставлены на мѣсто: два колоссальные ангела брани и мира, произведенные имъ для Троицкой церкви, что въ Измайловскомъ полку.

Въ томъ же 1837 г. было сдѣлано объявленіе о подпискѣ на бюстъ Пушкина, приложенное къ различнымъ изданіямъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «мы рѣшились и намъ удалось, съ помощью пріятелей С. И. Гальберга, упросить его дозволить открыть подписку на это произведеніе, и когда наберется опредѣленное число подписчиковъ, всѣ слѣпки выпустить вдругъ въ одно время и тогда уже предоставить контрафакторамъ заниматься ихъ постыднымъ промысломъ въ отношеніи къ сему бюсту». Цѣна была назначена 50 руб. за экземпляръ.

Это, дѣйствительно, можно сказать, единственный бюстъ Пушкина, отличающійся большимъ сходствомъ и прекраснымъ исполненіемъ, превосходящій бюстъ Пушкина, работы также весьма талантливаго и извѣстнаго скульптора А. И. Теребенева.

Въ академіи художествъ въ музеѣ находятся произведенія Гальберга:

1) Голова Изиды,

2) Мраморный бюстъ почетнаго члена академіи А. Я. Италинскаго,

3) Бюстъ профессора архитектуры Глинки,

4) Мальчикъ, пускающій пузыри,

и 5) Модель памятника Карамзину (смерть Гальберга не допустила окончить его и по его идеѣ памятникъ этотъ исполненъ его учениками: статуя музы исторіи П. А. Ставассеромъ (1816—1850 гг.) и А. Ивановымъ (1815—1847 гг.), а барельефы Н. А. Рамазановымъ (1815—1867 гг.) и Климченко).

Наконецъ, послѣднимъ произведеніемъ Гальберга, за работою котораго его застала смерть, былъ памятникъ его другу, съ которымъ онъ жилъ въ одной комнатѣ вмѣстѣ, въ Италіи, и на родной племянницѣ котораго былъ женатъ, Сильвестру Ѳедосѣевичу Щедрину, высоко талантливому пейзажисту, скончавшемуся въ Соренто (1791—1830 гг.). Государь Николай Павловичъ, знатокъ и почитатель искусства, на выставкѣ 1833 г. взялъ двѣ картины Щедрина и назначилъ за нихъ 5,000 руб. для сдѣланія ему памятника; Гальбергъ сдѣлалъ чертежъ памятника и эскизъ барельефа, который изображалъ трудолюбиваго художника, умирающаго за работою; онъ предполагалъ вырубить барельефъ изъ мрамора и началъ лѣпить модель, но не успѣлъ окончить ее; ученикъ его Ставассеръ додѣлалъ эту модель и по ней барельефъ былъ вылитъ изъ бронзы барономъ П. К. Клодтомъ.

И. Н. Божерянов.

Въ книжномъ магазинѣ И. И. Глазунова въ Спб. и у всѣхъ книгопродавцевъ продается **новая книга**:

МАЛЕНЬКИМЪ ДѢТЯМЪ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

составила Е. М. СЕМЕВСКАЯ, издалъ И. И. ГЛАЗУНОВЪ.

Книга одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ народныхъ училищахъ.

[*Осталось всего 240 экземпляровъ.*]

Книга украшена многими большими гравюрами, исполненными въ Лондонѣ и портретомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны **Ксеніи Александровны.**

Содержаніе: Между 80-ю разсказами, составляющими содержаніе книги, и нѣсколькими стихотвореніями и дѣтскими пѣсеньками, сюда вошли, между прочимъ, слѣдующіе: Помните о бѣдныхъ дѣтяхъ.—Кто больше любилъ Маму.—Бабушка.—Дѣдушка (стихи).—Бѣлочка.—Нарядница.—Дождливый день.—Коровушка.—Ласточка.—Миша и Володя.—Попка.—Все на пользу (стихи).—Забытая кукла.—Капризы.—Благодарность Богу (стихи).—Растеніе.—„Дѣтскія ручки", вновь написанное стихотвореніе А. Н. Плещеева.—Совѣтъ да любовь.—Жаворонокъ и его малютки.—„Мальчикъ и птичка", вновь написанное стихотвореніе А. Н. Плещеева.—Прогулка въ лѣсу.—Что думала Мама.—Переѣздъ на дачу.—Птички.—Ландыши.—Не желалъ обидѣть. — „Дѣти и птичка", вновь написанное стихотвореніе А. Н. Плещеева. — Ожиданіе брата. — Прощай няня. — Чего хочется Рождественской елкѣ. — Маленькая фея.—Дѣдушка-Крыловъ.—Бижу.—Сирота.—Катя и Вася.—Скажи мнѣ, Мама дорогая (стихотв.)—Маленькій плакса.—Новый годъ.—Въ школу, и проч.

Кромѣ того въ книгѣ помѣщены: отдѣльныя замѣтки, пословицы, поговорки, загадки. Дѣтскія пѣсеньки переложены на музыку для этой книги В. Кюнеромъ.

Цѣна книги, въ 4-ю долю, съ портретомъ, гравюрами, въ отличномъ переплетѣ **2 руб. 50 коп.**, въ бумажн. обертвѣ—**2 руб.**

Лица, выписывающія чрезъ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ", за пересылку книги: „Маленькимъ дѣтямъ" ничего не платятъ.

Примѣчаніе. Весьма лестные отзывы какъ о внутреннемъ содержаніи книги, такъ и объ изяществѣ выполненія многихъ гравюръ, къ ней приложенныхъ, — помѣщены въ газетахъ „Русь" — „Голосъ", въ журналѣ „Народная Школа" и въ нѣкоторыхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ.

вѣроятно онѣ дѣло рукъ не византійскихъ, а мѣстныхъ художниковъ. Къ этому авторъ прибавляетъ: «Интересъ ихъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на нихъ находятся единственныя дошедшія до насъ подлинныя изображенія нашихъ первыхъ христіанскихъ князей—какіе бы они ни были, а все же это портреты св. Владиміра и его сыновей—Святополка и Ярослава! На основаніи этихъ изображеній на заглавномъ листѣ изданія воспроизведенъ портретъ Владиміра св. въ увеличенномъ размѣрѣ, который представляетъ совсѣмъ иной типъ сравнительно съ обыкновенными иконописными изображеніями этого князя. При этомъ рѣзко обозначается одежда послѣдняго.

Трудъ графа Толстаго раздѣляется на шесть главъ. Въ первой представлено описаніе монетъ Владиміра св. (золотыя и серебряныя), Святополка и Ярослава (серебряныя); во второй изложены мнѣнія о нашихъ монетахъ и доказательства въ пользу ихъ русскаго происхожденія; въ третьей—объясненіе загадочной фигуры на монетахъ вел. князей кіевскихъ; въ главѣ четвертой—классификація монетъ; въ пятой разсмотрѣнъ вопросъ о поддѣльныхъ монетахъ; въ шестой—описаны монеты съ именемъ Болеслава (кириллицей), кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича и печать съ именемъ Ратобора.

На основаніи своихъ изслѣдованій, авторъ составилъ таблицу сравнительной древности разсматриваемыхъ монетъ, а именно монеты Владиміра св. онъ относитъ ко времени 985—1015 г., серебряныя монеты Святополка къ 1016 г.; монеты Ярослава къ 1016, 1017 и послѣ 1018 гг. Помимо византійскаго вліянія на русскій чеканъ этихъ монетъ, авторъ затрогиваетъ и вопросъ о вліяніи восточныхъ образцовъ. Еще Бартоломей указалъ на значительный наплывъ восточныхъ монетъ въ Россію въ періодъ VIII—XI столѣтій, пока вторженіе тюркскихъ кочевниковъ въ Хоросанъ и Персію не прервало торговыхъ сношеній средней и западной Азіи съ Европой. При этомъ онъ допускалъ вліяніе на русскую денежную единицу, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи размѣровъ ея, большихъ диргемовъ разныхъ мусульманскихъ династій. Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, по причинѣ недостаточности свѣдѣній въ восточной нумизматикѣ, ограничился лишь постановкою вопроса.. Мѣстное происхожденіе русскихъ монетъ онъ принимаетъ на основаніи совпаденія времени чеканки съ лицами, княжившими на Руси, мѣста находки монетъ, надписями на монетахъ и изображеніемъ княжеской хоругви въ смыслѣ герба, о которой впрочемъ существуетъ нѣсколько другихъ предположеній.

Съ достаточною подробностію останавливается авторъ на вопросѣ о поддѣлкѣ монетъ и рѣшаетъ его въ двухъ отношеніяхъ: съ какихъ оригиналовъ скопированы наши поддѣлки и когда онѣ появились? (въ 1842—1843 гг.). Въ русской нумизматической литературѣ этотъ вопросъ мало разработанъ. Въ прибавленіяхъ къ своему труду авторъ даетъ перечень литературы, относящейся къ вопросамъ, затронутымъ въ его трудѣ; указатель личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ немъ; предметный указатель; указатель легендъ на монетахъ; наконецъ весьма тщательные снимки монетъ въ 19 таблицахъ. Монеты собственной коллекціи автора фотогіалотипированы на 4 таблицахъ, при чемъ къ нимъ приложены гравированныя на мѣди надписи, находящіяся на монетахъ, для болѣе удобнаго разсмотрѣнія.

Таковъ въ общихъ чертахъ разсматриваемый трудъ автора. Помимо своего спеціальнаго интереса, онъ имѣетъ, конечно, и общеисторическое значеніе, выясняя нѣкоторыя новыя черты въ культурной исторіи древнѣйшаго періода русской старины. Пожелаемъ автору съ такою же тщательностью выполнить и другой трудъ, обѣщанный имъ какъ дальнѣйшее продолженіе его нумизматическихъ изслѣдованій. Безъ сомнѣнія, тщательность нумизматическихъ изслѣдованій и необходимость точныхъ и многочисленныхъ снимковъ требуютъ изящества и значительныхъ затратъ на предварительныя работы. Отъ того и самое изданіе становится недоступнымъ большинству по цѣнѣ. Но быть можетъ, этотъ недостатокъ могъ бы быть устраненъ паралельнымъ изданіемъ, нѣсколько уступающимъ въ цѣнѣ бумаги и другихъ чисто внѣшнихъ приспособленіяхъ?

В. И.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ тринадцатый. СЕНТЯБРЬ. 1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ императора **Петра III Ѳедоровича**, геліографическій, съ современной гравюры, снимокъ, исполненъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1882.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1882 г.

Возмущеніе соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ. И. Я. Сырцова. Казань. 1881. 425 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящій очеркъ представляетъ первый обстоятельный опытъ изложенія соловецкой смуты, такъ рельефно характеризующій время возникновенія раскола въ русской церкви. Авторъ воспользовался для своего труда, главнымъ образомъ, матеріалами о расколѣ, издающимися братствомъ св. митр. Петра въ Москвѣ, а также рукописными источниками, принадлежавшими прежде библіотекѣ Соловецкаго монастыря, хранящимися теперь въ библіотекѣ Казанской духовной академіи.

Сочиненія С. М. Соловьева. Спб. 1882. 536 стр. Ц. 3 р.

Послѣ долгихъ ожиданій, появился наконецъ томъ собранія сочиненій покойнаго историка. Можно было ожидать, что этотъ первый томъ не будетъ послѣднимъ; но ни хронологія статей, отчасти старыхъ, отчасти новыхъ, ни выходъ этого тома безъ нумераціи, не указываетъ на возможность скораго продолженія предпринятаго изданія. Скорѣе можно думать, что оно остановится на этомъ выпускѣ; а между тѣмъ покойный историкъ писалъ много и въ обширномъ перечнѣ его статей (полный перечень ихъ приложенъ въ вышедшемъ томѣ), разсѣянныхъ во множествѣ періодическихъ изданій, можно было выбрать, не касаясь тѣхъ статей, которыя такъ или иначе, въ томъ или другомъ видѣ, вошли въ его главный трудъ «Исторію Россіи», еще нѣсколько серій подобныхъ же монографій, очерковъ и изслѣдованій. Назовемъ наприм. такія статьи, какъ о русскихъ историкахъ XVIII столѣтія, отдѣльныя статьи о Карамзинѣ, о Шлецерѣ, о Миллерѣ, равно географическія извѣстія о древней Россіи, очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу, статьи о малороссійскомъ казачествѣ, какъ нѣкоторыя рецензіи и критическія статьи, напр. о сельской общинѣ, о сочин. Устрялова (царствов. Петра Вел.) и т. п.

Настоящій томъ знакомитъ собственно со взглядами историка на нѣкоторыя важнѣйшія историческія явленія и его общими историческими мнѣніями. Такъ, въ статьѣ «Начала русской земли» авторъ возвращается къ основнымъ вопросамъ начальной исторіи Руси—родовому быту, существованіе котораго онъ подкрѣпляетъ сравнительно историческими соображеніями, указанными исторической наукою въ позднѣйшее время; къ вопросу о происхожденіи Руси; о значеніе колонизаціи въ исторіи Россіи и т. п. Въ давно (1856) извѣстной статьѣ «Древняя Россія» историкъ касается весьма жгучаго и въ наше время вопроса объ отношеніи древней русской гражданственности къ новой, а потому она не лишена и теперь извѣстнаго интереса. «Явится статья, говоритъ авторъ, въ которой доказывается, что извѣстное полезное учрежденіе, извѣстный похвальный обычай явился въ древней Россіи вѣкомъ позднѣе—и вотъ на нее нападаютъ съ гнѣвомъ, заподозрѣваютъ автора въ намѣреніи помрачить славу предковъ; найдутъ какое нибудь любопытное учрежденіе, обычай, и вмѣсто того, чтобы пріискать ему надлежащее мѣсто въ ряду другихъ явленій, лишаютъ его всякаго мѣста, преувеличивая его значеніе». Развивая далѣе эту борьбу двухъ противоположныхъ теченій во взглядахъ на старую и новую Россію, авторъ прибавляетъ: «Но есть надежда, что эпоха увлеченій приближается къ концу, что не долго изученіе отечественной исторіи будетъ для насъ дѣломъ новымъ, допускающимъ увлеченіе; что скоро мы получимъ способность стать предъ лицемъ науки просто, внимать ея вѣщаніямъ благоговѣйно и спокойно, какъ прилично важности предмета». Но оказывается, что и въ наукѣ, какъ и въ жизни, бываетъ своя пора «приливамъ и отливамъ». Самъ покойный историкъ былъ представителемъ этого примиряющаго духа изслѣдованія, спокойнымъ созерцателемъ, какъ отдаленнаго прошлаго, такъ и болѣе близкаго къ намъ времени, хотя и имѣлъ твердыя, опредѣленныя симпатіи къ извѣстнымъ историческимъ явленіямъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ безупречнымъ дѣятелемъ науки.

Слѣдующая статья: «Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго»—представляетъ рядъ публичныхъ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ III.

1761—1762.

Приложение къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

СУДЪ НАДЪ РУССКИМЪ ПИСАТЕЛЕМЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Къ біографіи А. Н. Радищева.

I.

Александръ Николаевичъ Радищевъ, авторъ извѣстнаго „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ русскихъ людей прошлаго столѣтія. Значеніе Радищева очень важно для исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчателенъ, какъ личность высоко-нравственная.

Радищевъ является самымъ полнымъ, самымъ главнымъ представителемъ у насъ въ XVIII вѣкѣ французскаго направленія, европейскаго просвѣщенія, представителемъ „Западничества“.

Еще въ дѣтствѣ Радищевъ находился, вѣроятно, подъ французскимъ вліяніемъ, когда въ Москвѣ воспитывался на попеченіи француза-гувернера, какого-то совѣтника Руанскаго парламента, эмигрировавшаго изъ своего отечества; въ то же время онъ пользовался уроками лучшихъ профессоровъ недавно тогда открывшагося Московскаго Университета. Пробывъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ пажескомъ корпусѣ, Радищевъ, какъ отлично учившійся, былъ отправленъ, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, по повелѣнію императрицы, въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ и оставался четыре года.

Въ то время французское направленіе, французское міровоззрѣніе было господствующимъ во всемъ европейскомъ обществѣ и потому немудрено, что Радищевъ вернулся изъ Германіи по-

клонникомъ просвѣтительной философіи. Но онъ не былъ слѣпымъ послѣдователемъ моднаго направленія. Онъ самъ все передумалъ, самъ выработалъ себѣ свои убѣжденія, и мы видимъ, какъ иногда онъ въ своихъ сочиненіяхъ не соглашается то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ французскихъ философовъ и приводитъ доводы противъ ихъ мнѣній. Въ русской исторіи рѣдко встрѣчаются личности такого широкаго, многосторонняго образованія, какимъ отличался авторъ „Путешествія". Онъ былъ философъ, юристъ, медикъ, химикъ, былъ знакомъ съ исторіей и политической экономіей, зналъ языки нѣмецкій, французскій, англійскій, латинскій [1]), а также и литературу этихъ языковъ. Вмѣстѣ со всѣми этими знаніями Радищевъ соединялъ необыкновенно живое отношеніе къ наукѣ. Онъ, конечно, не былъ самостоятельнымъ ученымъ; но по его неутомимой жаждѣ всесторонняго знанія, по его глубокому уваженію къ просвѣщенію, къ наукѣ, его можно сравнить съ Ломоносовымъ. Радищевъ былъ высокою нравственною личностью. Онъ никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ и проводилъ ихъ—въ жизни, насколько было можно, а въ литературѣ—даже больше, чѣмъ это было тогда можно.

Его „Путешествіе" затрогиваетъ всѣ стороны общественной жизни, смѣло указываетъ на болѣзни современнаго ему русскаго общества и указываетъ не поверхностно, а напротивъ касаясь самой сути и предлагая при этомъ иногда и лѣкарство, рисуя „проэктъ въ будущемъ".

Путешествіе было въ свое время замѣчательнымъ явленіемъ также и по литературнымъ достоинствамъ, не вполнѣ имъ утраченнымъ и до сихъ поръ. Хотя языкъ Радищева, не вполнѣ правильный, теперь къ тому-же еще устарѣлъ, но до сихъ поръ Путешествіе останавливаетъ на себѣ вниманіе юморомъ, живостью, неподдѣльнымъ, истиннымъ чувствомъ, которыми отличаются многія страницы.

„Путешествіе"—главный результатъ литературной дѣятельности Радищева; но его жизнь не ограничивалась только литературными интересами, несмотря на то, что онъ ихъ понималъ очень широко.

---

[1]) Быть можетъ, еще и италіанскій. В. Я.

Помимо его безкорыстной и дѣятельной службы при Екатеринѣ, мы видимъ его членомъ законодательной коммисіи въ началѣ царствованія императора Александра I. Не смотря на житейскій опытъ, Радищевъ удивлялъ въ этой коммисіи „молодостью сѣдинъ", по выраженію Пушкина. Онъ остался вѣренъ идеаламъ своей юности и проводилъ ихъ до конца жизни. Въ коммисіи онъ подалъ проектъ необходимыхъ реформъ, который, къ несчастію, не дошелъ до насъ, но главныя положенія котораго состояли въ слѣдующемъ: 1) Всѣ состоянія должны быть равны передъ закономъ, а потому и тѣлесное наказаніе должно отмѣнить; 2) табель о рангахъ уничтожить; 3) въ уголовныхъ дѣлахъ отмѣнить пристрастные допросы, ввести публичное производство и судъ присяжныхъ, — иначе не можетъ быть правосудія; 4) вѣротерпимость должна быть совершенная и устранено все то, что стѣсняетъ свободу совѣсти; 5) ввести свободу книгопечатанія, съ ограниченіями и ясными постановленіями о степени отвѣтственности; 6) освободить крѣпостныхъ господскихъ крестьянъ, а съ тѣмъ прекратить и продажу людей въ рекруты; 7) поземельную подать ввести вмѣсто подушной и т. д. [1]).

У Радищева созрѣла уже мысль относительно наиболѣе дорогихъ для русскаго человѣка реформъ, совершившихся только въ послѣднее двадцатилѣтіе, и то лишь отчасти.

И объ этомъ-то замѣчательномъ человѣкѣ и писателѣ, объ этомъ лучшемъ, неизмѣнномъ представителѣ столь важнаго въ нашемъ общественномъ развитіи направленія, до сихъ поръ умалчиваютъ историки. Еще Пушкинъ упрекалъ А. А. Бестужева, какъ онъ могъ забыть Радищева въ очеркѣ русской литературы; и этотъ упрекъ до сихъ поръ долженъ быть обращенъ къ очень и очень многимъ. Такъ А. Д. Галаховъ, напр., въ 1863 году счелъ нужнымъ сказать о Радищевѣ только слѣдующую фразу: „судьбѣ Радищева дало громкую и вмѣстѣ печальную извѣстность его „Путешествіе" изъ Петербурга въ Москву" [2]). Нѣкоторые историки и вовсе о немъ умалчиваютъ.

Правда, что по журналамъ и газетамъ разсѣяно довольно

---

[1]) Такъ передаетъ содержаніе проекта сынъ Радищева („Русск. Вѣст." 1858 г. № 23, стр. 424 и 425), а самый проектъ до насъ не дошелъ.

[2]) Исторія Русской Словесности, Спб. 1863, I, 535.

много статей и замѣтокъ объ авторѣ „Путешествія“, что его имя попадается иногда въ какой-нибудь монографіи, какъ имя представителя той или другой идеи, но все-же до сихъ поръ нѣтъ всесторонней оцѣнки дѣятельности Радищева, нѣтъ полнаго опредѣленія его значенія въ исторіи русской литературы, въ исторіи русской мысли, русской жизни. И этотъ пробѣлъ очень замѣтенъ.

Такъ какъ итогъ дѣятельности Радищева еще не подведенъ, то по нѣкоторымъ вопросамъ, его касающимся, высказываются въ литературѣ различныя, иногда противорѣчивыя, мнѣнія. Мало того, хотя біографія Радищева вкратцѣ не разъ вѣрно повторена въ различныхъ статьяхъ, до сихъ поръ всетаки факты изъ жизни автора „Путешествія“ искажаются: до сихъ поръ еще возможна такая полная ошибками и неточностями статья о Радищевѣ, какую мы встрѣчаемъ въ „Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ“, издаваемомъ проф. Березинымъ [1]).

Самымъ важнымъ временемъ въ жизни Радищева является 1790 годъ, годъ изданія его Путешествія, годъ суда надъ нимъ и его ссылки. Изданіемъ Путешествія Радищевъ занялъ видное мѣсто въ русской литературѣ; процессъ и ссылка придали ему непосредственное важное значеніе во внутренней исторіи конца Екатерининскаго царствованія.

Относительно процесса Радищева до сихъ поръ было извѣстно немного. Напечатаны замѣчанія императрицы Екатерины на „Путешествіе“, допросъ Радищева Шешковскимъ, нѣкоторыя признанія Радищева [2]). Все это относится до „предварительнаго“ слѣдствія. Затѣмъ извѣстны Высочайшіе указы о преданіи Радищева суду и о назначеніи Радищеву ссылки вмѣсто смертной казни, къ которой Радищевъ былъ приговоренъ въ уголовной палатѣ и сенатѣ. Но какъ состоялся смертный приговоръ писателю въ уголовной палатѣ и въ сенатѣ, этотъ вопросъ остается не разъ-

---

[1]) Отд. IV, т. I. стр. 30 и 31.

[2]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей при Московскомъ университетѣ. 1865 г., кн. 3., смѣсь, стр. 67—109. Эти матеріалы были, по обыкновенію, и въ оттискахъ и ихъ то иногда считаютъ отдѣльнымъ изданіемъ (напр. „Голосъ“ 1868 № 114; Радищевъ и его книга. Спб. 1868). Въ V книгѣ Архива кн. Воронцова (стр. 407—444) повторена часть этихъ матеріаловъ съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. В. Я.

ясненнымъ до сихъ поръ. Авторъ предисловія ко второму изданію „Путешествія“ въ правѣ былъ недоумѣвать, по какимъ законамъ былъ осужденъ Радищевъ.

Занимаясь собираніемъ матеріаловъ, относящихся до Радищева, я, между прочимъ, имѣлъ возможность, благодаря обязательному вниманію Петра Александровича Ефремова, ознакомиться съ подлиннымъ дѣломъ Радищева въ С.-Петербургской уголовной палатѣ. Это-то дѣло я и хочу разобрать въ подробностяхъ всего производства.

Я счелъ нужнымъ, для полноты очерка, остановиться также и на напечатанныхъ уже матеріалахъ, относящихся до предварительнаго слѣдствія: я прослѣжу весь процессъ, съ самаго ареста Радищева и до ссылки.

Дѣло Радищева, имѣющее большое, конечно, значеніе для біографіи писателя, вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяю, очень важно для оцѣнки и характеристики послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины Великой.

II.

Въ концѣ іюня 1790 года, въ Петербургѣ, въ книжной лавкѣ купца Зотова, по Владимірской улицѣ подъ № 21, 22 или 24 [1]) появилась въ продажѣ книга, напечатанная въ небольшую восьмушку, состоявшая изъ II+453 страницъ и озаглавленная: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Имя автора не было выставлено, точно также не была обозначена и типографія. Въ концѣ книги было напечатано: „Съ дозволенія управы благочинія“. На заглавномъ листѣ былъ выставленъ слѣдующій эпиграфъ: „Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй. Теле-

---

[1]) Russische Günstlinge. Tübingen. 1809. p. 458. Все, что касается въ этой книгѣ до Радищева (104. Radischew. pp. 457—461), приведено въ Библіограф. Запискахъ 1858 г. № 23, стр. 729—735. (Современныя извѣстія о Радищевѣ) съ примѣчаніями кн. Н. Н. Голицына. Russische Günstlinge, приписываемые Гельбигу, вовсе не такъ рѣдки, какъ это представляетъ кн. Голицынъ. Отрывки изъ книги Гельбига помѣщены въ „Русск. Архивѣ“ 1865, стр. 273—276 и 383—442; въ „Русской Старинѣ“ 1870 года, № 12, стр. 637—639, находится переводъ П. А. Радищева изъ Гельбига о Шешковскомъ.

В. Я.

махида, томъ II, кн. XVIII, стр. 514". Книга начиналась посвященіемъ, обращеннымъ къ А. М. К., и раздѣлялась потомъ на 25 главъ, изъ которыхъ первая названа была—Выѣздъ, а остальныя носили названія разныхъ станцій, находившихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, напр.: Софія, Тосна, Чудово и т. д.

Книга привлекла къ себѣ вниманіе публики и стала хорошо раскупаться. Авторомъ этой книги былъ А. Н. Радищевъ, начальникъ Петербургской таможни, недавно назначенный на это мѣсто самою императрицею.

Достовѣрная литературная дѣятельность Радищева началась незадолго до этого. Въ 1789 году [1]) онъ напечаталъ Житіе Өедора Васильевича Ушакова, своего товарища по лейпцигской жизни; затѣмъ лѣтомъ того-же года онъ купилъ у Шнора, котораго заведеніе помѣщалось по Мойкѣ, типографскій станокъ со шрифтами, т. е. завелъ свою домашнюю типографію. За печатаніе Радищевъ принялся только въ концѣ декабря 1789 года. Наборщикомъ ему служилъ таможенный досмотрщикъ Богомоловъ, который до поступленія въ таможню былъ наборнымъ уче-

---

[1]) Раньше этого года намъ извѣстенъ переводъ Радищева: „Размышленіе о греческой исторіи и о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ", соч. г. Мабли, пер. А. Радищевъ. Спб. 1773 (Сопиковъ 9493). Смирдинъ (№ 3286) не осмѣлился привести имени переводчика. Н. А. Радищевъ передаетъ, что отецъ его перевелъ сочиненіе Монтескье „О величіи и упадкѣ Римлянъ", изданное будто Новиковымъ („Русск. Старина" 1872 г. VI. 576), но такой книги до сихъ поръ еще не нашли наши библіографы: надо думать, что Н. А. ошибся и назвалъ сочиненіе Монтескье вмѣсто сочиненія Мабли. Н. А. Радищевъ сообщаетъ также, что его отецъ писалъ исторію сената, но потомъ ее уничтожилъ. Существуетъ преданіе объ участіи Радищева въ Живописцѣ, преданіе мало вѣроятное (см. статью Д. Ө. Кобеко, Библ. Записки 1861, № 4 и возраженія П. А. Ефремова при „Живописцѣ", издан. 1864 г., стр. 319, 320, 346 и 347). Болѣе правдоподобно современное извѣстіе Массона (Mémoires secrets sur la Russie etc. An. VIII; t. II, p. 189) объ участіи Радищева въ Почтѣ Духовъ. Всѣ соображенія и предположенія въ пользу этого извѣстія вѣско выставлены А. Н. Пыпинымъ („Вѣстникъ Европы", 1868 г., № 5. стр. 419—436), но дѣло все-таки нуждается еще въ фактическихъ подтвержденіяхъ. Самъ г. Пыпинъ считаетъ вопросъ только поставленнымъ. Еще раньше г. Пыпина на это извѣстіе Массона указалъ г. В. Андреевъ („Русскій Инвалидъ" 1868 г., № 31). Возраженія представлены г. Галаховымъ (Исторія Русской Словесности, т. II, прилож. стр. V—VII) и г. Гротомъ (Приложеніе къ XIV т. Записокъ Академіи Наукъ, стр. 38—40).

В. Я.

никомъ въ академической типографіи [1]. „Тисканіемъ" занимались или люди Радищева, какъ показываетъ онъ самъ [2]), или, по показанію Богомолова, какой-то Пучинъ, также служившій при таможнѣ [3]).

Сначала Радищевъ, какъ-бы для пробы, напечаталъ небольшую книжку въ одинъ листъ: „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего. Съ дозволенія управы благочинія. Въ Санктпетербургѣ 1790" [4]). Затѣмъ въ январѣ 1790 года Радищевъ началъ печатать свое Путешествіе, рукопись котораго у него была уже готова.

Вотъ что̀ самъ онъ говоритъ о томъ, когда и какъ было имъ написано Путешествіе. „Первая моя мысль написать книгу въ сей формѣ пришла мнѣ, читая путешествіе Іорика. Я такъ ее и началъ. Продолжая ее, на мысль мнѣ пришли многіе случаи, о которыхъ я слыхивалъ и, дабы не много рыться, я вознамѣрился ихъ помѣстить въ книгу сію" [5]). Въ другомъ мѣстѣ Радищевъ еще подробнѣе говоритъ объ этомъ, бросая взглядъ на всю свою литературную дѣятельность: „До женитьбы моей я болѣе упражнялся въ чтеніи книгъ до словесныхъ наукъ касающихся; много также читалъ и книгъ церковныхъ, слѣдуя совѣту Ломоносова; ибо, имѣя малое знаніе въ россійскомъ письмѣ, я старался пріобрѣсти достаточныя въ ономъ свѣдѣнія, дабы въ состояніи быть управлять перомъ [6]). Родяся съ чувствительнымъ сердцемъ, опыты

---

[1]) Дѣло о Радищевѣ, листъ 22.

[2]) Чтенія въ О. Исторіи и Древностей при Моск. Унив. 1865 г. кн. 3. стр. 82; Арх. кн. Воронцова V. 431.

[3]) Дѣло о Радищевѣ л. 22, ср. л. 20.

[4]) Письмо это разсказываетъ торжество открытія памятника Петру Великому; оно перепечатано П. А. Ефремовымъ въ „Русской Старинѣ" изд. 1871 г. томъ IV, стр. 295—299.

[5]) Арх. Воронцова V. 423. Чтен. 1865, к. 3. стр. 92.

[6]) Екатерина хотѣла, посылая молодыхъ людей въ Лейпцигъ, чтобы они тамъ, если можно, учились славянскому языку. Это не только не оказалось возможнымъ, но наши студенты позабыли тамъ и русскій языкъ. Они и мало говорили по русски, и даже письма писали домой по нѣмецки,—такъ что, напр., студенту Зиновьеву отецъ неоднократно приказываетъ писать по русски („Русск. Архивъ". 1870. 935, 971 и 972). Одинъ изъ сыновей Радищева („Рус. Старина" 1872, VI. 575) передаетъ, что когда наши студенты вернулись въ Россію, они постоянно въ русскомъ разговорѣ вставляли латинскія, нѣмецкія, французскія слова. По разсказу того-же сына, плохое знаніе рус-

моего письма обращались всегда на нѣжные предметы, но все было съ неудачею. Когда-же я женился [1]), то все любовное вранье оставилъ и наслаждался дѣйствительнымъ блаженствомъ, не занимался ничѣмъ больше, какъ домашними дѣлами. Когда я опредѣленъ былъ въ коммерцъ-коллегію, то за долгъ мой почелъ пріобрѣсть знанія, до торговой части вообще касающіяся, и для того сверхъ обыкновеннаго упражненія въ дѣлахъ, я читалъ книги, до коммерціи касающіяся, возобновилъ паки чтеніе по всей исторіи и путешествіямъ и старался пріобрѣсти въ россійскомъ законоположеніи, до торгу вообще относящіяся. Доселѣ разумъ мой какъ будто забылъ прежнюю свою охоту упражняться въ сочиненіяхъ или отвлеченъ былъ отъ того, какъ то я сказалъ, неудачею въ любовныхъ сочиненіяхъ. Въ сіе время я опредѣленъ былъ въ помощь г. Далю къ таможеннымъ дѣламъ, и въ сіе-же время, между другими коммерческими, купилъ я Исторію о Индіяхъ Реналя; сію то книгу могу я почитать началомъ... Я началъ ее читать въ 1780 или 81 году. Слогъ его мнѣ понравился... и, видя ее (книгу) общечитаемою, я захотѣлъ подражать его слогу. Но въ сіе время, т. е. при началѣ вступленія моего въ таможню и по случаю составленія общаго тарифа, за препорученными мнѣ многими письменными дѣлами, я не имѣлъ средствъ книгу сію окончить чтеніемъ. Воспослѣдовавшая потомъ въ 1783 г. смерть жены моей погрузила меня въ печаль и уныніе и на время отвлекла разумъ мой отъ всякаго упражненія. Не прежде 1785 г. я началъ паки упражняться въ чтеніи, и недочтеннаго Реналя окончилъ; для упражненія въ слогѣ я въ сіе время началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго торга [2]). Въ слѣдующій годъ, читая Гердера, я началъ писать о цензурѣ [3]), началъ повѣсть

скаго языка мѣшало даже службѣ Радищева и Кутузова въ сенатѣ. Радищевъ старался восполнить усердными занятіями свое знаніе русскаго языка (о чемъ онъ тутъ и говоритъ) и пользовался уроками А. В. Храповицкаго. Когда императрица узнала по возвратившимся студентамъ о томъ пренебреженіи, въ какомъ находился у нихъ въ Лейпцигѣ русскій языкъ, то къ оставшимся еще заграницей русскимъ дворянамъ былъ отправленъ, въ качествѣ учителя русскаго языка нѣкій, Сергѣй Подобѣдовъ. (Сборн. Истор. Общ. X, 114 и 126). В. Я.

[1]) Въ 1775-мъ году на А. В. Рубановской.

[2]) Въ „Путешествіи“ эта повѣсть составила главу „Мѣдное“, стр. 341; II изд. 273; изд. Шигина, 1868, стр. 191.

[3]) Глава „Торжокъ“ стр. 306; II изд. с. 247; у Шигина пропущено.

Систербецкую [1]), но все не было докончено. А какъ случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій Іорикова путешествія, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать. И такъ... слогъ Реналевъ... довелъ (меня) до совершенія моей... книги, которая готова была въ исходѣ 1788 г., въ цензурѣ была въ 1789 г., начата печатью въ началѣ января 1790 г.“ [2]).

Въ цензуру рукопись носилъ таможенный досмотрщикъ, бывшій книгопродавецъ Мейснеръ. Мейснеръ не открылъ въ Управѣ Благочинія, занимавшейся тогда и цензурой, имени автора [3]). Онъ принесъ Радищеву назадъ его рукопись за подписью оберъ-полицмейстера Рылѣева, въ концѣ лѣта 1789-го года. Печатаніе Путешествія началось въ январѣ 1790-го года и продолжалось до іюня; всего было напечатано 600 или 650 экземпляровъ. Печатая, Радищевъ сдѣлалъ въ процензурованномъ текстѣ нѣкоторыя незначительныя измѣненія, о чемъ будетъ сказано ниже.

Когда книга была готова, Радищевъ, раздавъ нѣсколько экземпляровъ ея своимъ знакомымъ, думалъ продать остальные, но купецъ Зотовъ, къ которому онъ обратился, давалъ за все изданіе очень мало и притомъ на вексель. Радищевъ далъ ему только двадцать экземпляровъ, на пробу, а вскорѣ еще пять. Книга раскупалась очень быстро, и Зотовъ сталъ просить еще. Но такъ какъ книга возбудила въ обществѣ толки, не обѣщавшіе ничего хорошаго для автора, то Радищевъ отказалъ и больше книгъ не далъ, возвративъ Зотову 50 руб., полученные въ задатокъ [4]).

Опасенія Радищева были не напрасны. Книга не только заинтересовала публику, но на нее обратили вниманія и начальствующія лица. Скоро арестовали Зотова и подвергли допросу Мейснера; они сначала не назвали Радищева. Послѣдній всетаки ждалъ себѣ допроса и потому привелъ въ порядокъ цензурные листы. Но потомъ, подъ вліяніемъ возраставшаго безпокойства, онъ велѣлъ собрать и сжечь почти всѣ бумаги, относившіяся къ изданію, а затѣмъ и всѣ оставшіеся у него экземпляры [5]).

---

[1]) Глава „Чудово“, с. 21; II изд. с. 118; Шигинъ с. 82.
[2]) Чтен. О. И. и Д. Р. 1865, 3, с. 104, 105.
[3]) Чтен. 1863, кн. 3, с. 82, 92; Арх. Вор. V. 424 и 430.
[4]) Арх. Вор. V. 425; Чтен. 1865, 3. с. 94.
[5]) Тамъ-же.

III.

Слѣдствіе по поводу „Путешествія" началось по повелѣнію императрицы, до которой также дошла книга Радищева [1]).

---

[1]) Сынъ Радищева слышалъ отъ отца (Рус. Вѣстн. дек кн. I, 18'8.), что Державинъ, получившій, въ числѣ другихъ знакомыхъ, „Путешествіе" отъ Радищева, поднесъ свой экземпляръ Екатеринѣ, сдѣлавъ при этомъ на поляхъ свои отмѣтки. Я. К. Гротъ въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Державина (III, 579—581) отвергаетъ этотъ фактъ. Онъ указываетъ, напр., на то, что въ Эрмитажной библіотекѣ не находится экземпляра „Путешествія" съ отмѣтками Державина, но вѣдь не всѣ книги, бывшія у Екатерины, сохранились въ цѣлости. „Путешествіе" несомнѣнно было у Екатерины, и она можетъ быть передала его потомъ Шешковскому и далѣе въ Уголовную Палату. Между тѣмъ г. Гротъ упустилъ совершенно изъ виду одинъ фактъ, въ то время уже извѣстный, который прямо удостовѣряетъ насъ, что Державинъ не доставлялъ Екатеринѣ „Путешествія" и вообще сначала не вмѣшивался въ это дѣло. Самъ Радищевъ сообщаетъ намъ, что и Зотовъ, и Мейснеръ были допрашиваемы еще до его ареста и сначала не открывали его имени, отчего онъ и не былъ сейчасъ-же арестованъ. Записки Храповицкаго и Примѣчанія Екатерины на „Путешествіе" также положительно свидѣтельствуютъ, что императрица сначала не знала имени автора. 26 го іюня (Храпов.) ей открывалось подозрѣніе на Радищева. Въ примѣчаніяхъ на „Путешествіе" Екатерина сама говоритъ: „83-ая стр. доводитъ до подозрѣнія на господъ Радищева и Челищева" (тоже лейпцигскаго студента). Почему догадки Екатерины обратились на Радищева, объясняется тѣмъ, что она могла знать о „Житіи Ушакова" и что, по выходѣ „Письма къ другу и пр." до нея дошелъ слухъ о типографіи Радищева („паче-же, буде у нихъ заведена типографія, какъ сказываютъ"). Ясно, что Державинъ не подносилъ императрицѣ „Путешествія", иначе-бы она знала съ самаго начала имя автора, а Радищевъ былъ-бы тотчасъ же арестованъ. Это заключеніе вполнѣ подтверждается секретнымъ отношеніемъ петербургскаго губернскаго правленія (дѣло Радищева, л. 50.), изъ котораго видно, что у Державина потомъ было отобрано „Путешествіе". Но на чемъ же основывался Радищевъ, въ своемъ разсказѣ сыну? Онъ, конечно, слышалъ объ этомъ, можетъ быть, еще во время слѣдствія и слухъ этотъ имѣлъ нѣкоторое дѣйствительное основаніе: Державинъ въ самомъ дѣлѣ игралъ нехорошую роль въ исторіи Радищева. Мы это знаемъ изъ письма Дашковой къ брату: „когда Козодавлева (тоже лейпцигскаго студента) посадили въ коммерцію, то Державинъ сказалъ при многихъ: „Вотъ какой я души человѣкъ, что я не сказалъ о Козодавлевѣ, что онъ участіе имѣлъ въ сочиненіи Радищева". „Державинъ, продолжаетъ Дашкова, меня и брата злословитъ, я имѣю-де способъ изобличить обоихъ и не хочу. Для чего, когда Державинъ, почувствовавъ ужасъ къ слѣдствіямъ преступнаго сочиненія и зная прямыхъ сочинителей маралъ и клеветалъ на честныхъ людей? Вышеупомянутая рѣчь мнѣ пересказана отъ честнаго и нелживаго человѣка, отъ Богдановича, при которомъ онъ говорилъ". (Арх. кн. Вор. V, 221). **В. Я.**

Екатерина начала читать Путешествіе 26-го іюня; она увидала въ немъ „разсѣваніе французской заразы отвращенія отъ начальства". (Храповицкій).

Государыня послала за оберъ-полицмейстеромъ Рылѣевымъ и велѣла ему, конечно, произвести слѣдствіе. Поэтому-то былъ арестованъ Зотовъ, продававшій „Путешествіе", и подвергнутъ допросу Мейснеръ, носившій рукопись къ Рылѣеву. Съ этого началось дѣло, кончившееся такъ печально для Радищева.

Но что̀ собственно побудило Екатерину преслѣдовать автора „Путешествія"? Что̀ такое особеннаго заключала въ себѣ эта книга?

Главный вопросъ, затрогиваемый „Путешествіемъ", это бѣдствіе крестьянъ отъ крѣпостнаго права, звѣрское самоуправство помѣщиковъ. Затѣмъ „Путешествіе" касается и другихъ общественныхъ золъ: недостатковъ въ законахъ, въ судѣ, администраціи, въ общественномъ бытѣ; нападаетъ на систему воспитанія, на модные нравы и т. д. Положительная часть Путешествія набрасываетъ, въ общихъ чертахъ, проектъ освобожденія крестьянъ, говоритъ о принципахъ разумнаго воспитанія, постоянно указываетъ на начала гуманности, на истинныя основы права уголовнаго, гражданскаго и проч.

Всѣ эти вопросы такъ или иначе были уже затронуты въ русской литературѣ и раньше. Извѣстно, какъ сильно развилась сатира въ первую половину царствованія Екатерины Великой. Императрица поощряла ее и даже сама принимала въ ней непосредственное участіе; Екатеринѣ посвященъ лучшій представитель сатирической литературы этого періода — „Живописецъ"; въ „Живописцѣ"-же находятся два отрывка изъ Путешествія въ*** И*** Т***, которые относятся къ крѣпостному праву такъ же, какъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", и нѣкоторыми даже приписывались Радищеву [1]).

Конечно нападки „Путешествія" на общественныя язвы болѣе сильны, болѣе открыты, но сущность то одна и та же, а въ общемъ „Путешествіе" является только полнымъ выразителемъ французскаго просвѣтительнаго направленія. Чего-же испугалась Ека-

---

[1]) „Живописецъ" листы 5 и 14, по изданію 1864 года, стр. 25 и 85. См. выше примѣчаніе 1-ое на стр. 9 и 10.

терина? За что на Радищева обрушились преслѣдованія? Что новаго увидала въ „Путешествіи“ Екатерина, написавшая Наказъ, сожженный во Франціи,—она, ученица французскихъ философовъ, послѣдовательница Монтескье, корреспондентъ Вольтера, покровительница Дидро? Что прогнѣвило государыню, которая сама старалась прежде проводить въ русскую жизнь просвѣтительныя начала, выработанныя французскими философами, которая, однимъ словомъ, была представительницей такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма?

Большая разница видна между Екатериною, задающею, напр., въ началѣ своего царствованія чрезъ Вольное экономическое общество тему, приведшую въ удивленіе западныхъ писателей [1]), и Екатериною 1790-хъ годовъ, преслѣдующею Радищева.

Правда, обстоятельства сильно измѣнились. Въ 1790-мъ году, когда вышло въ свѣтъ „Путешествіе“, великая французская революція уже разгорѣлась. Принципы просвѣтительной философіи начали получать практическое примѣненіе, начали осуществляться въ дѣйствительности въ политической, соціальной жизни. Большинство французской аристократіи, преклонявшейся прежде передъ просвѣтительной философіей, отшатнулось отъ нея, какъ только увидало невыгоду для себя ея принциповъ, протестовало противъ революціи и позабыло свое прежнее вольнодумное фразерство. То же самое сдѣлали всѣ привиллегированные классы и лица Европы, готовившей контрреволюціонныя коалиціи. То-же самое произошло и съ Екатериной. Позднѣе, когда насталъ терроръ, подобная-же перемѣна повторилась и со многими болѣе искренними друзьями свободы.

Но измѣнились не однѣ обстоятельства: сильная перемѣна произошла за это время и въ самой Екатеринѣ. Поворотъ въ ея дѣятельности начался еще до французской революціи. Она старилась, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялись ея взгляды. Съ лѣтами Екатерина легче и сильнѣе стала подпадать чужому вліянію, вліянію „случайнаго человѣка“. Въ Екатеринѣ развилась при томъ старческая подозрительность. Этой перемѣной, какъ въ обстоятельствахъ, такъ и въ самой императрицѣ, и объясняется ея негодованіе на Радищева.

---

[1]) Исторія императорскаго вольнаго экономическаго общества. Ходневъ. Спб. 1865 стр. 19—34.

Правда, въ Путешествіи встрѣчаются отдѣльныя фразы, отдѣльныя мѣста, которыя, можетъ быть, не понравились-бы Екатеринѣ и прежде по своей рѣзкости; но ихъ немного, при томъ онѣ вполнѣ согласны съ духомъ просвѣтительной философіи и вытекли изъ общаго направленія Радищева. Во всякомъ случаѣ изъ-за этихъ немногихъ фразъ не стоило преслѣдовать Радищева, да не изъ за-нихъ въ дѣйствительности и обрушилось на него гоненіе.

Самъ Радищевъ впослѣдствіи говаривалъ, что издай онъ свое „Путешествіе" нѣсколько лѣтъ раньше, онъ заслужилъ-бы милость, а не преслѣдованія. Теперь-же Екатерина не могла ужиться вообще съ философіей XVIII вѣка. Мы увидимъ сейчасъ изъ ея примѣчаній на Путешествіе, какъ измѣнилось ея отношеніе къ прежнимъ друзьямъ, къ французскимъ философамъ, какъ измѣнились всѣ ея взгляды. Представительница просвѣщеннаго деспотизма незамѣтно для себя отказалась отъ французскаго просвѣщенія, и поэтому понятно, что она возбудила преслѣдованія противъ просвѣтительной философіи, противъ ея выразителя Радищева.

Въ то время какъ Бёркъ своими рѣчами и сочиненіями еще только призывалъ Европу къ контрреволюціи, у насъ въ Россіи, въ лицѣ Екатерины и Радищева, уже происходитъ столкновеніе реакціи и прогресса. Мы не знаемъ, когда именно былъ арестованъ Радищевъ, но намъ извѣстна его повинная отъ 1-го іюля. 2-го іюля Храповицкій записалъ: „Радищевъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости".

Сынъ Радищева передаетъ слѣдующія подробности объ арестѣ отца. Къ Радищеву въ домъ явился полицейскій офицеръ и, арестовавъ его, отвезъ къ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, графу Брюсу. Только что Радищевъ былъ введенъ въ переднюю главнокомандующаго, туда явился какой-то человѣкъ, который на вопросъ, отъ кого онъ, отвѣчалъ: „отъ Шешковскаго"... Услыхавъ этотъ отвѣтъ, Радищевъ упалъ въ обморокъ. Въ этотъ же день онъ былъ посаженъ въ крѣпость, а слѣдствіе по его дѣлу было поручено Шешковскому [1]).

Екатерина, какъ мы уже знаемъ, сама писала замѣчанія на

---

[1]) Русск. Вѣстникъ. 1858, № 23, с. 407.

Путешествіе. Она начала ихъ, когда ей еще не извѣстенъ былъ авторъ и продолжала потомъ, когда уже начались допросы Радищева. „7-го іюля, читаемъ у Храповицкаго,—примѣчанія на книгу Радищева посланы къ Шешковскому. Сказывать изволили, что онъ (т. е. Радищевъ)—бунтовщикъ, хуже Пугачева; показывали мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина, какъ начинщика и себя такимъ-же представляетъ. Говорено съ жаромъ и чувствительностію".

И Екатерина дѣйствительно отнеслась ко всему дѣлу „съ жаромъ и чувствительностью". Книга Радищева задѣла ее, такъ сказать, за живое. По совершенно вѣрному замѣчанію одной статьи о Радищевѣ [1]), „какая-то лихорадочная работа мысли замѣтна въ ея примѣчаніяхъ".

Примѣчанія эти наполнены придирками и противорѣчіями. Екатерина нападаетъ на Радищева съ тою горячностью, съ какою обыкновенно люди, перешедшіе въ другой лагерь, дѣйствуютъ противъ своихъ прежнихъ товарищей. Положенія, выставляемыя Радищевымъ, оскорбляютъ императрицу, раздражаютъ ее; но самою горячностью опроверженій она какъ-бы хочетъ заглушить въ себѣ какое-то неловкое чувство. Она отрицаетъ факты, приводимые Радищевымъ, но правда въ то-же время, противъ ея воли, пробивается въ ея примѣчаніяхъ и свидѣтельствуетъ за Радищева.

IV.

„Книга печатана въ 1790 г. безъ подписи типографіи и безъ видимаго дозволенія въ началѣ, но въ концѣ сказано: съ дозволенія Управы Благочинія. Сіе, вѣроятно, ложь, либо оплошность" [2]), такъ начинаетъ Екатерина свои примѣчанія на Путешествіе. Изъ приведенныхъ выше данныхъ мы знаемъ, что въ указанной Екатериною надписи не заключалось лжи, что дозволеніе дѣйствительно было дано; но, дѣйствительно, это дозволеніе было получено благодаря оплошности, въ которой виноваты лица, тер-

---

[1]) Спб. Вѣдомости. 1865. № 299. Нѣчто о Радищевѣ.

[2]) Чтен. Общ. Истор. и Древн. 1865., кн. 3, с. 67. Арх. кн. Вор. V с. 407.

пѣвшія оберъ-полицмейстеромъ такого человѣка, каковъ былъ Рылѣевъ [1]).

„Намѣреніе сей книги, продолжаетъ Екатерина, на каждомъ листѣ видно; сочинитель оной наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выщиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальника и начальства". Я привелъ эти слова Екатерины потому, что онѣ потомъ были буквально повторены, какъ увидимъ, въ высочайшемъ указѣ о преданіи Радищева суду и оттуда переписывались во всѣ приговоры по его дѣлу.

„Онъ-же (авторъ Путешествія) едвали не мартинистъ или чего подобное" [2]).

Когда Екатерина окончила свои примѣчанія, то она послала ихъ, мы знаемъ, Шешковскому, а тотъ составилъ вопросные пункты Радищеву, буквально повторивъ въ нихъ замѣчанія Екатерины. Такъ, и послѣднему мнѣнію Екатерины, что Радищевъ мартинистъ, у Шешковскаго соотвѣтствуетъ вопросъ: „не былъ-ли приглашенъ въ общество „мартинистовъ?" Радищевъ на это отвѣтилъ, что „мартинистомъ онъ не только никогда не былъ, но и мнѣнія ихъ охуждаетъ, что де и въ самой книжкѣ значится на стр. 93 и 315" [3]). На указанныхъ страницахъ, дѣйствительно, находятся насмѣшки надъ мистицизмомъ мартинистовъ, надъ иллюминатами. Но Екатерина не обращала вниманія на насмѣшки 93-ей страницы и при ней замѣтила опять, что Радищевъ мартинистъ и то-же снова повторила при 180-й страницѣ. Но заявленіе Радищева было истинно.

Лонгиновъ, въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ (стр. 97) говоритъ, что Радищевъ посѣщалъ собраніе „Ураніи" въ 1774-мъ году; на чемъ основано это извѣстіе — Лонгиновъ не сообщаетъ. Но о томъ, что Радищевъ, во всякомъ случаѣ, никогда не былъ

---

[1]) Екатерина сама такъ отзывалась о Рылѣевѣ: „полевые офицеры получаютъ tacte, и ежели малый разсудокъ имѣютъ, то отъ практики дѣлаются способными быть оберъ-полицмейстерами; но здѣшній самъ дуракъ, celui ci ne profitera pas". (Записки Храпов. Сент. 28).

[2]) Арх. Вор. V, стр. 407; Чтен. 1865, кн. 3, с. 67.

[3]) Ар. 432; Чтен. 83.

масономъ, свидѣтельствуютъ не только указанныя имъ мѣста его книги и его показаніе, но также и разсказъ его старшаго сына, передающаго, что у его отца была длинная переписка съ его товарищемъ по Лейпцигскому университету, извѣстнымъ масономъ А. М. Кутузовымъ, по тому именно поводу, что Радищевъ отказывался вступить въ масоны [1]). Этотъ-же разсказъ подтверждаетъ и Лонгиновъ (Новиковъ и Московскіе Мартинисты, стр. 238) [2]).

Не буду подробно останавливаться на всѣхъ примѣчаніяхъ Екатерины на Путешествіе. Она дѣлаетъ свои примѣчанія почти во всякой страницѣ книги, но очень часто онѣ состоятъ только въ краткомъ изложеніи содержанія. Напримѣръ: „256, 257. Описываетъ состояніе крестьянъ не имѣя собственной пашни"; или: „отъ 401 по 409. Повѣсть о слѣпомъ, которому подарилъ платокъ".

Не буду также разбирать и всѣхъ тѣхъ примѣчаній Екатерины, въ которыхъ оспариваются взгляды Радищева, высказывается оцѣнка его мнѣній; я только приведу изъ примѣчаній Екатерины нѣсколько примѣровъ, которые подтвердятъ вѣрность общей характеристики этихъ примѣчаній, сдѣланной выше.

Въ главѣ Спасская Полѣсть Радищевъ описываетъ видѣнный имъ сонъ. „Мнѣ представилось, говоритъ онъ, что я Царь, Ханъ, Король, Бей, Набабъ, Султанъ или какое-то изъ сихъ названій, нѣчто сидящее во власти на престолѣ". Затѣмъ изображается все раболѣпіе двора, окружающаго престолъ владыки. Повелитель отдаетъ приказанія, которыми думаетъ увеличить могущество и славу своего трона, доставить благоденствіе своимъ

---

[1]) „Русская Старина" 1872. VI. 579 и др.

[2]) Въ перлюстраціи писемъ, напечатанной въ „Русск. Старинѣ" 1874 года и относящейся къ 1790-мъ годамъ, мы читаемъ въ одномъ письмѣ объ изданіи Радищевымъ его книги: „да, конечно, я думаю не сдѣлалъ бы онъ сего, ежели-бы онъ былъ тѣмъ, что̀ называется здѣсь мартинистомъ" (январь, стр. 72). Между тѣмъ въ обществѣ нѣкоторые считали Радищева за масона, разумѣя, конечно, подъ этимъ словомъ передоваго, либеральнаго человѣка. Такъ, его называетъ масономъ кн. Ѳ. Н. Голицынъ въ своихъ записках (Русск. Архивъ 1874, I, 1290.). Это-же повторилъ и Пушкинъ въ своей статьѣ о Радищевѣ (Сочин. 1857, т. VII. Александръ Радищевъ, стр. 53); повторялось это мнѣніе и потомъ (Голосъ 1865, № 317), а г. Гарусовъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Горю отъ Ума на стр. 431 прямо называетъ Радищева, какъ извѣстнаго масона; впрочемъ, такихъ неосновательныхъ примѣчаній у г. Гарусова множество. В. Я.

подданнымъ. Но явившаяся Истина открываетъ властителю глаза, и онъ видитъ все въ настоящемъ свѣтѣ; видитъ всѣ бѣдствія своего государства, все лицемѣріе придворныхъ и проч. Онъ видитъ, что его приказанія или не исполняются, или извращаются и приводятъ только къ вреду, къ бѣдствіямъ. „Военноначальникъ мой, посланный на завоеванія, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ подчиненности не было; воины мои почиталися хуже скота. Не радѣли ни о ихъ здравіи, ни прокормленіи; жизнь ихъ ни во что вмѣнялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирала отъ небреженія начальниковъ или не нужныя и безвременныя строгости. Казна, опредѣленная на содержаніе всеополченія, была въ рукахъ учредителя веселостей". Корабли, назначенные въ дальную побѣдоносную экспедицію, находились недалеко отъ гавани, а между тѣмъ изготовлялся „чертежъ совершеннаго въ мечтаніи плаванія, уже видны были во всѣхъ частяхъ міра новые острова, климату ихъ свойственными плодами изобилующіе. Обширныя земли и многочисленные народы израждалися изъ кисти новыхъ сихъ путешествователей", и т. д. „Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи моемъ душа моя наиболѣе гордилася, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ, едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое, или было совсѣмъ нарушено, обращаяся не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія, превратнымъ онаго толкованіемъ и медленнымъ исполненіемъ. Милосердіе мое сдѣлалося торговлею, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушія". „Куда не обратитъ своихъ взоровъ Повелитель, вездѣ видитъ обманъ, корыстолюбіе, тысячи бѣдствій. Все государство находится въ ужасномъ положеніи, не смотря на кажущійся блескъ" [1]).

Весь этотъ сонъ Екатерина приняла прямо на свой счетъ,— не потому, чтобы этотъ общій очеркъ заключалъ въ себѣ много какихъ нибудь частныхъ намековъ, но потому, что дѣйствительно въ общемъ и Россія того времени болѣе или менѣе подходила подъ этотъ общій очеркъ. Сама Екатерина противъ него

[1]) Путешествіе. Изд. I, стр. 60—86; изд. II, стр. 137—149. Въ изданіи Шигина весь этотъ сонъ пропущенъ.

могла сдѣлать только два оправдательныя замѣчанія. Относительно фразы Радищева, влагаемой имъ въ уста Истины: „опасность плѣна едва оправдать можетъ убійство, войною называемое", Екатерина замѣтила: „чего-же они желаютъ? Чтобы безъ обороны попасться въ плѣнъ туркамъ, татарамъ, либо покориться шведамъ?" Относительно той страницы, гдѣ описывается „учредитель плаванія", въ мечтаніи только путешествующій и составляющій поддѣльную карту своихъ открытій, Екатерина пишетъ: „не о Чичаговѣ по крайней мѣрѣ говоритъ" [1]).

Другихъ оправданій Екатерина не представляетъ; она спѣшитъ обратить въ свою пользу слова Радищева—„сонъ, въ которомъ я столько сгрѣзилъ" [2]),—„самъ говоритъ, что сгрѣзилъ грѣзъ". Она старается оправдать лично себя и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ вѣрность „грѣза", замѣчая относительно 77 и 78 стр., гдѣ описывается хищность, зависть, коварство, ненависть, ненасытность приближенныхъ, лживость и корыстолюбіе военноначальниковъ, безсмысленное и неправильное употребленіе суммъ, бѣдственное положеніе воиновъ,—„о чемъ прилагается къ пресѣченію, то обращается въ укоризну". Значитъ, было что пресѣкать. Екатерина, повторяю, старается оправдаться лично. Она пишетъ: „попрекая о неисполненіи велѣній, сами себя обвиняютъ"; и далѣе: „намѣреній порочить не могли и принуждены обратиться на исполненіе, слѣдовательно порочатъ общество, а не доброе сердце либо намѣреніе государя" [3]).

На 36 и 37 страницахъ Путешествія Радищевъ приводитъ изъ Реналя разсказъ о томъ, какъ въ тюрьмѣ Бенгальскаго Набаба военноплѣнные англичане умерли потому, что объ ихъ несчастномъ положеніи никто не хотѣлъ возвѣстить Набабу, который въ это время спалъ [4]). Екатерина замѣчаетъ: „Ситаціи 36 стр. доказываютъ жестокоустремленныя мысли сочинителя; il cite un fait atroce". „Сочинитель къ злости склоненъ", продолжаетъ она при описаніи раболѣпнаго двора, представившагося Радищеву во снѣ, и прибавляетъ: „подвигъ же сочинителя, объ за-

---

[1]) Чтен. 68; Арх. 409, 410.
[2]) Путеш. изд. I, стр. 86, изд. II, стр. 149.
[3]) Арх. Вор. V, стр. 409, 410; Чтен. 1865, кн. 3, стр. 68 и 69.
[4]) II-ое изд. стр. 126; Шпгинъ, стр. 93.

кладъ биться можно, по которому онъ ее (книгу) написалъ, есть тотъ, для чего входъ не имѣетъ въ чертоги". Тоже повторяется въ примѣчаніи къ стр. 156, 157 и 158. Относительно 175 стр. Екатерина пишетъ: „вѣроятно кажется, что (сочинитель) родился въ необузданной амбиціи и, готовясь къ вышнимъ степенямъ, донынѣ еще не дошедъ, желчи нетерпѣніе разлилось повсюду"... На послѣдней страницѣ своихъ примѣчаній она опять спрашиваетъ, не сдѣлана-ли ею какая обида автору. Такимъ образомъ, она хочетъ свести всю книгу на личное озлобленіе автора, который при этомъ, по ея выраженію [1],—„сложенія унылаго и все видитъ въ темночерномъ видѣ".

Оскорбленное личное самолюбіе Екатерины заставляетъ ее придираться къ мыслямъ Путешествія, при чемъ она или опускаетъ какое нибудь обстоятельство изъ виду, или неправильно толкуетъ слова Радищева.

Въ главѣ „Зайцево" разсказывается объ одномъ выслуженномъ ассессорѣ, купившемъ себѣ имѣніе. „Г. ассессоръ произошедъ изъ самаго низкаго состоянія, зрѣлъ себя повелителемъ нѣсколькихъ сотенъ себѣ подобныхъ. Сіе вскружило ему голову. Не одинъ онъ жаловаться можетъ, что употребленіе власти вскружаетъ голову. Онъ себя почелъ высшаго чина, крестьянъ почиталъ скотами, данными ему... (едва не думалъ-ли онъ, что власть его надъ ними отъ Бога проистекаетъ), да употребляютъ ихъ въ работу по произволенію. Онъ былъ корыстолюбивъ, копилъ деньги, жестокъ отъ природы, вспыльчивъ, подлъ, и потому надъ слабѣйшими надмѣненъ. Изъ сего судить можешь, какъ онъ обходился съ крестьянами". И семья этого помѣщика не уступала ему въ жестокости. Наконецъ крестьяне, выведенные изъ терпѣнія звѣрствомъ и безчинствомъ своихъ господъ, убили ассессора и его трехъ сыновей [2]. Обо всемъ этомъ происшествіи разсказываетъ Радищеву встрѣтившійся ему на пути пріятель, бывшій предсѣдатель уголовной палаты, г. Крестьянкинъ, которому пришлось судить крестьянъ, убившихъ помѣщика. „Разсматривая сіе дѣло, говоритъ Крестьянкинъ, я не находилъ достаточной и убѣдитель-

---

[1] Чтен. 1865, кн. 3, стр. 67. Арх. Вор. V, стр. 408.

[2] Путеш. I изд., стр. 119—147; II изд., стр. 165—179. Начало разсказа у Шигина, стр. 125—136.

ной причины къ обвиненію преступниковъ. Крестьяне, убившіе господина своего, были смертоубійцы. Но смертоубійство сіе не было-ли принужденно? Не причиною-ли онаго самъ убитый ассессоръ? Если въ ариѳметикѣ изъ двухъ данныхъ чиселъ третіе слѣдуетъ непрекословно; то и въ семъ происшествіи слѣдствіе было необходимо. Невинность убійцъ, для меня по крайней мѣрѣ, была математическая ясность... Можно-ли почесть дѣяніе оскорбляющимъ сохранность члена общественнаго, если я исполню его для моего спасенія, если оно предупредитъ мою пагубу, если безъ того благосостояніе мое будетъ плачевно на вѣки" [1])? Екатерина замѣчаетъ: „все сіе разсужденіе легко опровергнуть можно единымъ простымъ вопросомъ: ежели кто учинитъ зло, даетъ-ли право другому творить зло? Отвѣтъ: конечно нѣтъ. Законъ дозволяетъ въ оборону отъ смертнаго удара ударить, но доказанія притомъ требуетъ, что инако не можно было избѣгнуть смерти, и стало все толкованіе сочинителя недѣльное, незаконное, но суетное умствованіе" [2]). Екатерина упустила при этомъ изъ виду, что въ ея царствованіе было снова подтверждено запрещеніе крестьянамъ жаловаться на своего помѣщика, кромѣ двухъ случаевъ: „про государево здоровье или какое измѣнное дѣло" [3]).

„230 описываетъ дурной обычай деревенскій женить десятилѣтніе мальчики на взрослыя дѣвки [4]), пишетъ Екатерина. Сочинитель не знаетъ, что такой бракъ закономъ запрещенъ, либо знать не хочетъ; понеже говоритъ: законъ долженствовалъ запретить" [5]). Такъ какъ законъ не исполнялся, то Радищевъ имѣлъ право его не знать и могъ во всякомъ случаѣ, даже если бы зналъ о существованіи такого закона, спросить: „почто не ополчится рука, законы хранящая, на искорененіе толикаго злоупотребленія?" Нѣсколько лѣтъ спустя Радищеву самому пришлось на

---

[1]) I изд. стр. 134, 135 и 136; II изд. 173.

[2]) Арх. кн. Вор. V, 413; Чтен. стр. 70 и 71.

[3]) Уложеніе, глава II, статья 13. — Указъ 22-го августа 1767 года, Полное Собраніе Законовъ, № 12,966; см. также №№ 11,606; 11,718 и 12,316. Если законъ не запрещалъ прямо челобитныхъ, то онѣ запрещались на самомъ дѣлѣ.

[4]) II изд., стр. 219; Шигинъ, стр. 182.

[5]) Чтен., стр. 74; Арх. 418. В. Я.

практикѣ заботиться о прекращеніи подобнаго обычая у себя въ деревнѣ [1]).

Радищевъ вооружается на обыкновеніе подчиненныхъ являться каждый праздникъ къ начальнику, нападаетъ на „сіи безразсудныя поклоненія, которыя гордость почитаетъ должностію, лесть нужными, а мудрецъ мерзительными, и человѣчеству поносными“ [2]). Екатерина, не соглашаясь съ Радищевымъ, находя такія посѣщенія нужными, такъ какъ, по ея мнѣнію, начальникъ при этомъ узнаетъ своихъ подчиненныхъ, заключаетъ: „ни уже, что польза общая требуетъ, чтобъ люди другъ друга не знали и не обходились одинъ съ другими, а жили, какъ волки, другъ отъ друга далеко или по лѣсамъ“ [3]). У Радищева нѣтъ ни единаго слова, которое могло бы дать достаточный поводъ къ этой фразѣ.

Екатерина придирается къ словамъ Радищева. „Въ концѣ 124 страницы [4]), сочинитель самъ себѣ противорѣчитъ, ибо показываетъ склонности человѣка подлаго состоянія, когда по его системѣ (нынѣшней французской) всѣ состоянія опредѣлены быть равны подъ именемъ человѣка и его мнимыя права“. „На 125 стр. паки упоминается низкаго состоянія, изъ чего заключается, что господинъ сочинитель еще не весьма твердъ въ своихъ правилахъ“. Обвиненіе это совершенно невѣрно, такъ какъ въ словахъ Радищева нельзя указать даже формальнаго противорѣчія. Но если бы Екатерина и была права, если бы Радищевъ дѣйствительно былъ „еще не весьма твердъ въ своихъ правилахъ“, то это должно бы служить для него только смягчающимъ обстоятельствомъ, съ точки зрѣнія его обвинителей.

Такъ какъ главный предметъ нападеній Радищева—крѣпостное право, то мы не разъ встрѣчаемъ у Екатерины замѣчанія по этому поводу, хорошо показывающія, какъ сильно измѣнился взглядъ Екатерины на крестьянскій вопросъ.

Описаніе звѣрствъ того помѣщика, который былъ съ сыновьями убитъ крестьянами [5]), Екатерина называетъ „выдуманной сказ-

---

[1]) Арх. Вор. V, стр. 363.

[2]) I изд., стр. 141 и 142; II-ое изд. стр. 176; у Шигина пропущена вся вторая половина разсказа Крестьянкина.

[3]) Чтен. 1865, кн. 3, стр. 71; Арх. кн. Вор. V, стр. 413.

[4]) II изд. стр. 168; Шигинъ, стр. 129.

[5]) Приведенный выше разсказъ Крестьянкина.

кой“ [1]). Очень возможно, что этотъ разсказъ въ общемъ, также какъ, быть можетъ, и другіе разсказы въ Путешествіи, составленъ, придуманъ Радищевымъ: ему не зачѣмъ было описывать единичныхъ частныхъ случаевъ, такъ какъ подобные случаи были очень и очень часты и „выдуманная сказка“ его повторялась постоянно въ жизни.

Екатерина пишетъ о другѣ Радищева, сообщившемъ ему разсказъ объ убійствѣ помѣщика крестьянами: „ѣдетъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшея судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“ [2]).

Но истина пробивается наружу противъ воли Екатерины. По поводу другаго разсказа Путешествія о варварствѣ помѣщика, Екатерина, которая, конечно, хорошо знала „лучшую судьбу“ нашихъ крестьянъ, замѣчаетъ: „едвали не исторія Александра Васильевича Салтыкова“ [3]).

Относительно того мѣста Путешествія, гдѣ Радищевъ обращается къ помѣщикамъ съ воззваніемъ „побѣдить наше предразсужденіе, попрать наше корыстолюбіе, освободить братію нашу и возстановить природное всѣхъ равенство“ [4]), Екатерина насмѣшливо замѣчаетъ: „уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ“ [5]).

Любопытно сравнить взглядъ Екатерины на крестьянской вопросъ, какъ онъ выражается въ приведенныхъ примѣчаніяхъ ея на Путешествіе, съ тѣмъ, какъ относилась она къ этому вопросу въ замѣчаніяхъ на разборъ Наказа, сдѣланный Сумароковымъ [6]).

Сумароковъ въ этомъ разборѣ является защитникомъ крѣпостнаго права [7]), а Екатерина, напротивъ, въ своихъ возраже-

---

[1]) Арх. Вор. V, 412; Чтен. 1865, 3, стр. 70.

[2]) Арх. Вор. V, 414; Чтен. 65, 3, 71.

[3]) Арх. Вор. 417; Чтен. 73.

[4]) I изд., 262; II изд., 334. У Шигина вся эта глава—„Хотиловъ“ означена двумя строчками точекъ.

[5]) Арх. Вор. 419; Чтен. 75.

[6]) Это сравненіе сдѣлано А. П. Пятковскимъ въ статьѣ его: „И. И. Бецкій“. Дѣло 1867, № 9, стр. 73—75.

[7]) Какъ защитникъ крѣпостнаго права Сумароковъ выступаетъ также въ своемъ мнѣніи, поданномъ имъ въ Вольное Экономическое Общество, по поводу заданной этимъ Обществомъ въ 1766 году темы о крестьянской соб-

ніяхъ стоитъ за освобожденіе крестьянъ и разбиваетъ его доводы. Для того, чтобы показать всю перемѣну, происшедшую во взглядахъ Екатерины за четверть почти столѣтія, протекшую съ тѣхъ поръ и до дѣла Радищева, довольно одного, двухъ примѣровъ. „Нынѣ помѣщики живутъ спокойно въ вотчинахъ“, пишетъ Сумароковъ; Екатерина добавляетъ: „и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ“. „Нашъ русскій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“, заявляетъ Сумароковъ, а императрица поясняетъ: „и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи“ [1]). Ясно, что въ то время Екатерина еще не считала состояніе крѣпостныхъ „лучшею судьбою“.

Радищевъ разбираетъ въ одномъ мѣстѣ вопросъ: въ естественномъ состояніи человѣка, какія суть его права“ [2])? Екатерина, забывъ, что Радищевъ естественному праву учился по ея повелѣнію [3]), „пишетъ: учинены вопросы тѣ, по которымъ Франція раззоряется“. Для опроверженія принциповъ естественнаго права и для подтвержденія своего положенія она продолжаетъ: „все то, что̀ въ свѣтѣ нынѣ установлено и устроено по опытамъ, что предыдущее требовало, чтобъ такъ было, а не по самому хотѣнію; ежели инако будетъ, то будетъ хуже, понеже лучшее есть врагъ нынѣшнему доброму и лучше держаться извѣстному, нежели неизвѣстному проложить дорогу“ [4]). Такъ говорила теперь продолжательница преобразованій Петра Великаго!

Всѣ взгляды Екатерины такъ перемѣнились, что она, прежняя поклонница французской литературы, въ примѣчаніяхъ на Путешествіе, между прочимъ, говоритъ: „разные полумудрецы сего вѣка, какъ-то: Руссо, Абберейналъ и тому гипохондрику подобные“ [5]).

ственности. Между прочимъ Сумароковъ писалъ въ этомъ мнѣніи: „впрочемъ свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежитъ“. Ходневъ, Исторія Им. Вол. Экон. Общ. стр. 24 и 25

[1]) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. X, стр. 86.

[2]) I изд., стр. 103: II изд., стр. 157; у Шигина пропускъ.

[3]) Собственноручная инструкція Екатерины для дворянъ, отправлявшихся учиться въ Лейпцигъ въ 1766 году: § 2) Всѣмъ обучаться моральной философіи, исторіи, а наипаче праву естественному и всенародному... Сб. Рус. Ист. Общ. X, стр 107.

[4]) Арх. Вор. V, 411; Чтен. 65; 3, стр. 69.

[5]) Чтен., стр. 72; Арх., стр. 415 и 416. В. Я.

Характеристично для отношенія Екатерины къ французской революціи слѣдующее ея замѣчаніе: „вмѣщена хвала Мирабоа [1]), который не единой, но многія висѣльницы достоинъ“ [2]). Надо при этомъ еще замѣтить, что Радищевъ хвалитъ Мирабоа только какъ оратора, наравнѣ съ Демосѳеномъ, Титомъ, Фоксомъ, даже наравнѣ съ яростнымъ врагомъ революціи, съ Борркомъ.

Но довольно о замѣчаніяхъ Екатерины. Общій характеръ ихъ достаточно выясненъ.

Обратимся теперь къ Радищеву, томящемуся неизвѣстностью въ заключеніи.

V.

Мы уже видѣли, какое сильное впечатлѣніе сдѣлало на Радищева извѣстіе, что дѣло его поручено страшному Шешковскому: онъ упалъ въ обморокъ. Одно это заранѣе указываетъ, что Радищевъ, по одному уже физическому своему состоянію, не можетъ проявить при слѣдствіи большой твердости, что онъ окажется на допросѣ, употребляя выраженіе Екатерины, —„суще утопленнымъ“ [3]). Радищевъ вообще былъ слабъ здоровьемъ; во время пребыванія въ Лейпцигѣ онъ подвергся опасной болѣзни [4]); ниже мы увидимъ, каково было здоровье его послѣ суда; письма его показываютъ, что во все время ссылки и въ Сибири, и въ деревнѣ, онъ постоянно хворалъ [5]): здоровье его было совершенно разстроено.

Когда въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“, въ 1865 году были опубликованы матеріалы, относящіеся къ допросу Радищева, то нѣкоторые рецензенты строго отнеслись къ поведенію Радищева во время слѣдствія. Въ этомъ поведеніи видѣли „грустную картину страха“ [6]); въ своихъ показаніяхъ Радищевъ, по мнѣнію другихъ, „выступаетъ нѣсколько въ иномъ

---

[1]) Путешествіе, I изд., 440; II изд., 325; у Шигина стр. 247.
[2]) Арх. 421; Чтен. 76.
[3]) Арх. Вор. V, 409; Чтен. 68.
[4]) „Русск. Старина“, изд. 1872, VI, 572.
[5]) Арх. Вор., кн. V и XII.
[6]) „Голосъ“ 1865, № 317.

свѣтѣ, чѣмъ привыкли многіе его представлять себѣ" [1]). „Признаюсь, продолжаетъ затѣмъ рецензентъ, я скорѣе готовъ допустить, что въ этомъ случаѣ Радищевъ налгалъ на себя, чтобы облегчить свою участь".

Приговоръ такой слишкомъ строгъ. Неумолимые рецензенты не обратили совершенно вниманія на слѣдующія обстоятельства: во первыхъ, на слабое состояніе здоровья Радищева; во вторыхъ, на развращающее вліяніе тюрьмы; въ третьихъ, наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что Радищевъ преслѣдовался за отобранную, сожженную книгу, обвинялся изъ-за нея въ тяжкихъ, какъ увидимъ, преступленіяхъ, а между тѣмъ эта книга, конечно, не составляла цѣли и содержанія жизни Радищева, интересы котораго были такъ разнообразны и широки. Всему дѣлу придали государственное значеніе, слѣдствіе поручили ужасному Шешковскому, и Радищеву грозили еще худшимъ,—государыня велѣла сказать ему: „чтобъ онъ написалъ самъ, какъ говоритъ, что правду любитъ, какъ дѣло было; ежели же не напишетъ правду, тогда принудитъ меня сыскать доказательство, и дѣло его сдѣлается дурнѣе прежняго" [2]). Вмѣстѣ съ этимъ положеніе Радищева было крайне неопредѣленно: неизвѣстно было, въ чемъ его обвинятъ, подъ какіе законы захотятъ подвести его „преступленіе".

Но и помимо всѣхъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, — насколько вѣрно, что поведеніе Радищева — обвиняемаго, „представляетъ грустную картину страха" и больше ничего? Это мы сейчасъ увидимъ.

Чтобы избѣгнуть обвиненія въ умышленномъ умолчаніи, я приведу изъ показаній Радищева все, въ чемъ проявилась его слабость, хотя при этомъ и придется повторять одно и то же.

Уже въ первой извѣстной намъ повинной Радищева отъ 1-го іюля мы читаемъ, что онъ признаетъ въ своей книгѣ „дерзновенныя выраженія и неприличную смѣлость", говоритъ: „проходя, что я писалъ, понимаю мое прегрѣшеніе", или: „гнушаясь моего сочиненія, другаго сказать не могу, какъ что я виновенъ". Онъ сознается, что „не его было дѣло судить", кается, какъ „грѣшникъ терзающійся, о своемъ преступленіи" [3]).

---

[1]) „Русскій Инвалидъ" 1865, № 265.

[2]) Арх. Вор. V, 422; Чтен. 76.

[3]) Арх. кн. Вор. V. 423, 424, 427, 429; Чтенія въ Об. Ист., стр. 92 и слѣд.

Въ другой повинной отъ 6-го іюля Радищевъ восклицаетъ: „если бы возможно было, скитаясь по дворамъ сограждань, денно и нощно молилъ бы ихъ слезно, да истребятъ пагубную мою книгу до послѣдняго листа“ [1])... Въ отвѣтахъ Радищева на вопросные пункты Шешковскаго мы видимъ выраженія, подобныя только что приведеннымъ изъ его повинныхъ. Кн. Воронцова. Онъ говоритъ, что и самъ онъ видитъ, что она (книга) наполнена гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, о чемъ отъ всего сердца сожалѣетъ“. Онъ и тутъ повторяетъ: „судить, признаюсь, не мое было дѣло“; или: „я виноватъ, потому что не могу судить.... а писалъ по сумашествію на то время и сумазбродству своему“. Онъ не одинъ разъ признаетъ выраженія своей книги неумѣренными, безразсудно дерзкими. Онъ показываетъ: „теперь чувствую всю гнусность моихъ изреченій и сколь они дерзновенны, въ душѣ моей гнушаюсь ихъ...; теперь вижу ясно, сколь много въ ней (въ книгѣ) безумнаго, пагубнаго и, словомъ, такого, чего бы мнѣ никогда писать не надлежало“. Отвѣты свои онъ кончаетъ опять такъ: ...„я вижу теперь очень ясно, что оная моя книга наполнена столь гнусными, дерзкими и развратными выраженіями, что почитаю себя достойнѣйшимъ всякаго отъ правосудія ея величества истязанія“ [2]).

Безспорно, что въ приведенныхъ сейчасъ изъ показаній Радищева выпискахъ выражается большая слабость, страхъ. Но вѣдь это только общія фразы,—посмотримъ, какъ отвѣчалъ Радищевъ по отдѣльнымъ вопросамъ изъ его книги. Тутъ дѣло представляется нѣсколько въ иномъ видѣ.

Радищевъ, напримѣръ, нисколько не отступился отъ своего взгляда на крѣпостное право. Правда, онъ соглашается, „что у хорошаго помѣщика крестьяне благоденствуютъ больше, нежели гдѣ либо“, но онъ прибавляетъ къ этому: „а писалъ сіе (т. е. на крѣпостное право) изъ своей головы, чая, что между помѣщиками есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иногда такія предосудительныя дѣянія“ [3])... Въ другомъ мѣстѣ, „какъ истинну онъ самъ показываетъ, чтобъ крестьяне были вольные, то его желаніе было;

---

[1]) Арх. кн. Вор. 429; Чтен. 91.
[2]) Вопросные пункты: 5, 10, 11, 15, 20 и 26.
[3]) Пунктъ 14.

однакожъ располагалъ онъ такъ въ мысляхъ своихъ, что-де сіе сдѣлано будетъ по волѣ всемилостивѣйшей государыни, да и за солдатами конечно попеченіемъ ея императорскаго величества лучшій присмотръ, такъ какъ и строгій съ ними поступокъ, по природному ея императорскому величеству человѣколюбію, отвращенъ будетъ, чему уже есть и начало: о крестьянахъ при заводахъ и фабрикахъ постановлены правила, какъ съ ними поступать, кто ихъ купитъ" [1])...

По другимъ вопросамъ Радищевъ тоже подтверждаетъ Путешествіе, иногда условно.

„Никакого я намѣстника въ виду не имѣлъ, отвѣчалъ онъ по пункту 13-му, а писалъ въ общемъ смыслѣ, если бы гдѣ случилось такому быть, который бы не наблюдалъ высочайшихъ повелѣній, а между тѣмъ наслышась въ народной молвѣ, что будто бы господа намѣстники употребляютъ данную имъ отъ ея императорскаго величества власть, иногда по своимъ пристрастіямъ, не держася высочайшихъ ея императорскаго величества учрежденій". При этомъ Радищевъ иногда впадаетъ въ противорѣчіе: „мысль моя отнюдь тогда не имѣла въ виду, чтобы уничтожить тѣ чины (придворные), а только безъ всякаго соображенія въ душѣ моей полагая такъ, что тѣ чины суть излишніе [2]).

Относительно цензуры во второй извѣстной намъ повинной отъ 6-го іюля Радищевъ говоритъ: „если я писалъ противъ цензуры, то думалъ, что творю доброе; думалъ, что она не нужна и если не будетъ существовать, то обязанный всякъ за себя отвѣтствовать, на цензуру полагаться не будетъ" [3]). Радищевъ высказалъ всю правду по этому вопросу въ „Путешествіи", подтвердилъ ея въ повинной, а отъ него опять требуютъ правды и Екатерина ему грозитъ, что ежели же не напишетъ правду, тогда.... дѣло его сдѣлается дурнѣе прежняго". Радищеву его слѣдователь, слѣпо придерживающійся замѣчаній Екатерины, снова задаетъ вопросъ: „почему вы хотите уничтожить цензуру?" Радищевъ такимъ образомъ видитъ, что его правдой недовольны, что отъ него хотятъ чего-то другаго, и онъ отвѣчаетъ: „признаю мое заблужденіе.

---

[1]) Пунктъ 21.

[2]) Пунктъ 22.

[3]) Арх. Вор. V, 423; Чтен. 65, 3, стр. 91.

Я такъ думалъ, что безъ нея (цензуры) можно обойтиться; но теперь вижу изъ собственнаго своего опыта, что она полезна, потому болѣе, что если она будетъ существовать такъ, какъ законодательница учредить изволила, то подлинно она спасетъ многихъ, подобно мнѣ заблужденно мыслящихъ, отъ таковой погибели, въ которую себя ввергнулъ, истинно отъ слабости своего разсудка" [1]). Въ этомъ отвѣтѣ можно видѣть намекъ Радищева на то, что въ сущности съ него отвѣтственность снята цензурою Управы благочинія.

Оговорками и заявленіями о безуміи, дерзости и проч. Радищевъ заканчиваетъ большую часть своихъ отвѣтовъ, хотя бы они и подтверждали положенія Путешествія.

„Въ чемъ вы опорочиваете вступленіе дворянъ въ службу", спрашиваютъ его [2]). Радищеву приходится объяснять и безъ того ясное мѣсто: „намѣреніе мое клонилось не къ опороченію службы, а только думалъ, что лучше начинать службу въ совершенномъ возрастѣ. Впрочемъ, признаюсь, что выраженія мои на сихъ страницахъ были неумѣстны и не кстати".

На вопросъ о вексельномъ правѣ, по поводу разныхъ „купецкихъ обмановъ", Радищевъ отвѣчаетъ: „что касается до вексельнаго права, то онъ не только оное ничѣмъ не охуждаетъ, но еще одобряетъ, и что писалъ на сей и предыдущей страницѣ, то было одно только о вексельныхъ дѣлахъ простое разсужденіе" [3]).

Такимъ образомъ въ отвѣтахъ Радищева видна двойственность, подобная той, какую я уже указалъ и въ замѣчаніяхъ Екатерины. Радищевъ, больной, напуганный и еще пугаемый, находящійся въ рукахъ кнутобойца Шешковскаго, мучимый полною неизвѣстностью, выказываетъ понятную слабость, отрицается отъ всей своей „пагубной" книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отказывается, не можетъ вполнѣ отказаться отъ отдѣльныхъ положеній, мыслей Путешествія и его истинные взгляды пробиваются въ его отвѣтахъ, можетъ быть, отчасти даже противъ его воли. Эта двойственность вполнѣ проявилась и въ вопросѣ о причинахъ, побудившихъ Радищева написать Путешествіе.

Почему же Радищевъ написалъ Путешествіе?

---

[1]) 23-й вопросный пунктъ.

[2]) 15-й пунктъ.

[3]) Вопросъ 8.

VI.

Мы видѣли выше, что Екатеринѣ хотѣлось появленіе Путешествія, его смѣлое обличеніе и благородныя мысли, все объяснить личными мотивами, свести на мрачное озлобленіе, на неудовлетворенное будто бы честолюбіе Радищева.

Подобное же объясненіе вопроса встрѣчаемъ въ запискахъ Селивановскаго, по словамъ котораго [1]) Радищевъ, „оскорбленный по службѣ, вышелъ въ отставку и написалъ свою Поѣздку"....

Надо замѣтить, что весь разсказъ Селивановскаго о Радищевѣ переполненъ нелѣпостями и грубыми ошибками, къ числу которыхъ, какъ увидимъ, относятся также отставка и озлобленіе Радищева.

Г. Бартеневъ, въ своемъ послѣсловіи къ Житію Ѳедора Васильевича Ушакова [2]), обративъ вниманіе на замѣчаніе Екатерины и на свидѣтельство Селивановскаго, склоняется къ мнѣнію, что Радищевъ писалъ Путешествіе въ отставкѣ [3]).

Возражая г. Бартеневу, г. М. Шугуровъ, въ статьѣ своей „О Радищевѣ" [4]), безспорно доказалъ, что Радищевъ не только не былъ въ отставкѣ, когда писалъ и печаталъ Путешествіе, но что никакого оскорбленія онъ по службѣ не получалъ, а напротивъ, незадолго до написанія Путешествія былъ награжденъ орденомъ, а въ самый годъ напечатанія онъ былъ милостиво повышенъ самою императрицею, именно назначенъ начальникомъ петербургской таможни.

Самъ Радищевъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ: „никогда и никакой не только обиды (со стороны ея императорскаго величества) не чувствовалъ, но всегда носилъ ея на себѣ милости, да и впредь ожидалъ всего моего и всей моей семьи блаженства" [5]).

Въ V книгѣ Архива князя Воронцова г. Бартеневъ помѣстилъ документы, которые тоже несомнѣнно подтверждаютъ, что

---

[1]) Библіогр. Записки 1858, № 17, стр. 518.
[2]) XVIII вѣкъ, II изд., II томъ, стр. 242 и 243.
[3]) Сравни замѣтку къ Запискамъ Винскаго, Русск. Архивъ 1877, I, 150.
[4]) Русск. Арх. 1872 г. стр. 927—953.
[5]) 27-й вопросный пунктъ.

Радищевъ во время изданія Путешествія былъ на службѣ и притомъ былъ хорошо поставленъ въ служебномъ отношеніи, о чемъ говорятъ и оба сына Радищева. Но не смотря на вѣскую статью г. Шугурова, и не обращая вниманія на напечатанныя имъ самимъ же матеріалы, г. Бартеневъ въ замѣткѣ къ Запискамъ Винскаго повторилъ опять свое несправедливое обвиненіе противъ Радищева (Русск. Архивъ 1877, I, 150).

Счастіе для памяти Радищева, что несомнѣнные документы безспорно доказываютъ, что Путешествіе вовсе не было слѣдствіемъ служебныхъ неудовольствій, что невозможно объяснять убѣжденія Радищева личнымъ озлобленіемъ. Не будь этихъ документовъ, подозрѣніе Екатерины, за которое она готова была „объ закладъ биться", подтвержденное клеветою Селивановскаго, запятнало бы личность Радищева, а потомъ много могло бы найдтись въ нашей литературѣ охотниковъ, которые, въ силу этого, стали бы отрицать за Путешествіемъ всякое значеніе.

Обращаюсь теперь къ мнѣнію, высказанному по этому вопросу Лонгиновымъ.

Лонгиновъ въ своей статьѣ [1]) по поводу документовъ, помѣщенныхъ въ Чтеніяхъ 1865 года, основываясь на показаніяхъ самаго Радищева, говоритъ, что Путешествіе написано изъ-за желанія литературной славы.

Дѣйствительно, Радищевъ въ своей первой повинной пишетъ: „изданіе книги не къ чему другому стремилося, какъ быть извѣстну между авторами" [2]). Во второй повинной онъ говоритъ, „что, гоняяся за пустою славою прослыть писателемъ, писалъ" [3]). На вопросъ Шешковскаго Радищевъ отвѣчаетъ: „главное мое намѣреніе въ сочиненіи сей книги состояло въ томъ, чтобъ прослыть писателемъ и заслужить въ публикѣ гораздо лучшую репутацію, нежели какъ объ немъ думали до того" [4]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что писалъ, „единственно хотя себя показать въ родѣ такомъ, что я какъ бы сожалѣю о участи крестьянскаго жребія.... изъ единаго хвастовства" [5]).... Ниже мы

---

[1]) Вѣсть 1865, № 28.

[2]) Арх. Вор. V, 423; Чтен. 1865, кн. 3, стр. 92.

[3]) Тамъ же 428; Чтен. 91.

[4]) Вопросъ 5-й.

[5]) Вопросъ 25-й.

увидимъ, что Радищевъ и на судебномъ слѣдствіи отвѣчалъ: „намѣренія при сочиненіи сей книги другаго не имѣлъ, какъ быть извѣстному въ свѣтѣ между сочинителями и дабы прослыть таковымъ, то есть сочинителемъ остроумнымъ“. Тоже самое показалъ онъ и „по увѣщанію священническому“.

Насколько безусловно можно принять эти заявленія?

Конечно, Радищевъ, издавая Путешествіе, надѣялся пріобрѣсти славу писателя, писателя передоваго по своимъ взглядамъ и требованіямъ; и эта надежда вполнѣ оправдалась. Но признавать въ авторскомъ самолюбіи Радищева—причину и цѣль „Путешествія“, придавать слишкомъ большое значеніе приведеннымъ показаніямъ, принимать ихъ безо всякаго ограниченія, было бы слишкомъ наивно [1]; такъ можно, пожалуй, сказать, что причина и цѣль „Путешествія“ заключается въ желаніи пріобрѣсть барышъ. Радищевъ показываетъ въ первой повинной, что онъ хотѣлъ „изъ продажи книги пріобрѣсть себѣ прибыль“, что и типографію-то онъ завелъ, „зная, сколь великій барышъ многіе получаютъ“. Конечно, нельзя принять подобнаго объясненія.

А между тѣмъ очень легко найти истинную причину, вызвавшую Путешествіе, истинную цѣль, какую имѣло это сочиненіе: для этого нужно только строже отнестись къ оцѣнкѣ матеріаловъ, не ограничиваясь при этомъ двумя, тремя выдержками. Мало того, причину и цѣль Путешествія могло-бы совершенно достаточно и вѣрно объяснить одна цитата изъ посвященія къ самому Путешествію; но въ виду сейчасъ приведенныхъ мнѣній, я считаю необходимымъ подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ.

Для этого обратимся къ юношѣ Радищеву, который только-что пріѣхалъ изъ Лейпцига и привезъ оттуда „вольнолюбивыя мечты, духъ пылкій“. Онъ вернулся въ Россію обогащенный разносторонними научными познаніями, проникнутый широкими гуманными началами просвѣтительной философіи.

Нося въ душѣ своей возвышенные идеалы, Радищевъ столкнулся съ русской дѣйствительностью. Ему, поклоннику свободы

---

[1]) Изъ помѣщаемаго въ приложеніи отрывка изъ сенаторскаго приговора видно, что сенатъ отвергъ показанія эти по очень простой причинѣ: „потому что (Радищевъ) скрылъ въ томъ сочиненіи свое имя“. В. Я.

и равенства, пришлось, сейчасъ же по возвращеніи въ Россію, служить въ канцеляріи сената, т. е. быть окруженнымъ высокомѣрными начальниками и низкопоклонными сослуживцами; онъ, съ идеаломъ высокой честности въ душѣ, попалъ сразу въ омутъ крючкотворства и взяточничества. А что̀ онъ видѣлъ кругомъ, внѣ службы? Ужасы крѣпостнаго права, достигавшаго своего апогея, всеобщее хищеніе, и т. д.

Онъ любитъ свою родину, не смотря на ея недостатки, онъ страдалъ за нея, страдалъ изъ за ея бѣдствій, онъ хотѣлъ помочь ей. У Ѳ. В. Ушакова, своего друга, онъ научился находить —„величайшее услажденіе въ томъ, чтобъ быть отечеству полезнымъ"..[1]). Но что онъ могъ сдѣлать?

Въ слѣдующихъ словахъ Радищевъ самъ описываетъ, какъ сильно было столкновеніе его страстныхъ идеаловъ съ русскою дѣйствительностью.

„Вспомни, обращается онъ къ своему товарищу А. М. Кутузову, вспомни нетерпѣніе наше видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, вспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто безстрастный ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность, или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но если кто, понимая что̀ есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнію для пользы отечества, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ-же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами и волею народовъ, властители! колико вы бываете часто кратко-видцы и близоруки, коликратно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквасъ, воздымающій сердце юности. Единожды смиривъ его, нерѣдко на вѣки содѣлаете калѣкою"[2]).

Радищевъ не сдѣлался нравственнымъ калѣкою. Но онъ не могъ, въ виду всего окружающаго, при страшномъ противорѣчіи

---

[1]) Житіе Ѳ. В. Ушакова,—1-ое изд. стр. 189; изд. 1811 г., ст. 128; въ XVIII вѣкѣ, II томъ стр. 230 (2-ое изд.).

[2]) Житіе Ѳ. В. Ушакова, 1-ое изд., стр. 76—78; XVIII вѣкъ, стр. 203; изд. 1811 г. стр. 50 и 51.

идеаловъ и дѣйствительности,—не могъ удовлетвориться одной служебной дѣятельностью, хотя честно и безкорыстно занимался ею, много трудился и приносилъ много пользы. Сердце его болѣло, но не личнымъ озлобленіемъ отъ житейскихъ неудачъ; оно, да позволено будетъ мнѣ употребить опошлившееся выраженіе,—болѣло гражданскою скорбью.

А. М. Кутузовъ вышелъ изъ этого тяжелаго положенія, отдавшись масонству; но мистицизмъ не подходилъ къ Радищеву и масонство не могло его удовлетворить.

Благодаря своему знакомству съ западной литературой, благодаря своему постоянному обширному чтенію, Радищевъ, окруженный тяжелою петербургскою атмосферою, всетаки продолжалъ находиться въ близкомъ общеніи съ представителями новыхъ идей. И вотъ онъ, въ часы отдохновенія отъ службы, между домашними дѣлами, подъ вліяніемъ своего чтенія, начинаетъ заниматься сочиненіемъ Путешествія, въ которомъ и вылилъ свою скорбь, свою любовь къ родинѣ, все, что у него накипѣло на душѣ... Припомнимъ слова поэта: „difficile est saturam non scribere"...

Вотъ какъ онъ самъ объясняетъ причины, вызвавшія Путешествіе, цѣли, которыя оно должно было преслѣдовать.

„Я взглянулъ окрестъ меня (пишетъ онъ въ посвященіи къ Путешествію) [1]),—душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Уже ли, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истинну на вѣки? Уже-ли сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу отъ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду". Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ,

[1]) Стр. 1 и 2; II-ое изд. стр. 107, 108.; изданіе Шигина, стр. 67—69.

что-бы противиться заблужденію; и—веселіе неизрѣченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благодѣнствіи себѣ подобныхъ.—Се мысль, побудившая меня начертать что читать будешь“.

Эта цитата совершенно опредѣленно рѣшаетъ вопросъ. Къ тому-же самому выводу можно придти и на основаніи слѣдственныхъ показаній Радищева. Не смотря на то, что Радищевъ въ своихъ показаніяхъ прикрываетъ настоящую цѣль своей книги, выставляя на видъ только свое авторское славолюбіе и даже разсчеты на барышъ, всетаки въ его отвѣтахъ не одинъ разъ можно найдти прямыя указанія на истину. Замѣченная нами двойственность показаній вполнѣ отразилась на этомъ вопросѣ.

Въ повинной отъ перваго іюля Радищевъ пишетъ: „я думалъ, въ заблужденіи моемъ что, (приведенныя въ книгѣ описанія) могутъ принести иногда пользу; описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердо“. На вопросъ, зачѣмъ онъ помѣстилъ разсказъ о звѣрскомъ обращеніи извѣстнаго уже намъ помѣщика—ассессора и всего его семейства съ ихъ крестьянами, Радищевъ отвѣчалъ: „описывая сей дурной поступокъ, думалъ, что онъ можетъ воздержать иногда такого человѣка, который бы захотѣлъ поступить такъ дурно. Однако жъ кто бъ это дѣлалъ, того онъ доказать не можетъ, а писалъ сіе по сродной человѣку слабости, чая отъ такихъ дурныхъ поступковъ воздержать“ [1]). Въ другомъ отвѣтѣ, согласясь съ императрицею относительно наилучшаго благоденствія помѣщичьихъ крестьянъ, Радищевъ прибавляетъ: „а писалъ сіе (т. е. охужденіе крѣпостнаго права) изъ своей головы, чая, что между помѣщиками есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности, благонравія, дѣлаютъ иногда такія предъосудительныя дѣянія, и симъ своимъ писаніемъ думалъ дурнаго сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить“ [2]). О другомъ мѣстѣ своей книги Радищевъ объясняетъ, что „написалъ онъ въ томъ мнѣніи, чтобъ дурными поступками съ крестьянами помѣщики отъ сего написанія посрамились“ [3]).

---

[1]) Вопросъ 12-й.
[2]) Вопросъ 14-ый.
[3]) Вопросъ 20-ый.

Вполнѣ такимъ образомъ выяснивъ причину и цѣль Путешествія, или, какъ выражается Екатерина, „подвигъ сочинителя“, я считаю нужнымъ, хоть кратко, остановиться на одномъ вопросѣ, также поднятомъ въ нашей литературѣ относительно появленія Путешествія.

Неужели Радищевъ не подозрѣвалъ, что Путешествіе повлечетъ на него преслѣдованія?

Съ одной стороны, кажется слишкомъ наивнымъ, если Радищевъ думалъ совершенно безнаказанно провозглашать истины, столь смѣлыя для его времени; съ другой стороны, изъ его обморока въ первый день ареста, изъ его показаній надо заключить, что онъ не былъ приготовленъ къ постигшей его судьбѣ, что оборотъ, какой приняло это дѣло, былъ для него неожиданъ.

Дѣло объясняется такъ. Радищевъ зналъ, что Путешествіе можетъ повлечь за собой для него нѣкоторыя непріятности, напр. служебныя, но онъ, конечно, не предполагалъ, что его обвинятъ изъ-за этой книги въ государственной измѣнѣ. Если-бы онъ могъ предвидѣть, что его ожидаетъ такой приговоръ, какой произнесла надъ нимъ Уголовная Палата, что при этомъ почти всѣ экземпляры его книги погибнутъ, то, конечно, онъ не издалъ бы Путешествія. Я говорю это не потому, что-бы считалъ Радищева неспособнымъ на самопожертвованіе, но потому, что онъ, безъ сомнѣнія, не сталъ-бы жертвовать собою и своею дѣятельностью, жертвовать судьбою своей семьи—для того, чтобы пустить въ обращеніе нѣсколько десятковъ своей книги.

Радищевъ издалъ свое Путешествіе, никакъ не ожидая попасть за это въ руки Шешковскаго, тѣмъ болѣе, что книга была „за цензурою“. Какъ могло придти Радищеву въ голову, что онъ можетъ такъ разгнѣвать Екатерину, сочинительницу Наказа,—своими просвѣтительными мыслями? Какъ могъ онъ подумать, что она, которая, по словамъ поэта,

„Съ Вольтеромъ лучшій другъ была“,

окажется такою нетерпимою, подыметъ на него такое гоненіе?

Въ самомъ Путешествіи Радищевъ высказываетъ мнѣніе, что Россія страна, „гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ“ [1]).

---

[1]) Глава Мѣдное, стр. 348; 2-ое изд. стр. 277.

Я счелъ нужнымъ остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ, не относящихся прямо къ процессу Радищева, потому, что рѣшеніе или постановка этихъ вопросовъ, столь важныхъ для оцѣнки нравственной личности Радищева, основывается на разбираемыхъ слѣдственныхъ документахъ.

Послѣ всѣхъ этихъ отступленій, обращаюсь снова къ самому слѣдствію.

VII.

Елизавета Васильевна Рубановская, сестра покойной жены Радищева, заступившая по ея смерти дѣтямъ ея мѣсто матери,— послѣ того какъ Радищевъ былъ арестованъ и порученъ Шешковскому, ежедневно посылала къ этому грозному слѣдователю— „съ гостинцами и всякій день ей приносили одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „Степанъ Ивановичъ приказали кланяться,—все, слава Богу, благополучно, не извольте безпокоиться". Благодаря этимъ гостинцамъ, Елизавета Васильевна получила позволеніе, еще во время слѣдствія, увидаться разъ съ Радищевымъ и, взявъ съ собою его старшаго сына, она сводила его къ отцу въ крѣпость [1]). Вѣроятно, благодаря тѣмъ-же гостинцамъ, Радищевъ не подвергнулся обыкновеннымъ слѣдственнымъ мѣрамъ Шешковскаго.

Двѣ повинныя Радищева рисуютъ намъ его душевное состояніе въ то время, какъ онъ „порученъ" былъ Шешковскому. Не смотря на то, что гостинцы смягчили Шешковскаго, Радищевъ всетаки не могъ быть спокоенъ, разъ попавъ въ руки человѣка, который велъ только особенно важныя слѣдствія; онъ не могъ поэтому ждать хорошаго исхода для своего дѣла, которое приняло къ тому же неопредѣленные размѣры. Подсудимый не зналъ, чѣмъ можетъ кончиться его процессъ, не зналъ въ чемъ его могутъ обвинить. Поэтому онъ очень безпокоился о своей семьѣ. Его тяготила мысль о судьбѣ его дѣтей, о горѣ престарѣлыхъ родителей, нѣжнолюбимой имъ и любившей его матери. Онъ умоляетъ государыню дозволить ему повидаться съ родными. „О семья несчастная, о плачевныя чада, о родители мои любезные! Что должны вы о мнѣ теперь мыслить, видя во мнѣ преступника. О

[1]) „Русск. Вѣстн." 1858 г. дек. кн. 1. стр. 407, 408.

всещедрая государыня! О Ты, Которую милліоны различныхъ народовъ благословляютъ, не лиши, о милосердая, единаго въ жизни бѣдственнаго утѣшенія—зрѣти плачевное мое семейство; вонми моленію несчастнаго, дай зрѣть престарѣлыхъ моихъ родителей“ [1]).

„О семейство несчастное, восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, ты прилегшее къ сердцу моему толико близко, ты чувствуешь скорбь, разлуки во всемъ ея пространствѣ! О несчастный!“ [2]) „Ради престарѣлыхъ родителей и малолѣтнихъ дѣтей“ проситъ Радищевъ помилованія [3]).

За то время, пока слѣдствіе по дѣлу о Путешествіи велъ Шешковскій, до насъ дошли двѣ повинныя Радищева—отъ 1-го и 6-го іюля, два показанія его отъ 7-го іюля и 29 отвѣтовъ по вопроснымъ пунктамъ, снятыхъ 8-го, 9-го и 10-го іюля, наконецъ показаніе его отъ 11-го іюля [4]). Около этого времени окончилось разслѣдованіе Шешковскаго.

XIII.

13-го іюля 1790-года Екатерина обратилась къ петербургскому главнокомандующему графу Брюсу съ слѣдующимъ указомъ: „Графъ Яковъ Александровичъ. Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской. Сочинителемъ сей книги оказался коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѣ цензуры управы благочинія внесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типо-

---

[1]) Арх. кн. Вор. V, с. 428; Чтен. 1865, кн. 3, с. 82.

[2]) Чтенія 1865; 3, с. 90; тоже стр. 97.

[3]) Арх. Вор. V. с. 442; Чтен. с. 89.

[4]) Кромѣ названныхъ показаній мнѣ извѣстно еще показаніе Вальца, относящееся, вѣроятно, къ этому-же времени. Оно помѣщается ниже, въ приложеніи. В. Я.

графіи напечатанную, и потому взять подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить порядкомъ въ палатѣ уголовнаго суда С.-Петербургской губерніи и, заключа приговоръ, взнесть оный въ сенатъ нашъ. Пребываю вамъ благосклонная. „Екатерина". Въ Сарскомъ селѣ" [1]).

15-го іюля въ уголовной палатѣ была получена слѣдующая бумага.

„Отъ главнокомандующаго въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ и во всей онаго губерніи Санктпетербургской губерніи палатѣ уголовнаго суда Предложеніе.

„Получилъ я имянной высочайшій, за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ, отъ 13-го сего мѣсяца, указъ, съ котораго при семъ точную прилагаю копію, равно и упоминаемую въ томъ указѣ книгу пріобщаю, которую, въ уголовной палатѣ господамъ засѣдающимъ и прочесть, не впуская во время чтенія въ присутствіе канцелярскихъ служителей, и по прочтеніи, помянутаго Радищева о подлежащемъ спросить; а какъ онъ находится въ крѣпости, то всякій разъ когда въ немъ будетъ надобность посылать эксекутора губернскаго правленія въ крѣпость, для истребованія его отъ коменданта, а потомъ изъ присутствія отсылать его паки въ крѣпость съ тѣмъ-же эксекуторомъ, и какъ при принятіи такъ и при отправленіи его обратно имѣть всякую предосторожность, которую должно имѣть со столь важнымъ арестантомъ; для привозу его брать наемную карету, которая платима будетъ отъ меня изъ экстраординарной суммы; по разсмотрѣніи-же преступленія сего Радищева и сужденіи узаконеннымъ порядкомъ палата имѣетъ заключить приговоръ и внесть оной ко мнѣ для представленія въ сенатъ. Графъ Брюсъ. 15-го іюля 1790-го года" [2]).

Надо обратить вниманіе на то, что въ палату уголовнаго суда не было прислано ни одного документа по допросу у Шешковскаго; весь результатъ „предварительнаго" слѣдствія выраженъ въ обвиненіяхъ, значущихся въ высочайшемъ указѣ.

---

[1]) Второй листъ дѣла о Радищевѣ;—напечатанъ этотъ рескриптъ въ Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ,—Сочиненія императрицы Екатерины II. Спб. 1850. т. III. с. 393.

[2]) Дѣло о Радищевѣ, листъ 1-ый.

Палата занесла 15-го іюля 1790 г. въ свой протоколъ предложеніе главнокомандующаго; протоколъ этотъ кончается слѣдующими словами: „приказали: означенную приложенную при предложеніи отъ его сіятельства книгу въ присутствіи палаты прочесть, не впуская въ то время отнюдь приказныхъ служителей и по прочтеніи, замѣтя въ чемъ слѣдуетъ, показаннаго совѣтника Радищева спросить, учинить ему о томъ вопросные пункты и для взятья противъ оныхъ съ него Радищева отвѣта истребовать его изъ подъ стражи отъ Санктпетербургскаго оберъ-коменданта чрезъ губернскаго эксекутора съ такою точно предосторожностью какъ въ предложеніи Его Сіятельства написано" [1]).

Затѣмъ палата читала Путешествіе, а 17-го іюля уже предложила Радищеву вопросы, отвѣты на которые писаны собственною рукою Радищева. Привожу этотъ документъ въ подлинникѣ.

„Вопросные пункты, учиненные санктъ-петербургской губерніи въ палатѣ уголовнаго суда коллежскому совѣтнику Александру Радищеву, которому по случаю отдачи его имяннымъ ея императорскаго величества высочайшимъ указомъ подъ судъ сей палатѣ, за содѣянное имъ преступленіе изданіемъ здѣсь книги подъ названіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской, показать о нижеслѣдующемъ:

Вопросъ 1-ый. Въ какомъ намѣреніи сочинили вы оную книгу? [2]).

Отвѣтъ. Намѣренія при сочиненіи сей книги другаго не имѣлъ, какъ быть извѣстному въ свѣтѣ между сочинителями и дабы прослыть таковымъ, то есть сочинителемъ остроумнымъ.

Вопросъ 2-й. Кто имянно вамъ были въ томъ сообщники?

Отвѣтъ. Никого сообщниковъ въ ономъ не имѣлъ.

[1]) Дѣло о Радищевѣ, листъ 2-ій.

[2]) Вопросные пункты скрѣпилъ: „Михайла Пушкинъ".

Вопросъ 3-й. Чувствуете-ли вы важность своего преступленія?

Отвѣтъ. Чувствую во внутренности моей души, что моя книга дерзновенна и приношу въ томъ мою повинность.

Вопросъ 4-й. Сколько напечатано вами оныхъ экземпляровъ и изъ того выпущено въ свѣтъ и кому имянно сами вы раздавали?

Отвѣтъ. Напечатано ея было оной книги около 650 экземпляровъ, не много болѣе или меньше, того утвердительно сказать не упомню. Изъ того числа продано на деньги и промѣнено на книги купцу Зотову двадцать пять экземпляровъ, да роздано мною, два экземпляра г. Козодавлеву для него и для Державина, одинъ прапорщику Дорагану, одинъ ротмистру Олсуфьеву, одинъ иностранцу Вицману, одинъ хотѣлъ дать надзирателю Царевскому, но далъ-ли или нѣтъ того не упомню, одинъ назначилъ въ отсылку къ г. Кутузову, въ Берлинъ, который запечатанный отданъ мною г. Вальцу, но не отосланъ, а какъ я узналъ, что въ городѣ стали ее принимать въ худомъ смыслѣ, то почувствовалъ самъ омерзеніе къ моему сочиненію, экземпляры достальные всѣ сожечь велѣлъ и, по приказу моему, служителемъ моимъ Давыдомъ Фроловымъ сожжены, о чемъ я доносилъ и главнокомандующему сею губерніею при взятьи меня подъ стражу.

Вопросъ 5-й. Объяснить вамъ у сего-же по силѣ указа 768 года октября 20-го дня и о службѣ своей.

Отвѣтъ. Въ малолѣтствѣ моемъ служилъ я при дворѣ ея императорскаго величества пажемъ, и посыланъ былъ въ Лейбцигскій университетъ для обученія на казенномъ иждивеніи; по возвращеніи оттуда въ 1771 году опредѣленъ въ должность протоколиста въ правительствующій сенатъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника; въ 1773-мъ году взятъ въ штатъ его сіятельства графа Якова Александровича Брюса въ оберъ-аудиторы; въ 1775 году вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора; въ 1777 году опредѣленъ въ коммерцъ-коллегію ассессоромъ и происходилъ чинами какъ то значится въ послужномъ спискѣ. Сіе писалъ и руку приложилъ А. Радищевъ.

Значущіеся чины: Осипъ Козодавлевъ, коллежскій совѣтникъ и ордена Св. Владиміра кавалеръ, находится при народныхъ училищахъ. Гаврила Державинъ, статскій дѣйствительный совѣтникъ,

находился (sic) здѣсь въ Петербургѣ. Прапорщикъ Дораганъ находится при таможнѣ въ числѣ опредѣленныхъ для познанія дѣлъ. Сергѣй Олсуфьевъ, ротмистръ конной гвардіи. Вицманъ, имени не знаю, живетъ въ Измайловскомъ полку при школѣ. Александръ Царевскій надзирателемъ при таможнѣ у разъѣзда на судахъ. Алексѣй Кутузовъ отставной преміеръ маіоръ. Г. Вальцъ находится при г. вицеканцлерѣ" [1]).

Козодавлевъ, Олсуфьевъ, Кутузовъ—товарищи Радищева по университету. Съ Державинымъ Радищевъ имѣлъ литературныя сношенія: Державинъ получилъ отъ Радищева раньше и Житіе Ушакова [2]). Чтó-же касается до Вицмана, то надо думать, что это одинъ изъ лейпцигскихъ учителей Радищева, принимавшій большое участіе въ нашихъ студентахъ и пріѣхавшій отъ нихъ въ Россію для того, чтобы довести до свѣдѣнія петербургскаго правительства жалобы нашихъ студентовъ на своего воспитателя Бокума [3]).

Палата не удовольствовалась привéденными отвѣтами Радищева и того-же 17-го іюля постановила: „какъ означенный коллежскій совѣтникъ Радищевъ въ отвѣтахъ своихъ показываетъ, что при сочиненіи показанной книги намѣренія другаго онъ не имѣлъ какъ быть извѣстному въ свѣтѣ между сочинителями и прослыть сочинителемъ остроумнымъ, а также въ ономъ и сообщниковъ никого не было и для того въ томъ учинить ему увѣщаніе священническое" [4]).

Постановленіе это приведено въ исполненіе черезъ день.

„1790 года іюля 19-го дня, въ присутствіи палаты уголовнаго суда по увѣщанію священническому показывалъ, что значущую въ отвѣтѣ моемъ книгу сочинилъ ни въ какомъ злоумышленномъ намѣреніи, но единственно, чтобы прослыть писателемъ, а также сообщниковъ въ сочиненіи оной никого не имѣлъ; въ чемъ и подписуюсь Александръ Радищевъ".

---

[1]) Дѣло о Радищевѣ, листы 4-ый и 5-ый.

[2]) Арх. кн. Вор. V, стр. 221.

[3]) Сравни разсказъ „Житіе Ушакова" (I изд. стр. 44 и 75; изд. 1811 г. стр. 49; въ Сборн. XVIII вѣкъ стр. 205) съ донесеніемъ Бокума въ X-мъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества.

[4]) Дѣло о Радищевѣ. листъ 6-ой.

„Онаго Радищева увѣщевалъ церкви Вознесенія Господня священникъ Матѳей Ивановъ, 1790-го года іюля 19-го числа" [1]).

Палата уголовнаго суда сосредоточила все свое вниманіе на одномъ вопросѣ: ей хотѣлось открыть сообщниковъ Радищева. Поэтому она обратилась къ разслѣдованію, кому достались розданные экземпляры Путешествія, къ допросу этихъ лицъ.

Прежде всего она поручила управѣ благочинія допросить служителя Радищева, Давыда Фролова. Фроловъ вполнѣ подтвердилъ показаніе своего господина [2]).

Чрезъ губернское правленіе палата отобрала показанія отъ Дорагана, Царевскаго и отъ Петра Кутузова, мѣщанина, которому Царевскій далъ Путешествіе [3]).

Всѣ эти показанія не дали ничего важнаго. Но у Царевскаго былъ отобранъ экземпляръ Путешествія, оказавшійся съ поправками на поляхъ. Это привлекло вниманіе засѣдателей уголовной палаты: они надѣялись черезъ это открыть сообщниковъ Радищева. Поэтому Царевскій былъ лично призванъ для вторичнаго допроса въ самомъ засѣданіи палаты. Изъ его заявленія оказалось, что онъ, придя разъ давать дѣтямъ Радищева урокъ, самъ взялъ на столѣ экземпляръ Путешествія, который и оказался съ поправками и помарками [4]). Такимъ образомъ дѣло объяснилось просто и Царевскій не оказался „соучастникомъ". Но палата изъ показаній Царевскаго узнала, что книгу набиралъ досмотрщикъ Богомоловъ и постановила допросить Богомолова. Это обстоятельство ясно доказываетъ, что слѣдствіе, произведенное Шешковскимъ, не было доставлено въ палату, такъ какъ Радищевъ на третій вопросъ Шешковскаго прямо назвалъ Богомолова. Палата также осталась въ совершенномъ невѣдѣніи о Мейснерѣ, носившемъ Путешествіе въ цензуру, а потому и не допрашивала его.

Спрошенный Богомоловъ показалъ, что онъ дѣйствительно набиралъ Радищеву его книгу, но изъ показаній его нельзя было вывести обвиненія въ сообщничествѣ и палата даже не стала

---

[1]) Дѣло о Радищевѣ, листъ 7 ой.

[2]) Тамъ-же, листы 12-ый, 13-ый и 14-ый.

[3]) Тамъ-же, листы 15—18.

[4]) Тамъ-же, листы 19 и 20.

допрашивать какого-то Пучина, участвовавшаго, по словамъ Богомолова, въ печатаніи [1]).

Не придя изъ допросовъ Царевскаго и Богомолова ни къ какимъ результатамъ, палата обратилась къ поправкамъ, сдѣланнымъ на отобранной у Царевскаго корректурной книгѣ, и подвергла Радищева новому допросу по этому поводу.

„Корректура моей книги, читаемъ собственноручное показаніе Радищева, дѣлана мною дѣйствительно вся и всѣ поправки, которыя въ оной находятся, дѣлалъ я своею рукою. Если иныя мѣста и кажутся отмѣнны, то для того, что писаны рачительнѣе, дабы наборщикъ не могъ ошибиться, и не было-бы нужды дѣлать еще поправки, въ чемъ и подписуюсь. Александръ Радищевъ.

Іюля 24-го дня 1790 года [2]).

На слѣдующемъ за этимъ показаніемъ листѣ читаемъ:

„таковыхъ
немѣдля
благородія
черезъ службу военную и гражданскую
даетъ
онъ
нашелъ случай
являя того
оного
запоешъ

---

[1]) Дѣло о Радищевѣ, л. 21 и 22.—Въ Чтеніяхъ 1865 года, кн. 3, стр. 101 напечатано показаніе Радищева, отъ 17-го іюня 1790 года.—„Господинъ Радищевъ спрошенъ былъ: къ Кутузову въ чужіе края съ каковымъ намѣреніемъ послалъ извѣстную книгу?" Радищевъ отвѣчаетъ, что послалъ просто по дружбѣ, вовсе не для печатанія заграницей, что Кутузовъ никакого участія въ сочиненіи не имѣлъ и „если бы Кутузовъ получилъ сію книгу, то онъ-бы его, конечно, не похвалилъ, и выбранилъ" и т. д. Этого показанія въ подлинномъ дѣлѣ уголовной палаты нѣтъ, хотя дѣло пронумеровано и всѣ нумера и бумаги, значущіяся въ описи, цѣлы. Такъ какъ трудно предположить, что это показаніе по небрежности было пропущено при составленіи дѣла для отсылки въ сенатъ, то остаются два объясненія: или дата этого показанія невѣрно передана, или Радищева, даже во время слѣдствія въ уголовной палатѣ, продолжалъ допрашивать Шешковскій,—продолжалось слѣдствіе, которое я назвалъ выше „предварительнымъ".

[2]) Дѣло о Радищевѣ, листъ 23-й. В. Я.

ни во что

онъ

двое

будто

что

женство

Смерть Ова Дѣй. V явленіе I.

или еще одинъ невольникъ въ прибавокъ но

многимъ другимъ или змія за пазухой".

„Сіе писалъ іюля 24 дня въ присутствіи палаты уголовнаго суда коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ. Секретарь Петръ Поповъ" [1]).

Палата такимъ образомъ не удовольствовалась простымъ показаніемъ Радищева, а заставила его написать при ней на отдѣльномъ листѣ слова, казавшіяся ей въ корректурѣ „отмѣнными", чтобы вполнѣ удостовѣриться, что это дѣйствительно „рачительный" почеркъ Радищева, что тутъ не скрывается никакого сообщника.

Этимъ и окончилось судебное слѣдствіе въ уголовной палатѣ. Оно не дало ничего важнаго; оно было только пустою формальностью. Даже указанное мною стараніе открыть сообщниковъ Радищева не было въ палатѣ очень сильно: она, напр., не допрашивала Радищева о способѣ печатанія и потому не узнала, какъ мы видѣли, ничего о Мейснерѣ, о послѣцензурныхъ вставкахъ; она не допрашивала даже Зотова, о которомъ знала изъ свидѣтельскихъ показаній и проч.

Не смотря на недостатокъ данныхъ, палата постановила относительно Радищева очень опредѣленный приговоръ, руководствуясь тѣми обвиненіями, которыя выставлены въ именномъ указѣ. Приговоръ заключается такими словами:

„... Приказали какъ въ имянномъ ея императорскаго величества высочайшемъ указѣ сказано, что коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ издалъ здѣсь книгу сочиненія своего подъ названіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой об-

[1]) Дѣло о Радищевѣ, листъ 24-й.

щественный и умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и наконецъ оскорбительными неистовыми изражениями противу сана и власти царской, въ палатѣ-же уголовнаго суда онъ, Радищевъ, хотя и показалъ, что чувствуетъ во внутренности своей души, что та книга его дерзновенна и приноситъ въ томъ свою повинность да и что сочинилъ онъ ее не въ злоумышленномъ намѣреніи, но единственно только, чтобы прослыть сочинителемъ остроумнымъ, но однакожъ палата разсматривая оную книгу находитъ, что она показываетъ совсѣмъ тому противное, а потому его Радищева за сіе его преступленіе палата мнѣніемъ и полагаетъ лиша чиновъ и дворянства, отобравъ у него знакъ ордена святаго Владиміра 4 степени, по силѣ уложенія 22 главы 13 пункта воинскихъ 20, 127, 135, 137, 149 артикуловъ и 101 толкованія, а также морскаго устава 5 книги 14 главы 103 артикула и на оный толкованія,—казнить смертію, а показанныя сочиненія его книги сколько оныхъ отобрано будетъ истребить; но какъ по силѣ состоявшагося 1785 года апрѣля 21 дня дворянскаго положенія въ 13 статьѣ сказано, что дѣло благороднаго впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства или чести или жизни да невершится безъ внесенія въ сенатъ и конфирмаціи императорскаго величества и для того сей палаты приговоръ (оставя въ палатѣ таковой же) и дѣло съ имѣющеюся въ палатѣ сочиненія того Радищева книгою и присланнымъ при сообщеніи изъ губернскаго правленія 23 числа сего мѣсяца экземпляромъ оной книги съ приписками и приправками, по силѣ указа 1784 года маія 29 дня, для представленія въ правительствующій сенатъ внесть къ главнокомандующему его сіятельству господину генералъ-аншефу и разныхъ орденовъ кавалеру графу Якову Александровичу Брюсу“ [1]).

Приговоръ этотъ состоялся окончательно 24-го іюля, а 25-го все дѣло было послано главноуправляющему [2]).

---

[1]) Дѣло о Радищевѣ, листы 39 и 40.

[2]) Тамъ-же, листъ 41-й.

IX.

Радищевъ скоро узналъ о произнесенномъ надъ нимъ приговорѣ. Его завѣщаніе, написанное не позднѣе 27-го іюля 1790 г., начинается такъ: „Совершилося!“

Завѣщаніе состоитъ изъ наставленій, обращенныхъ къ дѣтямъ, изъ распоряженій по имѣнію. Оно оканчивается слѣдующимъ: „Батюшку и матушку просить, чтобы они не оставили моихъ дѣтей и простили бы несчастному ихъ сыну печаль, въ которую онъ ихъ повергаетъ. Батюшку просить также, чтобы всѣхъ моихъ людей отдалъ въ распоряженіе Елизаветы Васильевны, чтобы пожаловалъ отпускныя за долговременную ихъ и безпорочную службу при мнѣ, людямъ моимъ, Петру Иванову и Давыду Фролову съ женами ихъ, и отпускныя отдалъ-бы въ распоряженіе Елизаветы Васильевны. Увѣренъ, что и они не оставятъ дома моего до возраста совершеннаго моихъ дѣтей. Исходатайствовать отпускную Марьѣ Дементьевой за заслуги умершаго ея мужа. Елизавету Васильевну прошу дѣвку ея Анну Дороѳееву отпустить замужъ по ея желанію.

„Дѣтей моихъ несчастныхъ повергаю предъ престолъ милосердія ея императорскаго величества. У всѣхъ моихъ родственниковъ просить за меня прощеніе, если я чѣмъ либо ихъ оскорбилъ.

„За симъ возлюбленные мои, прижмите меня къ сердцу вашему и, если то возможно, забудьте несчастнаго“ [1]).

Въ дополненіи къ своему завѣщанію, помѣченномъ 27-го іюля, послѣ добавочныхъ распоряженій относительно судьбы семейства, Радищевъ говоритъ: „Простите, мои возлюбленные! Ахъ, можете-ли простить несчастному вашему отцу и другу горесть, скорбь и нищету, которую онъ на васъ навлекаетъ? Душа страждетъ при сей мысли необычайно и ежечастно умираетъ. О если бы я могъ васъ видѣть на одно мгновеніе. Если-бъ могъ слышать толико сладостные для меня глаголы устъ вашихъ! О если бы я слышать могъ изъ устъ вашихъ, что вы мнѣ отпускаете мою вину... О мечта!...“ Онъ кончаетъ такъ: „О пробужденіе, я ихъ врагъ! Отъ кого они скорбятъ? Отъ меня... Несчастный!“ [2])

---

[1]) Чтенія 1865, кн. 3, стр. 99.

[2]) Тамъ-же, стр. 100 и 101.

Въ письмѣ къ Шешковскому, которое написано около того-же времени, Радищевъ точно также высказываетъ свою заботу о судьбѣ дѣтей и родныхъ, проситъ сдѣлать нѣкоторыя имущественныя распоряженія; проситъ свиданія съ родными, какъ послѣдней милости, высказываетъ, какъ онъ мучится своимъ „противъ нихъ преступленіемъ“.

Между тѣмъ главнокомандующій взнесъ дѣло въ сенатъ и оно слушалось тамъ 31-го іюля, а обсуждалось 1-го и 7-го августа. Въ сенатъ было доставлено судебное слѣдствіе уголовной палаты, но и ему также осталось неизвѣстнымъ предварительное, или, точнѣе, тайное слѣдствіе.

Сенатъ призналъ приговоръ уголовнаго суда правильнымъ и постановилъ, до высочайшаго указа о смертной казни, Радищева, „заключивъ въ кандалы сослать въ каторжную работу, но не въ Кронштадтъ, куда по имянному вашего императорскаго величества указу 1785 года августа 20-го дня изъ С.-Петербургской губерніи преступниковъ отсылать повелѣно, а въ Нерчинскъ для того, дабы таковымъ его удаленіемъ отъять у него способъ къ подобнымъ сему предпріятіямъ. Болѣе-же сенатъ по содержанію упомянутой пожалованной дворянству грамоты статьи 13-й передаетъ въ монаршее вашего императорскаго величества благоволеніе и имѣетъ ожидать высочайшаго указа“ [1]).

11-го августа докладъ этотъ былъ представленъ императрицѣ. Храповицкій записалъ подъ этимъ числомъ... „Докладъ о Радищевѣ; съ примѣтною чувствительностью приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною и объявить, дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю“. Дѣйствительно, 19-го августа докладъ сената былъ прочитанъ въ государственномъ совѣтѣ. „А при взнесеніи сего доклада гофмейстеръ гр. Безбородко... объявилъ, что ея и. в. высочайше указать изволила, поданный отъ правительствующаго сената докладъ о преступленіи коллежскаго совѣтника Радищева предложить совѣту на разсмотрѣніе, съ замѣчаніемъ, что тутъ выписаны всѣ законы кромѣ присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился; при чемъ объявить, что ея в. презираетъ все, что въ зловредной его Радищева книгѣ оскорбительнаго особѣ ея высказано“.

---

[1]) Смотри приложеніе III.

Совѣтъ, выслушавъ докладъ,—„сличая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находилъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное" [1]).

Екатерина долго не давала окончательнаго рѣшенія по дѣлу Радищева. Наконецъ 4-го сентября 1790 года былъ данъ сенату слѣдующій именной указъ.

„Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ, Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги подъ названіемъ: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ, прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ С.-Петербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни; и хотя, по роду толь важной вины, заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ, означенными мѣстами ему приговоренную; но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединять правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо имперіи, отъ Него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ со Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимской острогъ на десятилѣтнее безъисходное пребываніе; имѣніе-же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ" [2]).

[1]) Архивъ госуд. совѣта т. I, Спб. 1869, стр. 737.
[2]) Полн. Собр. законовъ, № 16901.

Итакъ Радищевъ былъ помилованъ: смертная казнь была ему замѣнена десятилѣтнею ссылкою въ одно изъ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ мѣстъ Сибири.

X.

Познакомившись съ полнымъ ходомъ всего процесса Радищева, подведемъ итогъ общему характеру этого процесса.

Прежде всего надо замѣтить, что злодѣяніе Радищева,—если ужъ признать изданіе „Путешествія" злодѣяніемъ,—не было преступленіемъ, т. е. нарушеніемъ закона, не было предусмотрѣно закономъ. Это ясно видно уже изъ того, какіе законы приведены противъ Радищева въ приговорѣ уголовной палаты: уложенія 22-й главы пунктъ 13-й: „А которые воры чинятъ въ людяхъ смуту и затеваютъ на многихъ людей воровскимъ своимъ умышленіемъ затейные дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнити смертію".

Радищевъ ни въ какой смутѣ, ни въ какихъ затѣйныхъ дѣлахъ не виновенъ. Но это статья еще одна изъ наиболѣе подходящихъ. Кромѣ нея заключеніе приговора приводитъ еще артикулы морскаго и воинскаго уставовъ Петра Великаго. Изъ нихъ въ 20-мъ артикулѣ воинскаго устава говорится о прямомъ оскорбленіи его императорскаго величества, чего въ Путешествіи, конечно, не было, а остальные говорятъ о измѣнѣ и о личныхъ пасквиляхъ, т. е. нисколько не подходятъ къ Путешествію.

Если обратить вниманіе не только на статьи, приведенныя въ самомъ заключеніи, но разсматривать и тѣ статьи, которыя помѣщены въ приговорѣ раньше [1]), то еще яснѣе будетъ, что поступокъ Радищева не можетъ быть никакъ подведенъ подъ приводимые противъ него законы. Если-же обратиться еще къ тѣмъ законамъ, которые были выписаны въ палатѣ уголовнаго суда для соображенія съ дѣломъ [2]), то останется только удивляться, какимъ образомъ хотѣли приложить къ поступку Радищева эти законы! Для примѣра я приведу нѣкоторые изъ нихъ:

---

[1]) Дѣло о Радищевѣ, листы 36—39.

[2]) Тамъ-же, листы 26—35.

Уложенія 2-й главы пунктъ 1-й. „Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на государское здоровье злое дѣло и про то его злое умышленіе кто извѣститъ и потому извѣту про то его злое умышленіе сыщется до пряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ и такова по сыску казнити смертію".

Пунктъ 2-й. „Такъ-же будетъ кто при державѣ царскаго величества, хотя Московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти, и для того своего злова умышленія начнетъ рать сбирати, или кто царскаго величества съ недруги учнетъ дружитися и т. д., и такова измѣнника по тому же казнити смертію".

Особенно замѣчателенъ одинъ воинскій артикулъ, толкованіе на который приводится даже въ самомъ заключеніи приговора и который начинается такъ: „Когда крѣпости или шанцы штурмованы будутъ, а начальники съ солдатами уступятъ прежде, пока они крайнюю силу учинили, и прибочное свое оружіе употребили, и съ непріятелемъ какую стычку имѣли, и отъ онаго отогнаны" и проч [1]).

Вообще видно, что засѣдатели уголовнаго суда были въ большомъ затрудненіи, какой законъ приложить къ Радищеву; но, зная изъ высочайшаго указа объ отдачѣ Радищева подъ судъ и изъ предложенія по этому поводу графа Брюса, что правительство смотритъ на подсудимаго, какъ на человѣка крайне-опаснаго, они рѣшились выбрать изъ законовъ почти всѣ мало-мальски подходящія статьи, которыя кончались: „казнити смертію", имѣя на это, быть можетъ, даже особыя наставленія.

Сенатъ призналъ всѣ приведенныя въ приговорѣ палаты статьи подходящими и добавилъ ихъ еще одною изъ морскаго устава, прежде выписанною въ уголовной палатѣ, но потомъ пропущенной въ приговорѣ [2]). И сенатъ нельзя за это обвинять: вставленная имъ статья нисколько не меньше шла къ дѣлу, чѣмъ остальныя, помѣщенныя въ приговорѣ палаты и тоже назначала смертную казнь: „оный живота лишится".

Въ чемъ собственно обвиненъ былъ Радищевъ по суду?

---

[1]) Воинскаго устава артикулъ 101.

[2]) Морскаго устава, 5-й книги, 13-й главы, 92-я статья.

Мы знаемъ, что судебное слѣдствіе не доставило уголовной палатѣ никакихъ существенныхъ данныхъ. Немудрено поэтому, что въ заключеніи ея приговора, приведенномъ уже выше, повторяются дословно только тѣ неопредѣленныя обвиненія, какія высказаны въ высочайшемъ указѣ объ отдачѣ Радищева подъ судъ, т. е. тѣ обвиненія, которыя мы видѣли еще въ примѣчаніяхъ Екатерины.

Сенату пришлось повторить то-же самое въ своемъ докладѣ, почти безъ измѣненія.

Государственный совѣтъ прибавилъ къ этому, согласно предложенію императрицы, обвиненіе въ нарушеніи присяги.

Обратимся теперь къ вышеприведенному высочайшему указу отъ 4-го сентября, къ указу о помилованіи Радищева.

Этотъ указъ говоритъ, что уголовная палата и сенатъ обвинили Радищева въ „преступленіи противу присяги и должности подданнаго" и сверхъ того въ „лживомъ поступкѣ", такъ какъ онъ прибавилъ послѣ цензуры многіе листы. Перваго изъ этихъ обвиненій именно и недоставало въ приговорѣ палаты и докладѣ сената и оно было прибавлено уже въ государственномъ совѣтѣ, по указанію императрицы, т. е. собственно ею самою. Втораго обвиненія тоже вовсе нѣтъ ни въ приговорѣ уголовнаго суда, ни въ сенатскомъ докладѣ, такъ какъ судебное слѣдствіе не дало для него ровно никакихъ данныхъ, а сказанное объ этомъ вскользъ въ указѣ объ отдачѣ Радищева подъ судъ было упущено судьями изъ виду. Разберемъ теперь насколько справедливы сами по себѣ обвиненія, взнесенныя указомъ 4-го сентября 1790 г. на Радищева.

Онъ обвиняется въ преступленіи противъ присяги потому, что его книга стремилась къ нарушенію общественнаго спокойствія, къ произведенію народнаго негодованія. Короче, Радищевъ обвиняется въ воззваніи къ возмущенію.

Книга Радищева, по выраженію кн. Е. Р. Дашковой, была „набатомъ революціи".

Было-ли это такъ въ дѣйствительности, могло-ли Путешествіе вызвать какія-либо волненія? Могъ-ли этотъ набатъ поднять кого-нибудь, могъ-ли онъ привести къ революціи?

Въ Путешествіи, дѣйствительно, есть двѣ фразы, показывающія, что Радищевъ, въ виду неимовѣрной тягости крѣпостнаго

права, желалъ, для уничтоженія этого зла, даже крестьянскихъ волненій.

„Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы... Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ будетъ, если того захочетъ"... [1]) Екатерина замѣчаетъ на эти слова: „суть примѣчанія достойны суще возмутительны".

Въ другомъ мѣстѣ: „свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія" [2]). „То есть, поясняетъ Екатерина, надежду полагаетъ на бунтъ отъ мужиковъ".

Радищевъ въ своихъ показаніяхъ [3]) иначе истолковалъ это мѣсто: „писавъ сіе, я то разумѣлъ: еслибъ случилось, что дворяне будутъ своихъ крестьянъ отягощать чрезмѣрно и тогда высшая императорская власть ихъ отъ онаго отягощенія избавитъ".

Конечно, объясненіе Екатерины вѣрнѣе, и смыслъ обѣихъ приведенныхъ фразъ одинъ и тотъ-же, но развѣ эти фразы показываютъ что-нибудь, кромѣ крайней ненависти къ крѣпостному праву? Развѣ эти фразы или какія-бы то ни было другія могли произвести возстаніе или хоть просто неудовольствіе въ народѣ?

Радищевъ совершенно вѣрно говоритъ въ своей повинной: „Если кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается. Первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ для простаго народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина. И можетъ-ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ? Возмогъ-ли я помыслить, что почесть меня такимъ возможно?" [4])

Въ этихъ словахъ Радищевъ вполнѣ вѣрно доказалъ, что онъ не могъ и думать о возмущеніи, что бояться возстанія народа по причинѣ подражанія Іорикову путешествію—невозможно.

Можетъ быть, Екатерина боялась, что „французскій ядъ" Путешествія заразитъ такое количество „отчинниковъ", что черезъ нихъ пойдетъ смута между крестьянами?

---

[1]) Путешествіе, 1-е изд. стр. 218, 2-е изд. стр. 214.
[2]) Тамъ-же, I-е изд. 349; II-е изд. 278.
[3]) Вопросный пунктъ 25-й.
[4]) Арх. кн. Вор. V, 428; Чтен. 1865, кн. 3, стр. 92.

Но она сама писала о Радищевѣ: „уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ да никто не послушаетъ“ [1]).

И мы теперь, зная послѣдующую исторію крѣпостнаго права, исторію освобожденія крестьянъ, не можемъ, конечно, не признать этихъ словъ Екатерины пророческими...

Путешествіе не содержало въ себѣ ничего возмутительнаго. Оно разгнѣвало, возмутило Екатерину лишь потому, что она уже отвернулась отъ просвѣтительныхъ философскихъ началъ XVIII вѣка. Перемѣнивши свои убѣжденія, отказавшись отъ дальнѣйшихъ реформъ, считая, что „лучшее—врагъ нынѣшняго добраго“, Екатерина по этому самому должна была сдѣлаться охранительницей всего существовавшаго, и изъ боязни рѣзкихъ перемѣнъ брать подъ свою защиту даже существовавшее тогда зло.

Повторяю, въ книгѣ Радищева нѣтъ ничего возмутительнаго, никакого нарушенія присяги. Въ этомъ долженъ убѣдиться всякій, кто прочтетъ Путешествіе.

Покойный Лонгиновъ, не расположенный вообще къ Радищеву, находитъ, что Путешествіе, кромѣ вопроса о крѣпостномъ правѣ, содержитъ въ себѣ „общія мѣста о несправедливости судовъ и порокахъ администраціи, ни для кого неопасныя, и наконецъ сентенціи объ обязанностяхъ земныхъ владыкъ“ [2]). Въ этомъ, конечно, нельзя видѣть ни нарушенія присяги, ни оскорбленія величества.

Но если даже признать содержаніе Путешествія преступнымъ, то и въ такомъ случаѣ Радищевъ не могъ быть за это судимъ, наказываемъ: онъ издалъ свою книгу съ дозволенія цензуры и вся отвѣтственность за ея содержаніе падала на цензора. Радищевъ именно на это и намекалъ въ своихъ вышеприведенныхъ отвѣтахъ о цензурѣ [3]). Это хорошо понимали и обвинители Радищева и потому особенно напирали на его признаніе, что онъ при печатаніи дѣлалъ измѣненія противъ цензурованной рукописи.

Такимъ образомъ мы пришли ко второму обвиненію, взводимому на Радищева указомъ 4-го сентября 1790-го года.

Посмотримъ-же виноватъ-ли Радищевъ въ „лживомъ по-

[1]) Чтен. стр. 75; Арх. Вор. 419.
[2]) „Вѣсть“ 1865 г., № 28.
[3]) Арх. кн. Вор. V, 428 и 433; Чтен. 1865 г., кн. 3 стр. 87 и 92.

ступкѣ", много-ли, дѣйствительно, прибавилъ онъ въ своей книгѣ послѣ цензуры и насколько важны эти прибавки. Обвиненіе Радищева въ измѣненіи процензурованнаго текста основано только на его личномъ признаніи, въ истинѣ котораго сомнѣваться нѣтъ никакого основанія. Часть корректуры была въ рукахъ слѣдователей, но мы нигдѣ не встрѣчаемъ съ ихъ стороны опроверженія этого признанія. Напротивъ, разбираемый указъ 4-го сентября, также какъ и рескриптъ 13-го іюля, именно ссылается на это признаніе.

Вотъ всѣ показанія Радищева по этому вопросу.

Еще въ первой своей повинной онъ писалъ: „Сколько изъ головы вспомнить могу, прибавленія въ статьяхъ: Спаская Полѣсть въ разговорѣ присяжнаго, въ статьѣ Подберезье, въ семинаристской тетрадкѣ, которой, если не ошибаюсь, въ цензурѣ не было. Въ статьѣ Торжокъ только прибавлено окончаніе о цензурѣ и новыя о ней учрежденія; въ статьѣ Черная Грязь я конецъ не помѣстилъ, ибо показался мнѣ дуренъ, а на мѣсто того Слово о Ломоносовѣ, равнымъ образомъ за цензурою". Вообще, всѣ перемѣны Радищевъ дѣлалъ только тогда, „естьли ему казалося что нехорошее" [1]).

На третій вопросный пунктъ о цензурѣ Путешествія Радищевъ отвѣчалъ, что „послѣ цензуры перемѣнялъ только рѣченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однакожъ важности не заключалось и которыя всѣхъ точно упомнить не можетъ". Радищевъ потомъ вспомнилъ ихъ и въ дополненіе къ этому вопросу показалъ: „напечатанныя безъ цензуры, если хорошо припомнить могу, суть слѣдующія мѣста:

Отъ стр. 42 до 48 въ разговорѣ присяжнаго во многихъ мѣстахъ.

Отъ стр. 86 до 98, кажется, также я много прибавлялъ, но точно утвердить не могу.

Отъ стр. 105 до 112 все прибавлено, если не ошибаюсь.

Отъ стр. 148 до 153 также прибавлено.

Въ повѣствованіи о цензурѣ знаю, что прибавлено о новѣйшихъ о ней положеніяхъ, но точно что не упомню.

Перемѣненъ конецъ стр. 418 и стр. 419 почти вся.

---

[1]) Арх. Вор. V, 424, 425; Чтен. с. 93.

Болѣе-же прибавокъ не припомню, а знаю, что были поправляемы малыя рѣченія или правописанія".

Въ указанныхъ мѣстахъ важности, дѣйствительно, нѣтъ, еслибы онѣ даже цѣликомъ были вставлены безъ цензуры, а онѣ только измѣнены. Если-бы ихъ совсѣмъ не было, то общій характеръ книги отъ этого нисколько не измѣнился-бы.

Отъ 42-ой до 48-ой страницы идетъ разсказъ о намѣстникѣ, который посылалъ за „устерсами" курьеровъ на казенный счетъ и награждалъ ихъ за это чинами [1]).

Отъ 86 до 98 страницы говорится о недостаточности семинарскаго образованія и объ успѣхахъ просвѣщенія человѣчества [2]).

На 105 стр. и до 112-ой дѣло идетъ о „купецкихъ обманахъ [3]).

На 148 стр. и до 153 говорится о свадьбѣ старой закладчицы съ барономъ Дурындинымъ [4]).

Конецъ „о цензурѣ" не сильнѣе нападаетъ на это учрежденіе, чѣмъ начало [5]).

418 и 419 страницы представляютъ просто литературный переходъ къ новому предмету, — вступленіе къ „Слову о Ломоносовѣ" [6]).

И объ этихъ-то незначительныхъ измѣненіяхъ, не повліявшихъ на характеръ книги, Екатерина замѣчаетъ: „прибавить къ книги послѣ подписи подписавшаго есть лживый поступокъ и бездѣльство"! [7]) И эти-то перемѣны выставляются указомъ 4-го сентября, какъ одна изъ двухъ причинъ осужденія Радищева на смертную казнь!

Г. Бартеневъ, въ послѣсловіи къ Житію Ушакова, не особенно стоящемъ за Радищева, высказываетъ вѣрный взглядъ на эти измѣненія, сдѣланныя Радищевымъ въ процензурованномъ текстѣ: „извѣстно, что то-же самое дѣлаетъ всякій тщательный издатель. Слѣдовательно, по строгой буквѣ закона, виноватъ былъ Рылѣевъ, а не Радищевъ" [8]).

---

[1]) II-ое изд. стр. 129 и 130; изд. Шигина стр. 98—100.

[2]) II-ое изд. с. 149—155; Шигинъ. 109—115.

[3]) II изд. 159—162; Шигинъ 118—123.

[4]) II-ое изд. 179 до 182; Шигинъ 137—140.

[5]) I-ое изд. 306—340; изд. II. 256—273; у Шигина пропущена вся глава (Торжокъ).

[6]) II-ое изд. 314 и 315; Шигинъ, 231 и 232.

[7]) Чтен. 1865, кн. 3, с. 77; Арх. Вор. V, 422.

[8]) XVIII вѣкъ, II т., 243 (2-ое изд.).

XI.

Мнѣ уже дважды приходилось говорить о причинахъ и характерѣ отношеній Екатерины къ дѣлу Радищева.

Теперь я хочу сказать о внѣшней сторонѣ этихъ отношеній.

Нѣкоторые ставятъ Екатеринѣ въ заслугу ея примѣчанія на книгу Радищева, видятъ въ этомъ благородный пріемъ,—литературное опроверженіе литературнаго врага. Дѣйствительно, если бы всѣ нападенія Екатерины на Радищева ограничились только литературнымъ опроверженіемъ, то, не соглашаясь съ ея взглядами, всетаки нельзя-бы было не признать въ этомъ доказательства съ ея стороны терпимости и уваженія къ литературѣ. Но Екатерина пишетъ свое литературное опроверженіе и въ то же время „поручаетъ" Радищева Шешковскому, которому она отсылаетъ потомъ свои замѣчанія, такъ что мы не только не можемъ видѣть въ этихъ замѣчаніяхъ ея заслуги, но скорѣе должны поставить ихъ ей въ вину: эти примѣчанія оказали, несомнѣнно, сильное вліяніе на слѣдствіе и на судъ.

Хотя Екатерина и заявляетъ въ своихъ примѣчаніяхъ, что не хочетъ судить Радищева „дондеже не выслушанъ", но, въ сущности, въ этихъ примѣчаніяхъ она уже произнесла надъ нимъ строгое осужденіе. Обвиненія, изложенныя въ примѣчаніяхъ, дословно повторены въ вопросныхъ пунктахъ Шешковскаго, въ указѣ 13-го іюля, въ приговорѣ палаты, въ сенатскомъ докладѣ, въ указѣ 4-го сентября 1790 г. Примѣчанія Екатерины нѣкоторымъ образомъ даже назначили наказаніе для Радищева.

Онѣ обвиняютъ его въ распространеніи „французскаго яда, французской заразы", въ проповѣди тѣхъ вопросовъ, „отъ которыхъ Франція теперь погибаетъ и раззоряется", и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ представителей тогдашняго французскаго яда, одного изъ главныхъ дѣятелей Франціи 1789-го и 1790 годовъ, „Мирабоа", считаютъ достойнымъ „не единыя, но многія висѣльницы". Если не самыя замѣчанія Екатерины, то ихъ направленіе и смыслъ не могли не быть извѣстными судьямъ. Какъ-же послѣ этого они могли-бы не признать и Радищева достойнымъ „висѣльницы" и не постановить смертнаго приговора?

Удивляются великодушію Екатерины, заявившей государствен-

ному совѣту, чтобы „не уважали до нея касающееся, понеже она презираетъ“.

Но Екатерина сказала это, препровождая въ Совѣтъ докладъ сената и не только не намекая на излишнюю строгость приговора, но напротивъ еще указывая на упущенное изъ виду нарушеніе Радищевымъ присяги. Совершенно такую же фразу сказала Екатерина судьямъ Мировича. И относительно Радищева эта фраза была дѣйствительно только фразой, такъ какъ Екатерина вовсе не презирала: ея примѣчанія проникнуты вообще личнымъ чувствомъ, она старается въ нихъ оправдать себя.

Собственно говоря, въ Путешествіи, кромѣ двухъ - трехъ неясныхъ намековъ, нѣтъ ничего лично касавшагося императрицы: тамъ мы находимъ только „общія сентенціи объ обязанностяхъ земныхъ владыкъ“ и нападенія на этихъ послѣднихъ за неисполненіе обязанностей. Екатерина могла отнести эти нападенія къ себѣ настолько, насколько сознавала ихъ справедливость. Нападки эти не имѣли личнаго характера. Екатерина приняла ихъ на свой счетъ; между тѣмъ общественное мнѣніе, сохранившееся для насъ въ преданіи, относило ихъ къ кн. Г. А. Потемкину.

Екатерина, дѣйствительно, хотѣла показаться особенно великодушною и справедливою въ дѣлѣ Радищева, желая скрыть отъ другихъ и даже, быть можетъ, отъ себя самой свою нетерпимость, противную духу Наказа: поэтому-то она сказала совѣту фразу: „понеже она презираетъ“ и проч.; поэтому-то указъ 4-го сентября 1790 г. въ неправильномъ нѣсколько видѣ представляетъ приговоры уголовной палаты и сената, какъ мы это выше видѣли.

Лонгиновъ въ одной изъ своихъ статей о Радищевѣ [1]), для того, чтобы извинить Екатерину въ дѣлѣ о Путешествіи, сравниваетъ ее съ Людовикомъ XIII, причемъ, конечно, всѣ преимущества на сторонѣ императрицы; но это всетаки не оправдываетъ нисколько ея отношенія къ Радищеву.

Въ этой же статьѣ приводится за Екатерину противъ Радищева тотъ доводъ, что всеобщее голосованіе было бы противъ Радищева. Какъ ни страненъ этотъ доводъ самъ по себѣ, онъ въ данномъ случаѣ невѣренъ уже потому, что всеобщее голосованіе

---

[1]) Вѣсть, 1865 г., № 28.

было бы, конечно, за Радищева, такъ какъ оно, при опросѣ сельчанъ, безъ сомнѣнія, было бы за волю крестьянъ.

Не будемъ дольше останавливаться на этомъ демократическомъ критеріумѣ истины и обратимся къ дальнѣйшей судьбѣ Радищева.

XII.

8-го сентября 1790 года с.-петербургское губернское правленіе, на основаніи указа сената, опредѣлило: взять Радищева изъ-подъ стражи, объявить ему въ присутствіи приговоръ, а потомъ привести этотъ приговоръ въ исполненіе, т. е., отобравъ у Радищева орденъ и патенты на чины, отослать затѣмъ его въ Сибирь, за крѣпчайшею стражею, скованнаго, черезъ посредство управы благочинія, выдавъ прогоны до Новгорода на три почтовыя лошади [1]). Это опредѣленіе было исполнено въ тотъ же день.

Новое путешествіе изъ Петербурга въ Москву было сначала для Радищева очень неудобно: онъ ѣхалъ больной, въ оковахъ. Притомъ же его отъѣздъ былъ неожиданно ускоренъ и потому у него не было ничего необходимаго для предстоявшаго ему далекаго пути: при отправкѣ ужъ принуждены были надѣть на него „гнусную нагольную шубу, взявъ ее у сторожа".

Отъ всѣхъ этихъ опасныхъ неудобствъ Радищева спасло заступничество и помощь гр. А. Р. Воронцова.

Графъ А. Р. Воронцовъ былъ начальникомъ Радищева съ 1777 года, т. е. съ поступленія послѣдняго на службу въ коммерцъ-коллегію. Очень скоро умный, образованный молодой человѣкъ обратилъ на себя вниманіе гр. Воронцова. Слѣдующій случай особенно сблизилъ ихъ.

Въ коммерцъ-коллегіи разсматривалось дѣло о пеньковыхъ браковщикахъ, несправедливо обвинявшихся въ упущеніи по должности. Президентъ (гр. Воронцовъ), вице-президентъ (Беклемишевъ) и всѣ члены признали обвиненіе справедливымъ. Только младшій членъ коллегіи, Радищевъ, не присоединился къ общему приговору. Онъ подалъ особое мнѣніе, совершенно несогласное съ вполнѣ опредѣленнымъ рѣшеніемъ президента. Беклемишевъ

---

[1]) Дѣло о Радищевѣ, листы 45 и 46.

долго уговаривалъ Радищева отказаться отъ своего мнѣнія, не перечить президенту, указывая на то, какъ дерзко со стороны молодаго человѣка, не имѣющаго никакихъ связей, возставать противъ мнѣнія могущественнаго начальника. Радищевъ не поддался этимъ доводамъ, прямо заявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться гоненію и оставить службу, но ни за что не согласится подписать несправедливый приговоръ.

Долго не рѣшались доложить Воронцову объ упорствѣ младшаго члена коллегіи, новичка въ дѣлахъ. Наконецъ Беклемишевъ доложилъ. Воронцовъ сначала очень разсердился, полагая, что несогласіе Радищева съ общимъ мнѣніемъ вызвано какими нибудь корыстолюбивыми видами, но все-таки прочелъ внимательно его мнѣніе, а потомъ захотѣлъ лично выслушать доводы младшаго ассессора. Послѣ разговора съ Радищевымъ, Воронцовъ измѣнилъ свой взглядъ и браковщики были оправданы [1]).

Съ этихъ поръ начались между Радищевымъ и Воронцовымъ близкія отношенія, перешедшія скоро въ искреннюю дружбу, не смотря на разницу въ общественномъ положеніи, что въ то время много значило.

Радищеву приходилось часто бывать у Воронцова, какъ у своего главнаго начальника, по дѣламъ таможни, все управленіе которой лежало на немъ еще и при жизни Даля, человѣка совершенно больнаго; но кромѣ того онъ, вообще домосѣдъ, посѣщалъ небольшой кружокъ, собиравшійся у Воронцова, а также у его сестры, княгини Е. Р. Дашковой [2]), по свидѣтельству которой братъ ея очень цѣнилъ Радищева [3]).

Воронцовъ и Радищевъ были такъ близки, что когда вышло въ свѣтъ Путешествіе, многіе говорили объ участіи Воронцова въ сочиненіи этой книги; между прочимъ это распускалъ Державинъ, приплетая сюда и княгиню Дашкову.

Это обвиненіе было совершенно ложно. Литературная дѣятельность Радищева была не только независима отъ Воронцова, но послѣдній даже мало зналъ объ ней. Такъ, объ изданіи Житія Федора Васильевича Ушакова, которое было предтечей Путеше-

---

[1]) „Русская Старина" изд. 1872 г., VI, стр. 577.

[2]) Helbig. 458.

[3]) Memoirs. I, 359 и 360, Арх. Вор. V, 397.

ствія, Воронцовъ узналъ только отъ своей сестры; княгини Дашковой же сказалъ объ этомъ Державинъ [1]). Радищевъ, вѣроятно, прислалъ Державину экземпляръ Житія, какъ онъ послалъ ему потомъ и Путешествіе. Воронцову же Радищевъ не давалъ ни той, ни другой книги.

Если бы Воронцовъ былъ причастенъ къ изданію Путешествія, писалъ-ли бы онъ Моисею Николаевичу Радищеву: „нельзя сказать, чтобы братъ вашъ впалъ въ несчастіе не собственно отъ себя" [2])? Или какъ онъ писалъ тверскому губернатору Осипову: „я прошу ваше превосходительство мнѣ сдѣлать одолженіе, сему несчастному (т. е. Радищеву) приказать сказать, что о судьбинѣ его я крайне сожалѣю, въ которую однако-жъ онъ не можетъ не сознаться, что самъ себя ввергнулъ" [3])... Радищевъ тоже пишетъ Воронцову: „чего же я себѣ не прощу, то что я попалъ въ бѣду, въ которую бы себя не ввергнулъ, если бы въ семъ случаѣ не потаилъ отъ васъ моего безразсудства" [4]).

Не смотря на то, что клевета обвиняла Воронцова въ соучастіи по изданію Путешествія (очень возможно, что всѣ допросы Радищева относительно его „сообщниковъ" имѣли въ виду именно Воронцова), не смотря на то, что Воронцовъ въ это время не пользовался особенною милостію государыни, онъ благородно рѣшился прямо помогать своему другу въ его несчастіи, содѣйствовать всѣмъ къ облегченію его участи, помогать его семейству, не пугаясь, что черезъ это онъ можетъ усилить сплетни, дать новую пищу клеветѣ".

Еще во время процесса Радищева, Воронцовъ въ цитованномъ уже письмѣ къ Моисею Радищеву говоритъ: „хотя преступленіе его (А. Н. Радищева) строго законами осуждается, но какъ наша всемилостивѣйшая государыня всегда милосерда и во всѣхъ случаяхъ облегчала сентенціи правительствъ, по такимъ дѣламъ, то не должно лишать себя надежды, чтобъ и судьба несчастнаго брата вашего не была облегчена, въ чемъ и остается имѣть все упованіе на одну высочайшую милость человѣколюби-

---

[1]) Арх. кн. Вор. V, 223, и Memoirs of the princ. Daschkow, I, 359.
[2]) Арх. Вор. V, 395.
[3]) Тамъ же, 399.
[4]) Тамъ же, стр. 2?8.

вой монархини. Впрочемъ могу признательно увѣдомить васъ, что я, по доброжелательству ко всей вашей фамиліи, о несчастіи его самъ столько же, какъ и вы, сожалѣю и стараться буду о дѣтяхъ его, принявъ на себя участіе въ попеченіи объ нихъ, которыхъ никогда оставить не намѣренъ".

Дѣйствительно, Воронцовъ очень много сдѣлалъ для облегченія участи Радищева. Надо думать, что смягченіе Екатериною приговора произошло не безъ его ходатайства. Затѣмъ Воронцовъ не только доставилъ Радищеву средства для безбѣднаго существованія въ Сибири, но даже заботился объ его удобствахъ и спокойствіи, исполняя его порученія, высылая для него книги и проч., а главное—онъ доставилъ поселенцу отдаленнаго Илимска нравственную поддержку, не прерывая съ нимъ дружеской переписки во все время его ссылки.

Когда велѣно было сослать Радищева въ Сибирь, Воронцовъ объявилъ семьѣ его, что все содержаніе какъ во время пути, такъ и въ Илимскѣ онъ беретъ на себя.

Онъ полагалъ, что Радищевъ только выслушаетъ приговоръ въ губернскомъ правленіи, а отправленъ будетъ изъ мѣста своего заключенія. Для того, чтобы доставить Радищеву все нужное на пути, Воронцовъ передалъ туда триста рублей. Но Радищевъ неожиданно былъ отправленъ изъ губернскаго правленія,—скованный, въ „гнусной нагольной шубѣ", — ему ничего не успѣли приготовить и тамъ отдали на руки триста рублей, присланныхъ Воронцовымъ.

На другой день послѣ отъѣзда Радищева, Воронцовъ узналъ о томъ, что его повезли скованнаго и безъ всякихъ удобствъ. Воронцовъ представилъ объ этомъ Екатеринѣ и та велѣла гр. Я. А. Брюсу отправить вслѣдъ курьера съ повелѣніемъ снять съ Радищева оковы и доставить ему нужное для пути [1]). Повелѣніе это догнало Радищева уже въ Новгородѣ, гдѣ съ него и были сняты оковы [2]).

Воронцовъ не ограничился этимъ. Для того, чтобы вѣрнѣе обезпечить Радищеву дорожныя удобства, онъ отправилъ къ тверскому губернатору, Г. М. Осипову, письмо, въ которомъ сначала

---

[1]) Арх. кн. Вор. V, стр. 399.
[2]) Тамъ же, стр. 285.

вкратцѣ разсказываетъ исторію Радищева, а потомъ говоритъ: „а какъ поминаемый Радищевъ до несчастья своего издавна мнѣ не токмо знакомъ, но и любилъ я его, такъ какъ прежнее его поведеніе оное и заслуживало, такъ что никогда и уповать не можно было, чтобъ онъ впалъ въ толь неожиданное преступленіе, никакъ не соотвѣтствующее прежнему его поведенію: то, не извиняя, конечно, нимало содѣяннаго имъ, но единственно по человѣчеству и изъ сожалѣнія желая, сколько можно, облегчить судьбу его, покорно прошу васъ, милостиваго государя моего, въ то время, когда онъ въ Тверь привезенъ будетъ (въ разсужденіи, что свѣдавъ уже послѣ отправленія его, что не имѣетъ онъ, такъ сказать, нужнаго одѣянія, обуви, бѣлья и всего потребнаго для толь дальной дороги) снабдить его пристойнымъ и покрытымъ тулупомъ, шубою, нѣсколько паръ сапоговъ и башмаковъ, чулками и прочимъ бѣльемъ и платьемъ, и пристойнымъ и нужнымъ для толь дальняго пути, также и на пищу его въ дорогу. На каковой конецъ и посылаю присемъ двѣсти рублей ассигнаціями, въ надеждѣ, что ваше превосходительство, снисходя несчастному состоянію означеннаго Радищева, снабдите его всѣмъ нужнымъ въ пути, употребя на то прилагаемыя при семъ деньги. Таковое благодѣяніе, ему оказанное, приму я отъ васъ за личное себѣ одолженіе. Вы усугубите еще ваше одолженіе, которое я конечно съ признательностью приму, когда при отправленіи его изъ Твери препоручите тому, на кого возложено будетъ изъ Твери его отвезть, чтобъ онъ съ нимъ поступалъ человѣколюбиво; а не менѣе еще признателенъ я буду вашему превосходительству, когда меня увѣдомите въ каковомъ онъ состояніи въ Тверь привезенъ и когда оттуда и какимъ образомъ отправленъ“. Въ длинной припискѣ къ этому письму Воронцовъ, между прочимъ, проситъ: „именемъ моимъ его (Радищева) обнадежить, что и въ тамошнемъ его пребываніи (т. е. въ Сибири) я не оставлю конечно возможную помощь дѣлать, дабы онъ безъ нужды тамъ жизнь препроводить могъ, желая только, чтобы онъ здоровъ туда доѣхалъ, ибо мнѣ извѣстно вообще сколь онъ некрѣпкаго сложенія“. Письмо кончается такъ: „зная, сколь сей несчастной привязанъ къ дѣтямъ своимъ, прошу также его увѣрить, что сверхъ того, что они отданы въ опеку

ихъ дѣда, а его отца, я конечно ихъ ни въ какое время не оставлю; и такъ чтобъ онъ объ нихъ не безпокоился“ [1]).

Я позволилъ себѣ сдѣлать такія большія выдержки изъ письма Воронцова потому, что оно и даетъ свѣдѣнія относительно Радищева, и такъ хорошо обрисовываетъ дружескую заботу о немъ Воронцова, — заботу, доходившую до мелочей.

Съ подобными-же заботливыми письмами обратился гр. Воронцовъ къ Ребиндеру въ Нижній Новгородъ, къ Волкову въ Пермь, въ Иркутскъ къ Пилю; съ послѣднимъ и съ женой его онъ и потомъ переписывался о Радищевѣ.

Еслибы благородный гр. А. Р. Воронцовъ не заботился такъ о Радищевѣ, то послѣдній, вѣроятно, не вынесъ-бы дороги: даже при доставленныхъ облегченіяхъ и удобствахъ онъ былъ очень слабъ.

Тверской губернаторъ отвѣчалъ Воронцову отъ 2-го октября 1790-го года: „посланный отъ меня въ Москву возвратился и г-на Радищева довезъ въ московское губернское правленіе весьма въ слабомъ здоровьѣ, такъ что уповаю, до выздоровленія, пути онъ продолжать не можетъ“. Радищевъ, дѣйствительно, провелъ въ Москвѣ нѣсколько дней въ семействѣ отца.

Но мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ путешествіемъ Радищева. Скажу только, что его письма къ Воронцову [2]) очень хорошо показываютъ и нравственное состояніе ссыльнаго, и состояніе его здоровья; изъ нихъ видно, какъ мало помалу Радищевъ ободрялся духомъ, укрѣплялся тѣломъ. Главнымъ образомъ его продолжаетъ тяготить забота о семьѣ, разлука съ ней. Но въ Тобольскѣ онъ былъ отчасти успокоенъ и въ этомъ отношеніи: тутъ къ нему пріѣхала его свояченица, Елизавета Васильевна Рубановская, уже упомянутая выше, рѣдкая женщина по своимъ качествамъ, нѣжно привязанная къ Радищеву. Она привезла съ собой двухъ младшихъ дѣтей Радищева и потомъ раздѣляла съ нимъ его ссылку.

Въ Тобольскѣ Радищевъ на чей-то вопросъ, кто онъ, отвѣтилъ:

Ты хочешь знать кто я? что́ я? куда я ѣду?—
Я тотъ же, что́ и былъ и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ!
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,

---

[1]) Арх. Вор. V, 397—400.
[2]) Тамъ-же V и XII.

Для бодрыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ и въ стихахъ
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду" [1]).

Не одинъ только Воронцовъ сожалѣлъ о несчастіи Радищева. Послѣдній, по своимъ качествамъ, пользовался извѣстностью, общимъ уваженіемъ и любовью. Сынъ его передаетъ, что купцы на биржѣ, узнавъ о судьбѣ Радищева, были въ отчаяніи, плакали. Плакалъ даже и полицейскій офицеръ, сообщившій Рубановской о приговорѣ надъ Радищевымъ [2]). Вообще тяжкое наказаніе, ссылка Радищева казалась невѣроятною, участь его всѣхъ занимала.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, братъ Александра Романовича, бывшій въ это время посломъ въ Англіи, тоже очень сожалѣлъ Радищева, удивлялся жестокости его наказанія, указывалъ брату средства, какъ выхлопотать Радищеву помилованіе [3]).

Послѣ отправленія Радищева въ ссылку стали носиться слухи о его помилованіи. Такъ въ октябрѣ 1790-го года разнесся въ Москвѣ слухъ, что Радищевъ отвезенъ не въ Сибирь, а къ отцу въ деревню. Въ то-же время разнеслась и другая молва—о его смерти, происшедшая, конечно, отъ извѣстій о слабости его здоровья.

Кутузовъ въ Берлинѣ также въ октябрѣ получилъ изъ Россіи письмо съ увѣдомленіемъ, что Радищевъ возвращается изъ Сибири, съ запрещеніемъ только въѣзжать въ резиденціи и безъ возвращенія чиновъ [4]). Подобный слухъ дѣйствительно ходилъ въ Петербургѣ и дошелъ даже до Архангельска.

М. Н. Радищевъ, служившій при Архангельской таможнѣ, пишетъ оттуда гр. А. Р. Воронцову отъ 17-го мая 1791-го года: „Г. Лангъ сказывалъ мнѣ, что съ прошедшею почтою имѣлъ извѣстіе изъ Петербурга, что несчастному брату моему дана свобода и что посланъ къ нему курьеръ, дабы онъ возвратился. Сія

[1]) Напечатано въ примѣчаніяхъ къ „Живописцу" изд. 1864 г., (стр. 349).

[2]) Русск. Вѣстн. 1858 г. № 23, с. 408 и 409.

[3]) Арх. кн. Воронцова т. IX. Письмо отъ 1-го октября 1790 го года: La condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extreme. Quelle sentence et quel adoucissement pour une étourderie! Que fera-t-on pour une crime et pour une revolte en forme? Dix ans de Siberie est pire que la mort pour un homme qui a des enfants avec lesquels ou il faut qu'il se sépare, ou qu'il les prives d'education et de service, s'il les prend avec lui. Cela fait fremir". (181, также стр. 212 и 231 и X томъ стр. 5).

[4]) „Русская Старина" изд. 1874, февр., 261 и мартъ стр. 466.

монаршая милость исходатайствована княземъ Григоріемъ Александровичемъ" [1]).

Дѣйствительно, многіе думали, что Потемкинъ приметъ участіе въ несчастной судьбѣ Радищева. Отецъ послѣдняго, Н. Аѳ. Радищевъ, писалъ А. Р. Воронцову: „не могу вашему сіятельству не донесть, многіе совѣтовали мнѣ подать письмо его свѣтлости князь Григорью Александровичу о несчастномъ моемъ сынѣ. Но я безъ вашего сіятельства онаго сдѣлать не согласился"...

Изъ этихъ слуховъ и толковъ видно, что общественное мнѣніе сочувствовало несчастью Радищева [2]). Но всѣ эти слухи оказались неосновательными; всѣ эти надежды остались только надеждами. Екатерина не вернула Радищева изъ ссылки и онъ до самой смерти ея прожилъ въ Илимскѣ.

XIII.

Мнѣ остается теперь только сказать о судьбѣ, постигшей самое Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, такъ какъ судьба эта находится въ прямой зависимости отъ процесса Радищева, отъ его осужденія.

Въ дѣлѣ о Радищевѣ „находится секретное донесеніе губернскаго Правленія въ палату уголовнаго суда о томъ, когда и отъ кого были отобраны экземпляры Путешествія [3]). Изъ этого донесенія между прочимъ видно, что ни самаго Зотова, ни оставшихся у него отъ продажи экземпляровъ Путешествія Управа Благо-

[1]) Арх. Вор. V, 402.

[2]) Конечно, не всѣ сожалѣли Радищева, но всѣ ожидали его помилованія Каменевъ приписываетъ Державину (о неблаговидномъ вмѣшательствѣ котораго въ исторію Радищева было говорено выше въ одномъ изъ примѣчаній слѣдующее четверостишіе:

Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Некстати лишь дерзка, смѣла и сумазбродна.
Я слышу на коней кричитъ ямщикъ: „вирь, вирь!"
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь.

Г. Гротъ считаетъ разсказъ Каменева невѣрнымъ, но самъ соглашается, что Державинъ, по своему образу мыслей, могъ написать это четверостишіе.— Замѣчательно, что Державинъ говоритъ о книгѣ Радищева: „со истиною сходна". В. Я.

[3]) Листы 50—52-ой.

чинія не нашла. Я не берусь рѣшать вопроса, куда дѣвался Зотовъ, куда попали книги; надо только замѣтить, что Путешествіе у Зотова оставалось, вѣроятно, въ достаточномъ количествѣ.

Какъ мы знаемъ, Зотовъ сначала взялъ у Радищева 20 экз., а затѣмъ, такъ какъ книга хорошо стала расходиться, еще взялъ пять: потомъ онъ сталъ просить у Радищева еще, но тотъ не далъ. Между тѣмъ Зотову очень хотѣлось достать такъ хорошо идущую книгу и потому онъ взялъ самъ, тайкомъ, у Радищева экземпляровъ пятьдесятъ въ то время, какъ приходилъ къ нему въ домъ просить еще книгъ и получилъ отказъ. По крайней мѣрѣ иначе трудно себѣ объяснить то, что Зотовъ на допросѣ, во время предварительнаго слѣдствія (мы знаемъ, что на судебномъ слѣдствіи Зотова не допрашивали) показалъ, что получилъ 50 экземпляровъ Путешествія отъ кокого-то Седѣльникова. Что̀ это за Седѣльниковъ и былъ-ли онъ призванъ къ допросу—неизвѣстно, да и о самомъ свидѣтельствѣ Зотова мы знаемъ только изъ одного показанія Радищева. Само по себѣ свидѣтельство Зотова еще ничего особеннаго не даетъ, но заключеніе, что Зотовъ похитилъ 50 экземпляровъ Путешествія основывается на данныхъ, приводимыхъ въ слѣдующемъ показаніи Радищева:

„Іюля 7. Для удостовѣренія, что показаніе купца Зотова, что̀ онъ имѣлъ 50 экземпляровъ отъ какого-то Седѣльникова, неправильно, можно спросить его сидѣльца; а какъ его зовутъ не знаю. Малый молодой, ростомъ выше Зотова, съ лица чистъ, сидѣлъ въ другой лавкѣ близь воротъ гостиннаго двора подлѣ суконной лавки № 13 и 14, не помню. Онъ приходилъ ко мнѣ и сказывалъ, что хозяинъ его показалъ, что получилъ отъ Седѣльникова 50 экземпляровъ, и просилъ, что буде я спрошенъ буду, чтобы я сказалъ, что у меня пропало 50 экземпляровъ изъ типографіи. Что онъ у меня былъ, о томъ скажутъ и утвердить могутъ мои люди, которые его видѣли; а что отъ меня болѣе показанныхъ 25 экземпляровъ не дано, то вѣрно“ [1]).

---

[1]) Чтенія 1865 г., кн. 3, стр. 90 и 91; то-же самое вторично напечатано по ошибкѣ на стр. 96 и 97. Вообще эти матеріалы о Радищевѣ напечатаны небрежно. Такъ, кромѣ указаннаго (не единственнаго) повторенія одного и того же, мы находимъ, что всѣ показанія Радищева названы завѣщаніемъ, а письмо къ Шешковскому—„письмо и размышленіе“. Всѣ показанія Радищева

Мы опять не знаемъ, былъ ли допрошенъ сидѣлецъ Зотова и люди Радищева, какъ и вообще отъ „предварительнаго“ слѣдствія до насъ дошли почти только однѣ показанія самаго Радищева.

Этимъ похищеніемъ 50 экземпляровъ книги Зотовымъ объясняется то обстоятельство, что, не смотря на отобраніе Путешествія у нѣсколькихъ лицъ и истребленіе его, всетаки сохранилось до сихъ поръ значительное число экземпляровъ этой книги. Не говоря уже объ извѣстныхъ экземплярахъ, хранящихся въ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ, Путешествіе (1-ое изданіе) время отъ времени постоянно появляется въ продажѣ.

Сынъ Радищева говоритъ, что сохранилось около 40 экземпляровъ Путешествія [1]).

Изъ упомянутаго уже сообщенія губернскаго правленія видно, что, кромѣ розданныхъ Радищевымъ книгъ извѣстнымъ, перечисленнымъ имъ лицамъ, отобрана была только одна книга отъ кн. Петра Никитича Трубецкаго, да еще, что И. И. Шуваловъ заявилъ объ уничтоженіи своего экземпляра, полученнаго имъ отъ банковаго совѣтника Хитрова.

И такъ, кромѣ семи книгъ, розданныхъ Радищевымъ, отобрана была еще только одна; если къ этому прибавить экземпляръ, присланный отъ гр. Брюса въ уголовную палату при предложеніи о судѣ надъ Радищевымъ (можетъ быть, тотъ самый экземпляръ, который читала Екатерина), да еще корректурную книгу, отобранную у Царевскаго, наконецъ, ту, которую, по показанію Шувалова, уничтожена имъ, то всего отобранныхъ и уничтоженныхъ экземпляровъ будетъ десять. Такимъ образомъ, если даже отвергнуть похищеніе Зотовымъ 50 экземпляровъ, какъ не точно доказанное, если признать, что всего, отъ сожженія книги самимъ Радищевымъ, спаслось 25 экземпляровъ, данныхъ Зотову, и 7 розданныхъ, то за вычетомъ 10 отобранныхъ, всетаки 22 экземпляра Путешествія должны были остаться въ публикѣ.

напечатаны слитно и не въ правильномъ порядкѣ. Тѣ изъ этихъ документовъ, которые повторены въ V томѣ Архива кн. Воронцова, напечатаны тамъ по болѣе полнымъ копіямъ, при чемъ показанія Радищева закрѣплены собственноручною подписью, такъ что, можетъ быть, представляютъ самые подлинники.

[1]) Сопиковъ замѣчаетъ о Путешествіи: „Prерѣдкая: ибо вышло въ свѣтъ оной не болѣе 50 экземпляровъ“ (IV. 249).

В. Я.

Отобранные экземпляры „Путешествія" были, на основаніи словеснаго повелѣнія Екатерины, даннаго петербургскому губернатору, посланы къ Шешковскому для уничтоженія, и, конечно, уничтожены имъ [1]).

Не смотря на преслѣдованіе Путешествія, на опасность, стало быть, имѣть его у себя, оно всетаки читалось и даже передавалось изъ рукъ въ руки. Массонъ разсказываетъ какъ дорого платили за то только, чтобы получить Путешествіе, на одинъ часъ для чтенія [2]). Самъ Массонъ читалъ Путешествіе, но, вѣроятно, уже въ спискѣ [3]). Списковъ этихъ, вообще, снималось довольно много и они опять копировались.

Радищевъ рабства врагъ цензуры избѣжалъ,

говоритъ объ этихъ спискахъ Пушкинъ.

По свидѣтельству Гельбига, рукописное Путешествіе проникло за границу и многіе отрывки изъ него были помѣщены въ Das Orakel zu Endor. Я не могъ найти этого изданія ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ [4]).

Второе изданіе „Путешествія" (по списку) напечатано въ Лондонѣ, въ 1858-мъ году, вмѣстѣ съ „Поврежденіемъ нравовъ въ Россіи", кн. М. Щербатова, подъ общимъ заглавіемъ: „Кн. М. Щербатовъ и А. Радищевъ".

Это второе изданіе проникло въ Россію въ небольшомъ, конечно, количествѣ.

Между тѣмъ еще съ начала нынѣшняго столѣтія стали появляться въ разныхъ изданіяхъ отрывки изъ Путешествія.

Такъ, глава Клинъ была перепечатана въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" Мартынова [5]); у Сопикова въ „Опытѣ библіографіи" [6]) помѣщено посвященіе къ Путешествію, но эта страница уцѣлѣна въ рѣдкомъ экземплярѣ: книга была остановлена, листокъ перепечатанъ и 250 стр. осталась пустая. Глава Клинъ опять напечатана при статьѣ Пушкина: „Александръ Радищевъ" [7]). Нѣ-

---

[1]) Палата и сенатъ раньше еще постановили уничтожить книгу.

[2]) Mémoires secrets sur la Russie etc. II. 201.

[3]) Судя по сообщаемому имъ изъ Путешествія мѣста.

[4]) Das Orakel zu Endor, 2. Theile, 8°, Leipzig. 1794—95.—(Kayser, Bücher Lexicon, 6, Nachtrag I, s. 103).

[5]) 1805 г., ч. IV., стр. 61., смѣсь.

[6]) 1816, ч. IV, стр. 249 и 250.

[7]) Сочин. Пушкина, т. VII. 1857. 50—60; изд. 1871 г., т. V, стр. 412—423.

сколько мелкихъ отрывковъ изъ Путешествія находятся въ статьѣ „Проза Пушкина“, какъ поясненіе къ статьѣ Пушкина „Мысли на дорогѣ“, возстановленной тутъ по рукописи [1]). Далѣе обширный отрывокъ о цензурѣ помѣщенъ г. Антоновичемъ въ его предисловіи къ VIII-тому Исторіи XVIII вѣка Шлоссера [2]).

14-го іюня 1868 года состоялся слѣдующій высочайшій указъ, данный сенату: „Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, высочайше повелѣть соизволилъ: запрещеніе, наложенное вслѣдствіе высочайшаго указа отъ 4-го сентября 1790 года, на сочиненіе Радищева подъ заглавіемъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, отмѣнить съ тѣмъ, чтобы новыя изданія сего сочиненія подлежали общимъ правиламъ дѣйствующихъ нынѣ узаконеній о печати“.

Этимъ разрѣшеніемъ первый воспользовался г. Шигинъ, издавшій въ томъ-же 1868 году: „Радищевъ и его книга: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. За весьма плохо скомпилированной статьей о Радищевѣ, замѣчательной своимъ пошлымъ пошибомъ, идутъ выдержки изъ Путешествія, при чемъ не только выпускаются цѣлыя главы, но въ срединѣ разсказа дѣлаются большіе пропуски и измѣненія и, по бо̀льшей части, это не обозначается даже точками. Книга Радищева является тутъ въ такомъ видѣ, что ее нельзя узнать. Г. Шигинъ объявлялъ о выходѣ своего изданія „безъ предварительной цензуры“; одинъ изъ рецензентовъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что никакая бы цензура такъ не обезобразила Путешествія, какъ это сдѣлалъ г. благонамѣренный издатель.

Надо еще замѣтить, что изданіе г. Шигина печатано съ довольно уже испорченнаго списка Путешествія и при томъ изобилуетъ ужаснѣйшими, грубѣйшими опечатками и ошибками.

Въ журналистикѣ это изданіе встрѣтило вполнѣ заслуженный пріемъ: цѣлый рядъ статей въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ [3]) обрушился на г-на Шигина.

---

[1]) Библ. Зап. 1859 г. № 6.

[2]) Второе изд. Спб. 1871.

[3]) Вѣстникъ Европы (статья А. П-на). 1868 г. № 7, стр. 423—432, Дѣло 1868 г., № 5, стр. 86—98; Отечественныя Записки 1868, № 10; стр. 196—200; С.-Петербургскія Вѣдомости 1868, № 107 (Г. Шигинъ

Многіе рецензенты въ своихъ статьяхъ по поводу его изданія совершенно правильно указали на то, что Путешествіе имѣетъ уже только историческое значеніе послѣ того, какъ пало крѣпостное право, и что поэтому не можетъ быть никакихъ цензурныхъ препятствій къ полному изданію книги Радищева. Между прочимъ этотъ взглядъ о „ретроспективномъ" значеніи „Путешествія" былъ высказанъ также г. Лонгиновымъ, который говорилъ объ этомъ и раньше [1]).

Одна статья по поводу изданія г-на Шигина кончалась такъ: „я слышалъ, что въ непродолжительномъ времени выйдетъ другое изданіе этой книги, гораздо болѣе удовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ" [2]). Слухъ этотъ оказался вполнѣ вѣрнымъ.

Въ октябрѣ 1869 года въ газетахъ появилось слѣдующее объявленіе: „Печатаются и въ концѣ нынѣшняго года появятся въ свѣтъ изданія книжнаго магазина Черкесова: Сочиненія А. Н. Радищева, всѣ, какія остались, со включеніемъ полнаго текста Путешествія изъ Петербурга въ Москву по подлинному тексту изданія 1790-го года, съ приложеніемъ портрета, новой статьи А. Н. Пыпина и примѣчаніями. Редакція изданія П. А. Ефремова„ [3]).

Изданіе было обставлено прекрасно. Оба тома были готовы въ первой половинѣ 1870-го года, но въ свѣтъ они не появлялись. Цензура остановила изданіе. Замѣчательно, что начальникомъ цензуры въ то время былъ Лонгиновъ, передъ этимъ не разъ, какъ мы видѣли, высказывавшій мысль о „ретроспективномъ" значеніи Путешествія. Изданіе не было уничтожено сразу: его только не позволили выпустить сейчасъ-же. И долго пришлось лежать книгѣ въ типографіи.

Слухъ объ этомъ проникъ потомъ и въ печать. „Мы слышали, сообщила „Петербургская Газета" въ 97-мъ нумерѣ 1872-го года, что въ послѣднее время арестованы слѣдующія изданія:....3) Со-

---

и книга Радищева, статья Незнакомца), Голосъ 1868, № 114; Недѣля (І. Шишкинъ.—„А. Н. Р-ъ и его Путеш. изъ П-а въ М-у", 1868, № 34, стр. 1074—1081 и № 35, стр. 1109—1114; Русскій Архивъ (М. Лонгиновъ). 1868, № 11.

[1]) Вѣсть 1865 г. № 28.

[2]) С. П. Вѣдомости 1868, № 107.

[3]) С. П. Вѣдомости 1869, № 291, стр. 4.

чиненія Радищева.... Всѣ эти книги еще не были выпущены въ свѣтъ, но, пока, какъ мы слышали, и не переданы еще судебнымъ властямъ для преслѣдованія".

Лежало, лежало изданіе Радищева въ типографіи, ждало погоды, и вмѣсто того дождалось окончательной бури: подъ вліяніемъ какого-то случайнаго, временнаго вѣтра, М. Н. Лонгиновъ или его преемникъ В. В. Григорьевъ распорядился уничтожить сочиненія Радищева.

Нѣсколько лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, а мы все еще не имѣемъ новаго изданія сочиненій Радищева, – никто не рѣшается попробовать. А между тѣмъ изданіе Путешествія при существующихъ цензурныхъ узаконеніяхъ всетаки возможно. Повторяю: уничтоженіе изданія 1870 года зависѣло отъ временныхъ, чисто случайныхъ условій. Главное содержаніе Путешествія— нападки на крѣпостное право, которое, вотъ уже 20 лѣтъ, отошло въ область прошедшаго. Съ цензурной точки зрѣнія „Путешествіе" дѣйствительно имѣетъ только историческое значеніе. Нѣкоторыя рѣзкія фразы и выраженія Путешествія вовсе не могутъ служить препятствіемъ къ новому полному изданію его, такъ какъ и наиболѣе рѣзкія изъ этихъ мѣстъ уже напечатаны и не одинъ разъ: онѣ находятся въ примѣчаніяхъ Екатерины, повторены въ вопросныхъ пунктахъ Шешковскаго, а между тѣмъ и примѣчанія эти, и вопросные пункты напечатаны сначала въ „Чтеніяхъ" 1865 года, а потомъ въ „Архивѣ кн. Воронцова", въ пятой книгѣ, вышедшей въ 1872-мъ году.

Еще сынъ Радищева, въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1858-го года, замѣтилъ, что въ Путешествіи развѣ только ода можетъ почесться неумѣстною.

Новое полное изданіе Путешествія было-бы очень желательно ради интересовъ русской литературы, и такое изданіе, по моему мнѣнію, вполнѣ возможно: Путешествіе не содержитъ въ себѣ ничего, что̀ было-бы противно „общимъ правиламъ дѣйствующихъ нынѣ узаконеній о печати", которымъ это сочиненіе Радищева подлежитъ въ силу высочайшаго повелѣнія отъ 14-го іюня 1868-го года.

В. Е. Якушкинъ.

Февраль 1879 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. (Къ стр. 493, пр. 4.) Показаніе Вальца (Радищевъ далъ Вальцу пакетъ, въ которомъ находилось Путешествіе, для отсылки въ Берлинъ къ А. М. Кутузову (см. стр. 496.)—Когда оные пакеты я получилъ, точно упомнить не могу, а думаю, что въ маѣ мѣсяцѣ; получилъ-же ихъ черезъ моего шурина капитана Девилеева, который служитъ при таможнѣ ученикомъ, для того, чтобъ съ курьеромъ отправить, но даже до сего времени я отправить случая удобнаго не имѣлъ, хотя нѣкоторыя оказіи и были; я распечаталъ оные потому, какъ скоро услышалъ, что г. Радищева взяли подъ стражу за какую-то книжку, то и подумалъ, что и въ сихъ конвертахъ, можетъ быть, есть та книга, за которую его взяли, почему и распечаталъ сперва у большого конверта одну сторонку и, вытащивъ книгу, увидѣлъ, что эта та книга, о которой по городу говорятъ, а послѣ я открылъ и другой маленькій конвертъ, чтобъ посмотрѣть, что въ немъ посылается, и нашелъ, что и тутъ книжка [1],—почему оба оные конверта въ кабинетъ спряталъ и посылать болѣе не хотѣлъ, для того, что ежели объ нихъ будутъ спрашивать, то я могъ бы ихъ отдать. Были-ль въ тѣхъ конвертахъ письма, того сказать не могу, потому что, распечатавъ оные конверты и посмотря, что тутъ лежатъ книги, тотчасъ оные въ кабинетъ положилъ и ихъ не читалъ, что̀ доказательно тѣмъ, что у большой книги и листы не разрѣзаны, да и теперь при отдачѣ оныхъ конвертовъ, внутри оныхъ я не смотрѣлъ.

Подпись: Надворный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Вальцъ.

(Это показаніе было въ первый разъ напечатано при изданіи соч. Радищева 1870-го года).

II. Дело о коллежскомъ советнике и кавалере Александръ Радищеве. (Большая тетрадь, форматъ обыкновеннаго листа). На обложкѣ сверху выставленъ № 12 и приписано: „Началось іюля 15-го 1790 года“. На задней сторонѣ обложки обозначено число листовъ въ дѣлѣ: „Писанныхъ 53. Неписанныхъ 29“. Писанные всѣ цѣлы, неписанные нѣкоторые вырваны.

---

[1]) Вѣроятно—„Письмо къ другу моему, жительствующему въ Тобольскѣ“ и проч., перепечатанное П. А. Ефремовымъ, въ «Русской Старинѣ» изд. 1871, томъ II, стр. 295—299.

Вмѣсто описанія его помѣщаемъ опись бумагъ, находящуюся въ дѣлѣ, составленную при отсылкѣ его въ сенатъ.

„Опись дѣлу производимому впалате уголовнаго суда о коллежскомъ советнике Александрѣ Радищеве, вкоторомъ значитъ:

Іюля 15-го числа 790 года предложеніе главнокомандующаго его сіятельства графа Якова Александровича Брюса съ приложеніемъ копіи высочайшаго указа на трехъ страницахъ [1]).

15-го по сему копия соопределенія палаты на 2-хъ страницахъ [2]).

17-го вопросные пункты сответами оного советника Радищева на 3-хъ страницахъ [3]).

— По симъ отвѣтамъ копия соопредѣленія палаты на 2-хъ страницахъ [4]).

19-го увещаніе священника и показание Радищева на странице [5]).

20-го Сообщеніе изъ казенной палаты сприложеніемъ о немъ Радищеве копіи спослужнаго списка на трехъ страницахъ и копия сжурнальной полаты 23. числа записки на странице.

20-го Репортъ изъ управы благочинія сприложеніемъ показания двороваго человека Фролова о томъ журнальной полаты записки все на 4-хъ страницахъ.

23-го Сообщеніе изгубернскаго правления сприложеніями на 4-хъ страницахъ и по сему тогожь-числа копия срезолюци о опредѣленіи полаты на 2-хъ страницахъ.

— допросъ надзирателя Царевскаго на 2-хъ страницахъ.

24-го копия срезолюци полаты на странице.

— допросъ досмотрщика Богомолова на странице.

— показание советника Радищева, что корректура вкниге делана имъ вся, на шести строкахъ, и еще

---

[1]) Приведено на стр. 494.
[2]) Отрывокъ приведенъ на стр. 495.
[3]) Приведено на стр. 495 и 496.
[4]) Отрывокъ на стр. 497.
[5]) Приведено на стр. 497.

изтой книги писанное его-же рукою на странице [1]).

— Копия сжурнальной полаты записки на странице.

— выписка изъ законовъ на восьми полулистахъ (см. 532 стр.) авсего вооном деле поперепеске писанныхъ 33 листа, даещеже сего прилагается посему делу подлинной полаты приговоръ учиненный июля отъ 19 и 24 числа на 9 полулистахъ [2]) одна книга вепереплете, и одинъ оной эксемпляръ сприписками и приправками".

Въ такомъ объемѣ дѣло поступило въ сенатъ, по возвращеніи-же его оттуда въ палату къ нему были пришиты еще слѣдующія бумаги: 1) Копія съ отношенія палаты къ гр. Брюсу при отсылкѣ къ нему дѣла для представленія въ сенатъ. 2) Увѣдомленіе гр. Брюса о взнесеніи имъ дѣла въ сенатъ. 3) Копія съ протокола палаты о предыдущей бумагѣ. 4) Копія съ сообщенія губернскаго правленія объ объявленіи Радищеву приговора и объ его отправленіи въ ссылку (на 3-хъ страницахъ). 5) Копія съ протокола палаты о предыдущей бумагѣ и объ опредѣленіи—отобрать и сжечь Путешествіе (на 5-ти страницахъ). 6) По секрету. Сообщеніе губернскаго правленія объ отобраніи Путешествія и объ отсылкѣ отобранныхъ экземпляровъ къ Шешковскому, (на 6-ти страницахъ). 7) Копія съ протокола палаты о предыдущей бумагѣ.

III. (Къ стр. 503, пр. I.) Протоколъ сената, 1790-го года іюля 31-го и августа 1-го и 7-го числъ. Сначала идутъ выписки изъ дѣла въ палатѣ и изложеніе его, а затѣмъ заключеніе сената:

„Приказали: поднесть ея императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія: въ имянномъ вашего императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ сего іюля 13-го" и т. д. (выписанъ весь указъ). „Въ исполненіи сего высочайшаго вашего императорскаго величества указа и по предложенію господина главнокомандующаго палата уголовнаго суда, бравъ къ себѣ его, Радищева, изъ подъ стражи, спрашивала его по вопроснымъ пунктамъ" (излагаются снова допросы палаты и ея приговоръ и

[1]) На стр. 499.

[2]) Самое заключеніе приговора приведено на стр. 500 и 501.

приводятся законы) „Сенатъ разсматривая все сіе находитъ: хотя оный Радищевъ въ отвѣтъ на вопросные въ палатѣ пункты, равно и со увѣщанія священническаго показалъ якобы намѣренія при сочиненіи сей книги другаго не имѣлъ, какъ быть извѣстному въ свѣтѣ между сочинителями и дабы прослыть таковымъ, то есть сочинителемъ остроумнымъ, но въ таковомъ его показаніи вѣроятія онъ не заслуживаетъ и за истину онаго принять нельзя, а безъ всякаго сомнѣнія видно, что сочинилъ и издалъ столь вредное неистовое и оскорбительное сочиненіе съ намѣреніемъ, чтобъ оное послужило поводомъ къ произведенію зловреднаго дѣйствія по неизвѣстнымъ на сіе его, Радищева, расположеніямъ и доказательно, что не желаніе токмо его было прослыть въ свѣтѣ писателемъ остроумнымъ потому, что скрылъ въ томъ сочиненіи свое имя; слѣдовательно не могъ себѣ льстить, чтобъ въ свѣтѣ его остроумнымъ сочинителемъ считали. А по сему столь важному его преступленію по силѣ вышепрописанныхъ законовъ и присуждаетъ, такъ какъ и палата уголовнаго суда, лишить его чиновъ, дворянскаго достоинства, исключить изъ кавалеровъ ордена Св. Владиміра и наказать смертію, а именно, по силѣ воинскаго устава 20-го артикула отсѣчь голову. А между тѣмъ по точной силѣ указа 1754-го года сентября 30-го дня до послѣдованія о сей смертной казни указа надлежало-бы учинить ему жестокое наказаніе кнутомъ и съ постановленіемъ повелѣнныхъ симъ указомъ знаковъ, заклепавъ въ кандалы, сослать въ тяжкую работу; но какъ всемилостивѣйше пожалованной дворянству грамоты въ 15-омъ пунктѣ изображено: тѣлесное наказаніе да некоснется до благороднаго; то вслѣдствіе сего и полагаетъ,—нечиня ему онаго, и по лишеніи его чиновъ и дворянскаго достоинства, по исключеніи изъ кавалеровъ и по отобраніи знаковъ ордена, до вышеупомянутаго о произведеніи ему смертной казни указа, заклепавъ въ кандалы сослать въ каторжную работу, но не въ Кронштадтъ, куда, по имянному вашего императорскаго величества указу 1785 года августа 20-го дня, изъ С.-Петербургской губерніи преступниковъ отсылать повелѣно, а въ Нерчинскъ для того, дабы таковымъ его удаленіемъ отъять у него способъ къ подобнымъ сему предпріятіямъ. Болѣе-же сенатъ, по содержанію упомянутой пожалованной дворянству грамоты статьи 13-ой...., предаетъ въ монаршее вашего императорскаго величества благоволеніе и имѣ-

етъ ожидать высочайшаго указа. Что-жъ принадлежитъ до розданныхъ имъ, Радищевымъ, разнымъ значущимся въ показаніи его людемъ книгъ, о которыхъ палата уголовнаго суда сообщила въ С.-Петербургское губернское правленіе дабы ихъ въ самой скорости отобрать: то и отъ сената оному губернскому правленію о семъ отобраніи вышепоказанныхъ книгъ подтвердить съ тѣмъ, что когда они собраны будутъ, немедленно ихъ зжечь, и о семъ въ то губернское правленіе послать указъ.

Федоръ Глѣбовъ. Алексѣй Щербачевъ. Павелъ Мансуровъ. Князь Андрей Щербатовъ. Никита Муравьевъ.

Исполнить".

Подписанъ 8-го августа 1790-го года.

Не подписали князь Сергѣй Александровичъ Меньшиковъ и Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ за увольненіемъ.

По 2 ому департаменту о поднесеніи ея импер. величь доклада касательно до учиненія коллежскому советнику и ордена Святаго Владиміра кавалеру Александру Радищеву наказанія за сочиненіе и изданіе имъ зловредной книги подъ названіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву и о прочемъ.

(Главный Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ. Дѣла стараго Сената. Частный № 437, общій № 5339).

Вотъ перечисленіе законовъ, которые палата уголовнаго суда выписала „для соображенія" (разрядкой напечатано то, на что ссылается самый приговоръ: Уложеніе II глава, пункты 1, 2, 18, 19, 21; XII глава, пунктъ **13**; Морской Уставъ, 5-ая книга, глава I-ая, артикулъ 1-й, глава 12, артикулъ 85, глава 13, артикулъ 92; глава 14 артикулъ **103** и толкованіе; Воинскій Уставъ, артикулъ 19 и толкованіе, **20**-й и толкованіе, 22, **101** и толкованіе, **127**, 129 и толкованіе, 130, **135**, 136, **137**, **149**; Указъ 754 года сентября 30; Воинскій процессъ 2-ая часть, II глава, пунктъ 1; Высочайшее о губерніяхъ учрежденіе, статьи 254 и 256; Уставъ Благочинія, статьи **30**, 46, **56**, **63**, 64, 65, 74, 233, **236**, 250, 254, 271 (отдѣлен. 1 и 2), **272** (отдѣлен. 3 и 9); Указъ 787, апр. 21 (статьи 49, **51**, **52**). Дворянское положеніе состоящагося 785 г. апреля 21 дня, статьи 5, 6, 13, 15; Установленіе объ орденѣ Св. Владиміра, статья 21; Указъ 763 года іюня 4 дня.

Въ текстѣ статьи приведены законы, упоминаемые въ самомъ заключеніи.

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

·КЪ ИСТОРІИ МАСОНСТВА ВЪ РОССІИ.

[Переводъ съ нѣмецкой неизданной рукописи].

I.

Нижеслѣдующій переводъ „Краткій очеркъ исторіи масонства въ Россіи“, сдѣланъ съ нѣмецкой рукописи одного изъ братьевъ масоновъ Петербургской ложи Александра къ вѣнчанному Пеликану (Alexander zum Gekrönten Pelikan), Карла Л. ..ра, послѣ котораго осталось много масонскихъ рукописей, но, къ сожалѣнію, многія изъ нихъ утратились. Очеркъ написанъ покойнымъ Л....ромъ, частью по собственнымъ запискамъ и воспоминаніямъ, какъ очевидца, частью по бумагамъ покойнаго ритора той же ложи Александра, брата Карла Генриха Кнаппе. Писанъ онъ, около 1827 года, лично для себя и другихъ масоновъ, а потому все извѣстное брату Л....ру изложено имъ съ полною откровенностью, почему, полагаемъ, что какъ этотъ очеркъ, такъ равно и нѣкоторыя другія рукописи Л....ра, могутъ послужить полезнымъ матеріаломъ для будущей исторіи масонства въ Россіи, которая, по словамъ А. Н. Пыпина, въ его статьѣ „Русское масонство до Новикова“, пока еще очень затруднительна, даже невозможна, такъ какъ многіе матеріалы для этого лежатъ еще подъ спудомъ.

Н. С. Иванина.

Любимецъ Петра Великаго Лефортъ былъ масонъ, и вѣроятно сообщилъ свѣдѣнія о масонствѣ своему великому монарху, такъ какъ тогда учрежденъ былъ масонскій орденъ св. Андрея [1]) и

---

[1]) Орденъ св Андрея связанъ съ особенною масонскою степенью, см. „Вѣстникъ Европы“ 1868 г , іюнь, статья А. Н. Пыпина, „Русское масонство“,

для его облаченій (Habit) приняты были отличительные цвѣта различныхъ степеней этого масонскаго ордена.

Графъ Брюсъ, тоже бывшій въ силѣ въ это время, былъ одинъ изъ высокопосвященныхъ (hoher Eingeweihter) масоновъ, и глубоко и плодотворно проникъ въ тайны масонскаго ордена. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ глубокими и основательными познаніями, доказательствомъ чему, вѣроятно, могутъ служить оставшіяся послѣ него сочиненія и замѣтки, которыя, подъ проклятіемъ отъ взоровъ любопытныхъ, хранятся запечатанными въ императорской академіи наукъ. Брюсъ имѣлъ тоже свѣдѣнія о законахъ природы и ихъ стихійныхъ дѣйствіяхъ, и имъ составленъ столѣтній календарь, котораго показанія о погодѣ, или вѣрнѣе предсказанія о естественныхъ событіяхъ каждаго года за цѣлое столѣтіе, повидимому сбываются въ точности, какъ это удостовѣрено въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія тѣми лицами, которыя имѣли случай видѣть этотъ календарь.

Это знаніе законовъ природы дало Брюсу возможность доказать Петру Великому, что природа обладаетъ бо̀льшими силами, чѣмъ обыкновенно то полагаютъ; такъ, находясь на смертномъ одрѣ, Брюсъ просилъ Петра Великаго, что въ случаѣ того, если императоръ найдетъ, что жизнь его еще можетъ быть полезна, то чтобы императоръ приказалъ, когда онъ скончается, натереть его одною изъ составленныхъ имъ жидкостей, и когда это было исполнено, то жидкость эта оказала такое дѣйствіе на умершаго Брюса, что онъ началъ приходить въ чувство и владѣть языкомъ. Но такъ какъ Петръ Великій удовольствовался этимъ, и натираніе было прекращено, то естественно и послѣдовала смерть.

Въ 1731 г. капитанъ Джонъ Филиппсъ (Iohn Philipps) [1]) былъ назначенъ провинціальнымъ гроссмейстеромъ Россіи (см. Элевзиніи 19 столѣтія, часть II, Eleusinien des 19 jahrhunderts, 2 Th.),

---

стр. 562, гдѣ говорится объ извѣстіи, впрочемъ еще не подтвержденномъ фактами, что Кейтъ еще въ 1734 г. принесъ изъ Англіи Шотландскій орденъ св. Андрея; и стр. 548, гдѣ говорится о Лефортѣ и о масонскомъ преданіи, по которому, еще въ концѣ XVII столѣтія, въ Россіи основана была масонская ложа, въ которой Лефортъ былъ мастеромъ стула, Гордонъ первымъ надзирателемъ, а вторымъ самъ Петръ Великій.

[1]) См. Русское масонство А. Пыпина. „Вѣст. Европы“, іюнь, 1868 г., стр. 548.

однако □ [1]) скромности (des Verschwiegenheit) [2]), первая возникшая въ Россіи, была, только въ 1768 году, учреждена въ Петербургѣ высокопочтеннымъ и высокопросвѣщеннымъ (Hochw. und Hocherl.) братомъ Елагинымъ (von Jelagin), дѣйствительнымъ камергеромъ импер. Россійск. двора, и получила отъ великой ложи въ Лондонѣ Рояль Іоркъ (Royal Iork) конституціонную грамоту (ein Constitutions Patent) на всѣ VII степеней, въ которыхъ она работала. Высокопочт. братъ Елагинъ держалъ въ ней молотокъ [3]) (führte in derselben der Hammer). Высокопочт. братъ Мелиссино (Melissino), артиллеріи генералъ-лейтенантъ, былъ въ ней намѣстнымъ мастеромъ (zugeordneter Meister vom Stuhl). Бдительное правительство не преминуло довести до свѣдѣнія императрицы Екатерины II о возникновеніи этой □.

Хотя эта мудрая монархиня, неусыпно заботившаяся о спокойствіи и благоденствіи великой своей имперіи, и была не мало озабочена возникновеніемъ этой □, опасаясь, чтобы она не нарушила спокойствія государства, но она все же допустила безпрепятственное и не подчиненное надзору полиціи продолженіе работъ ложи послѣ того какъ высокопочт. братья Елагинъ и Мелиссино удостоились высокаго счастья клятвенно завѣрить императрицѣ, съ принятіемъ на себя полной за все отвѣтственности, что ни въ ихъ □, ни въ орденѣ масонскомъ нѣтъ ничего противнаго Богу, вѣрѣ, формѣ правленія, царствующему дому и правительству; не заключается ничего противуотечественнаго и вреднаго человѣчеству, такъ какъ это было бы противно основнымъ правиламъ таковыхъ ⊞, и поэтому было бы отомщено самымъ союзомъ; а также, что орденъ не вмѣшивается ни въ какія политическія и религіозныя дѣла; своимъ покровителямъ всегда оказываетъ полное повиновеніе, любовь, преданность и должное почтеніе за оказанное ему покровительство, и считаетъ

---

[1]) □ означаетъ «ложа»; ⊞ «ложи».

[2]) У Пыпина, тамъ же, стр. 551, говорится: «По нѣкоторымъ извѣстіямъ упоминается подъ 1750 г. въ Петербургѣ ложа скромности (zur Verschwiegenheit), неизвѣстно русская или иностранная, скорѣе—послѣднее». Полагаемъ, что это была одна и та же ложа, основаніе которой здѣсь отнесено къ 1768 г. и потому удерживаемъ за нею принятое А. Пыпинымъ и другими названіе «ложа скромности»; хотя названіе der Verschwiegenheit могло бы быть переведено и □ молчаливости или храненія тайны—что было бы вѣрнѣе.

[3]) Предсѣдательствовалъ.

своею обязанностью продолжать быть благодарнымъ даже и въ томъ случаѣ, если бы, къ крайнему его сожалѣнію, обстоятельства потребовали бы прекращенія его работъ.

При томъ слѣдуетъ полагать, что основаніе этой □ не было случайное, и что она возникла не вслѣдствіе какой либо прежде бывшей □. Ея же основатели служатъ ручательствомъ тому, что она утверждена не для какой либо иной цѣли, но лишь для того, чтобы служить средствомъ къ распространенію возвышенныхъ ученій масонскаго ордена среди воспріимчивыхъ къ тому людей, и дать имъ чрезъ то возможность воспользоваться благодѣяніями этихъ ученій.

II.

Старые братья масоны, лично знавшіе Елагина и Мелиссино, и пользовавшіеся короткимъ съ ними знакомствомъ, сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія объ обоихъ, за истину которыхъ они ручаются.

Елагинъ, дѣйствительный камергеръ россійскаго импер. двора и кавалеръ (Russischer kaiserl. wirklicher Kammerherr und Ritter), пользовался уваженіемъ императрицы Екатерины II, и былъ извѣстенъ въ ученомъ мірѣ. Онъ имѣлъ всѣ VII степеней масонскаго ордена, одну изъ полнѣйшихъ и избраннѣйшихъ библіотекъ относительно масонства, собранную имъ съ большимъ выборомъ и значительными издержками, и пріобрѣлъ, въ бытность свою за границею, глубокія познанія и убѣжденія касательно ученій масонства. Эти то убѣжденія, ограждающія отъ вліянія страстей и эгоизма, и внушили ему похвальное рѣшеніе принять въ основаніе для масонскихъ работъ въ Россіи свободную Іоркскую Ново-Англійскую систему VII степеней (das freie Jorker Neu-Englische System in VII Graden), что и было имъ добросовѣстно исполнено, и ограждаетъ его отъ всякаго упрека въ желаніи ввести кого бы ни было въ заблужденіе. Согласіе и мирныя братскія отношенія, существовавшія между членами многихъ ⊡ этого очень распространившагося союза, служатъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ тому, что дѣло Елагина имѣло прочныя основанія;—и глубокіе изслѣдователи, и добросовѣстныя, просвѣщенныя истиною лица удостовѣряютъ, что ихъ ожиданія найти въ этой системѣ непрерывную нить цѣлей ордена не были обмануты, и благословляютъ труды и память Елагина.

Мелиссино, артиллеріи генералъ-лейтенантъ, директоръ импер. артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ, членъ россійской кригсъ-коллегіи (im Reichs Kriegs-Collegium) и кавалеръ, еще раньше 1768 г. былъ принятъ въ Германію въ масоны и произведенъ во всѣ VII степеней. Ревностныя его изслѣдованія привели его къ убѣжденію, вѣрность котораго подтвердили ему нѣкоторые изъ высокопросвѣщенныхъ братьевъ, а именно, что природа даетъ намъ ближайшее и вѣрнѣйшее средство къ самовозможнѣйшему познанію истины и мудрости, въ чемъ и состоитъ единственная достигаемая цѣль масонства; такъ какъ мудрость и истина, если человѣкъ всецѣло стремится къ нимъ, заключаютъ въ себѣ все необходимое для предвкушенія имъ блаженства. И для бо̀льшаго удостовѣренія, эти братья масоны, по искренней признательности къ Мелиссино за существенныя гражданскія услуги, оказанныя имъ ихъ странѣ, привели ему доказательства, насколько это было совмѣстимо съ ихъ масонскими обязанностями. Съ этою неожиданною милостію пониманія цѣлей жизни, съ благодарностью, воспринятою имъ и свято сохраненною, Мелиссино, по возвращеніи въ Петербургъ, принялся за тщательное изученіе масонства, и для этого воспользовался библіотекою брата Елагина и бесѣдами съ нимъ; и вступивъ въ основанную Елагинымъ □ скромности, въ званіи намѣстнаго гросмейстера (deputirter Grossmeister), сталъ ревностнымъ его помощникомъ въ работахъ этой □. И дѣятельности Мелиссино, подъ руководствомъ гросмейстера Елагина, всѣ ⧉ этого союза обязаны своимъ процвѣтаніемъ до самаго ихъ закрытія. Своимъ благодѣтелямъ, привлекшимъ его въ масонство, Мелиссино обязанъ за указаніе истиннаго наслажденія жизнью, спокойствіемъ и здоровьемъ, чѣмъ онъ пользовался до самой своей кончины.

Всѣ эти обстоятельства сообщены имъ нѣкоторымъ изъ братьевъ, пользовавшихся его довѣріемъ, и которымъ мы обязаны за свѣдѣнія, изложенныя въ нижеслѣдующей исторіи масонства въ Россіи до перваго закрытія тамъ ⧉, и за исправленія въ изложенной нами исторіи масонства по возстановленіи этихъ ⧉ въ Россіи.

Втеченіи своей неусыпной дѣятельности по занимаемой имъ въ □ должности, Мелиссино старался съ осторожностью выбирать изъ братьевъ высшихъ степеней тѣхъ, которые были достой-

ны и способны къ воспринятію высшихъ поученій, чтобы составить изъ нихъ тайный комитетъ (einen geheimen Ausschluss), который онъ назвалъ конклавомъ (Conclave) или тайнымъ капитуломъ (das geheime Kapitel), не образуя впрочемъ изъ него особой VIII степени, такъ какъ, въ сущности, VII степень была ею; но числа членовъ конклава онъ не могъ довести до 10-ти. Съ членами этими онъ тѣснѣе сблизился, и вмѣнилъ въ общую ихъ обязанность, чтобы, для достиженія высшихъ познаній, каждый изъ членовъ безъ утайки сообщалъ всѣмъ прочимъ членамъ о томъ, что ему удастся открыть, поощряя ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть вѣрными своему призванію, и усердно стремиться къ достиженію истины. И послѣ установленія, какою именно отраслью каждый изъ нихъ намѣренъ особенно заняться, у нихъ начались работы. Удалось ли имъ вполнѣ осуществить свои стремленія, это остается неразрѣшеннымъ; но такъ какъ въ природѣ есть еще много неизвѣстныхъ и неизслѣдованныхъ силъ, которыя даютъ поводъ къ высшей славѣ и хвалѣ Создателя, то изъисканія ихъ не могли не дать удовлетворительныхъ результатовъ, которые достигаются особымъ частнымъ путемъ. Одно между тѣмъ очевидно, что этотъ разнообразный путь изъисканій привелъ членовъ тайнаго комитета, и особенно Мелиссино, къ очень близкимъ и яснымъ указаніямъ относительно высокихъ истинъ масонства; что истины эти благотворно распространились даже въ самыя отдаленныя страны свѣта; и что потомство съ признательностью воспользовалось высокими ученіями Мелиссино и Елагина.

Что Мелиссино самъ былъ глубоко убѣжденный человѣкъ и постоянно пользовался благими плодами масонства, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, а также и въ томъ, что его наставники дѣйствовали съ добросовѣстною разсудительностью и должною осторожностью, дѣлая ему сообщенія, и что хотя они и указали ему на вліяніе полнаго и истиннаго свѣта, и дали ему имъ насладиться, но довести познанія его до той степени, изъ которой ясно истекаетъ яркій свѣтъ истины, предоставили благодати всемогущаго Строителя вселенной, Который открываетъ его кому захочетъ. И одинъ изъ состарившихся въ масонствѣ и еще теперь живыхъ (въ 1827 г.) членовъ □ (Скромности), котораго Мелиссино, по особому къ нему уваженію, въ видѣ исключенія, уво-

лилъ отъ обязанности сообщать все безъ утайки тайному капитулу, свидѣтельствуетъ, что Мелиссино и прочіе братья конклава, при своихъ отличающихся одна отъ другой масонскихъ работахъ, которыя должны были вести къ высшему пониманію, никогда не расходились съ словомъ Божіимъ, чрезъ которое все, что есть, получило свое начало, и безъ котораго все существующее не могло получить бытія.

III.

□ Скромности, учрежденная высокопочт. и высокопросвѣщ. братомъ Елагинымъ, сдѣлалась матерью □ многихъ другихъ ⧉, которыя отъ нея произошли, и состояли подъ директоріей капитула этой □. Она получила конституцію [1] (Constitution) отъ Лондонской □ Рояль Іоркъ (Royal Jork), и полномочіе утверждать (zu constituiren) ⧉, учреждающіяся по этой системѣ и т. д. Ея система была Іоркская, Ново-Англійская, съ VII степенями; но сверхъ этихъ настоящихъ VII степеней, она учредила еще кавалерскую степень (einen Rittergrad), которую могли получать только самые испытанные и достойнѣйшіе члены братства.

Когда число ⧉ умножилось, то изъ нея не было образовано ни великой □, ни коллегіи должностныхъ лицъ (kein Beamten Collegium), а только при ней образованъ былъ комитетъ (eine Comitée), состоявшій изъ братьевъ мастеровъ; но было безразлично были ли братья эти должностными лицами (Beamten) въ ложахъ, или же нѣтъ; и комитетъ этотъ наблюдалъ за порядкомъ работъ въ ложѣ и внутреннимъ ея управленіемъ. Въ комитетѣ этомъ велись совѣщанія, принимались рѣшенія и каждый изъ его членовъ имѣлъ право голоса. Ложа имѣла свой уставъ, состоявшій всего изъ 27 пунктовъ [2].

⧉, утвержденныя капитуломъ □ скромности, и подъ его началомъ работавшія на востокѣ С.-Петербурга, по Іоркской, Ново-Англійской системѣ, были слѣдующія:

---

[1]) Конституція, то есть формальное утвержденіе □.

[2]) Старые основные законы Елагинской системы тоже находятся въ вышеупомянутыхъ рукописяхъ.

1) □ музы Ураніи (die Muse Urania), подъ предсѣдательствомъ мастеровъ стула (den Meistern vom Stuhl) братьевъ Шредера Schröder), сахарнаго заводчика, и Опица ...., которые чередовались въ держаніи молотка (in der Hammerführung), была учреждена въ 1772-мъ году.

2) □ Гигеи (Hygea), подъ управленіемъ мастера стула Шредера (Schröder), чиновника почтамта.

3) □ Конкордіи (Concordia, согласія), подъ молоткомъ брата Нордена (Norden), адвоката.

4) □ Безсмертія (der Unsterblichkeit), подъ предсѣдательствомъ достопочт. братьевъ Мюллера (Müller) и Прена (Prehn), штабъ-хирурга при импер. дворянскомъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, которые слѣдовали одинъ за другимъ въ предсѣдательствѣ (in der Hammerführung).

5) □ Малаго свѣта въ Ригѣ (zur kleinen Welt in Riga), возведенная въ настоящую Шотландскую □ мастеровъ Іоркской Ново-Англійской системы, и утвержденная (constituirt) въ этихъ V степеняхъ высокопросвѣщ. капитуломъ всѣхъ истинныхъ масонскихъ □□ Россіи, въ бытность высокопросвѣщ. брата Ивана Елагина провинціальнымъ гросмейстеромъ (Provinzial Grossmeister), была учреждена нижеслѣдующими высокопросвѣщ. братьями, занимавшими въ ней слѣдующія должности: Карлъ Готлибъ Норденъ (Carl Gottlieb Norden), викарія (Vicarius);— Іаковъ Шредеръ (Jacob Schröder), канцлера (Kanzler); Иванъ Деруссн (Jean Deroussy), казначея (Schatzmeister); Даніилъ Фрисъ (Daniel Fris), меченосца (Schwerdtrüger); Иванъ Федоръ Мальте (Iohann Theodor Malthé), собирателя милостыни (Almosenpfleger); Іоаннъ фонъ Геленъ [1]) (Johann von Gehlen), generalus Supremus

---

[1]) Іоаннъ Готлибъ Самуилъ фонъ-Геленъ, родомъ прусакъ, былъ, какъ видно изъ его диплома, выданнаго изъ Іенскаго университета, коллежскимъ ассесоромъ русской службы, придворнымъ докторомъ при каменноостровскомъ дворцѣ, хирургомъ при войскахъ и членомъ С.-Петербургскаго вольно-экономическаго общества. По преданію, сохранившемуся въ семействѣ покойнаго фонъ-Гелена, онъ пользовался особой милостью наслѣдника цесаревича Павла Петровича, и есть данныя, что великій князь цесаревичъ былъ членомъ именно той масонской ложи, въ которую въ то время перешелъ фонъ-Геленъ, и гдѣ онъ занималъ одну изъ высшихъ масонскихъ должностей. Къ числу

a cruce (главнаго и высшаго носителя креста) и магистръ (Mags) Гамъ (Hahm), секретаря высокаго капитула (Sekretär des hohen Kapitels). Основана въ двадцатый день III мѣсяца, въ лѣто отъ сотворенія міра (im Jahre des Lichts) 5790 (1790 г.).

6) □ Надежды къ невинности (der Hoffnung zur Unschuld), основана 7-го генваря 1787 года въ Ревелѣ.

Эти шесть ложъ были подчинены гросмейстеру высокопросвѣщ. брату Елагину и высокопросвѣщ. капитулу □ скромности. □ эта, (скромности), а равно и □ музы Ураніи, работали во всѣхъ VII степеняхъ; всѣ же остальныя ⧉ союза только въ V. Всѣ эти ⧉ имѣли право производить братьевъ во всѣ V степеней, не нуждаясь испрашивать на то особаго разрѣшенія (dispensation); но для производства въ VI и VII степени, онѣ должны были предварительно словестно испрашивать на то разрѣшеніе гросмейстера или высокаго капитула ордена, и словестно же получали отвѣтъ. Послѣднія эти двѣ степени, т. е. VI и VII, состояли изъ членовъ всѣхъ ⧉ этого союза, и высокій капитулъ ордена управлялъ всѣми ⧉ союза, не образуя однако при этомъ особой великой □. Каждое полугодіе всѣ ⧉ союза сообщали высокому капитулу о своихъ работахъ, повышеніяхъ и прочихъ дѣлахъ. Ложи не дѣлали никакихъ денежныхъ взносовъ въ □ скромности, или въ высокій капитулъ; а каждая изъ ⧉ распоряжалась своими доходами по собственному усмотрѣнію. Объ Іоанновскомъ червонцѣ (Johannis Ducaten), подражаніе лептѣ апостола Петра (des Petrus Groschen), не было и рѣчи. Каждая изъ ложъ на востокѣ С.-Петербурга праздновала, въ общемъ его помѣщеніи, праздникъ св. Іоанна, но не одновременно, а одна вслѣдъ за другою.

этихъ данныхъ принадлежитъ и списокъ членовъ масонской ложи, какой именно—теперь не припомню, видѣнный мною въ юности у сына одного изъ бывшихъ масоновъ, и въ которомъ значится членомъ ложи и великій князь цесаревичъ. Фонъ-Геленъ умеръ въ Воронежѣ 4-го генваря 1796 года, куда онъ, по желанію наслѣдника цесаревича, поѣхалъ для производства опытовъ, не окажется ли возможнымъ завести тамъ шелководство, и на это дѣло, которое, къ сожалѣнію, за его смертью было оставлено, истратилъ значительную часть своего состоянія. Портретъ его былъ награвированъ и одинъ изъ экземпляровъ сохранился у его родной внучки.

Основные законы □ скромности были обязательны для всѣхъ ⧉ союза.

На востокѣ Ревеля, 12-го октября 1773 года, была основана □ Изиды (Iris), и 9-го ноября 1778 г. □ трехъ сѣкиръ (zu den drei Streithammern); въ Митавѣ, въ 1778 г., □ трехъ коронованныхъ (вѣнчанныхъ) мечей (zu den Drei gekrönten Schwertern); 12-го генваря 1781 г. Кронштадская □ Нептуна (Neptun); 31 мая 1787 г., Житомірская □ Des Tenebres dispersées (разсѣяннаго мрака) и 27 іюля 1818 г. Бѣлостокская □ золотого кольца (zum Goldenen Ring).

Съ основанія □ Скромности до 1784 г. работы производились въ ней безъ перерыва; въ этомъ же году онѣ были въ ней пріостановлены по собственному побужденію провинціальнаго гросмейстера и съ согласія членовъ ⧉, но безъ приказанія со стороны высшаго правительства (der hohen Landesregierung); вслѣдствіе чего благочестивая императрица, чрезъ гросмейстера ордена, всемилостивѣйше удостоила передать ордену, что она, за добросовѣстность его членовъ избѣгать всякаго сношенія съ заграничными масонами, при настоящихъ политическихъ отношеніяхъ, не можетъ не питать къ нимъ полнаго уваженія.

Въ 1786 г. работы въ □ снова начались. Высокопросвѣщ. братъ Шпенглеръ (Spengler), придворный актеръ, былъ избранъ мастеромъ стула, и послѣ него четыре раза сряду мѣсто это занималъ почтен. братъ Кирхнеръ (Kirchner), негоціантъ; а затѣмъ высокопочт. братъ Розе (Rose).

Втеченіи гросмейстерства высокопочт. брата Елагина, около 1773 г., братъ князь Гагаринъ учредилъ □ по шведской системѣ съ 9-ю или 10-ю степенями, въ которой, послѣ него, братъ Турчаниновъ (Turtschaninow) былъ мастеромъ стула.

Осторожная монархиня, подозрѣвая въ этомъ постороннее вліяніе и цѣли, имѣющія быть можетъ связь съ убійствомъ Анкарстремомъ несчастнаго короля Густава III, со скорбью объ Молеѣ (Molay) и клятвою мести, произнесенною съ обнаженными кинжалами, нашла за благо не допускать въ своей столицѣ такого шведскаго отдѣла. Поэтому, вскорѣ по открытіи этой □, она приказала высокопочт. брату Елагину закрыть ее; послѣ чего

братья Гагаринъ и Турчаниновъ уѣхали въ Москву и стали учреждать тамъ ⊡, которыя тайно работали по шведской системѣ.

Нѣсколько лѣтъ послѣ закрытія этой (Гагаринской) □ образовалась □ Александра (Alexander), и начала работать по шведской системѣ съ 10-ю степенями. Въ началѣ въ ней держалъ молотокъ (führte den Hammer) братъ Фрезе (Frese), а затѣмъ братъ Шубертъ (Zubert), врачъ; а позже, по этой же системѣ, были учреждены подчиненныя ей ⊡ (Tochter ⊡), □ Дубовой Долины (zum Eichthal), подъ предсѣдательствомъ высопочт. брата Леонарди (Leonardi), учителя при С.-Петербургской нѣмецкой школѣ св. Петра, и □ Аполлона (Apollo), подъ предсѣдательствомъ брата Ровенберга (Rosenberg. О Розенбергѣ смотри въ Элевзиніяхъ 19-го столѣтія, часть I, стр. 132—136). Пока эти шведскія ⊡ работали не гласно (im Stillen), правительство повидимому не обращало на нихъ вниманія; но когда въ одной изъ нихъ, въ память адмиралу Грейгу (Grey) устроена была торжественная траурная □; чѣмъ □ эта полагала доставить себѣ и прочимъ ⊡ своей системы извѣстность, и пріобрѣсти болѣе прочное основаніе (festere Consistenz); то отъ правительства послѣдовало повелѣніе запретить въ Петербургѣ всѣ ⊡ этой системы, и высокопочт. брату Мелиссино, августѣйшею императрицею, повелѣно было закрыть □ Аполлона, продолжавшую свои работы.

Послѣ этого члены этой □ поручили брату Розенбергу возвратить въ Швецію всѣ акты, полученные имъ, по собственному его заявленію, изъ ихъ □, а равно и всѣ остальныя секретныя сочиненія, добытыя □ Аполлона, съ большими издержками, изъ Швеціи. Но Розенбергъ не исполнилъ этого, но продалъ таковыя одной изъ великихъ ⊡ въ Берлинѣ. Однако патентъ ея конституціи (Constitutions Patent), полученный ею изъ Швеціи и подписанный Карлъ [1]), былъ сохраненъ однимъ изъ ея членовъ.

---

[1]) Вѣроятно онъ былъ подписанъ герцогомъ Карломъ Зюдерманландскимъ.

IV.

Когда во Франціи вспыхнула революція, и французскіе якобинцы, прикрываясь внѣшними формами ⧉, стали совершать свои безчеловѣчные поступки, то мудрая монархиня нашла за благо прекратить дѣйствія ⧉ въ своей имперіи, и поручила высокопочт. брату Мелиссино, до времени, прекратить всѣ работы ⧉. Вслѣдствіе таковой воли всемилостивѣйшей монархини, всѣ ⧉, состоявшія подъ гросмейстерствомъ Елагина, въ 1793 г., единодушно прекратили свои работы, съ искреннею благодарностью къ монархинѣ за оказанныя ею имъ благорасположеніе и покровительство.

Прекращеніе работъ въ ⧉ продолжалось до 1803 г., когда прежняя □ Александра къ Вѣнчанному Пеликану (Alexander zum gekrönten Pelican) вновь съ успѣхомъ приступила къ своимъ работамъ, подъ покровительствомъ гуманнаго и либеральнаго правленія (menschenfreundlicher und vorurtheilsfreier Regierung) нашего достославнаго императора. Членамъ ея дозволено было созывать ⧉ обученія и производства (Instructions und Beförderung ⧉ zu halten), но безъ права принимать новыхъ членовъ; и только въ 1812 году воспослѣдовало дозволеніе гласнаго принятія новыхъ членовъ. Гросмейстеромъ этой □ былъ высокопочт. братъ фонъ-Девель (von Dövel), надворный совѣтникъ. Она работала по Шведской системѣ и подъ предсѣдательствомъ мастера стула Розенштрауха (Rosenstrauch). Вслѣдствіе господствовавшаго въ ней полнаго братскаго согласія, и отсутствія всякой притязательности, □ эта мирно и безпрепятственно работала до тѣхъ поръ, пока, въ 1805 году, ея гросмейстера не постигло несчастіе чрезъ доносъ на него одного изъ не работавшихъ братьевъ, въ которомъ тотъ обвинялъ его въ государственной измѣнѣ; вслѣдствіе чего Девель, по распоряженію правительства, былъ высланъ въ Казань, для вящшаго предостереженія и примѣра.—Обстоятельство это, поводомъ къ которому, вѣроятно, было честолюбіе, сильно поколебало внутренній строй ⧉, ихъ согласіе и свободу дѣйствій, и разстроило и парализовало ихъ дѣятельность, хотя она и продолжа-

лась до 1822 года, когда, 11-го августа, отъ правительства воспослѣдовало благое для этого масонства запрещеніе ⊡.

Французская □ Соединенныхъ друзей (les amis réunis), считаетъ свое основаніе съ 10 іюня 1802 года. Она работала по Гердерской системѣ (im Herderischen System), но тайно и не регулярно (unregelmässig), какъ и многія другія ⊡.

Послѣ вышеупомянутаго крайне горестнаго событія, миролюбивые члены □ Александра хорошо поняли, что ихъ скромнымъ усиліямъ о процвѣтаніи масонства въ ихъ тѣсномъ кругу дѣйствій грозитъ опасность, и что сами они могутъ подвергнуться тяжелой карѣ. Поэтому они, чрезъ депутацію, въ главѣ которой былъ братъ Шубертъ (Zubert), врачъ, обратились къ высокопросвѣщ. высокопочт. брату фонъ Бёберу (von Böber), инспектору классовъ втораго кадетскаго корпуса, статскому совѣтнику и кавалеру, въ виду того, что онъ былъ самый старшій изъ братьевъ на востокѣ С.-Петербурга, раньше занималъ очень высокую должность въ □, и по собственному увѣренію имѣлъ высокую масонскую степень, и просили его принять молотокъ и занять подабающее ему почетное званіе (Würde) въ орденѣ. По истеченіи нѣкотораго времени, Бёберъ согласился на это, послѣ чего французская □ отдѣлилась отъ союза □ Александра, и образовала свой отдѣльный союзъ. Подъ молоткомъ высокопросвѣщ. брата фонъ Бёбера, □ Александра начала свои дѣйствія 11-го октября 1805 года.

Въ періодъ времени съ 1805 года по 1812 г., □ Александра къ вѣнчанному пеликану стала матерью □ и основательницею многихъ ⊡; и такъ какъ всѣ онѣ чрезъ нее возникли, то она и имѣла полное право распространить на нихъ власть великой національной □; при чемъ гросмейстеръ фонъ Бёберъ принялъ сначала титулъ префекта (den Titel Praefect), а по передачи этого титула высокопочт. брату Жеребцову (Gerebzow), основателю □ Соединенныхъ друзей (les amis réunis), титулъ намѣстника Саломона (Vicarius Salomonis). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ на себя отвѣтственность, передъ высшимъ правительствомъ государства, за всѣ дѣйствія ⊡ союза, и правительство, запретивъ имъ всякую гласность и пріемъ новыхъ членовъ, молча допускало ихъ существованіе.

Чрезъ это □ Соединенныхъ друзей (les amis réunis) была впо-

слѣдствіи вынуждена или закрыть ложу, или же, принявъ шведскую систему, снова присоединиться къ союзу, который этимъ дѣйствіемъ ясно обнаружилъ свою нетерпимость.

Великая національная ☐ (die grosse Landes ☐) приняла затѣмъ названіе ☐ Владиміра къ порядку (Wladimir zur Ordnung). Прочія ⧉ ея союза, которыя были послѣ этого основаны, суть:

☐ Дубовой Долины къ Вѣрности (die Eichthal zur Treue), день основанія...

☐ Аполлона (Apollo), работала не гласно и не присоединилась къ великой ☐.

Французская ☐ Палестины (Palestina), основанная 4-го марта 1810 года, работала отдѣльно по извѣстному ритуалу (Ritus) Вильгельмсбадскаго конвента (des Wilhelmo-Bader Congresses); но и она была вынуждена подчиниться власти великой ☐, и принять шведскую систему.

Между тѣмъ высокопочт. братъ Бёберъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гросмейстеромъ, съ согласія многихъ изъ старшихъ братьевъ, предпринялъ, удержавъ изъ шведской системы ея орденскіе уставы и уставы относительно внутренняго управленія (der innerer Regierungsverfassung), измѣнить во многихъ отношеніяхъ эту систему, и даже въ символической ея части, и составить новую систему подъ названіемъ русскаго массонства; что и было имъ исполнено; и система эта была доведена до всеобщаго свѣдѣнія и принята большинствомъ, хотя многіе проницательные братья и не были этимъ довольны.

По шведскому строю (Ordnung) Іоанновскія ⧉ подчинены были великой ☐, которая въ свою очередь была подчинена высокому орденскому совѣту (dem hohen Ordensrath), во главѣ котораго, какъ выше упомянуто, находился префектъ, и надъ нимъ намѣстникъ Саломоновъ (Vicarius Salomonis).

Въ 1810 году, 12-го мая, была основана ☐ Петра къ Истинѣ (Peter zur Wahrheit).

Такъ какъ, слѣдовательно, такимъ образомъ уже возникло много ⧉, и даже великая національная ☐, то собранія въ этихъ ложахъ не могли уже оставаться незамѣченными, тѣмъ болѣе, что при оффиціальныхъ собраніяхъ въ великой ☐, нерѣдко до 200 экипажей стояло вблизи дома, гдѣ были эти собранія. Это воз-

будило вниманіе полиціи, которая однако, изъ уваженія къ своему министру (Minister), о которомъ она полагала, что онъ тоже членъ ордена, не могла дѣлать никакихъ запросовъ или противодѣйствій. Между тѣмъ эти масонскія собранія сдѣлались темою разговоровъ въ обществѣ, и слухи о нихъ дошли до двора. Такъ какъ предубѣжденіе противъ масоновъ было общее, и государю, великимъ князьямъ и всему двору постарались выставить орденъ съ смѣшной и презрительной точки зрѣнія, и они сверхъ того могли считать его опаснымъ, то, отъ высшаго начальства □ послѣдовало приказаніе представить всѣ свои акты, и впредь, до дальнѣйшихъ распоряженій, воздержаться отъ принятія новыхъ членовъ (Ricipirung). Акты послѣ этого были выданы, но собранія продолжались при соблюденіи этого ограниченія, а равно продолжались и повышенія по степенямъ (Promotionen).

Между тѣмъ, приблизительно въ половинѣ 1812 года, высокопочт. братъ фонъ Бёберъ получилъ отъ своего начальства увѣдомленіе (eine Anzeige), что императору и великому князю не нравится, что онъ принимаетъ участіе въ масонскихъ собраніяхъ, и что они поручили посовѣтывать ему во-время перестать посѣщать эти собранія. Такъ какъ высокопочт. братъ фонъ Бёберъ не могъ вступить ни въ какія объясненія съ своимъ начальникомъ, въ виду того, что тотъ не былъ масономъ, то онъ и просилъ его исходатайствовать для него, какъ особой милости, короткую аудіенцію у великаго князя, для того, чтобы ему имѣть возможность принести свое оправданіе.

Дѣло пока при этомъ и осталось, и посѣщеніе □ продолжалось, не смотря на то, что опасность положенія была извѣстна.— Великій князь воспользовался этимъ временемъ, чтобы собрать болѣе точныя и вѣрныя свѣдѣнія объ орденѣ. Но чрезъ кого и какимъ путемъ онъ получилъ болѣе выгодное о немъ мнѣніе, это осталось тайною. Между тѣмъ высокопочт. братъ фонъ Бёберъ, воспользовавшись случаемъ, который великій князь самъ ему подготовилъ, имѣлъ неожиданное счастье опровергнуть, хотя и вкратцѣ, ложное мнѣніе о масонахъ, которое французское масонство, крайне несовершенное и цѣлепротивное, набрасываетъ на этотъ орденъ, что и служитъ поводомъ къ тому, что масонство упрекаютъ въ распространеніи революціонныхъ идей и въ отрицаніи основъ

религіи. При этомъ фонъ Бёберъ поставилъ на видъ великому князю, что извѣстный Баррюель (Barruel) ложно судилъ объ орденѣ, зналъ о немъ поверхностно, и притомъ по духу французскаго масонства, которое конечно могло быть и не безучастно во французской революціи; тогда какъ, напротивъ, Робертонъ (Roberton) и Монніе (Monnie) особенно достойны вниманія, такъ какъ они глубже и добросовѣстнѣе изучили и изложили этотъ предметъ; и что правильно организованныя и формально утвержденныя □, какъ здѣшнія, получившія свои конституціи изъ Швеціи и Германіи, не вмѣшиваются ни въ какія государственныя, политическія и церковныя дѣла, и считаютъ своею святою обязанностью быть вѣрными и покорными государю и правительству, и повиноваться законамъ государства. Что же касается обвиненія ордена въ безвѣріи и въ искаженныхъ понятіяхъ о религіи, то высокопочт. братъ фонъ Бёберъ просилъ великаго князя лично убѣдиться въ несостоятельности этого обвиненія изъ книги, которую онъ ему передалъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ великаго князя принять его поручительство въ томъ, что масонство не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго государству, религіи и нравственности, и что если великій князь найдетъ въ масонствѣ хотя что либо противное имъ, то онъ отдастъ себя головой въ руки правосудія, чтобы какъ преступнику быть судиму по всей строгости законовъ. Великій князь принялъ передаваемую ему книгу, довольно потертую отъ частаго употребленія, и поѣхалъ дальше, такъ какъ около его кабріолета постепенно собралось множество людей.

Замѣтимъ кстати, что книга, переданная великому князю братомъ фонъ Бёберомъ, принадлежала уважаемому ветерану масонства Георгу Христофору Вагнеру (Georg Cristoph Wagner), находилась у фонъ Бёбера на подержаніи, и что это былъ масонскій молитвенникъ, изданный въ Прагѣ, въ Богеміи, у фонъ Шенфельда, въ 5784 г. (Betbuch für Freymaure, Hauptstadt Prag in Bohmen, bei von Schönfeld 5784); что великій князь, по прочтеніи этой книги, передалъ ее государю императору съ замѣчаніемъ, что ветхость ея вѣроятно произошла отъ постояннаго ея употребленія, и что онъ изъ книги этой убѣдился, что масонство не только не затрогиваетъ религіи и церкви, но что, напротивъ, члены его должны питать глубокое уваженіе къ религіи, и что,

какъ это еще явствуетъ изъ этой-же книги, они молятся за государя и правительство; а слѣдовательно они вѣрны и покорны существующему государственному строю и законамъ.

Послѣ этого, какъ это нерѣдко случается въ жизни, и при дворѣ повидимому стало уменьшаться предвзятое невыгодное мнѣніе о масонахъ, возникшее вслѣдствіе незнакомства съ дѣломъ; и казалось, что будущее теперь сулитъ масонству лучшія времена. Работы въ ⧉ пошли съ большею безопасностью, и гросмейстеръ рѣшился сдѣлать для Россіи свою систему всеобщею и единственною, которую ⧉ всѣхъ прочихъ системъ обязательно должны бы были принять.

Первый удобный случай къ исполненію этого дала □ Соединенныхъ друзей, отдѣльно работавшая подъ молоткомъ брата Жеребцова, чрезъ возникшіе въ □ этой безпорядки, которые побудили многихъ изъ ея членовъ отдѣлиться отъ нея и перейти къ гросмейстеру. Мастеръ стула этой французской □, опасаясь лично отвѣтственности за □ передъ правительствомъ, тоже обратился къ гросмейстеру и просилъ его дозволенія присоединить свою □ къ прочимъ ⧉ союза. Гросмейстеръ изъявилъ на это свое согласіе, но при условіи, чтобы онъ формально и совершенно отказался отъ французской системы, и чтобы впредь работы въ □ производились бы по ритуалу (Ritus), установленному для работъ, утвержденныхъ ⧉ союза. Высокопочт. братъ Жеребцовъ согласился на это, и □ Соединенныхъ друзей вошла въ составъ союза прочихъ трехъ ⧉: провинціальной, □ Владиміра къ порядку; послѣ чего всѣ четыре □, одна русская, двѣ нѣмецкихъ и одна французская стали работать вмѣстѣ.

Русская □ была □ Палестины (Palestina).

Нѣмецкія ложи были: □ Александра къ Вѣнчанному Пеликану (Alexander zum gekrönten Pelican) и □ Владиміра къ Порядку (Wladimir zur Ordnung). NB. Полагаю, что это была □ Петра къ Истинѣ (Peter zur Wahrheit). Фрунцузская ложа была □ Соединенныхъ друзей (les amis réunis).

Первая изъ ⧉ работала попеременно на русскомъ и французскомъ языкахъ, двѣ слѣдующія на нѣмецкомъ, а послѣдняя на французскомъ языкѣ.

□ Іордана (Iordan), въ Ѳеодосіи, была учреждена 16-го мая

1812 года, и работала по шведской системѣ, на русскомъ и французскомъ языкахъ.

V.

Въ 1813 году, лѣтомъ, была устроена очень дорого стоющая, торжественная, великая траурная □ въ честь и память освободителя нашего отечества, высокопросвѣщ. брата, сіятельнаго князя М. И. Голенищева Кутузова Смоленскаго, генералъ-фельдмаршала союзныхъ армій, и съ пышностью отпразднована, какъ великая національная □, въ большой залѣ и прочихъ комнатахъ музыкальнаго общества. На торжествѣ этомъ присутствовали всѣ ⊡ и нѣсколько сотъ братьевъ. Высокопочт. гросмейстеръ, братъ фонъ Бёберъ, предсѣдательствовалъ, и рѣчи говорились на трехъ языкахъ.

Осенью произошло важное событіе въ □ Палестины, находившейся подъ директоріей великой □ Владиміра къ порядку, и гросмейстеромъ которой былъ графъ Віельгорскій (Vielhorsky), помощникъ (Assistent) областнаго гросмейстера (Landesgrossmeister) фонъ Бёбера. Оно состояло въ томъ, что въ □ этой введенъ былъ родъ новой системы, отчасти походившей на систему strict Observanz (строгаго наблюденія), но сильно различествующую съ Бёберовскою системою, и это привлекло въ помянутую □ многихъ братьевъ другихъ ⊡.— Между прочими уклоненіями этой новой системы было и двоекратное подаваніе свѣта (die zweimalige Lichtgebung).

Но такъ какъ Віельгорскій не хотѣлъ принимать на себя личной отвѣтственности передъ правительствомъ за введенную имъ систему, и правительство, извѣщенное чрезъ ежемѣсячный рапортъ гросмейстера объ этомъ вредномъ для системы Бёбера нововведеніи, дало Віельгорскому строгій выговоръ за неисполненіе имъ обязанностей, то Віельгорскій къ новому году сложилъ съ себя предсѣдательство, и □ Палестины опять приняла Бёберовскую систему и осталась въ союзѣ.

Старая кронштадская □ Нептуна была, 12-го октября 1813 года, возобновлена, и къ имени ея было прибавлено названіе къ Надеждѣ (zur Hoffnung). Она работала по шведской системѣ, на нѣмецкомъ языкѣ.

7-го марта 1814 года въ □ Соединенныхъ друзей была отпразднована торжественная □ (eine Fest-Loge), для привѣтствованія высокопросвѣщ. брата Александра, герцога Виртембергскаго, генералъ-отъ-кавалеріи русской арміи, генералъ губернатора Бѣлорусскаго и дяди императора. Герцога провели надъ стальнымъ сводомъ (unter dem stahlernen Gewölbe); мастеръ стула, братъ Жеребцовъ, привѣтствовалъ его рѣчью, на которую герцогъ отвѣтилъ довольно длиннымъ благодарственнымъ адрессомъ (Dankadresse), и затѣмъ сѣлъ подлѣ мастера стула, на приготовленномъ для него мѣстѣ подъ балдахиномъ. Въ честь герцога было произнесено много рѣчей, въ числѣ которыхъ были очень замѣчательныя.

Кромѣ невыгодъ, проистекавшихъ отъ шведской системы для всѣхъ Іоанновскихъ ложъ, подчиненныхъ великой □ Владиміра къ порядку, вслѣдствіе того, что высокій орденскій совѣтъ имѣлъ чрезъ это рѣшительный перевѣсъ голосовъ въ великой □, которая въ сущности должна была бы состоять почти изъ однихъ представителей Іоанновскихъ ⧈, дѣйствія здѣшнихъ ⧈ были парализованы еще однимъ обстоятельствомъ, а именно тѣмъ, что ложи обязаны были передавать всѣ свои доходы въ общую кассу, въ такъ называемый экономическій комитетъ, гдѣ казначеи всѣхъ ⧈ засѣдали съ правомъ голоса, и откуда выдавались деньги на нужды всѣхъ ⧈. Большіе остатки отъ поступавшихъ туда денегъ употреблялись на неизвѣстные ложамъ расходы.

Хотя этотъ комитетъ, время отъ времени, и давалъ родъ отчета, то все же въ немъ были большіе безпорядки, какъ при взносахъ членами денегъ отъ нѣкоторыхъ ⧈, такъ и въ самомъ счетоводствѣ главнаго казначея (des Grosse-Schatzmeisters); не говоря уже о произвольномъ употребленіи остатковъ.

Тѣ ⧈, которыя добросовѣстно вносили свои деньги, совершенно обѣднѣли; благотворительныя ихъ цѣли не иначе можно было осуществлять какъ только чрезъ особые, и обременительные для членовъ, сборы, да и самые эти сборы стали незначительны вслѣдствіе того, что обильные доходы ⧈, а равно и всѣ пожертвованія, дѣлаемыя въ ихъ пользу, непроизводительно терялись для ихъ цѣлей, почему и не было никакого понужденія къ щедрости; тѣмъ болѣе, что гнетъ аристократическаго устава (Ver-

fassung) полновластно распространялся на всѣ степени, и попытка □ Александра къ вѣнчанному пеликану достигнуть введенія лучшей организаціи финансоваго управленія, и болѣе правильнаго и аккуратнаго счетоводства, окончилась неуспѣшно, и повела только къ тяжкимъ пререкательствамъ и упрекамъ.

Почтенная, справедливая и образцовая □ Александра къ вѣнчанному пеликану, какъ самая давняя и первая изъ здѣшнихъ ⊡, была одною изъ многочисленнѣйшихъ, и при ея мастерѣ стула Розенштраухѣ (Rosenstrauch), послѣ неудачныхъ попытокъ объ лучшемъ устройствѣ экономической части, отвергнутыхъ съ строгостью, выказала примѣрное терпѣніе и трудолюбіе, и отличилась замѣчательными работами по □, чѣмъ пріобрѣла полное уваженіе всѣхъ ⊡ и посѣщавшихъ ее братьевъ. Этими же качествами она отличались и впослѣдствіи, втеченіи многолѣтняго и достохвальнаго предсѣдательства брата фонъ Бёбера, преемника по должности брата Розенштрауха, и бывшаго до 1815 г. (октября) ея мастеромъ стула и викаріемъ всего ордена.

Весною 1815 года возникли большія неудовольствія изъ за измѣненій, сдѣланныхъ въ шведской системѣ, вслѣдствіе которыхъ здѣшняя □ Петра къ истинѣ сочла себя въ правѣ еще болѣе измѣнить эту систему и провести въ масонство свои особыя личныя воззрѣнія. Ея мастеръ стула, въ рѣчи, произнесенной 18-го февраля 1814 года, старался доказать странное и совсѣмъ противо-масонское положеніе (Satz), что предметъ достиженія ордена не есть ни религія, ни мораль, но чистый разумъ (reine Vernunft);— слѣдовательно одинъ чистый разумъ, безъ религіи и морали!— Вмѣстѣ съ своимъ намѣстнымъ мастеромъ (deputirten Meister), онъ старался изгнать изъ ордена всякій мистицизмъ, и сдѣлать единственнымъ предметомъ достиженія чистую философію, основанную на собственныхъ воззрѣніяхъ, и опирающуюся на ученіи Фихте полнаго самоочищенія отъ вліянія страстей и душевныхъ движеній (von Sinnlichen Gemüthsbewegungen), чтобы въ силу такого очищенія достигнуть чистыхъ воззрѣній (reine Anschauungen). Такого по крайней мѣрѣ мнѣнія о его цѣляхъ были благомыслящіе братья этой □. Но подобное самоочищеніе вѣдь и есть основной принципъ (das innere Princip) всѣхъ истинныхъ масонскихъ ⊡; съ тою только разницею, что орденъ предостерегаетъ посвя-

щенныхъ не полагаться на то, что этого возможно было бы достигнуть однѣми собственными силами, безъ помощи Господней, какъ учатъ тому свѣтскіе философы, которые своей теоретической волѣ приписываютъ полную практическую самобытную силу (Selbstkraft). Что же касается мистицизма, то онъ безспорно есть двигатель (die Triebfeder) ордена, гдѣ все, что облечено въ символы, остается для всякаго малотрудящагося противоестественно (Widernatürlich), мистично и темно, но становится ясно и понятно для тѣхъ, которые, безъ предубѣжденія и съ усердіемъ, довѣряясь ордену, идутъ по его пути; они начинаютъ съ того, что недоступно для обыкновенной науки (für die gemeine Wissenschaft), и гдѣ она, слѣдовательно, остается безсильною. И такъ какъ конечныя точки всѣхъ философскихъ наукъ тоже теряются въ мистическихъ гипотезахъ, то почему-же □ эта хочетъ изгнать изъ ордена мистицизмъ; или быть можетъ она, по непониманію (aus Unwissenheit), смѣшиваетъ мистицизмъ съ фантастикой (Schwermerey)?

Изъ этого слѣдуетъ заключить, что начинанія этой □ не исходили изъ истиннаго духа масонства, и конечно было вполнѣ справедливо, что нѣкоторые проницательные братья масоны смотрѣли на нее какъ на нѣчто совершенно чуждое масонству, и видѣли въ ней ни что иное, какъ только учрежденіе для пріятнаго препровожденія времени.

□ эта начала съ того, что перешла въ отдѣльное помѣщеніе, и сначала приняла систему союза добродѣтели (des Tugendbundes), а вскорѣ за тѣмъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, вновь основанную въ Гамбургѣ систему Шредера (Schröder), подъ названіемъ старо-англійскаго масонства (der alten englischen Maurerei), уничтоживъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей □ высшія степени, отъ которыхъ почти всѣ ея члены отказались.

Когда вскорѣ послѣ этого должностныя лица прочихъ ⧉ (die Beamten) и многіе братья высшихъ степеней собрались въ □ подъ предсѣдательствомъ высокопросвѣщ. брата викарія фонъ Бёбера, то послѣдній заявилъ, что считаетъ за лучшее отказаться отъ продолженія работъ по составленной имъ русской системѣ; и съ общаго совѣта и согласія братьевъ, было рѣшено снова ввести шведскую систему, до того же времени продолжать работы по уже принятой.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ собраніи великой ☐ Владиміра къ порядку, большинствомъ голосовъ было рѣшено допущеніе (die Toleranz) всѣхъ признанныхъ масонскихъ системъ; но или не представилось случая къ осуществленію этого рѣшенія, или же принятая должностными лицами ☐ шведская система была признана высшими членами ордена за самую цѣлесообразную, и особенно покровительствуема ими; какъ бы то ни было, но ☐ Петра къ истинѣ, которая не хотѣла измѣнить своей системы, была признана чуждою ордену, и дальнѣйшее ея существованіе было предоставлено суду и благоусмотрѣнію правительства.

Между тѣмъ къ почтен. ☐ Петра къ истинѣ, послѣдовательно и вскорѣ, присоединились почтен. ⧉ Нептуна къ надеждѣ, на востокѣ Кронштадта; Изиды, на востокѣ Ревеля, и французская ☐ Палестины на востокѣ С.-Петербурга; изъ которыхъ первыя двѣ приняли Шредеровскую систему, а ☐ Палестины, на востокѣ С.-Петербурга, осталась впредь до будущаго рѣшенія, при Бёберовской масонской системѣ, которую не хотѣла оставить, будучи утомлена безпрестанными перемѣнами системъ бывшими за послѣднее время.

Русская же ☐ Елисаветы къ добродѣтели, бывшая отдѣломъ ☐ Палестины (ihre Tochter oder Schwester-Loge Elisabeth zur Tugend), и въ которой мастеромъ стула былъ графъ Кушелевъ, осталась подъ вѣдѣніемъ великой ☐ Владиміра, и при шведской системѣ.

Эти четыре соединенныя ⧉ просили разрѣшенія высокаго правительства образовать, отдѣльно для себя, и на либеральныхъ началахъ, великую ☐, не подчиненную другимъ, и пользующуюся равными правами съ прочими великими ложами.

VI.

Въ то время, когда высокопросвѣщ. братъ Жеребцовъ былъ префектомъ (Präfect) всего ордена, а высокопросвѣщ. братъ фонъ Бёберъ намѣстникомъ Саломона (Vicarius Salomonis); гроссмейстеръ великой ☐ Владиміра къ порядку, графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ (?) числа, сообщилъ всѣмъ ⧉ рѣшеніе высо-

каго правительства о закрытіи великой □ Владиміра къ порядку, а также и то, что правительствомъ повелѣно обоимъ союзамъ безотлагательно образовать для каждой изъ нихъ по отдѣльной великой □, не зависящей одна отъ другой, и подъ другимъ именемъ, чѣмъ имя упраздняемой великой □; и что правительство желаетъ, чтобы обѣ эти великія ложи были основаны на либеральныхъ началахъ (auf enine lieberale Grundlage).

Вслѣдствіе этого повелѣнія правительства, письменно сообщеннаго великой □, и чрезъ которое великая □ Владиміра къ порядку упразднялась, высокопочт. братъ фонъ Бёберъ сложилъ съ себя свою должность.

Чтобы безотлагательно исполнить повелѣніе правительства, должностныя лица четырехъ соединенныхъ □□ союза Петра къ истинѣ, большинство которыхъ работало по Шредеровской системѣ, собрались въ □, учредили для своего союза новую великую □, названную □ Астреи (Asträa), и избрали бывшаго гросмейстера директоріальной □ Владиміра къ порядку и французской □ соединенныхъ друзей, брата Мусина-Пушкина — Брюса гросмейстеромъ великой □ Астреи.

Эта новая великая □ приняла представительную форму правленія (die repräsantations Verfassungs-Form) и отмѣнила у себя всѣ высшія степени, такъ что въ составъ ея вошли только законные представители ея четырехъ Іоанновскихъ ложъ и опредѣленное, ограниченное число другихъ членовъ каждой изъ □□ этого союза. Для своихъ работъ она избрала шведскую систему; но оффиціально и торжественно (öffentlich und feierlich) заявила, какъ основное правило (den Grundsatz), что каждой изъ ложъ, находящихся подъ ея директоріею (Autorität), предоставляется полное право избирать для себя какую угодно изъ признанныхъ масонскихъ системъ, даже съ удержаніемъ высшихъ степеней; но въ отношеніи этихъ высшихъ степеней, и отвѣтственности за нихъ передъ правительствомъ, онѣ должны признать гросмейстера членомъ своихъ высшихъ степеней, и сообщать ему извлеченія изъ своихъ протоколовъ (Protokoll Auszüge). Великая эта □ обезпечивала всѣмъ □□, работающимъ подъ ея властью (Autorität), право свободно и по собственному усмотрѣнію избирать своихъ должностныхъ лицъ и распоряжаться своею экономиче-

скою частью (ihrer Oekonomie), и требовала отъ ⧉ только Іоанновскаго червонца (Iohannis Ducaten), для употребленія его на общія благотворительныя учрежденія, и ежегоднаго взноса отъ каждаго изъ членовъ союза, по два рубля ассигнаціями, для покрытія расходовъ великой □; поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ условіемъ для ⧉ своего союза, чтобы онѣ поочередно уступали ей свое помѣщеніе для ея обыкновенныхъ собраній, бывающихъ каждую четверть года (Quartal), а равно и для ея торжественныхъ собраній.

Эти либеральныя основанія великой □ Астреи были очень одобрены членами всѣхъ здѣшнихъ ⧉.

Подъ директоріею этой великой □ были основаны ⧉:

□ Пламенѣющей звѣзды (zum Flammenden Stern), 30 іюля 1815 года, и

□ Избраннаго Михаила (Michael der Auserwählte), 18 сентября того же года.

Первая изъ нихъ работала на нѣмецкомъ языкѣ и по шведской системѣ, а вторая на русскомъ языкѣ, по старо-англійской (или Шредеровской) системѣ. Обѣ онѣ были подчинены великой □ Астреи.

Чрезъ опекунство экономическаго комитета при управленіи общею кассою прежняго союза, соединенное съ столькимъ самовластіемъ, съ злоупотребленіями, и съ большими безпорядками, почтенная □ Александра къ Вѣнчанному Пеликану до того обѣднѣла, что не могла пріобрѣтать себѣ даже самонужнѣйшихъ предметовъ, потребныхъ для ложи, которые или были утеряны, или, чрезъ постоянное употребленіе, пришли въ ветхость. При безпорядочности взноса денегъ въ общую кассу другими ⧉ союза утомленная тѣмъ, что ей почти одной приходилось нести всю тягость общихъ расходовъ, и возмущенная тѣмъ, что даже пожертвованія, дѣлаемыя спеціально ея □, вслѣдствіе общаго управленія кассою, безъ пользы пропадали для нея; негодуя на то, что она, при ея столь значительныхъ доходахъ, не только не можетъ удовлетворять своего желанія относительно благотворительныхъ учрежденій, но даже устранить убожество обстановки своей □; ложа Александра, наконецъ, рѣшилась чрезъ должностныхъ своихъ лицъ обратиться къ союзу ложъ съ письменнымъ

представленіемъ, въ отвѣтъ на которое однако получила только обнадеженіе, что вскорѣ послѣдуютъ измѣненія. Выбранные члены продолжали и затѣмъ законнымъ путемъ устно повторять свои жалобы; но и это вело только къ однѣмъ обнадеживаніямъ.

Побуждаемые настоятельными просьбами членовъ своей □ къ скорѣйшему устраненію этого зла, и извѣщенные, что вслѣдствіе того, что вскорѣ опять будетъ введена шведская система, чрезъ что члены ⧉ получатъ право, во 1-хъ, свободно выбирать своего мастера стула и должностныхъ лицъ, а во 2-хъ, право управленія экономическою своею частью; и узнавъ также, что начальство (die Obren) ордена намѣрено, до неизвѣстнаго еще тогда времени возвращенія Государя Императора въ С.-Петербургъ, отложить исполненіе приказанія правительства объ основаніи новой великой □; и что уже только затѣмъ, по новому ихъ представленію, ордену данъ будетъ цѣлесообразный уставъ; что однако не было исполнено и послѣ того, когда по возвращеніи Государя Императора въ С.-Петербургъ прошло уже болѣе, чѣмъ полгода. Извѣстясь далѣе, что высокій совѣтъ ордена, полновластно управляющій всѣми ⧉ союза, намѣренъ и впредь удержать за собою право распоряжаться по усмотрѣнію всѣми дѣлами ⧉, и назначить въ каждую изъ нихъ пожизненнаго мастера стула, предоставивъ ему право самому избирать и назначать должностныхъ лицъ □; и что, слѣдовательно, такимъ образомъ вся нравственная и исполнительная часть законодательной власти (Gesetzkraft) и впредь останется въ рукахъ чуждаго ⧉ (einem unbekanten) высокаго орденскаго совѣта; должностныя лицы □ Александра къ Вѣнчанному Пеликану, чрезъ своего намѣстнаго мастера стула (deputirten Meister vom Stuhl), высокопочт. брата Шуберта, обратились къ высокопросвѣщ. брату фонъ Бёберу съ просьбою дозволить имъ созвать частное собраніе (eine Privat Versammlung zu halten); и съ его разрѣшенія собрались, чтобы вмѣстѣ разработать проэктъ (einen Vorschlag) лучшаго устройства экономической части (der Oeconomie), для его представленія союзу. Вмѣстѣ съ тѣмъ они освѣдомились у него, какъ у бывшаго до сего времени мастера стула и намѣстника Саломона, и поэтому предсѣдательствовавшаго въ высокомъ орденскомъ совѣтѣ, будутъ ли и во вновь вводимой шведской системѣ заклю-

чаться всѣ вышеупомянутыя ограниченія правъ Іоанновскихъ ⧉, въ числѣ которыхъ были нѣкоторыя противорѣчащія даже прежде-даннымъ правамъ ⧉, и дѣйствительно ли умышленно затягиваютъ возобновленіе ихъ центральнаго управленія (ihre Central Autorität), великой Іоанновской ложи?

Такъ какъ, къ не малому изумленію должностныхъ лицъ □, мастеръ стула и намѣстникъ, отъ имени высокаго совѣта оффиціально подтвердилъ это, и ихъ представленія и убѣжденія, что братья □ Александра не останутся этимъ довольны, не были приняты во вниманіе, и ихъ усердная просьба уважить настоятельное и справедливое требованіе □ была напрасна, то они и просили высокопоч. мастера стула дозволить имъ собраться для совѣщанія въ семейную ложу (eine Familien-Loge), чтобы окончательно убѣдиться въ единодушіи этого требованія и въ общемъ неудовольствіи; просили его вполнѣ довѣриться □, давшей ему столько доказательствъ уваженія и преданности, какъ врядъ ли ему дано будетъ какою бы ни было изъ другихъ ⧉.

Единственный отвѣтъ, полученный на это должностными лицами, былъ, что ихъ настоящая просьба будетъ представлена въ высокій совѣтъ ордена, и что рѣшеніе его будетъ имъ сообщено.

Послѣ нѣкотораго времени напрасныхъ надеждъ, одному изъ должностныхъ лицъ удалось упросить мастера стула созвать семейную ложу (eine Familien-Loge); однако вмѣсто этой обѣщанной □, члены нашли залъ для этого совѣщанія съ такою обстановкою, что онъ, вопреки духу масонства, скорѣе всего похожъ былъ на уголовный судъ. Между тѣмъ, въ виду этой нецѣлесообразности, имъ удалось почтительнѣйше испросить у высокопочт. мастера стула дозволеніе собраться для совѣщанія въ ихъ собственной □.

Результатомъ этой совѣщательной □, (Berathungs □), бывшей 8-го октября 1815 года [1]), и въ которой мастера стула, какъ главу □, просили своею подписью дать утвержденіе двумъ, подписаннымъ всѣми членами ложи, представленіямъ (Schriften), отно-

[1]) Копія съ доклада, сдѣланнаго въ этомъ собраніи гросмейстеру фонъ Бёберу, риторомъ □, братомъ Кнаппе, сохранилась.

сившимся до управленія экономическою частью, учрежденія великой □ для ихъ союза, и до свободы избранія,—было то, что братьямъ объявили окончательное рѣшеніе о томъ, что и впредь общее экономическое управленіе останется въ вѣдѣніи комитета, учрежденнаго высокимъ совѣтомъ ордена, и что будутъ сдѣланы исправленія; но предполагались такія небольшія и не существенныя, что онѣ мало отвѣчали желаніямъ и потребностямъ □, и не могли ихъ удовлетворить. Поэтому, это, столь странное и нецѣлесообразное, распоряженіе вызвало общее неудовольствіе членовъ □, тѣмъ болѣе,, что вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено было и то, что предписанное правительствомъ, за отсутствіемъ Государя Императора, возобновленіе великой □ для ⧉ шведскаго союза, которую □ Александра признавала своимъ естественнымъ судомъ (Tribunal), не можетъ немедленно быть исполнено; и что по шведскому статуту (Ordens Vesfassung) высокій совѣтъ ордена имѣетъ неотъемлемое право назначить въ каждую изъ ⧉ пожизненнаго мастера стула, съ правомъ самому избирать всѣхъ должностныхъ лицъ □; и что если □ Александра этимъ недовольна, то она, какъ это явствуетъ изъ распоряженія правительства, прочитаннаго въ этотъ день въ □ однимъ изъ ея братьевъ, и до того времени умышленно скрываемаго отъ □ ея мастеромъ стула, имѣетъ полное право перейти подъ вѣдѣніе великой □ Астреи. Вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено многочисленно собравшимся братьямъ, что ихъ предложеніе о лучшемъ устройствѣ экономической части не будетъ принято прочими ⧉. Сверхъ того ихъ просили, чтобы они, по истеченіи извѣстнаго срока, явились въ общее собраніе должностныхъ лицъ (ein gemeinschaftliches Beamten Collegium) ⧉ шведскаго союза, чтобы изложить тамъ свои требованія, при чемъ имъ однако было заявлено, что прочія ⧉ не примутъ ихъ проэкта относительно лучшаго управленія экономическою частью, что вскорѣ и подтвердилось заявленіями братьевъ этихъ ⧉.

На это должностныя лица почтенной □ Александра отвѣтили отъ ея имени, что такъ какъ высокопочт. мастеру стула не угодно утвердить своею подписью оба столь справедливыя и законныя ея представленія (so gerechte und billige Schriften), изъ которыхъ первое относится до лучшаго устройства общей

экономической части, а второе до возобновленія великой ☐ и свободы выборовъ, то они не имѣютъ законнаго права явиться въ общее собраніе должностныхъ лицъ (in den allgemeinen Beamten Collegium) и что такъ какъ, по данному увѣренію, остальныя ☐☐ не хотятъ присоединиться къ ихъ предложенію, то ихъ присутствіе тамъ будетъ совершенно безполезно.

Затѣмъ должностныя лица почтительнѣйше заявили, что присяга и долгъ дѣлаютъ для нихъ невозможнымъ не настаивать на томъ, чтобы утвержденное подписью всѣхъ членовъ ☐ законное требованіе было исполнено, и убѣдительно просили высокопочт. мастера стула утвердить ихъ представленія своею подписью. Однако высокопочт. мастеръ стула и намѣстникъ Саломона напротивъ объявилъ, что это ему невозможно, и что онъ при такихъ обстоятельствахъ не можетъ долѣе держать молотка (den Hammer führen). Затѣмъ онъ сложилъ съ себя свою должность, и снявъ съ себя, не по обычному порядку, знаки званія мастера стула, оставилъ свое мѣсто.

Перев. съ нѣмецкой рукописи Н. С. **Иванина**.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИРИНЕЙ НЕСТЕРОВИЧЪ, АРХІЕПИСКОПЪ ИРКУТСКІЙ.

1805 — 1864.

I.

Преосвященный Ириней, сначала епископъ Пензенскій, а потомъ на короткое время архіепископъ Иркутскій, сдѣлался извѣстнымъ русскому обществу по крайней своеобразности и оригинальности своего капризнаго характера. Онъ заявилъ себя такими чудачествами и странными выходками, которыя наконецъ довели его до того, что онъ былъ заподозрѣнъ въ умопомѣшательствѣ. Преосвященный Ириней закончилъ свое архипастырство трагически: онъ былъ признанъ страдающимъ разстройствомъ умственныхъ способностей и лишенъ епархіи.

Объ оригинальной личности преосвященнаго Иринея много матеріаловъ, разсказовъ и воспоминаній напечатано было въ «Русской Старинѣ». Такъ мы находимъ здѣсь слѣдующія статьи:

1) Любопытная резолюція архіепископа Иркутскаго Иринея 1830 г. Сообщ. А. И. Войцеховичъ [1].

2) Ириней, епископъ Пензенскій. Его чудачества [2].

3) Бунтъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ 20 сентября 1831 г. Очерки, разсказы и воспоминанія Эразма Стогова [3].

4) Бунтъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ 20 сентября 1831 г. Донесеніе генералъ-губернатора Лавинскаго и характеристическіе разсказы объ Иринеѣ. Сообщ. гг. Сергѣевъ, протоіерей Сулоцкій и членъ Археограф. Коммисіи—А. Н. Труворовъ [4].

---

[1] „Русск. Стар.“ 1872 г., томъ V, 477—478.

[2] „Русск. Стар.“ 1879 г. томъ XXIV, 159—163.

[3] „Русск. Стар.“ 1878 г. т. XXIII, 99—118.

[4] „Русск Стар.“ 1879 г. т. XXIV, 361—370.

5) Резолюція архіепископа Иринея 1830 г. по поводу отказа игуменіи женскаго монастыря принять въ монастырь дочь священника, заподозрѣнную въ беременности [1]).

Наконецъ редакція «Русской Старины» помѣстила у себя въ своемъ изданіи и самый портретъ преосвященнаго Иринея, гравированный академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. На портретѣ преосвященный Ириней обращаетъ на себя вниманіе особенною выразительностію своего красиваго лица и серьезностью взгляда, вовсе не обличающаго въ немъ признаковъ помѣшательства [2]).

Въ 1882 г. В. И. Жмакинъ сообщилъ одинъ интересный эпизодъ изъ времени архипастырства Иринея въ Пензѣ [3]).

Въ видахъ возбужденнаго въ послѣднее время интереса къ личности преосвященнаго Иринея и особенно къ его такъ называемому «бунту», предлагается читающей публикѣ рядъ оффиціальныхъ документовъ, составляющихъ въ своей совокупности обширное «дѣло преосвященнаго Иринея», вызванное его поведеніемъ въ Иркутскѣ и закончившееся его «бунтомъ», хотя названіе «бунтъ» здѣсь употреблено не вполнѣ умѣстно и скорѣе въ ироническомъ смыслѣ, какъ это видно будетъ ниже. Редакція «Русской Старины», въ заключеніе обозрѣнія напечатанныхъ ею статей о преосвященномъ Иринеѣ, сдѣлала общее замѣчаніе о его нравственномъ характерѣ. По взгляду названной редакціи, преосвященный Ириней Нестеровичъ былъ человѣкъ себѣ на умѣ; онъ былъ подражателемъ архимандриту Фотію. Ириней, по взгляду этой редакціи, является послѣднимъ представителемъ духовной оппозиціи мѣстной свѣтской власти и служитъ живымъ доказательствомъ невозможности существованія на Руси клерикаловъ и ультрамонтановъ. Я не берусь ни доказывать умопомѣшательство преосвященнаго Иринея, ни становиться на точку зрѣнія взглядовъ на него редакціи «Русской Старины». Я предлагаю только документальные источники о преосвященномъ Иринеѣ. При этомъ не могу не замѣтить, что обнародываемые мною документы объ Иринеѣ содержатъ въ себѣ такого рода данныя, на основаніи которыхъ можно приходить къ противуположнымъ заключеніямъ о характерѣ этого преосвященнаго.

Для полноты и ясности дѣла я сообщаю краткія біографическія свѣдѣнія о преосвященномъ Иринеѣ. Преосвященный Ириней былъ родомъ малороссъ, окончилъ, въ 1805 году, курсъ въ кіевской ду-

---

[1]) „Русск. Стар." 1879, ноябрь, 562—563.

[2]) „Русск. Стар." 1879 г., ноябрь.

[3]) Христіанское чтен. 1881 годъ, май—іюнь.

ховной академіи, въ 1813 году былъ постриженъ въ монашество, а въ 1817 году возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1826 году былъ назначенъ ректоромъ Кишиневской семинаріи, а въ 1828 году былъ возведенъ въ санъ епископа Пензенскаго и Саратовскаго. Въ 1830 годуИриней былъ назначенъ архіепископомъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ, а въ слѣдующемъ затѣмъ году онъ уже былъ удаленъ на покой. Удаленіе его и сопровождалось «бунтомъ».

II.

Дѣло преосвященнаго Иринея началось по непосредственному высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича. Кто именно донесъ императору о странностяхъ преосвященнаго Иринея, свидѣтельствовавшихъ о не совсѣмъ нормальномъ состояніи его головы, положительно неизвѣстно. Но скорѣе всего объ этомъ конфиденціальнымъ путемъ сообщилъ государю генералъ-губернаторъ Восточной Сибири г. Лавинскій. Синодъ ничего не зналъ о странныхъ дѣйствіяхъ иркутскаго архіепископа Иринея. Вдругъ синодъ, совершенно неожиданно, получаетъ высочайшее повелѣніе, выраженное въ слѣдующемъ предложеніи синоду его оберъ-прокурора князя Петра Сергѣевича Мещерскаго отъ 26 іюня 1831 года:

«По дошедшимъ до государя императора свѣдѣніямъ о безпорядкахъ, произшедшихъ по Иркутской епархіи во время управленія оною архіепископа Иринея, и о предосудительныхъ его дѣйствіяхъ, по коимъ полагать должно, что онъ подвергся разстройству умственныхъ способностей, его величество высочайше повелѣть соизволилъ удалить его немедленно отъ управленія епархіею и запереть въ монастырь по усмотрѣнію св. синода, съ назначеніемъ ему содержанія, а на мѣсто его представить кандидатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь императоръ повелѣваетъ, чтобы, по назначеніи въ Иркутскую епархію другаго архіерея, поручить ему разсмотрѣніе жалобъ и доносовъ, поступившихъ на архіепископа Иринея, и затѣмъ представить св. синоду мнѣніе о исправленіи тѣхъ безпорядковъ и неустройствъ, кои по духовному управленію тамъ оказались».

Выслушавъ такое высочайшее повелѣніе, св. синодъ іюня 26 и іюля 9 опредѣлилъ: «Первое—означеннаго архіепископа Иринея, по таковомъ удаленіи отъ управленія епархіею, не допускать болѣе до священнослуженія. Второе: пребываніе ему имѣть Вологодской епархіи во второклассномъ Спасоприлуцкомъ монастырѣ, гдѣ сверхъ бдительнаго за нимъ надзора настоятеля сего монастыря имѣть таковый же

и Вологодскому епархіальному архіерею; а касательно образа жизни и поступковъ доносить синоду по третямъ года. Третье: по надлежащемъ объявленіи о семъ ему, архіепископу, и по принятіи отъ него всего принадлежащаго Иркутскому архіерейскому дому казеннаго имущества и денежной суммы, кому отъ синода сіе поручено будетъ, слѣдовать ему въ назначенное мѣстопребываніе въ сопровожденіи надежнаго чиновника, коего истребовать отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. Четвертое: на проѣздъ и препровожденіе его, архіепископа Иринея, отъ Иркутска въ Вологду и на путевыя при семъ дальнемъ переѣздѣ издержки отпустить прогонныя деньги по сану его, да на обратный путь въ Иркутскъ чиновнику, имѣющему провождать его, архіепископа, въ Вологду сколько по чину его, слѣдовать будетъ на счетъ экстраординарной суммы, ассигнуемой ежегодно по духовному вѣдомству. Пятое: на содержаніе его, архіепископа, въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ производить ежегодно по 1200 рублей изъ государственнаго казначейства». Въ то же самое время синодъ представлялъ государю для замѣщенія Иркутской епархіальной каѳедры трехъ кандидатовъ, именно: Орловскаго епископа Никодима, Пермскаго—Мелетія и Оренбургскаго—Аркадія.

Послѣ доклада государю вышеприведеннаго опредѣленія синода оберъ-прокуроръ князь Мещерскій вошелъ въ синодъ со слѣдующимъ новымъ предложеніемъ:

«По порученію св. синода имѣлъ я счастіе представлять государю императору о кандидатахъ, избранныхъ къ замѣщенію Иркутской архіерейской каѳедры, по удаленіи отъ управленія сею епархіею архіепископа Иринея, а также о предположеніяхъ св. синода касательно назначенія мѣстопребыванія и содержанія архіепископу Иринею. Его императорское величество высочайше соизволилъ, чтобы на мѣсто архіепископа Иринея назначенъ былъ Пермскій епископъ Мелетій, съ повышеніемъ его въ санъ архіепископа; о чемъ имѣю честь предложить св. синоду представить на высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшій докладъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь объявить, что государь императоръ, согласно со мнѣніемъ членовъ св. синода, высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Назначить для заключенія архіепископа Иринея Вологодской епархіи Спасоприлуцкій монастырь.

2) Запретивъ священнослуженіе архіепископу Иринею, предписать ему тотчасъ слѣдовать въ монастырь.

3) Для сопровожденія его къ мѣсту назначенія истребовать отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири надежнаго чиновника.

4) На содержаніе преосвященнаго Иринея положить по 1200 р. въ годъ».

Это высочайшее повелѣніе состоялось 18 іюля 1831 г.

Во исполненіе настоящаго высочайшаго повелѣнія синодъ отъ 23 іюля того же 1831 года постановилъ:

«О семъ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи упоминаемому архіепископу Иринею объявить отъ св. синода указомъ съ прописаніемъ въ немъ доклада онаго, предписавъ ему, архіепископу, чтобы онъ по полученіи сего указа во всѣхъ отпускаемыхъ на архіерейскій домъ жалованныхъ суммахъ и въ неокладныхъ доходахъ учинилъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ по день состоянія высочайшаго повелѣнія, т. е. по 18-е число сего іюля, надлежащій съ Иркутскою консисторіею расчетъ и по оному получа себѣ принадлежащее прочія деньги и все казенное имущество оставилъ со всѣми приходными и расходными книгами и съ разсчетомъ за своимъ собственнымъ подписаніемъ въ смотрѣніе Иркутской консисторіи на точномъ основаніи предписаній изъ св. синода, при подобныхъ случаяхъ послѣдовавшихъ; и чтобы по таковой сдачѣ и по полученіи имъ прогонныхъ денегъ слѣдовалъ онъ въ сопровожденіи чиновника, какой для него назначенъ будетъ по распоряженію г. генералъ-губернатора, въ городъ Вологду, для пребыванія тамъ во второклассномъ Спасоприлуцкомъ монастырѣ».

Объ удаленіи архіепископа Иринея отъ управленія епархіей посланы были синодальные указы въ Иркутскъ одинъ на имя самаго Иринея, другой на имя Иркутской духовной консисторіи, въ Пермь также одинъ на имя Пермскаго епископа Мелетія, другой на имя пермской духовной консисторіи.

Въ то же самое время посланъ былъ изъ синода отъ 27 іюля 1831 года особый указъ на имя Вологодскаго епископа Стефана, въ которомъ ему, между прочимъ, предписывалось слѣдующее: «когда прибудетъ въ Вологду удаленный отъ управленія Иркутскою епархіею архіепископъ Ириней, то бы для жительства ему во второклассномъ Прилуцкомъ монастырѣ отведены были пристойныя комнаты, настоятелю же онаго монастыря поручено бы было имѣть за нимъ бдительный надзоръ, каковый имѣть и вашему преосвященству, и чтобы объ образѣ жизни его и поступкахъ доносили св. синоду по третямъ года».

Оберъ-прокуроръ синода князь Мещерскій отправилъ на имя генералъ-губернатора Восточной Сибири г. Лавинскаго особое отношеніе, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы для сопровожденія преосвященнаго Иринея до Вологды командированъ былъ надежный чиновникъ, который долженъ быть при этомъ снабженъ особою инструк-

ціей. Отношеніе князя Мещерскаго къ Лавинскому получено было въ Иркутскѣ 4-го сентября.

III.

ПреосвященныйИриней, получивъ указъ о своемъ увольненіи отъ управленія епархіей, усумнился въ его подлинности и особенно потому, что указъ былъ письменный, а не печатный, тогда какъ, какъ думалъ преосвященныйИриней, всѣ именные указы должны быть непремѣнно печатные. Поэтому когда отъ генералъ-губернатора Лавинскаго явился къ архіепископу Иринею гражданскій чиновникъ, нѣкто Голубовъ, назначенный для сопровожденія его изъ Иркутска въ Вологду, то преосвященныйИриней объявилъ ему, что онъ не отдастъ себя гражданскому начальству. Здѣсь между Иринеемъ и чиновникомъ Голубовымъ произошли шумныя пререканія, въ которыхъ собственно и состоялъ весь «бунтъ» архіепископа Иринея. Подробности препирательствъ между Иринеемъ и чиновникомъ Голубовымъ и составляютъ бо̀льшую часть дѣла объ Иринеѣ. Эти подробности описаны во всеподданнѣйшемъ донесеніи государю императору генералъ-губернатора Лавинскаго, напечатанномъ на страницахъ «Русской Старины». Изданный въ «Русской Старинѣ» документъ является какъ то одинокимъ и нѣсколько одностороннимъ. Онъ, какъ и вообще все дѣло Иринея, разъясняется и пополняется другими подобнаго же оффиціальнаго характера документами, находящимися въ дѣлѣ о преосв. Иринеѣ.

Немедленно послѣ того, какъ преосвященныйИриней отказался выѣхать изъ Иркутска съ присланнымъ отъ генералъ-губернатора чиновникомъ и при этомъ устроилъ противъ него шумную демонстрацію, г. Лавинскій съ особымъ курьеромъ отправилъ въ Петербургъ на имя государя донесеніе, въ которомъ подробно описывается сопротивленіе, оказанное преосв. Иринеемъ. Три дня спустя послѣ отправленія донесенія о поступкѣ Иринея государю, г. Лавинскій копію съ этого донесенія препроводилъ къ оберъ-прокурору синода князю Мещерскому и кромѣ того отправилъ на его имя письмо слѣдующаго содержанія:

«Сего сентября 23 числа я имѣлъ честь препроводить къ вашему сіятельству списокъ со всеподданнѣйшаго донесенія моего государю императору о необыкновенномъ поступкѣ бывшаго Иркутскаго архіепископа Иринея, приказавшаго тащить присланнаго отъ меня на гаубвахту чиновника, послѣдовавшаго лично за симъ чиновникомъ и дѣлавшаго различныя войску и народу возглашенія, которыя бы

могли произвести самыя непріятныя послѣдствія. Нынѣ необходимымъ считаю препроводить къ вамъ, милостивый государь, подлинное донесеніе ко мнѣ иркутскаго гражданскаго губернатора отъ 28 сентября, объясняющее подробности свиданія, которое по предварительному разрѣшенію моему имѣлъ онъ съ преосвященнымъ Иринеемъ въ присутствіи здѣшняго коменданта, и доказывающее какъ расположенность его къ какимъ-то замысламъ, такъ и необходимость строгихъ наблюденій за нимъ, доколѣ будетъ оставаться въ Иркутскѣ и особенныхъ со стороны правительства распоряженій на случай, ежели повелѣно будетъ отправить его, во внутреннія губерніи. Я убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство обратить ближайшее вниманіе ваше на сіе дѣло и оказать содѣйствіе дабы для выполненія мѣръ, какія по оному назначены будутъ, прислана была сюда уполномоченная высшаго сана особа съ правомъ рѣшительнаго дѣйствія, ибо настоящее расположеніе мыслей архіепископа Иринея и слова его, въ донесеніи губернатора изъясненныя, доказываютъ предварительно, что онъ готовъ считать подложнымъ всякое послѣдующее распоряженіе правительства и можетъ посягнуть на какой нибудь отчаянный поступокъ, коему послѣдователей весьма не трудно найти въ странѣ, наполненной преступниками и на все готовыми людьми.

Не лишнимъ также считаю приложить здѣсь въ спискахъ: 1) донесеніе ко мнѣ чиновника по особымъ порученіямъ Голубова и 2) показанія, взятыя иркутскимъ комендантомъ отъ нижнихъ чиновъ 14-го линейнаго баталіона. Бумаги сіи служатъ въ поясненіе того, какимъ образомъ означенный Голубовъ, по приказанію архіепископа Иринея, взятъ былъ подъ стражу и веденъ на гаубвахту; а какъ въ самый день происшествія, по внушеніямъ нѣкоторыхъ клевретовъ архіепископа, разнеслась въ народѣ ложная молва будто бы самъ онъ, а не чиновникъ Голубовъ былъ взятъ на гаубвахту и при всей нелѣпости и невѣроятности сей молвы нашлись люди столь легковѣрные, что приняли оную за истину, а между тѣмъ, какъ извѣстился я, одинъ изъ членовъ иркутской духовной консисторіи протоіерей Конаровскій, повидимому весьма преданный архіерею, воспользовавшись симъ, доносъ объ означенномъ происшествіи св. синоду посредствомъ консисторіи въ превратномъ видѣ, то упомянутыя приложенныя бумаги могутъ также служить и доказательствомъ несправедливости таковаго донесенія Конаровскаго».

Донесеніе чиновника особыхъ порученій 8 класса Голубова г. генералъ-губернатору Восточной Сибири.

Во исполненіе приказанія вашего превосходительства, явился я сего сентября 20 числа въ 8½ часовъ по полуночи къ высокопреосвященному Иринею и послѣ должнаго привѣтствія объявилъ ему данное мнѣ порученіе сопутствовать ему до мѣста его назначенія. Сіе объявленіе мое онъ, высокопреосвященный Ириней, принялъ въ видѣ насилія и спросилъ у меня по какому праву я пришелъ его схватить, присовокупляя къ тому, что онъ долженъ сдать соборъ имѣющему прибыть архіепископу Мелетію, но постепенно отклоняясь отъ сего послѣдняго изреченія объявилъ мнѣ, что присланный указъ на счетъ смѣны его есть подложный, и что онъ не признаетъ его дѣйствительнымъ потому, что всѣ имянные указы должны быть печатанные, что никакого архіерея Мелетія на мѣсто его не назначено и пришедъ въ нѣкоторое изступленіе вышелъ изъ дома, украшенный орденскимъ знакомъ и панагіею, не преставая повторять вышесказаннаго, и что я первый, какъ исполнитель сего ложнаго указа, лишусь чиновъ и моего шитаго мундира, и что онъ не хочетъ отдать себя гражданскому начальству. Я, слѣдуя за нимъ, удостовѣрялъ его самыми почтительными выраженіями, что я отнюдь не пріѣхалъ схватить его, что время отправленія его вовсе непринужденно; но онъ ничего не слушалъ и держалъ меня за руку, хватая даже за шпагу и за бортъ, приближался къ стоящему у собора часовому и приказалъ какъ ему, такъ и собравшимся на дворѣ своимъ служителямъ и казначею его, защищать отъ насилія его и задержать меня, а между тѣмъ послалъ еще за часовыми, которые и прибыли отъ находящагося вблизи шлагбаума и тріумфальныхъ воротъ и получили отъ него тѣ же отзывы на счетъ насилія и таковое же приказаніе задержать меня и вести за нимъ на главную гауптвахту. Я предвидя, что сіе рѣшительное намѣреніе его можетъ произвести большое смятеніе въ городѣ, хотѣлъ съ помощію служителей его и казначея не допустить его выйдти изъ соборнаго двора; но будучи окруженъ людьми его и часовыми, убѣжденными ложными объявленіями его о насиліи и о прочемъ, и въ точности исполняющими его приказанія, я излишнимъ счелъ сопротивляться и за таковымъ конвоемъ вышли мы чрезъ соборный дворъ къ помянутой заставѣ, съ которой ефрейторъ нарядилъ двухъ часовыхъ, приказалъ имъ идти за нами на главную гауптвахту. Всѣ убѣжденія мои къ его высокопреосвященству и ко всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ, оставить сію

столь позорную для сана его процессію, или по крайней мѣрѣ идти къ г. генералъ-губернатору, были безполезны; и мы въ такомъ видѣ и въ сопровожденіи постепенно стекавшагося народа прибыли на главную гауптвахту, гдѣ и были встрѣчены караульнымъ офицеромъ и плацъ-маіоромъ и не взирая на дальнѣйшія настоянія высокопреосвященнаго Иринея задержать меня, я оставилъ ихъ и имѣлъ честь явиться къ вашему высокопревосходительству. Во время же слѣдованія нашего, онъ, высокопреосвященный Ириней, всякому встрѣчающемуся лицу объявлялъ, что я хотѣлъ внезапно схватить его, не допустить къ сдачѣ собора, зарѣзать его на пути и потомъ объявить, что онъ, какъ сумашедшій, самъ зарѣзался, что до сихъ поръ не было молебствія по случаю рожденія великаго князя Николая Николаевича, и что указы синода о смѣнѣ его ложны; о чемъ имѣю честь вашему высокопревосходительству донести. Послѣдствія же прибытія нашего на главную гауптвахту вашему высокопревосходительству извѣстны.

Отношеніе иркутскаго гражданскаго губернатора г. генералъ-губернатору Восточной Сибири.

Послѣ произведеннаго 20-го сентября соблазнительнаго и предосудительнаго поступка высокопреосвященнымъ Иринеемъ, я, желая узнать о состояніи его здоровья, послалъ къ нему окружнаго лекаря Сарочинскаго, который по возвращеніи отъ него доложилъ мнѣ, что здоровье его не показываетъ никакого болѣзненнаго состоянія, но что умственныя его способности находятся еще въ воспламененіи. Въ разговорѣ старался ему доказать ложность указовъ, увѣряя его, что онъ вскорѣ опять будетъ архіепископомъ Иркутскимъ и тогда онъ ему въ знакъ благодарности и его къ нему, архіерею, преданности, поручитъ пользованіе въ семинарской больницѣ.

По прошествіи недѣли, полагая, что имѣлъ время обдумать нелѣпость учиненнаго имъ поступка, я вмѣстѣ съ г. комендантомъ Покровскимъ отправился къ нему; по прибытіи въ келлію доложили о нашемъ приходѣ, онъ вышелъ въ приличной одеждѣ, сдѣлалъ скромное привѣтствіе, спросилъ о нашемъ здоровьѣ; но когда я по краткомъ разговорѣ, сдѣлалъ вопросъ о его здоровьѣ, то онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ, что онъ здоровъ, и что это докажетъ мнѣ, вскочилъ съ нѣкоторою горячностію съ дивана, пошелъ въ спальню и вынесъ нѣсколько бумагъ, сѣлъ опять и, отложивъ ихъ въ сторону, началъ разсказывать о Пугачевѣ, о возмущеніяхъ въ царствованіе

блаженной памяти государыни Екатерины, и что они всѣ происходили отъ ложныхъ указовъ; почему письменнымъ не велѣно вѣрить. Когда я ему сказалъ, что это относится къ дѣламъ, кои во всемъ государствѣ должны быть извѣстны, а что дѣла къ лицамъ, или одной части принадлежащія, исполняются по письменнымъ указамъ. то онъ съ горячностію стремился мнѣ разъяснить, что̀ есть письменное или печатное распоряженіе и какъ должно понимать имянныя высочайшія повелѣнія, указывая на печатный докладъ Св. Синода о его назначеніи въ Иркутскую епархію. На возраженіе мое, что докладъ печатался для циркулярнаго свѣдѣнія и разсылки въ другія епархіи, онъ назвалъ мое сужденіе софизмами, потомъ началъ разъяснять предшествовавшіе предъ 20 числомъ дѣйствія свои; что онъ приготовлялся къ публичной сценѣ, зная съ мая мѣсяца, что ему предназначается перемѣна, что онъ чрезъ разныя хитрости вывѣдывалъ расположеніе умовъ, что мы вѣрно перемѣну его нрава замѣтили, что въ немъ азіатская кровь, но что высокопреосвященный патріархъ Константинопольскій, при которомъ онъ якобы находился въ служеніи, замѣчалъ его умъ и говорилъ, что рѣдко такой хитрости найти можно; что и здѣсь, получивъ указъ Синода на имя его, онъ 7 дней удерживалъ его безъ огласки; что онъ отъ того времени старался знакомить солдатъ съ его особой, выходилъ подъ видомъ прогулки къ стоящимъ у собора и у Московскаго шлагбаума часовымъ и караульнымъ, разговаривалъ съ ними и такъ готовилъ ихъ къ тому, что ежели ему нужно будетъ защита войскъ, они его уже знали; что посѣщеніе его къ г. генералъ-губернатору и изъявленіе готовности къ отъѣзду была хитрость, и вызовъ его, что не имѣетъ готоваго экипажа сдѣлалъ для того, дабы г. генералъ-губернаторъ приказалъ починить экипажъ въ ремесленномъ домѣ и чрезъ что всѣ каторжные узнали, что ему готовятъ отъѣздъ. Продолжая такой разговоръ болѣе часу, на отзывъ г. коменданта, чтобъ онъ былъ теперь спокоенъ, ибо никто его къ выѣзду принуждать не будетъ, а вѣрно прибудетъ довѣренная особа изъ С.-Петербурга, онъ отвѣчалъ: можно нарядить какого обманщика въ генеральскій мундиръ и обвѣшать его орденами для того только, чтобы выманить его изъ Иркутска и тогда умертвить; почему никакая сила не вывезетъ отсюда, если ему не будутъ предъявлены нѣкоторые печатные указы.

Между продолжавшихся болѣе двухъ часовъ разговоровъ, (ибо когда мы хотѣли удалиться, онъ опустился предо мною на колѣна и просилъ терпѣливо его выслушать), онъ увѣрялъ меня, что буде я къ нему буду расположенъ, спасетъ меня и выпутаетъ изъ сего дѣла и что онъ одного губернатора, который съ семействомъ своимъ у

ногъ его просили, избавилъ отъ всякой бѣды. Потомъ упрекалъ, что я съ архимандритомъ Иларіемъ въ дружбѣ, старались скрыть 15 тысячъ руб., но что все это будетъ выведено. Когда же я его спросилъ, что вѣрно онъ шутитъ, дѣлая мнѣ такія укоризны, то сталъ извиняться. Продолжая разговоръ онъ сказывалъ, что собиралъ всѣхъ священниковъ, убѣждалъ ихъ не вѣрить полученному указу, что архіепископъ Мелетій не существуетъ, что за республикованіе указа секретарь будетъ наказанъ кнутомъ, а протоіерей разстриженъ, что онъ дабы пріобрѣсть преданность духовныхъ лицъ, дарилъ ихъ серебромъ, рясами, богатыми поясами. Всѣ его разсказы клонились къ тому, чтобы доказать, что онъ не можетъ лишиться своего мѣста, и что всѣ партикулярныя письма, получаемыя имъ отъ знакомыхъ и объясняющія участіе въ его положеніи, есть слѣдствіе подложныхъ указовъ, разосланныхъ отъ извѣстныхъ ему лицъ изъ С.-Петербурга во всѣ мѣста. Преніо продолжалось 2 часа; увѣренія наши, что онъ заблуждается, всегда принимаемы были съ обновленіемъ горячности, которая въ продолженіи его разговора опять утихала. Изъ всего сего я вижу какое-то смѣшеніе обдуманнаго плана и запальчивости страстей, полагаю, что безъ особенныхъ рѣшительныхъ мѣръ нельзя будетъ склонить его къ выѣзду изъ Иркутска.

Допросы нижнихъ воинскихъ чиновъ.

1831 года 21 сентября вслѣдствіе предписанія г. генералъ-губернатора Восточной Сибири и кавалера, нижніе воинскіе чины спрашиваемы показали въ присутствіи г. Иркутскаго коменданта:

1) Стоявшій на часахъ у собора рядовой Власъ Ларіоновъ, что 20 числа сентября мѣсяца въ исходѣ 9 часа случилось ему нечаянно взглянуть на крыльцо архіерейскаго дома, изъ котораго въ то время вышелъ преосвященный и неизвѣстный ему гражданскій чиновникъ; первый примѣтно въ сердцахъ послѣдняго держалъ за бортъ и подводя къ нему произнесъ, чтобы онъ, часовой, защищалъ его и взялъ ихъ обоихъ подъ караулъ, какъ же онъ отъ того отозвался, приказалъ одному изъ вышедшихъ за нимъ мальчиковъ дать знать въ караулъ стоящимъ при Московскомъ шлагбаумѣ, а между тѣмъ говорилъ, якобы чиновникъ этотъ требовалъ отъ него, (т. е. архіерея), быть готовымъ къ отъѣзду и принуждалъ сдать соборъ, чего онъ сдѣлать, не видя высочайшаго указа, не можетъ и требуетъ защиты у солдатъ, съ окончаніемъ сего коль скоро отъ небытности ефрейтора пришли рядовые—Савелій Здорный и Василій Турубовъ съ ними

пошелъ немедленно къ шлахбауму не выпущая чиновника изъ руки, кромѣ же вышедшаго за архіереемъ мальчика духовныхъ лицъ и церковнослужителей никого не было. И болѣе сего показать ничего не знаетъ. Сіе показалъ по сущей справедливости и подписуется за него комендантскій писарь Яковъ Киренскій.

2) Московскаго шлахбаума ефрейторъ Павелъ Климовъ 20 числа сего мѣсяца коль скоро по рапортѣ его о благополучномъ принятіи караула въ гауптвахтѣ, обратился онъ на свой постъ, т. е. въ теченіи 10-го часа пришелъ посланный отъ архіерея неизвѣстный ему мальчикъ требовать караулъ, почему онъ пославши двухъ рядовыхъ дожидался на плацъ-фронтѣ и увидѣвъ, что преосвященный и съ нимъ неизвѣстный ему гражданскій чиновникъ идутъ, и по приходѣ преосвященный говорилъ: «Православные воины, защитите меня», а указывая на чиновника говорилъ, что онъ его хочетъ обидѣть, а потомъ просилъ вести ихъ на гауптвахту, чиновникъ же звалъ его къ генералъ-губернатору, почему онъ приказавъ изъ рядовыхъ Сивохину и Турубову, оставя ружья и снявъ сумы, обоихъ отвесть въ гауптвахту, при семъ же случаѣ изъ духовныхъ лицъ и церковнослужителей никого не было.

3) Провожавшіе преосвященнаго и гражданскаго чиновника Голубова рядовые Турубовъ и Сивохинъ показали, что они, коль скоро получили приказаніе ефрейтора Климова идти за ними до гауптвахты, пошли, а какъ они дѣлали между собою куда идти преніе, замѣтили, что Голубовъ, котораго преосвященный держалъ за полу шинели, звалъ его къ генералъ-губернатору, а преосвященный требовалъ итти на гауптвахту, кромѣ же сего ничего они не слыхали— и не знаютъ, а равно изъ духовныхъ лицъ и священно-церковнослужителей при томъ случаѣ никого не видали.

Преосвященный Ириней, насколько только для него представлялось это возможнымъ, употреблялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы оправдать свои дѣйствія и найти себѣ защиту въ высшей церковной власти. Съ этою цѣлію преосвященный Ириней написалъ письмо въ Петербургъ на имя первенствующаго члена св. синода, петербургскаго митрополита Серафима. Въ то же самое время онъ отправилъ особое отношеніе и на имя оберъ-прокурора синода князя П. С. Мещерскаго.

Письмо высокопреосвященнаго Иринея къ митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму.

Высокопреосвященнѣйшій архипастырь и отецъ! Спѣшу хотя нѣсколько увѣдомить васъ, милостивѣйшій архипастырь, по дѣлу неслыханному. Выдуманы три фальшивыхъ указа. Прилагаю копіи ихъ вѣрныя. По онымъ вся моя епархія съ 3-го сего сентября воспоминаетъ въ церквахъ имя Мелетія. Злодѣи даже въ войскѣ поспѣшили распространить сію страшную ложь. Пружина всего есть генералъ-губернаторъ Лавинскій! Онъ послалъ государю императору донесеніе за подписомъ добрыхъ, но несчастныхъ граждапъ Иркутска, что я сошелъ съ ума. Не подпиши и все у тебя пойдетъ худо. Многіе однакожь имѣли духъ не подписать. Споспѣшествовали генералъ-губернатору два протоіерея—Парняковъ и Громовъ, мною давно запрещенные, но о которыхъ къ несчастію ни въ святѣйшемъ синодѣ, ни по дѣламъ прокурорскимъ за всѣми моими донесеніями нѣтъ никакого движенія. Злодѣйства ихъ невѣроятны. Слѣдовало тушить искру въ началѣ. Но выслушайте уже слѣдующее ужасное произшествіе. Среди бѣлаго дня послѣ ранней литургіи, въ воскресный день 20 сентября сего 1831 года генералъ-губернаторъ Лавинскій велѣлъ чиновнику своему Голубеву схватить и увезти меня, дабы предать смерти мученической. Все было по адски приготовлено. Солдаты, офицеръ и комендантъ вѣрные Богу, церкви святой и своему государю, стоявшіе на постахъ и гаубвахтѣ, спасли меня, хотя генералъ-губернаторъ и его соумышленники два протоіерея Пѣтуховъ и Масюковъ всѣ силы истощили и на самой гаубвахтѣ погубить меня. Почта самая неблагонадежная. Доселѣ нѣтъ указовъ св. синода о рожденіи его императорскаго высочества вел. кн. Николая Николаевича. Коменданта, плацъ-маіора и 20 лучшихъ солдатъ, перемѣняющихся. Всего теперь открывать не должно. Только самой довѣренной особѣ государя императора все открыть можно. Доложите его императорскому величеству. Я предвидѣлъ сіе произшествіе и два раза отъ 11 и 13 сего іюля писалъ къ господину генералъ-адъютанту Бенкендорфу. Получено-ли? бѣда съ почтою. Исходатайствуйте мнѣ разрѣшеніе въ священнослуженіи, и точное повелѣніе не воспоминать въ церквахъ Мелетія, а меня, и право удалить тѣхъ отъ присутствія въ консисторіи, кто распубликовалъ меня, и лишилъ меня даннаго мнѣ свыше и моимъ государемъ въ соединеніи и единодушіи со святою православною церковію. Пять мѣсяцевъ нахожусь я уже въ непрестанномъ бореніи съ адомъ. Живъ Господь. Онъ силенъ сохранить своихъ. Кое что писалъ я и къ князю Петру Сергіевичу Мещерскому. 29 сентября 1831 г.

Отношеніе преосвященнаго Иринея къ оберъ-прокурору св. синода князю П. С. Мещерскому.

Сіятельнѣйшій князь милостивый государь!

Тремя фальшивыми указами, коихъ вѣрныя копіи прилагаю у сего, удаленъ я отъ управленія епархіею и подвергнутъ всякаго рода неслыханнымъ обидамъ. Съ 3 сентября по всей Восточной Сибири воспоминаютъ въ церквахъ имя Мелетія; но его нѣтъ, да и быть не можетъ. Духовенство предалось пьянству до того, что одинъ священникъ отъ онаго уже умеръ внезапно, а слѣдствія учинить никто не хочетъ, хотя и требовалъ онаго отъ духовной и гражданской власти. Безстыдство и сожженіе совѣсти возрасло до высочайшей степени между духовенствомъ и штатскими. Дѣти духовнаго званія не знаютъ брака; съ самыхъ юныхъ лѣтъ предаются оба пола пьянству и разврату, бьютъ своихъ родителей и отнимаютъ домы у нихъ, а гражданская власть и консисторія сему всемѣрно споспѣшествуютъ. Отъ великаго до малаго, за исключеніемъ немногихъ, единодушны и мудры въ твореніи зла. Съ прибытія моего на сію епархію я видѣлъ неизъяснимые ужасы, писалъ, протестовалъ, взывалъ къ Богу, св. синоду, вамъ,—и помощи ни откуда не получалъ. Грабежъ здѣсь консисторіи невѣроятенъ. Изъ одного только киренскаго монастыря, самаго бѣднаго, взято ею до 7000 рублей, прочіе сдѣлались мѣстами торговли,—и я золъ, что ввожу порядокъ.

Въ указахъ фальшивыхъ я даже именемъ государя императора названъ сумашедшимъ. Не знаю дошло-ли къ вамъ, сіятельнѣйшій князь, донесеніе мое, что всенародно нѣкто въ спасской градо-иркутской церкви оборвалъ кисти у солопа честной купеческой дочери-дѣвицы, и влекъ ее въ чащу публичнаго сада, окружающаго церковь (было всенощное бдѣніе) для блудодѣянія давая деньги. Сего мало, выслушайте слѣдующее. Среди бѣлаго дня послѣ ранней литургіи, въ воскресный день 20 сего сентября, генералъ-губернаторъ Лавинскій именемъ его императорскаго величества, велѣлъ схватить меня чиновнику своему Голубеву и везти на край свѣта или лучше за Ангору или въ самую Ангору для отправленія въ вѣчность. Все по адски было приготовлено. Все знаю, но теперь не время все открывать; перехватятъ письма. Доселѣ нѣтъ указовъ изъ св. синода о рожденіи его имп. высоч. Николая Николаевича. Меня спасли военные посты, обахта, офицеръ и комендантъ. Генералъ-губернаторъ и его соумышленники—Муравьевъ, Кабритъ, Рикачевъ и два протоіерея Пѣтуховъ и Масюковъ и тутъ меня погубить хотѣли. Обратите

вниманіе ваше сіятельство на двухъ запрещенныхъ мною за злодѣянія протоіереевъ Парнякова и Громова. Множество бумагъ послалъ я объ нихъ въ св. синодъ и къ вамъ. Они неистовствовали, когда въ консисторіи были присланы вышеупомянутые фальшивые указы объ удаленіи меня и запрещеніи въ священнослуженіи. Сверхъ того священникъ Іоаннъ Шергинъ, при торжественномъ собраніи въ каѳедральный соборъ градо-иркутскаго духовенства 5-го истекающаго сентября, безстыднѣйшимъ образомъ поносилъ благочиннаго и занесъ руку, намѣреваясь ударить его, а сынъ его, священникъ же, Алексѣй Ширгинъ ворвался въ консисторію, прочитавъ тотъ часъ по полученіи фальшивый указъ, и началъ своевольно къ соблазну города воспоминать въ церкви имя Мелетія. Исправляющій должность секретаря спасся бѣгствомъ отъ побоевъ стараго секретаря Копылова, самаго злонамѣреннаго чиновника, и его товарищей. Не стану говорить о другихъ произшествіяхъ, лично до меня относящихся. Тысячи смертей претерпѣлъ я. Предвидя мое бѣдствіе, два раза отъ 11-го и 18-го минувшаго іюля писалъ я по секрету къ г. генералъ-адъютанту Бенкендорфу. Не знаю получены-ли сіи важныя бумаги. Нынѣ подъ охраненіемъ вѣрныхъ своему царю и церкви солдатъ, плацъ-маіору и коменданту, я, какъ бы во время нашествія иноплеменныхъ, спасаю жизнь мою. Ректоръ семинаріи въ прямомъ смыслѣ чудовище. Вся душа его предана аду. Два года вмѣсто архіерея самъ рекомендуетъ академіи профессоровъ своей семинаріи и успѣхъ ихъ кромѣ секретаря, все совершенно развратилъ. Ученики сгорали отъ винопитія и погибали безъ вѣсти, не извѣстно гдѣ дѣвалъ 15000 рублей, адресованныхъ коммисіею дух. училищъ на мое имя для построенія въ Якутскѣ училищъ; требованія мои ни вочто имъ поставляемы были. Не допустилъ меня исполнить порученіе коммисіи дух. училищъ, въ слѣдствіе высочайшей воли по дѣлу устроенной новой семинаріи или перестройки старой, и прочее. Всѣхъ обморочивалъ въ моемъ запрещеніи и удаленіи отъ епархіи, составляя фальшивыя письма. Ходатайствуйте обо мнѣ. 28 сентября 1831 года.

Мѣстная иркутская духовная власть въ лицѣ членовъ консисторіи и эконома архіерейскаго дома тоже въ свою очередь представила нѣкоторые документы, касающіеся событія 20 сентября 1831 года.

Рапортъ присутствующаго въ консисторіи протоіерея Василія Конаровскаго въ иркутскую дух. консисторію.

Сего сентября 20 числа, совершая позднюю Божественную литургію, могъ замѣтить какъ внѣ церкви великое смятеніе народа, такъ и въ церкви многихъ пришедшихъ въ смущеніе и вышедшихъ изъ оной. По окончаніи литургіи узналъ по слухамъ, что причиною сего смятенія было взятіе преосвященнаго архіепископа Иринея чиновникомъ Голубевымъ изъ архіерейскаго дома и отведеніе его въ гауптвахту, что и понудило меня прямо изъ церкви идти въ архіерейскій домъ. Куда пришедъ не засталъ уже чиновниковъ и никого изъ постороннихъ людей, но только разставленный кругомъ архіерейскаго дома военный караулъ, и вошедши въ кельи преосвященнаго нашелъ въ оныхъ іеродіакона Паисія и прочихъ принадлежащихъ преосвященнѣйшему келейниковъ, которые всѣ совокупно объяснили мнѣ слѣдующее произшествіе.

• Какъ только начался благовѣстъ къ поздней Божественной литургіи въ соборѣ, въ то самое время вдругъ вошелъ въ прихожую комнату чиновникъ, высокаго роста и спросилъ у бывшаго тутъ іеродіакона Паисія весьма грубо: у себя-ли архіерей? онъ отвѣчалъ дома. Чиновникъ сказалъ: гдѣ онъ? доложи ему, что чиновникъ Голубевъ пришелъ къ нему отъ генералъ-губернатора за важнымъ дѣломъ. Паисій сказалъ—хорошо, я сейчасъ доложу, и пошелъ во внутренніи покои и доложилъ преосвященному. Преосвященный надѣвъ рясу и прилично одѣвшись пошелъ въ гостиную залу и приказалъ Паисею просить чиновника Голубева къ себѣ. И когда Голубевъ пришелъ къ преосвященному въ зало, то былъ встрѣченъ имъ, преосвященнымъ, весьма учтиво, и расхаживая по залѣ сказалъ преосвященному: «я посланъ отъ г. генералъ-губернатора объявить вамъ, чтобы вы готовы были къ выѣзду сегодня въ третьемъ часу, и что ему поручено сопровождать его, преосвященнаго», на что преосвященный говорилъ ему со скромностію: «никакъ невозможно мнѣ исправиться такъ скоро больше потому, что имѣющееся у меня въ отвѣтственности имущество никому не сдано, а сдавать оное нужно время». Голубевъ на то сказалъ: «это вздоръ и мнѣ до того и дѣла нѣтъ, а вы будьте готовы къ выѣзду въ третьемъ часу»! Преосвященный говорилъ, что и отъ чего происходитъ такая поспѣшность, и какъ можно такъ скоро исправиться къ отъѣзду. Голубевъ говорилъ съ величайшею грубостію: «когда такъ, и ты не хочешь, то васъ свяжутъ и увезутъ. Мнѣ то поручено по Высочайшему повелѣнію!» Преосвященнѣйшій на это ска-

залъ: «какъ ты смѣешь мнѣ такъ дерзко говорить невѣжа»! Послѣ чего должно полагать, что Голубевъ ударилъ преосвященнаго, потому что послѣдовалъ стукъ и шумъ, и вдругъ увидѣли, что Голубевъ тащитъ преосвященнаго по кельямъ, держа за воротъ рясы у горла, и такъ протащилъ его по всѣмъ покоямъ, вытащилъ въ сѣни, гдѣ неизвѣстно кто изъ нихъ кричалъ—караулъ. Видя таковое произшествіе, келейники испугались и побѣжали объявить караулу, къ шлапгауму стоящему у перевоза на московскій трактъ, и просить солдатъ на защиту къ преосвященному. Голубевъ вытащивши въ ограду преосвященнаго кричалъ караульному, стоящему у собора: возьми свяжи его! Но караульный сказалъ: я не могу отойти отъ поста. Голубевъ, ведя преосвященнаго чрезъ ограду къ караульному, дернулъ его посреди ограды такъ сильно за рясу, что преосвященный повалился, при чемъ Андріанъ Быковъ подхватилъ его и удержалъ, а Голубевъ кричалъ своему кучеру: «кучеръ! за Кабритомъ сейчасъ, за Кабритомъ, чтобы заставалъ меня здѣсь»! и притаща къ будкѣ толкалъ его, преосвященнаго, въ оную, но преосвященный въ этомъ воспротивился. Послѣ чего Голубевъ хотѣлъ тащить преосвященнаго въ ворота, гдѣ стояли лошади съ дрожками, куда преосвященный также воспротивился и не пошелъ, а пошелъ съ Голубевымъ, держа другъ друга по оградѣ мимо консисторіи, гдѣ встрѣтились съ ними солдаты, пришедшіе отъ шлаумбаума по повѣсткѣ келейниковъ. Преосвященный увидѣвши солдатъ сказалъ: воины! защитите меня; я нахожусь въ опасности. И въ сопровожденіи солдатъ пришли они на шламбаумъ, гдѣ преосвященный взошелъ на плацъ-форму и говорилъ солдатамъ: «воины, защитники отечества! сохраните меня; пусть я здѣсь у васъ умру; но только бы сей извергъ не могъ у меня отнять жизни и меня задушить. Ведите насъ обоихъ куда слѣдуетъ». И послѣ того пошли на гаутвахту, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ солдатъ, которые шли за ними съ ружьями. Голубевъ отгоняя солдатъ кричалъ имъ: «не троньтесь! не ходите! я вамъ приказываю именемъ бригаднаго; мнѣ дана власть связать его и везти». На что солдаты отвѣчали, мы видя такую особу въ опасности не можемъ тебя слушать, а должны васъ обоихъ препроводить куда слѣдуетъ, и тамъ ваше дѣло будетъ разсмотрѣно, но Голубевъ кричалъ: прочь! я васъ всѣхъ передушу! При чемъ ругалъ ихъ и преосвященнаго называлъ разбойникомъ. И когда пришли къ гауптвахтѣ, то преосвященный взошелъ на фронтъ и просилъ у стоящаго тутъ караула защиты, объявляя, что онъ, и даже самая жизнь его состоитъ въ величайшей опасности. А Голубевъ неизвѣстно куда ушелъ.

Вскорѣ послѣ того пришелъ тутъ генералъ-губернаторъ Лавин-

скій въ фуражкѣ, во фракѣ и въ плащѣ. И пришедши приказывалъ тутъ бывшимъ взять преосвященнаго и увести въ арестантскую; но плацъ-маіоръ и никто другіе не исполняли сего приказанія. А генералъ-губернаторъ самъ взявши преосвященнаго повелъ на крыльцо и говоритъ ему: «потише! потише! не разглашайте ничего народу, пойдемъ лучше въ комнату и тамъ поговоримъ». Преосвященный входя на крыльцо увидѣлъ, что его генералъ-губернаторъ ведетъ въ арестантскую, испугался, и не пошелъ далѣе, и сѣлъ тутъ на ступень, и сидя тутъ плакалъ утираясь платкомъ. Народъ стоящій предъ гауптвахтою видя въ таковомъ положеніи преосвященнаго тоже плакалъ. Вдругъ вставши сбѣжалъ со ступеней на фронтъ и говорилъ народу: «Православные христіане! вы видите сумашедшій-ли я, и въ какомъ я нахожусь теперь положеніи! можете видѣть, что самая жизнь моя состоитъ теперь въ опасности! прошу васъ, будьте свидѣтели всего, что дѣлается теперь со мною!» Между тѣмъ генералъ-губернаторъ тутъ же подошелъ, приказывалъ нѣсколько разъ тащить его, преосвященнаго, въ арестантскую, но никто на то не соглашался; почему генералъ-губернаторъ съ досадою и азартомъ, взявъ преосвященнаго за руку, тащилъ съ сквернословнымъ ругательствомъ; а преосвященный, ухватившись за столбикъ, гдѣ кладутъ ружья, и держась за оный крѣпко, требовалъ коменданта и говорилъ генералъ-губернатору: «по какому праву вы требуете отъ меня, чтобы я пошелъ въ арестантскую, и для чего?» Генералъ-губернаторъ говорилъ, что то дѣлаетъ по высочайшему повелѣнію государя императора. На сіе преосвященный сказалъ: «объявите и покажите мнѣ подлинный на сіе указъ!» Въ то время подошелъ къ нему предсѣдатель губернскаго правленія Муравьевъ и сказалъ: «у насъ есть въ губернскомъ правленіи о томъ указъ печатный, чтобы васъ увезти даже связаннаго». На что преосвященный сказалъ: «да гдѣ же онъ, покажите мнѣ его, и когда я самъ увижу повелѣніе государя императора и будетъ здѣсь комендантъ, то тогда не только пойду въ арестантскую, но даже въ тюрьму, и готовъ буду во всемъ повелѣнію высочайшему повиноваться». Потомъ обратясь къ народу говорилъ: «Прошу васъ будьте свидѣтели всѣ въ томъ, что генералъ-губернаторъ ложно объявляетъ фальшивый указъ, чтобы меня посадить въ арестантскую, и связавъ увезти неизвѣстно куда». Между тѣмъ пріѣхалъ комендантъ и съ поспѣшностію выскочивъ съ дрожекъ, бѣжалъ къ преосвященному, а преосвященный увидѣвши его пошелъ къ нему на встрѣчу. Комендантъ подошелъ съ учтивствомъ къ преосвященному и просилъ у него благословенія.

Преосвященный давъ руку объявилъ ему обо всемъ случившемся

происшествіи и просилъ у него, воспоминая имя государя императора, защиты. Комендантъ сказалъ: «какъ и кто могъ здѣсь помимо меня распоряжаться и брать таковую особу подъ арестъ?» Потомъ пошли они къ дому преосвященнаго, куда за ними послѣдовали генералъ-губернаторъ, за нимъ Муравьевъ, городничій и съ ними прочіе чиновники и весь народъ; и когда преосвященный съ комендантомъ и генералъ-губернаторъ съ прочими чиновниками вошли въ кельи и покои преосвященнаго, тогда вскорѣ прибыли тутъ же г. гражданскій губернаторъ и прокуроръ, коимъ всѣмъ преосвященный объявлялъ и говорилъ, что генералъ-губернаторъ не есть ему судья, потому что самъ въ своемъ дѣлѣ судьею быть не можетъ; на что самъ генералъ-губернаторъ, подошедъ близко къ преосвященному, сказалъ: «у насъ съ вами никакихъ дѣлъ нѣтъ, да и не бывало». Преосвященный говорилъ: «наши съ вами дѣла велики; ихъ разбирать можетъ только довѣренная особа отъ государя императора. И такъ, мы оба будемъ предъ правосудіемъ великаго монарха на одной стоять половицѣ, и между нами государь будетъ посредникомъ. Я донесъ на тебя его императорскому величеству чрезъ г. Бенкендорфа отъ 11-го и 18-го іюля». Затѣмъ преосвященный всему собранію объявлялъ обо всѣхъ чинимыхъ ему притѣсненіяхъ и о бывшемъ происшествіи и высочайшимъ именемъ государя императора просилъ у всѣхъ защитить его отъ генералъ-губернатора и его сообщниковъ. Наконецъ, генералъ-губернаторъ вышелъ въ особое мѣсто и съ нимъ нѣсколько чиновниковъ, и неизвѣстно о чемъ посовѣтовавшись, опять вошли въ зало, и всѣ учтиво откланявшись ушли отъ преосвященнаго, который всѣхъ ихъ сопроводилъ также учтиво; а г. комендантъ разставилъ вокругъ дома архіерейскаго военный караулъ, который остается и донынѣ, съ таковымъ притомъ строжайшимъ приказаніемъ, чтобы никого изъ свѣтскихъ особъ не впускать въ покои преосвященнаго.

Узнавши о таковомъ важномъ происшествіи, въ исполненіе государственныхъ узаконеній и по долгу званія, почелъ за нужное съ удостовѣреніемъ и подписаніемъ тѣхъ людей, отъ коихъ о семъ извѣстился, донести высшему начальству. 24 сентября 1831 года.

Рапортъ эконома архіерейскаго дома іеромонаха Варлаама съ братіею въ иркутскую духовную консисторію.

Вчерашняго т. е. 20 сентября въ 9 часовъ утра пришедши въ архіерейскій домъ чиновникъ Голубевъ имѣлъ съ его высокопреосвященствомъ, архіепископомъ Иринеемъ, аудіенцію во внутреннихъ покояхъ дома, по выходѣ коихъ въ прихожую учинился между ними неизвѣстно

почему громкій споръ, и въ тѣ же самыя минуты пошли они оба къ часовому солдату, охраняющему соборную ризницу,—когда они шли, трудно было замѣтить, который изъ нихъ котораго велъ, поелику держались одинъ за другаго. Въ сіе время сказано было о семъ происшествіи эконому дома архіерейскаго іеромонаху Варлааму,, находившемуся тогда въ своей кельѣ, который прибѣжалъ къ означенному караулу и увидѣлъ ихъ держащихъ другъ друга заворотъ и чиновникъ Голубевъ кричалъ своему кучеру: «за Кабритомъ сейчасъ, за Кабритомъ, чтобъ засталъ меня здѣсь». Между тѣмъ извѣщенъ бывши военный караулъ, стоящій на постѣ со въѣзду московскаго тракта. сбѣжался и взявши того чиновника повелъ со двора архіерейскаго чрезъ семинарскій дворъ. Что за оградою между ними происходило намъ неизвѣстно, поелику экономъ во время ухода ихъ за ограду возвратился осмотрѣть домъ архіерейскій, и чрезъ полчаса примѣрно отправился освѣдомиться о преосвященномъ, коего нашелъ въ ордонансъ-гаусѣ окруженномъ чиновниками и солдатами. Въ ордонансъ-гаузѣ экономъ, препятствуемъ будучи толпою чиновниковъ ничего не могъ услышать кромѣ какъ преосвященный часто произносилъ имя императора Николая и предавалъ себя защитѣ воиновъ, требуя присутствія г. коменданта. Между тѣмъ экономъ, незная причины сего обстоятельства за нужное почелъ просить г. иркутскаго городничаго, тамъ же находившагося, обезопасить домъ архіерейскій воинскою стражею, самъ возвратился въ архіерейскій домъ, куда чрезъ малое время прибылъ и его высокопреосвященство въ сопровожденіи г. коменданта, затѣмъ прибылъ генералъ-губернаторъ Александръ Степановичъ Лавинскій съ чиновниками, немного спустя прибылъ г. гражданскій губернаторъ Иванъ Богдановичъ Цейдлеръ, и наконецъ и г. прокуроръ, недавно пріѣхавшій изъ С.-Петербурга. Будучи всѣ въ залѣ архіерейскаго дома, разговаривали много, но разговоровъ ихъ никто изъ насъ въ связи замѣтить не могли, испугавшись внезапности происшествія. Со стороны его высокопреосвященства часто выражаемо было высочайшее имя императора Николая, коего рѣшенію ввѣрялъ свою участь, и объявилъ, что онъ желаетъ стать предъ судъ вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ, увѣряя притомъ, что указы объ отправленіи его и опредѣленіи на его мѣсто архіепископа Мелетія суть подложные, и что онъ желаетъ быть судимъ здѣсь, не соглашаясь отправиться изъ Иркутска особенно съ чиновникомъ для него подозрительнымъ и вообще ни съ какимъ, до рѣшенія своей судьбы на мѣстѣ въ Иркутскѣ государемъ императоромъ. Послѣ сего г. генералъ-губернаторъ, г. гражданскій губернаторъ и всѣ чинов-

ники отправились оставя караулъ около архіерейскаго дома, который караулъ и теперь находится.

Иркутская духовная консисторія отъ 24 сентября репортировала св. синоду, что нѣкоторые чины оной, назначенные для пріема имущества архіерейскаго дома отъ архіепископа Иринея, донесли присутствію консисторіи, что преосвященный Ириней рѣшительно отозвался имъ, что якобы полученные изъ св. синода о удаленіи его отъ управленія епархіею указы суть подложны, и какъ огражденъ онъ военнымъ карауломъ, то по симъ обстоятельствамъ никто не можетъ требовать у него ни сдачи казеннаго имущества, ни рѣшительныхъ отчетовъ по суммамъ; впрочемъ предоставляетъ консисторіи наблюдать за денежными расходами эконома.

IV.

Получивъ бумаги, касающіяся поступковъ преосвященнаго Иринея, синодальный прокуроръ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе св. правительствующему синоду:

«Государь императоръ получилъ отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири и Иркутскаго коменданта донесенія о необыкновенномъ поступкѣ преосвященнаго Иринея, бывшаго архіепископа Иркутскаго, который, утверждая, что присланный изъ св. синода объ удаленіи его изъ епархіи указъ есть подложный потому, что непечатный, рѣшился самъ отвесть на гауптвахту чиновника, отряженнаго для сопровожденія его въ Вологду, гдѣ для пребыванія его назначенъ Спасоприлуцкій монастырь, обвинялъ сего чиновника предъ солдатами и народомъ въ злоумышленіи на жизнь его, и убѣждалъ сихъ защитить своего пастыря.

Его величество, относя таковыя дѣйствія архіепископа Иринея къ помѣшательству ума, въ коемъ онъ уже замѣченъ, но тѣмъ не менѣе признавая необходимымъ отправленіе его изъ Иркутска и сопровожденіе до мѣста назначенія произвесть подъ строжайшимъ надзоромъ, какого поступокъ его заслуживаетъ, высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору, повелѣть соизволилъ, объявить архіепископу Иринею таковую волю его величества, въ рескриптѣ семъ изложенную, и непосредственно за симъ въ присутствіи генералъ-губернатора и отправленнаго съ симъ рескриптомъ въ Иркутскъ флигель-адъютанта Гогеля 1-го сдать его въ вѣдомство корпуса жандармовъ подполковника Брянчанинова, назначеннаго для сопровожденія его отъ Иркутска до Спасоприлуцкаго монастыря.

За симъ его величество высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы, по прибытіи архіепископа Иринея въ Спасоприлуцкій монастырь, произведено было бы, по распоряженію св. синода, самое строгое изслѣдованіе объ означенномъ поступкѣ его, и ежели по сему изслѣдованію окажется, что поступокъ сей не въ помѣшательствѣ ума, то, по мнѣнію его величества, важность преступленія заслуживаетъ, чтобы виновный былъ лишенъ архіерейскаго сана и сосланъ въ Соловецкій монастырь; но впрочемъ его величество предоставляетъ судить о семъ св. синоду въ свое время, (составить) постановленіе, на церковныхъ законахъ основанное, и поднесть оное къ высочайшему утвержденію.

Вмѣстѣ съ симъ генералъ-адъютантъ Адлербергъ препроводилъ ко мнѣ по высочайшему повелѣнію полученныя его величествомъ въ Москвѣ бумаги, а именно: 1) отношеніе на мое имя отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, съ приложенными къ оному рапортами иркутскаго гражданскаго губернатора и чиновника 8-го класса Голубова и показаніями, снятыми у нижнихъ воинскихъ чиновъ, въ караулѣ бывшихъ; 2) всеподданнѣйшее письмо архіепископа и слѣдующія къ оному письма къ высокопреосвященному митрополиту Серафиму и ко мнѣ, и 3) рапортъ св. синоду члена иркутской духовной консисторіи протоіерея Конаровскаго. При семъ генералъ-адъютантъ Адлербергъ объявилъ, что его императорскому величеству благоугодно, чтобы бумаги сіи приняты были св. синодомъ въ надлежащее соображеніе при предназначенномъ о поступкѣ архіепископа Иринея иcлѣдованіи; на рапортѣ же протоіерея Конаровскаго его величество изволилъ сдѣлать карандашемъ слѣдующую отмѣтку: «обратить строгое вниманіе на поступокъ сего протоіерея».

Что же касается до изъясненнаго въ отношеніи генералъ-губернатора Восточной Сибири предположенія о необходимости послать въ Иркутскъ для отправленія оттуда архіепископа Иринея особу высшаго сана, то его величество изволилъ полагать, что командированія для сего флигель-адъютанта Гогеля и подполковника Брянчининова и всѣ другія мѣры, по сему случаю предписанныя, совершенно достаточны для окончательнаго исполненія сего дѣла и устраненія всѣхъ могущихъ встрѣтиться затрудненій. Имѣю честь объявить о семъ св. синоду къ надлежащему исполненію вышеписанной высочайшей воли, прилагая у сего и всѣ означенныя бумаги. Но вмѣстѣ обязанностію почитаю увѣдомить св. синодъ, что тотчасъ, по полученіи мною свѣдѣнія отъ тайнаго совѣтника Лавинскаго о вышеписанномъ происшествіи, имѣлъ я предварительное совѣщаніе съ преосвященными митрополитами Серафимомъ и Филаретомъ,

въ коемъ между прочими мѣрами, признанными при столь неожиданномъ и прискорбномъ случаѣ необходимыми и наиболѣе удобными, положено было, по снисхожденію къ сомнительному состоянію преосвященнаго Иринея и къ возможному устраненію дальнѣйшаго соблазна, чтобы митрополитъ Серафимъ, къ которому, какъ первенствующему члену св. синода, преосвященный Ириней долженъ имѣть надлежащее довѣріе, писалъ къ нему частное письмо съ увѣщаніемъ покориться волѣ Божіей и распоряженіямъ правительства и къ сему приложилъ экземпляръ печатнаго указа о назначеніи преосвященнаго Мелетія иркутскимъ архіепископомъ съ объявленіемъ, что въ иркутскую консисторію посланъ таковый указъ писанный единственно потому, что долженъ былъ содержать нѣкоторыя подробности, о коихъ въ прочихъ епархіяхъ не нужно было знать. Для избѣжанія малѣйшей потери времени заготовленное, въ такомъ смыслѣ, письмо представлено было отъ меня государю императору. Его величество соизволилъ вполнѣ одобрить оное и повелѣлъ вручить отправленному въ Иркутскъ флигель-адъютанту Гогелю для доставленія архіепископу Иринею».

30-го октября 1831 года, по дѣлу о оглашеніи преосвященнымъ Иринеемъ указовъ св. синода подложными, св. синодъ постановилъ: поручить епископу вологодскому Стефану, по прибытіи въ Вологду архіепископа Иринея, составить изъ себя и двухъ старшихъ членовъ консисторіи особое присутствіе и потребовать отъ него письменное объясненіе по поводу его сомнѣнія о подложности синодскихъ указовъ, и въ томъ же самомъ присутствіи чрезъ одного или двухъ благонадежныхъ медицинскихъ чиновниковъ освидѣтельствовать архіепископа Иринея въ состояніи его здоровья, и о томъ взять отъ нихъ письменное свидѣтельство. Въ то же самое время синодъ предписалъ иркутскому архіепископу Мелетію снять допросъ съ протоіерея Конаровскаго, также усумнившагося въ подлинности указовъ объ удаленіи архіепископа Иринея отъ управленія епархіей. Впрочемъ синодъ, хотя совершенно несправедливо и крайне жестоко, уже предрѣшалъ участь о. Конаровскаго. Онъ постановилъ: «протоіерею Конаровскому до рѣшенія дѣла запретить священнослуженіе, благословеніе рукою, ношеніе рясы, документы на званіе отобрать отъ него въ консисторію, и содержать его въ монастырѣ подъ присмотромъ, чтобы своихъ неосновательныхъ сомнѣній не разглашалъ, а буде въ семъ замѣченъ будетъ, то для предупрежденія вредной молвы отдать его подъ арестъ въ вѣдѣніе губернскаго начальства».

28-го октября 1831 года, на имя синода послѣдовало слѣдующее предложеніе оберъ-прокурора князя П. С. Мещерскаго:

«Генералъ-адъютантъ Адлербергъ сообщилъ мнѣ, что государь императоръ признавая полезнымъ для отвращенія въ иркутской епархіи всякихъ превратныхъ толковъ, относительно удаленія архіепископа Иринея, и назначивъ на мѣсто его преосвященнаго Мелетія, послать туда съ возвращающимся изъ Москвы нарочнымъ до 500 печатныхъ экземпляровъ указа св. прав. синода, по предмету сему состоявшагося, высочайше повелѣть ему соизволилъ отнестись ко мнѣ о скорѣйшей присылкѣ таковаго числа экземпляровъ для немедленнаго отправленія по назначенію. При семъ принято было мною въ соображеніе, что относительно сего предмета состоялись разные указы св. синода: одинъ особенный на имя иркутской консисторіи объ удаленіи архіепископа Иринея, о сдачѣ имъ всей собственности архіерейскаго дома, о слѣдованіи его въ сопровожденіи особаго чиновника въ вологодскій Спасоприлуцкій монастырь и о прочихъ подробностяхъ, о которыхъ не нужно было давать знать по другимъ епархіямъ; каковой указъ посланъ былъ письменный со включеніемъ таковаго же на имя преосвященнаго Иринея; другой указъ письменный же послѣдовалъ на имя иркутской консисторіи о назначеніи пермскаго епископа Мелетія архіепископомъ иркутскимъ съ предписаніемъ опубликовать по всей новой епархіи, и наконецъ, третій указъ разосланъ былъ печатный по всѣмъ прочимъ по синодальному вѣдомству начальственнымъ мѣстамъ и лицамъ объ одномъ токмо ономъ назначеніи. А какъ послѣдній указъ можетъ почесться недостаточнымъ для полнаго разсѣянія сомнѣній насчетъ удаленія архіепископа Иринея, то для исполненія вышепрописанной высочайшей воли, я призналъ нужнымъ напечатать въ 500 экземплярахъ какъ сей самый указъ, такъ и копіи съ тѣхъ, которые были посланы особенно въ иркутскую консисторію, и все количество сихъ экземпляровъ препроводилъ къ генералъ-адъютанту Адлербергу, прося его представить на благоразсужденіе государя императора: всѣ-ли сіи указы отправлять для распространенія въ иркутской епархіи, или одинъ изъ нихъ, который признанъ будетъ въ настоящихъ обстоятельствахъ удовлетворительнѣе и полезнѣе прочихъ».

31-го ноября 1831 года оберъ-прокуроръ князь Мещерскій сообщилъ синоду:

«28-го минувшаго октября доведено было до свѣдѣнія св. синода, что вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія о доставленіи 500 экземпляровъ печатныхъ указовъ, послѣдовавшихъ изъ синода касательно удаленія бывшаго иркутскаго архіепископа Иринея отъ управленія епархіею и назначеніи на мѣсто его преосвященнаго Мелетія, оные указы напечатаны и отправлены въ Москву къ генералъ-адъютанту

Адлербергу для представленія на благоразсужденіе государя императора, всѣ-ли сіи указы отправлять для распространенія въ иркутской епархіи, или одинъ изъ нихъ, который признанъ будетъ въ настоящихъ обстоятельствахъ удовлетворительнѣе и полнѣе прочихъ.

Нынѣ управляющій главнымъ штабомъ, генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ увѣдомляетъ меня, что помянутые указы отправлены къ генералъ-губернатору Восточной Сибири, причемъ объявлено ему было высочайшее повелѣніе, чтобы онъ, если со стороны архіепископа Иринея, послѣ извѣстнаго уже поступка были сдѣланы еще новыя подобныя покушенія, и ежели генералъ-губернаторъ имѣетъ дѣйствительныя причины опасаться неблагопріятнаго впечатлѣнія въ народѣ, сдѣлалъ немедленно распоряженіе о распространеніи того изъ оныхъ указовъ, который будетъ имъ признанъ болѣе надежнымъ къ истребленію сего впечатлѣнія; если же по обстоятельствамъ окажется выпускъ сихъ экземпляровъ вовсе излишнимъ, то не пуская дѣла сего въ дальнѣйшую огласку, уничтожить всѣ сіи экземпляры».

18-го декабря того же 1831 года, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири г. Лавинскій писалъ къ управляющему главнымъ штабомъ графу Чернышеву:

«Долгомъ поставляю довести до вашего, милостивый государь, свѣдѣнія, что послѣ поступка, учиненнаго бывшимъ иркутскимъ архіепископомъ Иринеемъ, 20 сентября сего года, по распоряженію моему, о которомъ я имѣлъ счастіе донести государю императору, поставленъ былъ ко всѣмъ выходамъ занимаемаго преосвященнымъ Иринеемъ архіерейскаго дома воинскій караулъ, и сею мѣрою всякія дальнѣйшія съ его стороны покушенія предотвращены; а какъ за симъ, по волѣ его императорскаго величества, изъявленной въ высочайшемъ рескриптѣ на имя мое отъ 22 октября сего года, онъ, преосвященный Ириней, отправленъ уже 26 истекшаго ноября, подъ надзоромъ присланнаго сюда подполковника корпуса жандармовъ Брянчанинова, Вологодской губерніи въ Спасоприлуцкій монастырь, между тѣмъ въ народѣ никакого смятенія не произошло, да предполагать онаго теперь уже нельзя, ибо въ продолженіи времени со дня учиненнаго поступка по день выѣзда преосвященнаго Иринея, всѣ здѣшніе жители удостовѣрились совершенно въ предосудительности дѣйствій его, а наконецъ, вступленіе преосвященнаго Мелетія въ управленіе епархіею окончательно всѣхъ успокоило, то послѣ чего не имѣя болѣе причинъ опасаться какихъ либо послѣдствій и не находя нужнымъ изъ уваженія и почтительности къ архіепископскому сану выпускать въ народъ доставленныхъ ко мнѣ печатныхъ указовъ, я рѣшился уничтожить оные и нынѣ же то исполнилъ».

23-го декаяря 1831 года, преосвященный Вологодскій Стефанъ рапортовалъ синоду, что «архіепископъ Иринеи сего декабря 18 дня въ три часа по полудни въ Спасоприлуцкій монастырь жандармскимъ подполковникомъ Брянчаниновымъ доставленъ, а 19 числа настоятелемъ онаго монастыря архимандритомъ Евтихіономъ представленъ былъ оный архіепископъ Ириней въ вологодскій архіерейскій домъ, гдѣ въ открытомъ присутствіи, составленномъ на основаніи указа св. синода, объявленъ былъ ему, архіепископу, указъ и въ то же самое время въ томъ присутствіи онъ, архіепископъ Ириней, противъ обстоятельствъ, въ указѣ св. синода изложенныхъ, надлежащимъ образомъ былъ вопрошаемъ, противъ чего онъ безъ всякаго сопротивленія. съ совершенною покорностію своеручно писалъ объясненіе».

Другимъ своимъ рапортомъ, отъ 30 декабря 1831 года, преосвященный Стефанъ увѣдомлялъ. св. синодъ, что требуемое имъ объясненіе отъ архіепископа Иринея взято, и что въ состояніи здоровья онъ двумя медицинскими чиновниками освидѣтельствованъ, и что наконецъ всѣми членами, составлявшими присутствіе, въ томъ числѣ и двумя медицинскими чиновниками, касательно умственныхъ его, архіепископа Иринея, способностей было разсуждаемо и сдѣлано по общему всѣхъ мнѣнію заключеніе таковое, что въ немъ, архіепископѣ Иринеѣ, который многократно бесѣдовалъ со всѣми составлявшими то присутстіе лицами, ни по разговорамъ, ни по тѣлодвиженіямъ, ни по другимъ дѣйствіямъ, никакого разстройства умственныхъ способностей не замѣчается, равнымъ образомъ и признаковъ бывшаго разстройства сего рода при настоящемъ наблюденіи не усмотрѣно».

(Окончаніе слѣдуетъ).

СВЯЩЕННИКЪ ѲЕОДОСІЙ ЛЕВИЦКІЙ

въ 1815—1845 гг.

I.

Читателямъ „Русской Старины" хорошо извѣстна личность о. Ѳеодосія Левицкаго, весьма интересная автобіографія котораго была напечатана въ нашемъ историческомъ журналѣ [1]).

Вскорѣ послѣ обнародованія автобіографіи о. Ѳеодосія, въ редакцію поступили новые матеріалы, касающіеся этой уважаемой личности. Такъ въ настоящее время въ распоряженіи редакціи „Русской Старины" находятся девять проповѣдей о. Ѳеодосія [2]). По времени своего происхожденія всѣ онѣ относятся къ первому періоду его пастырской дѣятельности, до его извѣстной поѣздки въ Петербургъ и пребыванія въ Коневской обители. Не въ интересахъ историческаго журнала заниматься подробнымъ разборомъ пастырскихъ поученій о. Ѳеодосія, хотя личность ихъ автора сама по себѣ представляетъ любопытное историческое явленіе въ общественной жизни Россіи и даетъ собою много интересныхъ чертъ и подробностей для характеристики того своеобразнаго религіознаго движенія, которымъ отличается вторая половина царствованія Александра Благословеннаго. Изъ проповѣдей о. Ѳеодо-

---

[1]) «Русская Старина» 1880 годъ, т. XXIX, стр. 129—168; 645—682, (сентябрь и ноябрь).

[2]) Приносимъ глубочайшую признательность достойнѣйшему священнику города Балты от. Александру Сергѣеву, настоятелю Николаевской церкви въ г. Балтѣ, за сообщеніе подлинныхъ рукописей проповѣдей покойнаго от. Ѳеодосія Левицкаго. Ред.

сія мы отмѣтимъ только то, что имѣетъ или само по себѣ исторический, по крайней мѣрѣ—мѣстный, интересъ или же заключаетъ въ себѣ какія-нибудь болѣе или менѣе новыя стороны для характеристики самаго проповѣдника.

1 октября 1815 г. Ѳеодосій Левицкій рукоположенъ былъ во священника къ Николаевской города Балты церкви. Съ этого времени и начинается въ высшей степени дѣятельная его жизнь какъ пастыря церкви. Принявъ важный долгъ служителя Евангелію, онъ остался вѣрнымъ этому долгу въ теченіи всей своей жизни. По прибытіи своемъ на приходъ, при первомъ же своемъ священнослуженіи, ревностный пастырь обратился къ паствѣ съ особымъ одушевленнымъ словомъ, въ которомъ изложилъ свой взглядъ на пастырство вообще и въ частности на взаимныя обязанности пастыря и пасомыхъ. Въ самомъ началѣ перваго своего слова онъ прямо и искренно заявилъ, что ни что другое, а „какъ только одна любовь Божія возбудила его принять на себя великоважное и неудобоносимое званіе пастыря", по отношенію къ которому всѣ члены его паствы есть его чада. „Сіе не покажется противно тѣмъ изъ васъ, такъ оговаривался молодой, но полный ревности по вѣрѣ пастырь, которые или въ обществѣ отличены, или почтенны по своимъ лѣтамъ, или и сѣдиною украшены, ибо принявши на себя великую обязанность устроять васъ къ вѣчному блаженству, принялъ я, недостойный, титло отца вашего духовнаго столько преимущественнѣе, сколько душа лучше тѣла, и сколько преимущественнѣе вѣчность предъ временностію".—Обязанность пастыря великая, священная, но за то и тяжелая. Обязанности пастыря столь велики и столь многочисленны, что, какъ говоритъ о. Ѳеодосій „не одинъ часъ, но многіе дни бы надобно употребить, чтобы довольно оныя разсудить и словомъ объяснить; обязанности сіи столь велики и столь многія, что не одинъ немощный бренный человѣкъ, какъ я, но и цѣлый сонмъ безплотныхъ, премудрыхъ, сильныхъ и святыхъ ангеловъ, кажется, не могъ-бы совершенно удовлетворить онымъ". Тяжесть высокаго пастырскаго служенія тѣмъ болѣе становится очевидною, что самъ пастырь есть такой же грѣшный человѣкъ, какъ и всѣ другіе. „При видѣ священника, говорилъ о. Ѳеодосій своей паствѣ, да подумаетъ всякъ: онъ также немощенъ, какъ и я, а столь тяжкое и столь священное бремя на раменахъ своихъ носитъ".

Въ 1815 году, въ первомъ году своего пастырскаго служенія, о. Θеодосій въ день престольнаго праздника своего прихода (6 декабря) говорилъ своимъ прихожанамъ простую, но задушевную поздравительную бесѣду, въ которой онъ призывалъ ихъ къ подражанію подвижнической жизни святителя Николая.

Въ словѣ, говоренномъ на Рождество Христово въ томъ же 1815 году, проповѣдникъ касался, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, недавнихъ политическихъ событій Россіи и Европы. Разсуждая о томъ, что со днемъ Рождества Христова православная церковь соединяетъ празднованіе и объ избавленіи отечества отъ нашествія французовъ, онъ, между прочимъ, говорилъ: „Уже три года протекло, какъ злобный и сильный врагъ сей, обладая всею уже почти Европою, имѣя въ рабствѣ своемъ народы, цари и царства, и не полагая никакихъ границъ своему алчному властолюбію, вторгся въ предѣлы Богомъ хранимаго, единственнаго въ свѣтѣ православнаго царства нашего. Наполеонъ, почитавшій себя и отъ всѣхъ почти согласно признаваемый быть непобѣдимымъ, возмечталъ было сравниться съ Божествомъ Всемогущимъ и сдѣлаться единственнымъ владыкой всея земли, а для сего могущественную и пространную и славную Россію поработить своему желѣзному скипетру. И что же? Какое и странное, и чудное открылось было для свѣта позорище! Воспылала свирѣпѣйшая брань между двумя непобѣдимыми народами: однимъ непобѣдимымъ по наглости и злобѣ и силѣ, а другимъ непобѣдимымъ по непоколебимой твердости своей и вѣрѣ и упованію на всемогущаго Творца небесъ. Казалось, адъ съ небомъ сражался! Казалось, кончина міра приближалась! Уже пылали огнемъ грады и села! Дымились алтари Господни! Въ прахъ превращались великолѣпные храмы! Но велій Господь нашъ, велія крѣпость Его! Онъ возсталъ въ помощь нашу, умудрилъ благочестивѣйшаго монарха нашего Александра.... и тогда тьмочисленныя сонмища враговъ яко прахъ разсыпались и яко дымъ изчезли! Непобѣдимый палъ, вѣчно посрамленъ, побѣжденъ, и вознесшійся до небесъ низложился даже до ада! И дражайшее наше отечество всю Европу отъ ига свободило!“

Слово о. Θеодосія, сказанное имъ 30 августа 1816 года, въ день тезоименитства императора Александра I, заслуживаетъ нѣкотораго интереса, но только интересъ этотъ имѣетъ свой особый

характеръ. Среди разсужденій о томъ, что должно оказывать повиновеніе установленной власти и особенно почитать священную власть государя, проповѣдникъ коснулся и мнѣнія тѣхъ „своевольныхъ людей“, которые говорили, что „чтить государя не есть натурально, потому-де что всѣ люди по природѣ равны, всѣ рождаются въ равномъ достоинствѣ съ равными правами на всѣ выгоды, на всякое земное благополучіе, а наипаче быть свободными и слѣдовательно порабощать себя подобному себѣ человѣку есть противоестественно“. Проповѣдникъ соглашается съ этою мыслію и говоритъ, что это соображеніе дѣйствительно имѣло-бы все свое значеніе, нô только въ томъ случаѣ, если-бы человѣкъ не палъ, а навсегда остался бы въ первобытной своей невинности. Паденіе человѣка существенно измѣнило порядокъ вещей и то, „что первобытной природѣ человѣческой было весьма противно, то испорченной его-же природѣ сдѣлалось необходимо нужно“. „Тамъ, гдѣ есть нестроенія, разсуждалъ пастырь, и непорядки, тамъ нужно правителя и строителя; гдѣ есть нападенія и обиды, тамъ нужно защитника и отмстителя; гдѣ есть беззаконія и преступленія, тамъ нужно законодателя и обличителя и наказателя; гдѣ есть лѣнивые и празднолюбцы, тамъ нужно побудителя и ободрителя; гдѣ есть распри, раздоры и несогласія, тамъ нужно примирителя и судію. А между всѣми оными отличителя и наградителя праведныхъ, честныхъ, добродѣтельныхъ, что все и составляетъ необходимость имѣть надъ собою единое лицо, который-бы всякую оную власть въ себѣ одномъ вмѣщалъ“... Проповѣдникъ, развивая далѣе свою мысль въ томъ же направленіи, основательно утверждалъ, что „худое даже начальство есть лучше безначалія, и что худой порядокъ лучше всякаго безпорядка“.

24 сентября 1816 года о. Ѳеодосій говорилъ краткую поздравительную рѣчь новобрачнымъ, которыми были его ближайшіе родственники. Въ февралѣ 1816 года у него умеръ отецъ, священникъ ближайшаго къ г. Балтѣ села Корытнаго. По дѣйствовавшему тогда обычаю, священническое мѣсто въ селѣ Корытномъ зачислено было за оставшеюся сиротою-сестрою о. Ѳеодосія, Екатериною Несторовною. Искателемъ ея руки явился нѣкто Яковъ Недзѣльскій, который 24 сентября и повѣнчанъ былъ съ нею въ церкви села Корытнаго самимъ о. Ѳеодосіемъ. Въ своей поздравительной рѣчи новобрачнымъ, кромѣ общихъ и обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ пожеланій и наставленій, о. Ѳеодосій, выста-

вивъ на видъ то, что „промыслъ Божій опредѣлилъ ихъ наслѣдовать корень всего дражайшаго дома ихъ“, внушилъ имъ между прочимъ и то, что они всегда должны свято хранить и молиться за своихъ предковъ. „Здѣсь, говорилъ о. Ѳеодосій, священный прахъ дражайшаго родителя нашего, здѣсь кости дѣда и прадѣда нашего почиваютъ“.

Въ словѣ на день св. Іоанна Богослова, говоренномъ 26 сентября того-же 1816 года, о. Ѳеодосій остановился на одномъ и самомъ любимомъ имъ предметѣ, именно на нравственномъ ученіи о любви къ своему ближнему. Любовь къ ближнему опредѣляется имъ просто и болѣе или менѣе конкретнымъ образомъ. „Любовь къ ближнему, говоритъ онъ, есть нѣжное живое чувство сердца ко всякому подобному себѣ человѣку, исполненное искренняго и нелицемѣрнаго желанія ему таковаго добра, какъ и себѣ самому, таковаго ему здравія и благополучія, какъ и себѣ самому, и таковаго душѣ его спасенія, какъ и собственной своей, даже до той степени, чтобъ въ случаѣ нужды и душу свою положить за други своя“.

Краткая привѣтственная рѣчь о. Ѳеодосія къ своимъ прихожанамъ на праздникъ Рождества Христова 1817-го года, посвященная развитію мысли о любви Божіей къ человѣку, выразившейся въ сошествіи на землю самаго Сына Божія, не представляетъ въ себѣ чего-нибудь замѣчательнаго и интереснаго.

Слово, говоренное о. Ѳеодосіемъ на храмовой праздникъ 6 декабря 1818 года, поражаетъ своимъ очень обширнымъ объемомъ. Проповѣдникъ посвятилъ его выясненію взаимо-отношенію внутреннихъ духовныхъ добродѣтелей человѣка и внѣшнихъ его благочестивыхъ подвиговъ и упражненій. „Праведный Богъ, говорилъ о. Ѳеодосій своимъ прихожанамъ, не полагаетъ различія въ томъ, читаетъ-ли кто во славу Его или поетъ, или просто молится... или кто исправно, чинно изрядно предъ глазами человѣческими Ему поклоняется, а кто неисправно поклонятися кажется или просто только стоять во храмѣ Его видится, или кто великія, дорогія и богатыя жертвы, а кто малыя только и убогія Ему дары приноситъ, или, какъ еще нѣкоторые думаютъ, предъ какою кто иконою и на какомъ мѣстѣ молится, кратко сказать ни въ чемъ этомъ наружномъ и видимомъ и вещественномъ Богъ различія не полагаетъ, все это предъ Нимъ равно“. А между тѣмъ въ средѣ пасомыхъ о. Ѳеодосія, какъ это видно изъ его словъ,

находились и такіе изъ „недостаточныхъ и убогихъ" людей, которые, „видя драгія жертвы и великія добродѣтели благочестивыхъ людей богатыхъ и достаточныхъ, смущаются въ себѣ и печалятся, что они ничего равнаго или подобнаго предъ Богомъ учинить не могутъ и чрезъ то думаютъ, что имъ не можно спастися такъ, какъ богатымъ и достаточнымъ". Проповѣдникъ выяснилъ несправедливость такого взгляда и совершенно напротивъ утверждалъ, что „цѣлыя тысячи злата и сребра богатаго человѣка иногда могутъ быть вмѣнены отъ Бога за ничто, а напротивъ того, иногда двѣ лепты бѣдныя вдовицы могутъ быть поставлены паче тысящъ богатаго". Все значеніе, вся суть жертвы человѣка заключается въ его чистомъ, исполненномъ христіанской любви, сердцѣ человѣка.

Изъ проповѣдей о. Ѳеодосія Левицкаго, относящихся къ первому періоду его пастырской дѣятельности, въ распоряженіи редакціи имѣется еще краткая рѣчь его, говоренная имъ 1-го мая 1819 года при погребеніи капитана Василія Филипповича Иваниша.

Перечисленныя девять проповѣдей о. Ѳеодосія составляютъ только одну самую незначительную часть въ ихъ общей массѣ. Эти проповѣди отличаются непосредственностію, простотою, безъискуственностію. Въ нихъ не видно никакого вытійства; въ нихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ краснорѣчія. Но за то эти самыя проповѣди отличаются своими внутренними качествами, которыя сами по себѣ есть не болѣе какъ плодъ глубокой религіозной настроенности ихъ автора. Преобладающимъ ихъ качествомъ является назидательность. Въ нихъ слышатся трогательныя, глубоко западающія въ душу убѣжденія высокоблагочестиваго пастыря,— всѣ онѣ проникнуты рѣдкою сердечною теплотою чувства, которая потрясающимъ образомъ дѣйствовала на слушателей. Сильное вліяніе проповѣдей о. Ѳеодосія, производимое ими на слушателей, обусловливалось еще и тѣмъ, что проповѣдникъ всегда говорилъ свои поученія на память, экспромтомъ, подъ непосредственнымъ вдохновеніемъ тѣмъ или другимъ религіознымъ предметомъ. Въ проповѣдяхъ, о которыхъ говорилось выше, замѣчательно отсутствіе строгаго обличительнаго тона; вмѣсто того содержаніе ихъ сосредоточено главнымъ образомъ на положительныхъ наставленіяхъ. Не такимъ является о. Ѳеодосій въ другихъ проповѣдяхъ, сказанныхъ имъ въ послѣдующій періодъ его пастырской дѣятельности.

II.

Въ февралѣ 1818 года о. Ѳеодосій потерялъ нѣжно любимую имъ жену, а въ августѣ того-же года онъ лишился и доброй своей матери. Такимъ образомъ, земныя и родственныя связи для него были прерваны. Не связанный ничѣмъ благочестивый пастырь теперь рѣшился всѣми своими силами служить страждущему человѣчеству. При строгомъ исполненіи своего пастырскаго служенія, о. Ѳеодосій особенно посвятилъ себя церковной проповѣди. Онъ каждое свое священнослуженіе непремѣнно сопровождалъ поученіемъ. И замѣчательно при этомъ то, что каждая его проповѣдь обыкновенно напоминала слушателямъ о скоромъ наступленіи царства Божія и заканчивалась мыслію о близости страшнаго суда. Мысль о приближеніи страшнаго дня стояла у него всегда на первомъ планѣ и сильно дѣйствовала какъ на него самаго, такъ и на его паству. Теперь тонъ его проповѣдей измѣняется существенно. Въ нихъ сильнѣе и сильнѣе раздаются обличительныя рѣчи, соединенныя съ грознымъ призывомъ къ исправленію жизни въ виду наступленія страшнаго суда. Чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ болѣе и болѣе обличительный тонъ ревностнаго пастыря все возрастаетъ и усиливается.

Свою мысль о близости страшнаго суда о. Ѳеодосій подтверждалъ многими свидѣтельствами священнаго писанія и даже написалъ объ этомъ предметѣ особое сочиненіе, которое и представилъ, чрезъ бывшаго тогда министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына, государю Александру Павловичу. Сочиненіе о. Ѳеодосія до того понравилось государю, что онъ пожелалъ лично видѣть самаго автора. О. Ѳеодосій былъ вызванъ въ Петербургъ въ маѣ 1823 года и пробылъ тамъ болѣе года. 7-го ноября 1824 года Петербургъ постигло ужасное наводненіе. О. Ѳеодосій въ наводненіи увидѣлъ кару Божію, призывающую людей къ исправленію. Въ публичной проповѣди, говоренной имъ въ церкви Тверскаго подворья, на Васильевскомъ Островѣ, предъ большимъ собраніемъ народа, онъ открыто объявлялъ, что наводненіе есть собственно ударъ праведнаго суда Божія, воздающаго намъ по дѣламъ нашимъ, потому что до сихъ поръ не видно было ни со стороны духовнаго, ни со стороны свѣтскаго правительства движенія къ покаянію. За такую рѣзкую проповѣдь о. Левицкій сосланъ былъ, по высочайшему повелѣнію, въ Коневскій мона-

стырь, откуда ему воспрещенъ былъ всякій выходъ. Въ 1827 году, уже въ царствованіе Николая Павловича, онъ получилъ свободу отъ монастырскаго уединенія. Ему даже выданы были прогонныя деньги на проѣздъ до г. Балты. 2-го февраля 1828 года отецъ Ѳеодосій Левицкій снова явился въ свой родной городъ и занялъ, по особо состоявшемуся высочайшему повелѣнію, прежнее мѣсто настоятеля Балтской Николаевской церкви. О. Ѳеодосій, изъ дѣтства расположенный къ безмолвію и уединенію, по возвращеніи своемъ изъ Коневца, задумалъ было основать въ Балтѣ мужской монастырь, съ тѣмъ чтобы въ немъ и самому провести остатокъ своей жизни. Но онъ скоро убѣдился въ невозможности осуществленія своего предположенія и тогда онъ всецѣло посвятилъ себя дѣламъ христіанской благотворительности. Съ этою цѣлію онъ, частію на собственныя скудныя средства, частію-же на пожертвованія другихъ лицъ, устроилъ въ Балтѣ страннопріимный домъ, въ которомъ находили себѣ пріютъ бѣдные люди всякаго возраста и всякаго званія. Въ 1834 и 1835 годахъ, памятныхъ неурожаями и повальными болѣзнями, пріютъ о. Ѳеодосія оказался въ высшей степени благодѣтельнымъ, потому что въ немъ въ эти несчастные годы каждый бѣдный и немощный находилъ себѣ и покой, и пропитаніе, и даже религіозное утѣшеніе въ бесѣдахъ учредителя пріюта. Но среди призрѣваемыхъ въ страннопріимницѣ о. Ѳеодосія, вмѣстѣ съ людьми благодарными, попадались и такіе, которые не только злоупотребляли его благодѣяніями, но даже причиняли много непріятностей самому своему благодѣтелю. Изъ такихъ непріятностей особенно тяжелымъ бременемъ легла на о. Ѳеодосія одна, сопровождавшаяся для него даже лишеніемъ на нѣкоторое время мѣста и запрещеніемъ въ священнослуженіи.

III.

Былъ такой случай. Въ 1842 году въ г. Балту явилась очень темная и загадочная личность, называвшая себя заграничною игуменіею Паисіею, а въ схимѣ Таисіею. Эта женщина поселилась въ страннопріимномъ домѣ о. Ѳеодосія, въ пріемѣ въ который никому никогда не было отказа, и основалась здѣсь довольно прочно. Что̀ была за личность эта игуменья—положительно не извѣстно. Объ ней ходили въ свое время самые запутанные и неопредѣленные слухи. Говорили, что мнимая игуменія Таисія

въ 1840 году была нѣкоторое время въ Кіевѣ, гдѣ то-же именовалась игуменіею. Намѣстникъ кіевской лавры, вблизи которой она квартировала (при церкви воскресенія Христова), почему-то обратилъ свое вниманіе на легендарную игуменью, пригласилъ ее къ себѣ въ келью и изъ продолжительнаго и ловко веденнаго разговора съ нею вывелъ о ней то близкое къ истинѣ заключеніе, что она вовсе не игуменія, а не болѣе какъ хитрая бродяга сомнительной нравственности. Узнавъ о составившемся на нее взглядѣ намѣстника лавры, мнимая игуменія поторопилась удалиться изъ Кіева. Впрочемъ въ слѣдующемъ 1841 году именовавшаяся игуменіею Таисіею женщина снова явилась въ Кіевъ и поселилась даже въ лаврской гостинницѣ. Намѣстникъ лавры скоро узналъ о прибытіи прошлогодней таинственной игуменьи и пригласилъ ее къ себѣ въ келью. Сюда приглашенъ былъ и лаврскій духовникъ, одинъ іеросхимонахъ. Мнимая игуменія не могла устоять предъ духовнымъ испытаніемъ намѣстника и духовника и чистосердечно созналась предъ ними, что она вовсе не игуменія, а простая солдатка изъ Саратова. Лаврское начальство, послѣ произведеннаго имъ дознанія, сдало мнимую игуменью гражданскому начальству для водворенія ея на жительство при мужѣ или родственникахъ. Вслѣдъ затѣмъ на нѣкоторое время мнимая Таисія изчезаетъ и черезъ годъ уже она является въ г. Балтѣ. Эта женщина, по разсказамъ современниковъ, до такой степени съумѣла расположить къ себѣ вниманіе о. Θеодосія, въ странопріимницѣ котораго она, какъ извѣстно, поселилась, что все, что только она не передавала ему о себѣ, о своей дѣятельности, принималось о. Θеодосіемъ за чистую правду. Мнимая игуменья Таисія называла себя ни болѣе, ни менѣе—какъ бывшею женою цесаревича в. к. Константина Павловича,—какъ извѣстно, разведшагося съ великой княгиней Анной Θедоровной. Объясненіе довѣрчивости о. Θеодосія нужно искать въ самомъ его характерѣ. Будучи самъ благочестивой, святой жизни человѣкомъ, проведши почти всю жизнь въ одномъ мѣстѣ, онъ слишкомъ мало развилъ въ себѣ опытности узнавать и цѣнить людей въ ихъ настоящемъ, а не кажущемся видѣ. О. Θеодосій, какъ истинно благочестивый человѣкъ, отличался расположеніемъ и симпатіею ко всѣмъ тѣмъ людямъ, въ которыхъ онъ замѣчалъ искру благочестія и всегда относился къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, не подозрѣвая, что за внѣшнею маскою благо-

честія иногда скрывались люди нравственно растлѣнные. Такъ случилось и здѣсь съ мнимою игуменіею Таисіею. Судя по всему, эта женщина не мало лѣтъ провела въ бродяжничествѣ, которое, конечно, пріучило ее къ самой изобрѣтательной лжи и еще болѣе къ ловкому обману. Она умѣла при удобномъ случаѣ прикидываться кѣмъ угодно и представляться какъ угодно. Явившись въ Балту и нашедши хорошій пріютъ въ страннопріимницѣ о. Ѳеодосія, она, какъ человѣкъ испытанной и давно практиковавшейся лжи, сразу поняла его и подмѣтила ту сторону его характера, которая могла открыть ей доступъ къ довѣрію о. Ѳеодосія. Мнимая игуменья прикинулась самою религіозною женщиною. Живя въ страннопріимницѣ, она очень часто говѣла и исповѣдывалась, конечно, непремѣнно у о. Ѳеодосія. При этомъ на исповѣди она старалась показать своему духовнику, что она повѣряла ему всѣ свои сокровенныя тайны. О. Ѳеодосій преклонялся предъ высокимъ благочестіемъ прибывшей женщины. Между прочимъ, разсказываютъ, что онъ настолько питалъ къ ней уваженіе, что получалъ отъ нея благословеніе, при чемъ, изъ чувства религіознаго благоговѣнія къ ней, даже цѣловалъ ея руку.

Вотъ нѣкоторыя черты нравственной личности игуменіи Таисіи, какія выяснились во время ея жизни въ Балтѣ. Таисія была не грамотна, но она такъ тонко умѣла скрывать это обстоятельство подъ предлогомъ то слабости, то ломоты рукъ, то болѣзни водянки, что всѣ знавшіе ее въ Балтѣ были увѣрены въ томъ, что она и читаетъ, и пишетъ. Ея неграмотность весьма удачно замаскировывалась ея обширною памятью и пріобрѣтенными при ея помощи многосложными и разнообразными познаніями. Она могла передавать очень обстоятельно и логично разныя свѣдѣнія, цитировать многія мѣста священнаго писанія и давать продолжительныя наставленія слушателямъ. Еще до прибытія своего въ Балту, равно какъ и во время своего пребыванія здѣсь, эта женщина умѣла расположить къ себѣ очень многихъ лицъ, даже изъ принадлежавшихъ къ знатнымъ фамиліямъ. Такъ, нѣкоторая княгиня, жившая въ Одессѣ, весьма часто интересовалась положеніемъ этой женщины. При томъ матеріальное благосостояніе игуменіи Таисіи давало поводъ думать, что она принадлежала не къ низшему и бѣдному классу общества. Въ ея ящикахъ находились драгоцѣнныя вещи, куски матерій, бархата и под. Только одно обстоятельство наводило серьезное сомнѣніе на благопріобрѣтен-

ность находящихся въ распоряженіи игуменіи вещей. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Игуменія Таисія, живя въ Балтѣ, подарила одному лицу довольно цѣнныя часы. Только чрезъ нѣкоторое время о. Ѳеодосій получилъ письмо отъ одной княгини, которая настоятельно просила его отобрать отъ Таисіи часы, которые, по сдѣланному въ письмѣ описанію ихъ, совершенно походили на часы, подаренные ею въ Балтѣ...

На одной исповѣди игуменія Таисія сообщила своему духовнику, о. Ѳеодосію, между прочимъ, о томъ, что она жена одного знатнаго лица изъ княжескаго рода, и что разныя интриги недруговъ ея заставили ее принять монашество и бѣгать отъ свѣта и преслѣдованій своихъ враговъ. Не извѣстно, изъ какихъ видовъ и разсчетовъ, только игуменія Таисія объ этомъ-же самомъ обстоятельствѣ начала разсказывать и другимъ лицамъ въ г. Балтѣ. Дѣло дошло до свѣдѣнія мѣстной полиціи. Полиціймейстеръ города счелъ нужнымъ подвергнуть ее допросу, послѣ котораго онъ потребовалъ отъ о. Ѳеодосія подписку въ томъ, что онъ, до окончанія дѣла, не позволитъ игуменіи Таисіи отлучиться куда-либо изъ Балты. Къ дому, гдѣ жила Таисія, приставленъ былъ караулъ, а дѣло о ней передано было на разсмотрѣніе подольскаго губернатора. Въ то время, когда по дѣлу игуменіи Таисіи происходило разслѣдованіе по гражданскому вѣдомству, о немъ узнала и мѣстная епархіальная власть. Вѣроятно, въ видахъ скорѣйшаго прекращенія дѣла и избавленія отъ неловкаго положенія священника о. Ѳеодосія Левицкаго, подольское епархіальное начальство, не ознакомившись съ ходомъ и порядкомъ начатаго о самозванной игуменіи дѣла въ гражданскомъ вѣдомствѣ, сдѣлало распоряженіе о томъ, чтобы о. Ѳеодосій немедленно удалилъ изъ своего страннопріимнаго пріюта мнимую игуменію Таисію. Распоряженіемъ своего начальства о. Ѳеодосій поставленъ былъ въ крайне затруднительное положеніе. По смыслу этого распоряженія онъ долженъ былъ удалить отъ себя Таисію, тогда какъ во исполненіе подписки, данной имъ мѣстной полицейской власти и потвержденной даже указнымъ предписаніемъ мѣстнаго духовнаго правленія, онъ обязывался не выпускать ее изъ своего дома. Подписка, данная о. Ѳеодосіемъ мѣстной полиціи объ отвѣтственности его за неудаленіе Таисіи изъ г. Балты, возобновлялась, по требованію балтской полицейской власти, нѣсколько разъ.

Дѣлу игуменіи Таисіи получаетъ болѣе живой интересъ вслѣд-

ствіе особаго отношенія къ нему о. Ѳеодосія. Вполнѣ увѣренный въ искренности и достовѣрности разсказовъ игуменіи Таисіи, онъ всей душой взялся защищать ея дѣло. Самъ писалъ за нее разныя объясненія и заявленія, адресованныя то къ духовной, то къ полицейской власти. Однимъ словомъ, отецъ Ѳеодосій принялъ дѣло Таисіи, какъ дѣло его личное. Епархіальная власть слишкомъ подозрительно взглянула на горячее заступничество Таисіи о. Ѳеодосіемъ, увидѣла здѣсь какую-то интригу между ними. Она даже, можетъ быть, готова была признать между ними не вполнѣ чистыя нравственныя отношенія и потому-то, на основаніи своихъ заднихъ мыслей, рѣшилась наказать неповиннаго ни въ чемъ о. Ѳеодосія. 17 апрѣля 1843 года послѣдовалъ указъ Подольской духовной консисторіи, которымъ о. Ѳеодосій удалялся отъ мѣста и ему, кромѣ того, запрещалось священнослуженіе. Указъ консисторіи былъ утвержденъ мѣстнымъ архіепископомъ Арсеніемъ (умеръ кіевскимъ митрополитомъ). Получивъ указъ, о. Ѳеодосій рѣшился защитить свою честь и 13 мая того-же года представилъ своему мѣстному благочинному, для препровожденія къ архіепископу, слѣдующее объясненіе, которое имѣетъ всѣ права на особенный интересъ.

„На объявленный мнѣ настоящаго числа указъ Балтскаго духовнаго правленія, такъ писалъ о. Ѳеодосій въ своемъ объясненіи или рапортѣ къ мѣстному благочинному, по таковому-же Подольской духовной консисторіи отъ минувшаго 17 апрѣля подъ № 5169 по резолюціи его высокопреосвященства, о запрещеніи мнѣ богослуженія и отрѣшеніи отъ мѣста, впредь до разрѣшенія якобы открыться имѣющаго ко мнѣ нѣкоего немаловажнаго дѣла или законопреступленія, послѣдовавшій, по силѣ онаго евангельскаго слова: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ, аще тебе послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего (Матѳ. XVIII, 15 ст.), честь имѣю вашему высокоблагословенію, а посредствомъ васъ уже вмѣстѣ и предъ Подольскою духовною консисторіею, во славу Божію въ чувствахъ души и сердца моего какъ предъ самымъ страшнымъ судомъ Божіимъ, объясниться какъ ниже слѣдуетъ.

„Во первыхъ, служба моя Господу Богу отъ самой юности моей даже до нынѣ по дарованію Его, Божію, всегда была не наружная только и холодная, но какъ живому Богу отъ живаго сердца и отъ души живыя по всей силѣ и возможности смертнаго и тѣ-

деснаго естества, которымъ всѣ мы обложены есмы, и уже, благодареніе Богу, двадцать осьмой годъ отъ начала воспріятія мною вышняго священства, когда уже около осьми лѣтъ напослѣдокъ и весьма частыми болѣзнями и дряхлостію тѣла и великими ослабленіями на силахъ, по вѣчной и всесвятой правдѣ Вышняго, я смиренный, обуреваюся и сокрушаюся,—но никогда до нынѣ при сохраненіи помощи и защищенія не оставляющей меня милости и благодати Божіей, не былъ я обличенъ ни въ какомъ злодѣяніи или законопреступленіи, ни подъ судомъ или слѣдствіемъ за таковыя никогда не состоялъ. И нынѣ по совѣсти своей ничего таковаго въ душѣ и сердцѣ моемъ не нахожу, и какія-бы ни были впредь испытанія и изслѣдованія всей моей жизни и поведенія моего предъ св. церковью, я несомнѣнную въ Богѣ Спасителѣ защитникѣ моемъ имѣю надежду, что ничего таковаго по мнѣ дѣйствительно открыться и никогда законно доказаться не можетъ. Сказываемое же резолюціею его высокопреосвященства якобы оказанное мною ослушаніе противъ сдѣланнаго мнѣ запрещенія держать у себя женщину, именующую себя игуменіею Таисіею, или Паисіею, совсѣмъ напрасно и безвинно. Это весьма довольно извѣстно цѣлому сему городу и всѣмъ здѣшнимъ присутственнымъ мѣстамъ и самому Балтскому духовному правленію, равно какъ и вашему высокоблагословенію. Ибо удержана она здѣсь во-первыхъ сильными болѣзнями, кои состоятъ въ распоряженіи Вышняго Судіи, а не въ нашей волѣ, а во-вторыхъ преслѣдованіемъ и арестованіемъ Балтской городской полиціи, которая не только сама себѣ требовала отъ меня подписки, дабы оная Паисія никуда изъ моего дома не отлучалась, но даже указнымъ предписаніемъ Балтскаго духовнаго правленія по отношенію оной полиціи на имя ваше, и вами мнѣ объявленнымъ, обязали меня, дабы мнѣ никакъ не препятствовать полицейскому караулу въ моемъ домѣ оную Паисію подъ самою тѣсною стражею держать, и я съ моей стороны никакого сопротивленія таковому требованію градской полиціи и самаго духовнаго правленія не долженъ былъ оказывать. И болѣе-же причинъ никакихъ ни въ самомъ указѣ консисторіи, ни въ другихъ какихъ-либо доносахъ на меня не значится. Ибо хотя донесеніе Балтскаго полиціймейстера къ господину начальнику губерніи и состояло о скрывавшейся якобы въ моемъ домѣ у монахини Паисіи три дни нѣкоемъ живописцѣ, но несправедливость онаго докажетъ самый полицей-

скій караулъ, при оной, Паисіи, въ моемъ домѣ еще съ генваря мѣсяца со всею строгостью неисходно содержимый, а притомъ и сей второй части города приставъ, г. Чарторійскій, лично всегда въ моемъ домѣ по этой-же самой причинѣ бывавшій и за всѣмъ наблюдавшій. А живописецъ оный, явясь ко мнѣ, предпринималъ только и договаривался написать въ приходскую мою св. Николая церковь одну нужную праздничную икону и для того нѣсколько часовъ въ моемъ домѣ находился, отъ коего, какъ мнѣ совсѣмъ незнакомаго, на тотъ конецъ истребованъ былъ мною имѣвшійся у него письменный видъ, и затѣмъ даны были ему на покупку красокъ деньги, съ коими онъ, пошедъ въ городъ, болѣе въ мой домъ не возвращался, чего ради на третій день представленъ былъ отъ меня удержанный мною его письменный видъ г-ну частному приставу Чарторійскому съ жалобою на него и съ просьбою дабы его отыскали въ городѣ, но оный живописецъ отъ поисковъ полиціи скрылся и донынѣ не отысканъ. И потому здѣсь со всѣмъ нѣтъ ничего таковаго, что хотя-бы мало совѣсть мою связывало предъ Богомъ, а потому чтобы могло подвергать меня и осужденію архипастырскому на отрѣшеніе отъ прихода и запрещеніе богослуженія. Чего ради и прося въ такомъ случаѣ со слезами всемилостивой защиты моей неповинности у правосудія небеснаго, вмѣстѣ прошу и человѣколюбиваго уваженія архипастырскаго и пощады моей дряхлости и безъ того терпимыхъ уже мною многихъ болѣзней и злостраданій и гоненій собственно за святое дѣло Божіе, за непорочное мое святому имени Его служеніе и всевозможное соблюденіе святѣйшихъ Его евангельскихъ заповѣдей, такъ что хотя и первый я изъ грѣшниковъ предъ Богомъ, но не постыжусь предъ св. церковью Его съ дерзновеніемъ по Христѣ Господѣ Богѣ Спасителѣ моемъ даже и оное апостольское слово при семъ случаѣ сказать: прочее да ни кто-же ми труды даетъ: азъ бо язвы Господа моего на тѣлѣ моемъ ношу, Христови отъ юности моей сраспяхся (Галат. VI, 17), и по святѣй вѣрѣ Его и по силѣ всего апостольскаго и пророческаго, во св. писаніи содержащагося слова, благодатію Его сподобшися даже предъ святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ и блаженныя памяти благочестивѣйшимъ и великимъ государемъ императоромъ Александромъ I-мъ быти и письменно и лично свидѣтельствовати приближавшагося суда и царствія Божія и по особенной Божіей милости и небесному Его провидѣнію и покровительству и вы-

сочайшаго благоволенія и святѣйшаго благословенія всѣхъ первенствующихъ членовъ удостоился и съ таковымъ къ прежнему моему приходу при благополучно нынѣ царствующемъ благочестивѣйшемъ государѣ императорѣ (Николаѣ) возвратился. Чего ради и осмѣлюсь наконецъ къ оправданію вѣчно неизмѣннаго правосудія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, хотящаго судити живымъ и мертвымъ и здѣсь то-же въ заключеніи конечное пророчески апостольское слово Христово положить (Апок. XXII, 10—15): яко время близь: обидяй да обидитъ еще, и скверняй да сквернится еще, и святый да святится еще. Се гряду скоро, и мзда Моя со Мною воздати комуждо по дѣломъ его. Блажени творящіи заповѣди Его, да будетъ область имъ на древо животное, и враты внидутъ во градъ. Внѣже псы и чародѣи, и любодѣи и всякъ любяй и творяй лжу.

„Настоящее объясненіе мое прошу, ваше высокоблагословеніе, куда слѣдуетъ на благоуваженіе представить".

Въ началѣ своего объясненія о. Ѳеодосій написалъ какъ бы въ смыслѣ девиза: „во славу Тріединаго Бога пишется сіе".

Епархіальное начальство обратило вниманіе на объясненіе о. Ѳеодосія Левицкаго и, по разсмотрѣніи дѣла, освободило его отъ постигшей его опалы, предоставивъ ему и прежній приходъ и разрѣшивъ ему священнослуженіе. Между тѣмъ, дѣло о мнимой игуменіи Таисіи въ гражданскомъ вѣдомствѣ шло своимъ чередомъ. По сношенію съ высшимъ духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ, самозванную игуменію Таисію предписано было поселить въ одинъ изъ женскихъ монастырей, гдѣ и содержать ее подъ строгимъ надзоромъ. Мѣстная гражданская власть, послѣ сношенія съ епархіальною, сдала игуменію Таисію епархіальному начальству, которое предписало отправить ее на жительство въ Винницкій женскій монастырь. Получивъ свѣдѣніе о своемъ новомъ назначеніи, мнимая игуменія не хотѣла скоро разставаться съ теплымъ и гостепріимнымъ пріютомъ о. Ѳеодосія и обратилась къ подольскому архіепископу Арсенію съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Будучи оповѣщена Балтскою градскою полиціею о назначеніи мнѣ мѣстомъ пребыванія Винницкій дѣвичій монастырь, хотя и охотно желала бы я въ оный безъ всякаго замедленія

отправиться, но какъ извѣстна вашему высокопреосвященству да и господину начальнику губерніи моя застарѣлая водяная болѣзнь, а къ тому еще и слишкомъ часто приключающіяся мнѣ другія истерическія и грудныя, и головныя болѣзни, самою смертію мнѣ угрожающія и почти непрестанно требующія пособій врачебныхъ: то дабы мнѣ по неблизкому разстоянію города Винницы отъ города Балты, а именно почтовый трактъ около 250 верстъ, или преждевременною въ пути не пострадать смертію, или-же и достигши вышепрописаннаго монастыря не обременить оный сверхъ мѣры своею, уже около года почти не прерывающеюся, недужностію, для того осмѣливаюсь ваше высокопреосвященство смиреннѣйше просить дозволить мнѣ продолжать имѣть пребываніе здѣсь въ г. Балтѣ въ страннопріимномъ домѣ священника Ѳеодосія Левицкаго, гдѣ имѣется и особая больничка, въ коей не отказывается мнѣ необходимою въ недугахъ прислугою и помощію. И самъ опытный и человѣколюбивый уѣздный штабъ-лекарь надворный совѣтникъ Дезидерій, спознавъ свойство моихъ болѣзней и всѣхъ случающихся мнѣ припадковъ, почти ежечасно оказываетъ мнѣ свои врачебныя пособія, дабы могла я какъ-нибудь въ покоѣ скончать странническую мою жизнь. И о непрепятствованіи мнѣ и со стороны градской полиціи безмятежное здѣсь имѣть пребываніе прошу всепокорно и отъ его превосходительства господина начальника губерніи дозволеніе мнѣ исходатайствовать. И о семъ не лишите меня милостивѣйшей вашего высокопреосвященства архипастырской резолюціи". Это прошеніе, составленное и написанное для игуменіи Таисіи самимъ о. Ѳеодосіемъ, по времени, относится къ 27 октября 1843 года.

О. Ѳеодосій Левицкій счелъ нужнымъ и съ своей стороны подтвердить достовѣрность болѣзни, на которую ссылалась въ своемъ прошеніи къ подольскому архіепископу мнимая игуменія, и написалъ для этой цѣли особое свидѣтельство, въ которомъ со всею подробностію описывались болѣзненные припадки таинственной монахини. Жаль, что этотъ документъ не сохранился во всей цѣлости. Отъ него уцѣлѣлъ только небольшой отрывокъ. По предъявленіи къ игуменіи Таисіи нѣкоторыхъ чиновъ городской полиціи, она, по словамъ о. Ѳеодосія, упала въ обморокъ „и нѣсколько часовъ была мертва и со всѣмъ уже провожаема была въ вѣчность, пока Всемогущій защитникъ неповинныхъ и въ семъ

случаѣ благоизволилъ еще ее въ жизнь возвратить. Не смотря и на сіе тотъ часъ съ слѣдующаго дня обновились къ ней подобныя-же наглыя притязанія оной полиціи и почти на всякій день обновляются и безостановочно продолжаются и повторяются даже и до настоящаго числа, такъ что это уже составляетъ цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, въ протеченіи всего того времени, когда только ея здоровье и силы позволяли, она и лично сама неоднократно къ господину полиціймейстеру являлась, что сильно не пристойно ей было какъ для міра сего давно умершей, ибо она уже около тридцати лѣтъ въ иноческомъ чинѣ, оставивши міръ, Христу Богу работаетъ и кромѣ иноческой одежды и священныхъ иконъ и молитвенной книги никакихъ болѣе того вещей ни занятій не имѣла и не имѣетъ".

Очень вѣроятно, что прошеніе Таисіи, поданное ею архіепископу Арсенію и подкрѣпленное свидѣтельствомъ о. Ѳеодосія, имѣло нѣкоторыя благопріятныя для нея послѣдствія. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что игуменія Таисія совсѣмъ не отправлялась въ Винницкій дѣвичій монастырь, а вмѣсто того нѣкоторое время продолжала оставаться въ г. Балтѣ. Неизвѣстно только по какимъ видамъ и соображеніямъ мѣстная гражданская власть послѣ этого позаботилась обставить жизнь игуменіи Таисіи въ г. Балтѣ возможными удобствами. Таисія была выведена изъ пріюта о. Ѳеодосія и для нея снята была особая квартира, гдѣ она имѣла къ своимъ услугамъ все необходимое къ жизни, и кромѣ того пользовалась нѣкоторыми льготами отъ полицейскаго надзора. Ей здѣсь оказывалось даже нѣкоторое уваженіе и почетъ. 7 декабря 1843 г. о. Ѳеодосій доносилъ Балтскому духовному правленію слѣдующее: „Находившаяся до сего въ страннопріимномъ моемъ домѣ по причинѣ тяжелыхъ болѣзней подъ присмотромъ градской полиціи именовавшаяся заграничною игуменіею Паисіею, и въ схимѣ Таисіею, безъ показанія рода и вида, монахиня наконецъ въ первыхъ числахъ сего декабря мѣсяца по долговременномъ моемъ убѣжденіи и наставленіи, градскою полиціею, сообразно предписанію высшаго начальства, выведена изъ моего дома на другую квартиру съ тѣмъ, что при лучшей зимней дорогѣ, если будетъ жива и въ состояніи здоровья, отправлена быть имѣетъ въ опредѣленный ей къ пребыванію монастырь. О чемъ оному

духовному правленію къ подлежащему свѣдѣнію и неотложному донесенію его высокопреосвященству почтеннѣйше репортую".

Такимъ образомъ о. Ѳеодосій наконецъ освободился отъ мнимой игуменіи Таисіи, надѣлавшей ему такъ много хлопотъ и непріятностей. Въ срединѣ зимы 1844 года самозванная игуменія вынуждена была наконецъ оставить городъ Балту. Она отправлена была въ Браиловскій монастырь, гдѣ чрезъ нѣкоторое время и скончалась. Что за личность скрывалась подъ именемъ игуменіи Таисіи? Знать это—весьма было-бы интересно.

Какъ-бы то ни-было, но дѣло загадочной игуменіи Таисіи повредило репутаціи о. Ѳеодосія, по крайней мѣрѣ въ глазахъ епархіальнаго начальства, которое все время съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относилось къ нему и даже какъ будто сомнѣвалось въ искренности его благочестія. Такъ по-крайней мѣрѣ обнаружилось при смерти о. Ѳеодосія, послѣдовавшей 9 марта 1845 года. Почитатели Ѳеодосія, въ число которыхъ входилъ почти весь городъ Балта, желали, чтобы тѣло его было погребено подъ церковію, въ особомъ склепѣ. Но мѣстное духовенство и благочинный, безъ особеннаго разрѣшенія со стороны епархіальнаго начальства, не смѣли на это рѣшиться и потому обратились за разрѣшеніемъ къ своему архіепископу Арсенію, который почему-то не соизволилъ исполнить желанія и просьбы почитателей покойнаго. О. Ѳеодосій былъ погребенъ на общемъ городскомъ кладбищѣ въ фамильномъ склепѣ, рядомъ съ могилою его жены. Вообще нужно замѣтить, что епархіальное начальство крайне безтактно, а иногда просто возмутительно, относилось къ о. Ѳеодосію Левицкому. По извѣстному дѣлу игуменіи Таисіи, въ которомъ этотъ ревностный и святой жизни пастырь былъ ни въ чемъ не новиненъ, оно, помимо запрещенія въ священнослуженіи, взяло съ него строгое обязательство не входитъ ни съ кѣмъ въ объясненіе евангельскихъ истинъ и не учить народа безъ предварительнаго представленія своихъ поученій духовному цензору. А это запрещеніе равнозначуще было для о. Ѳеодосія запрещенію вообще говорить проповѣди, потому что онъ всегда проповѣдывалъ устно.

В. И. Жмакинъ.

С.-Петербургъ.
1882 г. января 26.

Графъ Варфоломѣй Варфоломѣевичъ де-Растрелли

оберъ-архитекторъ

въ 1715—1763 гг.

Такъ какъ до настоящаго времени ни въ одномъ изъ изданныхъ энциклопедическихъ словарей не помѣщено біографіи Растрелли, который своею своеобразною архитектурою ввелъ у насъ цѣлый стиль, носящій его имя, то предлагаемыя нами о немъ біографическія свѣдѣнія и указанія на построенныя имъ зданія представляютъ интересъ, какъ матеріялъ для будущаго составителя болѣе полной біографіи графа Растрелли.

Вызовъ въ Россію Растрелли былъ сдѣланъ въ царствованіе Петра Великаго и, какъ надо полагать, ему предложено было пріѣхать одному изъ первыхъ, потому что въ одномъ изъ ордеровъ, данныхъ Петромъ князю Меншикову, между прочимъ сказано: «платить Растреллію по контракту исправно, дабы другимъ повадно было».

Прибытіе Растрелли въ Петербургъ относится къ 1715 году. На него возложено было въ учрежденной академіи наукъ, въ которой кромѣ обученія наукъ и языкамъ, предположено было учить «и знатнымъ художествамъ», преподаваніе: механики, литья статуй и ученія медальерному искусству.

Поэтому, по всей вѣроятности, первая русская медаль, выбитая въ честь графа Ѳедора Алексѣевича Головина, принадлежитъ работѣ графу Растрелли.

Какія имъ произведены постройки въ царствованіе Петра Великаго—неизвѣстно, знаемъ только, что ему царь поручалъ съ другими архитекторами составленіе плановъ и фасадовъ двѣнадцати коллегій, но изъ представленныхъ проэктовъ былъ выбранъ Трезини.

При Аннѣ Іоанновнѣ, 27-го мая 1732 г., былъ начатъ постройкою,

по чертежамъ Растрелли, Зимній дворецъ на мѣстѣ Кикиныхъ палатъ, но по восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны дворецъ этотъ былъ разобранъ и начатъ тѣмъ же Растрелли, подъ надзоромъ особой коммисіи, новый болѣе обширный дворецъ, который былъ оконченъ лишь къ концу ея царствованія, а окончательная его отдѣлка, подъ надзоромъ Бецкаго, продолжалась до 1764 г. На сооруженіе дворца употреблено 2.622,020 р. 19¾ к.

По повелѣнію же Елисаветы Петровны, къ Петергофскому дворцу, по планамъ Растрелли, были пристроены длинные флигеля и все зданіе возвышено на одинъ этажъ, а на углу дворца придѣлана великолѣпная церковь во имя св. Петра и Павла.

Въ 1743 г. 22-го іюля Елисавета Петровна, желая исполнить мысль Анны Іоанновны, которая хотѣла поставить памятникъ Петру Великому между зданіями двѣнадцати коллегій и академіею наукъ, приказала сдѣлать два мѣдныхъ портрета (статуи) Петра I.

Одинъ изъ нихъ, по проэкту Растрелли, былъ отлитъ итальянцемъ Мартелли, и по этому поводу, 19-го августа 1764 г., канцелярія отъ строеній донесла сенату, что одинъ изъ этихъ портретовъ, сидящій на конѣ, сдѣланъ штукатурныхъ дѣлъ мастеромъ Александромъ Мартелліемъ, и требовала 40,937 руб. на окончательную отдѣлку памятмятника (на сооруженіе двухъ подножій, изъ которыхъ нижнее должно было быть болѣе верхняго и имѣть семь ступеней) и на выдачу жалованья мастеру и рабочимъ. Сенатъ рѣшилъ: такъ какъ ему неизвѣстно будетъ-ли угодно ея и. в. приказать окончить эту статую, то пусть генералъ-поручикъ Бецкій доложитъ объ этомъ императрицѣ. 16-го октября Бецкій донесъ: вылитый изъ мѣди портретъ Петра Великаго ея императорское величество апробовать не соизволила, въ разсужденіи, что не сдѣланъ искусствомъ такимъ, каково-бъ должно представить великаго монарха и служить къ украшенію столичнаго города.

Это было, когда Растрелли былъ уже уволенъ отъ службы.

Воцарившійся Павелъ Петровичъ отыскалъ въ сараѣ у Троицкаго моста (теперь Петербургскаго) эту конную статую Петра I и приказалъ ее поставить предъ своимъ новымъ дворцомъ и въ подражаніе надписи, начертанной Екатериною II на Фальконетовомъ памятникѣ, велѣлъ написать: «прадѣду—правнукъ» (см. «Русская Старина» т. I, 1877 г., стр. 578).

Въ 1743 г., за смертію архитектора Земцова, строителя Аничковскаго дворца, возведеніе этой постройки съ измѣненіемъ плана передано было графу Растрелли. Названіе свое Аничковскій дворецъ по-

лучилъ отъ имени слободы, которая стала носить это имя отъ фамиліи командира морскихъ баталіоновъ адмиралтейскаго полка—Аничкова.

Въ 1744 г. Растрелли былъ занятъ постройкою въ Царскомъ селѣ, взамѣнъ Петровскихъ домиковъ, громаднаго дворца, длиною въ 140 сажень и вышиною 9 саж. Лицевая сторона его въ коринфскомъ вкусѣ была обставлена колонами, окна украшены арабесками и фестонами, бо́льшею частію золоченными. На внутреннюю и внѣшнюю позолоту этого дворца потрачено было золота 6 пуд. 17 фунт. 2 золот. Роскошь дворца была столь поразительна, что когда императрица, какъ разсказываютъ, спросила однажды какого-то придворнаго, чего не достаетъ для этого чуднаго зданія? онъ отвѣтилъ: «футляра».

Въ 1746 г. въ Царскомъ Селѣ Растрелли построилъ эрмитажъ, а въ 1750 г. утреннюю залу.

Кромѣ этихъ дворцовыхъ зданій, графъ Растрелли, въ царствованіе императрицы Елисаветы, послѣ бывшаго пожара въ Новомъ Іерусалимѣ (Воскресенскій монастырь близь Москвы), исправилъ пострадавшія отъ пожара зданія монастыря и гробъ Господень, а въ Петербургѣ имъ построенъ Смольный монастырь, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ Лѣтній дворецъ Елисаветы, но постройка эта была прекращена вь 1757 г. съ открывшейся семилѣтней войной, и возобновленіе послѣдовало лишь черезъ 70 лѣтъ спустя. Но несмотря на неоконченность этого храма, знаменитый придворный архитекторъ Екатерины II — Гваренги († 1817 г.), страшный почитатель Растреллевскаго стиля, проходя мимо Смольнаго Собора, всегда останавливался, снималъ шляпу и говорилъ: «(E una chiesa!) вотъ это такъ церковь!»

Къ частнымъ зданіямъ, построеннымъ графомъ Растрелли, принадлежатъ дома: графа Строганова у Полицейскаго, въ то время Зеленаго моста, Воронцова — нынѣ Пажескій корпусъ, графа Бобринскаго — воспитательный домъ и графа Шереметева на Фонтанкѣ, сохранившій наружный свой видъ, тотъ самый, который былъ данъ ему графомъ Растрелли; въ отношеніи внутренняго расположенія и отдѣлки, изъ біографіи строителя Казанскаго собора, архитектора Воронихина (съ 1760—1814 гг.) видно, что домъ этотъ былъ внутри передѣланъ имъ. Чугунная же рѣшетка на гранитномъ цоколѣ предъ домомъ Шереметьевыхъ есть произведеніе позднѣйшаго времени, именно, она поставлена въ 1837 г. по рисунку архитектора Корсини, которому слѣдуетъ отдать полную похвалу за созданіе узоровъ, хотя совершенно своеобразныхъ, но носящихъ характеръ стиля Растрелли.

Графъ Растрелли, какъ то видно изъ указовъ сената, носилъ титулъ оберъ-архитектора, и сошелъ съ поприща въ началѣ царствованія Екатерины II; 15-го мая 1763 г. онъ уволенъ отъ всѣхъ занятій за

старостію и слабостію, и за 48-ми лѣтнюю добропорядочную службу получилъ 1,000 руб. ежегодной пенсіи, что по нынѣшнему курсу составляетъ сумму около 4,000 руб., поэтому существующее преданіе о томъ, что громкая его извѣстность и озлобленіе многочисленныхъ его недоброжелателей было послѣдствіемъ его славы, и что Растрелли умеръ въ большой крайности—врядъ-ли справедливо.

И. Н. Божеряновъ.

Памятники фельдмаршаламъ предъ Казанскимъ Соборомъ.

1837 г.

Памятники фельдмаршаламъ князю Кутузову Смоленскому и Барклаю-де-Толли поставлены въ 1836 году, а торжественно открыты 29 декабря 1837 г., т. е. въ царствованіе императора Николая Павловича, почему приписываютъ ему иниціативу постановки памятниковъ; такъ въ № 157 за 1872 г. «Всемірной Иллюстраціи» г. П—въ, помѣстивши подъ такимъ же названіемъ статью, говоритъ въ ней, что «скульпторъ Орловскій, явившись въ Петербургъ, успѣлъ настолько понравиться императору Николаю I, что въ первое же время получилъ заказъ выполнить колосальные статуи героевъ 1812 г.», но это сообщеніе не совсѣмъ справедливо, потому что г. П—въ, вообще хорошо знакомый съ стариною, дѣлаетъ ошибку, не зная того обстоятельства, что императоръ Александръ Павловичъ первый поручилъ изваять статуи знаменитыхъ россійскихъ полководцевъ князей Барклая-де-Толли и Кутузова курляндскому скульптору Лауницу, который въ концѣ 1826 г. писалъ изъ Рима (см. № XVI военно-литературнаго журнала «Славянинъ» за 1827 г. стр. 96), что первая уже окончена и что онъ скоро приступитъ и ко второй. Костюмъ и той, и другой долженъ быть новѣйшій; а это представляетъ, какъ извѣстно, большія трудности въ исполненіи. Статуя князя Кутузова будетъ напоминать о началѣ великой европейской брани—о народной войнѣ за отечество; а статуя Барклая-де-Толли о славномъ окончаніи оной—о побѣдоносной войнѣ въ Германіи и Франціи. Послѣдній изображенъ стоящимъ; онъ держитъ въ лѣвой рукѣ вертикально передъ собою большой мечъ, котораго рукоять образуетъ крестъ, въ означеніе общаго духа нашихъ воиновъ въ продолженіе сей священной брани; правая рука покоится на главѣ меча, въ положеніи, показывающемъ, что герой уже готовится сложить побѣдное оружіе; голова его обращена вправо и выражаетъ размышленіе. Плащъ, по-

крывающій все тѣло, застегнутъ внизу воротника и свободно во всѣ стороны развѣвается; только правая пола его закинута за плечо и такимъ образомъ открываетъ переднюю часть статуи Шлемъ лежитъ у лѣвой ноги, на которую опирается все тѣло героя».

Отсюда видно, что современные костюмы для статуй были условіемъ программы, а стало быть слова Г. П—ва, что въ статуяхъ фельдмаршаловъ, въ первый разъ композиторъ отважился сохранить подлинный костюмъ историческихъ лицъ, которыхъ до того считали невозможнымъ иначе драпировать, какъ въ тоги и хламиды, à l'antique, равно какъ и дальнѣйшія его тирады: «уже эта одна отвага композитора должна бы была спасти отъ забвенія имя художника», слѣдуетъ принять ни менѣе ни болѣе, какъ на-слово. Такъ какъ имя Бориса Ивановича Орловскаго (1793 – 1837 г.), извѣстнаго русскаго ваятеля изъ крѣпостныхъ г. Шатилова, настолько популярно, что даже помѣщено почти во всѣхъ энциклопедическихъ словаряхъ, поэтому мы на немъ не будемъ останавливаться. Но курьезно то обстоятельство, что біографія Лауница напечатана въ словарѣ Березина такъ: «Лауницъ Эдуардъ, ваятель, род. въ Грѣлинѣ въ Курляндіи около 1795 г. Получивъ хорошее воспитаніе, онъ въ Римѣ сдѣлался ученикомъ Торвальдсена. Впослѣдствіи поселился во Франкфуртѣ на Майнѣ. По приглашенію наслѣдника цесаревича, который узналъ его на водахъ въ Эмсѣ, онъ въ 1838 г. вторично отправился въ Италію, гдѣ изваялъ нѣсколько бюстовъ его. Изъ другихъ работъ его извѣстны: Меркурій, привязывающій къ своимъ ногамъ крылья; бюстъ Юстуса Мезера, для Валгалы; памятникъ изобрѣтателямъ искуства книгопечатанія; колекціи бюстовъ различныхъ народностей и др. Статья эта подписана господиномъ П., какъ кажется, тѣмъ же г. П—вымъ, который принималъ участіе въ редакціи этого словаря; въ статьѣ не упоминается о сообщенномъ нами фактѣ и кромѣ того трудно даже опредѣлить—какой это наслѣдникъ цесаревичъ пригласилъ его вторично отправиться въ Италію.

Свѣдѣнія же о томъ, кто принималъ участіе въ работахъ постановки памятниковъ, находимъ во 2-мъ изданіи «Памятника искуствъ», напечатаннаго въ С.-Петербургѣ въ 1852 г.

Статуи фельдмаршаловъ произведеніе, какъ мы уже сказали, профессора Орловскаго, и вышина ихъ 5¾ арш.; отлиты же онѣ Вас. Петр. Екимовымъ (1758—1837), (литейщика импер. акад. худ., турецкаго происхожденія, взятаго въ плѣнъ 12-ти лѣтъ, и, по высочайшему повелѣнію, опредѣленнаго въ академію (1771 г.), гдѣ подъ руководствомъ француза Гастклу, вызваннаго для работъ памятника Петру I, Фальконета, пріобрѣлъ навыкъ въ отливаніи изъ бронзы ко-

лосальныхъ фигуръ). Гранитные пьедесталы вышиною 6 арш., по рисунку архитектора В. П. Стасова (1769—1848 г.); гранитъ для пьедесталовъ добытъ, доставленъ и обдѣланъ скульпторомъ самоучкою Самсономъ Ксенофонт. Сухановымъ, который первый предпринялъ въ Россіи отдѣлять отъ скалъ огромныя массы гранита; имъ выполнены всѣ гранитныя колонны въ Казанскомъ соборѣ, а равно пьедесталъ для монумента Минину и Пожарскому въ Москвѣ, гранитная ванна въ Петергофѣ и ростральныя колонны, стоящія противъ зданія биржи, а также гранитный бюстъ, сдѣланный для гр. Строгонова; въ этой работѣ онъ былъ единственный и ему поручено было изваять изъ гранита ангеловъ мира и брани, для которыхъ возведены изъ цѣлой гранитной массы пьедесталы, стоящіе съ боковъ колоннадъ Казанскаго собора до сихъ поръ пустыми, а камень, изъ котораго предполагалось изсѣчь ангела, лежитъ у Пустого рынка (что близь Царицына луга), а другой потонулъ при перевозкѣ. Разсказъ этотъ передаю со словъ моей бабушки, бывшей въ большой дружбѣ съ профессоромъ скульптуры Прокофьевымъ (1756—1828 г.), который работалъ статуи для портиковъ Казанскаго собора. Установка памятниковъ производилась подъ руководствомъ К. А. Тона, а главный надзоръ за выполненіемъ ихъ былъ порученъ президенту академіи Оленину.

И. Н. Божеряновъ.

М. Ю. Лермонтовъ въ разсказѣ графини Е. П. Ростопчиной.

(1858 г.).

Вотъ что̀ извѣстный Александръ Дюма-отецъ пишетъ въ путевыхъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ (ч. 2, стр. 244—248) о знакомствѣ своемъ съ графиней Ростопчиной.—«До нашей встрѣчи въ Москвѣ, я уже былъ съ нею въ артистической перепискѣ. Когда она узнала, что я въ Москвѣ, то нарочно пріѣхала изъ деревни, что бы со мной видѣться, и тотчасъ дала мнѣ знать, что она меня ожидаетъ. Я къ ней побѣжалъ, и нашелъ ее очень больною и очень разстроенной тѣмъ, что болѣзнь, которою она страдала, считала смертельной. Сознаюсь, она на меня произвела тягостное впечатлѣніе; на ея прекрасномъ лицѣ уже отражался тотъ особый отпечатокъ, который смерть налагаетъ на свои жертвы,—и до которыхъ она тѣмъ болѣе жадна, чѣмъ драгоцѣннѣе отнимается жизнь.—Я пришелъ къ ней съ записной книжкой и карандашемъ, для внесенія замѣтокъ—политическихъ и литературныхъ, политическихъ о ея тестѣ, знаменитомъ графѣ Ростопчинѣ, который боролся, во всю жизнь, съ обвиненіемъ, что онъ сжегъ Мо-

скву, обвиненіе, которое онъ всегда отрицалъ и которое, подобно камню Сизифа, постоянно на него обрушивалось; но вмѣсто того, чтобы писать замѣтки, мы стали бесѣдовать. Разговоръ съ очаровательной больною былъ увлекателенъ; она обѣщала прислать все то, что найдетъ достойнымъ моего вниманія; когда я собирался уходить, послѣ двухъ часовой бесѣды, почувствовавъ, что она устала отъ нашей продолжительной болтовни, она взяла мою записную книжку, и на первой страницѣ написала одну строчку: „Никогда не забывайте вашихъ русскихъ друзей и между ними Евдокію Ростопчину».

«Москва (14) 26 августа 1858 года».

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, она прислала мнѣ замѣтки, изъ деревни, куда она возвратилась на другой день нашего свиданія. Къ замѣткамъ было приложено письмо, которое я привожу цѣликомъ, чтобы дать понятіе объ умѣ этого милаго, остроумнаго и поэтическаго друга одного дня, воспоминаніе о которомъ я сохраню во всю жизнь; письмо писано на французскомъ языкѣ, на которомъ графиня писала, какъ прозой, такъ и стихами, не хуже нашихъ самыхъ прелестныхъ женскихъ геніевъ.—

Voronovo, lundi (18) 30 aout 1858.

„Douschinka Dumas!“ (Ce que signifie ce petit mot patois, je ne le vous dirai certes pas, ne fût-ce que pour vous obliger à le chercher). „Douschinka Dumas! Vous voyez que je suis femme de parole, en même temps que de plume; car voilà déjà ma nouvelle et la justification de mon beau-père à l'endroit de l'incendie de Moscou, dont la flamme l'a si fort brûlé dans ce monde, que j'espère qu'elle lui aura valu d'échapper à celle de l'enfer.

„Le reste viendra en temps et lieu.

„A mon retour ici, j'ai été reçue un peu comme Caïn après l'accident d'Abel. La famille m'a courru sus, en me demandant où vous étiez, ce que j'avais fait de vous et pourquoi je ne vous avais pas ramené, tellement on était sûr que cet enlèvement désiré avait dû être comploté et mené à bien par moi. Mari et fille sont inconsolables de ne pas vous voir; on ne m'avait laissée partir, je vous l'avoue maintenant, tant était déplorable l'état de ma santé, qu'à la condition que je vous ramènerais. On m'a demandé tous les détails possibles sur votre chère personne; on veut savoir si vous ressemblez à vos portraits, à vos livres, à l'idée que l'on s'est faite de vous; enfin la famille est toute comme moi, fort préoccupée de notre illustre et cher voyageur, que nous remercions d'avance d'être si fort de nos amis. Je suis très brisée de

ma route, et la fièvre va son train, ce qui ne m'empêche pas de serrer de toutes mes petites forces cette vigoureuse main qui, en s'ouvrant, a fait de si bonnes actions, et qui, en se refermant, a écrit de si belles choses, et de rendre au confrère et même au frère le baiser qu'il m'a mis sur le front.

„Absolument au revoir! car, si ce n'est pas en ce monde, ce sera dans l'autre.

„Votre amie depuis trente ans. Eudoxie Rostopchine".

Вороновъ, понедѣльникъ 18 (30) августа, 1858 года.

(Переводъ). „Душенька Дюма! (Что означаетъ это маленькое словцо, я конечно вамъ не скажу, хотя бы для того только, чтобы принудить васъ его разузнать). Душенька Дюма! Вы видите, что я женщина слова, а въ то же время и пера; потому что вотъ и мой разсказъ и оправданіе моего тестя по поводу московскаго пожара, пламя котораго такъ его жгло на этомъ свѣтѣ, что я надѣюсь оно ему зачтется и избавитъ его отъ адскаго огня.

„Остальное явится въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

„По возвращеніи моемъ сюда, я была принята, въ родѣ того, какъ Каинъ послѣ его приключенія съ Авелемъ. Вся семья на меня напустилась, спрашивая куда вы дѣвались, что я съ вами сдѣлала и зачѣмъ я васъ съ собой не привезла. Всѣ были такъ увѣрены, что желанное похищеніе будетъ затѣяно и приведено мною въ исполненіе. Мужъ и дочь не могутъ утѣшиться, что васъ не увидятъ; меня собственно отпустили, теперь я вамъ сознаюсь въ этомъ, такъ было плохо мое здоровье, только съ тѣмъ условіемъ, что я васъ привезу. У меня спрашивали всевозможныя подробности о вашей дорогой особѣ; желаютъ знать схожи ли вы съ вашими портретами, съ вашими книгами, и съ той идеей, которую они о васъ составили; словомъ сказать, вся семья, также какъ и я, сильно озабочены нашимъ знаменитымъ и любезнымъ путешественникомъ, котораго напередъ благодаримъ за то, что онъ такъ много къ намъ расположенъ. Я совершенно разбита дорогой, а лихорадка идетъ своимъ порядкомъ, что однако не помѣшаетъ мнѣ изо всѣхъ моихъ маленькихъ силъ пожать ту мощную руку, которая открываясь совершаетъ столько добрыхъ дѣлъ, а закрываясь пишетъ такія хорошія вещи, и притомъ возвратить собрату, и даже просто брату, тотъ поцѣлуй, которымъ онъ прикоснулся до моего лба.

„Во всякомъ случаѣ до свиданья! если не въ этомъ, то на томъ свѣтѣ. Другъ вашъ, вотъ уже тридцать лѣтъ Евдокія Ростопчина".

Письмо, которое она мнѣ обѣщала, замѣтка, которую она хотѣла мнѣ прислать въ свое время и на своемъ мѣстѣ, передалъ мнѣ князь Барятинскій, т. е. вице-король, который, сдѣлавшись такимъ образомъ посредникомъ между двумя артистами, вручилъ мнѣ присланное съ очаровывающей простотой.

Вотъ и второе письмо, оно еще грустнѣе перваго; между числами $^{18}/_{30}$ августа и $\frac{27 \text{ авг.}}{10 \text{ сент.}}$ (т. е. $^{27}/_{8}$), бѣдная графиня стала нѣсколькими шагами ближе къ могилѣ.

Voronovo (27 août) 10 septembre 1858.

«Voici, cher Dumas, les notes promises: dans un tout autre temps, c'eût été pour moi un plaisir de les rediger pour vous et de remettre à un nouvel ami mes souvenirs sur deux anciens; mais, en ce moment, il faut que ce soit vous et que ce soit moi, pour que je sois parvenue à finir ce barbouillage. Figurez-vous que je suis plus malade que jamais, d'une faiblesse à ne presque plus quitter le lit, et d'une bêtise qui me laisse à peine la connaissance de moi-même. Pourtant ne doutez pas de la vérité du moindre des détails que je vous donne; ils ont été dictés par la mémoire du coeur, et celle-là, croyez moi, survit à celle de l'intelligence. La main qui vous remettra cette lettre vous sera une preuve que je vous ai recommandé.

„Adieu, ne m'oubliez pas. Eudoxie.

„Je relis ma lettre et la trouve stupide. Peut-on vous écrire si platement! Mais j'aurai probablement une excellente excuse à vos yeux: c'est que je serai morte ou bien près de mourir quand vous la recevrez".

Вороновъ (27 августа) 10 сентября 1858 г.

(Переводъ). Вотъ, любезный Дюма, обѣщанныя замѣтки; во всякое другое время, мнѣ бы доставило удовольствіе ихъ для васъ составить и сообщить новому другу мои воспоминанія о двухъ прежнихъ; но, въ настоящую минуту, надо было, чтобы это были вы, и чтобы это была я, чтобы я успѣла закончить это мараніе. Вообразите себѣ, что я еще больше разболѣлась, такъ слаба, что почти не покидаю постели и такъ поглупѣла, что едва едва себя узнаю. Однако, не сомнѣвайтесь ни въ одной изъ подробностей, мною вамъ сообщаемыхъ; онѣ продиктованы мнѣ памятью сердца, а она, вѣрьте мнѣ, переживаетъ память разсудка. — Рука, которая передастъ вамъ это письмо, послужитъ доказательствомъ, что я о васъ помнила.

Прощайте! меня не забывайте. Евдокія.

„Перечитала письмо, и нахожу, что оно глупо! Можно ли вамъ писать такъ пусто. Но въ вашихъ глазахъ я буду имѣть отличное оправданіе: когда вы получите его, я буду или мертва, или очень близка къ смерти".

Въ то время, когда князь Барятинскій передавалъ Дюма письмо и замѣтки, графини Ростопчиной уже на свѣтѣ не было, что онъ и сообщилъ Дюма.

«Замѣтки, присланныя мнѣ графиней Ростопчиной, объясняетъ Дюма, касались собственно Лермонтова,—первый поэтъ Россіи, послѣ Пушкина, иные говорятъ даже выше Пушкина. Лермонтовъ преимущественно поэтъ Кавказа, туда онъ былъ сосланъ, тамъ сражался, тамъ писалъ, и наконецъ тамъ же и убитъ, а потому мы воспользуемся случаемъ, когда его имя во второй или въ третій разъ проходитъ подъ нашимъ перомъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о геніальномъ человѣкѣ, съ которымъ я первый ознакомилъ Францію, напечатавъ въ Мускетерѣ переводъ его лучшаго романа: «Печоринъ или герой нашего времени».

«Я передаю слово въ слово замѣтки, присланныя мнѣ графиней Ростопчиной, но помѣщенные далѣе стихи переведены мною».

Вполнѣ вѣримъ, что А. Дюма напечаталъ эти замѣтки о Лермонтовѣ, не увлекаясь страстью пополнять все своими соображеніями; однако надо думать, что Дюма кое что не разобралъ въ рукописи, и пополнилъ приблизительно, такъ какъ нельзя предполагать, чтобы графиня Ростопчина могла ошибаться, будучи хорошо знакома лично съ Лермонтовымъ и со всѣми обстоятельствами его жизни; впрочемъ въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась, когда писала эти замѣтки о Лермонтовѣ, легко могло случиться, что и память сердца нѣсколько измѣнила. Вотъ этотъ документъ, мѣстами не совсѣмъ вѣрный, но во всякомъ случаѣ любопытный:

Лермонтовъ родился въ 1814 или въ 1815 году и происходилъ отъ богатаго и почтеннаго семейства; потерявъ еще въ малолѣтствѣ отца и мать, онъ былъ воспитанъ бабушкой, со стороны матери; г-жа Арсеньева, женщина умная и достойная, питала къ своему внуку самую безграничную любовь, словомъ сказать—любовь бабушки; она ничего не жалѣла для его образованія. Въ четырнадцать или пятнадцать лѣтъ онъ уже сталъ писать стихи, которые далеко еще не предвѣщали будущаго блестящаго и могучаго таланта. Созрѣвъ рано, какъ и все современное ему поколѣніе, онъ уже мечталъ о жизни, не зная о ней ничего, и такимъ образомъ теорія повредила практикѣ. Ему не достались въ удѣлъ ни прелести, ни радости юношества; одно обстоятельство, уже съ той поры, повліяло на его характеръ и продолжало имѣть печальное и значительное вліяніе на всю его бу-

душность. Онъ былъ дуренъ собой, и эта некрасивость, уступившая впослѣдствіи силѣ выраженія, почти изчезнувшая, когда геніальность преобразила простыя черты его лица, была поразительна въ его самые юношескіе годы.—Она-то и порѣшила образъ мыслей, вкусы и направленіе молодаго человѣка, съ пылкимъ умомъ и неограниченнымъ честолюбіемъ. Не признавая возможнымъ нравиться, онъ рѣшилъ соблазнять или пугать и драпировался въ байронизмъ, который былъ тогда въ модѣ. Донъ-Жуанъ сдѣлался его героемъ, мало того его образцомъ; онъ сталъ бить на таинственность, на мрачное и на колкости. Эта дѣтская игра оставила неизгладимые слѣды въ подвижномъ и впечатлительномъ воображеніи; вслѣдствіе того, что онъ представлялъ изъ себя Лара и Манфреда, онъ привыкъ быть такимъ. Въ то время, я его два раза видѣла, на дѣтскихъ балахъ, на которыхъ я прыгала и скакала, какъ настоящая дѣвочка, которою я и была, между тѣмъ какъ онъ, однѣхъ со мною лѣтъ, даже нѣсколько моложе, занимался тѣмъ, что старался свернуть голову одной моей кузинѣ [1]), очень кокетливой; съ ней, какъ говорится, шла у него двойная игра; я до сей поры помню странное впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ бѣднымъ ребенкомъ, загримированнымъ въ старика и опередившимъ года страстей трудолюбивымъ подражаніемъ. Кузина повѣряла мнѣ свои тайны; она показывала мнѣ стихи, которые Лермонтовъ писалъ ей въ альбомъ; я находила ихъ дурными, особенно потому, что они не были правдивы. Въ то время я была въ полномъ восторгѣ отъ Шиллера, Жуковскаго, Байрона, Пушкина; я сама пробовала заняться поэзіей и написала оду на Шарлотту Корде, и была настолько разумна, что впослѣдствіи ее сожгла. Наконецъ я даже не имѣла желанія познакомиться съ Лермонтовымъ,—такъ онъ мнѣ казался мало симпатичнымъ.

Онъ тогда былъ въ благородномъ пансіонѣ, служившемъ приготовительнымъ пансіономъ при Московскомъ университетѣ.

Впослѣдствіи онъ перешелъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ; насмѣшливый, ѣдкій, ловкій—проказы, шалости, шутки всякаго рода, сдѣлались его любимымъ занятіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душею общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ всего того, что составляетъ жизнь въ эти годы.

---

[1]) Екатеринѣ Александровнѣ Сушковой, въ замужествѣ Хвостовой. Ред.

По выходѣ изъ школы, онъ поступилъ въ гвардейскій егерскій (?) полкъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ полковъ, и отлично составленный; тамъ опять живость умъ и жажда удовольствій поставили Лермонтова въ головѣ его товарищей; онъ импровизировалъ для нихъ цѣлые поэмы, на предметы самые обыденные изъ ихъ казарменной или лагерной жизни. Эти пьесы, которыя я не читала, такъ какъ онѣ написаны не для женщинъ, говорятъ, отличаются жаромъ и блестящей пылкостію автора. Онъ давалъ всѣмъ различныя прозвища въ насмѣшку; справедливость требовала, чтобы и онъ получилъ свое; къ намъ дошелъ изъ Парижа, откуда къ намъ приходитъ все, особый типъ, съ которымъ онъ имѣлъ много сходства,—горбатаго Майе (Mayeux), и Лермонтову дали это прозвище, вслѣдствіе его малаго роста и большой головы, которые придавали ему нѣкоторымъ образомъ фамильное сходство съ этимъ уродцемъ. Веселая холостая жизнь, не препятствовала ему посѣщать и общество, гдѣ онъ забавлялся тѣмъ, что сводилъ съ ума женщинъ, съ цѣлью потомъ ихъ покидать и оставлять въ тщетномъ ожиданіи; другая его забава была разстройство партій, находящихся въ зачаткѣ, и для того онъ представлялъ изъ себя влюбленнаго въ продолженіе нѣсколькихъ дней; всѣмъ этимъ, какъ казалось, онъ старался доказать самому себѣ, что женщины могутъ его любить, не смотря на его малый ростъ и некрасивую наружность. Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ его жертвъ, и я не могла удерживаться отъ смѣха, даже прямо въ лице, при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, донжуанскимъ подвигамъ. Помню одинъ разъ, онъ забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родители невѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома, и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ, и затѣмъ уже болѣе въ этотъ домъ не являлся.

Около того же времени умеръ Пушкинъ; Лермонтовъ вознегодовалъ, какъ и все молодое въ Россіи, противъ той не доброй (mauvaise) партіи нашего общества, которая возстановляла, другъ противъ друга, двухъ противниковъ. Лермонтовъ написалъ посредственное (?) стихотвореніе, но жгучее, въ которомъ онъ обращался прямо къ императору, требуя мщенія. При всеобщемъ возбужденіи умовъ, этотъ поступокъ, столь натуральный въ молодомъ человѣкѣ, былъ перетолкованъ. Новый поэтъ, выступившій въ защиту умершаго поэта, былъ посаженъ подъ арестъ на гауптвахту, а засимъ переведенъ въ полкъ на Кавказъ.

Эта катастрофа, столь оплакиваемая друзьями Лермонтова, обратилась, въ значительной степени, въ его пользу; оторванный отъ пустоты петербургской жизни, поставленный въ присутствіе строгихъ обязанностей и постоянной опасности, перенесенный на театръ вѣчной войны, въ незнакомую страну, прекрасную до великолѣпія, вынужденный наконецъ сосредоточиться въ самомъ себѣ, поэтъ мгновенно выросъ, и талантъ его мощно развернулся. До того времени, всѣ его опыты, хотя и многочисленные были какъ будто только ощупыванія, но тутъ онъ сталъ работать, по вдохновенію и изъ самолюбія, чтобы показать свѣту что нибудь свое; о немъ знали лишь по ссылкѣ, а произведеній его еще не читали. Здѣсь будетъ у мѣста провести паралель между Пушкинымъ и Лермонтовымъ, собственно въ смыслѣ поэта и писателя.

Пушкинъ весь порывъ, у него все прямо выливается; мысль исходитъ, или скорѣе извергается изъ его души, изъ его мозга, во всеоружіи, съ головы до ногъ; затѣмъ онъ все передѣлываетъ, исправляетъ, подчищаетъ, но мысль остается та же, цѣльная и точно опредѣленная.

Лермонтовъ ищетъ, сочиняетъ, улаживаетъ; разумъ, вкусъ, искуство указываютъ ему на средство округлить фразу, усовершенствовать стихъ; но первоначальная мысль постоянно не имѣетъ полноты, неопредѣленна и колеблется; даже и теперь въ полномъ собраніи его сочиненій попадается тотъ же стихъ, та же строфа, та же идея, вставленная въ совершенно разныхъ пьесахъ.

Пушкинъ давалъ себѣ тотчасъ отчетъ, въ ходѣ и совокупности даже и самой маленькой изъ его отдѣльныхъ пьесъ.

Лермонтовъ набрасывалъ на бумагу стихъ или два, пришедшіе ему въ голову, не зная самъ, что онъ съ ними сдѣлаетъ, а потомъ включалъ ихъ въ то или другое стихотвореніе, къ которому, какъ ему казалось, они подходили. Главная его прелесть заключалась преимущественно въ описаніи мѣстностей; онъ самъ хорошій пейзажистъ, дополнялъ поэта—живописцемъ; очень долго обиліе матеріаловъ, бродящихъ въ его мысляхъ, не позволяло ему привести ихъ въ порядокъ, и только со времени его вынужденнаго бездѣйствія на Кавказѣ начинается полное обладаніе имъ самимъ собою, знакомство со своими силами и, такъ, сказать правильная эксплоатація его различныхъ способностей; по мѣрѣ того, какъ онъ оканчивалъ, пересмотрѣвъ и исправивъ, тетрадку своихъ стихотвореній, онъ отсылалъ ее къ своимъ друзьямъ въ Петербургъ; эти отправки причиной того, что мы должны оплакивать утрату нѣсколькихъ изъ лучшихъ его произведеній. Курьеры, отправляемые изъ Тифлиса, бываютъ часто атакуемы чечен-

цами или кабардинцами, подвергаются опасности попасть въ горные потоки или пропасти, черезъ которые они переправляются на доскахъ или же переходятъ въ бродъ, гдѣ иногда, чтобы спасти самихъ себя, они бросаютъ довѣренные имъ пакеты, и такимъ образомъ пропали двѣ-три тетради Лермонтова; это случилось съ послѣдней тетрадью, отправленной Лермонтовымъ къ своему издателю, такъ что отъ нее у насъ остались только первоначальные наброски стихотвореній вполнѣ законченныхъ, которыя въ ней заключались.

На Кавказѣ, юношеская веселость уступила мѣсто у Лермонтова припадкамъ черной меланхоліи, которая глубоко проникла въ его мысляхъ, и наложила особый отпечатокъ на его поэтическихъ произведеніяхъ. Въ 1838 году (у Дюма 1833, ясно опечатка или неразобрано въ рукописи) ему разрѣшено было вернуться въ Петербургъ, а такъ какъ талантъ, а равно и ссылка, уже воздвигли ему пьедесталъ, то свѣтъ поспѣшилъ его хорошо принять. Нѣсколько успѣховъ у женщинъ, нѣсколько салонныхъ волокитствъ (flirtations) вызвали противъ него вражду мущинъ; споръ о смерти Пушкина былъ причиной столкновенія между нимъ и г. де Барантъ, сыномъ французскаго посланника; послѣдствіемъ спора была дуэль, и въ очень короткое время вторая между русскимъ и французомъ; нѣкоторыя женщины выболтали и о поединкѣ узнали до его совершенія; чтобы покончить эту международную вражду, Лермонтовъ былъ вторично сосланъ на Кавказъ.

Со втораго пребыванія въ этой странѣ войны и величественной природы, исходятъ лучшія и самыя зрѣлыя произведенія нашего поэта. Поразительнымъ скачкомъ, онъ вдругъ себя превосходитъ, и его дивные стихи, его великія и глубокія мысли 1840 года какъ будто не принадлежатъ молодому человѣку, пробовавшему свои силы въ предшествовавшемъ году; тутъ уже находишь болѣе правды и добросовѣстности въ отношеніи къ самому себѣ; онъ съ собою болѣе ознакомился и себя лучше понимаетъ; маленькое тщеславіе изчезаетъ, и если онъ сожалѣетъ о свѣтѣ, то только въ смыслѣ воспоминаній объ оставленныхъ тамъ привязанностяхъ.

Въ началѣ 1841 года, его бабушка, госпожа Арсеньева, выхлопотала ему разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ, для свиданья съ нею и полученія послѣдняго благословенія; года и слабость понуждали ее спѣшить возложить руки на главу любимаго дѣтища. Лермонтовъ прибылъ въ Петербургъ 7 или 8 февраля, и горькою насмѣшкою судьбы, его родственница, госпожа Арсеньева, проживавшая въ отдаленной губерніи, не могла съ нимъ съѣхаться, по причинѣ дурнаго состоянія дорогъ, происшедшаго отъ преждевременной распутицы.

Именно въ это-то время, я познакомилась лично съ Лермонтовымъ, и двухъ дней было довольно, чтобы связать насъ дружбой; однимъ днемъ болѣе, чѣмъ я съ вами, любезный Дюма, а потому не ревнуйте. Принадлежа къ одному и тому же кругу, мы постоянно встрѣчались и утромъ и вечеромъ; что насъ окончательно сблизило, это мой разсказъ объ извѣстныхъ мнѣ его юношескихъ проказахъ; мы вмѣстѣ вдоволь надъ ними посмѣялись, и такимъ образомъ вдругъ сошлись какъ будто были знакомы съ самаго того времени. Три мѣсяца, проведенные тогда Лермонтовымъ въ столицѣ, были, какъ я полагаю, самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни. Отлично принятый въ свѣтѣ, любимый и балованный въ кругу близкихъ, онъ утромъ сочинялъ какіе нибудь прелестные стихи и приходилъ къ намъ читать ихъ вечеромъ. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ опять, въ этой дружественной обстановкѣ, онъ придумывалъ какую нибудь шутку или шалость, и мы проводили цѣлые часы въ веселомъ смѣхѣ, благодаря его неисчерпаемой веселости.

Однажды онъ объявилъ, что прочитаетъ намъ новый романъ, подъ заглавіемъ: «Штосъ», при чемъ онъ расчиталъ, что ему понадобится, по крайней мѣрѣ, четыре часа для его прочтенія. Онъ потребовалъ, чтобы собрались вечеромъ рано, и чтобы двери были заперты для постороннихъ. Всѣ его желанія были исполнены, и избранники сошлись числомъ около тридцати; наконецъ Лермонтовъ входитъ съ огромной тетрадью подъ мышкой, принесли лампу, двери заперли, и затѣмъ начинается чтеніе; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутникъ заманилъ насъ первой главой какой-то ужасной исторіи, начатой имъ только наканунѣ; написано было около двадцати страницъ, а остальное въ тетради — была бѣлая бумага. Романъ на этомъ остановился, и никогда не былъ оконченъ.

Отпускъ его приходилъ къ концу, а бабушка не ѣхала. Стали просить объ отсрочкахъ, въ которыхъ было сначала отказано, а потомъ они взяты штурмомъ высокимъ покровительственнымъ вліяніемъ. Лермонтову очень не хотѣлось ѣхать, у него были всякаго рода дурныя предчувствія. Наконецъ, около конца апрѣля или начала мая, мы собрались на прощальный ужинъ, чтобы пожелать ему добраго пути. Я изъ послѣднихъ пожала ему руку.—Мы ужинали втроемъ, за маленькимъ столомъ, онъ и еще другой другъ, который тоже погибъ насильственной смертью въ послѣднюю войну. Во время всего ужина и на прощаньи, Лермонтовъ только и говорилъ объ ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать, и стала смѣяться надъ его казавшимися пустыми предчувствіями, но онѣ поневолѣ на меня вліяли и сжимали сердце. Черезъ два мѣсяца онѣ осуществились, и

пистолетный выстрѣлъ, во второй разъ, похитилъ у Россіи драгоцѣнную жизнь, составлявшую національную гордость. Но что было всего ужаснѣе, въ этотъ разъ, ударъ послѣдовалъ отъ дружеской руки.

Прибывъ на Кавказъ, въ ожиданіи экспедиціи, Лермонтовъ поѣхалъ на воды въ Пятигорскъ. Тамъ онъ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ пріятелей, который часто былъ жертвой его шутокъ. Онъ снова началъ свои продѣлки съ нимъ, и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль Мартыновъ былъ мишенью всѣхъ безумныхъ выдумокъ поэта. Однажды, увидѣвъ на Мартыновѣ кинжалъ, а можетъ и два, по черкесской модѣ, что вовсе не шло къ кавалергардскому мундиру, Лермонтовъ, въ присутствіи дамъ, къ нему подошелъ и, смѣясь, закричалъ:

— Ахъ! какъ ты хорошъ, Мартыновъ! ты похожъ на двухъ горцевъ!

Послѣдствіемъ этой шутки было то, что уже безъ того полная чаша перелилась черезъ край; послѣдовалъ вызовъ и на другое утро два пріятеля дрались на дуэли. Напрасно секунданты употребили возможныя усилія къ примиренію, даже самъ Лермонтовъ вѣрить не хотѣлъ, что онъ будетъ дратся съ Мартыновымъ. Но судьба свое взяла!

— Возможно-ли, сказалъ онъ секундантамъ, когда они передавали ему заряженный пистолетъ, чтобы я въ него цѣлилъ?

Цѣлилъ-ли онъ? или не цѣлилъ? Но только то извѣстно, что раздалось два выстрѣла, и что пуля противника смертельно поразила Лермонтова.

Такимъ образомъ, окончилъ жизнь въ 28 лѣтъ, и тою же смертью, поэтъ, который одинъ могъ облегчить утрату, понесенную нами смертью Пушкина.

Странная вещь! Дантесъ и Мартыновъ оба служили въ кавалергардскомъ полку. Евдокія Ростопчина.

Перевелъ и сообщ. В. К. Шульцъ.

Самозванецъ Медоксъ.

1812 г.

Прочитывая книги «Русской Старины» изданія 1879 и 1880 гг., я встрѣтилъ тамъ нѣсколько замѣтокъ, относящихся до таинственной личности нѣкоего Медокса. То его видѣли въ Иркутскѣ, то въ Петербургѣ; то онъ арестантъ, то гость въ кабинетѣ шефа жандармовъ графа Бенкендорфа. Въ разсказахъ о немъ встрѣчаются намеки

на пребываніе на Кавказѣ и формированіе тамъ черкескихъ войскъ [1]), но намеки эти ничего не разъясняютъ и читатель въ концѣ концовъ остается въ недоумѣніи: кто же этотъ Медоксъ?

Въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба есть объ этомъ Медоксѣ дѣло, изъ котораго и сдѣлана мною нижеслѣдующая выписка:

«Среди смутныхъ въ 1812 году для Россіи обстоятельствъ, явился въ городъ Георгіевскъ одинъ молодой человѣкъ, подъ именемъ Соковнина, якобы лейбъ-гвардіи кон. полка поручикъ и адъютантъ мин. полиціи; онъ предъявилъ надлежащіе документы, какъ бы отъ правительства ему данные на имя гражд. губернатора и въ казенную палату. Въ тѣхъ бумагахъ онъ показывался нарочито посланнымъ по высоч. его импер. величества волѣ, для набора войскъ изъ черкесъ и разныхъ племенъ кавказскаго народа. Для обмундированія же сего войска и отправленія куда слѣдуетъ, якобы поручено было сему Соковнину требовать деньги изъ казенной палаты. Бывшій тогда на Кавказѣ гражданскимъ губернаторомъ Яковъ Максимовичъ Брискоринъ находился въ жестокой болѣзни, отъ которой чрезъ нѣсколько дней и умеръ, а губернія лишилась въ немъ добродѣтельнаго и опытнаго чиновника. Посему дѣло о сформированіи черкесскаго войска поступило къ вицегубернатору Врангелю, который, желая оказать въ исполненіи столь важнаго предпріятія дѣятельнѣйшее содѣйствіе, приказалъ, вопреки мнѣнію совѣтника казенной палаты Хандакова, безъ замедленія выдать десять тысячъ руб. Соковнину, какъ довѣренной отъ министра особѣ.

«Портнягинъ (генералъ, командовавшій временно кавказской линіей), соревнуя въ семъ государственномъ дѣлѣ, зависящемъ болѣе отъ военной части, не желалъ явить усердія менѣе вицегубернатора: онъ тотчасъ склонилъ князя Бековича-Черкаскаго уговорить кабардинцевъ къ избранію и вооруженію изъ собственнаго круга, сколь можно болѣе князей и узденей, обѣщавъ дать для предварительныхъ издержекъ нѣкоторую сумму денегъ. Кн. Бековичъ приступилъ къ сему со всѣмъ усердіемъ и, въ ожиданіи награжденія, употребилъ не мало собственныхъ денегъ для приготовленія себя и товарищей къ службѣ. Отъ Соковнина деньги были раздаваемы черкесамъ въ Моздокѣ при комендантахъ и за ихъ свидѣтельствомъ. Каждый кабардинецъ получалъ не болѣе 500 р. Замѣчательно, что Соковнинъ почти всѣ 10 т. р. роздалъ черкесамъ, не употребивъ ничего въ свою пользу.

---

[1]) Эпизодъ о собираніи черкеской дружины разсказанъ самимъ Медоксомъ въ особой запискѣ. (См. „Рус. Стар.“, декабрь 1879 г.). Къ сожалѣнію, она безъ конца, ибо о результатѣ похожденій на Кавказѣ въ ней ничего не сказано.

Одно только открытіе его ложнаго предпріятія уничтожило успѣхъ. Ген.-маіоръ Портнягинъ поручилъ также султану Менгли-Гирею сдѣлать подобный наборъ относительно закубанскихъ народовъ. Озабоченный какъ нельзя болѣе, онъ повезъ мнимаго адъютанта мин. полиціи по крѣпостямъ кубанской линіи; въ Четь-Лабѣ обязалъ темиргойскаго владѣльца Мируста Айтекова постараться о наборѣ войска изъ закубанцевъ, который обѣщалъ это и обнадежилъ. Послѣ того генералъ возвратился въ Георгіевскъ въ ожиданіи событій, долженствовавшихъ увѣнчать успѣхомъ ревностно предпринятыя имъ мѣры. Между тѣмъ каждый изъ двухъ начальниковъ военной и гражданской части наперерывъ заботились угощать, забавлять и лелѣять сего мнимаго чиновника: одни праздники смѣнялись другими увеселеніями и всѣ, будучи въ надеждѣ на успѣхъ отъ набора черкескаго войска и занимаясь единственно симъ предметомъ, казалось забыли тягостное положеніе отечества, уже страдавшаго отъ вторженія непріятеля. Можетъ быть всѣ они желали со всею искренностью способствовать намѣренію правительства объ усиленіи войска наборомъ черкескихъ наѣздниковъ; можетъ быть, дѣйствительно, никакая легкая кавалерія непріятельская не устояла бы противъ ихъ стремленія и удара, но жаль, что все это было не иное что, какъ игра воображенія предпріимчиваго юноши.

«Еще до отъѣзда Портнягина съ Соковнинымъ по крѣпостямъ на Кавказ. линію, совѣтникъ Хандаковъ, желая оправдаться противъ вицегубернатора въ томъ, что онъ не соглашался на выдачу казенныхъ денегъ мнимому адъютанту мин. полиціи и не довѣряя, чтобы столь важное дѣло формированія войска изъ черкесъ могло быть поручено юному офицеру, требовалъ офиціально обстоятельства сего дѣла съ его мнѣніемъ представить министру финансовъ. Такимъ образомъ донесеніе, подписанное всѣми совѣтниками и самимъ вицегубернаторомъ, было послано съ эстафетою въ Петербургъ. Мнимый Соковнинъ, узнавъ о томъ и усматривая невыгодныя для себя послѣдствія, поспѣшилъ выпросить у ген. Портнягина расторопнаго портупей-прапорщика для отправленія съ своими чрезвычайными донесеніями министру полиціи. Его желаніе исполнили безъ замедленія: Казанскаго пѣхотнаго полка портупей-прапорщику Звѣреву предписано было отправиться въ дѣйствующую армію, которая уже преслѣдовала разстроеннаго и бѣжавшаго непріятеля. Неизвѣстно, что заключалось въ бумагахъ Соковнина, но кажется, что, признаваясь во всемъ откровенно, онъ старался оправдать свои поступки рвеніемъ къ пользѣ отечества, дабы чрезъ то избѣгнуть или смягчить заслуженное наказаніе. Не взирая на сомнительное свое положеніе, Соковнинъ не

терялъ присутствія духа; онъ даже увѣрялъ ген. Портнягина, что, въ вознагражденіе сильныхъ его стараній къ сформированію черкескаго войска, выпрашиваетъ ему столовыя деньги, какъ необходимыя офицеру въ званіи командира кавказской линіи. При этомъ объявилъ за тайну, что онъ усматриваетъ изъ вновь получаемыхъ бумагъ недовѣрчивость министра полиціи къ поступкамъ вице-губернатора, а потому требовалъ, чтобы всѣ бумаги на имя г. Врангеля, приходящія съ эстафетою, перехватывали и передавали ему, Соковнину. Такимъ средствомъ онъ думалъ предупредить угрожавшее себѣ несчастіе и выиграть время для полученія отвѣта, ожидаемаго отъ мин. полиціи, на милость котораго онъ довольно надѣялся. Но послѣдствія разрушили сію окончательную хитрость. По прошествіи нѣкотораго времени, съ полученною почтою сія комедія получила развязку. Главнокомандовавшій въ Петербургѣ ген. Вязмитиновъ, узнавъ изъ донесенія мин. финансовъ о явившемся на кавказ. линіи новаго рода самозванцѣ, предписалъ его немедленно задержать и отправить подъ строгимъ карауломъ въ столицу. Это было въ точности исполнено.

«Впослѣдствіи времени оказалось, что сей мнимый лейбъ-гвардіи коннаго полка поручикъ и адъютантъ мин. полиціи Соковнинъ былъ не иной кто, какъ сынъ содержателя московскаго благороднаго собранія Медокса. Въ наказаніе за безразсудный поступокъ, онъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Розданныя имъ казенныя деньги были возвращены по надлежащему: прогоны, выданные портупей-прапор. Звѣреву, уплочены ген. Портнягинымъ, а 10 т. р., выданныя изъ казенной палаты, уплочены вицегубернаторомъ Врангелемъ».

Эта офиціальная записка, конечно, не блещетъ такими цвѣтами краснорѣчія, какъ вышеупомянутая, напечатанная въ декабрьской кн. «Рус. Старины» 1879 года, записка Медокса; но зато вполнѣ вѣрна дѣйствительности. Изъ нея можно безошибочно вывести заключеніе, что Медоксъ былъ юноша съ легкомысленнымъ, къ авантюризму наклоннымъ, характеромъ, мечтавшимъ произвести эфектъ, явясь вдругъ на театрѣ военныхъ дѣйствій предводителемъ дружины черкескихъ наѣздниковъ. Но штука не удалась, не взирая на крайнюю наивность ген. Портнягина и вицегубернатора Врангеля, увлекшихся тоже заманчивою перспективою выслужиться. Этотъ офиціальный документъ окончательно разъясняетъ обстоятельства, приведшія Медокса къ заключенію въ тюрьму. Но за это ли самое онъ попалъ въ Иркутскъ, или же онъ былъ тамъ не въ качествѣ сосланнаго, какія отношенія были у него къ генералъ-губернатору Лавинскому и гр. Бенкендорфу — остается все же темнымъ. А было бы интересно разъяснить подроб-

ности, ибо нѣтъ сомнѣнія, авантюризмъ отъ первой неудачи у Медокса не исчезъ и онъ продолжалъ увлекаться своими фантазіями, приписывая даже первую неудачу интригамъ...

Кстати скажу здѣсь нѣсколько словъ о ген. Портнягинѣ. Командуя Нарвскимъ драгунскимъ полкомъ, находившимся за Кавказомъ, онъ допустилъ нижнихъ чиновъ эскадроновъ, расположенныхъ по кахетинскимъ деревнямъ, производить разныя безчинства и притѣсненія жителей, при собираніи провіянта, поставлявшагося натурою; на неоднократныя жалобы ему со стороны грузинъ, онъ никакихъ мѣръ не принималъ и удовлетворенія не оказалъ. Вскорѣ вспыхнулъ извѣстный бунтъ въ Кахетіи въ 1812 году и генералъ Ртищевъ, заступившій мѣсто маркиза Паулучи въ главномъ командованіи на Кавказѣ, сильно обвиняя, за жестокіе поступки драгунъ съ жителями, ген.-маіора Портнягина, приписывая даже этому и самый бунтъ, настаивалъ на удаленіи его съ Кавказа. Но у Портнягина былъ въ Петербургѣ сильный покровитель, къ которому онъ часто обращался съ нижайшими посланіями, и потому представленіе ген. Ртищева осталось безъ послѣдствій.

Впрочемъ, что касается Портнягина, какъ военнаго человѣка, то изъ всѣхъ донесеній начала нынѣшняго столѣтія изъ Грузіи видно, что онъ былъ человѣкъ распорядительный и храбрый.

А. Зиссерманъ.

Графъ А. А. Аракчеевъ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1881 г. помѣщены весьма интересныя записки А. П. Бѣляева о событіяхъ 14-го декабря. Задавшись, между прочимъ, цѣлью разсказать о томъ, что возбудило недовольство среди молодежи 1820-хъ годовъ, А. П. Бѣляевъ говоритъ: «Анекдоты о жестокостяхъ и безконтрольномъ деспотизмѣ Аракчеева; разсказывали также, какъ какой-то помѣщикъ, по очереди, насильственно лишалъ невинности всѣхъ своихъ подросшихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ. Какъ жестоко нѣкоторые военные начальники и самовластные помѣщики наказывали тѣлесно, забивая иногда людей даже до смерти. Можно себѣ представить, какое потрясающее дѣйствіе производили всѣ эти разсказы, приводимые, какъ факты, на умы и сердца!» Изъ этихъ словъ видно, во 1-хъ, что А. П. Бѣляевъ, если не думаетъ, что гр. Аракчеевъ былъ добръ и гуманенъ къ своимъ подчиненнымъ, то по крайней мѣрѣ не считаетъ его человѣкомъ жестокимъ и деспотичнымъ.

Исторія уже произнесла свой приговоръ надъ графомъ А. А. Арак-

чеевымъ и признала, что онъ былъ человѣкъ въ высшей степени суровый и строгій до тиранства. Всѣ почти лица, стоявшіе болѣе или менѣе близко къ графу Аракчееву, утверждаютъ тоже. Даже человѣкъ, сравнительно очень снисходительно относившійся къ личности графа, докторъ Европеусъ, говоритъ, что «вспыльчивость его доходила до изступленія». А чего не можетъ сдѣлать человѣкъ въ изступленіи? Не напрасно И. И. Свіязевъ назвалъ время своей службы подъ начальствомъ Аракчеева «страшнымъ сномъ на яву» [1]). Чѣмъ же наконецъ объяснить ту ненависть, которую питали къ графу военные поселяне? чѣмъ объяснить озлобленіе противъ графа всѣхъ его современниковъ, какъ не его жестокостью и деспотизмомъ? И послѣ всего этого можно говорить, что разсказы о жестокостяхъ и безконтрольномъ деспотизмѣ Аракчеева—анекдоты, плоды праздной фантазіи?

«Разсказывали также, продолжаетъ А. П. Бѣляевъ, что какой-то помѣщикъ по очереди насильственно лишалъ невинности всѣхъ своихъ подросшихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ». Что такіе помѣщики бывали—это несомнѣнно; стоитъ только вспомнить Льва Измайлова, статья о которомъ А. Г. Пупарева была помѣщена въ «Русской Старинѣ» 1872 г. т. VI. Статья эта написана на основаніи оффиціальныхъ документовъ и не вѣрить ей трудно. А между тѣмъ изъ нея видно, что у Измайлова былъ цѣлый гаремъ и что онъ не только самъ лишалъ дѣвственности своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, но и для гостей своихъ нерѣдко приказывалъ приводить ихъ изъ деревни. Да и не только въ 1820-хъ годахъ встрѣчались такіе помѣщики: ихъ можно было встрѣтить еще передъ самой крестьянской реформой. Такъ, въ прекрасныхъ Запискахъ Сельскаго Священника (Рус. Стар. 1880 г. январь стр. 77), разсказывается о нѣкоемъ помѣщикѣ Ж—нѣ, который единственно только для того и пріѣзжалъ въ свою деревню, чтобы лишить невинности всѣхъ подросшихъ къ тому времени своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ.

«Какъ жестоко, говоритъ далѣе А. П. Бѣляевъ, нѣкоторые военные начальники и самовластные помѣщики наказывали тѣлесно, забивая иногда людей даже до смерти». Неужели же авторъ сомнѣвается даже и въ этомъ? Достаточно только прочесть Записки того же Сельскаго Священника и мы увидимъ, какъ обращались съ своими крестьянами помѣщики, какъ за малѣйшую провинность наказывали 25—30 ударами розогъ,—передъ нами встанетъ тогда и образъ нѣкоего помѣщика Мор..., который даже исправника хотѣлъ было побить,

---

[1]) Воспоминанія и Записки И. И. Свіязева и доктора Европеуса напечатаны въ „Русской Старинѣ".

такъ что тотъ принужденъ былъ поскорѣе убраться изъ его дома. Что же, спрашивается, дѣлалъ этотъ помѣщикъ съ своими крестьянами, если даже не боялся бить исправниковъ? Но всѣ эти помѣщики жили передъ самой реформой. Что-же было во времена Александра I! Вспомнимъ опять того-же Льва Измайлова, который билъ своихъ крѣпостныхъ за малѣйшую провинность «плетьми, розгами, псарскими арапниками, сложенными вдвое». И не одинъ былъ тогда Левъ Измайловъ. Много встрѣчалось у насъ, на Руси, подобныхъ ему и только благодаря великой крестьянской реформѣ императора Александра II-го наши крестьяне освободились отъ того тяжкаго гнета, который тяготѣлъ надъ ними въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій— отъ гнета помѣщиковъ, такъ сильно злоупотреблявшихъ дарованной имъ властью.

Андрей Никол. Сиротининъ.

Москва.
8-го марта 1881 г.

Фаленбергъ.

Въ XXXII т. «Русской Старины» въ воспоминаніяхъ А. П. Бѣляева вкралась ошибка. При перечисленіи, на стр. 3-ьей, въ примѣчаніи, декабристовъ, оставшихся къ 1881 г. въ живыхъ, упомянутъ и П. И. Фаленбергъ, тогда какъ сынъ Петра Ивановича, Θедоръ Петровичъ, сообщаетъ въ «Русскомъ Архивѣ», что отецъ его умеръ 13-го февраля 1873 г. въ Бѣлгородѣ и похороненъ въ Харьковѣ.

О смерти Фаленберга упоминаетъ и А. П. Бѣляевъ въ главѣ XV своихъ воспоминаній («Рус. Ст.» т. XXXI, стр. 368), причемъ прибавляетъ, что умеръ Фаленбергъ 80-ти лѣтъ, между тѣмъ какъ его сынъ въ «Рус. Арх.» 1877 г., кн. 9, на стр. 105 говоритъ, что родился П. И. въ 1790 г., слѣдовательно, умеръ онъ 82 лѣтъ. Свидѣтельство Θ. П. Фаленберга подтверждаетъ и сообщеніе барона А. Е. Розена въ «Рус. Ст.» 1873 г. т. VIII стр. 112. Но, съ другой стороны, изъ показанія П. И. Фаленберга слѣдственной комиссіи («Ист. царст. Александра I-го», М. И. Богдановича. Приложенія.) видно, что въ 1826 г. ему было 34 года. Значитъ, родился онъ въ 1792 г. и умеръ 80-ти лѣтъ.

Кому-же вѣрить, самому-ли П. И. Фаленбергу, или же сыну его?

Быть можетъ, кто-нибудь имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія о рожденіи П. И. Фаленберга?

Разъяснить это было бы нелишне. Вѣдь біографіи дѣятелей 14-го дек. 1825 г. должны составить часть будущей исторіи декабрьской смуты, исторіи послѣдняго на Руси междуцарствія.

А. Н. Сиротининъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ВЪ ПЕРВОЙ ХАРЬКОВСКОЙ ГИМНАЗІИ

1848 г.

Бываютъ въ жизни случаи, которые сильно запечатлѣваются не только въ памяти, но западаютъ, такъ сказать, въ душу; впечатлѣнія отъ нихъ часто не изглаживаются изъ памяти, не потому что совершилось что нибудь особенное, а просто отъ нашего собственнаго тогдашняго настроенія. Къ такимъ памятнымъ для меня случаямъ относится посѣщеніе императоромъ Николаемъ Павловичемъ первой Харьковской гимназіи, въ которой я воспитывался.

Извѣстно, что императоръ Николай ежегодно осматривалъ одинъ или нѣсколько корпусовъ своей арміи. Весною, если не ошибаюсь, 1848 г. были назначены маневры въ Чугуевѣ, въ сорока верстахъ отъ Харькова. Ожидая поэтому пріѣзда государя въ Харьковъ, тогдашній генералъ-губернаторъ Кокошкинъ старался, по возможности, украсить городъ: все бѣлилось, красилось, очищалось; готовилась роскошная иллюминація, стоившая городу до 10,000 руб., за что, говорили тогда, Кокошкинъ получилъ выговоръ отъ государя. Для насъ, юношей, время проходило тогда пріятно и весело, потому что, въ ожиданіи посѣщенія великаго гостя, въ гимназіи тоже чистили и бѣлили, такъ какъ государь, бывая въ Харьковѣ, непремѣнно осматривалъ всѣ высшія и среднія учебныя заведенія.

Наконецъ, желанный день настадъ—государь прибылъ въ Харьковъ послѣ обѣда и заѣхалъ прежде всего въ соборъ, а оттуда въ домъ генералъ-губернатора, гдѣ приготовлено было для него помѣщеніе. Вечеромъ городъ буквально залитъ былъ разноцвѣтными огнями отъ безчисленнаго множества фонарей, плошекъ, стаканчиковъ и шаровъ, увѣшанныхъ на проволокахъ въ нѣсколько рядовъ по всѣмъ улицамъ, которыя въ началѣ и въ концѣ замыкались арками или тріумфальными воротами съ вензелевымъ изображеніемъ царскаго имени. На другой день, съ ранняго утра, народъ устремился на Екатеринославскую улицу, къ дому генералъ-губернатора (нынѣ принадлежитъ Сомову), и сплошною массою покрылъ все пространство передъ домомъ, ожидая выхода царя. Извѣстно было, что онъ прежде всего посѣтитъ университетъ, потомъ ветеринарное заведеніе, потомъ вторую гимназію и затѣмъ ужъ первую. Первая гимназія помѣщалась, какъ и теперь, въ собственномъ домѣ, построенномъ

глаголемъ, одна сторона котораго (фасадъ) выходитъ на Московскую улицу, а другая — на набережную рѣки Харькова и Харьковскій мостъ. Внизу расположены были классы и больница, выходившая окнами на набережную, а вверху — дортуары, столовая, квартира инспектора и актовый залъ съ церковію. Зданіе гимназіи хотя было и новое тогда, но не отличалось удобствомъ помѣщенія: классы, я помню, были маленькіе, низкіе, и корридоръ очень узокъ; вообще зданіе было съужено, хотя постройка его производилась, говорили тогда, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ помощника попечителя. кн. Цертелева Злые языки называли почему-то домъ князя, тоже не давно построенный, третьей гимназіей. Директоромъ гимназіи или училищъ, какъ въ то время называли ихъ, былъ у насъ нѣкто Дымчевичъ, человѣкъ съ большой научной эрудиціей, но мало вникавшій въ дѣла гимназіи, которыя были очень запущены; это скорѣе былъ человѣкъ науки, а не начальникъ учебнаго заведенія; являлся онъ въ гимназію очень рѣдко, разъ или два въ мѣсяцъ, и потому мы мало знали его. Пріѣздъ государя причинилъ ему немало горя и онъ вскорѣ послѣ этого оставилъ службу. Инспекторы гимназіи въ то время почему-то часто смѣнялись, и потому немудрено, что государь нашелъ безпорядки въ заведеніи.

Говоря о начальствующихъ и служащихъ въ то время въ гимназіи, я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о замѣчательномъ докторѣ гимназическомъ, Н. И. Рейпольскомъ, обратившемъ на себя особенное вниманіе государя своею эксцентричностію. Старожилы харьковскіе, я думаю, хорошо помнятъ эту оригинальную личность. Зимою и лѣтомъ, не смотря на морозъ и непогоду, онъ постоянно ходилъ въ одномъ вицмундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, съ толстою палкою въ рукахъ, наперевѣсъ; короткія панталоны такого же синяго цвѣта, которыя всегда закатывались снизу во время непогоды, и большаго размѣра фуражка съ необъятнымъ козырькомъ, совершенно скрывавшимъ его старческое лицо, довершали весь костюмъ его; ни калошъ, ни зонтика, ни перчатокъ онъ никогда не носилъ; никто не видѣлъ, чтобъ онъ когда-нибудь ѣздилъ на извощикѣ одинъ или съ кѣмъ-нибудь; будучи врачемъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, расположенныхъ въ разныхъ концахъ города, на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, онъ постоянно ходилъ пѣшкомъ, или, вѣрнѣе сказать, бѣгалъ изъ одного заведенія въ другое. Рѣчь его отличалась своеобразностію, ему одному свойственною. Врагъ всякихъ неологизмовъ, онъ всѣ иностранныя слова замѣнялъ русскими своего собственнаго измышленія, нерѣдко съ весьма курьезной этимологіей, отчего разговорная

рѣчь его выходила иногда очень замысловатой. Такъ, напримѣръ, колоши онъ называлъ (какъ А. С. Шишковъ)—мокроступами, шинель—накидалищемъ, бильярдъ—шарокаталищемъ, классъ или курсъ—побѣгомъ и т. п. Бороды и усовъ онъ никогда не брилъ, а обстригалъ ножницами, отчего лицо его постоянно покрыто было растительностію; сѣдые волосы онъ какъ-то искусно умѣлъ зачесывать съ затылка на передъ, прикрывая ими лысину. Не смотря на его смѣшныя стороны, всѣ его любили и уважали, потому что это былъ почтенный, умный, добрый и безкорыстный старикъ (ему тогда уже было за 60 лѣтъ), всегда готовый оказать помощь и услугу всякому знакомому и незнакомому.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

На другой день пріѣзда государя, намъ, воспитанникамъ, приказано было собраться въ гимназію въ 8 часовъ утра. Затянутые въ мундирчики, выбритые, обстриженные подъ гребенку, мы выстроены были на верху, въ актовомъ залѣ: по одну сторону пансіонеры и казеннокоштные, а по другую сторону своекоштные. Начальство ожидало государя внизу. Народъ толпился у подъѣзда. Часу въ двѣнадцатомъ донесся къ намъ обычный крикъ — ура! и скоро затѣмъ промчался мимо гимназіи, на парѣ лихихъ, старшій полицмейстеръ, а вслѣдъ за нимъ — открытая коляска, въ которой сидѣлъ государь императоръ вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, за коляской мчалось множество экипажей со свитой государя.

Императоръ проѣхалъ мимо гимназіи прямо на Михайловскую площадь, гдѣ собранъ былъ на смотръ инвалидный баталіонъ. Сначала всѣ удивлены были, что государь измѣнилъ маршрутъ, но потомъ подумали, что онъ заѣдетъ на обратномъ пути, и рѣшили ждать. Однако намъ, дѣтямъ, ожиданіе это не легко досталось: собранные съ 8-ми часовъ утра и затянутые въ мундиры, мы все время были на ногахъ и ничего не ѣли, а тутъ пришлось ждать еще часа три, потому что смотръ кончился въ третьемъ часу. Но когда и на обратномъ пути государь проѣхалъ мимо, начальство рѣшило, что ждать больше нечего, что онъ, вѣроятно, не будетъ. Директоръ распустилъ насъ по домамъ, приказалъ на-скоро пообѣдать и снова собраться на всякій случай, особенно тѣмъ, которые жили по близости гимназіи. Пансіонеровъ повели въ столовую, а мы, своекоштные, разсыпались по домамъ. Начальство тоже поспѣшило заморить червяка. Всѣ удивлялись, что государь не заѣхалъ въ гимназію, а между тѣмъ случилось, какъ разсказывали послѣ, слѣдующее:

Генералъ-губернатору Кокошкину, какъ бывшему тогда попечителю Харьковскаго учебнаго округа, хорошо извѣстны были порядки

въ первой гимназіи, и ему не хотѣлось, какъ видно, показывать ее императору, а потому онъ и не напомнилъ ему о ней, когда проѣзжали мимо; но на бѣду государь самъ вспомнилъ про гимназію, подъѣзжая уже къ дому губернатора.

— А гдѣ же первая гимназія? спросилъ онъ, обращаясь къ Кокошкину.

— Проѣхали, ваше величество, она за Харьковскимъ мостомъ.

— Ступай назадъ!

Едва только я взошелъ на мостъ, какъ заслышалъ снова крикъ: ура! на Московской улицѣ и скоро увидѣлъ множество экипажей, несущихся назадъ. Впереди ѣхала знакомая уже мнѣ коляска государя. Завидѣвъ ее, я не зналъ, что мнѣ дѣлать: бѣжать-ли назадъ въ гимназію, или идти домой. Любопытство преодолѣло и я рѣшился на первое, не смотря на усталость и голодъ; но помня приказъ, отданный намъ начальствомъ, на случай встрѣчи съ государемъ на улицѣ, я остановился, вытянулся въ струнку и снялъ фуражку. Государь, проѣзжая мимо меня, сдѣлалъ подъ козырекъ, что мнѣ, мальчишкѣ тогда, много польстило. Пока я добѣжалъ до гимназіи, государь ужъ былъ тамъ. Черезъ дворъ, заднимъ крыльцомъ, я пробрался въ корридоръ, чтобъ оттуда пройти на верхъ. Государь внизу осматривалъ классы, и громкій голосъ его особенно звучно раздавался въ пустыхъ классныхъ комнатахъ. Я остановился изъ любопытства, прижался въ корридорѣ въ углу, за дверью, и сталъ прислушиваться. Государь, видимо, былъ чѣмъ-то недоволенъ.

— Это чортъ знаетъ что, а не классы! это клѣтки какія-то! Здѣсь дышать нечѣмъ, здѣсь можно морить дѣтей...

Императоръ, въ сопровожденіи блестящей свиты, вышелъ изъ четвертаго класса и направился по корридору въ больницу. Въ этомъ мѣстѣ, т. е. противъ тогдашняго IV класса, корридоръ загибалъ на лѣво и былъ полутемный, онъ освѣщался только съ правой стороны черезъ стеклянныя вверху двери V, VI, VII классовъ; какъ разъ противъ IV класса, въ концѣ корридора, вела дверь въ больницу; въ обыкновенное время она постоянно была заперта, потому что ходъ въ больницу былъ со двора, отъ этого мракъ въ корридорѣ еще больше увеличивался.

— А этотъ корридоръ какое имѣетъ назначеніе? произнесъ государь. Здѣсь только въ жмурки можно играть!..

Недовольство, видимо, росло все болѣе и болѣе.

Когда всѣ сопровождавшіе его скрылись за поворотъ въ корридорѣ, я вышелъ изъ засады и рѣшился пройти на верхъ парадной лѣстницей, что противъ швейцарской; но любопытство, свойственное

юношѣ, увлекло меня далѣе, и я на цыпочкахъ, тихонько, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ корридоръ заворачивалъ налѣво. Государь въ это время былъ въ больницѣ. Вдругъ раздался громкій и грозный голосъ его; сильный оттолосокъ въ пустомъ корридорѣ и классныхъ комнатахъ мѣшалъ мнѣ ясно слышать слова, можно было уловить только: «на гауптвахту... на гауптвахту... директора на недѣлю... инспектора на гауптвахту»!...

Страхъ обуялъ меня и я поспѣшилъ убраться на верхъ и присоединился къ товарищамъ. Тишина въ залѣ воцарилась мертвая, слышно было, что называется, какъ муха пролетитъ; всѣ затаили дыханіе, и только эхо грознаго голоса доносилось къ намъ снизу. Самыя близкія лица къ государю говорили тогда, что рѣдко видѣли его въ такомъ раздраженномъ состояніи. Состояніе это вызвано было въ этотъ злополучный день стеченіемъ многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ: въ университетѣ государь остался сильно недоволенъ внѣшнимъ видомъ студентовъ, изъ которыхъ многіе предстали предъ нимъ небритые, нечесанные, съ длинными волосами или въ бородѣ. Одинъ изъ нихъ даже пострадалъ за это, и былъ исключенъ Кокошкинымъ изъ университета на другой же день, по отъѣздѣ государя императора изъ Харькова [1]). Другою причиной, вызвавшей неудовольствіе императора Николая Павловича, былъ неудачный, говорятъ, смотръ баталіона внутренней стражи и, наконецъ, безпорядки, найденные имъ въ гимназіи, переполнили чашу и вывели его изъ терпѣнія. Разсказывали тогда, что въ больницѣ нашелъ онъ не совсѣмъ чистое бѣлье на больныхъ, а когда приказалъ снять одѣяла, то и постельное бѣлье оказалось грязнымъ и ветхимъ. Ко всему этому присоединился еще безпорядокъ въ размѣщеніи больныхъ по койкамъ. Такъ, у одного изъ нихъ, стоявшаго у койки съ надписью: Febris cataralis, оказалось нога болитъ, а больной простудной лихорадкой стоялъ у постели съ надписью: Pleuritis. Подобнаго безпорядка на самомъ дѣлѣ не было, а случилось это отъ того, что больные, по естественному любопытству, вскакивали всякій разъ съ постелей смотрѣть въ окна, когда государь проѣзжалъ мимо, а когда онъ неожиданно вдругъ вернулся въ гимназію, они въ попыхахъ бросились по койкамъ, кто куда попалъ. Докторъ растерялся и не могъ объяснить настоящей причины подобной неурядицы, за что и посаженъ былъ

---

[1]) Послѣ онъ снова былъ принятъ, по повелѣнію уже самаго государя, которому доложили о крайне неразумной свирѣпости Кокошкина. Если не ошибаюсь, это былъ студентъ С......, нынѣ директоръ одной изъ гимназій Харьковскаго учебнаго округа. Д. И.

на недѣлю на гауптвахту; директоръ и инспекторъ—тоже на недѣлю. Почтенный старикъ Рейпольскій, прослужившій честно и безпорочно почти 40 лѣтъ, до того пораженъ былъ монаршимъ гнѣвомъ, что въ забывчивости, говорятъ, хваталъ государя, то за руки, то за полы, оправдываясь, прося помилованія и повторяя:

— Ваше величество! Я всадникъ ордена св. Владиміра... я 40 лѣтъ вѣрою и правдою служилъ вашему величеству, и на закатѣ дней своихъ напрасно страдаю за другихъ...

Государь обратился къ Кокошкину и спросилъ:

— Что это за чудакъ? о какомъ это всадникѣ онъ толкуетъ?

Ему объяснили, что это своеобразное выраженіе его, что всадникъ на языкѣ у него означаетъ—кавалеръ ордена св. Владиміра. Это-ли, жалкій-ли видъ старика, или неотступныя его просьбы, были причиною того, что гнѣвъ государя нѣсколько смягчился, и вмѣсто недѣли онъ приказалъ выдержать его на гауптвахтѣ только 3 дня.

Изъ больницы государь черезъ дворъ прошелъ на кухню, гдѣ пробовалъ щи, приготовленныя къ обѣду воспитанникамъ, и пищею остался доволенъ; потомъ направился въ актовый залъ. При входѣ его въ залъ, я, какъ теперь помню, обратилъ особенное вниманіе на лицо его, ожидая увидѣть въ немъ выраженіе гнѣва и досады, но, къ удивленію моему, ничего подобнаго не замѣтилъ, напротивъ, лицо его имѣло не суровое, а какое-то спокойное, ласковое выраженіе.

— Здравствуйте, дѣти! произнесъ онъ ласково.

— Здравія желаемъ, ваше величество! гаркнули мы дружно, какъ по командѣ, вышколенные репетиціей еще наканунѣ.

— Сколько всѣхъ воспитанниковъ? спросилъ онъ, обращаясь къ директору.

— 450 человѣкъ, ваше величество!

— Почему же такъ мало приходящихъ? спросилъ онъ, кивнувъ головою въ нашу сторону.

— Директоръ объяснилъ, что распущены по домамъ обѣдать, такъ какъ, будучи собраны съ утра, дѣти ничего не ѣли.

Государь приблизился къ казеннокоштному воспитаннику, взрослому уже, VI класса, по фамиліи Барылко, у котораго не было одной руки, и спросилъ, обращаясь къ нему:

— А гдѣ твоя рука?

— Въ землѣ, ваше величество! отвѣчалъ тотъ совершенно правильно.

— Я спрашиваю, добавилъ государь, улыбаясь, какъ ты потерялъ ее и давно-ли?

— Въ дѣтствѣ еще отрѣзали, она болѣла у меня.

Потомъ онъ обратился въ нашу сторону, и замѣтивъ стоявшаго подлѣ меня воспитанника, у котораго волосы были совершенно почти красные, подошелъ къ нему, погладилъ по головѣ и спросилъ:

— Какъ твоя фамилія?

— Михайловскій-Данилевскій, ваше императорское величество.

— Тебѣ не родственникъ историкъ Михайловскій-Данилевскій?

— Онъ приходится мнѣ двоюроднымъ дядей, ваше величество.

— Ну, смотри, учись хорошенько и будь такимъ же, какъ твой дядя, когда выростишь!

Поговоривъ еще о чемъ-то съ Кокошкинымъ, государь, обращаясь ко всѣмъ намъ, сказалъ:

— Ну, прощайте, дѣти! Смотрите, ведите себя хорошо, учитесь, ростите, а выростите—на службу!

Съ этими словами онъ направился къ выходу. Мы всѣ, пожелавъ ему счастливаго пути, послѣдовали за нимъ и провожали его до самаго экипажа.

Такъ кончилось посѣщеніе императоромъ Николаемъ Павловичемъ первой Харьковской гимназіи. Посѣщеніе это составило эпоху во внутренней жизни гимназіи, потому что скоро послѣ отъѣзда императора назначенъ былъ къ намъ новый директоръ, строгій человѣкъ, и у насъ пошли совсѣмъ другіе порядки. —Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; много событій болѣе важныхъ въ жизни моей прошло какъ-то безслѣдно, но событіе этого дня я припоминаю себѣ ясно и отчетливо, потому-ли, что въ дѣтствѣ все сильнѣе врѣзывается въ память, или, быть можетъ, потому, что такое грозное по своимъ послѣдствіямъ посѣщеніе государя не могло не сдѣлать глубокаго впечатлѣнія и на мою юную тогда натуру.

Директоръ, инспекторъ и докторъ въ тотъ же день были арестованы при гауптвахтѣ. Не помню уже хорошо, отсидѣли-ли они весь срокъ, назначенный государемъ, или нѣтъ; знаю только достовѣрно, что докторъ Рейпольскій на другой же день былъ освобожденъ, по ходатайству Кокошкина. Впрочемъ арестъ этотъ, какъ говорили тогда, не имѣлъ никакихъ худыхъ послѣдствій на дальнѣйшую служебную дѣятельность заключенныхъ, кромѣ того только, что директоръ былъ замѣненъ другимъ лицомъ; тѣмъ не менѣе однакожъ, все это не могло не подѣйствовать угнетающимъ образомъ на такого почтеннаго старика, какимъ былъ уже въ то время докторъ Рейпольскій, и онъ съ тѣхъ поръ сильно измѣнился къ худшему и сталъ неузнаваемъ.

Припоминаю объ этомъ одинъ анекдотъ, ходившій въ городѣ по поводу заключенія Рейпольскаго. Учитель русскаго языка нашей гимназіи, Д. П. Чириковъ, не отличавшійся особымъ умомъ, проходя

мимо гауптвахты и увидѣвъ доктора, сидящаго у окна, вздумалъ сострить некстати.

— Вотъ вы, Иванъ Николаевичъ, теперь, какъ звѣрь какой, сидите въ клѣткѣ.

— Да, правда твоя, звѣрей, видишь, сажаютъ въ клѣтку и на нихъ ходятъ смотрѣть, а свиньи свободно гуляютъ по улицѣ.

Иванъ Николаевичъ Рейпольскій умеръ, кажется, въ началѣ 1860-хъ годовъ, проживъ до глубокой старости и всегда пользуясь любовью и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ и окружавшихъ его.

Д. Ильченко.

Пенза.
1881 г. октября 3.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ КЕЛЬСІЕВЪ.

Письмо его къ Д. В. Аверкіеву.

Въ 1865—1866 гг. въ „Русскомъ Вѣстникѣ" былъ напечатанъ рядъ весьма талантливыхъ очерковъ Галичины, подписанный Желудковымъ. Подъ этимъ псевдонимомъ оказался извѣстный эмигрантъ Василій Ивановичъ Кельсіевъ, вскорѣ добровольно возвратившійся въ Россію и совершенно помилованный императоромъ Александромъ II. Кельсіевъ горячо принялся писать и печатать въ журналахъ очерки и статьи, бойкія, безспорно талантливыя, издалъ двѣ не лишенныя интереса книги: „Пережитое и передуманное", - „Галичина и Молдавія", и умеръ въ началѣ 1870-хъ годовъ, сраженный тою страшною болѣзнью, тою слабостью, которая свела на Руси весьма многихъ даровитыхъ людей въ преждевременную могилу.

Напечатанное здѣсь письмо В. И. Кельсіева интересно и для обрисовки его личности, и для знакомства съ его бурной, полной треволненій, жизни. Документъ весьма обязательно сообщенъ намъ въ подлинникѣ Дмитріемъ Васильевичемъ Аверкіевымъ. Ред.

Тульча, 17-го декабря 1864 г.

Поминаешь ли ты меня, Дмитрій Васильевичъ, какъ я тебя поминаю. Гдѣ ты? и что ты творишь? По журнальнымъ объявленіямъ я вижу, что ты въ Петербургѣ и потому адресую тебѣ письмо черезъ Сеньковскаго.

Моя сумасшедшая судьба годъ тому назадъ забросила меня въ Тульчу, гдѣ я и поселился и вѣроятно проживу долго. Ты знаешь, что въ іюнѣ я схоронилъ Ваню. Варвара Тимоѳеевна со мной, равно какъ моя трехъ-лѣтняя дщерь Малушка. Всѣ мы живы и здоровы, аклиматизовались съ Дунаемъ и по мѣрѣ возможности стараемся мириться съ судьбой. Отъ васъ мы отрѣзаны невѣроятно. Сюда не заходятъ ни журналы, ни книги, ни даже развитые люди. Тульча—

это я думаю хуже всякихъ Петропавловскихъ портовъ и Березовыхъ. Цѣлый годъ бился я здѣсь въ нуждѣ и въ горѣ, побывалъ адвокатомъ и школьнымъ учителемъ, и ничто мнѣ не удалось; я не могъ помириться съ этимъ болотомъ и теперь остался безъ мѣста, безъ дѣла, вслѣдствіе чего обращаюсь къ твоей помощи.

Вотъ уже два года слишкомъ, что я пишу, пишу и пишу, и по моей спеціальности о сектахъ, и статьи по общимъ, преимущественно соціальнымъ и метафизическимъ, вопросамъ. Я много пережилъ и много перевидалъ съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, стоялъ почти въ центрѣ послѣднихъ событій и вынесъ изо всего этого много опытности и много горечи. Когда мы пали въ 1862—63, я занялся изслѣдованіемъ причинъ нашего пораженія, докапывался, добивался, какъ нѣкогда до Маньчжурскихъ флексій—и пришелъ къ выводамъ, къ которымъ не знаю, кто до сихъ поръ приходилъ. Я уже не вѣрую въ радужныя видѣнія нигилистовъ, у меня нѣтъ упованій. Основываясь на изученіи рода человѣческаго и на тѣхъ фактахъ, которые совершались на моихъ глазахъ, я пришелъ къ отрицанію возможностей, истинности, практичности, полезности всего, во что я прежде вѣровалъ. Много спорили мы съ братомъ объ этихъ выводахъ, которые онъ называлъ въ шутку тульчанской школой философіи, а я—отпѣтовщиной. По смерти Вани, умершаго у меня на рукахъ, я засѣлъ писать; я былъ одинъ одинехонекъ. Съ осени накопилось здѣсь нѣсколько эмигрантовъ-поляковъ, но все не такой народъ, чтобы могли мнѣ замѣнить покойнаго—и я все пишу. Форма изложенія у меня нѣсколько мистическая,—я разсказываю невѣроятные анекдоты объ открытіи жизненнаго элексира, о магіи, о гномахъ, о жителяхъ планеты Марса и т. п , но подъ этими аллегоріями я ставлю вопросы о возможностяхъ и о полезностяхъ. Смѣшай во едино По, Гуливера, Герцена и Чернышевскаго, прибавь юморъ Сервантеса и желчь Данта—и ты придешь къ нѣкоторому понятію о слогѣ и о содержаніи моихъ произведеній (!). Какъ творецъ ихъ, я скажу только, что въ нихъ много новаго и буде нѣтъ у насъ теперь никого на мѣсто Чернышевскаго, то я безъ стыда занялъ бы это мѣсто въ оборванной цѣпи русскихъ мыслителей, начатой Бѣлинскимъ и теперь, кажется, не продолжаемой никѣмъ. Теперь вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: можно ли мнѣ посылать къ вамъ статьи для печатанія? разумѣется, статьи во всемъ согласныя правиламъ цензуры и печатанныя не подъ моимъ именемъ, а подъ псевдонимомъ или подъ какимъ нибудь чужимъ именемъ. Узнай, пожалуйста, поскорѣй и похлопочи сколько можешь, особенно въ «Современникѣ»; я къ этому журналу питаю традиціонную симпатію, а впрочемъ, въ моемъ поло-

женіи нельзя быть прихотливымъ, только бы приняли куда. Письмо идетъ въ Петербургъ изъ Измаила 9 дней, стало быть ты его получишь около 28—29 декабря. До крещенья ты можешь навести справки и дать мнѣ отвѣтъ, который, стало быть, получится около 15-го января. Пожалуйста, только не мѣшкай, мнѣ надо елико возможно скорѣй имѣть отвѣтъ, потому что мои финансы въ невѣроятно вопіющемъ положеніи. Я теперь не посылаю статьи, потому что не знаю можно ли мнѣ у васъ печатать, но какъ ты мнѣ напишешь, что можно, такъ я немедленно высылаю разсказъ о гномахъ (нѣчто въ родѣ Гуливера) и о скопцахъ. Гномы—это сказка; о скопцахъ—это ихъ повѣрья и легенды, собранныя мною отъ нихъ самихъ, разсказъ во всякомъ случаѣ интересный. Тамъ у меня еще найдется путешествіе по Дунаю, путешествіе къ казакамъ въ Малой Азіи, очерки Тульчи и Добруджи, наконецъ, цѣлый рядъ черныхъ думъ, моего Тульчанскаго дневника. Наконецъ, въ статьяхъ недостатка не хватитъ, только бы можно ихъ было печатать. А если тебѣ это удастся, то вотъ что сдѣлай, немедленно подпишись на «Современникъ», на «Почту», на «Отечественныя Записки» и на журналъ Тихонравова (Лѣтописи русск. лит. и др.). Если удастся, пришли мнѣ списокъ новыхъ изданій Кожанчикова по расколу и по исторіи, сочиненія Костомарова, и т. п. по моей спеціальности, т. е. по изученію русской народности. Что стоютъ сказки Рыбникова?—ну, да объ этомъ послѣ.

Выручай меня, Дмитрій Васильевичъ,—ты у меня одинъ въ Россіи остался. Брата я схоронилъ, сестра умерла,—никого нѣтъ. Ты одинъ свидѣтель моего дѣтства и товарищъ нашей университетской жизни, стало быть у меня нѣтъ никого ближе тебя. А мнѣ уже тридцать лѣтъ, уже сѣдой волосъ начинаетъ прорѣзываться, и одинъ одинехонекъ со своей семьей сижу я въ этомъ захолустьи, остатокъ древняго уже поколѣнія періода 1856—63 гг. Ты спросишь, чего я въ Европу не ѣду—что тамъ дѣлать? Тамъ душнѣе чѣмъ здѣсь, да и что намъ, представителямъ прошлаго, героямъ разбитой партіи, мозолить глаза своимъ побѣдителямъ. И ненавижу я ее, эту Европу—много горечи вынесло сердце мое изъ западной жизни.

Не дивись, впрочемъ, что я хочу печатать въ Россіи—мнѣ нѣтъ другаго исхода: заграницей уже не печатаютъ по русски. Остается идти на службу, но я какъ то одичалъ въ моемъ скитаніи, точно другимъ пухомъ обросъ—я не могу служить. Пробовалъ я писать по французски и по англійски, но нынѣ чрезвычайно тяжело и обидно писать на чужомъ языкѣ, ergo наши петербургскіе журналы единственный мнѣ исходъ.

Пиши мнѣ по адресу, который я тебѣ прилагаю, но, само собою

разумѣется, не путай ничего политическаго въ твои письма; лучше разскажи мнѣ о себѣ и объ нашихъ, кто живъ, кто цѣлъ, кто что̀ дѣлаетъ. Ты знаешь, что у меня въ Москвѣ есть братъ Саша: онъ въ какомъ-то, не то инженерномъ, не то землемѣрномъ училищѣ, тамъ, гдѣ когда-то преподавалъ Козловъ, московскій философъ, пріятель Сидоренко, что былъ или есть у Кожанчикова. Возьми, Аверкіевъ, подъ твою опеку парня, чтобы душа какъ не заглохла и чтобы онъ изъ семейной традиціи не пошелъ по нашимъ слѣдамъ. Дай ему знать отъ меня, что я требую, чтобы онъ читалъ и учился, учился и читалъ по крайней мѣрѣ лѣтъ до 25, и былъ бы какъ можно осторожнѣй. Есть у меня въ Москвѣ еще сестра Анна, лѣтъ должно быть 16-ти. Ее тетка навѣрно такъ испортила, что она скоро выйдетъ замужъ и уже никакъ не разовьется;—стало быть намъ съ тобой тутъ ничего не подѣлать. Жива ли моя мать—я не знаю—узнай и напиши. Напиши также, что дѣла̀ютъ наши старые петербургскіе знакомые, временъ нашихъ поэтическихъ вечеровъ въ домѣ Юппера, временъ блаженнаго 1858 года, моихъ медовыхъ мѣсяцовъ: Курочкины, Алексѣй Потѣхинъ, Кожанчиковъ, Максимовъ, Малиновскій, П...нъ, Шифнеръ, Люгебиль, Ѳ. Достоевскій, Горбуновъ, Островскій, Березинъ, проф. Васильевъ, проф. А.......ни, Касаткинъ московскій etc. etc. Шифнеръ что дѣлаетъ? Всѣмъ имъ поклонъ, а тебя, старый товарищъ, крѣпко прижимаю къ сердцу и объ одномъ прошу, не медли, Дмитрій Васильевичъ, отвѣтомъ, каковъ бы онъ ни былъ, полный или неполный, пріятный или непріятный; пиши мнѣ въ Крещенье; а Варвара Тимоѳеевна жметъ тебѣ руку по старому. Затѣмъ, выручай меня, если можешь, иначе мнѣ право плохо приходится въ этой глуши; если бы я могъ писать—у меня были бы книги и журналы, а то умъ вянетъ, пошлость начинаетъ подтачивать. Но о политикѣ, какихъ бы ты ни былъ убѣжденій, ни слова: ограничимся одной общей перепиской и такъ найдется много что разсказать другъ другу. Жду письма и остаюсь въ большомъ безпокойствѣ, получишь ли ты эти строки.

Мой адресъ: Мил. гос. г. Василію Іоанеско. Въ Измаилѣ. Молдавія.

———

Бомбардиръ Агафонъ Никитинъ.

† 28 декабря 1881 г.

Всѣ, конечно, читали про подвигъ, который совершилъ во время осады крѣпости Геокъ-Тепе бомбардиръ Агафонъ Никитинъ, и многіе знаютъ, что для увѣковѣченія этого подвига открыта подписка для постановки памятника, но, вѣроятно, мало кто слышалъ о томъ, какъ этотъ подвигъ былъ совершенъ и какимъ образомъ узнали о совершеніи его, такъ какъ даже и отрядъ, стоявшій тогда подъ стѣнами Геокъ-Тепе, узналъ о немъ послѣ покоренія крѣпости изъ словъ покорившихся текинцевъ. Первое нападеніе текинцевъ, 28 декабря 1881 г., было для отряда неожиданностью, что и было видно какъ изъ потерь войскъ (6 офицеровъ и 121 нижній чинъ), такъ и потерей одного горнаго орудія и знамени такого славнаго батальона знаменитаго традиціями полка Апшеронскаго. Второе нападеніе, въ ночь 30 декабря, было уже раньше извѣстно, и генераломъ Скобелевымъ были приняты соотвѣтствующія мѣры къ его отбитію. Еще въ 7 часовъ вечера пришло въ штабъ извѣщеніе отъ полковника Куропаткина, что изъ наблюдательнаго поста въ Охотничьей калѣ замѣтно движеніе текинцевъ въ крѣпости и что текинцы массируются во рву. Поэтому ко встрѣчѣ врага всѣ приготовились, траншейные караулы были на чеку, резервы подтянуты къ паралели, но особенное вниманіе было обращено на правый флангъ, во 1-хъ потому, что завладѣвъ имъ, непріятель могъ легче проникнуть въ лагерь, потеря котораго поставила бы войска въ безвыходное положеніе, и во 2-хъ потому, что первое нападеніе текинцевъ было произведено преимущественно на правый флангъ. Но на этотъ разъ главное нападеніе было на лѣвой флангъ и именно на редутъ № 3-й, называемый Ставропольскимъ, по имени выстроившаго батальона. Ставропольскій редутъ при этомъ нападеніи не былъ тѣмъ, чѣмъ былъ потомъ; впослѣдствіи онъ былъ сильно укрѣпленъ, но тогда это укрѣпленіе состояло изъ редута, не особенно сильной профили для двухъ орудій, и изъ прилегавшей къ редуту батареи на 4 орудія; для стрѣльбы въ обѣихъ укрѣпленіяхъ были пробиты амбразуры, защищаемыя отъ ружейныхъ пуль земляными мѣшками. Собственно редутъ былъ очень малъ и тѣсенъ и тамъ не гдѣ было повернуться и одной ротѣ, притомъ артиллеристы, все время бывшіе тамъ, а также приходившая пѣхота притаскивала массу разныхъ вещей, увеличивающихъ тѣсноту; прилегавшая же батарея была открыта съ тыла, справа же примыкала къ

паралели № 1. Ходомъ въ это укрѣпленіе служила высохшая канава, а вправо и на пути отступленія войскъ въ лагерь протекалъ не широкій, но глубокій ручей великокняжескій, черезъ который былъ одинъ мостъ. Въ ночь 30 декабря въ редутѣ были 2 горныхъ орудія 6 бат. 21 ар. бр. подъ командой поручика Медвѣдева и 3-я рота Закаспійскаго мѣстнаго батальона поручика Яновскаго, въ батареи 4 четырехфунтовыя мѣдныя орудія подвижной № 2 батареи шт.-кап. Михайлова и 2-я рота Закаспійскаго батальона шт.-кап. Зейферта. Въ 11 часовъ ночи громадная толпа текинцевъ, воспользовавшихся темнотою, бросилась безъ выстрѣла на нашъ лѣвый флангъ, какъ изъ самой крѣпости, такъ и изъ Мельничной калы, 3-я рота и два горныхъ орудія открыли пальбу, но бывшая въ батареи 2-я рота Закаспійскаго батальона шт.-кап. Зейферта очистила батарею, бросивъ орудія, и начала отступать въ лагерь; тогда текинцы съ страшнымъ гиканьемъ кинулись съ батареи на редутъ въ тылъ защитникамъ, тогда и эта рота, потерявъ убитымъ ротнаго командира, бросилась къ узкому выходу и при тѣснотѣ и давкѣ въ редутѣ, а также и при переправѣ черезъ ручей почти вся была вырѣзана; орудія, находившіяся въ редутѣ, выпустивъ всю картечь, и видя, что пѣхота уходитъ, прислуга начала вынимать замки и прицѣлы, но была вся изрублена у орудій. Одновременно съ нападеніемъ на редутъ текинцы произвели и нападеніе по всей линіи, а также съ лѣваго фланга и тыла на лагерь, но были вездѣ отбиты. Овладѣвъ редутомъ, текинцы увезли взятые ими два горныхъ орудія и пытались увезти и мѣдныя, но тяжесть ихъ имъ помѣшала въ этомъ; подоспѣвшій сюда резервъ выбилъ непріятеля изъ редута и, преслѣдуя ихъ до крѣпости, успѣлъ вернуть одно изъ увезенныхъ орудій въ 1/2 дорогѣ между паралелью и крѣпостью. Потеря при этомъ нападеніи была 3 офицера и 148 нижнихъ чиновъ и одно орудіе, а также много берданокъ. Вотъ при этомъ нападеніи, въ числѣ прислуги, былъ бомбардиръ Агафонъ Никитинъ, который и былъ показанъ убитымъ, хотя тѣло его и не было найдено. Прошло дней 20, крѣпость была нами, 12 января, взята штурмомъ, и покорившіеся текинцы мало по малу начали возвращаться на свои мѣста и въ разговорахъ съ ними узнали, какъ отъ мужчинъ, такъ и отъ женщинъ, слѣдующее: въ ночь 30 декабря нападавшимъ текинцамъ главный защитникъ Геокъ-Тепе Тыкма-Сардарь приказалъ привести какого нибудь топчи артиллериста, такъ какъ 28 декабря они, текинцы, увезли у русскихъ орудіе и два ящика снарядовъ, но стрѣлять и обращаться со снарядами не умѣли. И вотъ въ эту ночь нѣсколько текинцевъ, при взятіи редута, видя солдата съ георгіевскимъ крестомъ, вынимавшаго замокъ у орудія, и помня приказанія своего

Сардаря схватили его и привели въ крѣпость. Въ крѣпости, при громадномъ стеченіи народа, взятаго артиллериста заставляли стрѣлять, обѣщая пощаду, но онъ отказался; тогда прибѣгли къ угрозамъ и побоямъ, но плѣнникъ отказывался; наконецъ, видя его непреклоннымъ, прибѣгли къ пыткѣ: жарили на огнѣ и вырѣзали ремни со спины, но получили на все отказъ; тогда ему отрубили сперва руки, а потомъ голову. Разсказы эти волновали отрядъ и, по приказанію генер. Скобелева, командиромъ 6-й батареи 21 арт. бригады подполковникомъ Бобриковымъ было произведено дознаніе; въ дознаніи было обнаружено, что съ знакомъ ордена военнаго отличія былъ одинъ только Агафонъ Никитинъ и что тѣло его послѣ ночнаго нападенія на Ставропольскій редутъ одно лишь не было найдено. Поэтому-то мученикъ, отказывавшійся стрѣлять въ своихъ, и былъ отожествленъ съ личностью бомбардира Агафона Никитина.

Баронъ Остенъ-Сакенъ.

ЧИСЛО ДЕВЯТЬ.

Къ помѣщенной замѣткѣ Раф. Ситовскаго въ апр. книгѣ «Рус. Старины» (1882 г.) интересно прибавить, что цифра 9 въ событіяхъ жизни и кончины покойнаго Государя Императора Александра Николаевича часто встрѣчается. А именно: 1818 и 1881 годы,—сумма цифръ два разъ 9 или 18; $1 + 8 = 9$. 63-й годъ жизни—сумма цифръ 9. 27-й годъ царствованія—тоже 9. 1845—годъ рожденія наслѣдника престола, сумма цифръ тоже 9. + 9. Наконецъ, самое имя Александръ, если откинуть безгласную ъ, состоитъ тоже изъ девяти буквъ.

Г. Кузминъ.

Къ очерку «Н. К. Рутценъ».

На сообщеніе Н. Шеншина къ біографическому очерку: Н. К. Рутценъ, напечатанное въ „Русской Старинѣ" за іюль 1882 г.,—спѣшу объяснить, что это просто опечатка, М. В. Мимаковъ Мезенскаго уѣзда, вмѣсто М. В. Милюковъ Мценскаго уѣзда.

Мордарій Васильевичъ Милюковъ, по ошибкѣ, названъ мною предводителемъ дворянства; онъ въ это время только правилъ должность Мценскаго предводителя дворянства, за отсутствіемъ предводителя Владиміра Александровича Шеншина, слѣдовательно, такъ какъ разсказъ «Н. К. Рутценъ» нисколько не касается В. А. Шеншина, то и предположеніе о его неправдоподобности лишается своего единственнаго основанія.

Выраженіе „одинъ Телепневъ" употреблено мною вмѣсто нѣкто Телепневъ, такъ какъ мнѣніе Н. К. поддерживалось многими, а Телепневъ только хотѣлъ его формулировать.

Г. Фотежъ. А. А. Р—нъ.

Записка о послѣдствіяхъ предполагаемаго повсемѣстнаго учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ.

1-го августа 1858 г. [1]).

[Представлена императору Александру II-му мин. вн. дѣлъ С. С. Ланскимъ].

Мысль о необходимости повсемѣстнаго учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ основана, какъ видно изъ отношенія государственнаго секретаря къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 17-го мая сего (1858) года, на предположеніи, что вслѣдствіе предстоящаго преобразованія въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ могутъ возникнуть такого рода волненія, для прекращенія которыхъ власть гражданскихъ губернаторовъ, въ теперешнемъ ея состояніи, окажется недостаточною или слабою, и что поэтому необходимо временно установить повсемѣстно другую власть, которая завѣдывала бы управленіемъ нѣсколькихъ губерній, была бы снабжена чрезвычайными полномочіями, соединяла бы въ себѣ значеніе гражданское съ военнымъ и почти исключительно была бы направлена противу могущихъ произойти волненій между крестьянами. Поэтому прежде всего предстоитъ разсмотрѣть: во 1-хъ, дѣйствительно-ли состояніе государства требуетъ повсемѣстнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ для сохраненія порядка, и предупредитъ-ли безпорядки учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ? а во 2-хъ, какія послѣдствія произведетъ установленіе генералъ-губернаторовъ въ отношеніи къ губернскому и общему управленію имперіи? А затѣмъ сами собою выведутся заключенія о томъ, какія законныя мѣры способны были бы отвратить затрудненія, могущія возникнуть при исполненіи предположеннаго преобразованія въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ.

---

[1]) См. объ этомъ документѣ въ „Запискахъ сенатора Я. А. Соловьева“, «Русская Старина» изд. 1882 г., мартъ, стр. 587—592, гдѣ напечатанъ онъ въ выдержкахъ и приведены всѣ на него замѣчанія покойнаго Государя. Ред.

I.

Нужны-ли повсемѣстно общія чрезвычайныя мѣры?

Главное ручательство успѣха въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостныхъ правъ помѣщиковъ заключается въ томъ, что это преобразованіе началось по непосредственному указанію государя императора.

Вслѣдствіе этого оно получило возвышенное, даже можно сказать, святое значеніе для народа, который вѣруетъ, что подъ милостивымъ руководствомъ монарха дѣло это будетъ разрѣшено вполнѣ безпристрастно и съ равномѣрною справедливостію относительно интересовъ обѣихъ сословій. При такомъ состояніи дѣлъ, имѣетъ ли правительство причину ставить себя въ оборонительное положеніе противу всего государства? Напротивъ, сознавая свое могущество, основанное на полномъ сочувствіи и довѣріи народа, правительство должно дѣйствовать твердо и спокойно, заботиться о правильномъ направленіи крестьянскаго дѣла, тщательно избѣгать непосредственнаго вмѣшательства въ частные раздоры и несогласія и держаться законнаго способа дѣйствій даже въ тѣхъ случаяхъ, если бы возникли какія либо мѣстные безпорядки. Такой образъ управленія поддерживаетъ въ народѣ довѣріе и сочувствіе его къ правительству; всякія же чрезвычайныя мѣры, къ числу коихъ можно отнести повсемѣстное учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ съ необыкновенными полномочіями, приведутъ къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ. И дѣйствительно, какія мысли возбудятся въ народѣ при видѣ особыхъ угрожающихъ мѣръ, исключительно противъ него направленныхъ, когда онъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ распоряженіямъ правительства. Не естественно ли будетъ, если эти чрезвычайныя мѣры сочтутся за признакъ того, что предпринятое преобразованіе въ бытѣ крестьянъ предполагается рѣшить не безпристрастно, и что поэтому предвидится надобность въ насильственномъ подчиненіи правительственнымъ распоряженіямъ?

Подобное воззрѣніе тѣмъ возможнѣе, что, какъ извѣстно,

генералъ-губернаторская власть, будучи совершенно личною, вообще не возбуждаетъ у насъ сочувствія, и упраздненіе въ 1856 году Харьковскаго и Витебскаго генералъ-губернаторствъ произвело общую радость не только въ губерніяхъ, освобожденныхъ отъ управленія генералъ-губернаторовъ, но и во всей Россіи, ибо мѣра эта была принята какъ выраженіе стремленія къ утвержденію законности. Кромѣ того, за исключеніемъ столицъ, въ которыхъ званіе генералъ-губернаторовъ имѣетъ особый, по сложности полицейскаго управленія, характеръ, и гдѣ всѣ дѣйствія властей состоятъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ верховнаго правительства, вообще генералъ-губернаторы существовали и существуютъ до сихъ поръ только въ такихъ мѣстностяхъ Россіи, которыя, по отдаленности географическаго положенія или по историческимъ и племеннымъ особенностямъ, возбуждали недовѣріе правительства и потому признаны были требующими особаго чрезвычайнаго надзора. Очевидно, что повсемѣстное учрежденіе въ Россіи временныхъ генералъ-губернаторовъ возбудитъ въ настоящее время мысль о возникшемъ недовѣріи правительства и ко всему народу русскому, что вызоветъ подобное же чувство и отъ народа къ правительству и, слѣдовательно, уничтожитъ вѣрнѣйшій залогъ народнаго спокойствія.

II.

Какихъ ожидать послѣдствій отъ установленія генералъ-губернаторовъ?

Исторія нашего законодательства указываетъ на постоянное, уже давно существующее, направленіе ограничить въ губерніяхъ произволъ личной власти коллегіальными установленіями. Эта мысль принята въ основаніе при составленіи не только всѣхъ губернскихъ учрежденій, но даже и при изданіи учрежденія для управленія Сибирью, гдѣ произволъ генералъ-губернаторовъ старались ограничить совѣтами. Этою мыслію руководствовался и комитетъ 6-го декабря 1826 г. при учрежденіи въ пяти великороссійскихъ губерніяхъ генералъ-губернаторства, о которомъ живутъ еще въ народѣ самыя тяжелыя преданія, напоминающія трудныя времена воеводскаго и намѣстническаго управленій съ принадлежащими имъ свойствами кормленія и произвола.

Замѣчательно, что еще въ царствованіе въ Бозѣ почившихъ императоровъ Александра I и Николая I возбуждаемо было предположеніе о повсемѣстномъ учрежденіи въ Россіи генералъ-губернаторовъ, но и въ ту, и въ другую эпоху мѣра эта была отвергаема; ибо, вѣроятно, и тогда признана была не соотвѣтствующею системѣ правильнаго управленія.

Нынѣ же предполагается не только повсемѣстно учредить генералъ-губернаторовъ, но еще и увеличить ихъ власть противу прежней, которая признается уже недостаточною. Въ основаніи этой мѣры лежитъ, между прочимъ, сознаніе, что нынѣшніе гражданскіе губернаторы слишкомъ обременены дѣлами и потому не могутъ, при введеніи новыхъ положеній о крестьянахъ, дѣйствовать съ достаточною силой и энергіей. Такое сознаніе должно бы, казалось, привести къ тому заключенію, что необходимо возвысить власть начальниковъ губерній и облегчить ихъ отъ менѣе существенныхъ занятій, но вмѣсто этой простой и естественной мѣры, предполагается раздѣлить на генералъ-губернаторства всю Россію.

Вслѣдствіе повсемѣстнаго установленія временныхъ генералъ-губернаторовъ необходимо должны измѣниться и іерархическій порядокъ всего управленія, и административные законы, опредѣляющіе взаимныя отношенія всѣхъ существующихъ установленій, отъ сената до послѣдней полицейской истанціи; но это повело бы къ коренному преобразованію всѣхъ государственныхъ учрежденій, а подобныя преобразованія несвойственно предпринимать съ тою единственно цѣлью, чтобы сдѣлать возможною власть временную и при томъ личную, какова будетъ генералъ-губернаторская. Но между тѣмъ избѣжать измѣненія этихъ отношеній также невозможно, ибо если оно даже не будетъ опредѣлено закономъ, то совершится само собою, вслѣдствіе неминуемыхъ и частыхъ столкновеній и пререканій между властями, которыя могутъ оказаться равносильными и соперничествующими.

Что же касается до власти начальниковъ губерній, то въ отношеніи къ ней учрежденіе генералъ-губернаторовъ будетъ имѣть слѣдующія послѣдствія:

1) По естественному ходу дѣла, временные генералъ-губернаторы усилятъ свою власть на счетъ постоянной власти

гражданскихъ губернаторовъ. А между тѣмъ власть сихъ послѣднихъ, по учрежденію своему и по самому способу раздѣленія государства на губерніи, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы законной силы и значенія. Завѣдуя тремя или четырьмя губерніями, генералъ-губернаторъ, разумѣется, вынужденъ будетъ дѣйствовать чрезъ тѣхъ же губернаторовъ, но только съ тою разницею, что такой образъ дѣйствія будетъ очевидно еще слабѣе нынѣшняго, ибо званіе губернаторовъ, какъ лицъ второстепенныхъ въ губернскомъ управленіи, всюду упадетъ до мелкаго значенія несамостоятельныхъ чиновниковъ, заботящихся не столько объ управленіи губерніею, сколько объ угожденіи генералъ-губернатору.

2) Нынѣ существующія затрудненія въ управленіи, происходящія отъ неустройства нашихъ полицейскихъ и другихъ установленій, а также отъ малаго обезпеченія чиновниковъ, отъ злоупотребленій откупной системы и вообще отъ нравственной порчи многихъ должностныхъ лицъ, ни въ какомъ случаѣ съ опредѣленіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ не устранятся. Къ этому выводу приводитъ несомнѣнный фактъ, что въ тѣхъ областяхъ, которыя давно и постоянно находились подъ вѣдѣніемъ генералъ-губернаторовъ, органы мѣстнаго управленія нисколько не улучшились; изъ чего слѣдуетъ заключить, что генералъ-губернаторы, вѣроятно, по причинѣ самаго смысла этого личнаго учрежденія, не имѣютъ никакихъ условій ни къ возвышенію нравственнаго достоинства чиновниковъ, ни къ усовершенствованію хода администраціи, ни къ уничтоженію взяточничества и казнокрадства.

3) Единство губернскаго управленія, съ установленіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ, нарушится; ибо губернаторы не всегда успѣютъ передать свои убѣжденія и образъ воззрѣнія на мѣстное управленіе генералъ-губернатору, для котораго иногда многія дѣйствительныя препятствія и недостатки, по обширности порученнаго ему края, останутся закрытыми и неизвѣстными. Отсюда неизбѣжное разномысліе, проявляющееся безпрерывно въ распоряженіяхъ несогласныхъ и нерѣдко порождающихъ переписку, которая запутываетъ и усложняетъ ходъ дѣлъ.

4) Предоставленіе генералъ-губернаторамъ, какъ это указано

въ отношеніи государственнаго секретаря, права и власти опредѣлять по своему усмотрѣнію всѣхъ чиновъ полицейскаго управленія въ 36—50 подвѣдомственныхъ имъ уѣздахъ можетъ имѣть самыя тяжкія послѣдствія; ибо значеніе губернаторовъ, съ устраненіемъ ихъ отъ выбора чиновниковъ на уѣздныя должности, ослабнетъ еще болѣе. Притомъ перемѣны въ личномъ составѣ управленія, при настоящихъ обстоятельствахъ, должны производиться съ крайнею осмотрительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ со снисхожденіемъ къ недостаткамъ, выкупаемымъ опытностію и пріобрѣтеннымъ авторитетомъ.

5) Предположеніе объ освобожденіи генералъ-губернатора отъ текущихъ и мелочныхъ дѣлъ совершенно невозможно; ибо онъ, чтобы не уронить своей власти и не потерять нравственнаго значенія, обязанъ будетъ принимать прошенія, жалобы, письма, указанія уже не по одной губерніи, какъ гражданскій губернаторъ, а жителей 36 или 50 уѣздовъ. Словомъ, при неустройствѣ нашихъ присутственныхъ мѣстъ и недовѣріи жителей къ правильности дѣйствій чиновниковъ, онъ будетъ заваленъ разными просьбами и никакая инструкція не освободитъ его отъ производства текущихъ дѣлъ. Да и какимъ образомъ надзирать за ходомъ дѣлъ, ежели не выслушивать просителей? Для освобожденія генералъ-губернаторовъ отъ текущихъ дѣлъ, согласно предположеннымъ правиламъ, слѣдовало бы сложить съ нихъ надзоръ за ходомъ всей губернской администраціи, а это было бы съ этими же самыми предположеніями не согласно. Слѣдовательно, необходимо принять одно какое либо изъ положеній вышеупомянутыхъ правилъ, такъ какъ оба они оказываются рѣшительно несовмѣстными, т. е. или освободить генералъ-губернатора отъ текущихъ дѣлъ, а тѣмъ самымъ и отъ надзора за общею администраціею, или же поручить ему этотъ надзоръ и тогда обязать его заниматься дѣлами, признаваемыми за мелочныя, но тѣмъ не менѣе имѣющими несомнѣнное значеніе для жителей управляемой страны.

При этомъ естественно рождается вопросъ: что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ общимъ неопредѣлительнымъ выраженіемъ: «мелочныя и текущія дѣла?» Всякое дѣло, пока оно не рѣшено, остается текущимъ, хотя бы оно было важное или мелочное, и

наоборотъ — всякое дѣло мелочное или важное перестаетъ быть текущимъ, если оно производствомъ уже окончено.

6) Вышеупомянутая необходимость генералъ-губернаторовъ входить въ подробности управленія повторитъ то самое явленіе, которое замѣчается во всѣхъ прежде бывшихъ и нынѣ существующихъ генералъ-губернаторствахъ, а именно: канцеляріи ихъ получатъ значеніе новой лишней инстанціи, болѣе способной къ привлеченію дѣлъ, чѣмъ къ правильному и скорому разрѣшенію ихъ.

7) Сомнительно также, чтобы назначеніе генералъ-губернаторовъ имѣло особое полезное вліяніе на усиленіе дѣйствій военныхъ силъ, если бы таковыя понадобились; ибо и гражданскіе губернаторы имѣютъ право и возможность всегда обращаться къ военному начальству съ требованіемъ содѣйствія.

8) Наконецъ и касательно собственно преобразованія быта крестьянъ власть генералъ-губернаторовъ представляется также, какъ и въ другихъ случаяхъ, или безполезною, или даже вредною, смотря по тому, въ какія они будутъ поставлены отношенія къ губернскимъ расправамъ. Эти расправы предполагается образовать въ каждой губерніи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ и губернскаго прокурора, съ тою цѣлію, чтобы рѣшать всѣ недоумѣнія и споры между помѣщиками и сельскими обывателями окончательно и безъ аппеляцій. Если генералъ-губернаторы не будутъ имѣть право отмѣнять и пріостанавливать положенія сихъ расправъ, то посредничество ихъ сдѣлается совершенно излишнимъ и замедляющимъ только самое окончаніе и разрѣшеніе недоумѣній. Если же отъ усмотрѣнія генералъ-губернаторовъ будетъ зависѣть отмѣна положеній губернаторскихъ расправъ, то личное воззрѣніе получитъ перевѣсъ надъ установленіемъ, и вслѣдствіе этого губернскія расправы потеряютъ силу и довѣріе тяжущихся и вообще всякое законное значеніе.

Такимъ образомъ учрежденіе генералъ-губернаторовъ, представляющееся съ перваго взгляда мѣрою сильною и строгою, на самомъ дѣлѣ не внесетъ въ губернское управленіе новыхъ жизненныхъ началъ, но

придастъ, напротивъ, губернскому управленію какую то двойственность, поколеблетъ и ослабитъ полезное вліяніе губернаторовъ, возбудитъ безплодныя и даже вредныя столкновенія съ высшими учрежденіями и неминуемо усложнитъ производство дѣлъ и переписокъ, а по крестьянскому вопросу, это учрежденіе не только окажется слишкомъ слабымъ для предупрежденія безпокойствъ и волненій, но, облеченное произволомъ, ничѣмъ не ограниченнымъ, оно породитъ въ обоихъ сословіяхъ: и помѣщичьемъ, и крестьянскомъ, недовѣріе и неудовольствіе, которыя и суть прямыя причины волненій и безпокойствъ.

Всѣ вышеизложенныя соображенія, опровергающія самыя начала, на коихъ предположено учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ, приводятъ къ заключенію, что и составленіе опредѣлительной, не выходящей изъ предѣловъ законовъ, но на сихъ самыхъ началахъ основанной инструкціи дѣлается невозможнымъ, безъ коренныхъ измѣненій въ существующемъ административномъ порядкѣ и въ законахъ.

Впрочемъ, если бы даже эти измѣненія и послѣдовали, то составленіе инструкціи, во всякомъ случаѣ, было бы теперь преждевременно, ибо для этого потребовалось бы обсуждать права и обязанности генералъ-губернаторовъ по наблюденію за введеніемъ такихъ положеній объ улучшеніи быта крестьянъ и такихъ, связанныхъ съ ними, административныхъ и судебныхъ установленій, (губернскихъ и уѣздныхъ расправъ и мировыхъ судей), кои еще не разсмотрѣны и не утверждены.

Нельзя однако теперь же не обратить вниманія на предварительныя соображенія, выраженныя въ отношеніи государственнаго секретаря: во 1-хъ, что нынѣшняя инструкція для генералъ-губернаторовъ почти не присвоиваетъ имъ никакой власти и никакихъ правъ, и во 2-хъ, что временные генералъ-губернаторы уполномочены будутъ дѣйствовать всѣми средствами ко введенію и сохраненію порядка.

Инструкція, по которой дѣйствуютъ настоящіе генералъ-губернаторы и которая признается нынѣ недостаточною и слабою, была составлена въ 1853 г. при участіи бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Бибикова, управлявшаго около 16-ти лѣтъ Кіевскимъ генералъ-губернаторствомъ съ из-

вѣстною всѣмъ самостоятельностію. Эта инструкція предоставляетъ генералъ-губернатору и власть, и права двоякаго рода: однѣми изъ нихъ онъ пользуется какъ главный начальникъ установленныхъ въ губерніи учрежденій и отдѣльныхъ органовъ административной власти, другія же даютъ ему возможность имѣть рѣшительное вліяніе на образъ мыслей и частную жизнь всѣхъ жителей края. Такъ, напримѣръ, ему не только присвоено право непрестанной ревизіи мѣстъ и лицъ, ему подвѣдомственныхъ, и даны уполномочія къ прекращенію: «нарушенія законовъ, всего противнаго безопасности и пользѣ общей, или же несообразнаго съ видами верховнаго правительства, извѣстными ему какъ лицу, полнымъ довѣріемъ Государя Императора облеченному» (296 ст. II т. св. губ. учрежд. изд. 1857 года), но онъ еще имѣетъ право «преслѣдовать всѣми зависящими отъ него средствами: излишнюю роскошь, расточительность, безпутство и мотовство, мало того: устремляя все свое вниманіе на духъ и нравственное направленіе во всѣхъ сословіяхъ», генералъ-губернаторъ уполномоченъ властію «устранять всякій поводъ къ ложнымъ понятіямъ, превратнымъ толкованіямъ и гибельному лжемудрствованію (ст. 301 и 302 II т. св. зак.)». Мысль, что такая инструкція слаба, могла родиться развѣ отъ того, что чрезмѣрная сила ея была, къ счастію, не удобопримѣнима въ такомъ государствѣ, которое, какъ Россія, стремится стать въ ряду государствъ просвѣщенныхъ и граждански благоустроенныхъ. Само собою разумѣется, что генералъ-губернаторъ не въ состояніи сосредоточить въ одномъ себѣ надзоръ за образомъ мыслей и нравственностію всѣхъ жителей управляемой имъ страны; а лица, поставленныя имъ для такого рода наблюденій и изслѣдованій, могутъ, изъ корыстныхъ расчетовъ, пристрастныхъ побужденій и по другимъ причинамъ, видѣть «гибельное лжемудрствованіе, безпутство» и т. д. тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Ужели дальнѣйшее расширеніе власти генералъ-губернаторовъ возможно? Если, въ видахъ соблюденія общественнаго порядка, имъ предоставлено будетъ употреблять не исключительно однѣ, на чувствѣ справедливости и законѣ основанныя мѣры, но *всѣ* безъ разбору *средства*, то власть генералъ-губернаторская уже перестанетъ быть властію, а перейдетъ въ неограниченное самовластіе и безотчетный произволъ.

III.

Соображенія о предстоящихъ мѣрахъ.

Успѣхъ осуществленія человѣколюбивой мысли улучшенія быта крестьянъ зависитъ не отъ предполагаемаго умноженія властей, но отъ правильнаго, безпристрастнаго разбора положеній губернскихъ комитетовъ, и отъ вѣрнаго практическаго соглашенія правъ и выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Не должно опасаться важныхъ затрудненій и безпокойствъ, ежели утвержденныя положенія будутъ заключать въ себѣ условія дѣйствительнаго улучшенія въ бытѣ крестьянъ. Въ такомъ случаѣ крестьяне, спокойно выжидающіе положеній губернскихъ комитетовъ, еще спокойнѣе будутъ ожидать и утвержденія этихъ положеній Высочайшею властію.

Между тѣмъ усиленія губернскихъ властей можно достигнуть слѣдующими законными мѣрами:

1) Обращать особое вниманіе на личныя достоинства и способности начальниковъ губерній и, постоянно слѣдя за дѣйствіями ихъ по предпринятому преобразованію, давать имъ надлежащія наставленія для успѣшнаго разрѣшенія онаго.

2) Можетъ быть между членами губернскихъ комитетовъ явятся люди съ направленіемъ и убѣжденіями, которыя будутъ соотвѣтствовать настоящимъ преобразовательнымъ намѣреніямъ правительства, то и этихъ людей имѣть въ виду на губернскія и высшія въ губерніи должности, не затрудняясь притомъ разрядами чиновъ, которые только стѣсняютъ въ выборѣ дѣльныхъ и способныхъ людей.

3) Расширить и усилить, по возможности, предѣлы власти начальниковъ губерній на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя уже собраны въ министерствѣ по особому высочайшему повелѣнію.

4) При введеніи положеній о бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ, временно освобождать начальниковъ губерній отъ предсѣдательства во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему губернскихъ учрежденіяхъ, а предсѣдательство это возложить на вице-губернаторовъ. Вслѣдствіе сего самимъ губернаторамъ легко будетъ наблюдать за порядкомъ исполненія положеній объ улучшеніи быта

крестьянъ и пещись о сохраненіи при этомъ спокойствія и общественной безопасности.

5) Предоставить начальникамъ губерній устранять всѣхъ полицейскихъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ и по выборамъ, и отъ правительства, кои окажутся неблагонадежными или неспособными къ безпристрастному дѣйствію при введеніи новаго порядка.

6) Ассигновать въ распоряженіе начальниковъ губерній особыя суммы на экстраординарные расходы.

7) Снабдить губернаторовъ особою инструкціею, которая впрочемъ не прежде можетъ быть составлена съ должною ясностію и опредѣлительностію, какъ по разсмотрѣніи положеній губернскихъ комитетовъ. Въ этой инструкціи указать и объяснить мѣры, которыя должно будетъ принимать какъ противъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, возбуждающихъ затрудненія и препятствія ко введенію новыхъ положеній;

и 8) Сдѣлавъ предусмотрительное распредѣленіе войскъ, снабдить начальниковъ надъ оными надлежащими наставленіями, въ которыхъ, между прочимъ, ясно опредѣлить отношенія сихъ начальниковъ къ гражданскому вѣдомству.

Всѣ эти мѣры, при предпринимаемомъ преобразованіи полицейской власти, достаточны для удержанія порядка и повиновенія, ежели только самыя положенія будутъ составлены добросовѣстно, въ видахъ общей государственной пользы.

Въ случаѣ же особыхъ мѣстныхъ возникшихъ въ какой либо губерніи или даже уѣздѣ затрудненій и недоразумѣній при установленіи новыхъ крестьянскихъ отношеній, всегда можно будетъ посылать, куда понадобится, уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ, которые обязаны будутъ давать дѣлу правильное направленіе сообразно полученнымъ на этотъ исключительный случай инструкціямъ.

Власть этихъ уполномоченныхъ лицъ, не вмѣшивающихся въ общій ходъ администраціи и оканчивающихъ свои въ губерніи дѣйствія съ прекращеніемъ повода ихъ командировки, будетъ разниться существенно отъ власти генералъ-губернаторовъ и слѣдовательно не имѣть тѣхъ неудобствъ, которыя соединены съ этимъ учрежденіемъ.

Всѣ сіи соображенія доказываютъ, какъ то, что для правительства нѣтъ надобности прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ

для предупрежденія предполагаемыхъ волненій и безпорядковъ; такъ и то, что повсемѣстное учрежденіе генералъ-губернаторовъ произведетъ неисчислимыя затрудненія, ибо эти сановники усложнятъ и еще болѣе обезсилятъ существующіе органы губернскаго и уѣзднаго управленія.

Въ настоящее же время, когда потребность законности начала выражаться еще сознательнѣе, въ особенности по причинѣ самаго преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ, какъ стремленія по преимуществу законнаго со стороны правительства, установленіе личнаго и самовластнаго управленія временныхъ генералъ-губернаторовъ будетъ этому стремленію явно противорѣчить.

Нельзя также упускать изъ вида, что генералъ-губернаторы, по свойству человѣческой природы: придавать себѣ особенную важность и значеніе, станутъ преувеличивать опасность отъ могущихъ возникнуть мѣстныхъ недоразумѣній и будутъ находить всегда и во всемъ предлоги и мнимыя доказательства къ продолженію, а можетъ быть и къ превращенію своей власти изъ временной въ постоянную.

Впрочемъ въ этомъ случаѣ они могутъ даже сдѣлаться, къ несчастію, совершенно правыми, ибо, уклонившись однажды отъ путей естественныхъ и законныхъ, трудно впослѣдствіи избѣгнуть необходимости поддержанія порядка одною силою и страхомъ.

Спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства.

1-го августа 1858 г.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, распоряженія правительства, объявленія

1798 г. [1]).

13-го августа. Отставной генералъ-лейтенантъ баронъ Аракчеевъ принятъ паки въ службу съ отданіемъ ему старшинства и опредѣленъ въ свиту Е. И. Вел-ва (№ 65).

— Близь церкви св. Николая чудотворца, въ школѣ продаются: кандиторъ, хорошій поваръ съ женою-кухаркою и баба для черной работы.

20-го августа. Е. И. В. объявляетъ свое удовольствіе какъ городу за порядокъ, который нашелъ во всѣхъ частяхъ и всему гарнизону, равно и благодарность артиллеріи, и жалуетъ нижнимъ чинамъ по 1 рублю и по чаркѣ вина (№ 67).

— Изъ Франкфурта, отъ 4-го августа. Его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ праздновалъ торжественно 10 числа минувшаго іюля, день тезоименитства Е. И. В. императора Всероссійскаго въ Карлсбадѣ, откуда выѣхалъ онъ 14 числа того-жъ мѣсяца.

24-го августа. Генералъ-адъютантъ Нелидовъ отставленъ отъ службы (№ 68).

— Хирургу Фокту, просившему о помѣщеніи его при Е. И. В-вѣ, отказано.

— Вдовѣ генералъ отъ инфантеріи Вульфа, просившей о прибавленіи земли къ пожалованной ей арендѣ, отказывается потому, что она должна быть довольна тѣмъ, что получила.

— Графу Морсану, просившему о дозволеніи пріѣхать ему въ Россію, отказывается по неимѣніи въ немъ надобности.

— Маіору Растопчину, просившему о дозволеніи побочному его сыну

---

[1]) См. начало этихъ выписокъ изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1796—1798 гг. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томъ XI, стр. 187—190; 589—590; 754—788; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 231—236; 451—452; 663—664; 830—832; томъ XIII, стр. 457—458; изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 425—432.

именоваться его фамиліею и быть въ имѣніи его наслѣдникомъ, отказывается потому, что на сіе потребно согласіе родственниковъ его.

— Купцу Валсеру, просившему о дозволеніи привезть въ Россію заказанной имъ въ Швейцаріи кисеи, отказывается потому, что сіе противно общественной выгодѣ.

— Продается 2 часть Золотой книжки, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: ... 2, Кошекъ дѣлать танцмейстерами; нѣчто изъ экспериментальной физики г. Пинетти... 15, Узнавать гусей, который гусакъ и которая гусиня... 35, Какъ узнать стара ли рыба... 56, Способъ разводить соловьевъ въ такомъ саду, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ... 57, Средство, чтобы соловьи пѣли почти цѣлый годъ, и въ такое время, когда угодно... 69, Легкое и отмѣнное средство отъ чахотки... 70, Показаніе какимъ образомъ научиться плавать, съ присовокупленіемъ описанія, какъ совершенно не умѣя плавать, не утонуть въ самой величайшей глубинѣ... 79, Ктобъ могъ подумать, что портные также могутъ быть врачами и вылечивать флюсы, насморкъ и кашель.

27-го августа. Мушкетерскаго генералъ-фельдмаршала князя Репнина полку полковнику Шилингу сдѣланъ выговоръ, за представленіе худаго поведенія портупей прапорщика Плавскаго къ производству въ прапорщики, который изъ списковъ исключенъ (№ 69).

— Е. И. В. объявилъ свою совершенную благодарность генералу отъ кавалеріи Денисову и всему войску, вошедшему августа 20 го дня въ Гатчино, какъ вышнимъ, такъ и нижнимъ чинамъ за ихъ исправность во всѣхъ частяхъ, и пожаловалъ послѣднимъ по одному фунту говядины на человѣка.

— Отставной генералъ-адъютантъ Растопчинъ принятъ паки въ службу генералъ-лейтенантомъ съ отданіемъ старшинства, и назначенъ въ свиту Е. И. Вел-ва.

— Е. И. В. объявляетъ свою особенную благодарность какъ инфантеріи, равно и кавалеріи, бывшими того дня (25-го августа) въ парадѣ, и пожаловалъ нижнимъ чинамъ по чаркѣ вина на человѣка.

— Профессору Рейнерп, доктору медицины и окулисту, просившему о высочайшемъ повелѣніи сдѣлать вторичную публикацію о данномъ ему дозволеніи лечить глазныя болѣзни, объявляется, что поелику о дозволеніи лечить уже публиковано, то желаемую публикацію можетъ сдѣлать отъ себя.

— Бѣлорусской губерніи мѣстечка Шкловъ, жителю еврею Мордуху Лейзеровичу, просившему о высочайшемъ дозволеніи открыть лично Е. И. В-ву неизвѣстный никому секретъ въ дѣланіи разныхъ цвѣтовъ пороху, отказано.

— Въ Малой Коломнѣ у самаго съѣзжаго дома, въ каменномъ домѣ подъ № 10, по нуждѣ продаютъ 5 дворовыхъ людей, всѣ холостые, изъ коихъ 1-ой мужской портной и видной лакей, изрядно чешетъ мужскіе волосы, а по нуждѣ—кушанье готовитъ; 2-ой видной же лакей и мужской очень хорошей портной, 25 лѣтъ; 3-й грамотной человѣкъ и лакей исправной, 18 лѣтъ; 4-ой тожъ грамотной лакей тѣхъ же лѣтъ; 5-ой кузнецъ, 20 лѣтъ. О цѣнѣ спросить у хозяина.

31-го августа. Сибирскаго гренадерскаго полку подполковники Миллеръ и Баговутъ, по представленію шефа и инспектора, первой за неприлежность къ должности, а послѣдній за болѣзнями, отставлены отъ службы. Ревельскаго мушкетерскаго полку маіоры Вестенрикъ и Валуевъ от-

ставлены отъ службы, первой за нерадѣніе въ службѣ и слабому оной знанію, а послѣдней—за ложной доносъ на шефа онаго полку (№ 70).

— Артиллеріи генералъ-маіоръ Конобихъ опредѣленъ въ свиту Е. И. Вел-ва.

— Въ Гостиномъ дворѣ, въ зеркальной линіи въ лавкѣ подъ № 37, продается вновь выгравированный портретъ е. и. выс-ва Константина Павловича по 1 р. 50 коп. экземпляръ.

— Продается книга: Похожденія новаго увеселительнаго шута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута, Совѣстдрала, большаго носа, забавное и критическое твореніе, 3 части въ пер. 1 р. 80 к.

3-го сентября. Е. И. В., за тогоднишній школьный маневръ (1 сент.) всей инфантеріи объявилъ высочайшее благоволеніе и пожаловалъ нижнимъ чинамъ на каждаго человѣка по фунту говядины и по чаркѣ вина, притомъ изволилъ объявить, что онъ за особенную честь и удовольствіе поставляетъ, находя всю гвардію подъ особенною своею командою въ такомъ совершенствѣ (№ 71).

7-го сентября. Генералъ-лейтенантъ графъ Буксгевденъ, по прошенію его, отставленъ отъ службы; а во уваженіе показанныхъ имъ 67 сраженій, въ коихъ онъ находился, позволено ему носить мундиръ. Генералъ-маіоръ гр. Бобринской отставленъ же отъ службы (№ 72).

— Е. И. В. объявилъ благодарность свою всей инфантеріи, найдя ее въ такомъ совершенствѣ, какъ угодно было Е. Вел-ву ее видѣть, надѣясь, что она останется и на всегда въ такомъ же положеніи.

— Е. И. В. изъявилъ свое удовольствіе генералъ-лейтенанту Обольянинову и провіантскимъ чинамъ, имъ употребленнымъ, за храненіе казны и знатное приращеніе оной хорошимъ распоряженіемъ и экономіей.

— Уральская сотня казаковъ всемилостивѣйше опредѣлена въ лейбъ казаки, которой и быть особо.

— Юліанѣ, назвавшейся Розенберговою, утруждавшей Е. И. В-во жалобою на Бѣлорусское правительство въ отсужденіи ея съ дѣтьми отъ наслѣдства, оставшагося послѣ секретаря Розенберга, съ которымъ была она токмо обручена, по высоч. повелѣнію отказывается, поелику невѣсты права на наслѣдство послѣ жениховъ своихъ не имѣютъ.

— Продается: вновь напечатанная ода, Е. И. В-ву студентомъ Пѣтуховымъ поднесенная и выс-го благоволенія удостоенная; цѣна 40 коп.

10-го сентября. Продаются книги: Переписка модъ, содержащая письма безрукихъ модъ, размышленія неодушевленныхъ народовъ, разговоры безсловесныхъ чепцовъ, чувствованія мебелей, каретъ, записныхъ книжекъ, пуговицъ и старозавѣтныхъ монетъ, кунташей, шлафоровъ, тѣлогрей и проч.; нравственное и критическое сочиненіе и проч. въ пер. 1 р. 40 коп. Бездушный говорящій или повѣсть булавки и ея знакомыхъ 4 части въ пер. 1 р. 60 коп. (№ 78).

— Желающіе разобрать старой сарай, гдѣ стоитъ монументъ государя императора Петра I, явились бы въ гофъ-интендантскую въ немедленномъ времени.

— Въ Сергіевской улицѣ, въ 4 кварталѣ, противъ самой церкви, въ каменномъ домѣ подъ № 397, продается 15 лѣтъ мальчикъ, также бекешъ, по-

крытый голубымъ гарнитуромъ съ особенными отворотами, соболиная шапка и трость камышевая съ золотымъ набалдашникомъ.

14-го сентября. Лейбъ-гусарскому полку состоять изъ 10 эскадроновъ, а каждый эскадронъ изо ста человѣкъ.

— 20-го сентября отпечатанъ будетъ портретъ ея и. выс-ва Елизаветы Алексѣевны, рисованный г. ла-Брюнь и гравированный г. Клауберомъ. Желающіе оной купить, могутъ относиться къ самому издателю въ академію художествъ. Цѣна первыхъ отпечатковъ по 10 р., а обыкновенныхъ по 5 р.

— Продается человѣкъ 25 лѣтъ большаго роста, парикмахеръ, который также хорошо шьетъ женскіе башмаки. О цѣнѣ спросить на В. О. въ 1 линіи въ д. Губкина.

17-го сентября. Гарнизоннаго генералъ-лейтенанта Врангеля 1 полку штабсъ-капитанъ Полоротовъ за дряхлостію отставленъ на инвалидное содержаніе (№ 75).

— Продается дворовой человѣкъ 19 лѣтъ и холостой, которой умѣетъ ѣздить во всякую упряжку, ростомъ 2 арш. 4 вершковъ. Спросить о немъ во 2 ад. части въ 3 кварт. подъ № 179.

21-го сентября. Въ Малой Милліонной въ д. подъ № 58 продаются мышеловки (№ 76).

24-го сентября. Генералъ адъютантъ Баратынской 3 переименованъ въ контръ-адмиралы, а флигель-адъютантъ Баратынской 4 въ капитаны во 2 рангъ, и опредѣлены въ балтійской корабельной флотъ въ дивизію краснаго флага (№ 77).

— У церкви Николая чудотворца, что въ Морской, въ школѣ продаются поваръ и двѣ дѣвки хорошаго поведенія.

28 го сентября. Дабы по флоту капитаны 1 ранга не могли долго оставаться въ одномъ чинѣ, возобновляется еще между капитаномъ и контръ-адмираломъ чинъ капитановъ-командоровъ, коихъ число не назначается (№ 78).

— Андреасу Георгу Коллерману—содержателю пансіона въ Ревелѣ, просившему о позволеніи выписанной имъ изъ чужихъ краевъ гувернантшѣ остатся въ Россія, отказывается потому, что всеобщій законъ для частнаго человѣка не перемѣняется.

— Бывшей польской службы полковнику Стрѣльбицкому, просившему о пожалованіи ему староства, отказывается для того, что таковыя милости дѣлаются за службу государю и отечеству.

— Служившему въ псковскомъ драгунскомъ полку корнетомъ и исключенному изъ службы по его желанію Клейгилсу, просившему объ опредѣленіи его въ Бемовъ полкъ, отказывается по ненадежности его къ службѣ, въ которой уже и опытъ онъ имѣлъ.

— Поручику Колмыкову, просившему о высочайшемъ повелѣніи опубликовать въ газетахъ, что онъ безвинно содержался въ домѣ сумасшедшихъ за разные его доносы, и дать ему въ статской службѣ мѣсто, отказывается потому, что въ желаніи и просьбѣ его нѣтъ здраваго разсудка.

— Капитану Юговичу, представлявшему разные прожекты и сверхъ того доносившему, что въ Тавріи въ городѣ Ѳеодосіи подъ башнею находятся скрытыя съ давнихъ лѣтъ сокровища, и просившему о пожалованіи

ему въ новороссійской губерніи казенной земли, отказывается, яко въ прошеніи, составленномъ изъ вздоровъ.

— Купцу Ершову, пославшему чрезъ почту къ государю им-ру книгу имъ сочиненную, объявляется, что она удостоена высочайшаго благоволенія, и чтобъ онъ доставилъ и слѣдующія сего сочиненія части.

— Провинціальному секретарю Тодорскому, просившему о высочайшемъ повелѣніи выдать ему изъ казны 2000 р. на отпечатаніе сочиненной имъ славено-россійской граматики, и надвор. сов-ку, герольдмейстерской конторы члену, Чоглокову, просившему объ опредѣленіи его къ такому мѣсту, которое бы извѣстно было государю императору и о дозволеніи ему въ свободные дни ѣздить въ село Колтуши, ему принадлежащее, прошенія ихъ, яко не дѣльныя, по высочайшему повелѣнію, возвращены съ наддраніемъ и со взысканіемъ съ нихъ за пересылку по почтѣ вѣсовыхъ денегъ.

— Продается лакей большаго росту, съ женой, умѣющій читать и писать; онъ же хорошій кучеръ и сапожникъ. Видѣть его можно за измайловскимъ параднымъ мѣстомъ, на Новыхъ мѣстахъ, въ д. прокурора Можайскаго.

1-го октября. Продаются книги: Мать, благополучно окончавшая свои бѣдствія рѣдкими приключеніями, 2 ч. въ пер. 2 р. 60 коп. Плоды меланхоліи, питательные для чувствительнаго сердца, въ перепл. 1 р. 60 к. (№ 79).

5-го октября. Кексгольмскаго мушкетерскаго полку поручикъ Фердинандъ, за дерзкой и не позволительной разговоръ, исключенъ изъ службы (№ 80).

— Е. И. В. объявляетъ свое удовольствіе лейбъ-гвардіи полкамъ, находившимся подъ высочайшимъ его начальствомъ въ мартѣ.

— Суздальскаго мушкетерскаго полку маіору Гокалову сдѣланъ выговоръ за присылку рапорта не по формѣ.

— Гусарскаго Шица полку полковникъ Купчиновъ, за неспособность и пьянство, по представленію шефа и инспектора, исключенъ изъ службы.

— Продается книга: Торжество невинности надъ невѣрностію или наказанная измѣнница, въ переплетѣ 2 р. 30 коп.

— На Петербургской сторонѣ по большому проспекту, проѣхавъ народное училище, на лѣвой сторонѣ, въ д. кол. сов. Антонова продается баба-кухарка и прачка, да дрожки поѣзжанные за дешевую цѣну.

8-го октября. Гребнаго Балтійскаго флота контръ-адмиралу Масалову сдѣланъ выговоръ какъ за дурное распоряженіе эскадрою гребныхъ судовъ, такъ и за медлительный приводъ оной изъ Рогенсальма къ кронштадтскому порту (№ 81).

— Шефъ бывшаго сѣверскаго драгунскаго полку генералъ-маіоръ Глазенапъ по дѣлу ген.-м-ра Боровскаго и по сентенціи отставленъ отъ службы.

— Казанскаго мушкетерскаго полку маіоръ Добровольской, по представленію шефа и инспектора, за пьянство исключенъ изъ службы.

— Отставному генералъ-маіору Боровскому, которой по коммисіи военнаго суда оказался невиннымъ, всемилостивѣйше позволено носить мундиръ.

12-го октября. Мушкетерскаго графа Эльмпта полку полковникъ Будберхъ за болѣзнію, которая препятствовала ему быть на смотру, отставленъ отъ службы (№ 82).

— Е. И. В. осмотря полки санктпетербургской инспекціи, объявилъ имъ свое удовольствіе, равномѣрно и инспектору е. и. выс-ву Александру Павловичу, кромѣ лейбъ гренадерскаго полку; преимущество же отдаетъ полку г.-м-ра Сукова, послѣ онаго полку гр. Эльмпта, за онымъ генералъ-маіора Вадковскаго, а за онымъ ген.-лейт. Будкевича; лейбъ гренадерской же полкъ находитъ такъ дурнымъ, что въ сравненіи его не поставляетъ и рекомендуетъ ему быть лучше.

— Е. И. В. объявилъ свое удовольствіе учившемуся того дня (8-го октября) лейбъ-кирасирскому Ея И. Вел-ва полку и пожаловалъ по одному рублю и по чаркѣ вина на человѣка, а въ знакъ особливаго своего благоволенія пожаловалъ на чепраки и на шашки какъ нижнимъ чинамъ, такъ и офицерамъ звѣзды на щетъ Е. И. Вел-ва.

— Октября 5-го числа, поутру, оброненъ карандашъ, оправленный въ заморскомъ горномъ деревѣ съ золотомъ и бриліантами, ѣдучи по Милліонной отъ дворца къ Литейной. Кто оной доставитъ въ домъ вице-адмирала де Рибаса, получитъ въ награжденіе 50 р.

15-го октября. Продается книга: Словарь танцовальный, содержащій въ себѣ исторію, правила и основанія танцовальнаго искуства, съ критическими размышленіями и любопытными анекдотами, относящимися къ древнимъ и новымъ танцамъ, въ переплетѣ 2 р. (№ 83).

19-го октября. Консисторіи канцеляристу Бѣлявскому, доносившему Е. И. В-ву на губ. секр. Грабскаго, яко бы не правильно получившаго чинъ, по высочайшему повелѣнію объявляется, чтобы онъ впредь отъ подобныхъ доносовъ, кои по справкѣ оказались ложными и единственно доказывающими его злонравіе, удержался; въ противномъ же случаѣ подвергнетъ себя строгому и законному взысканію (№ 84).

— Иностранцу Линденлаубу, просившему о покупкѣ у него въ казну фабрики, состоящей въ городѣ Гатчинѣ, или о пожалованіи ему чего либо на поддержаніе оной, отказывается для того, что Его Вел-во нужды въ фабрикѣ не имѣеть, да и отъ поддержанія оной пользы не предвидится.

— Дѣвицѣ Карловой, просившей заплатить за нея 40 р. долгу, отказано, потому что отъ трудовъ своихъ можетъ уплатить сама столь маловажный долгъ.

— Продается книга: Открытое таинство картами гадать или раскладывать, называемое узнать щастіе, 1 р. 20 к. въ переплетѣ.

— Сего октября 24-го числа г. Ліонъ будетъ имѣть честь дать почтенной публикѣ первой маскерадъ и проситъ быть въ маскерадныхъ платьяхъ. За входъ обыкновенно платятъ по 1 р.

22-го октября. По случаю болѣзни ген.-маіора Ромадоновскаго-Ладыженскаго назначенъ вмѣсто его инспекторомъ ген.-ад-тъ Костылевъ, которой перестаетъ быть генер.-ад-томъ, и носить ему общій кавалерійской мундиръ (№ 85).

— Лейбъ-гвардіи преображенскаго полку прапорщикъ Лавровъ за неспособностъ къ военной службѣ отставленъ гвардіи прапорщикомъ.

26-го октября. По донесенію ген.-лейт. барона Аракчеева, посланнаго инспекторомъ въ корпусъ генерала отъ инфантеріи Розенберха, Е. И. В. изъявилъ всѣмъ шефамъ полковъ и сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ командирамъ онаго корпуса, за основанія порядка службы и при-

веденіе оной въ желаемое Е. В-мъ совершенство, свое благоволеніе и признательность; солдатамъ же объявилъ, что увѣренъ уже будучи въ ихъ непоколебимой вѣрности, усердіи и храбрости, увѣренъ заранѣе и въ предстоящихъ новыхъ подвигахъ и побѣдахъ ихъ на истребленіе враговъ вѣры и благоденствія всемірнаго (№ 86).

— Продаются книги: Гузаратскія султанши или сны неспящихъ людей, монгольскія сказски, 4 ч. въ пер. 2 р. 80 к. Трогательныя наставленія для образованія сердца и спокойствія духа, въ переплетѣ 1 р. 70 к.

— Императорскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса учитель Екимовъ увѣдомляетъ, что онъ намѣренъ вырѣзать 2 большіе плана, изъ коихъ первой представляетъ осаду города Варшавы, а второй—переправу русскихъ войскъ чрезъ Вислу при мѣстечкѣ Максювичѣ и сраженіе Мазовецкое. Желающіе имѣть первые листы оныхъ, благоволятъ доставить ему по 5 р. за каждой, изъ которыхъ одинъ уже и начатъ и чрезъ 4 мѣсяца оконченъ быть можетъ.

29-го октября. Свиты е. и. в. генералъ-лейтенантъ Растопчинъ, всемилостивѣйше пожалованъ въ дѣйст. тайн. сов-ки (№ 87).

— Свиты Е. И. В. генералъ-лейтенантъ Котлубицкій и Канабихъ, назначены членами военной коллегіи по артиллерійской экспедиціи.

— Шефамъ гусарскихъ полковъ, имѣющимъ кивера, предписывается наблюдать слѣдующее: (дабы) гербы гусарскаго кивера, во время службы как въ конной, равно и пѣшей, были распущены; въ маршахъ же и на часахъ въ дождливое и вѣтреное время завертывать оные наружною стороною, а для бережливости ихъ, имѣть ревендучные чехлы изъ экономіи эскадроннаго командира.

2-го ноября. Отставлены отъ службы: генералы графъ Броницкой и гр. Потоцкой, генералъ-лейтенанты князь Сангушка 1-й и кн. Сангушка 2-й, генералъ-маіоръ Малчевской (№ 88).

— Отправляющій должность президента адмиралтействъ-коллегіи Голенищевъ-Кутузовъ произведенъ оной же коллегіи въ президенты.

— Отъ нынѣ впредь называться всѣмъ полкамъ, какъ инфантеріи, равно и кавалеріи по именамъ своихъ шефовъ.

— Находящемуся въ Мемелѣ графу Маржо, въ просьбѣ его о дозволеніи ему въѣхать въ Россію, отказывается. Служащему при сенатѣ тит. сов. Найданову, просившему монаршей милости, отказывается, потому что долженъ, отложа прихоти, довольствоваться получаемымъ по службѣ жалованьемъ. Отставному кол. рег. Чуваеву, просившему объ удовлетвореніи за бѣжавшихъ у него крѣпостныхъ людей, дается знать, что казна подобныхъ претензій удовлетворять отнюдь не обязана.

5-го ноября. Вдовѣ ген.-лейт. Коновницыной, чрезъ долги мужа своего пришедшей въ недостаточное состояніе и просящей пропитанія, отказывается потому, что мужъ ея навлекъ на себя долги не по другимъ какимъ-либо причинамъ, а единственно по собственному своему произволу (№ 89).

— Флота лейтенанту де-Бакману, служившему въ Швеціи капитаномъ и по замиреніи вступившему въ россійскую службу, коему обѣщанъ былъ чинъ капитанъ-лейтенанта, въ просьбѣ онаго отказывается, поелику прежде царствованія государя им-ра сіе случилось, то Е. И. В. во оное и не входитъ.

— С.-Петербургскому купцу Коровину, представлявшему, что въ церквахъ многіе нюхая табакъ наводятъ другимъ соблазнъ и умножаютъ ра-

скоп, отказывается потому, что все то, что противно благочинію и порядку, истребляется средствами, правительствомъ противу того употребляемыми.

— Чухломскаго купца Юдина аллегорическое сочиненіе: Разговоръ соловья съ кукушкой на берегу Великія рѣки и толкованіе на нѣкоторыя мѣста апокалипсиса, оставлено безъ уваженія, такъ какъ и первое нелѣпое и весьма вздорное.

— Вдовѣ капитана-лейтенанта Пахомовой, испрашивающей на проѣздъ въ Смоленскъ къ дочери ея монаршей милости, предоставляется требовать на сіе снабженія отъ оной дочери, къ которой ѣхать намѣрена.

— Отставному поручику Гинглингу, просящему дозволенія сыну его, обучающемуся въ Іенскомъ университетѣ лекарскому искуству остатся тамъ до мая мѣсяца будущаго года, объявляется, что высочайшаго соизволенія на сіе не послѣдовало.

9-го ноября. Усмотрѣно, что морскіе баталіоны именуются еще номерами, то симъ подтверждается, чтобъ имъ называться именами командировъ оныхъ (№ 90).

12-го ноября. Генералъ-лейтенантъ графъ Морковъ отставленъ отъ службы (№ 91).

— Инспекціи принца Конде полковникъ графъ Дефирмасъ-Первесъ уволенъ въ отпускъ для женитьбы въ Швабію на 4 мѣсяца.

16-го ноября. Е. И. Вел-ву высочайше угодно, чтобъ орденскій капитулъ производилъ переписку свою со всѣми мѣстами и особами по дѣламъ, единственно до ордена касающимся, сообщеніями въ учтивыхъ выраженіяхъ составленными, за исключеніемъ прав. сената и святѣйшаго синода, куда доносить репортами (№ 92).

19-го ноября. Е. И. В. объявилъ свое особое удовольствіе и похвалу военно-сиротскому дому и начальствующему онымъ (№ 93).

— Утопшій на разбитомъ фрегатѣ контръ-адмиралъ Овцинъ изъ списковъ исключенъ.

— Изъ Гамбурга, отъ 6 ноября. Въ Дункирхенѣ дѣлали опытъ верховой артиллеріи. Поставили маленькую пушку на сѣдельномъ лафетѣ. Жерло пушки обращено было къ задней части лошади. Для перваго выстрѣла положено было не много пороху, а для другаго удвоили зарядъ. Опытъ сей имѣлъ желаемой успѣхъ и лошадь снесла потрясеніе, но въ четвертой разъ положили такъ большой зарядъ, что лошадь упала. Симъ средствомъ стараются завести легкую артиллерію, которую бы можно было употреблять верхомъ.

23-го ноября. Шефамъ кавалерійскихъ полковъ предписывается имѣть смотрѣніе, чтобы всѣ офицеры полковъ ихъ имѣли собственныхъ строевыхъ лошадей, въ противномъ же случаѣ оныя будутъ куплены на щетъ шефовъ (№ 94).

— Контръ-адмиралу Вильсону, просящему о принятіи въ казну оставшагося въ Ахтіарскомъ портѣ дому его, отказывается, поелику оный домъ для казны не нуженъ, а по правамъ собственности можетъ самъ продать его кому хочетъ.

— У нѣмецкаго мясника Стріовскаго, въ Вознесенской улицы, въ д. подъ № 165 продается солонина по 20 коп. фунтъ, копченые окорока по 25 и по 30 к. ф., копченая говядина по 25 к. ф., копченые гуси и утки, каждая птица по 2 руб., большіе бычьи языки каждой по 75 к., колбасы съ чесно-

комъ и безъ онаго, шпекъ по 25 к. ф. и соленыя свиячьи ребра по 20 к. ф. Ежели у кого есть на продажу откормленные медвѣди, тотъ благоволилъ бы о семъ дать знать вышеупомянутому мяснику Стріовскому.

26-го ноября. Желающіе сдѣлать въ здѣшнемъ столичномъ городѣ по улицамъ рогатокъ, сколько назначено будетъ, изъ своихъ матеріаловъ и работными людьми, явились бы къ торгу въ контору городскихъ строеній (№ 95).

30-го ноября. Генералъ-фельдмаршалъ князь Репнинъ по прошенію его уволенъ отъ службы со всемилостивѣйшимъ позволеніемъ носить общей армейской мундиръ (№ 96).

— Кирасирскаго Бардакова полку корнетъ Глазовичъ, такъ какъ онъ управительской сынъ, отставленъ отъ службы.

— Всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, состоящихъ въ инвалидныхъ ротахъ при гарнизонныхъ полкахъ, не употреблять ни въ какія службы съ другими чинами при фронтѣ служащими, кромѣ настоящей ихъ службы и съ одними инвалидными-жъ.

— Дѣвицѣ Перковой и дѣвицѣ Суханеевой, просившимъ объ опредѣленіи ихъ ко двору въ прачки, по неимѣнію вакансій отказывается.

— Отрѣшенному отъ мѣста губ. секр. Евреинову, просившему объ опредѣленіи его къ оному по прежнему, отказано, поелику поступокъ, за которой удаленъ онъ отъ должности, дѣлаетъ его нетерпимымъ ни въ какомъ мѣстѣ.

— Принцессѣ Биронъ, просившей о прощеніи сына ея, отказано потому, что сей сынъ ея уже не въ первой разъ впалъ въ преступленіе. Гусарскаго Шица полку полковнику Милорадовичу, просившему позволенія пріѣхать сюда, объявляется, что на прошеніе его не воспослѣдовало высочайшаго соизволенія. Шарлотѣ фонъ Горъ, урожденной фонъ Нольде, просившей позволенія ѣхать въ чужіе краи къ теплымъ водамъ, объявляется, чтобы она пользовалась таковыми, внутри имперіи находящимися. Учителю математики Феклеру, доносившему яко бы найдена имъ новая система математическая, объявляется, что по разсмотрѣніи предложенія сего въ академіи наукъ, система его оказалась неосновательною.

— На сихъ дняхъ отпечатанъ: календарь на 1799 г. стараго цыгана, ворожеи, угадчика, въ пользу и увеличеніе молодыхъ молодушекъ и красныхъ дѣвушекъ. Продается онъ въ русскихъ книжныхъ лавкахъ на прост. бум. въ бумаж. пер. по 1 р. 20 коп.

3-го декабря. Е. И. В. всемил. пожаловать соизволилъ служащаго въ статѣ московской полиціи старшаго унтеръ-офицера Егора Алексѣева въ квартальные надзиратели въ Москву съ чиномъ городоваго секретаря (№ 97).

— Всеподданнѣйшій рапортъ ген. отъ инф. графа Гудовича, отъ 20 ноября 1798 г. изъ Каменецъ-Подольскаго. Получа сей день отъ находящагося въ Яссахъ консула Ваш. Имп. Вел-ва ст. сов. Северина извѣстіе, доставленное къ нему отъ Молдавскаго господаря, что 6 числа сего ноября прибыли къ Портѣ изъ Египта отъ Муратъ и Ибрагимъ-беевъ семь нарочныхъ съ донесеніями, 14-ю днями передъ тѣмъ писанными, что французы въ Египтѣ совершенно разбиты, и тамошніе беи заняли уже городъ Каиръ. И хотя господарь не имѣетъ еще обстоятельныхъ извѣщеній, но увѣдомленъ за вѣрное изъ Константинополя, что Бонапарте взятъ былъ въ плѣнъ Кегаемъ-Бекиръ паши, которой убивъ его, извѣстилъ о томъ беевъ внѣ Каира стоявшихъ, а

сіи тотчасъ напали со всѣми силами на французовъ и всѣхъ ихъ перебили. Долгомъ считаю о томъ всепод. донести Ваш. И. Вел-ву.

— Въ большой Коломнѣ, въ Канонерской улицѣ, въ 4 кварт., въ д. подъ № 257 продается дѣвка, изрядная кухарка, которая моетъ и гладитъ бѣлье и всякую домашнюю работу исправляетъ, притомъ говоритъ по нѣмецки; о цѣнѣ спросить въ томъ же д. у хозяина.

7-го декабря. По желанію лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку господъ офицеровъ перемѣняется мундиръ ихъ (№ 98).

— Продается книга: Негръ, или черной, какихъ мало бываетъ бѣлыхъ, 3 ч. въ пер. 3 р. 80 коп.

— Ежели кто желаетъ ставить для расхода при высочайшемъ Е. И. В. дворѣ: пиво ординарное, полпиво бѣлое и кислыя щти ситныя, тѣ бъ люди являлись въ придворную канцелярію съ законными о себѣ увѣреніями во всякіе дни кромѣ праздничныхъ.

— Въ Чернышевомъ переулкѣ, въ бывшемъ Щукина домѣ, у купца Осипа Безполовскаго продается сѣрой попугай, которой говоритъ днемъ и ночью по русски и по французски и хохочетъ, другой молодой, 4 зеленыхъ, 1 параклитка, канаду, египетскіе голуби, да еще мѣдная попугаячная клѣтка лутчаго мастерства, каковыхъ у торгующихъ никогда еще не бывало.

10-го декабря. Минувшаго ноября 29-го, по высочайшему повелѣнію была допущена на аудіенцію къ государю им-ру депутація капитула ордена св. Іоанна Іерусалимскаго [1] (№ 99).

— Астраханскаго порта аудитору Акуловскому, описывающему яко бы угнѣтеніе его безвинно коммисіею военнаго суда, и просящему для донесенія о происшедшихъ по оной случаяхъ, о истребованіи его въ С.-Петербургъ, отказывается потому, что есть ли нѣтъ его вины, то и по суду оправданъ быть можетъ.

— Изъ Лондона, отъ 9 ноября. Заподлинно увѣряютъ, что Бонапарте предложены были на выборъ три предпріятія: завоевать Англію, возмутить Польшу, или овладѣть Египтомъ. Онъ требовалъ времени на размышленіе и для разсмотрѣнія средствъ къ достиженію тѣхъ трехъ предпріятій.

— Изъ Лондона, отъ 23 ноября. Его вел-во король пожаловалъ адмиралу Нельсону и его потомству гербъ, на которомъ пальмовое дерево, развалившаяся батарея, сверхъ побѣдительнаго вѣнца турецкое перо, и проч. съ надписью: пальма заслужившему оную. Сверхъ того сдѣлалъ его в-во предложеніе въ нижней каморѣ, чтобъ оному адмиралу и его потомкамъ мужска полу, кои будутъ носить его титулъ, дана была вѣчная пенсія по 2 тысячи фунт. стерлинговъ ежегодно.

— На сихъ дняхъ издана книга подъ названіемъ: Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами (продажными). Сія книга представляетъ первую брака ночь, утѣхи отца и матери, и вообще удовольствія блаженнаго супружества; также разныя любопытныя уловки, проказы и шутки любовницъ тѣхъ, которыя обыкновенно изъ денегъ только любятъ. Изъ сего ясно

[1] Слѣдуетъ подробное описаніе аудіенціи.

видѣть можно выгоды и преимущества одной жизни предъ другою. Для вящщаго же убѣжденія помѣщена здѣсь достопамятныя премудрости Іисуса сына Сирахова и притчи Соломона, относящіяся къ предмету сея книги. Продается она въ книжныхъ лавкахъ, въ суконной линіи, противъ зеркальной линіи, и у католицкой церкви подъ № 3, въ бум. по 1 р. 40 коп., а во француз. пер. по 1 р. 65 коп.

— Выписка изъ письма, полученнаго изъ Гамбурга... Въ одно утро примѣчено было надъ воротами Люксембурга іероглифическое изображеніе, знаменующее пророчество паденія въ нынѣшнемъ году директоріи. Мерлинъ былъ первой, которой примѣтилъ его и разобралъ. Изображеніе представляло: Lancett, Laituë, Rat; изъ чего выходитъ: L'an sent les tuera (№ 100).

17-го декабря. Служащій при высочайшемъ дворѣ кандиторъ Петръ Ларіоновъ за старостію лѣтъ всемилостивѣйше уволенъ отъ службы съ чиномъ камеръ-фурьера 6 класса и съ произвожденіемъ получаемаго имъ нынѣ жалованья въ пенсіонъ по смерть (№ 101).

— Капитану Сумароцкому, въ третій разъ утруждавшему Е. И. В. объ опредѣленіи его къ должности, объявляется, что въ недѣльной его просьбѣ высочайше повелѣно отказать и съ наддраніемъ оную ему возвратить, подтвердивъ, чтобъ онъ впредь таковыми просьбами Е. В. затруднять не отважился.

21-го декабря. Е. И. В. объявилъ свое удовольствіе всѣмъ чинамъ, находящимся при сухопутномъ гофшпиталѣ за порядокъ и чистоту (№ 102).

— Поелику дѣйствіе извѣстнаго химическаго состава для истребленія клоповъ опытомъ довольно извѣдано, то присемъ объявляется, что оной удобенъ также и къ истребленію нѣкотораго рода небольшихъ муравьевъ, кои столь многихъ жителей обезпокоиваютъ. Потребно токмо вычистить то мѣсто, гдѣ таковыя насѣкомыя водятся, и потомъ разогрѣвши тотъ составъ, оное обмыть. Продается оной у Синяго моста въ табашной лавкѣ подъ № 156; склянка по 1 р.

24-го декабря. По отбытіи генерала квартирмейстера Германа быть въ должности генералъ-квартирмейстера генералъ-лейтенанту Аракчееву (№ 103).

— Оберъ-гардеробмейстера Кутайсова всемилостивѣйше жалуемъ въ наши егермейстеры, повелѣвая ему исправлять и прежде возложенныя на него должности.

— Желающіе имѣть у себя въ домѣ вертепъ, могутъ о семъ дать знать Казанской церкви пѣвческому учителю.

— Именной указъ отъ 15 ноября 1798 г.: Снисходя на прошеніе генералъ-маіора Римскаго-Корсакова, питомцамъ его Ладомирскимъ всемилостивѣйше жалуя право россійскаго дворянства, позволяемъ ему унаслѣдовать имъ что пожелаетъ изъ благопріобрѣтеннаго своего имѣнія.

28-го декабря. Желающіе взять построеніе въ здѣшнемъ городѣ по улицамъ откидныхъ рогатокъ на колесахъ, какъ то прежде бывало, числомъ 238, къ торгу могутъ явиться въ контору городскихъ строеній (№ 104).

31-го декабря. Тверской губерніи Венденскому крестьянину Филиппову, утруждавшему Е. И. В. объ освобожденіи зятя его изъ подъ стражи и уголовнаго суда, производимаго надъ нимъ за унесенной въ горячкѣ изъ церкви мѣшокъ съ деньгами, по высочайшему повелѣнію объявляется, чтобы зять его ожидалъ рѣшенія дѣла своего въ присутственныхъ мѣстахъ, которыя, конечно, окажутъ ему всякую справедливость, есть ли подлинно онъ не виноватъ (№ 105).

— Продаются книги: Старичокъ весельчакъ, разсказывающій давнія московскія были, 50 коп. Сова, ночная птица, повѣствующая русскія сказки, 35 коп.

Сообщ. 6-го окт. 1874 г. Г. И. С—нъ.

Поправки къ статьѣ: Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в.

„Русская Старина" т. XXXV, изд. 1882 г., сентябрь.

Стран. 461, строка 8 сверху: напечатано: благодаря обязательному вниманію П. А. Ефремова, ознакомиться съ подлиннымъ дѣломъ Радищева въ С.-Петербургской уголовной палатѣ.
читай: благодаря обязательному вниманію П. А. Ефремова, воспользоваться подлиннымъ дѣломъ Радищева, производившимся въ С.-Петербургской уголовной палатѣ.

» 467, строка 10 снизу: напеч.: изь, читай: изъ.

» — » 1 » » См. выше примѣчаніе 1-е на стр. 9 и 10.
читай: См. выше примѣчаніе на стр. 462.

» 471, строка 15 снизу: напеч.: Но Екатерина не обращала вниманія...
читай: но однако Екатерина не обратила вниманія.

» — строка 1 снизу: напеч.: Арх. 432, читай: Арх. Воронцова V, 432.

» 472, строка 22 снизу: напеч.: Спасская Полѣсть, читай: Спасская Полисть.

» 480, строка 12 снизу: напечатано: были опубликованы матеріалы, читай: были опубликованы В. И. Ламанскимъ матеріалы.

» 482, строка 6 сверху: напечатано: изъ его повинныхъ кн. Воронцова, читай: изъ его повинныхъ, приведенныхъ въ Архивѣ кн. Воронцова.

» 492, строка 13 сверху: напечатано: «съ гостинцами, читай: «съ гостинцами».

» 501, строка 4 снизу: напечатано: главноуправляющему, читай: главнокомандующему.

» 513, къ строкѣ 7 сверху, къ словамъ: такую же фразу сказала Екатерина судьямъ Мировича... П. А. Ефремовъ сообщ. намъ слѣдующее примѣчаніе: Припомнимъ, что и въ манифестѣ 19 декабря 1774 г., о преданіи суду Пугачева, сказано: «касающееся же до оскорбленія Нашего Величества, Мы, презирая, предаемъ оныя вѣчному забвенію».

» 520, строка 10 снизу: напечатано: въ примѣчаніяхъ къ «Живописцу»..., читай: въ примѣчаніяхъ П. А. Ефремова къ «Живописцу».

Памяти В. Н. Лешкова [1]).

Имя В. Н. Лешкова связано съ лучшею, свѣтлою эпохою въ жизни старѣйшаго русскаго университета.

Въ началѣ 1830-хъ годовъ началось обновленіе личнаго состава университета, появились первые проблески той гуманной мысли, высшимъ представителемъ которой былъ впослѣдствіи Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. Но это были только первые проблески. Вліяніе университета оказывалось однако благотворнымъ и тогда. «Слышалось, говорилъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ, хотя не сознательно, что молодыя силы собраны все же во имя науки, во имя высшаго интереса истины. Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна молодость человѣка, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человѣкъ». Въ этихъ прекрасныхъ словахъ одного изъ наиболѣе симпатичныхъ вождей славянофильства заключается вѣрное указаніе на ту историческую миссію, которая выпала на долю русскихъ университетовъ, московскаго въ особенности. Въ мрачное время господства крѣпостнаго права, въ эпоху, когда происхожденіе, чины и профессіи проводили между людьми почти непереходимую границу, университетъ былъ единственнымъ убѣжищемъ независимой мысли, только онъ воспитывалъ не воина и не чиновника, а человѣка, способнаго впослѣдствіи стать гражданиномъ.

Но ученыхъ силъ въ университетахъ было мало. Правительство, въ 1829 году, отправило за границу, для приготовленія къ профессорскому званію, Неволина, Богородскаго, Орнатскаго, Благовѣщенскаго, Знаменскаго. Они поѣхали въ Берлинъ, къ знаменитому Совиньи. Нѣсколько позднѣе, въ числѣ другихъ посланныхъ за границу молодыхъ людей, туда отправился Василій Николаевичъ Лешковъ.

Я не буду, конечно, передавать мелкихъ и внѣшнихъ подробностей жизни и службы моего покойнаго наставника и опишу только главнѣйшія изъ его произведеній, которыя доставили Василію Николаевичу почетную извѣстность, какъ ученаго, и открыли ему доступъ въ Общество Любителей Россійской Словесности.

[1]) Прочтено въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности, 31 января 1882 г.

Въ 1847 году молодой профессоръ произноситъ рѣчь «О древней русской дипломатіи». «Справедливость и нравственность, говорится въ этой рѣчи, осуществляемыя народами отдѣльно, еще не составляютъ послѣднихъ результатовъ развитія той нравственности и того права, которыя должны господствовать въ цѣломъ человѣчествѣ, въ сношеніяхъ государствъ и народовъ, не связанныхъ ни видимымъ единствомъ племени, ни единствомъ правительствъ». Рѣчь произвела впечатлѣніе и возбудила толки въ обществѣ и критическія замѣчанія въ печати. Плетневъ писалъ Василію Николаевичу изъ Петербурга (15 іюля 1847): «Приношу вамъ искреннюю благодарность за память обо мнѣ и за присылку прекрасной рѣчи вашей. На этомъ поприщѣ вы много окажете услугъ ученой литературѣ нашей. Я съ наслажденіемъ слѣдую за успѣхами вашими, какъ профессора и какъ писателя. Тутъ (я думаю):

„И моего хоть капля меду есть".

Шевыревъ говорилъ Василію Николаевичу: «Трудъ вашъ я прочелъ съ пользою для себя и съ внутреннимъ сочувствіемъ. Вы разработали предметъ, у насъ совершенно новый». Отозвавшись пренебрежительно объ отзывѣ Отечественныхъ Записокъ, не вполнѣ одобрительномъ для молодаго ученаго, Шевыревъ продолжаетъ: «Издатель Москвитянина намѣренъ дать отчетъ объ вашей Рѣчи, но не худо бы прибавить и отповѣдь безъименнымъ рецензентамъ. Пришло такое время, что ничего не надобно оставлять безъ отвѣта».

Нѣсколько иначе отнесся къ почтенной работѣ Василія Николаевича его бывшій наставникъ, стоявшій во главѣ Педагогическаго института, извѣстный И. И. Давыдовъ. Онъ отдаетъ должную справедливость труду Лешкова, но прибавляетъ: «При всемъ однако уваженіи, какое къ вамъ питаю, не обинуясь, сознаюсь, что я не раздѣляю съ вами мнѣнія касательно древней русской дипломатіи. Какая дипломатія между безграмотными? Замѣчаю, что вамъ хотѣлось угодить славянофиламъ; но ваша наука западная, а не восточная. И сколько прекрасныхъ данныхъ представила бы она вамъ на выборъ для рѣчи, еслибъ вы не вздумали пославянофилить».

Но Давыдовъ ошибался въ этомъ отношеніи. Василій Николаевичъ отличался замѣчательною искренностію и независимостію своихъ убѣжденій, и отъ него далека была мысль угождать какой-либо партіи. Лешковъ не былъ славянофиломъ, но онъ не былъ и западникомъ. Если говорить о принадлежности его къ какой-либо партіи, то такую партію можно было бы назвать русская народная либеральная партія. Это была та партія, основателями которой должно считать и лучшихъ славянофиловъ, и лучшихъ западниковъ. Знаменитый А. И. Гер-

ценъ писалъ о Хомяковѣ, Кирѣевскихъ и К. С. Аксаковѣ, по поводу смерти послѣдняго: «Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинакая. У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы—за пророчество,—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума».

Всю свою жизнь горячо отстаивая начало самоуправленія и самодѣятельности, Василій Николаевичъ это начало считалъ краеугольнымъ камнемъ исторіи русскаго народа. «Послѣ долгихъ и разностороннихъ изысканій, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій (Русскій народъ и государство), мы приходимъ къ заключенію, что отличительное свойство нашего народа, сообщившее особенность его исторіи, состоитъ въ общинности, въ общинномъ бытѣ, въ способности составлять общины и постоянно держаться общиннаго устройства, порѣшая все при посредствѣ общины». Но Василій Николаевичъ не впадалъ при этомъ въ ту ошибку, въ которую впадали нѣкоторые другіе писатели. Ему были хорошо извѣстны знаменитыя изслѣдованія Маурера. Въ сочиненіи объ общинномъ бытѣ древней Россіи, которое было напечатано въ журналѣ Мин. Н. Просв. за 1856 годъ (№ 9), прямо сказано слѣдующее: «Считаемъ умѣстнымъ отмѣтить историческое явленіе великой важности: это сходство и даже тожество нашей верви съ нѣмецкою маркою».

Изъ письма Василія Николаевича, который былъ не только ученымъ профессоромъ, но и общественнымъ дѣятелемъ и публицистомъ, я отмѣчу лишь слѣдующій фактъ, въ виду того, что его дѣятельность, какъ земскаго гласнаго и какъ предсѣдателя московскаго юридическаго общества, уже получила оцѣнку со стороны компетентныхъ лицъ. Въ письмахъ къ покойному,—къ сожалѣнію ихъ уцѣлѣло немного, и ихъ обязательно доставила мнѣ супруга Василія Николаевича,—находится, между прочимъ, записка Погодина. На ней рукою Василія Николаевича сдѣлана помѣта: «какъ принялъ я цензуру Москвитянина въ 1847 году». Цензора назначались въ то время изъ профессоровъ. Всѣмъ извѣстно, каково было положеніе нашей печати въ 1840-хъ годахъ. Тяжело приходилось даже Москвитянину. Погодинъ умоляетъ Лешкова согласиться быть цензоромъ журнала. «Иначе, говоритъ издатель, журналъ долженъ будетъ погибнуть, и грѣхъ будетъ на душѣ Василія Николаевича». Послѣдній не захотѣлъ брать на себя такого грѣха и далъ согласіе Погодину. Всякій, кто знаетъ, какой отвѣтственности подвергались цензора, въ какое жал-

кое положеніе становился добросовѣстный изъ нихъ, пойметъ долгое колебаніе Василія Николаевича. Всѣ тѣ стремленія, съ какими выступилъ Василій Николаевичъ на общественное поприще, всѣ тѣ идеалы, которыми онъ служилъ въ молодости, остались его идеалами и стремленіями до самой смерти. Онъ не сбрасывалъ съ себя убѣжденій, повинуясь духу времени или внушеніямъ честолюбія. Онъ твердо и неуклонно проводилъ свои идеи, но въ то же время отличался широкою терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ. Но какже иначе и могъ чувствовать и поступать ученый, для котораго достоинство человѣвѣческой личности было величайшею заповѣдью философской мысли? До конца жизни сохранилъ Василій Николаевичъ бодрость духа, чутко прислушиваясь къ новымъ запросамъ новой жизни. Онъ пережилъ много грустныхъ годовъ, когда на университеты было воздвигнуто гоненіе, когда былъ предписанъ комплектъ студентовъ, когда былъ предписанъ казенный комплектъ убѣжденій и знаній. Василій Николаевичъ не погнулся въ это тяжелое время. Онъ радостно привѣтствовалъ освобожденіе крестьянъ, — величайшій день въ исторіи нашего государства, — и возрожденіе земскаго начала, заглушеннаго въ концѣ московскаго и началѣ петербургскаго періода русской исторіи. Онъ предсказывалъ въ близкомъ будущемъ окончательное торжество этого начала, которое должно преобразовать свободную Россію и призвать къ новой государственной жизни. Если надежды покойнаго профессора и были, можетъ быть, слишкомъ свѣтлыми, то, во всякомъ случаѣ, его дѣятельность, его вѣра въ человѣка, его преданность истинѣ и народу, оказали не малое и плодотворное вліяніе. Василій Николаевичъ сберегъ и передалъ намъ завѣтъ лучшихъ людей 1840-хъ годовъ: гуманную науку.

В. А. Гольцевъ.

Москва. 13-го мая 1882 г.

Печатается и въ текущемъ 1882 году выйдетъ въ свѣтъ книга:

„РУССКАЯ СТАРИНА" ВЪ ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ 1870—1879.

Цѣна книги 2 руб.[1]).

«Русская Старина» изд. 1870—1879 гг. состоитъ изъ двадцати шести томовъ и къ нимъ приложеній: четыре тома «Записки А. Т. Болотова» и одинъ томъ «Записки Манштейна о Россіи», — а всего изъ тридцати одного тома. Въ этихъ томахъ, не считая частныхъ объявленій, 23,327 страницъ, что составляетъ 1,455½ листовъ, т. е. почти по 50 листовъ на каждый изъ тридцати одного тома изданія «Русская Старина» (1870—1879 гг.). При томахъ помѣщено до 260 художественныхъ приложеній: именно портретовъ, рисунковъ, видовъ и виньетокъ, плановъ, снимковъ: съ медалей, съ писемъ и съ отрывковъ изъ рукописей. Во всѣхъ помянутыхъ томахъ «Русской Старины» помѣщено: до 1700 воспоминаній, записокъ, изслѣдованій, историческихъ и біографическихъ очерковъ, некрологовъ, документовъ, произведеній изящной словесности и замѣтокъ.

Такое изобиліе историческаго матеріала, обнимающаго, независимо сообщеній до-петровскаго періода, время съ 1682 года до настоящей эпохи, разбросаннаго въ тридцати одномъ объемистыхъ томахъ, представляло много затрудненій для розысканій и для полученія необходимой справки,—что давно уже вызывало крайнюю потребность въ составленіи подробнаго, по возможности яснаго и удобнаго къ употребленію, Систематическаго указателя. Составленіе таковаго указателя вообще дѣло трудное, тѣмъ болѣе для «Русской Старины», содержащей однородный предметъ: исторію. Эго затрудненіе и полный недосугъ издателя-редактора замедлили на три года выпускъ Систематическаго указателя къ журналу «Русская Старина» за первое десятилѣтіе его существованія.

[1]) Лица, уже выславшія деньги на «Обзоръ-указатель Русской Старины» 1870—1879 гг., получатъ эту книгу по прежде объявленной цѣнѣ, т. е. за 1 руб.

Предлагаемый указатель состоитъ изъ трехъ частей:

I. Систематическо-хронологическій указатель, расположенный по отдѣламъ; въ немъ каждая статья имѣетъ впереди заглавія свой особый нумеръ.

II. Алфавитный указатель всѣхъ лицъ, сообщившихъ статьи или документы на страницы «Русской Старины», т. е. алфавитный списокъ всѣхъ сотрудниковъ журнала, включая переводчиковъ и художниковъ, украсившихъ «Русскую Старину» своими произведеніями; при именахъ ссылки на нумера статей первой части указателя, къ нимъ относящихся, и

III. Алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первой части указателя (кромѣ сотрудниковъ), съ ссылками на нумера статей первой части указателя и съ показаніемъ, въ необходимомъ случаѣ, статей или страницъ, на которыхъ упомянуто имя.

Первая часть указателя подраздѣляется, придерживаясь по возможности существующихъ систематическихъ оглавленій каждаго тома «Русской Старины», на слѣдующіе отдѣлы:

I. Записки и воспоминанія.

II. Историческія изслѣдованія.—Біографическо-историческіе очерки.—Жизнеописанія.—Некрологи.

III. Разсказы.—Очерки.—Замѣтки.

IV. Исторія церкви.—Духовенство.—Расколъ и старообрядство.

V. Акты.—Указы.—Рескрипты.—Донесенія.—Переписка.—Отдѣльныя письма и прочіе документы.

VI. Исторія отечественной словесности.

VII. Исторія искусствъ въ Россіи.

VIII. Библіографія.

IX. Родословія.

X. Художественныя приложенія.

XI. Статистика журнала «Русская Старина».—Заявленія и объявленія отъ редакціи.

Содержаніе каждаго изъ одиннадцати отдѣловъ слѣдующее:

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены Записки и Воспоминанія, охватывающія нѣсколько царствованій, либо по своей значительности составляющія сами по себѣ какъ бы монографію данной эпохи; распредѣлены онѣ въ хронологическомъ порядкѣ, согласно годамъ, въ которые Записки или Воспоминанія начаты, при чемъ при каждой статьѣ приведены всѣ вызванныя ею: поправки, дополненія или замѣтки; тутъ же упомянуты и оказавшіяся въ нихъ опечатки, указанныя на страницахъ «Русской Старины».

Тоже самое сдѣлано и во всѣхъ другихъ отдѣлахъ, т. е. подъ каждой статьей указаны: поправки, дополненія, замѣтки и опечатки.

Второй отдѣлъ вмѣщаетъ въ себѣ (см. выше):

1) Историческія изслѣдованія.

2) Историко-біографическіе очерки и жизнеописанія.

3) Некрологи.

Статьи этого отдѣла размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ.

Третій отдѣлъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ историческіе разсказы, очерки и замѣтки, не подходящія, по своей отрывочности или краткости, къ предшествующимъ отдѣламъ; статьи расположены по царствованіямъ и, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ.

Четвертый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ всѣ статьи, относящіяся собственно до исторіи церкви, до описанія нуждъ и положенія духовенства, а также статьи о расколѣ и сектахъ, а именно: изслѣдованія, біографіи, некрологи, разсказы, акты, переписка и письма духовныхъ лицъ; все это расположено въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ пятомъ отдѣлѣ помѣщены документы: акты, указы, рескрипты, донесенія, переписка и отдѣльныя письма. Всѣ документы и ссылки на статьи предъидущихъ отдѣловъ расположены по царствованіямъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Кромѣ того, введены рубрики для особо выдающихся лицъ на всѣхъ поприщахъ отечественной дѣятельности и для болѣе крупныхъ историческихъ событій.

Въ шестой отдѣлъ—исторія отечественной литературы—помѣщены всѣ статьи, касающіяся этого предмета: изслѣдованія, біографіи, переписка, письма, произведенія изящной словесности, некрологи писателей и ученыхъ.

Этотъ отдѣлъ подраздѣленъ на три рубрики:

1) Народная русская словесность: былины, пѣсни, преданія.

2) Писатели XVIII и XIX вѣковъ.

3) Къ исторіи печати въ Россіи.

Всѣ статьи 1-й и 3-й рубрикъ расположены по возможности въ хронологическомъ порядкѣ. Во второй рубрикѣ статьи и произведенія изящной словесности сгруппированы по именамъ писателей, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ третью рубрику внесены сообщенія объ отношеніяхъ цензуры къ отечественной литературѣ.

Седьмой отдѣлъ—исторія искуствъ въ Россіи—подраздѣленъ на двѣ главныя группы:

1) Исторія живописи,—музыки,—ваянія и гравированія.

2) Исторія русскаго театра.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ, въ хронологическомъ порядкѣ по рубрикамъ, всѣ статьи, до нихъ относящіяся: записки, воспоминанія, біографіи, разсказы, акты, замѣтки и письма.

Восьмой отдѣлъ вмѣщаетъ въ себѣ:

Библіографію и разборы сочиненій, вошедшіе въ текстъ «Русской Старины», и библіографическій листокъ, печатавшійся на обертках книгъ этого изданія.

Весь этотъ отдѣлъ изложенъ въ алфавитномъ порядкѣ фамилій сочинителей и переводчиковъ; заглавія журналовъ и сборниковъ введены въ алфавитъ. Ссылокъ на этотъ отдѣлъ въ остальныхъ частяхъ указателя нѣтъ.

Девятый одтѣлъ—родословія, какъ помѣщенныя въ текстѣ изданія, такъ и на особыхъ таблицахъ въ приложеніяхъ.

Въ десятомъ отдѣлѣ расположены по особымъ рубрикамъ, всѣ художественныя приложенія къ томамъ изданія: 1) Портреты историческихъ лицъ и изображенія медалей; 2) Рисунки, виды и виньетки; 3) Планы и 4) Снимки съ писемъ и рукописей,—съ указаніемъ гдѣ нужно: ихъ происхожденія, кѣмъ сдѣланы и т. п. подробности, съ ссылкою на нумеръ статьи, къ которой они принадлежатъ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что во всѣхъ отдѣлахъ, при статьяхъ, упомянуто какія при нихъ имѣются художественныя приложенія.

Въ послѣднемъ, одиннадцатомъ отдѣлѣ помѣщены всѣ статистическія данныя объ изданіи «Русской Старины», а также все то, что вышло отъ редакціи и собственно относится до изданія «Русской Старины»: обзоры, объявленія, списки сотрудниковъ, систематическія оглавленія, указатели личныхъ именъ.

Въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ, между прочимъ, помѣщены: I. Замѣтки, поправки и дополненія къ статьямъ и документамъ «Русской Старины» 1870—1879 гг., своевременно почему либо не попавшія на страницы нашего изданія.—II. Систематическое оглавленіе всего, что вошло въ «Русскую Старину» изд. 1880, 1881 и 1882 годовъ, т. е. до времени выхода въ свѣтъ настоящей книги, и III. Въ разныхъ мѣстахъ книги помѣщено нѣсколько портретовъ русскихъ дѣятелей—изъ числа тѣхъ гравюръ, какія были приложены къ книгамъ «Русской Старины» изд. 1870—1882 гг.

Михаилъ Семевскій.

Мерекюль,
23 іюля 1882 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1882 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

Рескрипты, переписка, разсказы, замѣтки.

Царствованіе Павла I.

Царствованіе Александра I.

Междуцарствіе въ Россіи съ 19 ноября по 14 дек. 1825 г.

Царствованіе Николая I.

Царствованія Александра II и Александра III.

Исторія русской литературы.

Исторія художествъ и искусствъ.

Портреты и гравюры.

Примѣчаніе. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ этомъ томѣ, см. при слѣдующемъ т. XXXVI-мъ, кн. декабрь.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. М. И. Богдановичъ. Князь Курбскій. Драма. Спб. 1882 г. 77 стр. въ 8 д. л. Замѣтка П. К. (На оберткѣ 7-й книги „Русской Старины“ 1882 г.).
2. Духоборцы. Ихъ исторія и вѣроученіе. Соч. Ореста Новицкаго. Изд. 2-е, передѣл. и дополн. Кіевъ, 1882 г. 282 стр. (Тамъ же).
3. Исторія русской церкви. Макарія, митрополит. москов. и коломенскаго. Т. XI. Спб. 1882. 628. (Тамъ-же).
4. Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. Ч. I. Казань. 1881. XIV+755+XLVII. (Тамъ-же).
5. О Святѣйшемъ Сүнодѣ и установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I (1722 — 25): Историко-юридическое изслѣдованіе Владиміра Попова. Спб. 1881. стр. 92. (На оберткѣ 8-й книги „Русской Старины“ 1882 г.).
6. Древнѣйшія русскія монеты вел. княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ. Графа Ив. Ив. Толстаго. Съ 19 таблиц. рисунковъ. Спб. 272 стр. in folio. 1882. (Тамъ-же).
7. Возмущеніе соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ. И. Я. Сырцова. Казань. 1881. 425 стр. Ц. 1 р. 50 к. (На оберткѣ 9-й кн. „Русск. Стар.“).
8. Сочиненія С. М. Соловьева. Спб. 1882. 536 стр. Ц. 3 р. (Тамъ-же). (Замѣтки №№ 2—8 составилъ и сообщ. профессоръ В. С. Иконниковъ).

ОПЕЧАТКИ.

Въ книгѣ „Русская Старина“ 1882 г., іюль, статья „Памяти М. Д. Скобелева“ напечатана почти наканунѣ выхода книги, такъ что статья эта даже не наименована въ оглавленіи па оберткѣ. Вслѣдствіе таковой спѣшности въ нее вкралось нѣсколько опечатокъ:

Стран.	строка.		Напечатано:	Должно быть:
227	19	сверху	штаву	штабу
—	20	»	большею	большую
—	19	снизу	промакають	промокають
—	14	»	вьючныя	вьючныя
—	8	»	аткаваннымъ	атакованнымъ
228	25	снизу	вѣщей	вещей
—	24	»	Адреанополѣ	Адріанополѣ
—	18	»	Оттаманской	Оттоманской
229	9	сверху	сосдать	создать
—	12	»	включительное	исключительное
—	15	»	сложившимся	сложившимися
—	21	»	перменѣ	перемѣнѣ
—	21	снизу	настойчивыхъ	настойчивымъ
—	18	»	Европпейской	Европейской
230	3	сверху	операціойный	операціонный
—	15	»	мифическое	мифическою
—	1	снизу	Виковича	Виткевича
231	12	сверху	врдугъ	вдругъ
232	14	»	Андріанополь	Адріанополь
—	12	снизу	—	—

Сообщ. Ад. В.

лекцій (числомъ четыре), посвященныхъ утвержденію княжеской власти у русскихъ славянъ и вліянію ея на гражданскій быть страны; значенію христіанства въ томъ же отношеніи; возникновенію гегемоніи сѣверной Руси; потрясенію Московскаго государства въ смутную эпоху и сближенію его съ Западомъ, въ силу историческихъ потребностей и условій, въ какихъ находилась Россія въ XVII вѣкѣ.

Чтенія эти происходили въ 1851 году. Въ непосредственной же связи съ ними стоитъ другой рядъ чтеній, происходившихъ спустя 20 лѣтъ и посвященныхъ «Петру Великому». Историкъ ставитъ появленіе въ нашей исторіи «преобразователя» въ непосредственную связь съ предшествовавшею исторіею народа органически связываетъ ихъ. Для уясненія значенія Петра В., говоритъ онъ, мы должны обратиться къ предшествовавшей ему исторіи русскаго народа... Для полученія удовлетворительнаго отвѣта не должно мудрствовать, надобно смотрѣть какъ можно проще. Все органическое подлежитъ развитію, подлежитъ ему отдѣльный человѣкъ, подлежатъ ему и народы... Петровское преобразованіе было не иное что, какъ естественное и необходимое явленіе въ народной жизни, въ жизни историческаго, развивающагося народа, именно переходъ изъ одного возраста въ другой, изъ возраста, въ которомъ преобладаетъ чувство въ возрастъ, въ которомъ господствуетъ мысль. Я указалъ на тождественное явленіе въ жизни западныхъ европейскихъ народовъ, которые совершили этотъ переходъ въ XV и XVI вѣкахъ. Россія совершила его двумя вѣками позже.... Но движеніе народовъ по историческому пути нельзя сравнивать вообще съ бѣганьемъ дѣтей взапуски или конскими бѣгами, къ которымъ прилагается слово «отстать»; въ историческомъ движеніи можетъ быть совершенно другое: здѣсь внутреннія силы, средства могутъ быть равныя или даже ихъ можетъ быть больше у того, кто движется медленнѣе, но внѣшнія условія разныя, и онѣ-то заставляютъ двигаться медленнѣе, задерживаютъ»... Въ своихъ чтеніяхъ авторъ не даетъ систематическаго очерка эпохи реформы; но разсматриваетъ ея главные элементы въ отношеніи къ древней Руси и, по обыкновенію, къ которому любилъ онъ прибѣгать въ своихъ историческихъ очеркахъ, дѣлаетъ сопоставленія и аналогіи съ фактами и явленіями въ исторіи и жизни другихъ государствъ и народовъ.

«Историческія письма», появившіяся въ 1858 г., по поводу извѣстной книги Риля (Die Naturgeschichte des Volkes), опять обращаются къ историческимъ параллелямъ и трактуютъ о разныхъ элементахъ древне-русскаго быта (дружинѣ, мѣстничествѣ, старыхъ и новыхъ городахъ, общинѣ, крестьянствѣ). Статья «Прогрессъ и религія» вызвана была появленіемъ XII тома сочиненія Лорана (Etudes sur l'humanité) и представляетъ историческую защиту христіанства. Статья «Восточный вопросъ», написанная въ 1876 г., стоитъ въ связи съ интересомъ дня—восточными дѣлами передъ разрывомъ Россіи съ Турціею. Она посвящена дипломатической исторіи этого вопроса въ царствованія Александра I и Николая I до 1829 года.

По болѣе трети всего тома занимаютъ «наблюденія надъ историческою жизнію народовъ», печатавшіяся въ теченіи 1868—1876 гг. въ «Вѣстникѣ Европы». Основные мотивы этого труда авторъ выразилъ въ его первыхъ строкахъ. «Самый лучшій способъ для народа, говоритъ онъ, познать самого себя—это познать другіе народы и сравнить себя съ ними». Въ своемъ введеніи къ этому труду авторъ дѣлаетъ возраженія на слабыя стороны произведенія Бокля. Затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, главнымъ образомъ съ философско-исторической, а не фактической стороны, разсмотрѣны слѣдующіе народы и государства: Древній міръ. Востокъ: Китай, Египетъ, Ассирія и Вавилонъ, Финикія, Арійцы въ Азіи (Индія, Мидяне и Персы); Западъ.—Арійцы древняго міра (Греки, Римъ). Новый міръ—Варвары, Италія и Галлія, Франція и Германія. И въ этихъ очеркахъ авторъ не оставляетъ указывать на сходныя явленія въ русской исторіи (стр. 481, 485—86, 487—88, 509, 512, 513, 514, 515, 522, 523, 524, 525—526).

Таково содержаніе вышедшаго тома сочиненій Соловьева. Къ нему приложены портретъ и факсимиле автора; но нѣтъ біографіи.

В. И.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**